Научный совет РАН по проблемам Российской и мировой экономической истории
Министерство образования и науки Челябинской области
Челябинский государственный университет
Центр экономической истории

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ЭКОНОМИКИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РОССИИ XX ВЕКА

Сборник материалов II Всероссийской научной конференции

Челябинск, 2012

УДК 930.1(063)
ББК 63я43
М 74

Издание осуществлено при финансовой поддержке РФФИ
Проект № 12-06-06068-г

М74 **Мобилизационная модель экономики**: исторический опыт России XX века : сборник материалов II Всероссийской научной конференции / под ред. Г. А. Гончарова, С. А. Баканова. – Челябинск : Энциклопедия, 2012. – 662 с.
ISBN 978-5-91274-163-0

В сборнике научных статей представлены материалы второй Всероссийской научной конференции «Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века», состоявшейся 23–24 ноября 2012 года в Челябинском государственном университете. Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов исторических и экономических отделений высших учебных заведений.

УДК 930.1(063)
ББК 63я43

ISBN 978-5-91274-163-0

СОДЕРЖАНИЕ

Материалы пленарного заседания

Секция 1.
Методологические проблемы
изучения мобилизационных моделей экономического развития

Секция 2.
Государственный и негосударственный сектора экономики
в плановой и в рыночной системах

МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Седов В. В.
Бокарев Ю. П.
Бородкин Л. И.
Безнин М. А.
Димони Т. М.

В. В. Седов

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА ПРОШЛОГО – ТРЕБОВАНИЕ НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО

СССР дал миру уникальный опыт формирования и использования мобилизационной экономики в ответ на возникшие тогда угрозы существованию страны. Суть этих угроз предельно четко была сформулирована И. В. Сталиным в феврале 1931 г.: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние за 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». С поставленной задачей удалось справиться благодаря мобилизационным сверхусилиям, позволившим всего за две пятилетки создать по существу новую экономику.

Общее представление о количественных изменениях в экономике СССР дает табл. 1.

Таблица 1

Показатели экономического роста в СССР в 1928–1940 гг.

Показатели	1928	1937	1940
Валовой общественный продукт	1	3,4	4,5
Национальный доход	1	3,9	5,1
Основные производственные фонды	1	1,7	2,4
Продукция промышленности	1	4,5	6,5
Валовая продукция сельского хозяйства	1	1,1	1,3
Капитальные вложения	1	5,2	6,7
Розничный товарооборот	1	2,0	2,3

Источник: Народное хозяйство СССР за 70 лет : юбилейн. стат. ежегодник. М. : Финансы и статистика, 1987. С 41.

Ее данные говорят о росте не только промышленного, но и сельскохозяйственного производства, хотя именно из села в основном черпались трудовые и иные ресурсы на развитие всей экономики. Валовая продукция сельского хозяйства в неизменных ценах увеличилась с 15 млрд р. в 1928 г. до 23 млрд р. в 1940 г.[1]

До сих пор много пишут о «лукавых цифрах», характеризующих динамику экономики СССР 1930-х гг., о том, что эта динамика отражалась в текущих ценах и не учитывала влияние инфляции. Между тем никакая инфляция не может исказить число заводов и целых городов, которые были построены до войны с конца 20-х гг. и ставших свидетельством не только количественных изменений, но и качественного преобразования экономики. За годы довоенных пятилеток в стране появились 250 новых городов с современными крупными предприятиями. Так, в годы первой пятилетки (1928–1932 гг.) было построено 1,5 тыс. крупных промышленных предприятий, в 1933–1937 гг. – 4,5 тыс., в 1938–1940 гг. – 3 тыс.[2] В их числе были те, которые обеспечили выпуск лучших в мире самолетов, танков, ствольных, а затем и ракетных орудий. Страна почти полностью освободилась от необходимости импорта техники.

Качественно преобразилось трудовое население страны. За период с 1928 по 1940 г. численность рабочих и служащих в народном хозяйстве возросла с 10,8 млн до 31,2 млн человек[3]. В ходе культурной революции стремительно повышался уровень образования населения. К концу 30-х гг. такое явление, как неграмотность, почти исчезло, а это само по себе явилось мощным фактором роста производства. По расчетам С. Г. Струмилина, которые он провел в начале 30-х гг., обучение рабочих простой грамоте вело к росту производительности труда на 24 %, а получение ими среднего образования повышало производительность труда на 67 %[4].

Шла подготовка специалистов для работы на новых промышленных и сельскохозяйственных предприятиях. В том числе готовились инженерные и научные кадры, способные создавать новую отечественную технику, включая технику военного назначения. Число инженеров увеличилось в 7,7 раза, агрономов в 5 раз, научных работников в 3,5 раз, работников культуры в 8,4 раз. К началу 1941 г. число специалистов с высшим и средним образованием достигло 2,4 млн человек по сравнению с 521 тыс. в 1928 г.[5]

Нельзя не учитывать то, что речь идет не просто о кадрах, но о людях, заряженных духовной энергией, называвшейся тогда энтузиазмом. Период 30-х гг. известен как период массового социалистического соревнования, пришедшего на смену капиталистической конкуренции, новаторства, стахановского движения, способствовавшего росту интенсивности и производительности труда. Энтузиазм строителей первых пятилеток, характеризующий особый психологический настрой, стал своеобразным мобилизационным сверхресурсом, с помощью которого строились новые предприятия и целые города, создавалась новая экономика и по существу новое государство.

Именно мобилизационный характер советской экономики позволил одержать победу над врагом, сумевшим покорить почти всю Европу и использовать ее ресурсы в военных целях, а затем быстро восстановить экономику и обеспечить военный паритет с крупнейшей державой мира и блоком НАТО.

В последующем мобилизационная экономика обеспечила довольно высокий уровень производства потребительских благ, прежде всего, продуктов питания. Об этом свидетельствуют данные за 1989 г., который можно считать завершающим годом существования мобилизационной экономики. По уровню потребления продуктов питания СССР вышел на 7 место в мире.

Таблица 2

Производство продуктов питания на душу населения в ведущих странах мира в 1989 г.

Продукты (кг)	СССР	США	Англия	ФРГ	Япония
Зерно	683	842	380	462	114
Картофель	219	65	105	125	33
Мясо (уб. вес.)	69	122	68	97	31
Молоко	374	268	263	400	60
Сахар (песок)	29	24	22	50	7
Масло (жив.)	6,3	2,0	2,6	6,0	0,6
Улов рыбы	40	24	24	3,4	97
Яйца (шт.)	292	270	214	нд	нд

Источник: Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. Кн. 2. От Великой Победы до наших дней. М. : Алгоритм, 2002. С. 349.

Полной противоположностью явились первые 10 лет «реформирования» экономики постсоветской России на рыночных основаниях. Произошло почти двукратное падение производства. Причем наиболее стремительно сокращались высокотехнологичные, наукоемкие и экологичные производства. Почти полностью прекратился выпуск ЭВМ, станков с ЧПУ, многих видов высокосортного проката. Произошло существенное снижение товаров потребительского назначения.

Особенно пострадало сельское хозяйство. По существу произошла не только его деколлективизация, но и деиндустриализация. Критической отметки достиг износ сельскохозяйственной техники, производительность труда снизилась более чем на 30 %. На 33 млн га, то есть на 25 %, сократилась посевная площадь сельскохозяйственных культур. На 50 % упало поголовье продуктивного скота и птицы. В 20 раз уменьшились капиталовложения в АПК, объем мелиоративных работ сократился в 30 раз, парк основных видов сельскохозяйствен-

ных машин – на 40–60 %[6]. Общее падение объема валовой сельскохозяйственной продукции во всех категориях хозяйств с 1992 по 2001 г. составило 43 %. В том числе производство мяса упало в 5 раз, цельномолочной продукции и животного масла – в 3 раза. В результате, согласно данным Министерства сельского хозяйства РФ, потребление мяса в 2001 г. оказалось почти в 2 раза ниже рекомендуемой медицинской нормы. Если в 1990 г. на душу приходилось около 75 кг мяса в год, то в 2001 г. – 44 кг при норме рационального питания 80 кг на человека. Молока и мясопродуктов в РФ потребляли в 2001 г. около 54 % от рациональной нормы, яиц – 77 %, овощей 58 %. Если в 1990 г. общая калорийность питания среднего жителя России составляла 3350 ккал., то в 2001 г. – немногим более 2200 ккал. По уровню питания на душу населения Россия оказалась на 71-м месте в мире.

Один из наиболее опасных для страны результатов «реформирования» экономики – утрата практически всех видов национальной безопасности: экономической, технологической, продовольственной, информационной, культурной и т. д. Так, экономическая безопасность зависит от доли импортных товаров в общем объеме товарных ресурсов. Считается, что для крупных стран доля импорта в потреблении какого-либо товара или товарной группы, особенно по продовольствию, не должна превышать 30 %. Рубеж безопасности в России в 90-е гг. был перейден по многим видам продукции, общий уровень реальной независимости страны оказался в пределах 30–50 %[7]. С понижением уровня экономического и военного потенциала слабел государственный суверенитет страны.

Проблема сохранения государственности в России усугубилась тем, что в ней осталось менее половины всего населения СССР, на которое пришлось 76 % территории союзного государства. Проблемой номер один стал дефицит населения вообще и дефицит населения, необходимого для сохранения государственности и целостности страны в частности. Возникло очевидное несоответствие между численностью населения, с одной стороны, и размерами территории, наличием огромных пространств, нуждающихся в освоении, с другой. Немаловажным с точки зрения сохранения целостности страны явилось и то обстоятельство, что утрата территорий Средней Азии, Кавказа, Украины, Белоруссии, Молдавии привела к тому, что Россия оказалась северной страной с самым холодным климатом.

Сейчас 1990-е гг., вполне официально названные «лихими», представляются далеким прошлым. Их сменили «нулевые» годы, которые характеризуются как период «вставания страны с колен», поскольку спад производства сменился экономическим ростом. Но что это был за рост? Он носил экспортоориентированный характер, характеризуясь значительным превышением экспорта товаров над импортом, так что чистый экспорт достиг 10 % ВВП. Причем рост экспорта во многом был обеспечен увеличением вывоза нефти и газа и довольно значительным повышением цен на них на мировых рынках. Если в 2000 г. вывоз сырой нести составлял 144,4 млн т, а нефтепродуктов 62,6 млн т, то в 2011 г. их вывоз возрос соответственно до 244 млн и 132,1 млн т. За это же время страна вышла на первое место в мире по экспорту газа. В итоге доля топливно-энергетических товаров в общем объеме экспорта достигла в первом квартале 2012 г. 67,5 % по сравнению с 41 % в 1992 г. Зато экспорт машин, оборудования и транспортных средств, по которому обычно оценивают степень развитости экономики стран, сократился с 8,8 % в 2000 г. до 5,7 % в 2010 г. Напомним, что в 1990 г. эта доля составляла 20 %. За последнее десятилетие наряду с экспортом стремительно нарастал и импорт, причем не только промышленных товаров, но и сельскохозяйственных, в том числе в 3 раза стали больше завозить из-за рубежа мяса и молока. Это означает, что проблема продовольственной безопасности еще более усугубилась.

Период «вставания с колен» ознаменовался также ростом влияния иностранного капитала на российскую экономику – его доля в общем объеме капитала по всем отраслям достигла 70–80 %. Это в немалой мере обусловило довольно значительный отток капитала за пределы страны, поскольку получаемая иностранцами прибыль стала вывозиться из

страны в объемах, намного превышающих ввоз иностранного капитала в страну. По части вывоза капитала не отставал отечественный бизнес и государство, которое вкладывало средства валютного фонда в иностранные ценные бумаги, главным образом в облигации США. В итоге, согласно официальным данным, только в 2011 г. вывоз капитала достиг почти 100 млрд долл. В 50 млрд долл. оценивается вывоз капитала из страны в первой половине 2012 г. Если к чистому вывозу товаров и капитала добавить эмиграцию из страны миллионов высококвалифицированных кадров, ежегодный ущерб от которой для страны оценивается в 50 млрд долл.[8], то есть все основания говорить о том, что в период «вставания с колен» страна превратилась в типичного неоколониального донора стран «золотого миллиарда». При том, что те угрозы, которые возникли в 1990-е гг., не были устранены. Так что к началу третьего десятилетия «реформ» к накопившимся проблемам добавились новые, не менее серьезные.

Прежде всего, выделяются проблемы, обусловленные неблагоприятной для страны структурой экономики – преобладанием в ней роли топливно-сырьевых ресурсов и зависимостью положения страны от цен на них на мировых рынках. Не удивительно поэтому, что мировой кризис 2008–2009 гг., приведший к падению спроса на эти ресурсы, наиболее сильно ударил именно по экономике России.

Продолжается старение производственных фондов страны. Степень износа основных производственных фондов такова, что на их обновление требуется направлять почти 50 % ВВП, что представляется практически невозможным. Особенно катастрофическим признается состояние водозащитных сооружений, прежде всего плотин. Так что наряду с экономическими возникают и экологические угрозы.

Одна из причин крайней степени изношенности оборудования – элементарное «проедание» капитала через использование фонда амортизации на выплату заработной платы работникам предприятий и их руководству. В определенной степени этому способствовало принятие закона о наказуемости руководства предприятий за невыплату и задержки зарплаты. В результате возник замкнутый круг – если использовать амортизацию по своему назначению, то есть на обновление основных производственных фондов, то может произойти резкое падение текущего потребления населения. В то же время, если и дальше финансировать текущее потребление за счет амортизации, то в скором времени производственные мощности сократятся, а, значит, произойдет падение объемов производства и потребления.

Крайних пределов достигла дифференциация экономического положения не только населения, но и предприятий и регионов. Так, децильный коэффициент, характеризующий имущественное расслоение населения, составляет только по официальным данным 17. Доля убыточных предприятий все последние 10 лет не опускалась ниже отметки 40 % общего числа предприятий. Что касается регионов, то и между ними столь же значительны различия в уровне экономического развития. В результате уровень душевого потребления жителей разных регионов отличается в 10 и более раз. Примерно таков же разрыв в уровнях средней заработной платы в разных регионах. Все это ведет к социальной нестабильности общества, к усилению разрыва экономических связей между регионами, что несет угрозу территориальной целостности страны.

Вся совокупность накопившихся в обществе проблем выдвигает три взаимосвязанные задачи: первая – сохранение территории и населения страны, вторая – обеспечение ее суверенитета и национальной безопасности, третья – модернизация экономики на пути развития высокотехнологичных производств и увода ее от ресурсной направленности. Из этих задач выделяется третья, поскольку от нее зависит решение первых двух задач. В этой связи С. Ю. Глазьев указывает на необходимость стратегии опережающего развития на основе перехода к новому – шестому технологическому укладу, на который сейчас переходят наиболее развитые страны. «В сложившихся условиях, – пишет он, – выход на траекторию

устойчивого роста экономики и благосостояние общества возможно только на основе концентрации имеющихся ресурсов на прорывных направлениях производства нового технологического уклада»[9]. На такой переход он отводит 15 лет. В случае, если этого перехода не произойдет, то за Россией навсегда закрепится статус неоколониальной страны.

Таким образом, состояние экономики и характер угроз будущему страны обусловливают необходимость обращения к опыту формирования мобилизационной экономики в 30-е гг. прошлого века. Именно мобилизационность предстает как необходимый фактор перевода экономики России с ресурсно-сырьевого на инновационный путь развития с перспективой вывода страны в ранг мировых технологических лидеров. Мобилизационность тем более необходима, что закрепление лидирующих позиций России в мировой технологической гонке немыслимо без укрепления оборонного потенциала страны в объеме, достаточном для обеспечения национальной безопасности и суверенитета.

В этой связи возникает вопрос: а возможен ли в современной России переход к мобилизационной экономике? Чтобы ответить на него, напомним те основные условия и признаки, при которых формируется такая экономика.

1. Наличие угроз существованию страны и их осознание руководителями государства.

2. Постановка этими руководителями цели по устранению угроз или противодействию им.

3. Разработка государственного плана или программы достижения поставленной цели.

4. Организация соответствующими государственными органами действий по мобилизации ресурсов страны, необходимых для выполнения плана или программы.

5. Создание особого духовного подъема среди всех слоев населения, обеспечивающего готовность прилагать дополнительные усилия и даже идти на определенные жертвы ради достижения поставленной цели. Данный пункт имеет особое значение для успеха мобилизационной политики. Опыт СССР показывает, что для такого подъема требуется объединяющая все население страны идея. Далеко не случайно вопрос о национальной идее то и дело возникает в различных кругах современного российского общества.

Посмотрим в том же порядке, насколько нынешнее положение в стране отвечает перечисленным условиям.

1. Можно констатировать понимание власть имущими существующих перед страной угроз. Об этом говорится во многих выступлениях руководителей страны, в том числе в предвыборных статьях В. В. Путина.

2. В этих же выступлениях говорится о жизненной важности модернизации экономики, укреплении армии и страны в целом. Сохранение целостности и национального суверенитета России как государства уже сейчас предстает в качестве национальной идеи. Она способна достаточно четко обозначить цель государственной мобилизационной политики, ради достижения которой готовы объединиться самые различные классы и социальные группы российского общества.

3. Проявлением необходимости специальной программы можно считать принятую в 2008 г. «Стратегию социально-экономического развития России до 2020 г.», в которой в качестве главной выдвигается задача модернизации экономики и ее возвращения в число мировых технологических лидеров.

На основе этой «Стратегии» могла бы быть разработана мобилизационная программа, направленная на приведение в действие производственного и научно-творческого потенциалов страны. Составление такой программы требует точного знания состояния производственного аппарата в самых различных отраслях экономики, что предполагает инвентаризацию основных производственных фондов страны. С учетом этого можно было бы определить приоритеты инвестиционной деятельности: что должно быть восстановлено, что обновлено, реконструировано или создано заново. По многим оценкам, включая данные

Минэкономразвития РФ, инвестиционные потребности России составляют 100 млрд долл. в год. Значительную часть этих средств требуется направить на приведение в действие все еще достаточно мощного научного и интеллектуально-творческого потенциала, на практическое использование технологических достижений ряда наукоемких отраслей России, определяющих стратегические направления мирового прогресса. Особого внимания в этой связи заслуживают отрасли ВПК, способные предлагать новейшие технологии, в том числе так называемые макротехнологии. Под ними понимается совокупность всех технологических процессов (НИОКР, подготовка производства, производство, сбыт и послепродажное обслуживание) по созданию определенного вида продукции с заданными параметрами.

Ставка на создание и превращение в товарный продукт макротехнологий предполагает соответствующий уровень того, что называется человеческим фактором. Поэтому программа должна предусмотреть сдвиг в структуре общественного потребления в пользу образования, науки, информационных услуг, здравоохранения и экологии. Это, в свою очередь, требует совершенствования системы управления на всех уровнях и сферах экономики, ориентации на творчество, на поиск нового, на развитие инновационной культуры, поддержки творческого лидерства, финансовой помощи креативным организациям. В этой связи в программе должны быть предусмотрены меры по созданию инфраструктуры инновационной деятельности. Именно она призвана обеспечивать продвижение имеющих товарную форму знаний и технологических достижений на мировой рынок, привлекать зарубежных потребителей интеллектуальной продукции в Россию, обеспечивать размещение иностранных заказов на проведение НИОКР российскими научно-техническими организациями.

4. Возникает вполне естественный вопрос об источниках финансирования подобной программы. Очевидно, что важнейшим источником должен стать государственный бюджет и государственная собственность. Последнее подтверждается тем, что ТЭК и другие сырьевые отрасли дают 2/3 получаемой в стране прибыли. Но, несмотря на это, налоги за недропользование и плата за ресурсы составляют незначительную часть поступлений в госбюджет. Между тем еще академик С. Д. Львов оценивал годовой недополученный рентный доход в 40–45 млрд долл.[10] Сейчас при более высоком уровне цен на природные ресурсы величина природной ренты оказывается намного больше.

Значительную ренту, не уступающую по своим размерам ренте нефтяной и газовой промышленности, способно давать лесное хозяйство, которое за годы реформ оказалось в запущенном состоянии и стало объектом неприкрытого крупномасштабного браконьерства как отечественных, так и иностранных лесорубов. Наведение элементарного порядка в этой отрасли могло бы превратить ее в мощный источник валютных поступлений, причем без угрозы исчерпания леса как возобновимого природного ресурса.

Таким образом, государство при проведении активной бюджетной политики способно мобилизовать рентные доходы и монопольную сверхприбыль в свой бюджет, целевым путем распределяя средства на модернизацию производственных мощностей.

Мобилизационная политика в случае ее поддержки большей частью населения могла бы рассчитывать и на сбережения граждан. Валовые национальные сбережения в России уже длительное время превышают 30 % ВВП, тогда как фактический объем инвестиций едва достигает 20 %[11]. Это означает, что не используемые сбережения граждан, включая валютные, колеблются в пределах 50–60 млрд долл. Одна из причин превышения сбережений над инвестициями – огромный разрыв в уровнях доходов высшей и низших децильных групп населения. Мы видим, что он в 2,5–3 раза превышает предельно допустимый для цивилизованных стран уровень. Для устранения шокирующего любого нормального человека разрыва в доходах необходимо, с одной стороны, введение прогрессивного подоходного налога, а с другой – существенное повышение зарплаты низко- и среднедоходной категории работников. Это, в свою очередь, может способствовать обновлению и росту производительности

основного капитала, ведь не секрет, что в условиях дешевого труда стимулов к его замене капиталом не возникает. Кроме того, представляется необходимым установление лимитов на доходы руководителей частных компаний и банков. Должны быть исключены случаи, когда при средней зарплате в 20 тыс. руб. их руководители получают «зарплату» в несколько миллионов рублей в месяц.

Проведение мобилизационной политики предполагает и другие формы контроля государства за деятельностью частных предприятий, особенно крупных и определяющих научно-технический прогресс. Одной из действенных форм такого контроля может быть лицензирование инвестиционной деятельности частных предприятий. Не исключен прямой государственный контроль за их воспроизводственными фондами, прежде всего за фондом амортизации, фондом развития производства и, как уже отмечалось, за фондом заработной платы. Столь же необходим государственный контроль и за внешнеэкономической деятельностью компаний. Отдельного внимания требует трансграничное движение капитала. Необходимо использовать весь арсенал средств, препятствующих вывозу капитала из страны. Важнейшим из этих средств должен быть контроль за валютной выручкой. Известно, что среди стран-членов МВФ в 75 государствах существует практика обязательной продажи экспортной валютной выручки. Причем в 42 странах экспортеры обязаны продавать государству всю валютную выручку. России почему-то среди них нет.

Важное значение в системе мобилизационных мероприятий имеет государственный контроль над ценами, как оптовыми, так и розничными. Прежде всего речь идет о потолке цен на продукцию предприятий монополистов и олигополистов. Это создало бы стимул увеличивать доходы не путем повышения цен, а увеличения объемов производства и его технологического и организационного совершенствования. Поскольку объектом такого контроля должны быть в первую очередь цены на издержкообразующие товары (энергия, тепло, транспортные услуги), то он мог бы способствовать стабилизации общего уровня цен, исключению из числа убыточных наукоемких производств, активизации инвестиционной деятельности и повышению ее эффективности. В известной мере это содействовало бы и межотраслевому переливу капитала, практическое отсутствие которого в России сдерживает структурную и технологическую модернизацию экономики.

Нами перечислены лишь некоторые из возможных средств реализации мобилизационной программы модернизации российской экономики. Однако приходится констатировать факт прежней приверженности руководства России экономическому либерализму. Снова ставка делается на силы рынка, вновь говорится о планах новой приватизации государственных предприятий и необходимости увода государства из экономики. Особый упор делается на дальнейшее привлечение иностранного капитала в страну. Принято решение о вступлении России в ВТО, членство в котором предполагает минимизацию роли государства в экономике. Подобная позиция руководства страны – прямой результат давления весьма влиятельных сил, паразитирующих на технологической отсталости России, ее колониально-сырьевой ориентации и потому препятствующих модернизации ее экономики. Вот почему о российском мобилизационном «новом курсе» приходится говорить как о явлении будущего, когда придет понимание его необходимости для спасения страны. Только не запоздать бы с этим пониманием.

Примечания

[1] Народное хозяйство СССР за 70 лет : юбилейн. стат. ежегодник. М. : Финансы и статистика, 1987. С. 12.

[2] Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М. : Госполитиздат, 1947. С. 33.

[3] Там же. С. 13.

[4] Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. М. 1957. С. 598.
[5] Народное хозяйство СССР за 70 лет… С. 39.
[6] Пальшина Е. Н. Региональные особенности становления и развития предпринимательства в агропромышленном комплексе Урала. Екатеринбург, 2003. С. 6.
[7] Россия в глобализирующемся мире : (Новые требования к стратегии развития. Совет федерации Федерального собрания РФ) : аналит. докл. М., 2001. С. 20.
[8] Глазьев С. Ю. Уроки очередной российской революции : крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо». М., 2011. С. 549.
[9] Там же. С. 502.
[10] Львов Д. С. Какая экономика нужна России // Рос. эконом. журн. 2002. № 12. С. 7.
[11] Глазьев С. Ю. Указ. соч. С. 503.

Ю. П. Бокарев

ЦЕНОВОЙ ФАКТОР КАК ИНСТРУМЕНТ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

1. Теории и практика ценообразования в XX в.

В интересующий нас период можно выделить пять теорий ценообразования.

1. Теория спроса и предложения была создана еще в XVI в. Хуаном де Матьенсо (Juan de Matienzo), хотя часто связывается с более поздними экономическими учениями. Матьенсо различал «твердую цену», установленную государством, и «справедливую цену», возникающую в результате свободного соперничества покупателей и продавцов. Матьенсо отвергал теорию трудовой стоимости, так как помимо воплощенного в товаре общественного труда есть и другие, не менее важные факторы, определяющие стоимость: необходимость, полезность, заинтересованность лиц, недостаток товара или простота в его использовании. Изучение научного наследия Матьенсо началось лишь в конце XX в.

2. Теория трудовой стоимости, согласно которой стоимость товара определяется общественно необходимыми на его производство затратами труда. Она разрабатывалась Уильямом Петти, Адамом Смитом и Давидом Рикардо, была воспринята и дополнена Карлом Марксом и потому считалась единственно правильной в СССР. Однако в этой теории больше всего условностей, неоднозначности и нечеткости, что дает большой простор для практики.

3. Теория предельной полезности, связывающая стоимость товара с его полезностью для потребителя. Идея связи цены товара с его полезностью также не нова. Но в виде законченной теории она оформилась в последней трети XIX в. в работах Фридриха фон Визера, Карла Менгера, Эйгена Бём-Баверка, Йозефа Шумпетера, Леона Вальраса и Уильяма Стэнли Джевонса и др.

Удар теории предельной полезности нанесла ординалистская (порядковая) теория полезности, которая доказала, что предпочтения потребителя относительно предлагаемых к выбору альтернатив не могут измеряться количественно, то есть можно сказать, что одна альтернатива лучше другой, но нельзя измерить, насколько лучше. Кроме того, индивидуальные полезности неаддитивны.

4. Теория издержек производства, сторонники которой считали, что если цена, которую согласен уплатить покупатель за товар, зависит от степени полезности товара, то цена, по которой производитель товара согласен его продать, не может быть ниже издержек производства. Поэтому в основе цены продажи должны лежать калькуляция затрат и некая предполагаемая норма прибыли или рентабельности.

Первые создатели теории издержек Джон Рамсей Мак-Куллох и Роберт Торренс видели конечное основание цены в издержках производства. Экономисты кембриджской школы, полагая, что спрос и предложение являются равноправными элементами ценообразования, пытались объединить теорию издержек производства с теорией предельной полезности. Однако на практике то спрос, то предложение берут на себя роль регулятора цены. Кроме того, в кратковременном периоде действуют одни факторы, в длительной перспективе – на первый план выходят другие. Равноправие исчезает.

Недостатки и незавершенность теорий ценообразования, с одной стороны, и практическая необходимость регулирования экономики, с другой стороны, предоставляли государству широкие возможности вмешательства в ценообразование.

Практически во всех зарубежных странах в XX в. государство активно регулировало цены. Перед Первой мировой войной оно получило широкое распространение в таких странах, как Англия, Франция, Германия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург и др. Во время Первой мировой войны регулирование цен стало почти повсеместным. После войны оно в отношении ряда товаров было отменено, но в отношении некоторых товаров даже усилилось. Огромное влияние на регулирование ценообразования оказала Великая депрессия. Вторая мировая война дала новый импульс государственному регулированию цен. После ее окончания складываются долговременная и кратковременная политика в отношении цен. Государство установило постоянный контроль над ценами ряда товаров. В США, Франции, Бельгии, Швейцарии, Японии доля регулируемых цен в 1970-е гг. составляла от 25 % до 40 %. Большинство стран регулировали цены на топливно-энергетические ресурсы, продукцию машиностроения и сельского хозяйства. В отношении цен на другие товары применялись кратковременные меры.

Цели регулирования цен были разнообразными: 1) борьба с инфляцией, 2) экономия дефицитных сырьевых и товарных ресурсов, 3) разрушение картельного сговора и монопольных цен, 4) противодействие демпингу и другим видам недобросовестной конкуренции, 5) ограничение иностранной конкуренции, 6) создание льготных условий для производств, в развитии которых государство заинтересовано, 7) стимулирование диверсификации экономики и развития технологий и т. д.

Формы государственного регулирования цен существенно различались: 1) установление государством прейскурантных цен, 2) фиксирование государством цен на конкретные товары и ресурсы, 3) «замораживание» рыночных цен, 4) установление предельного уровня цен, 5) политика контролируемой свободы цен (предприниматели могут изменять цены, предупредив об этом государственные органы, которые имеют право запрещать такие изменения), 6) акцизы, 7) установление предельного уровня разового повышения цен, 8) введение предельных надбавок или коэффициентов к фиксированным ценам прейскурантов, 9) установление государственного контроля над монопольными ценами, 10) запрет на горизонтальное или вертикальное фиксирование цен, 11) запрет демпинга, 12) запрет ценовой дискриминации, 13) запрет недобросовестной ценовой рекламы, 14) регулирование размеров таможенного обложения экспортируемых и импортируемых товаров и др.

При таком разнообразии·целей и форм государственного регулирования ценообразования, казалось бы, все возможности использования ценового фактора в целях экономического развития были исчерпаны. Однако складывавшаяся в СССР ценовая политика показала, что это далеко не так.

2. «Ножницы цен» и восстановление промышленности

К 1922 г. сельское хозяйство достигло 37 % довоенного уровня, а промышленность – только 25 %. Между тем голод 1921–22 гг. привел к резкому вздорожанию сельскохозяйственных продуктов. Чтобы не допустить «разбазаривания» товаров индустрии по низким ценам, были созданы тресты и синдикаты – монополисты в сфере продажи. Эти организа-

ции на удивление быстро справились с задачей. К сентябрю 1922 г. соотношение цен между промышленными и сельскохозяйственными товарами достигло довоенного уровня, а затем начался резкий рост цен на промышленные товары. Одновременно цены на сельскохозяйственные продуты в конце 1922 – середине 1923 г. упали ниже довоенного уровня.

Это расхождение цен подробно анализировалось в статистических и экономических обзорах. Но с апреля 1923 г. оно было использовано в целях политической борьбы. Выступая на XXII съезде РКП (б), Л. Д. Троцкий придал этому расхождению, которое он назвал «ножницами цен», значение разрыва между рабочими и крестьянством, грозившее крахом нэпу. Конкретных способов выйти из этого положения Троцкий не назвал (кроме весьма проблематичного расширения хлебного экспорта), но в том, что в социальном плане «ножницы цен» имеют отрицательные последствия и это результат плохого руководства, он всех убедил. Была даже создана специальная комиссия по «ножницам цен». Она пришла к выводу, что «стихия рынка» не сможет сблизить промышленные цены с сельскохозяйственными. Необходимо приказать промышленности снизить оптовые цены. Но возникла проблема с розничными ценами в частной торговле, которые не подлежали регулированию. Поэтому вся выгода от снижения оптовых промышленных цен достанется «нэпманам».

8 октября Троцкий обратился в ЦК с письмом, в котором осудил попытки командовать ценами в духе военного коммунизма. Закрыть «ножницы цен», по его мнению, можно лишь переведя государственную промышленность «на рельсы рационального хозяйствования».

В советской и современной литературе эта ситуация также рассматривается только с социальной стороны и оценивается отрицательно. Поэтому используются только данные по розничным ценам, в составе которых большое значение имели торговые накидки, зависевшие от рыночной конъюнктуры.

Но если взглянуть на динамику оптовых цен, то ситуация несколько изменится и станет более понятной (см. диаграмму 1).

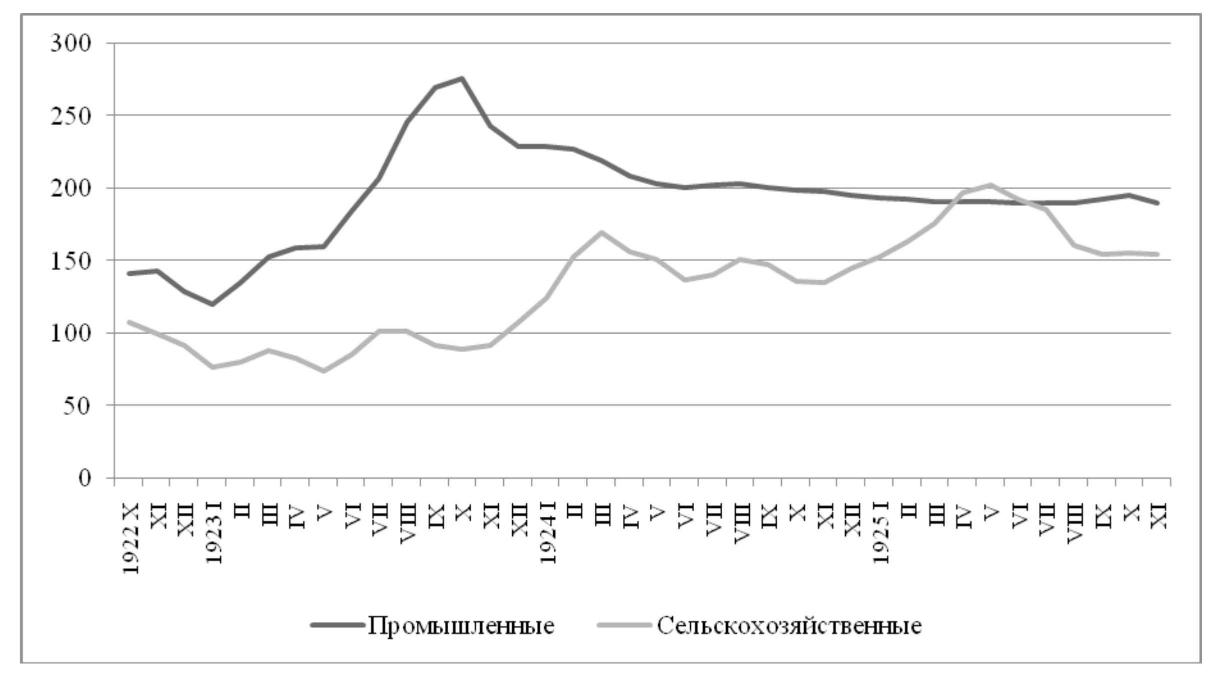

Рис. 1. «Ножницы цен» в октябре 1922 – ноябре 1925 г.
1913 г. = 100. По оптовому индексу цен Госплана.

С осени 1921 до конца 1923 г. осуществлялся перевод всей государственной промышленности со сметно-бюджетного порядка финансирования и государственного снабжения ее материальными фондами на полный хозяйственный расчет. Это потребовало больших фи-

нансовых затрат. Однако государство, чей бюджет был обременен сначала помощью голодающим, а затем различными видами социальной помощи, не могло выделить необходимые средства. 15 октября 1921 г. был воссоздан Государственный банк, но кредитовать промышленность он смог только в начале 1922 г. При этом выделить необходимые промышленности средства он также был не в состоянии. Тем более, что в условиях гиперинфляции деньги быстро обесценивались. Только с началом эмиссии червонца в конце 1922 г. кредит был поставлен на твердую основу.

Соотношению между доходами и расходами промышленности в первой половине 1920-х гг. уделялось мало внимания. В последующем эта тема вообще не исследовалась. Если исключить топливную промышленность, где главной причиной нерентабельности производства было то, что большую часть продукции она продавала плановым потребителям по твердым ценам, а оборудование, топливо и материалы покупала по рыночным ценам, то основным источником нерентабельности была именно организационная перестройка. Ведь переход на полный хозяйственный расчет – это только для государственного бюджета разгрузка, а для народного хозяйства в целом – это огромный рост расходов, поскольку теперь каждое предприятие должно иметь специалистов по финансовому менеджменту, экономической конъюнктуре, емкости рынка, ценовой политике, распределению прибыли и т. д.

Поэтому с осени 1921 г. до лета 1923 г. промышленность продавала свои продукты ниже себестоимости, работала в убыток, проедая не только оборотный, но и основной капитал. То есть фактически промышленность разрушалась, хотя внешне, благодаря постоянному вводу в действие остановленных в годы Гражданской войны заводов, складывалась картина промышленного оживления: рост продукции, числа рабочих и производительности труда.

Благодаря росту оптовых цен на промышленные товары до осени 1923 г. предприятия организационно укрепились, их производство стало прибыльным, было налажено производство на многих бездействовавших в годы Гражданской войны предприятиях.

Однако уже с осени 1923 г. из-за наметившегося кризиса сбыта началась планомерная политика снижения отпускных, оптовых и розничных цен на промышленную продукцию. И хотя это снижение ставило целью укрепление политического и хозяйственного союза пролетариата с крестьянством, удовлетворение потребительского и производственного спроса трудящихся масс, оно способствовало, с одной стороны, рационализации промышленности, а с другой стороны, росту спроса на промышленные изделия, переросшего в конце 1924 г. в товарный голод.

3. Индустриализация и разномасштабная система цен

К 1924 г. промышленность уже выкарабкалась из ямы нерентабельности и депрессии, куда ее загнала организационная реформа 1921–1923 гг. Но возрождение касалось только отраслей легкой промышленности, работающих на широкий рынок. Что касается отраслей тяжелой промышленности, связанной с производством средств производства, то в условиях нэпа их ничто не стимулировало. По данным Госплана, если рост производства товаров легкой промышленности за 1924 г. составил 22,8 %, то продукция машиностроения увеличилась только на 2,4 %.

Это отставание вызывало беспокойство руководства РКП (б). В принятой в декабре 1923 г. резолюции говорилось, что металлургическая промышленность должна «быть выдвинута на первый план и должна получать от государства гораздо большую, чем в прошлый год, всестороннюю, в частности, финансовую помощь». Эта позиция была подтверждена XIII партийной конференцией в январе 1924 г. Но из-за стесненности государственного бюджета никаких практических мер принять было нельзя. Назначенный на пост председателя ВСНХ в феврале 1924 г. Ф. Э. Дзержинский заявил XIII съезду партии, что для того, чтобы поставить на ноги тяжелую промышленность, на протяжении следующих пяти лет понадобится «100-150-200 миллионов золотых рублей». Источников этих средств он не назвал.

В мае 1924 г. был создан Народный комиссариат по внутренней торговле во главе с Л. Б. Каменевым. В литературе считается, что основной целью Наркомвнуторга было осуществление контроля над ценами. На самом деле главной целью нового комиссариата был контроль над обложением торгового оборота акцизами и уравнительным сбором.

Акцизом, т. е. фиксированной надбавкой к цене товара в пользу бюджета были обложены соль, сахар, керосин, спички, текстиль, чай, кофе, водка и некоторые другие товары. Уравнительный сбор впервые был введен в июле 1921 г. как часть промыслового налога (другой его частью был патентный сбор). Уравнительный сбор представлял собой налог, уплачиваемый с суммы хозяйственного оборота. Первоначально уравнительным сбором товар облагался на всех многочисленных стадиях его оборота от производства до розничной продажи.

С 1923 г. уравнительный сбор стал распространяться на государственные тресты и синдикаты, акционерные общества и паевые товарищества, банки, общества взаимного кредита и союзы кооперативов.

В середине 1920-х гг. по просьбе государственной промышленности от уравнительного сбора был освобожден весь внутрипромышленный оборот. Начальной точкой обложения стала продажа товаров синдикатами. Тем самым равномерное обложение всех звеньев товарооборота, давшее название уравнительному сбору, было ликвидировано.

Ставка уравнительного сбора, взимаемого с товара неоднократно, была небольшой. Иначе при множественности звеньев оборота цена товара оказалась бы непомерно высокой. Однако государство могло этой ставкой манипулировать, добиваясь ликвидации финансового дефицита.

В литературе считается, что индустриализация была проведена за счет крестьянства. На самом деле плату за индустриализацию вносило все население. Действительно, если в 1922–1924 гг. единый сельскохозяйственный налог был главным источником поступлений в бюджет, то с 1925 г. первенство перешло к акцизам и уравнительному сбору (см. диаграмму 2).

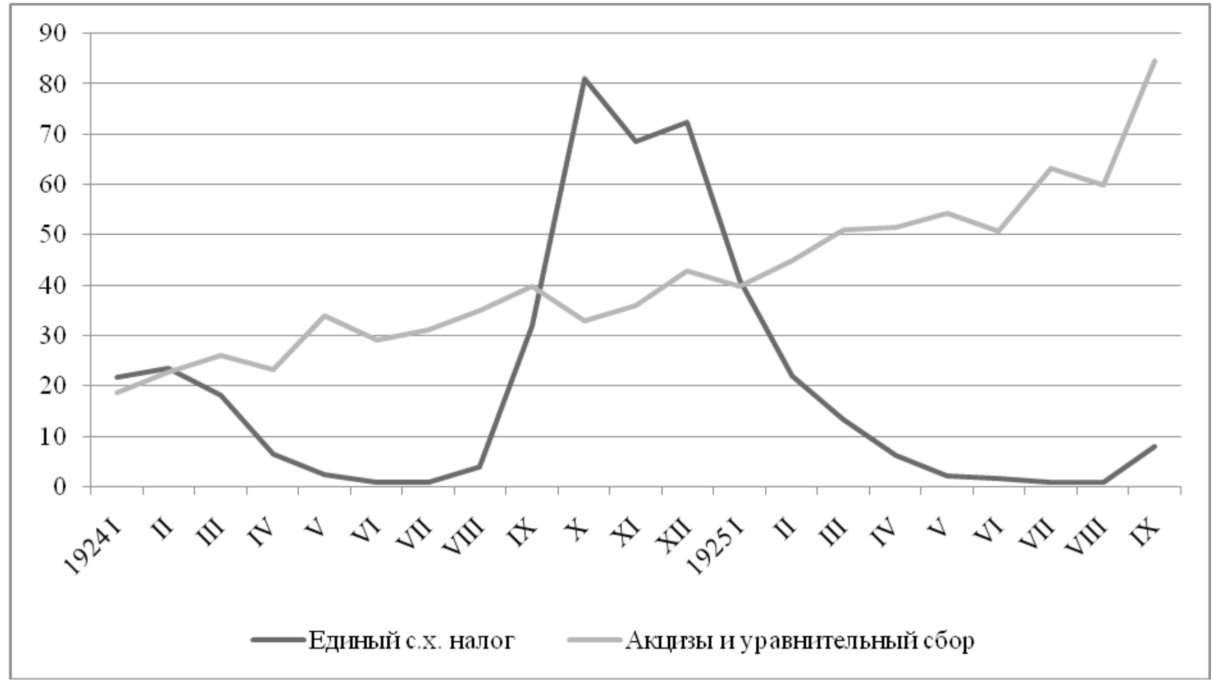

Рис. 2. Соотношение между единым сельскохозяйственным налогом, акцизами и уравнительным сбором в 1924–1925 гг. (млн червонных рублей).

Благодаря уравнительному сбору в СССР во второй половине 1920-х гг. стала складываться многомасштабная система цен. Она заключалась в плановом формировании и после-

дующем изъятии государством прибыли на всех стадиях производства продукции. В торговле это выражалось в значительном разрыве между отпускными, оптовыми и розничными ценами.

Такая система могла существовать благодаря высокому спросу на товары широкого потребления. В условиях товарного изобилия она бы задохнулась.

В ходе налоговой реформы 1930–1932 гг. вместо акцизов и уравнительного сбора был введен налог с оборота. Он исчислялся как разница между оптовой и розничной ценой и взимался преимущественно в отраслях, производящих товары народного потребления. Налогом с оборота облагались обороты хозяйственных предприятий и организаций по продаже ими товаров. Обороты по исполнению работ и оказанию услуг облагались налогом с нетоварных операций. Оборот по каждому данному товару облагался только один раз, независимо от количества звеньев его обращения.

К товарным оборотам относились только обороты по продаже товаров. Плательщиком налога считалось каждое отдельное предприятие, имеющее бухгалтерский учет и собственный расчетный счет в кредитном учреждении. Ставки налога определялись в зависимости от категории плательщика, характера предмета обложения и особенностей исчисления объекта.

Таким образом, в 1930-е гг. многомасштабная система цен была вытеснена двухмасштабной. Это не отразилось на доходах государства. В отношении к 1913 г. индекс оптовых цен в 1932 г. составлял 2,15, а индекс розничных цен – 4,96. Таким образом, уже в начале второй пятилетки уровень розничных цен превышал уровень оптовых цен в 2,3 раза.

Налог с оборота (наряду с отчислениями от прибыли) стал составлять основную часть поступлений в бюджет. За счет этого производилось финансирование тяжелой промышленности. Весь реконструктивный период, годы Великой Отечественной войны и восстановления хозяйства ценовой фактор играл важнейшую роль в перераспределении прибыли между отраслями народного хозяйства.

4. Госкомцен СССР и разрушение ценового механизма перераспределения прибыли

В 1958 г. было образовано Бюро цен при Госплане СССР. Его основными задачами были: 1) усиление руководства делом ценообразования, 2) обеспечение единства политики цен и 3) повышение роли цен в стимулировании производства.

В 1965 г. статус этого института был повышен до уровня Государственного комитета цен при Госплане СССР. А в 1969 г. в каждой союзной республике появился свой Государственный комитет цен Совета Министров союзной республики, послушно выполнявший указания Государственного комитета цен при Совете Министров СССР. В 1967 г. при Госкомцен был создан Научно-исследовательский институт по ценообразованию.

Деятельность Госкомцен и его научно-исследовательского института велась по нескольким направлениям. Во-первых, изучались теоретические проблемы закона стоимости и его воплощения в ценообразовании СССР. Во-вторых, исчислялась себестоимость производства по всем отраслям экономики. В-третьих, составлялись прейскуранты оптовых цен на разного рода изделия.

Результатом деятельности Госкомцен стало:

1) замораживание государственных розничных цен, что значительно снизило возможности регулирования ценообразования. При этом заработная плата в стране продолжала расти, что способствовало созданию хронических дефицитов и развитию нелегального рынка;

2) растущий разрыв между себестоимостью и розничными ценами, что привело первоначально к низкой рентабельности производства, а затем и к его убыточности, покрываемой значительными государственными дотациями;

3) рост расхождений между государственными розничными ценами и ценами колхозного рынка, комиссионных магазинов, «черного» и «серого» рынка и т. д. (см. таблицу).

Существовала нелегальная «перекачка» товаров и государственной торговой сети в колхозный сектор торговли и на «черный» рынок.

Рост расхождения государственных розничных цен и цен колхозного рынка (цены 1950 г. = 100).

	1965	1968	1970
Индекс государственных розничных цен			
Всего	75	75	75
В т. ч. продовольственные товары	75	75	75
Индекс цен колхозного рынка	121	128	138

Отсутствие действенной политики ценообразования привело к срыву реформы 1965 г. Ибо нельзя говорить о прибыльности хозрасчетных отношений при отсутствии зависимости между спросом и ценами.

Все это непосредственным образом отразилось на эффективности народного хозяйства в целом и способствовало краху социалистической экономики.

В 1991 г. Госкомцен СССР перенес короткий взлет и сокрушительное падение.

Л. И. Бородкин

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЛАГЕРНОЙ ЭКОНОМИКИ: СТИМУЛИРОВАНИЕ ТРУДА В ПОСЛЕВОЕННОМ ГУЛАГЕ

Обсуждая возможности и проблемы реализации моделей мобилизационной экономики в России XX в., следует определиться с самим понятием мобилизационной экономики. Несмотря на кажущуюся очевидность этого понятия, в научном сообществе нет консенсуса в определении экономики мобилизационного типа, что было выявлено и в ходе первой конференции «Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века» (Челябинск, 2009). Ряд участников этой конференции согласились с определением А. Г. Фонотова: «Развитие, ориентированное на достижение чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм, будем называть мобилизационным типом развития»[1]. Исходя из данного подхода, характерной ситуацией для мобилизационной экономики является война или подготовка к ней. Однако из выступлений участников было ясно, что мобилизационная экономика получает гораздо более широкую трактовку, включающую, в частности, активную роль государства в организации действий по мобилизации ресурсов страны, необходимых для выполнения поставленных задач и планов, используя при этом внеэкономические методы воздействия на тех, от кого зависит достижение этих задач[2].

Эти проблемы оказались в центре внимания и участников круглого стола «Мобилизационная экономика: путь к процветанию или развалу России?», состоявшегося в 1999 г. в редакции «Независимой газеты»[3]. Среди участников были видные экономисты, включая академиков РАН, министра РФ по налогам и сборам, председателя Комитета ГД РФ по бюджету, налогам, банкам и финансам, директоров институтов экономического профиля. Пожалуй, эта дискуссия по составу участников была наиболее представительной в постсоветской России.

Как отметил ведущий круглого стола (В. Т. Третьяков), цель его была – выяснить совместными усилиями, «насколько приемлема для современной России модель так называемой мобилизационной экономики», отметив, что в его представлении мобилизационная

экономика – «это экономика времен Гражданской войны или же экономика СССР в период Великой Отечественной войны», и добавив при этом, что существует еще и принципиально иная модель мобилизационной экономики «мирного времени в условиях политической диктатуры»[3]. По мнению С. Ю. Глазьева, участника дискуссии, мобилизационная экономика – это такая система регулирования экономической деятельности, которая позволяет обеспечить максимально полное использование имеющихся производственных ресурсов, а «наиболее яркие и драматические события мобилизации ресурсов в нынешнем столетии связаны именно с советским периодом». К разновидностям мобилизационной экономики он отнес и Новый курс Рузвельта, что породило вопрос о том, где граница между государственным вмешательством в экономику и переходом к мобилизационной экономике. Очевидно, что проведение государственной политики в русле индикативного планирования, «дирижизма», бюджетное финансирование приоритетных программ не означает функционирования экономики в мобилизационном режиме. Так, Е. Г. Ясин отметил некорректность отождествления государственного регулирования и мобилизационной экономики.

А. Д. Жуков в дискуссии с С. Ю. Глазьевым о возможностях реализации в России механизмов мобилизационной экономики отметил, что Советский Союз прекратил свое существование, и тем самым мобилизационная экономика доказала свою несостоятельность в реалиях конца XX в. В то же время, по его мнению, в экстремальных условиях, «когда государство надо спасать от полного разрушения, когда людям нечего есть или же когда идет война», эти механизмы могут спасти страну. Но то, что мобилизационная модель экономики «не годится как стратегический вариант развития или же вывода страны из кризиса», также бесспорно, – отметил А.Д. Жуков. Тезис о том, что можно сохранить рынок и в то же время с помощью элементов мобилизационной экономики вывести ее на новый этап развития, был охарактеризован им как «абсолютно неверный»; механизмы мобилизационной экономики, по его мнению, не могут быть использованы как база для развития рынка[3].

Д.А. Митяев, который был представлен как сторонник мобилизационной экономики, отметил, тем не менее: «Мне все-таки ближе либеральный, чем мобилизационный или ГУЛАГовский, вариант развития страны», добавив при этом, что «говорить о мобилизационной экономике надо не как о некоем проекте, а, к сожалению, как о не очень отдаленной реальности».

Л. И. Абалкин допустил возможность прихода к власти тех сил, которые готовы проводить в России именно мобилизационную политику. Однако, по его мнению, «применительно к современной России само понятие мобилизационной экономики неприемлемо». В его трактовке мобилизационная экономика была охарактеризована как антикризисная экономика, связанная с чрезвычайными обстоятельствами.

Обсуждение перспектив реализации механизмов мобилизационной экономики вывело дискуссию на вопрос о возможностях предельной формы мобилизационной модели – Гулаговской. И хотя общее мнение сводилось к тому, что в начале XXI в. шансы реализовать такую модель невелики, Е.Г. Ясин отметил, что «если кто-то встанет на платформу мобилизационной экономики, то он дойдет до репрессий <…> Это возможно в том случае, если будет создан мощный репрессивный аппарат»[3]. Однако, по мнению А. П. Починка, если репрессивный аппарат, который во времена Сталина потреблял не так много, и «в принципе на его содержание хватало того, что зарабатывала страна», то сегодня этот аппарат еще нужно создавать в случае перехода к мобилизационной экономике; «элементарные же расчеты показывают, что государство вообще не в состоянии будет прокормить собственный репрессивный аппарат. На него не хватит бюджета»[3].

Учитывая исторический опыт реализации мобилизационной модели экономического развития страны в XX в., обратимся к вопросу о роли Гулага в решении задач экономического развития страны. Если доля «спецконтингентов», направляемых в промышленность и строительство, составляла в начале 1950-х гг. около 10 % от общей численности занятых в

этих секторах экономики СССР, то доля промышленной продукции МВД в общем промышленном производстве страны была гораздо меньше. Так, в 1952 г. она составила 2,3 %[4]. Но в целом ряде отраслей доля Гулага была гораздо выше (например, 9 % в объемах капстроительства, 15,4 % вывоза деловой древесины, треть производства никеля, почти весь объем добычи золота, платины, алмазов и т. д.)[5].

Тридцатилетняя история Гулага включает, на наш взгляд, несколько периодов: 1) 30-е годы – период становления лагерной системы, развития ее организационной структуры, расширения отраслевой и территориальной структуры (вплоть до начала войны); военные годы; послевоенный период (до 1953 г.) и постсталинский период (1953–1960 гг.) – время постепенного «сворачивания» Гулага. В сборнике материалов первой конференции «Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века» (Челябинск, 2009) опубликована моя статья, в которой рассмотрен первый из указанных периодов («ранний ГУЛАГ»). В течение этого десятилетия в лагерной системе нарабатывался опыт решения задач мобилизационной экономики с активным использованием принудительного труда в ходе форсированной индустриализации. В данной статье рассматриваются вопросы функционирования экономики Гулага в послевоенные годы, в условиях мобилизационной программы восстановления народного хозяйства. В центре нашего внимания – проблема эффективности принудительного труда, использовавшегося в широких масштабах в лагерной системе. Показано, что в послевоенном Гулаге эта проблема приняла острый характер, что заставило руководство Гулага искать действенные трудовые стимулы, способные обеспечить самоокупаемость лагерей. Становилось очевидным, что практически неограниченные возможности использования принудительного труда заключенных не дают больше ожидаемых результатов.

* * *

Уже в первые послевоенные годы как руководство МВД, так и высшее лагерное начальство стали испытывать тревогу в связи с возрастающими трудностями в выполнении плановых производственных заданий. Так, в документе, направленном 31 марта 1947 г. заместителем министра внутренних дел Чернышовым начальнику ГУЛАГа Наседкину[6], говорится о необходимости включить в разрабатываемое ГУЛАГом положение о лагерях и колониях новые моменты, касающиеся их денежного содержания. Чернышов констатирует, что «сейчас минимум содержания лимитируется не только тем, что в стране мало товаров и продовольствия, но отчасти и тем, что учреждения, содержащие заключенных, в связи с убытками на производстве и строительстве не могут оплатить необходимое продовольствие, вещевое снабжение или капитальные работы»[7]. В этой связи предлагается предусмотреть перевод всех лагерей и колоний на госбюджет. «Это крайне необходимо, – подчеркивает Чернышов, – особенно теперь, когда содержание заключенных стало обходиться очень дорого и во многих случаях убыточно для производства и строительства»[7]. Заключенные, по мнению зам. министра, должны получать часть заработанных ими денег на руки – для улучшения своего бытового положения в местах заключения, посылки родственникам или с целью накопления этих средств до выхода из мест заключения; эта доля может равняться от 15 до 35 % от фактически заработанной заключенным суммы. Выплачиваемые процентные отчисления от зарплаты, отмечается в документе, будут «взамен ныне, мало стимулируемых премиальных дач) являться серьезным стимулом для работы»[8]. В качестве другого важного направления стимулирования труда заключенных Чернышов отмечает зачеты рабочих дней, к которым следует вернуться. Представляет интерес и тот раздел документа, в котором предлагается ввести прогрессивно-премиальную систему и для администрации лагерей и колоний, чтобы «достигнуть заинтересованность лагерной администрации в повышении производительности труда и обеспечении наиболее целесообразного использования труда заключенных»[9]. Здесь отражается конфликт интересов руководства МВД и администрации лагерей. Послед-

ние зачастую не стремились поддерживать рабочую силу лагерей в тех кондициях, которые соответствовали бы выполнению заключенными тяжелой физической работы. Архивные материалы фондов ГУЛАГа содержат много документов, свидетельствующих о постоянном контроле администрации лагерей со стороны начальства ГУЛАГа и МВД, требовавших соблюдения в лагерях инструкций по содержанию заключенных. В большинстве лагерей администрация сплошь и рядом нарушала установленные нормы питания заключенных, режим дня, условия их проживания и работы на объектах и т. д.[10] Частичное объяснение этой ситуации можно связывать с недостаточной заинтересованностью администрации лагерей в выполнении их производственных задач. Так, в докладе руководства Гулага по вопросу об улучшении трудового использования заключенных и повышения производительности их труда (05.07.1951) отмечается, в частности: «Учитывая ряд особенностей в руководстве работой заключенных – разработать специальную систему заработной платы и премирования начальников низовых лагерных подразделений и производственников, руководящих работой заключенных в зависимости от выполнения планов строительства и производства, а также выработки заключенными, при обеспечении качества работы и лагерного режима»[11]. Очевидно, до середины 1951 г. стимулирование низовой лагерной администрации не было актуальным вопросом для руководства НКВД-МВД.

Сигналы о неблагополучном состоянии дел со стимулированием труда заключенных поступали и от администрации лагерей, руководителей объектов ГУЛАГа. Так, в письме управляющего трестом №4 Главнефтегазстроя (январь 1948 г.) говорится о том, что производительность труда заключенных снижается ввиду отсутствия необходимых стимулов. В документе отмечается, что в связи с отменой карточной системы контингенты лагерей лишились дополнительных горячих блюд, которые они получали при перевыполнении ими суточных заданий и норм выработки. «Другого стимула им до сих пор не создано и это отражается на их производительности труда»[12]. Далее в письме предлагается установить для тех заключенных, кто перевыполняет нормы выработки, прогрессивную шкалу выдачи им денег на руки из зарплаты, причитающейся за выполненные ими работы[12].

Отсутствие должных стимулов к производительному труду заключенных беспокоило в конце 40-х гг. руководителей производственных главков МВД и в связи с падением доли заключенных, занятых на основных работах (т. е. тех, на ком держалось выполнение производственных планов). В распоряжении от 3.02.1949, подписанном начальниками ГУЛАГа и ГУЛЛП МВД СССР Добрыниным и Тимофеевым[13], отмечается, что поступившие от лесных лагерей материалы о физическом состоянии заключенных и выполнении ими норм выработки свидетельствуют о том, что «лагерями крайне широко применяются скидки с норм выработки по физическому профилю контингента» как на основном производстве, так и на вспомогательных работах, что, по мнению начальников главков, не оправдывается «ни наличием физического состояния заключенных, ни производственной необходимостью»[14]. Приведенные в документе данные показывают, что по ряду лагерей доля «полноценной рабочей силы» среди заключенных не превышает 1/3; такое «занижение категорийности физтруда» связывается с отсутствием должного контроля со стороны санотдела[14]. Отмечая, что «в ряде лагерей забыли, что отсталые и заниженные нормы выработки являются тормозом в борьбе за план, рентабельность и высокую производительность труда», не способствуют оздоровлению финансового состояния, Добрынин и Тимофеев обращают внимание на явную недооценку системы сдельной оплаты труда. Нацеливая администрацию лагерей на «улучшение трудиспользования всех лагерных контингентов», документ выражает озабоченность руководства ГУЛАГа физическим состоянием заключенных, качеством их питания. В то же время администрацию лагерей данное распоряжение обязывает «прекратить всякие проявления антигосударственной практики: занижение физической категории заключенных, зачисление в инвалиды, чтобы не возиться с этими людьми, списать их “за баланс” и иметь

хорошие показатели» трудиспользования. Впечатляет пассаж в заключительной части документа, где содержится указание всемерно создавать в лагерях такую производственную обстановку, при которой «заключенные поняли бы, что в лагере они обязаны работать и перестали бы рассматривать лагерь как дом отдыха, где можно, пользуясь плохими порядками, увиливать от работы и жить за счет государства»[15].

Однако в это время руководство МВД искало уже другие пути повышения эффективности принудительного труда заключенных.

Специальный интерес представляет справка по вопросу оплаты труда заключенных, подготовленная Чернышовым в июле 1948 г. В справке отмечается, что все расходы по содержанию исправительно-трудовых лагерей и колоний должны покрываться за счет доходов от работы заключенных. До 1946 г., – напоминает Чернышов, – эти расходы покрывались без всякой дотации со стороны госбюджета[16]. «С 1946 г. в связи с рядом удорожающих факторов: повышение цен на продовольствие, удорожание вещевого снабжения и увеличением других расходов предусматривается некоторая дотация из бюджета только на содержание неработающих актированных инвалидов»[17]. Далее в документе подчеркивается, что заключенные не получают гарантированной оплаты за свой труд; отмена зачетов усугубляет ситуацию. Минимальные расходы на продовольствие и вещевое снабжение заключенных – причина того, что стоимость содержания заключенных в себестоимости продукции занимает меньшее место, чем нормальная стоимость труда вольнонаемных. И далее в справке дается рассчитанная экономистами ГУЛАГа оценка рентабельности принудительного труда заключенных: «Можно указать, что только по одному Дальстрою при переводе на расчеты за работу по нормам, установленным для вольнонаемных ИТР и рабочих, потребовалось бы дополнительно оплатить лагерю более 300 млн р.»[17]. Выводы, к которым приходит Чернышов, таковы. Производственные объекты МВД находятся в значительно более сложных и худших условиях, чем любое нормальное предприятие и хозяйство; необходимо содержание всех ИТЛ и колоний перевести на госбюджет; в целях поощрения и справедливой оплаты труда заключенных следует установить минимум зарплаты, основанной на резко выраженной прогрессивно-премиальной системе; такую же премиальную систему надо установить для лагерной администрации за выполнение и перевыполнение планов производства и за повышение доходности лагерей и колоний; все сметы, расчеты и калькуляции по производству и строительству в лагерях и колониях исчислять по нормам и расценкам, установленным для вольнонаемных применительно к соответствующим производственным министерствам[18]. В этом документе, составленном одним из высших чинов МВД, содержится, с одной стороны, констатация того, что базовый принцип самоокупаемости ГУЛАГа уже не может выполняться; с другой стороны, в качестве основного направления реформации хозяйственного механизма ГУЛАГа предлагается перевод его в русло механизмов «гражданской» экономики.

Наконец, в ноябре 1948 г. министр внутренних дел Круглов направляет в Совет Министров СССР докладную записку «О мерах по улучшению работы исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД»[19], в преамбуле которой отмечается, что в связи с уменьшением численности спецконтингентов из числа заключенных и военнопленных создалось «исключительно тяжелое положение с обеспечением рабочей силой работ, возложенных на МВД СССР и контрагентских работ других министерств, обслуживаемых спецконтингентами»[20]. Характеризуя «недокомплект» рабочей силы в лагерях, Круглов обращает внимание на то, что отправка в 1948 г. 400 тыс. работающих военнопленных и предполагаемая отправка в 1949 г. остальных 500 тыс. военнопленных еще больше усугубляют положение с рабочей силой. Важным источником покрытия недостатка рабочей силы министр считает введение стимулов к повышению производительности труда заключенных – сокращение срока наказания для хорошо работающих заключенных, создание лучших условий содержания

«заключенных, работающих стахановскими методами и рекордистов», введение (взамен не оправдавшей себя системы премвознаграждений) денежной оплаты за труд заключенных, «применительно к существовавшему положению в дореволюционных местах заключения»[21]. Эта оплата должна исчисляться на основе расценок для вольнонаемных рабочих и служащих, из нее должны вычитаться стоимость содержания заключенного и определенный процент «в доход государству», а оставшаяся часть должна выдаваться на руки. Такой порядок, по мнению министра, должен обеспечить заинтересованность заключенных в большей выработке, повысить их физическое состояние за счет приобретения ими дополнительного питания, что «повлечет увеличение численности трудоспособной рабочей силы» в лагерях. С другой стороны, такой порядок, а также и «общее удорожание стоимости содержания заключенных, связанное с повышением пайковых цен», требуют коренного пересмотра существующего порядка финансирования лагерей и колоний и «перевода их на государственный бюджет, как это имеет место по лагерям для военнопленных». Все же поступления от производимых заключенными работ при новом порядке должны перечисляться в доход союзного бюджета «в покрытие расходов государства по содержанию заключенных»[22]. Тем самым предлагается покончить с базовой идеей самоокупаемости ГУЛАГа[23]. Далее министр отмечает, что «крайне тяжело» на финансовое положение лагерей и колоний влияет неправильное использование заключенных на контрагентских работах других министерств: только за первое полугодие 1948 г. МВД СССР получило *111 млн р. убытков* от выделения рабочей силы другим министерствам, которым, в свою очередь, лагерная рабочая сила обходится дороже труда вольнонаемных (в силу значительных расходов на охрану, численность которой увеличивается при производстве работ «в густо населенных пунктах» и в условиях «распыления заключенных мелкими партиями среди вольнонаемных рабочих»)[24].

Приведенные Кругловым аргументы подводят его к выводу о необходимости установить порядок, при котором выделение заключенных другим министерствам производилось бы только в северных и восточных районах страны, где действительно затруднена возможность использования вольнонаемной рабочей силы «за крайне незначительным составом местного населения»[24]. Приложение к этому документу содержит проект соответствующего постановления Совета Министров СССР.

Реакция «верхов» была быстрой, хотя и не охватывала своими решениями всю систему лагерей и колоний МВД. Необходимость введения дифференцированной зарплаты как важнейшего стимула производительного труда отражена в Постановлении Совета Министров Союза ССР (№4293-1703сс) от 20 ноября 1948 г. В соответствии с этим постановлением для заключенных Дальстроя – ввиду приоритетности производственных объектов этого главка МВД – была введена зарплата, за счет которой оплачивалась полная стоимость содержания заключенных и налоги. Помимо Дальстроя, этим постановлением, в порядке опыта, вводилась заработная плата еще в четырех лагерных подразделениях разного профиля (лесозаготовки, металлообработка, гидротехническое и железнодорожное строительство). Аналогичные решения принимались в последующие месяцы для стимулирования работ и на других важных объектах МВД.

13 марта 1950 г. Постановлением Совета Министров Союза ССР (№1065-376сс) была введена оплата труда заключенных во всех исправительно-трудовых лагерях и колониях, за исключением особых лагерей. В соответствии с этим постановлением всем работающим заключенным заработная плата выплачивалась исходя из пониженных тарифных ставок и должностных окладов, с применением сдельно-прогрессивной и премиальной системы оплаты труда, установленных для рабочих, инженерно-технических работников и служащих в соответствующих отраслях. Из заработной платы заключенных удерживалась стоимость гарантированного питания, выдаваемой одежды и обуви и подоходный налог. Если же заработок работающего заключенного был меньше суммы причитающихся с него удер-

жаний, на руки ему выдавалась сумма не менее 10 % фактического заработка. Этим же постановлением на многих объектах МВД вводилась и система зачетов рабочих дней.

В развитие данного постановления Совмина СССР 29 апреля 1950 г. приказом министра МВД (№00273) «в целях улучшения использования труда заключенных исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД СССР, роста производительности труда заключенных, повышения их производственной квалификации и создания большей заинтересованности у работающих заключенных в результате своего труда» вводился новый порядок оплаты труда, и начальникам Главных Управлений, Управлений и отделов предписывалось в короткий срок выполнить целый комплекс мероприятий по переводу заключенных на заработную плату.

В соответствии с указанными документами, однако, оплату труда заключенных следовало производить в пределах ассигнований, утвержденных на содержание лагерей и колоний на 1950 г. Неудивительно, что в мае 1950 г. начальник ГУЛАГа Добрынин рассылает руководителям производственных управлений МВД директивное письмо, в котором даются указания, за счет каких средств следует выполнять приказ МВД о выплате зарплаты заключенным[25]. Это, например, средства, предусмотренные по финансовому плану 1950 г. на дополнительные продовольственные и хлебные пайки, на выплату премвознаграждения.

Стимулирование труда на основе дифференциации зарплаты возможно лишь при условии, что работающие знают, каким образом их заработок зависит от объема и качества выполненных работ. В лагерной экономике заключенные могли иметь лишь ограниченную, локальную информацию такого рода. Так, в директивном письме от 8 августа 1950 г., адресованном начальникам лагерей и колоний ГУЛАГа, Добрынин дает разъяснения о принципах секретности, которые должны соблюдаться при переводе заключенных на заработную плату[26]. Начальник ГУЛАГа указывает, что условия оплаты труда заключенных (тарифные сетки и ставки, должностные оклады, поощрительные системы), применяемые на работах, выполняемых данным лагерным подразделением, секретными в пределах данного лагеря не являются и должны быть объявлены заключенным. Что же касается принципов построения условий оплаты труда заключенных, расчетов тарифных сеток и ставок заключенных, объявленных в приложениях к приказу МВД № 00273 и директиве МВД № 411, то они являются «безусловно секретными»[26].

* * *

В течение 1950 г. лагерная система МВД продолжала расширяться. В этом году было дополнительно организовано 15 исправительно-трудовых лагерей, в том числе для строительства Сталинградской ГЭС, Главного Туркменского канала Аму-Дарья – Крассноводск, горно-химического комбината «Апатит». В лагерях и колониях на 1 января 1951 г. содержалось более 2,5 млн заключенных, из них 572 тыс. использовались на контрагентских началах при выполнении работ на объектах целого ряда министерств и ведомств[27]; организация труда миллионов заключенных становилась все более сложной задачей. Эти проблемы затрагиваются в докладе министра внутренних дел Круглова о состоянии и работе исправительно-трудовых лагерей и колоний в 1950 г., направленном в январе 1951 г. Сталину, Берия и Маленкову[28]. В докладе отмечается, в частности, что некоторые министерства и ведомства плохо использовали рабочую силу лагерей, не создавали для заключенных необходимых жилищно-бытовых и режимных условий, что приводило к убыточности «отдельных лагерных подразделений»[29]. В заключительной части документа Круглов снова заверяет высшее руководство, что введение в 1950 г. системы оплаты труда и зачетов рабочих дней значительно повысило производительность труда заключенных, создало бóльшую заинтересованность заключенных в повышении производственной квалификации и результатах своего труда, способствовало «дальнейшему укреплению финансово-хозяйственного положения» лагерей[30]. И снова – отсутствие статистических материалов, иллюстрирующих эти утверждения, производящие впечатление дежурных фраз. Можно предположить, что высшее руко-

водство потребовало от МВД предоставить сведения, характеризующие эффект от введения системы оплаты труда заключенных.

16 марта 1951 г. вышел приказ министра Круглова «О более правильном применении системы заработной платы заключенных лагерей Главпромстроя МВД СССР»[31]. В приказе отмечается, что с переводом заключенных на заработную плату руководители строительных и производственных подразделений главка (одного из самых важных среди производственных главков МВД) не обеспечили нормальные условия для высокопроизводительного труда, в результате часть сознательных и добросовестно относящихся к труду заключенных снизила показатели выработки установленных норм. Вместе с тем часть недобросовестных заключенных, «воспользовавшись улучшением питания в связи с введением в лагерях единого гарантированного довольствия», стала уклоняться от выполнения поручаемых заданий и установленных норм выработки. Эти факторы привели к увеличению на стройках Главпромстроя количества заключенных, не выполняющих нормы выработки. В приказе приводятся соответствующие данные по ряду стройуправлений главка (на одном из них количество таких заключенных увеличилось во втором полугодии 1950 г. на 28 %), дается указание о снижении соответствующим руководителям лагподразделений установленных премий[32]. Фиксируя резко отрицательное отношение к выдаче на руки гарантийных 10 % всем работающим заключенным «независимо от их отношения к труду», министр вносит коррективы в решение правительства от 13.03.1950, которое предусматривало выдачу гарантированного питания и 10 % фактического заработка всем работающим заключенным, в том числе и тем из них, кто по независящим от них причинам не обеспечили своим заработком покрытие стоимости гарантированного питания и вещдовольствия. В приказе подчеркивается, что это решение правительства не может применяться одинаково – как к хорошо работающим заключенным, так и «к лодырям и бездельникам, отказчикам производства, уклоняющимся от выполнения производственных заданий и дезорганизующим производство»[32]. Специальный пункт приказа вводил (уже с марта 1951 г.) ограничения на выдачу гарантийного минимума в лагерях Главпромстроя. Министр установил также предельный срок выплаты зарплаты заключенным – не позднее 10-го числа следующего за расчетным месяца. При этом за невыполнение установленного срока виновные (из лагерной администрации) привлекались к ответственности, а показатели «по просрочке выплаты зарплаты» вводились в финансовые донесения строительства[33]. В целях «еще большей заинтересованности заключенных в повышении производительности труда» приказ разрешал начальникам строительств и ИТЛ переводить бригады хорошо работающих заключенных, выполняющих производственные задания не ниже 100 % и соблюдающих лагерный режим, на выплату им полностью фактического заработка (взамен гарантированного питания), предоставив таким бригадам полное питание в платных столовых за счет личного заработка[33]. Очевидно, руководство МВД было готово предпринимать неординарные меры для повышения эффективности лагерной экономики – как в направлении стимулирования труда заключенных, так и по линии повышения ответственности работников лагерной администрации за невыполнение плановых заданий лагподразделений, повышения их заинтересованности в результатах работы «контингента».

* * *

В какой мере можно доверять оптимистичным начальственным оценкам первых итогов внедрения системы зарплаты в качестве основного стимула к производительному труду в ГУЛАГе? Ясно, что не в полной мере. Об этом можно судить, например, из следующего фрагмента «Краткого обзора итогов перевода заключенных ИТЛ и колоний МВД СССР на систему зарплаты за I полугодие 1951 г.», направленного плановым отделом МВД СССР зам. министра внутренних дел Серову:

«Много недостатков имеется в организации труда, нормировании и учете выполненных работ. Имеют место различного рода приписки, записи объемов работ, выполненных од-

ними бригадами другим для начисления им прогрессивки и т. д. <...> По-прежнему весьма значительная часть низового нормировочного аппарата замещена заключенными, которые зачастую, находясь под влиянием бандитствующих элементов или под действием угроз, а иногда и по соглашению сознательно допускают приписки и неправильное нормирование нарядов»[34].

Очевидно, не во всех лагерях использовались разрешенные «сверху» методы стимулирования. Архивные материалы содержат примеры такого рода. Так, в письме заключенного О. Жукова К. Е. Ворошилову о необходимости реорганизации системы лагерей (4 марта 1954 г.) говорится, в частности, что лагерная рабочая сила в итогах труда «заинтересована относительно». «Результатов выработки не ощущается, оплата труда в корне отличается от вольнонаемного состава. Прогрессивных, премиальных, сверхурочных нет»[35].

Противоречивая оценка реформ ГУЛАГа начала 50-х гг. содержится в докладе Министра внутренних дел Союза СССР Круглова «О мерах коренного улучшения работы исправительно-трудовых лагерей и колоний в соответствии с постановлением ЦК КПСС от 10 июля 1954 г.», сделанном на совещании руководящих работников исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД СССР (27 сентября – 1 октября 1954 г.). Министр отметил, что нормирование и оплата труда заключенных, привлекаемых к работам, в основном строятся по тому же принципу, что и для вольнонаемных рабочих; широко применяется сдельная работа и основной формой поощрения их труда является сдельная оплата. В докладе утверждалось, что все работающие заключенные получают заработную плату по тарифным сеткам и ставкам, утвержденным соответствующими приказами для различных отраслей производства. К заключенным применяется сдельно-прогрессивная оплата труда, на них распространяются все действующие для вольнонаемных работников положения о премировании[36].

«Действующие местные нормы выработки в большинстве своем технически не обоснованы и поэтому легко перевыполняются. Об этом говорят следующие данные: в первом квартале 1952 г. на производстве 3 Управления ГУЛАГа нормы выработки выполнялись в среднем на 115 %, во втором квартале того же года нормы были повышены в среднем на 17,5 %, выполнение же норм в третьем квартале составило в среднем 121 %. В первом квартале 1954 г. на том же производстве выполнение норм составило 113 %, во втором квартале нормы были повышены на 13,8 %, однако выполнение норм в третьем квартале составило 116 %. В первом квартале 1954 г. опять на том же производстве выполнение норм составило ив среднем 114 %, во втором квартале нормы повышены на 10,8 %, а уже в июне выполнение норм составило 116 %.

Необходимо как следует разобраться с этим делом, установить правильные нормы выработки и вести борьбу с приписками»[37].

Однако «разобраться с этим делом» не удалось до последних дней ГУЛАГа – слишком застарелой была болезнь приписок. Об их процветании «в большей или меньшей степени во всех организациях, использующих труд заключенных», пишет в своем письме К. Е. Ворошилову в сентябре 1953 г. бывший заключенный Дальстроя, инженер-строитель А. М. Дородницын. Эта система, отмечает Дородницын, «уже давно породила новые словечки и поговорки, начинающие, к сожалению, завоевывать "права гражданства" в нашем русском языке: "*раскинуть чернуху*", "*без туфты и аммонала не построить нам канала*" и т. п.»[38].

* * *

В целом есть все основания полагать, что введение зарплаты как наиболее эффективного рычага денежного стимулирования привело к определенному повышению производительности труда заключенных. Однако и оно не смогло решить проблемы самоокупаемости ГУЛАГа. Так, в справке главной бухгалтерии ГУЛАГа по итогам выполнения производственного плана за I полугодие 1954 г. отмечалось, что план по накоплениям недовыполнен на 25,2 %, план по доходам от трудоиспользования заключенных выполнен лишь на 91 %, а

фактические расходы по содержанию лагерей и колоний превысили доходы от предоставления рабочей силы на 448,1 млн р. или на 50,6 млн р. более плана[39]. На покрытие превышения расходов над доходами было получено дотации из госбюджета 270,7 млн р. (т. е. недополученная дотация составила 177,4 млн р.), что «создало в лагерях и колониях финансовое напряжение» и привело к использованию «личных денег заключенных в сумме 46 млн р.»[40] (надо полагать, эти деньги были просто не выплачены заключенным). В справке начальника финансового отдела ГУЛАГа подполковника Лисицына приводятся основные параметры финансового плана ГУЛАГа на 1955 г. Характерно, что планируемые расходы по содержанию заключенных (4318,9 млн р.) еще в большей степени превышают доходы от трудового использования заключенных (3459,9 млн р.); таким образом, превышение расходов над доходами, покрываемое бюджетными ассигнованиями, выражается суммой 859 млн р.[41] В реальности эта сумма оказалась еще выше.

Следует отметить, что расходы «на управление» составляли около 10 % расходов на содержание заключенных (еще 20–25 % составляли расходы на охрану). В последние годы существования ГУЛАГа его бюрократическая машина продолжала плодить огромные потоки документации. Так, в справке начальника секретариата ГУЛАГа от 22 ноября 1954 г. отмечается, что за 10 месяцев этого года в ГУЛАГ поступило 329501 документ и еще 259345 документов было отправлено из ГУЛАГа[42]. С учетом же разосланных в периферийные органы приказов и указаний ГУЛАГа, его управлений и отделов общее количество документов, «прошедших в ГУЛАГе за 10 месяцев», превысило 709 тыс. Лишь за 9 месяцев 1954 г. израсходовано 5544 кг писчей бумаги[43].

Однако ни сотни тысяч циркуляров, рассылаемых администрацией ГУЛАГа, ни сотни тысяч солдат военизированной охраны, ни даже попытки внедрить рациональные системы мотивации труда в ГУЛАГе не могли изменить того факта, что эффективность и производительность труда заключенных была заметно ниже, чем у вольнонаемных, Так, в 1951 г. на всех объектах МВД доля вольнонаемных рабочих, не выполнявших нормы выработки, достигала 10,9 %, в то время как среди заключенных она была равна 27,4 % (разница в 2,5 раза). На некоторых объектах эта разница была гораздо более высокой. Так, для главка Шекснагидрострой этот показатель принимал, соответственно, значения 8 % и 69,2 %[44]. Напротив, среди вольнонаемных было 4,5 % тех, кто выполнял нормы на 200 и более процентов; среди заключенных их было вдвое меньше (2,2 %)[45].

Обсуждение сравнительной производительности труда заключенных и вольнонаемных работников требует учета и того обстоятельства, что принудительный труд заключенных был существенной компонентой той мобилизационной экономики, которая определяла развитие страны в 30-х – начале 50-х гг. Такой экономике необходимы были мобильные трудовые ресурсы, концентрация которых в нужных местах не требовала бы больших затрат и сложных организационных мер, расходов на адекватную оплату труда и создание необходимой инфраструктуры. Рабочая сила лагерей использовалась большей частью на крупных стройках, в горнодобывающей отрасли, на лесозаготовках, при сооружении промышленных объектов в отдаленных районах страны, где недостаток трудовых ресурсов ощущался особенно остро, а вопросы эффективности труда лишь постепенно (после «пика» индустриализации 30-х гг.) приобрели первостепенное значение.

Обреченность ГУЛАГа как неэффективной экономической системы в начале 50-х гг. была очевидна. После смерти Сталина это стало очевидным и для руководства страны. Уже 21 марта 1953 г. Л. П. Берия (на тот момент министр МВД СССР) направил письмо в Президиум Совета Министров СССР об изменении строительной программы 1953 г.[46] В письме предлагалось прекратить или полностью ликвидировать строительство ГУЛАГом 22-х крупных объектов (каналы, гидроузлы, порты, верфи, железные и автомобильные дороги, заводы), не вызванных «неотложными нуждами народного хозяйства». Общая сметная стои-

мость этого капитального строительства оценивалась в 49,2 млрд р., из которых 3,46 млрд р. были включены в план капитальных работ 1953 г. Это было началом конца ГУЛАГа, который, однако, просуществовал еще почти 7 лет.

Оценивая экономику ГУЛАГа в долгосрочном измерении, нельзя не согласиться с тезисом о том, что «сверхэксплуатация заключенных на тяжелых физических работах ослабляла трудовой потенциал страны», была причиной преждевременной смертности и инвалидности миллионов людей[47], способствовала закреплению мобилизационных механизмов экономического развития, основанных на жестких командно-административных принципах, естественным образом включавших насилие и беззаконие. Эти методы, обеспечив определенный индустриальный рывок в 1930-х гг., затем оказали тормозящее воздействие в процессе дальнейшего развития страны, требующего активного внедрения инновационных подходов. Однако представления о перспективности мобилизационных рывков в обозримой перспективе экономического развития России по-прежнему живучи. Так, в одной из недавно вышедших книг утверждается, что в сталинские годы «на всей территории СССР была создана огромная высокоэффективная хозяйственная система, не имевшая аналогов в мире». Если со второй частью утверждения следует, безусловно, согласиться, то с первой – как показывает, в частности, материал данной статьи, – вряд ли.

Примечания

[1] Фонотов А. Г. Россия : от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993. С. 88.
[2] См., напр.: Седов В. В. Мобилизационная экономика : от практики к теории // Мобилизационная модель экономики : исторический опыт России XX века. Челябинск, 2009. С. 7.
[3] http://rusotechestvo.narod.ru/finansy/f49.html.
[4] Хлевнюк О. В. Экономика ОГПУ-НКВД-МВД СССР в 1930–1953 гг. : масштабы, структура, тенденции развития // ГУЛАГ : экономика принудительного труда / отв. ред. Л. И. Бородкин, П. Грегори, О. В. Хлевнюк. М., 2005. С. 80, 74.
[5] Там же. С. 74.
[6] ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1с. Д. 334. Л. 22–25.
[7] Там же. Л. 22.
[8] Там же. Л. 22–23.
[9] Там же. Л. 24.
[10] О функциях ГУЛАГа по контролю порядка в лагерях всех производственных главков НКВД/МВД см. статью С. Эртца в данной книге.
[11] ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1 доп. Д. 150. Л. 250.
[12] ГАРФ. Ф. 9414. Оп.1. Д. 330. Л. 49.
[13] ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 93. Л. 49–53.
[14] Там же. Л. 49.
[15] Там же. Л. 52.
[16] Это утверждение требует уточнений. Так, например, в соответствии с докладом зам начальника ГУЛАГа, представленного в марте 1940 г., плановый бюджет ГУЛАГа на 1940 г. составлял в доходной части 7375,72 млн р., а в расходной – 7864,01 млн р. Запланированное превышение расходов над доходами составляло, таким образом, 488,29 млн р.; оно покрывалось ассигнованиями из госбюджета. См.: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 28. Л. 123–124.
[17] ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 330. Л. 169.
[18] Там же. Л. 171–172.
[19] ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1д. Д. 334. Л. 191–200.
[20] Там же. Л. 191.
[21] Там же. Л. 194.
[22] Там же. Л. 195.

[23] Отметим, однако, что в феврале того же 1948 г. в докладе Сталину о работе ГУЛАГа начальство бодро рапортовало: «Содержание лагерей и колоний окупается производственно-хозяйственной деятельностью МВД СССР. За счет средств из государственного бюджета содержатся лишь полные инвалиды и заключенные в период пребывания их в пересыльных тюрьмах до отправки в лагери и колонии». См.: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Ч. 1. Д. 326. Л. 8.
[24] ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1д. Д. 334. Л. 196.
[25] ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 104. Л. 146–147.
[26] ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 105. Л. 6.
[27] ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Ч. I. Д. 326. Л. 35.
[28] Там же. Л. 35–44.
[29] Там же. Л. 41.
[30] Там же. Л. 43.
[31] ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1 доп. Л. 170 м. Л. 107–111.
[32] Там же. Л. 108, 111.
[33] Там же. Л. 110.
[34] ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1 доп. Д. 150. Л. 145.
[35] ГАРФ. Ф. 7523. Д. 253. Л. 84. Интересно, что машинописная копия данного письма, посланного Ворошилову заключенным (бывшим военнослужащим) нелегально и содержавшего драматичную картину лагеря, «нравственно и физически калечащего советских людей», была разослана Г. М. Маленкову, Н. С. Хрущеву, В. М. Молотову, Н. А. Булганину, Л. М. Кагановичу, А. И. Микояну, М. З. Сабурову, М. Г. Первухину.
[36] ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / под ред. А. Н. Яковлева ; сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., 2002. С. 668.
[37] Там же. С. 670.
[38] Там же. С. 599. Стоит отметить, что по письму А. М. Дородницына была создана комиссия под руководством Л. Л. Дедова, который признал, что большинство предложений, изложенных в данном письме, правильные. Копии были посланы Г. М. Маленкову, Н. С. Хрущеву, В. М. Молотову, Н. А. Булганину, Л. М. Кагановичу, А. И. Микояну, М. З. Сабурову, М. Г. Первухину. Там же. С. 607–608.
[39] ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 206. Л. 125–126.
[40] Там же. Л. 125.
[41] Там же. С. 123.
[42] ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 206. Л. 150–151.
[43] Там же. Л. 151.
[44] ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Ч. 1. Д. 326. Л. 178.
[45] Там же. Л. 179.
[46] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 416. Л. 14–16.
[47] Хлевнюк О. В. Экономика ОГПУ-НКВД-МВД СССР... С. 89.

М. А. Безнин, Т. М. Димони

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ПРОЛЕТАРИАТ В РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ 1930–1980-х ГОДОВ[*]

Колхозно-совхозный период российской истории (1930–1980-е гг.) неразрывно связан с глубинными экономическими и социальными трансформациями аграрной подсистемы.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект 12-06-00088-а «Базы данных по аграрной истории Европейской России 1930–1980-х годов: опыт проектирования и интерпретаций».

Главной канвой экономических изменений стала капитализация сельского хозяйства, характеризующаяся ростом количества капитала и увеличением его роли среди других факторов производства (капитала, земли и труда)[1]. Усложнение экономического устройства неизбежно повлекло классовое переструктурирование социума, в частности в сельском хозяйстве, на наш взгляд, формировались пять основных социальных классов: протобуржуазия (обладающая наибольшими правами собственности на сельскохозяйственные ресурсы – председатели колхозов, директора совхозов и МТС), менеджеры (управленцы и распорядители ресурсов – бригадиры, управляющие отделениями и др.), интеллектуалы (собственники знаний – агрономы, зоотехники, инженеры-механики и др.), рабочая аристократия (те, кто работал с техникой – основой капитализирующейся экономики – трактористы, комбайнеры, шоферы и др.), сельский пролетариат (наиболее удаленные от собственности и власти «работники конно-ручного труда»)[2].

В данной статье речь пойдет о классе *сельскохозяйственного пролетариата.* Применение данного термина может показаться необычным в ракурсе рассмотрения самого массового рабочего слоя советской колхозно-совхозной деревни, по традиции называемого «колхозным крестьянством» или «совхозными рабочими». Данные классовые определения общепринятыми сделала еще советская историографическая традиция, характеризуя процесс «вызревания» сельских тружеников новой формации. Истоки этой традиции восходят к мнению И. В. Сталина, высказанному в 1936 г.: «Наше советское крестьянство является совершенно новым крестьянством. У нас нет больше помещиков и кулаков, купцов и ростовщиков, которые могли бы эксплуатировать крестьян. Стало быть, наше крестьянство есть освобожденное от эксплуатации крестьянство <…> Советское крестьянство в своем подавляющем большинстве есть колхозное крестьянство, то есть оно базирует свою работу и свое достояние не на единоличном труде и отсталой технике, а на коллективном труде и современной технике. Наконец, в основе хозяйства нашего крестьянства лежит не частная собственность, а коллективная собственность, выросшая на базе коллективного труда»[3]. С. Л. Сенявский, С. П. Трапезников, П. И. Симуш, В. Б. Островский, М. А. Вылцан, И. М. Волков, А. П. Тюрина и др. прочно прописали в советской историографии схему, согласно которой после коллективизации крестьянство как «класс феодального и раннекапиталистического общества»[4] трансформировалось в «класс колхозного крестьянства» – «однородный социалистический класс, главными признаками которого стала общественная собственность на орудия и средства производства»[5]. Их анализ социальной структуры сельского населения также показал наличие класса «сельского пролетариата (рабочих совхозов)»[6]. Советская историография определяла новый класс «колхозное крестьянство» как «работников физического сельскохозяйственного труда, владеющих групповой собственностью на средства производства и объединенных на этой основе в сельхозартели» (С. Л. Сенявский)[7]. П. И. Симуш определял «колхозное крестьянство» как «класс, состоящий из совокупности работников, занимающихся в основном физическим трудом, добровольно объединившихся для совместного ведения крупного социалистического сельскохозяйственного производства на основе кооперативной собственности и коллективного труда…»[8]. Таким образом, советская историография употребляла в отношении рассматриваемого социального класса термин ‘крестьянство’, хотя и подчеркивала его новые «социалистические» черты.

Данный подход, однако, не позволяет идентифицировать границы новой социальной группы в рамках эволюции традиционного крестьянства, так как под «крестьянством» понимается класс (сословие?), обладающий весьма определенными признаками. «Крестьянство» уже в 1930-е гг. определялось И. В. Сталиным как «класс мелких производителей, члены которого атомизированы, разбросаны по лицу всей страны, копаются в одиночку в своих мелких хозяйствах с их отсталой техникой, являются рабами частной собственности и безнаказанно эксплуатируются помещиками, кулаками, купцами, спекулянтами, ростов-

щиками и т. п.»[9]. Достаточно близким по смыслу представляется и общепризнанное сегодня определение крестьянства, данное Т. Шаниным, согласно которому крестьяне – это мелкие сельскохозяйственные производители, которые трудом своих семей, используя простое оборудование, производят главным образом для собственного потребления и для того, чтобы исполнять свои обязанности по отношению к обладателям политической и экономической власти[10]. Таким образом, в определении крестьянства как сословия (класса?) традиционного общества присутствуют важные классообразующие признаки, а в описании «класса колхозного крестьянства», предложенного советским обществознанием, они совершенно не очевидны. Кроме того, даже советское обществознание во второй половине XX в. обращало внимание на то, что в крестьянстве сложилось определенное количество «структурных групп», различающихся по доходам, образованию, профессиональной подготовке и т. д.[11] Однако о существовании класса «крестьянство» в советское и постсоветское время продолжали писать большинство исследователей, говоря, однако, об идущем параллельном процессе раскрестьянивания села, утрате его жителями крестьянских черт[12].

На наш взгляд, основная масса сельскохозяйственного населения деревни колхозно-совхозного периода, занятая ручным физическим трудом, не просто была охвачена процессом раскрестьянивания, но превратилась в новый класс – класс сельскохозяйственного пролетариата. В классическом марксизме середины XIX в. пролетариат определялся как «общественный класс, который добывает средства к жизни исключительно путём продажи своего труда, а не живёт за счёт прибыли с какого-нибудь капитала»[13]. Согласно устоявшимся в социологии, политологии трактовкам пролетариат это «класс, источником средств существования которого является заработная плата, а единственным имеющим материальную ценность достоянием – его рабочая сила». Значимым признаком принадлежности к пролетариату является также отчужденность от собственности[14]. Известны и другие трактовки понятия ‘пролетариат’. Например, русский философ И. Л. Солоневич считал, что «в среднем, пролетариат – это неквалифицированные низы рабочей массы»[15]. В СССР с середины 1930-х гг. термин ‘пролетариат’ практически вышел из употребления в связи с установкой, изложенной И. В. Сталиным: «Рабочий класс СССР <…> часто называют по старой памяти пролетариатом. Но что такое пролетариат? Пролетариат есть класс, лишенный орудий и средств производства при системе хозяйства, когда орудия и средства производства принадлежат капиталистам и когда класс капиталистов эксплуатирует пролетариат <…> Но у нас класс капиталистов, как известно, уже ликвидирован, орудия и средства производства отобраны у капиталистов и переданы государству <...> Стало быть, наш рабочий класс не только не лишен орудий и средств производства, а наоборот, он ими владеет совместно со всем народом. А раз он ими владеет, а класс капиталистов ликвидирован, исключена всякая возможность эксплуатации рабочего класса. Можно ли после этого назвать наш рабочий класс пролетариатом? Ясно, что нельзя… Это значит, что пролетариат СССР превратился в совершенно новый класс, в рабочий класс СССР, уничтоживший капиталистическую систему хозяйства, утвердивший социалистическую собственность на орудия и средства производства и направляющий советское общество по пути коммунизма»[16]. С этого времени общеупотребимым стал термин ‘рабочий класс’, а термин ‘пролетариат’ применительно к СССР вышел из употребления.

* * *

Превращение традиционного крестьянства в класс сельскохозяйственного пролетариата было предопределено форсированным ударом по его основополагающим институтам, пришедшимся на период так называемой коллективизации, когда были произведены изъятие крестьянских земельных наделов в пользу «коллективных» хозяйств и совхозов и передача значительной части имущества крестьянских дворов в неделимый фонд колхозов. В 1920-е гг. в пользовании крестьянских дворов СССР было около 365 млн га сельскохозяй-

ственной земли[17]. В 1980 г. в пользовании приусадебных хозяйств осталось около 8 млн га сельхозугодий (1,3 % от общей их площади)[18]. Капиталы колхозных дворов СССР сократились с 1928 г. по 1937 г. в 38 раз (с 16236,4 млн р. до 424 млн р.)[19]. Таким образом, форсированная пролетаризация крестьянского двора была связана с лишением его основных элементов «крестьянствования» – обезземеливанием, разрушением воспроизводственного механизма их демографического и хозяйственного статуса, в связи с чем жить в прежнем хозяйственном устройстве было уже невозможно. Проникновение в деревню государственно-организованного капитала уже в 1930–1950-е гг. сузило возможность индивидуального хозяйствования до крошечного клочка земли, небольшого количества скота, денатурализовало крестьянский труд и его продукт, что и готовило почву для трансформации крестьянина в рабочего. Необходимо отметить и специфику становления сельскохозяйственного пролетариата, состоящую в достаточно длительном сохранении остаточных элементов крестьянского состояния среди колхозников, о чем пойдет речь ниже. Совхозные же рабочие изначально формировались как часть пролетарского класса – с заработной платой и вне серьезной привязанности к «своему» клочку земли.

Класс сельскохозяйственного пролетариата в российской деревне составлял основную долю сельскохозяйственного населения, однако его численность сокращалась. Согласно данным Всесоюзных переписей населения в 1939 г. работников, «занятых на конно-ручных работах в растениеводстве и прочих работах», в колхозном и совхозном хозяйствах России, насчитывалось около 18 млн чел., в 1989 г. – около 3 млн.[20] По данным ЦСУ СССР в РСФСР на 1 августа 1979 г. в растениеводстве колхозов «вручную не при машинах и механизмах» трудились 66 % колхозников (1,6 млн. чел.), в животноводстве колхозов – 67% колхозников (около 1 млн чел.)[21]. В. И. Староверов приводит очень интересные данные собственного обследования коллектива колхозников колхоза им. Ленина Старорусского района Новгородской области (в основании его лежали 684 единоличных хозяйства, коллективизированных первоначально в 11 сельхозартелей). Согласно его сведениям, в 1930 г. ручным и конно-ручным трудом были заняты 97 % колхозников, в 1950 г. – 82 %, в 1965 г. – 66 %, в 1990 г. – 47 %[22]. Таким образом, сельскохозяйственный пролетариат на всем протяжении 1930–1980-х гг. продолжал оставаться самым многочисленным сельскохозяйственным классом деревни, подавляющая его часть концентрировалась в растениеводстве колхозов и совхозов.

Формировался сельский пролетариат, в подавляющем большинстве из крестьян. По данным 1930 г. социальный состав колхозов РСФСР включал 33 % крестьян-бедняков, 60 % крестьян-середняков и 7 % «прочих»[23]. Среди рабочих совхозов в 1932 г. основная масса были выходцами из семей крестьян-бедняков – 53 % постоянных и 58 % сезонных рабочих; из промышленных и городских рабочих – 12 % постоянных и 9 % сезонных кадров; из сельхозрабочих – 17 % постоянных и 12 % по сезонных рабочих совхозов. Значительную долю среди рабочих совхозов занимали выходцы из семей крестьян-середняков (13 % постоянных и 17 % сезонных рабочих)[24].

Первоначально, в 1930 – первой половине 1960-х гг. правовой статус колхозной и совхозной групп сельскохозяйственного пролетариата характеризовался большой спецификой. Правовое положение колхозной части сельскохозяйственного пролетариата отличалось серьезной дискриминацией. Важнейшее значение в этом имело введение паспортного режима 1932 г., действовавшего до 1974 г., согласно которому колхозное крестьянство было оставлено вне паспортизации, а также продолжавшее эту линию Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 19 апреля 1938 г., которым было запрещено массовое исключение колхозников из колхозов[25]. Таким образом, сельскохозяйственный пролетариат оказался «прикрепленным» к земле. Основными документами, регулирующим правовое положение колхозников в 1930-е гг., являлись Примерный Устав сельхозартели 1935 г., где, в частности, оговаривалось право колхозника на ведение приусадебного хозяйства (как правило, 0,25–0,5 га), а

также Постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР 1939 г., вводящее норму выработки трудодней. В 1930–1950-е гг. в отношении колхозников полномасштабно действовала система крестьянских повинностей[26]. Основополагающую роль играла отработочная повинность в общественном хозяйстве колхоза (норма выработки трудодней). Ее исполнение составляло у взрослых трудоспособных колхозников 60–70 % от всех трудовых затрат двора. Кроме того, отработочная повинность включала в себя трудовую и гужевую повинность на лесозаготовках и торфоразработках, работу по строительству и ремонту дорог, различного рода трудовые мобилизации. Высок был уровень эксплуатации двора и при выполнении продуктовых повинностей – обязательных поставок сельхозпродукции. Доля продукции приусадебных участков колхозников, сдаваемой в госпоставки, составляла по разным ее категориям, как правило, от 10 % до половины общего объема производства двора. Сопоставление цен, выплачиваемых при сдаче госпоставок дворами с государственными розничными ценами, показывает, что изъятие продуктов, фактически, происходило по символическим ценам (разница в ценах доходила до десятикратной). Среди денежных повинностей колхозников основную роль играл сельхозналог. Также крестьянство привлекалось к уплате государственных и местных налогов, реализации госзаймов. Доля денежных повинностей колхозников РСФСР составляла в 1940 г. около 6 %, возросла к 1948 г. до 17 %, а к началу 1950-х гг. – до пятой части денежных доходов двора. В целом можно говорить о высочайшем уровне эксплуатации двора в период существования системы повинностей. Повинностный тип эксплуатации сельскохозяйственного пролетариата обусловил длительное сохранение многих черт крестьянского мировосприятия, что обуславливало незавершенность пролетаризации колхозников.

Изменения в правовом положении колхозников происходят на рубеже 1950–1960-х гг. В 1958 г. были отменены обязательные поставки сельхозпродукции колхозными дворами, шло угасание системы повинностей. Колхозники были включены в систему социального страхования: в 1964 г. члены колхозов получили право на пенсии по старости и инвалидности, а женщины – члены колхозов право на пособие по беременности и родам[27]. С 1970 г. колхозники становятся членами профсоюзов с включением их в систему соцстраха (больничные листки членам колхозов выдавались лечебными учреждениями в порядке, предусмотренном для рабочих и служащих)[28]. В 1974 г. началась паспортизация колхозной деревни. Изменения, произошедшие в социальном статусе колхозников, подчеркнули дополнения и изменения, внесенные в примерный устав колхоза 10 июля 1980 г.[29] Так, были включены положения «о праве на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием и учетом дополнительных потребностей». Колхозникам предоставлялось право на отдых, обеспечиваемое предоставлением выходных дней и ежегодных оплачиваемых отпусков. Были включены положения об охране труда, соглашении профсоюзного комитета колхоза с правлением колхоза.

Правовой статус совхозных рабочих значительно отличался от колхозников. По паспортной системе 1932 г. совхозники имели паспорта, им выплачивалась заработная плата. Для постоянных, сезонных и временных рабочих, которые основным источником имели работу по найму, было введено социальное страхование. Число членов профсоюзов в совхозах увеличилось с 275 тыс. в 1928 г. до 1101 тыс. в 1932 г.[30] В 1948 г. был создан единый профсоюз рабочих совхозов СССР, на местах возникли областные, краевые и республиканские комитеты этого союза[31].

Сельскохозяйственный пролетариат совхозов, однако, рядом правительственных решений был «привязан» к земле. В 1933 г. был решен вопрос о наделении совхозников приусадебным участком размером до 0,25 га и обеспечении их скотом. С этого момента на рабочих совхозов распространялась система повинностей (натурально-продуктовых и денежных). В сентябре 1938 г. правительство установило, что семья совхозного рабочего, специалиста или служащего может иметь в личной собственности одну корову и теленка или козу и одну

свинью. Рабочий скот держать запрещалось[32]. После «разрешения» приусадебного хозяйствования в конце второй пятилетки почти все семейные рабочие совхозов имели корову, а более половины их держали свиней, овец, коз. Начальник Политуправления Наркомата совхозов К. П. Сомс писал: «Разрешение иметь скот и огороды сыграло огромную роль в закреплении рабочей силы в совхозах»[33]. В дальнейшем приусадебный участок рабочих совхозов был сокращен до 0,15 га на семью[34].

В отличие от колхозников, совхозные рабочие имели нормированную продолжительность рабочего дня (с 1959 г. – 7 часов согласно постановлению ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС о сроках перевода на сокращенный рабочий день и упорядочения заработной платы рабочих м служащих)[35]. Следовательно, правовой статус совхозной части сельскохозяйственного пролетариата базировался на их статусном положении рабочего – с возможностью свободного найма, продажи рабочих рук. Наделение их землей, первоначально государством не предусмотренное, было связано, видимо, с последствиями голода 1932–1933 гг. и становлением охранительно-консервативной линии государственной политики тех лет.

Сельский пролетариат был классом, наиболее отдаленным от участия в реализации прав собственности, труд их в наибольшей степени эксплуатировался. Рабочими орудиями этого класса были лишь простейшие предметы ручного инвентаря (лопата, мотыга, коса, гужевые принадлежности и др.), основной тягловой силой, с которой они имели дело – лошадь. Следовательно, *место сельскохозяйственного пролетариата в капитализированной экономике было связано с переносом в стоимость сельхозпродукта затрат живого труда*, что служило главным отличительным признаком этого класса в социальной пирамиде деревни. Сельскохозяйственный пролетариат был самым низкооплачиваемым слоем деревни. Оплата труда колхозников состояла из натуральных и денежных отчислений от доходов колхозов. В Примерном Уставе колхоза 1935 г. был закреплен остаточный принцип оплаты труда колхозников (после выполнения всех обязательство перед государством, формирования колхозных фондов и т. д.). Работа за трудодни – наиболее ярко отраженный в деревенском фольклоре элемент правового статуса колхозника: *«Заработала одни/ Палочки-трудодни/ Не испечь их, не сварить/ И ни печку истопить»*[36]. В формировании бюджета крестьянского двора велика была роль приусадебного хозяйства. По бюджетным обследованиям конца 1930-х гг., проведенным в черноземных областях России, доля личного хозяйства во многих семьях превышала половину, а в некоторых семьях – 70 % совокупных доходов семей колхозников (исчисление производилось в ценах колхозного рынка). К 1953 г. доля личного хозяйства в доходах российских колхозников возросла и во многих районах превышала 90 %. В большинстве областей Нечерноземья около половины совокупных доходов колхозной семьи даже в начале 1960-х гг. формировалось за счет личного хозяйства[37].

Рабочие совхозов, в отличие от колхозников, с начала 1930-х гг. получали гарантированную заработную плату. Первый тарифно-квалификационный справочник для совхозов был разработан в 1932 г.[38] Новым этапом в тарификации сельскохозяйственных работ являлось постановление ЦК КПСС, СМ СССР и ВЦСПС, принятое в сентябре 1959 г., о сроках завершения перевода на сокращенный рабочий день и упорядочении заработной платы рабочих и служащих. Были утверждены две шестиразрядные тарифные сетки для государственных сельскохозяйственных предприятий: одна на конно-ручные работы и работы в животноводстве, а другая на работы, выполняемые трактористами-машинистами. В бюджетах семей совхозных рабочих основное место занимали поступления от работы по найму. В 1932 г. она составляла 86 % дохода семей совхозных рабочих в среднем по СССР, а по совхозам зернотрестов – 91 %. Доход совхозников от своего хозяйства в бюджете их семей составлял по данным 1929/30 г. 9,4 %[39].

В конце 1950-х – 1960-е гг. правовой статус и экономическое положение двух основных групп сельскохозяйственного пролетариата – колхозников и совхозных рабочих – стреми-

тельно сближается: они начинают получать гарантированную заработную плату. В марте 1958 г. было принято постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О ежемесячном авансировании колхозников и дополнительной оплате труда в колхозах», согласно которому рекомендовалось выдавать колхозникам ежемесячно в течение года авансом на трудодни не менее 25 % денежных доходов, полученных от всех отраслей общественного производства, и 50 % денежных средств, взятых в виде авансов по контрактации, закупкам и обязательным поставкам сельскохозяйственной продукции. Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 16 мая 1966 г. «О повышении материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного производства»[40] рекомендовало колхозам ввести с 1 июля 1966 г. гарантированную оплату труда колхозников (деньгами и натурой), исходя из тарифных ставок соответствующих категорий работников совхозов, что было кардинальным изменением в системе оплаты колхозного труда. Сближалась и структура совокупного бюджета колхозников и совхозных рабочих. В конце 1970-х гг. в РСФСР доля поступлений от личного приусадебного хозяйства в семьях колхозников равнялась 25 %, в семьях рабочих совхозов – 14 %[41]. Таким образом, через введение «зарплатной» системы оплаты труда, паспортизации колхозников, уход в прошлое системы повинностей основные категории сельскохозяйственного пролетариата – колхозного и государственного уклада – консолидировались в единый класс на рубеже 1960–1970-х гг. Серьезным маркером окончательной пролетаризации класса стало серьезное уменьшение поступлений от приусадебного хозяйства в бюджете семьи. Переломным периодом в этом процессе была середина 1960-х гг.

Мировоззренчески сельский пролетариат дольше остальных сельскохозяйственных классов сохранял крестьянские черты. Они базировались на масштабном, по крайней мере, до 1960-х гг., ведении приусадебного хозяйства, которое формировало до половины доходов семьи. Сохранение хозяйства двора было настолько важным для самоидентификации колхозника (как, впрочем, и большинства совхозных рабочих), что В. И. Белов назвал этот системообразующий признак «привычным делом». Выход приусадебного хозяйства колхозного двора из «аграрного» состояния проходит ряд этапов. Начало этого процесса связано с 1930-ми гг., когда двор был лишен лошади, происходило быстрое сокращение доли технических культур в структуре посевных площадей приусадебных участков колхозников. Даже в начале 1930-х гг. они занимали около 7 % посевных площадей приусадебных участков, а к 1960-м гг. их доля не превышала 1 %. Хлебный клин до минимума сокращается в структуре посевов двора к 1970-м гг. (с 16 % в 1940 г. до 7 % в 1970 г.)[42]. Одновременно происходило падение агротехнической культуры приусадебного хозяйства, деградирует правильный севооборот и т. д. Параллельно этим процессам исчезает интерес колхозников к расширению и даже сохранению приусадебного участка. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. доля дворов, не имеющих земли, с землей только под постройками или с малым (до 10 соток) количеством земли не превышала в большинстве областей Нечерноземья РСФСР 1–3 %. Зато доля дворов с максимально возможным для данного региона земельным участком, как правило, была на уровне 30 %, а чаще 40–50 %. Несмотря на то, что в 1964 г. было решено снять ограничения с ведения приусадебного хозяйства[43], в этом институте в 1960–1980-е гг. происходили серьезные перемены. На Европейском Севере, например, в середине 1980-х гг. свыше 10 % колхозных семей вообще не имели приусадебного участка, а доля семей с максимальными земельными участками сократилась по сравнению с 1950-ми гг. в 2–3 раза[44]. И, наконец, важным этапом перерождения хозяйства двора можно считать отказ от содержания коровы. Уже в начале 1960-х гг. в России лишились коров около трети крестьянских семей, а во второй половине 1980-х гг. доля таковых приблизилась к 50 % дворов. По областям Европейской России в 1987 г. доля семей, содержащих корову, колеблется от 14 до 35 % от общего числа колхозных дворов[45].

Большим своеобразием отличалось и участие сельского пролетариата в политической жизни. Находясь на нижнем этаже советского общества, он был в значительной мере от-

странен от участия в принятии политических и хозяйственных решений и предпочитал действовать в стиле традиционного крестьянского «молчаливого» социального протеста, т. е. применяя пассивное сопротивление власти (исход из деревни, уклонение от повинностей, борьба за приусадебную землю, сохранение традиционной культуры и др.)[46]. Вместе с утратой крестьянского каркаса мировосприятия под натиском государственно-организованного капитала, хозяйствовавшего в деревне, крестьянское противостояние власти угасло. Ушла в прошлое многовековая традиция пассивных, ненасильственных форм противостояния капитализаторской политике государства, а на смену ей пришли вполне обычные для капитализированного общества формы решения трудовых конфликтов через профсоюз, суд, административные разбирательства.

Подведем некоторые итоги. Класс сельскохозяйственного пролетариата имел долгое крестьянское прошлое. Формирование этой группы в качестве социального класса началось в конце 1920-х – начале 1930-х гг., вместе с лишением основной массы традиционного крестьянства земли и собственности, вынудившей их жить за счет продажи рабочих рук. Вызревание класса сельскохозяйственного пролетариата прошло разные пути в колхозном и государственном сельскохозяйственных укладах. В государственном укладе совхозные рабочие сразу приобрели пролетарские черты, колхозники же до конца 1950-х гг. сохраняли остатки старокрестьянской жизни в правовом статусе («прикрепление» к земле), во взаимоотношениях с государством (повинностная система), быту (приусадебное хозяйство), мировоззренческих основах (крестьянской самоидентификации). С конца 1960-х гг. колхозники и совхозные рабочие окончательно консолидируются в сельскохозяйственный пролетариат как единый класс, они получают право свободной продажи своей рабочей силы, живут преимущественно за счет заработной платы, теряют интерес к земле и приусадебному хозяйствованию, обладают «раскрестьяненными» социально-психологическими особенностями.

Примечания

[1] Безнин М. А., Димони Т. М. : 1) Капитализация в российской деревне 1930–1980-х годов. Вологда, 2005; 2) Процесс капитализации в российском сельском хозяйстве 1930–1980-х гг. // Отечеств. история. 2005. № 6. С. 94–121.

[2] Безнин М. А., Димони Т. М. : 1) Социальные классы в российской колхозно-совхозной деревне 1930–1980-х гг. // Социс. 2011. № 11. С. 90–102; 2) Социальная эволюция верхушки колхозно-совхозных управленцев в России 1930–1980-х годов // Рос. история. 2010. № 2. С. 25–43; 3) Протобуржуазия в сельском хозяйстве России 1930–1980-х годов (новый подход к социальной истории российской деревни). Вологда, 2008; 4) Менеджеры в сельском хозяйстве России 1930–1980-х годов (новый подход к социальной истории российской деревни). Вологда, 2009; 5) Интеллектуалы в сельском хозяйстве России 1930–1980-х годов (новый подход к социальной истории российской деревни). Вологда, 2010; 6) Рабочая аристократия в сельском хозяйстве России 1930–1980-х годов (новый подход к социальной истории российской деревни). Вологда, 2012.

[3] Сталин И. В. О проекте Конституции Союза ССР // Правда. 1936. 26 нояб.

[4] Сенявский С. Л. Изменения в социальной структуре советского общества. 1938–1970. М., 1973. С. 122.

[5] Островский В. Б. Колхозное крестьянство СССР. Политика партии и ее социально-экономические результаты. Саратов : Изд. Сарат. ун-та, 1967. С. 101.

[6] Сенявский С. Л. Указ. соч.; Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос : в 2 т. Т. 2. М., 1967; Симуш П. И. Социальный портрет советского крестьянства. М., 1976; Арутюнян Ю. В. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971; Островский В. Б. Указ. соч.; Сдобнов С. И. Советская деревня на пути социального прогресса. М., 1976; Экономический строй социализма : в 3 т. М., 1984; Вылцан М. А. : 1) Завершающий

этап создания колхозного строя (1935–1937). М., 1978; 2) Советская деревня накануне Великой Отечественной войны (1938–1941). М., 1970; Волков И. М. Трудовой подвиг колхозного крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946–1950 гг. М., 1972; Тюрина А. П. Социально-экономическое развитие советской деревни 1965–1980. М., 1982 и др.

[7] Сенявский С. Л. Указ. соч. С. 124.

[8] Симуш П. И. Указ. соч. С. 30.

[9] Сталин И. В. О проекте Конституции Союза ССР…

[10] Шанин Т. Определяя крестьянство. Очерки касательно сельских обществ, эксполярных форм экономики и выводы из них для современного мира. Оксфорд, 1990. С. 23–24.

[11] См., например: Внутриклассовые изменения крестьянства. Минск, 1966. С. 14; Арутюнян Ю. В. Указ. соч. С. 334; Староверов, В. И. Социальная структура сельского населения СССР на этапе развитого социализма. М., 1978 и др.

[12] См. подробнее: Безнин М. А. Раскрестьянивание России // Крестьянское хозяйство : история и современность : материалы к Всерос. науч. конф. Ч. 1. Вологда, 1992. С. 103–110.

[13] Энгельс Ф. Принципы коммунизма // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. М., 1985. Т. 3. С. 122.

[14] Пролетариат // Андерхилл Д., Барретт С., Бернелл П., Бернем П. [и др.] Политика. Толковый словарь. М., 2001.

[15] Солоневич И. Л. Диктатура сволочи. URL : http://samoderjavie.ru/node/395.

[16] Сталин И. В. О проекте Конституции Союза ССР…

[17] Сельское хозяйство СССР : стат. сб. М., 1960. С. 7.

[18] Емельянов А. М. Экономика сельского хозяйства. М., 1982. С. 101.

[19] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 80. Д. 63а. Л. 56. Данные ориентировочные, по неизменным ценам 1926/27 г.

[20] Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. СПб., 1999. С. 193–164; Профессиональный состав населения РСФСР коренных и наиболее многочисленных национальностей РФ (по данным переписи населения 1989 г.). М., 1992. С. 36, 38.

[21] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 62. Д. 1061. Л. 10.

[22] Рассчитано по: Староверов В. И. Раскрестьянивание : социолого-политологический анализ // Социс. 2010. № 4. С. 27.

[23] История крестьянства СССР. Т. 2. М., 1986. С. 194.

[24] Труд в СССР. М. ; Л., 1932. С. 28.

[25] Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 19 апреля 1938 г. «О запрещении исключения колхозников из колхозов» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. М., 1967. С. 651.

[26] См. подробнее: Безнин М. А., Димони Т. М. Повинности российских колхозников в 1930–1960-е годы // Отечеств. история. 2002. № 2. С. 96–111.

[27] Закон о пенсиях и пособиях членам колхозов. Принят ВС СССР 15 июля 1964 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. М., 1968. С. 473.

[28] Постановление СМ СССР и ВЦСПС от 27 марта 1970 г. «О мерах по осуществлению социального страхования членов колхозов»// Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965–1971 гг.). М., 1971. С. 458.

[29] Постановление ЦК КПСС и СМ СССР о внесении некоторых изменений и дополнений в Примерный устав колхоза от 10 июня 1980 г. // КПСС и резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 14. М., 1982. С. 26–28.

[30] Сельскохозяйственная энциклопедия. Т. 4. М., 1935. С. 113–114.

[31] Богденко М. Л., Зеленин И. Е. Совхозы СССР : крат. ист. очерк : (1917–1975). М., 1976. С. 145.

[32] СЗ СССР. 1933. № 74. Ст. 453; 1938. № 45. Ст. 268.

[33] Богденко М. Л., Зеленин И. Е. Указ. соч. С. 94.

[34] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. М., 1967. С. 719; О мерах по улучшению работы совхозов Наркомсовхозов : извлечение из постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 17 марта 1940 г. // Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1940 годы. М., 1940. С. 226.
[35] Организация социалистических сельскохозяйственных предприятий. М., 1963. С. 223.
[36] Заветные частушки : из собрания А. Д. Волкова. Т. 2. Политические частушки. М., 1999. С. 38.
[37] Безнин М. А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950–1965 гг. С. 111.
[38] Организация социалистических сельскохозяйственных предприятий. М., 1963. С. 222.
[39] Труд в СССР. М. ; Л., 1932. С. 41.
[40] Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965–1971 гг.). М., 1971. С. 135.
[41] Бюджеты рабочих, служащих и колхозников за 1970, 1975–1979 годы. М., 1980. С. 8.
[42] Рассчитано по: Народное хозяйство РСФСР : стат. сб. М., 1957. С. 131–132; Народное хозяйство РСФСР в 1975 г. : стат. ежегодник. М., 1976. С. 166–167.
[43] Постановление ЦК КПСС от 27 октября 1964 г. «Об устранении необоснованных ограничений личного подсобного хозяйства колхозников, рабочих и служащих» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. М., 1968. С. 517.
[44] Безнин М. А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950–1965 гг. М., 1991. С. 86–90; Гулин К. А. Материальное положение колхозного крестьянства на Европейском Севере России в 1965–1985 гг. : дис. … канд. ист. наук. Вологда, 1999. С. 172–173.
[45] Численность скота в РСФСР : стат. сб. М., 1961. С. 174; РГАЭ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 1650. Л. 18.
[46] См. подробнее: Безнин М. А., Димони Т. М. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х – 1960-е гг.) // Отечеств. история. 1999. № 3. С. 86.

СЕКЦИЯ 1.
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ МОБИЛИЗАЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Дегтярев П. Я.
Братченко Т. М.
Каиль М. В.
Кодин Е. В.
Козлов К. С.
Сенявский А. С.
Серазетдинов Б. У.
Соколов А. С.
Фельдман М. А.
Фокин А. А.
Шпотов Б. М.
Шумкин Г. Н.

П. Я. Дегтярев

ПРИРОДНООБУСЛОВЛЕННЫЕ УСЛОВИЯ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИУМА КАК ФАКТОР УКОРЕНЕНИЯ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИКИ

*«Россия получила самый худший
из всех возможных миров»
Джозеф Стиглиц*

*«…удивляешься только одному:
каким образом народ, так
жестоко обделенный природой,
сумел так далеко уйти
по пути цивилизации»
Астольф де Кюстин*

По мере развития экономической науки перед ней с неизбежностью встают два вопроса: 1) какие движущие силы определяют траекторию общественной эволюции и почему данное общество является именно таким, а не иным, чем определяется его специфика; 2) возможно ли преодолеть зависимость от траектории предшествующего развития (так называемый эффект колеи – *path dependence* – в институциональной теории)?

Совокупность местных географических условий жизнедеятельности социума может быть отражена через понятие ‘специфика месторазвития’, впервые предложенное выдающимся русским мыслителем – евразийцем П. Н. Савицким. В его работах были предвосхищены многие современные концепции развития национальной экономики России с учетом ее «особливости». Россия характеризуется комплексом уникальных черт пространственных условий жизнедеятельности социума, которые сыграли не последнюю роль в становлении и развитии мобилизационной модели её самосохранения как «северной» (а вовсе не «европейской» или «азиатской») цивилизации.

Более 100 лет тому назад С. Ю. Витте заметил, что «до тех пор, пока русская жизнь не выработает своей национальной экономии, основанной на индивидуальных особенностях русского грунта, мы будем находиться в процессе шатания между различными модными учениями»[1]. Мысль эта не утратила своей актуальности и сейчас, а ее реализация на практике невозможна без всестороннего анализа и учета роли природного фактора в развитии России.

Влияние географического фактора на общество и его развитие бесспорно. Проблема только в том, что значимость («вес») этого фактора по-прежнему трактуется неоднозначно: от полного отрицания (географический индетерминизм) до преувеличения его роли (географический фатализм). Географический детерминизм как идея присутствует в науке уже более 2,5 тыс. лет, причем большинство его сторонников особенности экономического развития стран, судьбы народов объясняли комфортностью климата, и шире – степенью благоприятности природной среды для жизнедеятельности человека.

В зачаточной форме идея географического детерминизма присутствовала в рассуждениях таких античных ученых, как Гиппократ, Геродот, Фукидид, Ксенофонт, Аристотель, Страбон, Полибий. В Новое время и эпоху Просвещения аналогичные взгляды высказывали Жан Боден, Шарль Луи де Монтескье, Иммануил Кант и др. В XIX в. идеи географического детерминизма развивали А. Гумбольдт, Э. Реклю, К. Риттер, Дж. Марш. Фридрих Ратцель в «Антропогеографии» писал, что «содержание человеческой деятельности определяется параметрами естественной среды обитания». Ученица Ф. Ратцеля Эллен Семпл пропагандировала его идеи в США, где учение о «географическом контроле» над судьбами челове-

чества получило название инвайронментализма. В США в первой половине XX в. Элсворт Хантингтон в ряде своих работ (1910, 1935, 1945) выдвинул концепцию *климатического оптимума*, согласно которой наилучшие природные условия для поступательного социально-экономического развития характерны для так называемой приатлантической зоны умеренных широт северного полушария (Западная Европа и северо-восточные штаты США). Заметим, что согласно оценке В. Т. Рязанова в России проживает 90 % мирового населения, вынужденного существовать на неэффективных территориях[2].

Чрезвычайно краткий обзор развития идей географического детерминизма уместно завершить несколькими цитатами.

А. Ф. Мартин (1951): «Географы не утверждают, что географическая среда есть единственный или наиболее важный фактор, определяющий человеческую деятельность, они просто констатируют, что их специфическая задача состоит в том, чтобы изучать эту группу факторов, а не другую»[3].

Дж. Д. Сакс (2005): «Настало время покончить с пугалом географического детерминизма, с ложной идеей о том, что неблагоприятные географические условия всецело и необратимо определяют экономические успехи страны. Важно лишь то, что эти условия требуют от некоторых стран *дополнительных инвестиций*, которые оказались не нужны в других, более удачливых странах»[4].

Уже на ранних стадиях развития человеческой цивилизации благоприятная природная среда обусловила так называемые *преимущества раннего старта* и создала условия для развития *производящего хозяйства* на сравнительно ограниченных территориях вне территории современной России[5]. Историческая Россия активно начала осваиваться только в верхнем палеолите, а производящие формы хозяйства на ее территории получили развитие на 4–5 тыс. лет позже, чем в ареале «Благодатного полумесяца»[6]. Периферийное положение России по отношению к центрам важнейших эпохальных инноваций (Россия – «мировая инновационная периферия») детально анализируется в работе В. Л. Бабурина[7].

Конечно, климатический фактор не следует абсолютизировать и только им объяснять специфику траектории экономического развития стран и народов, но и игнорировать его также не следует. В этой связи процитируем современного ученого В. И. Данилова-Данильяна: «Хватит стонать: климат, климат… Нам надо было научиться вести хозяйство на той части нашей территории, которая вполне климатически благоприятна <…> научиться разумно вести хозяйство именно там, где приличные климатические условия, еще не поздно, это – долгосрочная задача»[8].

По нашему мнению, долговременные факторы природного характера (климат и пространственные условия жизнедеятельности) в значительной степени определяют не только конкурентные позиции стран и регионов в современной мировой экономике, но и формируют *траекторию их развития*. По авторитетному мнению академика Н. Н. Моисеева «различие географических и природных условий порождает различие цивилизаций <…> различие потенциальных возможностей их развития <…> и перспектив»[9].

На всех этапах развития человеческой цивилизации наблюдался перманентный сдвиг населения и производства в ареалы с комфортной средой обитания и абсолютными преимуществами по производственным издержкам, которые минимальны в одних районах и максимальны в других.

В последние десятилетия в России наблюдается определенный всплеск интереса к географическому детерминизму. Причем активными сторонниками его идей, как правило, являются не экономисты, а историки, в среде которых формируется концепция природно-детерминистского запаздывания социально-экономического развития России[10].

В многочисленных работах академика Л. В. Милова[11] подчеркивалась главная особенность России: практически на всем протяжении своей истории земледельческая Россия

была социумом традиционного типа с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта и максимальными затратами труда на его получение в условиях экстремальной среды. Укороченный (в сравнении с Западной Европой) цикл сельскохозяйственных работ (125–130 дней в году) и низкая биологическая продуктивность пашни в Нечерноземье приводили к отсутствию товарных излишков у значительной части населения. Все это не способствовало развитию регулярных рыночных обменов и инфраструктуры, консервировало натуральные формы хозяйства, тормозило общественное разделение труда, рост городов и присущих им неземледельческих видов деятельности.

Цивилизация, считает Р. Пайпс, начинается лишь тогда, когда посеянное зерно воспроизводит себя пятикратно[12]. «Чем больше плодородие почвы и чем благоприятнее климат, тем меньше рабочее время, необходимое для поддержания и воспроизводства производителя. Тем больше <…> может быть избыток его труда»[13]. Заметим, что в XVI в. средняя урожайность в России не превышала сам-3, в начале XX в. – не более сам-5,5[14]. Для сравнения: в древней Месопотамии средние урожаи составляли сам-20, иногда сам-80. Геродот с восхищением пишет: «Что до хлебных злаков, то эта земля [Месопотамия] приносит их в таком изобилии, что урожай здесь сам-200»[15].

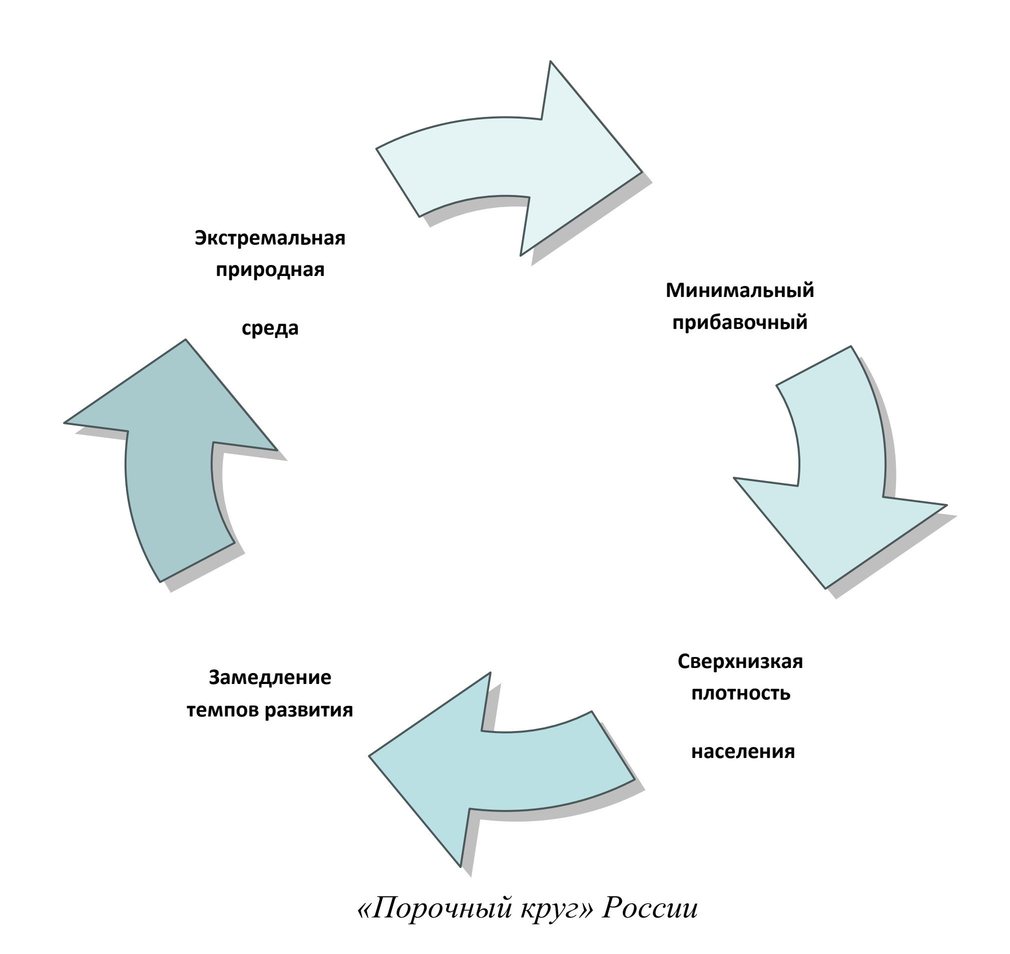
Мы почему-то мало задумываемся над таким, казалось бы, тривиальным фактом: в России собирают только один урожай картофеля в год, а в Италии – четыре. Между тем естественный биологический потенциал пашни играл решающее значение в становлении и развитии любого социума и особенностей его хозяйственного уклада. К. Иваничка верно отмечал, что «городское общество могло возникнуть только тогда, когда появилась возможность производить больше продовольствия, чем могли потребить его непосредственные производители»[16]. Наличие прибавочного сельскохозяйственного продукта послужило первопричиной формирования городских центров в древности и раннем средневековье за пределами исторической России, в которой «городская революция» началась гораздо позже и шла по другому сценарию.

Итак, доминирование в России малоэффективных экстенсивных форм хозяйствования в значительной степени определялось сочетанием нескольких факторов, в основе которых – экстремальная природная среда (см. рисунок). *Объективное замедление темпов экономического развития* (по отношению к странам «центра») обуславливало *догоняющий характер российской модели экономики*. Аутсайдер может догнать лидера (или приблизится к нему), только мобилизуя все имеющиеся ресурсы на приоритетных направлениях.

В целом, в стране формировался экономический ландшафт, главной отличительной чертой которого до конца XVII в. была дисперсность хозяйства, наличие множества слабо связанных друг с другом замкнутых на самих себя локальных хозяйственных образований. В таком экономическом ландшафте скорость распространения инноваций была минимальной.

Ряд авторов[17] считают, что либеральная рыночная экономика и естественные природно-климатические условия страны противоречат друг другу (отсюда идеи: «климат против рынка», «евразийское неудобьё», «генерал-зима» и др.).

Напомним, что по данным Всемирного экономического форума (WEF) Россия по индексу глобальной конкурентоспособности, рассчитываемому для 131 страны из имеющихся 200, не только не входит в перечень первых 50 наиболее конкурентоспособных экономик, но и снижает свой рейтинг (табл. 1). Низкие его значения для России обусловлены чрезвычайно высокими трансакционными (эффективность общественных институтов), логистическими (транспортоемкость ВВП), производственными (энергоемкость ВВП) и экологическими (экологоемкость ВВП) издержками.

«Порочный круг» России

Таблица 1

Индекс глобальной конкурентоспособности национальных экономик (выборка)

Страна	Рейтинг 2005 г.	Рейтинг 2006 г.	Рейтинг 2007 г.	Рейтинг 2008 г.	Рейтинг 2009–2010 гг.	Рейтинг 2010–2011 гг.
Страны-лидеры						
США	1	6	1	1	2	4
Швейцария	4	1	2	2	1	1
Страны-аутсайдеры						
Россия	53	62	58	51	63	63

Источник: www.gt.market.ru

Рентный характер мировой экономики обуславливает наличие особой группы замыкающих стран, в которых издержки на производство единицы ВВП существенно выше среднемировых затрат, а экономики отличаются низкой конкурентоспособностью на глобальных рынках. «Среднемировая цена, по закону больших чисел тяготеющая к цене производства массовой продукции, не покрывает цену производства в замыкающих странах»[18].

Итак, производство в России сопряжено с большими, нежели в передовых странах, издержками, существенная часть которых напрямую обусловлена географическими условиями функционирования хозяйства. Можно построить следующую логическую цепочку причин и следствий, раскрывающих сущность анализируемой применительно к России проблемы:

Удорожающие факторы → max

↓

Себестоимость производства → max

↓
Глобальная конкурентоспособность → min
↓
Россия в «зоне высоких издержек»
(в замыкающей группе стран)

Географические различия в условиях производства и сбыта, жизнедеятельности социума неустранимы. И, значит, именно они играют все большую роль в эффективности производства, его ключевых составляющих: себестоимости производимой продукции, рентабельности, окупаемости инвестиций и др. Неустранимы природно-климатические факторы эффективности хозяйства и транспортно-географические различия в условиях функционирования производственно-сбытового процесса (табл. 2).

Таблица 2

Географические факторы конкурентоспособности России

Природно-климатические факторы	Транспортно-географические факторы
1. Объем прибавочного продукта в сельском хозяйстве → min 2. Рентабельность добычи минерального сырья → min 3. Расход электрической и тепловой энергии на поддержание комфортной температуры в жилых и производственных помещениях→ max	Логистические издержки в производственно-сбытовом процессе → max

Составлено автором.

Автора могут неправильно понять, ссылаясь на опыт развития таких стран, как Канада, Австралия… («Климат у них не лучше нашего, территория обширная…» и т. д.). Однако эти страны лишь по некоторым формальным признакам близки к России, и проводить между нами и ими прямые аналогии – грубая ошибка.

Подчеркнем: прямой связи, например, между климатом и уровнем экономического развития не существует. Равно как не существует прямой связи между плотностью населения и степенью развития хозяйства. Между этими и аналогичными величинами существует сложная функциональная взаимозависимость. Приведем лишь один факт. Да, большая часть Канады также относится к Зоне Севера, но подавляющая часть ее населения сосредоточена в узкой приграничной зоне с США на широте нашего Краснодарского края, а низкая средняя плотность населения в стране компенсируется чрезвычайно емким для сбыта рынком у соседа. Социально-экономическое развитие – многофакторный процесс и для каждой территории / страны / региона характерно свое, неповторимое сочетание природных и общественно-обусловленных условий.

«Природа» и пространственные условия жизнедеятельности лишь тогда не являются существенным препятствием для развития, когда им противостоят эффективные общественные институты!

В завершении нашего краткого и весьма неполного обзора приведем табл. 3, в которой содержится в сжатой форме не только характеристика основных черт пространства российской цивилизации, но и представлены технологии минимизации повышенных издержек, ими обусловленных.

Таблица 3

Основные черты пространства российской цивилизации

Черты	Экономические следствия	Технологии минимизации издержек
1. Северность (около 70 % территории государства – планетарная Зона Севера, характеризующаяся экстремальными природно-климатическими условиями)	Повышенная энергоемкость ВВП; около 35 % вырабатываемой в стране электроэнергии расходуется на поддержание искусственного микроклимата помещениях	1. Энергосбережение 2. Развитие альтернативной энергетики 3. Приоритет развитию неэнергоемких производств 4. Государственное регулирование энерготарифов
2. Глубинность (86 % территории государства находятся за пределами 200-км приморской зоны)	Резкое доминирование в грузообороте сухопутных видов транспорта, которые на порядок дороже морских перевозок	1. Переход от экспортно-ориентированной модели экономического развития к экономике, преимущественно ориентированной на развитие внутреннего рынка 2. Развитие мощных портово-промышленных комплексов на теплых морях
3. Масштабность (обширность пространства определяет огромную среднюю дальность грузоперевозок)	Повышенная транспортоемкость ВВП; эффект удорожания из-за рассредоточенного строительства	1. Минимизация объемов транспортной работы за счет сокращения нерациональных грузоперевозок, ресурсосбережения и совершенствования территориальной организации хозяйства 2. «Сжатие пространства» за счет развития скоростного транспорта и телекоммуникационных систем 3. Государственное регулирование транспортных тарифов
4. Транзитность (срединное положение по отношению к ведущим центрам мировой экономики)	Потенциальная возможность извлечения экономической выгоды от международных транзитных грузопотоков	1. Развитие транспортных коридоров и логистических центров 2. Контроль за нелегальным трафиком
5. Периферийность (окраинное положение в Евразии вдали от мировых инновационных центров, усиливающееся наличием пояса буферных государств)	Эволюция государства по типу «догоняющего развития»	1. Генерирование собственных инноваций 2. Приоритет инвестициям в «человеческий капитал» и инфраструктуру
6. «Мелкий рынок» (сверхнизкая плотность населения и «центральных мест» в сочетании с низким платежеспособным спросом)	Отсутствие достаточных стимулов к эндогенному самоподдерживающемуся росту	1. Реформа оплаты труда 2. Проведение политики «дешевых денег» 3. Кейнсианская макроэкономическая политика

Выводы:

1. Россия – особая цивилизация, а именно: северная внутриконтинентальная. С экономической точки зрения для цивилизации данного типа характерен ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ ЭФФЕКТ МАСШТАБА – развитие в условиях разряженного пространства.

2. Положение России в «зоне высоких издержек» объективно замедляет темпы экономического развития государства и не позволяет ей «вырваться» из «второго эшелона» стран.

3. Догоняющая модель развития страны (по отношению к странам-лидерам) до начала рыночных реформ 1990-х реализовалась посредством мобилизации имеющихся природных и людских ресурсов на приоритетных направлениях, но в рамках преимущественно экстенсивных и принудительных форм хозяйствования.

4. «Порочный круг» России возможно «разорвать» только посредством совершенствования общественных институтов как «сверху», так и «снизу»: демонтажа системы, которая пока отвечает интересам меньшинства.

Примечания

[1] Мировая экономическая мысль сквозь призму веков. Т. 3. М., 2005.
[2] Рязанов В. Т. Экономическое развитие России. СПб., 1998. С. 320.
[3] Исаченко А. Г. Введение в экологическую географию. СПб., 2003. С. 8.
[4] Сакс Дж. Д. Конец бедности. Экономические возможности нашего времени. М., 2011. С. 79.
[5] Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь. М., 2010. 720 с.
[6] Долуханов П. М. География каменного века. М., 1979. 152 с.
[7] Бабурин В. Л. Эволюция российских пространств. М., 2002. 272 с.
[8] Данилов-Данильян В. И. Антиэкологическая мифология академика Р. Нигматулина // Зеленый мир. 2001. № 12–13.
[9] Моисеев Н. Н. Агония России : есть ли у неё будущее? М., 1996. С. 29–30.
[10] Беленький И. Л. Роль географического фактора в историческом процессе. М., 2000. 112 с.
[11] Милов Л. В. Великорусский пахарь. М., 1998. 573 с.
[12] Олейников Ю. В. Природный фактор бытия российского социума. М., 2003. С. 134.
[13] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. С. 521.
[14] Максаковский В. П. Историческая география мира. М., 1997. С. 455.
[15] Древний мир / ред. В. П. Буданова. М., 2006. С. 76–77.
[16] Иваничка К. Социально-экономическая география. М., 1987. С. 286.
[17] Гладкий Ю. Н. Россия в лабиринтах географической судьбы. СПб., 2006. 706 с.; Исаченко А. Г. Введение в экологическую географию. СПб., 2003. С. 8.
[18] Нусратуллин В. К. Современные фундаментальные проблемы развития экономической теории. Препринт. Уфа, 2006. С. 21.

Е. В. Кодин, М. В. Каиль

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ 1920–1930-х ГОДОВ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ В ПРАКТИКЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ[*]

В исследовательских оценках характера и масштабов постреволюционного социально-экономического переустройства советского общества нередко используется понятие модернизация. Степень его методологической отрефлексированности различна. Однако само при-

* Статья подготовлена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, мероприятие 1.1. ГК 14.740.11.0205.

менение понятия модернизации применительно к анализу «сталинского» рывка имплицитно содержит признание определенного позитивного советского преобразовательного опыта. Спор идет о границах и потенциале «сталинской модернизации».

Действительно, реконструкция общегосударственной и локальной (региональной) истории на концептуализирующей основе теории модернизации возможна. Страна в конце 1920–1930-х гг. проходила этап ломки традиционного социального и экономического уклада, очевидны и успехи индустриализации и урбанизации – основных составляющих модернизационного процесса. Таким образом, не существует логичных ограничений на использование эвристического потенциала теории модернизации в исследованиях советской истории.

Региональные проекции советского модернизационного опыта – наиболее важный элемент практического исследования модернизации в советской истории. Изучение конкретных явлений и процессов в различных сферах жизни провинциального общества формирует объективные основания для оценок характера изменений в обществе. Собственно региональные исследования преследуют цель «проверки наличия» модернизации на уровне обыденной провинциальной жизни. Если курс на модернизацию, принятый «в верхах», действительно имел место, какое воплощение он нашел в повседневной экономической и хозяйственной, политической и социальной, культурной сферах жизни советского общества?

Как проходила модернизация деревни? Ответ на этот вопрос возможно искать в материалах региональных органов управления народных хозяйством и партийных комитетов. В настоящее время все большее внимание вызывают альтернативы сталинскому курсу в аграрном развитии[1]. На этом фоне особенность смоленской провинции, например, очевидна: здесь нэповский эксперимент, связанный с попыткой формирования крепкого индивидуального хозяйства в конце 1920-х гг., буквально столкнулся с новым вектором аграрной политики, вызвав масштабное крестьянское сопротивление и его болезненное силовое подавление. В других регионах с менее развитым индивидуальным началом сталинская «модернизация сверху» проходила сравнительно менее болезненно[2].

В середине 1920-х гг. смоленская деревня стала своего рода испытательным плацдармом либерализации аграрной сферы. Более того, на Смоленщине, в местном партийном руководстве, сложились собственные представления о путях аграрного развития. «Старые» хозяйственные кадры, получившие поддержку в Смоленском губкоме партии, стали инициаторами или проводниками идеи органической модернизации экономики (по эволюционному пути). По сути дела, наличие такой региональной элиты стало одним из факторов, позволивших воплотить модернизационный проект в жизнь[3]. Данный вариант модернизации имел эндогенную основу, был органичен, внутренне закономерен и шел при поддержке крестьян.

Советская власть оказывала влияние на преобразования аграрной сферы. Это проявилось в усилении курса на землеустройство поселков, при фактическом запрете создания хуторов. Не допускались досрочные земельные переделы в случае несогласия общины. Разверсточная единица была более справедливой (трудовая норма) нежели до революции. Постепенно с укреплением партийно-государственного аппарата усиливалось административное давление, направленное против зажиточной верхушки в деревне (классовая политика в налогах, кооперации, торговле, устройстве на хутора).

Хуторизация (создание участковых форм землепользования, хуторов и отрубов) Смоленской губернии в 1920-х гг. – случай особенный. Как утверждали современники: «То, чего не мог добиться Столыпин, сделал нэп». С хутором крестьяне связывали возможность покончить с общинными земельными неурядицами. Более высокая доходность хуторов, их удаленность от посторонних глаз (особенно актуальная в годы продовольственных реквизиций) делала хутор заветной мечтой. Хутор стал формой бегства от общины.

Добровольный выбор населением хуторов и отрубов к концу 1920-х гг. сделал Смоленщину лидером по хуторскому землеустройству. В 1925 г. в Смоленской губернии под хуто-

рами и отрубами было занято 39,8 % всего крестьянского землепользования. Если в первые годы нэпа оценки хуторов и отрубов были противоречивы, то с 1925 г. со стороны Наркомзема была однозначно поставлена задача по сворачиванию перевода крестьянских хозяйств на хутора.

Еще одна специфичная черта модернизации деревни 1920-х гг. – наличие внутренних движущих сил изменений. В частности, крестьянство в большинстве своем стремилось к новым формам хозяйствования, что давало свои плоды в индивидуальном хозяйстве. С подачи Смоленского губкома в 1925 г. начинается политика поддержки зажиточного середняка – «интенсивника». На интенсивника возлагали надежду, что тот, увлекая в дело реконструкции остальных крестьян, повысит уровень всего сельского хозяйства Смоленщины[4].

Опыт показывал, интенсивники стремились к объединению в различные сельскохозяйственные кооперативы: молочные артели, кредитные союзы, машинные товарищества. Благодаря в том числе их почину стало расти кооперативное движение. В 1925 г. число кооперативов увеличилось на 26 %, а число их членов удвоилось и достигло 55046 крестьянских дворов из 400 тысяч. Производственная кооперация в 1925 г. охватывала 18 % смоленских крестьян.

В годы нэпа на Смоленщине встретились два вектора модернизации – «снизу» капиталистический (крестьянский нэп, хутора) и «сверху» государственный (промышленность, собранная под плановым началом, кооперация, колхозы, совхозы).

Со второй половины 1920-х гг. обогащение и подъем деревни стал расцениваться политическим руководством как угроза диктатуре пролетариата: нэп экономический мог перерасти в политический. В свете этой идеологической установки под особым углом рассматривались проблемы индивидуальных крестьянских хозяйств, общая беда которых заключалась в их сравнительной маломощности и низкой товарности. Они имели преимущества перед колхозами, но в колхозах просматривались возможности по машинизации сельского хозяйства, реорганизации на научной основе и, в конце концов, в принудительном изъятии товарной продукции.

В конце 1926 г. линия аграрной политики смоленских партийцев была осуждена. Однако, в 1926–1928 гг. в Смоленской губернии, несмотря на объявление отказа от наиболее «одиозных» направлений аграрной политики (хуторов, поощрения зажиточных крестьян) при крестьянской поддержке «снизу» и по инерции низовых органов, продолжался ранее выбранный путь развития. В отношении Смоленской губернии в мае 1928 г. была принята резолюция Оргбюро ЦК ВКП (б) «О положении в Смоленской губпарторганизации»: положение в смоленском сельском хозяйстве было признано «неправильной политикой» в деревне. В 1920-е гг. элементы органической модернизации, заложенные еще в дореволюционное время (столыпинская реформа), получили дальнейшее развитие. Хуторизация, переселение крестьян в другие регионы, кооперирование, введение многополья и прочих аграрных новшевств являлись составными ее элементами. Смоленская региональная элита, состоявшая из старых дореволюционных кадров в хозяйственном аппарате, из партийных работников, в том числе членов Смоленского Губкома партии, поддержала и заимствовала опыт модернизации сельского хозяйства по датскому образцу. Подхватив крестьянскую готовность к модернизации «снизу», местные региональные власти направили ее по датскому пути. В конце 1920-х гг. в ходе внутрипартийной борьбы победили сторонники модернизации сверху – по пути сверхбыстрой индустриализации, коллективизации посредством мобилизации громадных трудовых, сырьевых ресурсов в руках государства и полного подчинения их плановому началу. С этого момента начался поворот к принудительной модели модернизации.

Ее реализация в 1929 – начале 1930-х гг. сопровождалась массовым крестьянским сопротивлением, драмой раскулачивания и по сути раскрестьянивания. Процесс раскулачивания по всей Западной области начался с первого заседания тройки при обкоме партии – 10 февраля 1930 г.

ОГПУ устанавливали по районам число лиц, подлежавших аресту. Арестованные концентрировались в соответствующих отделах ОГПУ. Следствия по этим делам рассматривались в срочном порядке тройками. Основное количество арестованных выселялось, а в отношении «наиболее злостного и махрового актива» должна была применяться высшая мера наказания – расстрел.

По состоянию на 10 декабря 1930 г. из 26286 кулацких хозяйств области было раскулачено 4835. Из них 4790 семей остались в пределах колхозов раскулаченными, но не выселенными[5].

В результате кампании по ликвидации кулачества 1931 г. было выселено 7308 семей, включавших 36654 человека.

Таким образом, всего репрессиям было подвергнуто 12143 крестьянских хозяйства. В целом, к концу 1931 г. можно было говорить о действительной ликвидации кулачества как класса, позволившей правительству реализовать запланированную социалистическую реконструкцию сельского хозяйства.

Так, на 1 марта 1930 г. по Западной области было коллективизировано 466,3 тысячи крестьянских хозяйств из 1330000 существовавших, что составило 245,4 % к числу запланированных к коллективизации 190 тысяч хозяйств. Это дало 4615 колхозов или 158,3 % к запланированным 2915[6].

Победа принудительного варианта модернизации советской деревни, как известно, привела к плачевным последствиям, повлекла затухание производственного потенциала российской деревни[7].

Не менее противоречиво развивалась промышленная сфера региона на территории дореволюционной Смоленской губернии. Промышленная модернизация по стране, в первую очередь, затронула лишь отдельные отрасли – энергетику, нефтедобычу, строительство. Модернизировались отдельные процессы в угольной и металлообрабатывающей промышленности.

Смоленская губерния оставалась традиционным аграрным регионом (9/10 населения проживало в деревне) без какой-либо внушительной индустриальной базы. Предприятия губернии в основном работали на местном природном (стекольные, деревообрабатывающие предприятия) или сельскохозяйственном (лен, картофель и пр.) сырье. Исключение составляла лишь текстильная промышленность (Пустошь-Блонная и Ярцевская фабрика) по объему ВП и сырью (работали на привозном сырье). В основном предприятиям приходилось решать вопросы финансовые, сырьевые, сбытовые, а также проблемы, связанные с запуском приостановленных производственных мощностей. Нового строительства не наблюдалось, решительного обновления оборудования – тоже. Сказывалась хроническая нехватка капиталов – для развития требовались инвестиции, которых у Смоленских предприятий и в бюджетах не имелось.

Таким образом, развитие промышленного сектора шло экстенсивно посредством загрузки простаивавших производственных мощностей, не требовавших заметных капиталовложений. Предприятия на Смоленщине в основном обходились своими силами, которых хватало на ремонт оборудования и поддержание достигнутого уровня производства. К 1926/27 гг. количественный рост довел загрузку до максимума, потенциал дальнейшего развития был связан с новым строительством и реорганизацией. Попытки выручить дополнительные средства путем кампаний по режиму экономии, рационализации, снижению себестоимости, собственно, дали невысокий результат. Для индустриализации требовались новые источники финансирования. Планы по новому строительству в конце 1920-х предполагали создание предприятий с нуля за счет бюджетных ассигнований из центра.

Пробуксовка в «гражданской» экономике способствовала формированию в 1930-е гг. мощной «второй» / «теневой» экономики принудительного труда. На Смоленщине центром

подневольного труда стал широко известный «Вяземлаг», основным строительным объектом которого была дорога Москва-Минск. На протяжении всего времени строительства отмечалась острая нехватка вольнонаемной и квалифицированной рабочей силы целого ряда специальностей. Для привлечения на работу специалистов использовали, в основном, материальные стимулы, а также создание хороших бытовых условий. Колхозники, обязанные бесплатно трудиться на строительстве в порядке трудового участия населения, лишенные материальных стимулов, работу саботировали. Для заключенных действенным стимулом была действовавшая до 1939 г. система зачетов рабочей дней и УДО. В Вяземлаге она подкреплялась небольшими, по сравнению со средними показателями по ИТЛ, сроками заключения основной массы осужденных. С отменой зачетов и УДО в лагере упор был сделан на денежное стимулирование заключенных.

В региональной печати факт существования в регионе ИТЛ был окружен завесой молчания. Лишь в Вяземской районной газете летом 1936 г. вышла серия статей о том, как на строительстве «под руководством славных чекистов» работают исключительно воры и проститутки, перековываясь «в честных советских граждан».

Сооружение шоссе Москва-Минск, имевшее в 1936–1939 гг. статус «великой сталинской стройки», не оказало заметного влияния на экономику региона. Для большей части области, кроме 10 районов, по которым проходила трасса, сооружение автомагистрали вообще прошло незамеченным.

В целом, сталинская модернизация привела к уверенной экономической трансформации региона. В ходе довоенных пятилеток из отсталого сельскохозяйственного района Смоленщина начала превращаться в промышленно-сельскохозяйственную. Численность городского населения выросла в 1,5 раза. К 1940 г. в регионе действовало 436 предприятия (новых и модернизированных дореволюционных). Однако заслуга в этом принадлежит вольному труду. О степени соотношения в нем свободы и принуждения в настоящее время ведутся споры, однако можно свидетельствовать о том, что труд заключенных Гулага не преобладал.

Наибольшей последовательностью и внутренней гармоничностью отличался курс культурного строительства советской власти. Именно в этой сфере жизни провинции и фиксировались наибольшие достижения партии. Создание системы всеобщего начального образования и ликвидация неграмотности, сколачивание сети общественных организаций, объединивших значительную массу социально активных горожан и селян, – все это относят к успехам советов. Преобразования культурной сферы были длительными и последовательными. На каждом из этапов преобразований преобладали определенные движущие силы. Так, на первом этапе революционных преобразований движущей силой выступала партия большевиков, при этом вынужденно использовавшая старых специалистов. На втором этапе партия в большей степени стала опираться на инициативу масс, заинтересованных в развитии сети образовательных и культурно-просветительных учреждений. На третьем этапе роль партии в качестве движущей силы стала доминирующей и приобрела командно-административный, директивный характер.

В итоге осуществления государственными и партийными органами модернизационного курса в республике и каждой отдельной провинции к 1940 г. была создана разветвленная система дошкольного, школьного, среднеспециального и высшего образования, социальных и культурно-просветительных учреждений, действовавших под жестким партийным контролем[8]. В основном неграмотность населения была ликвидирована. Вся социокультурная жизнь провинции была подчинена решению задач культурной революции.

В ходе модернизации образовательной сферы процесс взаимоотношений государственных и общественных организаций складывался на местах весьма специфически, что подтверждается созданием ими совместных негосударственных или полугосударственных структур – различных коллегий, советов, комиссий и других общественных объединений.

Таким образом, совместная деятельность партийно-государственных институтов власти и общественных организаций в деле модернизации советской системы образования и культуры может быть рассмотрена в рамках начального этапа генезиса советской государственности.

Фактически в каждой из сфер жизни провинции революция открыла путь масштабных преобразований. В целом ряде случаев в конкретных реалиях модернизационные явления и процессы постреволюционного времени были обусловлены преобразовательным опытом дореволюционного периода. Нередко даже в ключевых направлениях модернизационный вектор исходил от самого общества, а государственное преобразовательное влияние могло негативно сказаться на перспективах той или иной области хозяйства и общественной жизни.

Успехи новой власти очевидны, прежде всего, в культурной сфере (ликвидация неграмотности, создание сети образовательных и культурно-просветительских учреждений), но и здесь они сопровождались значительными издержками, связанными с агитационным влиянием и агрессивной антирелигиозной составляющей культурной политики. В аграрной сфере и экономике государство не опиралось на значительный внутренний потенциал провинций, предпочтя реализацию уравнительного и принудительного варианта государственной преобразовательной программы.

Качественные изменения в жизни общества, произошедшие в постреволюционное десятилетие, претерпели существенные изменения после «великого перелома» рубежа 1920–1930-х гг., коснувшегося всех областей жизни. Победа централизма и диктата силы предопределила как значительное внутреннее сопротивление модернизационной программе государства, так и ее отнюдь не максимальную эффективность, а в долгосрочной перспективе – последовавшие кризисы и развал советской политической и экономической системы.

Локально-историческое исследование демонстрирует, что в провинции 1920-х гг. рождались и альтернативные программы развития, модернизационные по своей сути и направленности (т. е. ориентированные на существенные изменения традиционного уклада жизни и хозяйствования), но отнюдь не индустриалистичные, а *аграрноцентричные*. В частности, на Смоленщине в 1920-е гг. с опорой на региональную специфику созрел проект фермерской (хуторской) деревни. С учетом всех сдерживающих факторов он был реализован и показал жизнеспособность и эффективность.

В связи с этим возникает возможность разграничения опыта форсированной государственной модернизационной программы советов, ориентированной на индустриализм, и локальных опытов 1920-х гг. При этом в отношении советской модернизации современной историографией усвоены все качественные и описательные характеристики, представляющие лишь победившую в 1930-е гг. государственную модернизационную программу. Из поля актуальных исследований, таким образом, оказывается выведен круг «малых» (локальных) модернизационных опытов, характерных для 1920-х гг. Обращение же к ним важно не только с позиций вариативности исторического процесса, но как пример самобытных (рождаемых местными элитами с опорой на региональные социальные группы и ресурсные базы) вариантов развития.

Характерный для 1920-х гг. период внутрипартийных дискуссий, перераспределения властных полномочий между различными министерствами и ведомствами (с учетом создания политико-административной «инфраструктуры», обеспечивающей индустриальный рывок) сопровождался альтернативными поисками форм переустройства социальной структуры.

Смешанный тип советской модернизации, реализуемой в 1930-е гг., отличался существенным влиянием технико-технологических заимствований в сфере технологии и производства. В социальной же сфере напротив внедрялись сформированные советской политической элитой самобытные социально-моделирующие технологии (выдвиженчество, движение передовиков, приемы и чистки партии, обструкция по классовому признаку – все эти

явления советской жизни не имели прямого отношения к задачам индустриального развития, но с точки зрения политического руководства, служили задачам переустройства общества).

Очевидно, что поворот к силовой и принудительной модернизации пришелся на рубеж 1920–1930-х гг. А поворотный этап модернизации страны на 1930-е годы. Принудительное насаждение прогресса через коллективизацию и индустриализацию позволило создать экономику мобилизационного типа. Долгое время цена данной модернизации страны (тип которой был определен как имперский) привлекает внимание исследователей и служит основой для дискуссий[9]. Чем заплатили за громадный технологический, экономический рывок? Каковы были реальные альтернативы? Оценки периодически пересматриваются. С одной стороны, обращают внимание на то, что модернизация была осуществлена за счет урезания среднедушевого потребления населения в СССР в то время, когда в странах первого эшелона модернизации были процессы складывания общества массового потребления. С другой стороны, модернизация в СССР в 1920–1930-е гг. определяется как успешная, если рассматривать ее с точки зрения обеспечения обороноспособности страны и оценивать издержки такой модернизации по критериям военного времени.

К числу основных признаков модернизации относится разрушение наиболее традиционного – аграрного – уклада жизни. Эта программа в советской России была реализована в конце 1920-х – 1930-е гг., причем наиболее жесткими, бескомпромиссными и дезадаптивными методами и сопровождалась значительными социальными и чисто экономическими потерями.

Материалы исследования показывают, что в советской провинции 1920–1930-х гг. нашли свое воплощение все ключевые признаки и качественные характеристики модернизации. Очевидно, что советская модель модернизационных преобразований имела свои отличительные особенности (импульсивный догоняющий характер, зачастую антисоциальные методы воплощения в жизнь и др.), но была подчинена общей для любой национальной модели модернизации цели – добиться быстрого и решительного прогресса в хозяйственной жизни, и подчинена задаче построения индустриальной экономики. На провинциальном (наиболее традиционном, наименее урбанизированном) уровне такой тип модернизации сопровождался значительными социальными потерями.

Примечания

[1] Есиков С. А. Российская деревня в годы нэпа : к вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М. : РОССПЭН, 2010. С. 200–238.
[2] Зеленин И. Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома», 1930–1939 : (Политика, осуществление, результаты) / отв. ред. А. С. Сенявский. М. : ИРИ РАН, 2006.
[3] Это были в прошлом земские и научные работники В. Р. Бриллинг, Н. Фролов, представители Губзумеправления (во главе с Книпстом и его заместителем В. А. Доможироввым), секретарь Смоленского губкома партии Д. С. Бейка (старый партиец, прошедший большую школу жизни).
[4] Смоленский губком не забывал о бедноте. Перед губернией ставилась задача поднять, накормить бедняка, сделать его культурником. Но поднять все 115 тыс. бедняцких хозяйств Смоленщины не представлялось возможным. Выход нашли в целевом, избирательном кредитовании только тех бедняков, которые проявляли инициативу к хозяйственным улучшениям, особенно, если их хозяйства находились по соседству с хозяйством интенсивника.
[5] ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 852. Л. 61.
[6] ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 352. Л. 62.
[7] Денисова Л. Н. Судьбы российской крестьянки в XX веке. М., 2007.
[8] Козлов О. В. Народное образование и культурно-просветительная работа в российской провинции (1917–1922 гг.) : по материалам Западного региона РФ. Смоленск : СГПУ, 2000.

[9] Лейбович О. Л. Модернизация в России (к методологии изучения современной отечественной истории). Пермь, 1996. С. 136; Шелохаев В. В. Тип модернизации и тип революции в России // Сто лет спустя… : материалы науч.-практ. конф., посв. 100-летию революции 1905–1907 гг. (Тр. ГИМ; Вып. 162). / отв. ред. О. В. Гранкина ; ред.-сост. Е. В. Захарова. М. : ГИМ, 2007. С. 14–20.

К. С. Козлов

МОДЕЛЬ МНОЖЕСТВЕННОЙ РЕГРЕССИИ КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА СТОИМОСТЬ ВАЛОВОЙ ПРОДУКЦИИ В ПЕРИОД НЭПА[*]

Экономическое положение Урала в годы нэпа исследуется уже не одним поколением историков, но многие сюжеты до сих пор не получили полного освещения. Как правило, историков интересовали лишь темпы восстановительного процесса, но в стороне оставалось установление взаимосвязи между различными показателями. Привлечение корреляционно-регрессионного анализа позволяет во многом восполнить этот пробел, что было доказано при изучении целого ряда различных исторических проблем[1].

Цель данного исследования – изучить влияние различных факторов на стоимость валовой продукции. Для её выполнения необходимо решить следующие задачи: обработать и свести в таблицу данные по различным отраслям, установить характер связи между стоимостью валовой и остальными показателями уральской промышленности, составить модель (уравнение) множественной регрессии.

Источником данной работы послужил сборник «Обзор хозяйства Урала за 1923–24 гг.»[2]. Необходимо отметить, что плодотворная работа уральских статистиков дает возможность современным историкам опираться на обширные, но не всегда однородные данные. В частности, невозможно связать показатели, представленные в этом выпуске, с цифрами в сборнике следующего года – «Обзор хозяйства Урала за 1924–25 гг.»[3]. Составители описывали развитие уральской промышленности по иным параметрам, что ограничивает выборку для проведения более глубокого исследования. Также затруднен анализ данных, опубликованных в других сборниках[4]. В связи с этим для полномасштабного изучения настоящей проблемы в русле корреляционно-регрессионного метода, безусловно, необходимо привлечение дополнительных источников, прежде всего архивных материалов.

Для начала определимся, что составители сборника понимали под термином ‘валовая продукция’, так как в современной экономической статистике чаще используются такие показатели, как ВВП, ВНП и СНС. «Валовая продукция – продукция всех цехов завода, но за вычетом полуфабрикатов, полученных в заводе и пошедших в дальнейший передел на том же заводе (продукция с точки зрения завода, предприятия)»[5]. Общая стоимость валовой продукции Урала за 1923–24 гг. составила 175 млн червонных рублей.

Для корреляционно-регрессионного анализа были подобраны следующие факторные признаки: мощность двигателей (1), количество двигателей (2), человеко-дни (3), заработная плата рабочих (4), расход топлива (5), расход сырья (6) и число заводов (7). Наблюдения производились по ряду отраслей: горная, металлургическая и металлообрабатывающая, химическая, пищевая и т. д. Данные были сведены в табл. 1.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.». Государственное соглашение № 14.B37.21.0001.

Таблица 1

Основные показатели уральской промышленности в 1923–24 гг.[6]

Отрасль производства	Валовая прод. тыс. р.	1 л.с.	2 шт.	3 тыс.	4 тыс. р.	5 тыс. р.	6 тыс. р.	7 шт.
Обраб. мин. вещ.	4230	4899	34	760	1290	347	110	34
Горная промышленность	*29447*	*26854*	*509*	*7084*	*11658*	*3140*	*1651*	*66*
Металлургия и металлообработка	*81939*	*103437*	*732*	*13543*	*21398*	*15226*	*29228*	*99*
Обработка дерева	11402	5290	156	1187	2704	298	5581	68
Химическая	6434	3992	31	718	1098	1043	1512	15
Пищевая	13686	14316	243	832	1612	532	5011	147
Кожевенная и меховая	7259	579	35	603	1222	66	3801	35
Производство одежды и обуви	1436	139	13	300	469	22	541	12
Текстильная	7462	2432	22	1304	1864	172	3553	9
Бумажная	3161	7089	104	439	448	164	794	8
Типография и литография	2067	378	128	395	758	16	729	32

Таким образом, удалось собрать сведения по 11 отраслям производства. Среди них по объемам выпускаемой продукции заметно выделяются горная и металлическая. Эти отрасли традиционно являлись ведущими на Урале, а в рассматриваемый период составляли 2/3 от всего промышленного производства. Однако столь значительная разница в цифрах (например, 81939 тыс. р. в металлической и 1436 тыс. р. в производстве одежды и обуви) весьма нежелательна, поэтому при последующих расчетах они практически не учитывались.

Прежде всего, нужно установить характер и тесноту связи между различными показателями уральской промышленности, для чего разумно использовать коэффициент корреляции Пирсона. Мощность и количество двигателей показали довольно существенную корреляцию с валовой стоимостью продукции (+0,67 и +0,61, соответственно)[7], т. е. можно говорить о тесной и прямой связи между этими показателями. Это вполне логично, так как применение машин должно положительно сказываться на развитии производства. Корреляция между количеством заводов и валовой стоимостью продукции оказалась ещё сильнее (+0,79), что также не противоречит здравому смыслу. Интересно отметить, что при учете металлической и горной отраслях связь между этими двумя показателями существенно снижается (до +0,53). С одной стороны, это можно объяснить огромной разницей в цифрах, о которой уже шла речь. В то же время столь резкий перепад может быть обусловлен концентрацией уральской промышленной в первые годы нэпа, которая сильнее всего затронула именно эти две отрасли. Ставка делалась на самые передовые предприятия с современным оборудованием, а заводы с устаревшими и сильно изношенными станками закрывали или приостанавливали. Например, в 1921–22 гг. в екатеринбургском тресте «Гормет» количество заводов сократилось вдвое[8]. Связь между расходом топлива и валовой стоимостью продукции прослеживается относительно слабо (+0,39), что можно объяснить особенностями выборки – в рассматриваемых отраслях этот фактор не был основным. Опять же при включении в анализ металлической и горной отраслей связь становится почти линейной (+0,98). Зато расход сырья очень тесно связан с валовой стоимостью продукции (+0,91), что весьма логично.

Перейдем к анализу рабочей силы в уральской промышленности. Составители сборника вводят такой показатель, как человеко-день, – день, когда работник явился на работу и приступил к ней (независимо от фактической продолжительности работы в этот день). Наблюдается весьма тесная связь между стоимостью валовой продукции и человеко-днями (+0,69). Однако уверенно заявлять о хорошей производительности труда здесь не приходится, так как человеко-день далеко не столь точный показатель, как человеко-час. Работник мог дисциплинированно приходить на завод, но не тратить рабочее время на производство. Далее необходимо отметить тесную связь между заработной платой рабочих и валовой стоимостью продукции (+0,79), хотя здесь в качестве результативного фактора разумнее рассматривать первый показатель. Это позволяет предполагать заметную роль рыночных механизмов в рассматриваемый период. Впрочем, зависимость зарплаты от роста или падения производства подтверждается и конкретными историческими событиями, когда в 1923–24 гг. кризис «ножниц цен» сильно ударил по карману рабочих[9]. В целом движение цен способствовало повышению реального уровня заработной платы. Кроме того, в рассматриваемый период наблюдалась постепенная ликвидация натуральной оплаты труда, что положительно отражалось на заработке рабочих[10].

Таким образом, с помощью коэффициента корреляции Пирсона была описана связь между стоимостью валовой продукции и различными показателями промышленности Урала. Далее для составления модели множественной регрессии необходимо установить мультиколлинеарность – «наличие тесной линейной связи между всеми или некоторыми факторами, действующими на результативный признак»[11]. Это явление приводит к существенному снижению точности коэффициентов регрессии. Прежде всего, отмечаем тесную связь между мощностью двигателей и их количеством (+0,75), поэтому в итоговую модель разумно включить только первый показатель. Также следует сказать, что мощность двигателей сильно коррелирует с числом заводов, поэтому было решено отказаться от последнего фактора. Тесную связь показали человеко-дни и зарплата рабочих. Остальные факторы слабо коррелируют между собой, но включать их все в итоговую модель было нельзя из-за малого числа наблюдений – всего 9. В итоге было решено составить 3 модели с двумя влияющими факторами и одну модель с тремя переменными, чтобы сравнить их качество.

В первую модель попали мощность двигателей и расход сырья (табл. 2). Уравнение множественной регрессии приняло следующий вид: $y=0,33x+1,53z+1218$, где y – стоимость валовой продукции, z – расход сырья, а x – мощность двигателей. Коэффициент детерминированности составил 0,94, что указывает на очень сильную зависимость между независимыми переменными и стоимостью валовой продукции. Статистическая значимость расхода сырья составила 7,65, а мощности двигателей – 1,65.

Во вторую модель были включены мощность двигателей и человеко-дни (табл. 3). Уравнение множественной регрессии приняло следующий вид: $y=0,49x+6,78v–712$, где y – стоимость валовой продукции, v – человеко-дни, а x – мощность двигателей. Коэффициент детерминированности составил 0,74, что свидетельствует о довольно сильной зависимости между влияющими факторами и стоимостью валовой продукции. Статистическая значимость человеко-дней составила 2,68, а мощности двигателей – 0,2.

Таблица 2

Зависимость стоимости валовой продукции от мощности двигателей и расхода сырья

Отрасль производства	Мощность (x), л. с.	Расход сырья (z), тыс. р.	Валовая (y), тыс. р.
Обработка минеральных веществ	4899	110	4230
Обработка дерева	5290	5581	11402
Химическая	3992	1512	6434

Отрасль производства	Мощность (x), л. с.	Расход сырья (z), тыс. р.	Валовая (y), тыс. р.
Пищевая	14316	5011	13686
Кожевенная и меховая	579	3801	7259
Производство одежды и обуви	139	541	1436
Текстильная промышленность	2432	3553	7462
Бумажная	7089	794	3161
Типография и литография	378	729	2067

В третью модель попали человеко-дни и расход сырья (табл. 4). Уравнение множественной регрессии приняло следующий вид: y=1,5v+1,65z+1283. Коэффициент детерминированности составил 0,84, что указывает на сильную зависимость между независимыми переменными и стоимостью валовой продукции. Статистическая значимость человеко-дней составила 3,43, а расхода сырья 3,83.

Таблица 3

Зависимость стоимости валовой продукции от мощности двигателей и человеко-дней

Отрасль производства	Мощность (x), л. с.	Человеко-дни (v), тыс. шт.	Валовая (y), тыс. р.
Обработка минеральных веществ	4899	760	4230
Обработка дерева	5290	1187	11402
Химическая	3992	718	6434
Пищевая	14316	832	13686
Кожевенная и меховая	579	603	7259
Производство одежды и обуви	139	300	1436
Текстильная промышленность	2432	1304	7462
Бумажная	7089	439	3161
Типография и литография	378	395	2067

Наконец, в четвертую модель были включены сразу 3 влияющих фактора: мощность двигателей, расход сырья и человеко-дни (табл. 5). В результате математических расчетов получилось следующее уравнение: y=0,33x+1,33z+1,69v+441. Коэффициент детерминированности составил 0,96, что указывает на очень сильную связь между независимыми переменными и стоимостью валовой продукции. Статистическая значимость мощности двигателей составила 3,66, расхода сырья 14,78, человеко-дней 18,78.

Таблица 4

Зависимость стоимости валовой продукции от расхода сырья и человеко-дней

Отрасль производства	Человеко-дни (v), тыс. шт.	Расход сырья (z), тыс. р.	Валовая (y), тыс. р.
Обработка минеральных веществ	760	110	4230
Обработка дерева	1187	5581	11402
Химическая	718	1512	6434
Пищевая	832	5011	13686
Кожевенная и меховая	603	3801	7259
Производство одежды и обуви	300	541	1436
Текстильная промышленность	1304	3553	7462
Бумажная	439	794	3161
Типография и литография	395	729	2067

Итак, четвертая модель наиболее точно отражает взаимосвязь стоимости валовой продукции и влияющих факторов. Во-первых, в ней зафиксирован самый высокий коэффициент детерминации, что свидетельствует о сильной совокупной связи между результативным фактором и независимыми переменными. Во-вторых, велика статистическая значимость влияющих факторов. Проведем ещё одну проверку последней модели, сравнив реальные результаты с теоретическими. Для этого подставим уравнение данные из табл. 5 (по пищевой отрасли). Y=0,33*14316+1,33*5011+1,69*832+441 = 13235,99, тогда как табличное значение равно 13686. Разница довольно заметна, но не столь велика, и при этом следует учитывать как ограниченность наблюдений, так и включение в модель сразу 3 факторов.

Таблица 5

Зависимость стоимости валовой продукции от мощности двигателей, расхода сырья и человеко-дней

Отрасль производства	Человеко-дни (v), тыс. шт.	Расход сырья (z), тыс. р.	Мощность двигателей (x), л. с.	Валовая (y), тыс. р.
Обработка минеральных веществ	760	110	4899	4230
Обработка дерева	1187	5581	5290	11402
Химическая	718	1512	3992	6434
Пищевая	832	5011	14316	13686
Кожевенная и меховая	603	3801	579	7259
Производство одежды и обуви	300	541	139	1436
Текстильная промышленность	1304	3553	2432	7462
Бумажная	439	794	7089	3161
Типография и литография	395	729	378	2067

В целом, по трем из четырех моделей заметна относительно низкая статистическая значимость мощности двигателей, да и до этого отмечалось, что данный показатель меньше коррелирует со стоимостью валовой продукции. Это позволяет сделать вывод, что в рассматриваемых девяти отраслях мощность двигателей не играла главной роли, а производство в большей степени основывалось на ручном труде. В то же время нужно сказать, что двигатели в уральской промышленности были задействованы далеко не полно. В 1923/24 операционном году «в I-квартале было использовано – 64,3 % общей мощности двигателей, во II-м квартале – 58,2 %, в III-м квартале 63,3 % и в IV-м квартале – 62,2%, в среднем за год было использовано 62,3 %»[12].

Логично, что на фоне относительно низкой значимости механических двигателей наблюдается сильное влияние человеко-дней на стоимость валовой продукции. Уральскими статистиками отмечалась положительная динамика в выработке на один человеко-день: «с 5,2 р. первого квартала она достигла 6,6 р. в четвертом квартале, т. е. дала увеличение на 1,4 р. или на 26 %, а в среднем за год увеличилась на рубль в день»[13].

Наконец, необходимо подчеркнуть, что расход сырья был значим во всех моделях (правда не учитывалась горная промышленность, в которой расход сырья составлял всего 5 % от валовой продукции[14]). Уральская промышленность в рассматриваемый период была тесно связана с сельским хозяйством, и особенно это проявлялось в пищевой, текстильной, кожевенной отраслях промышленности, которые и попали в итоговую модель.

Подводя итоги, следует отметить, что корреляционно-регрессионный метод позволил выделить факторы, которые воздействовали на стоимость валовой продукции в 1923/24 операционном году. Значимость этих показателей стала очевидна и в ходе предварительного исторического анализа, но с помощью модели множественной регрессии удалось выразить их количественное соотношение. Таким образом, математический анализ выступил удачным дополнением традиционных исторических методов. Благодаря этому было подтверж-

дено, что в начале восстановительного процесса основной упор был сделан на восполнение рабочей силы, улучшение производительности труда и рационализацию производства. Механизация уральской промышленности в первые годы нэпа отошла на второй план. В строй вводилось ещё довоенное оборудование и использовалось не на полную мощность. Уточнить эти предварительные выводы возможно при увеличении числа наблюдений, изучая данные не по отраслям, а по отдельным заводам. В этом случае полноценному анализу подверглись бы основные отрасли уральской промышленности – горная, металлургическая и металлообрабатывающая.

Примечания

[1] См. например: Абрамов В. К. Корреляционный метод в исторических исследованиях // Успехи соврем. естествознания. 2007. № 12; Валетов Т. Я. Регрессионная модель как инструмент выявления факторов, влияющих на размер заработка промышленных рабочих в период индустриализации // Информ. бюл. Ассоциации «История и компьютер». 2010. № 36.
[2] Обзор хозяйства Урала за 1923–24 гг. Свердловск, 1925.
[3] Обзор хозяйства Урала за 1924–25 гг. Свердловск, 1926.
[4] См. например: Немчинов В. С. Народное хозяйство Урала : его состояние и развитие. Екатеринбург, 1923; Уральская промышленность в 1923–24 гг. Свердловск, 1925; Конъюнктурный обзор хозяйства Урала за январь 1925 г. Свердловск, 1925.
[5] Обзор хозяйства Урала за 1923–24 гг. Свердловск, 1925. С. 178.
[6] Там же. С. 178–200.
[7] Все расчеты выполнялись с помощью программы MS Excel 2010.
[8] Фельдман В. В. Восстановление промышленности Урала (1921–1926 гг.). Свердловск, 1989. С. 81.
[9] Овсянников В. А. Положение труда на Урале в 1923 году // Тр. Урал. обл. стат. бюро. Сер. 3. Т. 2. Екатеринбург, 1924. С. 31.
[10] Немчинов В. С. Народное хозяйство Урала… С. 38.
[11] Абрамов В. К. Корреляционный анализ в исторических исследованиях. Саранск, 1990. С. 24–25.
[12] Обзор хозяйства Урала за 1923–24 гг. Свердловск, 1925. С. 181.
[13] Там же. С. 183.
[14] Там же. С. 199.

А. С. Сенявский

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В XX ВЕКЕ: ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ[*]

Общество представляет собой единую систему, состоящую из определенным образом соотнесенных, взаимосвязанных частей, конфигурация которых, а также характер и степень взаимозависимостей, определяются не только его «родовой сущностью», но и изменением внутренних и внешних условий его существования.

Эта, в общем-то, тривиальная сегодня мысль, когда наука получила неоспоримые достижения в области системных исследований, к сожалению, почти не находит места в исследовательской практике гуманитарных и общественных наук, включая историческую науку. Причин много, и разного порядка: социокультурных, гносеологических и методологиче-

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 10-01-00348а.

ских, идеологических, психологических. Здесь и установка на узкую специализацию знания, и пренебрежение теоретическим знанием, и готовность ученых подчиниться доминирующим квазитеоретическим, а вернее, идеологизированным конструкциям, и элементарная леность мысли: пользоваться готовыми, якобы объясняющими все «ярлыками» проще, чем адекватно структурировать явление и выискивать сложные цепи (а точнее, многообразные ветви) взаимосвязей. Это – в отечественной постсоветской исторической науке. А западная историческая наука под влиянием постмодернизма в целом вообще чурается «теоретизирования».

Несколько лучше обстояло дело в советской исторической науке, которая, хотя и находилась под бременем идеологического и методологического монополизма «марксистско-ленинского учения», однако это обстоятельство имело и свои положительные стороны. Марксизм, наряду с весомой идеологической составляющей, обусловленной ориентацией на социальную революционную практику, имел и мощную собственно научную составляющую. Она заключалась, прежде всего, в исследовании в «Капитале» К. Маркса определенного типа общества, а именно, западного общества на конкретной стадии его развития – ранней стадии «капитализма». Кроме того, марксистская политэкономия, безусловно, находилась в русле сциентистской традиции, и сама внесла в эту традицию чрезвычайно большой вклад: с тех пор все экономические теории, как бы они ни относились к марксизму как таковому, строились на прямом или косвенном диалоге с идеями «Капитала» К. Маркса, на продолжении, изменении или отрицании тех или иных его идей. И что еще важно, многие из идей более поздних системных исследований нашли воплощение в марксистской теории и методологии, а потому были так или иначе восприняты и советской исторической наукой. Хотя мало кто из советских историков по-настоящему изучал марксистскую методологию, несмотря на то, что было немало специальных исследований, в том числе применения «классиками» диалектического метода и даже использования принципа системности в «Капитале».

Но марксизм имел немало и антинаучных «грехов»: абсолютизацию классового подхода, европоцентризм, а точнее «западоцентризм», переходящий в ксенофобию (особенно по отношению к славянству, и в еще большей степени – по отношению к русским), и даже расизм, в том числе и при анализе исторического процесса. Виновен марксизм и еще в одном «грехе»: в экономическом детерминизме, в стремлении объяснить все многообразие процессов изменений в обществе – по сути, всю человеческую историю – через экономические (или, в лучшем случае, социально-экономические) явления. Спору нет, экономика – основа жизнедеятельности общества, но то, как строятся экономические отношения, зависит от огромного количества разнопорядковых внутренних и внешних по отношению к данному обществу факторов: природных условий, в которых оно существует, доминирующей системе ценностей (в которой, в частности, может существовать установка на максимальное или, напротив, минимальное потребление, а значит, и производства материальных благ), уровень развития «производительных сил» в данном обществе и в «окружающей среде», в мире в целом и т. д.

Экономические отношения могут «органично» вырастать из эволюции данного общества, а могут быть навязаны ему силой (извне, как это делали европейские колонизаторы по отношению к странам Азии, Африки и Америки, порой абсолютно ломая прежний экономический уклад покоренных народов, нередко вместе с этническим составом населения, полностью или почти полностью истребляя «недоразвитых» с их точки зрения аборигенов, то есть живших в иных типах обществ и имевших иную культуру, систему ценностей, образ жизни и т. д.; или изнутри общества, определенной его группой, насильственно, путем заговоров, переворотов и революций, захватывающих государственную власть, и навязывающих, часто всему обществу, свою модель общественного устройства, – как это произошло в Западной Европе, когда в результате деятельности масонских лож, распространения идеологии «Просвещения» и некоторых других процессов вспыхивали революции и про-

исходило падение абсолютистских монархий, крушение сословного строя, утверждение буржуазных ценностей и отношений, вытеснение «аристократии крови» «аристократией» денежных мешков).

Экономический детерминизм – во многом под влиянием марксизма – стал доминировать и в идеологии, и в науке, причем после 1917 г. в двух основных вариациях: в СССР (а затем и в «социалистических странах») в качестве обоснования преобразований согласно советской – квазимарксистской, а на деле – весьма специфической, во многом традиционалистской модели, главной целью которой было «догнать и перегнать»; и на Западе в качестве апологетики буржуазных «рыночных» отношений.

В совершенно гротескном виде «экономический детерминизм» проявился в убеждениях наших постсоветских квазилиберальных горе-реформаторов 1990-х гг. Они считали, что «невидимая рука рынка» решит все проблемы российского общества, включая обеспечение собственно экономического процветания, что необходимо путем приватизации государственной и общественной (в конкретном случае – колхозной) собственности создать слой частных собственников, которые стали бы «акторами» игры рыночных сил и предельно ограничить государственное вмешательство в экономические процессы. Результатом стало разрушение вполне процветавшей (по мировым меркам) советской экономики, а в постсоветской России – советского экономического наследства. Произошло беспрецедентное, катастрофическое сокращение промышленного производства: в 1991 г. –8 %, в 1992 г. –18 %, в 1993 г. – 14 %, в 1994 г. – 21 %, в 1995 г. – 3 %, в 1996 г. – 4 %; в 1998 г. – на 5 %; всего за 1990-е гг. – на 68 % (для сравнения: во времена Великой депрессии в США – на 46 %, в Великобритании – лишь на 15 %)[1]. Снижение распространялось на 96 % товарных групп, причем объем выпуска машиностроительной продукции упал почти на 80 %, а высокотехнологичных и наукоемких изделий – на 90 %[2]. Регресс произошел практически по всем ключевым направлениям, отражением чего явилось и резкое падение ВНП в России на душу населения, особенно в сравнении с развитыми странами: в 1970 г. этот показатель относительно США составил 46 %, а в 1993 г. – лишь 22 %[3], а далее разрыв только увеличивался.

Наряду с корыстными мотивами подобной «стратегии» реформ, все это стало следствием пренебрежения внеэкономическими факторами развития общества в целом и экономики в частности. Ведь экономику следует рассматривать только как часть общественного организма, обеспечивающую его жизнедеятельность. Экономическое развитие никогда не бывает самоценным, самодостаточным, а всегда определяется совокупностью условий и факторов разного порядка, внутренних и внешних, некоторые из которых относительно стабильны для данной страны (природно-географические и климатические условия, базовые цивилизационные параметры), другие условия – относительно устойчивы, но могут меняться с течением времени (размер территории, социокультурные характеристики, внешнее окружение), третьи могут быть ситуационными, хотя нередко – судьбоносными (например, соотношение сил на региональной или мировой арене, международная экономическая конъюнктура и др.)

* * *

Все эти предварительные рассуждения были приведены здесь с единственной целью – показать сложность изучения экономического развития любой страны, причем непременно как части процесса развития всего общества, вплетенной в состав целого общественного организма, и необходимости избежать влияния любых «ограничивающих убеждений», каким бы авторитетом в научной традиции они ни пользовались. Тем более сложно это сделать применительно к истории России XIX–XX вв., которая – при всех крутых поворотах, радикальных реформах, революциях и трансформациях, нередко обусловливавших «исторические разрывы», – тем не менее, представляет собой единый процесс, с преемственностью ряда сущностных для исторического процесса явлений, выступающих в разные эпохи под разными именами, но в действительности по сути являющихся одним и тем же. И

различие слов не должно для нас затемнять этой сути. Так, магистральным процессом для России этого периода было преобразование аграрного (по экономической сути) и сельского (по преобладающему населению) общества в индустриальное и городское, тогда как в имперский, краткий межреволюционный (1917 г.) и советский периоды это осмыслялось в разных категориях – либеральных реформ, установления «демократического правления», социалистического строительства и т. д. За этими формулами стояли разные социальные силы, предлагавшие свои модели развития, но по сути, они все, пусть и в несколько меняющихся условиях, решали одни и те же задачи, хотя и разными (в том числе – принципиально разными) способами.

Теперь рассмотрим подробнее, что представляло собой экономическое развитие России примерно с середины XIX до конца XX в.

Прежде всего, необходимо учесть некоторые константы (постоянно действующие или мало меняющиеся условия и факторы) российского развития, внутренние и внешние.

Применительно к России и СССР относительно стабильными внутренними условиями являлись:

– огромная территория с многообразием климатических зон, но преобладанием «северных» холодных и иных малозаселенных, трудно осваиваемых территорий, что обрекало страну на огромные издержки на транспорт и отопление и по определению делало многие производства неконкурентоспособными на мировом рынке. И доминирование сырьевой, и особенно топливно-энергетической составляющей, в экспорте страны на протяжении столетий – не случайность, не прихоть, а закономерность (по крайней мере, до эпохи «высоких технологий»). Альтернативой может быть только экспорт уникальной, высокотехнологичной и трудоемкой продукции, в частности, вооружений, но эту возможность страна активно использовала недолго – в послевоенные десятилетия.

– социокультурные особенности (этатистские установки в психологии, коллективистские устремления, распространенное негативное отношение к частной собственности и тем более к богатству, идущие частью от крестьянско-общинного мировоззрения и традиций, частью от православия, частью от исторического опыта, убеждавшего российское крестьянское население, жившее в условиях постоянного риска неурожаев и голода, в тщете «избыточных» трудовых усилий, и др.), хотя и претерпевали изменения, но были – и остаются – весьма устойчивыми.

В начале XX в. экономическая модель С. Ю. Витте – П. А. Столыпина рухнула не столько потому, что она была плоха сама по себе, сколько из-за «неорганичности», неадекватности социокультурным характеристикам страны и исторической ситуации, и была отторгнута крестьянско-общинным большинством. В советское время этатистские установки населения были подкреплены социальной практикой государственного патернализма.

Экономика конкретной страны, кроме всего прочего, является объектом влияния внешних для страны факторов – экономических, политических, геополитических, военных и т. д. Вопрос состоит в соотношении, конкретной «конфигурации» внутренних и внешних факторов в конкретной стране в конкретный исторический период. Так, именно сочетание социокультурных качеств населения России с ситуационными факторами (I мировая война) привели к краху вестернизаторской по форме модернизации и к победе крестьянско-общинной (а отнюдь не пролетарской) революции 1917 г. В 1920-е гг. многое в экономике пришлось начинать заново, почти с нуля, но уже больше учитывая социальные и социокультурные факторы.

Важным свойством российской экономики на протяжении всего ее существования была значимость внеэкономических приоритетов в экономическом развитии, а в советский период – даже их доминирование.

Эта особенность не была чем-то уникальным: любое общество в некоторых, особенно экстремальных ситуациях, подчиняло свое хозяйство внеэкономическим целям – например,

в периоды судьбоносных войн, социальных катаклизмов, стихийных бедствий и т. п. Задача выжить оказывается важнее получения прибыли даже в рыночной экономике или важнее рационального ведения хозяйства в иных. Ярким примером являются две мировых войны, практически во всех основных вовлеченных странах приведшие, как минимум, к жесткому государственному регулированию экономики и ее переориентации на военные нужды.

Но в том тот и дело, что вся история России, по сути, представляет собой сочетание постоянно действующих экстремальных условий природного характера с бесконечной чередой накладывающихся дополнительно экстремальных ситуаций социальной природы, внешнего и внутреннего порядка. К внешним относятся: угроза войн и собственно военные периоды, жесткость внешнеэкономической среды при слабой конкурентоспособности российской экономики по объективным, а также и субъективным, ситуационным причинам; к внутренним – периодические обострения социальной напряженности, перерастающие в катаклизмы – смуты и революции, порожденные рассогласованием изменившихся параметров общества с его «внешними» формами; «трансформации», вызванные неадекватными требованиям ситуации действиями власти и т. п.

И ранее, до XX в., в развитии экономики Российской империи роль внеэкономических факторов не только постоянно весьма весомо присутствовала, но и систематически становилась приоритетной. Вспомним эпоху Петра I: начиналась она войной с Турцией, а после поражения на протяжении почти всего его правления продолжалась война со Швецией, которой, фактически, были подчинены и петровские реформы, и все ресурсы, все хозяйство страны. Именно тогда был дан толчок развитию авангардной отрасли той эпохи – уральской металлургии, которая, несмотря на крепостнический характер доминировавшего труда, удерживала передовые позиции весь XVIII в. Многочисленные войны XVIII–XIX вв., особенно крупные, требовали напряжения экономических сил, которые подчинялись военным задачам.

Поражение в Крымской войне дало толчок радикальным либеральным реформам, которые не только изменили основу социально-экономических отношений (отмена крепостного права), но и косвенно, через некоторое время, ускорили развитие промышленности. Но снова государственное вмешательство в экономическую жизнь оказывалось преобладающим, по внеэкономическим, по преимуществу, причинам. Например, если железнодорожное строительство в США развертывалось прежде всего для обеспечения нужд экономики, то в Российской империи – в решающей степени по геополитическим и военным причинам, для масштабной и оперативной переброски военных грузов в разные части страны, особенно на ее окраины, а потому в нем активно участвовало государство – капиталами, преференциями и т. д.

Определенной «константой» на протяжении XIX–XX вв. было отставание, и весьма существенное, России от наиболее «продвинутых» западных стран – Англии, Франции, затем США, Германии. Следствием была постоянно объективно стоявшая перед страной, периодически осознаваемая элитой и властью потребность в модернизации, которая периодически реализовывалась в реформаторских планах и политике, в деятельности субъектов экономической жизни – предпринимателей, банкиров, но главное – государства.

«Модернизационный императив» – объективная необходимость в модернизации, в преодолении отставания для выживания страны и государства – был «сквозным» для XX в. фактором. Провал либеральной модернизации в начале XX в. (с крахом империи, а затем и «демократической республики») привел к победе леворадикального варианта. Однако пришедшие к власти большевики отнюдь не изменили основного вектора развития страны, они лишь предложили свою парадоксальную модель модернизации, вестернизаторскую по существу, но во многом традиционалистскую по форме (этатистскую, с опорой на коллективистское начало в массовом сознании и формах организации жизни, «зеркальную» относительно дореволюционной либеральной модели С. Ю. Витте – П. А. Столыпина). Этой модели были присущи элементы насилия и страха, но не они были главными[4].

Советская экономика на протяжении всего своего существования – в большей или меньшей степени – развивалась в экстремальном режиме, как и все общество. И далеко не только и не столько из-за особенностей идеологии. Скорее, идеология оказалась отражением общественных реалий и, пусть и в определенных, специфических категориях, словах, мифологемах, но воплощала вполне прагматические задачи выживания, стоявшие перед страной на протяжении большей части XX в.

Следствием экстремальности жизни был мобилизационный характер развития, главный вектор которого был направлен на модернизацию страны. Именно фактор внешней угрозы (угрозы разделить участь многих отставших стран – поверженных в экономическом и военном противостоянии) обусловил то, что можно назвать «модернизационным императивом» для России, действовавшим на протяжении трех столетий. Военный фактор был среди важнейших.

Советская экономика с момента ее становления была ориентирована на укрепление позиций государства и в связи с этим решала модернизационные задачи, однако иными методами, в иных формах, нежели западные рыночные модели. Допущение рыночных механизмов в период нэпа, обеспечив восстановление хозяйства примерно на дореволюционном уровне, было сменено курсом на предельную централизацию и огосударствление, что, с одной стороны, было связано с идеологией, а, с другой, с внешней ситуацией сильнейшего мирового экономического кризиса. Концентрация ресурсов государством обеспечила использование международной конъюнктуры конца 1920–1930-х гг.: от прорыва экономической блокады страна перешла к радикальному обновлению и наращиванию производственных фондов, позволившему совершить индустриальный рывок.

Именно в леворадикальной, советской форме, с опорой на собственные силы, практически без внешних инвестиционных источников, России удалось осуществить индустриальный рывок 1930-х гг., победить во Второй мировой войне, сохранив не только государственную независимость, но и само существование многих народов СССР, российскую цивилизацию. Затем удалось в рекордные сроки восстановить народное хозяйство, понесшее катастрофические потери в войне.

Приняв вызов Запада, Советская Россия сама представила для него угрозу, гораздо более опасную, нежели Российская империя. XX в. прошел «под знаком России» в том смысле, что она своим социальным экспериментом потрясла, расколола и изменила капиталистический мир, стала важным стимулом изменения этого мира, в том числе путем заимствования многих инноваций, порожденных социализмом (плановые инструменты в экономике, социальная составляющая экономического развития и др.)

Россия в форме СССР являлась главным субъектом, владевшим «исторической инициативой» на протяжении большей части XX в.: от влияния на мировую общественную мысль и мировой «политический ландшафт», от решающей роли во Второй мировой войне – к становлению «сверхдержавы», формированию «социалистического лагеря», разрушению колониальной системы, развертыванию наступления вплоть до конца 1970-х гг. (последний, роковой шаг – ввод войск в Афганистан). При этом соотношение сил (изначально и до конца) было отнюдь не в пользу СССР, хотя до начала 1980-х гг. позиции страны укреплялись по большинству направлений, так что еще в 1970-е гг. многие западные политики и политологи предсказывали поражение Запада и победу мирового коммунизма. И эти прогнозы имели под собой весьма серьезные основания. Они не реализовались по многим причинам, но главное заключалось в стратегических просчетах советских руководителей и, одновременно, в способности западных лидеров извлекать уроки и корректировать политику. Так, в 1960–1970-е гг. США, осознавшие отставание от СССР в области технического образования, существенно изменили свою образовательную систему. Целевая лунная программа позволила США совершить мощный научно-технический рывок. Хотя именно в 1970-е гг. СССР обеспечил военно-стратегический паритет с США.

Вместе с тем, острое экономическое, военное, геополитическое, идеологическое соперничество требовало перенапряжения сил, превышало возможности страны, подрывало ее потенциал. Грубой ошибкой было вовлечение страны в экспортно-сырьевую зависимость: «подсев на нефтегазовую иглу», а заодно бездарно растратив нефтедолларовые поступления, СССР потерял внешнеэкономическую автономность и в условиях сознательно организованного Западом обвала цен на нефть оказался в крайне тяжелом положении. Резко возросшие потребительские потребности населения, с одной стороны, неспособность обеспечить их, а также накопленную денежную массу товарной массой, с другой, необходимость модернизировать экономику на новой научно-технической основе в условиях недостатка финансовых средств, с третьей, – все это и многое другое привело к дестабилизации советской экономики. Горбачевская «перестройка» довершила кризисный сценарий развития. Но дело в том, что соревнование с западной экономикой проиграла не советская экономическая модель: причины ее краха преимущественно субъективные и кроются в неадекватных политических и экономических решениях. Но это уже тема для другого, специального анализа.

Все познается в сравнении. С крахом СССР рухнула не только экономическая модель, но и единый народнохозяйственный комплекс, и экономический потенциал, наработанный советскими поколениями. Постсоветская история России преподнесла нам целый ряд уроков, которые, увы, не хочет или («по определению») не способна усвоить современная российская квазиэлита. Два десятилетия оказались потерянными для экономического развития России, оказавшейся неспособной до сих пор достичь уровня 1990 г. Встраивание постсоветской квазирыночной экономики в качестве периферии и сырьевого придатка в глобальную экономику под эгидой Запада (к тому же переживающей фундаментальный кризис экономической системы) стратегически обрекает на прозябание будущие поколения россиян, ведет к социальной и демографической деградации, бегству из страны квалифицированных кадров, к депопуляции и замещению коренных жителей мигрантами, а в перспективе – к неизбежному дальнейшему развалу России, который лишь отсрочен «укреплением властной вертикали». Декларации о необходимости новой модернизации и «инновационной экономики» в контексте квазирынка остаются всего лишь словами, оторванными от печальной и фактически «беспросветной реальности».

Примечания

[1] Андрианов В. Д. Россия в мировой экономике. М., 2002. С. 63.

[2] Там же. С. 64.

[3] Россия в мировой экономике начала 1990-х гг. М., 1995. С. 14.

[4] Подробнее см.: Сенявский А. С. Урбанизация России в XX веке : роль в историческом процессе. М. : Наука, 2003.

А. С. Сенявский, Т. М. Братченко

ОТ ИМПЕРСКОЙ К СОВЕТСКОЙ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ МОДЕЛИ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И РАЗЛИЧИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ[*]

Экономическая модель представляет собой исторически устойчивый тип хозяйства, включающий ресурсную базу и опирающуюся на нее отраслевую структуру, доминирующие отношения собственности, а также механизм экономического развития, определяющий основной вектор экономических изменений в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Экономическая модель никогда не бывает абстрактной, но всегда в существенной степени «привязана» к конкретно-историческим условиям страны, ее человеческому и при-

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 10-01-00348а.

родному потенциалу, доминирующим в обществе социокультурным параметрам, включая систему ценностей, психологию; к существующей в конкретно-исторический период структуре народного хозяйства и социальной структуре, и всегда – больше или меньше – определяема политикой государства (хотя возможности государства влиять на изменения экономической модели всегда – в конкретно-исторический момент – объективно и субъективно ограничены).

Существовавшая на протяжении ряда столетий аграрная (и в основном замкнутая на себя) экономика России начала трансформироваться на протяжении XVII в., с трудным восстановлением после «великой смуты» и со складыванием общероссийского аграрного рынка. Одновременно, еще до Петра I, «прорубившего окно в Европу», приоткрывались «форточки», устанавливались внешнеэкономические связи, причем, естественно, основными категориями российского экспорта была продукция сельского хозяйства, а также лес. В XVIII в. в Западную Европу из России шел огромный экспортный поток, включавший полотно, парусинный холст, лен, пеньку, лес, кожи, сало, воск, без которых не могли обойтись ни флот Англии, ни хозяйство Франции, которая ввозила из России накануне революции 1789 г. около 1/5 импортируемых ею товаров[1], ни ряд других крупных европейских держав.

Однако магистральный путь мирового экономического развития, от которого все больше зависела и Россия по мере не только ее включения в мировую торговлю, но преимущественно по внеэкономическим причинам (отставание в уровне технологического развития, отсутствие ряда производящих отраслей за пределами сельскохозяйственного производства вело и к военному отставанию, а значит, и к угрозе внешней безопасности государства), лежал в иной области: в передовых странах началась сначала протоиндустриализация, а затем и собственно индустриализация, «промышленный переворот», составившие суть стартовавшего общемирового модернизационного процесса.

Россия, находившаяся частью своей территории на периферии Европы, явилась «вторым эшелоном» в модернизационном процессе. При всех формационных различиях в XVIII в. крепостническая Россия не намного отставала в развитии технологий от передовых стран Европы. Например, одной из ключевых отраслей того времени являлось развитие металлургии, и здесь как по объемам производства, так и по уровню технологий Российская империя находилась на передовых позициях, что свидетельствует о существенной автономности форм организации производства и даже общественной жизни от технологических параметров модернизационного процесса, о сложности и косвенности их взаимосвязей. Причем многие технологические открытия были осуществлены в России автономно, а часть из них даже раньше, чем на Западе. В середине XVIII в. Россия благодаря Уралу (производившему 4/5 российского чугуна и железа и 100 % меди) по производству чугуна обогнала Англию и вышла на второе место после Швеции, а на рубеже XVIII–XIX вв. по производству черных металлов вышла на первое место в мире, произведя более трети выплавки мирового чугуна и около четверти меди. Экспорт российского «уральского» железа рос стремительно и оттеснил прежнего монополиста – Швецию, причем главным потребителем была Англия – до 80 % русского экспорта. Можно сказать, что английский «промышленный переворот» во второй половине XVIII в. во многом основывался на импорте продукции уральской металлургии. Без импорта российского железа не могли обойтись и другие страны Запада – Франция, Голландия, Испания и др. На экспорт шло около трети всей уральской продукции, поэтому ряд заводов имел исключительно экспортную специализацию[2]. Несмотря на то, что на Урале действовали как казенные, так и частные заводы, в развитии Уральской металлургии как передовой отрасли своего времени совершенно очевидна определяющая роль государства, проводившего целенаправленную политику по формированию и стимулированию развития этого производства.

Экономическое развитие во многом является продуктом когда-то принятых конкретными людьми решений, запустивших (или не пустивших в действие) экономические механизмы, конкретные экономические проекты и т. д. «Невидимая рука рынка» (в которую

фанатично верят лишь отъявленные либералы, мало знакомые с реальной экономической практикой самых «рыночных» стран) далеко не всегда является безусловным регулятором экономического развития. Тем более в таких странах, как Россия, где не только формирование общероссийского рынка и продвижение российского экспорта на мировой рынок в XVI – первой половине XIX в., но и масштабное становление собственно «рыночных» буржуазных отношений с основными экономическими институтами (финансово-кредитная и банковская система, акционерные общества и др.) во второй половине XIX – начале XX в. было не просто под жестким контролем государства, но и во многом в решающей степени им же и определялось, и двигалось, и финансировалось. То есть и экономическая модель, и общие перспективы экономического развития, и стратегические его направления определялись не «внизу», не между хозяйствующими субъектами абстрактного «рынка», а сверху, по причинам преимущественно отнюдь не экономического порядка: российское государство в первую очередь обеспечивало безопасность (военную, геополитическую) от внешних угроз, а заодно и экономическое освоение пространства («внутренняя колонизация»), и лишь затем думало о потребностях внутреннего обеспечения, в том числе влияющих на социальную стабильность. Возможно, в этом был главный стратегический просчет верховной власти (и аристократической элиты) Российской империи второй половины XIX – начала XX в.

Если на протяжении XVII–XVIII вв. в аграрной экономике России (и даже в ее начинавших становление промышленных отраслях) доминировали крепостнические отношения (а преобладающая часть крестьянских хозяйств носила преимущественно натуральный характер), то уже в конце XVIII и тем более в начале XIX в. верховной властью осознается нарастающий анахронизм подобной системы, но не по экономическим, а, скорее, по гуманитарным соображениям, вызванным влиянием идей Просвещения. Однако к середине XIX в. западная буржуазная модель экономического развития доказывает свои преимущества косвенно, но весомо – «на полях сражений» Крымской войны.

После поражения в ней в очередной раз власть избирает имперскую модель модернизации, но теперь уже – со значительными элементами либерализма. Собственно, этот симбиоз – с некоторыми рецидивами наступления консерватизма, чередованием реформ и контрреформ (при Александре II, Александре III и Николае II) – явился организационно-идеологическим и политическим оформлением индустриальной модернизации вплоть до революционной катастрофы 1917 г.

При этом вновь избрана была стратегия догоняющего развития, основанная на, как правило, прямом и подражательном заимствовании технологий, ценностей и институтов стран-лидеров западной цивилизации. Такая стратегия имела противоречивые последствия. С одной стороны, она позволила быстро осваивать действительно значимые передовые достижения научной и научно-технической мысли, внедрять уже готовые социальные институты в России. С другой, она не учитывала неорганичность многих ценностей, общественных форм и др., которые с трудом принимались, а нередко и отторгались российской «почвой». Кроме того, «догоняющий» обрекает себя быть вечно «вторым», а в жестком геополитическом противостоянии с Западом это было чревато и военными поражениями, и социальными катастрофами. Тем самым стратегия «догоняющего развития» в контексте вестернизации предопределила целый комплекс негативных социальных явлений – зарождение революционного движения, неспособность государства реализовать даже ключевую цель, которая ею преследовалась – сделать военную силу достаточной для противостояния с потенциальными противниками, что показали и неудачи в Русско-турецкой войне, и поражения в Русско-японской войне, и военно-техническая и материальная неготовность к Первой мировой войне. Порок догоняющей стратегии обусловил и неслучайность «двухтактного» пути преобразований (реформы – контрреформы), который «…практически запрограммирован самой идеологией перенесения готовых и где-то эффективно работающих форм собствен-

ности и хозяйствования»[3]. К этому можно добавить: и других общественных – социальных, культурных, политических – институтов и форм.

Охарактеризуем основные параметры, достижения, просчеты и итоги реализации этой имперско-либеральной модели модернизации. Уже утвердившееся рыночно-крепостное хозяйство, пришедшее на смену натурально-крепостному в начале XIX в., хотя и не исчерпывает к его середине свой потенциал и экономическую эффективность, а главное – выгоду для помещика[4], но становится тормозом для индустриализации, что, наряду с ростом социальной напряженности, оказывается важнейшим внутренним стимулом для отмены крепостного права. Хотя удельный вес крепостных в общей численности населения России сократился к 1860-м гг. до 1/3 (в начале века он составлял около половины), промышленный переворот, в основном осуществленный в 1830–1860-х гг., требовал принципиально иной социально-экономической среды. С 1825 по 1854 г. число фабрик увеличилось с 5,2 до 10 тыс., а численность рабочих – с 202 до 460 тыс. чел., объем продукции с 46,5 до 160 млн р.[5] И потребность в индустриализации определялась не только оборонными задачами, но и необходимостью сохранять присутствие на мировом рынке, занять достойные конкурентоспособные позиции в международном разделении труда. Фаза контрреформ 1820–1855 гг. (последние годы правления Александра I, разочаровавшегося в либерализме, и правление Николая I) сменилась либеральным реформаторством. Модернизационный курс Александра II – вторая после Александра I волна реформ – был осуществлен в либерально-западническом ключе, не только упразднением крепостного права, но и комплексом реформ в системе управления (земская реформа и реформа городского самоуправления), судопроизводства, образования, в военном деле и др. При этом в значительной степени западные либеральные образцы и модели весьма некритично переносились на русскую почву.

Отмена крепостного права, в сущности, была вызвана отнюдь не внутренними для сельского хозяйства причинами, которое имело еще немалые резервы функционирования в рамках крепостнической системы, сколько, с одной стороны, потребностями города, потребностью в форсированном индустриальном развитии, а с другой, интересами власти, в том числе необходимостью эффективного обеспечения внешних функций государства. Приоритет был отдан экономическим преобразованиям в целях обеспечения социально-политической стабильности – необходимого условия любых крупномасштабных реформ. Поскольку основная социальная база самодержавия – абсолютное большинство помещиков и дворян – выступало против отмены крепостного права, власть вынуждена была опираться преимущественно на бюрократию и тонкий слой либерально настроенной части общества.

Ключевым в комплексе реформ, безусловно, было решение крестьянского вопроса. Но были ли удовлетворены им основные социальные субъекты этой реформы? Помещики, безусловно, нет. А крестьянство, было ли оно довольно дарованной свободой? Тем более, потому что условия освобождения оказались грабительскими. Они выплатили государству в 1,5 раза больше, чем получили за землю помещики из казны. При этом крестьяне получили земли намного меньше, чем им принадлежало до реформы (всего – на 18 %), и даже через 30 лет выкупные платежи составляли больше всех прямых налогов на крестьянские хозяйства[6]. Несправедливость крестьянской реформы, названной Великой, ее противоречие основным представлениям крестьян о том, что земля «божья» и не должна быть в частной собственности, а должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает, порождали не только высокий уровень социальной напряженности в обществе, но и собственно революционное движение городской интеллигенции, вырабатывавшей «крестьянскую» идеологию. Реформы спровоцировали и террор как форму социальной борьбы, с тех пор утвердившегося в российской «политической культуре» вплоть до революции 1917 г. Разогревавшийся крестьянский «паровой котел» был к тому же задраен законом 1893 г., предельно ограничивавшим возможность выхода крестьян из общины.

Тем не менее, реформы придали ускорение индустриализации. Ключевым направлением и важным показателем ранней индустриализации в России было железнодорожное строительство. И успехи были впечатляющими. С 1860 по 1881 г. протяженность железных дорог выросла с 1,5 до 21,2 млн верст[7].

Новая волна реформ – С. Ю. Витте (середина – конец 1890-х гг.) – концентрировалась в финансовой сфере. Была проведена денежная реформа с переходом к золотому стандарту рубля, усилено косвенное налогообложение, в частности, введена государственная монополия на продажу водки, осуществлены протекционистские меры. Был дан новый толчок индустриализации: за 1893–1899 гг. протяженность железных дорог выросла примерно на 50 %[8].

Реформы С. Ю. Витте продемонстрировали определенную дееспособность имперской модели развития при сохранении прежней хозяйственной системы на основе либерально-консервативных трансформаций при мощном государственном влиянии на экономическую жизнь, но не учли необходимость разрешения коренного для России – аграрного вопроса.

Эту проблему – с огромным запаздыванием – вынужден был решать П. А. Столыпин, но, пожалуй, единственным действительным успешным направлением реформы была переселенческая политика, решавшая одним средством сразу же ряд задач: снижение социальной напряженности в центральных и западных регионах, освоение пустующих восточных земель (что имело и экономическое и еще большее геополитическое значение), создание слоя зажиточного крестьянства, лояльного власти, и др. Но, как не раз было показано в литературе, реформа в целом была скорее провальной, особенно по своим побочным результатам. Столыпинские реформы, грубо и резко ломавшие вековые устои общинной жизни насильственным насаждением сверху частной собственности в деревне, вызвали мощное сопротивление основной крестьянской массы. Безусловно, характер и сила революционного взрыва 1917 г. во многом определялись нерешенностью именно аграрного вопроса и теми способами его квазирешения, которое навязывалось властью в рамках столыпинских реформ.

Имперской либерально-консервативной модели модернизации конца XIX – начала XX в. соответствовала модель экономического развития, представлявшая собой конгломерат реликтовых и консервативных форм социально-экономической жизни (община, помещичье землевладение и др.), либеральных экономических форм (элементы экономического законодательства, банковская система, акционерные общества и др.), казенные предприятия и экономические проекты, предприятия иностранного капитала и др. Сочетание множества разноуровневых укладов экономической жизни при неопределенности и противоречивости стратегии экономического развития (хотя государство и оставалось важнейшим субъектом экономического процесса и способствовало тенденциям индустриализации страны, однако оно же стремилось сохранять неэффективное в своей массе помещичье землевладение, запаздывало с поддержкой становления передовых отраслей индустрии и др.) не только делало экономику неустойчивой, но и обусловливало глубокие основания для социальной конфликтности, потенциал которой в обществе нарастал.

В постсоветской историографии все более популярной становилась позиция, согласно которой в пореформенное время и особенно в начале XX в. Российская империя настолько успешно экономически развивалась, что если бы не насильственно прерванный (причем, именно «варварами-большевиками» в октябре, а не хорошими «либеральными» заговорщиками в союзе с британскими «консультантами» в феврале 1917 г.) взлет, то в короткие сроки Россия достигла бы процветания, догнала и перегнала бы Европу, а заодно и США. Здесь содержится либо лукавство, либо элементарное незнание фактического положения дел.

Во-первых – при всех относительных успехах развития на пути индустриальной модернизации, – Россия и в 1917 г. оставалась преимущественно аграрной страной с более чем 4/5 сельского, в основном крестьянского населения, с неразвитыми (кроме десятка – полутора) городскими центрами, с отсталой отраслевой структурой экономики, низким качеством трудовых

ресурсов и т. д. Воспевать успехи «Развития капитализма в России», подобно Ленину, могли преимущественно леворадикальные идеологи марксистского толка, поскольку это подводило идеологическую базу под их революционное направление и создавало (вопреки ортодоксальному марксизму) некое интеллектуальное оправдание перспектив «пролетарской революции».

Во-вторых, темпы роста российской экономики отнюдь не были столь высоки, как хотелось бы «певцам» дореволюционного процветания Российской империи. Во всяком случае, со времени реформы 1861 г. экономическое отставание России от мировых лидеров отнюдь не уменьшилось, а, напротив, увеличилось.

Наконец, в-третьих, именно в начале XX в. Россию настиг глубочайший фундаментальный, системный кризис, который зрел на протяжении многих десятилетий и прорвался, наконец, в революционных потрясениях 1905 и 1917 гг.

Существовавшая экономическая модель и имперская стратегия догоняющего развития в контексте либеральных реформ второй половины XIX – начала XX в. не решила главной проблемы России – не преодолела отставания от стран-лидеров. Реализация этой модели не только сопровождалась откатами, рецидивами консерватизма, но и во многом провоцировала социальную напряженность и политические потрясения, а также военные поражения (в Русско-японской и Первой мировой войнах). В конечном счете, именно она привела к революционной катастрофе 1917 г. и смене общественного строя.

В результате первой, дореволюционной, модернизации старую Россию сокрушил революционный взрыв, ставший следствием целого комплекса стечения объективных условий, закономерных факторов и случайных обстоятельств. Важнейшие из них – неадекватность поведения власти в сложных исторических условиях на протяжении длительного времени, эгоизм ряда социальных сил, в том числе инфантильность российской элиты, особенно утопические настроения либерального течения общественной мысли и политики. Немало способствовали краху страны иллюзии конституционализма в сельской стране с традиционалистским менталитетом, и особенно столыпинщина – попытка форсированного и насильственного насаждения частной собственности в деревне и разрушения общины. История показывает, что насильственно насаждаемые, неорганичные и несвоевременные реформы отторгаются российским обществом. В лучшем случае, они буксуют и не дают того результата, на который рассчитывают реформаторы. В худшем – провоцируют и предельно обостряют социальную напряженность, приводя в результате к социальному взрыву.

В конечном счете, процесс насильственных, неорганичных реформ порождает неизбежную реставрацию цивилизационных основ общества при смене «исторических декораций» – политических, идеологических и других «надстроечных» форм. При этом сохраняются социокультурные основания общественной жизни, архетипы массового сознания, причем как социального, так и этнического характера.

При смене доминирующих идеологий и политического устройства, форм организации экономической и социальной жизни на протяжении почти всего XX столетия сохранялся основной вектор гораздо более глубоких, «базовых» для российского общества перемен. Речь идет о таких фундаментальных процессах, как индустриальная модернизация, то есть переход от преимущественно аграрного к индустриальному обществу (экономико-технологические изменения) и урбанизационный переход – переход от сельского к городскому, урбанизированному обществу (социально-экономические и экистические изменения – в системе расселения, занятости, образе жизни и т. д.).

Радикально решить проблемы фундаментального, системного кризиса России можно было только в рамках форсированной мобилизационной модели, которая всегда имеет высокую социальную цену. И это – плата за выход из революционной катастрофы, в которую завели страну некомпетентная власть, эгоистические элиты Российской империи и неадекватная стране, времени и ситуации либеральная интеллигенция.

Революция 1917 г. прервала имперскую модернизацию на базе либеральных и квазилиберальных охранительных реформ, но альтернативой индустриальной модернизации могла быть только гибель государства и российской цивилизации в целом, а потому модернизация была необходимой. Вопрос заключался в том, какие социальные силы будут ее осуществлять, какую модель изберут, какие инструменты социальной мобилизации задействуют.

Парадоксальным образом, прозападнические политические силы, спровоцировавшие свержение монархии и социально-политический взрыв, оказались выброшены из России, а другие «западники», леворадикальные марксисты, пришедшие к власти, – стали воплощать в политике традиционалистские ценности, проводить в жизнь традиционалистскую модель модернизации.

Отличный от Запада вариант модернизации впервые в истории продемонстрировала советская «коммунистическая» мобилизационная модель модернизации, решавшая все те же задачи индустриальной модернизации, опираясь на низшие классы общества, а потому оказавшаяся более способной к аккумуляции ресурсов для решения модернизационных задач и более устойчивой. Кризис данной модели проявился при переходе к постиндустриальной стадии мирового развития, к которой власть не сумела ее адаптировать.

Период Гражданской войны и политики «военного коммунизма», во многом воспроизводившей политику Германии в период мировой войны, сменился задачами восстановления экономики, которые решались в рамках нэпа – политики, основанной на использовании рыночных механизмов. Собственно, советская индустриализации начиналась в рамках нэпа, который являлся режимом «выживания», но оказался неспособным обеспечить необходимые условия для развития, тем более форсированного. Свою роль в свертывании нэпа сыграла не только идеология, но и международная ситуация: сильнейший в истории мировой экономический кризис 1929–1933 гг. характеризовался повсеместным усилением государственного вмешательства в экономику и ограничением рыночных отношений. Это был пример и для «первой страны Советов». Но важнее было другое: СССР получил шанс приобрести на мировом рынке более дешевые технику и технологии, что было жизненно необходимо ввиду износа основных, дореволюционных еще фондов промышленности. Государство вынуждено было концентрировать ресурсы в своих руках, изыскивать всеми возможными путями средства, в том числе валютные ресурсы, для нужд индустриализации. Одним из важнейших путей социальной мобилизации общества явилась коллективизация сельского хозяйства, создававшая крупные аграрные предприятия с возможностью использования техники, но, в первую очередь, ставившая крестьянство под непосредственный государственный контроль и позволявшая изымать хлеб для нужд индустриализации.

Парадоксальность советской модернизации в том, что она осуществлялась на традиционалистской основе, приобретала формы и идеологическое оформление, созвучное настроениям и ценностям традиционного российского общества, и вела к форсированной трансформации и ломке традиционализма в значительной мере под лозунгами его сохранения.

Форсированная «социалистическая» индустриализация в СССР оказалась в конце 1920-х – 30-е гг. функцией государства. Успех советской индустриальной модернизации в 1930–1950-е гг. был определен во многом тем, что государственная и крупная коллективная (колхозная) собственность вполне соответствовали существовавшему, относительно передовому в тот период, технологическому укладу, предполагавшему в организации производства (фабрично-заводском, преимущественно конвейерном) большую концентрацию людей, техники, материальных ресурсов. Кроме того, именно государственная собственность позволяла обеспечить мобилизационный форсированный вариант модернизации на основе концентрации ресурсов на ключевых «направлениях прорыва».

Советская модель конца 1920–1950-х гг. оказалась наиболее адекватной формой перехода России к индустриальному и городскому обществу в условиях исторического цейтнота,

ограниченности доступа к финансовым, технологическим и др. ресурсам, жесткого противостояния с внешним враждебным окружением. Новые управленческие решения в сочетании с социальной мобилизацией и возможностями сверхцентрализации ресурсов дали впечатляющие результаты. Советская модель индустриализации продемонстрировала весьма высокую эффективность, за три десятилетия превратив преимущественно аграрную страну в индустриальную и городскую. В результате второй, советской, модернизации Россия стала сверхдержавой, второй по экономической мощи, и удерживала эти позиции почти полвека.

Однако планово-директивный механизм по мере разрастания народнохозяйственного комплекса породил внутри себя и механизмы торможения, прежде всего за счет роста автономности ведомственных структур и абсолютизации их интересов. Так была заложена консервация с каждым годом устаревавшей отраслевой структуры экономики, которая расширенно воспроизводила себя в условиях, когда мировая экономика совершала новые технологические перевороты. Были допущены и существенные ошибки в научно-технической политике СССР еще в 1950–1960-е гг., усугубившиеся в дальнейшем[9]. В итоге советская экономика «наслаивала» пласты новых, современных технологических укладов на воспроизводившиеся (нередко расширенно) уклады прошлого или даже позапрошлого уровня.

Несмотря на то, что в СССР вовремя были замечены принципиально новые тенденции развития, вскоре определенные как «научно-техническая революция», из этого не было сделано должных выводов, и дело свелось по сути к ритуальным заклинаниям о «необходимости соединить достижения НТР с преимуществами социализма». Свою роль в этом процессе сыграла и закосневшая «коммунистическая» идеология и экономическая теория. Советские идеологи продолжали мыслить категориями полувековой давности, когда индустриализация действительно являлась магистральным путем человечества; официальная социальная опора нового строя – рабочий класс, под которым понимали занятых физическим трудом людей в государственном секторе экономики (а элитой этого класса людей, непосредственно занятых в материальном производстве), – был действительно «передовым» классом будущего индустриального общества. Оправданным было и измерение мощи экономики валовыми показателями добычи сырья, производства продукции «первичного» уровня обработки.

Но уже к 1970-м, тем более 1980-м гг., все эти критерии были категориями прошлого. В то время, когда в «первом мире» происходили радикальные сдвиги в направлении к экономике знаний, высоких технологий и все большую роль приобретал «человеческий капитал», советские идеологи мыслили категориями раннеиндустриальной эпохи, в которую показателями успешного экономического роста были производство угля, металла и т. д. Марксистские доктринальные установки, возникшие на заре индустриализации и догматически сохраняемые влиятельной идеократической частью элиты СССР, стали препятствием для необходимых организационных, институциональных и социальных трансформаций. По сути, КПСС в начале 1980-х гг. уже звал не вперед, в будущее, а назад, в индустриальное прошлое человечества.

Технологическая многоукладность советской экономики и региональная разностадиальность вызвали затяжной структурный кризис, причем к середине 1980-х – началу 1990-х гг. страна уже на полтора-два десятилетия запоздала со структурной перестройкой экономики, происходившей во всем мире. В результате страна упустила исторический шанс остаться в числе мировых научно-технических лидеров, сохранять экономическую состоятельность, на равных конкурировать с Западом. Ранее самодостаточная советская экономика, развивавшаяся в относительно замкнутом режиме и являвшаяся еще в 1960-е гг. альтернативной западной экономической модели, с катастрофической быстротой утрачивала свою (относительную!) конкурентоспособность. В 1970–1980-е гг. страна не смогла удержать позиции одного из ведущих лидеров мирового научно-технического прогресса. «Поэтому если в 1960-х годах можно было говорить о параллельном существовании двух мировых экономик, то к 1980-м годам ситуация изменилась»[10].

Именно прорыв к новым технологическим уровням, организационная и структурная перестройка экономики, а не радикальный передел собственности и изменение социально-политической системы, отвечали интересам и экономического развития, и всего общества. Однако развитие пошло по совсем другому сценарию.

Главный исторический урок краха экономической политики КПСС, а потому и Советской власти, состоит в том, что она перестала отвечать требованиям времени. Большевики в 1917 г. были партией индустриального будущего, КПСС образца середины 1980-х гг. – партией индустриального прошлого. В отличие, например, от компартии Китая, которая максимально использовала конкурентные преимущества своей страны и культуры (огромная дешевая рабочая сила с мощной трудовой мотивацией, патриотически настроенная богатая китайская диаспора во всем мире, готовая вкладывать капиталы в свою страну и лоббировать ее интересы, и др.), КПСС не смогла предложить эффективной стратегии выхода из кризисной ситуации и обеспечении новой стадии – теперь уже постиндустриальной – модернизации (хотя «китайский вариант» в СССР был абсолютно неприменим).

Советская модель индустриальной модернизации оказалась существенно более успешной, нежели дореволюционная имперская либерально-консервативная. Во-первых, она реально обеспечила жизнеспособность и конкурентоспособность страны, пройдя испытания Второй мировой войной, послевоенным восстановлением экономики, противостоянием в «холодной войне» 1950–1980-х гг. с изначально и заведомо более мощным противником (имперская модернизации привела к двум революциям и поражению в русско-японской и мировой войне). Во-вторых, она в основном реализовала и завершила индустриальный модернизационный цикл, тогда как либерально-консервативная имперская находилась в начале пути, прервавшись на стадии аграрной по преимуществу страны (4/5 сельского населения). В-третьих, она создала базу для эволюционного перехода к следующей постиндустриальной стадии, которая не была реализована преимущественно в силу ситуационных политических, во многом, субъективных причин.

История индустриальной модернизации России/СССР показала, что как отрыв от социокультурных реалий и социальной почвы (либерально-имперские реформаторы конца XIX – начала XX в.), так и утрата исторической перспективы (эсеры 1917 г., КПСС в конце 1980-х гг.) обрекают политические силы на поражение, а их проекты по преобразованию страны оказываются неадекватными и невостребованными обществом. В то же время реализация той или иной модели модернизации через какое-то время приводит к «диалектическому самоотрицанию», к таким результатам, которые требуют принципиально новых целей и подходов к дальнейшему развитию, особенно в контексте общемировой динамики.

Примечания

[1] См.: Алексеев В. В., Гаврилов Д. В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008. С. 358.

[2] Там же. С. 294–362.

[3] Рязанов В. Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1998. С. 5.

[4] См.: Струве П. Крепостное хозяйство : (Исследование по экономической истории России в XVIII и XIX вв.). М., 1913.

[5] См.: Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России и СССР. М., 1966. С. 366–372.

[6] Лященко П. И. История русского народного хозяйства. М., 1927. С. 264; Рожков Н. А. Город и деревня в русской истории. М., 1923. С. 127.

[7] Там же. С. 282.

[8] Россия : ее настоящее и прошлое. СПб., 1900. С. 356–357.

[9] См.: Артемов Е. Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М., 2006.
[10] Бокарев Ю. П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе. 1970–1980-е годы. М., 2007. С. 110–111.

Б. У. Серазетдинов

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

22 июня 2012 г. Россия отметила очень важную дату в своей и в мировой истории – 71-ю годовщину нападения Германии на Советский Союз. Великая Отечественная война стала самым жестоким испытанием всех материальных и духовных сил нашей страны и самой суровой проверкой боевых качеств Красной армии и Красного флота. Наш народ, наше государство, его вооруженные силы разгромили агрессора, которому покорились десятки стран Европы, водрузили победное знамя над Рейхстагом.

Мы вновь обращаемся к такой важной и поучительной части нашего исторического наследия, как создание в первые годы войны высокоэффективной мобилизационной экономики, обеспечивавший победу над сильным врагом благодаря огромному напряжению сил, путем мобилизации в кратчайшие сроки всех людских и материальных ресурсов страны.

С 1990-х гг. в России часто начали говорить о том, что есть выход из кризиса – переход к мобилизационной экономике. И поэтому историки, экономисты и политики вновь обращаются к исследованию этого типа экономики. Экономист Л. Пайдиев в записке «Основы мобилизационной экономики» писал, что введение мобилизационной экономики в России в начале XXI в. необходимо для ответа на чрезвычайные вызовы, делающие Россию неконкурентоспособной»[1]. Член-корреспондент РАН К. К. Вальтух отмечает, что из разрушительных процессов, охвативших Россию, нет иного выхода, кроме долговременной мобилизации государством усилий общества на осуществление стратегии спасения и последующего восстановления индустриального потенциала[2].

Научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН В. Гаврилов подчеркивает, что реальный путь в направлении оздоровления экономики – это реанимация и возрождение реального сектора в рамках многоукладной экономики, ориентация преимущественно на мобилизацию собственных ресурсов и возможностей, то есть развитие в рамках мобилизационной экономики, правовой формой которой является государственный капитализм. Он отмечает, что мобилизационная экономика в рамках государственного капитализма – это путь максимального использования имеющихся производственных природных, технологических и интеллектуальных ресурсов для обеспечения высоких темпов экономического роста. Это соответствующая система регулирования экономической деятельности государством, которая позволяет обеспечить максимально полное использование ресурсов, их эффективное размещение. Это жесткое определение целей (приоритетов) развития и постоянный контроль за выполнением поставленных задач[3].

Известный санкт-петербургский ученый-экономист В. Т. Рязанов (факультет экономики Санкт-Петербургского государственного университета) в прекрасной монографии «Экономическое развитие России»[4] подчеркивает, что поддержание мобилизационного потенциала экономики – одна из важнейших закономерностей истории российского государства.

В монографиях А. М. Самсонова, М. М. Загорулько, А. Ф. Юденкова, Е. Л. Грановского, Ю. Л. Дьякова, В. А. Ежова, А. Д. Колесника, А. М. Синицына, М. С. Зинич, В. С. Кожурина, Н. Симонова, Е. Н. Кулькова, М. Ю. Мягкова, И. А. Челышева, Е. С. Сенявской, Н. Ф. Бугая,

В. Ф. Зимы, В. А. Невежина, Е. М. Малышевой, С. И. Линца[5] прослеживается мысль об эффективной деятельности управленческой системы, сумевшей решить сложнейшие мобилизационные проблемы в период отражения международной агрессии 1941–1945 гг. Определённый резонанс в научных кругах вызвали оригинальные статьи Л. М. Спирина, В. Н. Киселёва, В. Р. Котельникова, Н. С. Гишко, П. Н. Кнышевского[6].

Известный ученый, экономист А. Г. Фонотов приходит к выводу, что в нашей стране социально-экономический генотип сформировался с явным уклоном в сторону жесткой регламентации поведения всех подсистем общества и с упором на властно принудительные методы. В результате раз за разом включались такие механизмы социально-экономической и политической организации и ориентации общества, которые неизбежно вели страну к превращению в некое подобие военизированного лагеря с централизованным управлением, жесткой иерархией, регламентацией поведения (т. е. строгой дисциплиной), усилением контроля за различными аспектами деятельности с сопутствующими всему этому бюрократизацией, единомыслием и прочими атрибутами мобилизации общества на борьбу ради чрезвычайных целей. Он утверждает, что если общество постоянно находится в состоянии боевой готовности, то все остальные критерии, не имеющие прямого отношения к работе на чрезвычайные цели, отходят в сторону. При этом сама «боевая готовность» отнюдь не обязательно означает наличие некой истерии или широкомасштабной кампании. Это всего лишь крайние характеристики определенных ситуаций. Важно, что институциональная структура сама создана потребностями мобилизационного типа развития, и этот тип постоянно воспроизводится, даже если общество находится в обычных условиях и решает сугубо мирные задачи. Характерной чертой мобилизационного типа развития является то, что он используется в таких ситуациях, когда необходима быстрая реакция на создавшиеся условия[7].

Обратимся к «НГ-Политэкономия» (Приложение к «Независимой газете»), № 8 (30), май 1999 г. В ней впервые опубликованы материалы дискуссии за «круглым столом» по теме «Мобилизационная модель: путь к процветанию или развалу России? Выбор варианта развития народного хозяйства зависит от субъективных оценок ситуации лидерами правящей элиты». Там после предложения главного редактора НГ В. Т. Третьякова дать определение термину ‘мобилизационная экономика’ высказались С. Ю. Глазьев, Е. Г. Ясин, А. Д. Жуков, А. Н. Илларионов, Л. И. Абалкин.

Мобилизационная экономика, по представлению В. Т. Третьякова, – это экономика времен Гражданской войны или же экономика СССР в период Великой Отечественной войны[8]. С. Г. Глазьев дал следующее определение мобилизационной экономике: «…это система регулирования, обеспечивающая максимальное использование имеющихся производственных ресурсов»[9]. Академик Л. И. Абалкин дал следующее определение: «Я бы трактовал мобилизационную экономику как антикризисную экономику, связанную с чрезвычайными обстоятельствами»[10].

В то же время Е. Г. Ясин утверждал, что «государственное регулирование называть мобилизационной экономикой не совсем корректно». А А. Н. Илларионов вообще заявил, что «мобилизационная экономика находится вне пределов исследования науки “экономика”».

Ю. П. Бокарев поддерживает точку зрения А. Н. Илларионова о том, что мобилизационной может быть лишь экономическая стратегия государства, когда оно принимает на себя выполнение всех тех необходимых экономических функций, с которыми по тем или иным причинам не справляется экономика свободного предпринимательства. Обычно так происходит в периоды национальных бедствий: войны, экономические кризисы, голодовки, эпидемии и т. д. Однако опыт России показывает, что мобилизационная экономическая стратегия оказывается весьма эффективной для преодоления экономической отсталости, ликвидации диспропорций в народнохозяйственном развитии, стимуляции развития стратегически важных производств[11].

Если говорить об этой дискуссии кратко, то почти каждый из них обращал внимание на какие-то черты, которые свойственны тем странам, где, на его взгляд, существует «мобилизационная экономика». Но поскольку те же самые черты свойственны и экономике других стран, то другие участники дискуссии тут же его опровергали, поскольку в этих странах, на их взгляд, экономика не является «мобилизационной». Вследствие такого характера дискуссии взаимно приемлемого определения термину ‘мобилизационная экономика’ дать не удалось.

В 2003 г. вышла монография челябинского ученого В. В. Седова «Мобилизационная экономика: советская модель». Он отмечает, что анализ состояния экономики современной России подводит к выводу о том, что для ее выхода из тоннеля, в котором до сих пор не видно света, нужна специальная мобилизационная политика. В. В. Седов подчеркивает, что знание мобилизационной экономики оказывается необходимым и в связи с нарастанием глобальных, прежде всего ресурсно-экологических проблем, решить которые мир не в состоянии без использования мер мобилизационного характера[12].

С точки зрения автора, мобилизованная экономика отличается от либеральной прежде всего тем, что, во-первых, в мобилизационной экономике деятельность ее субъектов подчинена общей цели, например, победе в уже начавшейся или предстоящей войне. Во-вторых, государство и его учреждения предстают как главные органы, управляющие мобилизационной экономикой по определенному, мобилизационному, плану. Так, в настоящее время действует Военная доктрина Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации № 146 от 5 февраля 2010 г. В ней говорится, что основная задача мобилизационной подготовки экономики, органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций заключается в заблаговременной подготовке к переводу на работу в условиях военного времени, удовлетворении потребностей Вооруженных Сил и других войск, а также в обеспечении государственных нужд и нужд населения в военное время. В-третьих, основной движущей силой в мобилизационной экономике является осознание угрозы существованию общества и стремление ее предотвратить. В-четвертых, В. В. Седов отмечает, что в мобилизационной экономике действует хозяйственный расчет, основанный на учете доходов и расходов, при этом существование принципа достижения цели любой ценой не исключает превышение расходов над доходами. И в-пятых, он делает вывод о том, что мобилизационная экономика обычно носит закрытый характер[13].

В 2006 г. известный общественный деятель, ученый А. Г. Дугин дает внятное определение «мобилизационной экономики». Мобилизационная экономика, по его понятию, на современном этапе – это экономика, которая берет курс на приоритетное развитие некоторых стратегических областей. Она вводится только в определенные периоды, когда государству необходимо совершить технологический рывок, и представляет собой очень специфическое сочетание приоритетных инвестиций госсектора в ряд прорывных направлений, довольно четкие и жесткие таможенные барьеры и стимуляцию частного сектора в некоторых областях[14].

28 ноября 2009 г. в Челябинске в рамках Всероссийской научной конференции «Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века» состоялся круглый стол на тему «“Мобилизационная экономика”: понятие, его границы и содержание», где отмечалось, что пока нет общепризнанного понятия, которое бы отражало содержание «мобилизационной экономики»[15].

С точки зрения П. А. Кюнга, «мобилизационная экономика» – термин новый и дискуссионный. Он предлагает следующее определение: мобилизационная экономика – это государственная политика, которая подразумевает регулярные и чрезвычайные меры в экономики, которые нарушают существующие нормы и правила[16].

Л. И. Бородкин поддерживает определение, которое было предложено В. В. Седовым: «Развитие страны, ориентированное на достижение чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм будем называть мобилиза-

ционной моделью развития»[17]. В. Н. Парамонов отмечает, что мобилизационная экономика – это достижение обычных целей чрезвычайными мерами[17].

Е. Е. Баканова утверждает, что мобилизационная экономическая модель – это модель, в которой происходит концентрация всех ресурсов: людских, сырьевых, финансовых, политических, государственных – для максимально эффективного достижения поставленной цели. Она при этом уточняет, что советская экономическая модель – это предельная концентрация ресурсов не для максимально эффективного, а для максимально дешевого и, главное, быстрого решения поставленной цели[18].

А. С. Сенявский отмечает, что начиная с конца 1920-х гг., «мобилизационная экономика» была ориентирована на форсированное развитие за счет мобилизации основных ресурсов, концентрации их в руках государства (органов централизованного управления) и направление на решение ключевых задач, выдвинутых в данный период государственной властью. Особенность мобилизационной экономики заключается в том, что она была подчинена иным, внеэкономическим целям, в том числе стратегическим: «догнать и перегнать», «достигнуть наивысшей в мире производительности труда», «создать материально-техническую базу коммунизма», т. е. некоей идеальной модели общественного устройства на началах «социальной справедливости», в целом принятой большинством населения; тактическим: создать индустриальную базу экономики, провести «культурную революцию», поднять материальное благосостояние и т. п. Были и внешние цели, выходившие на первый план: выжить и победить в «горячих» войнах и в «холодной войне»[19].

В интерпретации известного ученого А. Г. Дугина мобилизационная экономика – это тип экономических отношений, при котором все ресурсы страны направлены на одну или несколько приоритетных целей в ущерб другим отраслям, что нарушает гармоничное развитие общества[20].

С. Г. Глазьев считает, что мобилизационная экономика – это такая система госрегулирования, при которой достигается максимально эффективное использование ресурсов для форсированного экономического роста, модернизации производства или решения внеэкономических задач для успешной победы в войне[21].

С точки зрения О. В. Гаман-Голутвиной, сочетание неблагоприятных демографических и природно-климатических условий, постоянная внешняя угроза при дефиците ресурсов развития (времени, финансов) вызывали противоречие между задачами государства (условия выживания) и возможностями населения по их решению. Способом разрешения этого противоречия стала мобилизационная схема использования ресурсов, которая явилась основой формирования мобилизационного типа развития. Именно тип развития являлся ключевым фактором, определившим специфику организации власти и политической организации общества в целом[22].

Мобилизационная экономика, которая сформировалась в СССР в годы Великой Отечественной войны, с точки зрения Н. В. Роговой, характеризуется усилением военно-экономического потенциала страны, ускорением темпов роста военного хозяйства, доминированием политических институтов в системе управления производством и использованием специфических методов трудовой мотивации. В мобилизационной экономике, автор подчеркивает, получают приоритетное развитие и государственную поддержку стратегические отрасли (производство военной техники), обеспечивающие технологический «рывок»[23].

Конкретная историческая обстановка, сложившаяся в начале войны, и прежде всего утрата Советским Союзом значительной части своего промышленного потенциала, поставили перед народом неслыханной сложности задачу – на оставшихся производственных мощностях организовать и поднять изготовление оборонной техники, оружия и боеприпасов до размеров, превосходящих военное производство гитлеровской Германии и ее сателлитов. Для этого пришлось переключить на обслуживание фронта практически всю промышленность.

Известный ученый, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации А. Б. Белоусов отмечал, что в годы войны «на промышленность легла главная ответственность за материально-техническое решение ключевой задачи войны – достижение перевеса над вооружением противника в условиях боя, то есть в условиях беспощадной борьбы интеллекта, физических сил, огня и маневра. За этими четырьмя факторами стояли мощность и выносливость моторов, скорострельность, дальнобойность и точность оружия, достаточное количество и качество боеприпасов, наличие многих миллионов тонн топлива и металла, а также люди, способные все это эффективно производить и пользовать»[24].

А. А. Чичкин поддерживает точку зрения специалистов, которые утверждают, что мобилизационная экономика – это такой тип административно-экономических отношений в государстве, когда практически все мероприятия подчинены срочному и эффективному выполнению главной, если не единственной задачи[25].

Н. В. Селюнина отмечает, что проблемы мобилизации трудящихся на выполнение военных заданий любой ценой стали главными для общественных структур. На второй план ушли социально-бытовая функция, охрана труда и техника безопасности, защита прав трудящихся, социальное страхование. При отсутствии целостной концепции перестройки деятельности общественных организаций местные комитеты участвовали в управленческом процессе на основе оперативных постановлений ГКО СССР и ЦК ВКП (б), инструктивных указаний наркоматов, политуправлений, центральных комитетов отраслевых профсоюзов. В работе управленческих структур, в том числе и профсоюзных, решающее значение приобрели оперативность, чёткость, маневренность, умение самостоятельно решать непредвиденные задачи[26].

Е. В. Миронов подчеркивает, что в условиях мобилизационной экономики стремились не к узкоэкономической эффективности, а к выживанию. В рамках такой модели в короткие сроки провели индустриализацию, обеспечили победу в войне, восстановили разрушенное хозяйство, ликвидировали атомную монополию США, первыми совершили выход в космос[27].

В 2010 выходит монография А. Г. Фонотова «Россия: инновации и развитие», где автор впервые в научной литературе, введя понятие типа развития и характеризуя эту категорию на примере мобилизационного и инновационного типов развития, получил во многом неожиданные ответы на, казалось бы, вечные вопросы российского исторического движения из прошлого в будущее. Он в работе рассматривает понятие мобилизационного типа развития, связи между мобилизационным типом развития и потенциалом военной угрозы, компенсационную систему мобилизационного хозяйства, функционирование экономики мобилизационного типа и инновации в условиях мобилизационного типа развития[28].

Н. М. Морозов утверждает, что благодаря историкам и философам дореволюционного, советского и постсоветского периодов, чьи научные интересы в явном или неявном виде находились в проблемном поле российской цивилизации, накопилась критическая масса знаний и фактов, свидетельствующих о ее самодостаточности и уникальности, не поддающейся нивелированию по образцам других цивилизаций. На этой основе сформировалась и гипотеза о мобилизационном типе развития России. Он подчеркивает, что их постоянное воспроизводство обеспечивается в рамках экстенсивных форм и методов хозяйствования, доминирования приоритетов государства – державы и компенсационной системы как выработанного многими поколениями инструментария «перестройки» социума к чрезвычайным условиям жизнедеятельности[29].

Статья В. В. Ясинского «Отечественный опыт мобилизационной подготовки экономики: уроки мировых войн», опубликованная в Военно-историческом журнале, раскрывает значение принципа централизованного руководства мобилизационной подготовкой, а также опыт мобилизации экономики дореволюционной России и СССР накануне и в ходе мировых войн[30].

Эвакуация в СССР во время Великой Отечественной войны – крупномасштабное перемещение в начальный период войны с Германией из угрожаемой зоны в восточные реги-

оны страны населения промышленных предприятий, культурных и научных учреждений, запасов продовольствия, сырья и других материальных ресурсов. Эвакуация позволила сохранить основную экономическую базу страны и стала одним из факторов, обеспечившим победу в войне. В 1941–1942 гг. различными видами транспорта было эвакуировано около 17 млн человек. По неполным данным, в течение второго полугодия 1941 г. на Восток только по железным дорогам было перевезено 2593 промышленных предприятия, из которых 1360 крупных, главным образом военных, в первые три месяца войны. Около 70 % из них было размещено на Урале, в Западной Сибири, Средней Азии и Казахстане. Вместе с промышленными объектами было эвакуировано до 30–40 % рабочих, инженеров и техников. Во втором полугодии 1941 г. в восточную часть страны было перемещено 2393,3 тыс. голов скота. Такого пространственного маневра не знает экономика других стран.

Эвакуация проводилась в сложных условиях: необходимо было, с одной стороны, до последнего обеспечивать выпуск необходимой фронту продукции на старом месте, а с другой стороны, успеть вывезти людей и оборудование до прихода немцев. Демонтаж оборудования на эвакуируемых предприятиях начинался лишь по специальному приказу уполномоченного ГКО и соответствующего наркомата. Бывало, работа велась в уже заминированных на случай вражеского прорыва цехах.

Перебазирование промышленности на восток было осуществлено в два этапа: лето – осень 1941 и лето – осень 1942 гг. Наиболее важным и трудным был первый этап, когда руководившие эвакуацией органы еще не имели необходимого опыта и, кроме того, были вынуждены постоянно менять свои планы в соответствия с военными действиями, развитие которых Красная Армия не контролировала.

Операции по эвакуации в Белоруссии были прерваны уже в августе из-за полной оккупации республики. В Ленинградской области эвакуация, начавшаяся в июле, была остановлена в сентябре блокадой. С июля по октябрь продолжалась переброска на восток промышленных предприятий Украины. Операции по перемещению целых заводов и их пуску на новом месте были исключительно сложны (только для перевозки металлургического комбината «Запорожсталь» из Днепропетровска в Магнитогорск потребовалось 8 тыс. вагонов). Ввод в строй эвакуированных заводов (многие из которых были перепрофилированы) в Поволжье, Западной Сибири, Казахстане и Средней Азии, на Урале, ставшем арсеналом Красной Армии, осуществлялся в чрезвычайно тяжелых условиях.

Эвакуация потребовала колоссального напряжения от железнодорожников: до конца 1941 г. на восток было отправлено 1,5 млн вагонов с людьми, машинами, сырьем, топливом. Между тем железные дороги и без того работали с большими перегрузками, обеспечивая (нередко под вражескими бомбами) переброску подкреплений, оружия, боеприпасов и другого снаряжения на фронт. Эвакуация осуществлялась также речным и морским транспортом, который сыграл особенно большую роль при обороне Одессы, Севастополя, Таллина и во время блокады Ленинграда.

В Омскую область прибыло более 100 эвакуированных предприятий, 6 крупных строительно-монтажных трестов. Благодаря усилию рабочего класса в Омской области была размещена почти половина предприятий, эвакуированных в Западную Сибирь. Для размещения в Омске 80 эвакуированных предприятий имелись условия: промышленность различного профиля, трудовые ресурсы, пути сообщения с промышленными гигантами – узлами, какими были Урал и Кузбасс.

С появлением в Омске уже в середине июля первых эшелонов с оборудованием и людьми началось создание крупного комплекса авиационной промышленности. Это были эвакуированный из Москвы опытный завод № 156 главе с выдающимся авиаконструктором А. Н. Туполевым, завод № 81. Прибывшим предприятиям был дан № 166, до этого присвоенный сооружаемому самолетостроительному заводу. Во второй половине лета 1941 г.

стали прибывать десятки эшелонов с техникой и людьми Запорожского авиационного моторостроительного завода имени Баранова. После этого завод № 166 переместился на территорию создававшегося рядом автосборочного предприятия. А в комплекс авиапромышленности Омска входил также и завод № 20 наркомата авиапромышленности. Он был размещен на территории завода имени Куйбышева.

Не только авиапромышленность получила прописку в омской индустрии. Прибыли предприятия железнодорожного транспорта. На крупнейшем в Сибири Омском паровозоремонтном заводе нашли применение оборудование Днепропетровского, Конотопского, Великолукского, Брянского паровозоремонтных заводов. Затем сюда же были доставлены предприятия из Ленинграда и Ворошиловграда. Создавался танковый завод.

Из Ленинграда в Омск прибыли радиозавод имени Козицкого, оптикомеханический завод «Прогресс», из Киева – электротехническое предприятие, Тульский и Ростовский патронные заводы и многие другие.

В Тюменскую область прибыло и было размещено 33 предприятия, эвакуированных с Украины, из Москвы, Ленинграда, Таганрога, Курска и Одессы, из них: в Тюмени – 30, в Ишиме, Заводоуковске, Тобольске и Сургуте по одному.

Всех эвакуированных и беженцев на новом месте нужно было обеспечить питанием, жильем, работой, медицинским обслуживанием. С этой целью уже к концу августа 1941 г. было создано более 120 эвакуационных пунктов. Каждый из них обслуживал в день до 2 тыс. человек.

Самым тяжелым временем для советской экономики оказались вторая половина 1941 г. и начало 1942 г., когда значительная часть эвакуированных предприятий еще не успели вновь развернуть производство. Объем промышленной продукции в целом снизился на 52 % по сравнению с довоенным уровнем, выпуск проката черных металлов упал в 3,1 раза, подшипников – в 21 раз, проката цветных металлов – в 430 раз. Это привело к значительному сокращению производства военной техники.

В целом, задействовав четверть подвижного состава железных дорог, руководство страны сумело за пять месяцев, в июле-декабре 1941 г., перебазировать в другие районы 1523 крупных предприятия. С театра военных действий и из прифронтовых районов было эвакуировано около 7 млн человек в 1941 г. и 4 млн. в 1942 г.

На новом месте предстояло возвести производственные корпуса, смонтировать оборудование, подключить коммуникации, наладить быт рабочих и их семей. Всё это необходимо было сделать в кратчайшие сроки, чтобы как можно быстрее начать выпуск продукции для фронта.

Нередко предприятия, особенно эвакуированные в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию, оказывались едва ли не в чистом поле. Стройка шла круглосуточно. Нередко заводы начинали работу до окончательного завершения строительства. Еще продолжалось возведение стен и перекрытий, а с конвейеров уже сходили первые снаряды, танки, самолеты.

Большая часть эвакуированных предприятий была пущена в первые три месяца 1942 г. Со второй половины 1942 г. развернулось и новое капитальное строительство в восточных районах. За три года было построено более 200 доменных и мартеновских печей, 56 прокатных станов, 67 коксовых батарей. Значительно увеличилось производство нефти в Волжско-Уральском районе («Второй Баку»), в Казахстане и Узбекистане. Выросла добыча угля в Карагандинском, Кузнецком, Воркутинском и других угольных бассейнах.

С марта 1942 г. прекратилось падение военного производства и начался его рост. Так, если во втором полугодии 1941 г. было произведено 46,1 тыс. автомобилей, а в 1942 г. – 35,0 тыс., то в 1943 г. – 49,3 тыс., в 1944 г. – 60,5 тыс., а в 1945 г. – уже 74,8 тыс.

Эвакуированные рабочие трудились по 13–14 часов в сутки, вынужденные к тому же ютиться в землянках или наспех сколоченных бараках и мириться с плохим снабжением. Не только страх перед наказанием, но и осознание того, что от их работы зависит судьба стра-

ны, помогло труженикам тыла преодолеть многочисленные трудности, решить организационные и технологические проблемы и дать армии достаточное количество качественного вооружения.

В нашей исторической литературе утвердилось мнение, что перестройка промышленности и всей экономики завершилась летом 1942 г. Однако ряд исследователей придерживается иного мнения. Одни авторы относят время окончания перестройки на осень и на конец 1942 г.[31] Существует даже мнение, что эта задача решалась на протяжении всей войны, вплоть до 1945 г. Другие, напротив, считают, что перестройка экономики завершилась весной 1942 г. и даже в течение первых месяцев войны[32]. Случается, что одни и те же авторы иногда в одной работе называют разные сроки[33]. Этот разнобой, несомненно, объясняется, прежде всего тем, что указанные авторы вкладывают различное содержание в понятие процесса перестройки промышленности на военный лад.

Под перестройкой индустрии следует понимать перевод предприятий на выпуск оборонной продукции и последующую ликвидацию крупных диспропорций в промышленности, возникших отчасти в результате этого перевода, отчасти вследствие людских и материальных потерь, понесенных ею в начале войны.

Перевод предприятий и целых отраслей промышленности на оборонное производство проводился на основании государственных планов, принятых в начале войны. 16 августа 1941 г. Совнарком СССР и ЦК ВКП (б) приняли постановление, одобрившее новый военно-хозяйственный план на IV кв. 1941 г. и на 1942 г. для районов Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии[34]. Документ раскрывал основные направления военно-экономической политики с учетом действия факторов военного времени. По плану предусматривалось превратить восточные районы в главную военно-промышленную базу СССР. Намечалось наладить массовое производство самолетов, авиамоторов, танковой брони, танков, а также артиллерийских тягачей, стрелкового оружия, малых военных кораблей – охотников за подводными лодками, бронекатеров и торпедных катеров. Планировалось увеличить производство стали, чугуна, проката, алюминия, меди, добычу угля и нефти, производство авиабензина, аммиачной селитры, азотной кислоты, электроэнергии; предусматривались меры для усиления пропускной способности железных дорог и т. п. В качестве приоритетных определялись следующие исследовательские направления: разработка научно-технических проблем оборонного характера, включая конструирование и усовершенствование средств вооруженной борьбы; научная помощь промышленности в целях повышения эффективности производства; мобилизация сырьевых ресурсов, замена дефицитных материалов местным сырьем.

Важным фактором преодоления постоянного напряжения и диспропорций военной экономики стал массовый характер нововведений и рационализации. Нужда заставляла искать и находить нестандартные решения, как на уровне всего народного хозяйства, так и в рамках отдельных предприятий и рабочих мест. Не хватало ферросплавов – научились варить их в доменных печах. Потребовалось много броневого листа – начали катать его на блюмингах. Нужно было круто увеличить поставки фронту самолетов и танков – наладили их массовый выпуск: танки собирали на конвейере, самолеты – поточным методом. Острый дефицит алюминия заставил создать и использовать для обшивки самолетов специальную клееную фанеру.

Список таких новаторских решений можно значительно расширить. Все они были направлены на достижение главных стратегических целей: резкого увеличения выпуска всех видов вооружений и боеприпасов, улучшения их качества, сокращения сроков освоения производства новейших образцов военной техники. Существенное повышение эффективности промышленности было достигнуто за счет более тесного сотрудничества конструкторов, технологов и организаторов производства в деле упрощения конструкции и улучшения качества продукции, экономии времени, дефицитного сырья и топлива.

Больше всего это касалось металлургической промышленности Востока, перед которой встала задача освоить выплавку высококачественного металла, который перед войной в основном производился на заводах Юга. В условиях военного времени Академия наук переключилась на решение вопросов сугубо практического характера. Программа работ Комиссии АН по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана в области черной металлургии включала такие темы, как обеспечение железной рудой Кузнецкого металлургического комбината, определение баланса металла по Новосибирской области и мероприятий по развитию производства дефицитных видов металла, разработка мер для эффективного использования цинкосодержащих железных руд и др. Программа работ по топливу предусматривала анализ перспектив развития Кузнецкого бассейна, расчет баланса коксующихся углей Кузбасса, разработку мер по рационализации коксовой шихты, топливному снабжению Новосибирской области и т. п. Столь же конкретно формулировались задачи Комиссии в других народнохозяйственных отраслях[35].

В годы Великой Отечественной войны металлургия понесла большие потери: металлургические заводы, которые давали до войны 68 % чугуна и 58 % стали, которые были временно захвачены врагом во время Великой Отечественной войны[36]. Основная доля черных металлов в военное время производилась на восточных заводах. Были введены в эксплуатацию новые заводы Западной Сибири – Кузнецкий ферросплавный завод и Новосибирский алюминиевый.

Строительство металлургического завода в составе «Сибметаллстроя» началось еще в 1940 г. Но фронту нужна была листовая сталь, и Государственный Комитет Обороны решил в сентябре 1941 г. на базе группы цехов «Сибметаллстроя» создать новый металлургический завод, который уже 2 мая 1942 г. дал тонкую стальную ленту в цехе холодного проката. В декабре 1942 г. вошел в строй цех горячего проката, а весной 1943 г. начинает действовать еще один цех холодного проката. В годы войны на заводе получили впервые в стране хромансильлегированную сталь, прокатные листы электролитической плакировки. Так рождался Новосибирский завод им. А. Н. Кузьмина (первый директор завода), освоивший производство специальных сталей нескольких марок. За образцовое выполнение правительственных заданий Указом Президиума Верховного Совета СССР комбинат «Сибметаллстрой» был награжден орденом Ленина. В годы войны Гурьевский завод выпускал сложнейшие виды фасонного проката для авиационной промышленности, здесь отливали металл для оружия, делали корпуса мин, окопные печи, армейские кровати.

В связи с переходом на оборонное производство машиностроительные предприятия столкнулись еще с одной проблемой – с необходимостью переоснащения оборудования новыми приспособлениями, режущим и мерительным инструментом. Особенно трудоемким и дорогостоящим делом была смена штампов. Наиболее остро эта проблема встала на предприятиях

Одновременно руководству в процессе перевода промышленности на оборонное производство пришлось заниматься такими вопросами, как загрузка оборонными заказами свободного оборудования, создание новой системы кооперирования предприятий.

В результате в октябре – ноябре 1941 г. была пройдена нижняя точка спада, и с декабря начался постепенный рост производства оружия и боевой техники. В 1942 г. темпы военного производства постоянно нарастали. В третьем квартале 1942 г. вооружения производилось больше, чем в довоенном втором квартале 1941 г.: ручных и станковых пулеметов – в 4.2 раза, пистолетов-пулеметов – в 52 раза, артиллерийских орудий – в 6,3 раза, танков – в 5,2 раза и самолетов – в 2,1 раза. К концу 1942 г. Советский Союз превзошел Германию в выпуске военной техники не только в количественном, но и во многом в качественном отношении.

Эвакуация, осуществленная в беспрецедентных масштабах и исключительно сжатые сроки, как раз подтвердила высокий уровень организации и ответственности советского руководства.

Г. К. Жуков писал: «Народная трудовая эпопея по эвакуации и восстановлению производственных мощностей в годы войны, проведенная в связи с этим колоссальная организаторская работа партии по размаху и значению своему для судьбы нашей Родины равны величайшим битвам Второй мировой войны»[37].

Теория и практика экономической мобилизации обогатились в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн. Нельзя допустить принижения опыта Великой Отечественной войны. Он уникален, ничего подобного не знают ни США, ни другие ведущие европейские страны.

Наши, к сожалению, новоявленные историки забывают о победе советской мобилизационной экономики в годы войны. А враг признавал мощь советского тыла: «Нам кажется чудом, – писала в 1943 г. одна из немецких газет, – что из необъятных советских степей встают все новые ассы большевистской техники, как будто какой-то великий волшебник лепит ее из уральской глины в любом количестве»[38]. Массовая эвакуация и передислокация промышленности за Урал, организованная советским руководством, указывает английский исследователь Д. Рейнолдс, потребовала от населения гигантских усилий, приводивших в изумление как союзников, так и противников[39].

В конце мая 1942 г. германский абвер (военная разведка) и комиссариат рейха по восточным территориям (ведомство рейхсляйтера НСДАПА Альфреда Розенберга) вынуждены были признать в докладе Гитлеру и Муссолини: «Советским властям, во-первых, удалось переправить в неоккупированные районы значительную часть промышленности и других экономических мощностей, а также научно-технические и гуманитарные кадры. Эти мощности и кадры уже к концу 1941 г. стали быстро восполнять ущерб 1941 г. Во-вторых, неофициально разрешено восстановление прежних и создание новых частных предприятий в сельском, рыбном хозяйстве, охотничьем промысле, торговле многими сельхозпродуктами и мелких бытовых услугах. Хотя под жестким государственным контролем. Причем такие предприятия были созданы даже в Ленинграде. Это всколыхнуло частную инициативу именно на пользу советского государства. В-третьих, в кратчайшие сроки в Закавказье, Средней Азии и в азиатской части РСФСР созданы многие отрасли промышленности, особенно военной, которые уже к весне 1942 г. более чем наполовину возместили экономический ущерб от потери европейских промышленных территорий СССР. Эти факторы не позволяют рассчитывать на военный и экономический крах СССР…»[40].

Вот мнение Энтони Идена, вице-премьера, министра иностранных дел Великобритании: «Советскому руководству удалось в кратчайший срок воссоздать эвакуированную промышленность в других регионах и наладить надежные транспортные связи тыла с фронтом. Сочетая жесткие методы военного времени и экономический прагматизм, в СССР в рекордно короткий срок был восстановлен и даже увеличен экономический потенциал, который позволил выдержать германскую военно-экономическую мощь, а затем превзойти ее. Этот советский опыт мы, по поручению нашего премьер-министра и главкома Уинстона Черчилля, изучали и применили при эвакуации некоторых отраслей британской промышленности в Канаду и многих промышленных предприятий из Юго-Восточной Азии, в связи с японской агрессией, в Австралию, Новую Зеландию и Индию…»[40].

Генерал Шарль Де Голль: «Опыт быстрого воссоздания советской индустриальной экономики и ее перебазирования беспрецедентен. Он был использован при эвакуации значительной части французской армии и многих французских предприятий из Франции в ее африканские, ближневосточные и американские территории. В отличие от существовавшей многие столетия монархической России, сталинское государство оказалось намного более устойчивым, экономически мощным и, что очень важно, способным быстро и эффективно реагировать на потерю значительной части территории и экономики из-за внешней агрессии. Это доказал, в частности, советский тыл в 1941–1945 гг., оказавший-

ся административно управляемым, политически стабильным и экономически дееспособным»[40].

Генералиссимус Чан Кайши: «Давайте брать пример с Советского Союза, проявившего невиданное прежде умение быстро приспособиться, в том числе экономически, к военной ситуации! Эффективность государственного планирования экономики и государственной управляемости всей страны практически доказана в годы Второй мировой войны Советским Союзом. Его опыт должен в большей мере использоваться Китаем в его освободительной войне против Японии».

Ван Клеффенс, премьер-министр Нидерландов в 1940-х гг.: «СССР продемонстрировал в годы войны свои беспрецедентные возможности по переустройству экономики ввиду внешней агрессии. Прежде всего, проявился успешный механизм государственного управления в стране в чрезвычайной ситуации. Всего лишь за 25 лет советской власти удалось создать комплексную систему государственного политического и экономического управления, адаптированную к географическим, национальным условиям новой России. При эвакуации предприятий из Голландской Индии в 1942 г. мы использовали аналогичный опыт СССР»[40].

Интересны и впечатления Э. Рузвельта от пребывания в Москве весной 44-го и его бесед с американскими корреспондентами: «Они сообщили мне, что для русских лозунг “Все для войны” означает действительно все для войны – в самом буквальном смысле слова»[41].

Сегодня актуальны исследования о мобилизационной экономике Западной Сибири в годы Великой Отечественной войне. Находится в самом начале разработка вопроса о мобилизационной экономике России на первом этапе военных действий.

Главной тенденцией историографии мобилизационной экономики можно считать переход к более комплексному исследованию проблемы. В отечественной исторической науке утвердилось мнение, что мобилизация экономики всего народного хозяйства страны было осуществлено лишь благодаря одновременному и согласованному действию факторов политической, экономической и социальной стабилизации. Но не всегда историография справлялась с задачей адекватного отражения этого сложного сочетания. В настоящее время есть условия для создания целостной концепции мобилизационной экономики.

Историографический анализ показывает, что победа в войне при отсутствии мобилизационной экономики СССР была бы невозможна. СССР, имея меньший экономический потенциал и меньшее количество рабочих рук в промышленности, смог не только выставить в поле армию, превосходящую числом немецкую, но и вооружить её лучше, чем смогли вооружить своих немцы. Это стало возможно только в силу намного более высокого мобилизационного напряжения – «всё для фронта, всё для победы» оказалось не просто лозунгом, как многие другие, но реальностью. И в том, что это стало возможным, несомненная заслуга советской власти, создавшей мобилизационную экономическую систему ещё в мирное время. Опыт Великой Отечественной войны доказывает, что централизация управления экономикой обеспечила мобилизационную подготовку к отражению агрессии, быстрый перевод хозяйства страны на военные рельсы и наращивание военно-экономического потенциала в военное время.

Несмотря на порою диаметральную противоположность вышеуказанных точек зрения, в них есть нечто общее, обусловленное единством методологического подхода к определению сущности «мобилизационной экономики». Мобилизационная экономика – это такая система госрегулирования, при которой достигается максимально эффективное использование ресурсов для форсированного экономического роста, модернизации производства или решения внеэкономических задач для успешной победы в войне. Мобилизационная экономика на современном этапе – это экономика, которая берет курс на приоритетное развитие некоторых стратегических областей. Она вводится только в определенные периоды, когда государству необходимо совершить технологический рывок, и представляет собой очень

специфическое сочетание приоритетных инвестиций госсектора в ряд прорывных направлений, довольно четкие и жесткие таможенные барьеры и стимуляцию частного сектора в некоторых областях.

Да, нам необходимо выходить на новый уровень осмысления указанных сюжетов. Потребность в глубоких, взвешенных и достоверных суждениях и оценках очевидна. Прежде всего, для того, чтобы полнее, достовернее оценить величие трудовых усилий народа, степень глубины и действенности управленческих решений, принимавшихся в этих экстремальных условиях, эффективность советской экономики.

Стратегия выхода России из исторического тупика связана, прежде всего, с ее возвращением к собственным законам развития. При этом главным в этой стратегии является мобилизационная экономика, охватывающая значительную часть экономики России.

Примечания

[1] См.: Пайдиев Л. Основы мобилизационной экономики. URL : http://is.park.ru/doc.jsp?urn=2485510.

[2] Вальтух К. К. Необходима мобилизационная экономическая стратегия.

[3] Гаврилов В. Мобилизационная экономика : с чем ее едят? // Лит. Россия. № 22. 01.06.2001. URL : http://www.litrossia.ru/archive/42/law/1005.php.

[4] Рязанов В. Т. Экономическое развитие России : реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб. : Наука, 1998.

[5] См.: Самсонов А. М. : 1) Память минувшего. М., 1988; 2) Вторая мировая война. М., 1990; Загорулько М. М., Юденков А. Ф. Крах экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР. М., 1970; Грановский Е. Л. Советская промышленность в Великой Отечественной войне. М., 1949; Эшелоны идут на Восток : из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг. М., 1966; Советский тыл в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Кн. 1–2. М., 1974; Тыл советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1977; Дьяков Ю. Л. Капитальное строительство в СССР. 1941–1945. М., 1988; Ежов В. А. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. Л., 1981; Колесник А. Д. РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Проблемы тыла и всенародной помощи фронту. М., 1982; Синицын А. М. Всенародная помощь фронту. О патриотических движениях советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1983; История советского рабочего класса : в 6 т. Т. 3. Рабочий класс накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945 гг. М., 1984; Зинич М. С. : 1) Трудовой подвиг рабочего класса в 1941–1945 : по материалам отраслей машиностроения. М., 1987; 2) Будни военного лихолетья. 1941–1945. Вып. 1, 2. М., 1994; Кожурин В. С. Неизвестная война : деятельность советского государства по обеспечению условий жизни и труда рабочих в годы Великой Отечественной войны. М., 1990; Симонов Н. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы. М., 1996; Кульков Е. Н., Мягков М. Ю., Ржешевский О. А. Война 1941–1945. Факты и документы / под ред. проф. О. А. Ржешевского. М., 2001; Кульков Е. Н., Ржешевский О. А., Челышев И. А. Правда и ложь о Второй мировой войне. М., 1988; Сенявская Е. С. : 1) Фронтовое поколение : историко-психологическое исследование. М., 1995; 2) Психология войны в XX веке : исторический опыт России. М., 1999; Бугай Н. Ф. Депортация народов Крыма. М., 2002; Зима В. Ф. Менталитет народов России в войне 1941–1945 гг. М., 2000; Невежин В. А. : 1) Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боёв» 1939–1941. М., 1997; 2) Если завтра в поход… М., 2007; Малышева Е. М. : 1) В борьбе за победу : (Социальные отношения и экономическое сотрудничество рабочих и крестьян Северного Кавказа в годы войны (1941–1945 гг.)). Майкоп, 1992; 2) Испытание. Социум и власть : проблемы взаимодействия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945.

Майкоп, 2000; Линец С. И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации : состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.). Ростов н/Д, 2003.

[6] Спирин Л. М. Сталин и война // Вопр. истории КПСС. 1990. № 5; Киселёв В. Н. Упрямые факты начала войны // Воен.-ист. журн. 1992. № 2; Котельников В. Р. Авиационный ленд-лиз : (Помощь США Советскому Союзу в обеспечении авиационной техникой) // Вопр. истории. 1991. № 9–10; Гишко Н. С. ГКО постановляет... // Воен.-ист. журн. 1992. № 6–7; Кнышевский П. Н. Государственный комитет обороны : методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопр. истории. 1994. № 2.

[7] Фонотов А. Г. Россия : от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993. С. 100.

[8] http://www.8kob.ru/pub/p132.php. С. 6. 29.08.2011.

[9] Там же. С. 7.

[10] Бокарев Ю. П. Мобилизационная экономика в России и Германии в годы первой мировой войны. Опыт компаративного исследования // Мобилизационная модель экономики : исторический опыт России XX века : сб. материалов всерос. науч. конф. (Челябинск, 28–29 нояб. 2009 г.). Челябинск, 2009. С. 9.

[11] Там же. С. 10.

[12] Седов В. В. Мобилизационная экономика : советская модель. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2003. С. 5.

[13] Там же. С. 25.

[14] Дугин А. Г. Для мобилизационной экономики необходимы мобилизационное общество и мобилизационная национальная идея // Экспертный канал «Открытая экономика». 15 февр. 2006 г. URL : OPEC.ru.

[15] Мобилизационная модель экономики : исторический опыт России XX века...

[16] «Мобилизационная экономика» : понятие, его границы и содержание. Круглый стол // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2010. № 15 (196). История. Вып. 40. С. 144.

[17] Там же. С. 145.

[18] Там же. С. 146.

[19] Сенявский А. С. Советская мобилизационная модель экономического развития : историко-теоретические проблемы // Мобилизационная модель экономики… С. 25.

[20] См.: www.finam.ru/dictionary/wordfoibc200031.default.asp?n=1.

[21] Глазьев С. Пора объявлять мобилизацию // Власть. 1999. 20. 04. № 15 (316).

[22] Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России : (Вехи исторической эволюции). М. : РОССПЭН, 2006. С. 31–33.

[23] Рогова Н. В. Институциональные изменения в мотивации трудовых ресурсов аграрного производства Урала в период Великой Отечественной войны : автореф. дис. … канд. экон. наук. Волгоград, 2008. URL : http://discollction.ru/article/09072008_rogova_ina_vasil_evna_74656.

[24] Белоусов Р. Превосходящая мощь : (Опыт мобилизационной экономики). URL : http://www.bg-znanie.ru/print. php?nid=8484. С. 4.

[25] Чичкин А. Мобилизационная модель. Опыт советской экономики в 1941–1945 годах пригодился многим странам // Союзное вече : газета парламентского собрания союза Белоруссии и России. 2007. 12 мая. URL : http://www.souzveche.ru/news/detail.php?ID=5408&print=Yhttp://ng.by/ru/issues?art_id=13400.

[26] Селюнина Н. В. Власть, профсоюзы, общество : опыт реализации мобилизационных задач на водном транспорте России в 1941–1945 гг. : автореферат дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009. С. 20.

[27] Миронов Е. В. Особенности исторического пути развития России // История и современность. 2011. № 1. С. 149.

[28] Фонотов А. Г. Россия : инновации и развитие. М. : Бином. Лаборатория знаний, 2010.
[29] Морозов Н. М. Мобилизационный тип развития Российской цивилизации // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2011. № 2 (14). С. 175–184.
[30] Ясинский В. В. Отечественный опыт мобилизационной подготовки экономики : уроки мировых войн // Воен.-ист. журн. 2011. № 10. С. 21–26.
[31] См.: История Великой Отечественной войны. Т. 6. С. 46.
[32] Гатовский Л. М. Экономическая победа СССР в Отечественной войне. М., 1945. С. 6.
[33] Чадаев Я. С. Экономика СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) М., 1965. С. 71, 79.
[34] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сб. док. за 50 лет. М., 1968. Т. 3. С. 44–48.
[35] Петрова Т. Н. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по усилению творческого содружества науки с производством в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Томск, 1968. С. 175, 187.
[36] Лифшиц А. Г. Производительность труда в черной металлургии. М., 1987. 70 с.
[37] Жуков Г. К. Воспоминания и размышления : в 2 т. Т. 1. М., 1975. С. 301.
[38] Баранов М. А., Стародубцев В. Ф. Конверсия на войну : (Экономическое противоборство в годы испытаний 1939–1945 гг.). М. : Экономика, 2005. С. 36.
[39] Рейнолдс Д. Введение // Союзники в войне. М., 1995. С. 28.
[40] Чичкин А. Мобилизационная модель.
[41] Стеттиниус, Э. Ленд-лиз – оружие победы. М. : Вече, 2000. URL : http://militera.lib.ru/memo/usa/stettinius/index.html.

А. С. Соколов

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ СССР В УСЛОВИЯХ ТОТАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

В последнее время появилось немало работ историков и экономистов, посвященных советскому периоду отечественного денежного обращения. Тем не менее, проблема развития денежной системы СССР с момента свертывания новой экономической политики до завершения второго пятилетнего плана не нашла достаточного освещения в современной историографии. Вместе с тем, работы ученых-обществоведов, архивные документы, опубликованная переписка большевистской элиты по хозяйственным вопросам, стенографические отчеты партийных и хозяйственных форумов, материалы периодической печати, мемуары позволяют ликвидировать данную лакуну.

С 1929 г. началось осуществление первого пятилетнего плана развития народного хозяйства, нацеленного на гигантский рост промышленного потенциала страны. В нем не предусматривалось использование инфляционной денежной программы для финансирования развития промышленности, а наоборот, декретировалось повышение покупательной стоимости червонца за пятилетку на 15–20 %. В первой половине 1930-х гг. в стране сложился новый хозяйственный механизм, существенно отличавшийся от нэповской экономики. Такие экономические категории, как прибыль, сбережения и денежная масса, играли в нем второстепенную роль. Можно согласиться с мнением Ю. П. Бокарева о том, что в посленэповской народнохозяйственной системе весьма важное место заняли цены[1]. В 1930 г. СССР вступил в состоянии, близком к гражданской войне. В январе-феврале правительство развернуло насильственную коллективизацию. Деревня ответила волнениями, и крестьянское хозяйство пришло в упадок. Разорительной и малоэффективной оказалась форсированная индустриализация. В результате бездумной траты средств многие сотни миллионов рублей оказались

вложенными в незавершенное строительство, не давали отдачи. Все это полностью разорило бюджет. Его огромный дефицит латали за счет повышения цен, введения обязательной подписки на займы, а главное – эмиссии.

Рост эмиссии привел к понижению покупательной способности рубля. Неудовлетворительная ситуация в области финансов вызывала тревогу в хозяйственных наркоматах. В мае 1930 г. на заседании коллегии Наркомата финансов указывалось, что в области денежного обращения обнаружился весьма серьезный прорыв, вызванный нарушением финансовых планов. В связи с этим коллегия Наркомата финансов поручила специальной группе в составе профессоров Л. Н. Юровского, Л. Н. Литошенко, Д. А. Лоевецкого разработать и представить коллегии выводы и соображения о вероятном распределении находящейся в обращении денежной массы между городом и деревней и по отдельным социальным группам.

Однако в конечном итоге не Наркомат финансов определял стратегию финансовой политики в условиях первой пятилетки. С помощью выпуска денег правительство пыталось покрыть дефицит бюджета. При этом упор делался на классовый подход. Журнал «Вестник финансов» писал о том, что в условиях развития нашего хозяйства необходим классовый анализ состояния денежного обращения[2]. К лету 1930 г. в развитии экономики произошли серьезные изменения. Ценой больших усилий было достигнуто значительное ускорение темпов индустриализации, завершился первый этап коллективизации. В июле председатель правления Госбанка Г. Л. Пятаков (после обстоятельного разговора с С. Орджоникидзе) направил письмо Сталину, в котором дал анализ болезненного состояния денежного обращения в стране. Он писал: «Состояние денежного обращения и ближайшие перспективы его, если не будут приняты необходимые меры, внушают тревогу. Если возможности пролетарского государства в деле регулирования денежного обращения неизмеримо выше, чем в условиях частно-капиталистического хозяйства, то все же эти возможности не беспредельны, и мы должны очень внимательно и решительно реагировать на те явления, которые имеют место в настоящее время в области денежного обращения». Г. Л. Пятаков отмечал, что уже в 1928/29 гг. прирост денежной массы в обращении составил 186 % от плана. С конца 1928 г. по июль 1930 г. в обращение было выпущено 1556 млн р., в то время как за всю пятилетку планировалось выпустить 1250 млн р. «Эмиссионную пятилетку», таким образом, страна выполнила менее чем за два года. Кризисные явления в области денежного обращения породили расхождение рыночных и государственных цен на товары, что привело к сокращению торговых операций. Свертывание торговли, накопление и обесценивание денег имели тяжелые последствия для потребительского рынка. Началось расхватывание населением товаров. В письме Сталину Г. Л. Пятаков указывал: «Мануфактура по двойным ценам до середины марта шла туго. После этого, в особенности в мае и июне, она расхватана вся. Из продажи исчез шелк, расхватываются примуса, швейные машинки и т. п. Из Нижнего Новгорода, из Чернигова пишут, что крестьяне в стремлении сбыть бумажные деньги покупают все, что попадает под руку. Характерно сообщение из Харькова о том, что в короткий срок был совершенно раскуплен магазин антикварных вещей»[3]. Население, кооперативы, предприятия переходили к натуральному обмену. Таким образом, инфляция привела к стремлению приобрести товары впрок и натурализации обмена.

В своем письме Г. Л. Пятаков рискнул дать Сталину рекомендации по оздоровлению денежного обращения и потребительского рынка. Среди них: увеличение производства и импорта предметов потребления, сокращение и даже полный отказ от экспорта продуктов, помощь сельскому хозяйству[4]. Генеральный секретарь ЦК никак не отреагировал на письмо руководителя Госбанка. Возможно, Сталин не доверял Г. Л. Пятакову, т. к. последний в свое время активно поддерживал Л. Д. Троцкого.

Правительство попыталось изъять «лишние» деньги из обращения путем выпуска внутренних займов. В феврале был выпущен долгосрочный внутренний заем «Пятилетка – в

четыре года». Новый заем должен был стать единым займом финансирования социалистического строительства по пятилетнему плану развития народного хозяйства. Его реализация происходила на многих предприятиях Москвы, Ленинграда, Харькова, Нижнего Новгорода и ряде других крупных промышленных центров стале. «Вы говорите, что все трудящиеся идут искренно навстречу займам и добровольно. Так ли это? Ясно, я не могу оторвать из своего жалованья копейку, ибо гибну. Нет, тебя не спросят, а тащат, вычитывая, – это ли искренность?», – писал анонимный автор в письме, обращенном к руководству страны[5].

Другим следствием инфляции стал кризис разменной монеты. Госбанк выпускал серебро в обращение, откуда оно мгновенно исчезало, оседая у населения, которое его переплавляло и хранило в слитках. Частники на серебро продавали дешевле, чем на бумажные деньги. В торговле между городом и деревней появился лаж на серебро. Крестьяне прямо объявляли две цены на свою продукцию: одну в серебре, другую – в бумажных деньгах. Например, в Брянске стоимость одного пуда ржаной муки в бумажных знаках составляла 13 р., а серебром только 8 р.[6] При обысках у крестьян и городских торговцев находили большие суммы разменного серебра. Разменный кризис усугублялся общим недостатком денежных знаков и резким сокращением кассовой наличности филиалов Госбанка, что приводило к перебоям в выдаче зарплаты, так как предприятия не могли получить вовремя наличные деньги со своих счетов. В сообщениях ОГПУ о положении в стране, направляемых Сталину, отмечалось, что «задержка зарплаты на предприятиях Союза принимает в последнее время (август-сентябрь) хронический характер. Задержка зарплаты охватывает все промышленные районы страны и крупнейшие фабрично-заводские предприятия страны. В связи с задержкой зарплаты отмечается падение производственной дисциплины и забастовочные настроения»[7]. Кризис свидетельствовал о развале бюджета и вызывал массовое недовольство среди населения.

Недостаток разменной монеты в обращении вызывал серьезное беспокойство среди партийно-государственного руководства. В сентябре 1930 г. Е. М. Ярославский в письме к Г. К. Орджоникидзе указывал: «Конечно, нам надо бояться панических прожектов правых и троцкистов, но надо этим вопросам уделять гораздо большее внимание, чем им уделяли. Недавние затруднения (еще не вполне изжитые) с недостатком разменной монеты тоже ухудшили бюджет рабочего, когда рабочий должен был покупать ненужные ему вещи (чтобы не требовать сдачи). Хорошо, что послушались Сталина и не пошли на путь суррогатов денег, ни на другие такие же меры»[8]. В августе 1930 г. Политбюро ЦК ВКП (б), заслушав вопрос о разменной монете, поручило ОГПУ усилить меры борьбы со спекулянтами и укрывателями разменной монеты, в том числе и в советско-кооперативных учреждениях[9].

Сталин решил воспользоваться кризисом в своих интересах. Неожиданно он проявил к делу о разменной монете огромное внимание и взял руководство в свои руки. Об этом свидетельствует такой интересный источник, как переписка Сталина и В. М. Молотова. Как видно из писем, Сталин выдвинул свой рецепт решения проблемы: основательно почистить аппарат Наркомата финансов и Госбанка, расстрелять два – три десятка вредителей из этих ведомств и энергичнее проводить операции ОГПУ против спекулянтов разменной монетой[10]. Сталин старался доказать, что действия правительства в данном вопросе – результат влияния вредителей – специалистов, фактически подчинивших себе коммунистов-руководителей. В этом смысле дело о разменной монете было составной частью акции против «вредителей» в партии, задуманной Сталиным, как главное средство борьбы с большевистскими лидерами, которые выступали за сотрудничество со старыми специалистами и за относительно умеренный курс. После этих указаний усилились репрессии: были сняты со своих постов руководитель Наркомата финансов Н. П. Брюханов и председатель Правления Госбанка Г. Л. Пятаков. В их ведомствах, как предлагал Сталин, была проведена «проверочно-мордобойная работа». Историк Б. С. Илизаров в своей книге «Тайная жизнь Сталина» приводит интересные факты, предшествующие этому событию. 5 марта 1930 г. Сталин

нарисовал непристойный рисунок, на котором Н. П. Брюханов изображен обнаженным и подвешенным за половые органы на веревке, переброшенной через блок с противовесом. Внизу, под рисунком, Сталин аккуратно, печатными буквами написал: «Наркомфин СССР на второй день испытания». К рисунку приложена записка, также написанная рукой Сталина. Грубая шутка генсека ЦК ВКП (б) имела продолжение. За связи с оппозицией 18 октября 1930 г. Н. П. Брюханов был снят с поста наркома финансов и назначен зампредом Мособлисполкома[11]. На его место был назначен Г. Ф. Гринько, занимавший ранее пост заместителя наркома земледелия СССР[12]. Как считает известный американский экономический историк П. Грегори, несмотря на свой относительно невысокий политический статус Г. Ф. Гринько играл значимую роль в принятии важнейших государственных решений[13]. Финансы стали для Г. Ф. Гринько совершенно новой сферой деятельности. Особое значение он придавал проблеме мобилизации денежных средств населения путем организации внутренних займов и накопления денег в сберегательных кассах.

Провалы и неудачи экономической политики ВКП (б) в начале 1930-х гг. вынудили партийное руководство переложить вину за срывы темпов индустриализации и коллективизации на «вредителей» из числа «классовых» врагов. В стране были произведены аресты, захватившие и ученых-финансистов: Л. Н. Юровского, З. С. Каценеленбаума, П. А. Садырина, А. П. Спундэ, Д. А. Лоевецкого, В. В. Шера, Н. Д. Кондратьева, Г. М. Аркуса и других. Подписи этих людей стояли некогда на купюрах советских червонцев. В 1930 г. был арестован профессор И. Х. Озеров (постановлением правительства в 1927 г. ему была назначена персональная пенсия), которому инкриминировали создание и руководство монархической организацией, имеющей связи с центрами белой эмиграции[14]. «Профессоров-вредителей» разоблачали и клеймили позором на митингах и собраниях. Нарком финансов СССР Г. Ф. Гринько заявил, что необходимо провести борьбу с «юровщиной» в методах работы финансового аппарата[15]. Л. Н. Юровский был вынужден уйти с поста начальника планово-экономического управления Наркомата финансов. В печати была начата открытая кампания травли против ученого. Например, экономисты Б. Я. Бляхер и Б. И. Лебедев в брошюре, посвященной роли денег в социалистическом обществе, причисляли Л. Н. Юровского к вредителям, которые тянули страну к капиталистическому денежному обращению и стремились взять курс на восстановление золотых денег. «Отсюда следует, что мы должны беспощадно разоблачать “юровщину” и ее сторонников, мобилизуя внимание пролетарских масс на борьбу с этими вредительскими теориями», – писали авторы данной пропагандистской работы[16]. В сентябре 1930 г. председатель ОГПУ СССР В. Р. Менжинский доложил секретарю ЦК ВКП (б) В. М. Молотову о раскрытии и частичной ликвидации контрреволюционной Трудовой крестьянской партии (ТКП). По данным следствия, в этой организации состояли экономисты Н. Д. Кондратьев, П. А. Садырин, Л. Н. Юровский, А. И. Вайнштейн, Л. И. Литошенко, мало имевшие к крестьянам какое-либо отношение. Все ученые занимали важные народнохозяйственные посты в Наркомате финансов и Госплане СССР. Дело ЦК ТКП стало еще одним звеном в процессе расправы со старыми специалистами[17]. Обвиняемые по делу ТКП так и не были выведены на открытый процесс. В январе 1932 г. состоялось заседание коллегии ОГПУ, которая вынесла постановление заключить Л. Н. Юровского и Н. Д. Кондратьева в концлагерь сроком на восемь лет.

Разрушение денежной системы нэпа сопровождалось личными человеческими трагедиями. В государственных учреждениях прошли чистки с целью удаления социально-чуждых элементов. Большинство из них имели высшее образование и являлись выходцами из дворян и купцов. В докладе Госбанка о состоянии кадров накануне XVI съезда партии отмечалось, что работа Госбанка проводилась «чуждыми, враждебными специалистами и бывшими людьми (купцы, торговцы-спекулянты, помещики, бывшие царские чиновники и министры, бывшие белые офицеры и колчаковские министры и проч.)»[18]. Секретарь Ленин-

градской парторганизации Позерн подчеркивал, что «кулацко-помещичья контрреволюционная интервенционистская партия Кондратьева – Юровского разоблачена советской властью, разгромлена и изолирована. Вредители изъяты из финансового аппарата, решительно выкорчевываются из финансовой практики остатки вредительского наследия»[19].

Началось массовое изгнание «спецов» из Наркомата финансов. В 1931 г. после очередной «чистки» финансовый аппарат потерял 2700 сотрудников. Вместо них на работу в Наркомат финансов пришло 3800 «выдвиженцев» из рабочих и крестьян[20].

Таким образом, крушение денежно-кредитной системы нэпа сопровождалось кадровыми чистками в финансовом ведомстве. Из Наркомата финансов были удалены те люди, кто непосредственно принимал участие в восстановлении и развитии денежной системы после периода военного коммунизма.

Несмотря на репрессивные меры в отношении беспартийных специалистов, положение с финансами в стране не улучшилось. В целях стабилизации финансовой системы в 1930 г. правительство приступило к проведению кредитной реформы. В результате ее осуществления кредитование государственной промышленности и сельского хозяйства стало происходить на основе плана, что придавало денежной системе страны эмиссионный характер. Объемы денежных эмиссий теперь ограничивались лишь в силу волеизъявления государственной власти, а не в силу действительных потребностей товарооборота. Кредитование осуществлялось автоматически, вне зависимости от собственных средств предприятий и организаций и их рентабельности. Как указывает Ю. П. Бокарев, «деньги эмитировались в зависимости от спроса на них»[21]. Мероприятия, проводимые в рамках кредитной реформы, как считало партийное руководство, неизбежно должны были оздоровить денежное обращение. Сталин в отчетном докладе на XVI съезде ВКП (б), состоявшемся в июне 1930 г., заявил, что сосредоточение краткосрочного кредита в Госбанке и организация безналичного расчета в обобществленном секторе приведут к «укреплению нашего червонца»[22].

Как вскоре выяснилось, финансовый план первой пятилетки, построенный с учетом возрастания покупательной способности рубля, оказался невыполнимым. При вводе в строй огромного числа новых предприятий добиться быстрого снижения себестоимости промышленной продукции оказалось невозможным. Она снижалась гораздо медленнее, чем было запланировано, и Госбанк вынужден был превысить кредитный план за девять месяцев 1929/30 гг. на 1671 млн р. К 1 июля 1930 г. в обращении находилось уже 3496,8 млн р. Рост эмиссии продолжал значительно опережать рост объема товарооборота, что еще больше увеличило разрыв между покупательной способностью денег и предложением товаров. В январе 1931 г. в провинции рубль обладал покупательной способностью 8 довоенных копеек[23]. Выступая с докладом в Свердловске на Втором всеуральском слете ударников финансового фронта, Г. Ф. Гринько говорил о финансовых затруднениях 1930 г.: «Удар нашему финансовому хозяйству был нанесен тогда одновременно с двух сторон – во первых, со стороны автоматизма банковского кредитования и связанной с этим чрезмерной эмиссией, и во вторых, со стороны замораживания товарооборота»[24]. Новый, 1931 г. не привел к стабилизации рубля. На протяжении 1931–1932 гг. бюджет практически не предоставлял Госбанку СССР средств для кредитования народного хозяйства, поэтому в 1931 г. банк вынужден был 45 % своих кредитных вложений покрыть за счет эмиссии, составившей 1,3 млрд р. В результате денежная масса в обращении увеличилась почти на 30 %. В 1932 г. средства для кредитования хозяйства, предоставленные за счет эмиссии, составили около 2,2 млрд р. Сумма выпущенных в обращение денег в 1932 г. достигла 2,6 млрд р. (почти 50 % к объему денежной массы на начало года). Всего за 1931–1932 гг. денежная масса увеличилась в 2 раза[25]. В сложившихся условиях Г. Ф. Гринько объявил борьбу за финансовый план. Выступая на Всесоюзном финансовом совещании в июле 1931 г., он призвал присутствующих работников финансового аппарата «работать как бойцы политического фронта <…> драться

за решение важнейших народнохозяйственных задач социалистического строительства»[26]. Агитационная пропаганда не способствовала стабилизации рубля. О падении покупательной силы рубля свидетельствуют факты распространения «бартерных» сделок между предприятиями. Так, в 1931 г. Иваново-Вознесенский текстильный трест совершил обмен двух вагонов мануфактуры на обувь для рабочих с Нижегородским краевым союзом потребительской кооперации; Московский завод «Серп и молот» обменивал железо и проволоку на одежду и мебель. Переход к натуральному обмену не приветствовался властью. Все бартерные сделки аннулировались, а руководители предприятий привлекались к уголовному суду[27]. Несмотря на сложную ситуацию, сложившуюся в сфере финансов, народный комиссар Г. Ф. Гринько, выступая с докладом на II сессии ЦИК СССР, с уверенностью заявил, что эмиссия строжайшем образом контролируется и допускается лишь в очень ограниченных размерах[28]. Руководитель финансового ведомства полагал, что «чем крепче мы организуем в настоящее время нашу денежную систему, чем лучше обеспечим ускорение темпов социалистического накопления в нашей стране, тем прочнее сделаем наш червонец…»[29]. В то же время Г. Ф. Гринько связывал развитие денежного хозяйства с развитием товарооборота. Выступая на XVII партийной конференции, он указывал, что все наше денежное хозяйство и вся денежная система зависит от быстроты обращения товаров в стране[30].

В это время среди советских экономистов стала утверждаться позиция, доказывающая несовместимость инфляции и планового хозяйства. Такая точка зрения была сформулирована Н. А. Вознесенским, который писал в 1935 г. в статье «О современных деньгах»: «В силу особенностей планового социалистического производства, безраздельно господствующего в нашей стране, советская экономика исключает возможность инфляции»[31].

Против экономической политики, проводимой сталинским большинством, выступили сторонники оппозиции. В 1932 г. крупный партийный функционер М. Рютин в программе «Союза марксистов-ленинцев» подверг жесткой критике политику большинства ВКП (б). Характеризуя ситуацию в финансово-налоговой сфере, автор указывал на быстрый рост инфляции. Причины этого он видел в выпуске новых бумажных денег и сокращении товарооборота, переходе предприятий к прямому товарообмену. «В настоящее время стоимость червонца в золотой валюте равняется всего 60–70 коп. Дальше процесс падения стоимости червонца пойдет по всем признакам еще быстрее», – указывалось в программе[32].

Катастрофическое положение с финансами заставило руководство ВКП (б) вплотную заняться решением вопроса о сокращении бумажно-денежной эмиссии. Об этом свидетельствует такой источник, как переписка Сталина с Л. М. Кагановичем. В июне 1932 г. Л. М. Каганович сообщал генеральному секретарю ЦК ВКП (б): «Последний месяц особенно отличился эмиссией. Причин здесь много: бюджетный дефицит, медленная реализация промтоваров и т. д.». Несколько дней спустя В. М. Молотов в письме Сталину поставил вопрос об эмиссии в связи с получением записки наркома финансов Г. Ф. Гринько. Ссылаясь на информацию руководителя Наркомата финансов о том, что эмиссия со II квартала 1932 г. уже составила 1 млрд 300 млн р., В. М. Молотов писал, что положение складывается ненормальное, требующее сокращение расходов и увеличения доходов. В это же время Л. М. Каганович отправил Сталину письмо следующего содержания: «Положение сейчас довольно затруднительное. Потребность в дензнаках растет с каждым днем и доходит до спроса 150–160 млн р. в день, а возможность удовлетворения 30–40, максимум 50 миллионов рублей. Уже образовывается задолженность по зарплате. Гринько ставит вопрос о сокращении ассигнований на капитальное строительство на 1–1/2 миллиарда рублей, т. Молотов считал возможным 1 млрд… Что сокращать надо, это бесспорно, ибо есть хозорганы, действительно нуждающиеся в деньгах и не дорожащие ими»[33].

Сталин в ответном письме Л. М. Кагановичу указывал, что нужно сократить финансирование капитального строительства на 500–700 млн р. Таким путем Сталин решил бороться за

укрепление рубля. Указание секретаря ЦК стали немедленно претворяться в жизнь. В начале августа Политбюро, заслушав сообщение Г. Ф. Гринько о финансовых мероприятиях в III квартале, постановило, что бюджет IV квартала обязательно должен быть не только бездефицитным, но и с превышением доходов над расходами. По сравнению с начальным периодом выпуска червонца эти банкноты потеряли во многом покупательную способность. В 1932 г. власти официально объявили о досрочном завершении пятилетнего плана. В действительности его окончание было вызвано кризисными потрясениями (в том числе и в сфере денежного обращения) хозяйства СССР. Расходы в бюджете, вызванные финансированием строительства новых предприятий, покрывались за счет эмиссии. Чрезмерный выпуск денег привел к дестабилизации рубля, выразившейся в росте цен. Так, за первые пять месяцев 1932 г. цены на рынке выросли на 55 %. Это был самый быстрый рост со времени денежной реформы 1924 г.[34]

К началу 1933 г. советский рубль имел ограниченное экономическое значение, что обуславливалось действовавшей с 1929 г. карточной системой на основные виды промышленных и продовольственных товаров, усилившейся инфляцией и, как следствие, падением покупательной силы рубля. Тяжелое состояние денежного обращения страны определялось также общим кризисом ее экономики, связанным с перестройкой всей хозяйственной системы, и политикой руководства страны, которое сознательно форсировало ликвидацию частного сектора, нарушало пропорции в развитии отраслей промышленности. Огромные капиталовложения в тяжелую промышленность без реальной их отдачи в ближайшем будущем сделали неизбежным использование эмиссии для пополнения бюджета страны. На 1 января 1933 г. удельный вес эмиссии в ресурсах Госбанка составил 33,4 %[35].

К середине 1930-х от прежней червонной денежной системы сохранились лишь собственно денежные знаки, находившиеся в обращении. Чрезмерная эмиссия в годы первой пятилетки усиливала нестабильность в развитии экономики СССР и угрожала устойчивости государственной власти. Поэтому партийно-государственное руководство делает шаги по сокращению бюджетного дефицита и стабилизации денежного обращения. Предпринимались меры по увеличению товарного фонда государства, развитию коммерческой торговли, развитию розничного товарооборота. Выступая с докладом на объединенном пленуме ЦК ВКП (б) в январе 1933 г. Сталин заявил: «Устойчивость советской валюты обеспечивается, прежде всего, громадным количеством товарных масс руках государства, пускаемых в товарооборот по устойчивым ценам»[36]. Таким образом, генсек ЦК ВКП (б) связывал стабильность рубля с наличием товарных масс, находящихся в руках государства, а не с золотым запасом. В то же время Сталин, выступая на пленуме ЦК ВКП (б) в ноябре 1934 г., указывал: «Денежное хозяйство – это один из немногих буржуазных аппаратов экономики, который мы, социалисты, должны использовать до дна. Он далеко еще не использован, этот аппарат. Он очень гибкий, он нам нужен, и мы его по-своему повернем, чтобы он лил воду на нашу мельницу. А не на мельницу капитализма»[37].

В конце 1933 г. Наркомату финансов удалось частично приостановить процессы инфляции рубля. Однако правительству не удалось добиться финансовой стабилизации в 1934 г. Вновь усилилась эмиссия, приводившая к обесцениванию рубля. Был произведен выпуск новых образцов казначейских билетов. К этому времени достигло своего пика использование денежных суррогатов (боны), которые широко использовались различными учреждениями при выдаче зарплаты. Расследование, проведенное летом 1935 г., вскрыло 1340 таких случаев[38].

Успехи в оздоровлении денежного обращения, достигнутые в 1934 г., позволили провести поэтапную отмену карточной системы. В сентябре 1935 г. одновременно со снижением цены на хлеб были отменены карточки на мясо, рыбу, сахар, жиры и картофель. После отмены карточной системы были установлены так называемые средние цены, которые были выше пайковых, но значительно ниже коммерческих. Во второй пятилетке ситуация в обла-

сти денежного обращения заметно улучшилась: возросла покупательная способность рубля, увеличилась скорость его обращения. Заметно возросли доходы госбюджета с 44,3 млрд р. в 1933 г. до 126,9 млрд р. в 1938 г. Значительно возросли обороты Госбанка. В 1938 г. Госбанком было выдано ссуд на 475 млрд р.[39] Эти обстоятельства дали возможность наркому финансов Г. Ф. Гринько заявить, что «советский рубль прочен, как ни одна другая валюта в мире, ибо он является валютой организованного социалистического государства, валютой богатеющей и цветущей социалистической страны, валютой надежно защищенной от ухабов капиталистической анархии и биржевых махинаций»[40].

Но и этот период для денежной системы был напряженным. В середине 1930-х г. сложилась экономика дефицита. В сфере финансов это проявилось в дефиците товаров. Расходы, связанные с выполнением заданий двух пятилетних планов, превысили доходную часть бюджета. Так, за 1927–1937 гг. денежная масса в обращении увеличилась в 8 раз, среднегодовые темпы прироста массы денег оказались выше темпов прироста продукции промышленности и составили 24 %. В записке Наркомата финансов, направленной В. М. Молотову, отмечалось, что «в 1937 г. денежная масса возросла на 19 % против роста товарооборота на 17,5 %, в то время как в прошлые годы рост денежной массы отставал от увеличения товарооборота и фондов заработной платы»[41].

В 1937 г. были выпущены банковские билеты достоинством в 1,3,5 и 10 червонцев. Обозначение номинала было повторено на одиннадцати языках советских союзных республик. В честь 20-летней годовщины Октябрьской революции на выпущенных билетах Госбанка впервые был помещен портрет Ленина. Среди помещенных на банковских билетах надписях отсутствовал текст о размене червонцев на золото и о размере их золотого содержания.

На этих денежных знаках перестали приводиться факсимильные подписи членов Правления Госбанка, работников Наркомата финансов СССР. Массовые репрессии не пощадили многих видных специалистов в области финансов. Большинство из них были объявлены «капитулянтами», «вредителями» и «врагами народа». В августе 1937 г. член комиссии партийного контроля Сахарова в письме на имя Молотова указывала, что проверяя работу Госзнака, ей было установлено, что в Гознаке продолжают ежедневно печатать билеты Государственного банка за подписями врагов народа Аркуса, Марьясина, Калмановича. Однако в итоге «славная советская разведка разгромила вредительские гнезда. Партия очистила кредитный аппарат от врагов народа, укрепила этот аппарат надежными людьми»[42].

В конце 1930-х гг. в сфере денежного обращения создалась напряженная ситуация. Налицо были признаки инфляции, заключающиеся в росте цен. Можно согласиться с мнением Л. А. Муравьевой о том, что в 1930-е гг. в СССР существовал тип инфляции, характерный для военной экономики. Она проявлялась в росте цен, а также спекуляции нормированными товарами[43]. Как отмечал советский экономист В. П. Дьяченко, «основой устойчивости советских денег являются товарные массы, сосредоточенные в руках государства и пускаемые в оборот по плановым устойчивым ценам. В условиях советского хозяйства деньги непосредственно связаны с товарной массой, сосредоточенной в руках государства, являются подлинным свидетельством на получение определенной доли общественного продукта»[44]. К решению вопроса стабилизации рубля власть подошла не с экономической, а с административной точки зрения. Решающими факторами сдерживания инфляции были конфискационная система получения сельскохозяйственной продукции у крестьян и доходы от реализации продажи водки. Денежная система, созданная в эпоху нэпа, перестала существовать.

Примечания

[1] Бокарев Ю. П. Рубль в условиях тоталитарного планирования // Русский рубль. Два века истории. XIX–XX вв. М., 1994. С. 239.

[2] Вестн. финансов. 1930. № 1. С. 76.

[3] Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. / сост. А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая, О. В. Хлевнюк. М., 1999. С. 117–129.
[4] Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации 1927–1941. М., 1997. С. 74–75.
[5] Тепцов Н. В. В дни великого перелома. История коллективизации, раскулачивания и крестьянской ссылки в России (СССР) в письмах и воспоминаниях : 1929–1933 гг. М., 2002. С. 239.
[6] История Министерства финансов. Т. II. 1917–1932. М., 2002. С. 345.
[7] «Совершенно секретно». Лубянка–Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 8. Ч. 1–2. М., 2008. С. 514.
[8] Советское руководство… С. 135.
[9] Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – НКВД (1922–1936) / под ред. А. Н. Яковлева. М., 2003. С. 249.
[10] Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 : сб. док. М., 1995. С. 178–179.
[11] Илизаров Б. С. Тайная жизнь Сталина : по материалам его библиотеки и архива : (К историософии сталинизма). М., 2002. С. 93.
[12] Все министры финансов России и СССР 1802–2004. М., 2004. С. 327.
[13] Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2008. С. 272.
[14] Телицын В. Л. Иван Христофорович Озеров. Жизненные пути русского ученого // Вопр. истории. 1999. № 3. С. 3.
[15] Ефимкин А. И. Дважды реабилитированные : Н. Д. Кондратьев, Л. Н. Юровский. М., 1991. С. 178.
[16] Бляхер Б. Я., Лебедев Б. И. Нужны ли деньги в Советском Союзе. М. ; Л., 1931. С. 24.
[17] Галас М. Л. Разгром аграрно-экономической оппозиции в начале 1930-х годов : дело ЦК Трудовой крестьянской партии // Отечеств. история. 2002. № 5. С. 101.
[18] Гимпельсон Е. Г. Советские управленцы. 20-е годы : (Руководящие кадры государственного аппарата СССР). М., 2001. С. 74.
[19] Финансы и социалист. хоз-во. 1931. № 16. С. 8.
[20] История Министерства финансов. Т. II. 1917–1932. М., 2002. С. 347.
[21] Бокарев Ю. П. Рубль в условиях тоталитарного планирования. С. 246.
[22] Сталин И. В. Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП (б) // Сталин И. В. Сочинения. Т. 12. Апрель 1929 – июнь 1930. М., 1949. С. 330–331.
[23] История Министерства финансов. Т. II. 1917–1932. М., 2002. С. 347.
[24] Гринько Г. Ф. Советские финансы на рубеже двух 5 леток. М., 1932. С. 19.
[25] Левичева И. Н. Проблемы денежного обращения в СССР в конце 1920-х – 1930-х гг. // Вестн. Банка России. 2007. № 13. С. 13.
[26] Гринько Г. Ф. Боевые задачи финансовой работы : речь на Всесоюзном финансовом совещании. Июль 1931. М., 1931. С. 52.
[27] Бокарев Ю. П. Рубль в условиях тоталитарного планирования. С. 236.
[28] Гринько Г. Финансовая программа завершения пятилетки : докл. на II сессии ЦИК СССР о финплане и госбюджете СССР на 1932 г. М. ; Л., 1932. С. 13.
[29] Финансы и социалист. хоз-во. 1932. № 8–9. С. 3.
[30] XVII партконференция ВКП (б) : стеногр. отчет. М., 1932. С. 217.
[31] Хандруев А. А. К вопросу об устойчивости денег // Деньги и кредит. 1988. № 10. С. 15.
[32] Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. М., 1991. С. 409.
[33] Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / сост. О. В. Хлевнюк, Р. У. Дэвис, Л. П. Кошелева, Э. А. Рис, Л. А. Роговая. М., 2001. С. 230–231.
[34] Дэвис Р. У. Советская экономика в период кризиса. 1930–1933 годы // Экон. науки. 1990. № 1. С. 84.
[35] История Министерства финансов. Т. II. 1917–1932. М., 2002. С. 187.

[36] Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М., 1952. С. 425.
[37] Сталин И. В. Сочинения. Т. 18. Тверь, 2006. С. 74.
[38] Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2008. С. 294.
[39] Козлов Г. А. Советские деньги. М. ; Л., 1939. С. 191.
[40] Гринько Г. Ф. Финансовая программа Союза ССР на 1936 год : докл. 14 января 1936 г. М., 1936. С. 11.
[41] Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 82. Оп. 2. Д. 778. Л. 3.
[42] Дьяченко В. П. Очерк развития денежного обращения и кредитной системы СССР // Денежное обращение и кредитная система Союза ССР за 20 лет : сб. важнейших законодательных материалов за 1917–1937 гг. М., 1939. С. I.
[43] Муравьева Л. А. Промышленное развитие и финансы в годы довоенных пятилеток // Финансы и кредит. 2003. № 9. С. 85.
[44] Дьяченко В. П. Очерк развития денежного обращения… С. LXXXVII.

М. А. Фельдман

ОПЫТ ДЕМИЛИТАРИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УРАЛА В КОНЦЕ 1917 – ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ 1918 ГОДА. НЕУДАЧНАЯ ПОПЫТКА УЙТИ С ОРБИТЫ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Задача демилитаризации российской промышленности представляла одну из наиболее острых проблем, вставших перед большевистским руководством после прихода к власти в стране. Обратим внимание на следующее обстоятельство: в России степень милитаризации в сфере труда оказалась выше, чем в других воюющих странах. Так, в военной индустрии было занято 76 % промышленных российских рабочих, 58,3 % германских, 57 % французских, 64,2 % итальянских, 46 % английских[1]. При этом степень милитаризации труда в экономике Урала была выше общероссийского показателя и равнялась 86,9 %[2]; в годы войны на производство военной продукции было переведено 76 крупнейших предприятий Урала[3].

Начало демилитаризации в общегосударственном масштабе обычно связывают с обсуждением СНК (27 и 29 ноября 1917 г.) вопроса о демобилизации промышленности. В принятом решении предусматривался перевод ведущих оборонных предприятияй страны – петроградских военных и военно-морских заводов – на производство сельскохозяйственных орудий, машин и паровозов. По предложению В. И. Ленина в целях планомерного проведения демобилизации решено было использовать как Особое Совещание по обороне, так и опыт руководителей ведущих трестов[4]. Однако догматический подход большевистских лидеров к представителям капиталистических организаций блокировал как возможности начавшихся 3 декабря 1917 г. переговоров[5], так и сколько-нибудь систематического использования опыта технических специалистов.

9 декабря 1917 г. СНК принял обращение только к одной социальной группе населения – «Ко всем товарищам рабочим России», по которому администрации заводов при содействии фабзавкомов предписывалось прекратить производство военной продукции и приступить к демобилизации промышленности. Согласно постановлению наркома труда А. Г. Шляпникова от 20 декабря 1917 г. фабзавкомы (заметим – уже без администрации!) получили право закрывать предприятия сроком до одного месяца для разработки необходимых мер по демилитаризации производства. За это время необходимо было определить характер будущей работы и необходимое число рабочих. Уволенным рабочим была обещана компенсация в размере месячного заработка и постановка на учет на биржи труда[6]. В циркуляре Временного ЦК союза металлистов – крупнейшего профсоюза страны – проблема

сокращения штатов на предприятиях, подлежащих демилитаризации, возлагалась исключительно на фабзавкомы. Циркуляром профсоюзного органа власть нацеливала фабзавкомы на увольнение основной массы неквалифицированных рабочих; им же предстояло увольнение «лишних» специалистов[7].

Парадокс заключался в том, что фабзавкомы, избираемые на общих собраниях и в большинстве своем состоящих из неквалифицированных рабочих[8], стремились любой ценой не допустить сокращения занятых на производстве. В национализации промышленных предприятий неквалифицированные слои рабочих, наиболее активно поддержавшие леворадикальные организации вообще, и ФЗК, в частности, видели единственный путь сохранения рабочих мест. В этом сказывались не столько особая психоментальность русских рабочих, уверенных, что власть обязана позаботиться о них в экстремальных обстоятельствах[9], сколько вера в безграничные возможности пролетарского государства, «освобожденного» от рыночных реалий. Совершенно не осведомленные в экономических, юридических и финансовых вопросах, фабзавкомы с легким сердцем доводили эксплуатационные расходы до фантастических размеров. Так, группа национализированных местными силами уральских заводов *каждый месяц* в первые пять месяцев 1918 г. приносила государству 70 млн. *чистого убытка*[10]. Если учесть, что на переоборудование уральских заводов в связи с демобилизацией было отпущено в 1918 г. 72 млн р.[11], напрашивается вывод о начале этапа «проедания» основного капитала промышленности.

Ситуация на Урале являлась частным случаем положения в промышленности России после принятия Декрета о рабочем контроле. Кампания стихийной ликвидации частной собственности на промышленные предприятия была развязана Декретом о рабочем контроле и Декретом о национализации банков. По обоснованному мнению С. А. Павлюченкова, на практике декрет о рабочем контроле имел главным образом тот результат, что рабочие коллективы попытались немедленно разрешить свои материальные затруднения путем проедания финансовых счетов предприятий[12]. Последствия взаимосвязанных стихийной национализации и демобилизации были весьма очевидными.

В литературе советского периода обычно выдвигалось положение о разработке в первые месяцы 1918 г. обширных планов реконструкции промышленности[13]. Однако и в те годы находились историки, реалистически смотревшие на вещи. Анализируя наказ первой Уральской областной конференции ФЗК, указавшей на необходимость выработки общего обязательного для всех плана демобилизации уральской промышленности, согласованного с всероссийским общегосударственным планом, А. В. Венидиктов, в работе 1957 г. подчеркивал: разработка общего плана демобилизации промышленности во всероссийском масштабе или даже в масштабе отдельных райнов была неосуществимой[14].

Год спустя В. В. Адамов обратил внимание на утопичность планов большевистских лидеров Урала весной 1918 г. Будущая организация уральской промышленности представлялась руководству областного комитета партии и областного Совета в виде единого общеуральского синдинката, объединяющего в себе все как отрасли старого горнозаводского хозяйства, так и вообще промышленные и кустарные предприятия края. Идея трестирования родилась еще накануне войны; новое, что внесли областные лидеры, – гигантское расширение рамок синдиката. Оценка такой «единой фабрики» В. В. Адамовым была вполне определенной – «прекраснодумное мечтание»[15]. Показательна и проницательная адамовская характеристика общего состояния национализированных предприятий Урала: до марта 1918 г. усилия по преодолению разрухи оставались разрозненными и малоэффективными. Предприятия сокращали выпуск продукции; обострялись продовольственный и топливный кризисы. В связи со свертыванием производства нависала угроза массовой безработицы[16].

Фабзавкомы не были готовы к решению вопросов технического характера, связанных с демилитаризацией. Даже к осени 1918 г. только четверть всех ФЗК промышленных пред-

приятий России, половина ФЗК промышленных предприятий с числом рабочих 500 и более привлекали к работе по управлению производством «буржуазных» специалистов, занимавших, как правило, низшие посты на фабриках и заводах[17].

В конце марта 1918 г. частью работников ВСНХ была сделана попытка сохранить персонал, организационные структуры управления военно-промышленных комитетов в центре и на местах в форме «народно-промышленных комитетов». Такая идея нашла поддержку у делегатов съезда работников народно-промышленных комитетов 31 марта 1918 г., предложивших, в частности, такую схему кадрового состава трансформируемых органов: 50 % представителей рабочих, 20 % – служащих, 30 % – специалисты. Однако вскоре руководство правящей партии (через ВСНХ) приняло решение: ликвидировать народно-промышленные комитеты, передав управленцев в соответсвующие отделы ВСНХ[18]. Возможность полноценно использовать опыт военно-промышленных комитетов, (переименованных в народно-промышленные) была не использована как в центре[19], так и на Урале[20]. Преобладание в правлениях национализированных предприятий неквалифицированных рабочих и технических специалистов низшей квалификации не позволяло провести конверсию предприятий. В декабре 1918 г., выступая на Втором Всероссийском съезде СНХ, нарком промышленности и торговли Красин признал: «демобилизация велась без всякого плана»[21].

Возражая Л. Б. Красину, известный специалист по данной проблеме А. В. Венидиктова не смог привести никаких аргументов, кроме указания на «стремление к планомерному проведению демобилизации, которое проявляли конференции фабзавкомов и профсоюзов под непосредственным руководством партийных организаций»[22]. К сожалению, самые благородные стремления не гарантируют их реализации. Для современников событий, например, для делегатов Первого Всероссийского съезда совнархозов, очевидным было то, что демобилизация в первом полугодии 1918 г. грозила российской промышленности «окончательным развалом»[23].

По обоснованному замечанию советского исследователя промышленности Урала В. С. Голубцова, к концу марта 1918 г. производство вооружения прекратилось почти на всех заводах региона; на этой стадии демобилизация ограничилась закрытием цехов, выпускавших до этого военную продукцию[24]. Современные историки отмечают: в первом полугодии 1918 г. дело обычно сводилось к консервации цехов либо к полукустарному производству сельхозорудий простейшего назначения[25]. Как видно, в реальности демилитаризация «по-фабзавкомовски» обычно заканчивалось либо консервацией цехов, либо полукустарным производством сельхозорудий простейшего назначения. Редкий случай совпадения взглядов советских и постсоветских историков по столь важной и идеологизированной в недавнем прошлом проблеме, объясняется, пожалуй, невозможностью привести доказательства в пользу успешного хода демилитаризации. Отметим и то, что и в советской литературе трудно было замолчать протест рабочих (например, Усть-Катавского завода) против неподготовленной национализации[26].

Взаимосвязанные вопросы национализации и демобилизации рассматривались на Первом съезде национализированных и бывших казенных предприятий Урала в январе 1918 г., проходившем в Екатеринбурге с 4 по 10 января 1918 г. Анализируя работу съезда, А. П. Абрамовский, наиболее основательно изучавший проблематику национализации промышленности на Урале в конце 1917 г. – первой половине 1918 г.[27], обратил внимание на дискуссию на съезде, возникшую на основе обсуждения доклада члена исполнительного бюро Заводского совещания Уральского района А. А. Кузьмина.

В центре дискуссии стал, по мнению исследователя, вопрос о формах управления горными округами. Если А. А. Кузьмин, при поддержке областного комитета РСДРП (б), высказывался за управление через систему Деловых советов, то представители инженерно-технического персонала В. А. Синилов, С. К. Ильинский и Н. П. Андрианов требовали сохранения прежних (дореволюционных) форм управления горными округами, т. е. через

правления округов, а на заводы предлагали назначить правительственных агентов. Следует отметить, что приглашение к открытой и широкой дискуссии на съезде прозвучало от В. Н. Андронникова, члена областного комитета РСДРП (б), председателя исполнительного бюро Заводского совещания. В. Н. Андронников указал на неизведанность путей национализации и призвал к демократическому обсуждению проблем[28].

Знакомство с архивными материалами позволяет расширить содержание дискуссии, ценное тем, что позволяет более полно судить о взглядах и убеждениях ее участников. Прежде всего, обратим внимание на положения доклада А. А. Кузьмина на съезде, оставшиеся вне внимания А. П. Абрамовского. Во-первых, на призыв А. А. Кузьмина к ускоренной национализации *всех* частных предприятий, используя фабзавкомы. Во-вторых, на заявление о наличии принципиальных различий между Деловыми советами казенных предприятий, «нацеленных на соглашательство с администрацией предприятий», и Деловыми советами частных предприятий, «ведущих классовую борьбу». Деятельность последних представлялась докладчиком в качестве нужного образца для всех предприятий. В-третьих, А. А. Кузьмин призвал к *удалению* инженеров и техников из состава правлений горнозаводских округов и предприятий и, заодно, к разгону «*антирабочего*» профсоюза инженеров и техников[29]. Складывалось впечатление, что профессиональный революционер (с 1906 г.) в А. А. Кузьмине полностью победил выпускника с (отличием) Петербургского горного института 1903 г.[30]

Выступление А. А. Кузьмина вызвало негативный отклик у большинства присутствующих, прежде всего, у работников бывших казенных оборонных предприятий Урала. В. А. Синилов, представляющий Воткинский завод, заявил о недопустимости причисления всех инженеров и техников к «разряду консерваторов» и выразил сомнение в обоснованности дальнейшей национализации[31].

П. Г. Рябов, представитель служащих Надежинского завода, из национализированного 6 декабря 1917 г. Богословского горнозаводского округа, высказался более резко, отметив, что если рабочие с помощью инженеров и техников еще могут выполнять управленческие функции на уровне цехов и заводов, то «управление горнозаводскими округами не по плечу рабочим и мелким служащим». В подтверждение своих слов П. Г. Рябов заметил: «…все назначенные на первых порах комиссары национализированных предприятий в Богословском горнозаводском округе побежали со своих мест». Знаменателен был вывод П. Г. Рябова: «…пора перестать руководствоваться политическими мотивами и покончить со сословной ненавистью», и логическое развитие этого вывода: сомнение в правильности пункта из проекта Положения о Деловых Советах – включать в состав Деловых советов две трети рабочих и только треть инженеров и техников: ясность тут, по мнению Рябова, должна была принести только практика[32].

Возражая П. Г. Рябову, А. А. Кузьмин высказал тезис, которому еще предстояло прозвучать в 1936–1937 гг.: инженеры и техники «виновны в том, что “слепо” руководствуются техническими нормативами»[32]. В поддержку П. Г. Рябова прозвучало выступление Н. А. Вепринцева от профсоюза техников Златоустовского горнозаводского округа, заявившего, что все проверяется опытом, включая и саму возможность управления рабочими промышленных предприятий. Нельзя отбрасывать капиталистический опыт хозяйствования, культуру буржуазного общества. Служащие, подчернул Н. А. Вепринцев, «это те же пролетарии, а не чуждый нам элемент, как утверждает А. А. Кузьмин»[33]. Близкие к этому мысли высказали А. П. Ларионов (Совет рабочих депутатов Симского горнозаводского округа) и С. К. Ильинский (Совет рабочих депутатов Златоустовского горнозаводского округа); рабочий Никулин с Пермского пушечного завода, однозначно заявивший о неспособности рабочих к самостоятельному управлению. Примечательно было предложение Никулина о необходимости преобладания в составе Деловых советов инженеров и техников[34].

Стенограмма съезда убедительно показывает: большинство выступавших представителей бывших казенных и национализированных предприятий Урала в январе 1918 г. проявили политическую зрелость суждений, в косвенной форме осудив леворадикальные последствия форсированной национализации и стихийной демилитаризации промышленных предприятий. Зная о последующих событиях, документ можно интерпретировать и как предостережение от дальнейшего обострения классовой борьбы.

Материалы съезда не несут сведений о вмешательстве В. Н. Андронникова, иных большевиков в ход обсуждения; обращает на себя внимание и довольно корректный тон дискуссии. Однако Резолюции съезда представителей бывших казенных и национализированных предприятий Урала[35] представляют собой документ, свидетельствующий о наличии в январе 1918 г. практики закулисных договоренностей и негласных решений. В тексте резолюций отсутствовали одиозные леворадикальные требования из доклада А. А. Кузьмина. Тем не менее, согласно инструкции, социальный состав Деловых советов определялся так: 2/3 рабочих и 1/3 служащие, инженеры и техники, что заведомо определяло доминирование малограмотных работников над специалистами. Ход национализации (масштаб, темпы, эффективность) в резолюциях съезда не подвергался сомнению, т. е. фактически получал одобрение съезда. Незамеченным, оставшимся вне обсуждения, остался яркий пример неудачного опыта национализации Богословского горнозаводского округа, приведенный П. Г. Рябовым.

Между тем, судя по признанию Б. В. Дидковского[36], руководящие органы съезда не могли не знать если не всего содержания доклада Делового совета Богословского горнозаводского округа по итогам 1917 г., то, по крайней мере, его основных положений. Доклад характеризовал ситуацию в горнозаводском округе как крайне тяжелую, близкую к катастрофе; демобилизация механических цехов фактически свелась к закрытию снарядного производства, подвела к необходимости увольнения почти трех тысяч его работников[37]. Содержание доклада примечательно по ряду позиций. *Документ опровергает утверждение советской историографии о саботаже предпринимателей-владельцев округа как первопричины национализации.* Долг по зарплате рабочим и служащим оборонных производств округа был вызван неуплатой казной и рядом частных учреждений 8 млн р. за уже поставленную продукцию в рамках госзаказа. В то же время нарушение транспортных и торговых операций привело к скоплению на складах предприятий округа готовой продукции на сумму 22 млн р.[38] Если нарушение торговых операций было связано с национализацией банков, то транспортный коллапс докладная записка Исполнительного бюро Заводского совещания Уральского района напрямую связывала с тем, что железные дороги в последние месяцы 1917 г. перевозили только солдат, возвращавшихся с фронта[39]. Косвенное признание неэффективности национализации заключалось и в выводе авторов докладной записки уральцев: «объявление завода национализированным не меняет существа дела», т. е. экономического положения предприятия[40].

Архивные материалы указывают и на причину «первенства» Богословского горнозаводского округа в процессе национализации. Оторванность округа от губерний и мест, производящих продукты питания; практическое отсутствие крестьян на территории округа; нетипичность (для Урала) рабочих, как правило, не владеющих земельными участками в силу природно-климатических факторов и характера почв[41]; в условиях прекращения подвоза продовольствия обернулись крайне тяжелым положением рабочих и готовностью поддержать леворадикальные требования.

На самом же Первом съезде представителей бывших казенных и национализированных предприятий Урала обобщенные итоги национализации промышленных предприятий специально не обсуждались. Результатом замалчивания стали далекие от реальности выводы, которые вплоть до конца 1980-х гг. прочно вошли в советскую историографию. Так, на-

пример, утверждалось, что национализация Богословского горнозаводского округа стала «эталоном, по образцу которой осуществлялось впоследствии обобществление имущества уральских и других горнопромышленников»[42], а «уральские большевики занимали передовые позиции в стране в процессе национализации»[43]. Аналогичный, и столь же беспочвенный, вывод звучит и в обобщающих трудах по истории советской экономики: «…на Урале раньше и успешнее, чем где то не было, была осуществлена национализация всей горнозаводской промышленности»[44].

Не менее значимым был и экономический блок резолюции съезда представителей бывших казенных и национализированных предприятий Урала: ставка делалась на ликвидацию долговых обязательств предприятий друг перед другом и перед железной дорогой. Намечался (при отсутствии денежных средств) выпуск особых бонов, предназначенных заменить ассигнации[45]. Фактически это был первый шаг к практике «военного коммунизма». Собственного говоря, в этом и заключалось подлинное значение съезда представителей бывших казенных и национализированных предприятий Урала, проходившего в относительно мирный период, при незначительном сопротивлении горнопромышленников, в своей массе не проживающих на Урале. Но не менее важно и другое: насаждение большевизма в социально-экономической практике российской провинции встретило сопротивление здравомыслящей части рабочих и служащих, рождая альтернативные варианты развития.

Замечу, что определенное понимание неэффективности проведенной национализации предприятий округа, зафиксированное в выступлении П. Г. Рябова и его единомышленников, не прошло мимо сознания участников съезда и нашло (к сожалению, с запозданием) отражение в докладе В. Н. Андронникова – комиссара производства областного Совета Уральской области «Состояние уральской промышленности» на Первом Всероссийском съезде Советов народного хозяйства (25 мая – 4 июня 1918 г.). Показателен и комментарий В. И. Ленина весной 1918 г., характеризующий итоги первого этапа национализации. «Сегодня только слепые не видят, что мы больше национализировали, наконфисковывали, набили, наломали, чем успели подсчитать»[46].

Поскольку из национализированных предприятий в России с 15 ноября 1917 г. по 6 марта 1918 г. на Урал приходилось 48 из 81 предприятий, в том числе 42 из 46 горнометаллургических предприятий[47], постольку ленинский тезис о результатах первого этапа национализации более всего был адрессован уральской промышленности. Следствием ухудшающегося положения промышленных предприятий стало снижение, например, показателя промышленного производства в Уральском регионе за первый квартал 1918 г. (относительно мирного времени в крае) на 30 %[48]. Однако это показатель, введенный в научный оборот в 1918 г., судя по данным И. А. Гладкова, только частично указывает подлинную картину падения производства[49].

Логичным было бы предплагать, что материалы уральского съезда, несущие ценную информацию о ходе национализации и демобилизации промышленных предприятий, были изучены и приняты к сведению работниками ВСНХ. Однако – поразительно! – но в материалах Первого Всероссийского съезда Советов народного хозяйства практически нет даже упоминания о планах и, тем более, результатах демобилизации промышленности в регионах России. Между тем, заметным явлением на съезде (в силу масштаба национализации в промышленности Урала) стал доклад В. Н. Андронникова – комиссара производства областного Совета Уральской области «Состояние уральской промышленности», несущий важные сведения о подлинном состоянии национализированных предприятий Урала.

В. Н. Андронников отметил, что национализация горнозаводских округов мало что изменила в положении рабочих. Например, «национализировать-то его (Богословский округ) национализировали, а денег-то на это не дали. Денежных знаков в Богословском округе совсем не было, и рабочим пришлось пережить такой период <…>, когда деньги не выплачивали

совершенно, продовольствия покупать было не на что, и в этом округе в декабре и январе, благодаря нехватке хлеба и денег, вымерла половина детей – развился голодный тиф»[50].

В выступлении еще одного делегата с Урала – Ф. Ф. Сыромолотова – прозвучала еще одна характеристика экономической жизни: «…мы должны сознаться, конечно, что наша финансовая система и банковский аппарат разрушены…». Следствием стал массовый отток рабочих с промышленных предприятий в деревню[51]. В такой ситуации все решения и усилия, направленные на проведение в жизнь общеуральского тарифного договора, соблюдение строгого нормирования труда[52] – сюжеты столь популярные в советской историографии – не имели почвы для реализации.

В. Н. Андронников только затронул тему демобилизации, указав, что там, где была она подготовлена, перестройка производства на мирные рельсы прошла без осложнений. Но такая ситуация сложилась на немногих заводах. Более типичным для военных производств Урала был пример Невьянского снарядного (в тексте – артиллерийского) завода, где все 4 тысячи рабочих получили расчет[53]. Судя по характеру резолюций съезда Советов народного хозяйства, наблюдения, выводы В. Н. Андронников, его содокладчика Ф. Ф. Сыромолотова[54] оказались вне внимания руководства съезда.

Подведем итог: вместо аналитического обобщения результатов национализации и демобилизации в промышленности Советской России Первый Всероссийский съезд Советов народного хозяйств взял курс на дальнейшую национализацию[55], руководствуясь чисто идеологическими мотивами.

Отвергнув (хотя и не без колебаний[56]) возможность конструктивного диалога с руководителями капиталистических трестов по проблемам конверсии; не пожелав использовать действующие структуры и опыт управления сотрудников Особого Совещания и его представительств на местах; передав сложнейшее дело перевода военного производства на гражданские рельсы в руки фабзавкомов, большевистское руководство, фактически, пустило демобилизацию промышленных предприятий на самотек. Стихийный характер демобилизации промышленности, ее разрушительные результаты были очевидны для современников, подталкивая одних к критике непродуманных леворадикальных действий, других – к ускоренной национализации, как панацее решения всех социально-экономических проблем.

Перевод сотрудников Особого Совещания в состав ВСНХ, а его представительств на местах – в областные и губернские СНХ, означал подчинение специалистов неспециалистам, поскольку даже среди руководителей ВСНХ (последовательно меняющих друг друга на посту Председателя ВСНХ, с декабря 1917 г. по май 1918 г. В. В. Оболенского, В. П. Милютина, А. И. Рыкова) высшее образование (юридическое) получил только В. П. Милютин, но и он ни одного дня не проработал по специальности. В такой ситуации попытка советского правительства уйти с орбиты мобилизационной экономики не имела никаких шансов на успех. В сочетании с курсом на широкомасштабную национализацию и отказом от рыночных отношений это означало применение единственного возможного опыта управления – командно-административного. В условиях леворадикального режима такой опыт программировался в экстремальные по форме и содержанию конструкции реализации.

Исходя из слабости и весьма малой степени организованности российской буржуазии, разрозненности и импульсивности ее действий[57], выводу части капиталов за рубеж, национализация крупных промышленных предприятий в первые месяцы 1918 г. не стала прямой причиной начала Гражданской войны в России. Однако усиливая экономический хаос и разруху в стране, национализация подталкивала одну часть населения к готовности поддержать любую власть, гарантирующую «твердый порядок и спокойствие». Другая часть, представленная, прежде всего, маргинальными слоями общества, рассматривала национализацию

как составную часть экспроприации собственности «нетрудовых элементов». Фактическая безбрежность границ указанного социума, отсутствие юридических принципов отчуждения не только становились причиной Гражданской войны в России, но превращались в константу истории советского общества.

Примечания

[1] Первая мировая война : пролог XX века. М., 1998. С. 224–225.

[2] Россия в годы первой мировой войны 1914–1918. М., 1925. С. 70.

[3] Абрамовский А. П., Буданов А. В. Горные округа Южного Урала в 1917–1918 гг. Челябинск, 2008. С. 185.

[4] Коваленко Д. А. Оборонная промышленность Советской России в 1918–1920 гг. М., 1970. С. 100.

[5] См.: Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России. М., 1997. С. 62; Филоненко А. Л. Зарождение советской системы управления промышленности. Магнитогорск, 2001. С. 12, 22–25.

[6] Абрамовский А. П., Буданов А. В. Горные округа Южного Урала… С. 182–183.

[7] Филоненко А. Л. Зарождение советской системы управления промышленности. С. 29.

[8] Там же. С. 30.

[9] Чураков Д. О. Внутрипартийные дискуссии о рабочем самоуправлении : революционный романтизм и первые шаги национал-большевизма // Гражданская война в России. События. Мнения. Оценки. М., 2002. С. 547.

[10] Филоненко А. Л. Зарождение советской системы управления промышленности. С. 69.

[11] Голубцов В. С. Черная металлургия Урала в первые годы советской власти (1917–1923). М., 1975. С. 51.

[12] Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России. С. 57.

[13] Абрамовский А. П. Первая областная конференция фабрично-заводских комитетов Урала // Проблемы социально-экономического и политического развития Урала в 18–20 веках. Челябинск, 1997. С. 4–5.

[14] Венедиктов А. В. Организация социалистической промышленности в СССР. Т. 1. 1917–1920 гг. М., 1957. С. 116.

[15] Адамов В. В. Введение // Национализация промышленности на Урал : сб. док. Свердловск, 1958. С. 23.

[16] Там же. С. 21.

[17] Дробижев В. З. Главный штаб социалистической промышленности (очерки истории ВСНХ. 1917–1932). М., 1966. С. 55, 57.

[18] См.: Баевский Д. А. Очерки по истории хозяйственного строительства периода Гражданской войны. М., 1957. С. 36.

[19] Там же. С. 77–79.

[20] По решению Третьего съезда по управлению казенными и национализированными предприятиями Урала (март 1918 г.) были ликвидированы все старые экономические учреждения, включая Заводское совещание // Адамов В. В. Введение. С. 17.

[21] Венедиктов А. В. Организация социалистической промышленности… С. 116.

[22] Там же. С. 117.

[23] Труды Первого Всероссийского съезда советов народного хозяйства : стеногр. отчет. 25 мая – 4 июня 1918 г. М., 1918. С. 367.

[24] Голубцов В. С. Черная металлургия Урала в первые годы советской власти (1917–1923). М., 1975. С. 50.

[25] Абрамовский А. П., Буданов А. В. Горные округа Южного Урала… С. 186–193.

[26] Гараев Г. Г. Организация и совершенствование системы управления промышленностью Урала. 1917–1925. Томск, 1984. С. 49.

[27] См.: Абрамовский А. П. : 1) Первые социалистические преобразования в промышленности Урала. Челябинск, 1981; 2) Первая областная конференция фабрично-заводских комитетов Урала // Проблемы социально-экономического и политического развития Урала в 18–20 веках. Челябинск, 1997. С. 3–18; Абрамовский А. П., Буданов А. В. Горные округа Южного Урала…
[28] См.: Абрамовский А. П. Первая областная конференция фабрично-заводских комитетов Урала.
[29] ГАСО. Ф. 1-р. Оп. 1. Д. 1-а. Л. 120 об – 122; Д. 230. Л. 48 об.
[30] Автобиография А. А. Кузьмина. См.: Абрамовский А. П., Буданов А. В. Горные округа Южного Урала… С. 266.
[31] ГАСО. Ф. 1-р. Оп. 1. Д. 1-а. Л. 123.
[32] ГАСО. Ф. 1-р. Оп. 1. Д. 1-а. Л. 125 об.
[33] ГАСО. Ф. 1-р. Оп. 1. Д. 1-а. Л. 126.
[34] Там же. Л. 126 об.–127, 130; Д. 230. Л. 3–4; 57.
[35] ГАСО. Ф. 1-р. Оп. 1. Д. 1-а. Л. 132.
[36] Б. В. Дидковский, член исполкома Уральского областного совета рабочих и солдатских депутатов, заявил: «…нигде нет столь острого положения, как в Богословском горнозаводском округе». См.: ГАСО. Ф. 1-р. Оп. 1. Д. 230. Л. 23 об.
[37] ГАСО. Ф. 1-р. Оп. 1. Д. 31. Л. 1–3 об.
[38] Там же. Л. 2; Д. 230. Л. 20 об.
[39] ГАСО. Ф. 1-р. Оп. 1. Д. 1-а. Л. 149.
[40] ГАСО. Ф. 1-р. Оп. 1. Д. 1-а. Л. 70.
[41] ГАСО. Ф. 1-р. Оп. 1. Д. 31. Л. 3.
[42] Тертышный А. Т. Историография Советов Урала в период Октябрьской революции и Гражданской войны (октябрь 1917–1918 г.). Свердловск, 1988. С. 7.
[43] Там же. С. 108.
[44] История социалистической экономики СССР : в 7 т. Т. 1. М., 1976. С. 127.
[45] ГАСО. Ф. 1-р. Оп. 1. Д. 1-а. Л. 132.
[46] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 294.
[47] Баевский Д. А. Рабочий класс в первые годы советской власти (1917–1921 гг.). М., 1974. С. 45.
[48] Труды первого Всероссийского съезда совнархозов. С. 310, 312.
[49] Гладков И. А. Очерки советской экономики. 1917–1920 гг. М., 1956. С. 172.
[50] Труды первого Всероссийского съезда совнархозов. С. 220.
[51] Там же. С. 326.
[52] Абрамовский А. П. Первая областная конференция фабрично-заводских комитетов Урала. С. 14.
[53] Труды Первого Всероссийского съезда советов народного хозяйства. С. 222.
[54] Там же. С. 325–326.
[55] Там же. С. 252–253.
[56] См. например: Филоненко А. Л. Зарождение советской системы управления промышленности. С. 23–28.
[57] О пассивности действий Всероссийского общества фабрикантов и заводчиков осенью 1917 – в первые месяцы 1918 г. См.: Филоненко А. Л. Зарождение советской системы управления промышленности. С. 13–15.

А. А. Фокин

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА ЗА ПРЕДЕЛАМИ НАУКИ: РЕЦЕПЦИЯ ТЕРМИНА В РУНЕТЕ[*]

Одной из главных проблем современного гуманитарного знания является его оторванность от общества. Большинство историков, филологов, философов и т. д. смогут привести немало аргументов в пользу того, что их дисциплина является, чуть ли не краеугольным камнем существования социума и без нее совершенно невозможно обойтись. Но во время общения с людьми, не связанными с наукой, часто можно услышать вопросы о том, чем и, главное, для чего этим надо заниматься. Если естественные и технические дисциплины приносят плоды в виде новой техники, лекарств и т. п., то гуманитарии производят знание, которое невидно, но без которого крайне сложно существовать. Во многом в разрыве между гуманитарным знанием и широкими массами населения виноваты сами исследователи, поскольку они ориентируются на интересы профессионального сообщества и часто считают публичное пространство чем-то запретным. О проблемах, которые возникают в связи с пересечением поля журналистики и поля социальных наук, писал П. Бурдье[1], но затворничество в «башне из слоновой кости» приводит к тому, что на свободном информационном пространстве распускаются антинаучные «цветы зла».

Частично это связано с неформализованным характером языка, который используют гуманитарии, и в частности историки. Известен исторический анекдот, когда Д. Дидро вступил в спор о существовании бога с математиком Л. Эйлером. Когда тот произнес «(a+bn)/n=x, следовательно, Бог существует», Дидро не нашелся, что ответить, и вынужден был ретироваться с дебатов. Великий энциклопедист оказался не готов оперировать специально разработанным математическим языком, при этом любой образованный человек, используя литературный язык, может высказать свое мнение о существовании бога и по многим другим вопросам. Примером из современности может служить феномен «фольк-хистори»[2], когда полки книжных магазинов оказались наводнены разнообразными сочинениями на историческую тему. Люди, которые не получали специализированного образования, начинают писать на любую тему: от происхождения славян и до событий недавнего прошлого. В отличие от академической истории, «фольк-хистори» ориентируется на широкие массы и действует на основании рыночных законов, предлагая продукт, интересный обычному человеку. Это приводит к тому, что именно вненаучные представления начинают распространяться в обществе.

Помимо противостоящих друг другу академической и альтернативной истории можно выделить и представления людей. Для определения образов прошлого, которые существуют в обществе, традиционно используют термин ‘коллективная память’. В последнее время подход к этой категории как к некой монолитной конструкции подвергается серьезной критике. Действительно, с помощью социологических опросов, которые являются одним из главных инструментов выявления коллективных представлений, можно получить некий поверхностный срез, измерить «среднюю температуру по больнице». При этом широкий спектр представлений об историческом процессе в целом и об отдельных его проявлениях совершенно теряется. Можно говорить, что каждый человек понимает историю по-своему, а коллективные представления возникают только тогда, когда их обобщают исследователи.

Основная цель данной статьи заключается в том, чтобы посмотреть на то, как функционирует идея «мобилизационной экономики» вне академического дискурса. В рамках круглого стола на конференции 2009 г. обсуждался вопрос о разнице в подходах к концепту

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.». Государственное соглашение № 14.B37.21.0001.

в современных российских учебниках по истории[3]. Учебники являются важным каналом трансляции знаний, но они создаются представителями исторического сообщества. Поэтому существует такая проблема: как происходит рецепция информации, изложенной в учебных пособиях. Представлять, что интерпретация фактов того или иного автора без искажений усваивается читателями, было бы некорректно и наивно.

Вообще изучение того, как идеи распространяются и конкурируют между собой, очень важно для понимания развития общества и для разработки исследовательских программ. В 1976 г. Р. Докинз предложил использовать термин ‘мем’ как обозначение единицы культурной информации[4]. Используя аналогию с передачей генетической информации в природе, он предположил, что нечто похожее происходит и в культуре. Распространяясь как вертикально, так и горизонтально, мемы, подобно генам, стараются создать как можно больше копий себя. Конкуренция между мемами может приводить или к исчезновению некоторых из них или к трансформациям. Если рассматривать идею «мобилизационной экономики» как мем, то важно проследить, каким «мутациям» он подвергается, оказываясь вне поля социогуманитарных дисциплин.

В качестве источника по изучению того, как используется термин ‘мобилизационная экономика’, выступят ресурсы русскоязычного сегмента Интернета. В последнее время наиболее актуальными являются ресурсы, которые активно используют User-generated content (в дальнейшем UGC). UGC реализуется в различных формах: форумы, блоги, социальные сети и т. д. С точки зрения источниковедения, тексты, порожденные в рамках UGC, следует рассматривать как эго-документы. Бурный рост «всемирной паутины» приводит к ситуации, когда основным производителем контента становится пользователь, что, в свою очередь, разрушает монополию на интерпретацию фактов, которая раньше была у властей или академических структур. UGC предоставляет исследователю неограниченный и постоянно пополняемый банк информации. К сожалению, пока не выработано методов работы с данными источниками в рамках источниковедения, Интернет в значительной степени продолжает восприниматься, прежде всего, как место размещения статичных сайтов, наполненных полезными ссылками, как своеобразная электронная библиотека.

UGC как источник для исторических исследований обладает рядом преимуществ. Огромным плюсом является невысокая трудозатрата при работе с такими источниками. Поскольку они размещены во всемирной сети в открытом доступе, исследователь с минимальными затратами может из любой точки мира обратиться к ним. Он не привязан ни к архивам с их сложной структурой, ни к библиотекам. Развитие поисковых систем играет на руку в работе с UGC, в первом приближении отбор необходимой информации можно осуществлять с помощью поисковых ресурсов. Большинство поисковых систем, например Yandex и Google, имеет специальный поиск по блогам.

Преимуществом UGC является и специфика его создания. Стандартные процедуры получения информации ориентируются на взаимодействие исследователя с реципиентом. Будь это закрытая анкета или длительное устное анкетирование, участник так или иначе испытывает воздействие интервьюера. В UGC такой проблемы нет, пользователь самостоятельно выражает свое понимание истории.

В то же время качественному подходу, как и любому другому интернет-исследованию, свойственны недостатки. Например, это условная анонимность авторов. Многие пользователи скрываются под никами, которые не позволяют идентифицировать их социальный, половой, возрастной статус. Даже когда эта информация присутствует, высока вероятность, что она заведомо искажена. Из этой анонимности следует, что пользователь может публиковать материалы провокационного характера, рассчитанные на резкую реакцию читательской аудитории. Но анонимность позволяет человеку высказывать идеи, которые он, как социальный индивид, вряд ли мог озвучить в открытой беседе.

Вне рамок анализа останутся тексты, которые можно выделить в отдельный сегмент: это всякого рода рефераты, контрольные и курсовые работы. Данная форма является промежуточным звеном между учебно-научной литературой и UGC. Создаваясь в рамках учебных дисциплин, такой контент ориентируется на определения, которые существуют в учебниках и справочниках, но при этом тексты создаются не специалистами и, попадая во «всемирную паутину», начинают циркулировать, подменяя собой исходные материалы. Ведь студенту гораздо проще скачать готовый реферат, чем искать литературу и прилагать усилия на ее осмысление. Таким образом, происходит «мутация» мема, и интерпретация феномена, в частности «мобилизационной экономики», которую сделал один пользователь, распространяется в сети.

Методика анализа заключается в следующем: в двух поисковых системах Yandex и Google задается поиск по словосочетанию ‘мобилизационная экономика’. Полученные результаты разделяются на две группы: 1) широкая выборка, куда попадают все сайты, на которых алгоритм поисковых роботов найдет данные слова, это будут, прежде всего, сайты СМИ, справочная и учебная литература, аналитические материалы и т. п.; 2) узкая выборка, где будут представлены записи в различных блог-платформах.

На момент написания статьи, в июле 2012 г, в рамках широкой выборки поисковик Yandex выдавал 4000 результатов, из них 8 изображений и 2 видео. Результат Google составил уже 9710, из которых 940 изображений и 651 видеофайл. Следует отметить, что эти результаты имеют не стопроцентную точность, особенно в части визуальных материалов, поскольку алгоритмы анализа этого контента еще не совершенны и в выборку попадают ролики, которые напрямую не связаны с «мобилизационной экономикой», но на страницах может упоминаться данный термин.

Что касается узкой выборки, то Yandex в блогах находит 1151 страницу, а Google – 1620. Интересно, что поисковые машины предлагают различные сервисы по уточнению запросов. Например, в Yandex можно дифференцировать запросы по области поиска. Так, можно разделить записи, которые ведутся в обычных блогах, – это платформы livejournal.com, blogs.mail.ru, blogspot.com и т. п. (475 записей); микроблогах – twitter.com (15 записей); на форумах (151 запись). Несовпадение цифр объясняется тем, что сортировка происходит автоматически и некоторые результаты могут попадать по нескольку раз в разные категории. Google позволяет указать хронологические рамки поиска. Он тоже работает не идеально: когда ставишь выборку «показать материалы за последний год», он выдает 1160 результатов, но если указываешь период в месяц, то сумма полученных данных не превысит и 100. Тем не менее, полученные цифры свидетельствуют, что использование термина – не единичный случай.

Один из пользователей социальной сети «Мой мир» создал опрос «России необходима мобилизационная экономика»[5], всего в нем приняло участие 225 человек, Было предложено 11 вариантов ответа, самый популярный из которых оказался «Да» (111 голосов). Второй по популярности ответ – «Не знаю ответа» (50 голосов), третий – «Не понимаю, о чем идет речь» (23 голоса). Третья группа могла бы быть более многочисленной, если бы те, кто не проголосовал, признались, что понятие им незнакомо. Поскольку термин относительно молодой, считается, что в научный оборот он вошел с публикацией книги А. Г. Фонотова[6] и не получил должного распространения даже среди историков и экономистов, это отражается и на высоком проценте людей, для которых он непонятен. В свою очередь, это может свидетельствовать о том, что те, кто использует термин ‘мобилизационная экономика’ в сетевом общении, обладают определенными знаниями.

Основным источником информации о «мобилизационной экономике» являются различные книги и публикации, из которых пользователи часто делают выдержки и которые размещают у себя на страницах. Тиражируемые тексты носят, прежде всего, публицистический характер, и популярность таких материалов во многом объясняется простотой до-

ступа, ибо почти все они размещены в сети. Многие из авторов подобных опусов сами не до конца понимают, что они подразумевают под «мобилизационной экономикой», это своего рода мантра, которая выполняет ритуальную функцию. При этом оценки мобилизационной экономики могут быть диаметрально противоположными. Кто-то из авторов, например В. Красильников, утверждает, что «новая мобилизационная экономика» – это непременное условие спасения страны в будущем военном противостоянии с США[7]. А один из постов в сообществе «anti-stalinizm» представляет собой материал Д. Орешкина «Сталин как дешевка. Хлеб и зрелища», в котором дается такое определение: «Во-первых, народное хозяйство переводится в коридор заведомо неэффективного развития: более толковые и оборотистые операторы уничтожены по соображениям приоритета. Чтоб не обыграли сталинских нукеров. Во-вторых, приходится врать в отчетности, чтобы скрыть нарастающее отставание. Частным проявлением данной необходимости служит перманентная истерика о враждебном окружении и внешних / внутренних врагах, которая (а) оправдывает реальное обнищание и (б) обосновывает необходимость содержать корпорацию государственных рэкетиров. Все это вместе называется “мобилизационная экономика”»[8].

Публикации в блогах можно разделить на две категории: 1) записи, которые делает владелец страницы; 2) различного рода комментарии, которые оставляют под записью. Разница между ними заключается в организации высказывания. Если пост обычно это довольно большой текст, в котором человек излагает свое видение проблемы, при этом зачастую в наукообразной форме, то комментарии, как правило, весьма лаконичны (два-три предложения) и по стилю больше похожи на разговорную речь. При этом ветки обсуждения могут быть весьма обширными.

Исходя из этого, упоминание «мобилизационной экономики» обычно связано с двумя темами: 1) варианты дальнейшего развития России и преодоления различных кризисных явлений; 2) обсуждение советского прошлого и прежде всего сталинского периода.

Примером второго типа может служить высказывание «Рассуждая же ненаучно, по-обывательски, сталинизм есть мобилизационная экономика, жёсткая честная власть и почти военная общенациональная дисциплина, которые в совокупности служат превосходно отлаженным механизмом быстрого и всестороннего общественного прогресса и позитивного воспитания Личности»[9], где происходит прямое увязывание сталинизма и мобилизационной экономики.

Широкой популярностью в сообществе livejournal.com пользуется запись пользователя sl_lopatnikov, которую можно обозначить как «6 тезисов о СССР»[10], многие другие пользователи ЖЖ размещают ее в своих интернет-дневниках. Сам sl_lopatnikov характеризует себя как автора двух монографий и более чем 150 статей в «области физики, акустики, геофизики, математики, физической химии, экономики и десятков публикаций в ведущих советских и российских СМИ в области геополитики, политической аналитики и экономики»[11], а свой журнал как антипропагандистский. Размышляя о развитии Советского Союза, автор отмечает: «Мобилизационная экономика с вытекающими отсюда особенностями – директивным планированием, ориентацией на выпуск продукции оборонного назначения и т. д.» Исходя из контекста всей публикации можно сделать вывод о том, что для него «мобилизационная экономика» – это, прежде всего, экономика подготовки или проведения военного конфликта, после которого, необходимо было избавляться от этого типа экономических отношений. В данном тексте автор, который воспринимается его читателями как лидер общественного мнения, высказывает двойственное восприятие «мобилизационной экономики»: с одной стороны, это был необходимый шаг для развития страны, но с другой – она несла в себе угрозу дальнейшему существованию СССР. Во многом sl_lopatnikov повторяет тезис о временном характере мобилизации ресурсов государства, который можно найти в академических работах[12].

Многие другие пользователи воспринимают «мобилизационную экономику» как некое универсальное лекарство, которое может излечить современную Россию. В своих рассуждениях они исходят из экстраполяции советского прошлого на современные условия: дескать, собравшись, СССР за короткие сроки мог выйти в мировые лидеры индустриального развития. Вот такие комментарии можно найти в ветке обсуждения пользователя domestic-lynx:

zaborov: По сути, вывод из Вашего поста: есть только один, привычный для России выход – мобилизация.

domestic_lynx: Абсолютно! Мобилизационная экономика – это наш единственный шанс. Удастся ли провести её по-умному – зависит от ума руководства и понимания общества.

Otyrba: Действительно, выход из той ситуации, куда завели страну в результате многолетних ошибочных решений и массового предательства, мобилизация. Но он самый очевидный, лежащий на поверхности шаг, который нужно осуществить на этом пути[13].

Или такие комментарии в других интернет-дневниках: «В ближайшие годы проектом должна стать мобилизационная экономика и отказ от потреблядства. Это единственное, что позволит сохранить страну и начать Реконкисту»[14]. «Времени мало – СШАкал готовит мировую войну – каждый боеспособный мужчина должен уметь воевать! Путин – спасение России, военная реформа, мобилизационная экономика, милитаризация промышленности!»[15].

В этих рассуждения можно найти параллель с мыслями А. Фонотова, который указывал на разницу в путях развития между Западом и Россией. По сути, данные пользователи отказывают российской экономике в «мирном» пути. Страна может существовать только в условиях напряжения всех ресурсов, в противном случае – кризис и упадок. Происходит определенная идеализация возможностей мобилизации: «Но вот интересно – бывали времена, когда подобные проблемы не стояли в принципе. Имеется в виду – как теперь ярлык говорит – мобилизационная экономика. У нас и не у нас – она решает проблемы и занятости, и уровня жизни. Да, конечно, при этом появляются ограничения – но принципиальные проблемы – снимаются»[16]. Данное высказывание интересно тем, что пользователь говорит о том, что период действия «мобилизационной экономики» был позитивнее, чем нынешней, хотя по определению механизмы мобилизации связаны с тяжелым положением дел. Также упоминается, что «мобилизационная экономика» является ярлыком; следовательно, пользователь знает, что данное определение содержит коннотации, которые он не разделяет, но за неимением лучшего вынужден пользоваться данным словосочетанием.

Сторонники возвращения к практикам «мобилизационной экономики», в первую очередь, аргументируют это старым тезисом о крепости в окружении врагов. Происходит возврат, причем добровольный, к дискурсу 1930-х гг., когда та же аргументация приводилась для обоснования проводимой политики. При этом конкретных шагов для реализации «мобилизационной экономики» в подобных рассуждениях не приводится, она рассматривается как нечто монолитное, появляющееся сразу и целиком.

Пользователей, которые рассматривают «мобилизационную экономику» как негативное явление, гораздо меньше, и они, как правило, критикуют советскую экономику как неэффективную. Разницу в количестве можно объяснить тем, что данный термин используется в основном представителями левого и имперского дискурса, а в либеральном лагере более употребительны определения ‘плановая экономика’ и ‘тоталитарное общество’. Говоря о мобилизации, они имеют в виду тоталитарный характер государства, которое может использовать в своих интересах все ресурсы. «Именно неспособность провести либеральные реформы порождало фашизм. Вместо того чтобы заняться экономикой, достатком своих граждан, руководители Германии и СССР увлеклись борьбой за власть, зачисткой оппозиции, фашизацией своего населения. Мобилизационная экономика есть признак фашистского режима»[17]; «Но – сталинщина, шарашки, “мобилизационная” экономика (правда, в духе времени сдобренная вариациями на тему необходимости использованного и Сталиным

“кнута и пряника” в виде доппайка отличившимся)? И это в 21 веке? Ничего другого страна не заслуживает?»[18]; «Мобилизационная экономика, присущая коммунистическому строю, стала необходимой в условиях нищеты, созданной этим же строем. Без социалистических экспериментов 1918–1921 и 1929–1933 гг. страна к 1941 г. была бы примерно в 4 раза богаче»[19]; «Заодно пытаясь на полном серьёзе постараться объяснить, что мобилизационная экономика при Сталине была суровейшей необходимостью и выбора никакого не было, не смотря на ахи и вздохи ваших бабушек и дедушек. *Рузвельд* тоже устроил у себя трудовые лагеря и мобилизационную экономику с 95 % налогом. Но, я лично, предпочла бы работать в американских лагерях за еду, чем в Гулаге. Это – большая разница. Одно дело “производственная необходимость”, а другое “конкретные формы ее воплощения”. А уж какую распрекрасную у себя мобилизационную экономику фашисты устроили, это и *сталину* не снилось»[20].

Все это показывает, что ‘мобилизационная экономика’ представляет собой термин, который вышел за рамки академического сообщества, но еще не имеет четких границ. UGC предлагает канал трансляции идей от исследователей до пользователей сети. Так, в рамках работы над данной статьей было обнаружено, что в проекте Википедия нет статьи ‘мобилизационная экономика’. Не ограничившись только теоретическими изысканиями, я решил дополнить свой текст практической частью и создал такую страницу[21]. Возвращаясь к тому, с чего начиналась статья, а именно к необходимости преодоления разрыва между обществом и учеными, призываю каждого поучаствовать в работе над этой статьей. Значение Википедии в современных условиях сложно переоценить: входя в десятку самых посещаемых сайтов, она является основным источником информации для миллионов людей. Несмотря на все ее недостатки, ни одна монография или научная статья сейчас не может сравниться по влиянию с этой электронной энциклопедией. Поэтому участие специалистов, а не снисходительное пренебрежение, поможет сделать проект лучше. Термин ‘мобилизационная экономика’ благодаря Википедии получит дополнительный канал распространения, а пользователи смогут составить корректное представление о данном явлении. Вместо случайных мутаций мема лучше заняться его селекцией.

Примечания

[1] Бурдье П. О телевидении и журналистике. М., 2002.

[2] Володихин Д. Феномен фольк-хистори // Отечеств. история. 2000. № 4.

[3] Гришина Н. В., Кузнецов В. М. Концепт «мобилизационная экономика» в современных российских учебниках по отечественной истории // Мобилизационная модель экономики : исторический опыт России XX века : сб. материалов Всерос. науч. конф. (Челябинск, 28–29 нояб. 2009 г.). Челябинск, 2009. С. 561–568.

[4] Докинз Р. Эгоистичный ген. М., 1993.

[5] http://blogs.mail.ru/inbox/megapinion/jpolls?results=1&PollID=46D664D06D9AC712.

[6] Фонотов А. Г. Россия : от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993.

[7] http://blogs.mail.ru/mail/danwld3/7672FEC771DFD427.html.

[8] http://anti-stalinizm.livejournal.com/6328.html (в цитатах сохраняется авторская орфография и пунктуация).

[9] http://vk.com/note135792141_11310644.

[10] http://sl-lopatnikov.livejournal.com/613419.html.

[11] http://sl-lopatnikov.livejournal.com/profile.

[12] Седов В. В. Мобилизационная экономика : от практики к теории // Мобилизационная модель экономики…

[13] http://domestic-lynx.livejournal.com/61187.html?thread=3034371#t3034371.

[14] http://anisiya-12.livejournal.com/255749.html?thread=5015557#t5015557.

[15] http://maxim-cunctator.livejournal.com/34358.html?thread=131382.
[16] http://zorins.livejournal.com/2788.html?thread=1407460#t1407460.
[17] http://vgil.livejournal.com/843953.html?thread=5445553.
[18] http://my.mail.ru/community/slaviane-.ru/F8D54A88ADCA2FA.html?thread=1C5D71CF1AE92AC6.
[19] http://crazycat-meyr.livejournal.com/197094.html.
[20] http://nikadubrovsky.livejournal.com/691775.html?thread=11019071.
[21] http://ru.wikipedia.org/wiki/Мобилизационная_экономика.

Б. М. Шпотов

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УСКОРЕНИЯ И ТОРМОЖЕНИЯ В ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СССР

При управлении переменами возникают синергические, ускоряющие эффекты – в результате соединения, интеграции, слияния отдельных его частей, которые усиливают друг друга в единой системе, или реакции торможения различной силы. Последние называются уравновешивающими обратными связями, возвратными процессами, консервативными тенденциями, для выявления, преодоления и профилактики которых консультанты бизнеса выработали методические рекомендации[1]. Такие явления встречаются как в экономике, так и в политических преобразованиях.

В практике советского управления экономикой в 1930-е гг. проявлялись различные нарушения решений центра или уклонение от них как определенная релаксация и «уравновешивание» напряженных плановых заданий[2]. Важным фактором ускоренной индустриализации стала оплаченная государством техническая помощь (technical assistance) зарубежных компаний в проектировании, строительстве и пуске передовых предприятий. Ее получение было необходимо, но не сразу давало ожидаемый эффект. Новые для СССР технологии и техника приживались с трудом, на местах их часто игнорировали вопреки директивам сверху[3]. В отечественной историографии эти факты еще не получили должного освещения.

Зарубежные технологии в отечественной индустриализации: «ускользающее» понятие?

Если об иностранных концессиях периода нэпа и ленд-лизовских поставках в годы Великой Отечественной войны советские историки писали, хотя и весьма скупо, в период «холодной войны», то о технической помощи западных промышленных и инженерно-конструкторских фирм Советскому Союзу не упоминали по идеологическим мотивам. Успех индустриализации объяснялся мобилизацией внутренних ресурсов и трудовым героизмом масс, руководимых партией большевиков, хотя о сотрудничестве с компанией Форда, «Дженерал Электрик» и многими другими крупными и средними фирмами США и Западной Европы сообщала советская печать конца 1920-х – начала 1930-х гг. Освещалось оно и за рубежом. Догматические представления о малой значимости экономических и научно-технических связей с Западом, в частности, с Соединенными Штатами, начали пересматриваться с 1990-х гг., когда отставание России в глобализируемой мировой экономике стало очевидным[4]. Были изданы тома архивных документов[5]. Но и традиционная точка зрения об изоляции СССР и проведении индустриализации «собственными силами» показала свою устойчивость[6].

В теоретических работах, посвященных модернизации по-советски и «догоняющей» модели развития, о происхождении промышленных гигантов первых пятилеток говорится уклончиво – что они «появились», «были созданы», «вошли в строй», а индустриализация

проводилась за счет перераспределения ресурсов, внутренних займов, принесения в жертву интересов миллионов крестьян и подневольного труда тысяч заключенных. Также сообщается о покупках за рубежом необходимой техники и оборудования путем усиления экспорта хлеба, леса, различного сырья, золота и художественных ценностей.

Все это так, но можно ли было импортом готовой продукции обеспечить потребности советского народного хозяйства на перспективу, да и вообще проводить «догоняющую» модернизацию без знания и апробации зарубежного опыта? Собственные источники капиталов, сырья и рабочей силы были, конечно, важны, но чем объяснить почти одновременное появление в начале первой пятилетки во всех ключевых отраслях принципиально новых для СССР технологий и ноу-хау? Имелись ли в стране возможности, настолько превосходившие НИОКР крупнейших капиталистических фирм, чтобы в считанные годы или месяцы самостоятельно разработать и внедрить «свои» сборочные конвейеры, начать массовый выпуск «своих» (оригинальных конструкций?) автомобилей, тракторов, электроприборов, создать новейшие образцы доменных печей и прокатных станов и изготовить проекты соответствующих предприятий? Одни авторы придерживаются тезиса о враждебном капиталистическом окружении, другие берут за основу установку В. И. Ленина на использование материальных достижений капитализма в интересах социализма. История индустриализации дает богатый материал для находок и размышлений.

Советские проектировщики и строители могли построить новые заводы, используя отечественный опыт, но руководство страны пересматривало задания в сторону ускорения работ и увеличения в несколько раз их производительности. Отклонив уже выполненные проекты – например, Сталинградского тракторного завода и Магнитогорского металлургического комбината, оно тем самым инициировало обращение к зарубежным фирмам. Есть все основания считать индустриализацию СССР и грандиозным процессом мобилизации внутренних ресурсов, и одним из самых масштабных технико-технологических трансфертов XX столетия. Специальные исследования показали, что мобилизационная экономика и опора на собственные силы не помешала СССР стать участником мировых хозяйственных связей[7], а они, как известно, выражаются в перемещении технологий, товаров, капиталов и рабочей силы. «Мобилизация» коснулась и их. Едва придя к власти, советское правительство стало активно добиваться не только дипломатического признания, но и взаимовыгодного экономического сотрудничества, и эти усилия приносили плоды.

В Советском Союзе имела место не самоизоляция, а прагматичная политика заимствования всего полезного для индустриализации, включая теорию и практику научной организации труда («тейлоризм», «фордизм»), наем иностранных специалистов и квалифицированных рабочих по трудовым контрактам, и зарубежные стажировки сотен советских инженеров, техников и рабочих – под строгим, конечно, контролем государства. Следуя сталинской линии, А. И. Микоян на XV съезде ВКП (б) в декабре 1927 г. заявил о необходимости замены не оправдавших себя концессий технической помощью – покупкой чертежей, патентов, технических консультаций. «Мы скупиться и экономить на этом деле не должны. То, что уже известно и опытом проверено за границей, нам нечего вновь выдумывать, тратя громадные материальные и интеллектуальные силы»[8].

Для создания новых заводов требовались ноу-хау в виде патентов, лицензий, проектной и технической документации. Материальные импортные товары отражались в статистике внешней торговли и измерялись в физических или стоимостных показателях, а плата за технологии и проекты включались в сметы реализации техпомощи по конкретным объектам, и эти неучтенные в статьях импорта расходы могли показаться несуществующими. Русские, писал в 1930 г. влиятельный американский журнал «Nation's Business», берут у нас не то, что мы производим, а наши знания и умения, и на этом основана их пятилетка[9]. Конечно, «брать» и «доставать» то, что отсутствовало в СССР, означало не только оплачивать заказы

в валюте, лишая страну части сырья и золотого запаса, но и работать в обстановке тотального дефицита снабжения. Перевод народного хозяйства на собственную основу должен был состояться не в начале, а в итоге процесса создания отечественного промышленного потенциала, ставшего вторым по величине после американского.

После Рапалльского договора 1922 г. с Германией восстановилась ее позиция основного экономического партнера России, включая оказание технической помощи, но интерес советских политических и хозяйственных руководителей к достижениям американской индустрии был совершенно особым. Такой мощной промышленности не имели даже Германия и Великобритания. Массовое производство и скоростное строительство стали «визитной карточкой» заокеанского бизнеса. В СССР все чаще приезжали американские журналисты и бизнесмены, в США – советские хозяйственные руководители, инженеры и рабочие для изучения производства и практического обучения. Готовность Советского Союза установить связи с американскими компаниями отвечала их целям экономической экспансии. Заводы-гиганты редко строились в Европе из-за нехватки капиталов, отставания системы управления и меньших, чем у США, источников сырья и рынков сбыта. Другие экономические партнеры царской России – Бельгия, Франция, Швейцария, Швеция – представляли для большевиков меньший интерес, ограниченный спросом на отдельные технические достижения, в которых преуспели их фирмы.

Наибольший интерес советских инженеров и «красных директоров» вызывали определявшие технический прогресс машиностроительные, автомобильные, тракторные, нефтеперерабатывающие, химические заводы и проектно-строительные компании США – с точки зрения масштабов и организации производства, техники и технологии, количества и качества продукции, словом, того, что планировалось соединить с «преимуществами социализма». Считалось бесспорным, что если техника работает на капиталистов, она еще лучше будет служить трудящимся. Если концессии содержали чуждый социализму капиталистический элемент, то станки и машины, а также навыки и умения ими пользоваться, можно получать без всяких ограничений. «Буржуазные» стороны бизнеса – реклама, маркетинг, акции и биржи, кредиты и банки – интереса не вызывали. Поскольку при социализме нет рыночной стихии, экономических кризисов, частного присвоения прибылей (так называли в СССР выплату дивидендов), безработицы и забастовок, то высокопроизводительные предприятия американского типа должны были быстро поднять экономику советской страны на небывалую высоту.

В годы «Великой депрессии» экономические связи США и СССР, основанные на валютной платежеспособности Союза, значительно ослабли – импорт ряда советских товаров, произведенных, по американским сведениям, трудом политзаключенных и ссыльных, запрещался таможенными правилами 1930 г. (отменены в 1934 г.), а поставки в кредит, которых настойчиво добивался СССР, не удавались. Это отклонило «маятник» внешней торговли в сторону Германии и других стран Европы, а в конце 1930-х гг. опять к США, где появилась новая продукция, важная как для гражданского, так и военного сектора – дальняя авиация, высокооктановый бензин, радиоэлектроника различного назначения и телевещание.

Бывший руководитель «Амторга»[10], экономист и инженер П. А. Богданов писал в «Правде» от 20 июня 1935 г., что «десятки комиссий и сотни инженеров, побывавших в США, говорили: осмотрев европейские предприятия, мы, однако, только в Америке нашли то, что сможет быть действительно наилучшим образом применено в Советском Союзе... Американцы имеют сложившиеся навыки, позволяющие быстро находить наиболее целесообразное и простое решение; к их услугам – ценнейшие архивы чертежей, лаборатории, научно-исследовательские институты, тесно связанные с промышленностью». Методы их работы – широкая специализация, механизация, стандартизация, поточное производство, конвейеры, специальные станки и автоматы. «Эти методы могут и должны быть восприняты нами. Но у нас для этого еще не хватает инженеров вообще, а опытных инженеров в особенности»[11].

Впечатления Богданова и советских командировочных относятся к сфере производства, но это далеко не всё. Необходимо сказать несколько слов и об эффектах синергии и торможения, которые появлялись в частных фирмах.

Синергия и торможение в компаниях США

Промышленность Америки и других стран с рыночной экономикой развивалась органично и последовательно. Интеграция взаимосвязанных звеньев – производства, сбыта, иногда источников сырья, установление бесперебойных связей с поставщиками – при централизованном управлении снижали трансакционные издержки, неизбежные в те времена, когда эти функции осуществлялись разными владельцами. Так появилась возможность расширять производство. Координация и синхронизация всех действий в едином исполнительном механизме фирмы давала эффект синергии. Он воплощался в развертывании массового производства и сбыта за счет максимального ускорения всех операций, насколько это было возможно технически, снижении себестоимости (эффект масштаба) и расширении рынков сбыта путем ценовой конкуренции. Методами слияния и поглощения создавались холдинги, управлявшие несколькими дополняющими друг друга фирмами, в число которых могли войти банки, добывающие и транспортные компании. Так развивался в США «большой бизнес» индустриальной эпохи.

Основанная в 1903 г. компания Форда дала классический пример эффективного роста и развития на протяжении первых 20 лет. Построив небольшой, кустарно оборудованный сборочный завод, покупавший автодетали и комплектующие, она выросла в крупную компанию с центральным заводом полного цикла, филиальными сборочными заводами в ряде штатов и за рубежом и сбытом фирменной продукции через дилерскую сеть. Эффект синергии дали простота конструкции и эксплуатации массового автомобиля, реинвестирование прибылей в производство, поточно-конвейерный метод выпуска и снижение цен по мере расширения производства и спроса. Освоение конвейера происходило поэтапно, экспериментальным путем и заняло четыре года (1913–1917), а все решения по бизнесу принимало руководство компании. Эффекта торможения при синхронизации производства и сбыта не возникало, пока он не появился в середине 1920-х гг. вследствие стратегических просчетов самоуверенного «автомобильного короля»[12].

Генри Форд непрерывно наращивал выпуск моделей «Т» образца 1908 г., которые принесли ему славу и успех, ежегодно снижая цены и доведя его почти до 10 тыс. единиц в день (!), как собранных, так и разобранных для перевозки и сборки на местах, но игнорировал падение на них покупательского спроса и конкуренцию других марок. Создалось резкое торможение на участке сбыта, так что пришлось остановить и полностью переоборудовать производство, настроенное на выпуск устаревшей модели, чтобы поставить на поток другую, затем следующую модель. Помимо громадных затрат на замену станочного парка, компания уступила абсолютное первенство корпорации «Дженерал Моторс», которая объединяла несколько фирм. К середине 1920-х гг. она выработала гибкую стратегию выпуска различных марок автомобилей и частой смены моделей.

Ее развитие на начальном этапе тормозилось авантюристической политикой скупки активов разных автопроизводителей, чтобы путем финансовых комбинаций создать альянс и захватить большую долю рынка. На совершенствование производства не оставалось средств. Корпорация брала займы в банках и увязла в долгах, пока не перешла под временный контроль оплатившего их химического концерна «Дюпон де Немур». Смена руководства и реформирование менеджмента позволили преодолеть тормозящие факторы и вдохнуть новую жизнь в объединенную фирму, ставшую, во многом благодаря этому изначальному преимуществу, лидером американского автостроения.

Легко заметить важнейшую особенность тормозящего эффекта: он возрастал пропорционально усилиям по продвижению той или иной идеи, реформы или стратегии. Отрицатель-

но реагировать могло не только внешнее окружение – потребительский рынок или банки. Протест вызывали радикальные перемены, не популярные в фирме – такие, как изменение стиля работы, реструктуризация, сокращение штатов. Осложнения возникали и в мультинациональных компаниях вследствие культурных различий работников[13].

Чем трудно было управлять на стройках социализма?

Как совмещались в СССР свои традиции производства, мобилизация ресурсов и технико-технологический трансферт? Какие эффекты синергии или торможения могли возникнуть при реализации сталинской установки – за десять лет пробежать тот путь, который у капиталистического мира занял полтора столетия без мобилизационной программы? Исходя из использования передовых зарубежных технологий как испытанного во многих странах фактора модернизации экономики, обозначим основные обязанности фирмы, заключившей договор техпомощи, и советской организации-заказчика.

Иностранная фирма выполняла следующие задания:

- разрабатывала детальный строительный и технологический проект с указанием всего необходимого оборудования;
- передавала советскому заказчику свой производственный опыт в виде патентов, производственных секретов, приемов и т. д.;
- присылала своих лучших специалистов для непосредственного руководства строительством предприятия и монтажом оборудования;
- предоставляла возможность советским специалистам, инженерам и рабочим изучить на своих заводах организацию и процесс производства.

Советская сторона давала оценку выполняемым проектам, вносила коррективы и возмещала фирме ее расходы по выполнению задания, включая стоимость передаваемых в собственность СССР патентов и лицензий, макетов, чертежей, спецификаций оборудования, компенсировала командировочные расходы ее сотрудников, приезжавших для технического надзора и консультирования, и выплачивала фирме вознаграждение, которое являлось ее прибылью. Это определенный процент от сметной стоимости работ, но чаще – согласованная твердая сумма. Фирма не инвестировала свой капитал и не участвовала в управлении предприятием. Ее обязанности заканчивались при пуске объекта. От обычного подряда как исполнения заказов на стороне договоры техпомощи отличались передачей исполнителем своих патентов и секретов в собственность заказчика и обучением части его инженеров и рабочих.

«Передача и обучение» были наиболее сложными аспектами технической помощи. Если компании в США ею не пользовались, то при поступлении ее в СССР нельзя было обойтись без адаптации и кросс-культурного взаимодействия. Как утверждали юристы Всесоюзного автотракторного объединения (ВАТО), приходилось идти на большие уступки инофирмам из-за различий в методах проектирования и создания новых предприятий в СССР и за рубежом, где не знали советских условий строительства и производства. Лучше, доказывали они, проектировать своими силами, исходя из наличных условий, а за рубеж посылать стажеров изучать новую технику[14]. Чиновников смущали, конечно, и большие расходы на приглашение иностранных специалистов, особенно американских, так что результатам «инопомощи» уделялось особое внимание. Советским организациям приходилось содержать за границей свои технические бюро, изучавшие работу конкретных фирм и заводившие с ними контакты.

Зарубежные компании не рисковали своими капиталами и не решали сложных и незнакомых задач. Для проектирования советских предприятий они использовали собственный опыт и наработки. Риски заключались в возникновении принципиальных разногласий с советской стороной. По советским данным, из 170 договоров техпомощи в тяжелой промышленности, заключенных в 1923–1933 гг., 37 (21 %) были досрочно расторгнуты по разным причинам, и государство экономило на этом валюту. Советские заказчики вели себя не как робкие ученики, а как самые требовательные клиенты. Но итоговая оценка роли техпомощи

в различных ее формах в конце 1933 г. была положительной, и руководство ряда крупнейших предприятий подверглось критике за невнимание к ней и ее иностранным участникам. Ряд зарубежных специалистов получил советские государственные награды[15].

Если при капитализме рост предприятий происходил в определенной последовательности, от малых к средним и крупным, за счет добавления функциональных отделов, то в СССР все происходило наоборот. Вначале строили, по зарубежным проектам, самые современные заводы, вводили новые технологии и нормативы – себестоимость продукции, скорость работы, производительность труда и др., а уже к ним «подтягивали» снабжение и другие факторы производства, что оказалось труднее всего. Установка и пуск конвейера у Форда заняла 4 года, чтобы опытным путем, не останавливая производства, отладить сборку и обеспечить бесперебойную работу завода поставкой нужного объема сырья и материалов. В советских условиях эту медлительность расценили бы как саботаж, но достичь необходимого уровня снабжения одновременно с пуском предприятия или вскоре после него не удавалось. От скоростных темпов возведения заводов-гигантов отставали как их материальное снабжение, так и сфера жизнеобеспечения.

Так появились эффекты торможения. Они выражались в следующем:

- попытках переделывать американские проекты, отстаивать традиционные инженерные решения, игнорируя перспективы развития;
- контрафактном копировании станочного оборудования, машин и механизмов (например, подделка тракторов «Фордзон» под маркой «Красный Путиловец»), которые работали плохо в силу незнания секретов их изготовления;
- недооценке зарубежного опыта, конфликтах и спорах с иностранными специалистами;
- снижение производственных заданий после пуска завода, корректировка планов от жестких годовых к «ситуационным» – поквартальным и помесячным.

Приведем пример. 2-й (Московский) автосборочный завод, пущенный в ноябре 1930 г., являлся подобием одного из фордовских сборочных заводов. Он имел фирменное оборудование и предназначался для выпуска советских «Фордов» из присылаемых из Америки комплектующих. Прямой показатель его эффективности – загрузка оборудования – колебался по кварталам и определялся отношением фактической сборки автомобилей к проектной, рассчитанной на 100%-е использование производственного потенциала завода. В среднем за отчетный 1931 г. завод работал на 56 % мощности.

Чтобы не выработать месячный запас импортных деталей за две-три недели, после чего останавливать производство, приходилось «растягивать» запасы. Неполная загрузка оборудования не позволяла проверить соответствие запроектированного в США технологического процесса советским условиям. Нельзя было дать надлежащую оценку качеству импортного оборудования и инструмента, выявить узкие места, которые определяли пропускную способность завода в целом, наладить производство по всем правилам, рационально использовать рабочую силу, а главное, снизить себестоимость работ.

Зависимость от импорта авточастей создавала резкие колебания в производственной программе завода. В феврале 1931 г. он простаивал из-за отсутствия деталей для сборки, а на август получил задание собрать 3 тыс. грузовиков для перевозки урожая, из-за чего в 3-м квартале коэффициент использования оборудования вырос. Зато в сентябре потребовалось втрое меньше машин. На 4-й квартал валютный лимит для закупок авточастей сокращался трижды, и с 4 млн р. упал до 1,5 млн, из-за чего программа на ноябрь пересматривалась четыре раза. В течение года валютные ассигнования и программа работы завода менялась «десятки раз», и «приспособить полностью снабжение к таким скачкам совершенно невозможно». Создавались избыточные запасы одних материалов при нехватке других. Заводская администрация пришла к выводу, что «работа по снабжению (как и вся работа завода) в течении 1931 г. по существу протекала без всякого плана»[16]. Режим работы не отвечал фор-

довскому принципу непрерывной подачи сырья и материалов и безостановочного выхода готовой продукции.

План по рабочей силе был в целом недовыполнен из-за простоя части оборудования, но из-за неопределенности с поставками приходилось нанимать дополнительных рабочих, получавших деньги ни за что. Зато по количеству служащих план перевыполнили – 126 %. Из-за перехода с односменной на двухсменную работу возросла численность инженерно-технических работников, учетчиков и бухгалтеров. Квалифицированных служащих не хватало, и это приходилось восполнять количественно. На фордовских заводах был минимум служащих, а учет, например, количества заготовок, поданных в цех, происходил очень просто: мастер снимал с контейнера, где всегда лежало определенное их количество, стандартную бирку и клал в карман.

На Московском сборочном заводе ввели, как и во многих отраслях советской промышленности, сдельную оплату труда, что шло вразрез с принципами Форда. Он считал, что сдельщина заставляет рабочих торопиться и снижать качество, а при конвейерном производстве требуется равномерный и ритмичный труд, для чего нужна достаточно высокая повременная плата. Фордовский менеджер Б. Копф, побывав на этом заводе, отметил, что такая система разрывает синхронность операций: группы, монтирующие рамы и оси, могут работать быстрее других, и заваливают ими завод. Те же, кто делает последующие операции, не поспевают за ними. Качество продукции он назвал «ужасным», но поскольку завод работает на государство, его персоналу не о чем беспокоиться[17].

Инженер компании Форда Н. Чавр (Chavre), работавший консультантом отдела технического контроля ГАЗ, сообщил в конце 1932 г. американскому консулу в Риге перед отъездом в США, что «Автострой», полностью перенявший фордовский метод, не обеспечил изначально предусмотренной производительности в 1200 грузовиков в день. План на первые два года был понижен до 500 грузовиков в день, но их фактическая дневная выработка составляла в среднем 75, из которых на ходу было всего 30. Неукомплектованные машины накапливались на заводском дворе, а когда двор переполнялся, их эвакуировали на 1-й сборочный завод, расположенный в шести милях, где они простаивали до получения необходимых деталей.

Инженер назвал основные причины невыполнения плана: это плохая работа транспорта, снабжавшего завод, и несоответствие комплектующих, присылаемых другими заводами, фордовским нормативам. Большая часть стального проката поступала из Германии и Англии, но та, что поставлялась советскими заводами, была низкого качества, «иногда абсолютно непригодной». В феврале 1933 г. ситуация на ГАЗе изменилась мало. По свидетельству американского инженера Х. Вольфсона, автомашины, которым не хватало тех или иных деталей, больше не загромождали заводской двор, а оставались на главном конвейере. Вместо 60–70 грузовиков в день – а столько удавалось выпускать осенью 1932 г., завод стал давать по 30–35 единиц. Автомашины стояли на конвейере до полной комплектации, и вместе с ними простаивал весь завод. Советская промышленность, отмечал далее инженер, не могла изготовить новое оборудование взамен изношенного, и его приходилось импортировать каждый год, чтобы завод вообще работал. Невозможность получения исходных материалов – результат общего положения дел в тяжелой индустрии[18].

Однако советские автозаводы неудовлетворительно работали не только первые месяцы, но и годы после пуска, и не будь в 1934 г. расторжения, по советской инициативе, договора с компанией Форда, ее инженеры могли бы помогать осваивать новое оборудование по меньшей мере еще три года. Причина разрыва – нехватка валюты.

На Сталинградском тракторном заводе (СТЗ), пущенном в июне 1930 г., отсутствие некоторых механических приспособлений и мелких деталей оборачивалось колоссальными потерями. В конце ноября газета «За Индустриализацию» писала: «Системы не было… Все строилось на стихийности. Завод жил случайностями текущей минуты». Одних деталей накапливались

горы, других не хватало. Дефицитные части приходили с опозданием, и «чтобы установить их, надо было прилагать в сотни раз больше сил, времени и энергии... Каждая такая машина, по далеко не полным подсчетам бухгалтерии, обходилась не в две с половиной "ориентировочных" тысячи рублей, а в шестьдесят пять – семьдесят пять тысяч плюс неоплачиваемая никакими тысячами потеря времени, плюс поломанное оборудование...». Ликвидация одних узких мест порождала десятки других. Если в июле 1930 г. надо было дать 35 тракторов – дали 3; в августе вместо 420 дали 10; в сентябре вместо 2100 машин – 35[19].

Через четыре месяца после торжественного пуска СТЗ возникла угроза остановки завода. 5 октября 1930 г. было выпущено 8 тракторов, 6 – четыре, 7 октября, к середине дня, – ни одного. Из 166 заказанных в США механосборочных приспособлений получено было 109. Но и без мелких деталей трактор не пойдет! Стоят 14 спущенных с конвейера новеньких машин, на которых не хватает всего четырех (!) деталей, не изготовленных по вине СТЗ. Завод «Красный Гвоздильщик» не сумел за год освоить производство нужных болтов. В начале 1931 г. газеты сообщали все ту же печальную статистику: после выпуска 25 января 55 тракторов кривая производства вновь резко упала. 27 января завод дал 42 машины, 28 – 30 штук, 29 – 11, 30 января – ни одной, зато в последний день месяца – 66: рекордная цифра выработки со времени пуска завода, и явно за счет «довинчивания гаек» на почти собранных машинах. Январский план 1931 г. СТЗ выполнил на 78,4 %, собрав в общей сложности 706 тракторов вместо 900. А в феврале предстояло дать 1150 машин[20].

В августе 1931 г. проверочная комиссия из Москвы нашла одно из узких мест завода: это плохие контрольно-измерительные приборы и станкоинструментальное оборудование. При сборке на конвейере тракторных двигателей с резьбовыми соединениями требовалось 80 % подгонки. Если разобрать на части 10 тракторов и смешать их однородные детали, то при новой сборке без подгонки и подборки с трудом удается собрать 2–3 машины[21]. Положение на СТЗ удалось выправить лишь к маю 1932 г., через год после приезда туда председателя ВСНХ СССР Г. К. Орджоникидзе, взявшего ситуацию на контроль. Кадровые перестановки, координация действий с заводами-смежниками, обучение рабочих позволили высвободить американских и других иностранных мастеров и достичь проектной мощности. После 20 апреля 1932 г. с конвейера стало сходить более 140 тракторов в сутки.

«Узкие места» имелись не только на заводах. Это и перебои с получением зарубежных или отечественных комплектующих, и малая скорость доставки. Так, газета «За Индустриализацию» от 11 апреля 1930 г. сообщала, что перевозка автокомплектов по морю из Нью-Йорка в незамерзающий порт Мурманск занимала 21 день, разгрузка парохода – до трех недель, и по железной дороге в Нижний Новгород – еще 40(!) дней. Итого – около 80 дней или свыше 2,5 месяцев. Плохое снабжение строительства Магнитогорского металлургического комбината во многом объяснялось малой пропускной способностью железнодорожной ветки.

Почему «великие стройки социализма» 1930-х гг. обходились гораздо дороже и требовали больше работников, чем сооружение аналогичных объектов на Западе? Откуда высокие издержки? Трудовая дисциплина была низкой, текучесть рабочей силы – высокой, вследствие чего приходилось нанимать и обучать дополнительных рабочих. Импортную технику использовали неумело, она часто ломалась и простаивала, а дефицит вынуждал производить необходимые материалы прямо на стройке, «хозяйственным способом», что требовало дополнительных затрат. Установился обычай сдавать объекты к праздничным датам досрочно, а значит, с недоделками, которые приходилось устранять позже, что и стоило дороже, и задерживало пуск предприятия на проектную мощность. Имели место прямые потери и порча материалов и техники от небрежного хранения вследствие экономии на складских помещениях, потери рабочего времени вследствие плохо налаженного снабжения. И, конечно, переплата за отсталость из-за перехода на новые стройматериалы – железобетонные

и стальные конструкции. Первые стоили в СССР в 6–8 раз дороже, чем в США, вторые в 3,5–3,7 раза[22]. Новое боролось со старым, и лишь годы спустя ситуация выравнивалась.

В принципе и капиталистическое, и социалистическое предприятие могли работать одинаково успешно при наличии кругооборота поставок и сбыта. Однако советскую индустрию в период ее становления отличала междуведомственная разобщенность и организационная неразбериха. Даже крупный завод, находясь в низу иерархической вертикали управления с «высшим менеджментом» в лице Госплана, не мог самостоятельно договариваться с поставщиками и продавать продукцию на рынке, а форсированное индустриальное строительство отодвигало задачу «подтягивания тылов».

Без новейшей техники завод не мог бы работать. Но она не решала проблему поставок, даже наоборот, увеличивала спрос на сырье, материалы, электроэнергию, поставщики которых не всегда были к этому готовы. Крупные объекты индустриализации строили быстро, подчас быстрее, чем в США, а запустить их на проектную мощность удавалось не раньше, чем через 2–3 года[23]. Это сказывалось на темпах индустриализации.

В США советские специалисты восхищались американскими методами, но на родине чувствовали себя хозяевами, а не учениками. Приглашенные специалисты ожидали не споров и дискуссий, а послушания и дисциплины, как на заводах в США. Им приходилось убеждать советских инженеров в превосходстве американских методов и настаивать на неукоснительном выполнении своих указаний. Те оправдывались нехваткой самых необходимых материалов, станков и инструментов, вносили поправки в выполненные американцами проекты, добиваясь «удешевления» работ, чтобы вести их привычными методами. Споры доходили подчас до конфликтов, что тормозило работы. Советская печать, которая отстаивала генеральную линию партии и правительства на максимальное усвоение передовой техники и технологий, выступала на стороне американцев[24]. По отзывам руководителей и специалистов ВСНХ, ВАТО, Главмашинстроя, Магнитостроя и др., создать в короткие сроки проекты крупных современных предприятий не удалось бы своими силами.

Многие советские инженеры «старой школы» завершили образование в Германии, а немецких специалистов охотно приглашали в Россию до и после революции. Основанная на тщательных математических расчетах, германская инженерная наука считалась в начале XX в. классической, ее основы преподавали и в советских вузах, а американская практика использования готовых, проверенных на практике стандартов не пользовалась популярностью. Кроме того, широкий ассортимент продукции, собираемой из стандартных деталей – от домов до автомобилей, выпускался в США на такой индустриальной основе, которой не имела не только советская, но и – в сопоставимых пропорциях – европейская промышленность. Уверенные в своем профессионализме советские инженеры, в том числе выпускники вузов, обучавшиеся по сокращенным программам, не хотели переучиваться у американцев. Европейский и отечественный опыт оставался понятным и близким, но он не мог предложить действующие образцы предприятий-гигантов, способных быстро решить проблемы повышения производительности труда и увеличения объемов продукции, в чем остро нуждался Советский Союз.

Выводы

При объективной необходимости и безальтернативности иностранной технической помощи для ускорения индустриализации назовем основные факторы торможения, которые не удавалось быстро преодолеть:

- инновационные проекты и методы не отвечали имевшимся возможностям народного хозяйства, привычному стилю работы;
- смежные и вспомогательные производства, сдача объектов жизнеобеспечения отставали от форсированных темпов создания новых промышленных объектов;
- ради высоких темпов объекты вводились в строй с недоделками;

• попытки «экономного» контрафактного копирования машинной техники оборачивались снижением качества и высокими издержками на эксплуатацию;
• значительная часть старых кадров и выпускников краткосрочных инженерных курсов не могли работать в одной команде с иностранными специалистами;
• условия жизни и работы иностранных специалистов снижали результативность их использования, а права и полномочия ограничивались.

Индустриализация в основном завершилась за 10 лет, несмотря на все эффекты торможения и недоделки, связанные и не связанные с технической помощью, создав, за счет ввода крупнейших предприятий, высокий экономический рост. Синергия проявлялась там, где удавалось наладить бесперебойные поставки и снабжение, бывшие проблемой советской экономики (в экономике капитализма трудности возникали чаще в сфере сбыта). Сыграли роль выросшие за годы индустриализации инженерные кадры нового поколения и повышение технической грамотности рабочих. Но советская промышленность в конце 1930-х гг. столкнулась с новыми мировыми вызовами – такими как развитие приборостроения, авиации, появление высокооктанового горючего.

Преодоление суровых испытаний, выпавших на долю России в разные исторические эпохи, в военное и мирное время, имеет немало сходства. Первые годы индустриализации напоминают начало Великой Отечественной войны – та же неразбериха в штабах и в войсках, беззаветный героизм и громадные потери. И строить, и воевать учились на ходу, а не заранее, и синергия, хотя и с запозданием, преодолевала торможение. Освещение этих вопросов, оттеняющих конечный успех на фоне исходного уровня, выходит за рамки данной статьи.

Примечания

[1] Коттер Дж. П. Впереди перемен : пер. с англ. М., 2003; Сенге П., Клейнер А. и др. Танец перемен : новые проблемы самообучающихся организаций : пер. с англ. М., 2003.

[2] Маркевич А. М. : 1) Была ли советская экономика плановой? Планирование в наркоматах в 1930-е гг. // Экономическая история. Ежегодник. 2003. М., 2004. С. 20–54; 2) Отраслевые наркоматы и главки в системе управления советской экономикой в 1930-е гг. // Экономическая история. Ежегодник. 2004. М., 2004. С. 118–140.

[3] Шпотов Б. М. : 1) «Болезни роста» или «синдром кнопки : как приживались в СССР американские промышленные технологии в годы первой пятилетки» // Русское открытие Америки : сб. ст. / под ред. А. О. Чубарьяна. М., 2002. С. 319-327; 2) Бизнесмены и бюрократы : американская техническая помощь в строительстве Нижегородского автозавода, 1929–1931 гг. // Экономическая история. Ежегодник. 2002. М., 2003. С. 191–232.

[4] Донгаров А. Г. Иностранный капитал в России и СССР. М., 1990; Шишкин В. А. Цена признания : СССР и страны Запада в поисках компромисса (1924–1929 гг.). СПб., 1991; Шпотов Б. М. : 1) Участие американских промышленных компаний в советской индустриализации, 1928–1933 гг. // Экономическая история. Ежегодник. 2005. М., 2005. С. 172–196; 2) «Западный фактор» в индустриализации СССР, 1920–1930-е гг. // Индустриальное наследие : материалы II Междунар. науч. конф. / под ред. В. А. Виноградова. Саранск, 2006. С. 486–493.

[5] Индустриализация Советского Союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы / под ред. С. С. Хромова. Ч. I. М., 1997; Ч. II. М, 1999; Россия и США : торгово-экономические отношения. 1900–1930 : сб. док. / под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 1996; Россия и США : экономические отношения, 1917–1933 : сб. док. / под ред. Г. Н. Севостьянова и Е. А. Тюриной. М., 1997; Россия и США : экономические отношения, 1933–1941 : сб. док. / под ред. Г. Н. Севостьянова и Е. А. Тюриной. М., 2001.

[6] Россия в контексте мирового развития : история и современность / сост. Н. М. Арсентьев, Л. И. Бородкин. М., 2011. С. 44–47.

[7] Sutton A. C. : 1) Western Technology and Soviet Economic Development, 1917–1930. Stanford (Calif), 1968; 2) Western Technology and Soviet Economic Development, 1930–1945. Stanford (Calif), 1971.
[8] Пятнадцатый съезд ВКП (б) : стеногр. отчет. М. ; Л., 1930. Т. 2. С. 1099–1100.
[9] “Why I Am Helping Russian Industry”. Henry Ford in an interview by W. A. McGarry // Nation’s Business. 1930. June. P. 20.
[10] Корпорация Амторг (Amtorg Trading Corporation) – акционерное общество, учрежденное в Нью-Йорке в 1924 г., через которое осуществлялись сделки советского государства с американскими фирмами.
[11] Россия и США : экономические отношения, 1933–1941. С. 105–107.
[12] Шпотов Б. М. Генри Форд : жизнь и бизнес. М., 2003. С. 303–311.
[13] Менеджмент : пер. с англ. / под ред. Т. Диксона. М., 1999. С. 387–433.
[14] Российский государственный архив экономики (далее: РГАЭ). Ф. 7620. Оп. 1. Д. 68. Л. 301–306.
[15] Индустриализация Советского Союза... Ч. II. С. 246–250.
[16] РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 491. Л. 1–13.
[17] Wilkins M., Hill F.E. American business abroad: Ford on six continents. Detroit, 1964. P. 224.
[18] US National Archives. Microfilm Publications. RG 59. Microcopy T-1249. Roll 72. Doc. 861.797/31. P. 2–6; Doc. 861.797/32. P. 1, 2.
[19] Старов Н. В муках рождается завод // За Индустриализацию. 1930. 20 нояб.
[20] 31 января – 66 тракторов // Известия. 1931. 4 февр.
[21] РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 247. Л. 241.
[22] Шпотов Б. М. Бизнесмены и бюрократы… С. 226.
[23] Частные фирмы строили свои заводы не по указаниям свыше, а по мере необходимости. Известны и случаи сверхбыстрой постройки – например, крупнейший в США и в мире в конце 20-х гг. автозавод компании «Понтиак» был выстроен в 1927 г. за 7 месяцев, тогда как Нижегородский автозавод – за 18, хотя проектировала их одна и та же Austin Company (Кливленд, штат Огайо). Но в США этой фирме доверили ведение всех работ от изготовления чертежей до сдачи объекта, а в СССР ее роль ограничили созданием проектов и техническим надзором, поручив исполнение «Автострою», «Металлострою» и их субподрядчикам. Все они подчинялись разным ведомствам.
[24] Шпотов Б. М. Социальная история индустриализации СССР по материалам американской и советской печати // Мифы и реалии американской истории в периодике XVIII–XX вв. / под ред. В. А. Коленеко : в 3 т. М., 2010. Т. 3. С. 133–196.

Г. Н. Шумкин

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ КАЗЕННЫХ ГОРНЫХ ЗАВОДОВ УРАЛА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА[*]

Проблема эффективности хозяйствования, являющаяся стержневой для экономической науки, на последнем витке (воистину нескончаемых) российских преобразований стала главным объяснением действий бюрократии. Например, удар, наносимый реформаторами по учреждениям социальной защиты, по институтам сохранения и трансляции культурных ценностей, объясняется их низкой экономической эффективностью. Прямые аналогии

* Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Урал в контексте российской цивилизации: геоэкономические, институционально-политические, социокультурные традиции и трансформации (теоретико-методологические подходы к изучению)».

данным умонастроениям обнаруживают себя в эпоху «первого российского капитализма». Тогда, во второй половине XIX – начале XX в., велись яростные споры касательно наследия феодально-крепостнической эпохи, его способности адаптироваться к новым реалиям хозяйствования. Одним из самых обсуждаемых вопросов был вопрос состояния и перспектив развития государственного горнозаводского хозяйства. В данной работе автором была предпринята попытка определить эффективность казенных горных заводов Урала. Прежде чем приступить к рассмотрению вопроса, необходимо сделать несколько замечаний методологического свойства.

Первое. Как правило, под эффективностью понимается соотношение времени, ресурсов и полученного результата при различных стратегиях достижения поставленной цели. Более эффективной признается та альтернатива, которая при равном объеме затраченных ресурсов и времени дала больший результат или при одинаковом результате потребовала наименьшего объема ресурсов и времени. Таким образом, универсального критерия эффективности не существует. Если в обществе имеется конфликт интересов (например, между работниками и работодателем), то решение, принятое в интересах одной заинтересованной группы, может причинять ущерб другой. Источники, написанные с разных позиций, будут содержать противоречивые оценки эффективности принятого решения. При этом каждая сторона конфликта будет камуфлировать свои эгоистичные устремления под защиту «общественных (народных, государственных, национальных) интересов». Подобным объектом, на котором сходились интересы различных социальных групп, являлись казенные горные заводы.

Второе. Экономика и другие науки, разрабатывающие проблемы управления и принятия оптимального решения, абстрагируются от временного фактора. Для них все альтернативы одинаково реальны и возможны. Задача состоит лишь в том, чтобы выбрать наилучший вариант. Фактически, эффективность – это цена достижения результата. История же, как известно, не знает сослагательного наклонения. Нельзя «переиграть» историю. Нельзя учесть все условия, действовавшие в реконструируемую эпоху, чтобы перерешать давно решенные задачи. Тем не менее, общество требует от историка выносить вердикт давно свершившимся событиям. Оформленный в виде оценочных суждений «исторический опыт» является, возможно, самой востребованной продукцией сообщества исследователей прошлого. Под давлением этого обстоятельства (или по собственной инициативе) историки начинают осуждать ранее принятые «неверные» решения. В результате возникает чрезвычайно опасное заблуждение о том, что историк, «не погруженный» в эпоху, не обладающий достаточным объемом информации, являющийся, фактически, дилетантом (чаще всего, весьма осведомленным дилетантом, но, все-таки, не специалистом!) в изучаемых проблемах, может более компетентно разобрать ситуацию, чем люди, посвятившие свою жизнь решению данной проблемы. Опасность заключается в том, что вердикт, вынесенный историком, становится фундаментом для построения исторических мифов, на которых воспитывается общество.

По нашему мнению, метод альтернатив более продуктивен, если использовать его не для оценки решений, а для того, чтобы понять, почему в ту эпоху и теми людьми было принято именно данное решение. Но для этого надо принять априорное предположение о том, что это решение тем людям в той ситуации представлялось наиболее эффективным. Следует также отметить, что при наличии конфликта интересов принятое решение с точки зрения каждой заинтересованной группы будет не столь эффективно, сколь оптимально и компромиссно.

Третье. Источниковая база, основой которой является делопроизводственная и отчетная документация государственного горнозаводского хозяйства и других государственных ведомств, имеет свои особенности. Вышестоящие учреждения, которым были адресованы эти документы, имели свои ожидания эффектов деятельности заводов. Соответствующим образом компоновались формуляры документации, поэтому задача – вначале свести в единую картину данные о затраченных ресурсах, времени исполнения заказов и объеме и качестве

изготовленной продукции, а затем сравнить с такими же показателями частных предприятий – является практически не выполнимой. В связи с этим в данной работе автор будет придерживаться (ставшего уже традиционным) метода сравнения казенных горных заводов с их конкурентами из частновладельческого сектора по отдельным составляющим: объемам выпуска продукции, качеству, времени исполнения заказов, ресурсам, доходности.

* * *

Производственные возможности предприятия определяются доступными ресурсами. Ресурсы принято делить по методу оценки затрат на внутренние (принадлежащие предприятию) и внешние (приобретаемые на рынке). Чем шире база внешних ресурсов и уже внутренних, тем выше эластичность предложения. В период благоприятной конъюнктуры ресурсы можно приобретать на рынке, а во время плохой конъюнктуры заботы о поддержании в надлежащем состоянии внутренних ресурсов для предприятия будут менее обременительны. Рынки с подобной инфраструктурой во второй половине XIX в. сложились вокруг Петербурга, Москвы, Варшавы: избыточная рабочая сила, не зависимая от какого-либо одного предприятия; налаженная инфраструктура поставки сырья, коммерческой энергии и производственного оборудования; доступность заказчиков и рынков сбыта продукции и т. д.

На Урале и в других промышленных районах, сложившихся до отмены крепостного права, значительная часть ресурсной базы являлась собственностью предприятия – железорудные месторождения, лес, гидроэнергетические сооружения, транспортные артерии. Более того, отношения с юридически независимыми наемными рабочими на предприятиях осложнялись комплексом условий, которые в историографии получили название «феодальных пережитков». Рабочие были привязаны к «своему» заводу, своему дому и земельному участку. Поэтому на большинстве горных заводов Урала рабочая сила, фактически, оставалась частью внутренних ресурсов предприятия (которую, при этом, надо было оплачивать как внешний ресурс). Исключение составляли крупнейшие заводы: Воткинский и, особенно, Пермский пушечный. Построенный на месте небольшого Мотовилихинского медеплавильного завода, на северной окраине г. Перми и на пересечении важнейших транспортных артерий (р. Кама и Чусовая и Горноуральская железная дорога), Пермский завод стал одним из основных центров сосредоточения уральского пролетариата.

Обширные внутренние ресурсы и ограниченные возможности по привлечению внешних ресурсов имели два важных следствия. Во-первых, вследствие необходимости поддерживать обширные внутренние ресурсы горные заводы более болезненно переживали периоды дефицита заказов. Во-вторых, они более медленно разворачивали свои производственные мощности.

При этом основными заказчиками являлись армия и военно-морской флот. Работа с ними требовала от заводов совершенно иного. Во время войн и перевооружений заводы должны были в кратчайшие сроки выполнить крупные заказы (и, как правило, на продукцию, которую ранее не изготовляли), а в остальное время – минимизировать объем производства, чтобы снизить расходы бюджета. Работа на рынок, несмотря на цикличность конъюнктуры, не обладала столь значительными перепадами в производственной активности.

Данное противоречие между возможностями горных заводов и интересами обороны страны во второй половине XIX в. армия и флот стали решать следующим образом. В периоды перевооружений и войн значительную (нередко – большую) часть заказов они отдавали частным российским и иностранным предприятиям. Например, при перевооружении русской полевой артиллерии орудиями обр. 1877 г. пушки изготовляли частный Обуховский завод[1] и завод Круппа в Эссене[2]. При перевооружении скорострельными пушками обр. 1900 и 1902 гг. около половины заказов на орудия, лафеты и снаряды было выполнено Путиловским заводом[3]. В остальное же время могли давать заказы казенным горным заводам, нередко только для того, чтобы поддержать местное население.

Поскольку в то время практически весь объем производимых работ зависел от навыков и опыта рабочих и мастеров, то производственные возможности заводов можно определить следующим образом: не более того, что могли изготовить рабочие при полной занятости местного населения на основных работах при имеющихся производственных мощностях[4], и не менее того, что требовалось для обеспечения рабочим прожиточного минимума. Примечательно, что даже на крупнейших, технически наиболее совершенных заводах – Пермском, Воткинском и Златоустовском – динамика производства совпадала с динамикой рабочих (среднегодового количества отработанных смен) (см. рис. 1).

По мнению горнозаводских чиновников, «коренные жители старинных казенных заводов» обладали преимуществом в сравнении с пришлыми рабочими – «пролетариатом» – в периоды сокращения работ они не уходили в поисках заработка, а продолжали оставаться на заводах в ожидании лучших времен, работая в неделю по 2–4 дня и чередуясь друг с другом[5]. Особенную ценность в глазах горных чиновников «коренные» рабочие приобрели после революции 1905–1907 гг., во время которой они повели себя более лояльно, чем пришлый пролетариат, например, на Пермском пушечном. Очень часто обеспечение «коренных» заработком было основным поводом для горных чиновников требовать заказов у государственных учреждений. Так, только благодаря таким требованиям в XX в. поддерживалось паровозостроение на Воткинском заводе, не имевшем связи с железнодорожной сетью страны – изготовленные локомотивы сплавлялись по рекам на баржах. Широкая патерналистская политика формировала у «коренных» самосознание привилегированной социальной группы. Как писал А. Митинский: «На Урале убеждены бессознательно, что казенные заводы суть род благотворительного учреждения, обязанного давать работу…»[6].

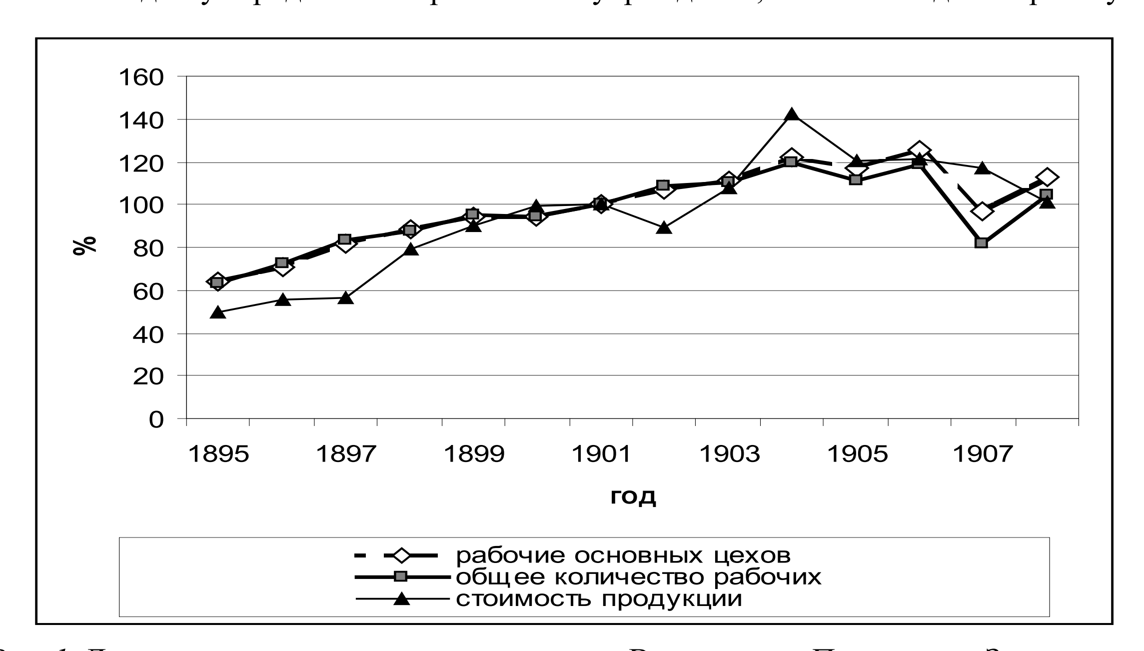

Рис. 1. Динамика производства и занятости на Воткинском, Пермском и Златоустовском заводах в 1895–1908 гг. в процентах (1901 г. – 100 %)

Данная благотворительность ложилась на бюджет существенным бременем. Например, в 1909–1912 гг. казенным горным заводам России было ассигновано из бюджета 75,3 млн р. (в среднем – 18,8 млн р.), из них на управление и социальную защиту (богадельни, больницы) пришлось 6,8 %, на местные налоги – 4,6 %, на инвестиции в основные фонды – 5,5 %, на «заготовку материалов» – 29 %, на заработную плату рабочих – 49,5 %, на прочие «операционные» расходы (транспортировка грузов, заготовление провианта для продажи рабочим, лесоустройство и тушение пожаров, производство опытов и т. д.) – 4,5 %[7]. Если учесть, что

основная часть «материалов» представляла собой дрова и руду, заготовлявшихся рабочими, то доля зарплаты может быть определена в 70–75 % ежегодных расходов государства на содержание своих горных заводов.

При этом финансовые возможности горного ведомства были весьма ограничены. Поскольку сэкономить за счет урезания заработной платы не вызвав рост протестных настроений было невозможно, сокращению подвергались другие статьи и, в первую очередь, «строительные кредиты» – т. е. инвестиции в основной капитал. В 1882–1891 гг. казенные горные заводы каждый год испрашивали «строительных кредитов», в среднем, на 550 тыс. р.; Горный департамент вносил в сметы 431 тыс. р.; Государственный совет утверждал только 293 тыс. р.[8] В 1890–1911 гг. «строительный кредит» составлял, в среднем, 7 % (от 3,9 % до 11,9 %) «операционного» кредита[9]. При этом система бюджетного финансирования предполагала выделение ассигнований на заранее запланированные (не позднее лета предыдущего года) постройки и заказы. Срочная работа по т. н. «сверхсметным нарядам» или «сверхнарядным заказам» по действовавшим правилам могла быть профинансирована только в следующем году. Администрация заводов была вынуждена идти на нарушение действующих правил. Ежегодно, от 304 тыс. до 5 млн р. операционного кредита направлялось на финансирование строительства и модернизацию оборудования[10]. Требования Государственного Контроля соблюдать правила расходования бюджетных средств оставались «101 китайским предупреждением».

Проблема финансирования могла быть решена двумя способами. Первый – сократить число казенных горных заводов, оставив самые необходимые (военного профиля), второй – изменить схему финансирования. Попытки (неоднократно предпринимавшиеся) реализовать первое решение встречали сопротивление горного ведомства. Попытка пойти по второму пути, предпринятая в 1890-х гг. министром госимуществ А. С. Ермоловым, встретила противодействие министра финансов С. Ю. Витте.

В качестве некоторого компромиссного решения на рубеже XIX–XX вв. Государственный совет разрешил казенным горным заводам получать авансы от Военного и Морского министерств на выполнение срочных заказов на вооружение и металлы. В 1901–1905 гг. авансами было профинансировано только 8,5 % работ заводов[10]. Однако и эта паллиативная мера перестала применяться с 1910 г.

Ограниченные инвестиционные возможности накладывались на очень высокие требования к качеству металлургического, станочного и кузнечного оборудования, которые были обусловлены требованиями к качеству продукции со стороны Военного и Морского министерств. Администрация казенных горных заводов предпочитала либо изготавливать оборудование собственными силами, либо приобретать за рубежом. Ежегодно для казенных горных заводов Урала импортировалось оборудования и сырья на 200–300 тыс. р.[11] Более доступные по ценам изделия отечественных машиностроительных предприятий, как правило, по качеству уступала импорту.

Высокие требования к оборудованию и жесткие финансовые лимиты отрицательно сказывались на темпах индустриального развития заводов. В 1907 г. энерговооруженность труда на казенных горных заводах Урала была в 4 раза ниже, чем, в среднем, по предприятиям черной металлургии России: на 100 рабочих основных производств приходилось мощности двигателей, соответственно, 67 и 245 л. с.

Избыток рабочей силы и дефицит капитальных ресурсов соответствующим образом отражались на показателях производительности заводов. В 1908 г. на казенных горных заводах Урала концентрация производства была в 5,5 раз выше, чем в среднем в России; концентрация рабочей силы – в 8–16 раз выше, а производительность труда в 1,5 раза (если учитывать только рабочих основных цехов) или в 2,8 раза (если учитывать всех рабочих) ниже общероссийских показателей (см. табл. 1). В 1908 г. производительность труда рабо-

чих основных цехов казенных горных заводов Урала (1,1 тыс. р.) соответствовала производительности труда черной металлургии России 15-летней давности – первой половины 1890-х гг. (в 1893 г. – 1,03 тыс. р.)[12].

Таблица 1

Производительность казенных горных заводов Урала в 1908 г. в сравнении с общероссийскими показателями*

	Черная металлургия и металлообрабатывающая промышленность России	Казенные горные заводы Урала
Количество предприятий	2106	12
Стоимость выпущенной продукции (млн р.)	627,2	20,1
Средняя производительность одного предприятия (тыс. р.)	297,8	1675
Количество рабочих (тыс.)**	365,7	18/34,7
Среднее количество рабочих на одно предприятие	174	1500/2900
Производительность труда (тыс. р.)	1,7	1,1/0,6

* Подсчитано по: Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 45, 47; Отчет горного департамента за 1908 г. СПб., 1910.

** На казенных горных заводах: в числителе – рабочие основных цехов, в знаменателе – основных и вспомогательных.

Помимо рабочей силы и инвестиционных возможностей, еще одним ресурсом, серьезно ограничивавшим эластичность производства, была энергетическая база горных заводов. Большинство казенных горных заводов было построено в XVIII – первой половине XIX в. и было рассчитано на применение доиндустриальных технологий: основным источником тепловой энергии были дрова и древесный уголь, а механической – вода заводских прудов, приводящая в движение колеса и турбины. Только два завода были построены с расчетом на применение паровых двигателей – это основанные в 1860-х гг. Пермский пушечный и Камский броневой. Однако из-за отсутствия стабильных поставок дешевых коммерческих энергоресурсов эти заводы также использовали, в основном, дрова и древесный уголь, которые заготавливались в заводских дачах. Для Пермского завода ситуация стала меняться только в конце XIX в., когда была организована поставка бакинской нефти по Волге и Каме. Остальные заводы работали по старинке – на дровах, древесном угле и воде заводских прудов. Данное состояние, в целом, соответствовало состоянию в горнозаводской промышленности Урала, но существенно диссонировало с картиной быстрого вытеснения древесного топлива каменным углем в металлургии России в конце XIX – начале XX в. (см. табл. 2).

Таблица 2

Удельный вес минерального и древесного топлива казенных заводов Урала*

Завод	1890		1901		1910	
	Древ.	Минер.	Древ.	Минер.	Древ.	Минер.
Казенные горные заводы						
Воткинский	98,3	1,7	88,7	11,3	65,2	34,8
Пермский	50,0	50,0	24,6	75,4	41,3	58,7
Златоустовский	98,6	1,4	71,8	28,2	78,2	21,8
Саткинский	100	-	100	-	100	-
Верхнетуринский	100,0	-	99,9	0,1	89,2	10,8
Черная металлургия Урала	96	4	95	5	88	12
Черная металлургия России	51	49	23	77	19	81

* Составлено и подсчитано по: Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности в России в 1890 г. С. 150–151; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности в России в 1900 г. С. 208–209; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности в России в 1910 г. С. 246-247.

Фактически, размеры производства и уровень технического оснащения определялись ежегодным приростом древесины в дачах заводов. В среднем один казенный горный завод потреблял 12,9 тыс. т условного топлива, что было в два раза ниже, чем в среднем по России – 24,2 тыс. т. Энерговооруженность труда в начале XX в. на основных производствах казенных горных заводов Урала была в 4 раза ниже, чем в среднем в черной металлургии России. В 1907 г. на одного рабочего приходилось соответственно 8,4 и 34,8 т условного топлива[13].

В завершение обзора ресурсной базы заводов нельзя не упомянуть о специфике управления. Его забюрократизированность стала «притчей во языцех» уже во второй половине XIX в. Именно из-за нее заводы очень медленно адаптировались к изменяющейся конъюнктуре рынка.

Итак, производственные возможности заводов были ограничены, а природные ресурсы, которыми они обладали, – очень значительны. Им принадлежали два богатейших железорудных месторождения – Бакальское и Гороблагодатское; они владели пятой частью всех лесов горнозаводской промышленности России. И при этом производили только 2,6–5,5 % российского чугуна, железа и стали!

Такое несоответствие возможностей и их использования вызывало критику со стороны «прогрессивной общественности». Первая волна критики обрушилась на заводы во второй половине 1860-х – начале 1870-х гг. и привела к попытке (неудачной) приватизировать государственное горнозаводское хозяйство[14]. Вторая – во второй половине 1890-х гг. – была защитной реакцией частного капитала на попытку (также неудачную) расширить присутствие казенных заводов на рынке черной металлургии[15]. Третья – в 1908–1910 гг. – была спровоцирована затянувшейся депрессией, и угасла сама собой в период предвоенного экономического подъема[16]. Каждый раз казенным горным заводам предъявлялись одни и те же обвинения: заводы работают неэффективно из-за забюрократизированности управления, существуют за счет средств налогоплательщиков и не способны рационально распорядиться принадлежащими им природными богатствами. Далее (в разных вариантах) предлагалось заводы продать, сдать в аренду, передать Военному или Морскому министерству, закрыть, допустить частный капитал к эксплуатации месторождений полезных ископаемых и лесных дач.

Тезис о низкой эффективности государственного горнозаводского хозяйства в целом был принят советской историографией, которая использовала материалы критики в качестве иллюстрации пережитков феодального строя или многоукладного характера экономики Урала[17]. Это вполне объяснимо: с одной стороны, вал «независимой общественности», а с другой – попытки горных инженеров оправдаться, которые временами перерастали в «самобичевание»[18].

* * *

Критика, звучавшая и извне, и из своей профессиональной корпорации, подталкивала чиновников горного ведомства к разработке проектов комплексной реконструкции и развития заводов. Как правило, они не реализовывались, а если и воплощались в жизнь, то не так, как было задумано. С одной стороны, экономическая и политическая конъюнктура успевала кардинально поменяться до того, как планы горнозаводской администрации успевали пройти все согласования и утверждения в сферах высшей бюрократии. А с другой, радикальные преобразования, в принципе, были не нужны – их реализация требовала больших инвестиционных инъекций, а итог не всем казался очевидно благоприятным. Почему?

Первое. Годы Великих реформ Александра II преподнесли серьезные уроки горному ведомству. Огромные средства, вложенные в конце 1850-х – первой половине 1860-х гг. в реконструкцию старых и строительство новых заводов, не принесли ожидаемых результатов. В ито-

ге, Николаевский оружейный и Камский броневой заводы были закрыты, Князе-Михайловская сталепушечная фабрика перестала изготовлять пушки и была включена в состав Златоустовской оружейной фабрики. Пермские пушечные заводы смогли организовать выпуск артиллерийских орудий, но на это ушло так много времени, что роль главного арсенала сухопутной артиллерии досталась частному Обуховскому заводу и заводу Круппа в Эссене. Под впечатлением от таких результатов в 1870-х гг. высшая бюрократия кинулась в другую крайность – была предпринята попытка провести приватизацию, однако продажа Вятских и Богословских заводов принесла настолько впечатляюще мизерную прибыль, что вопрос о приватизации «забыли» на 20 лет. Эти, а также другие уроки приучили бюрократию к осторожности.

Второе. Производственные мощности казенных заводов на 3/4 загружались государственными заказами. Система отношений, сложившаяся к 1890-м гг., в принципе, устраивала и горные заводы, и армию, и флот (МПС нередко выражало недовольство качеством продукции Воткинского завода, но его призывали к корпоративной солидарности, завод все-таки получал свой небольшой кусочек огромного пирога заказов на локомотивы). С одной стороны, армия и флот формировали горным заводам примерно половину портфеля заказов. С другой стороны, горные заводы изготовляли около половины снарядов для армии и флота, примерно 10–25 % артиллерийских орудий, большую часть белого оружия, а также необходимый металл (чугун, сталь, железо) для предприятий военного и морского ведомств. Увеличивать свою зависимость друг от друга ни заказчики, ни исполнители (памятуя об опыте 1850–1870-х гг.) не желали.

Третье. Как уже говорилось, работа военных производств проводилась в таком режиме: в период вооруженных конфликтов и перевооружений от заводов требовалось в кратчайшие сроки максимально увеличить производство, а в остальное время – минимизировать его объем, чтобы снизить расходы бюджета. Работа на рынок, несмотря на цикличность конъюнктуры, не обладала столь значительными перепадами в производственной активности.

Коммерческое предприятие в таком ритме могло работать только при выполнении одного из условий: либо изготовляя продукцию двойного назначения, либо предлагая свою продукцию правительствам разных стран. Первому условию соответствовали предприятия, поставлявшие продовольствие, топливо, стройматериалы, обмундирование и амуницию. Второе условие было реализовано рядом европейских и американских металлообрабатывающих фирм, создавших во второй половине XIX в. на основе гонки вооружений мировой рынок продукции военного назначения с высоким уровнем конкурентной борьбы.

Частные российские металлообрабатывающие предприятия не вошли в число игроков мирового рынка вооружений. Они могли предложить продукцию только одному покупателю – российскому правительству в лице военного и морского министерств (причем, как правило, изготовленную по проектной документации иностранных компаний). В историографии данное состояние экономики нередко рассматривается как система внерыночного распределения, однако это не совсем верно. Хоть отношения между продавцами и покупателем не соответствовали идеалу рынка совершенной конкуренции, они все-таки были рыночными – это был рынок монопсонии (одного покупателя). Чтобы более результативно торговаться с покупателем, продавцы очень быстро (по меньшей мере – к рубежу веков) перешли от конкурентной борьбы друг с другом к картельному сговору, и рынок превратился в двустороннюю монополию. При этом продавцы потребовали от покупателя гарантий стабильной работы; потребовали планировать развитие вооруженных сил на несколько лет вперед (а лучше – на десятилетия), иначе инвестиции в организацию технологически сложного и специализированного производства новейшего вооружения становились неоправданно рискованными. Того же от правительства требовали и казенные заводы, но к их требованиям можно было не прислушиваться, так как они обладали одним существенным преимуществом – они не могли «прогореть». Поэтому казенным заводам от армии и флота могли поступать разовые заказы на опытные образцы.

Четвертое. Высокое качество продукции. Главным барьером для вхождения на рынок вооружений были высокие требования к качеству продукции. Русско-японская, а затем и Первая мировая война наглядно показали, что далеко не каждое металлургическое и машиностроительное предприятие, имеющее достаточный парк оборудования, справится с выполнением военных заказов. Тут нужен был опыт работы. Рабочие и инженерно-технический персонал казенных горных заводов обладали этим (без сомнения) интеллектуальным капиталом. Лучше всего это понимали работавшие на заводах приемщики военного и морского ведомств, которые нередко требовали загрузить заказами производственные мощности заводов только для того, чтобы сохранить кадры высококвалифицированных рабочих. Отношения между заказчиками и исполнителями здесь были настолько доверительными, что на должность браковщиков приглашались рабочие заводов.

Итак, в сравнении со среднестатистическим предприятием черной металлургии и металлообрабатывающей промышленности России казенные горные заводы, безусловно, проигрывали. По мнению «либеральной общественности» (оплаченной прибылями частных заводовладельцев), они были неэффективны. Однако сложившаяся система вполне устраивала администрацию горных заводов, рабочих и представителей государственных учреждений, выступавших заказчиками для заводов. А какой эффект от системы своего горнозаводского хозяйства получало государство?

* * *

Любая хозяйственная деятельность сопряжена с определенными затратами. Государственное хозяйство – не исключение. Для того чтобы получить какое-либо изделие, например, пушку для армии, государству необходимо было либо организовывать ее производство своими силами, либо покупать на рынке, тем самым оплачивая организацию производства пушек продавцом.

Следовательно, расходы на содержание и развитие казенного горнозаводского хозяйства за вычетом дохода, полученного от продажи изделий на свободном рынке (в среднем – 1/4 валовой стоимости), – это та цена, которую государство платило своим заводам за продукцию, изготовленную для армии, флота и казенных железных дорог.

Что же касается калькуляций дохода, прибыли и убытков, получаемых казенными заводами от продажи изделий казенным учреждениям, то они были фиктивны и были адресованы царю и представителям высшей бюрократии, которые в принципе не должны были разбираться в специфике государственного хозяйствования. Горные чиновники и чиновники заказывающих ведомств условность этих расчетов прекрасно понимали, поэтому и цену по государственным заказам именовали «условной». Но от них требовали, чтобы горные заводы выполняли задачу, поставленную перед ними в законе: «Казенные заводы должны быть постепенно доводимы до того, чтобы доходы их, по крайней мере, равнялись тем, кои можно б было получить от капитала, на них употребленного, когда бы капитал сей обращен был на другое полезное употреблен»[19].

Эта задача была сформулирована в 1811 г., когда государственное горное хозяйство было включено в состав Министерства финансов. К середине 1820-х гг. стало очевидно, что добиться дохода от казенных заводов, выполняющих казенные заказы, невозможно. Министр финансов Е. Ф. Канкрин перенес акценты с доходности на минимизацию издержек. Заводы стали работать по Штатам, в которых детально расписывались затраты материальных средств, количество работников, их заработная плата на каждом виде работ. В итоге была создана экономичная, но очень жесткая система, не способная быстро увеличивать объемы производства, что со всей очевидностью показала Крымская война. Формально Штаты продолжали действовать до середины 1880-х гг., хотя за 30 лет, прошедших с той войны, вся система организации в государственном горнозаводском хозяйстве кардинально преобра-

зилась. Во время реформы управления Уральского горного хозяйства середины 1880-х гг. вновь вспомнили об обязанности заводов давать государству прибыль. В итоге в отчетах начали указывать, какой доход получило государство в результате, например, «продажи» Саткинским заводом чугуна Артинскому заводу, хотя в реальности это был один из этапов производства железа и кос в Златоустовском горном округе.

В данных операциях «доход» – это средства, перечисленные со счета одного государственного учреждения на счета другого. В этих расчетах «прибыль» получалась тогда, когда реальная себестоимость продукции оказывалась ниже расчетной себестоимости – т. е. «условной цены», а убыток – наоборот, когда себестоимость была выше «условной цены». Дефицит бюджетных средств заставлял чиновников закладывать условную цену с минимальной «прибылью». Поэтому, когда работа велась стабильно, заводы «давали прибыль». При чрезвычайных обстоятельствах, потребовавших непредвиденные расходы, – начало экономического кризиса 1901–1903 гг., Русско-японская война, русская революция 1905–1907 гг. – они «приносили» убыток (см. рис. 2).

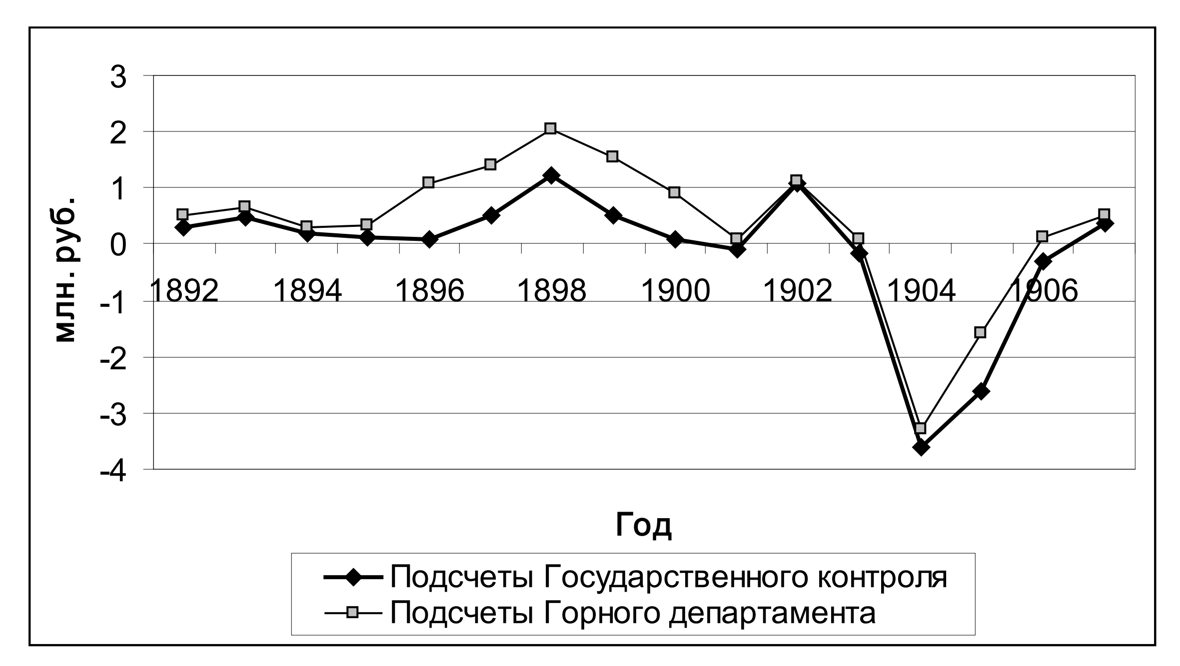

Рис. 2 Прибыли/убытки казенных горных заводов Урала в 1892–1911 гг. *

* Составлено по: РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 113. Л. 13 об; Всеподданнейший отчет Государственного контролера (далее – ВОГК) за 1893 год. СПб., 1894. С. 67; ВОГК за 1894 год. СПб., 1895. С. 71; ВОГК за 1895 год. СПб., 1896. С. 103; ВОГК за 1897 г. СПб., 1898. С. 76; ВОГК за 1899 г. СПб., 1900. С. 76; ВОГК за 1900 г. СПб., 1901. С. 83; ВОГК за 1901 г. СПб., 1902. С. 70; ВОГК за 1902 г. СПб., 1903. С. 64; ВОГК за 1903 г. СПб., 1904. С. 58; ВОГК за 1904 г. СПб., 1905. С. 82; ВОГК за 1906 г. СПб., 1907. С. 92; ВОГК за 1910 г. СПб., 1911. С. 119; ВОГК за 1911 г. СПб., 1912. С. 88; ВОГК за 1912 г. СПб., 1913. С. 129.

Таким образом, для государства изделие, например, пушка, стоила не столько, сколько за нее Военное министерство заплатило горному департаменту, а сколько на ее производство было потрачено средств Пермским пушечным заводом. Следует отметить, что в горном ведомстве шли на различные уловки, чтобы преуменьшить величину расходов заводов и показать в отчетах «прибыль». Например, в производственные издержки включались только «операционные кредиты». Не учитывались «строительные кредиты» – считалось, что каждый новый станок увеличивает государственные активы и поэтому его надо рассматривать как «доход» казны; не учитывались расходы на управление заводами – т. к. ими все равно

необходимо управлять, и т. д. В сумме неучитываемые расходы составляли в среднем около 16 % всех расходов государства на содержание казенного горнозаводского хозяйства.

Примерно настолько же «условные цены» казенных заводов, включавшие предварительный расчет операционного кредита плюс «прибыль» для отчетов, были меньше цен частных заводов. Из 22 типов стальных снарядов, заказанных ГАУ в 1889–1906 гг. как казенным, так и частным заводам, по 17 типам цены казенных заводов были ниже цен частных заводов. Подобная картина наблюдается при сравнении цен на орудия и лафеты. В среднем снаряды казенных заводов были дешевле на 14,3 %, орудия – на 26,3 %, лафеты – на 10,3 %[20].

Таким образом, с определенной долей допущения можно предположить, что государству продукция и казенных, и частных заводов приходилась примерно в одинаковую цену. И все-таки определенный положительный эффект казенные горные заводы государству давали.

В ситуации двусторонней монополии 1890–1910-х гг. казенные заводы стали «регуляторами цен». В литературе вопрос о роли казенных горных заводов в механизме ценообразования на вооружение рассматривался К. Ф. Шацилло. По его мнению, казенные горные заводы не только не выполняли регулирующей функции, но даже наоборот, их цены были выше цен частных предприятий: «“Регулирование” цен капиталистических монополий выразилось в их еще большем подъеме, так как плохо оборудованные казенные заводы, руководимые к тому же “волевыми” методами чиновников различных рангов, строили всегда дороже, дольше, а чаще и хуже частных предприятий, владельцы которых хорошо умели “считать деньгу”»[21]. В подтверждение своей оценки он привел следующий пример: «В 1910 г. Путиловский завод получил заказ на 180 6-дюймовых гаубиц ценою 21,7 тыс. руб. каждая. На следующий год при заказе еще 60 таких же орудий он сбавил цену, взявшись делать орудия уже по 19,2 тыс. Когда казна объявила, что отдаст заказ Пермскому заводу, Путиловский вновь понизил цену еще на тысячу рублей, но заказа не получил. Вскоре Военному министерству потребовалось заказать еще 154 гаубицы. Поскольку казенные заводы были до предела загружены, пришлось идти на поклон к частной промышленности. То же Путиловское общество отказалось брать заказ на предлагавшихся им ранее условиях и повысило цену до 21 тыс., получив на одном заказе полумиллионную сверхприбыль»[22].

Во-первых, не ясно, как исследователь получил 0,5 млн р. Простые подсчеты показывают, что дополнительный доход от повышения цены составил 277,2 тыс. р. (21 тыс. р. – 19,2 тыс. р. = 1,8 тыс. р.; 154 × 1,8 = 277,2 тыс. р.). Если принять во внимание, что каждая гаубица по первому заказу обошлась казне в 21,7 тыс. р., а по третьему – на 700 р. дешевле, то получается, что государство, передав второй заказ Пермскому заводу, сэкономило на третьем еще 107,8 тыс. р. (0,7 ×154). Во-вторых, сам пример некорректен. В первом и втором случаях (180 орудий Путиловскому и 60 Пермскому) заказывалась полевая гаубица обр. 1910 г., а в третьем (154 Путиловскому) – крепостная гаубица обр. 1909 г.[23] Так что не понятно, как исследователь узнал о «полумиллионной сверхприбыли» (возможно, из делопроизводственной документации акционерного общества).

В целом, в начале XX в. шансов получить заказ у казенных горных заводов было не больше, чем у любого частного предприятия («Временные правила для дачи нарядов» редакции 1902 и 1907 гг., регламентировавшие отношения предприятий горного ведомства с заказчиками от армии и флота, не давали им никаких преимуществ). А если учесть возможность подкупа представителей заказывающих ведомств, то шансы казенных заводов были даже меньше – в бюджете горного ведомства не было предусмотрено статьи на взятки чиновникам (но в 1905 г. этот «досадный пробел» был исправлен, в Петербурге было создано «Техническое бюро казенных горных заводов», основная цель которого заключалась в «приискании» заказов[24]). Кроме того, горные заводы не участвовали в конкурсах на разработку новых видов вооружения, победа в которых давала право взять львиную долю заказов. У них было одно оружие в борьбе с конкурентами – низкая цена. Перебивая цену частным подрядчи-

кам, казенные заводы тем самым умеряли их аппетиты. Это подтверждается материалами делопроизводственной документации и периодики. Так, в 1904 г. снарядный синдикат считал рискованным называть на торгах цену ниже цены Пермского завода: «ибо демаскируем отчаяную цену»[25]. Такое «регулирование» вызывало раздражение со стороны частного капитала: «Как бы ни была умерена предлагаемая частными промышленниками цена, всегда заказы остаются за казенными заводами»[26]. Особенно острым неприязненное отношение к казенному «регулированию» было в годы промышленной депрессии, когда государственные заказы обеспечивали более 3/4 загрузки производственных мощностей частных металлообрабатывающих предприятий Северного и Прибалтийского районов[27].

Когда же невысокая производительность казенных заводов не давала им возможности поучаствовать в торгах, частные заводы начинали повышать цену. Например, во время Русско-японской войны цена за 3-дюймовую шрапнель доходила до 22,5 р., хотя до войны стоила не более 6,2 р. за штуку[28]. Эти данные свидетельствуют в пользу «регулирующей функции» казенных горных заводов.

По мере консолидации частных производителей вооружения и превращения рынка вооружений из рынка монопсонии (одного покупателя) в рынок двусторонней монополии (одного продавца и одного покупателя), «регулирующая» роль казенных горных заводов росла. Заказчиков вполне удовлетворяло, что казенные заводы «регулировали» цены на рынке вооружений[29]. Они, безусловно, желали бы, чтобы на случай войны или перевооружения производительность казенных горных заводов могла увеличиться в два-три раза, но в «обычное», мирное время размещали минимальные заказы, под выполнение которых, очевидно, получить от законодателей крупные инвестиции было невозможно. Ситуация усугублялась тем, что горное ведомство преследовало тот же, что и заказчики, интерес «сэкономить по содержанию себя».

«Регулирование» цен было одним из важнейших аргументов чиновников в защиту государственного предпринимательства и, в частности, отдельных казенных предприятий. Причем это касалось не только рынка вооружений. Воткинский завод считался «регулятором» цен на локомотивы, доменные заводы – «регуляторами» цен на чугун.

Рассмотренный материал показывает, что однозначного ответа по поводу эффективности казенных заводов быть не может. Эффективность следует оценивать, исходя их преследуемых целей. Эффективность тесно увязана с целесообразностью решений. С позиций частного капитала казенные заводы были абсолютно неэффективны. Но эффект от их деятельности вполне устраивал государство и людей, работавших на этих заводах, – чиновников и мастеровых.

Примечания

[1] Национализирован в 1886 г.

[2] Отчет Главного артиллерийского управления // Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1877 г. СПб., 1879. С. 56–58.

[3] Военная промышленность России в начале XX века. 1900–1917 гг. М., 2004. С. 105, 131; Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 20. Д. 2065.

[4] К вспомогательным работам часто привлекались пришлые рабочие – даже в периоды дефицита работ в основных цехах работа по заготовке руд и топлива была у «мастеровых» не в почете. Например, чтобы обеспечить Саткинский завод топливом администрация допускала рабочих к снарядоотделочным работам только после того, как они выполнят норму вырубки дров.

[6] ГАСО. Ф. 24. Оп. 17. Д. 2763. Л. 73.

[7] Митинский А. Горнозаводской Урал. СПб., 1909. С. 158.

[8] Подсчитано по: Смета расходов Горного департамента на 1910 // Смета доходов и расходов Горного департамента на 1910 г. СПб., 1909; Смета расходов Горного департамента на 1911 // Смета доходов и расходов Горного департамента на 1911 г. СПб., 1910. С. 24–57; Смета

расходов Горного департамента на 1912 // Смета доходов и расходов Горного департамента на 1912 г. СПб., 1911. С. 28–59; Смета расходов Горного департамента на 1913 // Смета доходов и расходов Горного департамента на 1913 г. СПб., 1912. С. 28–59.

[9] Отчет горного департамента за 1892 г. СПб., 1894. С. 115.

[10] Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37. Оп. 77. Д. 113.

[11] Там же. Д. 210. Л. 2.

[12] РГИА. Ф. 37. Оп. 77. Д. 197. Л. 87, 122; ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 440. Л. 10, 12, 32 об–39, 49 об–56; Д. 1421. Л. 237 об; Оп. 20. Д. 1260. Л. 9 об.–14.

[13] Россия. 1913 год : стат.-документ. справ. СПб., 1995. С. 47.

[14] Подсчитано по: Некрасов А. С., Синяк Ю. В., Янпольский В. А. Построение и анализ энергетического баланса (вопросы методологии и методики). М., 1974. С. 81–87; Боклевский П. П. Перспективы уральской горной промышленности. Екатеринбург, 1899. С. 24; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности Урала 1907 г. СПб., 1911.

[15] Безобразов В. П. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. СПб., 1869.

[16] Белов В. Д. : 1) Записка об уральских казенных горных заводах. СПб., 1894; 2) Исторический очерк Уральских горных заводов. Екатеринбург, 1896; Менделеев Д. И. Уральская железная промышленность в 1899 г. // Менделеев Д. И. Сочинения. Т. XII. М. ; Л., 1949. С. 89–186.

[17] Белов В. Д. Кризис уральских горных заводов. СПб., 1910; Митинский А. Н. Горнозаводский Урал. СПб., 1909; Озеров И. Х. Горные заводы Урала. М., 1910.

[18] См. напр.: Александров А. А. Некоторые аспекты технико-экономического состояния казенных заводов Урала во второй половине XIX в. // Развитие промышленности и рабочего класса горнозаводского Урала в досоветский период : информ. материалы. Свердловск, 1982. С. 130–134; Гаврилов Д. В. Казенные горные заводы Урала во второй половине XIX – начале XX в. (1861–1904 гг.) // Учен. зап. Ульянов. гос. пед. ин-та. Т. XXIV. Вып. 4. Ульяновск, 1972. С. 80–120; Поликарпов В. В. От Цусимы к февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008; Шацилло К. Ф. Государство и монополии в военной промышленности России конца XIX в. – 1914. М., 1992.

[19] См. напр.: Яхонтов И. К вопросу о казенных заводах Горного ведомства // Горный журн. 1898. Т. VI. С. 365–375; а также выступления и документы инспектора по горной части И. Н. Урбановича: РГИА. Ф. 37. Оп. 77. Д. 188. Л. 1–1 об.; ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 426. Л. 7.

[20] ПСЗ I. № 24688. § 233.

[21] ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 2065. Л. 85–96.

[22] Шацилло К. Ф. Корни военного коммунизма – в казенной промышленности дореволюционной России // «Военный коммунизм» : как это было. М., 1991. С. 18.

[23] Шацилло К. Ф. Государство и монополии в военной промышленности России конца XIX в. – 1914. М., 1992. С. 248.

[24] Широкорад А. Б. Энциклопедия отечественной артиллерии. Минск, 2000. С. 671, 674.

[25] ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 1691. Л. 3, 6, 9 об., 14–15.

[26] Материалы по истории СССР. Документы по истории монополистического капитализма. М., 1959. С. 330–331.

[27] Цит. по: Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Л., 1987. С. 245.

[28] Там же. С. 249.

[29] ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 1988. Л. 19, 27.

[30] Там же. Оп. 19. Д. 436. Л. 4, 6; Оп. 20. Д. 2065. Л. 5.

СЕКЦИЯ 2.
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ И НЕГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ В ПЛАНОВОЙ И В РЫНОЧНОЙ СИСТЕМАХ

Вербицкая О. М.
Ивлев Н. Н.
Кюнг П. А.
Миненков Д. Д.
Панга Е. В.
Пасс А. А.
Пивоваров Н. Ю.
Рынков В. М.

О. М. Вербицкая

ЦЕЛИННАЯ ЭПОПЕЯ КАК ЭПИЗОД РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ[*]

После окончания Второй мировой войны СССР приобрел огромный авторитет в мире, по праву занимая в нем ведущие позиции – ведь он внес решающий вклад в совместную победу над германским фашизмом. Советский Союз располагал мощным военным потенциалом и наравне с США владел новейшим оружием массового поражения – атомной бомбой. Но при всей военной доблести и величии советский народ-победитель не имел самого необходимого – бесперебойного продовольственного снабжения.

Продовольственный кризис в послевоенные годы в разной мере преодолевали практически все страны, участвовавшие во Второй мировой войне. Но в СССР помимо послевоенных трудностей и тяжелых последствий жестокой засухи 1946 г., которые крайне обострили положение с продовольствием, этот кризис приобрел затяжной характер. Важнейшую роль в этом играл системный фактор – деформированная советская экономика, в которой развитая индустрия уживалась с крайне запущенным сельским хозяйством. Наиболее болезненным проявлением такого несоответствия являлась так называемая «зерновая проблема». Строго говоря, под этим термином, как видно из содержания правительственных документов 1930–1950-х гг., подразумевалась продовольственная проблема вообще, т. е. общий недостаток в стране продовольствия. Вследствие хронического недопроизводства зерна страдала кормовая база животноводства, из-за чего производство мясо-молочной и прочей животноводческой продукции находилось на низком уровне, а это предопределяло отставание всей аграрной отрасли.

В условиях действовавшей в стране мобилизационной экономики советское руководство расценивало сельское хозяйство главным образом в качестве сырьевого придатка и донора промышленности, в то время как его собственные интересы считались второстепенными. В ходе многолетней сверхэксплуатации деревни государство изымало из аграрного сектора практически весь произведенный там продукт, направляя его, прежде всего, на нужды развивавшихся городов и промышленности. В то же время ответный поток государственных ресурсов в деревню по своему объему не был сопоставим с поступавшей от нее продукцией. Изъятие у колхозов большей части заработанных средств не позволяло им осуществлять расширенное производство. В таких условиях колхозно-совхозная система просто не могла быть эффективной, и продовольственный кризис в СССР приобрел постоянно действующий характер. Представляется поэтому, что главная причина всех проблем в сельском хозяйстве заключалась не столько в нем самом, сколько в гораздо большей степени – в издержках аграрной политики государства, в экономии на развитии этой важной отрасли (скудное финансирование, материально-техническое снабжение и т. д.).

Конкретным воплощением такой аграрной политики с конца 1920-х гг. стал неэквивалентный характер обмена между городом и деревней, когда цены на промышленные товары государство устанавливало достаточно высокие, а сельскохозяйственную продукцию приобретало по крайне низким закупочным ценам. Занижение цен на аграрную продукцию соответствующим образом влияло на уровень оплаты труда ее главных производителей – работников колхозов, что в сочетании с высоким налоговым обложением не создавало им должной мотивации к дальнейшему наращиванию аграрного производства не только в общественном секторе, но и в своих подсобных хозяйствах, буквально задушенных высокими государственными податями.

Послевоенное восстановление сельского хозяйства происходило медленно и неравномерно. На начальном этапе – в 1945–1949 гг. – темпы его ежегодного прироста были вы-

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 10-01-00348а.

соки – почти 10 %, но с 1950 г. они резко замедлились (менее 1 %)[1]. Затухающая динамика лишь подтверждала очевидную стагнацию аграрного сектора. В начале 1950-х гг. совокупность этих причин привела к новому обострению продовольственного кризиса, в стране не хватало продуктов, прежде всего жиров и хлеба, и население городов, чтобы купить в магазине хлеб, с ночи занимало очереди. В недавно опубликованной стенограмме июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС отмечались подобные факты, как считал Сталин, «перебоев» с хлебом. Член ЦК тов. Аристов, по его собственным воспоминаниям, тогда возразил: «Нет, тов. Сталин, не перебои, а давно там /в Рязани/ хлеба нет, масла нет, колбасы нет. В очереди сам становился с Ларионовым /секретарем Рязанского обкома партии/ в 6–7 утра, проверил – нет хлеба нигде»[2].

Поэтому качество питания советских граждан было неважным, его никак нельзя было назвать сбалансированным, поскольку основу пищевого рациона составляли углеводы (хлеб и картофель), которых потреблялось в среднем в 2 с лишним раза больше норм, рекомендованных медициной для рационального питания. Завышая потребление углеводов, население пыталось восполнить недостаток поступления белков и жиров из-за дефицита продуктов животного происхождения. В 1952 г., уже спустя 7 лет после окончания войны, в расчете на душу населения среднегодовое потребление в СССР таких высокоценных продуктов, как молоко и молочные продукты, было вдвое ниже требуемой нормы, а мяса и сала – в 3,4 раза, яиц – почти в 5,5 раз меньше и т. д. Советский Союз в данном отношении значительно отставал от сложившейся структуры питания и уровня потребления в США, Англии и Франции, где она была близка к рациональной[3].

Однако в создавшейся ситуации, как пишет И. Е. Зеленин, после завершения восстановительного периода сталинский режим, демонстрируя неспособность к радикальным аграрным реформам и продолжая политику насилия и репрессий, «подошел к последней черте, наблюдались признаки его агонии и распада»[4]. Вместо того, чтобы переломить негативный ход экономического развития и изменить курс аграрной политики, он предпочел замалчивание трудностей в сельском хозяйстве. С высокой трибуны XIX съезда партии (1952 г.) Г. М. Маленков, бывший тогда заместителем председателя Совета Министров СССР (а председателем был Сталин), в отчетном докладе съезду после ритуального восхваления заслуг партии в реализации аграрной политики сделал важное официальное заявление, что зерновая проблема в СССР «окончательно и бесповоротно решена»[5].

Однако в действительности так быть не могло, поскольку зерна в государственные закрома в 1952 г. поступило всего лишь 5,6 млрд пудов, но, несмотря на это, на съезде была озвучена цифра в 8 млрд пуд. Огромное расхождение в данных до известной степени отражало результаты дефектности принятой в стране системы исчисления урожайности. Сделанный на съезде вывод о решении зерновой проблемы в СССР основывался именно на биологической (видовой) урожайности, определяемой районными инспекторами «на глазок», из приблизительных замеров зерна с определенной площади. При таком подсчете абсолютно игнорировались неизбежные потери при сборе урожая, транспортировке и хранении зерна, составлявшие, как правило, до трети исчисленного «видового» урожая. Тем не менее, в отчетности обычно фигурировала видовая урожайность, именно ее замеры и шли наверх. В результате, по воспоминаниям Н. С. Хрущева, фактически собранного (т. е. амбарного) урожая зерновых в 1952 г. для покрытия всех расходов не хватило, поэтому на минимальные внутренние потребности в хлебе было позаимствовано 60 млн пудов зерна из государственного резерва[6].

Оглядываясь на минувший XX в., невозможно не увидеть, что все это время отечественное сельское хозяйство многократно подвергалось реформированию, начиная с П. А. Столыпина и завершая радикальными аграрными преобразованиями 1990-х гг. После октября 1917 г. первые советские аграрные реформы были нацелены, главным образом, на изменение формы собственности на землю, проведение национализации и социализации;

затем последовала коллективизация, насильственным образом покончившая с господством традиционного единоличного крестьянского хозяйства. Истинный смысл аграрной модернизации «по-советски» заключался в учреждении коллективизацией такого экономического порядка, при котором государство могло бы на законном основании изымать из деревни большую часть произведенного ею продукта. Однако созданный колхозный строй на практике оказался затратным и малоэффективным, и вся работа в нем строилась фактически лишь на административном нажиме и налогово-заготовительном терроре. Правительство должно было вновь и вновь заниматься доработкой отдельных элементов его экономического механизма, намечая очередные «неотложные меры» по подъему сельского хозяйства.

Подчеркнем, что все аграрные преобразования XX в. проводились «сверху», исключительно властью, которая при выработке реформ никогда не интересовалась мнением тех, кто жил и работал на земле. Не подлежит сомнению, что все попытки реформирования предпринимались в надежде на позитивный результат – если не на создание полного изобилия продовольствия, то хотя бы на общее улучшение положения в сельском хозяйстве. Но так было далеко не всегда. Лишь в случае со столыпинской реформой, а в советское время – после принятия в сентябре 1953 г. нового курса аграрной политики – такой эффект действительно удалось получить. Но даже столь редкий позитивный результат от нововведений, как правило, оказывался кратковременным – лишь на несколько лет реально улучшая ситуацию. И все же, несмотря на постоянные преобразования в аграрном секторе СССР, общий их итог оказался печальным – страна и к концу XX в. все еще не обеспечивала себя продовольствием в нужном объеме. Более того, к этому времени Россия попала в прямую продовольственную зависимость от импорта, что открыто признавало даже правительство.

После смерти Сталина в аграрной политике начался новый этап. Слишком очевидны к этому времени были пагубные последствия продолжавшегося в течение почти четверти века непомерного изъятия материальных и прочих ресурсов из деревни. В период пребывания Н. С. Хрущева на высших постах в партии и государстве началось постепенное оздоровление аграрной экономики, которая на целых 10 лет стала приоритетным направлением развития страны и постоянно находилась под прицелом внимания правительства. Если при Сталине ее суть сводилась к практически бескомпромиссному подходу к крестьянству и безоглядному выкачиванию средств из села, то с осени 1953 г. в ней началась полоса многочисленных преобразований разного масштаба и результативности. Их цель в обобщенном виде может быть определена как попытка реального прорыва в сельском хозяйстве, нацеленного на решение продовольственной проблемы.

Уже на Сентябрьском Пленуме ЦК партии (1953 г.) была принята новая программа развития сельского хозяйства, взят курс на усиление роли интенсивных факторов. Были существенно повышены заготовительные и закупочные цены на все виды сельскохозяйственной продукции, и на базе этого начался заметный подъем материальной заинтересованности работников колхозов, в том числе и за счет снижения налогового бремени с их подсобных хозяйств и др.[7]

Начиная с сентября 1953 г. и до середины 1964 г. аграрная тематика доминировала в повестке дня 14 пленумов ЦК КПСС, и на всех регулярно проводившихся партийных съездах в той или иной форме тоже шла речь о проблемах сельского хозяйства. Можно сказать, что в период правления Н. С. Хрущева советская деревня по существу превратилась в испытательный полигон, на котором методом «проб и ошибок» неутомимый реформатор отрабатывал самые разные варианты собственного инновационного подхода к решению зерновой проблемы (не только освоение целины, но и фантастический проект «догнать и перегнать Америку по производству животноводческой продукции», как осознаваемая им необходимость модернизационных реформ «догоняющего» характера в аграрном секторе, а также повсеместное распространение кукурузы как универсального средства обеспечения корма-

ми животноводства и др.). Уже из самого этого перечня видно, что далеко не все акции Н. С. Хрущева, предпринятые после судьбоносного 1953 г., строго соответствовали намеченной Пленумом программе интенсификации аграрной сферы. Особенно явным отступлением от нее стал план по дополнительной распашке и включению в сельскохозяйственный оборот целинных и залежных земель на востоке страны.

Данный проект задумывался как попытка в кратчайшие сроки покончить, наконец, с продовольственной проблемой в стране. Забегая вперед, отметим, что воплощение этого замысла на определенном этапе было вполне успешным, но, как часто бывало в российской истории, успех оказался недолгим, к тому же и не однозначно бесспорным. Позже в адрес Хрущева по поводу целины было высказано очень много разной критики, в том числе и справедливой, тем более что с конца 1950-х гг. урожайность на новых землях стала резко падать, что стало важнейшей причиной очередного обострения зернового кризиса в СССР. На октябрьском (1964 г.) Пленуме партии коллеги по Президиуму ЦК припомнили Хрущеву все его неудачные эскапады в области сельского хозяйства, а целину в особенности, за что и сняли его с должности, отправив на пенсию.

Не удивительно, что во времена Л. И. Брежнева, который в октябре 1964 г. был назначен на высшие руководящие посты в стране, само имя Н. С. Хрущева стало своеобразной «фигурой умолчания». Практически все преобразования в сельском хозяйстве за предыдущее 10-летие, включая и целинную эпопею, советское руководство при новом Генсеке стало оценивать лишь как проявление авторитаризма и волюнтаризма, обходя полным молчанием личность, под непосредственным руководством которой они были осуществлены. Безусловно, сама целина впоследствии вошла во все учебники и труды по истории Отечества, правда, в значительной мере в негативном контексте, а имя главного ее инициатора перестало вообще упоминаться. Обычно дело ограничивалось лишь констатацией факта, что целинные совхозы и колхозы внесли значительный вклад в создание продовольственного фонда страны, после чего внимание переключалось на критику (общую неподготовленность этой кампании, тяжелый экономический ущерб, причиненный ею развитию сельского хозяйства в центральных, «старопахотных» областях страны и др.)[8].

Более того, в 1970-е гг. у Н. С. Хрущева пытались даже отнять авторство самой идеи освоения целины. В частности, Л. И. Брежнев в своих воспоминаниях писал: «Иногда спрашивают, кто был автор идеи поднять целину?... Считаю, что сам вопрос неверен, в нем кроется попытка выдающееся свершение нашей партии и народа приписать “прозрению” и воле какого-либо одного человека. Подъем целины – это великая идея коммунистической партии»[9].

С целью замалчивания роли Хрущева в подъеме целины дело стало представляться таким образом, что курс на ее массовое освоение был определен на XIX съезде партии, а затем был продолжен сентябрьским (1953 г.) Пленумом. Однако такие выводы находятся в серьезном противоречии с реальными фактами. Выше уже отмечалось, что XIX съезд исходил из того, что зерновая проблема в стране решена, вследствие чего в области сельского хозяйства на ближайшие годы главной задачей провозглашался рост урожайности всех сельскохозяйственных культур, т. е. был взят курс на интенсивное развитие. В связи с этим представляется сомнительным упоминание об экстенсивных факторах – о вовлечении в хозяйственный оборот дополнительных земельных площадей. И, как видно из документов этого съезда, речь об этом вообще не шла[10].

Думается, что о целинной эпопее, задуманной и в целом удачно осуществленной под руководством Н. С. Хрущева, в нашей стране все же известно немало. Другое дело, что, несмотря на признание серьезного вклада освоенных целинных земель в общее увеличение производства зерна, ряд других позитивных сторон этой акции замалчивался, и основной акцент всегда был смещен в сторону негативных моментов, которые ей сопутствовали. В результате истинные масштабы сделанного и экономическая эффективность данного меро-

приятия с годами отошли как бы на второй план, а на поверхности остались скорее негативно-уничижительные оценки.

Известно, что большое видится издалека, а в данном случае объективная оценка кампании по освоению целины для советской экономики и сельского хозяйства может быть более объективной и трезвой как раз в наши дни, когда появилась возможность ее исторического сравнения, например, с экономическими и социальными последствиями недавней рыночной реформы в сельском хозяйстве (1990-х гг.).

В СССР долгое время не существовало возможностей для серьезного и объективно взвешенного изучения целинной эпопеи и ее экономических результатов. Одной из основных причин такого положения являлось ставшее привычным замалчивание имени Хрущева и его вклада в развитие отечественного сельского хозяйства. Кроме того, историкам многие годы были недоступны и основные документальные источники по этой проблеме.

Уже в 1990-е гг. новый взгляд на деятельность Хрущева и проведенную им целинную кампанию, а также на позицию советской аграрной науки по данному вопросу, отразил в своих трудах академик А. А. Никонов, бывший очевидцем и даже активным участником многих событий тех лет. Задав далеко не праздный вопрос – о целесообразности распашки целины и залежей на востоке страны, он сразу прояснил собственную позицию, выразив ее следующим образом: «…а надо ли было начинать это крупное мероприятие, не лучше ли было сосредоточить силы и средства в давно обжитых районах, например, российского Нечерноземья и Черноземья, вообще европейской части страны? Ведь здесь село в те годы не было столь запустелым. К тому же климат в этой зоне менее континентальный по сравнению со степью…». Однако принят был восточный вариант.

А. А. Никонов серьезно дополнил источниковую базу проблемы целины введением нового материала об оппозиции Хрущеву по данному вопросу при обсуждении в ЦК – в лице «бывших ближайших соратников Сталина» (Молотова, Маленкова, Ворошилова, Кагановича и др.), которые активно сопротивлялись реализации данной программы и т. д.[11]

Уже после того, как в 1990-е гг. в дополнение к имевшимся документам была опубликована упомянутая ранее стенограмма партийного Пленума (июнь 1957 г.), где оценивались и первые итоги освоения целины, на обновленной источниковой базе и с принципиально иным подходом к аграрной политике Н. С. Хрущева приступил И. Е. Зеленин. Он детально проанализировал основные реформы 1950-х гг., дал им объективную и взвешенную оценку, детально остановившись на их позитивных и негативных результатах. Такому же анализу была подвергнута и массовая кампания по освоению целинных и залежных земель – от зарождения самой идеи, разработки на ее основе специального проекта, продвижения его через ЦК – и вплоть до анализа полученных в разные годы итогов[12].

И. Е. Зеленин и другие исследователи данной проблемы отмечают, что грандиозная программа освоения целинных и залежных земель стала разрабатываться непосредственно после окончания сентябрьского (1953 г.) Пленума партии, на котором основной доклад о состоянии сельского хозяйства сделал Н. С. Хрущев. Скорее всего, мысль о необходимости дополнительной распашки веками нетронутых целинных земель пришла ему в голову именно как вариант выхода из тупика, в котором оказалось сельское хозяйство к осени 1953 г.[13]

Если сравнивать научную проработку программы освоения целины с другими значимыми преобразованиями в сельском хозяйстве, например, радикальными реформами 1990-х гг., нельзя не заметить у них как определенное сходство, так и черты разительного отличия. Причем немаловажную роль в этом продолжает играть исторически закрепившаяся оценка результатов целинной эпопеи, зачастую объективно не соответствующая истинному экономическому эффекту, полученному в ходе ее практической реализации.

Возвращаясь к оценке общей подготовленности отдельных реформ в сельскохозяйственной сфере, хотелось бы отметить очевидный контраст в самом подходе к предварительной

проработке советского проекта освоения целины с тем, как разрабатывались радикальные рыночные реформы последнего 10-летия в новой России. В самом начале 1990-х гг. руководство страны объявило, что им взят курс на рыночные преобразования, после чего достаточно долго в средствах массовой информации не появлялось никакой конкретной информации на этот счет. В определенных кругах общества курсировали слухи, что реформы якобы готовятся группой молодых ученых-экономистов во главе с Е. Т. Гайдаром. Но в прессе никаких столь необходимых в данном случае публикаций о характере и сути грядущих преобразований практически не появлялось. Ничего не сообщалось и о том, как идет процесс выработки проекта реформ, их концепции, не говоря о соответствующих цифровых данных. Отсутствовали любые сколько-нибудь серьезные подтверждения самого факта подготовки реформ. Кстати, даже сегодня, спустя 20 лет, какая-либо достоверная информация о том, каким был подготовительный этап российских рыночных реформ, включая аграрную, отсутствует.

О том, что рыночные реформы начались, россияне узнали 2 января 1992 г., когда придя в магазин, просто увидели новые ценники с многократно возросшими ценами. Первым шагом на пути к рынку в России довольно внезапно стала либерализация цен на товары и услуги. Шок от произошедшего был настолько велик, что сразу стало ясно – это и есть обещанная «шоковая терапия»[14].

Целинный проект Н. С. Хрущева в отличие от современных аграрных реформ прошел довольно тщательную предварительную проработку. Достаточно сказать, что эту идею ее автор вынашивал с сентябрьского Пленума 1953 г. – того самого, который впервые почти за четверть века принял реальную программу подъема сельского хозяйства, пошел на заметный рост финансирования отрасли и повышение материальной заинтересованности колхозного крестьянства. Подготовка данного проекта заняла около полугода, и 30 января 1954 г. Н. С. Хрущевым была подана в Президиум ЦК КПСС Записка под весьма актуальным для того времени заголовком «Пути решения зерновой проблемы». В ней на основе серьезного анализа тяжелой ситуации, сложившейся в сельском хозяйстве, предлагался принципиально новый подход к решению данной проблемы. В частности, была выдвинута задача освоения залежных и целинных земель уже в 1954–1955 гг., которая рассматривалась как первостепенная проблема всего сельского хозяйства, требующая безотлагательного решения.

Работая над проектом освоения целины, Хрущеву представлялось совершенно необходимым обоснование экономической целесообразности вовлечения в хозяйственный оборот огромных неиспользуемых земельных массивов, сосредоточенных в основном на востоке страны. По его убеждению, их распашка способствовала бы реальному увеличению производства зерна в относительно короткие сроки. Предварительно он запросил мнение весьма компетентных в данной области лиц и инстанций. Материалы, представленные Хрущеву ведущими специалистами, среди которых были министр сельского хозяйства И. Бенедиктов, его заместитель В. Мацкевич, президент ВАСХНИЛ академик П. Лобанов и др., и были положены в основу подготовленной им Записки для ЦК. Желая придать своим расчетам большую убедительность, Хрущев к подготовленной Записке приложил ценные документы (заранее разработанный проект постановления «Об увеличении производства зерна в 1954–1955 гг. за счет освоения целинных и залежных земель»; Докладную записку Госплана СССР по данному вопросу, обобщавшую выводы нескольких министерств; записку оптимистического содержания от «самого народного» академика Т. Д. Лысенко относительно перспектив урожайности зерновых на целине; а также вырезки из газет с об уже накопленном коллективными хозяйствами опыта по освоению целинных и залежных земель. Однако во всех прилагаемых материалах наряду с безусловной поддержкой идеи освоения целины содержались предостережения специалистов о необходимости учитывать экологический фактор – распашка веками отдыхавших земель должна вестись лишь при строго определенных

условиях. У всех авторов не вызывало сомнения, что естественное плодородие распаханных земель можно эксплуатировать лишь несколько лет подряд, после чего земле следует дать отдых, сосредоточив основное внимание на специальных агроприемах, а темпы дальнейшей распашки новых земель необходимо существенно снизить[15].

Значительное место в Записке Хрущева было уделено доказательству необоснованности сделанного на XIX съезде ВКП (б) заявления о решенности зерновой проблемы и его несоответствия реальному положению вещей. Для этого он сопоставил данные о хлебозаготовках за последние годы: в 1953 г. государственный план предусматривал хлебозаготовки в объеме 850 млн пудов, но фактически было заготовлено только 447 млн, т. е. заметно меньше, особенно в сравнении с 1940 и 1950, 1951 гг. Приводились и другие цифровые выкладки, анализ которых показывал, что заготовки и закупки постепенно приносят в государственные закрома все меньше хлеба. Автор подчеркивал всю опасность наметившейся тенденции, поскольку в стране быстро росло городское население и соответственно росли потребности в зерне. В результате создавалось несоответствие между объемами зерна, поступавшего в государственные закрома, и реальными запросами населения. В связи с этим Хрущев писал: «Сейчас перед страной стоит задача – изыскать возможности резкого увеличения производства зерна с тем, чтобы государство имело в своих руках в ближайшие годы по заготовкам и закупкам 2500–2600 млн пудов зерна продовольственных, фуражных, крупяных и зернобобовых культур»[16].

Как уже отмечалось, зерновую проблему Н. С. Хрущев справедливо оценил как важнейший недостаток советского сельского хозяйства. Для быстрейшего преодоления накопившихся трудностей с производством зерна, он считал, что «важным и совершенно реальным источником увеличения производства зерна является расширение в ближайшие годы посевов зерновых культур на залежных и целинных землях в Казахстане, а также частично в районах Поволжья и Северного Кавказа и проведение мероприятий по всемерному повышению урожайности во всех районах страны». Начинать он предлагал с распашки 13 млн га, в том числе 8,7 млн – силами колхозов и 4,3 млн га – совхозов. Исходя из средней урожайности в 10 центнеров с гектара, это могло принести дополнительно 800–900 млн пудов хлеба, в том числе товарного (по обязательным поставкам, закупкам и натуроплате) – 500–600 млн пудов. Если учесть, что себестоимость зерна по совхозам равнялась 47 р., то в результате можно будет еще и госбюджет пополнить примерно 17 млрд р. Причем этот хлеб будет получен с минимальными затратами, а принимая во внимание климатические условия целинных районов, он должен быть высокого качества[17].

На основе изучения полученных им по запросу документов, а также фактического положения в зерновой отрасли Хрущев составил план освоения целинных и залежных земель на ближайшие 2 года в разных частях страны и даже рассчитал возможную урожайность. Однако было одно обстоятельство, которое автор Записки поставил как бы в тень, – это безусловный вывод специалистов, мнением которых интересовался Хрущев, относительно необходимости значительного сокращения темпов дальнейшей распашки новых земель и строгого соблюдения агротехнических правил на уже использовавшихся в течение двух лет площадях[18]. Этими рекомендациями знающих людей, как впоследствии оказалось, Хрущев пренебрег.

Тем не менее, все это подтверждает, что Н. С. Хрущев на этапе подготовки целинного проекта по-своему серьезно, хотя и в свойственной ему излишне оптимистичной манере, подошел к проблеме освоения целины, изучив для этого все возможные тогда виды достоверной научной информации – мнения авторитетных специалистов и деятелей сельскохозяйственной науки. На самом обсуждении в ЦК представленное столь неоднозначное и достаточно дискуссионное предложение, естественно, не могло не вызвать и противоположных мнений и высказываний. Особая дискуссия разгорелась, когда против него стали активно возражать члены делегации ЦК КП Казахстана, резонно ссылавшиеся на отсутствие

в районах будущего освоения целины транспортной и производственной инфраструктуры, а также острую нехватку жилья. Их аргументы строились еще и на том, что массовая распашка целины в их республике пойдет вразрез с интересами коренного населения, которое традиционно использует эти земли в качестве выпасов для скота. По воспоминаниям академика А. А. Никонова, они представили свою местную карту почв, из которой следовало, что пахать там можно было далеко не все из намеченных земель. В противном случае, предупреждали казахи, в перспективе весьма вероятны серьезные экологические катастрофы – бурные вспышки пыльных бурь, исчезновение пахотного слоя на огромных площадях, а в Калмыкии и Нижнем Поволжье – появление первых на европейском континенте пустынь. Все эти аргументы Хрущев парировал как политически незрелые, а представления об ущербе от распашки целинных земель назвал вообще отсталыми[19].

Еще одно возражение против целинного проекта неожиданно для Хрущева выдвинула группа ученых во главе с профессором М. Г. Чижевским, специализировавшихся по проблемам засушливого земледелия. Они высказали острые критические замечания в адрес отдельных положений программы освоения целины, сославшись на уже имевшийся печальный опыт Зернотреста, совхозы которого осуществляли бессистемные посевы в районах засушливого земледелия, в результате чего получили сплошные заросли сорняков, с которыми очень трудно бороться. И снова прозвучало предупреждение: только грамотное внедрение с самого начала освоения целины правильных севооборотов, травосеяния и сочетания зернового производства с животноводством поможет воспрепятствовать засорению почв[20].

Тем не менее, на заседании президиума ЦК 30 января 1954 г. Записка Хрущева получила одобрение и была поставлена в повестку дня ближайшего Февральского Пленума ЦК КПСС. На нем обсуждение проекта об освоении целины также было встречено с некоторой долей критики. На сей раз серьезным оппонентом оказался министр иностранных дел В. М. Молотов, сомневавшийся в целесообразности хозяйственного риска – оттягивания средств от тех районов, которые давно дают хлеб, в пользу новых, где никогда не было хлеба и не известно, будет ли он там. Это сомнительное дело, – говорил он. Надо поднимать производство зерна в старых районах[21].

Однако мнение, что подъем целины позволит решить вопрос об обеспечении страны хлебом, победило. По итогам работы Пленума в начале марта 1954 г. было принято постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель». В нем отмечалось, что для решения зерновой проблемы страна располагает всеми необходимыми возможностями – землей, техникой, многочисленными научными кадрами и специалистами сельского хозяйства, а также миллионами крестьян. На 1954–1955 гг. ставилась задача распахать 13 млн га целины и залежи, а всего таких земель в СССР имелось около 40 млн.[22] Полученная поддержка проекта массового освоения целины на партийном пленуме 1954 г. означала полную победу плана аграрных реформ, задуманных Н. С. Хрущевым.

Ю. Аксютин пишет о личном обаянии Н. С. Хрущева, которое сильно располагало к нему людей. Выступая на этом Пленуме, а также перед молодежью, отправлявшейся на целину, Н. С. Хрущев предстал человеком, умевшим без бумажки, просто и доходчиво говорить, улыбаться и шутить. И это способствовало быстрому росту его популярности среди молодежи, которая оказала ему всемерную поддержку[23].

Освоение целины быстро приобрело характер всенародной акции – в районы освоения поехали сотни тысяч колхозников, работников МТС и совхозов, а также городских рабочих. Уже к концу июня 1954 г. в целинных МТС и совхозах трудилось более 140 тыс. человек. Освоение целины обычно связывается с совхозами, но и роль колхозов в новых районах была далеко не второстепенной. В отличие от целинных областей Казахстана, где создавались в основном совхозы, в РСФСР, по крайней мере на этапе ее массового освоения

(1954–1956 гг.), главную роль в освоении целины сыграли колхозы. В это время распашкой новых земель в России занималось около 88 тыс. колхозов, а в Казахстане – лишь 1,7 тыс. колхозов. Российские колхозники уже в 1954 г. совместно с работниками целинных МТС, имея задание поднять 8,7 млн га новых земель, сумели распахать 11,3 млн га. Всего же за первые 3 года широкого наступления на целину колхозы подняли 21,6 млн га целинных и залежных земель, что составляло свыше 60 % общего количества вспаханных за это время новых земель[24].

Совхозы сыграли не меньшую роль в подъеме целинных и залежных земель. Они создавались в степных районах – только за весенние месяцы 1954 г. там появилось 124 зерновых совхоза, а всего за первые два года массового освоения в этих районах действовало уже 425 зерновых совхозов. Их создание продолжалось в последующие годы. К началу 1957 г. в целом совхозы, организованные в 1954–1955 гг. на целинных землях, располагали уже 176,3 тыс. постоянных штатных работников (без сезонных), в т. ч. 40,7 тыс. – в РСФСР и 135,5 тыс. – в Казахской ССР. Всего же годы массового освоения целины туда прибыло свыше 0,5 млн человек[25].

Важно подчеркнуть, что вместе с людьми на целину потекли колоссальные материальные и финансовые ресурсы. Целинные хозяйства неплохо снабжались сельскохозяйственной техникой – уже в течение первых месяцев целинной эпопеи они получили 50 тыс. тракторов (в 15-сильном исчислении), 6,3 тыс. грузовых автомашин, много другой техники, оборудования и материалов. Не жалело правительство и финансовых средств – только на строительство жилых и производственных помещений направило 400 млн р., что дало возможность быстро соорудить стандартные дома общей площадью в 250 тыс. кв. м. О приоритетном техническом оснащении целинных хозяйств свидетельствует тот факт, что в начале 1957 г. общая мощность тракторов, сосредоточенных только в целинных совхозах системы Министерства совхозов СССР, достигала уже 1335,2 тыс. л. с., или более 30 % от их суммарной мощности по данному ведомству в масштабах всей страны[26].

Первые годы на целине оказались очень урожайными – собранный на этих площадях урожай действительно заметно ослабил остроту продовольственной проблемы. Если до массового освоения целины средний валовой сбор зерна (амбарный урожай) в стране ежегодно на протяжении 1949–1953 гг. составлял 80,9 млн т, то в 1954–1958 гг. ежегодные средние сборы зерновых выросли до 113,2 млн т. Это означало, что новые целинные районы давали почти 30 % хлеба дополнительно. Соответственно значительно (вполовину) выросли и объемы государственных заготовок и закупок зерновых – с 31,1 млн т (в 1953 г.) до 56,8 млн т (в 1958 г.)[27].

По подсчетам ученых, чтобы получить такой хлеб в районах традиционного земледелия, стране потребовалось бы не менее 10 лет. В то же время распашка целины дала столь весомую прибавку всего за 5 лет. В результате улучшилось снабжение населения продовольствием, выросло производство мяса, молока. Особенно большой успех целина принесла в очень благоприятном по климатическим условиям 1956 г., когда удалось собрать рекордный урожай – 127,6 млн т зерновых. Благодаря освоению целины быстро поднимался ее удельный вес в общих закупках зерна по СССР: в 1958 г. доля целинного хлеба превысила половину всех сборов по стране (58 %), в 1960 г. – даже 62 %, после чего стала резко снижаться – до 45 % (в 1961 г.) и 37 % (в 1963 г.). Тем не менее, на этапе 1950-х гг., когда в СССР особенно остро ощущался продовольственный кризис из-за недопроизводства зерновых, поступление целинного хлеба сыграло решающую роль в снабжении населения продуктами. Еще раз подчеркнем, что в 1956–1958 гг. целина давала более половины заготовленного хлеба[28].

Об эффективности целины можно судить еще и по другим данным. Как подсчитал в свое время академик А. А. Никонов, за 1954–1959 гг. в освоение целины государство вложило 37,4 млрд р. В то же время только за счет товарного зерна госбюджет получил из новых районов около 62 млрд р., т. е. один чистый доход составил 24 млрд.[29]

Но, говоря об огромной экономической пользе поднятой целины, было бы неверным не отметить и теневые страницы ее истории. Выше уже отмечалось, что на целинные земли государство щедро направляло технику и финансы. Но очевидно, и этих ресурсов не хватало, так как у целинников было много проблем по всем направлениям. По существу освоение целины с самого начала превратилось в очередную правительственную кампанию, начатую в полном смысле слова на пустом месте. Никакой предварительной подготовки на местах к приезду целинников не было проведено: не было ни дорог, ни зернохранилищ, ни квалифицированных специалистов, не говоря уж о жилье – все это полностью отсутствовало. Поначалу прибывавшая молодежь практически повсеместно ночевала в палатках прямо посреди зимней степи, до тех пор, пока не были построены домики, пригодные для проживания. В организации труда тоже было далеко до полного порядка – многочисленные неувязки и трудности с поставкой техники, горючего, строительных материалов и пр. постоянно рождали неразбериху, и не секрет, что на целине процветали авралы и штурмовщина. Выборочные проверки урожая зерновых на целине обнаруживали большие потери зерна при уборке: например, в 1958 г. в совхозах Актюбинской области Казахстана они достигали 20 %, а по Восточно-Казахстанской области – 27,7 %. Наряду с низким качеством уборки в целинных хозяйствах не всегда обеспечивалось полное и своевременное оприходование собранного урожая, допускались и другие нарушения[30]. Не были редкими и случаи вынужденной переброски через всю страну сельскохозяйственных машин, столь необходимых на целине. Из-за острой нехватки кадров в период страды на целину стали направлять студентов, городских рабочих – все это сильно завышало фактическую себестоимость целинного зерна, а, следовательно, произведенного мяса и молока и другой продукции.

Под напором нахлынувших бытовых и производственных проблем были позабыты рекомендации и предупреждения ученых о необходимости особой пахоты на целине, о возможных песчаных бурях и суховеях, ограничении сроков эксплуатации природного плодородия почв. За годы массового освоения так и не были разработаны щадящие способы обработки почв и адаптированные к данному климату сорта зерновых. По имеющимся сведениям, в Казахстане свыше 1/3 пахотных земель было заражено почвенной эрозией. Все это приводило к нарушению экологического равновесия на целине[31]. Грубое вмешательство в природу не прошло без последствий. После нескольких лет ее явной благосклонности к целинникам стихийные факторы, обычные для тех мест, вполне себя проявили, подтвердив мудрость наших предков, обоснованно не трогавших залежь – «зону рискованного земледелия».

Во многом крайне негативные последствия распашки и хозяйственного освоения целины возникли из-за необоснованного увеличения плановых заданий. Главной ошибкой сильно увлекающегося Хрущева было то, что по его команде масштабы освоения целины постепенно нарастали, как снежный ком. Если Пленум ЦК в феврале 1954 г. в качестве важнейшей государственной задачи наметил на 1954–1955 гг. освоить не менее 13 млн га целины, то уже в июне неутомимый реформатор стал форсировать это дело, дав указание дополнительно распахать еще 15 млн га, а в августе речь пошла уже о доведении посевов зерновых культур на вновь осваиваемых землях до 28–30 млн га. Всего же на этапе массового освоения (в 1954–1956 гг.) было распахано 35,9 млн га целины, из них почти 20 млн – в Казахской ССР и более 15 млн га – в РСФСР[32].

Во многом цена успеха целины, измерявшаяся в итоге не только дополнительными тоннами хлеба, обошлась стране недешево. Ее массовое освоение сопровождалось серьезным перераспределением трудовых ресурсов и сельскохозяйственной техники, преимущественно поступавших туда за счет старопахотных районов России. Важным последствием такой политики стал отток трудовых ресурсов из центральных областей на целину, который, наложившись на традиционную сельскую миграцию, резко усилил там общую убыль сельского населения. В результате именно с середины 1950-х гг. началось запустение деревни и упа-

док сельского хозяйства в Российском Нечерноземье. Исследователи отмечают, что в разгар «целинного штурма» снабжение техникой МТС традиционных районов земледелия было фактически парализовано. Ради получения миллиарда пудов целинного хлеба Хрущев ни перед чем не останавливался. Новая продукция советских заводов сельскохозяйственного машиностроения в эти годы почти вся напрямую уходила на целину. Из-за этого материально-техническое снабжение сельского хозяйства в старых районах практически прекратилось, а техники и других необходимых ресурсов за 1954–1956 гг. поступило даже меньше, чем при Сталине. В результате то количество машин, которое поступало в МТС центральных районов, не компенсировало изношенных и выбракованных машин. Мощность тракторного парка МТС соответственно тоже заметно сократилась[33].

Весьма печальным стало и то, что целинный эффект оказался достаточно кратковременным – сбылись мрачные прогнозы относительно нестабильности урожаев в районах массового освоения. Более-менее высокие урожаи были получены лишь в 1954, 1956, 1958 и 1960 гг., а затем стало ясно, что целина действительно превратилась в зону «рискованного земледелия». Иссякло естественное плодородие и в целинных областях Казахстана, все чаще стали проявляться ветровые эрозии и другие негативные экологические последствия[34].

Суховеи и пыльные бури, недостаток влаги, как и предсказывали ученые, сделали свое дело, и в 1960-е гг. целинные урожаи резко снизились. СССР вновь столкнулся с проблемой нехватки хлеба. При выпечке на хлебозаводах в виду крайней нехватки пшеницы и даже ржи в него стали добавлять кукурузу и горох, что резко отрицательно сказалось на качестве хлеба. А с 1963 г. впервые в отечественной истории СССР был вынужден закупить хлеб за границей. Кстати, именно с этого времени закупки зерна за границей непрерывно практиковались до самого последнего времени, что свидетельствовало о нерешенности в полной мере зерновой проблемы. Однако отрицать то, что освоение целины все же способствовало ее заметному ослаблению, нельзя.

Несмотря на то, что впоследствии многие из распаханных земель по причине экологического неблагополучия были заброшены, производство зерна и животноводческой продукции в целинных районах не прекратилось. Всего за 40 лет, начиная с середины 1950-х гг., одна только Российская Федерация (не считая Казахстана – ныне независимого государства), получила с бывших целинных и залежных земель 1,6 млрд т зерна, что составляло 44 % от валовых сборов по всей России. Экономический эффект от целины только получением дополнительного зерна не исчерпывался – за это время в освоенных районах было произведено много и другой продукции: 91,3 млн т мяса в убойном весе (34 %), 598 млн т молока (34 %), 363 млрд штук яиц (30 %) и 3135 тыс. т шерсти (40 %)[35]. Все это доказывает, что решение Хрущева об освоении целины не было ошибкой, хотя при этом и было допущено много ошибок.

Истинная экономическая эффективность освоения целины особенно наглядна при сопоставлении с реальными последствиями других реформ, например, рыночных преобразований 1990-х гг. Их результаты тоже оказались весьма впечатляющими, но совсем не теми, на которые рассчитывала команда Е. Гайдара, необычайно смело к ним приступая. Молодые реформаторы, похоже, не очень утруждали себя серьезной проработкой даже важнейших положений аграрной реформы. На первом ее этапе были осуществлены наиболее радикальные меры, но все они были из числа тех, которые были выработаны в 1987–1990 гг., т. е. еще в СССР. В соответствии с принятыми тогда законами была отменена государственная монополия на землю и проведена приватизация. Что касается расформирования колхозов и совхозов, то эта акция проводилась по решению правительства уже новой России (от 29 декабря 1991 г.) «О порядке реорганизации колхозов и совхозов». Нужно отметить, что в этом постановлении не было соответствующего такому случаю анализа истинных причин невысокой эффективности производства в советских колхозах и совхозах, а сразу был вынесен

им вердикт: «они не смогли накормить страну». Это означало, что российские реформаторы переводили решение проблемы эффективности сельского хозяйства из экономической плоскости в другую, имевшую для тогдашней России скорее политическое значение. Вопрос ставился ребром: необходима смена собственности на землю. Ссылаясь на принятый накануне Закон о предприятиях и предпринимательской деятельности, новое руководство страны потребовало от всех колхозов и совхозов срочной (в течение 1 года) перерегистрации и изменения статуса[36]. По существу это предрешало фактический роспуск последних.

И с этого момента дела пошли намного хуже. Реорганизация колхозно-совхозного сектора вызвала сокращение занятости на селе и быстро растущую безработицу. По данным Госкомстата РФ, в 1990 г. в сельском хозяйстве работало 9,7 млн работников, в 1997 г. – 8,6, а в 2003 г. – уже лишь 7,2 млн. Следовательно, количество занятых в аграрной отрасли с 1990 по 2003 г. сократилась почти на 25 %, при том, что общая численность населения в трудоспособном возрасте за это же время на селе возросла еще на 1,5 млн человек. Значительная часть сельских работников по-прежнему была занята в остававшихся колхозах и совхозах, получая зарплату размером менее 1 прожиточного минимума[37].

Безработица захватила село, приняла затяжной характер. За годы рыночных реформ постоянную работу потеряло не менее 40 % работоспособных жителей деревни. Опросы, проведенные опросы по методике Международной организации труда, показали довольно высокий уровень сельской безработицы в России – 18 % (в конце 1990-х гг.)[38]. Безработица на селе в основном затронула молодежь и женщин. Роспуск большинства предприятий советского типа, свертывание сельской социальной сферы и отсутствие на селе новых рабочих мест привело к тому, что подросшая за годы реформ сельская молодежь найти работу не могла. В 1999 г. более половины сельских безработных в поисках работы находились по году и более[39].

Неудача постигла и другое приоритетное направление аграрной реформы. Как известно, именно с фермерским укладом были связаны особые надежды российских либерал-демократов, и они предполагали оказывать ему всемерную поддержку. Но довольно скоро выяснилось, что созданный кое-как, в спешке, государственный механизм выделения кредитных средств фермерским хозяйствам работал неэффективно. На практике обещанные льготные кредиты оказалось получить очень трудно, а если и удавалось, то галопирующая инфляция делала эту сумму буквально каплей в море реальных производственных затрат фермеров. В сочетании с другими причинами это препятствовало превращению фермерского движения в подлинно массовое, и число крестьянских (фермерских) хозяйств в стране перестало расти. Для его успешного функционирования одного наделения землей было недостаточно – требовался и первоначальный капитал в виде производственных и непроизводственных фондов, а также оборотные денежные средства. В то же время тотальный кризис разорял деревню, принося ей огромные убытки. Только из-за диспаритета цен на продукцию промышленного и аграрного производства за 3 года (1992–1994) село потеряло около 110 трлн р.[40]

Подобные недоработки и общая неподготовленность к огромным трудностям, возникшим в ходе аграрной реформы, свидетельствовали об отсутствии у российского правительства долгосрочной программы, нацеленной на ее поддержку. По существу правительство оказалось не готово к бурному росту числа фермерских хозяйств и не смогло оказать им действенной помощи не только финансами, но и посредством организации системы сбыта сельскохозяйственной продукции.

Опыт проведения аграрных преобразований показал и другой очень важный факт – приступая к ним, российские младореформаторы не имели адекватного представления о современной деревне, о ценностных ориентациях крестьянства и вообще о реальной там ситуации. В действительности социальная база реформ в деревне, особенно на начальном этапе преобразований, оказалась очень узка. Далеко не во всех районах России шоковые методы роспуска колхозов и совхозов были встречены с одобрением. Реакция большинства селян

на приватизацию земли оказалась резко отрицательной, колхозы и совхозы покидать они не спешили. Весь накопленный за 1990-е гг. социологический материал свидетельствует, что основная масса сельских жителей в условиях переходного периода после роспуска колхозов существовала на грани нищеты, и ее отношение к таким реформам преимущественно было резко негативным. Основными причинами нежелания заводить фермерское хозяйство, как показали опросы, были: «боязнь риска самостоятельности», «нежелание надрываться», «страх неизбежных трудностей» и вообще – «в коллективе надежнее» и т. п.[41]

Для того, чтобы выжить в условиях экономического кризиса и массовой безработицы, селяне интенсифицировали свои личные подсобные хозяйства, что никак не входило в планы реформаторов. И хотя основу средств производства в данном секторе составляли архаичные орудия труда, они посредством небывалых трудовых усилий сумели добиться сравнительно высокой экономической отдачи. Сравнивая эффективность производства в фермерских и личных хозяйствах населения, имевших существенную разницу в земельных площадях с большим перевесом у фермеров, приходится констатировать, что доля личных хозяйств населения в валовой продукции сельского хозяйства значительно была выше. В течение периода 1990-х гг. они производили около половины (46–48 %), а доля крестьянских (фермерских) хозяйств составляла всего лишь 2,5 % от общего объема произведенной в стране аграрной продукции[42].

Академик Л. Абалкин подсчитал, что в конце XX в. Россия, обладая 10 % мировой пашни, производила всего 1,34 % мирового объема сельскохозяйственной продукции[43]. В этой явно недостойной великой страны пропорции повинен не только тяжелейший кризис и нестабильность обстановки 1990-х гг. Велика вина и самих «архитекторов» рыночных реформ. Аграрная реформа не была достаточно проработана – у нее не только не было единой концепции, но и сколько-нибудь глубокого анализа важнейших составляющих ситуации в российской деревне на момент реформ, как не было предусмотрено и запасных вариантов для лавирования в случае неудачи. Осуществление аграрной реформы выявило массу крупных ошибок, допущенных теми, кто ее готовил. Это и незнание социальной психологии и крестьянского менталитета, неоправданная скоропалительность, проявленная при фактическом роспуске колхозов и совхозов, резкое прекращение финансовой поддержки фермеров и многое другое. Поэтому закономерно, что основные идеи аграрной реформы в сельской среде не нашли должной поддержки. Проведенные реформы оказались не эффективны, а разрушительны для аграрных предприятий России: в 1995 г. 55 % их общего числа было убыточными, а в 2000 г. – 50,7 %[44]. Кроме того, даже решенные аграрной реформой задачи не привели к главному – реальному росту отечественного сельского хозяйства. Из-за неудавшихся реформ оно резко упало, что убедительно подтверждает особый показатель – индекс физического объема аграрной продукции, произведенной всеми категориями хозяйств. Данный индекс свидетельствует, что по отношению к уровню дореформенного 1990 г. в течение всего последующего 10-летнего периода проходило ежегодное снижение сельскохозяйственного производства в России. В 1998 г. это снижение оказалось максимальным, достигло самого дна, составив всего 56 % от уровня 1990 г.[45]

В итоге осуществленные в российской деревне рыночные реформы привели к негативным результатам: почти наполовину сократился объем произведенной сельскохозяйственной продукции; не было выполнено и другое важное направление, предусматривавшее создание эффективно работающих фермерских хозяйств в России. Рыночные реформы на селе вызвали массовую безработицу, застойную бедность сельских жителей, и тем самым, ожесточили против себя их подавляющую часть. Все это убедительно подтверждало оглушительный провал рыночных реформ на селе в 1990-е гг.

Однако это обстоятельство российскими средствами массовой информации как-то особо никогда не подчеркивалось. Современная ситуация в сельском хозяйстве упорно замалчи-

вается, сообщаются лишь какие-то частные детали, из которых не создается четкого представления о действительной ситуации в пореформенной российской деревне. Лишь непосредственно сельские жители, прошедшие через все «прелести» рыночных реформ, знают их истинную цену и до сих пор переживают все их тяжелые экономические и социальные последствия. Подобный экскурс в историю аграрных реформ конца XX в. предпринят здесь вполне осознанно, с конкретной целью, чтобы в их историческом контексте и уже с современных позиций более объективно и взвешенно оценить последствия крупной исторической акции по освоению целины, предпринятой советским лидером Н. С. Хрущевым. Его деятельность слишком долго и несправедливо критиковалась, а истинный экономический эффект, полученный от целины, сознательно занижался. Нам представляется, что бесславно проведенные в конце XX в. рыночные реформы в аграрном секторе и их разрушительные последствия для села лишь еще больше оттеняют истинный успех всенародной акции 1950-х гг., предпринятой во имя преодоления продовольственной проблемы в стране.

Примечания

[1] Сельское хозяйство СССР : стат. сб. М., 1960. С. 21.

[2] Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и др. док. / под ред. А. Н. Яковлева. М., 1998. С. 193.

[3] Зеленин И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001. С. 79.

[4] Там же. С. 15.

[5] Маленков Г. М. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП (б). М., 1952. С. 38; Аксютин Ю. Хрущевская оттепель и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2010. С. 63.

[6] Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства : в 5 т. Т. 1. М., 1962. С. 86.

[7] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1985. Т. 8. С. 303–360.

[8] См., напр.: Краткая история СССР. Ч. 2. М. : Наука, 1973. С. 428–430.

[9] Брежнев Л. И. Воспоминания. М., 1981. С. 254–255.

[10] См. об этом подробнее: Зеленин И. Е. Указ. соч. С. 6.

[11] Никонов А. А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М., 1995. С. 306–312.

[12] Зеленин И. Е. Указ. соч. С. 77–103.

[13] Там же. С. 84; Никонов А. А. Указ. соч. С. 306; Томилин В. Н. Наша крепость. МТС Черноземного Центра России в послевоенный период : 1946–1958 гг. М., 2009. С. 123.

[14] История современной России : десятилетие либеральных реформ 1991–1999 гг. М., 2011. С. 38.

[15] См.: Зеленин И. Е. Указ. соч. С. 87; Никонов А. А. Указ. соч. С. 306–307.

[16] Хрущев Н. С. Указ. соч. Т. 1. С. 85–87; Никонов А. А. Указ. соч. С. 306.

[17] Хрущев Н. С. Указ. соч. С. 85–90.

[18] Зеленин И. Е. Указ. соч. С. 86.

[19] Никонов А. А. Указ. соч. С. 308.

[20] См. об этом: Зеленин И. Е. Указ. соч. С. 91–92.

[21] Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма… С. 113; Аксютин Ю. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2010. С. 85.

[22] КПСС в резолюциях… Изд. 9-е. Т. 8. М., 1985. С. 366.

[23] Аксютин Ю. Указ. соч. С. 87.

[24] История советского крестьянства. Т. 4. М., 1988. С. 254.

[25] КПСС в резолюциях… Т. 8. С. 393; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 6036. Л. 60–61.

[26] РГАЭ. Там же. Л. 99 об., 100 об.
[27] Народное хозяйство СССР в 1958 г. : стат. ежегодник. М., 1959. С. 433.
[28] Страна Советов за 50 лет : стат. сб. М., 1972. С. 138–139; Советское крестьянство. Краткий очерк истории (1917–1969). М., 1970. С. 400.
[29] Никонов А. А. Указ. соч. С. 30.
[30] РГАЭ. Там же. Д. 6454. Л. 82, 227.
[31] См.: Аграрная политика Хрущева. URL : BestReferat.ru.
[32] Зеленин И. Е. Указ. соч. С. 96.
[33] См.: Томилин В. Н. Наша крепость. С. 179.
[34] Зеленин И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущева. С. 98.
[35] Никонов А. А. Указ. соч. С. 30.
[36] См.: Исправникова Н. Парадоксы аграрных реформ в России // АПК : экономика, управление. 2009. № 2. С. 14.
[37] Социальное положение и уровень жизни населения России. 1998 : стат. сб. М., 1998. С. 55; Узун В. Я. Аграрная структура в России : адаптация к рынку и эффективность // Бюллетень Центра АПЭ. 2003. № 2.
[38] Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга ВНИИ экономики сельского хозяйства при Минсельхозпроде РФ. М., 2000. С. 9–11.
[39] Сельское хозяйство в России : стат. сб. М., 2000. С. 157–158.
[40] Крестьян. Россия. 1995. № 22. 12–18 июня.
[41] Староверов В. И., Захаров А. Н. Либеральный передел аграрной сферы в России // Трагедия радикально-либеральной модернизации российского аграрного строя. М., 2004. С. 50, 51, 126, 185 и др.
[42] Сельское хозяйство в России : стат. сб. М., 1998. С. 34.
[43] Абалкин Л. Указ. соч. С. 14.
[44] Хицков И. Крестьянское подворье // АПК : экономика, управление. 2000. № 4. С. 49.
[45] Сельское хозяйство России. Официальное издание : стат. сб. М., 2000. С. 34–35.

Н. Н. Ивлев

ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДОХОДОВ В СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Экономическую ситуацию в СССР в годы Великой Отечественной войны можно расценивать как пример эффективной работы мобилизационной экономики. Государство изыскивало дополнительные возможности для усиления боевой мощи армии и развития промышленности. Мобилизационные мероприятия проводились во всех сферах экономики, не исключая и финансовую систему страны.

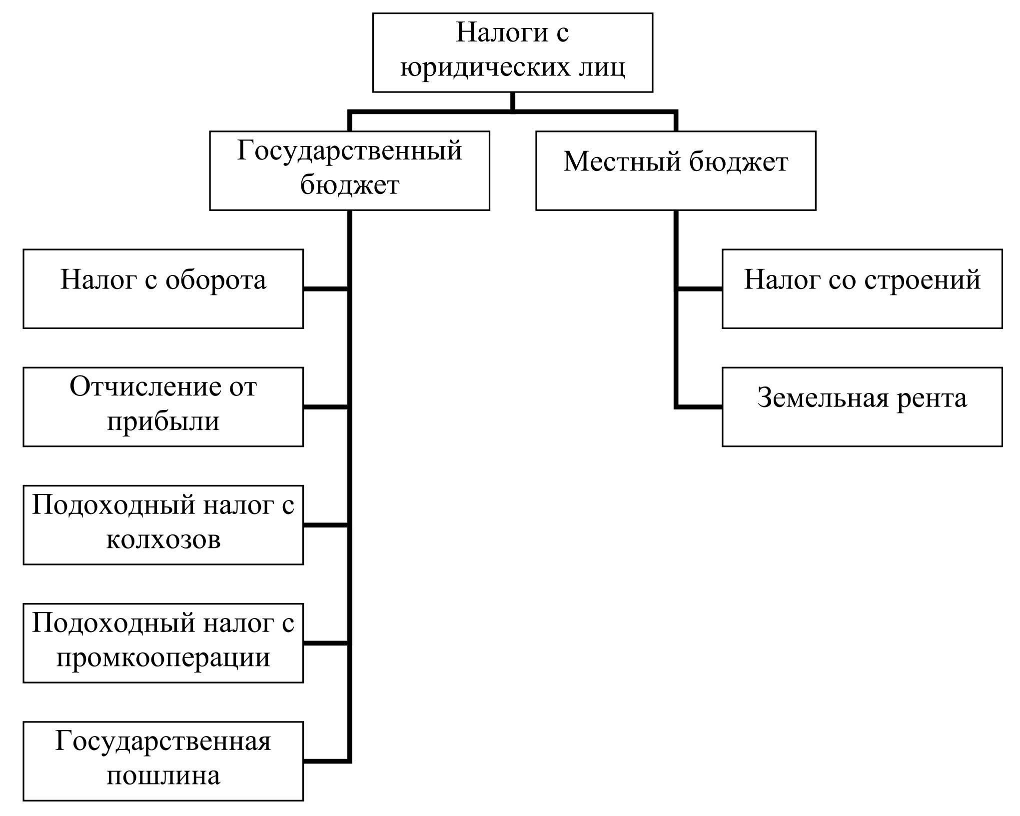
Историография вопроса немногочисленна. В работах общесоюзного уровня (К. Н. Плотников, М. Л. Тамарченко, В. П. Дьяченко)[1] содержится описание основных государственных доходов, указаны важнейшие направления налоговой политики, представлены общие данные по бюджетным поступлениям в годы войны. На региональном уровне (Урал) существуют работы, только косвенно затрагивающие исследуемый вопрос. К таким исследованиям можно отнести труд А. А. Антуфьева[2], где проанализирована работа уральских промышленных предприятий по снижению себестоимости продукции. В работе Н. П. Палецких[3], посвященной социальной политике в годы войны, исследованы изменения цен на товары и уста-

новлена связь этих изменений с размером налоговых поступлений в бюджет. К сожалению, специальных исследований по военным финансам в отечественной историографии нет.

Основным способом мобилизации денежных средств являлись налоговые платежи. В СССР они разделялись на налоги с населения (физических лиц) и платежи предприятий, организаций (юридических лиц). Налог – это обязательный, безвозмездный платёж, взимаемый органами государственной власти различных уровней с организаций и физических лиц в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований. Налоги следует отличать от сборов (пошлин), взимание которых носит не безвозмездный характер, а является условием совершения в отношении их плательщиков определённых действий.

На областном уровне работу по взиманию налоговых платежей населения осуществляли налоговые отделы в составе Облфо и Райгорфо, а платежами предприятий и организаций занимался сектор государственных доходов Облфо. В советской экономической науке было не принято использовать термин налоги с юридических лиц. Эти средства назывались государственными доходами или накоплениями социалистического (народного) хозяйства.

Структура государственных доходов 1941–1945 гг. в Челябинской области представлена на рисунке.

Структура налоговых платежей в Челябинской области в годы войны

Главными формами поступлений средств в государственный бюджет от юридических лиц были налог с оборота, отчисления от прибыли, подоходный налог с кооперации и колхозов. За их поступление отвечал сектор государственных доходов при облфо. Его сотрудники занимались налоговым планированием, осуществляли контроль за правильным и своевременным перечислением в бюджет указанных платежей. Сотрудники сектора находились в тесном взаимодействии с директорами и бухгалтерами предприятий. Контролируя их, они обеспечивали своевременную сдачу налоговой отчетности и перечисление налоговых платежей в бюджет.

Важнейшим элементом системы государственных доходов был налог с оборота. Налог с оборота – это часть денежных накоплений (чистого дохода) предприятий (объединений), непосредственно обращаемая в доход государства. Он взимался в виде разницы между розничными и оптовыми ценами предприятий за вычетом торговых скидок, имел твёрдые ставки (в рублях с единицы объёма продукции).

Налог с оборота являлся важнейшей формой денежных накоплений, создаваемых в народном хозяйстве и аккумулируемых финансовой системой. В довоенный период он сложился как основной источник бюджетных доходов, важнейший экономический рычаг, обеспечивающий регулярность и устойчивость образования фонда государственных ресурсов[4].

При составлении проекта бюджета Челябинской области на 1941 г. поступления от налога с оборота планировались в 118 млн р. – на 21 % больше, чем в 1940 г. При этом доходы от налога с оборота составляли четверть всех доходов области[5].

С началом войны происходило увеличение военного и сокращение гражданского производства, а с 1 января 1943 г. от налога с оборота была освобождена все продукция, направляемая в армию, – все это привело к сокращению поступлений налога с оборота[6]. Эти общегосударственные процессы незамедлительно сказались на темпах поступления налога с оборота в Челябинской области. Так, за четвертый квартал 1941 г. налога с оборота было собрано 360 млн р. или 87 % от плана[7], в 1942 г. задание НКФ по налогу с оборота составило 556900 тыс. р., собрано 376170 тыс. р. или 67,5 %[8].

Стремясь увеличить поступления налога с оборота, государство проводило повышение розничных цен на ряд товаров не первой необходимости (винно-водочные, табачные изделия и др.). Наиболее значительный рост цен произошел в апреле 1942 г., когда была проведена дооценка товаров. При этой процедуре товары делились на две группы. К первой были отнесены те, цены на которые повышались как в кооперативной и коммерческой торговле, так и в карточной торговле. На водку, вино, пиво, табачные изделия I сорта, хозяйственное мыло, парфюмерию цены поднялись на 100 %, на табак II и III сортов, махорку – на 150 %, на посуду, иглы, косы, меховые игрушки – на 200 %, на соль – на 300 % и т. д. Вторая группа товаров включала в себя те, которые шли в продажу без карточек, в коммерческой и кооперативной торговле. С 1 февраля 1943 г. вводились новые, повышенные еще раз, розничные цены на валяную и фетровую обувь[9].

Вместе с повышением цен областные власти стимулировали производство винно-водочных продуктов для увеличения поступлений в бюджет[10]. Еще 21 августа 1941 г. бюро Челябинского обкома ВКП (б) постановило расширить Шадринский и Златоустовский ликероводочные заводы с целью повышения поступлений средств в областной бюджет[11].

В годы войны рост производства алкоголя продолжался. Так, Челябинский облисполком 2 сентября 1943 г. отдал специальное распоряжение о производстве слабоалкогольных вин и горьких настоек. В распоряжении отмечалось, что крепость этих напитков не должна превышать 30 градусов, а розничные цены на эти напитки сохранялись как при крепости в 40 градусов, это было сделано согласно распоряжению СНК СССР от 7 июля 1943 г. № 12931-р. Сохранение цен при уменьшении крепости позволило увеличить производство и гарантировало рост поступлений налога с оборота. Ответственным за выполнение этого распоряжения был назначен заведующий облфо А. И. Коршунов[12]. Также перед местными организациями была поставлена задача переработать 75 градусный спирт в вино крепостью не выше 30 градусов. Райфо для повышения сборов по налогу с оборота содействовали созданию новых спиртовых заводов[13].

В дополнение к нормированному снабжению была организована коммерческая торговля по более высоким ценам, что тоже увеличивало поступление налога с оборота. Через систему коммерческой торговли реализовывались различные группы товаров. После введения карточек на хлеб одновременно производилась его свободная продажа по повышенным це-

нам. В 1942 г. масштабы коммерческой торговли хлебом снизились. В марте 1942 г. на свободную торговлю хлебом в Челябинской области было выделено 700 т, что составляло 2,5 % общего хлебного фонда, выделяемого области. Осенью 1942 г. в связи с введением жесткого режима экономии в расходовании хлеба его свободная продажа по повышенным ценам в неведомственной торговле, за исключением буфетов на железнодорожных станциях, была прекращена. Через коммерческую торговлю реализовывались и промтовары. Цены при этом были в два-три раза выше обычных. В феврале 1944 г. в составе НКТ СССР было учреждено Главное управление по коммерческой торговле – Главособторг, в крупных городах создавались конторы Особторга. Коммерческая торговля в 1944–1945 гг. была рассчитана не на основную массу рабочих и служащих, имевших невысокие доходы[14]. Она позволяла легализовать дополнительные доходы населения, пополняя бюджет государства.

Итогом такой деятельности стал рост поступлений от налога с оборота. В 1944 г. на территории Челябинской области было собрано 1,3 млрд р. отчислений налога с оборота. Эта сумма могла быть еще больше, но в мае 1943 г. некоторые виды дефицитных товаров, например, мыло, спички, свечи, перестали облагаться налогом с оборота[15]. Также с 1 октября 1944 г. угольная промышленность освобождалась от налога с оборота[16].

Освобождение от уплаты налога с оборота привело к увеличению производства дефицитных товаров. Общая сумма средств, поступивших в бюджет СССР от этого налога, составила 44,8 млрд р., или 40,2 % всех доходов государственного бюджета за годы войны[17].

Другим важнейшим источником доходов государства в этот период являлись отчисления от прибыли предприятий и организаций. Количество этих поступлений напрямую зависело от рентабельности производства и себестоимости продукции. В проекте бюджета Челябинской области на 1944 г. поступления от отчислений от прибыли были заложены в сумме 85543 тыс. р., на 66 % больше, чем в 1940 г.[18]

С началом войны себестоимость промышленной продукции по-разному изменилась в военных и гражданских отраслях. В отраслях военной промышленности она значительно снизилась, а в гражданских – повысилась. Рост издержек производства определялся повышением заработной платы, снижением производительности труда, обусловленным изменением состава рабочих (мобилизация специалистов и набор неквалифицированных работников), новыми специфическими военными расходами (эвакуация, реэвакуация предприятий и населения).

Для стабилизации обстановки и сохранения уровня поступлений от отчислений от прибыли разрабатывались и применялись программы снижения себестоимости и повышения производительности труда. Эти идеи реализовывались всеми государственными органами и находили широкую поддержку у населения, которое активно выступало с рационализаторскими и новаторскими предложениями.

Финансовые органы Челябинской области наряду с налоговой работой занимались вопросами снижения себестоимости и повышения производительности труда. Челябинский облисполком отмечал, что с началом войны финансовые отделы обязаны вникать в особенности работы предприятий, контролируя выполнение производственных планов, изучать причины, которые приводят к налоговым недоимкам[19]. В ходе этой работы между сотрудниками облфо и директорами предприятий возникали разногласия по поводу не выполнения последними мероприятий по снижению себестоимости. Финансовые отделы через облисполком воздействовали на руководителей, обязывая исполнять планы по снижению себестоимости[20].

Но это были исключения. Большинство предприятий области принимали все возможные меры для повышения производительности труда и снижению себестоимости продукции. Директор Уральского комбината тяжелых танков И. М. Зальцман ставил задачу главным конструкторам по изысканию путей для удешевления и убыстрения выпуска машин. В своем распоряжении 21 ноября 1941 г. он отмечал, что рационализаторская и изобретательская мысль инженеров и рабочих в кратчайшие сроки должна быть реализована в массовом производстве[21].

В 1943 г. число рационализаторов среди танкостроителей Челябинска к уровню 1942 г. увеличилось в 1,5 раза. Было внесено 3015 рацпредложений, давших почти 18 млн. р. экономии. За годы войны коллективом Кировского завода было внедрено 17 тыс. изобретений и рационализаторских предложений. Это позволило снизить себестоимость продукции на 53 %, сэкономить 2,5 млрд р., получить 300 млн р. прибыли, утроить производительность труда и изготовить продукции на 8,5 млрд р.[22]

Особую эффективность танковой промышленности обеспечил поточный метод производства. Начиная со второй половины 1942 г. и в первые месяцы 1943 г. в области была проведена большая работа по его внедрению на ряде предприятий. Для изготовления многих деталей были разработаны оригинальные технологии и приемы, не применявшиеся ранее в танкостроении. Переход на поточную организацию производства дал возможность предприятиям уменьшить число рабочих и облегчить их труд.

Расширяя и совершенствуя поточное производство, уральские танкостроители дополнили его организацией конвейеров по сборке машин. В августе 1944 г. на Кировском заводе был пущен конвейер по сборке тяжелых танков. Это было крупнейшее достижение, не имевшее себе равных в мировом танкостроении. Выпуск тяжелых танков увеличился в 3,3 раза, производительность труда поднялась на 32 %. Затраты труда на производство одного тяжелого танка за годы войны сократились в четыре раза, себестоимость уменьшилась более чем на 30 %. Если в 1941 г. валовая продукция Кировского завода составляла 716,2 млн р., то в 1945 г. – 2707,1 млн р.[23]

Не отставали от танкостроительной и другие отрасли. Огромную работу по снижению себестоимости и повышению производительности труда провели металлурги Златоустовского завода – крупнейшего на Урале после Магнитогорского металлургического комбината. Вся экспериментальная работа на заводе велась прямо в цехах. Был разработан способ выплавки в мартеновских печах высоколегированной стали для коленчатых валов самолетов. За годы войны завод освоил выплавку 156 новых марок легированной стали. Металлургам Златоуста принадлежит ряд технических нововведений, увеличивших производительность оборудования. Ввод и освоение новых производственных мощностей привели к значительному росту производительности. В 1941 г. Златоустовский металлургический завод выплавлял 318 тыс. т стали, его валовая продукция оценивалась в 136 млн р., а в 1945 г. он выплавлял 381 тыс. т, со стоимостью валовой продукции в 236 млн р.[24]

В угольных шахтах Челябинской области был разработан метод двойной зарубки пласта в лаве, что привело к повышению производительность труда навалоотбойщика в 2,5 раза – с 6–8 т. за смену до 20 т.[25]

Работа по снижению себестоимости товаров проходила и в промысловой кооперации. В декабре 1942 г. слесарь-инструментальщик из кооператива «Штамп» предложил и изготовил устройство для резки детали к корпусу РГ-42 (ручная граната). В результате освободилась одна штатная единица, а производительность выросла в 5 раз[26].

За 1941–1945 гг. поступления отчислений от прибыли в бюджет СССР составили 9,7 млрд р., или 8,7 % общей суммы доходов государственного бюджета. По отношению к сумме прямых военных расходов поступления от отчисления от прибыли составили около 17 %[27].

Следующим источником доходов бюджета был подоходный налог с колхозов. Подоходный налог с колхозов исчислялся по ставке от 4 до 8 % от валового дохода колхозов: 4 % от доходов по государственным закупкам, 8 % по доходам от продажи скота, продажи изделий подсобного хозяйства, оказания услуг и заработков вне колхоза[28].

С взиманием этого налога у финансовых отделов Челябинской области возникало много сложностей. Колхозы не обеспечивали своевременность и качество годовых бухгалтерских отчетов – информационной базы для исчисления налога. Отчеты за 1941 г. были представлены в финансовые органы только в мае-июне 1942 г., вместо установленного срока – 1 марта. В

итоге финансовые органы закончили проверку счетов для налогообложения с опозданием на два месяца, и, как следствие, возникла задержка поступлений средств в бюджет и недоимка.

При составлении отчетов председатели и бухгалтеры колхозов сознательно шли на нарушения финансовой дисциплины: искусственно занижали доходы, списывали продукты без соответствующего документального оформления. В ряде колхозов административно-хозяйственные расходы значительно превышали установленные нормы.

В 1942 г. в результате проверки годовых отчетов колхозов за 1941 г. было начислено подоходного налога 13824 тыс. р., что на 9,2 % ниже, чем в 1941 г. На 1 октября 1942 г. оплачено 12655 тыс. р.[29] В 1943 г. подоходного налога было начислено 17256 тыс. р. или на 17,7 % больше, чем в 1941 г.

Подводя итог о сборе подоходного налога с колхозов в 1943 г., руководство облфо отмечало, что наблюдался недокомплект счетных работников, квалификация имеющихся была недостаточной; существовали перебои в снабжении бухгалтерий необходимыми бухгалтерскими книгами и бланками – все это не могло не сказаться на качестве учета. Решение этих проблем позволяло надеяться на повышение качества бухгалтерского учета и, следовательно, на увеличение сборов налога[30].

В Челябинской области в конце 1943 г. и в 1944 г. насчитывалось 886 колхозов. Анализируя налоговую отчетность этих колхозов, можно сделать вывод, что общая сумма доходов, облагаемых по 4 %, снизилась на 24 % из-за уменьшения размера государственных закупок, а доходы, облагаемые 8 % налоговой ставкой, выросли на 40 %. В результате всех изменений сумма подоходного налога с колхозов выросла на 20 %. В табл. 1 представлены данные о доходах колхозов Челябинской области в 1943–1944 гг. и их дифференциация по ставкам.

Таблица 1

Облагаемые денежные доходы колхозов Челябинской области в 1943–1944 гг. (тыс. р.)[31]

Ставка, %	Виды доходов	1943 г.	1944 г.
4 % государственные закупки	Доходы от продажи скота	395	371
	Доходы от продажи зерна	2877	1998
Итого		3272	2369
8 % Иные доходы	Продажа продукции	72652	89789
	Продажа изделий подсобных предприятий	655	271
	Доходы от оказания услуг	4356	4108
	Доходы на стороне	5589	5584
	Прочие доходы	2690	3766
Итого		85942	103518
Всего		89214	105887

Подоходный налог с промкооперации также входил в группу государственных доходов. Главной проблемой при его начислении в годы войны была неполнота налогового учета, о чем свидетельствуют отчеты облфо по мобилизации средств. Анализируя отчет сектора госдоходов за 1941 г., руководство облфо рекомендовало дважды проверять предприятия местной промышленности и кооперации по выполнению плана производства и реализации товаров[32]. С критикой финансовых органов по взиманию подоходного налога с промкооперации выступал и облисполком. При рассмотрении плана налогового учета в 1942 г. облисполком указывал облфо и райгорфо на недостатки, выявленные в ходе предыдущих учетных кампаний. Финансовым отделам было необходимо улучшить изучение кустарно-ремесленных промыслов на местах, активно использовать материалы предприятий, учреждений и организаций о произведенных выплатах за различные услуги, а также данные артелей о заработках надомников[33].

Несмотря на многочисленные указания облисполкома и облфо, ликвидировать нарушения и обеспечить стопроцентный учет доходов промкооперации не удавалось. В 1943 г. НКФ

РСФСР организовал проверку деятельности финансовых органов Челябинской области. По результатам проверки был составлен приказ, в котором указывалось, что финансовые органы ослабили контроль за проверкой полноты учета выручки и правильности оформления заказов квитанциями в предприятиях бытового обслуживания населения. При обследовании 15 мастерских были обнаружены 144 из 445 заказов, не оформленные квитанциями. Для устранения нарушений было рекомендовано установить регулярные проверки мастерских не реже одного раза в квартал, материалы по нарушениям докладывать на заседаниях облисполкома, а при необходимости документы передавать в суд[34].

Иногда под вывеской артели размещалось частное производство товаров и услуг. В товариществе «Путь к коммунизму», принимая вещи на ремонт, не выдавали заказчикам квитанции, проводя деньги по «черной» кассе, т. е. не платили налоги от полученных доходов[35].

Все указанные налоговые платежи относились к государственным налогам, они взимались по всей территории государства и перечислялись в государственный бюджет, а в областных и местных бюджетах оставались процентные отчисления от собранных на их территории сумм. Кроме государственных налогов с предприятий и организаций существовали местные налоги, которые платили эти же налогоплательщики, только поступившие суммы перечислялись в местные бюджеты.

Во время Великой Отечественной войны были внесены изменения в систему местных налогов и сборов. Это было сделано для централизации и упрощения налоговой системы[36].

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР «О местных налогах и сборах» от 10 апреля 1942 г. на территории Советского Союза взимались следующие местные налоги и сборы: налог со строений, земельная рента, сбор с владельцев транспортных средств, сбор с владельцев скота, разовый сбор на колхозных рынках. Предприятия и организации платили два местных налога – налог со строений и земельную ренту. Остальные местные налоги взимались преимущественно с физических лиц, они же оплачивали первые два налога в случае владения недвижимым имуществом.

Налогом со строений облагались жилые дома, фабрично-заводские здания, склады, торговые помещения, театры и всякого рода другие строения, принадлежащие предприятиям, учреждениям, организациям и отдельным гражданам[37]. От налога освобождались строения, занятые непосредственно воинскими частями и общежитиями начальствующего состава РККА, ВМФ и войск НКВД; строения, занятые непосредственно учреждениями Осоавиахима, МОПР, обществ Красного Креста и Красного Полумесяца. Всего в Указе предусмотрено 13 групп строений, освобождаемых от налога. Налог со строений взимался в следующих размерах: а) со строений жилого фонда кооперативных предприятий, учреждений и организаций в размере 0,5 % стоимости строений; б) с остальных строений – в размере 1 % стоимости строений. Исчисление налога производилось по первоначальной оценке строений на основании данных бухгалтерского учета предприятий, учреждений и организаций по состоянию на 1 января текущего года, а при отсутствии оценки – по стоимости, определяемой налоговыми отделами[38].

Земельная рента взималась за застроенные и незастроенные земли, предоставленные предприятиям, учреждениям, организациям и отдельным гражданам в бессрочное пользование и по договорам о праве на застройку. От уплаты земельной ренты освобождались 12 категорий землевладений, в том числе земли, закрепленные за колхозами в бесплатное и бессрочное пользование, т. е. навечно, земли, находящиеся в личном пользовании колхозных дворов, а также хозяйств единоличников и других не членов колхозов, подлежащих обложению сельскохозяйственным налогом; земли, находящиеся в пользовании воинских частей РККА, ВМФ, НКВД, а также земли, занятые полигонами предприятий оборонной промышленности[39].

Для взимания земельной ренты все поселения были разделены на шесть классов в зависимости от административного значения поселений, численности населения, развития тор-

говли и промышленности и других экономических условий. Распределение поселений по классам производилось республиканским правительством по представлениям наркоматов. Ставки земельной ренты за квадратный метр по классам поселений были установлены в следующих размерах: 1 класс – 18 коп., 2 класс – 15 коп., 3 класс – 12 коп., 4 класс – 9 коп., 5 класс – 6 коп. и 6 класс – 4 коп.

Постановлением СНК РСФСР от 21 января 1945 г. № 42 «О распределении городов, рабочих поселков и других поселений РСФСР по классам для взимания земельной ренты» утверждено и с 1 января 1945 г. введено в действие следующее распределение поселений Челябинской области по классам: ко II классу отнесены города Златоуст и Магнитогорск; к III классу – города Карабаш, Копейск, Троицк; к IV классу – Аша, Верхний Уфалей, Кыштым, Миасс, Миньяр, Сатка; к V классу – Касли, Катав-Ивановск, Коркино, Куса, Нязе-Петровск, Пласт, Сим, Усть-Катав, Юрюзань и рабочий поселок Кропачево; все остальные поселения области относились к VI классу[40].

В годы войны произошло увеличение отчислений из местных бюджетов в союзный. Одним из способов стабилизации областного бюджета было повышение ставок местных налогов, что и произошло в 1942 г., когда ставки и доходы бюджета выросли в полтора раза. В 1941 г. сбор местных налогов проходил по довоенным ставкам и составил 29 млн 851 тыс. р. Наибольшие суммы были получены от налога со строений – 17643 тыс. р. (60 %), от земельной ренты – 6201 тыс. р. (21 %), от госпошлины – 4388 тыс. р. (15 %). Оставшиеся 4 % пришлись на другие налоги. План по сборам местных налогов в 1942 г. был составлен с учетом новых ставок и составил 42 млн 504 тыс. р.[41]

После вступления в силу Указа Верховного Совета СССР «О местных налогах и сборах» в Челябинской области была проведена огромная работа по переучету всех объектов налогообложения. В 1944 г. облфо представил подробный отчет о взимании местных налогов на территории области. В табл. 2 приведены данные о налогоплательщиках, объектах обложения и суммах налога со строений и земельной ренты за 1944 г. в Челябинской области.

Таблица 2

Начисление налога со строений и земельной ренты за 1944 г. на территории Челябинской области[42]

Группы плательщиков	Налог со строений			Земельная рента		
	Кол-во плательщиков	Сумма оценки (тыс. руб.)	Сумма налога, (руб.)	Кол-во плательщиков	Облагаемая площадь, кв.м.	Сумма налога, (руб.)
Предприятия, учреждения, организации	1380	1516816	12672352	380	187872855	15683450
В том числе строения жилого фонда	856	499162	2495811	856	26294153	2249730
Жилой фонд местных советов	104	91124,6	4556231	104	1910501	162803
Нежилые помещения	46	25274	252740	46	356413	36678

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны продолжилось строительство советской налоговой системы. Страна мобилизовала все ресурсы государственного сектора экономики. Вместе с тем финансовая система наглядно продемонстрировала высокую степень чувствительности к изменяющимся условиям и требованиям военного времени. Широкое использование финансовых рычагов (внедрение программ по снижению себестоимости,

повышение качества выпускаемой продукции, освобождение продукции военного назначения от налога с оборота, гибкая ценовая политика в отношении товаров «непервой» необходимости и др.), более характерных для рыночной экономики, и жесткая система распределения и контроля высвобождающихся ресурсов командной экономики позволили финансовой системе не только не рухнуть, но и внести существенный вклад в победу.

Примечания

[1] Плотников К. Н. Очерки истории бюджета Советского государства. М., 1955. 556 с.; Тамарченко М. Л. Советские финансы в период Великой Отечественной войны. М., 1967. 143 с.; Дьяченко В. П. История финансов СССР (1917–1950 гг.) М., 1978. 493 с.

[2] Антуфьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992. С. 172.

[3] Палецких Н. П. Социальные ресурсы и социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 2007. 184 с.

[4] Тамарченко М. Л. Указ. соч. С. 64.

[5] ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 54. Л. 63.

[6] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 28. Д. 43. Л. 5.

[7] ОГАЧО. Ф. Р-1029. Оп. 7. Д. 80. Л. 117.

[8] ОГАЧО. Ф. Р-1029. Оп. 7. Д. 280. Л. 49.

[9] Палецких Н. П. Указ. соч. С. 33–34.

[10] ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 1616. Л. 242.

[11] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 88. Л. 4.

[12] Летопись Челябинской области : сб. док. и материалов. Т. 3. 1941–1945. Челябинск, 2008. С. 304.

[13] ОГАЧО. Ф. Р-1029. Оп. 12. Д. 1. Л. 10.

[14] Палецких Н. П. Указ. соч. С. 57–58.

[15] Пасс А. А. Война и кооперация : (Промысловые артели и потребительские общества на Урале в 1941–1945 гг.). Челябинск, 2000. С. 69.

[16] ОГАЧО. Ф. Р-1029. Оп. 12. Д. 12. Л. 1.

[17] Тамарченко М. Л. Указ. соч. С. 66.

[18] ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 54. Л. 170.

[19] ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 54. Л. 64.

[20] ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 68. Л. 13.

[21] Летопись Челябинской области : сб. док. и материалов. Т. 3. 1941–1945. Челябинск, 2008. С. 84.

[22] Павленко В. Д., Павленко Г. К. Огненный рубеж фронта и тыла. Челябинская область в 1941–1945 гг. Челябинск, 2005. С. 151.

[23] Павленко В. Д., Павленко Г. К. Указ. соч. С. 146; Антуфьев А. А. Указ. соч. С. 172–173.

[24] Павленко В. Д., Павленко Г. К. Указ. соч. С. 153; Антуфьев А. А. Указ. соч. С. 128–129.

[25] Павленко В. Д., Павленко Г. К. Указ. соч. С. 153.

[26] Пасс А. А. Война и кооперация… С. 44.

[27] Данные о суммах, полученных от отчислений от прибыли в бюджет СССР за годы войны, разнятся: Тамарченко М. Л. Указ. соч. С. 67; Плотников К. Н. Указ. соч. С. 298.

[28] ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 68. Л. 4.

[29] ОГАЧО. Ф. Р-1029. Оп. 15. Д. 15. Л. 25.

[30] ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 1006. Л. 88.

[31] ОГАЧО. Ф. Р-1029. Оп. 10. Д. 9. Л. 1–2.

[32] ОГАЧО. Ф. Р-1029. Оп. 12. Д. 1. Л. 10.

[33] ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 1416. Л. 11.

[34] ОГАЧО. Ф. Р-1029. Оп. 12. Д. 1. Л. 13.
[35] Пасс А. А. Война и кооперация… С. 74.
[36] Плотников К. Н. Указ. соч. С. 312.
[37] ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 13. Д. 12. Л. 2.
[38] Сборник указов, распоряжений и постановлений 1941–1945 гг. Челябинск, 1945. С. 501.
[39] ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 13. Д. 12. Л. 6.
[40] Сборник указов, распоряжений и постановлений 1941–1945 гг. Челябинск, 1945. С. 504.
[41] ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 1503. Л. 144.
[42] ОГАЧО. Ф. Р-1029. Оп. 10. Д. 6. Л. 3.

П. А. Кюнг

ЧАСТНЫЙ БИЗНЕС В ВОЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ РОССИИ В XX–XXI ВЕКАХ. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМПАНИЙ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 12-33-01418

Проблема обеспечения регулярной армии предметами вооружения и снаряжения существовала всегда. Как правило, она решалась тем, что производство снаряжения и обеспечение провиантом отдавалось на откуп частным лицам, а изготовление вооружения осуществлялось на государственных предприятиях (ремесленных мастерских, мануфактурах, заводах). Такое распределение вполне удовлетворяло потребности государства. Оно не зависело от рыночной конъюнктуры, непостоянства поставщиков и имело возможность обеспечить стабильное качество продукции. С переходом к капиталистическому способу производства такой порядок перестал соответствовать задачам обеспечения безопасности государств. Снабжение вооружением и боеприпасами армии, основанной на всеобщей воинской обязанности, силами исключительно государственных предприятий стало затруднительным. Последние могли удовлетворить ее потребности лишь на период мирного времени. Ведение же даже незначительной по масштабам войны требовало быстрого расширения производства.

Начиная с XX в., обеспечение потребностей вооруженных сил в предметах вооружения и довольствия характеризуется тем, что сложность их изготовления и масштабы потребления предполагают их массовое промышленное производство в огромных количествах. Со всей очевидностью это показала Первая мировая война, которая «похоронила веками существовавший способ “питания” войн, утвердив принципиально новый – постоянно существующую в военное и мирное время мощную военную экономику и заблаговременную подготовку к осуществлению экономической мобилизации в ходе войны»[1].

Существует несколько подходов к определению понятия ‘военная экономика’. В современной военной науке военная экономика трактуется как «специфическая военно-хозяйственная система, которая охватывает производство, распределение, обмен (обращение) и потребление оружия и других предметов военного назначения, материально обеспечивая функционирование Вооруженных сил, поддержание обороноспособности государства в соответствии с его военной доктриной»[2]. В определении Большой советской энциклопедии она рассматривается как «специфическая часть народного хозяйства»[3]. Наряду с этим существует определение военной экономики как «особого качественного состояния всей экономики, когда она подчинена удовлетворению потребностей войны»[4].

Таким образом, существуют три основных подхода к рассмотрению понятия военной экономики. Первый исходит из обоснования ее как особой, обособленной экономической системы, существующей в тесном взаимодействии с Вооруженными силами страны. Второй – указывает на военную экономику, как на неотъемлемую часть общей экономики. По-

следний же рассматривает военную экономику как особое состояние всего государства в период войны.

Эти определения во многом дополняют друг друга. Предприятия и организации, занимающиеся изготовлением и распределением оружия и предметов военного назначения, с одной стороны, являются частью общей экономики постольку, поскольку потребляют сырье, представленное на свободном рынке, выполняют гражданские заказы, участвуют в совместных проектах с невоенными предприятиями, создают рабочие места. С другой, они в своей деятельности не подчиняются законам свободного рынка, т. к. прибыль не может являться основной целью их деятельности, равно как и экономическая целесообразность. Вполне справедливо использование и третьего подхода, рассматривающего экономику в период войны, т. к. в условиях военного времени происходит дисбалансирование общей экономики в сторону отказа от свободного рынка.

Вопрос о взаимоотношении гражданской и военной экономики актуален, прежде всего, тем, что обе они являются элементами общественного воспроизводства. Определяется это общностью ресурсов: рабочей силы, финансовых, природных. Таким образом, решающим фактором, характеризующим состояние военной экономики и, в конечном итоге, обороноспособность государства, является баланс распределения ресурсов между гражданским и военным элементами общественного воспроизводства. Следовательно, основной проблемой является «взаимовлияние военного и гражданского производства в условиях мирного и военного времени, а также в переходный период»[5]. Содержание слишком мощного военного сектора в мирное время ложиться тяжелом бременем на экономику государства, поэтому уже в процессе войны проводится мобилизация производственных мощностей гражданских предприятий.

Таким образом, одними из основных факторов обороноспособности государства являются наличие налаженной военной экономики и продуманного плана экономической мобилизации. Необходимость последней определяется тем, что поддержание чрезмерно мощной военной промышленности в мирное время приводит к дисбалансированию распределения ресурсов в стране и ложится тяжелым бременем на систему общего воспроизводства. Этот тезис доказывается историей военно-промышленного комплекса Советского государства. Тем не менее, до настоящего времени ведутся ожесточенные споры о роли частных предприятий в производстве вооружения. Многих специалистов смущает возникающая зависимость обороноспособности государства от бизнеса, который ориентируется, прежде всего, на получение прибыли.

Российская Федерация в постперестроечное время оказалась в уникальном и довольно опасном положении. Весь опыт организации военной экономики, накопленный за десятилетия советского периода, основывался на деятельности государственных предприятий. Существование частного предпринимательства не предполагалось в принципе. В связи с этим последствия масштабной приватизации заводов, научно-производственных объединений, институтов, занимавшихся разработкой и производством военной продукции в случае широкомасштабной войны, пока сложно предсказать.

В данной статье предполагается показать краткую историю деятельности двух компаний с диверсифицированной структурой производства, существовавших в дореволюционный и современный период. Цель обзора – выявить характерные черты успешной деятельности частной компании в рамках военной экономики.

Первым объектом обзора является российская компания «Сименс»[6], созданная во второй половине XIX в. германским капиталом. В рамках поставленной задачи наиболее характерным периодом ее деятельности является Первая мировая война. Компании пришлось в условиях военного времени искать новую модель организации бизнеса. Вторым объектом стала российская компания «Сатурн»[7], ведущий производитель двигателей для военной и

гражданской авиации. В постперестроечные годы ей также пришлось видоизменять свою производственную деятельность.

В начале XX в. электротехническая промышленность, несомненно, являлась одной из самых наукоемких и динамично развивающихся. Предприятия, работавшие в этой отрасли, шли на острие научно-технического прогресса. Предприятия «Сименс»[8] – «Сименс-Гальске», «Сименс-Шуккерт» занимали ключевое положение в своей отрасли.

Первым прецедентом сотрудничества «Сименс» с российским военным ведомством было строительство телеграфной линии связи к осажденному Севастополю. Позже контакты становятся регулярными и фирма становиться одним из основных производителей электротехнической продукции для армии и флота, особенно после объединения с фирмой «Шуккерт».

Фирмою выполнялись поставки прожекторного оборудования для крепостей, организация в них электрического освещения[9].

В 1887 г. фирма заключает договор об устройстве электроосвещения в Михайловском Шостенском пороховом заводе[10].

В 1888 г. «Сименс-Гальске» заключает договор о поставке электроосветительного аппарата для осадной артиллерии в Брест-Литовске и Динабурге[11].

В 1892 г. фирме предлагают устроить электрическое освещение в Александровском кадетском корпусе. В деле содержится проект оборудования электрического освещения, направленный в канцелярию военного министерства. О дальнейшей судьбе проекта, к сожалению, в архиве документов выявлено не было[12].

В 1899 г. «Сименс» выиграла торги на поставку магнитных телефонных, проводников, трехжильных кабелей для сухопутных крепостей[13].

После русско-японской войны резко возрастает количество заказов на телефонное, телеграфное и искровое (радио) оборудование. Среди них были и такие новинки, как кавалерийская искровая станция, полевая вьючная радиостанция системы «Телефункен»[14].

Первая мировая война привела к большим изменениям в русской промышленности. Важным фактором экономической жизни страны годы войны явилось усиление государственно-монополистических тенденций, вызванное вмешательством властей в целях регулирования военного производства, а также мерами, принятыми против предприятий, принадлежавших подданным воюющих с Россией государств.

В литературе существует две точки зрения. Некоторые историки считают, что недостаток сырья, рабочей силы, прекращение экономической, технической связи с Германией вызвали резкое сокращение электротехнического производства, особенно выпуск машин и оборудования[15]. Другие авторы утверждают, что годы войны явились периодом наивысшего расцвета электротехнической промышленности России, и это связано с выполнением военных заказов[16].

В годы войны увеличивается производство электротехнических изделий, необходимых для армии и флота, и сокращается производство «средств производства» – динамо-машин, электродвигателей, трансформаторов большой мощности. В целом же, электротехническое производство в первые два года войны значительно возросло.

В среднем же производство возросло на 42 %, продукция радиотелефонных заводов возросла на 126 %, кабельных заводов на 60 %[17].

В начале войны многих квалифицированных рабочих забрали в армию. В электротехнической отрасли ситуация осложнилась тем, что немалая часть инженеров была немцами, которые были интернированы. Предприятия путем повышения зарплаты сумели удержать на производстве служащих из нейтральных стран. Администрация предприятий добивалась отсрочки от мобилизации для квалифицированных рабочих. К октябрю 1916 г. получили отсрочку от призыва по 31 предприятию электротехнической отрасли 23,5 % всех их рабочих. Зачастую предприятия пытались удерживать рабочих даже ценою нарушения законодательства. Так в ходе проверки были выявлены нарушения на заводе «Сименс-Шуккерт»[18].

Важной проблемой было обеспечение отрасли сырьем и полуфабрикатами. До войны в Россию импортировались цветные металлы, динамное железо, металлическая нить и т. п. из Германии и других стран. Электротехническая промышленность нуждалась в эбоните, угле, шелке, железе и двигателях[19]. Однако прекращение поставок сказалось не сразу и не в одинаковой степени на всех видах производств. Так, еще в 1913 г. радиотелефонные и телеграфные заводы были обеспечены сырьем на 1,5 года. Для электроламповой промышленности производство стекла было организовано в России, вольфрамовую нить стали ввозить из Швеции, угольную из Франции. В первые годы войны разрыв связей с Германией не сказался и на обеспечении сырьем кабельных заводов.

Однако в 1917 г. затруднения стало вызывать получение даже стальной проволоки. В докладе по Главному военно-техническому управлению (ГВТУ) за 10 июля 1917 г. указывалось о невозможности купить (даже за границей) стальной проволоки, русские же заводы не имели станков для ее протяжки[20].

Таким образом, подъем в электротехнической промышленности продолжался до 1916 г., а потом начался спад.

В то же время война способствовала резкому увеличению заказов и повышению прибылей электротехнических заводов. Правда, значительная, если не большая, часть этих прибылей шла не от производства электротехнической продукции, а являлась результатом перехода на выпуск военных материалов.

Так, электротехнический завод акционерного общества «Сименс-Шуккерт» обязан был поставить по 10 контрактам 1912/13 гг. 98 прожекторов с повозками. Ни один из этих заказов к 12 марта 1916 г. не был выполнен. Как свидетельствовала наблюдательная комиссия, завод переключился с производства основной продукции на производство снарядов[21].

В отчете ВКЭ (Всеобщая компания электричества – Allgemeine Elektrizittts-Gesellschaft, AEG) за 1914 г. констатировалось наличие невыполненных заказов на 24 млн р. и отмечалось, что военно-морской отдел обеспечен заказами на несколько лет вперед, а в 1916 г. портфель невыполненных заказов ВКЭ только по военным поставкам превысил 45 млн р. Из общего числа турбоагрегатов мощностью в 288995 кВт, заказанных русскими покупателями с начала войны и до 1 октября 1916 г., на долю ВКЭ приходились агрегаты общей мощностью в 117045 кВт, на долю «Сименс-Шуккерт» – 32900 кВт. В 1915 г., перед тем как завод ВКЭ был эвакуирован из Риги, число рабочих и служащих на нем составляло 4 тыс. человек, а после эвакуации на развернутых на его базе предприятиях в Москве и Харькове оно достигло 8–9 тыс. человек. Аналогичным образом развивалось и «Сименс-Гальске». По документам Особого совещания обороты общества в 1915 г. составили 21,250 млн р., а в 1916 г. уже 40 млн р.[22] Число рабочих на заводе «Сименс-Гальске» в связи с этим выросло с 650 перед войной до 2300 в начале 1916 г., а парк станков с 407 до 825. К 1917 г. общество собиралось довести число рабочих до 3300, а количество станков до 1400. Кроме того, в 1915–1916 гг. «Сименс-Гальске» построило новый завод в Нижегородской губернии, планировалось пустить его в ход в мае 1916 г.[23] Портфель заказов «Сименс-Шуккерт» составлял в 1915 г. 66 млн р., из них на 50 млн р. казенных заказов (в том числе на 31 млн р. от артиллерийского ведомства). Стоимость изолированных проводов, поставленных обществом казне, увеличилась с 0,75 млн р. в 1913 г. до 8,5 млн р. за 10 месяцев 1915 г. Число рабочих на трех заводах «Сименс-Шуккерт» в Петербурге в 1916 г. составляло 6948 человек.

На заводах производились телефоны, центральные электростанции, моторы большой мощности, электродвигатели, трансформаторы, прожекторы полевые, судовые и крепостные, электрооборудование для судов, судовые сигнализации. Было освоено производство рулевых аппаратов для подводных лодок, специальных электромоторов, судовых сигнализаций, измерительных электрических приборов, приборов по радиотелеграфии, специальных тормозных и соединительных электромагнитных муфт для башенных установок, гранат

и взрывателей[24]. На заводе Военных и морских приборов в 1915 г. было налажено производство двигателей внутреннего сгорания[25].

Разрыв связей с Германией ставил предприятия «Сименс» и ВКЭ в невыгодные условия по сравнению с «Динамо» и усилившими свою конкуренцию швейцарскими компаниями. Поэтому с первых же дней войны германские общества стали искать пути возобновления этих связей через нейтральные страны, главным образом через Швецию. Уже летом 1914 г. «Сименс-Шуккерт» наладило связь со шведским обществом «Лут и Розен». Общество это не имело сколько-нибудь значительного производства и занималось в основном перепродажей. Через его посредство, а также через шведское общество «Сименс-Шуккерт» в Россию ввозилась продукция германских заводов «Сименс», а в Германию переправлялись деньги. Так, в сентябре 1914 г. берлинский завод «Сименс-Шуккерт» отправил в Россию через Швецию 225000 электроламп без заводской марки в нейтральной упаковке. При этом из сохранившейся переписки явствует, что берлинское общество не соглашалось отправлять товар без предварительной оплаты его наличными. Позднее «Сименс-Шуккерт» открыло в Швеции специальное представительство при небольшой посреднической фирме «Люкс», также давно связанной с делами «Сименс». За 1914–1915 гг. на имя этой фирмы было переведено 1,9 млн р. Конечно, не все эти средства шли в Германию, некоторая часть их оседала в самой Швеции, значительные суммы шли в Англию, где также имелись дочерние предприятия «Сименс».

В течение войны «Сименс» поддерживала активные связи с зарубежными партнерами, закупая необходимое сырье и оборудование. Все закупки осуществлялись с согласования соответствующих комитетов в Англии и Америке. Среди постоянных партнеров Сименса за рубежом можно назвать: «Фредерик Смит и К», «Фредерик Бернард», «Шотар и Христенсон», «Риттер и Ганкен», «Вм Силингтон и К», «Гехт Левис и К». Постоянные связи поддерживались с компанией «Siemens Brothers & Company Ltd», английского филиала Сименса, у которой русский Сименс покупал оборудование и сырье[26].

В начале 1915 г. «Сименс» активно начинает заниматься производством взрывателей трехдюймовых снарядов. Оно получает заказ от Главного артиллерийского управления (ГАУ) на 20,9 млн р. В ноябре этого же года «Сименс» выступает с предложением увеличить этот заказ еще на 3 млн штук[27].

В 1915 г. общество принимает решение о постройке нового завода в Нижнем Новгороде. Первоначально предполагалось, что на нем будут производиться телефонные аппараты для армии[28]. Однако позднее, когда в ходе неудачной компании 1915 г. возникает опасность Петрограду, в правительстве принимается решение об эвакуации промышленности из столицы. И поэтому разрешение на постройку завода дается при условии полного перенесения на него производства с Петроградских заводов фирмы[29]. Это сопровождалось выдачей фирме заказа на 38 т. телефонных аппаратов 3,600 телеграфных на срок до 1 июля 1917 г., на сумму 5029200 р. Завод должен был быть пущен 1 октября 1916 г. Правда, Сименс, ссылаясь на заказы от других ведомств, заявил, что столь короткие строки нарушат планомерное производство[30].

В 1915 г. Морское министерство осуществило проверку хода выполнения заказов на снаряды для кораблей. В том числе проверке подвергся и завод «Сименс-Шуккерт». Было отмечено, что ход поставок не вызывает беспокойства, т. к. неисправности по заказам не имеют угрожающего характера и объясняются срочными заказами из того же ведомства. Также упоминается, что морское ведомство дало 3 заказа на оборудование для башенных установок[31].

В 1916 г. для «Сименс» настали нелегкие времена, это было связано с кампанией по ликвидации «немецкого засилья». Междуведомственным совещанием было предложено закрыть эти общества с секвестром во время войны их заводов и с ликвидацией обществ во

время войны. Однако в виду письма на имя военного министра бывшего начальника Петербургского военного округа генерала Ван дер Флита, ссылавшегося на то, что заводы эти выполняют большие заказы на оборону, было решено ограничится назначением правительственного инспектора. Это мероприятие было одобрено Советом министров[32].

В сентябре 1916 г. Правление общества «Сименс-Гальске» и «Сименс-Шуккерт» обратилось в Министерство торговли с просьбой увеличить акционерный капитал на 3 и 6 млн соответственно. Эта просьба была связана с постройкой нового завода в Нижнем Новгороде. В связи с наложение секвестра на общества это мероприятие было временно приостановлено. К 1917 г. общество начало испытывать финансовые затруднения. Частные банки, ссудившие общества, были напуганы возможным его преобразованием и не желали возобновлять кредиты. Задолженность общества на 1 февраля банкам и частным лицам составила 14,5 млн р. 23 февраля 1917 г. Особое правление обратилось в Министерство торговли и промышленности о том, что общество испытывает серьезные денежные затруднения, вызывающие опасения за ход производства. Всего Обществу было предоставлено заказов ведомствами на сумму 56 млн р., из них авансов 19 млн р., из них на 22 февраля не погашено авансов поставками 15 млн: из них 3 млн ГВТУ, 11,7 млн ГАУ, 300 т. морское ведомство.

Несмотря на революционные потрясения в докладе по ГВТУ от 24 июля 1917 г. указывается, что из всех заводов, изготавливающих прожекторное оборудование, с марта по июль не поднялись цены и не упала производительность только у «ВКЭ» и «Сименс-Шуккерт». У остальных же, как, например, заводы «Алексеев, Вишняков и Шамшин», производительность упала на 40 %[33].

Итак, в ходе войны фирма полностью перестроила свое производство на выпуск военной продукции, производственная база «Сименс» в России существенно расширилась, как за счет расширения старых, так и за счет открытия новых заводов. Был создан целый ряд производств до этого в России не существовавших. В ходе выполнения военных заказов фирма получила огромные прибыли. Фирма поддерживала сотрудничество со всеми основными органами регулировавшими экономику. Таким образом, можно говорить о том, что в период Первой Мировой войны частные промышленные предприятия вполне успешно могли функционировать в условиях «государственного» капитализма, используя государственные и общественные органы управления экономикой в целях получения заказов и сырья.

* * *

НПО «Сатурн» ведет свою историю от Рыбинского моторостроительного завода (№ 26), созданного в мае 1924 г. на базе автомобильного завода «Русский Рено»[34]. В 1935 г. при заводе создается ОКБ под руководством главного конструктора В. Я. Климова[35]. Рыбинский завод изначально был ориентирован на выпуск самой разнообразной продукции, в том числе и гражданской, но до 1970-х гг. основу производства составляли военные двигатели.

Принятый в 1987 г. закон СССР «О государственном предприятии (объединении)» предусматривал перевод предприятий с 1.01.1988 г. на полный хозрасчет и самофинансирование. Новые условия предъявляли совершенно иные требования к руководству компании. Центром экономических отношений теперь становиться договор, а обязанностью руководителя – поиск инвесторов и покупателей продукции. Государственное финансирование новых разработок и производства двигателей стремительно сокращалось, а государственные и приватизированные предприятия находились в таком же неопределенном положении.

1990-е гг. стали периодом тяжелых испытаний для Рыбинского завода, равно как и для отрасли. Это время изобилует массой скандалов, связанных с перераспределением собственности.

В ноябре 1992 г. на базе Рыбинского моторостроительного завода образуется АО «Рыбинские моторы». На тот момент в его состав входили авиационное и инструментальное производства и дизельный завод. Помимо авиационных двигателей АО также производило

дизели для тракторов, снегоходы «Буран» и оборудование для переработки сельскохозяйственной продукции[36].

В условиях снижающихся заказов на поставки авиационных двигателей завод начинает перепрофилирование производства на базе существующих мощностей. В ноябре 1994 г. «Рыбинские моторы» и General Electric подписали соглашение о сотрудничестве в области производства промышленных и авиационных двигателей. Создаваемое в Рыбинске СП должно было собирать, продавать и ремонтировать газовые турбины, предназначенные для РАО «Газпром». В итоге совместно с General Electric был создан проект по изготовлению газоперекачивающих агрегатов на основе авиадвигателей[37].

Вскоре после этого «Рыбинские моторы» подписали соглашение с General Electric о ремонте и техническом обслуживании двигателей серии СТ7. А в конце марта 1995 г. «Рыбинские моторы» и CFM International (СП General Electric и Snecma) заключили рамочное соглашение о совместном производстве двигателей CFM56.

На годовом собрании 1996 г. акционеров было принято решение расширить научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по «морской» тематике при некотором сокращении авиационных разработок. Было заявлено о планах по изготовлению и ремонту судовых газотурбинных двигателей для ВМФ (база судового двигателестроения бывшего СССР осталась в украинском Николаеве) и о завершающем этапе создания российского газотурбинного двигателя для надводных кораблей[38].

В 1996 г. завершается создание СП ЗАО «Рыбинские моторы – General Electric Aircraft Engines» с уставным капиталом $ 600 тыс., поделенным поровну между участниками для выпуска по лицензии GE газотурбинных установок, предназначенных для производства электроэнергии на базе газовой турбины LM-2500, а также авиадвигателей СТ-7. СТ-7 предполагалось ставить на региональный самолет С-80 разработки ОКБ им. Сухого и 16-местный вертолет Ка-64[39]. Этот проект, весьма перспективный в начале, закончился в связи с дефолтом 1998 г., ликвидировавшим спрос на подобные двигатели.

Новый этап в развитии АО «Рыбинские моторы» начинается в 1997 г. Основной задачей становится расширение производственной базы и объединение с ведущими конструкторскими бюро, что позволило бы реализовать идею создания крупнейшего в стране научно-производственного моторостроительного центра, специализирующегося в области разработок, производства, сбыта и сервисного обслуживания авиационных двигателей и газоперекачивающих установок на базе технологий гражданской и военной авиации.

Первым закономерным шагом по развитию предприятия стало слияние с Рыбинским КБ моторостроения, изначально связанным с заводом тесными связями.

В 1999 г. покупается Волжский машиностроительный завод. НПО Сатурн перенесло на его площадку производство снегоходной техники, создав для этого 100 % дочернее предприятие ОАО «Русская механика».

Наверное, наиболее значимое событие в постсоветском развитии ОАО «Рыбинские моторы» произошло 5 июля 2001 г., когда на совместном собрании акционеров ОАО «А.Люлька-Сатурн» и ОАО «Рыбинские моторы» было принято решение о создании нового предприятия ОАО «НПО “Сатурн”», в которое вошли активы обоих акционерных обществ. В итоге произошло слияние мощной производственной площадки с одним из лучших в России ОКБ, обладающим высоким научным и конструкторским потенциалом, имеющим серьезнейшие наработки в области разработки и производства военных авиадвигателей и газотурбинных установок.

Авиамоторное КБ № 165 под руководством Архипа Михайловича Люльки было создано 29 марта 1946 г. В 1985 г. фирмой был создан двухконтурный турбореактивный двигатель модульной конструкции АЛ-31Ф, который очень скоро приобрел мировую известность. Силовая установка из двух таких двигателей применяется на истребителе Су-27, его учебно-боевом варианте Су-27УБ, многоцелевом истребителе Су-35. Двигатель АЛ-31Ф установ-

лен также на новом китайском многоцелевом истребителе J-10. Этот двигатель стал одним из главных позиций отечественного военного экспорта.

На базе АЛ-31Ф фирмой был создан газотурбинный привод АЛ-31СТ, разработанный по заданию РАО «Газпром» для газоперекачивающих агрегатов мощностью 16-20 МВт. Также по заданию «Газпрома» разработан газотурбинный привод АЛ-31СТЭ, предназначенный для привода электрогенераторов электростанций мощностью от 16 до 20 Мвт.

Вместе КБ в НПО вошел и созданный Архипом Люлькой Лыткаринский машиностроительный завод, который стал еще одной производственной и испытательной площадкой двигателестроения. В марте 2008 г. на этом заводе была завершена модернизация испытательных стендов, предназначенных для газотурбинных двигателей нового поколения[40].

В 2003 г. НПО «Сатурн» присоединяет Пермское агрегатное объединение (ПАО) «Инкар», ведущего российского производителя систем топливно-регулирующей автоматики двигателей гражданских и военных самолетов и вертолетов. Это было сделано для дальнейшего вертикального развития компании, т. к. «Сатурн» потреблял порядка 40 % продукции Инкара.

16 декабря 2000 г. в ходе визита во Францию российской делегации во главе с премьер-министром Михаилом Касьяновым в Париже были подписаны учредительные документы совместного предприятия по конструкторским разработкам Snecma Moteurs входящей в группу компаний SAFRAN и АО «Рыбинские моторы»[41]. Это предприятие было образовано для организации работы по созданию двигателя для нового российского регионального самолета (RRJ, будущий SuperJet-100). В 2003 г. представителями фирмы «Сухой», НПО «Сатурн» и Snekma Moteurs в Париже был подписан меморандум о намерениях установить на перспективном российском региональном самолете RRJ (Russian Regional Jet) двигатель SM146. Это сотрудничество было взаимовыгодно для обоих фирм. Французы рассчитывали таким образом выйти на российский рынок и с помощью «Сатурна» создать конкурентоспособный двигатель с низкой эксплуатационной стоимостью. Для НПО «Сатурн» сотрудничество со Snecma Moteurs позволяло выйти на мировой рынок авиадвигателей.

В первой половине октября 2008 г. было объявлено о создании совместного предприятия НПО «Сатурн», госкорпорация РОСНАНО и Газпромбанка по производству монолитного инструмента с наноструктурированным покрытием. Общий объем инвестиций в проект составляет 1 млрд р., из которых 500 млн р. профинансирует госкорпорация. Основной продукцией нового завода станет твердосплавный инструмент для обработки деталей авиадвигателей, а также для предприятий машиностроительных отраслей. Производственный комплекс располагается на производственной площадке НПО «Сатурн» в Рыбинске. Его создание продемонстрировало не только способность НПО «Сатурн» к реализации крупных проектов, но и определенную поддержку независимой линии предприятия на высшем уровне[42].

В настоящее время НПО «Сатурн» является многопрофильным объединением, сочетающим разработку и производство разнообразных видов гражданской и военной продукции. Тем не менее, основным направлением деятельности остается производство авиационных двигателей. Их производство можно условно разделить на старые и новые. То есть в багаже Сатурна есть ряд старых моделей, производство которых ориентировано на устаревающие самолеты Российской гражданской и военной авиации и перспективные разработки, успех которых зависит от успеха нового регионального самолета фирмы «Сухой» и новых истребителей Су-35 и истребителя 5-го поколения.

НПО Сатурн является одним из немногочисленных примеров успешного развития частной инициативы в оборонно-промышленном комплексе России. Несмотря на многочисленные и скандальные корпоративные конфликты 1990-х гг., компания смогла выйти в лидеры отечественного двигателестроения. Безусловно, это произошло во многом благодаря менеджменту компании, который сделал ставку на сохранение производственного и научного потенциала.

* * *

Рассмотренные компании продемонстрировали, на первый взгляд, противоположные модели поведения в кризисной ситуации. «Сименс» сконцентрировала все усилия на производстве военной продукции, в том числе и не профильной (взрыватели, снаряды). «Сатурн» же на переломном этапе частично перевел производственные мощности в пользу энергетического машиностроения. Но как раз это демонстрирует возможности частной компании к адаптации к меняющимся экономическим условиям.

В конечном счете, основной проблемной зоной участия частной компании в военной экономике становится сам факт предпринимательской деятельности, нацеленной на получение прибыли. Фирма не может держать производственные мощности «под паром». В случае отсутствия государственного заказа и сторонних покупателей она будет вынуждена перепрофилировать производство. Когда речь идет о технически сложной продукции, его восстановление может оказаться невозможным. Если же в вооружении заложены уникальные технологии, то его продажа может подорвать обороноспособность государства. Типичным примеров является активное развитие военно-промышленного комплекса Китая за счет купленных в 1990-е гг. образцов вооружения в странах СНГ. Но следует признать, что у присутствия частного бизнеса в военном производстве нет альтернативы. Это подтверждает краткий обзор деятельности двух компаний, сделанный в данной статье. Он показывает следующие преимущества данного направления.

Частные компании в большей степени, в отличие от государственных предприятий, заинтересованы в эффективности работы, снижении издержек, применении новейших технологий и т. д.

Они демонстрируют способность гибко реагировать на возникающие запросы со стороны потребителей, перестраивая производство и перераспределяя ресурсы.

Следует отметить, что и у этой медали есть обратная сторона. Отсутствие прибылей, государственные ограничения могут привести к остановке производства конкретных моделей вооружения, утрате технологий. Возможна и утечка технологий за рубеж. Характерным примером является проектирование российской ОКБ им. А. С. Яковлева учебно-боевого самолета совместно с итальянской компанией L'Alenia Aermacchi. В результате в настоящее время на рынке учебно-боевых самолетов конкурируют российский Як-130 и итальянский М-346.

Таким образом, частные компании могут быть основой эффективной военной экономики, но при постоянном участии со стороны государства. Последнее должно сформулировать внятную политику во взаимоотношениях с бизнесом. Она должна содержать следующие положения: порядок оборота военных технологий и изделий, включая внешние рынки, приоритетные направления по их разработке, программу государственного заказа, предусматривающую поддержку «законсервированных» технологий и финансирование простоя мощностей.

Примечания

[1] Пожаров А. И., Гребенник В. В. Теория военной экономики : необходимость новой парадигмы // Воен. мысль. 2004. № 12. С. 54.

[2] Военная экономика. Теория и актуальные проблемы. М., 1999. С. 15.

[3] Большая Советская энциклопедия. Т. 29. С. 603.

[4] Военная экономика. Теория и актуальные проблемы. С. 15.

[5] Там же. С. 126.

[6] Подробнее о деятельности компании в годы войны см.: Кюнг П. А. Фирма «Сименс» в России. Опыт военно-технического сотрудничества // Российское предпринимательство в XIX – первой трети XX века : личности, фирмы, институциональная среда : материалы междунар. науч. конф. СПб. : Нестор-История, 2007. С. 331–361.

[7] Подробнее об истории компании см.: Дякин В. С. Германские капиталы в России. Л., 1971; Кюнг П. А. Научно-производственное объединение «Сатурн» // Экспорт вооружений. 2009. № 2. С. 58–66.
[8] Употребляемое в статье название «Сименс» относиться одновременно к обществам «Сименс-Гальске» и «Сименс-Шуккерт».
[9] РГВИА. Ф. 349. Оп. 2. Д. 516; Ф. 504. Оп. 10. Д. 448.
[10] Там же. Л. 4–13.
[11] Там же. Л. 34.
[12] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Т. 24. Д. 49711.
[13] Там же. Ф. 504. Оп. 10. Д. 328.
[14] Там же. Ф. 802. Оп. 3. Ч. 1. Д. 935.
[15] Давыдова Л. Г. Использование электрической энергии в промышленности России. М., 1961. С. 161.
[16] Русская электротехническая промышленность к началу 1921 г. М. : Главэлектро ВСНХ, С. 8; Иванов П. И. Советская электротехническая промышленность. М., 1933. С. 22.
[17] Балашева А. В. К вопросу о влиянии первой мировой войны на развитие электротехнической промышленности России // Труды Московского экономико-статистического института. Вып. 4. М., 1972. С. 167.
[18] РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 537. Л. 1.
[19] Там же. Ф. 13251. Оп. 24. Д. 2.
[20] Там же. Ф. 802. Оп. 3. Д. 1633. Л. 276.
[21] Там же. Ф. 369. Оп. 3. Д. 41. Л. 299–300.
[22] Там же. Оп. 16. Д. 537. Л. 23.
[23] Там же. Л. 23–32.
[24] РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 204. Л. 27.
[25] Там же. Оп. 4. Д. 71. Л. 12.
[26] РГВИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 206; Ф. 13251. Оп. 3. Д. 14.
[27] К сожалению, по документам не удалось выяснить, на сколько штук был первый заказ.
[28] Журнал заседаний Особого совещания № 17. 1915. 21 окт.
[29] Журнал заседаний Особого совещания № 38. 1916. 9 янв.
[30] РГВИА. Ф. 369. Оп. 4. Д. 71. Л. 18–19.
[31] Там же. Д. 131.
[32] Там же. Оп. 16. Д. 204. Л. 1–3.
[33] Там же. Ф. 504. Оп. 25. Д. 59. Л. 5–8.
[34] М-17 // Авиационная энциклопедия. URL : http://www.airwar.ru/enc/engines/m17.html.
[35] Владимир Котельников Совершенствование моторов «Испано-Сюиза» 12у Владимиром Яковлевичем Климовым // Двигатель. 2005. № 4. URL : http://engine.aviaport.ru/issues/40/page22.html.
[36] Решена судьба АО «Рыбинские моторы» // Коммерсантъ-Daily. 1995. 10.08.
[37] Андрей Серов Проблемы несостоятельности предприятий. «Рыбинские моторы» как двигатель приватизации ВПК // Коммерсантъ-Daily. 1995. 19.08.
[38] Рыбинские авиадвигателестроители подумывают о слиянии // Коммерсантъ-Daily. 1996. 22.05.
[39] «Рыбинские моторы» и GE зарегистрировались на будущее // Коммерсантъ-Daily. 1996. 06.12.
[40] В подмосковном филиале НПО «Сатурн» – «Лыткаринском машиностроительном заводе» – успешно завершена модернизация испытательных стендов // Пресс-релиз НПО Сатурн от 21.03.2008.
[41] «Рыбинские моторы» создали СП со Snecma Moteurs // Коммерсантъ-Daily. 2000. 19.12.
[42] «Сатурн» и РОСНАНО создадут с помощью Газпромбанка предприятие по производству инструментов на основе нанотехнологий, объем инвестиций – 1 млрд рублей // ИНТЕРФАКС-АВН. 2008. 15.10.

Д. Д. Миненков

ОСОБЫЙ КОЛХОЗНЫЙ КОРПУС ОСОБОЙ КРАСНОЗНАМЕННОЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ АРМИИ – МИЛИТАРИЗОВАННАЯ МОДЕЛЬ В КОЛХОЗНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ 1930-х ГОДОВ

Рассматривая проблемы мобилизационной модели экономики в России (СССР) XX в. необходимо отметить, что командно-административные методы управления экономикой были присущи не только странам социалистической системы или тоталитарным режимам. Большинство стран мира в периоды больших войн, таких как Первая и Вторая мировые войны, в той или иной степени переводят управление экономикой на эти методы. И это вполне закономерно. В военное время любое государство стремится в короткие сроки мобилизовать все имеющиеся ресурсы для достижения победы. С окончанием войн, страны с капиталистическим укладом хозяйствования постепенно переводят свою экономику в обычное русло. До Октябрьской революции 1917 г. и наша страна не являлась исключением.

Не случись революции, возможно после окончания мировой войны в России все вернулось бы в свое русло, и наша экономика продолжила бы развитие по законам капитализма, где мобилизации проходят исключительно редко. Однако с приходом к власти большевиков, кардинальной сменой политической системы привычный ход экономического развития России также кардинально изменился.

Введение в стране всеобщей трудовой повинности, положение о которой официально закреплено в первой Российской Конституции (1918 г.), предопределили то, что командно-административные методы управления экономикой, всевозможные мобилизации стали у нас не исключением, а правилом.

Наиболее яркими периодами в истории нашей страны XX в., когда в наиболее концентрированном виде проявились все черты мобилизационного типа экономики, не считая военных, мы по праву выделяем период «большого скачка» (1930-е гг.) и период восстановления народного хозяйства, разрушенного Второй мировой войной, и втягивания страны в гонку вооружений.

Обоим этим периодам современными исследователями уделено должное внимание. По доступным в 1960–1980-е гг. историческим источникам, в известной степени, изучены и описаны многие аспекты социально-политического и экономического развития страны. Однако по причине воспрещения доступа к секретным архивным материалам, идеологического давления исследователи в эти годы не могли в полной мере изучить и описать такие проблемы, как создание и развитие системы принудительного труда в СССР, участие военной организации государства в решении внутренних социально-политических и экономических задач. Сейчас эти препятствия в основном устранены, и мы получили возможность изучить и ввести в научный оборот материалы, ранее практически не исследованные и не описанные.

Привлечение армии к решению внутригосударственных задач в 1930-е гг., на наш взгляд, представляет особый интерес. Такие аспекты, как участие Красной Армии в хлебозаготовках, раскулачивании, подавлении крестьянских выступлений, подготовке колхозных кадров и строительстве красноармейских переселенческих колхозов (красколхозы), до последнего времени остаются малоизученными.

В последние годы появились работы, в той или иной степени затрагивающие вопросы вовлечения Красной Армии в процесс «социалистического переустройства» советской деревни. Среди них можно отметить монографии дальневосточных ученых Э. А. Васильченко[1] и Ю. В. Пикалова[2], Н. С. Тарховой[3]. Работу Н. С. Тарховой, на наш взгляд, можно считать на сегодняшний день основополагающей, базовой для дальнейших разработок в указанных направлениях.

Однако в силу специфики многоплановых работ некоторые направления в них оказались описаны в основном на макроуровне. Это положение характерно для большинства современных исследований. Такие проблемы, как строительство и судьбы красноармейских переселенческих колхозов (особенно в пограничных полосах (погранполосах)), Особый колхозный корпус (ОКК) Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА) и некоторые другие, на наш взгляд, требуют дальнейшего исследования и детализации на микроуровне. Цель такого исследования – определить степень влияния политической и военной системы на социальный облик участников процесса, изменение демографической и морально-психологический ситуации в регионах, экономическую эффективность создаваемых в ходе экспериментирования моделей хозяйственных систем и дат достоверную оценку результатов их работы.

Первым, с 1929 по 1933 г., государством было организовано красноармейское переселение на Дальний Восток. Его предпосылками и задачами были: усиление с 1929 г. военной опасности на дальневосточных рубежах СССР и адекватное ему развитие оборонной инфраструктуры в Дальневосточном крае (ДВК); необходимость освоения многоземельных районов с целью обеспечения сельскохозяйственной (с/х) продукцией потребностей возрастающего населения края в связи наращиванием здесь численности армии и промышленных рабочих; заселение приграничных районов благонадежными, обученными военному делу людьми, способными при необходимости оказать помощь пограничникам; содействие местным органам в проведении коллективизации путем организации образцовых красноармейских хозяйств, машинно-тракторных станций (МТС) с широким привлечением сельскохозяйственных специалистов, подготовленных в армии; укрепление местных органов советской власти и оказание помощи сельскому активу в подавлении сопротивления мероприятиям советской власти со стороны местных крестьян.

Следующим было организованное государством в 1930–1936 гг. переселение демобилизованных красноармейцев, одновременно с созданием из их числа красноармейских колхозов для «укрепления пограничных полос». Это переселение проводилось в основном на западных границах СССР.

Третьим направлением было проводившееся государством осенью 1933 – весной 1934 г. переселение в Северокавказский край (кубанские колхозы и станицы). Основная предпосылка – резкое сокращение с/х населения богатых зерновых районов вследствие гибели от голода и бегства в другие районы (спровоцированных хлебозаготовками и принудительной коллективизацией), депортации населения казачьих станиц.

Из перечисленных направлений создания красноармейских переселенческих колхозов здесь мы коснемся только дальневосточного, которое было первым, а потому знаковой попыткой режима привлечь организованную и политически подготовленную массу красноармейцев к решению вышеуказанных задач. Кроме того, именно с созданием дальневосточных красноармейских колхозов напрямую связано создание первого и единственного в истории СССР воинского объединения, в задачи которого, помимо боевой подготовки, в равной степени входило сельскохозяйственное производство на базе созданных батальонов-колхозов. Практически весь материал о создании Особого колхозного корпуса, представленный в настоящей работе, в научный оборот вводится впервые.

Постановлением ЦК ВКП (б) от 12 апреля 1929 г. «О подготовке отпускников в РККА» была намечена система мероприятий по участию Красной Армии в колхозном движении[4]. Всего за 1929 г. армией на специальных курсах было подготовлено 70986 специалистов, среди них колхозников – 16223, трактористов – 8517[5].

По сведениям Политического управления Рабоче-крестьянской Красной Армии (ПУ РККА) из числа демобилизованных в 1928 и 1929 гг. было организовано более 150 крупных красноармейских колхозов. Вместе с тем отмечалось, что хозяйственное положение

красколхозов, в особенности вновь организованных, определяется огромным недостатком механических средств производства, а также недостатком денежных средств[6].

30 января 1930 г. вышло постановление Реввоенсовета СССР «Об участии Красной Армии в колхозном строительстве»[7]. В нем Политическому управлению РККА ставились задачи: «…Готовить всю массу красноармейцев и младшего начсостава для активного участия в строительстве социалистической деревни, в массовом колхозном движении, в ликвидации кулака как класса.

Уже в текущем году необходимо добиться, чтобы все 100 процентов красноармейцев и младших командиров – крестьян, увольняемых из РККА, были вовлечены в колхозы… Подготовить в 1930 году из числа красноармейского актива и младших командиров 100 тысяч массовых работников для деревни, из них не менее 75 тысяч – для колхозной системы…»[8]. В постановлении давались конкретные указания о порядке организации курсов и системе обучения на них красноармейцев.

Но, пожалуй, самым важным было то, что постановление предписывало категорически изменить направления работы по организации красноармейских колхозов: «…В связи с развертыванием сплошной коллективизации работу по организации красноармейских колхозов ограничить созданием красноармейских групп для строительства крупных колхозов только на переселенческих землях Дальнего Востока, Казахстана в строгом соответствии с планами Наркомзема [Народный комиссариат земледелия, НКЗ] СССР и материально-техническими средствами, отпускаемыми на эти нужды соответствующими правительственными и хозяйственными организациями.

Организацию красноармейских колхозов на переселенческих землях обеспечить политическим и организационным руководством, вовлекая в эти колхозы демобилизующихся командиров и политработников»[9]. Таким образом, с начала 1930 г. красноармейское колхозное переселение на Дальний Восток становится приоритетным и практически единственным.

По плану НКЗ СССР, уточненному в августе 1930 г., с учетом потребностей и возможностей мест вселения, к переселению в Дальневосточный край в 1930 г. было намечено 10600 красноармейских семей, или 26500 едоков.

Благодаря тому, что для красноармейцев государством был определен ряд дополнительных льгот, активной агитационной работе политорганов, и специфике войскового контингента вербовка 1930 г. прошла относительно успешно. По сведениям ПУ РККА было завербовано 9541 чел. красноармейцев (90 % плана) и 3303 чел. членов их семей(21 % плана). Однако в силу ряда причин красноармейское переселение на Дальний Восток в 1930 г. фактически было сорвано.

По данным НКЗ СССР с мест вербовки в ДВК осенью отправилось 8916 человек. На 1 января 1931 г. проследовало через Иркутск 7042 и в колхозы прибыло 4650 человек. «Растаскивание» красноармейских колхозов, сформированных в частях, началось еще в пути следования по территории Сибири, где многочисленные вербовщики переманивали красноармейцев на новые промышленные строительства. Плохое обслуживание в пути следования, неудовлетворительные жилищно-бытовые условия в местах вселения и негативное отношение старожильческого населения, переманивание специалистов на стройки и промышленные предприятия Дальневосточного края, в советский и партийный аппарат всех уровней, довершили свое дело – к середине января 1931 г. в колхозах из числа прибывших осталось 3360 человек (12,7 % выполнения плана красноармейского переселения)[10].

Уже в конце 1930 г., когда стали поступать первые сведения о недостатках в процессе переселения, правительством были приняты срочные меры для нормализации обстановки. С целью оказания практической помощи местным хозяйственным организациям в край в октябре 1930 г. была направлена специальная комиссия НКЗ СССР. С 1 декабря 1930 г. все красноармейские семьи переведены на централизованное снабжение. В феврале 1931 г. в

крае с целью выяснения степени виновности местных чиновников в срыве переселенческой кампании 1930/1931 г. работала комиссия военной прокуратуры. Она подтвердила основные выводы комиссии НКЗ СССР[11].

По результатам выводов комиссии НКЗ СССР в 1931 г. была проведена реорганизация руководства переселенческим делом. Для красноармейских переселенческих колхозов, водворяемых по плану 1931 г. в ДВК, были введены особые льготы и преимущества (по первоочередному обеспечению тракторами и др. с/х машинами, сельхозналогу, кредитованию, освобождению от воинской повинности, снабжению продовольствием в пути следования, снабжению в районах водворения, выданным в местах выхода ссудам, проезду и провозу имущества и др.)[12]. Таким образом, в конце 1930 – начале 1931 гг. работа по всестороннему обеспечению процесса красноармейского переселения была активизирована. Однако резкое сокращение финансирования дальневосточной переселенческой кампании в 1931 г. предопределило ее дальнейшую судьбу.

Всего во второй половине 1931 г. на Дальний Восток было переселено 6089 красноармейцев и 7839 членов их семей[13]. Одновременно имел место значительный их отток обратно на родину. Так, по сведениям, представленным секретно-политическим отделом Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) Наркому по военным и морским делам К. Е. Ворошилову на 1 января 1932 г. из 13482 красноармейцев-переселенцев (с семьями) выбыло обратно 1125 человек, или 8,3 %[14].

Таким образом, уже ко второй половине 1931 г. руководству страны и военного ведомства стало ясно, что добровольное переселение уволенных со службы красноармейцев и создание из их числа системы красноармейских колхозов на Дальнем Востоке в таких масштабах, как оно планировалось первоначально, провалилось.

В феврале 1932 г., после своей поездки на Дальний Восток, К. Е. Ворошилов обратился с обстоятельным письмом в Политбюро ЦК ВКП (б), в котором отметил, что «эффективность колхозного строительства пока не оправдывает затраченных средств и усилий <…> Личным своим ознакомлением с состоянием красноармейских колхозов в поездке по Дальнему Востоку, изучением материалов Наркомзема прихожу к определенному выводу, что существовавший и существующий порядок строительства пограничных колхозов добровольно вербуемыми не дает должного и быстрого эффекта»[15].

Учитывая значение Дальнего Востока в оборонной структуре государства, К. Е. Ворошилов предложил организовать в приграничной полосе ДВК в составе ОКДВА Особый колхозный корпус. Общий замысел заключался в создании на наиболее угрожаемых с сопредельных территорий направлениях ряда военных опорных пунктов-колхозов. Корпус должен был создаваться как обычный стрелковый, но, наряду с выполнением задач боевой учебы и службы, заниматься сельскохозяйственным производством. В конечном итоге предполагалось, что созданные батальоны-колхозы постепенно со всем сельхозинвентарем постройками и угодьями будут передаваться выслужившим установленный срок и осевшим на Дальнем Востоке красноармейцам этих военных колхозов. По мнению военного руководства, создаваемый Корпус должен был сыграть решающую роль в деле обеспечения всей ОКДВА продовольствием и фуражом.

По сложившейся в то время практике принятия государственных решений предложения К. Е. Ворошилова сначала были рассмотрены на заседании Политбюро ЦК ВКП (б), состоявшемся 3 марта 1932 г. Затем специально созданная комиссия разработала, согласовала с заинтересованными ведомствами и 14 марта представила в Политбюро проект постановления об организации в составе ОКДВА Особого колхозного корпуса. 16 марта 1932 г. этот проект был оформлен в виде постановления ЦК ВКП (б) «Об организации особого колхозного корпуса ОКДВА»[16]. Буквально на следующий день, 17 марта 1932 г. решение о формировании Особого колхозного корпуса было оформлено одноименным постановлением СНК СССР

№ 361/76сс[17]. Такое срочное принятие решений на высшем партийном и государственном уровнях говорит об особой важности проводимой в составе ОКДВА реорганизации.

В соответствии с этими постановлениями корпус формировался в составе управления корпуса, корпусных частей (по особым штатам), трех стрелковых и одной кавалерийской дивизии, общей численностью до 60 тысяч человек.

Формирование корпуса военному ведомству предписывалось произвести в две очереди: 1-я очередь (1932 г.), – формирование управления корпуса и 3-х дивизий (без артиллерийских полков) в Приморье и на Амуре, с окончанием формирования к 1 декабря 1932 г.; 2-я очередь (весна 1933 г.), – формирование корпусных частей и дивизионных артполков и развертывание четвертой дивизии (кавалерийской), с окончанием формирования к 1 июня 1933 г.

Во исполнение плана формирования корпуса в установленные сроки Народному комиссариату по военным и морским делам (НКВМ, Наркомвоенмор) предписывалось к первому мая 1932 г. перебросить в осваиваемые тремя дивизиями районы командные и хозяйственные кадры для подготовки к принятию призывников. А для скорейшего укомплектования корпуса переменным составом СНК СССР разрешил военному ведомству произвести досрочный (весенний) призыв военнообязанных 1910 года рождения в количестве 20–25 тысяч человек и обеспечить их прибытие в места развертывания корпуса к 1 мая. Таким образом, обеспечивались рабочей силой намеченное строительство корпуса и весенний сев 1932 г. Остальной личный состав, до полного укомплектования корпуса, предписывалось набрать в очередной осенний призыв того же года и направить к местам службы до 1 апреля 1933 г.

Согласно существовавшим в те годы правилам, определенным Законом об обязательной военной службе (ЗОВС) 1930 г., срок действительной военной службы красноармейцев и младших командиров срочной службы составлял 5 лет. Из этих пяти лет два года они проходили службу в кадрах Красной Армии и проживали в казармах военных городков, а на оставшиеся три года отправлялись в долгосрочный отпуск по месту жительства.

Для красноармейцев и младших командиров-срочников Особого колхозного корпуса срок действительной военной службы определялся в четыре года, из которых три года они обязаны были выполнять задачи непосредственно в своих частях и один год пребывать в долгосрочном отпуску по избранному месту жительства. Понятно, что увеличение срока службы в кадрах на один год было вызвано необходимостью полной отработки учебных программ боевой подготовки, рассчитанных на полноценную боевую учебу в течение двух лет. Красноармейцы же колхозного корпуса примерно половину годового рабочего времени занимались сельхозпроизводством, строительством, лесозаготовкой. Таким образом, они изначально были поставлены в более невыгодное положение, чем военнослужащие других частей Красной Армии.

Красноармейцам, изъявившим желание осесть на постоянное жительство в своих батальонах-колхозах, разрешалось к концу второго года службы перевезти к себе свои семьи. Переезд семей и обеспечение их жильем производились за счет государства.

Решением Правительства военному ведомству для использования в интересах Особого колхозного корпуса передавались все денежные средства, ассигнованные как по бюджету, так и по системе банковского кредита по линии Наркомзема СССР, предназначенные для строительства переселенческих красноармейских колхозов (жилищное строительство, транспорт, живой и мертвый инвентарь, вербовку и завоз рабочей силы) в ДВК на 1932 г. в сумме 79 млн 892 тыс. р. за вычетом ассигнований на окончание строительства красноармейских колхозов 1931 г.

Для производства строительных работ из системы НКЗ передавался со всем личным составом, имеющимся капиталом и имуществом созданный в 1931 г. специально для строительства красколхозов на Дальнем Востоке 17-й Союзсельстройтрест. Машинно-тракторные станции, обслуживавшие красноармейские колхозы региона (всего 22 МТС), также

передавались военному ведомству со всем личным составом, инвентарем и включались в состав корпуса.

Централизованным порядком на уровне союзных наркоматов и местных исполкомов строительство полностью должно было обеспечиваться всем необходимым имуществом, техникой, стройматериалами, специалистами и рабочей силой[17]. В интересах формирования четвертой (кавалерийской) дивизии в Забайкалье (к югу от Сретенска) предусматривалась передача корпусу в 1933 г. шести животноводческих совхозов, территориально расположенных по месту планируемой дислокации кавдивизии.

Таким образом, создавая Особый колхозный корпус, руководство страны пыталось решить ряд социально-экономических и политических задач путем использования труда призываемых на службу военнообязанных. Их труд, конечно же, мы не можем отнести к категории свободного. Больше ему подходит определение – принудительный.

Организационно Корпус состоял из управления Корпуса, отдельных частей корпусного подчинения (корпусной артиллерийский полк, саперный батальон (колхоз), батальон связи (колхоз)), трех колхозных стрелковых дивизий (1-я, 2-я и 3-я) и одной колхозной кавалерийской дивизии (4-я).

В управление Корпуса входили: командир-комиссар Корпуса, его помощники по политической и производственной части, по материальному обеспечению, инспекторы по военно-хозяйственной части (всего вместе с командиром-комиссаром 7 человек); штаб Корпуса и штабная рота; политический отдел; квартирно-эксплуатационная часть; производственный отдел. Всего по штату в управлении Корпуса числилось 158 человек. Из них высшего, старшего и среднего начальствующего состава – 117, младшего 14, рядовых – 25, вольнонаемных – 2. Положено также было иметь 20 лошадей, 4 легковых и 3 грузовых автомобиля[18].

Каждая колхозная стрелковая дивизия включала управление (командир-комиссар, штаб, партийно-политический аппарат (партполитаппарат), помощник по производственной части, начальники родов войск и служб и др.), отдельные части и подразделения, находящиеся в непосредственном подчинении управления дивизии (противотанковая батарея, батальон связи, эскадрон дивизии, саперная рота и химическая рота), три стрелковых и один артиллерийский полк. В кавалерийской колхозной дивизии предусматривалось иметь четыре кавалерийских полка (по пять эскадронов каждый), артиллерийский и механизированный (танковый) полки. В среднем, в колхозной стрелковой дивизии 1933 г. должно было быть около 17,5 тысяч человек.

Стрелковый полк организационно включал управление (командир, штаб, партполитаппарат, начальники родов войск и служб), три стрелковых батальона-колхоза, полковую артиллерию, полковую школу младших командиров, машинно-тракторную станцию. На базе последней содержались танковая рота и автотракторная мастерская[19].

Каждый стрелковый батальон имел организационную структуру, позволявшую ему совершенно самостоятельно создать отдельный полноценный колхоз и в то же время оставаться основным тактическим боевым подразделением своих полка и дивизии. Организационно он включал управление батальона (командир-комиссар батальона, штаб, партполитаппарат), обеспечивающие службы и подразделения (производственная часть (агроном, бухгалтерия, мастерская по металлу, инвентарный склад), хозяйственная часть и боепитания (мастерские хозяйственные, подсобные предприятия, склады, конюшня, хлебопекарня, кухня), взвод связи, отделение конных разведчиков, саперный взвод, клуб, амбулатория и ветеринарный пункт) и боевые подразделения (три стрелковые роты, пулеметная рота, артиллерийский взвод). Каждая рота в производственном отношении представляла отдельный рабочий участок, разделенный на бригады (взвода (3)) и группы (отделения (4)) по 11–13 человек в каждом[20]. Всего в батальоне по временному штату 1932 г. к осени 1932 г. должно было быть 673 человека личного состава и 150 лошадей. С весны 1933 г., после полного укомплектования

корпуса призывниками набора осени 1932 г., в батальоне должно было быть 1140 человек личного состава и 200 лошадей[21].

Каждый батальон-колхоз одновременно представлял собой учебный центр по боевой подготовке бойцов и подразделений. Младшие командиры обучение проходили в полковых школах. Программа для них была составлена таким образом, что кроме военной подготовки командира стрелкового отделения они получали знания и навыки как будущие руководители разного рода сельскохозяйственных бригад и рабочих групп.

Всего по временным штатам 1932 г. в Особом колхозном корпусе (без учета кавалерийской дивизии, саперного батальона и корпусного артполка, подлежащих формированию в 1933 г.) к осени 1932 г. должно было быть 25469 человек личного состава и 5669 лошадей. Весной 1933 г. – 50084 и 8913 соответственно[22]. Летом-осенью 1932 г., с учетом степени укомплектования батальонов людьми, техникой и имуществом, корпус должен был развернуть 35[23] отдельных, в прямом смысле военных колхозов. Из них хозяйств зерновых направлений – 7, зерново-животноводческих – 13, зерново-животноводческих с рисосеянием – 3, овощным – 1, овощно-животноводческим – 3, зерново-свекловичным – 1, зерново-свекловичных животноводческих – 2, (не установлено направлений по пяти хозяйствам)[24].

Весной 1932 г. комплектование первой очереди корпуса прошло в основном организованно. Рядовым составом корпус был укомплектован на 99 %, младшим начсоставом – на 57,5, средним – на 63,3, старшим – на 71,1, высшим – на 97 %[25].

С первых же дней по прибытии к новому месту службы командиры и политработники развернули активную работу по организации строительства военных лагерей, сельхозработ. По плану первой очереди строительных работ (в 1932 г.) корпус в основном своими силами обязан был построить 219 жилых зданий общей кубатурой 595677 куб. м., 106 социально-бытовых (284050 куб. м.), 128 сельскохозяйственных (135123 куб. м.). Кроме того, необходимо было провести весенний и осенний сев, предварительно подготовив землю, провести сенокосы, собрать урожай и разработать угодья для весеннего посева 1933 г.

Условия, в которых приходилось трудиться людям, были тяжелыми. Бытовая неустроенность из-за отсутствия стационарных жилых помещений, жизнь в палатках и работы в поле в условиях холодного и дождливого дальневосточного лета быстро приводили обмундирование в негодность. Тяжелые физические нагрузки при более чем десятичасовом рабочем дне, без предоставления дней отдыха выматывали людей. Постоянно имели место перебои со снабжением продовольствием и водой. Перспектива жить и работать в таких условиях три года усугубляла упадочнические настроения красноармейцев. Денежное довольствие красноармейцы ОКК получали наравне с военнослужащими других частей Красной Армии, в соответствии с окладами по воинским должностям.

Несмотря на выплачиваемые командирам оклады денежного содержания в двойном размере, стали появляться «пораженческие» настроения и среди них. Выполнение несвойственных для армейского командира функций руководителя сельскохозяйственных и строительных работ при отсутствии соответствующих знаний, неумении увязать в один комплекс задачи производства и боевой учебы, неустроенность семей были основными причинами недовольства, проявлявшегося порой в резких открытых формах. За период с начала формирования корпуса по 1 августа 1932 г., т. е. за четыре месяца, из него дезертировало 63 военнослужащих, произошло 23 несчастных случая (11 со смертельным исходом), только по двум дивизиям совершено 10 случаев членовредительства, 6 коллективных отказов от приема пищи и выхода на работу, 5 покушений на самоубийство и 3 самоубийства. В частях большое количество как начсостава, так и рядовых открыто заявляли о намерении покончить с собой[26].

В приказном порядке в течение пяти лет запрещалось перемещать по службе начальствующий состав Корпуса, как внутри него самого, так и в другие части и местности, независимо от сложившихся обстоятельств. Командирам не разрешали даже поступать в академии.

На строительных объектах первой очереди Корпуса и заготовке стройматериалов летом 1932 г. в среднем ежемесячно использовалось: на строительстве – около 6000, лесосплаве – 2000, лесозаготовках – 1500, лесозаводах – 1500 человек личного состава ОКК[27]. С ноября командир Корпуса установил объем заготовки делового леса в 200 тысяч кубометров, на что выделялось около 2500 человек. На заготовку 300 тысяч кубометров камышита выделялось около ста человек[28]. Кроме того, люди выделялись на мелиоративные работы по подготовке сельхозугодий.

Подводя итоги строительства первой очереди, командир Корпуса в своем приказе № 069 от 20 ноября 1932 г. отмечал: «…план строительства выполнен по казармам на 72, по домам начальствующего состава 49, столовым 46, хлебопекарням 54, конюшням 41, коровникам 19 процентов <…> Законченные постройки и строящиеся по качеству произведенных работ низки: печи собраны небрежно, дымовые трубы выведены криво, штукатурка, настил потолка ведется небрежно <…> Построено помещение технически неверно, опасное для размещения…»[29].

Результаты сельскохозяйственного производства в 1932 г. также были невысокими. Пшеницы было посеяно 6764, погибло 1129, сжато 5635, обмолочено 394 гектаров, в результате чего получено 937 центнеров зерна. Таким образом, урожайность составила 2,3 центнера с гектара. Овса посеяно 4186, погибло 500, обмолочено 826 гектаров. Получено 4513 центнеров. Средняя урожайность 5,4 центнера с гектара. Картофеля посеяно 1096, погибло 229 гектаров, убрано и вывезено с поля 10868 центнеров. Средняя урожайность составила 13,6 центнера с гектара[30]. В это время средняя урожайность в хозяйствах ДВК составляла соответственно по пшенице 8,8, по овсу 9,89, по картофелю 95 центнеров с гектара. Боевая подготовка в летнем периоде обучения 1932 г. проводилась от времени к времени и результаты ее были соответствующими.

На 1933 г. Корпусу постановлением Реввоенсовета СССР установили посевную площадь в размере 100 тысяч гектаров. Урожайность с засеваемых корпусом площадей определили на 10 % выше, чем в среднем по краю. В 1934 г. посевные площади корпуса планировалось довести до 150 тыс. га. Для осуществления этого плана в 1933 г. необходимо было обеспечить производство зяблевой вспашки на площади 80 тыс. га, озимого сева ржи – 4 тыс. га, и взмет пара – 66 тыс. га. Кроме того, по животноводству стадо корпуса в 1933 г. планировалось довести: лошадей с 2400 до 5000 голов, молочного скота с 2500 до 7100, свиней с 3000 до 18500, овец с 2000 до 5600, кроликоматок с 1500 до 17250, птиц 14100[31]. Такой «прирост» стада обеспечивался, главным образом, за счет поставок животных из Центра. Большую часть семенного материала корпус также должен был получить из Центра.

К концу осенней посевной кампании 1932 г. в корпусе имелось 762 трактора (462 переданных с МТС и 300 обеспеченных Центром). 503 трактора требовали капитального ремонта, а остальные 259 – среднего. Такое состояние тракторного парка военачальники объясняли варварским отношением к тракторам и нецелевым их использованием на строительных работах. Однако необходимо также учитывать то, что трактора работали в поле в три смены, т. е. круглосуточно и управлялись не всегда квалифицированными трактористами. В декабре 1932 – феврале 1933 г. Центр поставил корпусу еще 175 колесных и 32 гусеничных трактора[32].

Полученный урожай посевных культур 1933 г., по расчету специалистов Корпуса, мог обеспечить создание семенного фонда для сева 1934 г. (150 тыс. га); удовлетворение потребности в довольствии людей корпуса (31 тыс. человек), включая и части Кавдивизии; создание годовой кормовой базы для стада Корпуса и запасного фонда в распоряжении командира корпуса (5 % от валового сбора). Кроме того, части ОКДВА (146088 человек личного состава и 42435 лошадей) полностью обеспечивались пшеницей, соей, капустой, помидорами, огурцами[33]. Выход товарной продукции животноводства (вместе с мясом птицы)

должен был составить 1969 центнеров, что обеспечивало только 8,5 % потребности Корпуса. Намеченный Корпусу улов морской рыбы в 1933 г. в количестве 30000 центнеров давал возможность полностью удовлетворить потребность Корпуса в рыбе и остаток в размере 20000 центнеров использовать на улучшение питания начальствующего состава Корпуса, его семей и довольствие войсковых частей ОКДВА. По финансированию общие расходы Корпуса, включая и расходы по организации территории, в 1933 г. должны были составить 40260592 р., приходы 30151247 р.

Из доклада командира Особого колхозного корпуса Калмыкова на расширенном заседании РВС СССР в ноябре 1933 г. следует, что план сева, определенный на 1933 г. в 100000 га, был выполнен на 106 %, план сенокоса, заданный в 30000 га, был выполнен – выкосили 34000 га, собрали 50000 т сена. Относительно хлебозаготовительной кампании Калмыков привел следующие цифры: «Государству мы должны были в этом году дать 121806 центнеров хлеба к 1 января. Мы к 10 ноября этот план полностью выполнили. Общий сбор зерновых культур в этом году будет у нас около 3500000 пудов. Таким путем, кроме хлебосдачи государству мы полностью обеспечиваем себя семенами, полностью обеспечиваем себя продовольствием, фуражом и овощами. Таким путем в этой части мы, безусловно, задачу, поставленную народным комиссаром, выполнили»[34].

В начале 1933 г. командование Корпуса обратилось к руководству военного ведомства с ходатайством о переводе некоторых подразделений на положение самостоятельных военизированных красноармейских колхозов с исключением их из состава Корпуса. Такое разрешение было дано специальным постановлением РВС СССР от 11 мая 1933 г.[35] Корпусу разрешалось с 1934 г. в качестве эксперимента перевести две лучшие роты на положение самостоятельных колхозов. Разрешалось, так же к 1 января 1934 г., осуществить привоз и расселение одной тысячи семей красноармейцев.

Однако, несмотря на активную агитацию, вводимые для красноармейцев-колхозников льготы (практически полное государственное обеспечение), остаться на постоянное жительство в красколхозах ДВК пожелали лишь единицы. Красноармейцы знали о причинах массового обратничества из красколхозов, созданных в 1930 г., и не желали повторять горький опыт своих предшественников. Таким образом, несмотря на то, что хозяйство корпуса с 1934 г. стало рентабельным, главную идею об оседании военнослужащих на Дальнем Востоке в составе красноармейских колхозов осуществить не удалось.

1934 и 1935 гг. ОКК продолжал одновременно заниматься сельхозработами и боевой учебой. Качество последней было крайне низким, о чем неоднократно отмечалось в материалах инспектирования, приказах по Корпусу и ОКДВА.

Такое положение в Корпусе, а также расширение японской агрессии в Китае и наращивание группировки сил японской Квантунской армии на сопредельной с ДВК территории предопределили дальнейшую судьбу Корпуса. В мае 1936 г. Особый колхозный корпус был реорганизован в чисто армейское боевое объединение, а его пахотные и сенокосные угодья были переданы в ведение райземотделов для образования на них колхозов и совхозов.

Статистика же добровольного красноармейского переселения на Дальний Восток в эти годы была следующей: всего во второй половине 1931 г. на Дальний Восток было переселено 6089 красноармейцев и 7839 членов их семей, в апреле 1932 – январе 1933 г. – 533 семьи в составе 2905 человек, зимой 1933/1934 г. зарегистрировано прибытие 682 семей в составе 3328 человек, в 1935 г. – 1160 семей, насчитывающих 6452 человека[36].

В последующие годы в связи с общим недостатком трудовых ресурсов в большинстве регионов европейской части России плановое красноармейское переселение на Дальний Восток прекратилось. Прекратились в основном и централизованные кампании по поддержке красноармейских колхозов. Из 30 красноармейских колхозов, созданных на Дальнем Востоке в начале кампании, к концу 1935 г. осталось только 7. Для того чтобы «не создавать

антагонизма между красноармейскими и иными колхозами», первые уравняли в правах и льготах со вторыми.

В письме Дальневосточного краевого комитета ВКП (б) секретарям подведомственных партийных организаций в апреле 1936 г. было отмечено что: «Проведенная в декабре 1935 г. проверка красноармейцев-переселенцев по 7 районам <…> показала, что на 1034 переселенческих хозяйства не обеспечены домами 242, надворными постройками 566, не имеют коров 189.

На проходившем в первых числах марта Пленуме Крайисполкома Маршал Советского Союза тов. Блюхер выдвинул предложение о том, чтобы дело устройства красноармейских переселенцев стало делом колхозов.

Не создавая больших планов, нужно организовать колхозную общественность на то, чтобы в 1936 г. каждый колхоз за счет своих средств подготовился принять одно-два красноармейских хозяйства…»[37]. Постепенно о красноармейских колхозах стали забывать.

Таким образом, на примере дальневосточной красноармейской переселенческой кампании в общем и создания ОКК в частности мы можем проследить один из типичных вариантов попытки командно-административного решения сталинским режимом комплексной социально-экономической, политической и военно-стратегической проблемы обеспечения сельскохозяйственного сектора Дальневосточного региона людскими ресурсами. Как и многие другие массовые кампании тех лет, имевшие в основе своей волюнтаристские решения партийных вождей, не подкрепленные ни достаточными финансовыми средствами, ни приемлемыми социально-бытовыми условиями в местах вселения, красноармейская переселенческая кампания 1930-х гг. провалилась. Ни одна из задач, определенных Центром для системы красноармейских колхозов, – политическая, оборонно-стратегическая, социально-экономическая – не была решена. Красноармейские семьи и колхозы не стали сколько-нибудь заметным явлением в жизни дальневосточной деревни 1930-х гг. В конечном итоге те из красноармейских семей, кто не уехал обратно на родину, просто «растворились» среди населения края.

Примечания

[1] Васильченко Э. А., Васильченко О. А. Переселение и организация жизнедеятельности семей на Дальнем Востоке России (1860–1941 г.) : монография. Владивосток : Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2008. 340 с.

[2] Пикалов Ю. В. Переселенческая политика и изменение социально-классового состава населения Дальнего Востока РСФСР (ноябрь 1922 – июнь 1941 г.). Хабаровск : Изд-во ХГПУ, 2003. 214 с.

[3] Тархова Н. С. Красная армия и сталинская коллективизация. 1928–1933 гг. М. : РОССПЭН ; Фонд «Президент. центр Б.Н. Ельцина», 2010. 375 с.

[4] КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Документы 1917–1968 гг. М., 1969. С. 262–263.

[5] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 4. Оп. 1. Д. 1278. Л. 2.

[6] Платунов Н. И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 г.). Томск, 1976. С. 94, 123.

[7] Партийно-политическая работа в Красной Армии : документы. Июль 1829 г. – май 1941 г. М. : Воениздат, 1985. С. 44–46.

[8] Там же. С. 44.

[9] Там же. С. 45.

[10] Там же. Л. 69. Д. 76. Л. 16.

[11] РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 76. Л. 65, 65 об.

[12] См.: «Справка о льготах и преимуществах для красноармейских переселенческих колхозов, водворяемых по плану на Дальне-Восточный край в 1931 году». Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 10. Д. 7. Л. 242–249.

[13] Платунов Н. И. Указ. соч. С. 203.
[14] Тархова Н. С., Романо А. Красная Армия и коллективизация. 1928–1933 : сб. док. из фондов РГВА. Napoli, 1996. С. 400–402 (док. № 55).
[15] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 326. Л. 330–340.
[16] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 : док. и материалы : в 5 т. / под ред. В. П. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. Т. 3. Конец 1930–1933 / отв. сост.: В. Данилов, И. Зеленин, В. Кондрашин, Н. Сидоров. М. : РОССПЭН, 2001. С. 290–293 (док. № 109).
[17] РГВА. Ф. 33879. Оп.1. Д. 52. Л. 204–209.
[18] РГВА. Ф. 37745. Оп. 1. Д. 46. Л. 167–174 (штат к/9 1932 года).
[19] РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 52. Л. 215.
[20] РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 52. Л. 216.
[21] Там же. Л. 218.
[22] РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 52. Л. 220.
[23] Подсчитано по: РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 25. Л. 218, 218 об, 219, 219 об, 220.
[24] РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 29. Л. 22.
[25] Подсчитано по: РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 29. Л. 121.
[26] Приведены сведения из докладной записки инспектора Политуправления ОКДВА Суслова, инспектировавшего в составе группы первую и вторую колхозные дивизии летом 1932 г. РГВА. Ф. 33897. Оп. 1. Д. 27. Л. 18.
[27] РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 29. Л. 119.
[28] РГВА. Ф. 37745. Оп. 1. Д. 46. Л. 306.
[29] Там же. Л. 186, 187.
[30] РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 29. Л. 73.
[31] Там же. Д. 52. Л. 52 об.
[32] Там же. Д. 29. Л. 60.
[33] Подсчитано по: РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 52. Л. 20.
[34] РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 40. Л. 156–159.
[35] Там же. Д. 52. Л. 97–99.
[36] Платунов Н. И. Переселенческая политика советского государства… С. 203.
[37] РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 138. Л. 28.

Е. В. Панга

ПОВОЛЖСКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ КАК ЗАЛОЖНИКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ БОЛЬШЕВИКОВ

Октябрьские события 1917 г. положили начало перестройке экономических отношений в стране. Монополизация в экономической сфере предусматривала национализацию, конфискацию, реквизицию и т. д. Первые мероприятия советской власти вошли в отечественную историографию как «красногвардейская атака на капитал» и «военный коммунизм». Авторы ряда исследований едины в том, что экономика нерыночного, директивного типа предполагала, прежде всего, уничтожение частной собственности в какой-либо форме. И, безусловно, главной жертвой таких радикальных преобразований большевиков стали представители частного капитала в сфере производства, торговли и услуг. Однако возникает вопрос, как в одночасье можно было вытеснить и/или отказаться от услуг частника и каков был результат предпринятых действий. Ретроспективный взгляд, основанный на анализе фактологического материала, позволяет несколько восполнить имеющиеся лакуны данной

проблемы. В этом отношении весьма интересным представляется региональный сюжет на примере Саратовского Поволжья[1].

В 1918–1920 гг. в Саратовской губернии и на территории немецкой автономии были национализированы заводы, фабрики, банки, театры и прочие объекты[2]. Параллельно с этим процессом на местах возникали один за другим различного рода отделы, комиссии, комитеты: Губернский совет народного хозяйства, Губернский исполнительный комитет, Совет Городских Комиссаров, Особая Губернская Комиссия по реквизиции и конфискации, Губернский продовольственный комитет, Совет профессиональных союзов, Земельный отдел, Губернское Управление мукомольно-крупяными предприятиями, кустарный отдел Государственного совета народного хозяйства[3]. И это далеко не полный список органов управления, которые также наделялись и контрольными полномочиями. Надо отметить, контролю придавалось довольно большое значение[4]. Так, заместитель Комиссара Саратовского Губернского контроля Левин на очередном заседании губернского съезда советского контроля, которое состоялось 26 мая 1918 г., заявил, что нельзя ставить рамок контролю![5] На повестке дня одной из приоритетных становилась задача контроля торговли и ограничение прибыли предпринимателей[5].

Итог всех проведенных реорганизационных мероприятий был очевиден. Крупные и средние заводчики, финансисты, торговцы почти все исчезли. Трагичной оказалась судьба именитнейших мукомолов таких, как Шмидт, Рейнеке, Борели и многих других успешных предпринимателей. Они были лишены всего и вся, утеснены, выселены. Одни были арестованы и репрессированы. Другие уехали за границу вместе со своим гигантским техническим и коммерческим опытом[6]. На национализированных предприятиях ликвидировался технический и рабочий персонал и был проведен набор нового штата рабочих и служащих[7].

Во многом такие активные действия властей отрицательным образом сказались на работе как отдельных предприятий, так и целых отраслей народного хозяйства. Полный хаос делопроизводства, хищения и масса злоупотреблений были отмечены в докладе секретаря финансового отдела губернского исполнительного комитета. Отмечалось, что банки: Городской, Взаимного кредита и бывший Русский Торгово-Промышленный – не функционировали[8]. По национализации бывших частных банков Губернский финансовый отдел вынужден был привлечь к работе в Комиссии целый ряд старых опытных и дельных банковских работников. Не было и четкого распределения полномочий между созданными учреждениями. На заседании кустарного отдела Государственного совета народного хозяйства отмечались факты отсутствия порядка и дисциплины на большинстве мельниц, полнейший беспорядок и распущенность рабочих и служащих. Одной из причин таких обстоятельств стало отсутствие декрета, который точно бы определял хозяина мельниц, так как существовало неопределенное разграничение между Земотделом и Главмукой[9]. Отсюда вытекала вся бесхозяйственность, безобразие, путаница и хаос. Такое положение дел в условиях Гражданской войны еще больше усугубляло социально-экономическую ситуацию в регионе. Катастрофически падала производительность организованной кустарной и крупной промышленности (текстильной, кожевенной, производство с/х машин и орудий), имеющих государственное значение и грозило их полной остановкой[10]. Крайне не хватало предметов первой необходимости и продуктов питания. Вместе с тем усиливалась спекуляция с овощами и фруктами, продолжалась продажа рыбы по взвинченным спекулятивным ценам. В силу того, что Совнархоз к 1919 г. не сумел пустить в ход табачную фабрику, лучшие сорта немецких и турецких табаков были реализованы так называемыми в официальных документах спекулянтами на базаре. Не редко во время облавы у частных торговцев конфисковали все имущество[11]. Но это практически не влияло на ход базарной торговли, она была вне конкуренции.

Похожая ситуация наблюдалась в сфере услуг и мелкого по преимуществу кустарного производства. В отсутствии ремонтных мастерских частные мастера: столяры, бондари, же-

стянщики и др. принимали заказы разных учреждений[12]. По понятным причинам власть не могла спокойно наблюдать за такой ситуацией. Так, 8 июля 1920 г. в центральной газете «Известия» была опубликована статья, которая указывала на то, что базами для ремонта с/х машин и инвентаря надлежит использовать все кузнецы и мастерские частных лиц[13].

В июле 1919 г. на очередном заседании коллегии кустарного отдела особое внимание было уделено кустарному производству. В докладе «О значение кустарной промышленности и меры к ее развитию» отмечалось, что при полной разрухе фабричной промышленности конкуренция по отношению к кустарю сделалась весьма слабой[14]. Было решено произвести специальное обследование кустарной промышленности и при этом не рассылкой анкет, но и поездками на места. Надлежало выяснить следующие моменты: личный состав семейства, занятых в кустарной промышленности, участие в кустарных производствах стороннего труда, технику кустарного производства, сбыт кустарных изделий, доход семьи от кустарной промышленности.

С объявлением новой экономической политики в 1921 г. положение частника несколько изменилось. Нормативно-правовая база придала идеям нэпа законный характер. Вновь допускались различные виды предпринимательской деятельности. По Декрету о денационализации бывшие владельцы могли возвратить себе все промышленные предприятия стоимостью не выше 10 тыс. довоенных рублей[15]. Этот документ позволял предпринимателям законным путем вернуть ранее утраченное имущество. В соответствии с инструкцией ВСНХ (август 1921) бывшим владельцам также могли быть возвращены те предприятия, которые не эксплуатировались губсовнархозом[16]. Тем не менее, местная администрация стремилась сократить возврат бывшим владельцам каких бы то ни было предприятий или имущества, перешедших во владение казны, о чем свидетельствует Саратовское губернское экономической совещание. Взять в аренду такое предприятие бывший хозяин мог лишь только при отсутствии других желающих[17]. Кроме того, отдел местной промышленности имел право утверждать или не утверждать программу работы частного предприятия (в том числе арендованного). На очередном заседании Саратовского губернского экономического совещания от 22 июня 1922 из протокола № 17 следовало разъяснение декрета о денационализации мелких предприятий. Где отмечалось, что основной мыслью законодателя было отнюдь не восстановление собственности, а развитие кустарной промышленности. И только Губернские отделы могут определить предприятия, подходящих под декрет о денационализации[18]. Одновременно с денационализацией шел процесс национализации. Например, национализация мельниц продолжалась и в 1921 и в 1922 гг.[19]

Несмотря на то, что нэп объявлялся «всерьез и надолго», уже весной 1921 г. начался переход к активной борьбе с развивающимися частнокапиталистическими отношениями. Критикуя бездействие Наркомюста, Ленин требовал научить нарсуды «карать беспощадно, вплоть до расстрела за злоупотребления новой экономической политикой». Власти периодически устраивали показательные суды над «хозяйчиками». Рассказывая на IX съезде Советов об одном из первых судебных процессов, проходившем в Москве в середине декабря 1921 г. над 35 частными хозяевами, Ленин говорил, что число таких процессов надо умножить, «строго карая попытки нарушения наших законов господами частными предпринимателями». Осенью 1922 г. начались показательные процессы над чиновниками-взяточниками и представителями частного капитала. И все же главной фигурой на процессах были не государственные чиновники разного уровня, а представители формирующегося частного сектора: крупные торговцы, посредники, организаторы «черных» трестов и лжекооперативов, действовавших в снабженческо-сбытовой сфере[20].

По утверждению исследователей, в «этот период правосудие руководствовалось революционным правосознанием». Как указывал «Ежегодник советской юстиции», «…правосознание должно проходить красной нитью в каждом приговоре или решении; оно лишь

ограничено писаными нормами, но оно не упразднено»[21]. А. П. Угроватов доказывает, что существовала едва начавшаяся, но практически сорванная попытка привести законодательство в соответствии с концепцией гражданского мира. В советской юриспруденции и юридической практике отмечалось «печальное торжество» принципа «минимума формы», «максимума классового содержания», что открывало простор для чрезвычайных и незаконных мер[22].

23 сентября 1924 г. была утверждена инструкция ВСНХ (о порядке сдачи в аренду госпредприятий), которая удлиняла срок аренды до 12 лет и содержала принцип предоставления льгот. Сильно разрушенные предприятия передавались в аренду за один лишь ремонт в будущем[23]. Однако, как показала практика последующих периодов, установленный инструкцией принцип определения арендной платы в зависимости от стоимости имущества, в большинстве случаев, на местах не применялся. Хотя в резолюциях местных органов демонстрировалась поддержка решений центральной власти, но положения, содержавшиеся в тезисах ВСНХ о необходимости создания условий, при которых частный капитал с большей интенсивностью направился бы на восстановление промышленности, о сдаче крупных предприятий и предприятий, требующих ремонта, зачастую оставались только на бумаге.

К середине 1920-х гг. на местах создавали препятствия дальнейшему развитию аренды. Ввиду нарушения рядом арендаторов условий аренды, по мнению местных властей, создалась необходимость расторжения договоров, после чего данные объекты должны быть сданы в аренду другим лицам. Практически все ходатайства бывших владельцев о возвращение своих предприятий не удовлетворяются. Основным руководством стали указания от 26 августа 1922 г. Саратовского Губернского исполнительного комитета о том, что: 1) все конфискации, реквизиции, национализации и иные отчуждения частного имущества государственными органами, имевшие место до 22 мая 1922 г. узаконяются в порядке революционной давности и обязательному возвращению бывшим владельцам не подлежат; 2) в отношении предприятий, непосредственная эксплуатация которых невыгодна для госорганов, надлежит, прежде всего, сдавать в аренду, отдав предпочтение госучреждениям перед общественными и кооперативными органами и последним перед частными лицами; 3) лишь в случае отсутствия желающих взять эти предприятия в аренду таковые могут быть переданы их бывшим владельцам, но не в полную собственность, а на условиях, указанных в постановлениях Губернского экономического совещания[24]. Кроме этого, развитие частной аренды в середине – второй половине 1920-х гг. сдерживало и то, что арендный фонд, находившийся в ведении губернских органов, был уже практически исчерпан. Оставшиеся предприятия требовали настолько солидных вложений, что частные предприниматели не желали брать их. Вместе с тем, шло ужесточение политики в этой сфере – 15 мая 1928 г. постановлением СНК отменяется закон об аренде государственных предприятий частными лицами.

Особое место частному капиталу принадлежало в сфере торговли. Представителей частного торгового капитала можно было встретить на ярмарках, биржах; их заведения лидировали на рынках и базарах. Они выступали как в роли заготовителей сельскохозяйственной продукции, так и в роли продавцов товаров первой необходимости. Торговля прочно вошла в обыденную жизнь людей, как города, так и деревни, во многом благодаря деятельности нэпманской торговой буржуазии.

Активная работа, развернувшаяся частниками по освоению торговли во всех ее проявлениях, превзошла ожидания властей. В «Вестнике Саратовского Губкома Р.К.П.» отмечалось, что «частная торговля с разрешением свободного оборота начала расцветать не по дням, а по часам. Потоки частной торговли стали заполнять все русла товарообращения»[25]. Общее количество торговых предприятий, действовавших в Саратовской губернии в апреле 1923 г., составляло 5266, из них на частные приходилось 4685 или 88,9 %[26]. В своем большинстве частные торговые заведения занимались розничной торговлей.

Сложившееся положение в центре, и в особенности на местах, не соответствовало общей торговой государственной политике. Большевики старались по возможности уменьшить роль частной торговли, облагая частников непомерными налогами. Многим нэпманам пришлось столкнуться с целым рядом препятствий, чтобы сохранить свое торговое дело. Но не всем это удавалось, особенно тяжело пришлось мелким торговцам, заведения которых располагались главным образом в сельской местности. В саратовской поволжской глубинке число частных лавок в 1924 г. уменьшилось на 35 %[27].

От местных фининспекций требовали тщательной проверки заявлений и деклараций всех торговых предприятий IV–V разрядов. К тем же налогоплательщикам, кто скрывал свои обороты, вел ложные торговые и вообще «из корыстных целей нарушал налоговую дисциплину», применялись меры судебного воздействия[28]. Продажа частным торговцам дефицитных товаров сопровождалась взятием с них письменных обязательств о предельных размерах наценок, которые они имели право делать на эти товары. Если частник нарушал договор и продавал продукцию по более высоким ценам, его привлекали к уголовной ответственности по статьям 130 УК (неисполнение обязательств по договору с государством) или 180 УК (мошенничество). Руководствуясь лозунгом Ф. Дзержинского «о самочистке» торговых учреждений «от чуждого элемента», в Саратовской губернии доверенные магазинов за перепродажу товара мелкими партиями из розничных государственных и кооперативных магазинов снимались с работы и привлекались к судебной ответственности. Кооперативным союзам разрешалось торговать с частниками только в исключительных случаях.

Оптовая торговля находилась под полным контролем государственных организаций, за исключением частных хлебозаготовителей, деятельность которых была сведена к минимуму в 1926–1928 гг.

Весьма точно охарактеризовал государственную политику периода новой экономической политики в отношении частного капитала принадлежавший к социал-демократическим кругам русской эмиграции 1920-х гг. экономист А. Югов: «Сегодня частному промышленнику сдают в аренду предприятие или разрешают торговлю, а завтра, ввиду нового зигзага политики, его разоряют и ссылают к Полярному кругу. Сегодня разрешают частные ОВК (общество взаимного кредита), а завтра, придравшись к ничтожным нарушениям формальных норм, их закрывают. Особым декретом демуниципализируют нерентабельные дома, а через несколько лет, после того, как частные владельцы привели дома в порядок, их снова отбирают, так как они стали рентабельными»[29].

Противостоять экономическому, административному и судебному давлению нэпманам мешало их политическое бесправие. Вместе с декларированными правами частного торговца и промышленника сохранялось положение о лишении их политических прав. Политическая жизнь была для них фактически закрыта. Они не имели права служить в армии, занимать должности в государственном аппарате. Политическое бесправие нэпманов сопровождалось лишением социальных гарантий, в частности, права на пенсию[30]. Безусловно, что лишение социальных и политических гарантий такой хозяйственно активной части населения, как нэпманы, противоречило основам нэпа.

С приходом большевиков к власти в стране изменились облик, менталитет, ценности. Новая идеология несла совершенно новые, отличные от прежних, идеалы. Так, экономическая политика советской власти ставила целью покончить с рыночными отношениями и капиталистами раз и навсегда. Но на практике оказалось, что это не всегда было возможным, а порой даже и нецелесообразным. Так, до 1921 г. продолжали сохраняться некоторые элементы, которые противоречили постулатам большевиков. А именно: торговля или как в официальной печати писали – спекуляция, небольшие предприятия кустарного типа, мастерские. Местная власть вынуждена была мириться с таким положением ввиду крайней хозяйственной разрухе и политической нестабильности. С провозглашением нэпа ситуация несколько меняется. И хотя

рыночные отношения были легализованы, однако частная инициатива была допущена опять в те же сферы, где частный капитал не пересекался с государственными интересами. С укреплением же своих политических позиций и с восстановлением экономики, советское правительство в быстрые сроки свернула и покончила со всякой либерализацией в экономической сфере.

Примечания

[1] В данной статье Саратовское Поволжье представлено двумя территориальными единицами: Саратовская губерния и Область немцев Поволжья. Такая география исследования обусловлена близостью территорий, сходством природно-географических условий, что отразилось на общности социально-экономических процессов.

[2] Государственный архив Саратовской области (далее ГАСО). Ф. 521. Оп. 1. Д. 129. Л. 9, 15; Д. 337. Л. 1; Д. 1624. Л. 67; Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее ГАНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 41. Л. 3.

[3] ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 337. Л. 1; Д. 493. Л. 5; Д. 365. Л. 3.

[4] Для осуществления задач контроля при Саратовском губернском Совете Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов был утвержден Саратовский Губернский отдел Комиссариата Государственного контроля. См.: ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 317. Л. 1.

[5] ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 104. Л. 2.

[6] Семенов В. Н., Семенов Н. Н. Саратов купеческий. Саратов, 1995. С. 341.

[7] ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 131. Л. 2.

[8] Там же. Д. 129. Л. 9.

[9] Там же. Д. 365. Л. 25.

[10] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 41. Л. 26.

[11] ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 41. Л. 27.

[12] ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 79.

[13] ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 20. Л. 378.

[14] Там же. Д. 365. Л. 3.

[15] См.: Сборник Узаконений и Распоряжений Рабочего и крестьянского правительства. 1921. № 70. Ст. 564.

[16] Там же. № 79. Ст. 684.

[17] Отчет Экономического совещания Саратовской губернии. 1922. С. 69.

[18] ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 1626. Л. 153.

[19] Там же. Д. 1626. Л. 68, 75, 97.

[20] См.: Борисова Л. В. Нэп в зеркале процессов по взяточничеству и хозяйственным преступлениям // Отечеств. история. 2006. № 1. С. 90.

[21] Ежегодник совет. юстиции. 1922. № 1. С. 7.

[22] См.: Угроватов А. П. Россия нэповская : политика, экономика, культура // Отечеств. история. 1992. № 3. С. 22.

[23] См.: Законы о частном капитале : сб. законов, постановлений, инструкций, разъяснений. М., 1929. С. 196–201.

[24] ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 1626. Л. 151.

[25] См.: Рогальский М. Регулирование торговли и денежного обращения // Вестн. Сарат. губкома Р.К.П. 1921. № 13. 27 нояб.

[26] ГАСО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 43. Л. 3.

[27] См.: Попов Е. С. Торговля и торговая политика в Саратовской губернии // Ниж. Поволжье. 1924. № 1–2. С. 57.

[28] См.: ГАСО. Ф. 338. Оп. 1. Д. 995. Л. 4.

[29] Югов А. Народное хозяйство советской России и его проблемы // Нэп : взгляд со стороны. М., 1991. С. 301.

[30] См.: Демчик Е. В. Частный капитал города в 1920-е гг. : от возрождения к ликвидации : на материалах Сибири : автореф. дис. … д-ра ист. наук. СПб., 1999. С. 22.

А. А. Пасс

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ПРОМЫСЛОВАЯ КООПЕРАЦИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЙ (КОНЕЦ 1930-х – НАЧАЛО 1940-х ГОДОВ)[*]

Исторические мифы составляют существенную часть современного массового сознания, в рамках которого происходит, в зависимости от политической конъюнктуры, либо героизация, либо демонизация собственного прошлого. Одним из распространенных стереотипов являются представления о судьбах кооперативного уклада в нашей стране. И национал-патриотическое, и либеральное крыло отечественных ученых-гуманитариев едины во мнении о том, что в ходе проводимых в СССР в 1929–1933 гг. масштабных социально-экономических преобразований, получивших название «великого сталинского перелома», кооперация как экономическое явление «подверглась деформации, изменившей ее до неузнаваемости, оставившей лишь название, выхолостившей ее сущность»[1]. Основной акцент делается на коллективизации сельского хозяйства, осуществленной принудительными методами. При этом совершенно упускается из виду то обстоятельство, что в СССР так называемые промысловые артели, представлявшие из себя добровольные объединения трудящихся на паевых началах и действовавшие в самых разных отраслях промышленности, существовали и успешно развивались вплоть до 1960 г. Их основополагающими принципами неизменно оставались рентабельность, сотрудничество с государственными предприятиями, органическая связь с рынком потребительских товаров и услуг.

Наш анализ[2] показывает, что промкооперативная система, оказавшись под прессом этатистской автократии, действительно утратила свойственные ей ранее черты массового социального движения. Но несмотря на то, что ее статус понизился до малого коллективного предприятия, она сохранила самодеятельное начало и доказала свою целесообразность, потому что работала в удобных и естественных для себя рыночных нишах, таких как производство ширпотреба, бытовое обслуживание, выполнение разнообразных подрядов для заводов и учреждений, где у нее либо не было конкурентов, либо они действовали неэффективно. Советский строй не преодолел (как ожидали его вдохновители), а лишь видоизменил кооперацию. Базисные предпосылки ее функционирования остались и государство, особенно в экстремальных политических ситуациях, которые требовали быстрой и адекватной реакции на основе комплексного использования всех ресурсов и производительных сил страны, вынуждено было отступать от идеологических стереотипов и налаживать сотрудничество с кооперативными предприятиями и организациями.

Если в годы второй пятилетки кустарно-промысловым артелям отводилась второстепенная роль изготовителей дополнительной продукции для местных рынков, в них видели только придаток социалистической промышленности, обслуживающий ее подсобными видами изделий и стройматериалами[3], то при разработке III пятилетнего плана развития народного хозяйства правительство заявило о поддержке местной промышленности и промкооперации, «являющихся крупным источником удовлетворения растущих потребностей трудящихся» и поставило задачу добиться в течение пятилетия увеличения ими выпуска продук-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.». Государственное соглашение № 14.B37.21.0001.

ции не менее чем в 2 раза. Планировалось на основе местного сырья и топлива развернуть строительство мелких предприятий[4].

Ошибки предшествующих лет, допущенные в отношении артелей и заключавшиеся, главным образом, в необоснованных конфискациях кооперативной собственности, объявлялись «вредительскими происками окопавшихся там врагов народа и их пособников – троцкистско-бухаринских агентов японо-германского фашизма», которые «срывали кооперирование кустарей и ремесленников, под предлогом нерентабельности и отсутствия сбыта ликвидировали промыслы» и в нарушение демократической процедуры выборов «насаждали в руководстве ими проходимцев, жуликов и воров, занимавшихся спекуляцией»[5].

Налицо был поворот в экономической политике, и, надо сказать, весьма оправданный. Поскольку в преддверии войны приоритет сохранялся за оборонными отраслями, другие возможности пополнить потребительскую корзину объективно отсутствовали. Между тем, ситуация с товарообеспечением заработной платы становилась угрожающей: лишь каждый второй рубль имел товарное покрытие.

Потенциал промысловой кооперации при разумном его использовании вполне позволял ощутимо смягчить дефицит. В предвоенный период в Советском Союзе существовало 25,6 тыс. артелей, объединявших 2,6 млн человек. Они ежегодно вырабатывали изделий в среднем на 21,48 млрд р. Прирост валовой продукции за первые 3 года третьей пятилетки составлял 2,14 млрд р.[6] Наибольшее развитие кооперативные предприятия получили в Украине, Москве и Ленинграде. В масштабах государства их доля в промышленном производстве была скромной – всего 6 %[7], но от них на рынок поступала пятая часть всего производимого в стране ширпотреба. В ассортимент входили предметы домашнего обихода, обувь, одежда, повозки, стройматериалы, продукты питания, топливо, игрушки и многое другое. Кроме того, кооперативы имели сеть починочных мастерских, парикмахерских, прачечных, столовых, фотоателье, оказывали транспортные услуги.

Некоторые из них располагали собственными мастерскими, оснащенными прокатными станами, прессами, вагранками, токарными станками, электромоторами и другим сложным оборудованием. Но чаще артель представляла собой простое объединение кустарей, работавших вручную. Товарищества могли быть как специализированными, так и многопромысловыми. Кадры для них готовились на курсах и в кружках техминимума. Показательно, что в книге английского исследователя Н. Бароу, вышедшей в 1946 г. в Лондоне, роль промысловых артелей в довоенной советской экономике оценивалась как значительная. В подтверждение приводились такие данные: в 1941 г. они изготовили 40 млн пар обуви, 60 млн пар чулочно-носочных изделий, 500 тыс. керогазов, 78 млн м хлопчатобумажных тканей[8].

С началом Второй мировой войны правительство СССР резко активизирует мобилизационные усилия, охватившие практически все стороны жизни общества. Призывая по-новому взглянуть на возможности производственных кооперативов по нормализации снабжения, газета «Правда» 5 февраля 1939 г. в передовой статье «Смелее развязывать местную инициативу» писала, что партия Ленина-Сталина всегда предостерегала от недооценки промкооперации. В публикации указывалось на зависимость количества товаров ширпотреба «не только от работы союзной промышленности, но и от того, насколько обкомы и райкомы партии, областные и районные исполнительные комитеты Советов заботятся о нуждах жителей своего района, насколько они развивают местную промышленность». Постановка проблемы на уровне центрального печатного органа ВКП (б) побудила власти обратить на нее пристальное внимание.

Во многих индустриальных регионах состоялись совместные заседания партийных комитетов, исполнительных органов Советов и представителей кооперативных предприятий. Решения поначалу принимались однотипные, шаблонные («обязать», «потребовать», «при-

нять меры»), отражавшие не столько конструктивную позицию по этому вопросу, сколько формализованную реакцию на новые веяния и попытку как-то повлиять на конкретные бытовые и хозяйственные неурядицы на местах. Сказывалась инерция прежней трактовки промысловой кооперации как «пережитка прошлого», своеобразного бесплатного приложения к социалистической индустрии, которое использовать можно, но без гарантии достижения общественно значимого результата.

Позитивные перемены в отношении артелей инициировало союзное правительство. В частности, оно разрешило коммерциализацию отношений хозяйствующих субъектов, заменив в 1938 г. прежнюю, принятую еще при нэпе, систему генеральных договоров между главками и наркоматами прямыми соглашениями партнеров[9]. Данная мера отражала тенденцию к децентрализации оперативного управления и была попыткой сбалансировать экономику, опираясь на механизмы саморегуляции, которые, в свою очередь, требовали расширения сферы действия денежных институтов и самостоятельно принимаемых решений. Реализуя данный императив, государство через банковские структуры регулировало финансирование кооперативного производства. Любая выполняющая план и безубыточная артель, начиная с июня 1938 г., могла оформить кредит на срок от 2 до 9 месяцев под сезонные закупки, сверхнормативные запасы товаров и сырья, а также под затраты, связанные с расширением выпуска гражданской продукции, как-то: совершенствование технологии, ремонт и переоснащение помещений под цехи[10]. Даже если коллектив предприятия не справлялся с утвержденной программой, то и тогда он имел право воспользоваться ссудой под поручительство своего отраслевого союза.

В начале 1939 г. председатель правления Госбанка Н. А. Булганин увеличил промысловым кооперативам разовый кредит до 50 тыс. р. Его можно было использовать на организацию мебельных, гончарных, обувных мастерских, выработку трикотажа и пряжи при условии, что новое производство не будет связано с капитальным строительством и окупит себя в течение года. И этот шаг оказался правильным. Например, товарищество верхнеуральских пимокатов (Свердловская область), получив всего 12 тыс. р. ссуды, приобрело дополнительное оборудование и увеличило производство валенок в 7 раз[11].

Обеспечение беспрепятственного доступа к дешевым государственным заимствованиям в период 1938–1941 гг. открыло для промкооперации новые горизонты развития, выразившиеся в ускорении оборачиваемости, появлении предпосылок для укрепления материальной базы, а также более обоснованном прогностическом планировании на микроуровне.

Весьма важным и своевременным документом явилось постановление СНК СССР № 913 от 21 июня 1939 г. «Об улучшении работы местной промышленности и промысловой кооперации»[12]. Указав на крайне незначительный удельный вес ширпотреба в валовом производстве малых предприятий (по БАССР – 10,4 %, и это еще не самый худший показатель по стране, потому что в Кабардино-Балкарии он составлял всего 1,7 %), Совнарком признал неправильным существующее их размещение исключительно в крупных городах и центральных областях. Отныне основной задачей местпрома и промкооперации объявлялась повсеместная организация, в том числе и в глубинке, бытовых мастерских по починке обуви, одежды и т. д., производственных цехов по изготовлению предметов домашнего обихода, посуды, мебели, тары, стройматериалов, а также улучшение качества и ассортимента выпускаемой продукции. По всей перечисленной номенклатуре утверждался годовой план в стоимостном и натуральном выражении. Предполагалось, что система промысловой кооперации выработает изделий на сумму 13127,6 млн р. (в неизм. ценах 1932 г.), откроет 2656 новых артелей и 10630 ремонтно-починочных мастерских.

Наркомат машиностроения должен был удовлетворить потребность кооперативов в оборудовании на 1939 г., а Экономическому Совету поручили рассмотреть и утвердить в декадный срок представленный проект премирования административно-технических работников,

занятых в промкооперации. С согласия общих собраний артелям разрешили совместные внелимитные затраты на культурно-бытовое строительство до 200 тыс. р. на объект за счет средств фонда улучшения быта и отчислений от прибыли.

Местпром и промкооперация допускались к разработкам отвалов при заводах цветной металлургии, а с III квартала 1939 г. они прикреплялись к крупным объектам госпромышленности для получения отходов, годных для изготовления изделий массового спроса. Из резерва Экономсовета кооператорам выделялось 10 тыс. т сортового и 2 тыс. т кровельного железа, 350 т латуни. Союзное правительство обязало Совнаркомы союзных республик, областные и краевые исполкомы не реже одного раза в три месяца заслушивать отчеты о работе предприятий местного подчинения. Вскоре СНК СССР отменил действующие ГОСТы в отношении товаров, вырабатываемых из отходов и некондиционного сырья, и снял ряд административных барьеров в наращивании кооперативного производства[13].

Понятно, что в той обстановке власти не могли пойти на кардинальное перераспределение ресурсов в пользу потребительского сектора. Поэтому уже 10 февраля 1941 г. последовал Указ Президиума Верховного Совета СССР «О запрещении продажи, обмена и отпуска на сторону оборудования и материалов и об ответственности по суду за эти незаконные действия», а через полтора месяца правительство установило строгий учет излишков. Сведения о них руководители предприятий обязаны были представлять в Госплан, который по согласованию с Совнаркомом определял их дальнейшее использование[14]. Заорганизованность и волокита сделали этот порядок неэффективным и нежизнеспособным. Напуганные директора боялись избавляться от запасов и, ссылаясь на Указ, отказывали артелям даже в заявках на вторсырье. Многое стало зависеть от неофициальных связей между людьми на всех уровнях[15].

Даже эти осторожные и непоследовательные попытки центра оживить деятельность промартелей в условиях форсированного перехода к мобилизационной модели оказались результативными. Так, кооперативный промысловый совет СССР в 1939 и 1940 гг., в отличие от ряда предыдущих лет, сумел полностью выполнить производственную программу в стоимостном выражении.

Не будем также забывать, что в 1939–1940 гг. промысловая кооперация была задействована в изготовлении для нужд армии, Наркомата внутренних дел и Военно-морского флота самой разнообразной продукции, например, повозок, саней, шанцевого инструмента, деталей боеприпасов, санитарного оборудования, мелкокалиберных винтовок, обмундирования и многого другого, причем снимать с производства эту продукцию без специального разрешения СНК РСФСР запрещалось. Нарушивших запрет ожидало уголовное наказание[16].

Разверстке конкретного задания предшествовал сбор сведений о том или ином кооперативе. Военные интересовались календарным режимом его функционирования, энерговооруженностью, наличием полезной площади, транспорта, наименованием цехов, перечнем имеющегося оборудования, а также профессиональной квалификацией и поло-возрастным составом персонала. На основании этих сведений и составлялись ежегодные мобилизационные планы для кооперативной промышленности. Первый из них (МП-1) был разработан в 1939 г.

Каждую артель, включенную в МП, через спецотделы отраслевых кооперативных союзов обязали иметь неприкосновенный запас материалов и имущества, который бы позволил ей бесперебойно удовлетворять заявки фронта в первые месяцы войны. Мобрезерв формировался из наиболее дефицитных позиций: цветного и сортового металла, метизов, красителей, мануфактуры и т. д. В промкооперации его накопление частично шло за счет целевых фондов, но, главным образом, путем аккумулирования внутрисистемных и децентрализованных ресурсов. Номенклатура МП на кооперативном предприятии определялась председателем правления. Любой входящий в нее предмет подвергался техприемке комиссией, состоящей из технорука, заведующего складом и спецуполномоченного. Мобилизационные

запасы предписывалось держать в опечатанном виде отдельно от другого сырья, а расходовать разрешалось исключительно с санкции правительства. Небрежное хранение и обращение с ними, не говоря уже о разбазаривании, рассматривалось как тягчайшее преступление против государства.

Значительные денежные затраты на формирование, обслуживание и пополнение стратегических резервов негативно отражались на финансовом состоянии промкооперации. Так, Челябинскому металлосоюзу в 1939 г. принадлежали лишь 10 % оборотных сумм[17]. К тому же вырабатываемая артелями спецпродукция, объем которой из года в год возрастал, не приносила никакой прибыли. Например, цену на армейские сапоги для них установили фабричную – 54,6 р., тогда как по калькуляции минимальная стоимость определялась в 70,3 р. Каждое из почти 100 предприятий, которые занимались пошивом, терпело убыток до 250 тыс. р. ежегодно. Его компенсировали из центрального фонда долгосрочного кредитования Всекопромсовета. Конкретно под этот заказ там было забронировано 24,14 млн р.[18] Фонд формировался путем отчислений с нижестоящих звеньев системы, которые в 1939 г. увеличились почти в 2,3 раза[19]. Отдельные кооперативные деятели усматривали в этом нарушение законодательства и уставных положений, выступали в печати с критическими замечаниями, но изменить что-либо не могли, так как механизм скрытого перераспределения, позволяющий перекачивать деньги на нужды военно-промышленного комплекса, был запущен с ведома правительства. Кроме того, у промкооперации имелись еще и обязательства по приобретению облигаций Госзайма. Их доля в общих бюджетных платежах системы накануне войны приближалась к 23 %[20].

С опубликованием 26 июня 1940 г. Указа Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на 8-часовой рабочий день, 7-дневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений»[21] в стране началась кампания по укреплению трудовой дисциплины. Во Всекопромсовете, юридически считавшимся организацией общественной и самоуправляемой, возобладало мнение о том, что Указ призван регламентировать деятельность государственных структур, а его применение в кооперативах нецелесообразно и необоснованно. К опозданиям, неявке на работу и другим нарушениям там относились довольно спокойно, воспринимая их чуть ли не как естественное продолжение демократических принципов. На фоне резкого «завинчивания гаек» в госсекторе артельная вольница раздражала. 16 августа 1940 г. СНК СССР принимает специальное постановление, разъясняющее порядок действия названного Указа в системе промкооперации. Подчеркивалось, что под его юрисдикцию подпадают все кооперативы и любые переходы допускаются исключительно с санкции председателя правления, который обязан давать разрешение, если работник уходит на государственное предприятие. Самовольно покинувших производство полагалось привлекать к суду. Это касалось и надомников, если они по собственной инициативе прекращали выполнять свои обязательства. Руководителям артелей предписывалось повысить нормы выработки и одновременно снизить тарифные ставки и расценки так же, как это делалось во всех прочих отраслях народного хозяйства в связи с изменением режима рабочего времени[22].

Другим важным направлением государственного контроля за промысловыми кооперативами стало введение в 1939 г. централизованного планового распределения значительной части их продукции. До того она свободно отпускалась либо через собственную торговую сеть, либо оптом сторонним организациям. Теперь Всекопромсовет по настоянию СНК СССР ввел квоты на 100 наименований товаров, куда были включены экспортные и специальные изделия. Остальное реализовывалось в соответствии с указаниями правительств союзных и автономных республик, обл(край)исполкомов.

Пресечению теневых практик в системе способствовал совместный приказ Прокурора СССР и Наркомата Юстиции «О расследовании и рассмотрении дел о растратах и хищениях

в промысловой кооперации» за №104/39 от 31 мая 1939 г. По нему срок проведения следственных мероприятий устанавливался в 10 дней. К уголовной ответственности могли быть привлечены, кроме непосредственных расхитителей, также и те, кто бездействовал, попустительствовал или укрывал преступников. Одновременно с возбуждением уголовного преследования против вора на все его имущество, имущество членов его семьи и третьих лиц, в отношении которых было доказано, что они пользовались крадеными средствами, налагался предварительный арест в порядке обеспечения гражданского иска потерпевшей стороны. Дела рассматривались в течение 10 дней с момента их поступления в суд. Осужденные по данной статье лишались на длительное время права занимать должности, связанные с материальной ответственностью, и отбывали наказание в исправительно-трудовых учреждениях, а не по месту работы, как раньше[23].

По мере обострения внешнеполитической обстановки и роста военных расходов заинтересованность правительства в большей эффективности кооперативной промышленности проступала все явственнее. В ноябре 1940 г. в Политбюро созрела мысль перенести центр тяжести в производстве предметов повседневного спроса на муниципальные предприятия и кооперативы, чтобы госсектор целиком сосредоточился на оборонных заказах. С целью проработки проекта решения по данному вопросу создали специальную комиссию[24].

Подчеркнем, что в этих шагах ни в коем случае нельзя усматривать ослабление мобилизационного накала в экономике по причине его асоциальной направленности. В преддверии Второй мировой войны геополитические реалии диктовали максимальное наращивание оборонной индустрии. Поэтому вопрос ставился в сугубо практической плоскости: справятся немногочисленные районные промкомбинаты и артели с возросшей нагрузкой или нет. Легко понять, что данная дилемма заключала в себе отнюдь не политическую стратегию выхода из кризиса, а лишь временный паллиатив опасному и деструктивному разрастанию дефицита. В правительстве поняли, что стабилизировать положение на потребительском рынке может принятие комплекса соответствующих нормативных документов на союзном уровне, которые будут способствовать созданию благоприятного институционального и морального климата для малых негосударственных предприятий.

Выражением этого стало опубликование 7 января 1941 г. совместного Постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольствия из местного сырья». Первым же пунктом централизованное планирование и использование кооперативных товаров отменялось, поскольку оно «тормозило развертывание их производства и порождало нерациональные межобластные перевозки». Всекопромсовет, Всекопромлессоюз и Всекопромметаллосоюз ликвидировались. Продукцию, изготовленную из отходов и местного сырья, и 50 % изделий, сделанных из фондовых недефицитных материалов, разрешалось оставлять в распоряжении района, области, края, республики. Цены на товары устанавливались с учетом рыночной конъюнктуры по согласованию с районными и городскими властями. Они же на основе заданий обл(край)исполкомов и СНК союзных и автономных республик должны были теперь утверждать артелям планы и руководить их деятельностью. Лимит капитальных вложений собственных средств промкооперации увеличивался до 200 тыс. р. Такую же сумму на срок 3 года товарищество могло получить в банке при условии, что деньги пойдут на расширение старых и организацию новых предприятий, которые в течение 2 лет освобождались от налога с оборота, бюджетной наценки и подоходного налога[25]. Цехи ширпотреба заводов союзного подчинения перепрофилировались на другие нужды, а высвобождаемое оборудование передавалось в промысловые кооперативы[26].

В документе обращает на себя внимание отождествление централизма исключительно с кооперативным главкизмом. Переподчинение артелей исполкомам подается как прогрессивная реформа. Однако, лишив аппарат промкооперации высших органов и переложив управление, снабжение и координацию работы его звеньев на Государственную плановую

комиссию при СНК РСФСР[27], совершенно неподготовленную к выполнению этих функций, правительство поначалу внесло элементы дезорганизации в деятельность кооперативов. Их коммуникативные каналы оказались перерезаны, циркулирование информации замкнулось на одностороннем движении вниз, причем адресаты получали ее в неадаптированном виде. В конце марта 1941 г. центральную организацию восстановили. Новое Управление промкооперации отличалось от расформированного Всекопромсовета уже тем, что его компетенция распространялась только на российские артели, а руководитель приравнивался по рангу к наркому. И все же положительное значение документа от 7 января 1941 г. нельзя отрицать, поскольку в нем экономические методы руководства кооперативной промышленностью признавались приоритетными и обретали прочную легитимную основу.

Таким образом, постановления и законодательные акты ЦК ВКП (б), Президиума Верховного Совета и СНК СССР, регламентирующие работу промкооперации в 1939–1941 гг., отличались некоторой противоречивостью содержания. На наш взгляд, они выражали попытку приспособить «институциональный фасад» государства, отмеченный печатью идеократической утопии, к разрешению реальных жизненных и бытовых коллизий, с которыми сталкивалось население. Курс на превращение промартелей в основного поставщика потребительских товаров на рынок способствовал возникновению значительного и совершенно особого сектора экономики, функционирующего на принципах демократического самоуправления и хозяйственного расчета. Находя источники в гуще народа и оперативно откликаясь на те или иные диспропорции в социальной сфере, он, с одной стороны, был застрахован от истощения, а с другой – постоянно подпитывал собой крупную промышленность, помогая осуществлению принятой военно-политической доктрины.

Однако последовательно реализовать эту линию руководство страны не смогло. Начавшаяся вскоре Отечественная война приобрела характер национальной катастрофы, что не оставило Советскому Союзу шансов на коррекцию вектора общественно-экономического развития. Но и то, что удалось сделать за 1939–1941 гг., послужило хорошим заделом. Промкооперативная система обрела достаточный запас прочности для того, чтобы внести весомый вклад в Победу, активно участвовать в послевоенном восстановлении народного хозяйства, способствовать росту благосостояния граждан.

Примечания

[1] Кооперация. Страницы истории : сб. ст. М. : Ин-т экономики РАН, 1993. С. 189.

[2] См.: Пасс А. А. «Другая экономика» : производственные и торговые кооперативы на Урале в 1939–1945 гг. Челябинск, 2002. С. 34–36.

[3] XVII съезд ВКП (б) : стеногр. отчет. М., 1934. С. 356.

[4] Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1938–1942 гг.) // КПСС в резолюциях… Т. 7. С. 63, 74.

[5] См.: Докладная записка председателя Чкаловского облпромсовета Мартынюка обкому ВКП (б) от 11 января 1939 г. «О ликвидации последствий вредительства в промкооперации». ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 3. Д. 304. Л. 26–28; Правда. 1938. 2 дек.; Кинд Б. Кустарно-промысловая кооперация Челябинской области // Челябинская область. Природные богатства и их использование. Т. 1. Челябинск, 1938. С. 245.

[6] Дмитренко В. П., Морозов Л. Ф., Погудин В. И. Партия и кооперация. М., 1978. С. 289; Евсеев П. В. Кооперативная и местная промышленность в послевоенной пятилетке. М., 1948. С. 12.

[7] Тихонов В. Социализм и кооперация // Дон. 1989. № 1. С. 137.

[8] Barou N. Co-operation in the Soviet Union. L., 1946. P. 77.

[9] См.: Постановление СНК СССР от 29 ноября 1938 г. «О заключении договоров на 1939 г.» // Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. 1938. № 53. С. 302.

[10] См.: Инструкция Госбанка № 137 по кредитованию кустпромкооперации и кооперации инвалидов (июнь 1938 г.) ГАОО. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 132. Л. 35.
[11] Челяб. рабочий. 1939. 12 июня.
[12] ГАРФ. Ф. 5448. Оп. 1. Д. 81. Л. 85–88.
[13] Сборник законодательных и инструктивных материалов для предприятий районной местной промышленности, промысловой, потребительской кооперации и кооперации инвалидов. Ростов н/Д, 1948. С. 109–110.
[14] Девис Р. У., Хлевнюк О. В. Развернутое наступление социализма по всему фронту // Советское общество : возникновение, развитие, исторический финал. Т. 1. М., 1997. С. 161.
[15] Именно тогда личные отношения превратились в фактор, помогающий преодолевать многие упущения централизованного планирования и снижать издержки поиска необходимых в производственном процессе предметов и средств труда. На этот момент справедливо обращает внимание американский исследователь экономической истории СССР А .Ноув. См.: Nove A. An economic history of the USSR. Harmondsworth, 1982. P. 268.
[16] См.: Постановление СНК РСФСР от 22 августа 1939 г. «О запрещении снятия с производства оборонной продукции, изготавливаемой в порядке кооперации». ГАРФ. Ф. 5448. Оп. 3. Д. 4. Л. 76.
[17] ГАРФ. Ф. 5448. Оп. 1. Д. 1179. Л. 73.
[18] ЦХСФ. Ф. 5339. Оп. 1. Д. 805. Л. 34, 39, 40.
[19] Промысловая кооперация. 1939. № 9. С. 27.
[20] Подсчитано автором по: РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 35. Л. 38.
[21] До того существовала шестидневка с 7-часовым рабочим днем. Шестой по счету день был выходным.
[22] Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. 1940. № 20. С. 695, 696.
[23] Промысловая кооперация : сборник... С. 322–326.
[24] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1029. Л. 61, 62.
[25] С мая 1941 г. подоходный налог, взимаемый с кооперативных предприятий и организаций, исчислялся исходя из фактической суммы прибыли и в зависимости от рентабельности. Например, артель, имевшая доход не выше 100 тыс. р. в год при рентабельности до 10 %, уплачивала 30 % налога; при рентабельности от 10 до 12 % – 35 %; при рентабельности от 12 до 15 % – 40 % и т. д. То, что недобирали со слабых, компенсировали за счет сильных. См.: Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. 1941. № 12.
[26] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. С. 7–14; Сборник законодательных и инструктивных материалов для предприятий районной местной промышленности, промысловой, потребительской кооперации и кооперации инвалидов. Ростов н/Д, 1948. С. 9, 10, 85, 86; Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. 1941. № 3. С. 68–70.
[27] См.: соответствующее распоряжение СНК РСФСР от 14 января 1941 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 81. Л. 19.

Н. Ю. Пивоваров

СИБИРСКАЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ[*]

Кооперативное движение в его классической форме возникло в Западной Европе на рубеже XVIII–XIX вв. Зародившись в недрах капитализма, кооперация сочетала в себе двой-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 12-01-00105-2011-09-23) «Сибирская потребительская и маслодельная кооперация в условиях перехода от аграрного к индустриальному обществу (1914–1929 гг.)».

ную природу, соединяя частный и коллективный интерес. Кооперация являлась ответной реакцией широких масс трудящихся на развитие капитализма. Но она была средством не разрушения капитализма, а его самосовершенствования и формирования гуманного общественного строя. В некоторых случаях кооперативы дополняли, а нередко и заменяли капиталистические хозяйственные аппараты. Кооперация являлась важнейшим механизмом модернизации экономики, сферы потребления, финансов при переходе от традиционного общества к индустриальному.

Российская кооперация сыграла выдающуюся роль в истории страны. Появившись после реформ 1860-х гг., кооперация к началу XX в. стала неотъемлемой частью рыночных отношений. Между тем российское кооперативное движение носило многоуровневый характер: с одной стороны, оно было связано с общинными традициями, с другой, продуцировало принципиально новые взаимоотношения в экономической и социальной сферах. Главная задача кооперативов заключалась в максимальном повышении рентабельности материальных, трудовых, денежных и производственных отношений, в адаптации различных слоев населения к рыночной экономике.

Тема кооперации, благодаря её общественно-политической и научной значимости, почти всегда относилась к числу актуальных проблем российской истории. Дореволюционные авторы опирались на свой кооперативный опыт, занимались описанием отдельных видов кооперации или теоретизировали о сущности и природе кооперации. В советский период особое внимание уделялось определению социальной природы кооперации, классовом анализе политических процессов, происходивших в кооперативном движении. На рубеже 1980–1990-х гг. с уничтожением монопольного положения коммунистической идеологии наметились тенденции к комплексному изучению истории кооперативного движения. Кооперация стала рассматриваться как одна из уникальных хозяйственных организаций. Наряду с общероссийскими стали появляться региональные исследования. Но применительно к сибирскому краю все еще актуальным остается разработка вопроса о специфике влияния Первой мировой войны на кооперацию, а также о месте и роли кооперации в хозяйственной и политической жизни.

Особое внимание у исследователей вызывает потребительская кооперация. И это не случайно. Дело в том, что потребительская кооперация была наиболее динамичной и бурно развивающейся ветвью кооперации. Обращённая, прежде всего, к трудовому населению, она попыталась интегрировать интересы простого народа, создав при этом определённую систему норм и ценностей. Огромное влияние на деятельность и организационное строительство потребительских кооперативов наложили Первая мировая война, революция и Гражданская война. На эти годы пришелся расцвет потребительской кооперации. К 1917 г. страна заняла лидирующее место по числу потребительских обществ, оставив далеко позади Великобританию, являвшуюся родиной и признанным лидером европейской кооперации.

Первые российские потребительские кооперативы были организованы в 1860-е гг. – эпоху «великих реформ», время преобразований и поиска идей переустройства общества. Но эти первые попытки организации кооперативов оказались провальными, так как большинство потребительских обществ 1860–1880-х гг. были экономически нерентабельными. Например, в Сибири в 1864 г. возникло одно из первых потребительских обществ. Это было рабочее потребительское общество на Петровском заводе в Забайкалье, возникшее по инициативе бывшего декабриста И. И. Горбачевского и кузнеца завода А. А. Першина. Но проработал этот кооператив лишь несколько лет и довольно скоро был признан экономически несостоятельным и закрыт.

Неудачи первых кооперативов легко объяснимы – это и неподготовленность населения, его низкий материальный и культурный уровень, и отсутствие необходимого числа квалифицированных руководителей, и давление со стороны местной администрации, которая видела в кооперативах проводников идей социализма. Но были причины и более глубокого порядка.

Русское общество оказалось неподготовленным к переходу на свободные рыночные и товарно-денежные отношения. Государство выкачивало из деревни в виде выкупных платежей, налогов и повинностей огромные средства. Чрезмерные платежи превышали доходность большинства крестьянских хозяйств, приводили к обнищанию населения и являлись главной причиной пассивности к кооперативным начинаниям. В городах немногочисленные кооперативы представляли собой лишь замкнутые производственные или корпоративные общества.

Массовый характер кооперативное движение приняло с середины 1900-х гг. Общее число потребительских обществ возросло в разы. К концу 1914 г. в России насчитывалось около 10000 потребительских кооперативов, которые обслуживали 1 млн пайщиков[1]. Были созданы первые кооперативные союзы. В 1898 г. основан Московский союз потребительских обществ, выполнявший функции всероссийской организации. В 1908 г. и 1913 г. прошли первые Всероссийские кооперативные съезды. Подобные темпы роста были обусловлены различными факторами – объективными (улучшение экономической конъюнктуры, углубление товарно-денежных отношений, формирование рыночной инфраструктуры и рост материального благосостояния населения) и субъективными (материально-организационная помощь государства и возросший интерес общественности к кооперации).

В Сибири это было связано как с общероссийскими, так и местными, макрорегиональными факторами. Строительство железной дороги (Транссиба) оказало революционизирующие воздействие на сибирскую экономику. Железная дорога буквально открыла Сибирь для капитализма. Была сформирована новая кредитная система. Во всех сибирских городах открылись отделения и филиалы Государственного банка и центральных коммерческих банков. Возросшая деловая активность и психологическая подготовленность населения стали необходимым условием для развития кооперации. Изолированное крестьянское хозяйство чувствовало себя беспомощно на рынке. Кооперативы, основанные на принципах демократии и самостоятельности, стали важным подспорьем для сибирского крестьянства.

К 1914 г в Сибири сложилось три основных вида кооперации – маслодельная, кредитная и потребительская. До Первой мировой войны наиболее бурно развивающимися были маслодельные артели и кредитные кооперативы. Потребительская кооперация имела самые низкие показатели как по динамике численности, так и по экономической рентабельности, а кроме того была фактически разделена на городскую и сельскую потребительскую кооперацию. В сибирских городах наиболее распространенной формой были так называемые «зависимые» кооперативы. Это общества потребителей, обслуживавшие нужды горнозаводских или железнодорожных рабочих, но созданные по инициативе и при непосредственном участии владельцев предприятия или его администрации. Самым крупным из них являлось общество потребителей служащих и рабочих Забайкальской железной дороги, основанное в 1899 г. и к 1916 г. насчитывавшее 28 тыс. членов. В европейской части России такие «зависимые» общества возникли на 20 лет раньше, и к началу XX в. уже вытеснялись самодеятельными кооперативными организациями. В Сибири же они играли заметную роль среди рабочих до начала Первой мировой войны.

Первый сельский потребительский кооператив был открыт лишь в 1898 г. в селе Тесинском, Минусинского уезда, Енисейской губернии[2]. Крестьяне в течение продолжительного времени вместо потребительских обществ пользовались услугами так называемых потребительских лавок при маслодельных артелях и кредитных товариществах. Только после Первой русской революции отмечается неуклонный рост сибирской потребительской кооперации. К 1905 г. в Сибири насчитывалось 15 потребительских обществ, к 1913 г. это число достигло 368 кооперативов, а к 1914 г. уже 586[3]. Абсолютное большинство из них было открыто в сельской местности.

Первая мировая война существенно укрепила хозяйственные позиции потребительской кооперации на рынке. Быстро нараставший спрос на товары первой необходимости сре-

ди потребителей способствовал росту числа пайщиков и открытию новых кооперативов. Действительно, уже к 1915 г. в Сибири насчитывался 961 потребительский кооператив, в 1916 г. – 2123, в 1917 г. – 5135, наконец, в 1918 г. число потребительских обществ достигло своего максимума – 7318, а в 1919 г. число кооперативов снизилось до 6960. Если в целом по России с начала войны до 1918 г. численность потребительских обществ выросла в 2,5 раза, то в Сибири в 12 раз.

Одновременно шел активный процесс создания кооперативных союзов, резко ускоренный войной. В 1913 г. в г. Мариинске был образован первый потребительский союз кооперативов. Объединение обслуживало огромную территорию, в которую входили Ачинский, Кузнецкий, Мариинский, Томский уезды. В 1914 г. в Сибири действовало уже три потребительских кооперативных союза, в 1915 г. – 7, 1916 г. – 21, в 1917 г. – 42, в 1918 г. – 61 и в 1919 г. – 55. Почти в каждом сибирском уезде работало минимум два – три кооперативных объединения. Правда, довольно часто у союзов появлялись собственные экономические интересы, которые резко отличались от потребностей простых пайщиков. Это привело к вырождению кооперативных принципов, главный из которых заключался в соблюдении паритета между нуждами пайщиков и интересами руководства кооператива.

Подобная гигантомания в потребительской кооперации привела к появлению в 1916 г. крупнейшего сибирского кооперативного союза – Союза сибирских кооперативных союзов (Закупсбыт), сыгравшего важную роль в развитии российского кооперативного движения. К 1919 г. Закупсбыт объединил 36 кооперативных союзов и поставлял товары и продукты еще 15, т. е. обслуживал почти всю сибирскую потребительскую кооперацию. Отличительной особенностью Закупсбыта было его федеративное устройство: кооперативные союзы-пайщики имели большую свободу действий. Закупсбыт был примером интегрального союза, который занимался не только закупкой и сбытом товаров, но и уделял достаточно большое внимание их производству. Главной функцией Закупсбыта была торговля. Можно смело утверждать, что организация вела торговлю от лица всей сибирской потребительской кооперации, снабжая многомиллионное крестьянское население.

Между тем, достигнув пика своего развития, что выразилось в первую очередь в создании такого «супер-союза», как Закупсбыт, сибирская потребительская кооперация превратилась в колосса на глиняных ногах. Такое положение вещей случилось во многом благодаря расширению различных управленческих и посреднических структур в кооперативных союзах. Каждый из созданных кооперативных союзов оттягивал на себя значительную долю капиталов и организационных ресурсов. В Закупсбыте в 1918 г. одновременно функционировало около 30 различных отделов, подотделов и комиссий[4]. И хотя по заявлениям руководства Закупсбыта такая разросшаяся внутренняя структура была необходима для деятельности, внутренняя бюрократия привела к вымыванию финансовых средств. Например, совокупный баланс потребительских кооперативов в сопоставимых ценах за 1917 г. вырос лишь на 114 %, а в 1918 г. еще на 14 %. Это значит, что если в 1916 г. на каждого пайщика приходился рубль, в 1917 г. только 37 коп., а в 1918 г. – 27 коп.[5]

Возникавшие то тут, то там потребительские кооперативы были вынуждены бороться за клиентскую базу – потенциальных пайщиков. Однако рост числа потребительских обществ был пропорционален уменьшению числа товаров и сужению рынка. Многие рядовые пайщики состояли членами сразу двух или трёх кооперативов, а низовые потребительские общества для получения товаров входили в несколько кооперативных союзов. Правда, руководство союзов всегда пресекало подобную практику, ссылаясь на то, что «многочленство» является признаком несознательности масс. Выход виделся в усилении централизации кооперативных союзов. В эти годы в кооперативной прессе развилась агитация за замену небольших по числу членов кооперативных союзов (или как их называли «карликовые союзы») единым многолавочным обществом[6]. Руководство Закупсбыта вообще в конце

1918 г. разработало план по объединению всех своих пайщиков в единые губернские или областные кооперативные потребительские союзы[7].

Но дело осложнялось еще и тем, что в годы Первой мировой войны сбыто-снабженческими функциями стали активно заниматься маслодельные артели и кредитные кооперативы. Война кардинально изменила функции кредитных и ссудо-сберегательных кооперативов. Инфляция сделала невозможным ведение судных и вкладных операций, являвшихся основной функцией кредитных кооперативов. Вместо этого кооперативы занялись заготовкой сельскохозяйственной продукции для государственных и военных ведомств, организацией сбыта сельскохозяйственных товаров. Особое внимание уделялось сбыту хлеба. Посреднические операции при кредитных кооперативах приобрели настолько широкий размах, что позволили инвестировать полученные средства в промышленные объекты. Многие кредитные кооперативы в эти годы занялись на селе торговлей товаров широкого потребления. В таком же направлении развивалась и деятельность маслодельной кооперации под руководством Союза сибирских маслодельных артелей. В годы войны даже были предприняты попытки создания единого общесибирского кооперативного союза. Но, несмотря на то, что идея интегрального объединения была привлекательна с идеологической и хозяйственной точек зрения, она не нашла реальной практической поддержки.

Но потенциальные экономические возможности сибирской потребительской кооперации стремительно таяли, а претензии на всеобъемлемость и уникальность только росли. В первую очередь благодаря уникальным связям с государством. Многие кооперативные союзы активно занимались сбытом сельскохозяйственной продукции в армию, распределением промышленных и продовольственных товаров среди сибирского населения. Многие работали со всеми политическими режимами. Например, Закупсбыт в первой половине 1918 г. заключил ряд важнейших договоров с большевистским правительством о поставках и распределении товаров.

Вместе с тем нарастала крайне негативная тенденция – противостояние экономических интересов города и деревни. Условия заготовки товаров, предлагаемые кооперативными союзами, устанавливались исходя из интересов города. Но с введением твердых цен сбыт сельскохозяйственной продукции через кооперативы потерял свою привлекательность в глазах крестьянина. При этом разрыв между частной государственной заготовительной ценой и ценами на черном рынке достигал двух – трехкратного значения[8]. Но руководство кооперативных союзов просто не имело материальных ресурсов, чтобы предложить более выгодные условия. Это привело к тому, что уже к середине 1918 г. обозначился кризис всей сибирской кооперативной системы, наметился отток рядовых пайщиков из потребительских обществ.

Но все же в условиях тотального дефицита товаров удерживал людей в потребительских обществах. Идея кооперации стала настолько распространенной, что нередко органы городского самоуправления использовали кооперативную сеть для распределения товаров среди горожан. Некоторые кооперативы даже формально превратились в государственные заготовительно-распределительные органы. Например, в 1918–1919 гг. крупнейший пермский кооператив – общество потребителей «Объединение», насчитывавший до девяти тысяч пайщиков, – фактически не производил торговых операций и не имел оборотных средств. Основная функция «Объединения» состояла в распределении заготовленных городом продуктов через свои продовольственные лавки, за что кооператив брал 10 % надбавку[9].

Руководство потребительской кооперации отдавало себе отчёт, что подобный повышенный спрос на кооперацию не вечен, и после войны, налаживания хозяйственных отношений неизбежным должно было стать сокращение числа потребительских обществ. Поэтому деньги вкладывались не только в торговлю, но и в развитие собственного производства. На балансе находились чаще всего пищевкусовые и сельхозперерабатывающие промышленные объекты, а такие крупные кооперативные союзы, как Закупсбыт, имели химические,

чугунолитейные заводы, типографии. Недостаток сырья, топлива, отсутствие необходимого оборудования, ремонт износившихся частей – все это отрицательно сказывалось на производственной деятельности. Не хватило самого важного – времени, чтобы производство стало рентабельным.

В годы Первой мировой войны усилилась культурно-просветительная роль потребительской кооперации. Руководство кооперативов поощряло открытие библиотек, проведение лекций и чтений, организацию научно-прикладных исследований, издание периодики, публикацию популярных художественных и публицистических книг, демонстрацию кинофильмов. Ключевым направлением было движение за создание Народных домов как центров кооперативной работы. Многие кооперативные руководители понимали значение неторговой деятельности для населения. Это укрепило положение потребительской кооперации в глазах крестьян, которые видели в кооперативах уже не просто поставщиков товаров, но носителей важной культурной миссии. Особенно много средств кооператоры вкладывали в образование населения. Например, в 1917 г. на деньги Мариинского кооперативного союза была открыта единственная в Сибири шестилетняя кооперативная школа, главной целью которой была подготовка подростков 12–14 лет к работе в кооперации. С 1917 г. активно развивалась издательская деятельность. Почти при каждом кооперативном союзе издавались газеты или журналы.

После падения царского режима значительно возросла политическая активность потребительской кооперации. Сибирские кооператоры приняли непосредственное участие в работе органов местного самоуправления. Весной – летом 1917 г. на деньги кооперации были созданы советы крестьянских депутатов всех уровней, начиная от волостных и заканчивая губернскими и областными. Руководство кооперативов отрицательно отреагировало на установление большевистской диктатуры, призвало пайщиков и население вступить в открытую конфронтацию с новой властью. Кооператоры считали, что новая революция дестабилизировала обстановку в стране, а большевики опирались лишь на демагогическую политику. Правда, в дальнейшем это не помешало установить деловые отношения с новой властью. Активно заигрывая с новой властью, сибирская кооперация одновременно предоставляла свое имя для многих антибольшевистских лидеров. Закупсбыт не только был настоящим прикрытием для антибольшевистских сил, но и выделял значительные средства на контрреволюцию. После свержения большевистской власти в Сибири в среде частных торгово-промышленников была популярна шутка о том, что «вся власть в Сибири перешла к Закупсбыта».

Однако подобный всплеск политической активности был довольно кратковременным. После государственного переворота 18 ноября 1918 г. в Омске и провозглашения А. В. Колчака Верховным правителем и Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России почти все кооперативные союзы объявили или о безоговорочной поддержки нового режима, или о переходе на «дружественный нейтралитет». Но это не спасало кооперацию от незаконного изъятия товаров, помещений, промышленных объектов в пользу армии, от арестов сотрудников кооперативов, обвинявшихся в пособничестве большевикам. Лишь разгром белой армии и установление советской власти вселял надежду в кооператоров на установление конструктивного диалога с большевиками.

Большевики не забыли роль кооперации в контрреволюционном перевороте. С декабря 1919 г. на Сибирь распространилось действие советского кооперативного законодательства. Потребительская кооперация на основании декрета от 20 марта 1919 г. превратилась в аппарат по распределению в деревне промышленных товаров, продуктов питания, сырья, поступающего по продразверстке от государственных заготовительных органов. Вместо многообразных по формам и видам деятельности кооперативов в каждом населенном пункте было создано единое потребительское общество (ЕПО). К концу 1920 г. в Сибири было образованно 3146 ЕПО с 6316 лавками. Все кооперативные союзы были ликвидированы.

Промышленные предприятия, жилые помещения, принадлежащие кооперации, были национализированы. Содержания кооперативного управленческого аппарата было переведено на государственное финансирование. В том же 1920 г. крупнейший российский потребительский кооперативный союз Закупсбыт был объединен с конторой Центросоюза в Омске в Сибирское отделение Центросоюза.

В годы Первой мировой войны сибирская потребительская кооперация пережила настоящие метаморфозы. Годы войны были не только временем небывалого подъёма кооперации, но и началом её регресса, когда потребительским обществам приходилось приспосабливаться к экстремальным экономическим условиям. Усиление монополизации экономики, государственное регулирование рынка обусловили и специфический характер развития кооперативного движения. Сибирская потребительская кооперация достигла главного – в течение нескольких лет она объединила миллионы людей, ранее не имевших к ней никакого отношения. Она обеспечила, несмотря на политические потрясения и экономический кризис, город и деревню самыми необходимыми промышленными товарами и продовольствием. Но при этом вобрала в себя все существовавшие в обществе социально-экономические противоречия. Это привело к вырождению кооперативных принципов, базовых установок, которые отличали её от частного капитала. К концу 1919 г. некогда массовая организация потеряла народную поддержку, поэтому советская власть сравнительно легко превратила потребительскую кооперацию в государственный распределительный аппарат.

Примечания

[1] Корелин А. П. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М., 2009. С. 366.
[2] Махов В. Потребительская кооперация Сибири. Новониколаевск, 1923. С. 23.
[3] Там же. С. 24.
[4] ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 646. Л. 81.
[5] Рынков В.М. На полпути к «военному коммунизму» : кооперация востока России в 1914–1919 годах // Кооперация Сибири : факторы и условия устойчивого развития / под ред. А. А. Николаева. Вып. 4. Новосибирск, 2003.С. 95.
[6] Ловцов И. А. О строительстве городской и рабочей потребительской кооперации в Сибири // Сиб. кооперация. 1919. № 1. С. 84.
[7] ГАНО Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 375. Л. 61–63.
[8] Николаев А. А. Основные виды кооперации в России : историко-теоретический очерк. Новосибирск, 2007. С. 159.
[9] Рынков В. М. На полпути к «военному коммунизму… С. 107.

В. М. Рынков

«БОЕВЫЕ ЗАДАЧИ СИБЗЕМОТДЕЛА»: РАННЕСОВЕТСКИЙ ОПЫТ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ[*]

Советская аграрная политика в Сибири на заключительном этапе Гражданской войны примечательна сочетанием чрезвычайных мер по выведению сельского хозяйства из кризиса и одновременно реализацией проектов послевоенного переустройства аграрной сферы. Это были две задачи, в представлениях правящей партии непротиворечивые и решаемые параллельно и взаимосвязано. Сибирский макрорегион обладал специфическими чертами аграрного строя, кроме того, полтора года пребывал под контролем ряда антибольшевистских режимов. С вос-

* Статья подготовлена в рамках проекта Президиума РАН № 33.2.2.

становлением советской власти Сибирь находилась под управлением Сибирского революционного комитета (Сибревкома), получившего от Совнаркома обширные полномочия на проведение внутренней политики с учетом сложившейся на местах обстановки.

В 1920–1921 гг. на «передовых позициях» работы в деревне находились продовольственные органы, а задача изъятия хлеба у сибирского крестьянства считалась первоочередной. Проблемы, связанные с необходимостью восстановления и расширения аграрного потенциала региона, воспринимались в значительной мере уже как производные, вытекающие из трудностей выполнения продовольственных заданий центра. Становление советской модели управления не на магистральных путях, а на задворках, на периферийном направлении экономический политики позволяет лучше понять масштаб и динамику формирования новой мобилизационной модели, глубину охвата ею разных сфер управления. Это тем более актуально для Сибири, где в 1920–1921 гг. лишь утверждалось господство большевиков, а ключевые решения центра транслировались через региональный орган власти. Советские историки детально описали и проанализировали основные черты советской аграрной политики в Сибири при переходе от Гражданской войны и «военного коммунизма» к нэпу. Но они не акцентировали внимание на приемах и методах мобилизации ресурсов. Современные исследования по данной проблематике на сибирском материале отсутствуют.

В декабре 1919 г. в структуре Сибревкома был образован Сибземотдел, которому подчинялись губернские и уездные земельные отделы. Численность его служащих в первые месяцы оставалась ничтожной. Это обстоятельство не позволяло развернуть работу в полном масштабе. До марта 1920 г. в отделе работало 26 человек, к июню сотрудников стало 86 при утвержденной штатной численности в 335 чел., на 1 января 1921 г. – 226 чел. при штатной численности в 1675[1]. Полноценно отдел стал функционировать только в 1921 г. На губернском и уездном уровнях укомплектование земельных отделов могло происходить несколько быстрее. Так, Семипалатинский губЗО за январь – март 1920 г. увеличил численность сотрудников с 10 до 100 чел. Еще 206 служащих работало в уездных земельных отделах[2]. Постепенное кадровое наполнение земельных органов стало возможно благодаря мобилизации специалистов. 10 января 1920 г. Сибревком постановил произвести учет всех лиц с высшим и средним сельскохозяйственным образованием или с начальным сельскохозяйственным образованием при наличии двух и более лет стажа работы на руководящих должностях, или более десяти лет общего стажа[3]. Такие специалисты после учета привлекались к работе по специальности. Ряд из них являлись советскими служащими и подлежали переводу из других ведомств. В советские земельные учреждения влилось значительное количество сотрудников, работавших ранее в колчаковских учреждениях. Очевидный рост квалификационного уровня аппарата при этом оказался опасен своей оборотной стороной: далеко не все новые сотрудники стали искренними соратниками советской власти. Поэтому руководящие должности занимали, как правило, профессиональные революционеры. В частности, сам Сибземотдел возглавил заместитель председателя Сибревкома В. Н. Соколов (1874–1959), член РСДРП с 1898 г., имевший богатый опыт работы в статистических органах Сибири. Он стоял на позициях активного использования экономических рычагов воздействия на крестьян, стал одним из инициаторов замены продразверстки продналогом в 1921 г.

Если в первые месяцы 1920 г. работа Сибземотдела и его подразделений на местах сводилась к изучению ситуации и реагированию на самые острые проблемы, то в конце этого года все подразделения Сибземотдела должны были разработать и утвердить на коллегиальных совещаниях план работы на 1921 г. При этом следовало четко обозначить иерархию из трех видов перспективных задач: ударные, первоочередные и очередные. Ударные требовали концентрации максимальных усилий, применения чрезвычайных мер. Впрочем, изначально несколько направлений работы осознавались в качестве ключевых и были связаны с попыткой осуществить системное планирование и поэтапное решение, в том числе путем координации

межведомствнных усилий. В конце 1919 – начале 1921 гг. региональное руководство разработало и стало реализовывать как первоочередные, а затем выделило в категорию «ударных» четыре проекта, ориентированных на развитие зернового производства: восстановление крестьянских хозяйств, разрушенных в период Гражданской войны, обобществление сельскохозяйственного производства, посевная кампания 1920/1921 г. и аграрное переселение.

Первый из них по времени разработки и проведения связан с восстановлением крестьянских хозяйств, пострадавших в период Гражданской войны. Создавая условия для поддержания объемов производства в крестьянских хозяйствах, эта акция одновременно нацеливалась на укрепление социальной базы советской власти в деревне.

В первую очередь эту кампанию следовало обеспечить организационно. Для этого 14 февраля 1920 г. была создана Центральная комиссия по восстановлению разрушенных хозяйств в составе представителей от отделов Сибревкома: земельного, продовольственного, труда и социального обеспечения, Совета народного хозяйства под руководством председателя Сибревкома И. Н. Смирнова. На местах создавалась сеть губернских и областных комиссий в составе представителей тех же ведомств («кохозы»). Их первой задачей стал учет убытков, нанесенных «белогвардейцами». Не имея местного аппарата, губернские и областные комиссии опирались в своей деятельности на уездные и волостные ревкомы. Крестьяне сначала достаточно равнодушно отнеслись к собиранию сведений, но через пару месяцев поняли выгодность включения в категорию пострадавших хозяйств. «Кохозы» собирали информацию об уничтоженных постройках, «угнанном» скоте, потравленных посевах. Самый серьезный урон обнаружился в Алтайской и Енисейской губерниях. Здесь учли 1869 и 3192 уничтоженных жилых построек, а всего по Сибири их насчитали 5590[4]. Число крестьянских хозяйств, признанных разрушенными в результате Гражданской войны, определили в 23 тыс.[5] На основании собранных сведений местные советские органы разрешали безвозмездную заготовку строительных материалов и даже давали ссуды на наем строителей семьям, занимавшимся восстановлением жилищ и хозяйственных построек, распределяли скот, семенные ссуды. Только к 15 июля 1920 г. пострадавшим хозяйствам Алтайской и Енисейской губернии передали 205 тыс. пудов семян. Частичная демобилизация армии во второй половине 1920–1921 гг. позволила передать сибирскому крестьянству рабочий скот, прежде всего лошадей. Их распределение по хозяйствам осуществлялось на основании списков, предоставлявшихся «кохозами». В Семипалатинской губернии было распределено 1700 лошадей, а на Алтае в 1920 и 1921 гг. – 10 тыс., в Иркутской губернии – 1700 за весну 1920 г.[6] Куда более активно местные советские органы применяли внутриволостное распределение. Скот из брошенных хозяйств, особенно из предпринимательских, передавали в пользование тем, кто остался без скота. Во всех случаях руководящие указания предписывали придерживаться классового принципа, и помощь получали только самые бедные хозяйства.

Заявки «кохозов» на семенные ссуды, сельскохозяйственный инвентарь и рабочий скот выполнялись лишь частично. Но значительная часть помощи была выделена в места наибольшего разрушения от военных столкновений колчаковцев и партизанских отрядов. Алтайский губкохоз 31 марта 1920 г. постановил 40 % имевшихся плугов передать для распределения разоренным Гражданской войной хозяйствам. Такое же решение действовало в Енисейской губернии. Пункты по прокату сельскохозяйственной техники старались расположить так, чтобы обслужить в первую очередь нужды пострадавших крестьянских хозяйств[7]. В результате удалось смягчить наиболее острые проблемы. По оценкам комиссий, к концу 1920 г. они выполнили запланированные восстановительные работы наполовину. При этом основной упор был сделан на учет убытков, понесенных от действий «белой» армии. Только в Енисейской губернии, где имелось 7235 пострадавших хозяйств в трех районах, учетом убытков апреле 1920 г. занималось 100 советских служащих[8].

В марте 1920 г. на «кохозы» была возложена обязанность возместить убытки, понесенные сибирским крестьянством от действий партизанских отрядов и Красной армии до 1 марта 1920 г. Правда, сами комиссии выяснением размеров этих убытков не занимались, а лишь должны были принимать квитанции, выданные специальными комиссиями при Штабах армии. При компенсации убытков предписывалось четко проводить классовый принцип. Не возмещались убытки, понесенные контрреволюционерами, кулаками, спекулянтами, производителями самогонки. Выплаты не должны были производиться и тем, кто уклонился от выполнения продовольственной разверстки. Для покрытия расходов от действий партизан и Красной армии Сибревком решениями от 4 и 7 мая 1920 г. выделил 95 млн р. Смета же восстановительных работ по одной только Енисейской губернии была определена в 802 млн р. Но к середине года на всю Сибирь для этих целей было выделено 200 млн р., из которых освоено 79795 тыс. р., тогда как для возмещения убытков от действия партизанских отрядов к этому времени уже израсходовали 395 млн р., что четырехкратно превзошло первоначальные ожидания. Следует учесть, эти убытки оплачивались по минимальным ценам[9].

Советская власть не упустила случая использовать вопрос о возмещении убытков как средства давления на крестьянство в продовольственной работе и проведения классовой политики. Это, конечно, отвлекало от решения первоначальной задачи. Адресности, которой добивались комиссии по восстановлению хозяйств, тоже достичь не всегда удавалось. Волостные органы часто стремились включить в списки пострадавших во время Гражданской войны максимум хозяйств, испытывавших нужду в чем бы то ни было, причем, со свойственной крестьянскому сознанию мимикричностью, склонны были эту нужду преувеличивать. Так, на Алтае губернская комиссия указывала на случаи, когда волревком запрашивал для пострадавших хозяйств семенной материал, достаточный, чтобы с избытком засеять всю посевную площадь волости. Но следует признать, что деятельность комиссий смягчила положение крестьянских хозяйств, пострадавших от военных действий в 1919 – начале 1920 г. Благодаря концентрации усилий в нескольких районах удалось решить главную задачу – большинство хозяйств, признанных пострадавшими, по отчетам «кохозов» заселяли в текущем году не меньше, чем в предыдущем.

Ввиду исчезновения остроты вопроса Сибревком постановил в 1921 г. ликвидировать комиссии по восстановлению разрушенных хозяйств, а завершение запланированных работы передать Сибземотделу, таким образом, за 1920 г. поставленную задачу считали выполненной.

Важнейшим направлением аграрной политики считалось насаждение различных форм обобществления собственности производителей, занятых сельскохозяйственным трудом. Первые шаги в этом направлении местные советские органы предприняли сразу после завоевания контроля над той или иной территорией. В частности, Курганский уездный ревком осенью 1919 г. взял на учет 26 заимок, брошенных хозяевами при отступлении белых, и назначил заведующих на те, где сохранились средства производства. При этом губземотдел сразу стал рассматривать вопросы о передаче разрушенных заимок для обработки в следующим году коллективами беженцев и местных жителей[10].

В структуре Сибземотдела в начале 1920 г. сформировался подотдел обобществления, аналогичное подразделение имелось и в каждом губернском земельном отделе. Они призваны были пропагандировать организацию коллективных хозяйств и способствовать их работе. Эта работа протекала в русле советской аграрной политики, которая конечной целью социализации земли провозглашала объединение всех крестьян в коммуны. Региональная специфика накладывала отпечаток. Декларация Сибревкома от 2 декабря 1919 г. провозглашала равенство всех форм трудового землепользования и стремление государства расширять на них хозяйство. Безземельных и малоземельных крестьян предполагалось наделять дополнительными землями за счет казенных, кабинетских, частновладельческих, церковных, офицерских и

чиновничьих земель. Это означало готовность власти способствовать расширению индивидуальных хозяйств крестьян, независимо от их сословной принадлежности.

Но уполномоченный Наркомзема по Сибири А. В. Воронов в своих выступлениях перед работниками Алтайского и Томского губземотделов настаивал на том, что коллективизация сельского хозяйства является первоочередной задачей. В этих двух, а также в Енисейской губерниях он нашел поддержку, а позиция Сибревкома была признана оппортунистической. В апреле 1920 г. разногласия были устранены, алтайские, енисейские и томские работники признали необходимость заниматься в первую очередь землеустройством местного населения, особенно неприписанного[11].

Но в действительности коллективные хозяйства продолжали активно насаждаться отделами обобществления. К августу 1920 г. в Сибири имелось 262 комунны, 118 артелей и 82 совхоза[12]. При этом их формирование продолжилось и осенью и к концу года в Сибири числилось 570 коллективных хозяйств разных форм, а к апрелю 1921 – 1683[13]. В Омской губернии, где было в конце 1919 – начале 1920 г. взято на учет 257 крупных предпринимательских хозяйства и национализировано 139, период массовой организации крупных хозяйств пришелся на осень 1920 г. С августа до конца года число советских хозяйств выросло с 42 до 50, коммун – с 30 до 77, артелей – с 33 до с 97, и появилось 10 товариществ общественной обработки земли[14]. Причем значительную часть землеустроительных мероприятий 1920 г. в губернии пришлось связать с организацией коллективных и советских хозяйств. Между тем, каждая седьмая артель и половина коммун возникли на бывших частновладельческих землях и не нуждались в землеустройстве. Похожая ситуация наблюдалась и в других регионах Сибири. Например, к лету 1921 г. подотдел землеустройства Новониколаевского уездного земельного отдела сообщил, что в 1920 г. из намеченных работ по землеустройству в объеме 26260 дес. земли реально проведено только на 14000 дес., из которых 5000 дес. явились выделом земли коллективным хозяйствам[15]. В целом по Томской губернии из 34 тыс. дес. устроенных земель 14,5 тыс. являлись отведением участков для коллективных хозяйств[16]. Так, 1 % обрабатываемой площади оттягивал на себя 1/3 всех землеустроительных работ. Алтайский губернский земельный отдел, активно занимавшийся землеустройством коллективных хозяйств в 1920 г., на 1921 г. выделил эту работу в качестве ударной, и наряду с землеустройством неприписанного населения планировалось провести работы для 115 вновь возникших коллективных хозяйств. Причем на Алтае формировалась примерно половина всех коллективных хозяйств Сибири, и этот сектор охватил весной 1921 г. до 5 % населения[17]. Семипалатинский губземотдел весной 1920 г. предпочел церковные и школьные земли, на которых не удалось организовать коллективных хозяйств, передать под общественные запашки, или так называемые госпосевы. Отдел не мог предоставить семена и инвентарь для их обработки, все работы делались за счет крестьян. Площадь таких посевов выразилась в 14,5 тыс. дес., что вполне сопоставимо с посевами колхозов в этом году (19 тыс. дес.). Но лепта, внесенная коллективным сектором в поддержание посевной кампании, осталась пустой формальностью: урожай на госпосевах был ничтожным[18].

Запросы насаждаемого колхозно-совхозного сектора не ограничивались землеустройством. Для подотделов снабжения сельсхозотделов в качестве ударных обозначались задачи обеспечения коллективных и советских хозяйств семенным материалом, сельскохозяйственной техникой в первоочередном порядке, причем в количестве, многократно превышавшем долю этого сектора в аграрном производстве и землепользовании. Большинство пунктов ремонта и проката техники создавались при советских и коллективных хозяйствах. С января 1921 г. на работников колхозов, как и совхозов, было распространено нормированное снабжение промышленными и продовольственными товарами[19].

Но во второй половине 1920 и начале 1921 гг. в Сибсельхозотдел стали поступать сведения о результатах проверок деятельности хозяйств колхозно-совхозного сектора, и они были неутешительные. Поголовье скота в них интенсивно сокращалось, в том числе и за счет актив-

ного потребления мяса членами хозяйств. В некоторых совхозах племенной скот вымирал от бескормицы или раздавался на сохранение на зиму по окрестным крестьянским хозяйствам. Между тем, стало понятно, что наиболее перспективным направлением работы совхозов является именно племенное животноводство, а не зерновое производство. Выделенные колхозам и совхозам земли они не были в состоянии освоить даже в перспективе, и в 1921 г. был поставлен вопрос об отрезке у них части угодий для наделения переселенцев и неприписанного населения. Кроме того, стало очевидно, что значительная часть «неофитов» колхозного движения пришли в него как раз для того, чтоб получить технику и семена и списание продразверстки/продналога. Подчас организация колхоза являлась лишь предлогом, чтобы завладеть имуществом ближайшего частновладельческого хозяйства. В 1922 г. колхозное движение в Сибири ослабло, часть ранее созданных хозяйств распалась. Совхозы перепрофилировали в животноводческие, подчинив их земельным отделам, а полеводческие в большинстве своем передали предприятиям или ведомствам в качестве подсобных хозяйств.

С первыми двумя проектами была тесно связана организация посевной кампании. В определенной степени оба предыдущих нацеливались на то, чтобы удержать на прежнем уровне объемы зернового производства в Сибири. Корни проблемы были двоякими. С одной стороны, существовали хозяйства красноармейцев и пострадавшие от «белых», неспособные самостоятельно осуществить посев в полном объеме. С другой стороны, было немало крестьянских семей, потерявших своих кормильцев в рядах антибольшевистских (убитыми или ушедшими на восток при отступлении), а также были семьи, бросившие свои хозяйства ради бегства вместе с остатками антибольшевистских сил. В казачьих станицах Сибирского казачьего войска население нередко полностью уходило перед приходом Красной армии[20]. Сизбемотдел призван был принять меры к тому, чтобы предотвратить в 1920 г. сокращение посевной площади.

В решении этой задачи советская власть могла опираться на богатый опыт. Помощью в организации посева власти озаботились впервые еще в начале Первой мировой войны в связи с массовым призывом. Тогда была выработана целая система мер содействия хозяйствам призванных в осуществлении полевых работ. В нее входили пособия на наем работников, оставшихся без мужских рабочих рук, присылка в деревни посевных отрядов, состоявших из добровольцев, беженцев и школьников, а также предоставление военнопленных и мобилизованных «сибирских инородцев», создание общественных запашек или помочей решением сельских и волостных крестьянских органов. В подкреплении этих мер до революции стояла общественная инициатива, координацию которой осуществляли Сибирские губернаторы. В антибольшевистский период для уборки полей призванных организовывались отряды из беженцев, а в степных районах мобилизовалось казахское население.

Занятые советскими войсками осенью 1919 г. районы Южной Сибири поражали необычайно обильным неубранным урожаем. В некоторых хлебных работах до половины посевов ушли под снег неубранными. Советские органы пошли по пути развития уже известного опыта, но куда более решительно. Только в Курганском уезде осенью 1919 г. 7 рабочих дружин по 100 человек были заняты уборкой брошенных полей. Этого катастрофически не хватало, и на помощь им были привлечены 1500 военнопленных[21].

Весной 1920 г. впервые в истории Сибири организация посева была признана задачей государственной. Она возлагалась на Междуведомственный комитет по организации посевной площади» (Сиборгосев) при Сибревкоме, губернских и уездных ревкомах («оргасевы»). Их работа выразилась в сборе сведений о засеваемой площади, необходимом количестве семян, рабочего скота и сельскохозяйственной техники. В действительности в этом сельскохозяйственном году абсолютное большинство крестьян не испытывало нужды в семенах. Велики были запасы прошлых урожайных лет. Проблемы возникали лишь в связи с последствиями Гражданской войны и в колхозно-совхозном секторе, а также являлись результатом локальных неурожаев и уничтожения посевов саранчой. Последние два обстоятельства

для Сибири не были редкостью. Но раньше они преодолевались через рыночные закупки семян, которые теперь и пришлось заменять сложным распределительным аппаратом. Так, потребность в семенах яровых культур по Сибири определялась в 4492384 пуда, из них от продорганов было получено и распределено сельхозотделами 1321107 пудов. Потребность в озимых определялась в 999 тыс. пудов, а распределено было только 48 тыс. пудов[22].

Два других направления деятельности, связанные с поддержанием размеров посевной площади, заключались в снабжении техникой и организации ремонтных мастерских. Сиборгасев брал на учет и при необходимости принудительно перераспределял дефицитнейшую в те годы работавшую сельскохозяйственную технику. Все поставки новых машин в Сибирь теперь осуществлялись исключительно в его распоряжение. С января 1920 г. все склады сельскохозяйственной техники, ранее принадлежавшие переселенческому управлению, кооперации и частным лицам, передавались в управление отделу снабжения сельского хозяйства орудиями производства и металлами (Сибсельхоза) в структуре Сибпродкома, действовавшего по указаниям и по плану Сиборгасева. Отдел получил установку обслуживать техникой и инвентарем на основании списков наиболее нуждавшихся, предоставлявшихся «кохозами», а также колхозы и совхозы. Другой частью деятельности комитета стала организация ремонтных мастерских. Сиборгасев имел возможность освободить от воинского призыва работников таких мастерских[23]. Точное число ремонтных пунктов не поддается учету, но их насчитывались десятки в каждом уезде, и они отремонтировали от 10 до 30 % всей сломанной техники и инвентаря, имевшегося на руках у крестьян. Алтайский губкохоз распорядился организовать внутриселенное перераспределение рабочего скота, допускавшее решениями волревкомов безвозмездное отчуждение у зажиточных хозяйств рабочего скота на период посевной кампании. Часто пунктом, где организовывались ремонтные мастерские и прокатные пункты, являлись совхозы.

Отчеты «оргасевов» свидетельствовали об эффективности проводимой ими работы. Но зампредседателя Сибземотдела В. И. Жилин в августе 1920 г. отмечал, что по сведениям, полученным от независимых информаторов, десятки дефицитнейших сельскохозяйственных машин накануне уборочной кампании продолжали лежать на складах без движения, а часть инвентаря, отпущенная организациям и учреждениям, остается в них мертвым грузом. Прокатные пункты, организованные на бумаге, на самом деле не работают. В результате значительные организационные усилия затрачивались практически вхолостую[24].

Впрочем, проблема носила общероссийский характер. На основании декрета СНК от 4 марта 1920 г. 7 июля 1920 г. Сибревком издал предписание: передать государственные сельскохозяйственные склады и объединявший их работу отдел снабжения вывести из подчинения Сибпродкома и передать в состав Сизбемотдела[25].

Особо следует отметить, что весной и летом 1920 г. в сибирских деревнях оказалось значительное количество хозяйств, оставленных своими владельцами и ушедших с Белой армией на восток. Для уборки озимых и посева яровых на их землях организовывались специальные уборочные отряды. Эта практика ранее широко применялась в советском тылу для обработки полей красноармейцев. Но и в Сибири с помощью таких отрядов убирали урожай на полях призванных в колчаковскую армию, главным образом, принадлежавших казачеству. Теперь на этих же землях организовывались Сиборгасевом государственные посевы, а к уборке привлекались, как и раньше, преимущественно беженцы и военнопленные. Только это делалось с куда большим размахом, с элементами централизации. В отношении военнопленных, которых в соответствии с международными обязательствами советская власть обязана была отпустить на родину, была избрана совершенно другая линия поведения. Им было объявлено, что поскольку Сибирь находится в разрухе, им придется задержаться здесь и еще потрудиться до тех пор, пока экономика не будет выведена из кризиса. Их отряды и летом – осенью 1920 г. продолжали работать на уборке полей.

Но главная причина, позволившая сохранить почти полностью прошлогодние объемы посевных площадей, заключалась не в мобилизационных мероприятиях. Советская власть в Сибири воздержалась от уравнительного перераспределения земли и выполнила обещание не изымать землю у крупных крестьянских хозяйств, даже если они нанимают работников.

В следующем году в результате неурожая и продовольственной разверстки проблема обеспечения семенами встала остро для большого числа крестьянских хозяйств. На 1920/1921 сельскохозяйственной год на Сибирь была наложена беспрецедентно большая разверстка хлеба в 110 млн пудов. Это подталкивало даже хозяйства, сохранявшие еще некоторые излишки и семенные запасы, сократить площадь посевов. Не приходится говорить о том, что к началу 1921 г. выяснилось довольно значительное количество хозяйств, которые просто не имели достаточного количества семян.

Вопрос о замедлении темпов сокращения посевной площади стал настолько актуален, что потребовал концентрации организационных и материальных усилий. Но «оргасевы» были расформированы. Проведение посевной кампании осталось одной их приоритетных задач государства, но в 1921 г. ставка была сделана на самоорганизацию населения. В феврале были сформированы губернские и уездные посевные комитеты, в апреле была проведена избирательная кампания в волостные посевкомы. На проведение посевной было брошено 1460 коммунистов. На основании сельскохозяйственных переписей 1916, 1917 и 1920 гг. были сформированы предварительные планы посевов по каждой культуре с их разверсткой по губерниям, уездам, волостям и селениям. Затем планы утвердили на съездах и конференциях с участием представителей крестьянства. Причем в ряде случаев прозвучали предложения увеличить план посева. В целом по Сибири план был доведен до 7647498 дес., что на 480720 дес. больше первоначального плана[26]. Куда масштабнее в этом году были и выдачи семян из государственного семенного фонда. По Сибири было распределено 5,1 млн пудов хлебных семян. Партийные инструктора усиленно вели работу по созданию семенного фонда на местах. На помощь им приходили продотряды. Они занимались бронированием части хлеба, оставшегося после выполнения продразверски в качестве семенного фонда. С крестьян брали расписки с обязательствами засеять этот хлеб, в случае сомнения его ссыпали в общественные амбары. Всего внутриселенные и внутриволостные семенные фонды насчитывали к лету 1921 г. 22612000 пудов (без сведений по Томской губернии). Но на этот раз крестьянские активисты и коммунисты, поставленные отвечать за посевную кампанию, выдали желаемое за действительное. В 1921 г. в Сибири было засеяно лишь 5434900 дес., а органы учета зарегистрировали только 4347900 дес. посевов.

Взамен военнопленных и беженцев летом 1920 г. в уборочные отряды стали прибывать добровольцы из губерний, пораженных неурожаем. Их посылка находилась в ведении комитета помощи голодающих. Среди них большой процент оказался нетрудоспособных, обремененных семьями. Значительную часть собранного урожая они оставляли для собственного потребления, а не для сдачи продовольственным органам. Такие уборочные отряды выполняли важную социальную функцию по снижению остроты продовольственного вопроса в европейской части страны, но не могли эффективно решать свою главную задачу[27].

В результате куда более масштабные и централизованные усилия по организации посевной кампании в 1921 г., сопровождавшиеся прямым давлением на крестьянство, дали значительно худший результат, чем скромные усилия предыдущего года, подкрепленные осторожной политикой по отношению к крестьянству

Примечательно, что при структурном многообразии подразделений Сибземотдела со второй половины 1920 г. приоритетным направлением своей деятельности руководство Сибземотдела считало переселенческую политику. Землеустройство, агрономическую помощь и организацию коллективных хозяйств с лета 1920 пришлось в значительной мере подчинить задаче обустройства переселенцев, свернув все другие работы, не связанные с

ней. Это мотивировалось ожидаемым большим наплывом голодобеженцев из европейской части России и слабостью технических сил всех остальных отделов.

Еще в антибольшевистский период, весной 1919 г., специалисты Министерства земледелия предсказывали после войны большой поток желающих поселиться в Сибири. При этом колчаковские управленцы говорили, что переселенческое дело необходимо кардинально переориентировать в сторону учета интересов региона и усиления промысловой составляющей освоения Сибири[28]. Сибревком в 1919 г. тоже заявлял о приоритете удовлетворения землей сибирских крестьян. Но интересы Сибири, готовность учитывать которые члены Сибревкома обозначили в первые месяцы работы этого органа, вскоре были преданы забвению. Отчасти возродился дореволюционный вектор переселенческой политики. Но это произошло не из стратегических соображений, а скорее явилось реакцией на миграционные потоки, вызванные массовым голодом. В августе 1920 г. из Наркомата земледелия поступила информация о необходимости быть готовыми принять в Сибири переселенцев в количестве 1,2 млн едоков[29]. Спустя некоторое время Наркомзем ограничил возможность организованного переселения только шестью губерниями центральной России, а ожидаемый переселенческий поток – 750 тыс. едоков.

Сибревком стремился максимально использовать ресурсы, сохранившиеся от Переселенческого управления с дореволюционных и колчаковских времен, и сконцентрировать дополнительные средства и материалы на этом направлении. Весь инвентарь, имеющийся в распоряжении губземотделов, передавали для вновь прибывающих переселенцев; заготовку живого скота, осуществлявшуюся через военные губотделы, частично передавали в ведение земотделов, но исключительно для снабжения переселенцев. Но страдало главное звено работы: обслуживание ходоков и переселенцев в пути. Большинство пунктов питания, размещения, медицинского обслуживания переселенцев, действовавших до революции и возобновлявших свою работу при «белых», были теперь заняты армией.

Осенью 1920 г. переселенческое дело было объявлено «боевой задачей» Сибземотдела. 3 декабря 1920 г. Сибревком постановил привлечь к работе по обслуживанию переселенцев другие сибирские ведомства – Сибпродком, Сибэвак, отделы труда и здравоохранения. Результат вскоре стал сказываться в том, что переселенческие учреждения постепенно наполнялись кадрами, мобилизованными для этой цели, продорганы исправно снабжали двигавшихся переселенцев продовольствием, они получали минимальную медицинскую помощь. Масштабы работы были далеки от тех, которые удалось организовать Временному сибирскому и Российскому правительствам. Но, учитывая, что пропускная способность железных дорог в 1920–1921 гг. оказалась существенно ниже, чем в предшествовавшие годы, а реальный поток переселенцев невелик по сравнению с ожидавшимися его масштабами, качество обслуживания было вполне сопоставимо с тем, которое предоставляли в колчаковский период.

Руководство Сибземотдела заявляло, что подготовленные до революции переселенческие участки совершенно не пригодны для немедленного заселения трудящихся. Советские чиновники отмечали, что при царизме землеустройство проводилось на скорую руку, а переселение «насаждало помещиков и мелких хозяйчиков». Кроме того, за годы революции многие ранее подготовленные участки захватили беженцы, нелегальные переселенцы, крестьяне, проживавшие по соседству. В связи с этим ставилась задача произвести полное обследование объема и качества колонизационного фонда. Примечательно, что буквально за год до этого Министерство земледелия Российского правительства в 1919 г. уже проделало такую работу, готовясь к послевоенному людскому наплыву, отметив наличие почти 300 тыс. долей, готовых к немедленному принятию переселенцев. Тогда же определены все земли, нелегально занятые в последние годы[30]. Проводить заново проверку колонизационного фонда можно было только в силу идеологической предвзятости и отсутствия документации колчаковского периода.

Беглый предварительный обзор позволил выявить устроенной земли, пригодной для колонизации, в количестве 101872 доли. Еще 42378 долей собирались выделить из числа казенных,

бывших кабинетских, офицерских, монастырских и частновладельческих земель[31]. Все ранее незаконно захваченные переселенческие участки по решению Сибревкома перешли окончательно к новым пользователям. Поэтому колонизационный фонд существенно сократился. Кроме того, все ранее отведенные в колонизацию участки земли, занятые коренным населением Сибири, передавались ему обратно на основании самого факта фактического пользования.

Осенью 1920 г. из неурожайных губерний российского Черноземья попытались открыть переселение в Сибирь. Причем его организовали по столыпинской схеме – на правах льготного проезда сначала для выбора участков приезжали ходоки, зачислявшие за собой понравившиеся земли. Разница заключалась лишь в том, что желающие организовать коллективное хозяйство выделяли лучшие земли в первоочередном порядке[32]. С гораздо меньшим потоком прибывавших в действительности не справлялись ни транспортные, ни земельные службы. Всего в Сибирь переселилось за 1920 – начало 1922 г. 175 тыс., из которых 60 тыс. оказалось плановыми переселенцами, а остальные 115 тыс. – беженцами, прибывшими стихийно[33]. По просьбе Сибземотдела СНК в марте 1921 г. временно закрыл Сибирь для переселения, поручив местным органам заняться подготовкой участков[34]. Таким образом, в 1922 г. приоритеты советского режима снова эволюционировали в сторону первоочередного землеустройства местного населения. С задачей подготовки земли для массового переселения советский землеустроительный аппарат справиться был не в состоянии.

Подводя итог, отметим ряд характерных особенностей реализуемых в Сибири проектов по выведению из кризиса зернового хозяйства. Для советской аграрной политики в Сибири был характерен вполне типичный стиль руководства. В нем сочеталась исполнительность по отношению к распоряжениям вышестоящих учреждений и попытка самостоятельно определить стратегические направления выведения из кризиса и преобразования вверенной отрасли. Стремление системно решать поставленные задачи и концентрировать усилия на нескольких приоритетных из них, с одной стороны, свидетельствует о типичной «кампанейщине» – организации работы путем ударных кампаний, а с другой стороны, эти кампании заранее прорабатывались и планировались, что позволяет говорить о них и как о реализации народно-хозяйственных проектов. Этот стиль складывался постепенно на протяжении примерно года. Первая его особенность – чрезвычайно развернутая первая стадия реализации каждого проекта, связанная с изучением и учетом объекта преобразований и развертыванием мощного бюрократического аппарата. Реализовывались задуманные масштабные проекты лишь частично, ввиду недостатка средств. Вторая особенность, ставшая, впрочем, онтологическим свойством всей советской системы – все мероприятия по подъему сельского хозяйства были чрезвычайно идеологизированы, их рациональная составляющая отягощалась классовым принципом проведения, а также увязкой с интересами продовольственной политики, что существенно снижало их эффект. Сибирским властям удавалось достигнуть результата путем концентрации административных и материальных ресурсов, а самое главное, принятия жестких мобилизационных решений, на очень узких участках работы, которые, надо отдать должное, обычно были верно определены. Советскими руководителями была проявлена достаточная политическая воля и умение четко структурировать и иерархизировать управленческие задачи. При этом советский аппарат в целом проявил слабую дисциплинированность и исполнительность. А наименее успешными стали акции, основанные на привлечении широких масс населения, рассчитанные на инициативу и энтузиазм низов.

Примечания

[1] ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 219. Л. 2; Отчет Сибирского революционного комитета о деятельности за январь – июнь 1921 г. Новониколаевск, 1921. С. 51.

[2] ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 211. Л. 80.

[3] Совет. Сибирь (Омск). 1920. 21 янв.

[4] ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 138. Л. 47; Д. 374. Л. 67.
[5] Всего в «Сибревкомовской» Сибири по переписи 1920 г. числилось 1185 тыс. крестьянских хозяйств (см.: Ильиных В. А. Крестьянское хозяйство в Сибири (конец 1890-х – начало 1940-х годов) : тенденции и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке : проблемы изучения. Новосибирск, 1999. С. 41).
[6] Алтайский ежегодник. Барнаул, 1922. Вып. 1. С. 224; ГАНО. Ф. Р-13. Д. 222. Л. 13. Д. 374. Л. 21.
[7] Шишкин В. И. Социалистическое строительство в сибирской деревне. Ноябрь 1918 – март 1921 г. Новосибирск, 1985. С. 135; ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 374. Л. 113.
[8] ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 186. Л. 92.
[9] Там же; Изв. Сибревкома (Омск). 1920. № 2. С. 12–13.
[10] ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 33. Л. 10.
[11] Шишкин В. И. К вопросу об аграрной политики советской власти в Сибири в 1920 году // Социально-экономическое и политическое развитие сибирской деревни в Советский период. Новосибирск, 1974. С. 16.
[12] ГАНО. Ф. Р-1. Д. 184. Л. 123–123 об.
[13] Шишкин В. И. Социалистическое строительство... С. 96–97.
[14] Касьян А. К. : 1) Борьба трудящихся Омской губернии за ликвидацию последствий колчаковщины в сельском хозяйстве (конец 1919–1920 г.) // Из истории Западной Сибири и Омской области. Омск, 1963. С. 85; 2) Социально-экономическое развитие Юго-Западной Сибири в доколхозный период (конец 1919–1928 гг.). Омск, 1976. С. 22.
[15] ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 138. Л. 85.
[16] Там же. Д. 73. Л. 2.
[17] Шишкин В. И. Социалистическое строительство… С. 98.
[18] ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 222. Л. 57.
[19] Там же. Д. 80. Л. 77.
[20] Там же. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 12. Л. 29 об.
[21] Там же. Д. 33. Л. 52.
[22] Там же. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 219. Л. 24–24 об.
[23] Совет. Сибирь. 1920. 7 апр.
[24] ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 175. Л. 147.
[25] Там же. Д. 13. Л. 59.
[26] Отчет Сибирского революционного комитета о деятельности за январь – июнь 1921 г. С. 57; Ильиных В. А. Динамика посевных площадей в Сибири в 1917–1929 гг. : источники реконструкции // Гуманитар. науки в Сибири. 2008. № 2. С. 30.
[27] ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 175. Л. 135.
[28] Рынков В. М. Сибирская автономия в вихре гражданской войны : планы, перспективы, приоритеты // Сибирь : проекты XX века (начинания и реальность). Вып. IV. Новосибирск, 2000. С. 13–22.
[29] Отчет Сибирского революционного комитета о деятельности за январь – июнь 1921 г. С. 51.
[30] Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке. Новосибирск, 2008. С. 58.
[31] ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 219. Л. 3–4 об.
[32] Совет. Сибирь. 1920. 10 авг., 8 сент., 6 окт.
[33] Краткий отчет Сибирского революционного комитета первому сибирскому съезду советов. Новониколаевск, 1925. С. 2.
[34] Отчет Сибирского революционного комитета о деятельности за январь – июнь 1921 г. Новониколаевск, 1921. С. 51.

СЕКЦИЯ 3.
РАЗВИТИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕХАНИЗМОВ УПРАВЛЕНИЯ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ В УСЛОВИЯХ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ МОДЕЛИ

Глумная М. Н.
Дорожкин А. Г.
Евдошенко Ю. В.
Жарков О. Ю.
Исаев В. И.
Колева Г. Ю.
Комгорт М. В.
Кравцова Е. С.
Курятников В. Н.
Михеев Д. Ю.
Тимиргазиева А. И.
Трофимов А. В.
Чуриков А. В.

М. Н. Глумная

УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АППАРАТ КОЛХОЗОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ: СТИЛЬ И МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ (КОНЕЦ 1920-х – 1930-е ГОДЫ)

Первые коллективные хозяйства (колхозы) в нашей стране возникли еще в конце 1917 г. На Европейском Севере России первые попытки перехода к коллективным формам хозяйствования были зафиксированы в феврале 1918 г. К декабрю 1920 г. на севере имелось 583 коллективных объединения, в том числе 477 артелей и 64 коммуны[1].

Переход к новой экономической политике привел к значительному сокращению числа коллективных хозяйств. Однако уже во второй половине 1920-х гг. начался обратный процесс, и к началу 1929 г. на Европейском Севере действовал 571 колхоз[2]. По мере развертывания коллективизации их численность продолжала расти. К началу 1941 г. в регионе имелось 9606 коллективных хозяйств[3].

Создание коллективных хозяйств сопровождалось разработкой принципов и системы управления в них. За основу были взяты демократические принципы, выработанные системой сельскохозяйственной кооперации еще в дореволюционный период, измененные применительно к новым политическим и социально-экономическим условиям.

Основным документом производственного сельскохозяйственного объединения был Устав. В качестве примера рассмотрим Примерный устав товарищества по общественному пользованию молочным скотом, разработанный Архангельским губернским земельным управлением в 1928 г.[4]

Делами товарищества управляли общее собрание и совет. Общее собрание являлось высшим органом управления, осуществляло общее руководство делами. Оно утверждало планы хозяйственных мероприятий, давало руководящие указания совету, заслушивало и утверждало доклады совета и ревизионной комиссии, разрешало вопросы, выносимые на его обсуждение советом, ревизионной комиссией, отдельными членами коллектива.

Совет являлся исполнительным органом товарищества. Он избирался открытым голосованием на общем собрании сроком на 1 год в составе не менее трех членов и 2 кандидатов к ним. Председатель совета также выбирался общим собранием.

Совет распределял между членами товарищества всю текущую работу, наблюдал за порядком ее выполнения, принимал меры к изысканию необходимых для товарищества средств, взыскивал долги, хранил имущество. Кроме того, совет вел точный учет имущества и труда членов товарищества в общих работах. Помимо годового отчета на общем собрании, совет обязан был давать общему собранию отчеты о положении дел в течение года.

Ревизионная комиссия в составе 3 членов и 2 кандидатов к ним избиралась сроком на 1 год на общем собрании. Она имела право производить ревизии в любое время, как по своей инициативе, так и по требованию 20 % членов коллектива. Ревизии проводились не реже 1 раза в 3 месяца. Отчитывалась ревизия перед общим собранием не реже 2 раз в год.

Как видим, в 1920-е гг. рекомендуемая земельными органами система управления для производственных коллективов была вполне демократичной. С учетом того, что вмешательство государства во внутренние дела колхозов в этот период было минимальным, это создавало предпосылки для внедрения в колхозах демократического, по другой классификации – сопричастного – стиля управления. Однако уже опыт колхозов 1920-х гг. выявил тенденцию преобладания авторитарного стиля управления.

Например, в Вологодской губернии в некоторых производственных объединениях выборные органы не переизбирались в течение 2–3 лет, т. е. с момента создания товарищества. Ревизионные комиссии бездействовали до такой степени, что правления колхозов «забыва-

ли» об их существовании[5], или же эти комиссии проявляли себя лишь «формально», через «учет кассы»[6]. Были и такие колхозы, где выборные органы существовали лишь на бумаге, а всеми делами заправлял председатель артели[7]. Общие собрания собирались нерегулярно, часто лишь при посещении колхоза кем-либо из представителей властных районных структур[8]. Анализ протоколов общих собраний показывал, что на них выступали одни и те же люди, как правило, члены правления. Это свидетельствовало о том, что остальная часть колхозников оставалась «безучастной» и лишь «присутствовала» на собраниях[9]. Попытки же отдельных колхозников выступить с критикой существующих порядков обрывались окриками: «Не зарывайся!», снижением заработной платы за «нетактичные выступления». В итоге, по словам колхозников, складывалась ситуация, когда «на наших собраниях нельзя горячо говорить»[9].

На этом фоне коллективы, где Устав, Правила внутреннего распорядка и хозяйственный план принимались «после всестороннего обсуждения на общем собрании», были всего лишь исключением[10].

Обследования колхозов, проведенные в конце 1920-х гг. органами рабоче-крестьянской инспекции, выявили множество фактов «зажима» критики действий руководящей верхушки рядовыми колхозниками, что также свидетельствовало о преобладании авторитарного стиля управления[11].

Так, в октябре 1929 г. «зажим критики» руководством колхоза «Пчела» Грязовецкого района Северного края привел к массовым выходам крестьян из колхоза. Председатель колхоза через свои «насмешки и издевательства» и в то же время полное «неумение хозяйствовать» лишился всякого авторитета в глазах крестьян. Колхозники обратились в рабоче-крестьянскую инспекцию с просьбой разобраться в ситуации, заявляя: «…мы ведь все же люди, а не скот какой, чтоб над нами можно было издеваться. А главное, мы живем при рабоче-крестьянской власти, так что издевательствам и беззакониям здесь нет места»[12].

Стиль управления колхозных руководителей уже на начальном этапе существования колхозов отличали абсолютизация единоначалия и отрицание коллегиальных методов принятия решений. Колхозные управленцы практиковали жесткие приказы и распоряжения, не допуская возражений или собственного мнения подчиненных. Манеру реализации управленческих действий и общения с людьми характеризовали грубость и матерная брань. Большое значение в этой модели имели личные отношения и привязанности участников управленческого процесса.

Преобладание авторитарного стиля управления на этом этапе во многом определялось традициями управления крупным хозяйством, которые были заимствованы колхозными руководителями из их прошлого жизненного опыта. Этот опыт был связан с работой или на кулаков, или на помещиков, хотя число последних на Европейском Севере было невелико. Следует учитывать и модели управления, заимствованные на промышленных предприятиях, отхожих промыслах, поскольку отходничество было важным источником существования для северного крестьянина.

В этой связи интерес представляет такая группа документов, как протоколы заседаний групп деревенской бедноты накануне и в период сплошной коллективизации, которые решали сначала вопрос об обложении зажиточных хозяйств в индивидуальном порядке (1929 г.), а потом и об отнесении их категории кулацких (1930 г.).

На этих заседаниях, наряду с критериями для индивидуального обложения, которые установила власть, – применение наемного труда, аренда земли, спекулятивные операции и пр., беднота припоминала все «прегрешения» «кулаков». Это ярко характеризует внутридеревенские отношения, и что особенно важно – культуру управления. Например, на заседании группы бедноты Азлецкого сельсовета Харовского района Северного края в сентябре 1930 г. в вину одному из «кулаков» ставилось, что «…имея большую оборудованную

двухпоставную мельницу <…> попавшим в немилость отказывал от размола зерна на своей мельнице»[13]. Документы зафиксировали и манеру управления: «…вставал рано потому, что ему нужно было расставить [работников] на полосу, расставит на работу, руки в карманы и пошел чай пить…»[14].

Много внимания на этих заседаниях уделялось взаимоотношениям «кулаков» с наемными работниками. Так, один из нанимателей, «бедначку Крутикову Людмилу после работы заставлял плясать за 6 фунтов овсяной муки»[15], другой – за работу расплатился «пахлой мукой, негодной для кушания»[16], третий – «продавал гнилой горох по повышенной цене»[17]. В Низовском сельсовете один из «кулаков» «наемных рабочих плохо кормил и обращался с ними плохо»[18].

Не менялась суть взаимоотношений и за пределами сельскохозяйственного производства. Так, на лесозаготовках, один из «зажиточных», получив руководящую должность, с рабочими обращался грубо, «возносил себя высоко, ни с кем не хотел разговаривать, я, мол, служащий». Рабочие были им недовольны, потому что «давал авансом по пять рублей, а в расчетную книжку записывал по восемь рублей». Видимо, за это и порывались однажды работники сбросить его в воду[19].

Было, что вспомнить и тем крестьянам, которые не были связаны с «зажиточниками» отношениями найма. В Низовском сельсовете «зажиточный» «избил бедняка Кириллова А.», и ранее замечались за ним подобные поступки – «избиение Герасимовой Аполлинарии», причем бил «зажиточный» с «антисоветским настроением, и бил бедняков, которых он по своей натуре ненавидит»[20]. Еще один «зажиточный» избил «красноармейку бедначку Баранову»[21].

Другой представитель «зажиточников», по определению судивших его бедняков, – «мародер», если его «угостишь водкой, продаст кожтовар, а нет – так и не продаст за деньги, вообще не даст…»[22].

Характерно, что далеко не все хозяйства, которые рассматривались на подобных заседаниях, попадали в списки кулаков. Некоторые были признаны «трудовыми», работающими «из ночи в ночь, не покладая рук»[23]. Те же, кто был признан «кулаком», разделил общую горькую судьбу этого «ликвидированного как класс» слоя.

Однако модель взаимоотношений внутри сельского социума, в частности в отношениях «хозяин» – «работник», существовавшая накануне сплошной коллективизации, оказалась более живучей. Она поддерживалась как изнутри, так как те же самые бедняки, оказавшись во главе колхозов, только ее и смогли воспроизвести, так и извне. Люди, вознесенные на вершину власти, в ее среднее и низовое звено, в чрезвычайных условиях сначала революции и гражданской войны, затем «социалистической реконструкции» также не знали иной модели управления кроме «приказа», требующего беспрекословного подчинения.

Определенную роль в распространении авторитарного стиля управления в колхозах сыграли и городские рабочие – знаменитые «двадцатипятитысячники», посланные «на фронт колхозного строительства». Например, председатель правления коммуны «Новая деревня» Емецкого района Северного края Мелькис разрешал все вопросы единоличным порядком, на замечания и предложения коммунаров отвечая: «не твое дело, ты ничего не понимаешь»[24]. При этом сам Мелькис в руководстве колхозом больших успехов не достиг, по словам одного из наблюдателей «заграбил все в свои руки, в результате мечется во все стороны, а везде ляпсусы»[25].

Однако влияние двадцатипятитысячников на стиль и методы управления в колхозах, конечно, ни в коем случае не стоит преувеличивать, учитывая их малую долю среди колхозных управленцев и сравнительно непродолжительное время нахождения в колхозах. Значительная часть рабочих оставила колхозы уже к середине 1931 г.[26]

Гораздо большее влияние оказывала на колхозы внешняя управленческая среда. Это было связано как с формированием командно-административной системы управления в целом,

так и с непосредственным воздействием на колхозных управленцев со стороны вышестоящих властей. Уже к середине 1930-х гг. колхозы оказались встроенными в систему государственно-партийного управления. Непосредственное директивное управление и контроль над колхозами призваны были осуществлять и советские органы, прежде всего, сельские советы и районные земельные управления, и государственные предприятия в лице МТС, и вся вертикаль партийных организаций.

Тем не менее, в 1930-е гг. власть продолжала декларировать демократические принципы управления в колхозах, которые и были определены Примерными уставами сельхозартели 1930 и 1935 гг., рядом постановлений партии и правительства.

Согласно Примерному уставу сельскохозяйственной артели 1930 и 1935 гг., высшим органом управления являлось общее собрание колхозников, которое разрешало важнейшие вопросы деятельности артели, выбирало правление и ревизионную комиссию, утверждало инструкцию по их работе[27].

Если Примерный устав сельхозартели 1930 г. не раскрывал перечень «важнейших вопросов», подведомственных общему собранию, то в Уставе 1935 г. они были определены. К их числу относились:

– избрание председателя артели, правления и ревизионной комиссии артели;

– прием новых членов и исключение из состава артели[28];

– утверждение годового производственного плана, приходо-расходной сметы, плана строительства, норм выработки и расценок работ в трудоднях, договора с МТС, годового отчета и отчета правления по важнейшим сельскохозяйственным кампаниям, размеров различных фондов и количества продуктов и денег, подлежащих выдаче на трудодни, правил внутреннего распорядка артели.

Исполнительным органом артели являлось правление, которое заведовало делами артели. Устав 1935 г. вводил ответственность правления перед общим собранием за работу артели и ответственность за выполнение обязательств артели перед государством. По Уставу 1930 г. правление избиралось на 1 год, по Уставу 1935 г. – на 2 года.

В Уставе 1930 г. ничего не говорилось о должности председателя правления, хотя в различных документах, регламентировавших организацию управления хозяйством колхоза, она называлась. Председатель правления определялся как «общий руководитель всего хозяйства артели»[29].

Согласно Примерному уставу 1935 г., для «повседневного руководства работой артели и ее бригад, а также для повседневной проверки выполнения решений правления», общее собрание избирало председателя артели, который одновременно являлся и председателем правления. Председатель был обязан собирать правление не реже 2 раз в месяц для обсуждения текущих дел и принятия соответствующих решений.

Подотчетность председателя и правления артели общему собранию членов артели также являлась одним из положений, характеризовавших демократические основы управления делами колхоза. Примерный устав сельскохозяйственной артели 1935 г. требовал от должностных лиц колхоза, чтобы они регулярно отчитывались в своей работе перед членами колхоза за год и по основным сельскохозяйственным кампаниям[30].

Ревизионная комиссия являлась органом внутреннего контроля артели, подотчетным общему собранию. Она проверяла деятельность правления, в частности – соблюдение устава, выполнение производственного плана, договоров и обязательств перед государством, производила ревизию кассы, имущества, документов и отчетности, давала заключение по годовым отчетам и отчитывалась в своей деятельности перед общим собранием. По Уставу 1935 г. ревизионная комиссия должна была проводить ревизию 4 раза в год. По годовому отчету правления она готовила свое заключение перед общим собранием, которое заслушивалось на общем собрании вслед за отчетом правления[30].

Таким образом, Примерные уставы сельскохозяйственной артели были нацелены на внедрение в колхозах именно демократического (коллегиального, сопричастного) стиля управления.

Демократия в колхозах предполагала наряду с предоставлением колхозникам широких правомочий и определенные их обязанности по управлению делами колхоза. Прежде всего, колхозники были обязаны беспрекословно выполнять решения общих собраний членов колхоза, правления, указания и распоряжения председателя и других должностных лиц колхоза. Важнейшим условием правильной организации управления делами колхоза объявлялось широкое развертывание критики и самокритики, выкорчевывание элементов бюрократизма и волокиты во всей работе колхозных органов управления.

Помимо уставов, демократические основы управления в колхозах закреплялись и рядом постановлений советских и партийных органов.

Так, постановление ЦИК и СНК СССР от 25 июня 1932 г. «О революционной законности» предлагало местным органам советской власти и органам прокуратуры привлекать к строгой ответственности лиц, виновных в нарушении выборности правлений и других органов в колхозах, в произвольном распоряжении имуществом, денежными средствами и землей колхозов, а также в применении недопустимых методов командования в отношении колхозов.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 19 декабря 1935 г. «Об организационно-хозяйственном укреплении колхозов и подъеме сельского хозяйства в областях, краях и республиках нечерноземной полосы» требовало от местных партийных и советских организаций прекратить нарушения установленного Уставом порядка выбора и смещения председателей колхозов и бригадиров, обеспечить регулярный созыв общих собраний колхозов и обсуждение на них всех важнейших вопросов артельного хозяйства[31].

Однако исследование ситуации в колхозах 1930-х гг. показывает, что реализовать эти демократические принципы управления не удалось.

В начале колхозного движения еще сохранялось стремление крестьян к участию в управлении делами колхозов. Например, в 1932 г. колхозники артелей «Клим Ворошилов», им. Буденного и др. (Грязовецкий район Северного края) жаловались уполномоченному крайкома, что «в рабочее время не всегда можно попасть на общее собрание, а в бригады не идут», поэтому «мы лишены возможности знать, о чем и какие вопросы решались»[32].

Склонность колхозников к сопричастному стилю управления зафиксировали и этнографические исследования. В статье Е. Р. Лепер, опубликованной в сборнике «Труд и быт в колхозах», подготовленном советскими этнографами в 1931 г., указывалось на такое распространенное явление колхозной жизни, как «постоянные общие собрания»[33].

Однако подобные демократические устремления колхозников оказались очень скоро погребены под натиском авторитарных тенденций. Материалы обследований северных колхозов уполномоченными партийных органов зафиксировали в разные годы и в разных районах региона преобладание авторитарных методов управления колхозами.

При анализе выходов из колхозов командные методы управления назывались одной из причин. Так, в Лальском районе Северного края только из одного колхоза им. Вл. Иванова вышло 19 хозяйств, в том числе и по причине того, что «председатель колхоза терроризировал колхозников, командовал ими»[34].

В Сомовской сельхозартели Приозерного района Северного края в 1932 г. колхозники называли председателя не иначе как «царем», а его жену «царицей», т. к. «он не любит, когда ему возражают»[35]. В колхозе «Косарево» Грязовецкого района, председатель, «человек с крепкой волей, с твердой рукой», «правил колхозом», колхозники его боялись. Ревизионную комиссию к проверке колхозных финансов и средств он не допустил, а на все вопросы колхозников о состоянии дел в колхозе отвечал: «Не вашего ума дело»[36]. Председатель сельхозартели «Красный кустарь» Котласского района, когда колхозники указывали на те

или иные недостатки, заявлял: «Я здесь хозяин, я и отвечаю»[37]. Аналогичным образом могло вести и все правление: «трудодни в трудовые книжки не пишут <…> Укажем правлению – они губу на локоть: "Не указывай, мы знаем, что делать, мы хозяева"»[38].

Проявляла себя и патриархальная разновидность авторитарного стиля управления. В колхозе «Юг» Кичменгско-Городецкого района бригадир, например, заявлял: «Я хозяин бригады и отвечаю за нее, как отец семьи»[39].

По словам одного из уполномоченных Севкрайкома ВКП (б), «самокритика» во многих колхозах «ходит только из-за углов, а не на собраниях, т. к. есть зажим со стороны правления»[40]. Чувствуя себя полным хозяином, председатель колхоза не только «зажимал» критику и самокритику, но и мог объявить «бойкот» неугодным колхозникам, лишив их выдачи продуктов по трудодням[41].

Обычным явлением была и грубость колхозного руководителя по отношению к колхозникам. Так, председатель колхоза «Верный путь» Вологодского района не знал «и разговора с колхозниками, как кроме мата»[42]. В отдельных случаях дело доходило и до физических мер воздействия на подчиненных. Так, в Аничковской сельхозартели Устьянского района отдельные бригадиры, близкие родственники председателя артели, избивали колхозников. Председатель правления Кононов знал об этих фактах, но скрывал и не реагировал на них[43].

По наблюдениям этнографов, в глазах колхозников именно «строгость» отличала «настоящего хозяина». Характерны в этом отношении слова первого председателя одного из тамбовских колхозов, которые в полной мере могут быть отнесены и к северному региону страны: «Вот сейчас Ожогин работает. Он когда поступил председателем, совсем ругаться не умел, а сейчас научился. Когда надо, ругается. Ведь на других людей обязательно надо ругаться. Такой человек, сколько ты ему не говори, слушает тебя и по-своему думает и делает. А как начал ты ругаться, он тогда поймет – осерчал, значит, председатель, надо начинать работать»[44].

Среди управленческой верхушки колхозов сохранялась традиция «порадеть родному человечку»: «председатель деньги дает любимчикам, кто работает – тому нет, а кто не работает – тому есть»[45], «счетовод любимой [состоящей из родственников. – *М. Г.*] бригаде приписывает лишние сотые трудодня»[46], «бригадир своим родным дает лучшие работы»[47] и т. д.

Подобный стиль и методы управления приводили к самоустранению колхозников от участия в делах колхоза: «Не ходим на собрания, потому что все равно нас не слушают, сидят трое в правлении, трое и правят»[48].

Во многих колхозах не собирались правления колхозов, все дела решались единолично председателем[49], или только правлением, без вынесения на обсуждение общего собрания[50]. Отсутствовал кворум на общих собраниях, когда обсуждались важнейшие вопросы деятельности артели[51], сами собрания собирались нерегулярно. Например, председатель колхоза им. Чапаева Биряковского района Вологодской области вообще считал «всякие собрания канцелярской суетней»[52].

В колхозах нарушалась финансовая дисциплина. Широко было распространено утверждение приходо-расходной сметы колхоза не на общем собрании, а на правлении колхоза, или же произвольное изменение сметы правлением уже после утверждения ее на общем собрании[53].

Нарушение демократической процедуры принятия приходо-расходной сметы колхоза приводило к появлению нездоровых настроений в рядах колхозников, как, например, в колхозе «Новое Пачево» Кирилловского района Вологодской области: «…сорок человек работают, а живется только управлению, потому что колхозники не знают никаких доходов и расходов, только знают работать да посматривать, как управление живет, как прежние кулаки»[54]. Единоличное распоряжение колхозными средствами некоторых председателей также не способствовало появлению «чувства хозяина» у колхозников[55].

Фактически бездействовали ревизионные комиссии, а их члены превращались в «понятых» при передаче амбара или склада от одного хозяйственника к другому[56]. По данным годовых отчетов колхозов за 1937 г., на Европейском Севере в лучшем случае в колхозе проходили одна-две ревизии в год, в то время как предполагалось их поквартальное проведение. В целом по стране и республике ситуация была несколько лучше (2–3 ревизии), но также не дотягивала до уставных норм[57]. Ревизионными комиссиями райзо или МТС колхозы проверялись крайне редко. Между тем известно немало случаев, когда колхозные ревизионные комиссии писали свои акты под прямым давлением колхозного руководства или совсем не допускались к осуществлению своей деятельности. Свое влияние на благоприятные, «удобные» для колхозной верхушки выводы колхозных ревизионных комиссий оказывали и достаточно тесные родственные узы членов колхоза, разные формы свойствá, неизбежные в условиях маленьких колхозов, состоявших, как правило, из жителей нескольких близлежащих деревень.

Бездействие ревизионных комиссий порождало большое число растрат в колхозах. По данным начальника Учетно-статистического отдела Вологодского облзо Домничевой, за 1938 г. сумма растрат в колхозах составила 942,6 тыс. р. Наибольший процент растрат приходился на те колхозы, где председатели совмещали должности кассира[58].

Авторитарный стиль управления характеризовался упором на негативные санкции. Обычным явлением в колхозах было штрафование и исключение колхозников из колхоза, в то время как устав рассматривал эти меры в качестве последних средств воздействия на колхозника[59]. По словам заведующего сельхозотделом ЦК ВКП (б) Я. А. Яковлева, «исключают у нас нередко из колхозов очень легко, даже в хороших колхозах. <…> Исключают иной раз так, как будто семечки шелушат»[60]. Секретарь ЦК не преувеличивал. Вот слова одного из колхозников Пинежского района Северного края: «…исключали правлением, просто не понравилась харя и из колхоза вон, колхозники не знали за что»[61].

«Отучение» колхозников от участия в процессе управления шло как «снизу» – силами колхозной управленческой верхушки, так и сверху – вышестоящими партийными и государственными структурами.

Власть, рассматривающая колхозы как источник продовольственных и трудовых ресурсов, сама подрывала «колхозную демократию», убирая из колхозов наиболее авторитетных, работоспособных и самостоятельных председателей и членов правлений. Их «вина» состояла в том, что они учитывали в первую очередь интересы крестьян, а уже потом – государства. Проверка на «лояльность» проходила обычно в рамках заготовительных кампаний. Те председатели, которые рассуждали, что «как же будем сдавать лен мы государству, когда нам он самим нужен, колхозникам»[62], объявлялись врагами колхозного строя и подлежали вычищению из колхозов.

Власть настойчиво формировала тип руководителя колхоза, лояльного власти, ориентировавшегося в своей работе на выполнение хозяйственно-политических кампаний в деревне любой ценой. Это проявлялось, прежде всего, в регулярных чистках управленческого звена колхозов на протяжении всего рассматриваемого десятилетия. По словам одного из уполномоченных Северного краевого комитета ВКП (б), районные организации «увлеклись» роспусками правлений, «распустить правление для райколхозсоюза – плевое дело, как и создать новое правление»[63]. Ситуация усугублялась еще и тем, что представители районного звена власти, которые находились в непосредственных контактах с колхозными руководителями также демонстрировали в основном авторитарный стиль управления.

В итоге к концу 1930-х гг. требуемый тип колхозного руководителя был сформирован. Это неизбежно вело к подрыву декларируемых демократических принципов управления.

Кампании по чистке колхозов и их руководящей верхушки перемежались с кампаниями по проверке соблюдения устава сельхозартели. Одна из таких кампаний прошла в середине

1930-х гг. в связи с принятием нового примерного устава, она вскрыла многочисленные нарушения устава сельхозартели. Одной из главных проблем было отстранение колхозников от управления делами колхоза. В июле 1935 г. заведующий сельхозотделом Северного краевого комитета ВКП (б) З. Г. Симанович на одном из совещаний вопрошал и сам же отвечал:

« – Кто является хозяином в колхозе?

– Председатель колхоза.

– Кто является хозяином в колхозе?

– Правление в лучшем случае.

– Кто считает себя хозяином в колхозе?

– Райзо.

– Кто считает себя главным хозяином в колхозе?

– Секретарь РК партии, но не колхозник».

И далее Симанович заключал: «Неверно это. Мы будем ломать самым решительным образом такую практику. У нас хватит сил заставить понять всех, что колхозник в колхозе является хозяином и никто другой, а мы будем помогать поднимать урожайность, будем помогать обзаводиться инвентарем, овладевать сложнейшими машинами – это наша обязанность, мы несем за это ответственность. Мы будем помогать, мы будем руководить, но хозяином колхозного добра, колхозной копейки является колхозник и никто больше»[64].

Эту же мысль Симанович проводил и на совещании при Севкрайкоме ВКП (б) в присутствии председателей колхозов, заведующих МТФ, доярок и телятниц в сентябре 1936 г.: «У нас единственный хозяин в колхозе – это колхозники, а не председатели колхозов. Председатель колхоза – это человек, который выбран руководить колхозом, но он должен отчитываться перед колхозниками в своих действиях»[65].

В письме Севкрайкома ВКП (б) «О выполнении сталинского устава сельхозартели колхозами Северного края» подчеркивалось, что «хозяином колхоза является сам колхозник и колхозница – общее собрание колхоза. Никто, ни председатель колхоза, ни какой-либо уполномоченный районных организаций не может самостоятельно, без общего собрания решать важнейшие вопросы жизни и работы колхоза»[66].

В числе наиболее распространенных нарушений устава сельхозартели в Северном крае в письме назывались снятие, перемещение, назначение новых председателей колхозов без решения общего собрания колхозников[67].

Процесс выборов колхозных руководителей был взят под контроль со стороны партийных и советских органов. Определенные результаты на этом направлении были достигнуты. Так, по данным Вологодского обкома ВКП (б) в 1939 г. в области сменилось 2718 председателей колхозов из 5922 (или 45,9 % от общего числа). В основном, инициатива по замене руководителей исходила от самих колхозов, 2364 председателя (87 % случаев) были сняты по решению колхозников. Освобождение председателей колхозов от должности по решению советских и партийных организаций имело место лишь примерно в каждом десятом случае (250 председателей). Три председателя были сняты решением уполномоченных советских и партийных органов по хозяйственно-политическим кампаниям[68]. Однако вопрос о том, проходило ли снятие председателей на общих собраниях в результате какого-либо внешнего давления или без такового, остается открытым. Документы свидетельствует о возможности обоих вариантов.

Так, в сельхозартели «Новодубровка» Петриневского района Вологодской области снятие председателя Цветкова, которому колхозники симпатизировали, проходило в три этапа. Два раза проводили собрания с целью снять Цветкова, но оба раза колхозникам удавалось его отстоять. На третий раз, под давлением со стороны следователя районной прокуратуры Шаргина, инструктора райзо Власова и председателя сельсовета Смирнова вопрос, по словам колхозников, был поставлен так: «…хочешь, ишо просидим трои или четверо сутки, но

все равно снимаем Цветкова с работы, а кто за Цветкова голосует, так вместе с ним пойдет». В итоге Цветкова все-таки сняли[69].

В то же время, как следует из докладной записки инструктора сельхозотдела Вологодского обкома ВКП (б) Ф. Д. Пелевина в Вожегодском районе в колхозе «Искра», за три месяца сменилось 4 председателя, причем об этих перестановках не знали не только в райзо, но даже и в сельсовете[70]. Инструктор сельхозотдела Вологодского обкома ВКП (б) Шелепин сообщал из Череповецкого района, что в трех сельсоветах обновились все председатели колхозов, а в ряде колхозов смена руководства прошла без ведома райисполкома и райкома партии[71].

Безусловно, в ряде случаев именно от колхозников исходила инициатива о смещении председателя. В мае 1940 г. колхозники сельхозартели «Земледелец» Павинского района избрали председателем колхоза кандидата в члены ВКП (б) Медведева, а в сентябре его сняли как не справившегося с работой. По словам колхозников, «мы его избирали, знали, что он партиец и будет работать хорошо, но он стал работать хуже старого председателя, за это мы его и сняли с работы»[72].

Как показывают документы, колхозники и в конце 1930-х гг. отстаивали свое право на участие в управлении делами колхоза. Это особенно ярко проявлялось в ходе отчетно-выборных собраний. Например, в колхозе «Красное знамя» Усть-Кубинского района Вологодской области на общем собрании 22 марта 1939 г. колхозники заявили: «Пока будет у нас председателем М-в, работать не будем»[73].

Возможной была и ситуация, когда председатели колхозов снимались или назначались волевым решением заведующего райзо, партийных или советских органов, что нарушало уставные нормы. Так, председатель колхоза им. Калинина Харовского района Северного края был «избран» по решению президиума райисполкома[74]. Заведующий Красноборским райзо Полушин без ведома и согласия общего собрания колхозников «освобождал» председателей и назначал их на другую работу[75].

Несмотря на то, что во второй половине 1930-х гг. постоянно проводились кампании по проверке соблюдения устава сельхозартели, принимались постановления центральных и местных властей, многочисленные факты администрирования колхозов со стороны районных советских, партийных организаций, сельских советов так и не были изжиты до конца 1930-х гг.[76]

Одной из причин этого являлась сама особенность «колхозной демократии» в СССР. Она понималась как «сочетание государственного руководства колхозами с широчайшим развертыванием инициативы и самодеятельности колхозных масс»[77]. В советских реалиях «государственное руководство» означало, прежде всего, подконтрольность колхозов партийному контролю и управлению. Об этом прямо было сказано в речи И. В. Сталина на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) в январе 1933 г.: «…Партия уже не может теперь ограничиваться отдельными актами вмешательства в процесс сельскохозяйственного развития. Она должна теперь взять в свои руки руководство колхозами, принять на себя ответственность за работу и помочь колхозникам вести свое хозяйство вперед на основе данных науки и техники»[78]. Государственное руководство колхозами объявлялось обязательным условием развития и укрепления колхозного строя.

В то же время, характеризуя стиль и методы управления в колхозах, было бы несправедливо не упомянуть о колхозах, где элементы демократического (сопричастного) стиля управления имели место. Например, председатель архангельского колхоза «Организатор» В. Н. Козьмин так обрисовал процесс утверждения планов сельскохозяйственной кампании: «…комплектуем звенья в начале нового года. После подбора работников бригад и звеньев вопрос этот выносим на обсуждение широкого производственного совещания и решение совещания утверждаем на заседании правления. Потом собираем общее собрание колхозников <…> Называем цифру плана. Объясняем это звеньевому. Звеньевой говорит: "Дам боль-

ше" и называет цифру…»[79]. Характерно, что подбор работников в бригады в колхозе производили с учетом «характеров людей, их сработанности друг с другом»[80]. Видимо, подобная практика давала хорошие результаты: «Организатор» стал колхозом-«миллионером». В то же время таких колхозов на Европейском Севере было немного – один-два на область.

В годы Великой Отечественной войны происходило дальнейшее укрепление советской мобилизационной системы, а значит централизация и концентрация власти, усиление государственного вмешательства и контроля в дела колхозов. Поэтому неудивительно, что постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах» вскрыло весь довоенный набор «грубейших нарушений демократических основ управления делами сельскохозяйственной артели»[81].

Это постановление фактически подводило итог развитию «колхозной демократии» в изучаемый период, свидетельствуя о том, что она существовала исключительно на бумаге. Причины этого, видимо, следует искать не только в установлении командно-административной системы, огосударствлении сельского хозяйства в результате коллективизации, но и в тех традициях управления, которые достались советскому обществу от предшествующих этапов развития, от уровня общей и управленческой культуры. Господство авторитарных стиля и методов управления обусловливалось также чрезвычайной ситуацией сначала «социалистической реконструкции», а затем и нараставшей военной угрозы, диктовавшей сосредоточение ресурсов в руках одного руководителя, жесткий контроль, блокирование мнений и идей, противоречащих мнению руководителя.

Примечания

[1] Саблин В. А. Аграрная революция на Европейском Севере России. 1917–1921. (Социальные и экономические результаты). Вологда, 2002. С. 211.

[2] Петров И. А. Достижения и недочеты в колхозном строительстве АКССР // Карело-Мурманский край. 1930. № 4–5. С. 9; Рехачев М. Состояние и работа колхозов (Архангельская губерния) // Большевист. мысль. 1929. № 3. С. 36; Государственный архив Вологодской области (Далее – ГАВО). Ф. 201. Оп. 1. Д. 1228. Л. 9, 76–77; Государственный архив Архангельской области (Далее – ГААО). Ф. 106. Оп. 1. Д. 20. Л. 78. Д. 23. Л. 10.

[3] Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 323. Д. 405. Л. 135.

[4] Устав товарищества по общественному пользованию молочным скотом // Товарищество по общественному пользованию молочным скотом. Архангельск : ГубЗУ, 1928. С. 7–22.

[5] ГАВО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 1024. Л. 48 об.

[6] Там же. Д. 1228. Л. 140.

[7] Там же. Д. 1024. Л. 49 об.

[8] Там же. Д. 1228. Л. 289 об.

[9] Там же. Л. 140.

[10] Там же. Д. 1024. Л. 54.

[11] Там же. Д. 1222. Л. 22.

[12] Там же. Ф. 395. Оп. 1. Д. 32. Л. 30.

[13] Там же. Ф. 4175. Оп. 1. Д. 119. Л. 104.

[14] Там же. Д. 120. Л. 10 об.

[15] Там же. Д. 119. Л. 104.

[16] Там же. Л. 105 об.

[17] Там же. Л. 107 об.

[18] Там же. Д. 120. Л. 14 об.

[19] Там же. Л. 17.

[20] Там же. Л. 4.

[21] Там же. Л. 18. Видимо, речь идет о жене красноармейца.
[22] Там же. Л. 13 об.
[23] Там же. Д. 119. Л. 62 об. и др.
[24] Отдел документов социально-политической истории Государственного архива Архангельской области (Далее – ОДСПИ ГААО). Ф. 290. Оп. 1. Д. 782. Л. 97.
[25] Там же. Л. 98.
[26] К августу 1931 г. в колхозах Северного края, например, оставалось только 27 % двадцатипятитысячников, приехавших в край в начале 1930 г. ОДСПИ ГААО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 1105. Л. 7.
[27] Примерный устав сельскохозяйственной артели // Спутник колхозника. Архангельск : Северн. краев. изд-во, 1930. С. 73; СЗ СССР. 1935. № 11. С. 82.
[28] По Примерному уставу 1930 г. прием новых членов производился правлением артели, список которых потом утверждался общим собранием.
[29] Организация управления хозяйством сельскохозяйственной артели // Спутник колхозника. С. 94.
[30] СЗ СССР. 1935. № 11. Ст. 82.
[31] Аксененок Г. А., Григорьев В. К., Пятницкий П. П. Колхозное право. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1950. URL : http://www.yurkonsultacia.ru/zakonodatelstvo/kolhoz.html.
[32] ОДСПИ ГААО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 1291. Л. 102 об.
[33] Цит. по: Алымов Сергей. Неслучайное село : советские этнографы и колхозники на пути «от старого к новому» и обратно // Новое лит. обозрение. 2010. № 101. URL : http: www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/1717/1754.
[34] ОДСПИ ГААО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 1099. Л. 25; ГАВО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 1228. Л. 205.
[35] ОДСПИ ГААО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 1294. Л. 89.
[36] Там же. Д. 1342. Л. 52–53.
[37] Там же. Д. 1344. Л. 110 об.
[38] Там же. Оп. 2. Д. 715. Л. 11.
[39] Верещагин А. Северная краевая КК-РКИ на фронте весеннего сева // Большевист. мысль. 1932. № 5–6. С. 36.
[40] ОДСПИ ГААО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 1100. Л. 4 об., 41–43 об. и др.
[41] Там же. Оп. 2. Д. 715. Л. 147.
[42] Вологодский областной архив новейшей политической истории (Далее – В ОАНПИ). Ф. 2522. Оп. 1. Д. 47. Л. 42; ОДСПИ ГААО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 716. Л. 140 и др.
[43] В партколлегии КПК по Севкраю // Большевист. мысль. 1935. № 13–14. С. 47.
[44] Цит. по: Алымов Сергей. Указ. соч.
[45] ОДСПИ ГААО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 971. Л. 30.
[46] Там же. Д. 1294. Л. 84.
[47] Там же. Оп. 2. Д. 715. Л. 11.
[48] Там же. Оп. 1. Д. 1344. Л. 110 об.
[49] ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 241. Л. 13.
[50] ОДСПИ ГААО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 715. Л. 11; Д. 716. Л. 140.
[51] О выполнении сталинского устава сельхозартели колхозами Северного края (Письмо Севкрайкома ВКП (б). Архангельск : Севкрайгиз, 1936. С. 10–11.
[52] ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 242. Л. 49.
[53] О выполнении сталинского устава сельхозартели колхозами Северного края. С. 4.
[54] ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 47. Л. 55.
[55] Там же. Д. 42. Л. 67.
[56] О выполнении сталинского устава сельхозартели колхозами Северного края. С. 14–16.
[57] Рассчитано по: Колхозы в 1937 году (по годовым отчетам). Ч. I. Растениеводство. НКЗ

СССР. Учетно-статистический отдел. М., 1939. С. 4–7.
[58] ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 42. Л. 5.
[59] О выполнении сталинского устава сельхозартели колхозами Северного края. С. 6–9.
[60] Козлов В. А., Хлевнюк О. В. Начинается с человека. Человеческий фактор в социалистическом строительстве : истоки и уроки 30-х годов. М. : Изд-во полит. лит., 1988. С. 145.
[61] ОДСПИ ГААО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 715. Л. 11.
[62] Там же. Оп. 1. Д. 1344. Л. 82.
[63] Там же. Д. 1348. Л. 75.
[64] ГААО. Ф. 106. Оп. 13. Д. 90. Л. 408.
[65] ОДСПИ ГААО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 1150. Л. 97.
[66] О выполнении сталинского устава сельхозартели колхозами Северного края. С. 2.
[67] Там же. С. 3.
[68] ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 130. Л. 57, 61.
[69] Там же. Оп. 1. Д. 47. Л. 8–13.
[70] Там же. Оп. 2. Д. 175. Л. 44.
[71] Там же. Оп. 1. Д. 240. Л. 38.
[72] Там же. Оп. 2. Д. 449. Л. 87.
[73] Там же. Д. 175. Л. 68.
[74] ОДСПИ ГААО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 716. Л. 163.
[75] Никаноров Ф. А. О партийно-массовой работе в колхозах // Большевист. мысль. 1939. № 1. С. 38.
[76] ГААО. Ф. 106. Оп. 5. Д. 212. Л. 97–98.
[77] Аксененок Г. А., Григорьев В. К., Пятницкий П. П. Указ. соч.
[78] Сталин В. И. О работе в деревне. Речь на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) 11 января 1933 г. // Большевист. мысль. 1933. № 1. С. 33.
[79] Козьмин В. Н. Колхоз-миллионер. Архангельск : ОГИЗ, 1939. С. 49.
[80] Там же. С. 48.
[81] Аксененок Г. А., Григорьев В. К., Пятницкий П. П. Указ. соч.

А. Г. Дорожкин

ПАРТИЙНАЯ ЧИСТКА 1933 ГОДА В МАГНИТОГОРСКЕ И РЕШЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ЗАДАЧ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ГОРОДА В ОТРАЖЕНИИ МЕСТНОЙ ПЕЧАТИ

Чистка ВКП (б), проходившая в 1933 г., в самом начале второй пятилетки, в определенной мере была нацелена на мобилизацию массовой активности в плане решения экономических задач, выдвинутых советским руководством. С особой силой это проявилось в промышленных центрах СССР, в т. ч. в городах-новостройках, к числу которых относился и Магнитогорск. Здесь связь партийной чистки с решением производственных задач присутствовала изначально; она отчетливо прослеживается и на материалах городской печати, игравшей вообще громадную роль в деле обеспечения массовой мобилизации. На это обстоятельство с полным основанием указывал председатель городской комиссии по чистке ВКП (б) Г. Г. Ян, особо отметивший роль местной прессы и, прежде всего, «Магнитогорского рабочего», в подготовке и проведении кампании. По его словам, ведущее издание города и металлургического комбината сумело «неплохо разъяснить значение чистки» и поднять «на помощь ячейковым комиссиям низовую печать», в частности, стенгазеты[1]. Соответственно в рамках предлагаемой статьи представляется целесообразным остановиться на увязывании город-

ской прессой, а именно «Магнитогорским рабочим» и двумя многотиражными изданиями (органом внутризаводского транспорта «На рельсах гиганта» и газетой «Горняк», выходившей на одном из важнейших участков металлургического комбината), партийных задач, выдвинутых в ходе чистки, с задачами производственного характера, равно как и на роли печати Магнитки в освещении результативности кампании с точки зрения решения острых проблем экономического характера. При этом, с учетом неполной сохранности комплектов многотиражных изданий за 1933 г., основное внимание обращено на рассмотрение указанных вопросов «Магнитогорским рабочим».

Важно отметить, что в 1933 г. на страницах городских изданий и «Магнитогорского рабочего» в первую очередь превалировали сообщения, в весьма критических тонах освещавшие ситуацию в городе и на Магнитострое. Основное внимание уделялось проблемам строительства и работы градообразующего предприятия, авариям, срывам и упущениям, равно как и вопросам культурного и коммунально-бытового обслуживания горожан, а также их снабжения. При таком положении было неудивительно, что еще на стадии подготовки городской парторганизации к чистке ВКП (б) (май-июль 1933 г.) магнитогорская печать придерживалась линии на увязывание предстоящего мероприятия с решением производственных вопросов. Эта линия настойчиво проводилась печатными СМИ города на протяжении всех последующих месяцев, до декабря включительно, пока продолжалась чистка. На необходимость проведения такой линии особо указал председатель магнитогорской комиссии по чистке партии Г. Г. Ян в своем выступлении на слете рабкоров в июле 1933 г. Он прямо заявил, что рабкоры должны «вскрывать прорывы, недовыполнения производственных планов, болячки производства», выявляя при этом конкретных виновников негативных явлений подобного рода[2].

Рассматривая подготовку к чистке партии по отдельным организациям, «Магнитогорский рабочий» обыкновенно уделял в этом контексте внимание и производственным вопросам. Так, 14 июня 1933 г. газета, позитивно оценивая подготовку к чистке в парторганизации доменного цеха комбината, указывала на успехи не только воспитательной, но и производственной работы – повышение коммунистами своей авангардной роли (под этим обычно подразумевалось участие их в соцсоревновании, фактически обязательное для членов и кандидатов партии и комсомола), успешную работу второй домны, проведение буровзрывных работ, оказание массовой помощи «пусковым объектам», наконец, реализацию в декадный срок «задания по займам». Последнему тоже отводилась существенная роль в деле осуществления массовой мобилизации на выполнение второго пятилетнего плана, и увязывание реализации займа с чисткой ВКП (б) отнюдь не было случайным. Вполне естественным было и то, что при составлении характеристик на членов парторганизаций требовалось учитывать выполнение соответствующими лицами своей «авангардной роли» – за пренебрежение этим ведущая городская газета сурово критиковала, к примеру, парторганизации потребобщества, управления рабочего снабжения завода, службы коммунально-бытового обслуживания и треста «Нарпит»[3]. Более того, уже на этой стадии кампании, т. е. еще до начала чистки, прямо утверждалось, что в партии не место людям, «не борющимся за план» и «болтающим о его нереальности»[4]. Связь предстоящего мероприятия с выполнением плановых заданий проявилась здесь, таким образом, в предельно ясном виде. Точно так же и в деревне проведение чистки парторганизаций предлагалось увязать «с проведением прополочной компании, повышением паров и подготовкой к уборке» урожая – на это напрямую было указано в выступлении упоминавшегося уже председателя комиссии по чистке партии в Магнитогорске Г. Г. Яна[5].

В целях мобилизации производственных усилий магнитогорцев было использовано и подписание договора о соревновании между двумя гигантами социалистической индустрии – Магнитогорском и Сталинском, состоявшееся в июле 1933 г. Прибывшая из Сибири

делегация, как сообщил «Магнитогорский рабочий» специально ознакомилась с работой цехов и общественных организаций, в т. ч. с работой цеховых партгрупп[6]. Тем не менее, постановление бюро горкома партии от 5 июля указывало как на серьезный недостаток, что «приезд делегации из Сталинска не был увязан с подготовкой к чистке партии», как и сам факт соревнования с сибирскими коллегами[7]. Показательно, что Г. Г. Ян 4 июля 1933 г. выступил с речью на данную тему на расширенном собрании комсомольско-молодежного актива Магнитогорска. Оно было проведено как раз в связи с прибытием делегации из Сталинска, и на нем присутствовало 3 тысячи молодых рабочих[8].

На партсобраниях, проведенных в связи с подготовкой к чистке ВКП (б), широко обсуждались проблемы производственного характера и недостатки, и городская печать основательно освещала их. Так, 11 июля 1933 г. «Магнитогорский рабочий» поместил информацию о собраниях партколлективов доменного и коксового цехов комбината, на которых говорилось о серьезных упущениях в работе соответствующих подразделений, в т. ч. о невыполнении планов, слабой постановке техучебы, невнимании к рацпредложениям, вносимым рабочими[9]. Интересно, что обвинений в упущениях как политического, так и производственного характера не избежали и некоторые парторги, считавшиеся лучшими на ММК, например, Галдин, возглавлявший парторганизацию одной из домен. Еще 3 июля 1933 г. он был раскритикован как за поверхностное знание своего коллектива, так и за недостаточные усилия по предупреждению в будущем аварий на производстве. В преддверии чистки предполагалось, очевидно, исправить изъяны, и само мероприятие должно было «подхлестнуть» работу партколлективов в данном направлении. Естественно, повышенные требования в ходе подготовки к кампании (и во время ее проведения) предъявлялись к рабочим и ИТР – коммунистам; газета «Горняк» по этому поводу прямо писала, что «проверка ведущей роли коммунистов в борьбе за социализм – главное для чистки»[10]. Под «ведущей ролью», в первую очередь, понималось выполнение плановых заданий и участие в соцсоревновании – как уже отмечалось, формально добровольное, оно фактически было обязательно для членов ВКП (б) и кандидатов в члены партии.

Критика парторганизаций и отдельных парторгов еще более усилилась с началом чистки. 27 июля 1933 г. «Магнитогорский рабочий» раскритиковал за отсутствие борьбы с «за расхлябанностью и митинговщиной» секретаря партячейки цеха внутризаводского транспорта ММК Березина и его коллегу Вьюка, возглавлявшего партячейку паровозных бригад (за безответственность и нерадивость в выполнении партийно-правительственных указаний об укреплении дисциплины и овладение техникой). О неудовлетворительном положении на внутризаводском транспорте писала и газета «На рельсах гиганта» – подобно «Магнитогорскому рабочему», она требовала еще в период подготовки к чистке партии увязывать эту подготовку с решением производственных вопросов, пропагандировала инициативу отдельных партколлективов «прийти к чистке с перевыполнением плана» и сурово (притом всегда поименно) критиковала руководителей партгрупп (например, вагонного цеха) за невыполнение плановых заданий и плохое качество работы[11]. Подобные обвинения часто встречались на страницах магнитогорских газет; при проведении же чистки отдельных коммунистов, работавших на производстве, им обыкновенно задавались вопросы о выполнении ими плана, участии в соревновании и т. д.[12] «Магнитогорский рабочий», впрочем, воспроизводил ход собраний по чистке отдельных членов партии лишь на самом раннем этапе кампании. Не воспроизводила детально ход таких собраний и многотиражная пресса города.

Обращая основное внимание на недостатки, городская печать вместе с тем не забывала пропагандировать и достижения – накануне и во время чистки партии соответствующая пропаганда тоже должна была «подстегивать» массовую активность, прежде всего, со стороны рабочих ММК. Та же газета «На рельсах гиганта» 22 июня 1933 г. одобрительно отозвалась о коммунистах, занятых на погрузочно-разгрузочных работах – они не только

успешно выполняли план, но и выступили с инициативой его перевыполнения. Приветствуя это решение, газета указывала, что его должны подхватить «все партячейки и партгруппы». 1 августа 1933 г., за день до начала чистки парторганизации Горы (она проходила чистку в числе первых в Магнитогорске), Г. Г. Ян опубликовал статью, носившую, в известной мере, установочный характер. В ней, наряду с недостатками[13] на этом участке комбината (невыполнение плана по снабжению рудой домен Магнитогорска и Сталинска, перерождение части кадров, проникновение в организацию «чуждых элементов», очковтирательство, зажим самокритики, утрата бдительности в отношении старых специалистов, именуемая «объективщиной»), говорилось и об успехах, главным из которых стало достижение буровзрывным цехом мирового рекорда по бурению. Этот успех Г. Г. Ян однозначно увязывал с подготовкой к чистке парторганизации и призывал последнюю активнее пропагандировать достижения коммунистов-передовиков[14]. Пожелания такого рода не остались без ответа – опыт передовиков освещался и накануне, и во время чистки. Еще 20 июля 1933 г. «Магнитогорский рабочий» опубликовал письмо парторга третьей домны Мильченко, в которой тот излагал свое видение перевыполнения плана за первую декаду июля «своей» бригадой. По его словам, этому способствовало развитие в бригаде сменно-встречного планирования – встречные планы выдвигались ежедневно с учетом реальной мощности доменных печей, что и позволило выполнить план на 109 %. Тем не менее, 26 августа «Магнитогорский рабочий» сообщил, что в партгруппе Мильченко остались лишь два человека – остальные на момент чистки пребывали в отпуске или уволились. Таким образом, и этот парторг-передовик не избежал, если не прямой, то косвенной критики за текучесть кадров в своей бригаде. Ситуация на Горе, действительно крайне непростая в целом, вообще находилась под особым контролем партийного руководства города. Еще 20 мая 1933 г. было принято решение бюро горкома ВКП (б) о работе горнорудного управления, к которому горком вернулся 1 августа, уже во время чистки. В этот день на бюро ГК ВКП (б) утвердили постановление о выполнении данного решения, в соответствии с которым парторганизации горнорудного производства было предложено не ослаблять борьбу «за высокое качество руды, развивать борьбу с хищнической эксплуатацией рудника». В распоряжение парткома Горы от горкома для обеспечения выполнения постановления были откомандированы специальные партработники, а ответственному за выполнение решения от 20 мая Меркулову объявили выговор за формальное отношение к своим обязанностям. Предписывалось также мобилизовать коммунистов и беспартийных на предупреждение аварий и «скорейшее устранение безобразий и недочетов на все участках завода и строительства». Все это надлежало «теснейшим образом» увязать с начавшейся чисткой городской парторганизации[15].

Следует сказать, что на протяжении всех месяцев, когда в Магнитогорске особенно интенсивно проходила чистка партии, ведущая городская газета обычно публиковала репортажи, статьи, заметки, очерки о ее ходе по отдельным партколлективам. При этом приводимые материалы чаще всего группировались по производственному признаку. Так, 11 августа 1933 г. основное внимание было уделено чистке партийной организации Горы (2 материала) и Нарпита (4 публикации), на следующий день – исключительно Нарпиту, 16 августа – буровзрывному цеху и т. д. Регулярно помещались объявления о чистках отдельных парторганизаций, а на начальном этапе, о чем уже говорилось, – и о персональных чистках. Текущие вопросы, связанные с кампанией, постоянно рассматривались на бюро горкома ВКП (б); по инициативе последнего проводились и инструктивные совещания, приуроченные к мероприятию. Так, на 14 августа 1933 г. назначено было инструктивное совещание информаторов парткомов и партячеек – информация об этом появилась в «Магнитогорском рабочем» двумя днями ранее. Естественно, при этом не упускалось из виду изначальное увязывание чистки с решением производственных задач – на страницах газеты по-прежнему не было недостатка в напоминаниях об этом, в т. ч. и при подведении итогов чистки по

отдельным организациям. Здесь нужно отметить, что материалы, напечатанные 12 августа 1933 г. об итогах чистки парторганизации первого куста Нарпита, положили начало регулярным публикациям в газете сведений такого же рода по конкретным партколлективам и ячейкам. 16 августа 1933 г. были обнародованы результаты чистки ячейки буровзрывного цеха[16], а 27 августа – экскаваторного цеха. Оба цеха относились к горно-рудному хозяйству ММК, и ситуация на них в канун чистки характеризовалась в одинаковых тонах. Подчеркивалось, что начало проверки персонального состава парторганизаций совпало здесь с принятием решения ЦК ВКП (б) и Совнаркома по Донбассу, в котором говорилось, в частности, о «ликвидации канцелярско-бюрократических методов руководства» в горной индустрии. Отмечались (особенно применительно к буровзрывному цеху) сдвиги к лучшему в работе парторганизации («повышение авангардной роли отдельными коммунистами», перевыполнение (опять-таки отдельными членами и кандидатами в члены партии) трудовых норм), но основное внимание уделялось отрицательным факторам, выявившимся в ходе чистки. В обоих случаях указывалось на недостаточное внимание партруководства к борьбе с браком, за повышение качества работы; отмечались простои на производстве, слабое развитие и зачастую формальный характер соцсоревнования, невыполнение плановых заданий (в буровзрывном цехе, к примеру, они выполнялись в мае 1933 г. на 76,7 %, в июне – на 77,6 %, в июле – на 94,8 %; за первую неделю августа они были выполнены только на 64,4 %[17]). Отмечались также наличие «канцелярско-бюрократических методов» работы и очковтирательства» в практике руководства на Горе, сугубо ведомственные отношения между ее цехами, нарушение принципа единоначалия, распространение семейственности и круговой поруки[18]. По буровзрывному цеху говорилось также о плохой политработе и низкой политграмотности личного состава. То же самое констатировалось и по экскаваторному цеху; кроме того, ячейковая комиссия по чистке указала на отсутствие в его парторганизации самокритики, притупление классовой бдительности, «засоренность ячейки чужаками», отсутствие заботы о культурно-бытовых нуждах рабочих[19].

В конце августа – начале сентября 1933 г. в будущей столице черной металлургии СССР имели место события, обозначенные автором данной статьи как «августовский кризис на Магнитке»[20].

Он был отмечен сменой руководства городской парторганизации, горсовета и ММК. Соответствующие сюжеты, равно как и крайне резкая критика положения в системе рабочего снабжения и потребкооперации, вышли на первый план при освещении «Магнитогорским рабочим» событий в городе – конец августа и большая часть сентября 1933 г. были отмечены обилием в этой газете разоблачительных материалов в отношении смещенных руководителей, а также ситуации в отделе рабочего снабжения металлургического завода и горпотребобщества. В этот период традиционные уже призывы к увязыванию чистки партии с решением производственных задач отошли на второй план, уступив место обличительным публикациям и требованиям усилить большевистскую бдительность и активизировать борьбу с классовыми врагами, двурушниками и саботажниками приказа Г. К. Орджоникидзе о решении в Магнитогорске задач производственного и культурно-бытового характера. Острие критики первоначально было направлено на горсовет – его членам инкриминировали как раз саботаж упомянутого приказа Г. К. Орджоникидзе от 29 июля 1933 г. 18 августа 1933 г. данный орган и его партколлектив были резко раскритикованы «за саботаж приказа наркома тяжелой промышленности об устранении просчетов в культурно-бытовом обслуживании магнитогорцев». Это предопределило участь горсоветчиков. На следующий день после публикации статьи в Магнитогорском рабочем» районная комиссия по чистке партии, поддержав обвинения горсоветского актива в саботаже приказа наркома и непринятии мер по должному обеспечению «коммунальных нужд рабочих», рекомендовала комиссии по чистке ячеек советских, кооперативных и торговых организаций провести чистку партя-

чейки магнитогорского совета вне очереди[21]. Она началась 28 августа. Сообщение об этом, опубликованное в подразделе «Дневник чистки», давало резкую оценку докладу секретаря партячейки Некрасова, оглашенному на первом же собрании по чистке. По словам газеты, доклад «проиллюстрировал обстановку, в которой был создан саботаж приказа наркома», но Некрасов обошел вниманием последние события в горсовете (к тому времени его прежнее руководство было уже смещено либо подверглось мерам дисциплинарного воздействия), сам саботаж приказа и роль в этом возглавляемой им партячейки. Докладчик обвинялся также в зажиме самокритики, в абсурдном заявлении об отсутствии бюрократизма в горсовете[22] и в замалчивании этого в своем выступлении. Указывалось также, что завхоз совета Гридневский, член партии, разоблачен как бывший белогвардеец[23] (в дальнейшем такое же обвинение было предъявлено и члену горсовета Кудрявцеву, тоже члену ВКП (б), что дало основание говорить о засорении партячейки органа городской власти «классовыми врагами»). Чистка парторганизации магнитогорского совета прошла в итоге под аккомпанемент непрерывных обличений его опального актива. В результате из 29 прошедших чистку 7 человек были исключены из ВКП (б), трое переведены в кандидаты и пятеро – в сочувствующие[24].

Преобладание в конце августа-сентябре 1933 г. материалов, связанных с осуждением смещенного партийного и советского руководства Магнитогорска, а также с обличением положения в отделе рабочего снабжения градообразующего предприятия и в его партячейке, привело к тому, что задачи чистки теперь тесно увязывались с борьбой против настоящего и мнимого саботажа приказа наркома и лиц, виновных в этом саботаже. Вследствие этого ход чистки в отдельных организациях освещался несколько слабее. Тем не менее, продолжали регулярно публиковаться сообщения о начале кампании в тех или иных партколлективах и ячейках, об изменениях в персональном составе комиссий, отчасти – о результатах чистки по парторганизациям. Помимо таких итогов по горсовету, были обнародованы результаты проведения данного мероприятия в ячейке коксового цеха[25]. Они были оглашены ячейковой комиссией 2 сентября и опубликованы в сжатом виде через два дня, а в развернутом – 14 сентября 1933 г. Во многом итоги чистки парторганизации коксового цеха излагались «Магнитогорским рабочим» стереотипно, примерно по той же схеме, что и итоги чистки партийных организаций цехов горнорудного хозяйства в предыдущем месяце. Говорилось, что к чистке коксовый цех пришел с невыполнением плана, плохим качеством продукции, значительной себестоимостью, серией аварий. Трафаретно говорилось о притуплении классовой бдительности, очковтирательстве и бюрократизме, засоренности парторганизации чужеродными и карьеристскими элементами. Упоминалось и о распространенности лжеударничества – вместо 708 официально объявленных ударниками таковых в цехе в действительности было 380 человек. В связи с этим руководство, в т. ч. и партийное, критиковалось за утверждение ударников без проверки выполнения плана, без учета участия их в общественной жизни цеха, степени овладения техникой и т. д. Вместе с тем отмечались коммунисты – передовики производства; в этой связи поименно назывались парторги Дзюбенко (десятник по выдаче кокса) и Попов. Первый из них характеризовался как лучший парторг коксового цеха.

Основное внимание, однако, и в данной публикации обращалось на недостатки и просчеты. Отдавая должное передовикам, комиссия указывала в то же время на «двурушников, оппортунистов, героев “двух планов”[26], дезорганизаторов производства». В числе вычищенных назывались бывший троцкист, заместитель директора завода Булатов (это было первое обвинение в принадлежности к троцкизму на страницах «Магнитогорского рабочего» за 1933 г.), экс-начальник углеподготовки Карманов, заклейменный как растратчик, сын тюремного надзирателя времен царизма и бывший белогвардеец, «растратчик, карьерист, сын торговца» Малев. Таким образом, «неправильное» социальное происхождение по-прежнему рассматривалось как повод для предъявления обвинения; тем более считалось утяжеляющим вину обстоятельством белогвардейское прошлое. То и/или другое считалось

несовместимым с пребыванием в рядах ВКП (б) и во всех случаях инкриминировалось «вычищаемым», даже если им не предъявлялось иных обвинений, в т. ч. связанных с их деятельностью на производстве.

В целом по коксовому цеху проверку прошло 118 членов парторганизации, из которых «проверено» было 72, исключено 26, переведено из членов партии в кандидаты 11 и в сочувствующие 5 человек. Кроме того, 4 человека были переведены из кандидатов в сочувствующие. Довольно значительная доля переведенных дала ячейковой комиссии основание сделать вывод о низком в целом политическом уровне парторганизации и о неудовлетворительной постановке партучебы в цехе[27].

Примерно по тому же трафарету, что и в случае с коксовым цехом, описывалось положение накануне и во время проведения чистки и в других парторганизациях в последующие месяцы. С сентября-октября 1933 г. обращалось внимание на подготовку различных предприятий, производств и служб к зиме – здесь также не было недостатка в критике[28], особенно когда речь шла о внутризаводском железнодорожном транспорте. От партийных, комсомольских и профсоюзных органов по-прежнему требовалось развертывать соцсоревнование и ударничество, движение за встречные планы и повышение трудовой дисциплины. Впервые это требование прозвучало в Постановлении объединенного пленума магнитогорского ГК и горКК ВКП (б) совместно с партактивом «О решении Уралобкома ВКП (б) по магнитогорской организации и выполнении приказа Г. К. Орджоникидзе», опубликованном «Магнитогорским рабочим» 1 сентября. В этом же постановлении говорилось о необходимости перенести центр тяжести партмассовой работы «в бригаду, группу, барак для постоянного изучения, проверки, направления работы отдельного человека и организации их действий на разрешение производственных задач». Сама кампания в октябре-декабре 1933 г. проходила уже в несколько более спокойной обстановке; городская печать несколько сбавила тон в плане призывов к разоблачениям и усилению бдительности, и существеннейшее внимание снова уделялось увязыванию чистки городской парторганизации с борьбой за улучшение производственных показателей. К этому добавлялись и ставшие уже почти ритуальными заклинания о необходимости выполнения плана и особенно указаний, содержавшихся в приказе Г. К. Орджоникидзе.

Насколько результативными оказались усилия такого рода и насколько чистка магнитогорской организации ВКП (б) содействовала улучшению ситуации на предприятиях города, прежде всего, на ММК? При всей пропагандистской направленности материалов «Магнитогорского рабочего» публикации этой газеты и, в меньшей мере, «Горняка» и издания «На рельсах гиганта» позволяют дать достаточно определенный ответ на оба вопроса. Разумеется, при публикации выводов об итогах чистки отдельных парторганизаций почти неизменно указывалось, что данное мероприятие способствовало существенным сдвигам к лучшему. Эта точка зрения была выражена и в передовице «Магнитогорского рабочего» за 22 декабря 1933 г. В ней с удовлетворением отмечалось, что в уходящем году в городе впервые имела место массовая разработка встречных техпланов по строительству и эксплуатации, по-новому ставились вопросы о действенном освоении техники, повышении производительности труда, уплотнении рабочего дня в целях более интенсивной работы. Здесь воздавалась хвала эксплуатационным цехам ММК, где было достигнуто почти стопроцентное участие ИТР в разработке встречных планов; вместе с тем отмечалось, что «рабочая активность» в данном отношении еще недостаточно мобилизована. Сообщалось также, что в ближайшие дни разработкой встречных планов займутся в горячих цехах металлургического завода, причем на уровне отдельных бригад. Начало, как говорилось, было уже положено – в связи с этим в положительном контексте упоминался мартеновский цех, пример которого предлагалось взять за образец.

В высшей степени позитивно оценил влияние чистки на производственную жизнь Магнитки и Г. Г. Ян в своем докладе «Об итогах чистки и задачах магнитогорской парторгани-

зации», оглашенном 22 декабря 1933 г. и напечатанном двумя днями позднее. Председатель комиссии по чистке магнитогорской парторганизации с удовлетворением констатировал, что данное мероприятие вызвало «творческий подъем» в виде активизации соцсоревнования и ударничества. Это обнаружилось на таких участках градообразующего предприятия, как «Кокс», доменный цех, внутризаводской транспорт, Гора, строительство прокатного и мартеновского цехов. Повсеместно чистка сопровождалась принятием как коммунистами, так и беспартийными рабочими повышенных обязательств; она способствовала и пропаганде опыта передовиков, а также сыграла важную «воспитательную роль» для рабочих и колхозников – членов «деревенской части» магнитогорской парторганизации. Отметил Г. Г. Ян и значение чистки «во вскрытии серьезных недочетов» в производственной жизни. Здесь докладчик, продолжая линию, обозначившуюся во время «августовского кризиса», особо подчеркнул благотворное воздействие кампании на борьбу с «саботажниками» и июльского приказа Г. К. Орджоникидзе и в целом мероприятий по игнорированию «подготовки к зиме» коммунально-бытовых служб. Попутно Г. Г. Ян превознес чистку за содействие разоблачению «практики двух планов», приписанной во время кризиса экс-директору комбината Н. Г. Мышкову. Смещенному руководителю инкриминировали и «теорию недостатка рабочей силы» в Магнитке – Н. Г. Мышков требовал немедленного завоза в город 1200 рабочих, а между тем, по словам Г. Г. Яна, имевшаяся в городе рабочая сила была загружена только на половину своих возможностей и план по строительству в течение всех месяцев чистки выполнялся ускоренными темпами за счет более интенсивного использования труда уже занятых. Докладчик признал также, что в ходе чистки городская парторганизация избавлялась от лиц, неудовлетворительно зарекомендовавших себя на производстве. Поскольку напрямую их исключение из ВКП (б) не предусматривалось, они обычно изгонялись из партии как «нарушители железной партийной дисциплины». В условиях Магнитогорска к ним были приравнены настоящие и мнимые саботажники упомянутого «приказа наркомтяжпрома», а также рабочие и служащие, виновные в «невыполнении указаний о социалистическом отношении к механизмам» (сюда относились и виновники аварий, и лица, «бежавшие от трудностей» производственной жизни), в нарушении ценовой политики, а также члены и кандидаты ВКП (б), отказывавшиеся участвовать в соцсоревновании и уклоняющиеся от подписки на займы. С их учетом категория нарушителей партдисциплины оказалась второй по количеству «вычищенных» из городской парторганизации – на первом месте стояли «классово чуждые и враждебные элементы»[29].

Вторя Г. Г. Яну, городская пресса подчеркивала оздоровляющее воздействие чистки на хозяйственную жизнь Магнитки. Утверждалось даже, что кампания «вырастила ударников освоения» техники[29] – в связи с этим особо подчеркивалось, что в мартеновском цехе, к примеру, на собраниях по чистке «разоблачались расхлябанность в работе, отставание в овладении техникой», назывались причины частой поломки механизмов, аварий на печах и на разливке, подробно разбирались случаи брака, «отыскивались» виновники плохой работы. Способствовала чистка и рационализации производства – вследствие реализации рацпредложений за последние месяцы было сэкономлено 523,5 тыс. р. Кроме того, повысилась культура производства – уменьшилась аварийность, возросло качество выплавляемой стали[29].

Насколько, однако, утверждения подобного рода соответствовали действительности? Следует сказать, что хвалебные оды работе комбината, зазвучавшие на страницах «Магнитогорского рабочего» в конце года, довольно плохо сочетались с подчас весьма резкой критикой работы городских предприятий и ММК в первую очередь, в течение всего 1933 г. постоянно присутствовавшей на страницах ведущего городского периодического издания. Но и само это издание делало подчас весьма примечательные проговорки, свидетельствовавшие о том, что мобилизационный эффект, обусловленный чисткой, нередко имел лишь временный успех. Так, 30 сентября 1933 г. в «Магнитогорском рабочем» появилось сразу

5 материалов на эту тему. В первом из них в критических тонах характеризовалось положение на Горе после завершения чистки парторганизации. Отмечая первоначальные производственные успехи, связанные с этим мероприятием (в июле 1933 г. рудодробильная фабрика выполнила план на 96,1 %, в августе – уже на 127 %; по добыче горнорудной массы эти показатели составили на руднике 74,4 % и 92 % соответственно), газета констатировала последующий спад. В сентябре 1933 г. плановые задания были выполнены только на 92 % (дробильная фабрика) и на 75 % (рудник). Столь резкий подъем производства в период проведения чистки и столь же резкий его спад после ее окончания мог свидетельствовать только об одном – о расцвете штурмовщины на обоих участках Горы во время проведения кампании. Но на смену крайнему перенапряжению сил в экстремальный период не могло не прийти расслабление – приведенные цифры убедительно свидетельствовали об этом. Газета, однако, объясняла сложившуюся ситуацию исключительно тем, что партруководство Горы во главе с Сарайкиным, пройдя чистку, предалось самоуспокоению, «прониклось настроениями отдыха [что было вполне естественно после перенапряжения двух предыдущих месяцев. – *А. Д.*], не мобилизовало и не проинструктировало основные кадры [парторгов. – *А. Д.*], не организовало выделившийся за период чистки актив» и не использовало имеющихся возможностей. Об их наличии, по мнению газеты, свидетельствовал крупный успех, достигнутый на руднике 27 сентября 1933 г. В этот рекордный для магнитогорского горнорудного хозяйства день было добыто 17,7 тыс. т горнорудной массы, что было беспрецедентно в истории Магнитостроя. В целом, однако, превалировал не трудовой энтузиазм, а настроения отдыха и самоуспокоения – 6 октября ведущая городская газета снова обратилась к положению на Горе и отметила, что после перевыполнения плана в августе, связанного с проведением чистки, сразу же после ее окончания «вследствие самоуспокоенности партийного руководства» (очевидно, и хозяйственного) план перестал выполняться и ситуация не изменилась к лучшему до сих пор. Аналогичную критику положения на Горе по окончании чистки дала и газета «Горняк», призвав одновременно парторганизацию этого важнейшего участка комбината «не ослаблять большевистскую самокритику»[30]. Тем не менее, уже в конце октября эта газета констатировала, что выводы комиссии по чистке не выполняются на Горе должным образом – налицо снижение партийной и трудовой дисциплины, срыв парт- и техучебы, а на рудодробильной фабрике заметно возросла аварийность[31]. Уже в самом конце года «Горняк» раскритиковал парторганизацию рудника и ее руководство за невыполнение плана вследствие плохой организации труда, нарушений трудовой дисциплины, простоев, «аварийности механизмов» и плохого знания техники кадрами. При этом техучеба на руднике была поставлена неудовлетворительно, соцтехэкзамен из 700 занятых сдали лишь 143 человека. Известив читателей, что партсобрание на руднике провело перевыборы бюро ячейки, газета призвала новый состав бюро «взяться за реализацию выводов комиссии по чистке»[32].

Гора, однако, была отнюдь не единственным участком, где имело место такое положение. Не лучше обстояли дела и в депо ММК. В электровозном депо, как констатировал «Магнитогорский рабочий», по окончании чистки вновь расцвели формализм и халатность в работе руководства партячейки, а дисциплина упала[33]. В паровозном депо, писала газета, в канун чистки имели место низкая трудовая дисциплина (чистка выявила 19 коммунистов-прогульщиков), невыполнение плана, зажим критики, формализм и аллилуйщина со стороны партруководства. Чистка, на первый взгляд, несколько улучшила ситуацию – количество работающих паровозов увеличилось. Эффект, однако, оказался кратковременным – по окончании кампании депо снова оказалось в прорыве. Партруководство фактически устранилось от дел, в то время как выполнение плана по перевозкам упало до 73 % , участились случаи повторного ремонта паровозов и затягивания сроков ремонта, отсутствовала борьба с бракоделами[33]. Аналогичным было положение и на службе движения заводского транс-

порта. Выводы комиссии по чистке относительно организации новых участков движения были выполнены с большим опозданием, направленные для укрепления службы члены партии не получили никакой поддержки со стороны руководства, часты были простои, а трудовая дисциплина оставляла желать лучшего. Само депо, вопреки приказу Г. К. Орджоникидзе, не было подготовлено к зиме, партгруппы по окончании чистки свернули борьбу за улучшение количественных и качественных показателей[33]. Ухудшилось по окончании чистки и положение в коксовом цехе ММК. Газета признавала производственные успехи этого подразделения непосредственно во время проведения кампании, но в дальнейшем и здесь наблюдалось снижение производственных показателей[34]. Временными оказались и производственные успехи, достигнутые буровзрывным и экскаваторным цехами в период проведения чистки их партийных организаций – после нее производственные показатели снова упали[35]. Уже в конце года, в выпуске за 26 декабря, «Магнитогорский рабочий» назвал недопустимым положение, при котором парторганизации, достигшие крупных производственных успехов в период проведения кампании, в дальнейшем «сдали позиции и ослабили работу по реализации выводов чистки». В качестве «образцов» такого рода были названы Гора, «Кокс» и прокатный (эксплуатация) цех ММК. Таким образом, приходится констатировать, что увязывание чистки партии с борьбой за улучшение производственных показателей нередко стимулировало штурмовщину со всеми вытекающими отсюда последствиями. Даже на основании материалов, публиковавшихся в печати, можно сделать вывод, что в плане улучшения работы на производстве чистка партии очень часто давала лишь временный эффект, обусловленный преимущественно (если не исключительно) штурмовщиной.

Весьма спорен и пропагандистский тезис о значительном оздоровляющем воздействии кампании на жизнь отдельных парторганизаций и трудовых коллективов в целом, что также должно было повлиять (если не прямо, то косвенно) на улучшение производственной жизни. С одной стороны, из ВКП (б) действительно исключались карьеристские, неустойчивые и разложившиеся элементы, с другой – сам же «Магнитогорский рабочий» не раз признавал попытки использовать чистку в личных целях. Поводом для исключения могло оказаться и «ущербное», с точки зрения большевиков, социальное происхождение – с учетом весьма жестких ограничений для лиц соответствующих категорий, официально существовавших в СССР до середины 1930-х гг., приходится делать ряд оговорок в отношении многих из тех, кого в тот период причисляли к карьеристам. В ряде случаев, особенно в период «августовского кризиса» и непосредственно после него, «вычищаемым» предъявляли и надуманные обвинения, например, в приверженности тактике «двух планов». Необходимо учитывать, что и состав комиссий по проведению чистки мог оставлять желать лучшего, в т. ч. и с точки зрения самой большевистской идеологии – свидетельства подобного рода появлялись на страницах «Магнитогорского рабочего». Так, 28 августа и 1 сентября 1933 г. газета проинформировала читателей, что член бюро горкома ВКП (б) и заведующий агитмассовым отделом этого органа А. Т. Колбин, в качестве председателя ячейковой комиссии по чистке партии выехавший в Магнитный зерносовхоз, «принял участие в коллективной пьянке, организованной руководством совхоза под видом охоты в лесу». Сообщалось, что Колбина решено было снять за это с его должности, «отстранить от дальнейшей работы по чистке партии», вывести из состава горкома, а вопрос о дальнейшем пребывании в ВКП (б) решить особо. 6 сентября 1933 г. он был исключен из партии[36]. 23 сентября 1933 г. объявили об освобождении от обязанностей члена ячейковой комиссии по чистке заводских ячеек вспомогательных цехов (с одновременным исключением из партии) С. А. Бойченко. Ему предъявили уже политические обвинения – документально было доказано, что накануне и во время революции 1905–1907 гг. он сотрудничал с царской полицией и был в числе штрейкбрехеров. Но и положительное воздействие чистки на нездоровую атмосферу, господствовавшую в отдельных парторганизациях, нельзя преувеличивать – материалы магнитогорской печати

свидетельствуют об этом. 30 сентября 1933 г. в перечне публикаций об ухудшении ситуации на ряде участков после проведения кампании газета сообщила и о крайне нездоровой обстановке в думкарном цехе металлургического завода. По словам «Магнитогорского рабочего», начальник этого цеха Перепелкин систематически пьянствовал со своими подчиненными, в т. ч. членами ВКП (б), прошедшими чистку, опаздывал на работу и даже допускал прогулы. Газета указывала на по-прежнему процветающие здесь круговую поруку, семейственность и уравниловку в оплате труда.

Подводя итоги, можно констатировать, что мотив увязывания чистки магнитогорской парторганизации с решением производственных задач красной нитью проходил через городскую печать на протяжении июня – декабря 1933 г. И «Магнитогорский рабочий», и газеты-многотиражки не скупились на призывы использовать очередную политическую кампанию для более интенсивной работы, повышения производительности труда, активного овладения техническими знаниями, укрепления трудовой дисциплины, борьбы с бракоделами и прогульщиками. От членов и кандидатов партии особо требовалось выполнять свою «авангардную роль», участвовать в соцсоревновании, подавать пример в выполнении и перевыполнении промтехплана, равно как и в подписке на займы. Освещая чистку отдельных парторганизаций, городская пресса уделяла существенное внимание данным вопросам; с ними, когда речь шла о производстве, всегда увязывалась критика недостатков в работе организаций. Это «подстегивало» работу трудовых коллективов, но отнюдь не всегда речь шла об энтузиазме трудящихся – зачастую напряженный темп работы во время проведения чистки оборачивался обычной штурмовщиной, что фактически вынуждена была признать и сама магнитогорская печать, в т. ч. ведущее издание города и градообразующего предприятия. Кампания поэтому нередко давала лишь временный эффект; напряженный (подчас сверхнапряженный) труд не мог быть постоянным явлением – ситуация на Горе, в коксовом цехе ММК, на внутризаводском транспорте подтверждает тезис об ограниченности положительного влияния чистки на ход производства. Далеко не всегда удавалось в ходе кампании обеспечить и реальное укрепление партийных рядов, улучшение кадрового состава – это тоже находило свое отражение на страницах печатных изданий. В целом можно констатировать как несомненную гласность в освещении недостатков магнитогорской прессой, так и некоторую двойственность в освещении ею результативности чистки – воздавая хвалу данному мероприятию, в т. ч. за достижение на ряде производств несомненных успехов, периодика в то же время фактически признавала непрочность многих успехов и преходящий их характер. Представляется, что такое положение имело место не только на Магнитке, и ограниченный в целом положительный эффект чистки 1933 г. предопределил в дальнейшем (наряду с другими обстоятельствами) отказ советского руководства от практики проведения подобного рода кампаний[37].

Примечания

[1] Магнитог. рабочий. 1933. 24 дек.
[2] Магнитог. рабочий. 1933. 9 июля.
[3] Магнитог. рабочий. 1933. 16 июня.
[4] Магнитог. рабочий. 1933. 18 июня.
[5] Магнитог. рабочий. 1933. 6 июля.
[6] Магнитог. рабочий. 1933. 5 июля.
[7] Магнитог. рабочий. 1933. 6 июля.
[8] Магнитог. рабочий. 1933. 7 июля.
[9] Резкая критика положения в доменном цехе звучала и несколько позднее, во время проведения в Магнитогорске политдня. См.: Магнитог. рабочий. 1933. 20 июля.
[10] Горняк. 1933. 22 июля.

[11] На рельсах гиганта. 1933. 10, 22 июня, 9 июля.
[12] Магнитог. рабочий. 1933. 24 июля.
[13] Перечень их достаточно трафаретен и в полной мере отражает специфику мышления тогдашних номенклатурных кадров. Обращает на себя внимание явное недоверие к старым, «буржуазным», специалистам, хотя еще двумя годами ранее в знаменитых «шести условиях Сталина» спецеедство официально осуждалось.
[14] Магнитог. рабочий. 1933. 1 авг.
[15] Магнитог. рабочий. 1933. 8 авг.
[16] В буровзрывном цехе чистка проходила со 2 по 9 августа 1933 г., в экскаваторном цехе – несколько позднее. Она началась в середине месяца и продолжалась 10 дней.
[17] Там же. 1933. 16 авг. В столь же резких тонах оценила ситуацию в этом цехе (и его парторганизации) газета «Горняк». Она писала, что партячейка «не сумела мобилизовать борьбу за трудовую дисциплину и выполнение плана», бичевала частые простои и указывала на нерадивое отношение парторгов к своим обязанностям. См.: Горняк. 1933. 16 авг.
[18] Магнитог. рабочий. 1933. 16, 27 авг.
[19] Магнитог. рабочий. 1933. 27 авг.; Горняк. 1933. 22 авг. Культурно-бытовое обслуживание магнитогорцев было предметом пристального внимания и резкой критики на страницах газеты на протяжении всего 1933 г. Руководство коммунально-бытового управления было подвергнуто особо разгромной критике 16 авг. 1933 г. В статье под характерным названием «Вырвать гнойник из аппарата КБУ» в крайне неудовлетворительном обслуживании рабочих обвинялось партийное и профсоюзное руководство организации. В статье прямо говорилось, что в ячейке КБУ существует «гнойник разложения», в центре которого находятся секретарь ячейки Кириенко и его помощники. Они обвинялись в зажиме критики, замалчивании недостатков, бюрократических методах работы и бытовом разложении. В качестве примера последнего говорилось, что субботник по окучиванию картофеля и заготовке сена, состоявшийся 24 июля, Кириенко и бригадиры превратили в «пикник с пьянкой, стрельбой, охотой». Профорг КБУ Рябченков обвинялся в растрате – собрав с рабочих 1020 р., он выехал на эти средства на лечение. Говорилось также, что из 109 членов парторганизации КБУ на производстве заняты только 33, а ударниками являются 22 человека. См.: Каменецкий, Рахмель. Вырвать гнойник из аппарата КБУ // Магнитог. рабочий. 1933. 16 авг.
[20] Дорожкин А. Г. «Августовский кризис» 1933 г. на Магнитке в отражении «Магнитогорского рабочего» // Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации. Магнитогорск, 2010. С. 117–135.
[21] Магнитог. рабочий. 1933. 21 авг.
[22] Это заявление в дальнейшем неоднократно ставилось ему в вину, а он сам явился одним из основных объектов нападок в период «августовского кризиса на Магнитке».
[23] Магнитог. рабочий. 1933. 29 авг.
[24] Магнитог. рабочий. 1933. 8 сент.
[25] Речь шла об эксплуатационниках. На строительстве коксового цеха чистка парторганизации проходила позднее.
[26] О практике «двух планов», приписанной экс-директору ММК Н. Г. Мышкову, см.: Дорожкин А. Г. «Августовский кризис» 1933 г. на Магнитке… С. 118–119.
[27] Магнитог. рабочий. 1933. 14 сент.
[28] См.: Магнитог. рабочий. 1933. 24 сент. (письмо партгруппы каменщиков доменного цеха «Подготовка к зиме – самый насущный вопрос»).
[29] Магнитог. рабочий. 1933. 24 дек.
[30] Горняк. 1933. 30 сент.
[31] Горняк. 1933. 28 окт.
[32] Горняк. 1933. 30 дек.

[33] Магнитог. рабочий. 1933. 30 сент.
[34] Магнитог. рабочий. 1933. 9 окт.
[35] Магнитог. рабочий. 1933. 29 авг., 6 окт.
[36] Магнитог. рабочий. 1933. 8 сент.
[37] «Ревизионистскую» точку зрения на события 1930-х гг. в СССР см.: Жуков Ю. Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М. : Вагриус, 2003.

Ю. В. Евдошенко

ГЕОЛКОМ В СИСТЕМЕ ВСНХ СССР: ЭВОЛЮЦИЯ ГЕОЛОГОРАЗВЕДКИ В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА К ФОРСИРОВАННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

В ноябре 1932 г., в год 50-летия уже не существовавшего российского Геологического комитета, академик И. М. Губкин в докладе на сессии АН СССР сказал: «Промышленность и другие отрасли народного хозяйства требовали <…> изучения месторождений, бурения, проведения горных выработок. Но Геологический Комитет на этот путь никак не желал становиться, он считал этот путь искажением своего служения чистой науке. <…> Геологическая служба – один из элементов великой стройки, а не самодовлеющее учреждение со своими задачами служения геологической науке в мировом масштабе, каким стремился все время сделаться старый царский Геолком»[1].

Слова «красного академика» справедливо передают коллизию, которая определяла последнее десятилетие истории главного геологического учреждения страны: необходимость глубокой научной проработки вопросов и при этом проведение масштабных и форсированных геологоразведочных работ. Однако сарказм и ирония в словах И. М. Губкина, его последующие публичные выступления и возникшая на их основе историография поставили под сомнение роль Геологического комитета в создании ресурсной базы горно-топливной, в том числе и нефтяной, промышленности на социалистическом этапе развития страны[2]. Это существенно исказило как историю геологоразведочных работ в СССР, так и вклад И. М. Губкина в их организацию.

Советский Геолком: от «научного института» к «министерству»

Геологический комитет был создан в январе 1882 г. как научное учреждение, и его основной задачей являлись геологическая съемка и составление геологической карты России. Комитет входил в Горный департамент Министерства государственных имуществ и не имел постоянной связи с промышленными разведками, которые осуществлялись, как правило, на деньги частного капитала. С 21 февраля 1918 г. и до конца существования Геологический комитет входил в систему Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ), хотя выполнял работы и для других наркоматов и учреждений, не входивших в ВСНХ. Включая вспомогательные отделы и обслуживающий персонал, штат комитета в середине 1918 г. составлял 139 человек[3].

Нельзя сказать, что сотрудники комитета приветствовали приход большевиков, но Геолком, так же как и Академия наук, смирился с новой властью, имея в виду дальнейшую работу на благо страны вне зависимости от идеологической окраски правительства. В отчете Геолкома отмечалось: «Весною 1918 г. большинство членов экспедиций, направлявшихся в Азиатскую Россию, готовилось выехать по месту назначения, когда вспыхнуло чехословацкое движение, и вскоре в Приуралье образовался настоящий фронт. Это обстоятельство, однако, только до известной степени воспрепятствовало осуществлению намеченных заданий. Только часть членов Геологического Комитета, командированных на Урал и в Сибирь, отка-

зались от поездки на исследования. Многие же в разное время и разными путями проехали из Петрограда на восток, пренебрегая трудностями и опасностями пути»[4]. Некоторые из геологов по окончанию сезона с риском для жизни повторно пересекли линию фронта, чтоб доставить результаты работ в Петроград, среди них были погибшие или умершие из-за болезней; другая часть предприняла усилия для продолжения исследований, начатых в 1917–1918 гг. на территории, неподконтрольной Советской власт[5]. Именно готовность правительства – большевистского в Москве или колчаковского в Омске – вкладывать деньги в геологию предопределяла готовность ученых к сотрудничеству с властями. О саботаже, охватившем государственные учреждения после Октябрьского переворота, со стороны геологов и «непризнании» Советской власти Геолкомом известно только из «Автобиографических очерков» И. М. Губкина[6]. Вслед за А. И. Галкиным мы должны признать эти слова неправдой[7].

«Первое время после революции, в годы гражданской войны, разрухи и безденежья, – писал позднее директор Геолкома Н. Н. Яковлев, – Комитет, как и все, имел мало средств и вел полевые работы в весьма малом масштабе»[8]. Тем не менее, Геолком продолжал реализацию плана геологической съемки 1912–1922 гг., а поиск и разведку месторождений осуществлял мерами, подсказываемыми обстоятельствами и объемом скудного финансирования. По-прежнему смета Геолкома включала три источника финансирования: 1) государственный бюджет (эти средства и предназначались на геологическую съемку и картирование); 2) средства, поступавшие раньше от Горного департамента, стали поступать из промышленной сметы ВСНХ; 3) средства частных заказчиков в новых условиях компенсировались заказами отдельных предприятий и учреждений. Именно из двух последних источников осуществлялось финансирование промышленных разведок Геологического комитета, а их проведение определялось не желанием или нежеланием комитета, а наличием средств. Так, на 1922/23 оп. г. Геологическому комитету предполагалось выделить по смете 102,3 тыс. р., фактически было получено лишь 17,5 тыс. р., Центральному управлению промышленных разведок ВСНХ выделялось 231,2 тыс. р., а было получено (!) 4,7 тыс. р.[9]

Рубежным для Геолкома стал 1923 г. К этому времени закончился срок предыдущего плана (по объективным причинам он не был выполнен), и в конце 1922 г. было принято новое положение о Геологическом комитете. Ему поручалось не только научное и кадровое обеспечение геологоразведочных работ (ГРР), но также и руководство ими[10]. 13 марта 1923 г. ВСНХ утвердил новый состав дирекции Геолкома. Директором был назначен Н. Н. Яковлев, его заместителем работающий в Москве И. М. Губкин, а помощниками А. П. Герасимов и Н. Н. Тихонович[11]. Последние должны были руководить двумя отделами, на которые теперь делился Геолком: отделом региональной геологии и отделом прикладной геологии соответственно. 15 марта 1923 г. к Геолкому присоединили организованное еще в апреле 1919 г. Центральное управление промышленных разведок (ЦУПР) вместе с его областными управлениями.

С 1923 г., по словам Н. Н. Яковлева, началось усиление прикладного направления в Геолкоме. Создание Отдела прикладной геологии ознаменовало структурную перестройку работы Геолкома. В состав отдела включили подотдел учета полезных ископаемых и секции по видам ископаемых (металлическую, угольную, нерудных ископаемых, нефтяную, гидрогеологическую). В его структуре было создано специальное Бюро разведок, которое вело работы в двух направлениях: 1) разработка методики, аппаратуры и применение геофизических методов и 2) усовершенствование аппарата, ведущего горно-технические разведки, и укомплектование необходимого для этих работ оборудования[12].

Активно работал и Отдел учета. Сотрудники отдела фиксировали не только текущие данные, но и активно работали с архивными фондами, собирая информацию о результатах горных разведок в царское время. Если к 1923 г. были собраны данные по 3379 месторождениям различных ископаемых, то на 1 января 1926 г., использовав данные свыше 100 архивов, в том числе около 25 московских и более 30 уральских, имелись данные на 9765 месторождений[13].

Так начался процесс превращения Геолкома из научного института, которым он фактически являлся, в геологическое министерство, отвечающее за полный цикл ГРР, имеющее соответствующие административные функции и материально-техническую базу.

Свой среди чужих, чужой среди своих

Превращение Геологического комитета в центральный, межотраслевой орган неизменно сталкивало его со смежными управлениями ВСНХ, стремившимися самостоятельно руководить промышленными разведками. Последнее десятилетие Геолкома неизменно сопровождалось борьбой центростремительных (Геолком) и центробежных (отраслевых) тенденций. Пожалуй, именно это обстоятельство предопределило то, что ни одна отрасль народного хозяйства не претерпела столь большого числа реорганизаций, как геология. В истории этих отношений большую и далеко неоднозначную роль сыграл И. М. Губкин.

К сожалению, научной биографии этого крупного чиновника-ученого до сих пор нет, и многие этапы его жизни известны только из его воспоминаний, часто ничем не подтвержденных и продиктованных внутриполитической конъюнктурой.

В марте 1918 г. И. М. Губкин вернулся из США, куда был командирован Временным правительством. 21 мая того же года вице-директор Геолкома А. К. Мейстер подписал удостоверение, в котором указывалось, что «геолог Геологического Комитета И. М. Губкин командирован для постоянного участия в работах ВСНХ и поэтому обязан проживать в г. Москве»[14]. Перебравшись в новую столицу, он вошел в качестве представителя Геолкома в состав Главного нефтяного комитета, где поначалу возглавил геолого-разведочный отдел, а затем вошел в коллегию главка и в Научный совет Научно-технического отдела (НТО) ВСНХ. Одновременно И. М. Губкин встал во главе секции прикладной геологии Московского отделения Геолкома. В последующем в течение нескольких лет список его должностей только расширялся, но прежде, в 1921 г., он вступил в РКП (б). В тех условиях для административного работника это был принципиальный момент. Членство в партии превратило социально-чуждого «буржуазного спеца» в своего «ученого-партийца» и обеспечило стремительную карьеру.

В 1922–1923 гг. И. М. Губкин возглавлял Управление (затем – Отдел) нефтяной промышленности Главтопа ВСНХ[15], в апреле 1922 г. стал председателем созданного им Совета нефтяной промышленности. Через год в одном из писем он перечислил большинство из своих должностей – ректор Московской горной академии, заместитель начальника Главного горного управления ВСНХ, член Госплана и Главконцесскома, председатель Особой комиссии по Курской магнитной аномалии, член Президиума ЦК Всероссийского Союза горнорабочих, директор Правления сланцевой промышленности[16]. Таким образом, за пять лет его административно-политический вес значительно вырос.

Казалось бы, такой взлет сотрудника Геолкома, представляющего его интересы в центральных органах, к тому же – члена партии, должен был способствовать укреплению позиций комитета в ВСНХ. Ведь там под лозунгом «улучшения» ГРР не прекращались попытки переподчинить комитет то горному, то научно-техническому отделу (либо их преемникам в лице соответствующих управлений).

Удивительной, а по сути демагогичной, была логика подобного «рейдерства». «В желании Комитета “оставаться при Президиуме [ВСНХ]”, – писал в ноябре 1918 г. член коллегии Горного отдела Н. М. Федоровский, – горный отдел видит желание стать в стороне от влияния государственных учреждений Республики, потому что Президиум ВСНХ никогда не сможет фактически *входить в мелкие дела* [выделено нами. – *Е. Ю.*] Геологического комитета и Геологический комитет будет учреждением, совершенно ни от кого независящим. <…> стремление к самостоятельности при самодержавном режиме было прогрессивным и отвечающим интересам науки; стремление же отмежеваться от непосредственной связи

с Советской властью является стремлением, идущим в разрез с интересами Пролетарской Республики»[17].

В условиях отсутствия административно-политического ресурса Геологический комитет превращался в предмет постоянной склоки между ведомствами. Представитель Геолкома при ВСНХ, который, как раз, должен был отстаивать позиции своего учреждения, оказывался главным его критиком и проводил собственную политику. Наиболее рьяные защитники прикладной геологии жаловались И. М. Губкину, который, как было отмечено выше, помимо должности в Геолкоме и МГА был заместителем начальника Главного горного управления (ГГУ, с 4 февраля 1924 г. – горного директората Центрального управления государственной промышленности «ЦУГПром») ВСНХ. Он, в свою очередь, писал «наверх». Так, 14 декабря 1923 г. под грифом «секретно» И. М. Губкин сообщал начальнику ГГУ ВСНХ А. П. Чубарову: «1) Создавшееся положение в Геолкоме считаю ненормальным. За последнее время в нем усилилось влияние так называемой Академической группы, стремящейся удержать деятельность Комитета на задачах по преимуществу теоретического характера, далеких от запросов живой жизни, предъявляющей Комитету требования направить свою деятельность на путь разрешения практических задач, выдвигаемых неотложной необходимостью развития производительных сил страны.

2) Академическая группа, к которой по преимуществу относятся старые члены Геолкома, вместе с тем стоит за автономию Комитета и стремится управлять Комитетом на выборном коллегиальном начале. Это начало, являющееся прогрессивным при царизме, в условиях диктатуры пролетариата вряд ли может быть приемлемо для власти рабочих и крестьян, нуждающихся в быстром и ответственном разрешении вопросов, вытекающих из основных задач деятельности Комитета»[18].

Действительно, перестройка работы Геолкома шла нелегко. Часть сотрудников была готова к переменам, часть – осуждала: ведь денег и штатов не хватало на плановую геологическую съемку и камеральную обработку собранного материала, в запасниках комитета скапливалась масса необработанных коллекций, что значительно снижало не только научную, но и прикладную ценность работ. Из-за скудного финансирования собранные материалы и составленные карты не публиковались, что сводило к «нулю» эффективность деятельности комитета. Эта борьба за нормальное обеспечение базисных работ и давала повод некоторым руководителям промышленности обвинять комитет в консерватизме и стремлении к «чистой научности».

Не выдержав подобной демагогии, Н. Н. Яковлев выступил на открытом заседании Геолкома 31 января 1926 г. с докладом «Соотношение теоретической и прикладной геологии». «Возражения против "теоретичности", "академичности" и проч. в геологических исследованиях, – говорил он, – обыкновенно проистекает или из извинительного невежества так называемых "практиков" или являются результатом смеси того же невежества с недобросовестным желанием критиковать во что бы то ни стало, ради посторонних делу, обыкновенно скрываемых целей»[19]. По сути, основная цель подобных критических заявлений – дискредитация Геологического комитета.

Но, самое главное – политика Геологического комитета определялась не столько «демократическим» или «черносотенным» Советом, сколько утверждаемыми Президиумом ВСНХ планами и сметами. Ни о каком «волюнтаризме» в геологоразведке в тот период, ни позднее не могли быть и речи. Сотрудники Наркомата РКИ, обследовавшие Геолком, которых трудно заподозрить в симпатиях к этому учреждению, сделали следующий вывод: «Плановое начало, т. е. свободный выбор работ, планирование в порядке производства и во времени, Комитет имел возможность провести лишь в размере 4,2 %, а в отношении 96 % промышленности Геолком обязан считаться с указаниями и желаниями заказчиков, что совершенно связывает его в организации работ и вынуждает производить не всегда те работы,

которые он считал бы первоочередными, и не всегда в том порядке и тем темпом, который бы соответствовал наилучшей постановке дела»[20].

Успех или не успех развития геологоразведки зависел не от подчиненности Геолкома тому или иному ведомству, а от своевременного и достаточного финансирования, кадрового и материально-технического обеспечения. Так, еще в 1918 г. А. К. Мейстер писал в Президиум ВСНХ, что в деятельности комитета, как в любом ведомстве, встречаются «известные дефекты, но вызываются они причинами, ничего общего не имеющими с вопросом подчинения Комитета тому или иному Отделу. Прежде всего, слишком незначителен наличный состав Комитета для выполнения тех требований, которые к нему предъявляются. Его необходимо усилить и это отчасти достигается проведением в сметном порядке новых штатов Комитета. <…> Устранение этих и тому подобных недостатков есть вопрос средств и уничтожить их можно не путем подчинения Комитета Научно-техническому отделу, а представлением ему возможности свободно развиваться и расширяться»[21].

Парадокс командно-административной системы – в момент расширения работ в 1923–1924 гг. Геолком получил предписание сократить свой штат на 20 %. Но и в этих условиях все-таки удалось отправить 62 разведочные партии, которые за 1924/1925 оп. г. выполнили 16228 м разведочного бурения, 4030 м штолен и шурфов, 60606 м различного рода канав[22].

При этом И.сМ. Губкин, как заместитель директора, знал о проблемах, стоящих перед Геологическим комитетом. За полгода до своего «секретного» письма А. П. Чубарову, 12 июня 1923 г., он сообщал заместителю председателя ВСНХ Г. Л. Пятакову: «Что касается подготовки к летней кампании, то она протекает в крайне ненормальных условиях вследствие продолжающегося хаотичного положения в деле снабжения Российского Геологического Комитета денежными средствами. <…> на отпускаемые фактически средства при том порядке, какой установлен ныне, помесячного распределения ассигнований у Российского Геологического Комитета не имеется никакой фактической возможности осуществить полностью утвержденную программу работ, хотя в конечном исчислении отпущенных средств и могло бы хватить на эти работы»[23]. Там же он писал о том, что все сокращения инженер-геологов (так стали называть квалификацию «геологов-разведчиков»), т. е. именно тех специалистов, которые должны были составить костяк разведочных партий, производились не по злой воле «демократичного» Геолкома, а по предписаниям наркоматов труда и рабоче-крестьянской инспекции. Через полгода все нестыковки ведомственной политики по отношению к Геологическому комитету И. М. Губкин приписал «академической группе» комитета.

НЭП в геологии, или «Торговый дом Г. и Ко»

В 1923 г. руководители ВСНХ и нефтетрестов заговорили о необходимости освоения новых земель на периферии нефтеносных районов, но геологические силы периферийных трестов «Грознефть» и «Эмбанефть» были очень слабы. Позднее Н. Н. Тихонович писал о том времени: «В 1923 г., весной, я получил от Стрижова И. Н., одного из директоров Нефтяного директората, предложение произвести геологическое исследование Гудермесского хребта в Грозненском районе. <…> Места эти были указаны самой Грознефтью»[24]. Такие же предложения получили и другие геологи комитета. Грозненский геолог Н. Т. Линдтроп писал, что «после национализации Грознефть первые геологические изыскания сдала персонально, отдельным геологам Всесоюзного [Геологического] Комитета»[25]. Сам Стрижов, вернувшийся в июне 1923 г. из поездки по Северному Кавказу, писал: «Летом прошлого года в Грозном не производилось никаких геологических исследований в новых районах. Теперь производятся серьезные детальные исследования в трех новых районах: геолог К. П. Калицкий производит исследование в Миатлинском районе; геолог К. А. Прокопов ведет геологические работы в Вознесенском нефтяном районе; геолог Н. Н. Тихонович и его помощник В. Г. Ор-

ловский заняты исследованием Гудермесского района. Работы в этих трех районах повлекут за собой разведочное бурение, могущее дать важные практические результаты»[26].

На следующий год инициативу в организации разведок перенял И. М. Губкин. «В начале 1924 г., – писал Н. Н. Тихонович, – мне сообщили в Нефтяной секции Геолкома, что Косиор [И. В., начальник «Грознефти»] предложил Нефтяной секции взяться за геологические исследования Грозненского района по договору с Грознефтью, вследствие чего план такого обследования был составлен и вручен Косиору. Последний, проезжая через Москву, сговорился с ректором Московской горной академии и заместителем директора Геолкома Губкиным о передаче этих работ Московской горной академии, причем несколько поздней было им [Косиором] выставлено условие обязательного привлечения геологов Комитета – Прокопова, Кудрявцева, меня, Калицкого и Розанова. Из указанных лиц Губкин образовал при МГА Особый комитет по Грозненским разведкам, возглавлявшийся им самим»[27]. Такой же комитет было создан для проведения разведок в Азербайджане.

Эти органы воспринимались многими как излишние посредники между Геолкомом и промышленными трестами, поскольку выполняли те же функции, практически тем же составом сотрудников. «Нельзя, однако, не отметить, что особой организацией при Горной Академии, – писал Н. Н. Тихонович, – несомненно, создавался параллелизм работе Геолкома. Это сознавалось не только мною, но и другими геологами, но поскольку работы организовывались по особому соглашению с трестом, ни Геолком в целом, ни, тем более, отдельные геологи не имели фактической возможности настаивать на передаче работ в Геолком, отказываться же от работы и по интересу ее и по нежеланию упускать из своих рук производство работы, составляющей прямую задачу Геолкома, смысла не имело»[28].

А смысл всей операции – официальное право И. М. Губкина непосредственно руководить разведками и перераспределение средств от «неподконтрольного» ему Геолкома в пользу руководимой им академии. Например, по договору МГА с «Азнефтью» от 22 октября 1925 г., копия которого находится среди бумаг, изъятых при аресте у управляющего геолого-разведочным бюро «Азнефти» М. В. Абрамовича, академия получала 5 % от стоимости разведочных работ («но не более 120 тыс. руб.»)[29]. По оценке Н. Н. Тихоновича, «существование особой организации по разведкам, возможно, несколько удорожало стоимость геологических работ»[30].

Это, естественно, вызывало негативную реакцию как в Геолкоме, так и в геологическом сообществе, поскольку всем была понятна подоплека этой инициативы. Сотрудник Геолкома и Комитета по Грозненским нефтеразведкам Н. М. Леднев сообщал своему товарищу М. В. Абрамовичу: «Что касается "Т/Д [торговый дом] Г. и Ко", то, действительно, предложение относительно Хорасан[31] было, но так как Т/Д опасается, что внедрение в дело Геолкома отразится на доходности предприятия, то они, даже и при отсутствии надлежащего штата, решили через Геолком своих заявлений не проводить. По крайней мере, у меня создалось такое впечатление. А помощник директора [Геолкома] Котульский в частной беседе сообщил, что они (Дирекция) такого учреждения, как Комитет по разведкам, не знают. Вот трест и его предложение – это дело другого сорта»[32]. Налицо была негласная конфронтация между влиятельным заместителем директора и остальной дирекцией Геолкома.

Желая сделать поскорее открытие и доказать, что его руководство разведками оправданно, И. М. Губкин спешил, что превращало вероятные ошибки в неизбежные. И это еще более настраивало сообщество, не только в Геолкоме, но и в трестах, против своего коллеги. Так, арестованные позднее геологи Геолкома и инженеры «Грознефти» независимо друг от друга рассказали историю про «неудачную» скважину, заложенную по настоянию И. М. Губкина вопреки мнениям местных специалистов. «Побороть И. М. Губкина, – писал Н. М. Леднев, – говорившего в Москве, что он при беглой экскурсии открыл 2-ю Соленую балку[33], которую геологи Грознефти проморгали у себя под носом, – было невозможно. В результате – скважина, поставленная на основании принципа: чего моя левая нога хочет»[34].

Ошибки при ГРР неизбежны, но столь активное вмешательство главного геолога-«прикладника» в процесс научного осмысления геологии разведываемого района подрывало его репутацию. Так, геолог Н. Т. Линдтроп писал: «В середине работ, примерно в 1926 г., когда из Грозного ушел И. В. Косиор, отношения руководителей Грознефти к академику И. М. Губкину изменились, и объем работ его организации сократился. Отчасти это произошло в виду неудовлетворенностью работами организации, например – неправильным освещением Истисинского района»[35]. Примерно в это же время И. М. Губкин жаловался своей жене на «охлаждение» отношения к нему со стороны начальника «Азнефти» А. П. Серебровского.

Несмотря на наличие обоих комитетов по разведке, Геолком вел параллельные работы как в Азербайджане, так и на Северном Кавказе. Существование нескольких структур, ведущих ГРР, возможно, было бы оправданным, т. к. порождало конкуренцию. Но в хозяйственно-административной практике того времени это считалось «ненужным параллелизмом», который лишь распылял и без того недостаточные кадры и средства.

Мобилизация геологии

За трехлетие 1925/26 – 1927/28 гг.[36] общий бюджет комитета вырос в два раза, с 4,2 млн р. до 8,4 млн р., причем увеличение шло, в основном, за счет промышленных кредитов: в 1926/27 г. – 3,1 млн р., а по смете 1927/28 г. – 4,7 млн р., с одновременным уменьшением госбюджетных ассигнований: с 3 млн р. в 1925/26 г. до 1,7 млн р. в 1927/28 г.[37] При этом плановые работы по геологической съемке постепенно падали в процентном отношении, составляя в общей массе полевых работ: в 1925/26 г. – 26,9 %, 1926/27 г. – 7,5 %, 1927/28 г. – 3,5 %, при почти неизменном числе съемочных партий – 82–83. Теперь уже чрезмерное увеличение доли прикладных работ вызвало замечание сотрудников НК РКИ, проверявших Геолком в конце 1927 – начале 1928 г. Они спешили напомнить, что «геологическая съемка должна быть основой для всей работы Геолкома, которая базируется на ней, ибо без создания геологической карты невозможно правильное проведение геологоразведочных работ»[38].

Но промышленность СССР вступила в новый этап развития. Форсированная индустриализация требовала и форсированных разведок. Нужно было увеличить полезное время для работ, укрепить региональные отделения полномочиями, техникой и кадрами; при этом, конечно, – сохранить административную вертикаль и научно-методическое руководство ГРР. К этому времени в горных предприятиях более-менее окрепли собственные геологические службы, там возникла потребность в создании своих разведочных подразделений – контор и управлений разведочного бурения. В ВСНХ были созданы новые научные институты, смежные с Геолкомом и требовавшие разграничения сфер деятельности. Реформа геологоразведочной службы объективно назревала, но оставался открытым лишь вопрос о конкретных шагах. Как уже стало традиционным, ее центр переносился в область администрирования и сводился к решению старого вопроса – кому подчинить Геолком, чтобы разведки пошли быстрее?

На роль куратора Геолкома в ВСНХ претендовали: ЦУГПром в лице его директората горной промышленности (как главный заказчик ГРР), НТО (как отдел, позже управление, регулирующий всю научную работу в промышленности) и Горный отдел Планово-экономического управления (ПЭУ, как плановый орган горных отраслей).

В ВСНХ, где 1926 г. прошел под знаком реорганизации всей системы управления промышленностью, был принят курс на усиление командно-административных методов. Он сам превращался из планово-регулирующего и контролирующего органа, каким являлся в период НЭПа, в управляющий. Тресты, которые являлись более-менее самостоятельными игроками административного поля, низводились до роли простых исполнителей.

В январе 1926 г. председатель Президиума ВСНХ Ф. Э. Дзержинский обратился в Геолком с предложением «о согласовании с ним вопроса о предстоящих, за истечением срока полномочий, выборах дирекции Комитета». По результатам согласования была создана спе-

циальная комиссия под руководством начальника Горного отдела ПЭУ В. М. Свердлова. В нее вошли И. М. Губкин (ЦУГПром ВСНХ), А. А. Скочинский (Научно-технический совет Горного отдела ПЭУ), директор Геолкома Н. Н. Яковлев и представитель ЦК Союза горнорабочих. Большинство из членов комиссии высказались против выборности дирекции Геолкома. В марте 1926 г. было пересмотрено общее положение о Геологическом комитете, порядок назначения дирекции изменился. С этого времени директор уже не выбирался, а назначался вместе со своими заместителями-помощниками Президиумом ВСНХ. Научный совет из руководящего органа превратился в совещательный.

20 апреля 1926 г. директором Геолкома был назначен Д. И. Мушкетов, его заместителем – И. М. Губкин, помощниками – А. К. Мейстер (региональная геология), В. К. Котульский (прикладная геология) и Н. Н. Тихонович (учетно-экономическая работа)[39].

18 декабря 1926 г. было принято новое положение о Геологическом комитете. Ему по-прежнему отводилась ведущая роль в организации и проведении ГРР общесоюзного значения. Теперь комитет подчинялся новому Главному горно-топливному и геолого-геодезическому управлению ВСНХ (в обиходе – Главгортоп). К двум основным отделам – региональной и прикладной геологии – добавлялся самостоятельный учетно-экономический, который должен был ведать вопросами обеспеченности промышленности запасами полезных ископаемых, и ряд вспомогательных – монографической обработки и музея, библиотека, общий, финансовый и т. п.[40]

Работы прибавилось, но под влиянием изменений научное учреждение все больше превращалось в канцелярию. В конце 1926 или начале 1927 г. К. А. Прокопов писал М. В. Абрамовичу: «С назначением новой Дирекции атмосфера в Комитете значительно сгустилась. Усилился [слово неразб.], бумажное производство и отсюда придирки до того, что становится тошно, и многие начинают поглядывать на сторону, в том числе и я. <…> В прошлом (или позапрошлом) году я Вас приглашал в Комитет, а ныне сам устремляюсь наружу. Так меняется tempora et aqua distillate»[41].

1927–1928 гг. проходили под знаком усиления влияния Геолкома в промышленности; в кулуарах ВСНХ и ЦК ВКП (б) он хотя и критиковался, но вполне мирно. 5 мая 1927 г. ВСНХ СССР был издан приказ № 881, который запрещал учреждать новые предприятия в области горно-топливной и других смежных отраслях без заключения Геологического комитета об обеспеченности его необходимыми запасами сырья. 27 февраля 1928 г. вышел еще один важный для геологической отрасли приказ о необходимости подачи заявок промышленными учреждениями на необходимые им геологоразведочные работы в Геологический комитет[42]. 16 марта 1928 г. примерно по тому же вопросу «увязки» деятельности комитета и промышленности свое решение принял Совет Труда и Обороны. Отныне ни один промфинплан горного предприятия не мог быть утвержден без визы Геологического комитета. «Все учреждения СССР и государственные предприятия общесоюзного значения, – говорилось в решении, – при представлении на утверждение своих смет и промфинпланов, в случае, если этими сметами и планами предусматривается производство геологических или геолого-разведочных работ, обязаны одновременно представлять документы, удостоверяющие согласованность этих планов с Геологическим Комитетом ВСНХ СССР»[43].

Все эти документы должны были усиливать полномочия Геолкома. В то же время и Главгортоп крепко держал бразды правления. Однако раскручивавшееся с конца 1927 г. «Шахтинское дело», как нам кажется, значительно пошатнуло его административно-политический вес в ВСНХ, и зревший внутри последнего план переподчинения Геолкома НТУ получил новый импульс.

И. М. Губкин по-прежнему занимал в системе ВСНХ особое положение. Он являлся помощником (заместителем) начальника Главгортопа, в то же время членом президиума коллегии НТУ и директором ГИНИ, входившего в систему НТУ. В Геологическом комитете он

по-прежнему был заместителем директора. Так что когда выписка из протокола заседания коллегии НТУ ВСНХ, где разграничивались полномочия ГИНИ и Геолкома, была послана в Московское отделение Геолкома, то она попала к тому же И. М. Губкину. И он, уже как заместитель директора комитета, поставил резолюцию «Принять к сведению»[44]. Такая разносторонность позволяла быть очень гибким.

На волне «Шахтинского дела» в политической верхушке страны зрело четкое разделение учреждений на «свои» и «чужие». Так, на Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) 10 апреля 1928 г. первый секретарь Московского горкома ВКП (б) Н. А. Угланов прямо противопоставил ГИНИ, «где начинаются складываться новые научные кадры», Геолкому, где сидят «зубры»; «миллионы» даются последнему, а ГИНИ довольствуется 300 тыс. р. «Ряд товарищей коммунистов, выдающихся крупных ученых, в том числе тов. Губкин, ректор Горной академии, фактически из коллегии научно-технического управления ВСНХ вышиблены»[45]. Зная по приведенным выше документам отношение И. М. Губкина к Геолкому, можно с большой долей вероятности сказать о том, что подобные противопоставления умело подпитывались им на заседаниях Московского горкома ВКП (б), членом которого он также являлся. Возможность вынесения подобных вопросов на уровень ЦК партии позволяла ему обходить противников в ВСНХ. К тому же он всегда чутко прислушивался ко всем новым веяниям, идущим с политического олимпа, а потому пользовался поддержкой. Так, всего через несколько месяцев в своем циркуляре ЦК ВКП (б) попросит свои республиканские, краевые и областные комитеты «поднять общественное мнение страны и развить кампанию в печати за одних и против других кандидатов» в члены АН СССР. Среди первых был И. М. Губкин, среди «чуждых» – бывший директор Геолкома Н. Н. Яковлев[46].

Когда встал вопрос о переподчинении Геолкома НТУ, директор комитета Д. И. Мушкетов самостоятельно, без помощи своего партийного заместителя, стал отстаивать позиции старейшего геологического учреждения страны. Еще в феврале – марте 1928 г. он начал активную переписку с начальником НТУ В. М. Свердловым, предметом которой являлось согласование точек зрения на положение Геологического комитета. «Надо совершенно определенно выявить позицию дирекции Геологического Комитета, включив последний в состав НТУ», – рекомендовал Свердлов Мушкетову[47].

Директор Геолкома описал начальнику НТУ свое видение проблем геологического ведомства и путей их решения. «Учитывая чрезвычайно большую сложность организации самого Геолкома, как в центре, так и в виде его местных разветвлений, – писал Д. И. Мушкетов 7 марта 1928 г., – необходимость чрезвычайной гибкости его взаимоотношений с различными отраслями промышленности и рядом других государственных органов, я считал бы вхождение Геолкома в НТУ полезным при соблюдении трех основных условий, а именно: 1) отдельное положение Геолкома в виде особого отдела НТУ <…>; 2) самостоятельность бюджета Геологического Комитета в виду того, что он строится весьма своеобразно, как Вам это известно; 3) вхождение директора Геолкома членом Президиума НТУ и вместе с тем, в качестве такового, непременным докладчиком по всем геолого-разведочным вопросам в Президиуме ВСНХ СССР». По его мнению, «такая структура обеспечила бы достаточную автономность и авторитетность Геолкома и тесную увязку его работ с работами НТУ». При этом он, ссылаясь на одно из решений НТУ, в качестве откупа соглашался, что все «вопросы технологии, минерального сырья, вопросы его переработки, использования и т. д., т. е. третья стадия всей работы в целом по выявлению минерального сырья – производится соответствующими институтами НТУ. Равным образом намечается другая, совершенно ясная грань – это разработка всякого рода методологии во всех научных дисциплинах принадлежит институтам НТУ, Геологический же Комитет применяет в своих работах те или иные новые, уже выработанные методы»[48].

Д. И. Мушкетов пытался вынести обсуждение дальнейшей судьбы Геолкома на совместные заседания Президиума ВСНХ и НК РКИ, проводившего проверку его ведомства. Одним

из основных участников обсуждения, но не со стороны Геолкома, а со стороны НТУ был И. М. Губкин. Его активность была настолько высока, что заместитель председателя ВСНХ И. В. Косиор, руководивший комиссией по рассмотрению судьбы Геолкома, был вынужден одернуть его. 3 июля 1928 г. он писал В. М. Свердлову и И. М. Губкину: «Протоколом № 31 заседания Президиума Коллегии НТУ ВСНХ СССР от 8 июня 1928 г. п. 4 НТУ признало необходимым “наиболее целесообразным включение Геолкома в систему научно-исследовательских учреждений НТУ” и поручило т. Губкину поставить этот вопрос в НК РКИ при обсуждении выводов по обследованию Геолкома. Президиум ВСНХ СССР считает подобное решение НТУ неправильным по существу и недопустимым по форме. Вопрос о включении Геолкома в НТУ может быть разрешен не НТУ, а Президиумом ВСНХ, и без заключения Президиума [ВСНХ] НТУ не имеет право выступать в РКИ»[49].

Заключение НК РКИ по поводу состояния дел в Геолкоме было оформлено в первых числах июля 1928 г. В нем констатировалось, что «основной работой Геологического Комитета по-прежнему оставалась полевая (70 % бюджета), а основой полевой работы должна быть геологическая съемка». Как отмечалось в документе, «без этой работы невозможна правильная постановка геолого-разведочной работы». При этом фиксировалось, что в 1927/28 оп. г. испрашивался кредит на 176 геолого-съемочных партий в сумме 874035 р., а было отпущено всего 336150 р. на 82 партии. Предлагалось следующее: «В связи с усилением функций [Геолкома] должна увеличиться его планово-регулирующая роль с постепенным сокращением чисто оперативных функций, подлежащих передаче его местным Отделениям»[50]. Инспекторы РКИ предлагали вывести Геолком из состава Главгортопа и сохранить его межведомственный характер и автономность в ВСНХ, а все горно-буровые работы сосредоточить в отдельном органе, «работающем в первую очередь по заданиям Геолкома и под его руководством, а также обслуживающем и другие организации на началах самоокупаемости». Среди многих предложений можно выделить: укрепление связи с промышленностью, перевод части руководящего аппарата из Ленинграда в Москву, ликвидация отраслевых секций (по видам ископаемых) и введение секций по регионам, увеличение числа стационарных партий и студентов, привлекаемых на практику в Геолком, и ряд других[51].

К 25 октября 1928 г. коллегия НК РКИ в своем постановлении вынесла более жесткую оценку. Отмечалось, что «деятельность Геологического Комитета не увязана с общим промышленным планом и капитальным строительством»; «темп геолого-исследовательских работ, а также работы по составлению геологической карты <…> – неудовлетворительный»; отмечался централизм и «параллелизм» работы Геолкома с другими учреждениями[52]. Предписывалось к 1 января 1929 г. передать в Совнарком новое положение о Геологическом комитете.

1 ноября 1928. г. объединенный орган ЦКК – РКИ обратился в Президиум ВСНХ с предложением некоторых мер, способных ускорить реформы Геологического комитета. Большинство из них было озвучено в предыдущих документах, но были и новые, например: «…пересмотреть существующий состав сотрудников с точки зрения классового состава»[53]. Вероятно, это было связано с готовившимися арестами группы сотрудников Учетно-экономического отдела Геолкома во главе с Н. Н. Тихоновичем, начавшихся 18 ноября 1928 г. Их обвинили в шпионаже и передаче секретных сведений путем их публикаций в официальных изданиях и других преступлениях[54]. Аресты сотрудников комитета проходили до весны 1929 г.

Последний год старого Геолкома, или «каждый да держит вотчину свою…»

3 января 1929 г. состоялось заседание Президиума ВСНХ СССР, на котором рассматривался вопрос «Об основных задачах деятельности Всесоюзного Геологического комитета». Он сохранял свой высокий статус в ВСНХ, но переводился в подчинение НТУ, поскольку, как указывалось, Главгортоп не смог обеспечить должного руководства комитетом. За ним,

как и писал годом ранее Д. И. Мушкетов, сохранялись права самостоятельного сношения со всеми ведомствами и самостоятельный бюджет[55].

Вероятно, в ВСНХ шла некоторая борьба вокруг назначения нового директора. 10 января 1929 г. переведенный с высших политических постов на должность начальника НТУ ВСНХ СССР Л. Б. Каменев писал В. В. Куйбышеву: «Уважаемый Валериан Владимирович, я думаю, что у нас нет другого выхода, как назначить Директором Геологического Комитета И. И. Радченко. Нужно примириться с тем, что он возьмет на себя эти обязанности пока временно, месяцев на шесть. Этого было бы достаточно для того, чтобы провести действительную реорганизацию Геолкома и обеспечить к весне выезд партий. Дальнейшая затяжка абсолютно невозможна.

Думаю, что И. И. Радченко нужно предоставить полную свободу подбора своего “кабинета”. <…> Конечно, мы должны будем оказать И. И. Радченко полное доверие и полную поддержку, особенно на первых порах в реорганизационный период и, в частности, в деле подбора людей»[56].

Есть сведения, что И. И. Радченко по базовому образованию был инженером (торфяная специализация), но главной его заслугой был огромный партийный стаж: он был участником I съезда РСДРП; после революции находился на руководящей работе в ВСНХ, даже был заместителем председателя Президиума, заведовал Торфяным институтом НТУ ВСНХ.

11 марта 1929 г. он озвучил состав новой дирекции Геолкома. У директора появилось два заместителя – И. А. Гончуков (административно-хозяйственный отдел и отделы нефти и угля) и Д. И. Мушкетов (отделы геологической карты, подземных вод, местные и вспомогательные органы) и два помощника – В. П. Новиков (плановый и учетно-экономические отделы) и В. К. Котульский (отделы: технический, рудный, неметаллический, золота и платины)[57]. И. М. Губкин получил должность директора Московского отделения (представительства) Геолкома, на базе которого вскоре предстояло развернуть управленческие структуры всего комитета.

Вхождение Геолкома в состав НТУ ВСНХ обернулось попыткой лишить его основных полномочий – проведения ГРР на нужды промышленности. Еще в декабре 1928 г. Д. И. Мушкетов получил письмо от В. М. Свердлова о необходимости передачи всех работ по Садонскому свинцово-цинковому месторождению Институту прикладной минералогии и цветных металлов НТУ ВСНХ, «который и заключит договор с трестом “Полиметалл”»[58]. В этих условиях новому директору стало понятно, что в новом положении Геолком обречен. Политика НТУ в отношении последнего была им весьма обстоятельно описана в письме председателю коллегии НТУ ВСНХ СССР Л. Б. Каменеву, вероятно также далекому от реального руководства своим учреждением, как и руководивший НТО другой «политический тяжеловес» Л. Д. Троцкий.

«Уважаемый Лев Борисович! – писал Радченко 7 апреля 1929 г. – После совещания Коммунистической части Президиума НТУ у меня осталось такое впечатление, что Вы недостаточно информированы о положении дел в Геолкоме и о той работе, которую мы с В. П. Новиковым проделали за это время <…> после нашего прихода в аппарат Геолкома наступило некоторое успокоение. Наблюдался также некоторый поворот общественного мнения в пользу Геолкома. <…> Единственная часть Геолкома, которая не успокоилась после нашего назначения, повела более усиленную кампанию против новой Дирекции»[59].

В дальнейшем изложении становится понятным, кто вдохновлял ячейку. «Совершенно непонятно для меня поведение тов. Губкина и Федоровского, – продолжал Радченко. – Мне известно, что проект постановления Президиума ВСНХ от 3 января 1929 г. вырабатывался Комиссией под председательством Губкина. Этим постановлением Геолкому присваиваются те права и функции, которые положены в основу проекта нашего Положения. Между тем по той мысли, которую развивал Губкин с Федоровским на Совещании, Геологический

Комитет должен составлять геологическую карту, а геолого-разведочные работы ведут Институты: Институт Минералогии – по всем металлам, Нефтяной Институт – по нефти и т. д. Помимо того, что геолого-разведочная работа присвоена научно-исследовательскому институту, это поведет фактически к созданию десятков геологических комитетов, которые тяжелым бременем лягут на плечи нашей промышленности. <…> Вреднейшая это и убыточная для государства затея.

Я не могу сказать, чтобы указанные обстоятельства в отношении тов. Губкина и Федоровского создавали формальные доводы в защиту наших доказательств о необходимости изъятия Геолкома из НТУ, но Вы должны согласиться с тем, что наличие в Президиума НТУ двух, единственно компетентных в геологических вопросах членов, недоброжелательно относящихся к Геолкому, создает крайне ненормальные условия работы последнего в составе НТУ».

И. И. Радченко видел пути выхода из этой ситуации в следующем. «Теперь я хотел обратить Ваше внимание на некоторые доводы за превращение Геологического Комитета в Главное Управление ВСНХ, – писал он Каменеву. – На Совещании Вы обратили внимание на слабость наших доводов в отношении производственного характера Геолкома. В прошлом году от Геолкома работало около 600 полевых партий. В этом году от Геолкома будет работать около 700. В них занято около 10.000 работников, снабженных массой ценного оборудования, инструментами и снаряжением. Одно это обстоятельство уже свидетельствует о том, что Геолком учреждение не всегда научное, а производственное. Кроме того, работа Геолкома составляет неотъемлемую и довольно реальную часть капитального строительства. Далее, у Геолкома имеется сеть местных Отделений, которые, в соответствии с последними директивами, должны усиленно развиваться, причем развитие пойдет не только за счет научной части, но и создания всякого рода подсобных мастерских, баз для оборудования, курсов для буровых мастеров и т. п. Назвать такое учреждение чисто научным вряд ли возможно. <…> При этих условиях необходимо вопрос о местонахождении Геолкома пересмотреть и поставить его в такие условия, при которых он мог бы действительно выполнять все предъявляемые к нему требования»[60].

Обозначенные в этом письме перспективы превращения Геологического комитета в Главное геолого-разведочное управление (ГГРУ), которое было бы равнозначным любому главку ВСНХ, было поддержано заместителем председателя ВСНХ И. В. Косиором, что и обеспечило его дальнейшее развитие. Как отмечал историк Геолкома И. Л. Клеопов, «к октябрю 1929 г. наметилась следующая структура геологической службы СССР. Во главе службы находилось Главное геологоразведочное управление (ГГРУ) – высшее геологическое учреждение Советского Союза, организующее и регулирующее деятельность всей службы на основе новейших достижений науки и техники. В системе ГГРУ было создано семь научно-исследовательских учреждений: Геологический комитет (новый), институты – цветных металлов, черных металлов, неметаллических полезных ископаемых, подземных вод, угольный и геофизический»[61].

При этом важно подчеркнуть, что в ходе проводимых реформ, хотя и присутствовала критика Геологического комитета (часто несправедливая), но всеми признавались заслуги этого органа в организации и проведении геологоразведочных работ на территории СССР. Как писал Д. В. Наливкин, именно для подчеркивания этой роли И. В. Косиор предложил сохранить за органами, ведущими геологические съемки, прежнее название – «Геологический комитет». «Оно, – писал Наливкин в «Вестнике» Геолкома, – выдвинуто для того, чтобы подчеркнуть, что та громадная коллективная работа по изучению геологии СССР, которая уже в течение полустолетия связывалась с этим названием, с именем Геологического Комитета, дорогим каждому геологу, должна и впредь идти так же, как и ранее, развиваясь соответственно росту геолого-разведочных работ. Название “Геологический Комитет” известно всему земному шару и его сохранение имеет большое значение для международных

связей»[62]. Итак, рабочему, ставшему крупным руководителем горно-топливной промышленности, было ясно, что «Геолком» – это «бренд» российской геологической науки, который нужно непременно сохранить для международного престижа страны победившего социализма, чего не могли понять многие высокообразованные «социалистически настроенные» горные чиновники. По сути, речь шла о восстановлении Геологического комитета в рамках его первоначальных функций.

2 января 1930 г. Совнарком СССР выпустил специальное постановление о создании ГГРУ. А 11 января его возглавил другой профессиональный революционер, бывший штейгер (горный техник) и бывший председатель Горного совета ВСНХ Ф. Ф. Сыромолотов[63].

Казалось бы, что реформа отрасли была завершена. Но нападки на ГГРУ продолжались со стороны образованных при ВСНХ всесоюзных объединений – «Союзуголь» и «Союзнефть». Они закономерно требовали создания (но не переподчинения) собственных геологоразведочных органов. Так, приказом от 8 января 1930 г. при «Союзнефти» было создано управление разведочного бурения «Нефтеразведка», ориентирующееся на нефтяные разведки на землях, не подконтрольных нефтяным трестам[64]. Но вскоре членом Правления и начальником НТУ Союзнефти стал академик И. М. Губкин. Почти одновременно с этим, 6 февраля 1930 г., Совет Труда и Обороны принял решение о передаче бывшей нефтяной секции Геолкома, преобразованной в Нефтяной геолого-разведочный институт (НГРИ), в подчинение Союзнефти[65]. У нас нет указаний на прямую связь между этими событиями, но, помня о долголетней позиции И. М. Губкина по отношению к Геолкому, можно с большой долей вероятности утверждать о его причастности к переподчинению НГРИ.

Оценить подобное решение сложно, так ли эта реорганизация была необходима? Но она, конечно, вызвала ответную реакцию, и не у старых членов Геолкома, а у нового руководства ГГРУ и молодой геологической общественности – коммунистов, комсомольцев, профсоюзных деятелей, захвативших инициативу в бывшем Геолкоме. «Изъятие из системы ГГРУ Нефтяного Института и последовавшие за этим “яростные” атаки хозорганов на Угольный Институт, на Институты Цветных и Черных Металлов, по существу, обрекали ГГРУ на роль генерала без армии»[66], – писал один из возмущенных активистов ГГРУ. «Участившиеся за последнее время “империалистические” наскоки промышленности под старым флагом “греховности” Геолкома дезорганизуют и расшатывают наши еще недостаточно окрепшие силы», – сообщалось в другой статье[67]. 4 марта 1930 г. к председателю СТО А. И. Рыкову отправилась целая делегация и два часа беседовала с ним. Помимо этого она посетила редакции газет «Правда» и «За индустриализацию» и заручилась поддержкой прессы. «Вестник Геологического комитета» писал об этой встрече: «Касаясь постановления СТО об опытной передаче Нефтяного института Союзнефти, т. Рыков подчеркнул, что в данном случае пришлось пойти на сознательный вред общим интересам геолого-разведочного дела, во имя успешного разрешения энергетической проблемы, на ближайший отрезок времени упершейся в нефтепромышленность». Постановление СТО, по заявлению А. И. Рыкова, следовало рассматривать как необходимое исключение, которое ни в коем случае не будет позволено превратить в правило. «Передача Нефтяного Института Союзнефти отнюдь не лишает права и не ставит вопроса о недопустимости работы ГГРУ в области нефти», – ответил А. И. Рыков на заданный ему вопрос[68]. 29 марта того же года приказом по ГГРУ в его составе было создано «Геолого-разведочное бюро нефтяных месторождений»[69]. Целесообразность передачи одной структуры и создания на ее месте другой такой же, по нашему мнению, так же вызывает сомнения.

Название «Геологический комитет» за научным сектором ГГРУ сохранялось недолго. Вероятно, Ф. Ф. Сыромолотов не испытывал пиетета перед традициями и особым приказом от 14 марта 1930 г. «в связи с изменением функций Геологического комитета» переименовал его в Институт геологической карты[70].

Цена этих реформ была неоднозначной. Уже в 1931 г., по результатам годичного опыта, практика разделения единого геологического органа на ряд институтов была признана неправильной и все институты, кроме НГРИ, были объединены в один Центральный научно-исследовательский геолого-разведочный институт (ЦНИГРИ, ныне – ВСЕГЕИ).

Итак, Геологический комитет совсем немного не дотянул до полувекового юбилея. В последнее десятилетие своего существования он сделал серьезную эволюцию, описав циркуляцию от научного учреждения до административного органа, руководящего разведками, прообраз будущего геологического министерства, вернувшись под конец своей истории к прежним функциям научного учреждения. Региональные отделения Геолкома послужили основой для создания территориальных геологических управлений, просуществовавших до распада СССР.

В это десятилетие шло формирование модели государственной геологической службы, адаптированной к нуждам форсированной индустриализации. Этот процесс выражался, с одной стороны, стремлением максимально расширить и ускорить поиски и разведку полезных ископаемых, даже за счет сокращения научных исследований, с другой – этот размах не сопровождался столь же масштабным финансированием и материально-техническим обеспечением. Особенно это относилось к геологической съемке, без которой невозможно было правильно вести геологоразведочные работы. Нехватку средств, кадров и техники стремились компенсировать командно-административными методами, что приводило к перманентному реформированию геологической отрасли.

В условиях складывающейся командно-административной системы положение той или иной отрасли определялось административно-политическим весом ее руководителей. Во многом это также предопределяло бесконечное реформирование отраслей промышленности и геологоразведки, в частности. В этом плане Геологический комитет являлся наименее защищенным органом, поскольку единственный в составе его дирекции влиятельный с политической точки зрения человек – И. М. Губкин – выступал против проводимой комитетом политики комплексного развития геологии. Между тем, он, как сотрудник Геолкома и одновременно высокопоставленный чиновник профильных подразделений ВСНХ, был активным участником, а часто инициатором организационных изменений в геологической отрасли. Предельно упрощая задачи Геологического комитета, он стремился свести его функции к поиску и разведке полезных ископаемых и всячески дискредитировал научную деятельность Геолкома в глазах руководящих органов и общественности. В этот период он являлся выразителем центробежных стремлений и отраслевого принципа строения советской геологии (сторонником центростремительных тенденций в советской геологии И. М. Губкин станет после назначения его начальником созданного на базе ГГРУ объединения «Союзгеоразведка» в 1931 г.).

Зависимость главного геологического органа и всей отрасли от политической конъюнктуры делала ее заложницей административно-политической верхушки государства и межведомственных отношений госучреждений. Что в условиях постоянной ротации политической и хозяйственной элиты приводило к очередному витку реформирования геологии. В профессиональной среде геологов и горных инженеров всегда находились проводники «ведомственного» подхода, сторонники «оптимизации» ГРР и предельного приближения их к решению «насущных народнохозяйственных задач», которые с профессиональной точки зрения обосновывали необходимость подобных реформ. В результате все реформы геологии выражались сакраментальной фразой: «Не так сидим» – и сводилось к перераспределению властных полномочий. Результат – в стране, богатой минеральными ресурсами, нет геологического учреждения, освещенного традицией, а геологоразведочная отрасль фактически отсутствует.

Примечания

[1] Цит. по: Галкин А. И. Академик И. М. Губкин : мифы и действительность (1871–1939). Ухта : Мемориал, 2009. С. 101.

[2] См. например: Мерлин Г. А. Геологическая изученность СССР // Геологическая изученность и минерально-сырьевая база СССР к XVIII съезду ВКП (б) / под общ. ред. акад. И. М. Губкина. М. ; Л. : ГОНТИ, 1939. С. 9–20.

[3] РГАЭ. Ф. 8077. Оп. 2. Д. 2. Л. 206.

[4] Отчет об исследованиях, произведенных Геологическим комитетом в 1918 году в Сибири и на Урале. Томск : Геолог. комитет, 1919. С. I.

[5] Запорожченко А. А. История организации геологической науки и службы в Западной Сибири (в 1917–1932 гг.). Новосибирск : Сиб. отд-е. Наука, 1977. С. 25–26; Комгорт М. В. Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция : история открытия. Тюмень : Вектор Бук, 2008. С. 42–44.

[6] Губкин И. М. Автобиографические очерки. М. : РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина, 2010. С. 33.

[7] Галкин А. И. Указ. соч. С. 99.

[8] РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 7. Д. 285. Л. 2.

[9] РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 5. Д. 591. Л. 315.

[10] Клеопов И. Л. Указ. соч. С. 79.

[11] РГАЭ. Ф. 8077. Оп. 1. Д. 85. Л. 17.

[12] РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 7. Д. 2855. Л. 23.

[13] Там же. Л. 20–21.

[14] РГАЭ. Ф. 8077. Оп. 2. Д. 2. Л. 8.

[15] Этот период жизни И. М. Губкина изучен мало, ничего неизвестно как о причинах его назначения на эту должность, так и о причинах ухода с этого поста.

[16] РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 5. Д. 588. Л. 179.

[17] РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 7. Д. 138. Л. 13.

[18] РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 5. Д. 588. Л. 96.

[19] Яковлев Н. Н. Соотношение теоретической и прикладной геологии // Изв. Геолог. комитета. 1926. Т. 45, № 1. С. 5–6.

[20] РГАЭ. Ф. 8077. Оп. 1. Д. 243. Л. 55.

[21] РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 7. Д. 138. Л. 8а.

[22] Там же. Л. 24 об.

[23] РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 5. Д. 591. Л. 312.

[24] ЦА ФСБ. АСД Р-45122. Т. 177. Л. 18.

[25] ЦА ФСБ. АСД Р-45122. Т. 30. Л. 44.

[26] Стрижов И. Работа Грозненской нефтяной промышленности // Нефтяной бюл. 1923. № 12. С. 7.

[27] ЦА ФСБ. АСД Р-45122. Т. 177. Л. 18.

[28] Там же. Л. 3 об.

[29] ЦА ФСБ. АСД Р-45122. Т. 77. Л. 220/10.

[30] ЦА ФСБ АСД Р-45122. Т. 177. Л. 8–8 об.

[31] Разведочная площадь северо-западнее Балахано-Раманино-Сабунчинского месторождения.

[32] ЦА ФСБ. АСД Р-45122. Т. 77. Л. 262.

[33] Соленая балка – восточная часть Старогрозненского месторождения, открытая в 1915 г. и обеспечившая рост добычи на месторождении в начале 1920-х гг. за счет ввода в разработку «свежих» участков залежи.

[34] ЦА ФСБ. АСД Р-45122. Т. 39. Л. 181; ЦА ФСБ. АСД Р-45122. Т. 45. Л. 506.

[35] ЦА ФСБ. АСД Р-45122. Т. 39. Л. 181.

[36] Операционные годы с октября по конец сентября следующего, которыми в 1922–1930 гг. измерялся хозяйственный год в СССР.
[37] РГАЭ. Ф. 8087. Оп. 1. Д. 243. Л. 43.
[38] Там же. Л. 56.
[39] Клеопов И. Л. Указ. соч. С. 87–88.
[40] Положение о Геологическом комитете // Изв. Геолог. комитета. 1927. Т. 46, № 1. С. 1–2.
[41] Там же. Л. 225/15 об.
[42] Хроника // Вестн. Геолог. комитета. 1928. № 2. С. 40.
[43] Хроника // Там же. № 3. С. 24.
[44] РГАЭ. Ф. 8077. Оп. 2. Д. 147. Л. 20.
[45] Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг. : в 5 т. Т. 1. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) 6–11 апреля 1928 г. М. : МФД, 2000. С. 243–244.
[46] Директива ЦК ВКП (б) ЦК союзных республик, крайкомам и обкомам партии о негласном вмешательстве в кампанию по выборам в АН СССР // Вестн. РАН. 1994. Т. 64, № 11. С. 1034–1036.
[47] РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 7. Д. 2994. Л. 10.
[48] Там же. Л. 11–11 об.
[49] Там же. Л. 52.
[50] Хроника. К обследованию НК РКИ СССР деятельности Геологического Комитета ВСНХ СССР // Вестн. Геолог. комитета. 1928. № 8. С. 40.
[51] РГАЭ. Ф. 8087. Оп. 1. Д. 243. Л. 36–59; РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 7. Д. 2994. Л. 27–50.
[52] Постановление Коллегии НК РКИ СССР (протокол заседания Коллегии № 37 от 25 октября 1928 г.) // Вестн. Геолог. комитета. 1928. № 8. С. 44–46.
[53] Вестн. Геолог. комитета. 1928. № 8. С. 48.
[54] Заблоцкий Е. М. «Дело Геолкома» // Репрессированные геологи. М. ; СПб., 1999. С. 398–403.
[55] Хроника // Вестн. Геолог. комитета. 1928. № 9–10. С. 75–76.
[56] РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 7. Д. 3711. Л. 7–7 об.
[57] Хроника // Вестн. Геолог. комитета. 1929. № 1. С. 16.
[58] РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 7. Д. 2994. Л. 62.
[59] РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 7. Д. 3711. Л. 91–91 об.
[60] Там же. Л. 91–92 об.
[61] Клеопов И. Л. Указ. соч. С. 130.
[62] Наливкин Д. В. Геологический комитет Главного геолого-разведочного управления // Вестн. Геолог. комитета. 1929. № 8–9. С. 4.
[63] Хроника // Вестн. Геолог. комитета. 1930. № 1. С. 61. Есть сведения, что Ф. Ф. Сыромолотов руководил золотым прииском на Урале, где до революции добывалось золото для РСДРП (б) (см.: Хайрятдинов Р. К. Кочкарское золото партии // Урал. следопыт. 2002. № 8). В 1919 г. он вместе с И. М. Губкиным участвовал в инспекционной поездке на нефтяные и сланцевые разведки в Казанскую губернию, но, вероятно, личные отношения между ними не сложились.
[64] РГАЭ. Ф. 7735. Оп. 1. Д. 7. Л. 8 об.
[65] РГАЭ. Ф. 7735. Оп. 1. Д. 8. Л. 2.
[66] Кочетков Д. В борьбе за единство геолого-разведочного дела // Вестн. Геолог. комитета. 1930. № 2–3. С. 9.
[67] Союз горняков за единство и укрепление геолого-разведочного дела // Вестн. Геолог. комитета. 1930. № 2–3. С. 13.
[68] Кочетков Д. Указ. соч. С. 12.
[69] Вестн. Геолог. комитета. 1930. № 5–6. С. 95.
[70] Вестн. Геолог. комитета. 1930. № 5–6. С. 91; см. также: Невский А. А. К расформированию Геологического комитета // Вестн. Геолог. комитета. 1930. № 4. С. 17.

О. Ю. Жарков

ГЕНЕЗИС СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ВЕДОМСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ АТОМНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ СССР

Реализация Атомного проекта СССР по созданию ядерного оружия проходила в условиях экономики мобилизационного типа, которая начала формироваться еще с конца 1920-х гг. В процессе освоения новой наукоемкой ядерной промышленности Правительством активно использовались основные принципы мобилизационной модели экономики, такие как: принцип главного звена, принцип командности, принцип сознательности и достижения цели любой ценой. При этом государство выступало в качестве главного органа управления. На начальном этапе реализации проекта, с принятия распоряжения от 28 сентября 1942 г. «Об организации работ по урану», общее руководство осуществлял Государственный Комитет Обороны (ГКО), в 1945 г. эти функции перешли к Специальному комитету при Совнаркоме (с марта 1946 г. – Совету Министров) СССР[1].

За весь период деятельности ГКО непосредственное отношение к руководству Атомным проектом имело трое его членов: И. В. Сталин, В. М. Молотов и Л. П. Берия. Их подписи стоят под постановлениями и распоряжениями, касающимися вопросов развития проекта. На момент данного исследования таких документов опубликовано и доступно двадцать семь, из них 19 постановлений и 8 распоряжений за период с сентября 1942 г. по сентябрь 1945 г.[2] Издание документов шло по нарастающей, что связано с увеличением масштаба и объема работ, а также проблем, выносимых на рассмотрение ГКО. Наибольшее количество постановлений и распоряжений по вопросам Атомного проекта было издано в 1944 г. и 1945 г., что свидетельствует об эскалации работ по добыче и переработке сырья (1944 г.), а также организационно-управленческих решений, связанных со строительством и оборудованием научных организаций (1945 г.).

Ознакомление с документами позволяет сделать вывод, что в целом ход Атомного проекта был под контролем И. В. Сталина. Им подписано больше всего документов – 14 постановлений и 1 распоряжение. В. М. Молотов подписал 4 постановления и 4 распоряжения, а Л. П. Берия – 1 постановление и 3 распоряжения[2]. Следовательно, высказанная В. М. Молотовым[3], но не подтвержденная до сих пор официальными документами версия о том, что изначально руководство Атомным проектом в ГКО было поручено ему, имеет основания.

В период руководства проблемой В. М. Молотовым механизм руководства и принятия решений по проекту был следующим. Научный руководитель проекта И. В. Курчатов осуществлял общее руководство научно-исследовательскими работами, а также планирование и распределение исследований по отдельным направлениям между привлеченными научно-исследовательскими институтами. По просьбе И. В. Курчатова заместитель председателя Совнаркома СССР, куратор проекта М. Г. Первухин направлял в НКВД запросы о необходимости получения новых разведданных, распоряжения в наркоматы по вопросам снабжения и выполнения заданий для первого атомного НИИ – Лаборатории № 2 при Академии наук СССР. Следует отметить, что по мере продвижения проекта постепенно организовался уникальный управленческий тандем единомышленников и соратников на долгие годы И. В. Курчатов – М. Г. Первухин.

К лету 1944 г. в Атомном проекте обнаружился явный регресс, и подключение к проекту Л. П. Берии стало переломным в проведении всех дальнейших исследований и работ по созданию ядерного оружия в СССР. Л. П. Берия существенно изменил систему управления. Теперь проекты постановлений, до представления на подпись И. В. Сталину, рассматривались на заседаниях Оперативного бюро ГКО в присутствии И. В. Курчатова и других привлеченных руководителей. Постановлением ГКО от 3 декабря 1944 г. на Л. П. Берию офи-

циально возложили обязанность «…наблюдения за развитием работ по урану»[4]. Наркомы и начальники главков Совнаркома СССР обязаны были лично докладывать Л. П. Берии 1–2 раза в месяц о выполнении заданий[4]. Л. П. Берия сам редактировал постановления и представлял их И. В. Сталину.

В 1945 г. США произвели испытание ядерного оружия, а затем бомбардировку японских городов Хиросима и Нагасаки, что значительным образом изменило ведение научно-экспериментальных работ в СССР по созданию собственного ядерного оружия и повлияло на реорганизацию действующей системы управления Атомным проектом. До июня 1953 г. функции руководства проектом выполнял Спецкомитет при СМ СССР.

Одной из основных управленческих функций Спецкомитета являлось руководство деятельностью Первого главного управления при Совнаркоме СССР (ПГУ), созданного одновременно с комитетом 20 августа 1945 г. для непосредственного руководства привлеченными научно-исследовательскими и проектными институтами, конструкторскими организациями и промышленными предприятиями по производству атомных бомб[5].

Специальный комитет действовал в течение неполных 8 лет (1945–1953 гг.) и был распущен после ареста Л. П. Берии, решением Президиума ЦК КПСС от 26 июня 1953 г.[6] Таким образом, прекратил существование важнейший руководящий орган начального периода становления атомной промышленности СССР.

Некоторым особняком выглядит период управления Атомным проектом «тройкой» в составе: Л. П. Берия (председатель), Н. А. Булганин и Г. М. Маленков. Тройка была организована постановлением Бюро Президиума ЦК КПСС от 26 января 1953 г. с целью «руководства работой специальных органов по особым делам»[7]. Так, параллельно Спецкомитету при СМ СССР Центральным комитетом партии была предпринята попытка установить жесткий контроль над актуальными направлениями военной промышленности – атомной, ракетостроением и созданием радиолокационных систем. Тройка проработала всего три недели, со 2 по 23 февраля 1953 г., заседала четыре раза, однако это способствовало усилению позиций ЦК КПСС относительно СМ СССР по руководству атомной проблемой. Вероятно, это обстоятельство послужило поводом для создания 16 марта 1953 г. нового Спецкомитета, объединившего в себе функции прежнего Спецкомитета по атомной промышленности и Тройки ЦК КПСС по руководству всеми специальными работами ПГУ и Третьего главного управления (ТГУ) при СМ СССР. То есть уже в марте 1953 г. назрели предпосылки создания Министерства среднего машиностроения (Минсредмаш) СССР.

До сих пор документы ЦК КПСС, отражающие систему управления оборонными отраслями, в том числе атомным министерством, полностью не рассекречены, следовательно, пока не доступны для исторической науки. Однако из открытых источников известно, что еще 18 октября 1952 г. при Президиуме ЦК КПСС была создана постоянная Комиссия по вопросам обороны (председатель Н. А. Булганин), в ведении которой находились «военные вопросы промышленности». Комиссия рассматривала мобилизационные планы и планы развития оборонной промышленности и была ликвидирована решением совместного заседания пленума ЦК КПСС, СМ СССР и Президиума Верховного Совета СССР в день смерти И.В.Сталина 5 марта 1953 г.[8] Есть все основания считать, что эта комиссия явилась предшественницей созданного впоследствии Отдела оборонной промышленности ЦК КПСС (1954–1988), реорганизованного позднее в Оборонный отдел ЦК КПСС (1988–1991)[9]. Эти отделы ЦК КПСС, вероятно, были правомочны в качестве высшей инстанции решать организационные, производственные и кадровые вопросы Минсредмаша СССР.

Вместе с тем, Оборонный отдел ЦК КПСС был не в состоянии осуществлять контроль в области производства военной техники на всей территории СССР. Для этой цели постановлением Президиума ЦК КПСС от 3 января 1958 г. было принято решение о создании отделов оборонной промышленности в ЦК КП Украины и отдельных обкомах и крайкомах страны. На

отделы возлагались обязанности по оказанию помощи партийным организациям оборонных предприятий в улучшении партийно-политической работы среди рабочих, ИТР и служащих. Кроме того, данным постановлением оборонные отделы обкомов и крайкомов обязывались осуществлять контроль за выполнением государственных планов производства и кооперированных поставок военной техники, а также «…за высоким качеством ее изготовления, <…> за быстрейшим созданием и внедрением в серийное производство новейших образцов военной и специальной техники»[10]. Этот факт опровергает часто встречающееся в историографии мнение о том, что партийные структуры вообще не допускались к решению производственных задач оборонно-промышленного комплекса. Следует все же отметить, что в атомной и ракетной промышленности партийные структуры функциями контроля процесса производства продукции не обладали. Например, в составе Челябинского обкома ВКП (б) действовал отдел оборонной промышленности и особый сектор (суженый состав бюро обкома), в функции которых входило осуществление лишь контроля работы политотдела плутониевого комбината № 817 и оказание практической помощи его руководству в решении социальных и кадровых вопросов[11].

Вопреки заявлениям некоторых исследователей-публицистов, что «после смерти Сталина и ареста Берии руководству страны, занятому переделом власти, на некоторое время стало не до оборонной техники»[12], по нашему мнению, 1953–1957 гг., период т. н. «коллективного руководства государством», наоборот, следует рассматривать как период, насыщенный действиями руководителей партии и Правительства по реорганизации системы управления оборонно-промышленным комплексом.

В 1953–1956 гг. координацию деятельности оборонных отраслей промышленности осуществляли заместители председателя Совмина СССР – Н. А. Булганин, В. А. Малышев, М. З. Сабуров, М. В. Хруничев, а общее наблюдение и решение глобальных вопросов возложили на Бюро Совмина СССР[13]. Это было время поиска новых форм управления экономикой страны, в том числе оборонными отраслями промышленности, что в значительной степени обусловило стремление Правительства масштабно финансировать предприятия атомной промышленности, создавшие и испытавшие водородную бомбу 12 августа 1953 г., и зарождающиеся ядерно-ракетные проекты.

В декабре 1956 г. функции руководства оборонными отраслями были переданы Госэкономкомиссии, которая готовила предложения Правительству по вопросам военной техники и имела право издания распоряжений и постановлений в области оборонной промышленности. В декабре 1957 г. Госэкономкомиссия была ликвидирована[13].

С целью создания наиболее устойчивой организационной формы в декабре 1957 г. для координации стремительно развивающейся многоплановой деятельности Госкомитетов оборонных отраслей промышленности была создана Комиссия Президиума Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам (ВПК) во главе с бывшим министром оборонной промышленности Д. Ф. Устиновым, назначенным заместителем председателя СМ СССР[14]. Был создан орган управления, который по авторитету и работоспособности можно уверенно поставить в один ряд со Спецкомитетом Л. П. Берии.

Как и на Спецкомитет, на ВПК были возложены функции руководства и контроля работами по созданию и быстрейшему внедрению в производство атомной и ракетной техники, не зависимо от ведомственной принадлежности исполнителей. Комиссия имела право принимать решения и контролировать деятельность девяти промышленных министерств: атомного, авиационного, ракетно-космического, судостроительного, радиотехнического, электронного, оборонного, средств связи и машиностроения (боеприпасы)[15].

Военно-промышленная комиссия осуществляла руководство оборонно-промышленным комплексом СССР, в том числе Минсредмашем, а затем Министерством атомной энергетики и промышленности СССР, на протяжении тридцати четырех лет, с декабря 1957 г. по ноябрь 1991 г., и была ликвидирована после распада СССР.

Все вышеназванные структуры: Государственный Комитет Обороны, Спецкомитет при СМ СССР, Оборонный отдел ЦК КПСС, Госэкономкомиссия и Военно-промышленная комиссия при СМ СССР – являлись высшими государственными органами управления атомной промышленностью в разные периоды ее развития.

Однако создать атомную отрасль в августе 1945 г. ГКО и его Спецкомитету было невозможно без образования особого наркомата, способного в кратчайший срок начать практическую работу по производству атомной бомбы. С этой целью постановлением ГКО от 20 августа 1945 г. был образован межведомственный правительственный орган – Первое главное управление при Совете Народных Комиссаров СССР. Начальником главка утвердили генерал-полковника инженерно-артиллерийской службы Бориса Львовича Ванникова с освобождением его от обязанностей Наркома боеприпасов СССР[16].

ПГУ при СМ СССР осуществляло свою деятельность с августа 1945 г. по июнь 1953 г., заложило основы централизованного планового управления атомными предприятиями, отработало технологии производства ядерного оружия, подготовки квалифицированных кадров для промышленности, создания и развития инфраструктуры закрытых атомных городов, что в последующем было использовано и продолжено Министерством среднего машиностроения (Минсредмаш, МСМ) СССР.

Создание Минсредмаша СССР являлось политической акцией, не продиктованной административной или промышленной необходимостью, а ставшей результатом нового витка борьбы за власть, развернувшейся между членами Президиума ЦК КПСС еще до ареста Л. П. Берии. Об этом свидетельствуют дата протокола заседания Президиума ЦК КПСС и дата издания Указа Президиума Верховного Совета СССР об образовании Минсредмаша, совпадающие с датой ареста Л. П. Берии, – 26 июня 1953 г.

В структуре Минсредмаша объединились три важнейшие отрасли оборонной промышленности – атомная, ракетная и радиолокационная, однако при этом ликвидировались Спецкомитет и ПГУ. Все их функции перешли к новому министерству вместе с административным аппаратом и предприятиями. По нашему мнению, все, что касалось деятельности Л. П. Берии в Атомном проекте, члены Президиума ЦК КПСС решили объединить под началом нового руководителя. Им утвердили бывшего министра транспортного и тяжелого машиностроения СССР В. А. Малышева[17], известного своей лояльностью политическому курсу Г. М. Маленкова, назначенного после смерти И. В. Сталина председателем СМ СССР.

В попытке установить контроль над Минсредмашем и его предприятиями ЦК КПСС 19 августа 1953 г. постановлением СМ СССР создает в составе министерства Политическое управление, а на предприятиях – политотделы на правах райкомов партии с непосредственным подчинением Политуправлению министерства. Помимо руководства партийными, комсомольскими и профсоюзными организациями на местах, воспитания кадров в духе политической сознательности, повышения политической и трудовой активности работников, политотделам вменялось в обязанность осуществлять контроль хозяйственной деятельности администрации предприятий, «…своевременно и правдиво докладывать ЦК КПСС и министру о политической работе и положении дел <…> о злоупотреблениях и недостатках, могущих нанести ущерб интересам государства»[18]. Так, свершилось то, чего не удавалось партийной элите за годы правления И. В. Сталина и Л. П. Берии, – партия получила хоть и ограниченную, но долю власти в системе атомной промышленности.

В тот период в Правительстве рассматривалась идея создания «сверх-министерства», способного объединить все направления работ по конструированию и изготовлению ракетно-ядерного оружия. Однако центральный аппарат в 3033 штатные единицы[19] и выделяемые ежегодно министерству огромные бюджетные средства, к примеру, на 1954 г. – в сумме 2252,9 млн р.[20], не помогли осуществить эту утопическую идею. Объединение в одном министерстве «атомного» ПГУ и «ракетного» ТГУ отрицательно сказалось на развитии атом-

ных предприятий, научно-исследовательских институтов и на дальнейшем производстве ядерного оружия, т. к. значительная часть средств стала направляться на ракетостроение.

Система управления Минсредмашем, по сравнению с ПГУ, существенно изменилась. В отсутствии Спецкомитета руководство министерства отчитывалось за свою деятельность только перед Президиумом ЦК КПСС и Президиумом Совета Министров СССР. Из ставших недавно доступными архивных документов известно, что министр В. А. Малышев направлял письма, докладные записки, проекты постановлений и распоряжений СМ СССР с пометкой «в Президиум ЦК КПСС, товарищу Маленкову Г. М.» или «Товарищу Хрущеву Н. С.», что свидетельствует о подотчетности МСМ только высшим партийным и государственным структурам и персоналиям[21].

В первоначальном составе центрального аппарата министерства насчитывалось 8 Главных управлений (главков), 15 управлений, 8 отделов, 1 группа и 2 НТС[22]. Многие бывшие управления ПГУ получили статус Главков, а отделы – управлений. Минсредмаш становится крупнейшим министерством в системе отечественной экономики. По мнению историка И. В. Быстровой, «…эта невиданная по масштабам и полномочиям секретная “империя” внутри страны стала одним из главных оплотов советского ВПК»[23].

В 1957 г. оборонные министерства, по решению правительства Н. С. Хрущева, направленному на децентрализацию управления советской экономикой через систему совнархозов, преобразовывались в Государственные Комитеты. В их ведении решено было оставить только основные НИИ и ОКБ, а функции управления производством, в первую очередь серийным, передать в совнархозы. Эти нововведения поставили под угрозу уже отлаженную систему координации работы министерств оборонной промышленности. С марта 1963 г. по март 1965 г. Минсредмаш не был реорганизован, но сменил наименование на Государственный производственный комитет по среднему машиностроению СССР (ГПК). Ни одно головное производственное предприятие ГПК, равно как и особо важные предприятия по созданию ракетного оружия, в систему совнархозов передано не было[24], что, вероятно, спасло отрасль от краха.

С 1953 по 1957 г. происходили частые смены руководителей в МСМ. Последовательно меняли друг друга министры В. А. Малышев, А. П. Завенягин, М. Г. Первухин, принимавшие активное участие в реализации Атомного проекта на разных его этапах. В июле 1957 г. почти на тридцать лет отрасль возглавил Е. П. Славский, получивший к тому времени значительный опыт руководства первым атомным предприятием – комбинатом № 817 и вторым Главным управлением ПГУ.

В период наращивания производственных мощностей наработки плутония и урана-235 центральный аппарат Министерства нуждался в инженерно-технических кадрах, успевших получить первый промышленный опыт. Со второй половины 1950-х гг. в аппарат главков МСМ начинают переводить руководителей и специалистов, зарекомендовавших себя на производстве. Так, в Главное управление химического оборудования (ГУХО), непосредственно осуществлявшее руководство атомными комбинатами, переводились опытные производственники с комбината № 817: специалист по ядерным реакторам Л. А. Алехин, радиохимик Н. С. Чугреев, начальник цеха химико-металлургического завода Я. А. Филипцев и другие[25].

В этот же период, в преддверии XX съезда КПСС, нарастала борьба с бюрократизмом, излишествами и дублированием в работе центральных аппаратов министерств и ведомств. В 1955 г. в целях дальнейшего улучшения организационной структуры и сокращения численности управленческого персонала Совет Министров СССР утвердил новую структуру центрального аппарата Минсредмаша. Следует отметить, что эта структура оказалась рациональной и почти не подвергалась глобальной реорганизации до конца руководства министерством Е. П. Славским.

С 1957 г. руководство МСМ разворачивает активную деятельность по сокращению административно-управленческого аппарата в подведомственных предприятиях, учреждениях

и организациях. В основном эти мероприятия были связаны с поиском путей сокращения управленческих расходов. Они, как правило, не были продиктованы внутриведомственными проблемами, а проводились во исполнение постановлений ЦК КПСС, СМ СССР и распоряжений Госэкономкомиссии СССР. За весь период своей деятельности, с июня 1953 по июнь 1989 г., Минсредмаш издал около 10 приказов о сокращении численности административно-управленческого персонала своих предприятий и организаций.

К началу 1970-х гг. в составе МСМ работало три комбината по производству плутония: химкомбинат «Маяк» (Челябинск-40, Челябинск-65, ныне Озерск Челябинской обл.), Сибирский химический комбинат (Томск-7, ныне Северск) и Горно-химический комбинат (Красноярск-26, ныне Железногорск)[26]. В этот период нарастало «соревнование» между СССР и США за количественные показатели имеющегося атомного оружия, достигшее своего апогея в конце 1970-х – начале 1980-х гг.[27] Соответственно плутониевые предприятия как основные поставщики компонентов ядерных зарядов находились в центре внимания десятков главков, управлений и отделов министерства. Производство плутония постоянно модернизировалось, что требовало разработки целевых программ проведения НИР и ОКР крупнейшими отраслевыми НИИ и КБ.

В июне 1968 г. постановлением СМ СССР утверждается новое Положение о Министерстве среднего машиностроения СССР, обозначившее его особый статус в обеспечении обороны и экономике страны в целом[28]. Именно тогда Минсредмаш становится «государством в государстве», обладавшим гигантским кадровым, научным, производственным и строительным потенциалом. Было построено 10 закрытых и десятки открытых городов на территории бывшего СССР с высокоразвитой инфраструктурой и социальной обеспеченностью населения[29]. Дисциплина и культура труда атомщиков намного опережала подобные показатели в других отраслях промышленности.

В 1970-е гг. на химическом комбинате «Маяк» функционировал уже целый промышленный комплекс по наработке оружейного плутония, состоящий из четырех уран-графитовых реакторов, радиохимического, химико-металлургического заводов и сети обслуживающих подразделений. Основные управленческие функции комбината осуществляли руководители, которые входили в номенклатуру должностей, утверждаемую министром. Отдельную номенклатуру должностей утверждал начальник ГУХО.

Проблема подбора, назначения и увольнения руководящих кадров атомных предприятий еще со времен ПГУ решалась посредством специальной номенклатуры. Номенклатура – это, вопреки общепринятому мнению, не только перечень руководящих должностей, назначение на которые производилось приказным порядком руководством ПГУ, а затем Минсредмаша. Номенклатура, по нашему мнению, это, во-первых: целостная система управления центрального аппарата Министерства руководящими кадрами подведомственных предприятий, организаций и учреждений, позволяющая создавать рациональные управленческие структуры производством, обеспечивать эти структуры опытными, квалифицированными и проверенными кадрами. Во-вторых: это эффективная система контроля со стороны Министерства за порядком отбора, назначения и увольнения руководящих кадров, в первую очередь промышленных предприятий, учитывая особое государственное значение атомной отрасли. В-третьих: это система воспитания и подготовки кадрового резерва на замещение руководящих должностей не только на предприятиях, в организациях и учреждениях, но и в центральном аппарате Минсредмаша. Эффективность этого подхода впоследствии подтвердила многолетняя практика.

Первая номенклатура начальника ПГУ вводилась приказом по главку от 26 ноября 1946 г. и была связана с началом формирования управлений первых атомных предприятий. Функции подбора кандидатов на должности возлагались на директоров заводов и на отдел кадров ПГУ. Для получения санкции назначения на номенклатурную должность отдел кадров завода (впоследствии – комбината) направлял в отдел кадров ПГУ подлинное личное дело

работника, содержащее кроме анкетных данных партийную и производственные характеристики и представление. Кандидатура всесторонне изучалась, принималось решение, и оформлялся приказ начальника ПГУ о назначении работника. Копия приказа направлялась директору завода, который своим приказом назначал работника на должность. Отныне все перемещения и увольнение работника были под контролем ПГУ. Оформление увольнения номенклатурных работников производилось только после решения начальника ПГУ и направления копии приказа директору завода. Номенклатура начальника ПГУ способствовала системному и обоснованному назначению кадров, нормативно закрепляла порядок отбора и оформления кандидатур на руководящие должности первых атомных предприятий.

С созданием Минсредмаша система управления руководящими кадрами центрального аппарата и предприятий все более бюрократизировалась. Приказом от 17 сентября 1953 г. впервые вводится в действие номенклатура должностей Министра в связи с новыми большими задачами, поставленными Правительством перед укрупненным Министерством, а также в целях повышения ответственности и улучшения работы в деле изучения подбора, воспитания и расстановки руководящих кадров. Согласно новым правилам, кандидат на номенклатурную должность теперь лично вызывался в Москву в соответствующее Главное управление и управление руководящих кадров Министерства для собеседования. При отборе на номенклатурные должности руководство МСМ обязывало начальников главков, управлений и отделов Министерства сосредоточить основное внимание на укреплении хозяйственных, научно-исследовательских и центральных организаций людьми, преданными делу партии и государству, хорошо знающими дело и способными двигать его вперед. При этом руководителям центрального аппарата Министерства приказывалось изучать политические и деловые качества каждого руководящего работника и своевременно оказывать практическую помощь назначаемым лицам, особенно выдвигаемым впервые на руководящую работу.

В последующие годы номенклатуры Министра, начальников ГУ и управлений неоднократно изменялись. В конце 1960-х – начале 1970-х гг., кроме расширения основных номенклатур, дополнительно вводились учетно-контрольные номенклатуры министра и номенклатуры коллегии Министерства. Коллегия рассматривала и принимала решения по кандидатурам на должности директора комбината, его заместителей и главного инженера. Контрольно-учетные номенклатуры отличались от номенклатуры Министра тем, что назначения на входящие в нее должности проводилось не министром, а приказами начальников ГУ или управлений по подчиненности. Кроме руководителей производства, в номенклатуру Министра были введены даже директора совхозов, обслуживающих предприятия. В основном, причиной изменений номенклатур служили директивные указания ЦК КПСС, СМ СССР и собственные решения руководства и коллегии Минсредмаша, направленные на совершенствование работы по отбору, расстановке и воспитанию руководящих кадров, а также на замещение должностей специалистами с высшим и средним специальным образованием.

Кроме того, посредством номенклатур решались вопросы предоставления более широких административных прав руководителям предприятий, повышения их ответственности в деле подбора и расстановки кадров. С этой целью создавались и действовали, параллельно министерским, номенклатуры руководителей предприятий.

Система номенклатурных должностей являлась неотъемлемой частью кадровой политики Минсредмаша, позволявшей эффективно решать вопросы создания, совершенствования и стабилизации руководящих кадров атомных предприятий, вместе с тем вести работу по подготовке им достойной смены.

Таким образом, бомбардировка США японских городов в августе 1945 г. заставила советское руководство экстренно предпринять все меры для скорейшего перехода от научно-экспериментальных работ к промышленному производству собственного атомного оружия, что обусловило кардинальные изменения в системе руководства Атомным проектом. С этой

целью при Совете Министров СССР организуется Специальный комитет, а также Первое главное управление при СМ СССР – негласный «наркомат атомной промышленности». Новые структуры вобрали в себя весь опыт управления проектом ГКО в годы войны и в дальнейшем продолжили эффективно развивать управление атомной промышленностью.

Смерть И. В. Сталина, арест Л. П. Берии и последующие политические события лета 1953 г. привели к ликвидации действующих органов управления атомной промышленностью – Спецкомитета и ПГУ при СМ СССР и созданию новой управленческой структуры – Министерства среднего машиностроения СССР.

За тридцать шесть лет деятельности, с июня 1953 по июнь 198 г., в Министерстве среднего машиностроения СССР была создана уникальная система управления предприятиями атомной промышленности, аналогов которой не было в СССР. Основы этой системы были заложены не только, как принято считать многими исследователями, в период создания Спецкомитета и Первого главного управления при СМ СССР. Эти основы исходили из опыта управления страной Государственным Комитетом Обороны СССР, в тяжелейшем военном 1942 г. принявшим на себя руководство Атомным проектом и сумевшим организовать научно-экспериментальную работу ученых и конструкторов по созданию отечественного атомного оружия.

Несмотря на усиление политизации в управлении со стороны ЦК КПСС, Минсредмаш сумел сохранить и продолжить традиции эффективного, делового стиля руководства подведомственными предприятиями и организациями, при котором руководители предприятий не были в роли лишь «технических исполнителей» решений высшего руководства, а сами оказывали существенное влияние на развитие отрасли в целом и производства в частности. В этом существенную пользу оказывало Минсредмашу его подчинение Комиссии Президиума СМ СССР по военно-промышленным вопросам во главе с Д. Ф. Устиновым.

Минсредмаш СССР не только продолжил, но и развил систему управления центральным аппаратом, НИИ, КБ и промышленными предприятиями. Создание номенклатур должностей руководящих работников, начатое еще в 1946 г. начальником ПГУ Б. Л. Ванниковым, и их последующее совершенствование успешно решало проблему выдвижения лучших ИТР на руководящие должности, а также воспитания на местах резерва руководителей для всей отрасли в целом.

Примечания

[1] Подробнее см.: Жарков О. Ю. Реализация мобилизационных возможностей СССР при организации системы управления плутониевым производством // Мобилизационная модель экономики : исторический опыт России XX века : сб. материалов всерос. науч. конф. / под ред. Г. А. Гончарова, С. А. Баканова. Челябинск : Энциклопедия, 2009. С. 174–180.

[2] Атомный проект СССР : док. и материалы : в 3 т. / М-во Рос. Федерации по атомной энергии ; под общ. ред. Л. Д. Рябева. Т. I, ч. I, 2; Т. II, кн. 1, 2. М. ; Саров, 1998, 1999, 2000, 2002.

[3] Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым : из дневника Ф. Чуева. М. : ТЕРРА, 1991. С. 81.

[4] Атомный проект СССР… Т. I, ч. 2. С. 169–174.

[5] Подробнее см.: Жарков О. Ю. Указ. соч. С. 176–179.

[6] Атомный проект СССР… Т. II, кн. 1. С. 4.

[7] Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР. 1945–1953 / сост. О. В. Хлевнюк, Й. Горлицкий, Л. П. Кошелева, А. И. Минюк и др. М. : РОССПЭН, 2002. С. 101.

[8] Там же. С. 89, 90, 103, 126.

[9] Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза. 1898–1991. URL : www.knowbysight.info/2_KPSS/08980.asp.

[10] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 2. Постановления. 1954–1958 / гл. ред. А. А. Фурсенко. М. : РОССПЭН, 2006. С. 755–756.

[11] ОГАЧО Ф. 288. Оп. 42. Д. 29, 30, 31, 33, 35, 38, 42, 45, 46, 47; Новоселов В. Н., Нечаева С. В. Роль партийных и исполнительных органов Челябинской области в создании атомного промышленного комплекса на Южном Урале // Охрана природы Южного Урала : обл. эколог. альм. Челябинск : Челяб. Дом печати, 2008. С. 24–29; Кузнецов В. Н. Закрытые города Урала. Исторические очерки. Екатеринбург : Полиграфист, 2008. С. 110.
[12] Жирнов Е. «Эти серые пиджаки будут нами командовать!» // Власть. 2005. № 45. 14 нояб.
[13] Быстрова И. К 50-летию Военно-промышленной комиссии. Центр управления отечественного ОПК возрождает мощь Российского государства. URL : www.realeconomy.ru.
[14] Артемов Е. Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М. : РОССПЭН, 2006. С. 196.
[15] Черток Б. Е. Государство и космонавтика : докл. на XXVI королев. чтениях. 30 янв. 2002 г. URL : www.epizodsspace.narod.ru.
[16] Атомный проект СССР… Т. II, кн. 1. С. 13.
[17] Там же. Т. II, кн. 5. С. 558–565.
[18] Там же. С. 579–580.
[19] Там же. С. 565.
[20] Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы : темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М. : РОССПЭН, 1996. С. 264.
[21] Атомный проект СССР… Т. II, кн. 5. С. 793–803.
[22] Круглов А. К. Штаб Атомпрома. М. : ЦНИИатоминформ, 1998. С. 106.
[23] Быстрова И. В. Советский военно-промышленный комплекс : проблемы становления и развития (1930–1980-е годы) / РАН. Ин-т рос. истории. М. : ИРИ РАН, 2006. С. 288.
[24] Артемов Е. Т. Указ. соч. С. 180; Новоселов В. Н., Финадеев А. П. Эра ракет : создание ракетной промышленности на Урале. Челябинск : Книга, 2006. С. 69.
[25] Круглов А. К. Указ. соч. С. 121–122.
[26] Атомная отрасль России. М. : ИздАТ, 1998. С. 61, 82; Журавлев П. А. Мой атомный век. О времени, об атомщиках и о себе. М. : Хронос-пресс, 2003. С. 214; Лойша В. Прощание – в июне. 45-й на сорок пятом году. Северск : Сибхимкомбинат, 2008. С. 57; Морозов П. В. Первые годы ГХК. Железногорск : Горно-химкомбинат, 2006. С. 3, 19.
[27] ВНИИЭФ-60. Термоядерные заряды третьего поколения обеспечили стратегический паритет с США // Бюл. по атом. энергии. 2006. № 6. С. 51.
[28] Быстрова И. В. Указ. соч. С. 296.
[29] http://www.rossatom.ru.

В. И. Исаев, Д. Ю. Михеев

УЧАСТИЕ СУДОВ В ХОЗЯЙСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КАМПАНИЯХ В СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК (1928–1937 ГОДЫ)[*]

В конце 1920-х гг. сталинским руководством партии и государства был взят курс на форсированное строительство социализма в СССР, что привело к свертыванию нэпа и переходу к директивно управляемой экономике. В процессе такого перехода в системе управления экономикой стали преобладать командно-административные методы. Одним из главных механизмов решения конкретных хозяйственно-политических задач стали различные кампа-

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ (проект 12-01-00224а) «Суды Сибири в системе управления регионом. (1920–1938 гг.).

нии по мобилизации сил и средств, способствующие активизации общественного мнения и сосредоточению людских и иных ресурсов.

В рамках таких кампаний советское государство активно использовало возможности судебной системы для управления хозяйственными процессами. В данной статье мы рассмотрим участие судов в решении проблем развития села и сельскохозяйственного производства в Западной Сибири в годы первых пятилеток. Источниками для изучения темы послужили материалы, опубликованные в прессе и литературе изучаемого периода, и фонды сибирских архивов.

На новом этапе политического и экономического развития СССР партийно-государственный аппарат наряду с агитационно-пропагандистским воздействием на сознание населения пытался добиться нужного поведения и поддержки широких масс, применяя в возросших масштабах принуждение и карательные санкции. В этом отношении судебная система была использована как одно из мощнейших средств, чтобы заставить население следовать предписанным властью нормам и правилам.

Под наметившееся ужесточение государственной политики, в том числе, и в области судебной системы, была подведена своеобразная теоретическая база. На июльском 1928 г. пленуме ЦК ВКП (б) И. В. Сталин впервые сформулировал свой печально известный тезис об обострении классовой борьбы по мере продвижения к победе социализма. Выступая 9 июля 1928 г. с докладом «Об индустриализации и хлебной программе», он заявил: «Продвижение к социализму не может не вести к сопротивлению эксплуататорских элементов этому продвижению, а сопротивление эксплуататоров не может не вести к неизбежному обострению классовой борьбы»[1]. Этот тезис будет затем активно использоваться для ужесточения судебной политики и развертывания массовых репрессий.

Решения июльского, а затем ноябрьского (1928 г.) пленума ЦК ВКП (б), поставившего задачу «наступления социализма по всему фронту» в практическую плоскость, стали основой для соответствующей корректировки в проведении судебной политики. В условиях пересмотра сложившегося в условиях нэпа понимания законности перед судьями ставилась задача – отказаться от так называемого формально-юридического подхода к разрешению вопросов, выдвигать на первое место классовый подход и принцип партийности в борьбе за законность.

Ориентиры для работы судов и требования к работникам правоохранительных органов были определены в докладе Наркома юстиции Н. М. Янсона на VI Всероссийском съезде работников юстиции, состоявшемся в феврале 1929 г. Суть новой судебной политики очень четко и жестко была сформулирована в резолюции Второго всероссийского совещания руководителей краевых и окружных судебно-прокурорских органов, прошедшего в ноябре 1929 г. В ней судьям предписывалось использовать «минимум формы и максимум классового содержания в судебных делах, где речь идет о врагах нашего класса»[2]. Наркомат юстиции РСФСР в своих директивах постарался донести до работников судебной системы соответствовавшее линии партии новое понимание рамок законности.

В условиях обострения общественно-политической ситуации, усиления противостояния различных политических и социальных сил роль судов многократно возрастала. Судебная система оказалась активно задействована в радикальной перестройке производственных и социальных отношений в деревне, развернувшейся в конце 1920-х гг. Прежде всего, суды, как и все государственные органы, были брошены на борьбу за выполнение плана хлебозаготовок. Задача любыми способами получить хлеб от крестьянских хозяйств, поставленная партией в ходе хлебозаготовительных компаний 1928–1929 гг., породила разнообразные формы использования судебной системы для устрашения и наказания крестьян, стимулирования продажи хлеба государству.

В судах проводилось массовое рассмотрение дел «саботажников» хлебозаготовок. За сокрытие хлебных излишков, неуплату или недоплату натуральной и денежной повинностей,

угрозы в адрес советских работников, террористические действия суды выносили скорые и суровые приговоры.

В периодической печати постоянно публиковались отчеты и обзоры по судебным процессам, связанным с хлебозаготовками. Такие публикации должны были показать крестьянам, что сопротивление хлебозаготовкам опасно и бесполезно. Так, газета «Советская Сибирь» под заголовком «107 по кулакам» поместила отчет о судебном процессе над крестьянами с. Каракумыш Кузнецкого округа Евдокимовым и Синкиным. Эти крестьяне были отнесены к кулакам, лишены политических прав; в 1928 г. за укрывательство хлеба на них был наложен штраф в пятикратном размере. По итогам рассмотрения дела суд приговорил Евдокимова к году лишения свободы и конфискации 50 центеров хлеба, Синкина – к высылке на два года, конфискации мельницы и 41 центера хлеба[3].

Вовлечение судов в кампанию по выполнению планов хлебозаготовок привело к тому, что участились явные и скрытые нарушения законности. Стоит особо подчеркнуть, что нарушения законности в значительной степени провоцировались и поощрялись партийными органами, которые были заинтересованы в давлении и карательном воздействии на крестьянство с целью выполнения планов хлебозаготовок. А иногда нарушения законности в деятельности судов были напрямую связаны с решениями, принятыми партийными органами.

Так, в январе 1929 г. сотрудники Сибирского краевого суда и краевой прокуратуры обследовали состояние дел в Рубцовском окружном суде и окружной прокуратуре. Население округа неоднократно обращалось в краевые инстанции с жалобами на нарушения законности со стороны местных властей, в частности, судов. Выяснилось, что осенью 1928 г. бюро окружного комитета ВКП (б) издало директиву о том, что должны быть проведены пять-шесть судебных процессов по ст. 58-10 УК РСФСР с участием широкой общественности.

В ходе «организации» уголовных дел допускалась откровенная фальсификация, парторганы намечали кандидатов для осуждения, затем к ним подбирали материалы, находили свидетелей, и подсудимые приговаривались к суровым мерам наказания. Проверка, проведенная краевым судом, показала, что из 37 дел, проведенных судами округа по этой статье, 19 были сфабрикованы. В результате вмешательства краевого суда такие дела были прекращены[4].

Можно констатировать, что в деятельности судов в этот период наблюдаются две взаимоисключающие тенденции. С одной стороны, многие судьи пытались стоять на страже закона, бороться с произвольным толкованием законодательства. А с другой стороны, суды в массовом порядке выносили явно неправомерные приговоры, обосновывая свои решения не юридическими, а политическими аргументами. В этом вряд ли можно было обвинять самих судей, такова была общественно-политическая ситуация. Ведь большевистская партия и советское государство требовали от судей не строгого следования закону, а классового подхода и проведения политической линии.

Партийному и советскому руководству сибирского региона удалось добиться того, что сибирские суды оказались вполне боеспособными в преследовании так называемых классовых противников. Рассмотрение уголовных дел, в которых содержались обвинения в противодействии советской власти, в период хлебозаготовительных кампаний 1928–1929 гг. проводились через суды в ускоренном порядке. Подобные дела в первую очередь ставились в повестки заседания судов, зачастую даже без тщательного расследования. В большинстве документов этого периода, в которых формулировались требования партии и правительства к работникам судебной системы, не обходится без постоянных требований и предписаний по ускорению прохождения таких судебных дел, рассмотрению в сокращенном порядке обстоятельств дела.

Так, в директивном письме Сибирского краевого суда и краевого прокурора Сибири всем окружным судам и окружным прокурорам было сформулировано требование – рассматривать дела, имевшие политическое значение, в кратчайшие сроки. «Надо добиться, чтобы сроки прохождения <…> дел исчислялись не месяцами и даже не неделями, а днями»[5]. Та-

ким образом, работа судов должна была определяться не принципами правосудия, а политической целесообразностью. В табл.1 приведены сведения, показывающие ускоренный порядок рассмотрения дел, имевших политическое содержание.

Таблица 1

Рассмотрение в судах Сибирского края дел по обвинению в контрреволюционных преступлениях (октябрь – декабрь 1929 г.)*

Всего дел		Количество дел, рассмотренных в срок до:				
		3 дней	10 дней	20 дней	1-го мес.	2-х мес.
Абс.	274	43	121	73	25	12
%	100	15,7	44,2	26,6	9,1	4,4

*Составлено по: ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 448. Л. 24.

Данные таблицы показывают, что большая часть дел, возбужденных по обвинению в так называемых контрреволюционных преступлениях, прошли через суды в течение десяти дней (164 дела – 60 %). Такие чрезвычайные темпы были вызваны стремлением местных органов власти провести рассмотрение важных в политическом отношении дел в кратчайшие сроки с тем, чтобы крестьянство немедленно ощутило неотвратимость наказания за сопротивление советской власти. Похоже, что никого из партийных и судебных работников при этом не интересовало, как можно в короткие сроки объективно разобрать сложнейшие уголовные дела, не нарушив прав обвиняемых, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР.

Советское государство показывало пример использования суда и закона в политических целях, не стесняясь прибегать к явному манипулированию существующими законами, а в нужных случаях довольно легко корректировало законодательство, меняя формулировки и ужесточая наказания граждан. Ярким примером таких действий является использование статей 61 и 107 УК РСФСР для давления на крестьян.

Об использовании статьи 107 УК РСФСР против крестьян написано уже немало. В связи с невыполнением плана хлебозаготовок партийные органы инициировали в 1928 г. применение статьи 107 УК РСФСР, предусматривавшей наказания за спекуляцию, к крестьянам, не желавшим продавать хлеб государству по низким ценам, несправедливым с их точки зрения. Можно заметить, что нежелание крестьян сдавать хлеб государству по низким ценам было вполне объяснимым и разумным с точки зрения экономических интересов крестьянского хозяйства. Но после поездки Сталина в Сибирь в январе 1928 г. и разработки так называемого урало-сибирского метода хлебозаготовок такая позиция крестьян была отождествлена с поведением спекулянтов на рынке[6].

Действительно, в ст. 107 УК РСФСР упоминались такие действия спекулянтов, как скупка и невыпуск товара на рынок с целью создания искусственного дефицита, подъема цен и получения высокой прибыли. Но ведь крестьяне не покупали, а сами производили хлеб, поэтому в их действиях не было стадии скупки товара. Несмотря на это, нежелание крестьян продавать свой хлеб государству по ценам, их явно не устраивающим, было приравнено к действиям спекулянтов.

С точки зрения реального содержания правовой нормы это было явной натяжкой. Но что могли сделать судьи, если решение об использовании ст. 107 УК РСФСР против крестьян, не выполнявших задания по хлебозаготовкам, было принято на самом высоком партийном уровне. Применение расширенного толкования ст. 107 УК РСФСР в феврале 1928 г. было одобрено и санкционировано директивой Политбюро ЦК ВКП (б), разосланной на места.

В Сибири применение ст. 107 УК РСФСР сопровождалось беззастенчивым диктатом по отношению к суду со стороны партийных органов и вопиющими нарушениями законности. В январе 1928 г. бюро Сибкрайкома ВКП (б), выполняя требования Сталина о привлечении к суду крестьян, придерживающих хлеб, потребовало от судебных работников дела по 107

статье проводить в ускоренном порядке, рассматривать их на выездных сессиях и показательных процессах без участия обвинения и защиты. В совместном циркуляре краевого суда, краевой прокуратуры и ПП ОГПУ, направленном на места 19 января 1928 г., были зафиксированы эти требования партийного руководства края, более того, народным судам при рассмотрении дел по ст. 107 запрещалось выносить оправдательные приговоры или условное наказание[7]. Примечательно, что руководство краевого суда и прокуратуры, обязанное по долгу службы пресекать неправомерные действия местных работников, подписывает и отправляет на места требования, грубо нарушающие основополагающие нормы права.

По существу судебное разбирательство превращалось в расправу над крестьянами, представавшими в качестве подсудимых на таких процессах. Некоторые крайности циркуляра были ограничены после вмешательства старшего помощника Прокурора РСФСР Н. В. Крыленко, издавшего 25 февраля 1928 г. специальное распоряжение об отмене неправомерных пунктов. Но в целом проявления насилия и беззакония сопровождали всю кампанию хлебозаготовок 1928 и 1929 гг.

Многие сибирские юристы понимали, что расширенное толкование ст. 107 УК РСФСР противоречит как букве закона, так и здравому смыслу. Поэтому некоторые судьи и прокуроры пытались ограничить ее применение, прибегая к обвинениям по данной статье только в случае выявления крупных партий хлебных запасов у зажиточных крестьян. Отражение этой позиции можно встретить даже в руководящих указаниях, поступавших низовым судебным работникам.

22 июня 1929 г. Сибирский краевой суд совместно с краевой прокуратурой разослал на места циркулярное письмо, в котором говорилось: «…крайсуд и крайпрокурор предлагают в случаях установления злостного сокрытия большого количества хлеба, когда это сокрытие производится посредством специальных приспособлений (например, хлебные ямы и проч.), привлекать виновных к уголовной ответственности по 107 ст. УК.

Считаем необходимым особо подчеркнуть, что применение ст. 107 УК возможно исключительно лишь в отношении наиболее злостных кулаков и при установлении элементов злостности сокрытия значительного количества хлеба (300–400 пудов).

Дела эти должны расследоваться и рассматриваться в самом срочном порядке. Предание суду должно производиться в каждом отдельном случае с разрешения окрпрокурора, причем, как правило, дел по ст. 107 УК не может быть более 1 или 2-х в районе»[8].

Как видно из содержания письма, руководители краевого суда и прокуратуры, требуя от низовых работников активно использовать в борьбе за хлеб ст. 107 УК РСФСР, в то же время пытаются подчеркнуть необходимость осторожного и выборочного ее применения. Но на практике местные партийные органы, получив в руки такое эффективное средство устрашения крестьян, требовали от судей не останавливаться перед его применением против любого крестьянского хозяйства. Под давлением партийных органов судьи осуждали по ст. 107 не только кулаков, но и середняков и даже бедняков, если такие меры настойчиво предлагались местными партийными функционерами.

Можно сказать, что манипулирование судом и законом в политических целях стало определившейся тенденцией в период свертывания нэпа и наступления социализма по всему фронту. Наряду с расширенным толкованием и применением ст. 107, в судах практиковалось подобное же применение статьи 61 УК РСФСР.

Ст. 61 предусматривала административное наказание или уголовное преследование граждан, уклонявшихся от выполнения государственных повинностей: выплаты налога, исполнения гужевой и другой повинности и т. п. Но затем она также подверглась достаточно вольному толкованию в ходе хлебозаготовок. Используя достаточно широкую и неопределенную формулировку статьи, предусматривавшей уголовное преследование «за отказ от выполнения повинностей, заданий или производства работ, имеющих общегосударственное

значение», суды могли при желании осудить крестьян, которые в чем-либо не подчинились распоряжениям местной власти.

Например, раньше сам крестьянин решал, сколько земли он засеет, какие культуры будет возделывать. В условиях диктата со стороны партийных и государственных органов сокращение крестьянским хозяйством посевных площадей стало рассматриваться как уклонение от выполнения работ, имеющих общегосударственное значение. Возросли и размеры штрафных санкций.

В процедуре так называемого самообложения крестьянских хозяйств в рамках выполнения хлебозаготовок предусматривался поначалу двукратный штраф за невыполнение задания по сдаче хлеба. Внедрение урало-сибирского метода привело к повышению этого штрафа до пятикратного размера. Примечательно, что инициаторами такого повышения были объявлены сами крестьяне[9].

Вольное обращение с законом на местах не только не пресекалось, но и прямо поощрялось центральными органами власти. 27 июня 1929 г. ВЦИК и СНК РСФСР постановили изменить ст. 61 УК РСФСР. В предыдущей редакции ст. 61 было предусмотрено наказание за отказ от выполнения государственных повинностей в объеме двукратного штрафа за невзысканный долг или принудительные работы на шесть месяцев. Теперь же штраф мог достигать пятикратного размера невыполненной повинности, принудительные работы назначались на срок от года и выше, срок лишения свободы мог быть увеличен до двух лет.

Еще одним примером произвольного толкования ст. 61 УК РСФСР стало преследование крестьян за переезд из деревни в город. В 1930 г. перед правоохранительными органами Сибири была поставлена задача бороться с массовым бегством из деревни крестьян, стремившихся спастись в городе от насильственной коллективизации.

Краевой суд и краевая прокуратура разослали на места циркулярное письмо, разъясняющее способы борьбы с этим бегством. Беглых крестьян предлагалось рассматривать как уклоняющихся от уплаты налогов, в частности, от выполнения так называемых твердых заданий, соответственно привлекать к уголовной ответственности по части 3 ст. 61 УК РСФСР[10].

Таким образом, органы власти пытались предотвратить несанкционированное переселение крестьян в город. В действительности большинство этих людей просто вынуждены были бежать со своего места проживания. Но у советского государства к этому времени был накоплен большой опыт объявления преступниками людей, действия которых шли вразрез с линией партии. Поэтому власти нашли очень простой выход: обвинить крестьян, переехавших на жительство в город, в уклонении от выплаты налогов. Это грозило беглецам лишением свободы на срок от трех лет и выше с конфискацией имущества.

В своем циркуляре от 15 ноября 1931 г. Западно-Сибирский краевой суд еще раз указал народным судам, что бегство единоличников-«твердозаданцев» в город должно рассматриваться как преступление, имеющее политический характер[11].

Таким образом, изменения политической ситуации в стране в конце 1920-х гг., связанные с взятым сталинским руководством курса на форсированное создание социалистического общества, потребовали перестройки всей работы судов и правовых ориентиров судей в русле новых требований партийного руководства и региональных властей. Суды все в большей степени становились частью единой системы управления, возглавляемой партийными органами.

В целом в правоохранительной сфере, в том числе, в деятельности судов, утверждалось своеобразное понимание социалистического права как практически любого решения, принятого органами советского государства. При этом объективное содержание правовых норм, их обусловленность общепринятыми принципами правового гуманизма по существу отвергалась под предлогом, что все это является буржуазным пониманием права.

Один из влиятельных руководителей партии и государства, входивших в «близкий круг» Сталина, Л. М. Каганович без обиняков выразил сущность большевистского понимания

роли права и государства в своем выступлении в Институте советского строительства и права 4 ноября 1929 г. Обращаясь к собравшимся будущим и действовавшим юристам, он сформулировал очень важный и о многом говорящий тезис: «Мы отвергаем понятие правового государства. Если человек, претендующий на звание марксиста, говорит всерьез о правовом государстве и, тем более, применяет понятие правового государства к советскому государству, то это значит, что он идет на поводу буржуазных юристов, это значит, что он отходит от марксистско-ленинского учения о государстве»[12]. На фоне таких воззрений закономерно, что значительная часть работников судебной системы восприняла свертывание политики нэпа как возврат к временам военного коммунизма, когда деятельность судов определялась не законом, а «революционным правосознанием».

Постепенно под давлением партийных органов и по мере формирования атмосферы классовой борьбы суды Сибири существенно ужесточили меры наказания по отношению к подсудимым, обвинявшимся в сопротивлении властям или совершении других «контрреволюционных» преступлений. В ходе этих процессов на судебных заседаниях вновь зазвучала фразеология времен Гражданской войны, пропитанная классовой ненавистью и требованиями безжалостно уничтожать врагов советской власти. Соответственно возросло число приговоров к высшей мере наказания, а сроки лишения свободы приближались к максимальным в то время десяти годам. В целом по РСФСР в 1930 г. по делам о терроризме 2/3 осужденных получали сроки 8–10 лет, а к расстрелу приговаривалось около 17 % подсудимых[13].

Дела, в которых усматривалось контрреволюционное содержание, часто выносились на рассмотрение в показательных судебных процессах. Их задачей было, с одной стороны, устрашение потенциальных преступников, а с другой, доведение до населения, которое обязывалось посещать такие показательные процессы, основных требований к гражданам со стороны государства. Так, в октябре – декабре 1929 г. около 40–50 % дел по обвинению в контрреволюционных преступлениях окружные суды Сибири слушали в выездных сессиях и показательных процессах по месту жительства обвиняемых[14].

В сложившейся общественно-политической атмосфере судьи в меньшей степени должны были обращать внимание на нормы права, требования закона, а, прежде всего, действовать в соответствии с политическими задачами, лозунгами наступления на классового врага, выдвигаемыми партией. Но неправомерные приговоры не выдерживали никакой критики и при рассмотрении в порядке кассации зачастую пересматривались или вовсе отменялись. Проверка судебных дел по обвинению в контрреволюционных преступлениях, рассмотренных в судах Сибирского края в 1930 г., проведенная в надзорном порядке Верховным судом РСФСР, выявила, что «повсеместно наблюдается игнорирование норм материального и процессуального права: дела в суде рассматривались односторонне, в обвинительном заключении часто отсутствовали необходимые доказательства вины подсудимых»[15].

В 1930 г. Краевой суд Сибири вынужден был прекратить более половины судебных дел, направленных в суд следственными органами по ст. 58 Уголовного кодекса РСФСР, вследствие явного нарушения норм материального и процессуального права[16].

Под жестким давлением со стороны партийно-государственных органов судебная система действовала и в ходе форсированной коллективизации деревни, ставшей центральным стержнем сталинского «Великого перелома». Однако основная нагрузка в «ликвидации кулачества как класса» и преследовании противников коллективизации легла на внесудебные карательные органы, действовавшие под руководством ОГПУ, поэтому мы не будем здесь рассматривать этот сюжет.

После проведения форсированной коллективизации партийные и советские органы приобрели почти неограниченную власть над крестьянством. Объявив колхозы добровольным объединением, советское государство на деле практически полностью контролировало всю хозяйственную и всякую другую деятельность жителей села. Одним из наиболее жестких и

эффективных инструментов давления на крестьян стала угроза уголовного и судебного преследования. Под суд попадали все слои деревни: единоличники, колхозники, специалисты, руководители колхозов. Уже традиционно для устрашения крестьянства использовались показательные судебные процессы.

Весной 1931 г. крестьяне-единоличники, напуганные угрозой попасть под раскулачивание, резко сократили площади посевов. Власть, понимая, что это грозит недобором зерна, предприняла экстренные меры давления на крестьян. Помимо агитационных и хозяйственных мероприятий в ход была вновь пущена судебная машина.

В Павловском районе Омского округа были проведены показательные судебные процессы, осуждено 49 крестьян, сокративших посевы. Им было предъявлено традиционное обвинение по ст. 61 УК РСФСР – отказ от выполнения государственных повинностей. В Чулымском районе Новосибирского округа были проведены показательные процессы над девятью зажиточными крестьянами, которые сократили посевы. Угроза судебного наказания подействовала на остальных крестьян. Если до проведения судебных процессов было посеяно только 8 % от запланированных площадей, то после них в течение трех дней процент засеянных площадей вырос до 48[17].

Продолжалась практика давления на крестьян-единоличников с помощью суда и в годы второй пятилетки. Газета «Советская Сибирь» в мае 1935 г. под заголовком «Злостные срывщики государственных заданий» сообщала, что единоличник М. Н. Подъячий отказался выполнить государственное обязательство, по которому ему полагалось посеять 1,5 га зерновых. Суд приговорил его к одному году исправительно-трудовых работ[18].

Опыт участия судов в проведении посевной кампании 1931 г. власть использовала и весной 1932 г., только по данным на 20 мая 1932 г. в Западно-Сибирском крае за различные хозяйственные преступления было осуждено 7280 человек[19].

Можно сказать, что с утверждением колхозного строя склонность и стремление партийно-государственного аппарата к применению репрессий в отношении крестьянства несколько ослабли, но продолжали влиять на отношения между властью и гражданами. Основой для использования судебного преследования в качестве регулярной меры во всех сельскохозяйственных кампаниях, проводимых в деревне, стало преобладание мобилизационных методов в управлении экономикой.

Особое место в истории использования советской судебной системы как инструмента регулирования экономических процессов занимает печально известный «закон о колосках» – постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». В постановлении объявлялось, что граждане, посягнувшие на социалистическую собственность, отныне считаются врагами народа. Главной мерой наказания за такие преступления должен быть расстрел и только при наличии смягчающих обстоятельств высшая мера могла быть заменена лишением свободы на срок не менее 10 лет с конфискацией имущества[20].

История разработки и применения «закона о колосках» нуждается в отдельном рассмотрении. В данной статье мы приведем только некоторые общие сведения о практике его использования судами Западной Сибири. В целом, начиная с момента принятия постановления от 7 августа 1932 г. и до начала 1937 г., в Западно-Сибирском крае было осуждено по данному закону 23630 чел., что составило 37,7 % от всех осужденных по данному виду преступлений[21].

Неоправданную жестокость и абсурдность закона можно показать на множестве примеров из судебной практики. Большинство осужденных поплатились жизнью или свободой за мелкие хищения, за которые обычно предполагалось административное наказание или небольшие сроки лишения свободы. В качестве убедительной иллюстрации приведем один из таких приговоров: народным судом Тальменского района осенью 1933 г. были осуждены на

10 лет лишения свободы колхозники Демьяненко и Журавлев, первый – за то, что набрал в карманы зерна с колхозного тока, а второй – за то, что видел и не донес[22].

По мере спада кампании, связанной с борьбой за сохранность социалистической собственности, происходило сокращение доли и численности осужденных по закону от 7 августа 1932 г. Это подтверждают сводные данные по Западной Сибири, приведенные в обзоре судебной статистики краевого суда за 1933–1936 гг.

Всего судами края за кражу общественного имущества в 1933 г. было осуждено 15960 чел., из них по закону от 7 августа 1932 г. – 8238 чел., что составило 51,6 % от всех осужденных по этому виду преступлений; в 1934 г. – 11972 чел., из них по данному закону – 3281 чел. (27,4 %); в 1935 г. – соответственно 7972 чел. и 601 чел. (7,5 %); в 1936 г. – 6337 чел. и 224 чел. (3,5 %)[23].

Последовательно убывающая динамика применения закона от 7 августа 1932 г. говорит о том, что по мере спада пропагандистского ажиотажа вокруг кампании борьбы с хищениями социалистической собственности все более осознавалась его неоправданная жестокость. Судьи старались без давления сверху не прибегать к его использованию, применяя при рассмотрении дел о хищениях социалистической собственности имевшиеся в УК РСФСР соответствующие статьи, более адекватно оценивающие степень тяжести преступления.

Помимо объявляемых сверху общественно-политических кампаний, не имевших привязки к сезонному циклу, использование судов для регулирования производственных отношений в деревне было детерминировано спецификой сельскохозяйственного производства. Характер крестьянского труда определяет его различную интенсивность в разные периоды года в зависимости от сезонного цикла работ. Соответственно этому репрессии против сельского населения также стали носить преимущественно сезонный характер.

В деятельности судов стали особо выделяться кампании борьбы за успешное проведение сева, прополки, уборки сельскохозяйственных культур. Такая сезонность еще раз показывает, что вместо отстаивания закона суды были вынуждены следовать указаниям партийных органов и использовались вопреки их истинному предназначению.

Использование суда как инструмента для регулирования хозяйственной деятельности и управления общественно-политическими процессами стало постоянной практикой. Так, в 1933 г. только по данным 81 района Западно-Сибирского края во время проведения уборочной кампании было осуждено 5847 чел.

При этом классовый подход приводил к тому, что наказание крестьян могло в зависимости от категории, к которой их отнесли местные власти, существенно различаться, за одни и те же преступления зажиточные крестьяне получали более суровые наказания. Так, по данным народных судов нескольких районов Западно-Сибирского края из 719 осужденных «кулаков» 85 % получили различные сроки лишения свободы, из 458 зажиточных крестьян – 61 %, из 264 единоличников – 45%, а из 397 колхозников к лишению свободы было приговорено только 28 %, а остальные осуждены к исправительно-трудовым работам, т. е. остались работать и жить в своей деревне[24].

Всего за уборочную кампанию 1933 г. в Западной Сибири было осуждено 11713 чел., в 1934 г. количество осужденных сократилось на треть, но тоже оказалось немалым – 7962 чел.[25]

После организации коллективных хозяйств появились новые виды преступлений, ранее неизвестные и невозможные в доколхозной деревне. Например, раньше просто не могло быть фактов преследования крестьян за «варварское отношение к коню». В 1933–1934 гг. по этому виду преступления в Западно-Сибирском крае осуждалось несколько тысяч человек. Качественно новым видом карательных мер являлось также предание суду за плохой ремонт тракторов, несоблюдение норм высева, невыполнение планов и за многие другие хозяйственные упущения.

Приведем пример приговора по делу «о варварском отношении к коню», в котором ярко отразились и политические мотивировки судебного решения, и крайне низкий уровень пра-

вовой и общей культуры судебных работников, большинство из которых имело лишь низшее образование и, в лучшем случае, окончило краткосрочные юридические курсы. Газета «Советская Сибирь» с сохранением оригинальной орфографии опубликовала текст приговора, вынесенного в июне 1936 г. народным судьёй Зыряновского района Западно-Сибирского края Белозеровым по делу колхозника Голева. Текст приговора начинается так: «Голев, колхозник, зять бывшей (?!) дочери бывшего (?!) кулака…»

Определив «враждебное» социальное положение обвиняемого, судья приступает к изложению факта преступления: «…Взял колхозную лошадь мерина, возраста 9 лет за дровами для домашних потребностей на расстоянии от села два километра нарубил сырорастущего лесодров, наложил на воз столь, что данной лошадью везти эти дрова было не в мочь, Голев, как сознательно кулака зять, взял топор и на почве кулацкой мести и с корыстной целью, дабы вывести из колхоза конского поголовья, стал зверски истязать лошадь, отказывающей везти тяжелый воз дров… Значит, кулацкий агент, пролезший в колхоз, роль свою сыграл вытащил из строя рабочую лошадь, тем самым сокрытие наличности тягловой силушки к предстоящей столь ответственной политкампании весеннего сева 1936 г…»[26].

Использование суда как средства регулирования производства стало уже настолько привычным, что в случае каких-либо затруднений с выполнением хозяйственных задач партийные органы просто давали руководству судебных органов задание развернуть кампанию по наказанию виновных. Судебные работники были обязаны подыскать необходимое обоснование и статью уголовного кодекса.

Так, в конце 1934 – начале 1935 г. в Западно-Сибирском крае наблюдалось отставание от графика вывоза на пункты Заготзерна собранного колхозами и единоличными крестьянами хлеба. По уже отработанной схеме к ликвидации прорыва решили подключить судебные органы. На места была направлена совместная директива краевого суда и прокуратуры, подписанная заместителем председателя краевого суда Вежаном и краевым прокурором Барковым, в которой предписывалось: «В случаях установления со стороны должностных лиц колхозов и единоличников злостного уклонения от исполнения письменных договоров по вывозке на пристанционные пункты Заготзерна того зерна, которое ссыпано ранее на глубинках, привлекайте виновных к уголовной ответственности – единоличников – по статье 131, должностных лиц колхозов по 111 статье уголовного кодекса. Привлечение председателей колхозов и сельсоветов – только с нашей санкции, единоличников – под вашу личную ответственность. Процессы широко освещайте в печати, каждые пять дней информируйте нас»[27].

В годы второй пятилетки суды постоянно принимали участие в сельскохозяйственных кампаниях, выполняя по существу роль кнута для подстегивания крестьянства в руках партийных и хозяйственных руководителей. По данным судебных учреждений Западной Сибири общее количество осужденных по делам, связанным с этими кампаниями, достигало нескольких десятков тысяч. В 1933 г. в результате проведения сельскохозяйственных кампаний народными судами Западно-Сибирского края было осуждено 18986 человек, в 1934 г. – 11820, в 1935 г. – 6543, в 1936 г. (за 9 месяцев) – 3114[28].

Продолжалось и активное использование ст. 61 УК РСФСР против крестьян и колхозников, не выполнивших какое-либо обязательство перед государством (см. табл. 2).

Обращает на себя внимание, что после большого количества осужденных по данной статье в 1931 г., когда сопротивление крестьянства насильственным действиям власти вызвало резкое расширение масштабов судебных репрессий, к середине десятилетия случаи применения ст. 61 становятся значительно менее распространенными.

Наряду с судебными преследованиями рядовых колхозников и крестьян-единоличников суды Сибири активно включались в компанию давления со стороны партийных органов на низовых советских и хозяйственных работников села. В случае невыполнения плана хлебозаготовок, других хозяйственных упущений руководящие партийные органы склонны были

обвинять в этом местных работников, упрекая их в невыполнении решений партии, недостаточном рвении или просто в нерадивости. Для поднятия боевого духа местного кадрового актива, а также в целях устрашения, суды Сибири проводили показательные процессы, на которых низовые работники, попавшие в немилость партийного руководства, играли роль «козлов отпущения». Против них возбуждались уголовные дела по ст. 109, 111 УК РСФСР (халатность, злоупотребление служебным положением и т. п.).

Таблица 2

Количество осуждённых судами Западно-Сибирского края
за невыполнение государственных обязательств в 1931–1936 гг.*

Год	Количество осужденных по ст. 61 УК РСФСР	% к количеству осужденных за все преступления
1931	19920	23,4
1932	5588	6,1
1933	7 449	8,1
1934	7 748	8,7
1935	4 283	9,4
1936	2 165	6,1

*Составлено по: ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 6. Д. 47. Л. 30.

Таким образом, в глазах народа вина за происходившие перегибы и возраставшие трудности перекладывалась с партийных органов на непосредственно соприкасавшихся с народом низовых работников. Как правило, народ, не особенно любивший своих начальников, шумно и радостно выражал одобрение суровым приговорам на показательных судебных процессах.

В рамках каждой сельскохозяйственной кампании – сев, прополка, уборка – суды Сибири проводили судебные процессы против председателей, счетоводов, бригадиров и других низовых функционеров. Они могли быть осуждены за невыполнение колхозом планов сдачи хлеба государством, за несвоевременную уборку урожая или за другие провалы в работе колхозов. В 1933 г. судебные репрессии против колхозников существенно возросли по сравнению с предыдущими годами. Но наибольшее число осужденных оказалось среди управленческих кадров – бригадиров, счетоводов, завхозов, председателей колхозов, членов сельсоветов[29].

Западно-Сибирский Крайком ВКП (б) осенью 1934 г. принял ряд постановлений, намечавших суровые меры наказания, вплоть до расстрела, к должностным лицам, не обеспечившим выполнение плана хлебопоставок государству. Так, в постановлении от 9 октября 1934 г. намечалось организовать показательные суды над руководящими работниками в колхозах, не выполнивших задания по хлебопоставкам, а два-три колхоза просто ликвидировать за «саботаж»[30].

Под суд могли попасть даже наиболее приближенные к власти партийные и хозяйственные местные работники вроде директоров МТС или начальников политотделов. Газета «Советская Сибирь» в сентябре 1935 г. сообщила о состоявшемся суде над бывшим директором Караканской МТС Михеевым (с. Битки Сузунского района). Выездная сессия народного суда разобрала дело по обвинению его в преступной бездеятельности и антигосударственных действиях, ведущих к срыву хлебосдачи колхозами. По итогам рассмотрения дела суд приговорил Михеева к 10 годам лишения свободы[31].

Председатели колхозов и другие руководители попадали в положение между двух огней, становились заложниками правительственной политики выкачивания ресурсов из деревни. Если они попытаются отстаивать интересы своих односельчан, не проявят должного рвения в борьбе за хлеб для государства, то окажутся сами в лагере или будут расстреляны. Так, за уборочную кампанию 1936 г. за различные недостатки и упущения в работе в Западно-Сибирском крае было осуждено 144 председателя колхозов, 195 бригадиров[32].

Итак, рассмотренные в статье факты и статистические сведения позволяют сделать некоторые обобщения и выводы. В процессе борьбы за социалистическую перестройку сельского хозяйства и отношений в деревне советское государство активно использовало судебную систему, зачастую не останавливаясь перед нарушениями законности. Судебные репрессии, встроенные, как правило, в контекст общественно-политических кампаний и сезонных работ в деревне в 1930-е гг. стали играть роль совершенно нового элемента социально-правового регулирования жизни сельских граждан.

При этом судебная система работала в двух направлениях: во-первых, как карательный орган с целью корректировки экономического поведения граждан за счет негативных санкций; во-вторых, как средство пропаганды государственного курса в целом и отдельных конкретных задач, стараясь с помощью показательных судебных процессов поднять общественную активность, возбудить энтузиазм народных масс.

Суды были встроены в единую систему партийно-государственного аппарата. Ясно, что о следовании принципу независимости судебной власти в такой ситуации даже не могло быть и речи. Суды были напрямую подчинены партийным органам и вынуждены были послушно следовать их указаниям, выполняя, в частности, роль инструмента регулирования экономических процессов.

Примечания

[1] Сталин И. В. Сочинения. Т. 11. М., 1949. С. 171–172.
[2] Еженедельник советской юстиции. 1929. № 48. С. 1134.
[3] Совет. Сибирь. 1929. 11 окт.
[4] ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 6. Д. 12. Л. 58.
[5] ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 6. Д. 15. Л. 12.
[6] См. подробнее: Иконникова И. П., Угроватов А. П. Сталинская репетиция наступления на крестьянство // Вопр. истории КПСС. 1991. № 1. С. 70–81; Ильиных В. А. Урало-сибирский метод хлебозаготовок : поиски оптимального варианта // Гуманитар. науки в Сибири. 2006. № 2. С. 20–26.
[7] ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 217. Л. 228.
[8] Ильиных В. А. Хлебозаготовительная политика Советского государства в Сибири в конце 1920-х гг. Хроникально-документальный сборник. Новосибирск, 2006. С. 122–123.
[9] Ильиных В. А. Урало-сибирский метод хлебозаготовок… С. 23.
[10] ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 6. Д. 16. Л. 12.
[11] Там же. Л.18.
[12] Цит. по: Павлова И. В. Механизм политической власти в СССР в 20–30-е годы // Вопр. истории. 1998. № 11–12. С. 64.
[13] Классовая борьба и преступность. М., 1930. С. 8.
[14] ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 448. Л. 24.
[15] Судебная практика РСФСР. 1930. № 11. С. 11–12.
[16] Там же. С. 12.
[17] ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 253. Л. 359–360.
[18] Совет. Сибирь. 1935. 14 мая.
[19] ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 162. Л. 74.
[20] Изв. 1932. 8 авг.
[21] ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 6. Д. 47. Л.116.
[22] ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 6. Д. 23. Л. 3.
[23] ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 6. Д. 47. Л. 116.
[24] ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 174. Л. 141.
[25] ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 192. Л. 177.

[26] Совет. Сибирь. 1936. 5 июля.
[27] Совет. Сибирь. 1935. 5 янв.
[28] ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 192. Л. 190.
[29] ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 192. Л. 193.
[30] Гущин Н. Я. Раскулачивание в Сибири. (1928–1934 гг.) Новосибирск, 1996. С. 126.
[31] Совет. Сибирь. 1935. 22 сент.
[32] Гущин Н. Я. Раскулачивание в Сибири… С. 126.

Г. Ю. Колева, М. В. Комгорт

РУКОВОДИТЕЛЬ ЭПОХИ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ: А. К. ПРОТОЗАНОВ

Изучение истории России в последние два десятилетия связано с использованием новых теоретических подходов. Определенное распространение среди тех исследователей, которые обращались к теории модернизации для объяснения переходных этапов в развитии общества, получило использование концептов ‘мобилизационная экономика’ или ‘модель мобилизационной экономики’, содержание которых получает разное наполнение.

Мобилизация как явление в историческом процессе, согласно подходу А. Г. Фонотова, – «развитие, ориентированное на достижение чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм»[1]. К. И. Зубков, идя от понятия ‘мобилизации’ к сущности ‘мобилизационной модели экономики’ определил ее «как <…> расширение прямых экономических функций государства, связанное с необходимостью концентрации в его руках основных видов ресурсов и факторов производства»[2], и таким образом в данном подходе акцент переносится на функции государства. А расширение функций направлено, как подчеркивает А. С. Сенявский, «на форсированное развитие за счет мобилизации основных ресурсов, концентрации их в руках государства (органов централизованного управления) и направление на решение ключевых задач, выдвинутых в данный период государственной властью»[3]. «Чрезвычайные <…> условия, таким образом, могут рассматриваться как <…> питательная среда, подготавливающая и оправдывающая (и политически, и морально) переход к мобилизационным принципам организации хозяйств»[4].

По мнению В. В. Седова, мобилизационный характер носила экономика СССР не только в предвоенный и непосредственно послевоенный период, но и во второй половине XX в.[5] Этого же мнения придерживается и А. С. Сенявский, считающий, что «советская экономика второй половины XX века вновь оказалась в “мобилизационном” режиме: требовалось не только ускоренное восстановление разрушенного войной народного хозяйства и всех систем жизнедеятельности, но и одновременное наращивание военно-промышленного потенциала, способного противостоять внешней угрозе, и все это – в условиях крайнего дефицита материальных, финансовых и людских ресурсов»[6]. Таким образом, значительная часть экономического развития страны, согласно сложившимся оценкам, связана с функционированием мобилизационной модели хозяйствования.

Данная модель хозяйствования, как нам представляется, требовала и была бы невозможна без особого типа руководителей, которые должны были действовать соответственно предлагаемым обстоятельствам. Руководителям значительного периода российской истории XX в. приходилось решать задачи в чрезвычайных обстоятельствах, во многом их управленческие усилия были связаны с повышением уровня индустриального развития территорий, и таким образом главное содержание их деятельности было увязано с решением проблем модерни-

зации или включенности в мобилизационные механизмы. И очень важно понять, какими чертами были наделены руководители советской эпохи.

Решать задачи в сложных условиях могла только особо подготовленная когорта людей. Система воспитания людей номенклатуры стала складываться в сталинскую эпоху, и основные ее принципы сохранялись до раннебрежневского периода. Анализ биографий и деятельности героя нашего исследования А. К. Протозанова вывел на определенные черты, развертывающиеся в его биографии как руководителя и одновременно встречающиеся и в биографиях партийно-государственной элиты советской эпохи. Сходными чертами биографий партийных и государственных деятелей значительной части советского периода являлись, на наш взгляд, следующие:

– служба в Красной Армии, участие в Гражданской войне, что, заметим, однако не являлось абсолютно обязательным условием для становления человека номенклатуры, были, несомненно, и исключения;

– сомнительность происхождения (не рабоче-крестьянское происхождение) подправлялась рабочей биографией в начале жизненного пути молодого человека;

– ранее вступление в комсомол, карьерный рост по комсомольской линии;

– обучение на рафбаке, позволявшее начать получение высшего образования часто в столичном учебном заведении;

– получение высшего инженерного образования в московских и ленинградских вузах, и приоритетность *высшего инженерного* образования для включения в состав номенклатуры;

– вступление в партию чаще всего в студенческий период, активная жизненная позиция, проявляющаяся в комсомольской деятельности, включение в различные выборные должности;

– интенсивный карьерный рост после партийных чисток конца 1930-х гг.,

– получение, по направлению, специального образования в Высшей партийной школе, где значительную долю предметов составляли гуманитарные – иностранные языки, исторические дисциплины, предметы, относящиеся к марксистко-ленинской философии;

– усложнение участков поручаемой деятельности, с достаточно короткими сроками пребывания на них, широкая география службы.

В центре нашего исследования оказалась жизнь и деятельность Александра Константиновича Протозанова. Его при жизни наградили такими эпитетами, как: «Большой человек из великой эпохи», «Великий прораб», «Человек-легенда», «Верный солдат партии», «Талантливый представитель своей эпохи», «Человек, неукротимой энергии», «Созидатель» и т. д. Причем многие и наиболее пафосные слова были сказаны о нем, когда он уже был в стороне от больших дел, к которым был причастен. Особый вклад внесли представители Восточно-Казахстанской области, во главе которой он стоял с 1969 по 1983 г.

Этапами биографии А. К. Протозанова были:

– Украина – Киев, где он родился, получил среднее образование, начал трудовую биографию, вступил в комсомол, стал активно заниматься комсомольской работой, учился на рабфаке;

– Москва – учеба в институте, работа на комсомольских постах разного уровня, в том числе и секретаря райкома комсомола Москвы, вступление в партию;

– Алтайский край – в годы войны – партийные посты уровня секретаря комитета партии отдаленного района, сотрудника отдела, руководителя отдела горнорудной промышленности Алтайского краевого комитета партии;

– Белоруссия – в период освобождения Белоруссии от оккупации и в первые годы восстановления народного хозяйства – работа в аппарате ЦК Компартии республики;

– В последующем – Удмуртия, Тюменская, Восточно-Казахстанская области.

Уже на начальном этапе мы видим непосредственную связь партийного руководителя А. К. Протозанова с решением чрезвычайных задач в чрезвычайных обстоятельствах, об-

условленных войной и тем, что выпускник Московского института цветных металлов часто оказывался в районах, связанных с решением стратегических задач. Если в Белоруссии он был сопричастен преодолению последствий войны, то в Алтайском крае – разведке стратегических рудных ископаемых.

В 1948 г. А. К. Протозанов был переведен в аппарат ЦК партии в качестве инструктора. И это не случайное обстоятельство, это звено, во многом обязательное в воспитании, формировании человека номенклатуры. После проверки личных и деловых качеств в разных звеньях номенклатурной системы аппарат ЦК партии становился ступенькой лестницы, на которой, работая в качестве инструкторов отделов и направляясь в разные регионы страны, перспективные партийные кадры знакомились с состоянием дел в разных регионах, готовили документы в виде докладных записок, на их основе – постановления. Работа в аппарате ЦК партии позволяла формировать более широкое видение проблем и нарабатывать связи, очень важные для последующей практической деятельности. После этого этапа становления человека номенклатуры следовало предоставление более самостоятельного участка деятельности – в качестве секретаря регионального партийного комитета.

Герой нашего исследования, будучи человеком номенклатуры, в начале 1950-х гг. оказался в Удмуртии, которая переживала процессы повышения уровня индустриального развития, в которых важное, если не основное, место занимало военно-стратегическое производство. Находясь в Удмуртии на должности секретаря обкома партии, был переведен на должность заместителя председателя Удмуртского совнархоза. В это же время мы сталкиваемся, через оговорку в одном из интервью уже завершающего периода жизни, с причастностью героя нашего исследования в качестве партийного советника к решению внешнеполитических проблем в Венгрии, за что А. К. Протозанов был удостоен высоких государственных наград. Направление партийных руководителей партийными советниками в Венгрию, ГДР, Чехословакию, Афганистан – закрытая для изучения проблема, относительно биографии нашего героя – существующая на уровне передаваемых легенд и отдельных оговорок.

После Удмуртии последовало направление в Тюменскую область, которая на тот период времени стояла перед острой проблемой поиска своего варианта экономического развития, занимая по объему промышленного производства одно из последних мест в Уральском экономическом районе. Промышленная база области была сконцентрирована преимущественно в южных районах. Экономика северных округов была связана с рыбной и лесной промышленностью, последней и было обусловлено освоение территории. Слабая энергетическая база оказывала сдерживающее развитие на экономику. Руководство области стремилось найти путь повышения уровня экономического развития, делая ставку на энергетическое строительство каскада гидроэлектростанций на Оби и Иртыше, поиске полезных ископаемых.

Именно в эту территорию с полуфеодальныим уровнем развития прибыл в 1958 г. по новому партийному назначению А. К. Протозанов, которую с определившимся индустриальным обликом он покинет в 1969 г., и в этом будет его огромная, неоцененная по достоинству заслуга. Более десяти лет, в 1958–1969 гг., Александр Константинович Протозанов работал в Тюменской области, и здесь его талант руководителя получил очень яркое проявление. Сначала (1958–1959 гг.) он являлся секретарем обкома партии, затем (1960–1963 гг.) занимал должность председателя облисполкома, два года – 1963–1964 гг. – был первым секретарем промышленного обкома партии, с 1964 по 1969 г. – вторым секретарем Тюменского обкома КПСС. Изучение архивного материала вызывает удивление масштабом деятельности А. К. Протозанова. Казалось, что не осталось ни одной сферы жизни города Тюмени, Тюменской области, к чему не прикоснулся Протозанов и не оставил бы след своей созидательной деятельностью. Трагизм ситуации заключается в том, что память о делах А. К. Протозанова практически оказалась стерта теми, кто постарался его заслуги приписать себе.

Прежде всего, отметим, что А. К. Протозанов внес огромный вклад в индустриальное, социально-экономическое развитие Тюменской области, именно он положил начало нефтяной промышленности в Тюменской области, добился принятия правительственного постановления от 4 декабря 1963 г. «Об организации подготовительных работ по промышленному освоению открытых нефтяных и газовых месторождений и о дальнейшем развитии геологоразведочных работ в Тюменской области», в котором была определена пробная эксплуатация нефтяных месторождений в 1964 г. Заложил в это постановление свои основные идеи. В постановлении был намечен широкий комплекс мероприятий по созданию нового нефтегазодобывающего района, включавший строительство автомобильных и железных дорог, авиационных линий, энергетических объектов, добывающих и строительных организаций, исследовательских и проектных институтов, Тюменского индустриального института, положившего начало инженерному образованию в области. Именно это постановление стало началом в создании Западно-Сибирского нефтегазодобывающего района.

А. К. Протозанов оказал огромное влияние на расширение геологоразведочных работ в Тюменской области, оказывая поддержку тем геологам, которые были ориентированы на Среднее Приобье. Содействовал, опираясь на поддержку А. Б. Аристова, переподчинению Тюменскому геологическому управлению экспедиций, которые вели работы в Среднем Приобье, но находились в ведении Новосибирских геологических управленческих структур.

Кроме того, А. К. Протозанов, как показывают документы архивов Тюменской области, – автор постановления о начале промышленной добычи газа в Тюменской области (июль 1966 г.). Он имел огромную уверенность в перспективах добычи газа в Тюменской области, как и нефти, уверяя еще только в период начавшейся пробной эксплуатации нефтяных месторождений, что в Тюменской области добыча может быть доведена до уровня добычи в США, называя цифру в 370 млн т.

Он не был кабинетным мечтателем, он решительно действовал на пути создания основ нефтегазодобывающего района. Но прежде всего нужно было не допустить строительства Нижне-Обской ГЭС, ярым противником которой он являлся и активно выступал против ее строительства (ГЭС 130 км ниже Салехарда, должна была затопить огромную территорию, в том числе и часть Среднего Приобья, должна была вырабатывать электроэнергию для снабжения Урала и Западной Сибири). Протозанов много сделал, чтобы Нижне-Обская ГЭС не была построена.

А. К. Протозанов – активный сторонник комплексного развития области, организации переработки нефти непосредственно в Тюменской области, активно добивался в высших эшелонах власти строительства нефтехимического комплекса, переработки попутного нефтяного газа. К 1969 г., когда его деятельность в Тюменской области вынужденно закончилась, он добился принятия в союзных структурах решения о начале строительства нефтехимического комплекса в районе Тобольска. Сохранившиеся в домашнем архиве А. К. Протозановых выступления Александра Константиновича периода его руководства Тюменским промышленным обкомом партии показывают нам человека государственного мышления, с идеями, намного опередившими время.

С началом добычи нефти и газа он, все более отстраняемый от принятия стратегических решений, курировал строительство всех важнейших объектов, определявших обеспечение объемов добычи нефти и газа, в том числе, первых нефтепроводов, газопроводов.

Согласно архивным документам, именно А. К. Протозанов инициировал строительство железной дороги Тюмень-Тобольск-Сургут, добился решения о включении вопроса о начале ее строительства в базовое постановление по развитию Западно-Сибирского нефтегазодобывающего района от 4 декабря 1963 г.

Именно А. К. Протозанов, считая, что ведущую роль будет играть Сургутский промышленный узел, инициировал сооружение Сургутской ГРЭС и даже тогда, когда он был отодвинут на пост второго секретаря Тюменского обкома партии и все более лишался самосто-

ятельности действий, используя небольшие возникающие промежутки времени управленческой свободы, добился в конце 1967 г. через республиканское правительство включения Сургутской ГРЭС в титульный список объектов начинаемых строительством в 1968 г., и в 1968 г. строительство Сургутской ГРЭС было развернуто. Для наращивания энергетической базы города Тюмени постоянно курировал сооружение *Тюменской ТЭЦ* (1960 г.), а затем ввод все новых турбогенераторов.

Получивший в период студенчества диплом летчика-штурмана, он был активным приверженцем развития авиационного сообщения, и прежде всего в столь огромной по масштабам Тюменской области. Он добился начала работ по реконструкции Тюменского аэропорта, а затем и строительства аэродрома с полосой с твердым покрытием в Тюмени, строительства аэродрома в Ханты-Мансийске, взлетно-посадочной полосы в Салехарде, отведение участка под строительства аэропорта в пос. Сургут, создание самостоятельного управления Гражданской авиации в Тюмени, обеспечение Тюменской авиагруппы новыми моделями самолетов и вертолетов.

На посту председателя облисполкома много сделал для подъема сельского хозяйства области, электрификации сел области, более планомерной застройки населенных пунктов области.

В деятельности А. К. Протозанова большое место занимало формирование иного облика города Тюмени, становление индустриальной базы города: развернулось строительство новых и реконструкция имеющихся заводов – завода медицинского оборудования, камвольно-суконного комбината, моторного завода, строительство новых корпусов заводов, созданных в годы войны и в послевоенный период и размещавшихся в малоприспособленных помещениях: завода «Строймашин», АТЭ, химико-фармацевтического, аккумуляторного, завода весов, в 1968 г. переименованного в Тюменский приборостроительный завод, новых цехов на сетевязальной фабрике, создание и строительство завода энергопоездов (с 1976 г. – завод турбомеханический).

Огромное внимание было уделено созданию базы строительной индустрии, без которой невозможно было развернуть гражданское и промышленное строительство. Именно в документах А. К. Протозанова была уже в 1964 г. сформулирована идея применения метода строительства крупными металлоконструкциями, которая в последующем получила название блочно-комплектного метода, получившего не без его инициативы широкое применение при сооружении нефтегазопромысловых объектов.

Он внес огромный вклад в становление современного архитектурного облика Тюмени. Ярый поборник развития спорта, А. К. Протозанов добивался строительства спортивных учреждений в городе. Было развернуто интенсивное жилищное строительство, строительство объектов культуры, инициировано строительство двух мостов через Туру, сооружение которых он постоянно курировал. В связи с разрушением берега реки Туры, которая выступала основной стержневой артерией развития города, было инициировано проведение берегоукрепительных работ. Решались вопросы, связанные с улучшением обеспечения города питьевой водой: начато строительство Метелевского водозабора; осуществлено в 1963 г. создание в Тюмени водопровода с полным комплексом водоочистных сооружений; строительство системы канализации в Тюмени и Тобольске.

Большое внимание было уделено обеспечению Тюмени продуктами питания: через укрепление колхозов и совхозов – молоком; через строительство в пос. Боровое птицефабрики – мясом птицы. А. К. Протозанов являлся сторонником развития птицеводства, которое позволяло в короткие сроки решать проблемы обеспечения населения мясной продукцией. Для улучшения снабжения населения Тюмени хлебобулочными изделиями в 1960 г. началось строительство Тюменского хлебозавода, в 1963 г. развернулось строительство мясокомбината.

В период его руководства Тюменским облисполкомом осуществлялось активное строительство предприятий торговли: организовано по области строительство 120 магазинов, в

т. ч. 23 магазинов самообслуживания, а также многочисленных предприятий общественного питания.

Огромное внимание было уделено системе здравоохранения, борьбе с туберкулезом, инфекционными заболеваниями, вводу учреждений здравоохранения, которые до сих пор являются основой лечебной базы города Тюмени и области: в 1963 г. осуществлен ввод областной больницы, завершение строительства которой А. К. Протозанов курировал лично; начато строительство онкологического диспансера; открыта станция переливания крови; началось строительство инфекционной больницы; закладываются основы санаторно-курортных учреждений вблизи Тюмени – вводится первый санаторий под Тюменью на Верхнем Бору, детский противотуберкулезный санаторий в пос. Тараскуль. Для подготовки кадров для здравоохранения в 1963 г. А. К. Протозанов «пробил» открытие в Тюмени медицинского института.

Существенное внимание уделялось системе образования: развертывается интенсивное строительство школ, открывались все новые школы, создавалась разветвленная сеть профессионально-технических училищ, так как заводы, за которые ратовал Протозанов, должны были получать квалифицированные рабочие кадры. Герой нашего исследования положил начало высшему инженерному образованию в Тюменской области, добился включения в постановление 4 декабря 1963 г. вопроса об открытии в Тюмени индустриального института, лично стал курировать строительство корпуса для Тюменского индустриального института по ул. Володарского, 38.

Для привлечения специалистов во вновь создаваемые отрасли промышленности именно А. К. Протозанов добился для автономных, в тот период, национальных округов введение коэффициентов к заработной плате 1,5 и 1,7. Решение об этом подписал А. Н. Косыгин. В его деятельности, связанной с созданием основ Западно-Сибирского нефтегазодобывающего района, большое внимание уже на начальном этапе уделялось вопросам социально-бытового обслуживания территорий развертывающейся нефтегазодобычи. В документах Тюменского промышленного обкома партии в начале 1964 г., когда еще только началась пробная эксплуатация нефтяных месторождений, отражены проблемы строительства городов на Тюменском севере.

Огромная энергия, затрачиваемая А. К. Протозановым на изменение облика Тюменской области, все более наталкивалась на противодействие первого секретаря Тюменского обкома партии Б. Е. Щербины. Спасением в этой ситуации стало направление А. К. Протозанова первым секретарем обкома партии в Восточно-Казахстанскую область, где А. К. Протозанов работал в качестве первого секретаря Восточно-Казахстанского обкома партии с 1969 по 1984 г. Область имела важное стратегическое значение в союзной экономике: на ее территории добывалась основная доля нерудных полезных ископаемых и получали сырье для атомной промышленности; в непосредственной близости находился Семипалатинский полигон; сложностью отличались пограничные вопросы, так как значительная часть Восточно-Казахстанской области граничила с Китаем.

После выхода в 1983 г. на пенсию А. К. Протозанов получил статус персонального пенсионера союзного значения, поселился в Москве, но еще ряд лет работал в качестве советника в республиканском правительстве.

Александр Константинович Протозанов прошел большой путь партийного и советского руководителя. Не каждый из людей номенклатуры вырабатывает свой особый стиль руководства, номенклатура как бы должна усреднять свои составные части. Но у Протозанова был свой отличительный стиль руководства. Его стиль руководителя опирался на образование, полученное в Московском институте цветных металлов и золота и Высшей партийной школе, а также на огромный практический опыт. Кроме того, как отмечают работавшие рядом с ним, он был очень образованным человеком. Ему в полной мере было присуще такое качество, как умение мыслить стратегически, то есть – с учетом долговременных по-

следствий. Уже в тюменский период ярко проявилось то, что в последующем дало возможность определять его как «государственника», то есть руководителя, способного мыслить масштабно, с учетом не сиюминутной выгоды, а на основе комплексного подхода к проблеме, позволяющего достигать эффект с меньшими потерями. «Мысля системно и умея, отталкиваясь от логики событий, прогнозировать их, он намечал пути решения той или иной проблемы и предвидел финал, то есть возможный результат своего целенаправленного действия. И знал – цель достижима. Только надо идти к ней последовательно и настойчиво. В этом был источник его оптимизма, и человек, не побоимся этого слова, окрыленный им, не мог долго оставаться во власти отрицательных эмоций»[7].

В подборе команды делал ставку на специалистов образованных, обладающих знаниями, умеющими работать, не думая о выходных, учитывал добросовестность, ответственность. «До сих пор слова “протозановский кадр” звучат как лучшая похвала воспитанникам Александра Константиновича», – пишет бывший заведующий сельскохозяйственным отделом Восточно-Казахстанского обкома партии Т. К. Когабаев[8].

Он был руководителем, блестяще соответствующим эпохе мобилизационной экономики, когда нужно в короткий период, при объединении невероятных усилий, решить сложную и очень значимую для страны задачу. «Экспрессивен, напорист, строг и, кажется, грубоват», «деловит, настырен, проницателен»[9]. И в решении задач мобилизационной экономики он демонстрировал недюжинные способности. Он не был только кабинетным руководителем. Ему в кабинете было тесно. Его совершенно не устраивало узнавание проблемы ее состояния только по чьим-то, особенно если невнятным, докладам. Он стремился знать проблему изнутри, и стремился понять ее сам, детально изучив на месте. Среди методов его работы – практика проведения выездных заседаний, непосредственно на объекте, с участием неполного состава бюро обкома. Привлекались и хозяйственники города и области. На таких заседаниях шел обстоятельный разбор проблемы без ведения типового протокола. Многие вопросы решались на месте, без затрат времени. Протозанов не терпел промедления, требовал незамедлительного принятия решений. Часто вмешивался в ситуацию и находил быстрые и неординарные решения. Выездные совещания в его деятельности представляют очень частое явление, они ускоряли принятие решений непосредственно на месте, но зачастую не имели протокольной фиксации, что создает огромную трудность в изучении его деятельности, так как обстоятельство не получало документального оформления. Там, где конкурентный момент был очень высок, а к результату свою персону захотелось присоединить многим, такие особенности его стиля как руководителя работали против него. Это особенно ярко проявилось в истории его деятельности в тюменский период.

Сложность изучения деятельности Протозанова и в том, что он зачастую не следовал длительной бюрократической переписке, он брал телефонную трубку и стремился к кратчайшему по времени решению вопроса, и вновь документального следа в виде переписок и согласований не оставалось. Он решал проблему, и всегда блестяще, как вспоминали многие, за короткое время телефонных согласований.

Еще одна черта его стиля руководства – очень своеобразная. Он, как и всякий руководитель, должен был быть строг и требователен. Мог подвергнуть на совещании разносу того или иного своего подчиненного. А вот далее – это явно прослеживается в воспоминаниях современников и участников общих дел, после разносов Протозанов подходил, пожимал руку, не сразу бежал с протянутой рукой, а затем в кулуарах, но у всех на виду. Его критика и «разгромы» не убивали человеческое достоинство, а добавляли уверенность[10], отмечают, что был руководителем жестким, но при этом не навязывал своих волевых решений, доказательно их обосновывал[11].

Ему самому была присуща огромная работоспособность, которая поражала абсолютно всех, кто с ним сталкивался. Он вставал очень рано, это проявлялось для руководства во

время деловых ознакомительных поездок на места, и очень удивлялся тому, что после 6 утра еще кто-то спал. Рабочий день был невероятно продолжительным и мог заканчиваться и после 10 вечера. А. Шарабарин, бывший первый секретарь Таврического райкома партии Восточно-Казахстанской области, подчеркивал в своих воспоминаниях, что Протозанов был одержим работой, работой и еще раз работой, для него не существовало ни выходных, ни отпусков, и рабочий день зачастую завершался в полночь. Он мог назначить прием на 22.30, что было решением вечного дефицита времени. Протозанов постоянно говорил, что народ ценит руководителя не за то, что он красиво говорит, а за конкретное дело[12]. И часто сокрушался – почему в сутках всего 24 часа. Его ритм работы – рабочий день длительностью в 16–18 часов.

В стиле руководящей деятельности Протазанова – с раннего утра появляться на строящихся объектах[13]. У Протозанова отмечают и феноменальную память, решительность, настойчивость в достижении целей. «Он выделялся, как человек мощной энергии, неуемной силы, деловой хватки, уверенный в себе, пользующийся огромным авторитетом», – вспоминает о нем И. А. Кондратьева, бывший заместитель председателя Восточно-Казахстанского облисполкома[14]. Совершенно самобытный, широко образованный, высокопрофессиональный руководитель, искренне влюбленный в край, в котором ему приходилось работать и его дела. А в деле для него не было мелочей. Бывая в районах, он интересовался всем: школами, больницами, клубами, стадионами, замечая все интересное и лучшее[15]. Всегда поддерживал инициативу. Принимал посетителей без проволочек, решение проблемы не откладывал, начинал тут же сразу, звонил в Москву… И любил говорить «Ну вот и решил проблему!»[16] Он был очень прост в общении с людьми. Но неимоверно требователен. Многие хотели потом повторить опыт правления Протозанова. Но править как Протозанов – надо иметь голову с мозгами[17].

Еще одна черта А. К. Протозанова – безразличие к одежде и пище, к площадям и мебели служебного кабинета. Протозанов не нажил себе даже примитивной дачи, самым громоздким его грузом при переездах была библиотека. Книги он любил, кабинет весь был забит книгами, стоящих на стеллажах от пола до потолка. Свободным от книг было только место для рабочего стола. Пополнение библиотеки новинками – было хобби Протозанова.

Нельзя не отметить, что он обладал очень большими связями на уровне высшего руководства партии и правительства. Его связи с руководителями разного уровня корнями уходили и в период студенчества в институте, в обучение в ВПШ, работы в аппарате ЦК партии. Казалось, что нет ни одного руководителя союзного или республиканского министерства, ведомства, с которым он не был знаком или не мог решить возникшего вопроса.

Богатырское здоровье, нестандартное мышление, уникальная память, коммуникабельность помогали ему всегда найти выход из казалось бы тупиковых, безвыходных ситуаций. Он постоянно был в движении, как бы разрушая узкое кабинетное пространство. Протазанов при запланированной поездке мог легко свернуть с намеченного маршрута и посетить любой объект, какой вздумается, не чурался лично переговорить с руководителями рядовых хозяйств по телефону, обсудить проблемы и помочь найти выход, и если обещал помочь, что эта помощь всегда оказывалась.

Вот такой у нас получился образ руководителя эпохи мобилизационной экономики, одного из многих, работавших в сложных, порою чрезвычайных условиях, на экономическое могущество своей страны.

Примечания

[1] Седов В. В. Мобилизационная экономика : от теории к практике // Мобилизационная модель экономики : исторический опыт XX века : сб. науч. ст. Челябинск : Энциклопедия, 2009. С. 6.

[2] Зубков К. И. Феномен мобилизационной экономики : историко-социологический анализ // Там же. С. 65.

[3] Сенявский А. С. Советская мобилизационная модель экономического развития: историко-теоретические проблемы // Там же. С. 25.
[4] Зубков К. И. Феномен мобилизационной экономики. С. 69.
[5] Седов В. В. Мобилизационная экономика : от теории к практике. С. 9.
[6] Сенявский А. С. Советская мобилизационная модель… С. 28.
[7] Мусин Менгали. Повесть о Протозанове. Усть-Каменогрск, 2000. С. 73.
[8] Его дела не подвластны времени. К 85-летию со дня рождения Александра Константиновича Протозанова : сб. воспоминаний. Усть-Каменогорск : Изд-во ВКГУ, 1999. С. 20.
[9] Мусин М. Повесть о Протозанове. С. 18.
[10] Его дела не подвластны времени. С. 46.
[11] Там же. С. 8.
[12] Там же. С. 10.
[13] Там же. С. 17.
[14] Там же. С. 40.
[15] Там же. С. 41.
[16] Там же. С. 42.
[17] Там же. С. 55.

Е. С. Кравцова

ФИСКАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война обнажила многие скрывающиеся проблемы российского общества, в том числе и налоговые. В России самым распространенным являлся государственный поземельный налог, реформировать который и было решено со вступлением Империи в войну.

В своем докладе Николаю II министр финансов П. А. Барк высказывал такое соображение: «Хотя земля несет, кроме государственного поземельного налога, значительные земские платежи, а уездные крестьяне оплачивают также мирские расходы, однако при современном положении, падающих на землю разного рода сборов, государственное поземельное обложение представляло крайне незначительный состав – всего 0,09 % со стоимости земли по данным 1900–1902 гг. и вполне допустимо было бы его увеличение без особого обременения плательщиков»[1].

В целом, необходимо отметить, что министерством «предусматривалось внесение соответствующих изменений так же и в действующую систему реального обложения в целях достижения в пределах каждого отдельного налога (с недвижимого имущества в городах, государственного промыслового и поземельного) возможность равномерного распределения налогового бремени, а также привлечения к обложению оставшегося не обложенным доходов со строений в уездах, распространение налога на денежные капиталы и т. д.

В исполнение указанных предложений в законодательные учреждения были внесены и представлены: 1) о подоходном налоге; 2) об изменении расписаний по губерниям оклада государственного поземельного налога; 3) о пересмотре Положения о государственном налоге с недвижимых имуществ; 4) о пересмотре Положения о государственном промысловом налоге (всего 11 предложений). Получили силу закона лишь закон о городском недвижимом имуществе, с началом войны изменилось расписание оклада поземельного налога[2]. Повысив поземельные оклады, в 1915 г. Департамент окладных сборов предполагал собрать в целом по Российской Империи государственного поземельного налога в размере 27 млн р.[2], т. е. доходная часть бюджета по этой статье, по сравнению с 1913 г., должна была увеличиться на 17 млн р.[3] В связи с этим произошло весьма существенное увеличение ставок на землю (табл. 1).

Таблица 1

Расписание средних окладов государственного поземельного налога на 1 десятину земли*

Губерния	Величина налога (в коп.)
Подольская	29,5
Курская	27
Московская	24
Пензенская	16,5
Архангельская	3/4

*Составлена по: РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 1192. Л. 588.

Итак, новый налог в Курской губернии стал составлять 27 коп. за 1 дес., в Орловской – 22 коп., в Воронежской – 20,25 коп. Для сравнения, в 1896 г. в этих губерниях налог с 1 дес. равнялся 5 коп., а в 1884 г. – 17, 14, 12 коп. с 1 дес. соответственно.

Указом от 24 декабря 1914 г. представлялось «Министру финансов сделать распоряжение о том, чтобы на 1915–1916 гг. казенные палаты исчислили причитающейся на каждое землевладение государственный поземельный налог по установленным местными учреждениями окладам с увеличением их соразмерно предложенному <…> повышению средних подесятинных окладов этого налога против окладов»[4], означенных в расписании.

Для налогоплательщиков из частных землевладельцев для получения льгот действовали следующие правила: в случае постигшего отдельного плательщика несчастий, управляющий Казенной палатой должен немедленно сделать распоряжение о «приостановлении взыскания государственного поземельного налога с пострадавших». Кроме этого, он по соглашению с губернатором мог разрешить рассрочку или отсрочку текущего оклада налога, «в размере не свыше половины оклада и на срок не свыше трех лет». Такой же срок предоставляется для рассрочки и отсрочки уплаты налога и для других налогоплательщиков, но только по согласованию с губернатором[5].

В случае если представителям власти (Губернатору и Управляющему) не удавалось прийти к согласию или если необходимо было сделать рассрочку или отсрочку на большую сумму и на больший срок, то последнему предоставлялось право входить с представлением по этому вопросу к министру финансов. Министр же мог «отсрочивать, рассрочивать и слагать государственный поземельный налог на всякую сумму и без ограничения времени отсрочки и рассрочки»[6].

Несмотря на принятые меры, процентное соотношение этого налога к общей сумме государственных доходов в разных странах было не в пользу России. Так, во Франции оно составляло 2,8 %, в Австрии – 3 %, Италии – 5,8 %, в Венгрии – 6 %, а в Российской империи – всего лишь 0,85 %[7]. По России доля государственного поземельного налога в доходах государства сократилась с 1 % в 1908 г. до 0,7 % в 1914 г.

В целом, сбор поземельного налога в 1914 г. нельзя было назвать успешным. Например, в Курской губернии недоимки и за крестьянскими обществами, и за частновладельческими землями были значительны. Наиболее прилежными в уплате налогов были бывшие государственные крестьяне. На частных землях оставалась самый внушительный долг, хотя владельцев земли было, безусловно, меньше (см. табл. 2).

Таблица 2

Задолженность налогоплательщиков по поземельному налогу за 1914 г. (в руб.)*

	С бывших помещичьих крестьян	С бывших государственных крестьян	С частных земель	Всего
Оставалось	43704	9827	52290	105821
Исчислено оклада	308977	108981	245929	663887

	С бывших помещичьих крестьян	С бывших государственных крестьян	С частных земель	Всего
Причислено недоимки	-	-	913	913
Причислено оклада	137	33	2584	2754
Исключено недоимки	33	5	1258	1296
Исключено оклада	480	142	4419	5041
Поступило недоимки	37988	8885	46749	93622
Поступило оклада	257180	99560	205222	561962
Осталось недоимки	5683	935	5195	11813
Осталось оклада	51453	9312	38871	99636

*Составлена по: Обзор Курской губернии за 1914 г. Курск, 1915. С. 51.

В лучшую сторону с уплатой налога ситуация сложилась в 1915 г. С началом призыва в армию семьям ополченцев стали выдавать пособия на них. Кроме этого, в 1915 г. был хороший урожай зерновых культур. Податной инспектор Екатеринославского уезда в своем отчете в казенную палату отмечал прямую зависимость успешного поступления окладных сборов от степени урожая хлебов. «Правда, поступление окладных сборов зависит от других причин, например, хорошие местные заработки, удачная реализация урожая, отхожие промыслы и т. д., но самой важной во вверенном мне участке является все-таки урожай хлебов»[8]. Также в качестве причин, положительно влияющих на динамику поступления налогов во время войны, он выделяет: прекращение продажи казенного вина; прилив в крестьянскую среду значительных средств, выдаваемых семьям лиц, призванных на войну[9]. Курская казенная палата отмечала, что при наличии на руках у населения свободных денежных средств на сельскохозяйственных рынках губернии наблюдались довольно высокие цены на продукцию. Налогоплательщики в целом имели достаточно средств, чтобы расплатиться с казной по всем налогам. Податные инспектора указывали, что за этот год более успешно шло поступление и по государственному поземельному налогу с надельных земель[10].

В Департаменте окладных сборов также отмечали, что «в 1915 г. урожай хлебов в целом по Империи был удовлетворителен. В 22 губерниях – хороший; в Курской, Московской губерниях – выше удовлетворительного»[11].

Например, по Курской губернии в 1915 г. с крестьянских земель по всей губернии должно было поступить: недоимок в размере 67,4 тыс. р., оклада – 663,6 тыс. р., и несмотря на существенное (на 37 %) повышение налоговых ставок – в 1914 г. оклад составлял 417,5 тыс. р. – поступление шло нормально[11].

В Министерстве прослеживали динамику налоговых поступлений. После повышения ставок налога оклад поземельного налога стал составлять 53,7 млн р. (из этой суммы 33,5 млн р. – величина налога без увеличенных ставок, а 20,2 млн р. – непосредственно повышение), т. е фактически налог в 1915 г. по сравнению с 1914 г. увеличился на 23,2 млн р., или на 76 %[12]. За два месяца 1915 г. поступило 1,8 млн р. (3,3 % по отношению к росписи), что было на 0,3 млн р. больше, чем в 1914 г.[13]

В дальнейшем внесение налога ослабевает: уже в марте задолженность по данному налогу стала составлять 2,3 млн р. (8,2 млн р. в 1915 г. против 10,4 млн р. в 1914 г.)[14]. Такой процесс был естественен, поскольку в этот временной период сокращаются продажи зерна, а, следственно, падала и платежность населения. В течение 1915 г. в государственную казну поступило 91,0 % от установленной суммы[15].

Интересно сравнить особенности поступления поземельного налога в 1913 г. (как последний мирный год для государства) и 1915 г. (первый год после повышения оклада).

Уровень поступления налога в 1913 г. был ниже, чем в 1915 г. В 1913 г. самые низкие платеж были в Малороссии – 18,3 %, самые высокие – в Восточном районе – 51 %, в Се-

верном, Среднепромышленном, Среднечерноземном этот показатель колебался между 30 и 40 %[16]. В 1915 г. зачисления увеличились, но сохранилось географическое отставание и опережение районов: Малороссия – 25 %, Восточный район – 74 %, в Северном, Среднепромышленном, Среднечерноземном процентный поступления изменялись от 40 до 50 %[16]. Увеличение налогов произошло значительное. В Северном районе налог в 1915 г. был увеличен по сравнению с 1915 г. на 0,688 млн р., или на 251 %, или в 3,5 раза. Окладная сумма Среднепромышленного района возросла на 1,7 млн р. (на 172,2 %) или в 2,8 раз. В Восточном эта разница составляла 1,66 млн р., т. е. фактическое увеличение обложения было в 2,6 раз (160 %). Налог для территорий Малороссии возрос в 2,1 раза (107,7 %) или на 1,4 млн р. Самый небольшой рост окладов поземельного налога был в Среднечерноземном районе – в 1,7 раза (65 %) или 2,64 млн р.[16] (см. табл. 3).

Таблица 3

Назначение и поступление оклада государственного поземельного налога в 1913 и 1915 гг.*

Наименование района	Назначено к поступлению		Поступило	
	1913 г.	1915 г.	1913 г.	1915 г.
Северный	0,274	0,962	0,106	0,434
Восточный	1,04	2,7	0,532	2,0
Среднепромышленный	0,974	2,7	0,375	1,2
Среднечерноземный	4,06	6,7	1,3	2,7
Малороссия	1,3	2,7	0,238	0,675

*Составлена по: РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 1193. Л. 16 об. – 17.

Такое неравномерное повышение оклада объясняется тем, что Среднечерноземный район и до повышения оклада был обложен самым высоким налогом, в то время как в других районах величина оклада имела более низкую ставку. При этом в ряде районов страны к обложению привлекались и ранее необлагаемые земли.

В 1916 г., в связи с потерей ряда территорий, величина налога была определена несколько ниже – 43,0 млн р., в том числе и от повышения ставок – 22,7 млн р.[17] Однако поступление сбора в стране шло такими же темпами, как и в 1915 г.[18]

Например, на 1 января 1916 г. на налогоплательщиков Курского уезда было возложено 111,8 тыс. р. поземельного налога; 48,6 тыс. р. из них приходилось на крестьянское население губернии и 63 тыс. р. на частновладельческие земли[19]. Сборы проходили весьма успешно. На ноябрь месяц недоимки были собраны полностью, оклада поступило 96,5 %. С других владельцев земли (частных владельцев, с городских обществ, с различных учреждений) поступило в казначейство: недоимок 82 %, окладного сбора – 84 %[20]. Что свидетельствует об уважении фискального порядка плательщиками.

При назначении и распределении суммы налога земскими собраниями бралась уточненная информация о количестве десятин в уезде и доходности земли. Так, в Московской губернии распределение сбора по уездам происходило еще в 1914 г., т. е. сумма указана без учета увеличения ставок[21].

Самой дорогой землей губернии оказалась находящаяся в пределах Московского уезда – 16 р. 85 коп. В данном случае объяснения весьма просты: центральный уезд с развитой промышленностью и торговлей и т. д. Самая дешевая земля была в Можайском уезде – 2 р. (ввиду ее слабой плодородности, удаленности от центра и др.). Цена земельных угодий по другим уездам колебалась в пределах 3–4 р. (см. табл. 4).

Таблица 4

О распределении государственного поземельного налога в Московской губернии на 1916 г.*

Уезд	Количество десятин земли	Доходность земли (в руб.)	Сумма налога (в руб.)	Стоимость десятины (в руб.)
Богородский	277274	917146	10399	3,3
Бронницкий	195930	1143745	12294	5,8
Верейский	155690	491149	5273	3,15
Волоколамский	205212	684693	7355	3,3
Дмитровский	248766	882228	9476	3,5
Звенигородский	184149	865833	9304	4,7
Клинский	283283	954502	10266	3,4
Коломенский	176524	688149	7395	3,9
Можайский	153237	391513	4205	2,55
Москоский	194090	3271135	35175	16,85
Подольский	201380	735498	7902	3,65
Рузский	185342	566920	6087	3,05
Серпуховский	207296	777341	8356	3,75
По губернии	2668173	12369852	133487	4,6

*Составлено по: Московское губернское земское собрание 1914 г. № 27 (4 с.) С. 2–3.

После Февральской революции 1917 г. взимание податей происходило в прежнем режиме. Так, на встрече Председателя Исполкома Курской губернии и Тимского уездного комиссара 20 июня 1917 г. отмечалось, что в уезде нет никакой агитации против уплаты налогов, которые поступают нормально, при этом принимаются меры для взыскания недоимок прежних лет.

Рост налоговых ставок, в том числе и поземельных, не решило проблемы финансового дефицита. Временным правительством в 1917 г. вновь стал подниматься вопрос об увеличении существующих ставок.

Известный экономист профессор П. Гензель считал, что увеличение существующих ставок государственного поземельного налога примерно в 2 раза допустимо, хотя всякое увеличение реальных налогов отзывается больно на плательщиках, особенно на задолжниках, но увеличение возможно: «…крупная доля увеличения упадет на малозадолженные крестьянские земли, которые по общим правилам не подойдут под новый подоходный налог ввиду утверждения налогового минимума; увеличение хлебных цен создаст более выгонную конъектуру для землевладельцев; обесценивание валюты и падение курса закладных листов выгодны для задолжников недвижимости; ныне существующие ставки значительно ниже всех других реальных налогов; увеличение ставок поземельного налога не может влиять на цену хлеба, ибо налог падает на ренту»[22].

Но закона, увеличивающего налога, принято не было. Так, в 1917 г. окладные сборы по государственному поземельному налогу с имений Зюзинской волости Московской губернии в 1917 г. составляли: с титулярного советника Н. В. Якунчикова оклад за 126 десятин 2000 саженей равнялся 268 р. 54 коп.[23], крестьянина И.И. Кулакова с 350 кв. саженей составлял 52 коп.[24], крестьянина И. П. Сусликова с 170 кв. саженей – 52 коп.[25] Самые большие взносы должны были поступить от генерала от инфантерии Е. С. Бутурлин: за 496 дес. 1320 саженей оклад равнялся 241 р. 25 коп., к этому необходимо было прибавить и весьма значительную недоимку в размере 116 р. 45 коп.[26]

После событий Октября 1917 г. взимание налога еще некоторое время продолжалось. Например, размер государственного поземельного налога с Московской губернии на 1918 г. равнялся 640159 р., в том числе с Московского уезда – 169323 р., Рузского – 29191 р., Богородского – 49676 р.[27]

Изменения в обложении, увеличение налоговых ставок связаны с фискальными преобразованиями 1918 г. Например, Совет рабочих и солдатских депутатов Москвы на 1918 г. определил особенности обложения земельных имуществ: «Земля облагается по средней доходности, определяемой по размерам доходности, установленным на 1917 г., в повышении этого размера на 100 %. Надельные земли крестьянских обществ, облагаемых налогом в размере 10 % с доходности. Бывшие частновладельческие земли, находящиеся в управлении земельных комитетов и на учете у них, облагаются налогом в 12 %»[28].

Окончательная трансформация этого налога происходит во время проведения налоговой реформы в 20-е гг. XX в.

Примечания

[1] РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 1192. Л. 574.
[2] К вопросу о преобразовании действующей налоговой системы. СПб., 1915. С. 5.
[3] РГИА. Ф. 560. Оп. 38. Д. 193. Л. 132–141.
[4] Устав о земских повинностях. С. 233–234.
[5] Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. С. 383–387.
[6] См.: Устав о прямых налогах. Прил. С. 7–9.
[7] Сапилов Е. В. Указ. соч. С. 53.
[8] РГИА. Ф. 573. Оп. 34. Д. 78. Л. 425 об.
[9] См.: Обзор Курской губернии за 1915 г. Курск, 1916. С. 40.
[10] РГИА. Ф. 560. Оп. 43. Д. 104. Л. 2.
[11] ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 13185. Л. 31.
[12] РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 1193. Л. 2.
[13] Так же. Л. 10 об.–11.
[14] Там же. Л. 8 об.
[15] Там же. Л. 11–11 об.
[16] РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 1193. Л. 16 об. – 17.
[17] РГИА. Ф. 565. Оп. 12. Д. 470. Л. 29 об. – 30.
[18] Там же. Ф. 560. Оп. 43. Д. 105. Л. 12–12 об.
[19] ГАКО. Ф. 327. Оп. 1. Д. 337. Л. 56.
[20] Там же. Ф. 184. Оп. 1. Д. 12227. Л. 244–249.
[21] См.: Московское губернское земское собрание 1914 г. 1914. № 27. С. 2–3.
[22] Гензель П., Соколов А. Финансовая реформа в России. Вып. II. М., 1917. С. 5.
[23] ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 21. Д. 21. Л. 1.
[24] Там же. Л. 41.
[25] Там же. Л. 43.
[26] Там же. Л. 83.
[27] Доклад Московского земства о государственном поземельном налоге на 1918 г. // Московское губернское земство 1917 г. 1917. № 27. С. 2.
[28] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 13. Л. 35.

В. Н. Курятников

ОТРАСЛЕВЫЕ ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ НЕФТЯНЫМ КОМПЛЕКСОМ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ В УСЛОВИЯХ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИКИ

Открытие нефти на Урале весной 1929 г. в селе Верхнечусовские Городки Пермского округа Уральской области по времени совпало с утверждением диктатуры Сталина, пере-

ходом страны к форсированной индустриализации, созданием крайне централизованной системы управления экономикой.

Сложившаяся в годы нэпа система управления нефтяным комплексом страны, когда ведущие нефтетресты обладали значительной самостоятельностью при решении многих вопросов, прекращала свое существование. Всё большую роль начинали играть центральные органы управления и планирования, сосредоточенные в столице, а также высшие органы партийной и государственной власти, направлявшие и контролировавшие развитие ключевых отраслей экономики, в том числе – нефтяной.

Открытие нефти в Верхнечусовских Городках привело к созданию организационных структур, призванных руководить освоением первого уральского месторождения, развёртыванием работ по созданию инфраструктуры, формированию коллектива нефтяников и т. д. Первые шаги в этом направлении были предприняты во второй половине мая 1929 г. После сообщений из Перми об открытии чусовской нефти и высокой оценки её обнаружения «на основании предварительных данных» И. М. Губкиным 18 мая 1929 г. был подписан приказ ВСНХ № 731 об организации при Главгортопе «Особого бюро – “Уралнефть”» для руководства всеми работами по разведке нефтяных и газовых месторождений Урала[1]. Главное горно-топливное и геолого-геодезическое управление ВСНХ СССР, в которое входил Директорат нефтяной промышленности, существовало в 1926–1929 гг. Оно регулировало деятельность нефтетрестов, являясь одним из главков ВСНХ.

«Особое бюро – “Уралнефть”», не просуществовав и месяца, уступило место конторе «Уралнефть», ставшей первой организационно оформленной структурой по разведке и эксплуатации нефтяных месторождений Урала, по руководству и управлению зарождавшейся нефтяной отраслью. Положение «О конторе “Уралнефть”» было утверждено на заседании Президиума ВСНХ СССР 6 июня 1929 г. Она состояла при Главгортопе ВСНХ СССР и учреждалась «в целях организации и производства буровых разведок нефтяных и газовых месторождений Урала, а также в целях ведения иных подготовительных работ для промышленной эксплуатации этих месторождений»[2]. В её основные функции входили следующие направления деятельности: организация и производство буровых работ, эксплуатация, наряду с разведочными работами, «нефти из пробуренных ею скважин»; организация нефтехранилищ и хранение нефти; транспорт нефти. Кроме того, в её компетенции находились вопросы организации и формирования рабочего аппарата конторы.

Приказом ВСНХ № 830 управляющим конторой «Уралнефть» назначается Р. З. Бучацкий, его заместителями – Я. И. Пелевин и П. А. Ермолаев.

Специфика управления той или иной отраслью народного хозяйства на местах, тем более вновь организуемой, заключалась в том, что большинство вопросов производственной деятельности, укрепления материально-технической базы, защиты интересов предприятий, трестов решалось или могло разрешиться только в Москве. Чтобы приобрести дефицитные товары, распределявшиеся по классовому принципу, получить льготы по налогообложению, выделенные денежные средства и т. д., была необходима «смазка» административных оков в столице, налаживание и поддержание нужных контактов на личностном уровне в среде партийно-государственного аппарата.

Административная «зарегулированность» рыночных отношений в последние годы существования нэпа привела к открытию в Москве целого ряда представительств, функционеры которых пополнили ряды бюрократического аппарата страны. Представительства стали одним из элементов системы управления экономикой, получившей в дальнейшем наименование «командно-административной». Они были призваны отстаивать интересы отраслевых подразделений, функционировавших на региональном уровне, сглаживать сбои, которые нередко возникали в работе аппарата управления разных иерархических ведомств. 12 июля

1929 г. Р. З. Бучацкий утвердил положение о представительстве конторы «Уралнефть» в Москве. «Представительство “Уралнефти” в Москве, – говорилось в проекте, – является подсобным аппаратом Управления Конторы “Уралнефть”»[3]. Однако этот «подсобный аппарат» наделялся широкими полномочиями. Наиболее важные направления по управлению и обеспечению жизнедеятельности конторы «Уралнефть» делегировались её представительству в Москве. Фактически создавался аппарат по «проталкиванию» вопросов конторы «Уралнефть» в столице. Представительство конторы, не успев как следует развернуть деятельность, ликвидируется. На базе конторы «Уралнефть» возник трест с аналогичным названием. Инициировал его создание И. В. Сталин.

Правление треста располагалось в селе Верхнечусовские Городки Пермского края Уральской области. Трест «Уралнефть» находился в ведении ВСНХ СССР. Предметом его деятельности являлась «эксплоатация нефтеносных земель Пермского и прилегающих к нему районов Уральской области путём разведки, добычи, переработки, хранения, транспортирования и реализации нефти, газа, кира, озокерита и продуктов их переработки, а также производство всякого рода строительства на промыслах и перегонных заводах (§ 1 уст.)»[4].

Устав треста «Уралнефть», как видно из вышеприведённого текста, не отразил его специфики, заключавшейся в ведении главным образом разведочных работ на нефть.

Общий характер положений, присутствующих в уставе треста «Уралнефть», обусловил аморфность управленческих функций и необязательность их проведения в жизнь сотрудниками различных подразделений треста.

При создании треста «Уралнефть» в его структуре отсутствовали подсобные предприятия, необходимый аппарат управления, не хватало инженерно-технических работников, квалифицированных кадров нефтяников. Все эти вопросы руководством треста разрешались в процессе его становления. На пути от «Особого бюро – “Уралнефть”» к конторе «Уралнефть», а затем и к тресту с тем же названием, назначаемое сверху руководство стремилось в максимально короткие сроки создать работоспособный аппарат управления, заложить соответствующую нормативную базу. Образцами для подражания являлись общесоюзные тресты «Азнефть» и «Грознефть».

При назначении руководителей высшего звена в нефтяной промышленности, как и в других отраслях народного хозяйства страны, действовал номенклатурный принцип отбора. При таком подходе был, например, более важен вопрос о членстве в ВКП (б), чем вопрос о профессиональном образовании руководителей. Высший руководящий состав треста «Уралнефть» в 1931 г. был представлен управляющим трестом К. А. Румянцевым, двумя его заместителями – Р. А. Бучацким и А. Т. Севастьяновым и техническим директором В. Р. Рабиновичем. Как управляющий, так и его замы имели «образование низшее». Высшее образование было только у технического директора треста «Уралнефть» – Вениамина Рафаиловича Рабиновича. В списке ответственных работников значилось 30 человек.

Создание треста «Уралнефть» пришлось на время реорганизации управления нефтяной промышленности страны. 30 ноября 1929 г. на базе общесоюзных трестов нефтяной промышленности, в число которых входил и трест «Уралнефть», организуется Всесоюзное объединение нефтяной промышленности «Союзнефть». 5 декабря 1929 г. было принято постановление ЦК ВКП (б) «О реорганизации управления промышленностью», в соответствии с которым ликвидировались все синдикаты (включая и Нефтяной), а вместо главных управлений ВСНХ создавались всесоюзные отраслевые объединения.

В январе 1930 г. недавно созданное объединение стало называться государственным Всесоюзным объединением нефтяной и газовой промышленности ВСНХ СССР «Союзнефть». На базе «Нефтесиндиката» создается трест «Союзнефтесбыт». 8 октября 1931 г. в составе ВСНХ СССР было организовано Главное управление по топливу (Главтоп), в связи с чем «Союзнефть» была разукрупнена и на ее базе образован Нефтяной сектор Главтопа.

В структуре объединения, наряду с центральным аппаратом, существовали тресты, в том числе «Уралнефть».

В октябре 1931 г. в документах трест «Уралнефть» не фигурирует, уступив свое место Государственному объединению Уральской нефтяной промышленности «Востокнефть»[5].

Контора, а затем трест «Уралнефть», находились в стадии становления, для которой характерен обширный круг проблем организационного, финансового, управленческого плана, которые и предстояло решить руководству, создав систему управления подразделениями нефтяной отрасли на региональном уровне. Управленческому воздействию должны были подвергнуться структуры управления предприятием, действующие производства, кадровая сфера, материально-техническая база предприятия. Первым и самым существенным препятствием, вставшим на пути развития «Уралнефти», стала нефть Верхнечусовских Городков, открытая весной 1929 г., что само по себе было парадоксальным. В этом сказались изъяны системы управления создаваемого нефтяного комплекса. В план «нефтяной пятилетки» она не вошла, а значит, не было обеспечено материально-техническое снабжение вновь организовавшегося нефтепромысла. Средства выделялись небольшими порциями. Планировать развитие возникавшего нефтепромысла, управлять им, вести нефтеразведочные работы без наличия соответствующих условий и материально-технической базы было весьма затруднительно.

Отсутствие технически обоснованных норм выработки, заниженные расценки на выполненные работы, искажения в оплате труда квалифицированных и неквалифицированных рабочих являлись общей проблемой для большинства трестов страны, требующей скорейшего решения. Эти негативные факторы стали причиной высокой текучести рабочей силы. «Уровень з/платы ведущих профессий нефтяной промышленности (бурильщики, ключники, палатчики, сгонщики, операторы, слесаря и т. д.), – отмечало правление Союзнефти в сентябре 1930 г., – не соответствует их роли в производстве; обычное явление во всех трестах не только уравнительность в оплате труда рабочих более высокой квалификации с оплатой менее квалифицированных, но зачастую даже более высокая оплата труда рабочих неквалифицированных (чернорабочие) по сравнению с оплатой ведущих профессий; плохая организация труда и отсутствие технически обоснованных норм выработки, следствием чего являются неправильно установленные сдельные расценки, приводящие к значительной пестроте в оплате труда однородных квалификаций и не устойчивости бюджета рабочих»[6].

Отмеченные недостатки, особенно зримо проявившиеся в деятельности вновь организованных трестов – «Уралнефть», позднее – «Востокнефть», служили препятствием для утверждения основополагающих принципов управления производством, которые становились уже в это время базовыми в оформлявшейся командно-административной системе управления экономикой. Это, например, принципы иерархичности и единоначалия. В марте 1930 г. управляющий трестом «Уралнефть» К. А. Румянцев отмечал: «Единоначалие, в особенности со стороны среднего и нисшего административного и технического персонала, не проводится в жизнь. Наоборот, в отдельных случаях администрация обращается за содействием к профсоюзу нажать на того или [иного] рабочего за расхлябанность»[7]. Такая же картина наблюдалась в разведочной партии Геолкома. Отмечалась напряжённость во взаимоотношениях «между адмтехперсоналом и рабочими». Констатировалось, что «проведение принципа единоначалия в достаточной мере не обеспечено <…> всё ещё продолжают иметь место случаи невыполнения распоряжений и неподчинении им, отмена распоряжения одного другим и т. д.»[8]. Такое поведение было обусловлено, с одной стороны, недостатком квалифицированной рабочей силы, с другой – возможностью здесь же, в рамках треста, найти другое рабочее место.

Слабым звеном в системе управления нефтяной промышленностью Урала явилось отсутствие необходимой профессиональной подготовки у высшего слоя управленцев, вставших во главе трестов «Уралнефть» и «Востокнефть». Это были партийные функционеры, предан-

ность которых Советской власти подтверждалась солидным партийным стажем и работой на различных ответственных должностях. Некоторые из них, например, К. А. Румянцев, имели определённый опыт работы в нефтяной промышленности, другие, например, Р. З. Бучацкий, его не имели. Традиционная система управления, сложившаяся в 20-е гг., была воспроизведена путём приглашения в трест «Уралнефть» ведущих специалистов в нефтяной сфере. Она сводилась к наличию двух ключевых фигур – директора-коммуниста и технического руководителя, специалиста старой закалки. Общее руководство осуществлял директор-коммунист (в нашем случае – управляющий трестом), а разрешение всех технических вопросов перекладывалось на плечи имеющихся специалистов (В. Р. Рабиновича, С. Е. Георгенберга и др.).

Так, трест «Уралнефть» недолго базировался в селе Верхнечусовские Городки, перебравшись к лету 1930 г. в Пермь. К весне 1931 г., когда разведочные работы в Пермском округе Уральской области стали вызывать сомнение в наличии на его территории крупных запасов нефти, трест «Уралнефть» подготовил почву для перемещения в Самару, которая являлась центром огромного Средневолжского края. Его партийное руководство, принявшее к сведению в марте 1931 г. информацию о закладке в крае первых шести разведочных скважин, посчитало целесообразным «переезд Правления треста в Самару». В принятом бюро Средневолжского краевого комитета ВКП (б) постановлении отмечалось «состоявшееся соглашение между Правлением Треста и Крайисполкомом о предоставлении для размещения Треста необходимых помещений» и было предложено «фракции Крайисполкома и Самарскому Горсовету оказать Правлению Треста необходимое содействие скорейшему его переезду и размещению его в Самаре»[9]. Дальше деклараций дело не пошло, т. к. вскоре на базе треста «Уралнефть» был организован трест «Востокнефть» с первоначальной дислокацией в Свердловске.

Государственный трест Восточной нефтяной и газовой промышленности «Востокнефть», подчинённый ВСНХ СССР, был образован 4/I 1932 г. Его основное назначение сводилось к управлению «входящими в его состав предприятиями» путём планирования, технического и оперативно-хозяйственного руководства. О местонахождении его правления в реестровой записи сообщалось – «г. Свердловск (§ 1 Уст.)»[10].

Через несколько месяцев после организации треста «Востокнефть» нефть была открыта в Ишимбаево. За перевод правления треста «Востокнефть» в Уфу начала борьбу Башкирия. Выступая в 1934 г. на XVI Башкирской областной партконференции, ответсекретарь Башкирского обкома ВКП (б) Я. Б. Быкин акцентировал внимание собравшихся на вопросе перебазирования правления треста «Уралнефть» в Уфу. «Мы ставим вопрос перед ЦК и СТО, – говорил он, – что не можем развернуть новую нефтяную базу в Башкирии, если не будет изменена эта бюрократическая система руководства. Мы требовали, чтобы трест был в Уфе и чтобы во главе Ишимбаево был поставлен человек, который сумеет справиться с этой огромной задачей. ЦК и Наркомтяжпром назначили тов. Самострелова начальником Ишимбаево и тов. Ганшина начальником Востокнефть…»[11]. На основании секретного постановления СТО от 25.I-1934 г. управление треста «Востокнефть» переводилось в Уфу. Башкирия к этому времени доказала, что в ее недрах скрыты колоссальные запасы нефти и она – центр нефтедобычи Урало-Поволжья. Цель, поставленная башкирским руководством, была достигнута. Правление треста «Востокнефть» обосновалось в Уфе.

Такая заинтересованность в нахождении треста «Востокнефть» в том или ином регионе и даже республиканском центре – столице Уфе, имела свое объяснение, кроющееся в «канцелярско-бюрократической» системе руководства со стороны «Востокнефти» подчиненными ей подразделениями. Все основные вопросы, например, обеспечения Стерлитамакской нефтеразведки и Ишимбаевского нефтепромысла инструментами, материалами, машинами, упирались в выделение для них фондов, которыми распоряжались не в Уфе, а в Свердловске[11].

Централизованная система действовала не только применительно к выделению фондов. Организационная структура нефтяной промышленности предусматривала также наличие

централизованного обслуживания предприятий услугами строительных, транспортных, ремонтных подразделений, что размывало и снижало ответственность работников управленческого звена.

Приказ № 647 по НКТП от 2.III 1933 г. за подписью Орджоникидзе касался Главнефти и был направлен на совершенствование функционирования нефтяной промышленности, избавление её от функциональной системы управления, укрепление единоначалия, расширение хозяйственной самостоятельности нефтеразведок, нефтепромыслов и нефтетрестов. Вводилась ответственность «за безусловное выполнение установленных государством производственных планов и качественных показателей»[12]. Существенно расширялись права заведующих вновь создававшихся групп бурения (10–15 бурящихся буровых), буровых мастеров, бурильщиков. Те же права и обязанности, что и заведующий группой и мастер в бурении, получили заведующие участками эксплуатации и насосные мастера.

Верхнечусовской нефтепромысел не оправдал ожиданий. Нефтедобыча здесь была крайне скромной. Трест «Востокнефть» подвергся реорганизации. На основании приказа по НКТП за № 1026 от 1 сентября 1935 г. «О разукрупнении Востокнефти» организовывался самостоятельный трест «Башнефть», выделявшийся из треста «Востокнефть»[13]. Его основным предназначением становилось форсированное развитие добычи нефти в Башкирии и проведение разведочных работ на нефть в пределах республики.

Трест «Востокнефть» действовал на территории Сибири, Поволжья и Оренбургской области. Он оставался разведочным. Управляющим треста «Башнефть» был назначен Р. М. Ганшин, треста «Востокнефть» – К. Р. Чепиков.

Сложной обстановкой в связи с разукрупнением треста «Востокнефть» решили воспользоваться в Саратове, «перетянув одеяло на себя», т. к. целесообразность пребывания треста «Востокнефть» в Уфе теряла смысл после образования треста «Башнефть». На основании приказа № 1146 от 10/X 1935 г., подписанного зам. наркома тяжелой промышленности М. Л. Рухимовичем, к 1 декабря того же года трест «Востокнефть» должен был переместиться в Саратов[14].

Саратовский край в 30-е гг. XX столетия перспектив на обнаружение в его недрах больших запасов нефти не имел. Куйбышевский, в отличие от Саратовского, мог рассчитывать на положительные результаты при проведении геологоразведочных работ на нефть. Идею о переезде треста «Востокнефть» из Уфы подал Саратов, однако реализовал её Куйбышев. «В изменение § 4 приказа по НКТП от 10 октября с. г. за № 1146 "О тресте «Востокнефть»", – говорилось в приказе № 1232 по Наркомату тяжелой промышленности от 21 ноября 1935 г., – приказываю: перевести трест «Востокнефть» к 15 декабря с. г. в Куйбышев»[15]. Подписал его, как и предыдущий приказ, зам. наркома тяжелой промышленности М. Л. Рухимович.

В 1937 г. происходит очередная реорганизация треста «Востокнефть». 23 ноября 1937 г. утверждается его новый устав. Подчиненность треста не меняется. Он остается в ведении Главнефти НКТП. В рамках его деятельности остается Поволжье и Оренбургская область, а Сибирь (Байкальская разведка) – исключается. «Являясь разведочным, – говорится в объяснительной записке к годовому отчету за 1937 г., – трест "Востокнефть" имеет основные задачи – проведение разведочных работ в районе Поволжья, глубокое бурение и освоение новой нефтяной базы»[16]. В состав треста вошли Сызранский и Бугурусланский промыслы, Красноярская, Ставропольская и Троекуровская нефтеразведки, Геолого-поисковая контора, а также Строительная контора. «Трест, – записано в его уставе, – является самостоятельной хозяйственной единицей, действующей на началах хозяйственного расчета, и непосредственно осуществляет плановое, организационное и оперативно-производственное руководство входящими в его состав предприятиями и другими частями в пределах директив и плановых заданий Главнефти НКТП»[17]. Руководящий состав треста «Востокнефть» – управляющий трестом, его заместители, главный инженер – являлись номенклатурными работниками. Они назначались и увольнялись НКТП по представлению начальника Главнефти.

Управляющий трестом на основе принципа единоначалия осуществлял «все права и обязанности, вытекающие из задач, возложенных на трест». В том числе: устанавливал организационную структуру и определял систему управления предприятиями и другими хозрасчетными единицами треста, осуществлял техническое руководство производственной деятельностью предприятия, решал кадровые и финансовые вопросы.

Реорганизация треста «Востокнефть» по времени совпадала с разгромом Главнефти НКТП. Как органу управления нефтяной промышленностью СССР, не справившемуся со своими прямыми обязанностями, ему была выставлена в 1937 г. неудовлетворительная оценка. Главной причиной провала нефтяной отраслью плановых заданий стало, как посчитали в Наркомате тяжелой промышленности, «невыполнение Главнефтью важнейших указаний партии и правительства о перестройке органов управления промышленностью»[18].

Вновь, как и четыре года назад, в очередном приказе Наркома тяжелой промышленности Л. Кагановича от 5.IX 1937 г. звучал знакомый призыв к искоренению «канцелярско-бюрократических методов руководства», ликвидации «функционалки». В приказе вскрывались недостатки в работе Главугля, но его основные положения распространили и на Главнефть.

Реформирование аппарата управления нефтяной отраслью осуществлялось как в центре, так и на региональном уровне. Одним из первых, по воле нового руководства Главнефти, на путь реорганизации вступил трест «Востокнефть», в основу деятельности которого были положены принципы хозрасчета, единоначалия, подчинения приказам свыше.

Преобразования продолжились в 1938 г. Приказом № 89 по «Наркомтяжпрому» от 19 марта 1938 г. Главное управление нефтяной промышленности (Главнефть) «Наркомтяжпрома» было разделено на три главка: «Главнефтедобыча», «Главнефтепереработка» и «Главнефтесбыт»[19]. Первоначально Главк «Главнефтедобыча» осуществлял руководство всеми трестами страны, без разделения их на восточные и южные. Но уже несколько позднее в составе Главка «Главнефтедобыча» были образованы объединения «Главнефтедобыча Кавказа» и «Главнефтедобыча Востока». Главнефтепереработке, наряду с другими объединениями и заводами, были подчинены заводы треста «Башнефть». В объединение «Главнефтедобыча Востока» входили тресты: «Эмбанефть», «Актюбнефть», «Сахалиннефть», «Востокнефть», «Камчатканефтеразведка» и тресты Урало-Волжского района: «Башнефть», «Прикамнефть», «Сызраньнефть» и «Бугурусланнефть»[20].

Организационные изменения, происходившие в НКТП и касавшиеся нефтяной отрасли, отразились на региональном уровне, где распоряжениями центра создавались аналогичные структуры. Так, на основании приказа Наркома тяжелой промышленности Л. М. Кагановича за № 279 от 1 августа 1938 г. трест «Востокнефть» прекращал свою деятельность и реорганизовывался в два треста – «Сызраньнефть» и «Бугурусланнефть». Создавалось объединение «Востокнефтедобыча» с подчинением ему пяти трестов: «Сызраньнефть», «Бугурусланнефть», «Прикамнефть», «Башнефть» и «Туймазанефть». Трест «Туймазанефть» выделялся из «Башнефти». Возглавил объединение «Востокнефтедобыча» будущий нарком (министр) нефтяной промышленности СССР Н. К. Байбаков. 8 августа 1938 г. в Куйбышев прибыл В. А. Каламкаров, а вслед за ним, 16 августа, Н. К. Байбаков, который с этого дня и «приступил к исполнению своих обязанностей»[21].

Ещё с конца 20-х гг. начался стремительный рост управленческого персонала. В 1936 г. прошло первое разукрупнение Наркомата тяжёлой промышленности. Разукрупнение промышленных наркоматов должно было превратить их из крупных отраслевых центров, штабов отрасли, в узкоспециализированные ведомства, которые легче поддавались управлению и контролю. В 1939 г. произошло третье и последнее разукрупнение Наркомтяжпрома. 24 января 1939 г. он был ликвидирован, на его базе созданы шесть наркоматов, в том числе – Наркомат топливной промышленности (общесоюзный). В его ведение отошла угольная, сланцевая, нефтяная, газовая, торфяная промышленность. На базе Главного управления по

добыче нефти было организовано два, уже самостоятельных, главка Наркомата топливной промышленности – «Главнефтедобыча Кавказа» и «Главнефтедобыча Востока». На базе «Главнефтепереработки» НКТП были организованы два главка Наркомата топливной промышленности: Главнефтепереработка Кавказа и Главнефтепереработка Центра и Востока[22]. Аппарат объединения «Востокнефтедобыча» был сформирован в основном за счет кадров упраздненного треста «Востокнефть». На руководящую работу в тресты были переведены из Баку С. И. Кувыкин, М. В. Сидоренко, Н. С. Тимофеев, Н. А. Голубев и др., из «Эмбанефти» прибыл Е. Б. Гальперсон, который стал начальником планового управления объединения. Оценивая впоследствии работу объединения «Востокнефтедобыча», В. А. Каламкаров писал: «Объединение много сделало для выбора правильного направления поисковых и разведочных работ, переводя бурение с паровой энергии на электрическую, установления оптимальных режимов скважин и, самое главное, подготовки местных кадров нефтяников»[23]. Однако, просуществовав менее одного года, оно было ликвидировано. Среди причин, приведших к упразднению объединения «Востокнефтедобыча», можно выделить те, которые напрямую замыкались на управлении отдельными трестами, входившими в его состав, в частности неразвитость телефонной связи и вследствие этого отсутствие оперативной информации с мест, невозможность из Куйбышева действительно влиять на разрешение тех или иных задач, встававших перед трестами.

Централизованное снабжение материально-техническими ресурсами, шедшее через Москву, вызывало целый ряд нареканий, не удовлетворяло потребностей трестов.

16 июня 1939 г. в приказе по Главному управлению нефтедобывающей промышленности Востока констатировалось: «Ликвидацию объединения “Востокнефтедобыча” считать законченной»[24]. Начальником Главка «Главнефтедобыча Востока» и членом коллегии был назначен Н. К. Байбаков, его первым заместителем – В. А. Каламкаров, главным геологом – Г. Л. Гришин.

В Главке был взят курс на оснащение промыслов «Второго Баку» новой техникой и на внедрение новейших технологий. В основу разработки новых месторождений был положен единый план, предусматривающий сохранение естественной энергии пласта на наиболее длительный период и установление оптимальных режимов работы скважин. Больше внимания стало уделяться вопросам совершенствования управления как нефтетрестами, так и их структурными подразделениями.

Возросшие масштабы работ в нефтяной отрасли поставили на повестку дня вопрос о переходе от отдельных главков к единому наркомату, что должно было повлечь улучшение управления предприятиями. На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР «О разделении Наркомтопа СССР» от 12 октября 1939 г. был образован Наркомат нефтяной промышленности СССР. Наркомом назначен Л. М. Каганович, возглавлявший Наркомат нефтяной промышленности СССР до 3 июля 1940 г. Затем его сменил И. К. Седин.

Главк «Главнефтедобыча Востока» просуществовал до мая 1940 г. На основании постановления Совнаркома СССР № 887 от 29 мая 1940 г. «Об организационной структуре Народного комиссариата нефтяной промышленности» в его составе было организовано Главное управление нефтедобывающей промышленности Волжских районов (Главнефтедобыча Волжских районов). В систему этого главка вошли тресты «Сызраньнефть», «Прикамнефть», «Бугурусланнефть». Упразднялись Главное Управление нефтедобывающей промышленности Востока, Главное Управление нефтеперерабатывающей промышленности Центра и Востока.

Перестройка организации управления нефтяной промышленностью, кроме ликвидации и реорганизации ряда Главных управлений и создания районных нефтяных комбинатов, привела к организации нефтекомбинатов, действовавших на полном хозрасчете. Они находились в непосредственном подчинении Наркомата нефтяной промышленности. Всего было

создано семь нефтекомбинатов в основных нефтеперерабатывающих районах страны, в том числе – «Башнефтекомбинат».

Создание нефтекомбинатов в СССР в определённой мере отразило общемировые тенденции развития нефтяного бизнеса, для которого наиболее характерной организационной формой стали вертикально-интегрированные компании (ВИКи), в которых концентрировалась вся работа от обнаружения и добычи нефти до её переработки и реализации. По крылатому выражению – от нефтяной скважины до бензоколонки. Весь этот путь нефти и продуктов её переработки отслеживался и контролировался вертикально-интегрированными компаниями. Но ВИКи действовали в условиях рыночных отношений, частной собственности, товарно-денежных отношений. Основным направлением в их деятельности являлось получение максимальной прибыли.

В СССР создание нефтекомбинатов диктовалось не условиями рынка, а государственной целесообразностью. Они должны были стать такими же вертикально-интегрированными структурами, но применительно к обществу, где не существовало частной собственности. В справке «Итоги работы нефтяной промышленности в 1940 г.» нарком нефтяной промышленности СССР И. Седин отмечал: «…в 1940 г. была произведена существенная перестройка организации управления нефтяной промышленности. Был ликвидирован и реорганизован ряд Главных Управлений и созданы районные нефтяные комбинаты, объединившие руководство всеми отраслями нефтяного производства и строительства»[25].

Различные разукрупнения (НКТП, нефтяных главков), создание Народного комиссариата нефтяной промышленности преследовали ряд целей – приближение руководящего аппарата к предприятиям, конкретизация и улучшение хозяйственного и технического руководства ими, усиление «технического руководства низовым звеном».

В письме Наркомнефти от 16.III 1942 г., направленном заместителю Председателя СНК СССР Н. А. Вознесенскому, давалась положительная оценка работы нефтяных комбинатов, «которые почти 2-х годичной работой особенно в период военного времени полностью подтвердили целесообразность такой структуры управления предприятиями нефтяной промышленностью»[26]. И. К. Седин просил утвердить организацию нефтекомбинатов в районах «Второго Баку» – «Молотовнефтекомбината», «Куйбышевнефтекомбината» и восстановить «Башнефтекомбинат».

На основании постановления СНК СССР за № 446 от 8 апреля 1942 г. «Об организации нефтяных комбинатов в районах “Второго Баку” и частичном изменении организационной структуры Наркомата нефтяной промышленности» и приказа Народного комиссара нефтяной промышленности от 9 апреля 1942 г. были организованы «Молотовнефтекомбинат» (г. Молотов), «Куйбышевнефтекомбинат» (г. Куйбышев), «Башнефтекомбинат» (г. Уфа), трест «Востокнефтемаш». В структуре центрального аппарата Наркомнефти ликвидированы: Главнефтедобыча Волжских районов, производственная инспекция по комбинатам и трестам, подчиненная непосредственно руководству Наркомнефти[27]. Нефтекомбинаты организовывались на полном хозрасчете.

Созданные в Урало-Поволжье нефтяные комбинаты повысили эффективность геолого-поисковых, буровых и промысловых работ, оказали положительное воздействие на деятельность нефтеперерабатывающих заводов, повысили оперативное руководство предприятиями нефтяной сферы. На них были возложены задачи ускоренного развития нефтедобычи и нефтепереработки, создания материально-технической и энергетической баз, кадрового обеспечения предприятий ИТР. Знаменательно, что был восстановлен «временно ликвидированный в связи с переездом Наркомнефти в г. Уфу “Башнефтекомбинат”». Его ликвидация, как показало время, оказалась нецелесообразной, что, в конечном счете, признал и Наркомнефть, восстановив его как структурную единицу.

В середине 1940-х гг. в управлении нефтяной промышленностью страны произошли новые изменения, повлекшие за собой организацию объединений и ликвидацию нефтеком-

бинатов. Постановлением СНК СССР от 26 января 1945 г. для обеспечения более высокого уровня руководства нефтедобывающими и нефтеперерабатывающими предприятиями нефтекомбинаты были преобразованы в объединения. Так, на базе Башнефтекомбината 10 марта 1945 г. были созданы объединения «Башнефть» и «Башнефтехимзаводы».

В апреле 1945 г. на базе упраздненного «Куйбышевнефтекомбината» организовано объединение «Куйбышевнефть».

Вновь возникшие производственные объединения, проработав около года, влились в новый наркомат – Народный комиссариат нефтяной промышленности Восточных районов СССР.

4 марта 1946 г. был подписан Указ президиума Верховного Совета СССР «О разделении Народного Комиссариата Нефтяной Промышленности на два Наркомата – Народный Комиссариат нефтяной промышленности Южных и Западных районов СССР и Народный Комиссариат нефтяной промышленности Восточных районов СССР».

Форма управления в виде объединения просуществовала до начала 90-х гг. XX в. Она была приспособлена в большей степени к административным методам управления, держалась на силе приказа.

Вкрапления элементов хозрасчета начались с первых лет функционирования объединений, но они плохо вписывались в нерыночную модель экономики.

Путь, пройденный в развитии органов управления нефтяными предприятиями на протяжении 30-х гг. XX в., был наполнен поисками форм организационных структур, соответствовавших новым, социалистическим воззрениям на производство. В верхних эшелонах управления отраслью происходили бесконечные преобразования. В итоге постоянная реорганизация стала свойством системы управления нефтяной отраслью. Одной из главных причин этого было то, что серьезные сбои в развитии нефтяной промышленности, как думало руководство отрасли, связаны либо с внешними трудностями (вредительство и т. д.), либо с плохой организационной структурой аппарата. Считалось, что проблемы могут быть преодолены благодаря административным реорганизациям и созданию новых органов управления.

Победа административных методов управления над рыночными проявилась в конце нэпа, о чем говорит, в частности, появление новых структур – представительств, открывшихся в Москве.

Накапливался опыт планирования в отраслевых органах. Один из управленческих принципов того времени – подбор кадров по номенклатурному признаку. Управленческие кадры высшего звена зачастую не имели соответствующей квалификации.

Наряду с командно-административными методами управления предпринимались попытки частичного внедрения экономических стимулов, например, премиальной и прогрессивной систем оплаты труда. Наиболее ценный опыт функционирования нефтяного комплекса Урало-Поволжья в экстремальных условиях связан с работой нефтяных комбинатов в годы Великой Отечественной войны. Они доказали целесообразность такой модели управления, которую обычно связывают с деятельностью вертикально-интегрированных компаний.

Управление объектами природной среды, месторождениями и запасами шло в рассматриваемые годы достаточно стихийно, они зачастую вступали в промышленную разработку на основании результатов разбуривания всего нескольких скважин. Здесь, конечно, играл роль фактор времени, необходимости быстрейшего освоения месторождений. Воздействие на объекты управления (например, Верхне-Чусовское месторождение) не всегда приносило ожидаемые результаты. С другой стороны, по мере разработки объекта накапливались знания о его характеристиках, вносились соответствующие коррективы в управление им. Основные нефтедобывающие структуры (нефтепромысел, трест) были лишены достаточной самостоятельности в разрешении задач, вstававших перед ними. Большинство вопросов согласовывалось с центральными отраслевыми органами. Отраслевой принцип построения органов руководства нефтяной отраслью сохранялся на всем протяжении 30–50-х гг. XX в.

Предпринимались первые попытки перейти к управлению нефтяной промышленностью Урало-Поволжья по территориальному признаку («Главнефтедобыча Востока», объединение «Востокнефтедобыча», «Главнефтепереработка Центра и Востока», «Главнефтедобыча Волжских районов»).

Недостатки административного управления не могли не сказаться на процессе создания нефтяного комплекса Урало-Поволжья.

Примечания

[1] Романовская О. А. Первое десятилетие Пермской нефти (1929–1939 гг.) // Нефть страны Советов. Проблемы истории нефтяной промышленности СССР (1917–1991) : сб. науч. тр. / РАЕН ; под общ. ред. В. Ю. Алекперова. М., 2005. С. 356.

[2] Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (далее – ЦГИА РБ). Ф. Р-699. Оп. 1. Д. 18. Л. 66.

[3] Там же. Л. 155.

[4] Государственный архив Пермского края (далее – ГАПК). Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 5. Л. 14.

[5] ГАПК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 4. Л. 93.

[6] ЦГИА РБ. Ф. Р-699. Оп. 1. Д. 267. Л. 26.

[7] Государственное краевое учреждение «Государственный общественно-политический архив Пермского края» (далее – ГОПАПК). Ф. 2. Оп. 7. Д. 36. Л. 49 об.

[8] Там же. Л. 53.

[9] ГАПК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 4. Л. 97, 98.

[10] Нефтяной комплекс Куйбышевской области (30–50-е гг. XX в.). Становление и развитие : сб. док. Самара : Кредо, 2005. С. 30.

[11] Тов. Быкин о задачах нефтепромысла (Из доклада на 16 областной конференции) // Башк. вышка. 1934. 28 янв.

[12] Выполнить приказ Наркома тяжелой промышленности // Нефть. 1933. № 5. С. 1.

[13] ЦГИА РБ. Ф. Р-699. Оп. 1. Д. 193. Л. 25.

[14] Нефтяной комплекс Куйбышевской области… С. 42–43.

[15] Там же. С. 43.

[16] Государственное учреждение Самарской области «Центральный Государственный архив Самарской области» (далее – ЦГАСО). Ф. Р-1211. Оп. 86. Д. 5. Л. 145.

[17] ЦГАСО. Ф. Р-1211. Оп. 24. Д. 5. Л. 1.

[18] Улучшить управление нефтяной промышленностью // Нефть. 1937. № 10. С. 1.

[19] Филиал государственного учреждения «Государственный архив Оренбургской области» в г. Бугуруслане (далее – Филиал ГУ «ГАОО» в г. Бугуруслане). Ф. 133. Оп. 1. Л. 15.

[20] Иголкин А. А. Нефтяная политика СССР в 1928–1940-м годах. М. : ИРИ, 2005. С. 173.

[21] Государственное учреждение Самарской области «Самарский областной государственный архив социально-политической истории» (далее – СОГАСПИ). Ф. 656. Оп. 29. Д. 77. Л. 254.

[22] Иголкин А. А. Нефтяная политика СССР… С. 173.

[23] Каламкаров В. А. Путь к профессии : (Воспоминания старейшего нефтяника) // Ветераны. Воспоминания. Вып. 4. М., 1992. С. 22.

[24] Филиал ГУ «ГАОО» в г. Бугуруслане. Ф. 133. Оп. 1. Д. 9. Л. 51.

[25] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 5446. Оп. 25. Д. 1723. Л. 67.

[26] Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 42. Д. 491. Л. 56.

[27] Филиал ГУ «ГАОО» в г. Бугуруслане. Ф. 133. Оп. 1. Д. 654. Л. 18, 18 об.

А. И. Тимиргазиева

ИЗ ИСТОРИИ УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВЫМ НАУЧНЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ

Взаимоотношения советской власти с научными кадрами начались с печально знаменитых пароходов, на которых по приказу В. И. Ленина были высланы за границу выдающиеся ученые-гуманитарии России. Они были не нужны и даже вредны для новой власти. Реакция подавляющего большинства российской профессуры на революционные события октября 1917 г. была негативной. Значительная часть интеллигенции была подавлена всей новизной и не вписывалась в жесткие поведенческие стандарты, устанавливаемые большевистской партией. По словам Л. Д. Троцкого, вузовская профессура «с недоброжелательством и даже презрением» отнеслась к общественному переустройству». «Прихвостни и прихлебатели буржуазии… Лакеи денежного мешка, холопы эксплуататоров», – писал В. И. Ленин о буржуазной интеллигенции.

Политика новой пролетарской власти по отношению к научным кадрам опиралась на схему, предложенную В. И. Лениным: в состав движущей силы социалистической революции целиком и полностью должна входить пролетарская интеллигенция; мелкобуржуазная интеллигенция – колеблющаяся масса, и ее следует нейтрализовать; с буржуазной интеллигенцией, поддерживающей капиталистический режим, необходима борьба.

С утверждением в стране социалистического строя выявилась историческая обреченность старой интеллигенции вместе с классом буржуазии[1]. Дореволюционная интеллектуальная элита распалась, погибла или переродилась[2]. Последнее означало, что небольшая часть крупных ученых и преподавателей высших учебных заведений приняла советскую власть. При этом они ощутили действительную поддержку советского правительства – здесь была и материальная забота через Центральную комиссию по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ), и заинтересованность в результатах их труда, во всестороннем обеспечении их деятельности.

Привлечение части интеллигенции на сторону советской власти и превращение ее в активного участника социалистического переустройства общества не устранили, тем не менее, острого недостатка в квалифицированных научных кадрах. Во-первых, небольшое число имевшихся в России высших учебных заведений готовило специалистов далеко не всех необходимых профилей. Не удивительно, что многие из окончивших университеты царской России получали дополнительное образование за границей[3]. Во-вторых, революция, война, эмиграция отрицательно сказались на культурном уровне страны[4]. Его общее снижение определялось утратой интеллектуального потенциала общества.

Советское государство встало перед необходимостью заполнения так называемого «интеллектуального вакуума», то есть восстановления высшей школы, повышения образовательного уровня и гражданственности населения. Коммунистической партией была определена историческая задача – обеспечить в короткие сроки прилив в экономику, науку и культуру страны высококвалифицированных кадров. В этом отношении советолог К. Г. Ригель рассматривал партию как орган осуществления ленинского мессианства, реализации прыжка в развитии России из отсталой страны в лидеры мировой революции, в военно-промышленную цитадель социализма[5].

Большевикам пришлось осуществить несколько грандиозных социальных инноваций: буквально в несколько лет ликвидировать всеобщую неграмотность, создать обширную сеть вузов, осуществить ускоренную подготовку новых научных кадров и форсированными методами модернизировать технологическую базу промышленности и сельского хозяйства. Находясь в политической и экономической изоляции, Советский Союз мог решить эти задачи лишь за счет собственных человеческих, информационных и финансовых ресурсов[6]. Советскому государству предстояло самостоятельно подняться на уровень века.

Интенсивное развитие в стране, утратившей после революции свой интеллектуальный потенциал, могло осуществляться лишь путем быстрого количественного наращивания специализированных организаций и вузов. На определенном этапе это имело свои положительные результаты для страны в целом, выживаемость которой во многом определялась успехами именно специализированных наук и подготовки кадров.

Сама партия обладала крайне незначительным числом подготовленных и образованных кадров. Формирование преподавательского персонала для вновь создаваемых вузов во многом носило компромиссный характер. Во-первых, к преподаванию в высшей школе привлекались советские партийные или государственные работники, студенты-выпускники, не обладающие ни ученой степенью, ни практикой преподавания. Во-вторых, компромиссный характер мероприятий новой власти в этой области проявился и в привлечении к преподавательской работе в советских вузах дореволюционной профессуры при условии их лояльности к советской власти[7].

Система подготовки специалистов, сложившаяся в первые десятилетия советской власти, потребовала своего дальнейшего развития и совершенствования после Великой Отечественной войны. В послевоенные годы страна встала перед тяжелейшей проблемой восстановления разрушенного хозяйства. Предстояло в самые сжатые сроки перевести промышленность Советского Союза на мирные рельсы, обновить техническую базу всех отраслей народного хозяйства, разработать и внедрить в промышленность более совершенные технологические и наукоемкие процессы. Наука, таким образом, превращалась в ведущее звено технической реконструкции экономики СССР[8]. Происходила глубокая интеграция науки с промышленностью и экономикой страны[9].

Развитие технических наук являлось приоритетным в политике советской власти с момента ее установления. В послевоенные же годы они приобрели особую роль. Неизмеримо возросли престиж и значение Советского Союза на международной арене, и для советского правительства актуальна была задача сохранения этого значения. В 1950-е гг. все индустриальные страны переживали экономический подъем. Наблюдая всплеск научной мысли во всем мире, научно-техническую революцию, демонстрацию технических достижений, советское государство вынуждено было тоже уделять внимание науке, образованию и научным кадрам. Оставаться в орбите ведущих держав являлось особенно важным для страны, находящейся в условиях «холодной войны», постоянной внешней угрозы со стороны капиталистической системы.

Обеспечение технического прогресса диктовало необходимость более эффективного использования интеллектуального потенциала страны для всестороннего развития производительных сил и соответствующих им производственных отношений[10]. Внимание государственных органов было приковано к техническим научным работникам. Однако приоритетный интерес правительства к техническим кадрам отнюдь не означал игнорирование гуманитарной интеллигенции. Ее представителей называли не иначе как «бойцы идеологического фронта». Историческое соревнование двух мировых систем – западной во главе с США и социалистической во главе с СССР – характеризовалось небывалой интенсивностью идейно-политической конфронтации. Общественные науки, по мнению партийных органов, составляли научную основу руководства развитием социалистического общества. Подготовка новой, народной, социалистической гуманитарной интеллигенции развивалась не стихийно, а планово направлялась государственными органами[11].

Высшие политические органы (Съезд Советов, правительства – государственное и республиканские) взаимодействовали с областными, городскими и районными комитетами партии, передавая требования и инструкции, касающиеся кадровой политики. Взаимодействие было систематическим и слаженным. Руководители понимали, что какие бы амбициозные цели и задачи ими ни ставились, реализовывать их будут в первую очередь люди. Поэтому

появилось желание оптимизировать именно эту область, уделяя внимание увеличению численности и повышению квалификации научных кадров в вузах. Застой в этой области через некоторое время неизбежно отразился бы на уровне научных исследований.

Кадровая политика в отношении научно-педагогического персонала общественно-гуманитарного профиля включала в себя несколько этапов. Первый – это выработка требований, которым работники должны соответствовать, и, в связи с этим, определение категорий, допускаемых к профессиональной деятельности. Для государственной власти правильно подбирать кадры означало прежде всего то, что комплектовать их следовало по политическому признаку, в зависимости от того, заслуживал ли данный работник политического доверия, насколько он идейно закален, каким образом он понимает политику партии, интересы государства. Хотя с общественно-историческим развитием страны условия «политической благонадежности» работников несколько трансформировались, в основе процесса формирования преподавательского корпуса высшей школы неизменно лежал политический классовый подход.

Концентрация внимания на данном аспекте работы с кадрами была обусловлена тем, что им «доверялась» важная миссия – в рамках научного творчества и преподавания доказывать преимущества социалистической системы. Для партийных органов являлось особенно важным, чтобы эту миссию осуществляли надежные и проверенные в политическом отношении кадры.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что в формировании кадрового состава высшей школы партийные и советские органы не снимали проблемы профессиональной пригодности, образованности специалистов. Правильный подбор кадров означал и то, что они должны были обладать деловыми признаками, то есть пригодностью для данной конкретной работы, необходимыми знаниями, квалификацией и опытом[12]. Необходима была целенаправленная, многолетняя работа по привлечению к профессиональной деятельности наиболее «политически благонадежных», одаренных, компетентных категорий научно-педагогического персонала.

Второй этап работы с кадрами включал в себя их расстановку, повышение квалификации, организацию движения по службе, шкалу оценки и так далее, то есть формирование системы всемерной поддержки работников высшей школы и закрепление результатов воспроизводства кадрового потенциала эффективными организационными мерами[13]. Сознательно устанавливались различного рода «фильтры», позволяющие поощрять наиболее достойных сотрудников. В 1934 г. советским правительством было принято решение об ученых степенях и званиях. В СССР были установлены две ученые степени – кандидата наук и доктора наук. Кроме ученой степени, в зависимости от выполняемой научно-педагогической или научно-исследовательской работы, научным работникам присваивались ученые звания: ассистент, доцент, профессор.

Подбор и назначение работников на должности старшего преподавателя, преподавателя и ассистента осуществлялись непосредственно директором вуза. Это касалось всех вышеуказанных работников, кроме преподавателей кафедр марксизма-ленинизма, философии и политэкономии, чьи кандидатуры представлялись на утверждение в Главное управление вузов Министерства Просвещения РСФСР. Представление к утверждению заведующих кафедрами марксизма-ленинизма, философии, политэкономии, истории СССР и преподавателей общественно-политических дисциплин необходимо было также согласовывать с областными и краевыми партийными организациями[14].

В первом и во втором этапах требовался конкретный и индивидуальный подход, предполагающий своевременную замену непригодных работников и бережное отношение к кадрам проверенным, способным решать поставленные партией задачи[15]. Еще 4 мая 1935 г. на выпуске академиков Красной Армии И. В. Сталин говорил: «Лозунг “кадры решают все”, – требует, чтобы наши руководители проявляли самое заботливое отношение к нашим работникам, к “малым” и “большим”, в какой бы области они ни работали, выращивали их, забот-

ливо помогали им, когда они нуждаются в поддержке, поощряли их, когда они показывают первые успехи, выдвигали их вперед»[16]. Следует отметить, что новые кадры из выдвиженцев становились самыми активными исполнителями политических и социальных программ, разрабатывавшихся властью для скорейшего построения социалистического общества[17].

Перед государственными и партийными органами подчеркивалось, насколько важное значение приобретало знание правил и принципов работы с кадрами. Это знание должно было свести к минимуму вероятные ошибки при «выращивании» способных научно-педагогических работников и при отсеве несоответствующих требованиям. Признаком компетентного, талантливого руководителя определялось умение оценивать людей с точки зрения их соответствия партийным требованиям, отбирать наиболее подходящих, расставлять их «в нужное время по нужным местам»[18]. Организация обстоятельной, кропотливой работы с кадрами должна была решать не только задачи заполнения вакантных мест в вузах высококвалифицированными специалистами. Она имела также и политическую цель – создание и укрепление социальной опоры власти в центре и регионах.

Для привлечения в вузы более подготовленных научных работников регулярно применялась такая мера, как объявление конкурса на замещение вакантных должностей. Вообще, порядок замещения вакантных должностей профессоров и доцентов только по конкурсу был утвержден Приказом Всесоюзного комитета по делам высшей школы (при СНК СССР) № 87 еще 25.02.1940 г.[19] Целью конкурсного подбора являлось поднятие ответственности профессорско-преподавательского состава вузов за повышение своей научно-педагогической квалификации, выдвижение молодых педагогических кадров, привлечение к педагогической деятельности высококвалифицированных специалистов. Участвовать в конкурсе могли все граждане СССР, имеющие высшее образование, ученые звания и степени и успешно ведущие научную и учебную работу по данной отрасли науки[20].

Если в начале 1950-х гг. число участвующих в конкурсах было незначительно из-за недостаточного развития кадрового потенциала, то в 1960-е гг. регулярное проведение конкурсов стало важным источником пополнения преподавательского состава вузов. Например, в 1951–52 учебном году на конкурс в БГПИ было представлено всего лишь пять заявлений, причем, ни один претендент не мог быть принят на работу по своим деловым и политическим качествам[21]. В последующие десятилетия систематическое проведение конкурсов способствовало резкому увеличению числа научно-педагогических работников.

Стимулом к росту числа высококвалифицированных кадров явилось также планомерное повышение профессиональной квалификации членов кафедр. В вузах были выработаны четкие индивидуальные планы работы преподавателей[22], усилен контроль над их выполнением и определена система посещения различных курсов.

В условиях государственной поддержки и опеки высшей школы к 1970 г. в стране была устранена проблема острого недостатка квалифицированных научных кадров. Хотя сводные планы Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР свидетельствовали о дополнительной потребности в научных кадрах[23] (например, в БГУ требовались семь специалистов в области русского языка и литературы, 13 – в области романо-германской филологии и девять по истории)[24], была определена устойчивая традиция их широкой подготовки. Она включала в себя целенаправленную работу органов государственной власти по увеличению численности и повышению квалификации научных кадров в вузах.

Расхожее мнение о том, что российская наука – дело центра: Москвы, Санкт-Петербурга, осталось в дореволюционном прошлом. 1950–60-е гг. развития окончательно разрушили миф о «научной провинции», доказав, что относительно небольшие институты более самоотверженны и работоспособны, а значит, и более стабильны[25].

Увеличение и улучшение кадрового потенциала признавали и объективные (и даже ревнивые) западные наблюдатели и ученые. Они пытались выявить и проанализировать при-

чины расцвета советской науки. По словам науковеда-советолога М. Полани, научный прогресс, который был достигнут Советским Союзом, как, впрочем, и любым другим государством, обусловлен инициативой людей, жаждущих включиться в процесс активного творчества, обладающих способностью оригинально мыслить, самостоятельно выбирать проблемы исследований и успешно их решать в соответствии с собственным разумением. При этом советские идеологи выявляли безосновательность последнего вывода, подчеркивая, что «бессмысленным» является как раз противопоставление инициативы ученых тем требованиям, которые выдвигало советское общество; эта инициатива, в конечном счете, всегда есть реакция на эти требования[26].

Американский социолог М. Рихтер считал, что благодаря культу науки в СССР, она была выделена из общей системы «командных» связей в некую автономную область, что и обусловило возможность ее развития: «Наука в СССР обладает некоторой автономией, вытекающей из специфических привилегий, предоставленных научному сообществу режимом». Эксперт Национального научного фонда США Ян Густафсон на первый план выдвигал не политические и культурные факторы, а организационно-управленческие: «огромную роль играют управление и организация, а косвенную–политическая и национальная культура»[27].

Как бы то ни было, нет никаких оснований ожидать, что наука лучше всего создается в социальном вакууме, где институционализированные демократические ценности позволяют беспристрастным исследователям формировать «единственно правильное описание мира». Еще с конца XIX в. одними из решающих факторов стали отношения ученых с правительством, кумулятивное увеличение размеров научного сообщества и стоимости исследований. Ученые все больше стали осознавать, что только центральная власть способна предоставить им фонды в масштабах, достаточных для поддержки развития научного знания[28].

Значительные бюджетные ассигнования, последовательная работа государственных органов по увеличению численности и повышению квалификации научно-педагогических кадров способствовали совершенствованию преподавательского состава, получению несомненных достижений, принесших мировое признание.

При этом следует отметить, что 1970-е гг. – время постепенного распада советской системы[29]. В системе высшего образования стали накапливаться нерешенные проблемы. Именно в этот период отмечался непрерывный рост выпуска специалистов без достаточно обоснованного учета потребности в них, распыление сил и средств между многими вузами, готовящими кадры по одним и тем же специальностям, открытие новых высших учебных заведений без закладки надежной основы для их успешного становления, размельчение специальностей.

Система подготовки кадров встала на путь экстенсивного развития, что усилило разрыв между качеством выпускаемых специалистов и запросами общества, темпами научно-технического прогресса. Стало складываться неоправданно расточительное отношение к интеллектуальным ресурсам. Сыграла свою роль и известная недооценка значимости высшей школы в решении научных проблем. Хотя в вузах было сосредоточено свыше 35 % научных кадров страны, в том числе около половины докторов наук, на проведение здесь исследований и разработок приходилось менее 10 % средств, выделяемых государством на развитие науки в целом[30]. Сыграло определенную роль также то, что прошлые успехи заслонили нараставшие трудности. Преобладающими стали канцелярско-бюрократические методы руководства, подменявшие практическое решение возникающих проблем составлением планов мероприятий и прочим бумаготворчеством. Обнаружилось и серьезное отставание материальной базы высшей школы.

После внушительных успехов в обеспечении вузов научно-педагогическими кадрами развилось противоречие между существенно возросшим размахом высшего образования и явным отставанием в приросте экономической и социальной отдачи, между количественными и переставшими удовлетворять качественными показателями подготовки специалистов.

Примечания

[1] Байгарина А. Е. Высшая школа в условиях советской политической системы 1917–1927 гг. : дис. …. канд. ист. наук. М., 1995. С. 43.
[2] Ильин И. А. О воспитании национальной элиты. М., 2001. С. 21.
[3] Александров А. П. Наука – стране. Статьи и выступления. М., 1982. С. 49.
[4] Кунгурцева Г. Ф. Интеллектуальный потенциал как объект социального регулирования : дис. … канд. социол. наук. Уфа, 2000. С. 64.
[5] Ригель К. М. Марксизм-ленинизм как политическая религия : пер. с исп. М., 2001. С. 38.
[6] Ракитов А. И. Российская наука : прошлое, настоящее, будущее // Вопр. философии. 1995. № 3. С. 17.
[7] Байгарина А. Е. Указ. соч. С. 78.
[8] Каримов К. К. Развитие науки в Башкортостане (вторая половина XIX – первая половина XX в.) : автореф. дис. … д-ра ист. наук. Уфа, 2000. С. 39.
[9] Кравец А. С. Идеалы и идолы науки. Воронеж, 1992. С. 95.
[10] Шарипов А. А. История высшего образования Таджикистана:опыт и проблемы (вторая половина 40-х – первая половина 90-х гг. XX в.) : дис. … д-ра ист. наук. Душанбе, 2000. С. 20.
[11] Кафтанов С. В. Высшее образование в СССР. М., 1950. С. 5.
[12] Кадры – решающая сила / отв. ред. Г. А. Юрлов. Саранск, 1974. С. 19.
[13] Кадры управления социалистическим производством : тезисы. М., 1971. С. 3.
[14] ЦГИА РБ. Ф. Р-802. Оп. 3. Д. 513. Л. 146.
[15] Возрастание роли науки в социально-экономическом развитии советского общества / отв. ред. Э. Ф. Володин. М., 1983. С. 24.
[16] Сталин И. В. Кадры решают все. Благовещенск, 1935. С. 8.
[17] Новосельцева Т. И. Выдвиженчество в кадровой политике советского государства в 20–30-е годы (на материалах Смоленской области) : дис. … канд. ист. наук. Брянск, 2004. С. 15.
[18] Бизюкова И. В. Кадры управления : подбор и оценка. М., 1998. С. 142.
[19] ЦГИА РБ. Ф. Р-802. Оп. 3. Д. 513. Л. 146.
[20] ЦГИА РБ. Ф. Р-802. Оп. 3. Д. 708. Л. 24.
[21] ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 599. Л. 20.
[22] ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 2063. Л. 53.
[23] ГАРФ. Ф. А-605. Оп. 1. Д. 3975. Л. 21.
[24] ГАРФ. Ф. А-605. Оп. 1. Д. 3974. Л. 105.
[25] Латыпова Э. Бесплатная наука для народа // Вечер. Уфа. 2000. 15 янв.
[26] Буржуазная советология в системе идеологической борьбы / отв. ред. У. К. Шеденов. Алма-Ата, 1986. С. 2.
[27] Ольсевич Ю. Я. Фактор науки в экономике социализма : ответ «советологам». М., 1987. С. 62.
[28] Малкей М. Наука и социология знания : пер. с англ. М., 1983. С. 171.
[29] Вершик А. М. Наука и тоталитаризм // Звезда. 1998. № 8. С. 183.
[30] Салахов М. Н. Высшее образование в Азербайджанской ССР в период развития социализма (1945–1980) : дис. … д-ра ист. наук. Баку, 1990. С. 10.

А. В. Трофимов

РЕФОРМЫ МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ УРАЛЬСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ (1950–1960-е ГОДЫ): ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ СОВНАРХОЗОВ

Первые исследовательские работы, в которых речь шла о совнархозах (СНХ), их роли и месте в советской экономике, появились уже в конце 1950-х – начале 1960-х гг.[1] В них

утверждалось, что совнархозы полностью себя оправдали. Один из аргументов заключался в том, что уже во второй половине 1957 г. все союзные республики выполнили государственный план по валовой продукции и по большинству видов продукции в натуральных показателях, а до этого отдельные министерства не выполняли план. В то же время авторы обращали внимание на необходимость укрупнения совнархозов, а также борьбы с местническими тенденциями, которые проявились в невыполнении планов кооперированных поставок, неправильном использовании капиталовложений и вырастали в серьезное препятствие для развития народного хозяйства страны в целом. Не обошлось тогда и без обвинений в адрес антипартийной группы В. М. Молотова, Г. М. Маленкова, Л. М. Кагановича, которые «тормозили необходимые преобразования в области управления промышленностью».

Представляет интерес анализ деятельности совнархозов, предпринятый «по горячим следам» их деятельности в середине 1960-х гг. участниками экономической дискуссии, в ходе которой окончательно созрела и стала осуществляться хозяйственная («косыгинская») реформа. В 1958 г. В. В. Новожилов в статье «Вопросы развития демократического централизма в управлении социалистическим хозяйством» доказывал, что перестройка руководства промышленностью и строительством, осуществленная в 1957 г., расширяет использование местного опыта и демократизма в управлении, как и в укрепление централизованного планового руководства. В 1965 г. он отметил, что эта перестройка ограничилась лишь территориальной децентрализацией. Хозяйственная компетенция предприятий осталась без существенных изменений, не произошло укрепления хозрасчета, повышения роли прибыли и усиления материальной заинтересованности предприятий в результатах их производства. Позитивную оценку совнархозам дал А. Бирман, который считал, что они сделали немало полезного: были ликвидированы многие мелкие и созданы межотраслевые ремонтные, инструментальные, строительные и другие предприятия. Автор призывал сохранить эти связи и не возвращаться вновь к территориальной раздробленности[2].

С середины 1960-х до середины 1980-х гг. вопросы совершенствования государственного управления отдельно в историографии практически не рассматривались в связи с тем, что сложилась новая политическая ситуация и внимание исследователей сосредоточилось на реформе 1965 г.

Начавшаяся «перестройка» явились стимулом к активизации изучения вопросов управления. Именно в это время данная проблематика начинает оформляться в самостоятельные предметы исследования. В монографии Ю. А. Веденеева[3] глубоко исследованы трансформации советской управленческой системы, дан анализ территориального и отраслевого принципов организации управления.

В 1990-х гг. стали появляться работы историков о региональных особенностях управленческих реорганизаций середины 1950–1960-х гг.[4] В них прослеживался крен в сторону преувеличения самостоятельности СНХ в решении ставившихся правительством задач, а также утверждался тезис о принципиальной нереформируемости советской системы управления, который, как отметила С. Г. Коваленко[5], во многом носит идеологический характер и обусловлен в первую очередь субъективным восприятием исследователей.

В настоящее время для исследователей очевидно, что в середине 1950-х гг. в руководстве партией и государством не было единства по вопросам реорганизации управления промышленностью. Это подтверждается мемуарами участников событий. Л. М. Каганович подчеркивал, что сама по себе идея совнархозов могла бы принести пользу при сохранении министерств. Вначале Н. С. Хрущев объявил создание Высшего Совета Народного Хозяйства «консервативным сопротивлением» всей реформе, а затем создал его. По мнению автора и участника событий, следовало создавать подобные совнархозам хозяйственные органы при облисполкомах для удовлетворения значительной части потребностей населения. Для Л. М. Кагановича затея с совнархозами имела немаловажную цель – перешерстить, пере-

тряхнуть кадры министерств и местных органов и заменить «неблагонадежных» своими людьми[6].

Занимавший в середине 1950-х гг. должность председателя Госплана СССР Н. К. Байбаков вспоминал: «В беседе со мной Н. С. Хрущев спросил: – Как вы, председатель Госплана, смотрите на создание совнархозов и ликвидацию министерств? Я ответил, что к этой идее отношусь отрицательно. Нельзя ликвидировать министерства оборонной промышленности, топливно-энергетические, сырьевые и машиностроительные. Если необходимо проверить целесообразность организации совнархозов, то лучше начать с таких отраслей, которые связаны с непосредственным обеспечением населения товарами и продовольствием, то есть передать в ведение совнархозов местную промышленность, предприятия легкой и пищевой промышленности. В ответ Хрущев сказал, что ради этого не следует создавать совнархозы»[7].

Свое видение проблемы реорганизации управления экономикой во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. предложил В. Н. Новиков, занимавший в те годы важные посты в региональных и правительственных органах, руководящих экономикой, в том числе Ленинградским совнархозом, Госпланом страны и др. Он полагает, что сама идея создания совнархозов отвечала потребностям развития экономики, и на первом этапе своей деятельности они сделали немало положительного. Однако по мере нарастания субъективных методов и усиления волюнтаристского стиля руководства со стороны Н. С. Хрущева под влиянием его окружения стали нарастать трудности и проблемы. Приводя в своих мемуарах многочисленные факты, автор показывает, какую большую роль в выработке и осуществлении экономической политики играли закулисная борьба, интриги, понятное, но экономически необоснованное стремление решать сложные хозяйственные проблемы наскоком, зачастую повинуясь капризу или сиюминутному увлечению лидера какой-либо идеей. По свидетельству В. Н. Новикова[8], работавшего накануне введения совнархозов первым заместителем министра общего машиностроения СССР, подавляющее большинство министерств и их центральные аппараты, а также большинство руководителей заводов не приветствовали такой реорганизации. В результате оказанного с их стороны давления на Н. С. Хрущева состоялся компромисс: оборонные заводы оставались в совнархозах, а для координации действий в этих отраслях создавались комитеты по соответствующим отраслям со специализированными институтами, конструкторскими организациями и небольшим центральным аппаратом.

Действительно, с политической точки зрения реформа совнархозов усиливала позиции секретарей обкомов партии, получивших контроль над промышленностью, а соответственно, и Н. С. Хрущева. Неудивительно, что многие члены «коллективного руководства» оказали сопротивление реформе. На заседаниях Президиума ЦК в январе – марте 1957 г. против нее открыто выступили В. М. Молотов и М. Г. Первухин. Другие члены Президиума, Г. М. Маленков и Л. М. Каганович, не критикуя реформу открыто, саботировали ее на практике. Развязка наступила в июне 1957 г., когда Маленков, Каганович и Молотов, опираясь на большинство в Президиуме ЦК, попытались отправить Хрущева в отставку. В ответ он собрал пленум ЦК, где большинство было у секретарей обкомов, объявил действия своих оппонентов антипартийными и добился их исключения из Президиума ЦК. С разоблачением «антипартийной группы» препятствия к осуществлению реформы были устранены.

По мнению Е. Т. Артемова[9], стремление избавиться от пут «предельной централизации и регламентации» в руководстве народным хозяйством не являлось главным побудительным мотивом осуществления совнархозовской реформы. Ее определяли прежде всего политические причины: Н. С. Хрущев стремился реформировать сталинскую пирамиду власти под себя, подрывая мощь центрального государственного аппарата управления (оплота «отраслевого вождизма»), и осуществлял кадровую «зачистку» высших интересов власти в интересах набиравшего силу партаппарата.

Победила политическая воля Н. С. Хрущева, и в феврале 1957 г. Пленум ЦК КПСС принял решение, а в мае был принят закон СССР о передаче управления промышленностью и строительством вновь организуемым совнархозам административно-экономических районов. Закон упразднил 10 общесоюзных и 15 союзно-республиканских министерств, а всего в стране было ликвидировано 141 министерство. Подчиненные им предприятия перешли в ведение совнархозов. Верховные Советы республик образовали в мае-июне 1957 г. 105 совнархозов: 70 – в РСФСР, 11 – в УССР, 9 – в Казахской ССР, 4 – в Узбекской ССР и по одному в остальных союзных республиках. Совнархозы в своей деятельности были подведомственны непосредственно правительству своей республики.

На территории Уральского региона в 1957 г. были созданы Пермский, Челябинский, Свердловский, Оренбургский, Курганский, Тюменский, Удмуртский и Башкирский совнархозы. Это было попыткой возродить идеи региона как крупной административно-хозяйственной единицы. В рамках совнархозовского периода исследователи[10] выделяют два этапа. В ходе первого этапа в 1957–1961 гг. были созданы СНХ, с появлением которых нарушились пропорции развития народного хозяйства как единого комплекса. Попытка укрупнения экономических районов и повышение их самостоятельности не привела к ожидаемым позитивным результатам. Местные органы власти не получили хозяйственной самостоятельности. Формальные права в принятии решений принадлежали местным Советам, а фактически управление экономикой находилось в руках партийных органов. Именно это позволяло центральным органам управления навязывать свои решения и выкачивать ресурсы из региона. Однако практика показала, что дробное управление нарушило экономические связи внутри региона. Поэтому с 1962 г. было проведено укрепление совнархозов. В течение второго этапа (1962–1965 гг.) совнархозы были укрупнены. На Урале были организованы 4 совнархоза: Башкирский, Западноуральский (Пермская область и Удмуртская АССР), Среднеуральский (Свердловская и Тюменская обл.), Южноуральский (Курганская, Оренбургская, Челябинская обл.). В 1962 г. в ходе проведения экономического районирования СССР в Уральский экономический район (УЭР) вошли: Курганская, Оренбургская, Пермская, Свердловская, Тюменская, Челябинская области и автономные республики – Башкирская и Удмуртская. В 1963 г. из УЭР была выделена Башкирская АССР, которая вошла в Поволжский район, а Тюменская область в 1966 г. стала составной частью Западной Сибири.

Вместе с перестройкой совнархозов менялась система органов планирования. В 1961 г. был восстановлен ликвидированный в 1930-е гг. Уральский совет по координации и планированию работы (Уралплан). Это был единый хозяйственный орган управления всего Урала. Первое организационное заседание состоялось в феврале 1961 г. в Свердловске. Совет рассматривал основные проблемы комплексного развития промышленности, строительства, транспорта Западноуральского, Среднеуральского и Южноуральского совнархозов и разрабатывал рекомендации и предложения, направленные на наиболее эффективное использование богатств, производственных фондов и трудовых ресурсов Урала. Рекомендации Совета после детального обсуждения в обкомах КПСС, облисполкомах, совнархозах передавались на рассмотрение в Госплан и Советы Министров РСФСР и СССР.

С усилением территориального принципа в организации общественного производства стали возможны кооперирование предприятий различных отраслей на одной территории, координация развития отраслей, комплексное использование сырьевых ресурсов района, возникли объекты территориально-производственной инфраструктуры. Появились и первые межотраслевые производства, инструментальные и литейные, общие водозаборные сооружения, энергетические станции, линии электропередачи и др. Необходимо учитывать, что рост экономики Урала в это время отвечал новым общесоюзным задачам: 1) обеспечения материальных условий для осуществления научно-технической революции; 2) создания предпосылок для промышленного подъема стран социалистического лагеря; 3) тиражиро-

вания индустриальных технологий с позиций реализации политики «рационального размещения производительных сил»; 4) обеспечения связи центральных районов с целинными и залежными районами Казахстана и других восточных районов, а также с новыми районами добычи нефти и газа в Западной Сибири (строительство железной дороги Ивдель-Обь началось в конце 1959 г.); 5) организации новых военных (ракетно-ядерных производств)[11].

Говоря об исторических уроках деятельности совнархозов на Урале, обратим внимание на несколько актуальных аспектов. Во-первых, инновационные возможности, существовавшие в этой модели управления.

Технико-технологическая основа советской экономики, сформированная в годы форсированной индустриализации, позволившая стране в 1930–1940-е гг. преодолеть стадиальное отставание от государств Западной Европы и США в развитии производительных сил, явилась материальной основой системы «бюрократического абсолютизма». Одновременно действие индустриалистских и тоталитарных тенденций, взаимосвязь между которыми обозначилась в ходе изменений, носящих характер «модернизации вдогонку», на десятилетия заблокировало пути к овладению общецивилизационными составляющими развития общества, в том числе и «региональными технологиями» социального управления. С этим во многом связано последующее отставание и возникновение «рецидивирующей» модернизации – малоэффективной, с постоянной нуждой в новом скачке.

В. Э. Лебедев[12] отметил, что со второй половины 1950-х гг., когда в мире развернулась НТР, в нашей стране стали предприниматься первые попытки разгерметизации социальных систем, а расширение масштабов, усложнение структуры экономики сделали невозможным высокую концентрацию экономической власти. Началась трансформация сильно централизованной, жестко иерархизированной организации общества. Осуществился переход к несколько более либеральным методам социального управления, что требовало передачи определенных властных полномочий на места. Крайне централизованная, административно-директивная экономика «в чистом виде» сменилась иной ее разновидностью – экономикой согласования, в которой отношения между субъектами управления представляли собой не только отношения подчиненности, но и отношения обмена, предполагавшие действие принципа обратной связи. По мнению В. Э. Лебедева, экономика согласования в наибольшей степени отвечала потребностям регионального развития. С середины 1950-х до середины 1960-х гг. возникли определенные условия для расширения числа субъектов социальной, в том числе и научно-технической деятельности. С этого времени фактически началось формирование региональной и научно-технической политики как особого направления в единой общегосударственной стратегии управления инновационным процессом. Однако полицентризм в области управления развитием науки и техники, институционализация субъектов научно-технической политики региона являлась следствием трансформации системы «бюрократического абсолютизма» в «бюрократический плюрализм», что привело к рождению региональных и функциональных бюрократических элит. Они стали новым «властвующим» элементом административно-бюрократической системы и призваны были в какой-то степени сыграть роль «трансформатора».

Преодоление централистских препятствий на пути развития производства, техники, науки было подчинено изменению «сталинской» строго иерархической общественно-политической структуры, блокировавшей потенциал местной инициативы. Экономическая децентрализация 1950–1960-х гг. выступала как средство политической либерализации, расширения влияния того социального слоя на местах, который оказывал воздействие на принятие политических решений. Борьба с жестко централизованной бюрократической системой административными методами привела, в свою очередь, к укреплению функциональных и возникновению региональных бюрократических элит. Своеобразный «политический бюрократизм» определил основное направление преобразований в управлении НТП в регионе.

В условиях авторитарно-бюрократической системы, основу которой составляли монополия государственной экономики и недемократические политические порядки, сформировался механизм внешней, а не внутренней регуляции научно-технической деятельности в регионе. Он строился на административных, внеэкономических методах воздействия на сферу науки и техники.

Этот «политизированный механизм» территориального управления НТП был пригоден в условиях экстенсивного развития Уральского экономического района, который характеризовался перманентной «мобилизацией» различного рода ресурсов и был маловосприимчив к НТП как интенсивному фактору расширения воспроизводства. Но обеспечить переход на качественно новую стадию экономического роста в регионе было невозможно.

Вслед за В. Э. Лебедевым изучение региональной научно-технической политики на примере Урала предпринял М. А. Корабельников[13]. Он отметил, что во второй половине 1950-х гг. произошло изменение управленческой модели хозяйства. Параллельно с робкими попытками разгерметизации социальной системы происходила передача больших властных полномочий на места. Образованным во второй половине 1950-х гг. совнархозам передавались не только функции контроля, но и определенные финансовые рычаги воздействия на процесс научно-технического развития региона. В их ведении находилось до 80 % средств, необходимых для развития прикладных исследований.

В период проведения реформы хозяйственного механизма произошло разрушение хозяйственных и иерархических связей. Определенную стабилизирующую роль играли органы политической власти, сохранявшие вертикальную структуру. Они же являлись носителями прежней психологии и концепции управления. Следствием устаревшей управленческой мысли явилось проведение реформы волевыми методами, что, в конечном счете, привело к копированию линейной модели управления на территориальном иерархическом уровне. По мнению автора, вектор движения от всевластия центра к свободе регионов был правилен. Однако отсутствие стабильности управленческих структур при неразвитости экономических отношений привело к возникновению противоречий между подсистемами единого управленческого организма, свертыванием реформ и замедлением НТП.

Следующий аспект касается качества и эффективности регионального менеджмента. С середины 1950-х гг. Н. С. Хрущев проводил политику выдвижения на посты руководителей крупных промышленных краев и областей специалистов с высшим техническим образованием. В уральском регионе сложились сильные команды на уровне руководителей промышленных предприятий и аппарата СНХ. Приведем иллюстрации, касающиеся эффективности деятельности руководителей совнархозов на примере Среднеуральского СНХ. С 1957 по 1962 г. им руководил С. А. Степанов. В эти годы в Свердловской области внедрялись индустриальные методы промышленного и жилищного строительства из крупных блоков и панелей, велось строительство новых и реконструкция действовавших предприятий черной и цветной металлургии, горнорудной промышленности, проходила реконструкция старых уральских заводов, началось строительство первой на Урале Белоярской АЭС, возведена первая очередь Качканарского горнообогатительный комбинат (ГОК).

Председатель Среднеуральского СНХ в 1963–1965 гг. В. В. Кротов развернул реконструкцию Уралмашзавода. Под его руководством началось сооружение крупнейшего в Европе блока цехов сварных машиностроительных конструкций, расширение сталефасонного цеха с установкой 27- и 40-тонных поточных формовочных линий. При его участии в 1959 г. на Уралмашзаводе был создан заводской НИИ тяжелого машиностроения. В этот период изготовлены блюминги-автоматы «1300», агломерационные машины с площадью спекания 250 кв. м, шагающие экскаваторы ЭШ 15.90 и др. виды новой техники. За участие в организации на Уралмашзаводе образцового сварочного производства В. В. Кротов был удостоен Государственной премии СССР.

В 1960–1965 гг. заместитель председателя, в 1965 г. председатель Среднеуральского СНХ А. Ф. Захаров явился инициатором создания Нижнетагильского металлургического комбината (НТМК) с полным металлургическим циклом. На НТМК под его руководством построены крупносортный стан «650», агломерационный цех, мартеновские печи с комплексной автоматизацией. Пущены в эксплуатацию доменная печь № 5, кислородно-конвертерный комплекс, введен в строй Качканарский ГОК. Участник разработки и освоения на НТМК новой технологии выплавки ванадиевого чугуна в доменных печах большого объема и переработки его в ванадиевый шлак и сталь кислородно-конвертерным дуплекс-процессом. Имеет авторские свидетельства на изобретения. Автор печатных работ, в том числе 2 монографий.

Особо следует сказать о роли правящей партии в управлении экономикой региона. Вновь образованные в 1962 г. промышленные и сельские обкомы партии включились в борьбу за фонды, социальную инфраструктуру, кадры. Возникшие при этом в некоторых регионах конфликты между руководителями промышленных и сельских обкомов зашли так далеко, что вмешиваться в них приходилось ЦК КПСС. Как отмечает А. В. Сушков, в Свердловской области подобных конфликтов удалось избежать[14]. В структуре партийных органов, строящихся со второй половины 1960-х гг. по отраслевому ведомственному принципу, уже было заложено усиление объединений партийных и хозяйственных функций. По сути, после ликвидации совнархозов со второй половины 1960-х гг. к местным партийным и советским органам Урала неофициально перешла часть их управленческих функций. А это автоматически сводило руководящую роль партии в отношении промышленных предприятий к командованию и администрированию, что частично микшировалось профессиональным опытом и представлениями о сущности производственных и технологических процессов, которыми обладали партийные руководители, прошедшие школу совнархозов. Возрастающее влияние на организацию территориальной системы планирования, управления и организации народным хозяйством стали оказывать первые секретари обкомов партии: Курганского – Ф. К. Князев; Оренбургского – А. В. Коваленко, А. Н. Баландин; Пермского – Б. Ф. Коротков, Б. В. Коноплев; Свердловского – К. К. Николаев, Я. П. Рябов, Б. Н. Ельцин; Челябинского – Н. Н. Родионов, В. Г. Воропаев; Удмуртского – В. К. Марисов.

Еще один исторический урок совнархозов – это укрепление регионального компонента советского военно-промышленного комплекса. Как отметил А. В. Буданов[15], система управления оборонной промышленностью Среднего Урала в 1957–1965 гг. развивалась в условиях становления ракетно-ядерных сил страны. В это время новые оборонные научно-исследовательские и технические разработки находились в стадии становления и выпуска первых серийных образцов. В результате управленческая структура совнархозов и оборонных государственных комитетов постоянно изменялась, причем отсутствовал общесоюзный центр руководства развитием ракетостроительной промышленности, что объяснялось новизной подобных разработок и стимулировало конкуренцию.

Промышленность страны в целом и Свердловской области в частности была разделена на две большие группы: подчиненная столичным государственным комитетам (наиболее передовые в области научно-технического прогресса) и подведомственная совнархозам (серийные оборонные заводы). В свою очередь эти группы делились по отраслям. В каждой из этих групп имелась своя специфика в организации управления. Важнейшим отличием было то, что государственные комитеты руководили промышленностью страны централизовано на основе министерских принципов, а промышленность совнархозов была организована территориально.

В систему совнархоза переходили также многие учебные заведения на местах, в том числе и те, что готовили специалистов для оборонных предприятий.

Оборонные заказы в силу их масштабности и сложности выполняли также и предприятия других управлений. Например, Уральский завод тяжелого машиностроения им. Орджони-

кидзе, выпускавший значительное количество оборонной продукции, был подчинен управлению машиностроения совнархоза. Уралмаш, например, производил корпуса двигателей, приборные и хвостовые отсеки ракет, пусковые установки тактической ракетной системы «Онега»; станции наведения для зенитного ракетного комплекса «Круг», гусеничные шасси для фронтового ракетного комплекса «Ладога» и т. д. К этому же управлению относился Уральский завод химического машиностроения. Такие крупные предприятия в силу идеологических причин трудно было объявить оборонными. Управление электротехнической промышленности (начальник Я. А. Андрианов), например, производило электрооборудование для подводных лодок на заводах «Уралэлектроаппарат», Баранчинском заводе им. Калинина, Каменск-Уральском электромеханическом заводе. В производстве военной продукции были задействованы в различной степени многие гражданские отрасли промышленности, даже деревообрабатывающая, легкая и пищевая. Например, Свердловская швейная фабрика «Одежда» производила солдатские шинели и маскировочные костюмы, Ирбитская швейная фабрика – рубахи и т. д. С другой стороны, специальные оборонные предприятия совнархозов производили продукцию гражданского назначения. Причин тому было две: соображения секретности и экономический расчет. Чисто оборонное производство не приносит прямых экономических выгод народному хозяйству и с этой точки зрения всегда убыточно. Наличие производства мирной продукции позволяло скрыть оборонный заказ. В секретной переписке оборонные заводы, как правило, имели номера, а также обозначались как «почтовые ящики» со своими особыми номерами.

В целом за 1957–1964 гг. объем производства на оборонных предприятиях совнархоза вырос по валовой продукции на 238,8 %, по товарной на 182,6 %. Особые успехи были достигнуты в валовом производстве приборов для авиации – 300,1 %, продукции для судостроения – 287,9 %, специального алюминиевого проката – 275,8 %, радиоэлектронной промышленности в целом – 247,9 %. Были созданы передовые образцы вооружений, совершенствовалась атомная технология. Оборонные предприятия совнархоза смогли увеличить производство валовой оборонной продукции в среднем на 240 %. Эти показатели подтверждают результативность системы управления оборонными предприятиями в модели совнархоза. Несомненно, что уральский регион именно в эти годы получил мощный импульс в укоренении статуса «опорного края державы», приобрел значение в качестве важнейшего арсенала страны.

Важный аспект исторического опыта СНХ касается их роли в решении социальных проблем, повышении благосостояния населения. Экономика уральского региона работала в первую очередь на ВПК, на тяжелую индустрию, а не на людей. Если Урал по своей экономической мощи уступал лишь центру, то по уровню социального развития занимал в стране 40–50-е места[16]. Благосостояние населения Урала отставало от его уровня в других регионах. Так, в Объяснительной записке к годовому отчету по основной деятельности промышленных предприятий за 1957 г. Совета народного хозяйства Челябинского экономического административного района констатировалось, что на 1.01.1858 г. «эксплуатационная жилая площадь предприятий, подведомственных Совнархозу, составляет 4156690 кв. м. На этой жилой площади проживают 698350 человек (на 1 проживающего – 5,7 кв. м жилой площади). 166643 кв. м жилой площади занято общежитиями, в которых проживают 30681 чел. (5,4 кв. м на 1 проживающего)». Из общей жилой площади оборудовано: водопроводом – 59 %; канализацией – 56 %; центральным отоплением – 59 %; электроосвещением – 100 %; газом – 5 %[16].

До начала 1960-х гг. в целом выдерживалась линия на опережающий рост производительности труда над ростом заработной платы. По Среднеуральскому СНХ объем производства в 1960 г. вырос по отношению к 1957 г., когда началось, в терминах того времени, «упорядочение зарплаты», на 35 %, производительность труда на одного рабочего выросла на 23 %, при росте средней зарплаты одного работающего на 8,3 % и одного рабочего на 9,6 %[17]. При

этом рост объемов производства и производительности труда происходили прежде всего на предприятиях, непосредственно не работавших на потребительский рынок. Так, средняя зарплата в 1960 г. на предприятиях Южноуральского СНХ составляла 1279 р., в том числе по управлению металлургической промышленности – 1455 р., легкой промышленности – 774 р., пищевой промышленности – 790 р.[18] В целом в 1957–1965 гг. рост заработной платы в промышленности Урала составил более 20 %[19].

В условиях происходившего во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. в стране и на Урале роста денежных доходов населения менялась структура платежеспособного спроса в сторону стремления приобрести более качественные для потребителя и технически сложные товары. В семьях машиностроителей Урала, т. е. высокооплачиваемой категории работников, в 1960 г. стиральные машины имелись в каждой четвертой, телевизоры – в каждой третьей семье. Почти 60 % семей пользовались радиоприемниками, швейными машинами[21]. Это было неизбежным следствием перехода к построению в послесталинский период советской модели государства «благоденствия», потребительского общества. Партийное руководство уральских областей стремилось административными мерами обеспечить рост производства товаров народного потребления промышленностью региона. Ситуация осложнялась тем, что на рубеже 1950–1960-х гг. происходило нарастание отложенного спроса населения. Так, число вкладчиков в сберкассы в Пермской области увеличилось с 1958 г. по 1965 г. на 168 тыс. человек, сумма вкладов почти удвоилась, при этом средний размер вклада вырос на 63 % и составлял в 1965 г. 191 р., при среднемесячной зарплате в промышленности 110 р.[22] Обострилась проблема невыполнения торговыми предприятиями кассового плана товарооборота, и региональные власти вынуждены были обращаться с просьбами о дополнительной эмиссии денег, что вызывало негативную реакцию центральной власти. Тогда как руководители предприятий совнархозов стремились выполнить план по основной производственной программе, прежде всего оборонного назначения, а к выпуску товаров народного потребления относились по остаточному принципу. Результатом партийного давления являлось определенное изменение ассортимента производимой продукции. На сессии Верховного Совета РСФСР в апреле 1963 г. отмечалось, что в течение 1959–1962 гг. выпуск товаров народного потребления в Свердловской области возрос на 55 %. Стали выпускаться мотоциклы, радиоприемники, электроутюги и др. Свердловский обком КПСС поставил перед Среднеуральским СНХ задачу: добиться, чтобы в 1963 г. 50 %, в 1964 г. 75 % всех предприятий производили товары для народа[23]. Такая постановка задачи привела к некоторому увеличению объема производимой продукции широкого потребления, но в основном за счет простых, не пользующихся повышенным спросом изделий, о чем неоднократно говорилось на различных совещаниях, собраниях, партийных форумах. Так, на пленуме Свердловского промышленного обкома партии в мае 1963 г. отмечалось, что вместо компрессионных холодильников, электробытовых приборов и других товаров повышенного спроса, предприятия СНХ выпускали почтовые ящики, подставки для горячих блюд, гладильные доски[24].

В условиях отказа от принципа принудительного закрепления работников на предприятиях, характерного для довоенного и военного периодов, заметной стала текучесть кадров. В масштабах Управления электротехнической и приборостроительной промышленности Совнархоза Южно-Уральского экономического района за 1962 г. текучесть кадров составила около 25 % по всем работающим. Причинами текучести кадров, отмеченные в отчете управления, назывались следующие: 1. Необеспеченность жильем – 1336 чел., в т. ч. рабочих – 1222 чел., ИТР – 87 чел.; 2. Неудовлетворенность зарплатой – 1051 чел., в т. ч. рабочих – 926, ИТР – 60 чел.; 3. Неудовлетворенность условиями труда – 734 чел., в т. ч. рабочих – 641, ИТР – 59 чел.; 4. Невозможность устройства детей в детских учреждениях – 708 чел., в т. ч. рабочих – 654, ИТР – 29 чел.[25]

В 1960–1970-е гг. темпы роста населения Урала стали отставать от союзных и республиканских показателей. Если в целом по СССР с 1946 по 1975 г. численность рабочих и

служащих возросла на 152,8 %, то в Уральском экономическом районе – на 132,1 %[26]. Это объяснялось оттоком трудовых ресурсов из региона, вызванным отставанием развития социальной сферы.

В заключение отметим, что со времени своего появления в обществе существовало полярное отношение к историческому опыту совнархозов. В советской историографии по отношению к ним сначала преобладали апологетические оценки, а затем, по мере изменения политической конъюнктуры, критические и неоднозначные – с одной стороны и другой стороны. В постсоветской историографии преобладающей является точка зрения, что совнархозы в той ситуации были административной попыткой улучшить положение дел в экономике, не меняя отношения собственности и принципы управления экономикой. Следовательно, такие попытки не могли быть изначально успешными, а советская экономика неуклонно шла к своему системному кризису. Вместе с тем, очевидно, что Уральский регион в период существования совнархозов получил мощный импульс индустриального развития, а социально-экономические проблемы, существовавшие тогда в регионе и стране, попытались в дальнейшем решить в русле «косыгинской реформы». Тем самым опыт реформы управления промышленностью при помощи СНХ в рамках авторитарной политической системы свидетельствует о существовавшей определенной «гибкости» и «мобильности» советской индустриальной модели, утерянной впоследствии.

Примечания

[1] Викентьев А. И. Очерк развития народного хозяйства СССР. М., 1959; Кобленков Н. Ф. Совершенствование руководства промышленностью СССР (1956–1960 гг.) М., 1961; Чадаев Я. Улучшить координацию хозяйственной деятельности местных Советов и совнархозов// Плановое хозяйство. 1961. № 7; Куротченко В. Первая заповедь совнархозов и предприятий // Экон. газета. 1960. 8 июня; Демченко М., Сластенко Е. Миллиарды экономии // Там же.

[2] Обратного хода нет. М., 1989. С. 432, 433, 459, 482.

[3] Веденеев О. А. Организационные реформы государственного управления промышленностью в СССР : историко-правовое исследование (1956–1987). М., 1990.

[4] Ежов В. А. Поиск путей совершенствования хозяйственного механизма 1956–1965 гг. : на материалах промышленности : дис. … канд. ист. наук. М., 1992: Креиан А. И. Деятельность Советов народного хозяйства по управлению промышленностью 1957–1964 (на материалах Сибири) : дис. … канд. ист. наук. М., 1992; Касьянова О. П. Перестройка управления промышленностью и строительством в начале 1950-х – первой половине 60-х гг. : дис. … канд. ист. наук. М., 1992; Горловой В. Н. Московский городской и областной совнархозы (1957–1965) : противоречия становления и развития : дис. … канд. ист. наук. М., 1997; Смолкин О. А. Реформирование местных органов власти и управления в 1953–1964 гг. (на материалах Кемеровской, Новосибирской и Томской областей) : дис. … канд. ист. наук. Томск, 1997; Мерцалов В. И. Реформа хозяйственного управления 1957–1956 гг. : предпосылки, ход, итоги (на материалах Восточной Сибири). Иркутск, 2002.

[5] Коваленко С. Г. Реформирование управлением народным хозяйством России в середине 50–60-х годов XX века : историография проблемы // Россия и АТР. 2006. № 1. С. 161.

[6] Каганович Л. М. Памятные записки. М., 1996. С. 512, 513.

[7] Байбаков Н. К. Сорок лет в правительстве. М., 1993. С. 73.

[8] Новиков В. Н. В годы руководства Н. С. Хрущева // Вопр. истории. 1989. № 1. С. 108.

[9] Артемов Е. Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М., 2006. С. 180.

[10] Аганбегян А. Г. Сочетание отраслевого и территориального принципов управления экономикой. М., 1980. С. 67–69; Личман Б. В. Центральные и местные уровни управления экономикой Урала в условиях командно-административной системы. С. 89–90.

[11] Срединный регион : теория, методология, анализ. Екатеринбург, 2009. С. 131.
[12] Лебедев В. Э. : 1) Научно-техническая политика региона : опыт формирования и реализации (1956–1985 гг.). Свердловск, 1991; 2) Научно-техническая политика советского общества во второй половине 1950-х – середине 1980-х гг. (региональный аспект). Екатеринбург, 1992.
[13] Корабельников М. А. : 1) Взаимодействие техно- и биосферы региона. Экологический кризис на Урале (конец 1950-х – начало 1960-х гг.). Екатеринбург, 1992; 2) Научно-техническая политика Советского государства и ее реализация на Урале во второй половине 1950-х – середине 1960-х гг. Екатеринбург, 1993.
[14] Сушков А. В. Партийно-государственная номенклатура Среднего Урала в 1945–1964 гг. : коллизии власти // Государство и народ в условиях социалистического эксперимента : опыт ретроспективного анализа. Екатеринбург, 2008. С. 196.
[15] Буданов А. В. Система государственного управления оборонно-промышленным комплексом на Среднем Урале в 1957–1965 гг. // Науч. вестн. Урал. акад. гос. службы. 2011. № 3. С. 223–231.
[16] Предпринимательство на Урале. История и современность. Екатеринбург, 1995. С. 111.
[17] Государственный архив Челябинской области (ГАЧО). Ф. 1613. Оп. 9. Д. 4. Л. 76, 77.
[18] Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 1813. Оп. 10. Д. 485. Л. 5.
[19] ГАЧО. Ф. 1613. Оп. 9. Д. 175. Л. 78.
[20] ГАСО. Ф. 1813. Оп. 10. Д. 485. Л. 10; Д. 696. Л. 2; Д. 543. Л. 9, 10.
[21] Урал. рабочий. 1960. 28 мая.
[22] Трофимов А. В. Доходы, потребление, торговля на Урале (середина 1950-х – середина 1960-х гг.). Екатеринбург, 1995. С. 23.
[23] Урал. рабочий. 1963. 7 апр.
[24] Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 376. Оп. 1. Д. 2. Л. 35, 36.
[25] ГАЧО. Ф. 1613. Оп. 4. Д. 5. Л. 23, 24.
[26] Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 439.

А. В. Чуриков

ЭВАКУАЦИЯ И РЕЭВАКУАЦИЯ ТЯЖЕЛОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В СССР – СИСТЕМНЫЙ ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ В 1941–1945 ГОДАХ

Промышленное развитие СССР накануне Второй мировой войны происходило в рамках сложившейся в 20–30-е гг. XX в. мобилизационной модели. Выстроенная большевиками, эта модель позволила осуществить форсированную индустриализацию и начать подготовку к будущей мировой войне. Особенность мобилизационной экономики заключалась в том, что она была подчинена внеэкономическим целям, в том числе стратегическим: «догнать и перегнать», «создать материально-техническую базу коммунизма». Советская мобилизационная модель опиралась преимущественно на государственную или контролируемую государством общественную собственность, использовала преимущественно совокупность внеэкономических механизмов (внеэкономическое принуждение, социальную мобилизацию)[1].

Руководство страны отдавало приоритет развитию отраслей тяжелой промышленности. Ускоренная модернизация в рамках мобилизационной системы требовала каркаса экономики в виде масштабных металлургических и машиностроительных производств. Исследователи отмечают, что советский лидер склонялся к мысли: «путь к передовой, изобильной экономике лежит через машиностроение и тяжелую промышленность»[2].

В годы первых пятилеток на востоке СССР, преимущественно на Урале и в Сибири, начала создаваться вторая промышленная база СССР. Но в то же время в восточных районах оборонные предприятия практически не строились. Более 80 % предприятий советского оборонно-промышленного комплекса было сосредоточено именно в западных районах страны.

Такое расположение оборонной промышленности СССР было предметом многочисленных партийно-государственных дискуссий. В 1920–1930-е гг. обсуждения скрытой мобилизации промышленности привели к выработке эвакуационных планов 1928, 1929, 1930 гг. Данные планы предусматривали перемещение промышленности и топлива с территорий, подвергшихся нападению с запада, со стороны Польши и Германии. Укрепившаяся в конце 1930-х гг. наступательная стратегия РККА гарантировала политическому руководству неприкосновенность оборонно-промышленного комплекса страны, поэтому все дискуссии относительно скрытой мобилизации были свернуты[3].

Начавшаяся 22 июня 1941 г. война и «молниеносное» наступление немцев потребовали срочных мер по обеспечению безопасности населения и промышленного потенциала. Немецкое командование стремилось в короткие сроки нейтрализовать советский оборонно-промышленный комплекс. Историк С. В. Кулик справедливо отмечал, что стремительный бросок немецких армий на юг преследовал двуединую цель: на оккупированной территории СССР намечалось провести своего рода деиндустриализацию, которая, помимо всего прочего, имела социальную направленность. Она должна была привести к ликвидации крупных промышленных центров. Из числа промышленных предприятий должны были быть сохранены или восстановлены только те, которые способны будут удовлетворять запросы германской армии[4].

В связи с германской агрессией советское руководство организовало эвакуацию тяжелой промышленности. Нормативно-правовой базой эвакуации в СССР был комплекс решений и постановлений СНК СССР, ЦК ВКП (б), ГКО. 24 июня 1941 г. был образован Совет по эвакуации. 27 июня 1941 г. совместным решением ЦК ВКП (б) и СНК СССР было принято постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества»[5]. Данный документ предписывал органам власти прифронтовых территорий и военным Советам фронтов эвакуировать «в первую очередь важнейшие промышленные ценности (оборудование – станки и машины), ценные сырьевые ресурсы, квалифицированных рабочих, инженеров, служащих, вместе с перемещаемыми предприятиями». Ответственность за перемещение эвакуируемых грузов и населения возлагалось на НКПС СССР[5].

Организационно-технические вопросы эвакуационного процесса были описаны в постановление ГКО от 11 июля 1941 г. № 99 сс. Высший орган управления устанавливал должность уполномоченного по эвакуации при народных комиссариатах. Уполномоченный наркомата обязан был контролировать процесс погрузки и доставки оборудования в полной сохранности. Срок эвакуации промышленных предприятий определялся в пять-семь дней. При этом предприятие, подготовленное к эвакуации, до последнего момента должно было выполнять производственную программу. Контролировать ход эвакуационного процесса должна была группа инспекторов Совета по эвакуации во главе с А. Н. Косыгиным[6].

Правительственные постановления об эвакуации рассматривались и утверждались в первые дни войны, когда не было четкого понимания дальнейшей стратегической линии. Мы полагаем, что они содержали в себе инструкции, не выполнимые в условиях прифронтовой полосы. Решения об эвакуации промышленных предприятий принимались несколькими инстанциями одновременно. Совет по эвакуации и ГКО часто дублировали функции друг друга. Принятие решений по эвакуации неоправданно затягивалось, компенсировать потери первых недель войны приходилось мобилизационными методами. Механизмы эвакуации тяжелой промышленности формировались в процессе перебазирования.

Демонтажем оборудования занимались рабочие предприятий, подготовленных к эвакуации. Скорость и масштабы сборки и погрузки оборудования определялись ходом бо-

евых действий на фронте и размерами производства. К примеру, демонтаж цехов завода им. Ленина в Днепропетровске начался 7 августа, а уже 9 августа 1941 г. на Урал вышел первый эшелон в составе 65 вагонов. По-иному происходила эвакуация подмосковных заводов. Заместитель наркома черной металлургии В. С. Бычков вспоминал: «…в один из дней ноября звонит директор Солнечногорского завода Савельев, взволнованно кричит в телефон: в Солнечногорск вошли немецкие танки. Под обстрелом нам удалось вывезти заводским паровозом последние десять вагонов с оборудованием»[7]. Эвакуация промышленных предприятий непосредственным образом зависела от действий Красной Армии. Там, где армейское командование давало руководителям предприятий время на достаточную подготовку, эвакуация была проведена с максимальной эффективностью. В Запорожье эвакуация производилась под обстрелом, армия сдерживала немцев до последнего. В итоге 3 октября 1941 г., когда Запорожье было сдано, «оставалось только подмести цехи металлургических заводов, больше там нечего было делать»[8]. Там же, где решения об эвакуации запаздывали и шли напряженные бои, ситуация была плачевной. Постановление о перемещении на восток Мариупольского металлургического завода было вынесено 5 октября 1941 г., эвакуация началась 6-го, а 8-го город был захвачен[9].

Эвакуация оборудования тяжелой промышленности отличалась особой спецификой. Большая часть производственных механизмов была громоздкой и нетранспортабельной. Демонтировать полностью доменные и мартеновские печи в условиях прифронтовой полосы было невозможно, потому с основных агрегатов снимали и отправляли на Восток лишь важнейшие узлы и детали оборудования. Вывозили также грузоподъемные механизмы, вспомогательные машины, насосные станции, сменное оборудование. Р. С. Лившиц, в годы войны ответственный работник Госплана СССР, писала, что «решающая часть производственного оборудования черной металлургии Юга осталась на месте. Доменные печи и сталеплавильные агрегаты эвакуировать было невозможно. В восточные районы удалось эвакуировать лишь некоторые прокатные станы и сравнительно небольшую часть оборудования основных и вспомогательных цехов металлургических заводов»[10].

Стоимость эвакуационных мероприятий варьировалась в зависимости от объемов и значимости производства. Государство компенсировало потери, возникшие в результате остановки производства и эвакуации. Расходы по перемещению ленинградского Кировского завода в г. Челябинск составили 23 млн 500 тыс. р.[11] Московскому автомобильному заводу им. Сталина эвакуация производственного комплекса в Челябинскую область стоила 28 млн 53 тыс. р.[12]

Непосредственная работа по перемещению производственных мощностей приходилась на Народный комиссариат путей сообщения. За первый год войны из прифронтовых районов в тыл по железным дорогам проследовало около 1,5 млн вагонов, или 30 тыс. поездов с эвакуированными грузами[13].

Поезда с эвакуированными грузами двигались на Восток под ударами авиации противника, что приводило к ощутимым потерям. Грузопотокам, возникшим на фронтовых дорогах, неоднократно изменяли направление[14]. Немало составов и отдельных вагонов с эвакуируемыми грузами в первый месяц войны застряли в общем потоке, осели на малых станциях, в тупиках, на второстепенных ветках. Это грозило срывом всей эвакуационной программы[15]. Для дальнейшего продвижения вагонов с эвакуированным оборудованием приходилось строить обходные пути для сквозного пропуска эшелонов, тушить пожары, растаскивать составы со снарядами, спасать людей, технику[16].

Эвакуация промышленности и населения шла последовательно в четырех основных направлениях. Первой линией эвакуации стала средняя Волга, вторая и самая решающая линия перебазирования – города Урала. Третий район перебазирования Сибирь. Четвертый поток перебазированных предприятий был направлен в Среднюю Азию[17].

Историк Л. М. Кантор писал, что регионы для размещения эвакуированных предприятий отбирались особым образом, строго централизованным путем. Размещение перевезенных предприятий должно было отвечать требованиям экономической обоснованности с точки зрения наилучшего обеспечения сырьем и топливом и наибольшей близости к пунктам потребления продукции. Регион должен был отвечать требованиям равномерности размещения предприятий по территории страны, не допуская чрезмерной перегрузки одних районов и недогрузки других[18]. В реальности ситуация с региональным размещением эвакуированных предприятий была напряженной. Среди наркомов и руководителей предприятий развернулась настоящая борьба за каждый промышленно освоенный участок территории Советского Союза[19]. Эшелоны с эвакуированными предприятиями, являясь заложниками ведомственной борьбы, мигрировали из города в город. Дочь Е. Я. Додика, руководителя (направляющего) эшелона Днепродзержинского металлургического завода, вспоминала: «…первоначально нас отправили в Орск, но город не был готов принять огромный эшелон с эвакуированной техникой, после нескольких дней простоя мы отправились в Магнитогорск»[20].

В наибольшей степени критериям экономической и военно-политической безопасности отвечал Уральский регион. Он был не доступен для действий немецкой авиации и моторизованных частей вермахта, а также занимал более выгодное геополитическое положение, нежели Средняя Азия или Западная Сибирь. На Урале была широко развита сеть коммуникаций, он обладал опытом производства черных металлов и вооружения еще со времен Петра Великого. Выгодное географическое и экономическое положение среди регионов Уральского экономического района занимал Южный Урал, который еще в дореволюционной России считался «воротами в Сибирь». Находясь фактически в центре СССР, города Южного Урала были перевалочной базой на пути в Среднюю Азию и Сибирь.

Вывезенное оборудование на новом месте должен был сдать руководитель эвакуированного предприятия, а принять – руководитель предприятия-получателя. Сдача-приемка оформлялась соответствующим актом. Такой порядок строго соблюдался. Оборудование завода имени Дзержинского было сдано директором завода и принято директором Магнитогорского комбината, о чем был составлен 20 октября 1941 г. акт, подписанный обоими руководителями[21]. Практически по каждому эвакуированному заводу решение принималось в Москве. Наркоматы контролировали размещение и раздавали указания областным властям. Правительство практиковало индивидуальный подход к каждому отдельно взятому предприятию.

Оборудование эвакуированных металлургических предприятий в основном размещалось на действующих заводах, часть направлялась на площадки нового строительства. Для размещения эвакуированных заводов и их оборудования использовались резервы производственных площадей, незавершенное промышленное строительство 1930-х гг., родственные предприятия Урала, свободные территории. Исключительно в открытом поле был возведен Челябинский металлургический завод.

В первые месяцы войны неразбериха, царившая в советских органах управления экономикой, сказалась и на деятельности эвакуированных предприятий. Не согласовав между собой проекты эвакуационных планов, Совет по эвакуации и ГКО направляли на территории одного предприятия по нескольку заводов. Челябинский обком ВКП (б) по просьбе наркома электропромышленности пытался согласовать проект размещения двух предприятий на площадях небольшого уральского завода г. Касли. В данном письме сообщалось, что «постановлением ГКО от 11.07.41 г. № 99 сс предложено разместить ленинградский завод “Электрик” на площадях Каслинского чугунно-литейного завода. Постановлением Совета по эвакуации от 07.08.41. № 66 сс на площадях этого же завода должны поместить завод № 79. Каслинский завод не может обеспечить площадями оба завода. Просим срочно сообщить какие заводы размещать»[22].

В большинстве случаев оборудование, отправленное с эвакуированных предприятий, представляло собой уникальные образцы советской довоенной индустрии. Это были современные станки и металлургическое оборудование, множество инструментов и машин иностранного производства. Предприятия тяжелой промышленности южных и центральных районов Советского Союза были оснащены гораздо лучше уральских производств. Технологии были куплены или заимствованы за рубежом. Прибывшие предприятия преобразили индустриальный облик Уральского региона, изменились производственные пропорции между металлургией и машиностроением восточных районов. Существующие мощности уральской металлургии не обеспечивали выпуск некоторых сортов металла. Уральские предприятия приходилось «подтягивать» для размещения оборудования предприятий Украины и Подмосковья. Например, на Магнитогорском металлургическом комбинате в 1941–1942 гг. были установлены два листопрокатных стана. Для увеличения производства здесь были построены две доменные печи, блюминг и пять мартеновских печей. Тем самым на Магнитогорском комбинате уже в конце 1941 г. была создана мощная база для выпуска металла военного назначения[23].

Важнейшим звеном перебазирования было восстановление промышленных предприятий в тылу. В виду того, что большинство оборудования поступало некомплектно, решено было организовать специальные склады бездокументных грузов вплоть до дальнейшего распоряжения из Москвы. Областной комитет ВКП (б) Челябинской области в июле 1941 г. предложил секретарям Челябинского, Златоустовского, Магнитогорского, Троицкого, Карабашского, Уфалейского, Кыштымского, Миньярского, Катав-Ивановского, Саткинского и Миасского горкомов и райкомов производить учет годного для мобилизации станочного оборудования для производства боеприпасов, выявлять неиспользованное эвакуированное оборудование на всех предприятиях и железнодорожных станциях до 19 сентября 1941 г.[24]

Созданная до войны экономическая система позволяла концентрировать ресурсы в областях, имеющих первоочередное значение. В первую очередь восстанавливалось оборудование танковых и авиационных заводов, предприятий черной металлургии, тяжелого машиностроения и станкостроения. Но даже в этих отраслях случались свои «перекосы». В короткие сроки восстанавливались предприятия оборонных ведомств. Заводы черной и цветной металлургии не успевали за темпами роста оборонных производств и часто срывали их работу.

В литературе часто бытует мнение, что эвакуированные предприятия восстанавливались и начинали давать продукцию через 1,5–2 месяца. Это может быть отнесено только к ведущим заводам военных наркоматов, ввод в строй которых контролировался ГКО. Восстановление других предприятий часто затягивалось, что требовало оперативной реакции со стороны союзных и региональных властей[25].

Восстановление эвакуированных предприятий на местах проходило с большими сложностями. Многочисленные перемещения заводов из одного пункта в другой, дефицит энергии и перебои с водоснабжением – это лишь малая часть того комплекса проблем, с которым столкнулись управляющие эвакуированных заводов и фабрик. При монтаже оборудования были использованы широкие возможности мобилизационной системы, в частности сосредоточение людских и производственных ресурсов на чрезвычайно важных пусковых объектах. Нарком строительства С. З. Гинзбург писал, что для ускоренного монтажа перебазированного оборудования создавались особые строительно-монтажные части (ОСМЧ). ОСМЧ были высокомобильными организациями, которые по мере необходимости перемещались с одних объектов на другие, сохраняя при этом основные инженерно-технические кадры и квалифицированных рабочих. Для ускорения монтажных работ в конструкцию прибывающего оборудования вносились некоторые «усовершенствования», недостающие детали заменяли местными аналогами, не соблюдался технический регламент[26]. Возводились упро-

щенные конструкции, простая схема энергоснабжения, высокая загрузка производственных мощностей.

Осенью-зимой 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП (б) были организованы проверки на эвакуированных предприятиях. В ноябре 1941 г. инспекционную поездку по заводам НКЧМ Челябинской области совершил секретарь ЦК ВКП (б) А. А. Андреев. Итогом его работы стал секретный доклад для руководства СССР. В докладе было отмечено, что размещение и восстановление эвакуированных предприятий происходит неудовлетворительно. Большинству заводов сроки восстановления даже не были указаны. Значительное количество ценного оборудования находилось на станционных и подъездных путях, подвергаясь механической коррозии. А. А. Андреев довел до высшего руководства страны информацию о том, что «на 25 ноября 1941 г. в Челябинской области вступило в эксплуатацию полностью или частично оборудование 29-ти заводов. Предприятия, приступившие к выпуску продукции, производственные планы не выполняют. Завод № 54 НКВ октябрьский план выполнил только на 51 %. Завод № 13 НКВ в октябре план выполнил на 26 %, а за 20 дней ноября на 39 %»[27].

Восстановление затягивалось по множеству причин. Во-первых, элементарная потеря оборудования по многочисленным тупикам и разъездам советских железных дорог. Во-вторых, несогласованность действий высших органов управления экономикой и местных властей. В-третьих, чрезвычайное положение, в котором находилось ведущее войну государство, диктовало руководству страны режим жесткой экономии, поэтому часть эвакуированных предприятий планировалась к восстановлению в будущем.

Восстановление эвакуированных заводов происходило медленно, графики строительных работ нарушались, установленные пусковые строки не выдерживались, по ряду заводов вообще не было установленных сроков пуска. Административное давление на руководителей местных предприятий приводило к авралам и штурмовщине. Восстановление и введение в промышленный оборот оборудования подменялось «косметической» установкой. Это обстоятельство провоцировало периодические аварии на производстве. Так, 23 сентября 1941 г. в 23.50 гидравлическим ударом большой силы разорвало рабочие и золотниковые цилиндры паровой машины мощностью 8 тыс. лошадиных сил броневого стана листопрокатного цеха Магнитогорского металлургического комбината[28]. 15 декабря 1941 г. в кузнечном цехе Кировского завода произошел взрыв введенной в эксплуатацию селитровой ванны, повлекший за собой человеческие жертвы и убыток для завода. Авария в кузнечном цехе явилась следствием нарушения работниками завода элементарного порядка эксплуатации производственных агрегатов и осуществления надзора за правильным соблюдением режима безопасности и должного контроля в технологическом процессе цехов[29].

Можно утверждать, что эвакуация в начальный период Великой Отечественной войны была проведена в предельно сжатые сроки и в невиданных ранее объемах. Конечно, переместить всю экономическую базу в безопасные районы не представлялось возможным, но, по словам историка Д. Е. Комарова, «было сделано главное – несмотря на то, что многие материальные ценности и производственные мощности остались на занятой противником территории, их функционирование было обречено. В результате эвакуации была сломана единая экономическая инфраструктур оккупированных районов. Работа отдельных предприятий, оборудования, мощности которых эвакуировать не удалось, в полном объеме вне производственного цикла была невозможной»[30].

Советская мобилизационная система смогла в чрезвычайных условиях Второй мировой войны произвести переброску производственных мощностей на несколько сотен километров. В короткий срок чрезвычайными мерами эвакуированные предприятия были смонтированы. Потери производственной продукции в первые месяцы войны были компенсированы довоенными резервами.

Вместе с тем, система не смогла добиться ускоренного производства продукции эвакуированными заводами. Крайняя степень централизации, тотальный контроль и постоянное вмешательство партийных организаций тормозили процесс промышленного роста. Эвакуация, позволившая спасти часть промышленного потенциала, парализовала работу железнодорожного транспорта и привела к колоссальным потерям промышленной продукции. В условиях иной экономической модели это могло означать полный финансовый крах государства. Но чрезвычайные полномочия правительства позволили переключить ресурсы страны на важнейшую экономическую задачу – пуск перебазированных предприятий. С большими осложнениями и потерями эвакуированная промышленность вступила в строй и уже на рубеже 1943–1944 гг. смогла восстановить довоенный экономический потенциал СССР.

Эвакуированные предприятия, размещенные в Челябинской области, начали функционировать в 1943 г. В период 1943–1945 гг. коллективы эвакуированных предприятий смогли наладить систематический выпуск продукции. Процесс интеграции эвакуированного оборудования в Челябинской области совпал с коренным переломом в ходе Отечественной войны. В результате наступательных операций 1943–1944 гг. Красная Армия освободила многие западные города и рабочие поселки СССР. Освобожденные территории СССР нуждались в восстановлении. Напряженная экономическая ситуация в западных районах усугублялась тем, что большинство промышленных центров Украины отправили свое оборудование на восток в потоках эвакуации или были уничтожены. Восстановление промышленных предприятий и социальных объектов на западе страны могло быть реализовано мобилизационной системой в рамках двух подходов. Во-первых, существовала вероятность вернуть на базы оборудование, эвакуированное в 1941–1942 гг. Во-вторых, можно было сконцентрировать все ресурсы государства на восстановлении экономики запада СССР, не прибегая к реэвакуации. В 1942–1946 гг. была проведена ограниченная реэвакуация промышленных предприятий, которая затронула и Челябинскую область. Но реэвакуация, проводившаяся в последние годы войны, не была массовым процессом, не охватила многих предприятий, проводилась локально и точечно. В конечном счете, массового потока реэвакуированных грузов, подобных эвакуации промышленности, не было.

Реэвакуация тяжелой промышленности санкционировалась постановлениями ГКО, СНК СССР, ЦК ВКП (б), Госплана СССР и отдельных промышленных наркоматов. Все финансовые затраты по доставке оборудования, так же, как и в случае с эвакуацией, принимало на себя государство. В отличие от эвакуации 1941–1942 гг. документов, определявших напрямую порядок реэвакуации, нам обнаружить не удалось. В источниках военного времени практически невозможно встретить термин ‘реэвакуация промышленности’. В годы войны обычно использовалась терминология ‘возвращение эвакуированного оборудования’. Это обстоятельство позволяет нам ввести новую терминологическую единицу – ‘реэвакуация оборудования’, общий смысл которой заключается в поэтапном и ограниченном возвращении неиспользуемого эвакуированного оборудования на восстанавливаемые предприятия западных районов.

Одним из первых документов, посвященных возвращению эвакуированного оборудования, стало постановление ГКО от 22.01.1942 г. «Об оборудовании для Москвы и Московской области»[31]. В этом документе высший руководящий орган СССР предписывал руководителям областных комитетов партии и облисполкомов выделить на предприятиях областей оборудование, эвакуированное из Москвы, переписать его и доставить к месту прежнего размещения. Процент оборудования, поступивший из Москвы, в отдельных регионах был различным[32].

Дальнейшее движение эвакуированного оборудования проходило в рамках помощи освобожденным районам Украины и юга РСФСР. Порядок этого процесса также был регламентирован распоряжениями ГКО. 22 февраля 1943 г. Постановлением ГКО «О восстановлении угольных шахт Донбасса» было организовано главное управление по восстановлению угольных шахт, на него было возложено оперативное хозяйственное и техническое руко-

водство всеми работами. Управление обращалось в обкомы тыловых регионов с требованием предоставить неиспользованное оборудование. Тыловые власти для восстановления предоставляли в первую очередь оборудование, находящееся на эвакобазах[33]. Причем процесс этот начался задолго до выхода постановления. И. В. Быстрова отмечала, что в адрес заместителя председателя СНК СССР, Члена ГКО Л. П. Берии отправлялись многочисленные просьбы ведомств о передаче им эвакуированного оборудования, месяцами лежавшего на складах и платформах поездов и т. д. На так называемых «эвакобазах» скопилось немало «бесхозного оборудования», которое могло по специальному решению ГКО использоваться в военных целях[34]. На Челябинской эвакобазе на 1 марта 1943 г. находилось 1285 ед. различного оборудования[35].

Изучение многочисленных документов ГКО, ЦК ВКП (б), промышленных наркоматов, Госплана СССР, областной плановой комиссии Челябинской области, позволяет нам утверждать, что функционирующая на Урале эвакуированная промышленность не могла стать «донором» западных районов в силу целого ряда обстоятельств. Во-первых, это привело бы к снижению темпов промышленного производства, чего в условиях войны допустить было невозможно, во-вторых, эвакуированные промышленные предприятии не смогли бы покрыть надобности освобожденных районов в оборудовании. В 1944–1946 гг. была проведена исключительно частичная реэвакуация оборудования предприятий, которые не имели принципиального значения для уральской экономики. Это были насосные заводы, газовые станции, мостовые краны, токарные станки, сварочные аппараты и др., т. е. были перемещены отдельные детали производства, которые можно было немедленно использовать на восстановлении освобожденных от оккупации районов[36].

Практическую работу по восстановлению экономики освобожденных районов и частичной реэвакуации осуществлял Госплан СССР. Плановая комиссия рассматривала дополнительные возможности увеличения фондов на материалы, оборудование, продовольственные и промышленные товары.

Организационные работы по перемещению в освобожденные районы эвакуированного оборудования на разных этапах осуществляли созданные при Госплане и СНК СССР комиссии и управления. В ноябре 1942 г. была создана Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. В задачу комиссии входило расследование действий захватчиков на оккупированной советской территории, определение материального ущерба, причиненного советским гражданам, колхозам, общественным организациям и государству. Руководство Комиссией, вплоть до 1945 г., осуществлял Н. М. Шверник, бывший в 1941–1942 гг. председателем Совета по эвакуации[37].

В августе 1943 г. при СНК СССР был создан Комитет по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от фашистской оккупации. При наркоматах организовывались специальные комиссии, строительно-восстановительные управления. Комитет руководил восстановлением народного хозяйства в освобожденных районах страны, занимался переброской эвакуированного оборудования и контролем над выполнением соответствующих решений правительства[38].

Процесс частичного возвращения эвакуированного оборудования в западные районы условно можно разделить на два этапа: 1941–1942 гг. – транспортировка оборудования для Москвы, Московской области, Калининской области; и 1943–1946 гг. – возвращение неиспользуемого эвакуированного оборудования в освобожденные от оккупации районы Украины, Ленинградской области, западных и южных районов европейской России. Каждый этап частичного возвращения эвакуированного оборудования отличался своим своеобразием. Например, реэвакуация оборудования в Москву и Московскую область носила точечный характер, была предельно локализована во времени (декабрь 1941 – январь 1942 гг.). В 1943–1946 гг., напротив, возвращение эвакуированного оборудования носило

более широкий территориальный охват. Завершением реэвакуации, на наш взгляд, следует считать именно 1946 г., т. к. в документах после этого срока информация о реэвакуационных процессах отсутствует, оборудование, эвакуированное в 1941–1942 гг., было закреплено за тыловыми предприятиями.

Первый практический опыт реэвакуации промышленности был получен в 1942 г., когда наряду с перемещением оборудования из прифронтовой полосы в районы, освобожденные Красной Армией, стало возвращаться дефицитное оборудование. В 1942 г. после снятия угрозы захвата Москвы правительством было принято решение восстановить значение московской промышленности в экономике страны, т. к. эвакуация серьезно повлияла на экономический потенциал города[39].

В 1943 г. началось централизованное восстановление экономики освобожденных территорий. В отношении территорий, подвергшихся оккупации, речь шла не просто о восстановлении разрушенных предприятий, а о новом капитальном строительстве в огромных масштабах, когда наряду с восстановлением и переоборудованием старых предприятий зачастую создавались целые новые отрасли машиностроения. Единственным сдерживающим фактором, не позволявшим реализовать грандиозную строительную программу, было нахождение большей части квалифицированной рабочей силы в восточных районах СССР[40]. Бывший в годы Великой Отечественной и послевоенный период наркомом вооружения Д. Ф. Устинов отмечал: «…особенность работ по восстановлению заводов вооружения состояла в том, что на прежние места возвращались, как правило, далеко не все работники, которые трудились на них раньше. Это понятно: ведь фронту все еще требовались огромные количества оружия и боевой техники, и заводы, в том числе эвакуированные в свое время из ныне освобожденных районов, работали в Поволжье, на Урале, в Сибири и Средней Азии с полной нагрузкой. И нельзя было допустить, чтобы реэвакуация отразилась на выполнении заданий по выпуску вооружения для фронта. Поэтому перед руководителями и партийными организациями заводов, эвакуированных в 1941–1942 годах на восток страны, стояла задача закрепить кадры инженерно-технических работников и рабочих на освоенных местах»[41].

Главной задачей восстановления предприятий военной промышленности в ходе войны оставалось наращивание военной продукции для фронта. 8 ноября 1943 г. нарком боеприпасов Б. Л. Ванников и уполномоченный ГКО Г. Ивановский обратились в СНК СССР по вопросу о восстановлении заводов НКБ в освобожденных от оккупации районах Юга. В записке констатировалось, что «в ныне освобожденных от немецкой оккупации южных районах СССР находятся 12 предприятий промышленности НКБ, в том числе: 3 завода по производству корпусов снарядов, 2 пороховых завода, 2 снаряжательных завода, 1 завод по производству авиавыстрела, артполигон. До эвакуации перечисленные заводы являлись крупнейшими предприятиями промышленности боеприпасов, производственные корпуса этих заводов в настоящее время сохранились в значительной степени и на ряде заводов осталось некоторое оборудование». Как докладывал Б. Л. Ванников, НКБ получил решение ГКО о восстановлении этих заводов и приступил к его реализации: «…на сегодня уже на этих заводах работает около 10 тыс. рабочих. За счет мобилизации внутренних ресурсов наркоматом боеприпасов направлено на восстанавливаемые заводы некоторое количество производственного и энергетического оборудования, однако удовлетворить полностью нужды восстанавливаемых заводов НКБ не может из-за отсутствия ресурсов»[42]. Требовалась ограниченная переброска неиспользуемого эвакуированного оборудования в западные и южные районы.

Механизм перемещения неиспользуемого эвакуированного оборудования был отработан еще в первые месяцы войны. В 1941 г. СНК СССР Постановлением № 2091-951 с. предоставил Госплану СССР право «в целях использования бездокументных грузов, эвакуированных из прифронтовой полосы», перераспределять следующие виды оборудования: паровые котлы, турбины, двигатели, передвижные электростанции, сварочные аппараты, металло-

режущие станки, прессы, молоты, силовые трансформаторы, масляные выключатели, компрессоры, насосы, металлорежущие инструменты и т. д.[43]

Запасы этого оборудования были обширны. Проведенная в 1944 г. уполномоченным Госплана СССР по Челябинской области проверка работы эвакуированных оборонных предприятий показала, что в хранилищах, запасниках и базах бездокументных грузов области находится более 1,8 тыс. ед. различного импортного бездействующего оборудования. Металлорежущих станков более 50 ед., трансформаторов более 30, прочего промышленного оборудования более 30 ед. 12 декабря 1944 г. Уполномоченный Госплана СССР отправил Н. А. Вознесенскому записку, в которой рекомендовал предать это оборудование другим заводам СССР[44].

Эвакуированное в начале войны оборудование направлялось в освобожденные районы также в потоках «шефской помощи» восточных районов. Шефство было одной из специфически советских форм мобилизации ресурсов тыла для подъема разоренных оккупацией территорий. Челябинская область оказывала помощь Курской области, Донбассу, Москве и Подмосковью. Было распространено и «отраслевое» шефство: промышленные предприятия глубокого тыла, в том числе принявшие эвакуированное оборудование и работников западных регионов, теперь в порядке помощи направляли эшелоны с оборудованием на восстанавливаемые предприятия. Например, Магнитогорский металлургический комбинат «курировал» восстановление «Запорожстали»[45].

В 1944 г. решением ГКО из Челябинской области было эвакуировано 3 предприятия. Распоряжением ГКО № 58086 от 4 мая 1944 г. «в целях обеспечения восстановления производства паровых насосов и химического оборудования на Свесском насосном заводе НКВ» предписывалось: «реэвакуировать в мае 1944 г. Златоустовский насосный завод со всем оборудованием, материалами, заделами и основными кадрами рабочих в количестве 200 чел. в поселок Свессы Сумской области». На НКПС была возложена обязанность снабжения предприятия 35 вагонами, а НКБ предписывалось уже в июле 1944 г. организовать на Свесском заводе выпуск паровых насосов, в соответствии с народно-хозяйственным планом[46].

Таким же образом был реэвакуировано оборудование Усть-Катавского завода № 13. Постановлением ГКО разрешалось НКВ провести переброску эвакуированного оборудования с завода № 13 г. Усть-Катав на завод № 592 г. Мытищи Московской области «для организации производства маломестных плат и казенников к 120-мм. минометам и для обеспечения выполнения заданий по изготовлению бронепоездов, бронеплощадок и ремонта платформ 39-8 на заводе № 592 г. Мытищи»[47].

В том же 1944 г. было получено разрешение и на реэвакуацию оборудования, строительных механизмов, материалов и рабочей силы со строительства Челябинской станции на Лисичанскую станцию Подземгаза Главназтоппрому при СНК СССР[48].

Предприятия, оставшиеся на территории области, а их было большинство, 145 из 155 эвакуированных заводов и фабрик тяжелой промышленности, в соответствии со Сводным планом развития народного хозяйства Челябинской области на 1945–1950 гг. должны были стать «базой мощного промышленно-энергетического комплекса, в котором будут преобладать черная и цветная металлургия, квалифицированное машиностроение, а также будут широко развиты химическая промышленность, промышленность строительных материалов, легкая и пищевкусовая отрасли»[49]. К примеру, на Кировском заводе планировалось организовать производство гусеничных тракторов С-80 с моторами к ним в количестве до 27 тыс. штук и запасных частей к тракторам в объеме 25 % к программе выпуска тракторов. Выпуск оборонной продукции по заводу должен быть сокращен в пределах 700 млн р. в год вместо 3 млрд в 1944 г., причем это производство должно быть сосредоточено в отдельном корпусе. Все остальные цехи должны быть перестроены на выпуск тракторов[50].

После 9 мая 1945 г. процесс реэвакуации оборудования продолжался, вплоть до начала 1946 г. предприятий тяжелой промышленности снабжали заводы западных районов обо-

рудованием. Подобные перемещения фиксировались финансово-отчетной частью завода и разного рода «особыми» отделами. Вычислить точный объем этой помощи довольно сложно. Нам удалось установить, что после окончания войны предприятия в полном составе реэвакуации не подвергались, частично перемещались только отдельные производственные единицы. После 1 января 1946 г. в документах ЦК ВКП (б), промышленных наркоматов и региональных органов власти встретить даже косвенные упоминания о реэвакуации нам не удалось, это обстоятельство позволяет нам определить окончание реэвакуационных процессов декабрем 1945 – январем 1946 г.

Таким образом, разнонаправленные процессы эвакуации и реэвакуации тяжелой промышленности как нельзя ярко продемонстрировали все достоинства и недостатки советской системы управления экономикой. Эвакуация, став решающим фактором в разгроме врага, вместе с тем была важнейшим структурным элементом советской ускоренной модернизации восточных районов СССР. Система управления экономикой продемонстрировала свою жизнеспособность именно в экстремальных условиях тотальной войны.

Примечания

[1] Сенявский А. С. Советская мобилизационная модель экономического развития: историко-теоретические проблемы // Мобилизационная модель экономики : исторический опыт России XX века : сб. материалов всерос. науч. конф. / под ред. Г. А. Гончарова, С. А. Баканова. Челябинск, 2009. С. 25–26.

[2] Парамонов В. Н. Инструментарий промышленной политики в советский период // Там же. С. 222.

[3] Мелия А. А. Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР. М., 2004.

[4] Кулик С. В. Экономическая политика гитлеровцев и советское сопротивление на оккупированной территории России 1941–1944 гг. // Вестн. С.-Петерб. ун-та. 2007. Сер. 2. Вып. 1. С. 141.

[5] О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества. Постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР. 27 июня 1941 г. // Изв. ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 208.

[6] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 2. Л. 39; Ким В. А. Н. Косыгин : взлет и падение // Российский кто есть кто. 2004. № 1. С. 54–57.

[7] Воспоминания старейших металлургов. Рабочие материалы к исследованию «Черная металлургия в годы Великой Отечественной войны. М., 1980. С. 11.

[8] Запорожская область в годы Великой Отечественной войны. Запорожье, 1959. С. 70.

[9] Прохоров А. П. Эвакуация промышленности на Восток (из опыта советской модели управления) // Россия и соврем. мир. 2002. № 4. С. 116.

[10] Лившиц Р. С. Размещение черной металлургии СССР. М, 1958. С. 186.

[11] ОГАЧО. Ф. Р-792. Оп. 14. Д. 128. Л. 62.

[12] РГАЭ. Ф. 8115. Оп. 2. Д. 112. Л. 47–48.

[13] К 60-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : стат. сб. / Статкомитет СНГ. М., 2005. С. 22.

[14] Ковалев И. В. Транспорт в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1981. С. 91–92.

[15] Там же. С. 92.

[16] Кабанов П. А. На стальных магистралях // Война. Народ. Победа. 1941–1945. Статьи. Очерки. Воспоминания / сост. И. М. Данишевский, Ж. В. Таратута. М., 1984. С. 164.

[17] Хавин А. Ф. Великое перемещение индустрии // Новый мир. 1948. С. 252–281.

[18] Кантор, Л. М. Промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. СПб. : Изд-во СПбУЭФ, 1991. С. 34–35.

[19] Эвакуация : документ. сериал. М. : Фонд Арт-Проект, 2005.

[20] Интервью с М. Е. Подвальной. Проведено 28 июля 2009 г. Интервьюер А. В. Чуриков.

[21] Сталь для победы : (Черная металлургия СССР в годы Великой Отечественной войны). М., 1986. С. 77.
[22] ГАРФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 3. Л. 38.
[23] Осинцев А. С. Черная металлургия Урала. Свердловск, 1960. С. 56–57.
[24] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 17. Л. 455.
[25] Данилов В. Н. Война и власть : (Чрезвычайные органы власти регионов России в годы Великой Отечественной войны). Саратов, 1996. С. 304.
[26] Гинзбург С. З. О прошлом для будущего. М., 1983. С. 220–221.
[27] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 124. Л. 29–30.
[28] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 18. Л. 132.
[29] ОГАЧО. Ф. Р-792. Оп. 5. Д. 12. Л. 216–217.
[30] Комаров Д. Е. Эксплуатация советской экономики немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.). Смоленск, 2001. С. 67.
[31] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 20. Л. 56.
[32] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 20. Л. 57.
[33] Быстрова И. В. Советский военно-промышленный комплекс : проблемы становления и развития (1930–1980-е гг.). М., 2006. С. 229.
[34] Быстрова И. В. Указ соч. С. 199.
[35] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 43. Д. 948. Л. 12.
[36] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 249. Л. 180; Д. 31. Л. 79; Д. 366. Л. 208.
[37] Дюков А. Р. За что сражались советские люди. М., 2007. С. 502.
[38] ГАРФ. Ф. Р-9504. Оп. 1. Историческая справка к фонду 1943–1944 гг. Л. 1.
[39] Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 356.
[40] История социалистической экономики СССР. С. 60.
[41] Устинов Д. Ф. Во имя Победы. М., 1988. С. 302.
[42] Там же. С. 204–205.
[43] ГАРФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 456. Л. 100.
[44] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 45. Д. 117. Л. 64.
[45] Братченко Т. М., Сенявский А. С. Мобилизационные механизмы восстановления экономики на освобожденных от оккупации территориях РСФСР в условиях войны 1941–1945 гг. // Подвиг Урала в исторической памяти поколений / С. В. Воробьев (ред.). Екатеринбург, 2010. С. 119–121.
[46] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 249. Л. 180.
[47] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 31. Л. 80–81.
[48] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 366. Л. 208.
[49] ОГАЧО. Ф. Р-804. Оп. 8. Д. 193. Л. 5–7.
[50] ОГАЧО. Ф. Р-804. Оп. 8. Д. 193. Л. 22.

СЕКЦИЯ 4.
ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ И РОЛЬ ГОСУДАРСТВА: ОТ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ К ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Баканов С. А.
Булатов В. В.
Косенкова Ю. Л.
Лапоногова И. С.
Некрасов В. Л.
Никитин Л. В.
Попов А. А.
Славкина М. В.
Тимошенко А. И.
Ярош Н. Н.

С. А. Баканов

СТАДИЯ «ЗРЕЛОСТИ» В РАЗВИТИИ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УРАЛА (КОНЕЦ 1950-х – СЕРЕДИНА 1960-х ГОДОВ)[*]

Наиболее четким индикатором достижения отраслью «зрелой» стадии развития является замедление темпов прироста и последующая стабилизация с поддерживанием достигнутого уровня производства в течение достаточно длительного периода. Для уральской угледобычи «зрелость» пришлась на период экономических экспериментов хрущевской «оттепели», связанных с изменением принципов планирования и управления народным хозяйством страны. На протяжении большей части 1950-х гг. угледобывающая отрасль Урала удерживала среднегодовые темпы прироста валовой продукции на уровне 7,6 %, что было несколько меньше общесоюзных показателей, но явно свидетельствовало о продолжении стадии «роста». Однако в 1959 г. темпы упали до 0,8 %, а на следующий год даже приняли отрицательное значение – 0,1 %. Затем, с 1961 по 1965 г. они вновь стали положительными, но на уровне всего лишь около 1 % прироста в год. Собственно стадия «зрелости» была на Урале крайне непродолжительной – всего семь лет (см. рис. 1.), а уже в 1966 г. произошло резкое (на 6 %) падение производства, после чего на протяжении всей следующей пятилетки оно продолжало сокращаться в среднем на 2 % в год[1]. Столь быстрое падение свидетельствует о переходе отрасли к состоянию и динамике, характерным уже для «стадии упадка».

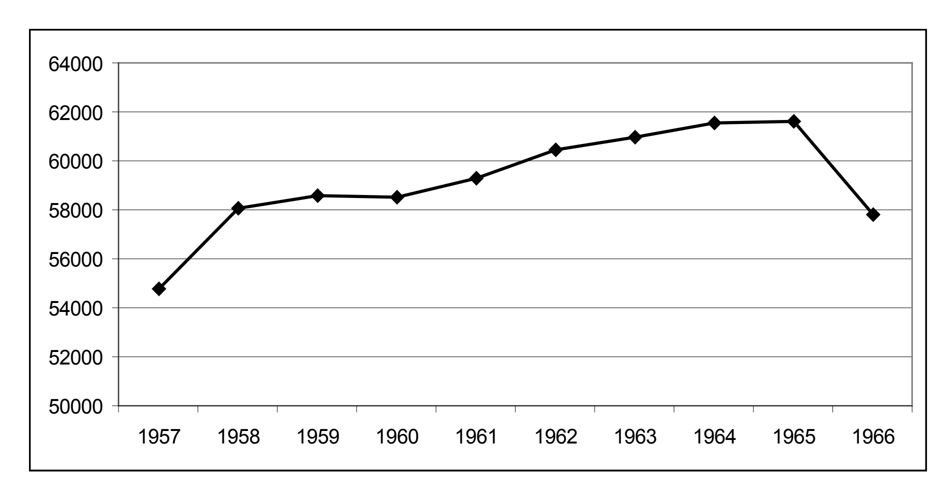

Рис. 1. Добыча угля на Урале в конце 1950-х – середине 1960-х гг. (тыс. т)

Рассчитано по: Грунь В. Д., Зайденварг В. Е., Килимник В. Г., Малышев Ю. Н., Попов В. Н., Рожков А. А. История угледобычи в России / под общ. ред. Б. Ф. Братченко. М., 2003. С. 459–474.

В 1957 г. в масштабах всего народного хозяйства СССР была осуществлена реформа управления промышленностью, которая, ликвидировав систему отраслевых министерств, создала территориальные органы управления – советы народного хозяйства. Угольная промышленность страны в целом и Урала в частности оказалась разделенной между отдельными совнархозами: комбинат «Кизелуголь» попал в подчинение Пермского СНХ, «Челябинскуголь» – Челябинского СНХ, «Свердловскуголь» – Свердловского СНХ. Поскольку потребители производимого топлива часто находились за пределами региона, в масштабах которого действовал конкретный совнархоз, такое разделение привело к серьезным сбоям

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.». Государственное соглашение № 14.B37.21.0001.

в топливоснабжении. Уже в 1958 г. (на первом году реформы) в план топливоснабжения СССР пришлось вносить коррективы, и так продолжалось и в следующие годы. Для устранения подобных проблем и осуществления функций отраслевого планирования в 1962 г. при Госплане СССР был создан Государственный комитет по топливной промышленности во главе с Н. В. Мельниковым. Затем, в 1963 г. был восстановлен центральный орган управления промышленностью – ВСНХ, а последовавшая в 1965 г. очередная хозяйственная реформа вернула министерскую вертикаль управления. Был воссоздан (на этот раз единый) Минуглепром СССР, в подчинение которому вернулись все местные комбинаты.

Институциональные изменения, произошедшие в системе управления в конце 1950-х гг. на уровне отдельного предприятия проявились в том, что теперь комбинатам пришлось размещать свои заказы на транспортное и ремонтное обслуживание на предприятиях, ранее никогда не входивших в систему минуглепрома, что вызывало некоторые трудности в снабжении, особенно в начале. Тем не менее, инерция позитивных процессов, заложенных на предыдущем этапе развития отрасли, способствовала продвижению уральских бассейнов к максимальным уровням их собственной добычи. Во-первых, это объясняется выходом большинства действующих предприятий на их проектную мощность, а во-вторых – продолжавшимся ростом производительности труда шахтеров, вызванным завершением комплексной механизации забоев и лав и синхронизацией всех производственных процессов.

Качественным сдвигам в деле механизации способствовали успехи горного машиностроения. Так, за годы семилетки основной производитель горного оборудования для уральских бассейнов Копейский машзавод, не снижая товарного выпуска продукции, практически полностью обновил номенклатуру изделий. В этот период были созданы конструкции и освоен серийный выпуск проходческих комбайнов ПК-3М, Караганда 7/15, ПК-7, погрузочных машин УП-3, ПНБ-3М, угольных комбайнов К-56М, К-56МГ, Урал-2М, врубовых машин Урал-33, скреперных грузчиков ГСС-1. За один 1965 г. завод произвел угольных комбайнов – 38 штук, проходческих – 118, врубмашин – 205, углепогрузочных машин – 550, не считая огромного количества работ по обслуживанию и ремонту ранее произведенной продукции[2]. Количество новейших комбайнов и стругов для очистных работ, сосредоточенных на шахтах Урала, достигло к 1965 г. 106 штук. Правда, из-за горно-геологических условий уральских месторождений они были сконцентрированы преимущественно в Челябинском бассейне (89 штук). Число постепенно устаревающих врубовых машин по сравнению с 1950-ми гг. активно сокращалось (210 штук вместо 426 в 1950 г.). Появились первые проходческие комбайны (4 в «Челябинскугле» и 1 в «Свердловскугле»). До 126 выросло число углепогрузочных машин, и до 189 – породопогрузочных машин[3]. В начале 1960-х гг. во всех комбайновых лавах были организованы сменные комплексные бригады по 20–25 человек, выполняющие все операции производственного цикла. Эти лавы работали в 4 смены по добыче угля с выполнением ремонтных и подготовительных работ в одной из добычных смен. В лавах пластов крутого падения добычные работы велись в 2 смены, а в остальных сменах производились работы по управлению кровлей и доставке крепежного материала[4]. В результате объем комбайновой добычи по уральским бассейнам за 1958–1965 гг. вырос в 2 раза.

Любопытно, что чистое машинное время работы угольных комбайнов и очистных комплексов в первой половине 1960-х гг. (т. е. в момент пика добычи) колебалось в пределах от 1,5 до 3 часов за шестичасовую смену. Из-за этого производительность труда росла несколько медленнее ожидаемого. Основной причиной такого использования техники директора шахт называли высокую аварийность, вызванную нехваткой запчастей и связанное с эти несвоевременное выполнение профилактических ремонтных работ[5]. Однако, даже с поправкой на эти трудности, сменная производительность шахтерского труда на Урале выросла за период с 1958 по 1965 г. в среднем на 15 %[6], а в наиболее успешном «Челябинскугле» ее

прирост на подземных работах достиг 10 %, на открытых работах – 13 %, а при прохождении горных выработок – рекордных 45 %[7].

Тем не менее, успехи в деле механизации и рост производительности были не способны полностью компенсировать собою нарастающие проблемы отрасли, связанные с общим снижением рентабельности угледобычи, истощением действующих месторождений и изменением приоритетов государственной экономической политики. Каждая из этих проблем являлась выражением сложного переплетения ресурсного, технологического и институционального факторов развития отрасли с фактором конкуренции. Этот последний в условиях мобилизационной модели экономики, господствовавшей в 1930-е – первой половине 1950-х гг., искусственно подавлялся, но в результате экономических экспериментов конца 1950-х – начала 1960-х гг. вновь оказался в числе значимых. Достижение отраслью пределов роста резко обнажило вышеперечисленные проблемы, сделав их остро актуальными и требующими незамедлительного решения.

Особое значение в свете хозяйственных экспериментов приобрела проблема рентабельности. По данным будущего министра угольной промышленности СССР Б. Ф. Братченко, в 1958 г. 78 % всех угледобывающих предприятий СССР были планово-убыточными, причем у двух третей из них убыточность превышала 30 %. На Урале неубыточными являлись только 11,2 % угледобывающих предприятий, причем для абсолютного большинства из них уровень рентабельности не превышал 10 %. А вот среди планово-убыточных предприятий (их доля 88,8 %) только 31,7 % имели убыточность менее 10 %, в то время как 58 % предприятий имели убыточность от 10 до 30 %, и 10 % шахт по убыточности превосходили уровень в 30 %[8]. Получается, что по сравнению с общесоюзными показателями положение уральских бассейнов было еще не самым тяжелым, но общая тенденция вела к дальнейшему неуклонному снижению рентабельности и росту издержек. Общей проблемой всех перспективных планов развития угольной промышленности было то, что практически с начала 1920-х гг. вопросы целесообразности добычи в том или ином месторождении решались, как правило, на основе локальных расчетов и сопоставления среднебассейновых технико-экономических показателей. Определялись, так называемые, «рациональные» зоны распространения энергетических углей разных бассейнов, ограниченные железнодорожными станциями, на которых стоимость угля сравниваемых бассейнов была бы одинаковой. При таком подходе игнорировались различия в технико-экономических показателях отдельных предприятий и не учитывались затраты потребителей при использовании разных видов углей. Вместо концентрации производства на наиболее экономически эффективных шахтах и разрезах происходило дальнейшее «размазывание» ресурсов по бассейнам и месторождениям в целом.

Для сокращения количества планово-убыточных шахт отдел угольной промышленности Госплана СССР настаивал на том, чтобы при составлении нового прейскуранта цен на уголь, Госплан исходил из рентабельности не менее 7 %[9]. Однако эти предложения были отвергнуты, поскольку в себестоимости, например, электроэнергии стоимость угля составляла 60–65 %, а в продукции черной металлургии – 10 %[10], т. е. повышение цен на уголь привело бы к резкому росту цен на продукцию всех остальных отраслей промышленности. Поэтому вместо предложения отдела угольной промышленности в 1959 г. Госплан СССР издал приказ, в соответствии с которым, впервые были составлены перечни промышленной продукции, перевыполнение которой сверх плана в текущем году не разрешалось. В этот список помимо тощих донецких и экибастузских углей, а также бурых украинских и подмосковных, попал и южно-уральский бурый уголь, как подчеркивалось отдельно: «за исключением количества, необходимого для брикетирования»[11]. Борьба с низкой рентабельностью отрасли с этого момента пошла, в основном, по пути ограничения планирования и регламентации производства планово-убыточной продукции. Так, комбинату «Молотовуголь» семилетний план уже не предусматривал какого либо существенного увеличения добычи (планируемый

прирост в 1965 г. по отношению к 1957 составил всего 48 тыс. т)[12]. Кроме того, Госплан СССР считал необходимым в 1960-е гг. увеличить капитальные вложения в дополнительную закладку шахт в Кузбассе и Донбассе для добычи коксующихся углей. Средства на это по предложению отдела угольной промышленности должны были изыскиваться за счет прекращения строительства 10 новых предприятий в Подмосбассе и на Урале, в которых, подчеркивалось особо, «нет острой необходимости»[13]. В итоге в 1960 г. в СССР было полностью прекращено строительство 18 угледобывающих предприятий, в том числе на Урале – двух шахт в Челябинском бассейне, одной в Кизеловском бассейне и Тюльганского разреза в Южно-Уральском бассейне.

Рентабельность угледобычи напрямую зависела от ее себестоимости, в структуре которой расходы на заработную плату составляют более 50 %. Поэтому любое повышение благосостояния шахтеров автоматически снижало рентабельность производства. Вместе с тем, курс на отказ от использования системы принудительного труда, принятый руководством страны в середине 1950-х гг., требовал создания комплекса материальных и нематериальных стимулов, с помощью которых отрасль могла бы сохранить свои трудовые коллективы. Шахтерский труд продолжал оставаться крайне тяжелым, часто вредным для здоровья, а иногда и опасным для жизни. Даже к 1965 г. 62,7 % уральских шахтеров все еще было занято на работах с использованием ручного труда. Основной объем ручных работ приходился на добычу угля в лавах на наклонных и крутых пластах, а также на монтажно-доставочных работах и на дорожно-путевых работах в карьерах, где практически отсутствовали средства механизации[14].

Тяжелейшие условия труда в отрасли фиксировались не только на предприятиях с подземной добычей, где существовала высокая опасность завалов и взрывов метана, но и на разрезах. Так, на Коркинских разрезах экологическая ситуация на рубеже 1950–1960-х гг. была близка к критической вследствие высокого содержания в воздухе дисперсной пыли и вредных газообразных продуктов горения угля. Концентрация пыли в ряде случаев в 50–70 раз превышала допустимую норму (10 мг/м^3), а содержание окиси углерода в воздухе было в 4–5 раз выше предельно допустимого. Такое положение создалось в результате значительной засоренности угольных разрезов породоугольными навалами (в 1957 г. суммарный объем навалов на Коркинских разрезах № 1 и № 2 оценивался в 2 млн м^3)[15]. Навалы своевременно не вывозились и самовозгорались, насыщая воздух продуктами горения. При многократных перевалках горящих и перегоревших навалов с целью их доставки к железнодорожным путям образовывалось большое количество мельчайшей пыли, которая находилась в воздухе во взвешенном состоянии.

Естественным решением проблемы сохранения трудовых коллективов в этих обстоятельствах было повышение заработной платы и предоставление других благ работникам отрасли. Наглядно это можно проследить на примере предприятий Кизеловского бассейна. Так, в марте 1957 г. по комбинату «Молотовуголь» средняя заработная плата (отношение фонда заработной платы к числу трудящихся) составляла 1208 р. При этом менее 600 р. (т. е. менее половины от средней з/п по комбинату) получали 8073 человека, т. е. 23 % трудящихся; от 600 до 1200 р. получали 14394 человека (41 % трудящихся); от 1200 до 2000 р. – 8322 человека (23 %); от 2000 до 3000 р. – 3194 человека (9 %); свыше 3000 р. – 1466 человек (4 %)[16]. В числе низкооплачиваемых категорий рабочих в значительной степени оказывались женщины, доля которых на комбинате достигала 14 %[17]. В соответствии с инструкцией «О порядке перевода работников предприятий угольной промышленности на сокращенный рабочий день и новые условия оплаты труда», утвержденной Комитетом по труду и заработной плате при Совете Министров СССР 29 августа 1958 г., сдельная оплата труда, составленная по расценкам от нормы-плана, не рекомендовалась. Вместо нее вновь вводилась повременная оплата с некоторым повышением норм выработки[18]. На шестичасовой рабочий день пере-

водились рабочие, занятые в очистных забоях, проходчики, взрывники и машинисты подземных машин, на семичасовой рабочий день – насыпщики, откатчики, все ИТР, работники угольных разрезов, работники углеобогатительных и брикетных фабрик, поверхностные рабочие[19].

Расчет фонда заработной платы в связи с новыми условиями оплаты показал, что, например, в тресте «Кизелшахтстрой» среднедневная ставка для горных рабочих по новым условиям выросла на 143,7 %. К ней плюсовались прогрессивные доплаты (около 10 %) и доплаты по выслуге лет (около 9 % к фонду заработной платы). При том, что на новую систему предполагалось перевести в тресте только 1126 человек из 5377 работающих, это потребовало бы увеличения фонда заработной платы на 456 тыс. р. ежемесячно[20]. По комбинату «Кизелуголь» (так с конца 1957 г. вновь стал называться комбинат «Молотовуголь») фонд заработной платы вырастал с 78520 тыс. р. до 106282 тыс. р. В среднем по всем трестам комбината на 35 % вырастала зарплата повременщиков и на 45 % – сдельщиков[21].

Далее, в июне 1960 г. вышло постановление ЦК КПСС и СМ СССР «Об установлении шестичасового рабочего дня для всех рабочих, занятых на подземных работах в угольной, сланцевой и других отраслях горнодобывающей промышленности, а также на подземных работах по строительству шахт, тоннелей и метрополитена», которое потребовало еще большего расширения фонда заработной платы. А с учетом районного коэффициента (1,2) добыча становилась «золотой». Сокращенный рабочий день с одновременным повышением зарплаты шахтеров привел к тому, что фонд заработной платы в масштабах всей угольной промышленности СССР вырос сразу же на 600 млн р., а вместе с возросшими взносами на амортизацию и ростом цен на лесоматериалы себестоимость добычи возросла на 1,1 млрд р. В итоге уже к 1966 г. отрасль получала госдотацию в размере 1,5 млрд р., что почти полностью лишало ее возможности использовать новые методы материального стимулирования[22].

Катастрофически нарастающие проблемы с рентабельностью одной из системообразующих, базовых отраслей советской промышленности заставили руководство страны искать выход в оптимизации энергобаланса народного хозяйства за счет вытеснения дорожающего твердого топлива более экономичными нефтью и газом. Решение о переходе в энергетике с угля на газ, известное как «газовая пауза», принималось во второй половине 1950-х гг. Так, в «Директивах XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану (1956–1960 гг.)» впервые был взят курс на ускоренное развитие нефтяной и газовой промышленности, превышающее темпы развития угледобычи[23]. А затем, уже на XXI съезде КПСС в качестве одной из важнейших задач семилетки, нашедшей отражение в «Контрольных цифрах по народному хозяйству СССР 1959–1965 гг.», ставилось: «…изменение структуры топливного баланса путем преимущественного развития добычи и производства наиболее экономичных видов топлива – нефти и газа»[24]. План семилетки предполагал рост добычи угля в СССР с 495 млн т до 612 млн т при сокращении удельного веса угля в энергобалансе страны с 59,9 % до 43 % к 1965 г. В топливном балансе Урала доля угля должна была снизиться с 80,8 % в 1958 г. до 46 % к 1965 г., а к 1972 г. планировалось довести ее до 33 %[25].

Расчеты экономистов показывали, что для Урала самым дешевым топливом являлся мазут местных перегонных заводов, а затем природный газ, который предполагалось подвести из Средней Азии. Из твердых видов топлива наиболее дешевым для Северного Урала был местный богословский уголь, а для Среднего и Южного – дальнепривозной экибастузский и кузнецкий открытой добычи. На Урале природный газ, при использовании его для технологических и коммунально-бытовых нужд оказывался экономически гораздо эффективней угля. Однако при сжигании газа под котлами электростанций он уже не имел экономических преимуществ перед дешевыми привозными углями или перед электроэнергией, поступающей по проводам с мест добычи дешевого восточного угля[26]. Тем не менее, с конца 1950-х гг. началась быстрая газификация региона, путем подачи газа сначала из Башкирии, а

затем из Средней Азии. Если в 1956 г. еще изыскивались возможности расширения топливной базы Урала за счет поиска новых угольных месторождений (в частности, начались работы по освоению Тургайского угольного бассейна в Северном Казахстане), то в 1958 г. все они были прекращены, Тургайский бассейн законсервировали, а средства перенаправлены на строительство газопровода Бухара – Урал[27]. С 1964 г. оттуда на Урал ежегодно подавалось до 17 млрд м^3 газа. Затем, в середине 1960-х гг. еще около 10 млрд м^3 газа начали подавать из Тюменской области. В 1965 г. на Магнитогорском металлургическом комбинате впервые в мире стали использовать природный газ в металлургическом производстве, а уже через год, когда газ был подведен на Нижнее-Тагильский и Серовский металлургические комбинаты, выплавка чугуна с применением природного газа на Урале достигла 32,4 %, а стали – 59,8 %[28]. Использование природного газа и мазута привели к тому, что расход кокса на тонну чугуна сокращался до 100 кг, что существенно снижало потребность Урала в привозном коксующемся угле (приблизительно на 20 млн т.).

Строительство мощных газопроводов позволило полностью или частично перевести на сжигание газа и ряд крупнейших уральских электростанций. Первыми стали получать газ электростанции системы «Челябэнерго»: ЧГРЭС, Челябинские ТЭЦ-1 и ТЭЦ-2, затем «Свердловскэнерго», а с пуском газопровода из Березовского месторождения в Тюменской области и «Пермьэнерго»[29]. Постановлением Совета Министров от 28 февраля 1959 г. все промпредприятия и электростанции при переходе на газ обязаны были сохранять имеющиеся топливные системы в качестве резервных, однако, как показала практика, далеко не все предприятия его выполнили. На ряде предприятий газ стал основным, а на некоторых – единственным видом технологического и энергетического топлива. Возглавлявший на рубеже 1950–1960-х гг. отдел угольной, торфяной и сланцевой промышленности в Госплане СССР Б. Ф. Братченко резко возражал против перевода с твердого топлива на газ электростанций северных районов Свердловской области, расположенных поблизости от Богословского бассейна – Серовской, Верхнетагильской, Нижнетуринской и Богословской. Он доказывал, что данное решение не приведет к сокращению относительно дорогой добычи в Челябинском и Богословском бассейнах, а следовательно, оно нецелесообразно[30]. Однако это мнение так и не было принято во внимание. «Нефтяное» и «газовое» лобби в правительстве оказались сильнее угольщиков.

В итоге, уже в 1962 г. уголь утратил свою главенствующую роль в топливном балансе СССР (его доля составила менее 50 %), а в 1963 г. он уступил суммарным долям нефти и газа. Государственная политика «газовой паузы», нацеленная на модернизацию энергетической системы страны, стала приносить первые плоды для экономики. Для угольной отрасли эта политика имела, напротив, весьма негативные последствия. Конкуренция со стороны товаров заменителей стала активно вытеснять угледобывающие предприятия с многих привычных рынков сбыта их продукции и, в первую очередь, с рынка энергетического топлива. С этого момента проблемы со сбытом начинают все чаще преследовать отрасль, особенно в районах, где рентабельность добычи была наиболее низкой.

Ситуация осложнялась и тем, что помимо электростанций от твердого топлива стали отказываться и другие традиционные покупатели. Так, с начала 1950-х гг. начался процесс реконструкции локомотивного парка советских железных дорог. Паровозы стали все активнее вытесняться локомотивами следующего поколения – электровозами и тепловозами. Особенно быстро развитие тепловозной тяги происходило в период с 1957 по 1965 г., когда доля тепловозов в локомотивном парке выросла с 8,3 % до 45 %. На долю паровозов, по подсчетам М. В. Славкиной, к середине 1960-х гг. осталось не более 15,5 %[31]. В Уральском регионе выше, чем в среднем по стране, был удельный вес электрифицированных железнодорожных путей – 19 % в 1960 г. (при 10 % в СССР) и 36 % в 1970 г. (25 % по СССР). На электротягу осуществлялся перевод не только отдельных участков пути, но и целых магистралей (в

1962 г. электровозы пошли по линии Пермь – Чепец, в 1963 г. по линии Пермь – Свердловск, а в 1964 г. на электротягу была переведена линия Свердловск – Киров – Горький – Москва протяженностью 1800 км[32]. Таким образом, и этого важнейшего в еще недавнем прошлом потребителя отрасль утратила, во многом под воздействием завышенных ожиданий руководства страны от «газовой паузы».

Следует заметить, что эти ожидания имели под собой весьма твердые основания в виде экономических расчетов, которые делались для отдельных регионов. Нефть и газ действительно обходились государству гораздо дешевле, тем более, что вплоть до 1970-х гг. мировые цены на эти виды топлива также оставались крайне низкими. Это последнее обстоятельство делало продажу энергоносителей за границу малоперспективным предприятием и позволяло почти весь объем добываемых в стране нефти и газа использовать на внутреннем рынке. Перейдя на дешевые виды топлива в энергетике и на транспорте, можно было получить от этого быструю отдачу. Для Урала выигрыш от «газовой паузы» виделся еще и в том, что здесь в середине 1950-х гг. впервые выявилось исчерпание местных угольных месторождений, и в перспективе регион мог столкнуться с новым «топливным голодом», чего, учитывая степень концентрации на Урале оборонных предприятий, ни в коем случае нельзя было допускать.

Общим итогом стадии «зрелости» стала утрата определенного оптимизма, который сопровождал развитие отрасли в предшествующие периоды. Из предприятий, составляющих промышленную гордость края, шахты и разрезы Урала стали превращаться в постоянную проблему для руководителей как своих регионов, так и плановых органов. При этом потенциал отрасли продолжал оставаться еще очень высоким. К 1965 г. на Урале действовало 49 шахт (19 в Кизеловском бассейне, 26 в Челябинском и 4 на Егоршинско-Буланашском месторождении) и 9 разрезов (3 в Челябинскугле, 1 в Башкиругле и 5 в Вахрушевугле)[33]. Но число добычных единиц начало неуклонно сокращаться. За годы семилетки было закрыто 5 действующих предприятий и 4 строящихся. Кроме того, в системе местной топливной промышленности в 1959 г. были окончательно ликвидированы Брединские копи, в 1960 г. – Домбаровские, а в начале 1960-х гг. прекратили свое существование все оставшиеся мелкие угольные шахты Месттоппрома РСФСР на Урале.

Кизеловский угольный бассейн достиг пика своей добычи (12 млн т) в 1959 г., Челябинский (23,7 млн т) и Богословский (21,2 млн т) – в 1965 г. Только в «Башкиругле» пик придется на более поздний период – вторую половину 1970-х гг. Суммарный прирост производства угля на Урале в 1958–1965 гг. составил всего около 6 %, а доля Урала в общесоюзной добыче снизилась за тот же период с 11,7 % до 10,6 %[34]. Прохождение пика производства в теории «жизненного цикла отрасли» еще не означает прекращения стадии зрелости. Как правило, некоторое время еще сохраняется определенная инерция, которая не позволяет объемам производства снижаться. Но в случае с уральской угледобычей этого не произошло. Как говорилось выше, уже на следующий год после пика состоялось резкое падение сразу на 6 %, «съевшее» весь небольшой рост, достигнутый в годы «зрелости».

К середине 1960-х гг. уральский уголь удовлетворял потребности региона в топливе только на 20–25 %. Из Караганды, Экибастуза и Кузбасса на Урал приходилось завозить столько же угля, в пересчете на условное топливо, сколько добывалось в крае. При этом уральский уголь обходился по себестоимости в два раза дороже донецкого и в три раза дороже кузнецкого[35]. Рост промышленного производства в регионе свел на нет успехи угледобывающей отрасли в самообеспечении края этим видом топлива, достигнутые в конце Великой Отечественной войны.

Подводя итоги стадии «зрелости», необходимо обратить внимание на то, что именно на этой стадии впервые проявили себя те факторы, которые в дальнейшем будут вести к неуклонному упадку отрасли: истощение месторождений, низкая рентабельность отрасли, курс

правительства на вытеснение твердого топлива из энергобаланса и определенная растерянность в отношении способов решения нарастающих социальных проблем. Однако адекватного ответа на эти новые вызовы в период самой стадии «зрелости» найти так и не удалась, что, в конечном счете, привело к консервации этих проблем и их дальнейшему усугублению.

Примечания

[1] Рассчитано по: Грунь В. Д., Зайденварг В. Е., Килимник В. Г., Малышев А. Ю., Попов В. Н., Рожков А. А. История угледобычи в России / под общ. ред. Б. Ф. Братченко. М., 2003. С. 459–474.
[2] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 161. Д. 202. Л. 36.
[3] Угольная промышленность СССР за 50 лет : стат. справ. М., 1968. С. 569, 575, 581, 585.
[4] ОГАЧО. Ф. Р-1283. Оп. 3. Д. 1019. Л. 6.
[5] Там же. Л. 17.
[6] Рассчитано по: Грунь В. Д., Зайденварг В. Е., Килимник В. Г. и др. Указ. соч. С. 414–416.
[7] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 162. Д. 157. Л. 32, 35.
[8] Перспективы развития угольной промышленности СССР / под общ. ред. Б. Ф. Братченко. М., 1960. С. 415.
[9] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 58. Д. 423. Л. 95.
[10] РГАЭ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 429. Л. 90.
[11] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 58. Д. 423. Л. 81.
[12] ГАПК. Ф. Р-1151. Оп. 1. Д. 2082. Л. 6.
[13] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 58. Д. 423. Л. 299.
[14] ОГАЧО. Ф. Р-1283. Оп. 3. Д. 1019. Л. 18.
[15] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 21. Д. 151. Л. 11.
[16] Рассчитано по: ГАПК. Ф. Р-1151. Оп. 1. Д. 2038. Л. 22 об.
[17] ГАПК. Ф. Р-1151. Оп. 1. Д. 2038. Л. 40.
[18] Там же. Д. 2425. Л. 6.
[19] ГАПК. Ф. Р-971. Оп. 1. Д. 691. Л. 2.
[20] Там же. Д. 705. Л. 1.
[21] Там же. Л. 7, 10.
[22] РГАЭ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 429. Л. 43.
[23] XX съезд КПСС : стеногр. отчет. М., 1956. Т. 2. С. 15.
[24] XXI съезд КПСС : стеногр. отчет. М., 1961. Т. 2. С. 473.
[25] Перспективы развития угольной промышленности СССР. С. 198.
[26] Там же. С. 13.
[27] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 80. Д. 83. Л. 105.
[28] История народного хозяйства Урала (1946–1985). Ч. 2. Свердловск, 1990. С. 96.
[29] Там же. С. 108.
[30] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 58. Д. 423. Л. 226.
[31] Славкина М. В. Великие победы и упущенные возможности : влияние нефтегазового комплекса на социально-экономическое развитие СССР в 1945–1991 гг. : монография. М., 2007. С. 104.
[32] История народного хозяйства Урала (1946–1985). Ч. 2. Свердловск, 1990. С. 117.
[33] Угольная промышленность СССР за 50 лет : стат. справ. М., 1968. С. 44–45, 93, 95.
[34] Рассчитано по: Грунь В. Д., Зайденварг В. Е., Килимник В. Г. и др. Указ. соч. С. 414–416.
[35] История народного хозяйства Урала (1946–1985). Ч. 2. Свердловск, 1990. С. 108.

В. В. Булатов

МОДЕРНИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ДОГОВОРЫ ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

С переходом к ускоренной индустриализации во второй половине 1920-х гг. одновременно стала меняться тактика и стратегия привлечения иностранного капитала в самом широком смысле этого понятия. Здесь вся логика экономического взаимодействия с западным миром вполне укладывалась в разработанную за рубежом теорию смены «концессионных мод»: смешанные торговые общества – договоры о консигнационном складе – промышленные концессии – договоры технической помощи – приглашение иностранных специалистов.

Приблизительно так и происходила эволюция преференций, оказываемых советских руководством той или иной форме. Концессионные формы все более замещались неконцессионными формами, более совместимыми с реалиями советского экономического развития эпохи форсированной индустриализации. Например, в отчете о работе правительства СССР за 1927/1928 хозяйственный год особо отмечалось: «За последние годы все большее значение приобретают договоры технической помощи»[1].

Однако при этом до 1925/1926 хозяйственного года в советской практике понятие ‘техпомощь’ не отделялось от понятия ‘концессия’. Однако во второй половине 1920-х гг. проявилась тенденция уже не просто разграничить, а противопоставить эти понятия. Например, в своем выступлении на XV съезде ВКП (б) в декабре 1927 г. нарком внутренней и внешней торговли А. И. Микоян доказывал, что концессионная политика не оправдала себя. «Однако, – говорил Микоян, – есть другая область, новая, которой мы до сих пор придавали малое значение, – это область иностранной технической помощи»[2].

Вплоть до конца 1920-х гг. договоры технической помощи числились в списках концессий. Во второй половине 1920-х гг. они приобрели такое значение, что в 1926/1927 г. число заключенных договоров техпомощи, проходивших через Главконцесском, превысило число заключенных в этом же году концессионных договоров (см. табл. 1). Здесь, кстати, обращает на себя внимание несоответствие указанного в таблице количества сданных концессий (147) с тем количеством, которое указывалось в другой итоговой статистике Главконцесскома (154).

Таблица 1

Количество заключенных концессионных договоров и договоров техпомощи за период 1921–1928 гг.

Хозяйственные годы	Число концессионных договоров	Число договоров техпомощи
1921/1922	14	-
1922/1923	32	1
1923/1924	34	-
1924/1925	29	2
1925/1926	26	6
1926/1927	8	11
1927/1928	4	11
Итого:	147	31

Источник: Иностранные концессии в СССР (1920–1930-е гг.)… С. 427.

Договоры технической помощи именовались у нас также «договорами о техническом содействии». Такая форма договора являлась в советской экономике особой формой привлечения иностранных фирм к работе в СССР. Речь шла, прежде всего, о самых крупных и передовых фирмах. Это был один из наиболее простых и эффективных способов расши-

рения и модернизации сферы производства в стране. Посредством договоров техпомощи происходила реализация цели перенесения в советскую промышленность последних достижений Запада в области производственных процессов.

В СССР устремились новейшие машины, патенты и пр., но по своему содержанию договоры технической помощи были гораздо шире, чем договоры о приобретении патентов или прав на пользование ими. Заключавшая договор технической помощи иностранная фирма обязывалась предоставить в распоряжение своего советского контрагента (как правило, треста) не только существующие у нее в данный момент патенты и технологии, но и те патенты и технологии, которые будут приобретены или разработаны ей в течение действия договора. То же относилось к конструкторскому и производственному опыту[3].

Такая схема, впрочем, не была принципиально новой, а являлась прямым заимствованием русского дореволюционного опыта[4].

Договоры технической помощи явно отличались от концессионных договоров. Иностранные предприниматели не производили долевые отчисления советскому правительству. Как раз наоборот, советский трест выплачивал иностранной фирме единовременное вознаграждение или регулярные процентные взносы. Кроме того, договоры технической помощи, в отличие от концессионных договоров, были рассчитаны, как правило, на более короткие сроки (от 3 до 10 лет). Эти сроки рассматривались как достаточные для освоения советскими предприятиями получаемой ими от иностранной фирмы технической помощи. Сравнительно небольшие сроки имели и то преимущество, что позволяли в случае неудовлетворительных результатов отказаться от услуг иностранной фирмы по прошествии некоторого времени.

Принципиальное же отличие заключалось в том, что при оформлении техпомощи договаривающейся стороной выступало не правительство СССР, а какой-либо советский трест или АО, подобно тому, как это было в договорах о финансировании экспортных операций, консигнационных или других договоров. Хотя договаривающейся стороной, впрочем, могли иногда выступать союзные наркоматы – ВСНХ СССР или Наркомат почт и телеграфов СССР. Отличительной чертой было и отсутствие в договорах техпомощи всяческих изъятий из советского законодательства[5].

До 1930 г. большинство договоров технической помощи проходило через Главный концессионный комитет при СНК СССР. Меньшая часть проходила через ВСНХ СССР.

Здесь будут затрагиваться почти исключительно договоры Главконцесскома, причем они могли проходить через него, даже если договаривающейся стороной в них выступал ВСНХ.

Первый в советской истории договор технической помощи был заключен 31 июля 1923 г. между французской «Генеральной компанией беспроволочного телеграфа» («Компани Женераль де ля Телеграфи сан Филь») и советским «Трестом заводов слабого тока». Договор заключался сроком на 5 лет и предусматривал техническое содействие тресту в производстве аппаратуры для станций беспроволочного телеграфа и организации в СССР радиоэлектрического производства. Как отмечал в 1927 г. Главконцесском, «в выполнении договора не встречается затруднений»[6].

Второй договор техпомощи заключался в ноябре того же 1923 г. между английским обществом «Колониал энд Форин» и трестом «Дагогни» сроком на 5 лет. Однако в 1929 г. он не был включен в статистику заключенных договоров техпомощи, проходивших через Главконцесском. Тем не менее, представляется необходимым отметить и его.

Это же общество «Колониал энд Форин» годом позже заключило бессрочный договор с трестом «Продасиликат». Оба договора предусматривали техническое содействие в производстве стекла по способу Фурко. Договор с «Продасиликатом» почти сразу был расторгнут. Причиной было предоставление англичанами непригодной документации, да и сам договор не стал представлять ценности. Советская промышленность смогла организовать

производство стекла по способу Фурко собственными силами, привлекая отдельных иностранных специалистов.

А вот договор с трестом «Дагогни» попал в своеобразную ситуацию. В Дагестане по полученным от фирмы чертежам был построен и сдан в эксплуатацию завод, причем советская сторона оценивала его «техническо-производственные достижения» как посредственные. В дальнейшем фирма оказалась неспособной оказывать дальнейшую техническую помощь в смысле предоставления новейших усовершенствований и квалифицированных специалистов. Возникший было конфликт угас сам по себе. Советская сторона уплатила фирме сумму по договору, но отказалась производить долевые отчисления в ее пользу. Англичане же со своей стороны их требовать не стали[7].

Официально признанным вторым, после договора с «Компанией беспроволочного телеграфа», договором техпомощи, проходившим через Главконцесском, был договор с германской фирмой «Фр. Неймайер». Он был заключен 16 декабря 1924 г. сроком на 5 лет на предмет технического содействия «Ленмаштресту» в области производства гидротурбин. К 1 апреля 1928 г. было выпущено 40 турбин, которые были установлены на Земоавчальской ГЭС (на реке Куре), Ташкентской ГЭС и других электростанциях. Однако в начале 1928 г. сама фирма уже была в стадии ликвидации, и над договором замаячила неизбежность аннулирования, что и произошло 31 июля 1928 г.[8]

Крупнейшим договором технического содействия был договор между германской фирмой МАН и трестом ГОМЗы («Государственное объединение машиностроительных заводов»). Он был заключен 31 марта 1925 г. сроком на 10 лет на предмет технической помощи в дизелестроении. По состоянию на 1 апреля 1928 г. отмечалось производство в СССР дизелей фирмы МАН нового типа, ранее в стране не выпускавшихся[8].

10 октября 1925 г. сроком на 6 лет заключается договор между «Трестом заводов слабого тока» и шведской фирмой «Л. М. Эриксон», хорошо известной в России еще с дореволюционных времен. Благодаря техпомощи фирмы уже в начале 1928 г. в СССР имелось новое производство автоматических телефонных станций, которые затем поставлялись в Москву, Ростов-на-Дону, Новосибирск и Ташкент. Одна автоматическая станция была установлена в здании Смольного в Ленинграде. В начале 1929 г. общая стоимость произведенных в СССР станций Эриксона составляла почти 18,7 млн р.[9] Таким образом, в 1923–1925 гг. через Главконцесском прошло 4 договора технической помощи.

С 1926 г. процесс заключения таких договоров принял интенсивный характер. Так, в отрасли металлургии и машиностроения были заключены 3 договора:

– 1 марта 1926 г. между фирмой «Тегель-Борзиг» (Германия) и ГОМЗы сроком на 6 лет на предмет технического содействия в области производства холодильных установок;

– 16 марта 1926 г. между фирмой «Фаудеваг» (Германия) и трестом «Оргаметалл» на срок до 1 апреля 1930 г. на предмет взаимного технического содействия в области рационализации производства (в Берлине было организовано «Объединенное техническое бюро»);

– 17 марта 1926 г. между фирмой «Дейтц» (Германия) и «Мосмаштрестом» сроком на 7 лет на предмет технического содействия в области производства двигателей и холодильных установок[10].

Еще 3 договора в 1926 г. было заключено в других отраслях. Так, в горной промышленности 8 июня 1926 г. был заключен договор между фирмой «Тиссен» (Германия) и трестом «Донуголь» на предмет технического содействия в области проходки шахт ручным способом (бессрочный договор). В отрасли электропромышленности 20 февраля 1926 г. заключался договор между фирмой АЕГ (Германия) и ГЭТ («Государственный электротехнический трест») сроком на 5 лет на предмет технического содействия в области производства турбогенераторов, электродвигателей и электроаппаратуры. В отрасли химической промышленности 13 августа 1926 г. был заключен договор между германской фирмой «ИГ

Фарбениндустри» и ВСНХ СССР сроком на 3 года на предмет содействия в составлении проектов для «Анилтреста», «Госмедторгпрома» и др.[11]

1927 г. принес сразу 11 договоров технической помощи, прошедших через Главконцесском. Особо лидировала отрасль металлургии и машиностроения, на которую пришлось 6 договоров. На другие отрасли приходилось по 1 договору. Отличительной особенностью этого года было не только резко возросшее число заключенных договоров, но и то, что впервые среди иностранных фирм появились фирмы из САСШ, то есть фирмы из той страны, которая со временем стала лидировать в области технической помощи Советскому Союзу. Так, американская фирма «Стюарт, Джемс и Кук» заключила единственный договор технической помощи 1927 г. в горной промышленности, а фирма «Фрейн» являлась одной из фирм, заключивших договоры в металлургии и машиностроении[12].

Договор между «Стюарт, Джемс и Кук» и «Южным рудным трестом» (ЮРТ) был заключен 28 июня 1927 г. сроком на 3 года[12]. Им предусматривалось обязательство американской фирмы составить консультационный доклад по руднику «Дубовая Балка» на предмет способов дальнейшей его эксплуатации и разработать схему рентабельной эксплуатации рудника «Октябрьская Революция», основанной на американской практике[13].

Вторая американская фирма – инженерно-техническое общество «Фрейн» из Чикаго – заключила договор техпомощи с ВСНХ СССР 17 ноября 1927 г. сроком на 5 лет[14].

Договор предусматривал оказание содействия в проектировании, постройке и оборудовании новых заводов черной металлургии, а также в реконструкции и расширении существующих заводов. На основании договора Государственный институт по проектированию металлургических заводов («Гипромез») передал обществу «Фрейн» разработку предварительного проекта Тельбесского (Кузнецкого) металлургического завода[15].

В 1927 г. на самый продолжительный срок действия – 10 лет – был рассчитан договор между германской фирмой «Зульцер» и трестом «Машинострой». Речь шла о техпомощи в производстве дизелей по технологии «Зульцер». Договор был заключен в феврале 1927 г., но в апреле «Машинострой» передал сублицензию по договору «Южному машиностроительному тресту» (ЮМТ)[15].

В отрасли металлургии и машиностроения через Главконцесском заключались еще 3 договора с фирмами из Германии:

– 29 марта 1927 г. – договор фирмы «Кебер» с «Масложирсиндикатом» и АО «Мельстрой» сроком на 6 лет на предмет технического содействия в проектировании маслобойного завода и экстрактной установки для хлопкового семени;

– 30 марта 1927 г. – договор фирмы «Ман Ридингер» с «Мосмаштрестом» сроком на 5 лет на предмет технического содействия в производстве двигателей и холодильных установок;

– 27 ноября 1927 г. – договор фирмы БМВ с «Авиатрестом» сроком на 5 лет на предмет технического содействия в области производства авиамоторов с водяным охлаждением (речь шла о военной промышленности)[16].

Еще один договор в машиностроении был заключен 28 февраля 1927 г. между фирмой «Метрополитен-Виккерс» (Великобритания) и «Ленмаштрестом» сроком на 5 лет. Этим договором можно проиллюстрировать общую схему оказания иностранной технической помощи советской промышленности в период 1920–1930-х гг. Необходимость его заключения была вызвана возраставшим в СССР спросом на турбины больших мощностей, что и поставило перед советскими заводами вопрос о привлечении иностранной технической помощи.

Договор дал «Ленмаштресту» исключительное право на постройку паровых турбин и конденсационных устройств по технологии фирмы на территории Советского Союза. «Метрополитен-Виккерс» обязался предоставлять по запросу треста в его распоряжение подробно разработанную проектно-техническую документацию и сведения производственно-технического характера. Фирма также передала «Ленмаштресту» все свои права, изо-

бретения и патенты (как имевшиеся у нее к моменту подписания договора, так и применявшиеся на заводах фирмы во время действия договора) в области производства турбин и конденсационных устройств[17].

По истечении срока договора «Ленмаштрест» сохранял за собой право безвозмездно пользоваться всеми чертежами и расчетами, полученными от англичан. Однако за пользование патентами, вплоть до истечения их срока (но не свыше 5 лет после окончания срока договора), советский трест должен был производить в пользу фирмы определенное процентное отчисление.

В целях детального ознакомления с производством фирмы «Ленмаштрест» командировал своих инженерно-технических работников на заводы «Метрополитен-Виккерс» в Великобританию. Советские специалисты получили свободный доступ во все мастерские, лаборатории, отделы, технические и конструкторские бюро турбинного завода «Метрополитен-Виккерс». Фирма обязалась сообщать этим лицам все сведения по турбостроению и по требованию советского контрагента командировать своих специалистов на заводы «Ленмаштреста»[18].

За техническое содействие «Ленмаштрест» взял на себя обязательство выплатить англичанам твердо установленную сумму, помимо производства определенного лицензионного отчисления со стоимости турбин и конденсационных устройств, построенных по чертежам и данным английской фирмы. Кроме этого, предусматривалось поштучное отчисление за право пользования патентами. Срок действия договора составлял 5 лет, однако была предусмотрена его автоматическая пролонгация еще на 1 год, если ни одна из сторон не заявит о своем желании его прекращения[18].

В ходе выполнения договора с «Метрополитен-Виккерс» на заводах «Ленмаштреста» было налажено турбиностроение. Это позволило тресту выполнить ряд заказов на турбины со стороны «Югостали», «Гипромеза», МОГЭС, Маловишерского комбината, «Челябстроя», «Электротока» и других организаций[19].

В 1927 г. имелись два договора техпомощи в области связи и электропромышленности. Оба они были заключены 16 августа 1927 г. с известным германским обществом «Телефункен» сроком на 5 лет. Договор в области связи подписывался фирмой с Народным комиссариатом почт и телеграфов СССР (НКПиТ СССР), а в отрасли электропромышленности – с «Трестом заводов слабого тока». Внимание привлекает к себе договор между «Телефункен» и НКПиТ, который был заключен на предмет техпомощи в области передачи изображения по радио. То есть речь шла о телевидении!

В 1928 г. Главконцесском уже докладывал правительству СССР о проведении первого опыта по передаче изображения. Второй опыт ожидался после монтажа специальных устройств, изготовление которых было передано «Тресту заводов слабого тока», а исполнение заказа ожидалось через два с половиной года. Главконцесском заметил по этому поводу – «о том, чем заполнить эти 2,5 года, ведутся переговоры»[20].

Единственный договор 1927 г. в отрасли химической промышленности на самом деле, как и договор с БМВ, был договором в военной промышленности. Он был заключен 17 мая 1927 г. между фирмой «Брежа Жан Анри» (Франция) и «Вохимтрестом» («Всесоюзный трест снаряжения и взрывчатых веществ») сроком на 5 лет. Договор предусматривал техническое содействие по рекуперации спирта и эфира по способу Брежа для применения на пороховых заводах. От фирмы были получены схемы, чертежи и пр., а на заводы фирмы «Брежа» во Францию выехали два специалиста «Вохимтреста». У фирмы намечалось закупить установки для улавливания из воздуха спиртоэфирного растворителя, который улетучивался при производстве пороха. В апреле 1929 г. договор с фирмой «Брежа» относился к числу «благополучных»[21].

3 мая 1927 г. заключался договор между трестом «Центропробизоль» и шведской фирмой «Викандер» сроком на 5 лет на предмет оказания технического содействия в производстве экс-

панзита (пробковая прокладка, применяемая в строительной индустрии для изоляции). По договору шведы должны были предоставить чертежи для оборудования двух экспанзитных печей, включая всю арматуру, машины и инструктаж при пуске. Договор исполнялся в Ленинграде на заводе имени Октябрьской Революции, куда прибывали в командировки инженеры фирмы.

В свою очередь на заводах фирмы в Швеции работали советские инженеры, получившие необходимый инструктаж. За техпомощь трест заплатил фирме «Викандер» 5,6 тыс. фунтов стерлингов, помимо отчисления в сумме 5 тыс. фунтов стерлингов за право пользования технологией «Викандер». В результате советский трест получил новое производство экспанзита, благодаря чему появилась возможность заменить им дорогую изоляцию. По данному в 1929 г. заключению Концессионного комитета ВСНХ РСФСР «выполнение договора следует считать удовлетворительным»[22].

1928 г. явился для Главконцесскома своеобразным «годом Франции и Америки» в области технического содействия. В этом году было заключено 4 договора техпомощи с французами и 4 с американцами. С традиционными ранее лидерами – немцами – было заключено 2 договора. Особо важные договоры заключались в отраслях машиностроения и электропромышленности, которые в большей степени касались вопросов обороны. Так, в машиностроении были заключены:

– 23 июня 1928 г. – договор между фирмой «Гном и Рон» (Франция) и «Авиатрестом» сроком на 5 лет на предмет оказания техпомощи в производстве авиамоторов с воздушным охлаждением;

– 9 октября 1928 г. – договор между фирмой «Вальтер» (Германия) и «Оружейно-пулеметным трестом» на предмет оказания техпомощи в производстве нарезки ружейных и пулеметных стволов.

В электропромышленности были заключены:

– 12 сентября 1928 г. – договор между фирмой «Сперри-Жироскоп» (САСШ) и «Трестом заводов слабого тока» сроком на 5 лет на предмет оказания техпомощи в производстве приборов для советского военного ведомства;

– 14 сентября 1928 г. – договор между фирмой «Радио-Корпорейшен оф Америка» (САСШ) и «Трестом заводов слабого тока» сроком на 5 лет на предмет оказания техпомощи в области радиосвязи.

В химической промышленности были заключены:

– 19 августа 1928 г. – договор между фирмой «Люмьер Жугла» (Франция) и «Вохимтрестом» сроком на 10 лет на предмет оказания техпомощи в производстве фотокиноавиапленки;

– 8 ноября 1928 г. – договор между фирмой «Петролифер» (Франция) и «Вохимтрестом» сроком на 5 лет на предмет оказания техпомощи в производстве активированного угля.

В текстильной промышленности 13 января 1928 г. был заключен договор между «Обществом шелковых фабрик в Страсбурге (профессор Броннерт)» (Франция) и «Ленинградтекстилем» сроком на 10 лет на предмет оказания техпомощи в производстве искусственного шелка. В силикатной промышленности 6 января 1928 г. был заключен договор между фирмой «Карборундум Верке» (Германия) и Ленинградским государственным наждачно-механическим трестом-заводом «Ильич» на предмет оказания техпомощи в производстве искусственных шлифующих материалов.

В горной промышленности были заключены:

– 6 марта 1928 г. – очередной договор между фирмой «Стюарт, Джемс и Кук» (САСШ) и трестом «Москвуголь» сроком на 3 года на предмет оказания техпомощи в постройке и оборудовании шахт;

– 12 сентября 1928 г. – договор между той же фирмой «Стюарт, Джемс и Кук» и «Кизилтрестом» сроком на 3 года на предмет оказания техпомощи в постройке и оборудовании шахт[23].

1929 г. дал Главконцесскому рекордное количество договоров технической помощи – 13, причем 6 из них было заключено с фирмами из САСШ. Так, в отрасли горной промышленности 7 сентября 1929 г. был заключен договор между фирмой «Аллен и Гарсия» (САСШ) и трестом «Донуголь» сроком на 3 года на предмет оказания техпомощи в проектировании и строительстве трех шахт. В отрасли металлургии и машиностроения было заключено сразу 6 договоров. В частности, 5 февраля 1929 г. через Главконцессском заключался договор техпомощи с фирмой «Сентиа» сроком на 5,5 года, что было необычным для того периода с политической точки зрения, поскольку в договоре фигурировала фирма из Швейцарии.

Это произошло на фоне бойкота швейцарского капитала со стороны Советской власти. Бойкот брал свои истоки из события, имевшего место 10 мая 1923 г. в швейцарской Лозанне. Там белогвардейцем Морисом Конради был убит делегат РСФСР, УССР и Грузии на 2-й Лозаннской конференции Вацлав Воровский. 20 июня 1923 г. советское правительство издало постановление «О бойкоте Швейцарии в связи с убийством В. В. Воровского».

Оно явилось реакцией РСФСР на непринятие швейцарским правительством мер по обеспечению безопасности советского дипломата и на откровенное игнорирование им требований советских властей по проведению должного расследования теракта и наказания виновных. В результате в своем постановлении ВЦИК и СНК РСФСР поручил Народному комиссариату по иностранным делам предложить полпредам и консулам РСФСР не выдавать визы на въезд в Советскую Россию швейцарским гражданам, «кроме трудящихся, кои не несут ответственности за неслыханные действия швейцарского правительства»[24].

Тем же постановлением Наркомвнешторгу и его органам было предписано не вступать в торговые или коммерческие отношения со швейцарскими гражданами или представителями швейцарских фирм, а также не утверждать никаких сделок с ними. Все ведущиеся переговоры прерывались. Последовало поручение и Главному концессионному комитету при СНК РСФСР. Он и его комиссии за рубежом также должны были прервать переговоры по концессионным вопросам со швейцарскими фирмами, а в случае поступления к ним предложений таковые отклонять[25].

Таким образом, советско-швейцарские деловые контакты были прерваны надолго (почти на четверть века), однако, как видно, соображения экономической востребованности некоторых швейцарских технологий порой проявляли себя.

Например, в ноябре 1927 г. в Берлинскую концессионную комиссию при Торгпредстве СССР обратилась швейцарская фирма «Гоффман-ла-Рош и К°» с просьбой о выдаче ее представителям разрешения на въезд в СССР (понятно, что те «трудящимися» не были). Ходатайство Берлинская комиссия тогда отклонила якобы на том основании, что инструкций по этому поводу никаких не имела. В январе 1928 г. фирма возобновила свое ходатайство о въезде с целью ознакомления с условиями работы в СССР. На этот раз виза представителю фирмы Аронштаму была выдана. Такое явно противоречащее декрету «О бойкоте Швейцарии» решение было, видимо, принято советскими властями на том основании, что фирма «Гоффман-ла-Рош» принадлежала к ведущим швейцарским производителям фармацевтических препаратов[26].

Правда, этот визит последствий не имел – ни в форме концессии, ни в форме регистрации, ни в форме договора технической помощи. Но в 1929 г. возник договор техпомощи со швейцарской «Сентией».

Помимо договора со швейцарцами, в отрасли металлургии и машиностроения 23 мая 1929 г. был заключен договор между фирмой «А. Д. Брандт» (САСШ) и заводом АМО сроком до 30 июня 1930 г. Он заключался на предмет оказания технической помощи московскому автозаводу в деле его реорганизации и реконструкции. Затем 27 мая 1929 г. последовал договор с фирмой «Гиршкупфер Верке» (Германия), 1 июля 1929 г. договор с фирмой «Фридрих Крупп» (Германия) и 10 июля 1929 г. договор с фирмой БСА (Великобритания)[27].

31 мая 1929 г. был заключен договор техпомощи между фирмой «Форд» (САСШ) и ВСНХ СССР. Его подписание произошло в американском Дирборне – родном городе Генри Форда в штате Мичиган. Согласно договору, ВСНХ СССР получил право строить машину «Форд» новейшего образца (модель «А») на будущем автомобильном заводе в Нижнем Новгороде. Советская сторона получила возможность пользоваться патентами Форда и применять его методы производства, в том числе и те, которые могли появиться на американских заводах «Форд Мотор» в будущем. Речь шла и о взаимном обмене технической информацией. Советская сторона могла ежегодно отправлять в Соединенные Штаты до 50 человек инженеров, техников и рабочих для обучения и стажировок на заводе фирмы в Детройте, а также приглашать в Нижний Новгород американских инструкторов для внедрения тех или иных производственных процессов и т. д.[28]

В области электропромышленности 24 мая 1929 г. был подписан договор с американской компанией «Дженерал Электрик», а 15 марта 1929 г. в области текстильной промышленности было подписано 2 договора техпомощи, которые фирма «Оскар Кагорн и К°» (Германия) заключила с «Шелкотрестом» и трестом «Мосволокно». Химическая промышленность СССР 15 апреля 1929 г. получила договор техпомощи с фабрикой «Стик» из Франции. Впервые через Главконцесском были заключены два договора техпомощи в отрасли строительства, причем оба с американскими фирмами – «Макдональд» (26 ноября 1929 г.) и «Лонгейкр» (27 марта 1929 г.)[29].

Договор технической помощи между фирмой «Лонгейкр» и Моссоветом касался организации работ по возведению жилых и других строений в Москве. Речь шла о 2 жилых домах в Пролетарском районе столицы на Дангауэровке, 2 школах в Пролетарском и Замоскворецком районах и здании прачечной на улице Тюфелева роща.

Моссовет, в лице члена его Президиума Попова, дал в 1930 г. в Главконцесском весьма нелестный отзыв об организации фирмой строительных работ, хотя были отмечены и положительные моменты в деятельности «Лонгейкр», а именно – внедрение механизации в строительное дело. Причем применение облегченных типов шахтных подъемников, газолиновых двигателей, растворо- и бетономешалок и пр. было объявлено несомненным «вкладом в нашу рационализаторскую практику». За оказанную техпомощь фирме причиталось от Моссовета 65 тыс. долларов. Однако по взаимному соглашению, ввиду учета «удорожающих моментов», допущенных фирмой при производстве работ, эта сумма была снижена до 26,9 тыс. долларов. Все ввезенное в Москву оборудование, машины и прочее имущество американцы передали безвозмездно в собственность Моссовета[30].

Таким образом, по состоянию на 1 декабря 1929 г. через Главный концессионный комитет при СНК СССР было заключено 44 договора технической помощи. Динамика заключения договоров выглядела следующим образом:

1923 г. – 1 договор,
1924 г. – 1 договор,
1925 г. – 2 договора,
1926 г. – 6 договоров,
1927 г. – 11 договоров,
1928 г. – 10 договоров,
1929 г. – 13 договоров[31].

Меньшее количество договоров прошло через ВСНХ СССР. К тому периоду еще не был установлен четкий критерий для отнесения того или иного договора техпомощи к ведению Главконцесскома или к ведению ВСНХ. Однако наиболее крупные договоры проходили именно через Главконцесском. Исключениями (на 1 октября 1928 г.) в этой связи были только договоры с фирмами «Купер» (САСШ) и «Сименс Бау Унион» (Германия), проходившими через ВСНХ СССР[32].

Те же договоры, которые прошли через Главконцесском, по отраслям и «национальности» фирм на 1 декабря 1929 г. распределились следующим образом.

Таблица 2

Распределение договоров техпомощи, прошедших через Главконцесском по состоянию на 1 декабря 1929 г.

Отрасли народного хозяйства	Национальность фирм						Итого
	Германия	САСШ	Франция	Англия	Швеция	Швейцария	
Горная промышленность	1	4	-	-	-	-	5
Металлургия и машиностроения	12	3	1	2	-	1	19
Электропромышленность	2	3	1	-	1	-	7
Химическая промышленность	1	-	4	-	-	-	5
Силикатная промышленность	1	-	-	-	-	-	1
Текстильная промышленность	2	-	1	-	-	-	3
Связь	1	-	-	-	-	-	1
Строительство	-	2	-	-	-	-	2
Прочее	-	-	-	-	1	-	1
Итого:	20	12	7	2	2	1	44

Составлено и рассчитано по: ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 3. Д. 441. Л. 4–5.

Вообще, понятие ‘техническая помощь’ являлось весьма широким понятием. Оно включало в себя не только использование и внедрение иностранных патентов и технологий в советскую промышленность. К техпомощи также относилось:

1) приглашение из-за границы иностранных специалистов;

2) зарубежные стажировки и командировки советских рабочих, инженерно-технических работников и студентов;

3) организация за границей советских технических бюро.

Например, на 1929/1930 г. на техпомощь (по ВСНХ СССР) было ассигновано 34 млн р. Специалисты Иностранного отдела ВСНХ предлагали следующий порядок их распределения по отдельным видам техпомощи:

1. Расход по договорам техпомощи (оплата обязательств по заключенным договорам, а также платежи по вновь заключенным договорам) – 25 млн р.;

2. Оплата иностранных специалистов – 3,7 млн р.;

3. Командировки за границу – 4,0 млн р.;

4. Содержание технических бюро за границей – 0,8 млн р.;

5. Резерв – 0,5 млн р.[33]

С начала 1930-х гг. особо интенсивная практика заключения договоров технической помощи стала применяться в отношении американских фирм. По данным американского исследователя Энтони Саттона, уже до марта 1930 г. СССР имел 43 контракта технической помощи с американцами, которые прошли как через Главконцесском, так и через ВСНХ. Интенсивность их заключения иллюстрировала шедшую в Советском Союзе реализацию широкой программы индустриализации и модернизации. Среди американских контрагентов советских трестов наиболее известными были компании «Дюпон», «Форд», «Дженерал Электрик», «Маккормик», «Вествако», «Акрон» и т. д.[34]

Активность американцев происходила на фоне отсутствия в то время дипломатических отношений между СССР и САСШ. Причина же очевидна – их подталкивала «Великая де-

прессия», охватившая с 1929 г. американскую экономику, а вслед за ней и экономику всего западного мира. В условиях жесточайшего мирового экономического кризиса курс СССР на индустриализацию и модернизацию своего народного хозяйства пришелся для деловых кругов Запада как нельзя кстати.

В начале 1930-х гг. по сравнению с 1929 г. в некоторых странах выпуск продукции машиностроения сократился на 80–90 %. Одновременно на отдельных зарубежных предприятиях советские заказы на оборудование составляли иногда 70–80 % объема их производства. Так, в 1932 г. 70 % всего мирового экспорта германских кранов составлял экспорт в СССР, а удельный вес СССР в экспорте станков из Великобритании вырос с 1,5 % в 1928 г. до 80 % в 1932 г. В попытках смягчить последствия кризиса сбыта и безработицы товаропроизводители западных стран были готовы поставить в Советский Союз любую, причем самую высокотехнологичную по тем временам, продукцию[35].

Форсирование индустриализации требовало максимальной концентрации капиталовложений в области импорта. Приобретение «средств производства по производству средств производства» стало главной задачей внешнеэкономической деятельности СССР в годы Первой пятилетки. Советский Союз, отстававший в своем индустриальном развитии от развитых держав, превратился в крупнейшего мирового импортера машин и оборудования.

В 1930 г. около одной трети, а в 1932 г. почти 50 % мирового экспорта средств производства падало на СССР. За 15 лет существования Советской власти страна импортировала оборудование на сумму 3 млрд р. золотом, при этом на период с 1928 по 1933 г. приходилось свыше 2 млрд р. Результатом был 10-кратный рост продукции советского машиностроения. Проектирование и строительство новых заводов, монтаж и отладка закупленного оборудования, обучение персонала, внедрение технологических процессов обеспечивались договорами технической помощи. Советский Союз не просто значительно расширил и модернизировал свою экономику, но и внедрил импортозамещающие технологии, запущенные при помощи иностранных компаний[36].

В январе 1930 г. председатель Главконцесскома Л. Б. Каменев считал правильным вывести договоры техпомощи из зоны ответственности концессионного ведомства. Он изложил свою позицию в письме председателю СНК СССР А. И. Рыкову. По словам Каменева, Главконцесском был не в состоянии полностью сосредоточить у себя разработку, заключение договоров техпомощи и наблюдение за их выполнением.

На тот момент вся предварительная подготовка этих договоров и ведение переговоров осуществлялись ВСНХ. Главконцесском рассматривал эти договоры лишь на заключительной стадии, причем его мнение оказывалось излишним, так как все вопросы были уже обговорены между представителями ВСНХ и иностранных фирм. Кроме того, в составе Главконцесскома не было специалистов, способных рассмотреть техническую сторону договоров, и он ограничивался лишь рассмотрением их с юридической точки зрения. После заключения договора техпомощи его выполнение целиком переходило в руки соответствующих хозяйственных организаций, в силу чего концессионное ведомство было лишено возможности осуществлять контроль над его выполнением[37].

Когда договоры техпомощи еще только включались в зону ответственности Главного концессионного комитета, то они были редким, почти исключительным явлением советской экономической жизни. Тогда считалось, что Главконцесском обладает бóльшим опытом переговоров с иностранными фирмами, чем ВСНХ. Но к концу 1920-х гг. иностранная техпомощь стала представлять собой один из важнейших элементов деятельности ВСНХ, и у него накопился в этом вопросе значительный опыт. Исходя из этих доводов, Л. Б. Каменев настаивал на том, чтобы переговоры и заключение договоров технической помощи, как и контроль над их выполнением, должны быть сосредоточены в ВСНХ[38].

С 1930 г. понятия ‘концессия’, ‘техническая помощь’ и ‘регистрация’ были окончательно разведены.

В целом, анализ хозяйственной политики 1920-х – начала 1930-х гг. подтверждает, что практически все крупные предприятия того времени, целые отрасли производства создавались по западному образцу. Советский Союз в полной мере смог реализовать «преимущества» своего позднего экономического развития, осуществив полную модернизацию всего производства с учетом передового иностранного технического и организационного опыта.

Здесь мы обнаруживаем поучительный для сегодняшнего дня факт. Несмотря на ограниченные денежные ресурсы, их объем был рационально использован и достаточен для поглощения иностранных технологий, для закупок импортного (в первую очередь машиностроительного) оборудования, для приглашения западных консультантов, для обучения советских специалистов за рубежом.

Примечания

[1] Год работы Правительства (материалы к отчету за 1927/28 г.) / под общ. ред. Н. П. Горбунова, А. В. Стоклицкого, С. М. Бронского. М. : Отдел печати и информации СНК СССР и СТО, 1929. С. 351.

[2] Цит. по: Загорулько М. М., Иншаков О. В. Концессии в годы НЭПа : исторические корни, принципы и механизмы реализации (научно-методические основы исследования) : препринт. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2002. С. 26.

[3] Отчеты и справки Главконцесскома о договорах технической помощи // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 283. Л. 90.

[4] См., например, кн.: Загорулько М. М., Булатов В. В. Государственно-частное партнерство в военно-промышленном производстве : из отечественного опыта. Волгоград : Волгоград. науч. изд-во, 2008.

[5] Отчеты и справки Главконцесскома о договорах технической помощи // ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 283. Л. 90.

[6] Там же. Л. 86.

[7] Отчет о деятельности ГКК при СНК СССР за 1926/1927 операционный год. 1928 г. // Иностранные концессии в СССР (1920–1930-е гг.) : док. и материалы. Сер. «Отечественный опыт концессий». Т. II / под ред. проф. М. М. Загорулько ; сост.: М. М. Загорулько, В. В. Булатов, А. П. Вихрян, О. В. Иншаков, Ю. И. Сизов, Т. В. Царевская-Дякина. М. : Соврем. экономика и право, 2005. С. 386–387.

[8] Справка о прошедших через Главконцесском договорах технической помощи. 1930 г. // ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 3. Д. 441. Л. 4.

[9] Отчет о деятельности ГКК при СНК СССР за 1926/1927 операционный год. 1928 г.; Справка неустановленного лица «Общие итоги и выводы». 10 апреля 1929 г. // Иностранные концессии в СССР (1920–1930-х гг.)… С. 358, 523.

[10] Справка о прошедших через Главконцесском договорах технической помощи. 1930 г. // ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 3. Д. 441. Л. 4.

[11] Отчет о деятельности ГКК при СНК СССР за 1926/1927 операционный год. 1928 г. // Иностранные концессии в СССР (1920–1930-е гг.)… С. 358; Отчет ГКК при СНК СССР за 1926/1926 г. 10 февраля 1927 г. // Иностранные концессии в СССР (1920–1930-е гг.)… С. 259; Справка о прошедших через Главконцесском договорах технической помощи. 1930 г. // ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 3. Д. 441. Л. 4.

[12] Там же. Л. 4 об.

[13] Отчет о деятельности ГКК при СНК СССР за 1926/1927 операционный год. 1928 г. // Иностранные концессии в СССР (1920–1930-е гг.)… С. 390.

[14] Отчет о деятельности ГКК при СНК СССР за 1926/1927 операционный год. 1928 г. // ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 3. Д. 441. Л. 4 об.

[15] Отчет о деятельности ГКК при СНК СССР за 1926/1927 операционный год. 1928 г. // Иностранные концессии в СССР (1920–1930-е гг.)… С. 390.
[16] Отчет о деятельности ГКК при СНК СССР за 1926/1927 операционный год. 1928 г. // ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 3. Д. 441. Л. 4 об.; Отчет о деятельности ГКК при СНК СССР за 1926/1927 операционный год. 1928 г. // Иностранные концессии в СССР (1920–1930-е гг.)… С. 357, 395.
[17] Отчет Главконцесскома о договорах техпомощи // ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 283. Л. 78 об. – 79.
[18] Там же. Л. 79.
[19] Справка неустановленного лица «Общие итоги и выводы». 10 апреля 1929 г. // Иностранные концессии в СССР (1920–1930-е гг.)… С. 523.
[20] Отчет о деятельности ГКК при СНК СССР за 1926/1927 операционный год. 1928 г. // Там же. С. 392–393.
[21] Отчет о деятельности ГКК при СНК СССР за 1926/1927 операционный год. 1928 г. // Там же. С. 395; Справка неустановленного лица «Общие итоги и выводы». 10 апреля 1929 г. // Там же. С. 524.
[22] Там же. С. 612–613.
[23] См.: Отчет о работе ГКК при СНК СССР за 1927/1928 г. 23 августа 1929 г. // Иностранные концессии в СССР (1920–1930-е гг.)… С. 499; Отчет Концессионного комитета при СНК РСФСР о деятельности концессионных предприятий республиканского и местного значения за 1927/1928 г. // Там же. С. 610; Справка о прошедших через Главконцесском договорах технической помощи. 1930 г. // ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 3. Д. 441. Л. 4 об. – 5.
[24] Постановление ВЦИК и Совета Народных Комиссаров РСФСР в бойкоте Швейцарии в связи с убийством В.В. Воровского. 20 июня 1920 г. // Внешняя политика СССР (1917–1944 гг.) : сб. док. Т. II (1921–1924 гг.). М., 1944. С. 786–787.
[25] Там же. С. 787.
[26] См.: Справка Главконцесскома о фирме «Гоффман-ла-Рош». 1928 г. // ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 577. Л. 333.
[27] Справка о прошедших через Главконцесском договорах технической помощи. 1930 г. // ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 3. Д. 441. Л. 5; Sutton A. C. : 1) Western Technology and Soviet Economic Development. 1917 to 1930. Stanford, 1968; 2) Western Technology and Soviet Economic Development. 1930 to 1945. Stanford, 1971. P. 53, 244.
[28] Бюллетень иностранной прессы Главконцесскома // ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 662. Л. 147.
[29] Справка о прошедших через Главконцесском договорах технической помощи. 1930 г. // ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 3. Д. 441. Л. 5.
[30] Соглашение между Моссоветом и американской компанией «Лонгэйкр» о прекращении действия договора от 30 апреля 1929 г. 26 января 1930 г. // Концессии в жилищном строительстве, коммунальном и транспортном хозяйстве России и СССР : док. и материалы. Т. IV / под ред. проф. М. М. Загорулько ; сост.: М. М. Загорулько, Р. Т. Акчурин, В. В. Булатов, А. П. Вихрян, О. В. Иншаков, Ю. И. Сизов, Т. В. Царевская-Дякина. Волгоград : Волгоград. науч. изд-во, 2006. С. 376–377; Справка Президиума Моссовета в Главный концессионный комитет при СНК СССР о характере деятельности американской фирмы «Лонгэйкр». 12 марта 1930 г. // Там же. С. 377–378.
[31] См.: Справка о прошедших через Главконцесском договорах технической помощи. 1930 г. // ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 3. Д. 441. Л. 4–5.
[32] Отчет о работе ГКК при СНК СССР за 1927/1928 г. 23 августа 1929 г. // Иностранные концессии в СССР (1920–1930-е гг.)… С. 499.
[33] Справка Иностранного отдела ВСНХ СССР о финансировании договоров техпомощи // ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 39. Л. 27.

[34] См.: Булатов В. В. «Нам архиважны соглашения и концессии с американцами …» : (Торгово-экономические связи СССР и США, 1918–1933 гг.) // Экономическая история России : проблемы, поиски, решения : ежегодник / под ред. проф. М. М. Загорулько. Вып. 5. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2003. С. 135–137.
[35] Загорулько М. М., Иншаков О. В. Концессии в годы НЭПа : исторические корни, принципы и механизмы реализации … С. 33.
[36] Там же. С. 34.
[37] Письмо председателя Главконцесскома Л. Б. Каменева председателю СНК СССР А. И. Рыкову. Январь 1930 г. // ГАРФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 38. Л. 146.
[38] Там же. Л. 146–146 об.

Ю. Л. Косенкова

РАЙОННАЯ ПЛАНИРОВКА КАК ЧАСТЬ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ 1920–1930-х ГОДОВ[*]

Современная отечественная экономгеографическая и градостроительная наука констатирует, что районная планировка развивается на основе потребностей практики, вбирая в себя идеи и методы из различных областей знаний, в том числе теории систем, кибернетики и теории информации, экологии, которые до сих пор не интегрировались в единую синтетическую теоретическую систему. Несмотря на 80–90-летнюю историю становления и развития как особого проектного вида деятельности, районная планировка как область научного знания до сих пор остается недостаточно сформированной, нет даже единого подхода к определению ее задач, устоявшегося понимания терминологии[1].

Сходная оценка дела районной планировки была характерна для отечественной науки также в течение всего советского периода. В послевоенные годы, когда в СССР были развернуты гораздо более масштабные, чем до войны, работы по районной планировке, ощущение «невыстроенности», неопределенности этой важнейшей сферы государственной и профессиональной деятельности было еще более сильным. Журнал «Архитектура СССР» писал: «Работы по районной планировке проводятся в нашей стране на протяжении ряда лет, но их опыт до сих пор не изучен и не обобщен, в то время как содержание и методика ведения этих работ продолжают оставаться еще во многом неясными»[2].

В постсоветский период отмечается «плачевное, катастрофическое положение районной планировки, в котором она оказалась через семьдесят пять лет (!) после ее зарождения в нашей стране»[3].

Тем интереснее, используя возможности исторического исследования, обратиться к первым опытам в развитии этой важнейшей составляющей градостроительной деятельности, которой в СССР, учитывая плановый характер экономики страны, придавалось особое, в том числе и идеологическое, значение.

Советские архитекторы в 1920-е гг. получали не слишком подробную, но все же довольно объективную информацию о развитии дела районной планировки на Западе. Правда, эта информация непременно снабжалась оговорками о принципиальной невозможности для зарубежных архитекторов решать крупные градостроительные проблемы и о преимуществах советской системы, где отменена частная собственность. Однако общая тональность таких обзоров в прессе 1920-х гг. была благожелательной. В 1920-е гг. еще

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта РГНФ «Архитектурно-планировочное развитие городов СССР в документах и материалах (1917–1941)». Проект № 10-04-12120 в.

были возможны зарубежные командировки с целью непосредственного изучения этого материала[4].

Идеи и первые разработки по районной планировке, принадлежавшие советским архитекторам (Б. В. Сакулину, И. А. Фомину, Л. А. Ильину, А. П. Иваницкому и др.), в 1920-е гг. развивались в русле общемировых тенденций, возможно, даже опережая их по масштабу, но явно уступая в плане практической реализации. Так, известно, что уже в 1922 г., в связи с принятием плана ГОЭЛРО, проф. Б. В. Сакулин создал схему расселения в масштабе центрального промышленного района европейской части СССР, охватывающую территорию более 1 млн кв. км, с населением около 40 млн чел. В пределы района полностью или частично входили территории 18 губерний. В проекте все основные поселения рассматривались как связанные одной транспортной сетью элементы системы расселения, причем были учтены существующие тенденции развития городов, выявлены промышленные центры, которые предстоит развивать в будущем[5]. Это был, скорее, проект-идея, не основанный на конкретных данных и не предназначенный для осуществления.

В мировой практике потребность в районной планировке стала особенно остро осознаваться сразу после Первой мировой войны. Интенсивное развитие в военные годы угольной, металлургической и других видов промышленности, соответствующее усиление железнодорожного строительства, создали во многих промышленно развитых районах такую скученность и чересполосицу, что вопрос о рационализации хозяйства стал насущной необходимостью. Дальнейшее развитие многих районов без учета и взаимоувязки перспектив промышленности, сельского хозяйства, транспорта, стало практически невозможным[6].

Несмотря на наличие частной собственности и сложность административных границ, западным проектировщикам все же удавалось постепенно разрабатывать соответствующие процедуры, формировать проекты, перекрывающие границы не только отдельных городов, но и провинций, и даже государств. Об этом рассказал в начале 1930-х гг. просоветски настроенный Бруно Таут в своей статье, написанной по заказу журнала «Проект и стандарт»[7].

Анализ западной практики и тех идей, которые высказывались советскими архитекторами, показывает, что уже в 1920-е гг. сложились две основные формы, или две модели, по которым развивалась районная планировка: 1) децентрализация крупных городов, сопровождавшаяся образованием городов-сателлитов; 2) коммунальный союз населенных мест, находящихся в сходных условиях. Между этими моделями было множество переходных, смешанных форм, тем не менее, они вполне различимы.

Децентрализация крупных городов. Одним из наиболее крупных достижений того времени в деле разукрупнения городов была работа по созданию плана «Большого Берлина», начатая еще в 1910 г. масштабным конкурсом, в котором приняли участие лучшие планировщики Германии[8].

Проект «Большого Берлина» охватывал территорию в 200 тыс. га, с мощным защитным кольцом вокруг города, состоявшим из лесов, парков, лугов, полей. Два победивших в конкурсе и во многом сходных проекта были рассчитаны на 90 лет (до 2000 года), что значительно превышало обычные расчетные сроки в 25–30 лет. Оба сходились и в другом: предполагалось, что население собственно Берлина к 2000 г. практически не изменится, оставаясь в пределах 2,5 млн чел, хотя Большой Берлин должен был иметь население до 10 млн чел., располагающееся в благоустроенных городах-сателлитах, с гораздо меньшей плотностью населения, чем в сложившемся городе, удобно связанных развитой транспортной сетью с местами работы и с основным городом.

Берлин застраивался концетрическими кольцами, опоясывающими городской центр. Этой схеме авторы проектов противопоставили радиальную схему развития города. Быстроходный транспорт, идущий по радиальным направлениям, связывал старый город с городами-сателлитами, создавая удобство для населения. Кроме того, в радиальных направлениях

на территорию города вводились озелененные пространства, по которым в него проникал чистых воздух из защитного зеленого пояса[9].

Достижения немецкой градостроительной мысли в еще большей степени, чем в Берлине, воплотились в проекте децентрализации Бреславля, разработанном архитектором А. Радингом[10].

А. Радингом совместно с французским экономистом и теоретиком кооперативного движения Ш. Жидом был также предложен проект грандиозного линейного города вдоль железной дороги Бреславль-Берлин, протяженностью 350 км[11].

В Англии в 1920-е гг. разрабатывались такие крупные проекты, как планировка Юго-западного Ланкашира, района Шеффилда, района Манчестера.

В 1920-е гг. в Америке разрабатывались также планировка района Чикаго, охватывающая район с населением 5 млн чел; планировка района Ниагары с населением 850 тыс. человек[12]; планировка районов Детройта, Кливленда, Бостона, Лос-Анжелеса и др.

Одной из самых масштабных работ по децентрализации крупного города в Америке стала разработка окружного плана Нью-Йорка под руководством архитектора Томаса Адамса, охвативший площадь 5528 кв. миль [1 американская миля – 1609,344 м – *Ю. К.*][13]. Территория располагалась в пределах трех штатов – Нью-Йорк, Нью-Джерси и Коннектикут. По проекту в 1965 г. население округа должно было достигнуть 21 млн человек.

Важнейшей установкой проекта был прирост населения, для чего разрабатывались меры по здравоохранению, увеличению зеленых насаждений, организации удобных мест отдыха, повышению жизненного комфорта и безопасности. Огромное внимание уделялось развитию транспортной системы, удобному расположению мест жилья и работы, торговли и отдыха, сокращению излишних затрат времени на поездки[14].

Подходы, разработанные американскими градостроителями, – ориентация на интересы населения, сохранение экономической самостоятельности и культурной ценности небольших поселений, входивших в планировочный район, пробуждение инициативы снизу – в советской России были в принципе невозможны даже в 1920-е гг. Например, Б. В. Сакулин мыслил общегосударственными категориями, ставя во главу угла рациональную организацию экономики, выражавшуюся, прежде всего, в математической гармонизации пространственных связей огромных территорий[15]. Никакие самостоятельные общины со своими интересами не могли иметь место, именно поэтому Сакулин скептически относился к популярной идее городов-садов, сводя их значение лишь к композиционным приемам застройки. Сакулин считал, что город-сад в трактовке Говарда – это враг большого города[16].

Вместе с тем, в отличие от более поздних проектов районной планировки 1930-х гг., где целью проектирования стала новая промышленность, у Сакулина центром планировочного района, как и в западной практике, оставался крупный сформировавшийся город – культурный центр, активно влияющий на другие составляющие системы и формирующий пространство вокруг себя.

В 1922 г. Сакулин опубликовал проект «Инфлюэнтограммы Москвы» – московской промышленной агломерации, основанной на комплексной организации большого района[17]. В проекте Москву окружали три кольца городов-спутников. Эти города по проекту обладали собственным промышленным потенциалом и значительной степенью автономности. Москва оставалась по преимуществу культурным и научным центром, активно взаимодействующим с другими частями планировочной системы.

Взгляд планировщика – считал Сакулин – должен неизбежно выйти из рамок существующей или даже возможной в ближайшее время муниципальной границы города и устремиться на карту экономического района, или всей области. При этом главнейшим условием становится рационально организованная сеть транспортных коммуникаций, обеспечивающая как нормальное функционирование внутренних частей города, так и связь его с внешними

территориями. Город, таким образом, рассматривался им как органическое звено в общей цепи организации целого экономического района[18].

Термин ‘районная планировка’ вошел в употребление к середине 1920-х гг. Однако понимание необходимости разворачивания подобного рода работ, несомненно, пришло гораздо раньше. Так, Л. М. Тверской писал позднее, в 1933 г., что в СССР идея районной планировки впервые выявилась при составлении проекта урегулирования и развития Петрограда в 1919–1922 гг.[19] Под руководством И. А. Фомина к началу 1921 г. был разработан проект перспективного плана «Большого Петрограда», рассматривавший развитие города совместно с окружавшими его территориями[20].

Сходная задача создания поселков-садов в пригородной зоне стояла при планировке Нового Ярославля[21]. Состоявшие из малоэтажных домов с приусадебными участками хорошо озелененные поселки строились в первые годы советской власти в пригородах не только Москвы и Петрограда, но и Вологды, Нижнего Новгорода, Саратова, Твери, Брянска и др.[22]

Проект «Большой Москвы» С. С. Шестакова, опубликованный в 1925 г.[23], опирался как на западный опыт, так и на разработки Б. В. Сакулина. Проект стал популярным и получил признание со стороны деятелей городского коммунального хозяйства, поскольку гораздо более отвечал их ощущениям кризисного состояния Москвы, нежели более ранний проект «Новой Москвы», разработанный под руководством И. В. Жолтовского и А. В. Щусева.

Все идеи децентрализации городов, как зарубежные, так и советские, в целом не посягали на сложившееся ядро крупного города, предлагая расселять по окружающим поселкам «избыточное» население. Однако в профессиональном сознании советских архитекторов идеи децентрализации городов накладывались на провозглашенные преимущества отмены частной собственности, что в принципе давало возможность попытаться преобразовать на новых началах и сам старый город. Примером может служить проект-предложение «города-федерации» Л. Выгодского. Автор, хорошо знакомый с западной практикой, регулярно освещавший ее на страницах профессиональной печати, создал специфически советский проект-«гибрид», где смешались идеи районной планировки, зонирования территории города (соответствующий закон был принят в эти годы в США), «города-сада» Э. Говарда и постепенно вызревавшей в Советском союзе концепции «соцгорода» – поселения при производстве.

По идее Л. Выгодского старый город подлежал коренной перепланировке, разбивке на отдельные автономные поселения, часть которых предполагалось вывести на новые, отдаленные от центра места, а вместо них в старом городе посредством обширных зеленых насаждений восстанавливать здоровые естественные условия жизни на лоне природы. В этом Выгодский видел преимущества социалистического строя, поскольку при капитализме невозможно осуществить столь масштабное переселение коренных горожан в соответствии с «правильной» схемой города, в советском же городе, где нет частной собственности, это не представляло, по его мнению, труда[24].

2. Коммунальный союз населенных мест. Л. А. Ильин писал в 1926 г.: «Районная планировка в полной мере является таковой, когда она противоположна по характеру центральной, где в основе регулируемой местности лежит доминирующий центр, в связи с которым находятся пригороды и города-сателлиты (подчиненные экономически). Конечно, на практике может быть различаемо весьма много переходных разновидностей между этими типами больших планировок…»[25].

Именно такой, по словам Ильина, «районной планировкой в чистом виде» представлялось преобразование Рурского промышленно-угольного района в Германии. Этот район занимал площадь в 3800 кв. км с населением около 4 млн чел., включая в себя несколько административных единиц с 18 крупными городами. Здесь образовалась самая густая в Европе железнодорожная сеть, однако уже перед Первой мировой войной она испытывала

огромные перегрузки из-за товарных и пассажирских перевозок. Численность и плотность населения быстро возрастала. Увеличение добычи угля, рост индустриализации, различная административная принадлежность районов вызвали осложнения, и дальнейшее развитие района оказалось невозможным. Общие условия хозяйственной жизни требовали объединения и единых законодательно-планировочных мероприятий.

Такой процесс начался еще в 1904 г., а в 1920 г. был принят единый устав Союза поселений Рурской области[26]. Это был коммунальный союз, включивший в себя 18 городов, 11 сельских округов с 18 уездными городами и 289 сельскими общинами[27]. Руководило Союзом общее собрание представителей от общин и промышленности (рабочих и предпринимателей), а исполнительная власть принадлежала президиуму, вступавшему, в случае надобности, в контакт с соответствующим государственным министерством. Практически вся коммунальная, планировочная и законодательная деятельность на территории подчинялась этому органу самоуправления.

В СССР образование такого коммунального союза, управляемого общественной организацией и учитывающего интересы отдельных групп населения, хотя и признавалось теоретически, на практике, конечно, не было возможно. Вместе с тем, в наиболее урбанизированных районах жизнь неизбежно ставила похожие задачи уже в конце 1920-х гг., когда начало разворачиваться практическое строительство. Так, вопрос о создании единой коммунально-строительной системы для городов и поселков городского типа Московской губернии был поставлен еще в 1925 г., на съезде губернских работников коммунального хозяйства. Московским отделом коммунального хозяйства (МКХ) в 1925 г. намечалось комплексное обследование каждого города и смежных землевладений, составление проектов планировки расширенной территории городов[28].

По постановлению президиума Моссовета МКХ было предоставлено право контроля над строительной и планировочной деятельностью на обширной территории, включающей 32 города и 139 поселков, причем количество поселений в этом районе быстро росло. Однако реализация этой программы требовала огромных средств (существующая в уездных промышленных центрах норма заселения равнялась 2–3 кв. аршинам жилой площади на человека). Попытка создания коммунального союза городов московского региона не получила развития.

В определенной степени по смыслу приближался к коммунальному союзу городов первый в нашей стране детально проработанный и практически реализованный проект районной планировки – генеральная планировка Апшеронского полуострова, выполненная в 1924–1925 гг. А. П. Иваницким. Этот проект районной планировки был впервые основан на серьезном и глубоком изучении имевшихся картографических материалов, исследовании местных климатических и топографических условий и демографических данных[29].

Создание проекта районной планировки Апшерона было непосредственно связано с планом восстановления разрушенной нефтяной промышленности в стране. Эта работа охватывала район площадью около 13 тыс. га с очень сложными природными и социальными условиями[30]. Благоустройство огромной, депрессивной по своему характеру территории, развитие и гармонизация ее функциональных связей, взаиморасположения жилья и мест приложения труда, создание хороших условий для жизни людей – задачи, схожие с условиями Рурской области.

Планировка районов добывающей промышленности, в первую очередь, Донбасса, в конце 1920-х гг. разворачивалась, по всей видимости, с учетом западного опыта, в том числе проектирования Рурской области. Правительство Украины еще в 1929 г. назначило специальную комиссию по постройке новых городов в Донбассе, в основу работы которой было положено введение в плановое русло жилищно-коммунального и культурно-бытового строительства. Принципы, разработанные комиссией, легли в основу проекта, разрабатывавшегося в Гипрограде[31].

На обширной территории Донбасса существовало огромное количество мелких поселков, в беспорядке разбросанных по всему району, состоявших из мелких домиков и землянок, лишенных каких-либо коммуникаций, дорог и средств передвижения рабочих к месту труда. Вместо них предполагалось строительство 2–3 десятков благоустроенных поселений городского типа, полностью приспособленных для культурной жизни, с населением от 100 до 300 тыс. чел., связанных с местами работы и между собой развитой сетью всех видов транспорта, в т. ч. и электрифицированных железных дорог.

Однако уже первые два года реализации этого плана показали, что строительство безрельсовых дорог и обеспечение автобусами, не говоря уж о железных дорогах, значительно отстает от потребностей в жилом и коммунальном строительстве. Капитальное 3–4-этажное строительство, запроектированное для новых городов, со всеми видами коммунального оборудования, требуют таких вложений, которые не могут быть «выделены» государством для всей массы жилищно-бытового строительства в Донбассе.

Концентрация строительства велась практически только для предприятий, непосредственно примыкавшим к существующим городам, с отдалением от них не более 3–4 км. Более отдаленные предприятия продолжали мелкое распыленное и неорганизованное жилищное строительство, которое практиковалось и до утверждения проекта районной планировки. В связи с этим проектировщики вынуждены были заговорить о поиске «промежуточных форм» расселения[32].

Выход виделся в проектировании поселков-спутников с радиусом обслуживания не более 3–4 км, рассчитанных на пешеходное сообщение с местами труда. Предполагалось, что такие поселки просуществуют 3–5 лет, и как только будет налажен механизированный транспорт, они прекратят свое существование. Временный, как тогда считалось, характер этих поселков давал возможность не развивать в полном объеме коммунальное и культурно-бытовое обслуживание. Отсутствие канализации и водопровода в домах компенсировалось малоэтажным строительством.

Таким образом, первоначальная идея районного проектирования Донецкого бассейна – создание урбанизированного района, создающего благоприятные возможности для обустройства жизни населения, вскоре была разрушена и принесена в жертву интересам отдельных предприятий.

* * *

В целом, анализируя отношение советских и зарубежных проектировщиков к проблеме районной планировки в 1920-е гг., можно заметить общность, несмотря на разницу социально-политических условий, в принципиальных подходах к решению этой проблемы.

Попытаемся их выявить и обобщенно сформулировать: 1) целью и смыслом работы по районной планировке должно являться правильное, научно обоснованное развитие крупного города или системы населенных мест[33] (социально-градостроительный подход); 2) в основе районной планировки должен лежать комплексный подход к обустройству данной территории (территориальный подход); 3) работа над районной планировкой не должна быть только проектной дисциплиной, она должна сопровождаться поисками взаимоувязки различных интересов, согласительными процедурами (деятельностный подход); 4) город и район его экономического и культурного влияния («инфлюэнтограмма» в терминологии Б. В. Сакулина) должны строиться на основе тщательного изучения и выявления специфики функционального назначения различных площадей земельного фонда в их взаимодействии (функционально-зональный подход); 5) необходимо развивать единую сеть всех возможных видов транспортных коммуникаций, со строгой иерархией их общего, районного и местного значения, без чего быстрый подъем производительных сил страны будет невозможен (сетевой подход).

Эти принципы, однако, в советской градостроительной науке не успели оформиться достаточно четко, а тем более найти отражение в действующем законодательстве, которое к

этому времени также до конца не сложилось[34]. Между тем ситуация в стране коренным образом менялась.

Современные исследования[35] показывают, что во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. в СССР формировалась принципиально новая система размещения производительных сил в стране, основанная на отрицании «буржуазной» теории А. Вебера. Целью стало планомерное размещение новых промышленных предприятий и контингентов производительных сил по территории страны. Считалось, что, в отличие от капитализма, ее решения будут основаны не на частных, случайных интересах, а на «объективных» законах развития нового общества. Новая экономгеографическая теория размещения промышленности должна была базироваться на принципиально иных базовых понятиях, нежели буржуазная наука (например, на отрицании такого основополагающего понятия буржуазной теории, как «экономическая выгода»). От этой теории ожидали обеспечение практических решений по реорганизации существующего административно-территориального устройства страны на «некапиталистических» началах»[36].

Была выдвинута идея децентрализации процесса индустриализации страны, за счет равномерного распределения промышленности по территории и роста по всей стране новых промышленных поселений. Рост крупных промышленных центров должен был затормозиться. Концепция нового административно-хозяйственного районирования страны предопределяла во многом принятие решений в первые годы индустриализации, однако сам процесс размещения промышленности и строительства новых городов при предприятиях протекал достаточно хаотично, что приводило к тяжелым перекосам, дублированию технологических функций и нерациональному расходованию средств. Каждая отрасль промышленности выбирала участки для строительства без взаимной увязки с другими отраслями, несмотря на то, что многие «разноведомственные» предприятия возникали на базе одних и тех же сырьевых и энергетических ресурсов. Площадки для поселений (для каждого предприятия свое), как правило, устанавливались в последнюю очередь, что приводило к серьезным градостроительным ошибкам и часто создавало невыносимые условия для жизни рабочих в «соцгородах», не обеспеченных социально-культурным и бытовым обслуживанием, с высоким уровнем загрязнения природной среды[37].

Неразбериха в размещении производства и ошибки при проектировании населенных пунктов способствовали тому, что развертывание работ по районной планировке стало одной из насущных проблем не только перовой, но и второй пятилетки. Но задачи районной планировки стали пониматься по-другому – ее смысловым центром стало промышленное производство.

Наиболее бурным по интенсивности обсуждения проблематики районной планировки и широте дискутируемых вопросов стал 1933 г., когда были расширены практические работы в этом направлении, в соответствии с принятым 1 августа 1932 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «Об устройстве населенных мест РСФСР»[38] и постановлением ЦИК и СНК СССР «О составлении и утверждении проектов планировки и социалистической реконструкции городов и других населенных мест Союза ССР» (общесоюзном законом) от 27 июня 1933 г.[39] На конференции Госплана СССР в апреле 1933 г., посвященной реконструкции городского хозяйства, вопрос о районной планировке вызвал живейший интерес и специально обсуждался в секции планировки[40].

Но и конференция Госплана, и оба постановления, скорее, лишь ставили общеполитическую задачу районной планировки, вытекающую из планового характера социалистического хозяйствования, никак не отвечая на множество сложных методологических и практических вопросов, возникавших в этой связи. Эта проблема (как и вообще проблема планировки городов в новых условиях), явно нуждалась в профессиональном обсуждении, тем более что к этому времени уже разрабатывались масштабные проекты районных планировок, в основном, с одной стороны, институтами системы коммунального хозяйства (созданные в

1930 г. Гипрогор РСФСР и Гипроград УССР), а с другой – трестом Промстройпроект (создан в 1932 г.), принадлежавшим системе Наркомата тяжелой промышленности.

Как задачи этих ведомственных проектных организаций, так и взгляды работавших там специалистов подчас значительно расходились друг с другом. Первое направление, продолжая традиции «градоустройства» Главного управления коммунального хозяйства (ГУКХ) НКВД РСФСР (с 1930 по 1931 – ГУКХ при СНК РСФСР, затем – Наркомат коммунального хозяйства – НККХ РСФСР), исходило из интересов реконструкции и обустройства городов, в том числе сложившихся, в связи с задачами индустриализации и общей реконструкции хозяйства. Второе направление, представлявшее Наркомтяжпром, интересовалось, прежде всего, комплексным проектированием рациональных функциональных и технологических взаимосвязей между промышленными предприятиями. Город понимался здесь в основном как новое поселение, предназначенное для обслуживания промышленности.

В развитие задач, поставленных конференцией Госплана СССР, ВСКХ в марте 1933 г. вынес решение о созыве сначала в мае, а затем – в октябре этого же года Всесоюзной конференции по планировке и социалистической реконструкции городов, где должны были найти отражение и вопросы районной планировки. Однако, несмотря на широкий размах подготовки, солидный состав участников, предварительный выпуск в свет сборника тезисов, конференция так и не состоялась.

Тем не менее, часть материалов по районной планировке, подготовленных к конференции, все же была выпущена. В 1934 г. почти одновременно вышли два издания, отражающие опыт основных организаций, занимавшихся районной планировкой: «Опыт районной планировки в СССР» Гипрогора[41] и «Планировка промышленных районов» Промстройпроекта[42]. Еще одним заметным изданием, вышедшим в том же 1934 г., в котором затрагивались вопросы районной планировки, стала книга В. Г. Давидовича «Вопросы планировки новых городов»[43].

Под районно-планировочным объектом Промстройпроект понимал «территорию, на которой располагаются предприятия, объединенные использованием местных природных и других ресурсов, тесными производственными связями, кооперированием на базе расселения трудящихся или устройством общих инженерных сооружений»[44]. Развернувшиеся работы по районной планировке Донбасса, Бакинского района, Орско-Халиловского, Выксо-Кулебакского, Кемеровского и др. районов давали повод закрепить такой «производственно-центристский» подход к районной планировке и в инструкциях, изданных ВСКХ и Наркомхозом РСФСР[45].

Однако позиции проектировщиков, реально занимавшихся районной планировкой, подчас заметно отличались от этих установок. Так, например, М. Гинзбург, в начале 1930-х гг. руководивший бригадой Гипрогора по разработке района Большой Уфы, включавшего Черниковскую промышленную площадку, считал, что в технической организации района должен быть выявлен его народнохозяйственный профиль, слагающийся, с одной стороны, на базе всего народнохозяйственного плана СССР как единого целого, а с другой – социально-политических факторов данного района[46].

Именно поэтому Гинзбург уделил большое внимание старой Уфе как сложившемуся культурному центру, подлежащему всестороннему развитию, наряду с новыми населенными пунктами. Он одним из первых предложил «сетевую систему обслуживания», распространявшуюся на всю территорию проектируемого промышленного района и предусматривавшую широкое строительство предприятий пищевой и легкой промышленности, разнообразных мастерских, магазинов, столовых, читален, клубов и т. п. Созданию такой системы он придавал не меньшее значение, чем правильной организации тяжелой индустрии в проектируемом районе.

Еще одним серьезным и равноправным фактором, определяющим проект районной планировки, Гинзбург считал наличие соответствующей условиям данного района правильной

строительной политики. Имелось в виду, прежде всего, полноценное жилищное строительство, с созданием соответствующей строительной базы на местном сырье, в том числе предприятий строительной индустрии, рассчитанных на монтаж жилья из готовых элементов.

Все это довольно плохо вписывалось в государственные установки по районной планировке, рассчитанные на остаточное финансирование гражданского строительства. Однако М. Гинзбург пошел еще дальше, заговорив (если использовать современную терминологию) о сохранении и развитии «культурного ландшафта» проектируемого промышленного района. Требование изучения при районной планировке геофизической среды выдвигалось и раньше, но оно рассматривалось лишь с точки зрения хозяйственных ресурсов, в интересах развития тяжелой индустрии. Для Гинзбурга – это также и основа для формирования разнообразных архитектурно-планировочных комплексов, которые «получают каждый раз свое индивидуальное решение и завершение как неразрывное целое природы и рук человеческих»[46].

Позиции М. Я. Гинзбурга в отношении районной планировки складывались в ходе работы над планировкой южного берега Крыма (ЮБК) – одной из первых работ Гипрогора в этой области[47]. Ведущей производительной силой Крыма он считал уникальную геофизическую среду, определяющую не только границы планировочного района, но и характер его промышленного производства. Чрезвычайно важными для него являлись пространственные и пластические характеристики этой среды, особенности микроклимата, а также социальный состав населения района, как коренного, так и приезжего. Он впервые ставил «чрезвычайно важный вопрос о местном коренном населении. Это население при правильном районировании может получить территорию, вполне обеспечивающую как производственную базу, так и национально-культурное развитие»[48].

В проекте М. Я. Гинзбурга, в отличие от разрабатывавшихся одновременно проектов районной планировки промышленных районов, особенно тщательно был проработан вопрос о размещении и характере населенных мест, что, по его мнению, имело важнейшее политическое значение[49]. В проекте внимательно прорабатывались вопросы размещения и специализации сельского хозяйства. В нем также раскрывались возможности внутреннего и иностранного туризма. В связи с этим Гинзбург писал о недопустимости происходившего разрушения архитектурных памятников, вырубки лесов.

Серьезными методологическими вопросами, обсуждавшимися в трудах по теории районной планировки, были: определение оптимальных границ объекта районной планировки, баланс территорий, оконтуренных общей границей, правильное соотношение проекта районной планировки и вспомогательных проектов по отдельным вопросам, характера и объема обследований территории, учет особых, экстремальных условий проектирования. На все эти вопросы в 1930-е гг. практически не было найдено достаточно убедительных ответов.

Особое внимание уделялось двум сложнейшим и фактически не решаемым в практике проблемам: соотношению системы государственного планирования и требований, выдвигаемых районной планировкой; путям развития сельского хозяйства как части проекта районной планировки.

Неизбежно проявлявшаяся лабильность основных хозяйственных, а, следовательно, и проектных установок, почти не опирающихся на доскональное знание о естественном потенциале новых площадок, форсированные методы проектирования и строительства делали районы, особенно районы первичного освоения, крайне уязвимыми при резких и непредсказуемых изменениях хозяйственных планов, характерных для советской экономики тех лет. Если методика районной планировки так или иначе формировалась, хотя в профессиональных спорах обозначались не всегда сходные взгляды на объект, границы, стадийность работы и пр., то проблема соотношения хозяйственно-экономического планирования и районной планировки во многом сводила на нет усилия проектировщиков.

Характер сложившейся в СССР системы планирования не давал возможности отвечать экономико-хозяйственным условиям, выдвигаемым районной планировкой. Неудачи хозяйственного планирования уже в начале 1930-х гг. были списаны на вредителей[50].

Наряду с народнохозяйственным планированием весьма серьезной проблемой для развития районной планировки стало состояние сельского хозяйства. Необходимость решения идеологической задачи уничтожения противоположности между городом и деревней, как тень, сопровождала все попытки разобраться в методологии районной планировки, однако удовлетворительного решения в предвоенный период так и не было найдено. Одна из важнейших составляющих районной планировки – сельское хозяйство, как известно, переживало в этот период неоднократные драматические перестройки. Модели развития сельского хозяйства непрерывно менялись.

Постоянная лихорадка преобразований в сфере сельского хозяйства, изменение его организационных форм, экономического потенциала, убыль крестьянского населения за счет репрессий и бегства в города, несомненно, отрицательно сказывались на возможностях районной планировки. В первой половине 1930-х гг. – период практического становления районной планировки – развернулась, как известно, чрезвычайная по своей жестокости кампания «ликвидации кулачества как класса». Десятки тысяч людей, сорванные со своих мест, погибали в невыносимых условиях. Разрушению подвергся весь уклад жизни крестьян. В конце 1930-х гг. были уничтожены крупнейшие представители экономической и аграрной науки – Н. Д. Кондратьев, Н. И. Вавилов, А. В. Чаянов и др.

Нет ничего удивительного в том, что на фоне разрушающихся устоев сельского хозяйства последнее, как правило, присутствовало в проектах районной планировки в виде «белого пятна». Никакая серьезная проработка этого раздела проекта, с установлением четких границ сельхозрайонов, численности населения, профиля и объема сельскохозяйственного производства, объемов капитального строительства и пр. не велась – на это неизменно указывалось во многих работах по районной планировке.

Материалы III Пленума правления Союза советских архитекторов 1938 г.[51], посвященного состоянию дел в градостроительстве, также свидетельствуют о крайне нерациональной и напрасной затрате сил на проекты районной планировки. Разработанные проекты не реализовались, оседая в архивах. В то же время на пленуме, как и в предыдущие годы, приводились длинные перечни градостроительных и хозяйственно-экономических ошибок, связанных с отсутствием или невыполнением проектов районных планировок. В постановлении СНК СССР от 26 февраля 1938 г. в очередной раз было указано, что выбор площадки для промышленного строительства должен производиться на основе проекта районной планировки[52].

О том, что первая «кавалерийская атака» на проблемы районной планировки не удалась, что отсутствие частной собственности на землю и плановый характер хозяйства отнюдь не сделали эту проблему легко решаемой, косвенно свидетельствует и постепенное исчезновение после 1935 г. материалов по районной планировке из открытой печати. Можно предположить, что это было связано не только с накрывшей страну «шпиономанией» и поисками «врагов народа», но и со свертыванием работ по районной планировке, а также с глубочайшим кризисом, который переживало советское градостроительство в конце 1930-х гг., тщательно маскируемым пропагандистским «информационным шумом».

* * *

Выше мы попытались выявить и сформулировать пять главных подходов, которые можно проследить, изучая как зарубежную, так и отечественную передовую градостроительную мысль в области районной планировки в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Дальнейшая судьба страны, связанная с индустриализацией, увела советскую практику районной планировки в иное русло. Несмотря на политическую риторику, трактующую районную планировку как основу для улучшения условий жизни трудящихся и рассуждающую о преимуществах

советского социального строя в деле районной планировки, в 1930-е гг. все основные теоретические достижения в этой области были разрушены самим ходом проектирования и строительства в промышленно-экономических районах.

Целью и смыслом работы по районной планировке стало не научно обоснованное развитие крупных городов или системы населенных мест, а интересы промышленных предприятий, ориентированных на форсированные темпы выдачи продукции любой ценой. Население при этом рассматривалось лишь как одно из средств производства. В жертву лихорадочно менявшимся промышленно-хозяйственным планам был фактически принесен и территориальный принцип районной планировки, поскольку не было возможности создать сколько-нибудь устойчивую систему населенных мест с продуманными взаимосвязями, а сельскохозяйственная составляющая районной планировки, в силу так и не найденной удовлетворительной концепции своего развития, чаще всего вообще оказывалась непроработанной. При плановом характере экономики так и не была создана разумная система взаимоувязки интересов различных ведомств, а население вовсе оказалось исключенным из этого процесса. Функциональное назначение различных площадей земельного фонда оказывалось неустойчивым в силу несогласованности действий по их застройке, что приводило к огромным экономическим потерям и градостроительным ошибкам. Транспортная сеть развивалась крайне слабо, заставляя на практике пересматривать уже разработанные проекты районной планировки.

Здесь уместно вспомнить слова выдающегося ученого-градостроителя (одного из специалистов, ставших «неугодными» в середине 1930-х гг.) проф. А. Л. Эйнгорна, написанные в 1933 г.: «В капиталистических условиях основным регулятором функционального использования территории, даже при наличии разработанных планировочных решений, являются законы земельной ренты. В социалистических условиях, где этот чрезвычайно несовершенный регулятор отсутствует, где все вопросы распределения территории и ее целесообразного использования решают органы государственной власти и коммунального хозяйства, погрешности в решении вопросов территориального размещения отдельных элементов народно-хозяйственного плана, без достаточно глубокого анализа вопросов рационального комплексного размещения всех его элементов, т.е. районной планировки, могут быть в отдельных случаях еще более грубые, более ощутимые по своим последствиям, нежели в капиталистических условиях»[53].

В рамках советской системы преодолеть такие «погрешности» на деле не помогала даже районная планировка, поскольку создавалась на заведомо ущербных исходных данных и не выполнялась даже в том объеме, какой предусматривался проектом. В западной практике эти «погрешности» все же постепенно восполнялись, во-первых, требованиями различных структур «гражданского общества» в виде различных комитетов, фондов, союзов и других объединений, во-вторых, наличием, в том числе и негосударственных, финансовых и технических возможностей для создания, на основе глубоких предпроектных исследований, обоснованных проектов районной планировки и их относительно полной реализации. В СССР таких механизмов не было и не могло быть.

Примечания

[1] Перцик Е. Н. Районная планировка (территориальное планирование). М. : Гардарика, 2006.

[2] Яковлев В. О некоторых вопросах районной планировки // Архитектура СССР. 1957. № 4. С. 26.

[3] Владимиров В. В. Районная планировка : развитие, кризис, надежды // Проблемы урбанизма на рубеже веков : науч. сб. в честь засл. деят. науки РФ проф. Е. Н. Перцика в связи с его юбилеем. М. : МГУ, 2002. С. 11–17.

[4] Так, например, Л. А. Ильин и Л. М. Тверской в 1925 г. подробно знакомились с опытом районной планировки в Германии.

[5] Хазанова В. Э. Советская архитектура первой пятилетки. М. : Наука, 1980.
[6] Цит. по: Горный С. Районная планировка в капиталистических странах // Совет. архитектура. 1932. № 1. С. 13–14. В начале 1930-х гг. книга Ю. Брандта «Landeshlanung» была переведена на русский язык: Брандт Ю. Районная планировка / пер. с нем. проф. Першина ; под ред. и с предисл. С. М. Горного. Изд. ВОРС / не позднее 1931 г./
[7] Таут Б. Районное планирование в Германии // Проект и стандарт. 1933. № 1. С. 8– ?
[8] Выгодский Л. Планировка «Большого Берлина» // Коммунал. хоз-во. 1928. № 1–2. С. 110–116.
[9] О системе радиальных зеленых клиньев, разработанных для «Большого Берлина», см.: Коммунал. хоз-во. 1927. № 23–24. С. 43. Совершенно очевидно влияние этого проекта на план «Большой Москвы» 1925 г. (С. С. Шестаков) и генеральный план Москвы 1935 г.
[10] Выгодский Л. Новости градостроительства и планировки // Коммунал. хоз-во. 1927. № 17–18. С. 98–104.
[11] Большая медицинская энциклопедия : в 35 т. / под ред. Н. А. Семашко. М., 1928–1936. Т. 25. С. 166.
[12] Зильберт Д. Методология и практика планировки промышленных районов // Проект и стандарт. 1933. № 1. С. 2–8.
[13] Мирер В. Окружной план Нью-Йорка // Коммунал. дело. 1929. № 9. С. 106–107.
[14] Планирование городов и подгородных селений /без подписи/ // Коммунал. дело. 1929. № 10. С. 107–110.
[15] РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 2. Д. 23. Л. 23–24; Сакулин Б. В. Гармоническая графика в применении к планировке экономическо-промышленного района : тез. докл., прочит. в ГАХН. 14 февр. 1929 (?) // Из истории советской архитектуры 1926–1932. М., 1970. С. 123, 114.
[16] Сакулин Б. В. Городское строительство // Техника, строительство и промышленность. 1922. № 1. С. 16–20.
[17] Проект, опубликованный Сакулиным в 1922 г., М. И. Астафьева датирует 1918 г. на основании описания проекта в газете «Вооруженный народ» (1918, № 4, 10 дек.).
[18] Сакулин Б. В. Городское строительство. План застройки в городах и пригородах. К задачам основной планировки городского промышленного района // Техника, строительство и промышленность. 1922. № 3. С. 13–21. (продолжение статьи в № 1).
[19] Тверской Л. М. Планировка Ленинградского района // Планировка и строительство городов. 1933. № 4–5. С. 17–22.
[20] Вайтенс А. Г. Идеи и проекты преобразования Петрограда-Ленинграда начала 1920-х годов // Советское градостроительство 1920–1930-х годов. Новые материалы и исследования : сб. науч. тр. НИИТИАГ РААСН. М. : УРСС, 2009. С. 88–105.
[21] Первый генеральный план города под названием «Проект перепланировки и расширения г. Ярославля» на страницах газет в начале 1920-х годов печатался под рубрикой «Новый Ярославль». Сапрыкина Н. С.«Новый» и «Большой» Ярославль – этапы реконструкции и развития города в 1920–1930-е годы // Советское градостроительство 1920–1930-х годов. Новые материалы и исследования. М. : УРСС, 2009. С. 171–201.
[22] Хан-Магомедов С. О. Градостроительство. 1917–1932. // ВИА. Т. 12, кн. 1. М. : Стройиздат, 1975. С. 30.
[23] Шестаков С. С. Большая Москва. М. : МКХ, 1925.
[24] Выгодский Л. Основы градостроительства и планировки в условиях социалистического строя // Коммунал. хоз-во. 1927. № 15–16. С. 28–37.
[25] Ильин Л. Планировка Рурской промышленной области // Вопр. коммунал. хоз-ва. 1926. № 3. С. 178–193.
[26] После международной конференции по градостроительству, прошедшей в Амстердаме в 1924 г., подобные организации стали формироваться и в Америке.

[27] Ильин Л. Планировка Рурской промышленной области. С. 178–193.
[28] Боровой А. Планировка населенных мест Московской губернии // Коммунал. хоз-во. 1927. № 17–18. С. 74–79.
[29] Астафьева-Длугач М. И. Проект районной планировки Апшеронского полуострова // Архитектура СССР. 1971. № 10. С. 42–43.
[30] Давидович В. Г., Чижикова Т. А. Александр Иваницкий. М. : Стройиздат, 1973. С. 26–27.
[31] Гипроград был создан в 1930 г.
[32] Эйнгорн А. Районная планировка Донецкого бассейна // Будівництво соціялістичних міст. 1933. № 1–2. С. 2–6.
[33] Первое упоминание термина «город-спутник», по-видимому, относится к 1922 г. См.: Коммунал. хоз-во. 1922. № 8–9. С. 8.
[34] О формировании градостроительного законодательства в 1920–1930-е гг. см: Вайтенс А. Г., Косенкова Ю. Л. Развитие правовых основ градостроительства в России XVIII – начала XXI в. Опыт исторического исследования. Обнинск, 2006.
[35] См. труды д-ра ист. наук М. Г. Мееровича.
[36] Подробнее об этом см. : Меерович М. Г. Административно-хозяйственное районирование страны 1920–1930-х гг. – основа градостроительной политики советского государства // Советское градостроительство 1920–1930-х годов. Новые материалы и исследования : сб. науч. тр. НИИТИАГ. М. : УРСС, 2009.
[37] Попов Ф. Учесть уроки городов Кузбасса и Нижнего Тагила. Крепко ударить по бессистемности в планировке городов // За социалистическую реконструкцию городов (СОРЕГОР). 1933. № 1. С. 39–40.
[38] С. У. 1932. № 68. Ст. 305; Совет. архитектура. 1932. № 4. С. 5–7; Наше строительство. 1932. № 17–18. С. 857 (Вторая редакция этого закона с тем же названием была принята в 1934 г., после выхода общесоюзного закона).
[39] Наше строительство. 1933. № 15–16. С. 380.
[40] Петрович Я. «Реконструкция городов СССР» /рец./ // За социалистическую реконструкцию городов (СОРЕГОР). 1933. № 6. С. 47–52.
[41] НККХ. Гипрогор РСФСР. Опыт районной планировки в СССР : тр. Бюро науч.-эксперимент. работ (БНЭР) Гипрогора. Вып. II. М. : Госстройиздат, 1934.
[42] Планировка промышленных районов. Промстройпроект. М. : Госстройиздат, 1934.
[43] Давидович В. Г. Вопросы планировки новых городов / под общ. ред. Н. Ф. Попова-Сибиряка и В. И. Боберко. Л. : Изд. ЛНИИКХ, 1934.
[44] Введение, п. 18.
[45] См., например, Инструкцию ВСКХ при ЦИК СССР от 14 октября 1933 г. по применению постановления ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1933 г. «О составлении и утверждении проектов планировки и социалистической реконструкции городов и других населенных мест Союза ССР». СОРЕГОР. 1933. № 5. См. отдельное издание: СССР. Совет по коммунальному хозяйству. Сектор планировки и соц. реконструкции городов ВСКХ. Постановление ЦИК и СНК СССР «О составлении…»; Инструкция ВСКХ по применению постановления Цик и СНК СССР «О составлении…». М., 1933.
[46] Гинзбург М. Я. Опыт районной планировки // Совет. архитектура. 1933. № 4. С. 34–50.
[47] В архитектурной группе большого авторского коллектива по руководством М. Я. Гинзбурга состояли: Г. Г. Вегман, А. Ф. Кельмишкайт, С. А. Лисагор, М. О. Мамулов, И. Ф. Милинис, А. Л. Пастернак.
[48] Гинзбург М. Я. Планировка южного берега Крыма // Планировка и строительство городов. 1933. № 1. С. 9–11.
[49] Гинзбург М. Я. Планировка южного берега Крыма // Архитектура СССР. 1935. № 6. С. 39–42.

[50] Вредительство в теории и практике планирования. М. ; Л., Соцэгиз, 1931. Сборник включал в себя статьи: Вайсберг Р. «Объективная» наука плановиков-вредителей; Рагольский М. О вредительской теории и практике Громана-Базарова; Краев М. Теория и практика вредительства в перспективном планировании сельского хозяйства.
[51] Архитектор – строитель социалистического города. К итогам III Пленума правления ССА // Архитектура СССР. 1938. № 8. С. 1–3.
[52] Постановление СНК СССР «Об улучшении проектного и сметного дела и об упорядочении финансирования строительства». 26 февраля 1938 г. // С.П.СССР. 1938. № 9. Ст. 58; Архитектура СССР. 1938. № 44. С. 1–3; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. М., 1967. С. 633–639.
[53] Эйнгорн А. Районная планировка Донецкого бассейна // Будівництво соціялістичних міст. 1933. № 1–2. С. 2–6.

И. С. Лапоногова

ХЛЕБОПЕКАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО НА АЛТАЕ В СИСТЕМЕ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА

Мобилизационные процессы можно проследить на протяжении всего развития экономики нашей страны. Наиболее ярко они проявились в экстренных условиях военного времени, а также в последующий восстановительный период, когда человеческие ресурсы концентрировались преимущественно на развитии средств производства. Развитие народного хозяйства после окончания Великой Отечественной войны заключалось не только в ликвидации нанесенного войной ущерба и достижении довоенного уровня народного хозяйства, но и в дальнейшем подъеме производительных сил. Одной из характерных черт мобилизационной экономики являлась односторонняя ориентация на тяжелую промышленность. При переходе к мирному строительству, как и в годы первых пятилеток, основное внимание уделялось развитию тяжелого машиностроения, металлургии, топливно-энергетического комплекса, в то время как легкая и пищевая промышленность финансировались по остаточному принципу.

К 1948 г. в стране был восстановлен довоенный уровень промышленного производства[1]. Это произошло в большей степени за счет показателей тяжелой промышленности. Промышленный потенциал Алтайского края, в отличие от западных регионов страны, в военное время значительно увеличился за счет эвакуированных на его территорию предприятий. Развитие отраслей легкой и пищевой промышленности во второй половине 1940-х гг. значительно отставало в связи с резким сокращением сельскохозяйственного производства, основной сырьевой базы. В частности, в хлебопекарной отрасли остро обозначился ряд проблем: изношенность основных фондов, нехватка производственных помещений, отсутствие капиталовложений со стороны государства, низкий уровень квалификации рабочих.

Основными задачами, которые ставились перед хлебопекарной промышленностью в период четвертой, послевоенной пятилетки, были: бесперебойное снабжение населения хлебом, расширение ассортимента выпускаемой продукции, улучшение ее качества, увеличение производительности труда, снижение себестоимости и прочее[2]. В послевоенное время возникла необходимость капитального ремонта предприятий хлебопекарной промышленности края. Одной из задач треста в послевоенный период стало строительство хлебозаводов в городах, в которых не было предприятий Росглавхлеба, а население их снабжалось взамен готовой продукции в основном сырьем – мукой[3].

На предприятиях алтайского треста механизация трудоемких процессов (в частности, обработки теста) в послевоенный период находилась на очень низком уровне. Хлебопекарни

работали на устаревшем, малопроизводительном оборудовании – на жаровых, канальных (системы Иванова-Рясина) печах. Операции по замешиванию теста были механизированы только на шести, а по просеиванию муки – на семи предприятиях[4]. Только в 1950-е гг. стали проводить механизацию базы хлебопечения путем замены жаровых и канальных печей на конвейерные печи и установления более нового технологического оборудования[5]. Но при этом происходило очень медленное освоение мощности конвейерных печей, она использовалась в среднем на 70–80 %[6]. Например, на Бийском хлебокомбинате на печах ФТЛ-2 садчики давали хлеба 3200–3800 т вместо 4500–5000 т. Тем не менее, сохранялась значительная доля ручного труда. Особенно это относится к вспомогательному производству, погрузочно-разгрузочным, транспортным и складским работам[7].

В рассматриваемый период в хлебопекарной промышленности региона не хватало собственных производственных помещений. В связи с этим приходилось арендовать здания, порой совсем непригодные для производства хлебобулочных изделий. Подобная ситуация сложилась на Славгородской хлебопекарне. До сентября 1946 г. она не имела собственного здания. Вся работа производилась в арендованной у артели инвалидов пекарне[8]. Здание Рубцовского хлебозавода вместе с оборудованием и надворными постройками было принято от Строительно-монтажного треста 1 января 1945 г.[9] Каменская хлебопекарня являлась кустарной, ни один процесс работы не был механизирован. Помещение, в котором она была расположена, – старое, тесное, приспособленное из бывшего рыбного склада[10]. При этом общий объем капиталовложений, составивший 120 тыс. р., был направлен на строительство новых предприятий, а покупка нового оборудования и инвентаря и реконструкция уже существующих предприятий не финансировались.

Производственная база Алтайского треста «Росглавхлеб» на 1 января 1946 г. состояла из 14 предприятий (одного хлебозавода, пяти механизированных хлебопекарен и восьми хлебопекарен кустарного типа), расположенных в Барнауле, Бийске, Алейске, Камне-на-Оби, Ойрот-Туре (Горно-Алтайск с 1948 г.), Рубцовске, Славгороде. Все они специализировались на выпуске хлебобулочной продукции, большинство из них производило помимо хлеба кондитерские изделия[11].

Фактическая среднесуточная мощность данных предприятий составляла 292 т.[12] К середине 1950-х гг. среднесуточная мощность предприятий достигла 377,5 т[13], а в производственную базу треста входили: Барнаульский хлебокомбинат (хлебозаводы № 1 и № 2), Бийский хлебокомбинат (хлебозаводы № 1 и № 2, хлебопекарня № 3, кустарная пекарня № 4), Алейская хлебопекарня, Горно-Алтайская механизированная пекарня, Каменская хлебопекарня, Рубцовский хлебозавод и Славгородский хлебокомбинат[14].

Увеличение среднесуточной мощности хлебопекарных предприятий происходило не только за счет расширения производственной базы треста, то есть включения в работу новых хлебопекарен, но и за счет увеличения выпуска продукции уже имеющимися предприятиями. Тенденция совмещения интенсивного и экстенсивного направлений развития является характерной для хлебопекарной отрасли. Например, возросла мощность кустарных хлебопекарен. В 1947 г. была осуществлена реконструкция производственной базы на Ойрот-Туринской хлебопекарне. Произошло расширение ее мощности с 12 до 25 тонн в сутки[15].

Во второй половине 1940-х гг. на хлебозаводах треста не хватало собственного транспорта. Имеющиеся автомашины и лошади не могли обеспечить всех потребностей в перевозках (даже основных видов грузов, таких как мука и уголь). Автотранспорт был сильно изношен из-за длительной эксплуатации, на предприятиях треста не выдерживались сроки межремонтного пробега автомобилей, в связи с этим они попросту выходили из строя, приходили в негодность. Централизованные наряды на автозапчасти отсутствовали, что приводило к удорожанию стоимости, увеличению сроков ремонта. Автопарк, в результате плохого технического состояния, обеспечивал перевозку всех грузов только на 60 %. Остальные 40 %

приходилось перевозить с помощью наемного транспорта[16]. Остро ощущалась необходимость в автомобильном транспорте на Каменской хлебопекарне, так как крупный лесоучасток находился на расстоянии 30 км от нее, и отсутствовала даже железнодорожная линия[17]. Применение наемных машин соответственно вело к дополнительным расходам.

Снабжение предприятий Алтайского треста «Росглавхлеб» как основным, так и подсобным сырьем производилось по нарядам Главка и крайторготдела. Однако наряды главка на получение сырья поступали с большим опозданием, что отражалось на степени равномерности выработки штучных кондитерских и других видов изделий.

Муку хлебозаводы и хлебопекарни могли получать с мельниц мельничного управления по ближнему территориальному расположению. Мельницы стремились как можно быстрее сбыть свою продукцию, чтобы в короткие сроки получить прибыль. Поэтому часто наблюдались случаи, когда мука поступала нестандартная (солоделая, с пониженным процентом и качеством клейковины, нестандартная мука по крупности помола), дефектная (морозобойная, затхлая, огневой сушки и так далее).

Как правило, мука поставлялась малыми партиями в различном ассортименте, что затрудняло нормальную работу хлебозаводов, часто приходилось переключаться с выработки продукции из одного сорта на другой, меняя технологический процесс. Иногда из-за отсутствия запасов муки предприятия приостанавливали процесс работы.

Распределением муки на местах занимались городские торговые отделы. Даже когда предприятия треста работали не на полную мощность по причине нехватки муки, городские торговые отделы распределяли ее и по другим, нетрестированным организациям (например, в г. Барнаул муку выделяли артелям «Пекарей» и «Восход», в Рубцовске – артели «Сбыт»). Таким образом, в связи с отсутствием как достаточного количества, так и необходимых видов муки, ассортимент выпускаемой на предприятиях треста продукции лимитировался. Трест предпринимал неоднократные попытки добиться через местные организации в городах, где имелись предприятия «Росглавхлеба», полной передачи им всего фонда муки, выделяемого для хлебопечения, чтобы не допустить случаев передачи муки для переработки другим организациям. Но пекарни других ведомств продолжали работать. В 1951 г. они вырабатывали хлебобулочных изделий: артель «Пекарей» (в Барнауле) – до 10 т в сутки; артель «Восход» (в Барнауле) – 4 т; артель «Сбыт» (в Рубцовске) – 4 т; пекарня Вагоноремонтного завода (в Барнауле) – 1,5 т; пекарня Меланжевого комбината – 1,5 т.[18]

Фонды на сырье отпускались не в соответствии с планом и заявками, с опозданием, что ограничивало работу предприятий на местах. Например, отпускалась пирожковая и кондитерская мука, а начинки для пирожков и подсобное сырье для кондитерских изделий (аммоний, эссенции, иногда даже сахар или мед) отсутствовали и отпускались только в следующем месяце или вовсе не могли быть получены. В течение 1948 г. на Алейской хлебопекарне отсутствовали маргарин, мед, ванилин, рис, крахмал, кориандр, колер, мак[19].

Качество производимой на предприятиях треста продукции во многом зависело от уровня работы лабораторий. Многие лаборатории не имели собственных помещений, все работы производились за отдельным столом в цехах. В первые послевоенные годы лабораторные работники со специальным образованием отсутствовали. Так, в 1949 г. штат производственных лабораторий был укомплектован лишь на 50 % работниками, не имеющими специальное образование (выдвиженцы на рабочих и прошедшие краткосрочные курсы при тресте)[20].

В большинстве лабораторий отсутствовали необходимые реактивы и оборудование. Они не имели возможности делать сложные физико-химические анализы сырья и готовой продукции для определения таких показателей, как влажность, кислотность, пористость, общая и упругая деформация и сжимаемость хлебного мякиша, а в изделиях с добавлением жира и сахара, ароматических веществ – содержание последних. В основном они проводили простые анализы сырья и полуфабрикатов: определяли органолептические показатели (форму,

поверхность, окраску, вкус, запах), состояние мякиша (пропеченность, промес, эластичность, свежесть). На большинстве предприятий треста иногда не было возможности даже производить пробные выпечки на определение хлебопекарных качеств муки и установление ее дефектности. Пробные выпечки являлись необходимыми в связи с тем, что зачастую Заготзерно и мельзаводы в качественных удостоверениях не давали полной характеристики сырья.

На предприятиях Алтайского треста помимо уже существующего ассортимента происходила разработка и выпуск новой хлебобулочной и кондитерской продукции. По данным официальной статистики, по кондитерским изделиям происходило выполнение и перевыполнение плана производства, в отличие от хлебобулочных изделий, по которым план выполнялся в среднем на 95,4 %. За 1948 г. было разработано 35 новых сортов хлебобулочных и кондитерских изделий, в том числе три вида штучного хлеба, докторский, минский хлеб, три вида батонов из муки 30 % помола, баранка сахарная, пряник и коврижка (11 видов), печенье (4 видов) и другие[21].

Сбыт продукции хлебозаводами Алтайского треста «Росглавхлеб» происходил отчасти через собственную розничную сеть: хлебные ларьки, имеющиеся не при всех хлебопекарнях; строились также коммерческие магазины. Но ларьки находились в очень плохом состоянии, с некачественным оборудованием. Многие из них, будучи недостаточно утепленными, функционировали ограниченное время (на зимний период их закрывали). Лимиты для их нормального функционирования со стороны Министерства торговли не выделялись.

В 1948 г. предусматривалась в системе треста, кроме ларьков, организация работы четырех фирменных магазинов в Барнауле, Бийске, Рубцовске, Горно-Алтайске. Фактически работало только два. Дело в том, что в первом квартале 1948 г. работало три фирменных магазина, но в апреле письменным указанием председателя Рубцовского горисполкома было предложено магазин Рубцовского хлебозавода передать райпотребсоюзу для торговли зеленью. Ходатайство треста перед крайисполкомом и крайторготделом положительных результатов не дало, магазин был передан райпотребсоюзу. Несмотря на то, что отдел сбыта Главка своевременно был информирован обо всем, необходимых мер по сохранению фирменного магазина принято не было.

Планом было предусмотрено открытие фирменного магазина в Барнауле. Поэтому трест добивался возвращения помещения, где прежде находился магазин Барнаульского хлебокомбината. Но крайисполком не удовлетворил просьбу и помещение не вернули. Денежных средств для постройки не хватало, строительные материалы были лимитированы (цемент, кровельное железо, кирпич, пиломатериалы и другие), так что вопрос о постройке фирменного магазина в Барнауле так и не был решен.

Еще одной проблемой в организации собственной торговли трестом являлось то, что городские торговые отделы вообще запрещали торговлю в ларьках и магазинах треста. И только после неоднократного вмешательства крайторготдела рознице треста стали выделять лимиты[22].

В послевоенный период происходила постепенная замена временных кадров постоянными. Во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. происходил постепенный рост численности промышленно-производственного персонала. В Алтайском крае она увеличилась с 102,3 до 205,9 человек[23]. Основным способом комплектования промышленных кадров в послевоенный период являлся организованный набор рабочих в сельской местности. Одним из источников увеличения численности производственного персонала в послевоенный период послужило сокращение в 1947 г. административно-управленческого аппарата. Совет Министров СССР постановлением «О государственном плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1947 г.»[24] предусматривал сокращение численности административно-управленческого аппарата, работников обслуживающих производств и более рациональное перераспределение трудовых ресурсов в рамках отраслей промышленности.

В целом в промышленности Алтайского края большинство кадров не имело соответствующего производственного опыта и профессиональной квалификации. В послевоенное время происходило постепенное восстановление уже существовавшей системы профессионально-технического обучения работников промышленности, а не создание новой. Данная система предусматривала не только подготовку новых рабочих, но и повышение квалификации кадров, уже имеющих определенный опыт работы. В первые послевоенные годы профессиональная квалификация рабочих складывалась в ходе их практической деятельности непосредственно на предприятиях. Но зачастую вместо рабочего широкого профиля с хорошими теоретическими и практическими знаниями подготавливались рабочие-операционники. Уровень их производительности труда был весьма низким – он не превышал 50–60 %[25]. В последующее время ее основой становилась более широкая техническая подготовка, которую получали в системе учебных заведений. Трест все чаще организовывал выезды специалистов в тресты хлебопечения других регионов (например, в Новосибирск, Свердловск, Куйбышев) для обмена опытом. Бухгалтеров отправляли на годичные счетно-экономические курсы в Москву. Практики, занимавшие должности инженерно-технических работников, выезжали на двухмесячные курсы в Уфу и Москву. В 1960 г. трестом были организованы выезды работников по обмену опытом в Новосибирск, Омск. В Алма-Ате прошли курсы повышения квалификации мастеров-технологов 12 человек в течение двух месяцев. В Новосибирске курсы электриков прошли 4 человека в течение одного месяца.

Одной из проблем при подготовке кадров являлось некачественное управление этим процессом со стороны руководства хлебозаводов. Например, по плану на Алейской хлебопекарне в 1946 г. необходимо было подготовить путем бригадно-индивидуального ученичества, техминимума, а также курсовых мероприятий 26 человек. Фактически же было подготовлено четыре человека. Отчетность по кадровой работе представлялась в управление Алтайского треста несвоевременно, не оформленная надлежащим образом, а иногда и вовсе не отправлялась. Аналогичная ситуация складывалась и на других хлебопекарных предприятиях[26].

Наряду с постепенным увеличением числа квалифицированных специалистов происходят и другие процессы, отразившиеся непосредственно на подборе кадров. Так, в начале 1950-х гг. на хлебопекарных предприятиях Алтайского треста происходило сокращение инспекторов по кадрам, а их работу стали выполнять люди, иногда полностью некомпетентные в данном вопросе[27].

В первой половине 1950-х гг. хлебозаводы столкнулись с проблемой нехватки кадров. Дело в том, что уровень производства и механизации по отношению к 1945 г. возрос, а штаты и ставки заработной платы остались на прежнем уровне. К концу пятой пятилетки наряду с выполнением плана по производительности труда рост средней заработной платы опережал рост производительности труда.

Таким образом, одной из проблем, существовавших на предприятиях хлебопекарной промышленности в годы пятой пятилетки, было завышение планов выработки продукции на одного рабочего при заниженном плане численности рабочих. Это противоречило приказу Министерства пищевой промышленности СССР № 226, по которому штат административно-управленческого персонала устанавливался в зависимости от размера среднесуточной выработки хлебобулочных изделий по плану. Например, нехватка штатов ощущалась на Барнаульском хлебозаводе № 3. В документах указывается, что существующие штаты были рассчитаны на выработку только весового хлеба, без учета мелкоштучных, бараночных и кондитерских изделий. При этом необходимо учитывать отсутствие должной механизации предприятий треста, и как следствие, преобладание ручного способа производства на имеющемся оборудовании. В частности, причиной многих недостатков в работе хлебозаводов являлась плохая оснащенность их инженерно-техническими работниками. Но содержание их, а также служащих сверх плана представлялось невозможным даже при условии рас-

ходования фонда заработной платы в пределах плана. Дело в том, что финансовые органы запрещали держать нерегистрируемый цеховой персонал и при проверках сумму заработных плат лиц, не предусмотренных планом, обращали в начет руководству. Но при этом центральные органы не брали во внимание то, что предприятия треста в сложившейся ситуации оставались без бракеров, сменных технологов, сменных кладовщиков и экспедиторов, что самым непосредственным образом сказывалось и на качестве выпускаемой продукции. В документах за 1955 г. имеются данные о дальнейшем сокращении штатов административно-управленческого персонала. Вследствие этого происходило объединение некоторых хозрасчетных предприятий на базе более крупных в соответствии с приказом Министерства промышленности продовольственных товаров РСФСР «О реорганизации управления отдельными хлебопекарными предприятиями «Росглавхлеба».

Характерной чертой советской экономики мобилизационного типа являлось социалистическое соревнование как один из основных способов осуществления мотивации, стимулирования производительности труда. Оно использовалось для достижения значительного повышения эффективности производства практически без прироста трудовых ресурсов. Главной функцией соревнования является экономическая, то есть состязательность в повышении экономических показателей деятельности, как отдельных работников, так и целых предприятий.

В первые годы послевоенной пятилетки договоры на организацию социалистического соревнования хлебозаводы между собой практически не заключали; еще не регулярно подводились итоги социалистических соревнований. В последующие годы соревнование на хлебозаводах треста принимало все большие масштабы. Уже в 1951 г. индивидуальным соревнованием было охвачено 90,6 % всех работающих. На всех предприятиях было организовано соревнование между бригадами[28]. Усиливалось движение за организацию работы по почасовому графику, ускорение оборачиваемости оборотных средств и получение сверхплановых накоплений, за высокую культуру производства, за экономию материалов, ведение «лицевого счета экономии». Постепенно (особенно с начала 1950-х гг.) социалистическое соревнование охватило коллективы почти всех промышленных предприятий Алтайского края.

В 1949 г. на всех предприятиях треста развернулось социалистическое соревнование за звание «Бригада отличного качества». Всего было 22 соревнующиеся бригады, с общим числом рабочих 281 человек, из них двум бригадам с общим числом работающих 21 человек было присвоено данное звание[29]. Дальнейшее развитие получило стахановское движение. Управление Алтайского треста «Росглавхлеб» расширяло стахановское движение путем заключения индивидуальных и бригадных договоров, а также организации кружков техминимума, взаимного обучения рабочих стахановским методам работы. Лучшие достижения стахановцев широко популяризовались через производственные совещания, стенную газету, боевые листки, летучку, доску показателей и книгу почета треста. Так, если на 1 января 1948 г. число стахановцев составляло 148 человек, а ударников – 130 человек, то на 1 января 1949 г. число стахановцев увеличилось до 298 (201,3 % к 1948 г.), а ударников соответственно – до 143 (186,9 % к 1948 г.) человек. К общему числу рабочих стахановцы составляли в 1949 г. 40,8 %, а ударники – 55,7 %[30].

Можно выделить и социальный аспект соревнования. Например, происходил рост культурно-технического уровня работающих, укрепление дисциплины, повышение культуры производства.

В послевоенное время рабочим со стороны треста оказывалась помощь в виде снабжения их топливом, овощами (например, картофелем), производился ремонт квартир. Но такая помощь оказывалась в очень небольших размерах. Семьи, кормильцы которых погибли на фронте, полностью обеспечивались фуражом и рабочим скотом. Процессом по улучшению материально-бытовых условий рабочих руководил фабрично-заводской комитет. На многих хлебопекарнях выделенные на технику безопасности, охрану труда, рационализацию предприятий и прочие производственные нужды деньги расходовались не по их прямому назначению.

В рамках системы треста велось подсобное хозяйство. Оно было организовано и введено в эксплуатацию в 1946 г. Организацией и функционированием подсобного хозяйства руководил отдел снабжения. При этом составить промышленно-финансовый план он не имел возможности, так как в штате отдела отсутствовали специалисты по сельскому хозяйству[31]. Производились посевы зерновых (овес, просо, гречиха), картофеля. Выращивали капусту, огурцы, помидоры, морковь, лук, горох, брюкву, тыквы, арбузы, дыни и прочее. Весь собранный урожай предназначался для питания в столовых, если таковые имелись, рабочих и служащих предприятий[32]. Продукция реализовывалась не только в столовых треста, но и в рамках государственных поставок, что в значительной степени снижало рентабельность ведения подсобного хозяйства и делало его убыточным[33]. Соответственно на оставшуюся продукцию поднимались цены, и реализовать ее было гораздо сложнее.

На протяжении первой послевоенной пятилетки на хлебопекарных предприятиях треста не происходило прироста жилищного фонда. Главной причиной данной ситуации послужило отсутствие необходимых средств. Существовавший жилищный фонд, в свою очередь, нуждался не только в текущем, но и в капитальном ремонте, а таковой практически не производился[34]. Число жилых строений, находящихся в черте городских поселений и соответственно приближенных к месту работы, на 1 января 1952 г. составляло в целом по тресту 214, а в сельской местности – 10. Жилищный фонд имелся на предприятиях Барнаульских хлебозаводов № 1, № 2 и № 3, Бийского хлебозавода, Горно-Алтайской хлебопекарни, Алейской хлебопекарни, Славгородского хлебокомбината[35].

Далеко не все рабочие снабжались спецодеждой и продуктами питания, несмотря на наличие собственного подсобного хозяйства в тресте. Не все хлебозаводы имели пункты питания. Столовые были только на Барнаульских хлебозаводах № 1 и № 2, Бийском хлебокомбинате и Горно-Алтайской хлебопекарне. Необеспеченность рабочих жильем, низкий уровень организации производства, плохие санитарные условия на рабочих местах – все это приводило к росту текучести рабочей силы на предприятиях треста. Часто меняли место работы в основном рабочие подсобных профессий: катчики, тестомесы и другие. Велика была текучесть и руководящих кадров. Например, на Алейской хлебопекарне в течение 1946 г. текучесть в составе руководящих кадров достигала 50 %, а текучесть рабочих за год – 200 %[36]. Высокая текучесть кадров покрывалась, главным образом, за счет вольного найма рабочих самими предприятиями. Характерно, что значительная доля рабочих, по разным причинам выбывших из производства, вскоре вновь возвращалась в промышленность, как правило, на те же предприятия[37]. Для сокращения текучести рабочих и улучшения качественных и количественных показателей работы вводились различного рода премии (например, за монтаж в установленные сроки печей, за освоение мощностей, а также перевыполнение норм выработки и другие).

Итак, хлебопекарное производство Алтайского края в послевоенное время было обусловлено особенностями мобилизационной модели экономики, характерной для советского периода. Сокращение сельскохозяйственного производства отразилось на снабжении пищевой промышленности основным сырьем. Процессы механизации предприятий, обеспечение их новым оборудованием стали осуществлять только в 1950-е гг. Капитальные вложения осуществлялись в новое строительство, а реконструкция уже имеющихся предприятий не финансировалась. Большинство кадров промышленности края в послевоенные годы не имело производственного опыта и профессиональной квалификации. В рассматриваемый период в рамках мобилизационной экономики в хлебопекарной промышленности как один из способов стимулирования производительности труда применялось развернувшееся по стране социалистическое соревнование.

Примечания

[1] Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1984. С. 155.

[2] Государственный архив Алтайского края (далее – ГААК). Ф. Р-681. Оп. 2. Д. 94. Л. 9.
[3] Там же. Оп. 3. Д. 1. Л. 23.
[4] Там же. Оп. 3. Д. 1. Л. 23.
[5] Там же. Оп. 2. Д. 144. Л. 168.
[6] Там же. Оп. 2. Д. 144. Л. 152–160.
[7] Экономика хлебопекарного производства : повышение эффективности / под ред. В. И. Комарова и О. К. Филатова. М., 1990. С. 74.
[8] ГААК. Ф. Р-681. Оп. 2. Д. 98. Л. 59.
[9] Там же. Оп. 2. Д. 99. Л. 28.
[10] Там же. Оп. 2. Д. 117. Л. 112.
[11] Там же. Д. 144. Л. 33.
[12] Там же. Оп. 3. Д. 1. Л. 5.
[13] Там же. Оп. 2. Д. 144. Л. 111.
[14] Там же. Д. 144. Л. 33.
[15] Там же. Д. 106. Л. 6.
[16] Там же. Д. 110. Л. 269.
[17] Там же. Д. 96. Л. 8.
[18] Там же. Д. 144. Л. 180.
[19] Там же. Д. 111. Л. 126.
[20] Там же. Д. 121. Л. 106.
[21] Там же. Д. 110. Л. 261.
[22] Там же. Д. 110. Л. 270–271.
[23] Савицкий И. М. Промышленные кадры послевоенной Сибири (1946–1960). Новосибирск, 1984. С. 53.
[24] Постановление Совета Министров СССР «О государственном плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1947 год». М., 1947. С. 24.
[25] ГААК. Ф. Р-681. Оп. 2. Д. 94. Л. 13.
[26] Там же. Оп. 2. Д. 91. Л. 10.
[27] Там же. Оп. 3. Д. 39. Л. 48.
[28] Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.
[29] Там же. Д. 133. Л. 170.
[30] Там же. Д. 110. Л. 266.
[31] Там же. Д. 144. Л. 1.
[32] Там же. Д. 91. Л. 41.
[33] Там же. Д. 90. Л. 17.
[34] Там же. Д. 110. Л. 43.
[35] Там же. Д. 144. Л. 104–105.
[36] Там же. Д. 91. Л. 69.
[37] Хлусов М. И. Развитие советской индустрии (1946–1958 гг.). М., 1977. С. 102.

В. Л. Некрасов

РЕФОРМА ГОСПЛАНА СССР 1955 ГОДА: ВЛАСТЬ, ИНСТИТУТЫ, ЛИЧНОСТИ

Поиск модели планирования экономики выступал частью общей программы социально-экономических преобразований, инициированных Н. С. Хрущевым в середине 1950-х гг. Реформа Госплана СССР 1955 г. явилась первой реформой планирования в постсталинский период. В 1955 г. была предпринята попытка построения модели планирования, основанной

на разделении между различными органами власти функций текущего и перспективного планирования, оперативного управления экономикой. В историографии существует лишь самое общее представление о реформировании Госплана в 1955 г.

В советской историографии реформа Госплана СССР 1955 г. не стала предметом специального всестороннего исследования. Введение в научный оборот архивных документов, публикация мемуаров плановиков не изменило ситуацию, сложившуюся в советской историографии и не оказало влияния на качество исследований по истории Госплана в годы руководства Н. С. Хрущева[1]. Реформа Госплана СССР 1955 г. осталась на периферии в новейшей исторической литературе. Данная историографическая ситуация сложилась, по нашему мнению, прежде всего, из-за незавершенности процесса накопления и обобщения архивных источников по истории Госплана СССР и сложностью восстановления неоднократных реорганизаций данного органа власти, частого перераспределения его полномочий, подчиненности, многочисленных кадровых перестановок в руководстве в 1955–1964 гг.

Фокус данной статьи сосредоточен на реформе Госплана СССР в первой половине 1955 г.

В постсталинском руководстве преобладало мнение, что серьезные сбои в экономике связаны с недостатками организационной структуры. Госплан СССР и отраслевые министерства были мощными носителями инерции сталинской модели хозяйствования, против которых объективно были направлены многочисленные реорганизации.

К началу 1955 г. кризис планирования и оперативного управления экономикой проявился со всей очевидностью. В мемуарах плановиков положение в сфере планирования и оперативного управления экономикой в середине 1950-х гг. либо под разными предлогами обходится (В. Н. Новиков), либо совершенно не упоминается (Г. М. Первухин), или сводится к констатации факта перестройки Госплана СССР (Н. К. Байбаков)[2]. Однако, по свидетельству С. Н. Хрущева, кризис в выполнении пятой пятилетки и неспособность Госплана СССР сверстать новую пятилетку «по-честному» были реальностью и осознавались Хрущевым[3].

В новейших исследованиях реорганизация планирования в 1955 г. связывается с кризисом управления экономикой, – отсутствие утвержденных контрольных заданий на пятую пятилетку, несбалансированность развития секторов и отраслей экономики, диспропорции между потреблением и накоплением, доходами и материальными ресурсами, корректировкой планов по факту, отсутствие перспективного плана развития экономики[4]. Кризис планирования усугублялся дефицитом топлива и металла, столкновением ведомственных интересов за капитальные вложения и материальные фонды при подготовке шестого пятилетнего плана.

Выходом из кризисного положения стала серия решений, направленных на повышения эффективности управления экономикой. В конце мая 1955 г. принимается ряд указов и постановлений об образовании новых государственных комитетов[5]. Наиболее значимым стало решение о реорганизации Госплана СССР. Образование на его базе Государственной комиссии Совета Министров СССР по перспективному планированию (Госплан СССР) и Государственной комиссии Совета Министров СССР по текущему планированию (Госэкономкомиссия СССР). К ведению Госплана была отнесена разработка пятилетних и перспективных планов (10–15 лет), к ведению Госэкономкомиссии относилась разработка годовых планов (на основе пятилетних) и планов материально-технического снабжения[6]. Данная модель планирования, с корректировкой в декабре 1956 г., функционировала в период с июня 1955 г. по май 1957 г.[7]

В. А. Шестаков констатирует, что «в основе реорганизации Госплана СССР лежали меры административного характера»[8]. Но столь лаконичного замечания недостаточно, чтобы понять мотивы выбора данной модели планирования и оперативного управления экономикой. В историографии остаются без ответа ряд вопросов: в какой степени реформа Госплана СССР взаимосвязана с изменением расстановки в высшем политическом руководстве в начале 1955 г.; существовали ли иные подходы при реорганизации Госплана СССР в 1955 г.;

почему была выбрана модель планирования на основе разделения текущего и перспективного планирования? Причина, почему в историографии нет ответов на данные вопросы, заключается в том, что исследования опираются на опубликованные источники и без привлечения архивных документов, и в первую очередь из фонда Совета Министров СССР, которые позволяют более детально проанализировать ситуацию в сфере планирования в середине 1950-х гг. Это в полной мере относится к реформе Госплана СССР 1955 г. В фонде Совета Министров СССР находится отдельное дело, посвященное разработке реформы Госплана СССР в первой половине 1955 г.[9]

Общий срок принятия решения о реорганизации Госплана СССР составил четыре месяца – с февраля по июнь 1955 г. Хронология принятия решения о реорганизации Госплана СССР выглядит следующим образом. 5 февраля 1955 г. председатель Госплана СССР М. З. Сабуров направил в Президиум ЦК КПСС предложения о перестройке работы Госплана и о мерах по улучшению государственного планирования[10]. 14 марта на заседании Президиума ЦК КПСС было принято решение, что «необходимо перестроить работу Госплана, отделив функции текущего характера от разработки вопросов перспективного планирования»[11]. Данное решение являлось основополагающим при разработке проекта постановления. К 28 марту был подготовлен первоначальный вариант проекта постановления Совета Министров СССР и ЦК КПСС «О перестройке работы Госплана СССР и мерах по улучшению государственного планирования»[12]. К 25 апреля в Президиум ЦК КПСС был представлен уточненный вариант проекта постановления. По итогам его рассмотрения 28 апреля в Президиуме ЦК КПСС было принято решение к 4 мая доработать проект постановления. 25 мая Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О реорганизации Государственного планового комитета Совета Министров СССР». 4 июня было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 1088 «О перестройке работы Госплана СССР и мерах по улучшению государственного планирования»[13].

Реформа Госплана СССР происходила в условиях изменения расстановки политических сил в Президиуме ЦК КПСС и Совете Министров СССР. Предложения о реорганизации Госплана СССР были внесены в Президиум ЦК КПСС через пять дней после отставки Г. М. Маленкова с поста Председателя Совета Министров СССР[14]. Отставка Маленкова с должности председателя Совета Министров СССР и назначение председателем Совета Министров СССР Н. А. Булганина, с которым у Н. С. Хрущева существовали доверительные отношения, усилило позиции последнего и давало ему возможность более решительно действовать в реорганизации государственного управления и расстановке своих ставленников в государственном аппарате. Реформу Госплана СССР, безусловно, следует связывать с укреплением позиций Хрущева в высшем руководстве, сосредоточения им ключевых партийных и государственных полномочий и стремлением усилить свое влияние на планирование и реализацию экономических решений.

Следует обратить внимание на состав комиссии, занимавшейся в феврале-апреле разработкой проекта постановления о реформе Госплана[15]. Членов комиссии можно разделить на три группы. Первую группу составляли члены Президиума ЦК КПСС – Н. А. Булганин, Л. М. Каганович, М. Г. Первухин, М. З. Сабуров. Заместители председателя Совета Министров СССР – И. Ф. Тевосян, А. Н. Косыгин, В. А. Малышев. Руководящие работники Госплана СССР – первый заместитель председателя Госплана СССР Г. П. Косяченко. В первой группе трое, за исключением Кагановича, являлись сторонниками Хрущева. Во второй группе Косыгин и Малышев лояльно относились к инициативам Хрущева. Позицию третьей группы можно не учитывать. Уточненный проект постановления разрабатывался уже только членами Президиума ЦК КПСС – Н. А. Булганиным, Л. М. Кагановичем, М. Г. Первухиным, М. З. Сабуровым[16]. Иными словами, реформа планирования разрабатывалась в ближайшем окружении Хрущева. Маленков и Молотов не имели к ней никакого отношения.

Таким образом, реформа Госплана СССР 1955 г. носила не только административный, но и политический характер.

Источником, позволяющим понять логику разработки новой модели планирования в течение марта-мая 1955 г., являются составленные для председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина управляющим делами Совета Министров СССР А. В. Коробовым[17] «Замечания по проекту Постановления «О перестройке работы Госплана СССР и мерах по улучшению государственного планирования» (далее – «Замечания»)[18].

Анализ «Замечаний» позволяет говорить, что подход к реорганизации планирования путем создания двух самостоятельных органов по текущему и перспективному планирования был приоритетным, но не единственным.

Идея разделения Госплана СССР на два органов планирования проходит через все три варианта проекта постановления. Однако в конце марта – апреле обсуждался вариант сохранения единого планового органа. Так, в «Замечаниях» к первоначальному варианту проекта постановления от 6 и 21 апреля подчеркивается, что предлагаемое разделение Госплана на два самостоятельных органа: Государственную плановую комиссию и Комитет по оперативному планированию – является принципиально неправильным. Аргументами против разделения Госплана – отрыв текущего планирования от перспективного планирования, создание излишней переписки между плановыми органами, параллелизм, безответственность и путаница в составлении и обеспечении выполнения планов.

По мнению А. В. Коробова, решение Президиума ЦК КПСС от 14 марта должно быть выполнено не механически, путем разделения Госплана на два органа, из которых один будет заниматься вопросами перспективного, а второй вопросами оперативного планирования, а путем перестройки работы и улучшения структуры Госплана[19]. В поддержку данного подхода А. В. Коробов ссылается на В. И. Ленина, подчеркивая, что Ленин, указывая на необходимость сочетания перспективного и текущего планирования, «не ставил вопроса об организации двух планирующих органов»[20]. Для улучшения текущего планирования целесообразно создать в Госплане Комиссию по текущему планированию, подчинив ее первому заместителю Председателя Госплана. В состав Комиссии должны входить 2–3 заместителя Председателя Госплана и несколько членов Госплана. Комиссия не должна иметь отдельного аппарата, а должна опираться на соответствующие управления и отделы Госплана, в которых могут быть выделены работники специально для подготовки вопросов текущего характера[21].

По мнению А. В. Коробова, главная проблема Госплана, – сосредоточение в нем текущего планирования народного хозяйства, подготовки многих оперативных хозяйственных вопросов, в ближайшее время будет решена в связи с реализацией ряда мероприятий (создание Государственного комитета по новой техники, расширение прав Советов Министров союзных республик в области планирования, передача ряда текущих вопросов в ведение отраслевых министерств)[22]. Однако идея сохранения единого Госплана не получила поддержки, и в уточненном проекте постановления предлагалось разделение его на два плановых органа.

Подход, предполагавший «механическое» разделение Госплана на два плановых органа, в течение марта-апреля претерпел серьезные изменения. В первоначальном проекте постановления предполагалось фактически сохранить Госплан СССР с возложением на него осуществления всего цикла плановой работы, включая текущее и перспективное планирование в отраслевом и территориальном разрезах, материально-техническое снабжение[23]. В дополнение к Госплану «реорганизованного» в Государственную плановую комиссию Совета Министров СССР предлагалось образовать Комитет по оперативному планированию народного хозяйства при Совета Министров СССР[24].

Согласно проекту постановления за Комитетом по оперативному планированию народного хозяйства закреплялся ограниченный круг задач по подготовке по поручениям Совета

Министров СССР и по своей инициативе вопросов, связанных с обеспечением выполнения утверждаемых годовых государственных планов и предложений по использованию дополнительных материальных ресурсов, выявляемых в ходе выполнения государственных планов и выделения государственных резервов[25]. Таким образом, в первоначальном варианте предполагалось создание «полутороплановой» системы планирования. Критикуя данный вариант реорганизации планирования, А. В. Коробов ссылается на В. И. Ленина, который «в данном им в 1921 году указании Госплану о порядке организации его работы рекомендовал распределить его силы таким образом, чтобы $^1/_5$ часть работников Госплана занималась вопросами перспективного планирования, а $^4/_5$ всех работников текущими хозяйственными делами»[25]. Комитет по оперативному планированию скорее выступал консультационным органом при Совете Министров СССР, чем реальным и самостоятельным плановым органом власти. В «Замечаниях» от 31 марта А. В. Коробов указывает, что «задачи Комитета <…> не дают представления о том, в чем именно будет заключаться работа Комитета <…>, так как <…> никаких задач перед Комитетом в области планирования, кроме подготовки вопросов о частичных поправках к плану, не ставится... <…> удельный вес работы этого Комитета в области планирования будет весьма незначительным»[25].

В уточненном варианте проекта постановления от 25 апреля происходит корректировка подхода к реорганизации планирования. Госплан также предлагается разделить на два самостоятельных органа – Государственную плановую комиссию СССР (Госплан), а вместо Комитета по оперативному планированию образовать Планово-экономическую комиссию Совета Министров СССР по проверке выполнения и обеспечения народнохозяйственного плана. Происходит корректировка их функций. Согласно проекту на Госплан возлагается разработка перспективных и годовых планов развития народного хозяйства, а на Планово-экономическую комиссию – проверка выполнения и обеспечение народнохозяйственного плана[26]. Главное изменение в новой редакции постановления заключается в том, что контроль за выполнением планов изымается из ведения Госплана[27] и передается Планово-экономической комиссии. Таким образом, Планово-экономическая комиссия превращается из консультативного органа Совета Министров СССР в контрольно-надзорный орган в хозяйственной сфере.

И только в проекте постановления от 4 мая появляется разделение Госплана СССР на Государственную комиссию Совета Министров СССР по перспективному планированию и Экономическую комиссию Совета Министров СССР по текущему планированию[28]. В данном проекте постановления происходит четкое разделение сфер ответственности плановых органов, включая контроль за выполнением перспективных и текущих планов соответственно. Оперативное управление экономикой осуществляется Экономической комиссией, за которой закрепляются задачи по разработки планов материально-технического снабжения и распоряжения материальными ресурсами[29]. Этот проект постановления, с небольшими корректировками, лег в основу постановления ЦК КПСС и Совета Министров о перестройки работы Госплана СССР[30].

П. Грегори, Ю. Ольсевич обратили внимание на особенность реформаторской деятельности Хрущева, что «институциональные преобразования он, как правило, тесно связывал с постановкой перед реформируемыми органами вполне конкретных практических задач»[31]. Особенность реформы Госплана СССР 1955 г. заключалась в том, что перед новыми плановыми органами были поставлены вполне конкретные практические задачи развития экономики. Госплан должен был улучшить перспективное планирование, разработать перспективные планы ряда отраслей и «сказать, когда мы перегоним США по производству различных продуктов на душу населения». Госэкономкомиссия – повысить эффективность использования материальных, технических и трудовых резервов для выполнения планов развития экономики[32]. Таким образом, данные органы управления следует рассматривать

как институты развития для разработки новой социально-экономической политики и повышения управляемости экономики.

Важным аспектом реформы Госплана СССР 1955 г. является вопрос о председателях новых плановых органов. Хрущев в борьбе за власть стремился перераспределить силы в Совете Министров СССР в свою пользу[33]. В 1955–1956 гг. Сабуров «числился среди самых активных сторонников» Хрущева, поддерживая его политические и экономические инициативы. Назначение его председателем Госэкономкомиссии полностью соответствовала его должности первого заместителя председателя Совета Министров СССР и статусу члена Президиума ЦК КПСС и компетенциям как хозяйственника-управленца решать проблемы текущего планирования. «Госплановский» опыт Сабуров был необходим для ведения «баталий» с отраслевыми министрами.

Председателем Госплана назначили министра нефтяной промышленности СССР Н. К. Байбакова. С. Н. Хрущев объясняет назначение Байбакова тем, что по замыслу Хрущева Госпланом «должен руководить человек неординарный, не зашоренный, не погрязший в рутине <…> Выбор пал на <…> Байбакова, человека, не отягощенного госплановским “опытом” бесконечного балансирования и показавшего себя во время войны способным к нетривиальным поступкам». Но Хрущев рассматривал Байбакова не как крупную самостоятельную политическую фигуру, а как, «технического» председателя Госплана – опытного, без амбиций, хозяйственника-управленца, разработчика плана шестой пятилетки и исполнителя своих идей по модернизации экономики. Председатель Госплана Байбаков не был назначен заместителем председателя Совета Министров СССР, был только «рядовым» членом ЦК КПСС и, хотя обладал большим опытом административно-хозяйственной работы, был лишен возможности оказывать политическое влияние на многие вопросы развития народного хозяйства, особенно если они формально выходили за рамки компетенции Госплана[34].

Таким образом, реформа Госплана СССР 1955 г. создала асимметрию в системе планирования. В сложившей конфигурации государственных институтов Госэкономкомиссия была ведущим плановым органом, получившая в декабре 1956 г. функции оперативного решения текущих вопросов, связанных с выполнением государственного плана, и ответственность за обеспечение предусмотренных в плане заданий необходимыми материальными ресурсами. Ведущее положение Госэкономкомиссии закреплялось более высоким положением ее председателя в руководстве страны.

Примечания

[1] Экономическая история СССР : очерки / рук. авт. колл. Л. И. Абалкин. М., 2007; Ольсевич Ю., Грегори П. Плановая система в ретроспективе. М., 2000. С. 36–37; Шестаков В. А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов. М., 2006.

[2] Байбаков Н. К. От Сталина до Ельцина. М., 1998. С. 109–111; Новиков В. Н. В годы руководства Н. С. Хрущева // Вопр. истории. 1989. № 1. С. 108; Первухин М. Г. Коротко о пережитом // Новая и новейш. история. 2003. № 5. С. 140–148.

[3] Хрущев С. Н. Никита Хрущев : Реформатор. М., 2010. С. 212.

[4] Шестаков В. А. Указ. соч. С. 250; Щербакова Т. Проблемы экономической децентрализации в промышленности в 1957–1964 гг. // Федерализм. 2010. № 3. С. 136.

[5] 24 мая образован Государственный комитет Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы, 25 мая реорганизован Госплан СССР, 28 мая образован Государственный комитет Совета Министров СССР по новой технике. См.: Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов. 1917–1965. Кн. 2. М., 1967. С. 487.

[6] Реорганизация Госплана СССР и задачи улучшения планирования народного хозяйства // Плановое хоз-во. 1955. № 3. С. 3–9.

[7] Решение декабрьского Пленума ЦК КПСС и задачи улучшения планирования народного хозяйства // Плановое хоз-во. 1957. № 1. С. 10–11; ГА РФ. Ф. Р7523. Оп. 71. Д. 197. Л. 8.
[8] Шестаков В. А. Указ. соч. С. 250.
[9] «О перестройке работы Госплана СССР и мерах по улучшению государственного планирования». ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 89. Д. 25.
[10] Планирование размещения производительных сил СССР. Ч. I. М., 1985. С. 284.
[11] ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 89. Д. 25. Л. 16, 38.
[12] Там же. Л. 9.
[13] Экономическая жизнь СССР... С. 487, 488.
[14] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. М., 2006. С. 39–46.
[15] ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 89. Д. 25. Л. 54.
[16] Там же. Л. 76.
[17] А. В. Коробов с 1938 по 1953 г. работал в системе Госплана СССР. В 1951–1953 гг. заместитель председателя Госплана СССР. – Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители. 1923–1991. М., 1999. С. 359.
[18] ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 89. Д. 25. Л. 10–17, 36–39, 43–44.
[19] Там же. Л. 38, 39, 43, 44.
[20] Там же. Л. 37.
[21] Там же. Л. 37.
[22] Там же. Л. 43.
[23] Там же. Л. 13–15.
[24] Там же. Л. 16.
[25] Там же. Л. 12.
[26] Там же. Л. 44.
[27] Там же. Л. 17, 18.
[28] Там же. Л. 75.
[29] Там же. Л. 74, 74 об, 75, 75 об.
[30] Там же. Л. 77 об – 80.
[31] Грегори П., Ольсевич Ю. Указ. соч. С. 37.
[32] Всесоюзное совещание работников промышленности. 16–18 мая 1955 г. М., 1955. С. 120.
[33] Сушков А. В. Президиум ЦК КПСС : личность и власть. Екатеринбург, 2009. С. 25.
[34] Некрасов В. Л. Н. К. Байбаков : личностный фактор в годы руководства Н. С. Хрущева (1955–1957 гг.) // Актуальные проблемы исторических исследований : взгляд молодых ученых : сб. материалов I Всерос. молодеж. науч. конф. Новосибирск, 2011. С. 229–236.

Л. В. Никитин

ГЕОГРАФИЯ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА В МЕНЯЮЩИХСЯ ИСТОРИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ (АНАЛИЗ БАЗОВЫХ ТРЕНДОВ НА ПРИМЕРЕ США И РОССИИ 1980–2000-х ГОДОВ)

Банковский сектор, играющий огромную роль в мировом хозяйстве и заслуживающий внимания во многих своих аспектах, неизменно вызывает интерес со стороны ученых различного профиля. В частности, за последнее время некоторым научным коллективам и отдельным специалистам удалось выполнить большую работу по изучению географических параметров данной отрасли[1]. Однако при всех успехах в исследовании мировых финансовых центров и конкуренции между ними до сих пор почти незатронутым остается вопрос о территориальном устройстве банковского дела на уровне отдельных стран. В этой связи

данная публикация направлена на параллельное заполнение двух существенных пробелов: в ней на основе предыдущих работ автора[2] сопоставляются исторические векторы развития внутренних банковских пространств Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки.

В хронологическом плане исследование охватывает большой тридцатилетний период (1980–2000-е гг.), на протяжении которого почти во всем мире, включая обе рассматриваемые страны (хотя и при существенных различиях между ними), наблюдалось сворачивание государственного присутствия в экономике и ее развитие преимущественно в русле неолиберальной модели. В эту эпоху полностью укладываются три макроэкономических цикла глобального уровня ((i) кризис 1980–1982 гг. и подъем 1983–1989 гг.; (ii) кризис 1990–1992 гг. и подъем 1993–2000 гг.; (iii) кризис 2001 г. и подъем 2002–2007 гг.), причем начало каждого из них приблизительно совпадает с началом очередного десятилетия. Именно эти рубежи являются основой периодизации внутри данной работы. Кроме этого, в ее заключительной части будет затронут четвертый, пока еще не завершенный макроэкономический цикл, связанный с мировым кризисом 2008–2009 гг. и попытками его преодоления.

В отличие от хронологической сетки, которая представляется достаточно очевидной, выбор названной пары государств для компаративного анализа требует некоторых обоснований. Конечно, между историческими путями России и США существует множество принципиальных различий. Но в то же время у двух стран сложились и похожие черты: огромная территория и численность населения, федеративное устройство, большие внутренние различия, выраженная сырьевая специализация отдельных регионов и т. д.

Более того, определенные аналогии можно наблюдать и при сопоставлении двух банковских систем, особенно их пространственных характеристик.

Конечно, очевидным преимуществом американской кредитной отрасли (по сравнению с российской) было непрерывное двухсотлетнее развитие в условиях демократических порядков и свободы частного предпринимательства. Но в то же время из-за децентрализованного характера государства, которое исторически строилось снизу вверх, в США сложилась необычная ситуация, при которой каждый штат мог развивать свой банковский сектор по собственным правилам (по крайней мере, в вопросах лицензирования) и препятствовать приходу кредитного бизнеса из других частей страны. Даже появление банков с федеральной регистрацией не внесло принципиальных изменений в эту картину. Принятый в 1927 г. Закон Пеппера – Макфаддена уравнял возможности региональных и национальных банков, разрешив последним создавать филиалы лишь в пределах тех штатов, где располагались корпоративные штаб-квартиры. Хотя в дальнейшем крупнейшие финансовые группы научились частично обходить этот запрет, искусственная географическая раздробленность еще долго оставалась одним из «фирменных знаков» банковской системы США.

К тому же Великая депрессия 1930-х гг. и связанная с ней утрата веры в рыночную стихию принесли новые ограничения – прежде всего, государственный контроль над уровнем депозитных ставок и запрет на совмещение традиционной кредитной деятельности с игрой на фондовом рынке. В результате банковский механизм Соединенных Штатов оказался одним из самых зарегулированных в западном мире. При всей своей неоднозначности мощная государственная коррекция рынка внесла большой вклад в длительную стабильность кредитного сектора и всей национальной экономики.

В этих условиях на протяжении десятилетий неизменными оставались и географические контуры отрасли. Абсолютным лидером банковского дела являлся Нью-Йорк, за ним с большим отставанием следовали Сан-Франциско и Чикаго. Все было логично и предсказуемо: место каждого города или штата в национальной банковской системе с высокой степенью точности соответствовало его месту в демографических и экономических показателях страны.

Впрочем, даже в своих самих строгих аспектах американское госрегулирование выглядело еще вполне либеральным по сравнению с той практикой, которая сложилась с кон-

ца 1920-х – начала 1930-х гг. в Советском Союзе. Проведенные тогда реформы полностью уничтожили легальное частное предпринимательство, в том числе и в кредитной сфере. В дальнейшем на этом поле действовали только Госбанк СССР и его отраслевые ветви, которые выполняли ограниченный набор функций, несопоставимый с многообразным финансовым сервисом США или Западной Европы. Банковская отрасль в ее советском варианте занималась преимущественно технической работой, обеспечивая по указанию вышестоящих инстанций организованный перевод средств между различными сегментами управляемого национального хозяйства. В отдельных случаях такая отлаженная машина могла справляться с задачей концентрации средств, но в долгосрочном плане была совершенно непригодна для гибкого межотраслевого перераспределения ресурсов в условиях технологического прогресса и усложняющейся структуры экономики.

Являясь подчиненной частью планово-мобилизационного механизма, банковские учреждения и сами повторяли важнейшие черты Системы – прежде всего, крайнюю степень централизации. Высшее руководство практически единого кластера государственных банков находилось в Москве. В других городах, соответственно их административному статусу, могли действовать только «конторы», «субконторы» и иные подразделения установленного ранга. Вынужденные и краткосрочные изменения произошли лишь на первых этапах Великой Отечественной войны (перевод центральных учреждений Госбанка в Казань, а затем в Куйбышев; создание в Горьком, Челябинске и ряде других городов института уполномоченных Госбанка, наделенных правом оперативно решать некоторые вопросы[3]), однако после 1942 г. монопольное положение Москвы было восстановлено.

Таким образом, к началу переломных 1980-х гг. у двух банковских систем не было почти ничего общего, за исключением одного принципиально важного обстоятельства – строгого (а в советском варианте тотального) контроля со стороны государства.

Итак, что же изменилось в дальнейшем, то есть непосредственно в рамках изучаемого тридцатилетия? Обратимся сначала к ситуации *1980-х гг.,* которые рассматриваются здесь в качестве *первого периода,* и попробуем параллельно осветить события, происходившие в двух странах.

В Америке и деловые круги, и политический истэблишмент остро почувствовали необходимость перемен еще во второй половине 1970-х гг. Потрясения на рынке энергоносителей, распад Бретон-Вудской системы валютных обменов, неудержимый взлет инфляции и многие другие обстоятельства все чаще приводили к выводу о бесперспективности того пути, по которому страна шла уже почти полвека. Теперь начинался переход от широкомасштабного госрегулирования (кейнсианской модели) к неолиберальной экономике.

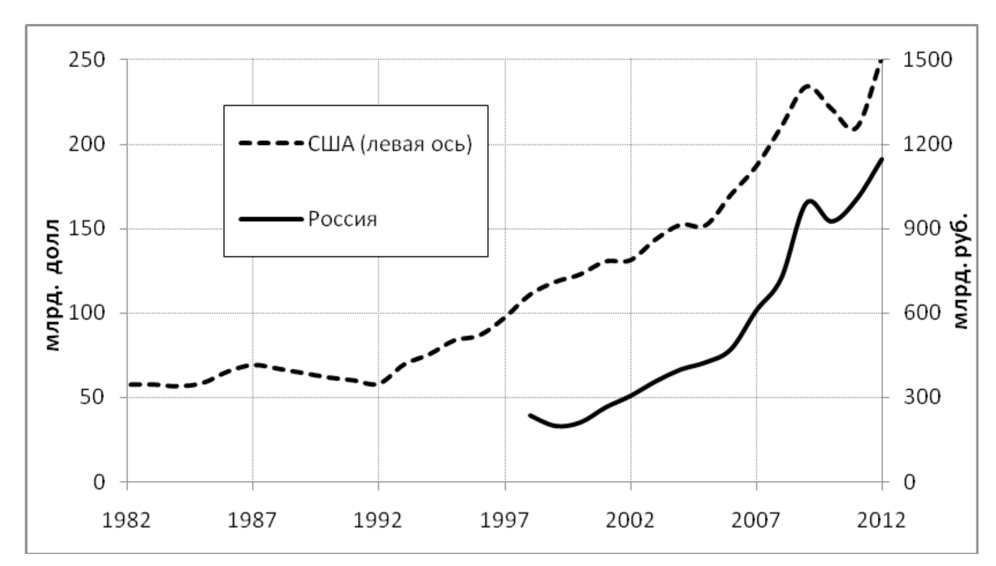
Если говорить непосредственно о банковской сфере, то в отношении нее первый тур реформ пришелся на 1979–1982 гг. Особенно больше значение имели два юридических акта: Закон о дерегулировании депозитных учреждений и денежном контроле (март 1980 г.)[4] и Закон о депозитных учреждениях, известный также как Закон Гэрна – Сент-Джермена (октябрь 1982 г.)[5]. С их принятием были частично устранены преграды для развития межштатных корпоративных сетей и почти полностью отменен административный контроль над уровнем банковских ставок. Кроме этого, существенно расширились права ссудо-сберегательных ассоциаций (или сбербанков)[6] – небольших, но многочисленных структур, специализировавшихся на розничной ипотеке, а теперь получивших возможность работать во многих других сегментах кредитного бизнеса.

Эти новшества (особенно в сочетании с общей либерализацией экономики, развернувшейся при администрациях Дж. Картера, а затем Р. Рейгана) привели к мощному подъему банковской отрасли, а заодно и к некоторому изменению ее географических параметров. Так, при неизменном лидерстве Нью-Йорка заметно усилили свои позиции в качестве финансовых центров техасские города Хьюстон и Даллас, что было тесно связано с недав-

ним бумом в местной нефтедобывающей промышленности и с последующим расцветом строительного сектора. Та же сфера жилой и офисной недвижимости, но уже в сочетании с индустрией высоких технологий, внесла свой вклад в повышение банковской значимости Бостона. Довольно неожиданно в большую игру ворвался город Шарлотт (штат Северная Каролина), где местные банки, хорошо сориентировавшиеся в новых правовых условиях, стали активно скупать бизнес разорившихся конкурентов в Джорджии и Флориде; тем самым Шарлотт начал превращаться в главный узел финансовой активности на юго-востоке США. Наконец, еще один способ достижения успеха демонстрировали «внутренние офшоры» – прежде всего, штаты Делавэр, Южная Дакота и Невада, которые внесли в свое законодательство различные налоговые и иные льготы для кредитных компаний. Возможность существенной «оптимизации» бизнеса заинтересовала ряд крупнейших финансовых холдингов, в основном из Нью-Йорка, которые вскоре перевели в офшорные юрисдикции часть своих специализированных подразделений.

Любой из приведенных примеров банковских успехов был, несомненно, важен и интересен сам по себе, но еще большее значение имел тот факт, что за набором частных случаев просматривалась общая закономерность. Она может быть с высокой точность и надежностью зафиксирована при помощи математического инструментария. В русле данной работы уместно для каждой из хронологических точек, идущих с интервалом в один год, рассчитать среднеквадратическое отклонение, то есть базовый статистический показатель, отражающий меру разброса индивидуальных значений какого-либо признака (в нашем случае – величины банковских активов в различных городах США). Чем сильнее с течением лет расходятся индивидуальные результаты, тем выше становится значение этого параметра.

Именно такая динамика сформировалась в первой половине и середине 1980-х гг. (см. рисунок). Иными словами, едва начавшийся рост экономической свободы сразу же повлек за собой определенное географическое расслоение. Либерализация придала американскому банковскому сектору дополнительную подвижность; одним она помогла добиться огромных успехов, а других вытолкнула на обочину.

Среднеквадратические отклонения суммарных банковских активов по городам США и России в 1982–2012 гг. На начало каждого года; в национальных валютах, в постоянных ценах 2005 г.

Расчеты на основе данных Федеральной корпорации США по страхованию вкладов (ФКСВ)[7], информационного агентства Thomson Reuters[8], Банка России[9] и Статистического отдела ООН[10].

Впрочем, ситуация заметно трансформировалась во второй половине десятилетия. Основным источником проблем стали сберегательные банки, многие из которых, выйдя за привычный и уютный мир розничной ипотеки, так и не смогли успешно адаптироваться к более широкому рынку. В результате за три – четыре года разорилось несколько сотен таких компаний. К тому же из-за проблем в смежных отраслях (перепроизводства и резкого торможения в сфере недвижимости, почти обвального падения мировых цен на нефть, развернувшегося с осени 1985 г., и т. д.) возникли проблемы и у традиционных коммерческих банков. Еще один удар по отрасли нанесли потрясения на фондовом рынке, произошедшие в октябре 1987 г. Словом, банковский сектор США вступил в полосу тяжелого и затяжного кризиса, позднее переросшего в общий циклический кризис национальной экономики.

На этом фоне изменились и пространственные параметры отрасли, самый важный из которых отражен на рисунке. Как видим, ранее наметившийся рост среднеквадратических отклонений теперь сменился на противоположную тенденцию. Многие из тех городов, которые находились в центре предыдущего бума (прежде всего, Даллас и Хьюстон), в новых условиях особенно сильно пострадали от кризиса. Более резкое торможение у лидеров привело к некоторому сглаживанию географических контрастов (что в техническом плане и проявляется как снижение кривой среднеквадратических отклонений на рисунке). Конечно, явления, наблюдавшиеся по одному разу, еще не могут трактоваться как устойчивая закономерность, но в любом случае американский материал 1980-х гг. уже позволял в гипотетическом плане предположить, что свободный рынок в фазе подъема способствует расслоению между более успешными и менее успешными городами, тогда как в условиях кризиса, наоборот, происходит сокращение разрывов.

Теперь попробуем соотнести события в США с тем, что происходило в это же время на другой стороне океана. Банковская система позднего СССР по своей фундаментальной организации и экономическим функциям все еще выглядела почти такой же, какой она была в далекие 1930-е гг. Однако становившаяся все более очевидной неэффективность советского хозяйственного механизма (да еще в условиях падения мировых цен на нефть) заставляла правящую элиту задумываться о необходимых реформах. С конца 1970-х – начала 1980-х гг. в Совете Министров, Госплане, Экономическом отделе ЦК КПСС, а также в ряде академических институтов Москвы и Новосибирска все чаще прорабатывались проекты преобразований, направленных – в соответствии с мировым трендом (хотя, конечно, при совершенно другом идеологическом оформлении) – в сторону относительной свободы хозяйственной деятельности.

Некоторые проекты относились и к кредитной сфере. Так, уже в начале 1983 г. союзное Министерство автомобильной промышленности прорабатывало идею создания первого отраслевого банка[11]. В 1984–1985 гг. при настроенном на реформы председателе Госбанка СССР В. С. Алхимове в этом ведомстве были подготовлены важные инициативы, направленные на общую модернизацию кредитной системы и существенное повышение ее роли[12]. Однако при уже относительно неплохом понимании проблем и многочисленных проектах по их преодолению практические шаги долгое время откладывались из-за отсутствия политической воли.

Реальные изменения начались лишь через два года после прихода к власти М. С. Горбачева. Официальный старт долгожданной банковской реформы состоялся в 1987 г., когда было объявлено о создании пяти отраслевых госбанков (или «спецбанков») с относительно широкими полномочиями[13].

Далее, в мае 1988 г., был принят чрезвычайно важный Закон о кооперации в СССР, по которому, в частности, разрешалось создание негосударственных (кооперативных) банков. Еще через три месяца без преувеличения историческим событием стало создание первых таких структур, причем не только в столице, но и в других крупных городах России – Ленинграде, Казани, Перми и т. д.[14] Впервые за многие десятилетия самостоятельная банков-

ская деятельность перестала быть исключительной привилегией Москвы. И хотя общее количество новых банков даже к середине 1990 г. едва превышало две сотни (против 15 тысяч банков в Соединенных Штатах), уже в такой ситуации стали возможными некоторые географические наблюдения.

Москва в новых условиях была естественным и безусловным лидером, но уже не абсолютным монополистом. К группе следующих по значимости центров, если ориентироваться на количество созданных там негосударственных банков, принадлежали Ленинград, Ростов-на-Дону и Свердловск[15]. Отдельно следует отметить Уфу и Тольятти, где новых корпораций было немного, но они (уфимский «Восток» и тольяттинский АвтоВАЗБанк) практически сразу превратились в мощный бизнес общесоюзных масштабов. Разумеется, банковское пространство России к концу 1980-х гг. представляло собой еще очень неплотную сеть формирующихся кредитных учреждений, в отношении которой на данном этапе трудно было бы применить методы статистической обработки данных и выявить закономерности, подобные американским. Но в любом случае первые шаги к созданию гибкой и децентрализованной банковской системы были сделаны.

Более того, уже на самой грани десятилетий (и рассматриваемых здесь периодов) произошли новые события с далеко идущими последствиями. В июле 1990 г. на фоне нараставшего противостояния между властями Советского Союза и Российской Федерации был создан Госбанк РСФСР. В последующие месяцы по его инициативе три государственных «спецбанка» (Промстройбанк, Жилсоцбанк и Агропромбанк) были разделены на множество новых финансовых компаний. На этот раз в основу реформы был положен уже не отраслевой, а территориальный принцип. Местные подразделения названной тройки получили возможность по своему усмотрению трансформироваться в самостоятельные банки краевого, областного, городского и даже сельского масштаба (хотя при желании могли остаться и под управлением Москвы). Не удивительно, что в большинстве случаев региональные экономические и политические элиты, тесно связанные с территориальными управлениями спецбанков, решили воспользоваться уникальным шансом.

Благодаря такому пополнению количество кредитных организаций в России почти сразу перевалило за тысячу. Однако из-за особенностей происхождения региональные наследники спецбанков, как правило, действовали лишь в пределах своих субъектов Федерации. Таким образом, стечение обстоятельств на данном этапе привело к тому, что по своему географическому устройству российская банковская система во многом оказалась похожей на американскую, где продолжавший действовать Закон Пеппера – Макфаддена в большинстве случаев не позволял кредитным компаниям пересекать границы штатов. Соответственно, возникли новые транснациональные параллели, которым предстояло развиваться уже в следующем десятилетии.

Второй период (1990–2000 гг.) открывается затяжным кризисом начала 1990-х гг., нанесшим ощутимый удар по США и многим другим государствам с устоявшейся рыночной экономикой. Большой вклад в сокращение мирового ВВП внесли и страны бывшего советского лагеря, включая Россию. Постсоциалистический мир, наконец-то развернувший – после долгих лет нерешительности и колебаний – последовательные программы перехода к рынку, пока еще находился в состоянии неизбежного и тяжелого трансформационного спада.

В это время банковская система Соединенных Штатов все еще не могла выйти из затяжной полосы неудач, начавшейся с кризиса ссудо-сберегательных ассоциаций в 1986–1987 гг. Количество действующих банков уменьшилось почти на четверть. Географические разрывы, выраженные через среднеквадратические отклонения, продолжали сокращаться (см. рисунок).

Наступила некоторая пауза и в том, что касалось дальнейшей либерализации отрасли. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. Конгрессу пришлось принять серию новых законов, направленных на совершенствование механизмов банковского надзора[16].

Между тем с 1992–1993 гг. по мере улучшения общей экономической ситуации кредитный сектор вновь начал расти. Вернувшееся благополучие позволило снова обратиться к проведению реформ в неолиберальном духе и заняться ликвидацией еще сохранявшихся избыточных ограничений. В сентябре 1994 г. при мощной поддержке деловых кругов был принят долгожданный Закон об эффективности банковской деятельности и открытии отделений в нескольких штатах (или Закон Ригла – Нила)[17]. Отныне при минимальных (и постепенно снимавшихся) оговорках любой банк мог свободно действовать на всей территории США. Иначе говоря, вслед за прямым государственным контролем над ставками, прекратившимся в начале 1980-х гг., была отменена вторая из ключевых исторических регламентаций (но еще продолжала действовать третья – запрет на совмещение традиционной банковской работы и рискованной игры на фондовом рынке).

Закон Ригла – Нила, помноженный на благоприятную экономическую обстановку, решительным образом перекроил банковскую карту США. Уходила в прошлое ранее достаточно жесткая (и лишь отчасти расшатанная в 1980-е гг.) зависимость финансовых достижений того или иного штата от его численности населения и общей экономической базы. Отныне практически в любой части страны местная кредитная компания могла попытаться преодолеть исторические барьеры и вывести свое дело на общенациональный простор. На одном полюсе оказались те, кто начал активно скупать в других штатах бизнес разорившихся конкурентов и формировать на этой основе большие филиальные сети (среди механизмов, предусмотренных Законом Ригла – Нила, именно этот оказался особенно популярным), на другом – те, кого поглотили более успешные и активные выходцы с чужих территорий. Конечно, первая группа по количественному составу была невелика, но именно она представляется более интересной.

Пожалуй, самым ярким примером подъема от финансовой провинциальности к вершинам успеха стал город Шарлотт. Если в 1980-е – начале 1990-х гг. ему удалось утвердиться в качестве регионального форпоста, уверенно обошедшего соседние Бирмингем и Атланту, то к концу рассматриваемого десятилетия он стал вторым по значимости центром банковского бизнеса во всей стране, уступая лишь Нью-Йорку. (Это произошло после того, как к местному лидеру банку NCNB был присоединен знаменитый «Bank of America» из Сан-Франциско. Объединенная структура выбрала в качестве названия исторический бренд «Bank of America» и при этом сохранила шарлоттскую прописку. Именно от Сан-Франциско перешел к Шарлотт почетный титул банковской «вице-столицы» Соединенных Штатов).

Еще один неожиданный и впечатляющий прецедент создал Кливленд (штат Огайо). Этот старопромышленный город, долго искавший свое место в постиндустриальной экономике, нашел его, в том числе, благодаря «Key Bank» – стремительно выросшей финансовой группе общенационального и даже международного значения. Среди других адресов успеха, достигнутого именно в 1990-е гг., можно назвать такие ранее малозаметные финансовые центры, как Провиденс, Колумбус, Цинциннати и некоторые другие. Вместе с группой старых банковских метрополий, сохранивших высокие позиции (Нью-Йорком, Лос-Анджелесом, Бостоном и т. д.), они все сильнее отрывались от остальной страны. В условиях экономического подъема 1993–2000 гг., как это уже было в первой половине 1980-х гг. (но только в еще большей степени), стало увеличиваться пространственное расслоение (см. рисунок). За этими статистическими выкладками все более определенно просматривалась важная и устойчивая закономерность.

Однако подведение промежуточных итогов оказалось бы неполным без упоминания о еще одном важном событии. В ноябре 1999 г., на вершине рыночной эйфории, был принят Закон о модернизации финансовых услуг (Закон Грэмма – Лича – Блайли)[18]. Этот юридический акт нанес удар по последнему из активно критиковавшихся бастионов госрегулирования. Отныне была почти полностью стерта существовавшая с 1930-х гг. грань между

коммерческими и инвестиционными баками (то есть, как уже неоднократно упоминалось, между теми, кто ведет обычные кредитно-депозитные операции и теми, для кого основным занятием является рискованная игра на фондовом рынке). С этим законом на Уолл-стрит связывали особенно большие надежды, которым, однако, еще предстояло пройти проверку в следующем десятилетии.

Тем временем не менее важные события происходили в России. Трансформационный спад, сопровождавшийся резким сокращением производства, высокой инфляцией и многими другими бедствиями, затянулся на долгие годы. Лишь в 1996–1997 гг., когда в рамках данного глобального цикла уже давно росло не только мировое хозяйство в целом, но и экономика ряда постсоциалистических стран, долгожданное оживление наметилось и в России.

Впрочем, как раз кредитная отрасль (или, по крайней мере, значительная ее часть) чувствовала себя в эти годы совсем неплохо. Быстро восполняя неудовлетворенный во времена СССР спрос на финансовые услуги, извлекая выгоду из высокой инфляции и резких колебаний курса рубля, а также активно приобретая ценные бумаги федерального правительства, банки подчас представляли собой один из немногих процветавших сегментов национальной экономики. За короткий период был пройден путь от осколков советской финансовой системы или же от плохо организованных кооперативных структур до современных корпораций, обладающих квалифицированными сотрудниками и мощной вычислительной техникой, разворачивающих сети филиалов и банкоматов, а также подключенных к трансграничным платежным системам и интегрированным в мировое кредитное пространство. Конечно, эта дорога не всегда была прямой. Она заметно изменилась, например, под воздействием таких факторов, как ужесточение правил регистрации новых компаний (в основном со II квартала 1995 г.) и кризис на рынке межбанковского кредита в августе того же года. Но в любом случае важная отрасль, лишь весьма условно существовавшая в СССР, завершила период становления и превратилась в неотъемлемую часть национального хозяйства.

К сожалению, открытые базы статистических данных не позволяют выявить для этого времени полный спектр географических характеристик. Однако и доступные материалы (официальные сведения о количестве банков, публиковавшиеся с 1992–1993 гг. рейтинги крупнейших корпораций по величине активов и по собственному капиталу) дают возможность сделать несколько важных наблюдений. Так, вполне очевидно, что Москва, поделившаяся на рубеже 1980-х–1990-х гг. с остальной Россией частью банковских полномочий, в дальнейшем начала быстро восстанавливать позиции – но теперь уже в условиях рыночной экономики и без стремления к абсолюту. Из других центров, помимо Санкт-Петербурга[19], большое значение на протяжении почти всего десятилетия имела Уфа (даже лишившись банка «Восток», переехавшего в Москву, этот город смог вывести на рынок другого финансового гиганта – Башкредитбанк (будущий «УралСиб»)). Заметной была роль Тольятти и, как минимум, еще четырех городов (Екатеринбурга, Челябинска, Кемерово и Перми, причем именно в таком порядке), имевших хороший «стартовый капитал» в виде сильной промышленности и больших корпораций, которые произошли от местных спецбанков позднесоветского периода. В ряде случаев региональные банки, прочно утвердившиеся в своих субъектах Федерации, начали выходить на другие территории, переигрывая более слабых соседей (иными словами, в России началась примерно такая же консолидация кредитного пространства страны, как в США после принятия в 1994 г. Закона Ригла – Нила). Наконец, даже разрозненные данные, позволяющие лишь приблизительно оценить динамику среднеквадратических отклонений, дают основания для осторожного вывода о том, что и в России при подъеме банковского сектора обозначилось увеличивающееся расслоение между лидирующими и отстающими городами.

Вскоре, однако, свои поправки в эту картину внес новый кризис, ударивший в августе 1998 г. по только что начавшей расти экономике. Многие крупные банки, особенно в

Москве, понесли большие потери; некоторые и вовсе были ликвидированы. Как известно, «великий дефолт» 1998 г. и начавшаяся тогда же резкая девальвацией рубля в итоге пошли на пользу российской экономике, повысив ее конкурентоспособность в международной торговле. С 1999 г. начался новый подъем национального хозяйства, не прекращавшийся затем почти целое десятилетие. Постепенно восстановился и кредитный сектор. Конечно, эти события относятся уже к следующему периоду. Однако, прежде чем перейти непосредственно к нему, необходимо задержаться на ситуации 1998–1999 гг. – не только из-за кризиса, но также из-за того, что как раз с этого момента по объему и структуре публикуемой статистики Россия приблизилась к Соединенным Штатам. Измерив уже привычный показатель теперь и на российском материале, мы можем убедиться, что в условиях потрясений конца 1990-х гг. отечественная банковская система, как это уже бывало при схожих обстоятельствах в Америке, демонстрировала склонность к некоторому сглаживанию контрастов (см. рисунок). Россия и в этом плане приближалась к мировой практике.

Отсчет *третьего периода (2001–2007 гг.)* уместно вести с середины 2001 г., когда в США наблюдался непродолжительный и относительно неглубокий кризис. В России хронология была несколько иной: преодолев острые проблемы 1998 г., экономика страны, как уже отмечалось, с 1999 г. уверенно росла, хотя и сбавила обороты во время мирового (и американского) кризиса 2001 г. Но в любом случае с 2002 г. подъем в России и США происходил параллельно.

Кредитное сообщество Соединенных Штатов наслаждалось теми возможностями, которые открыл перед ним Закон Грэмма – Лича – Блайли. Банки не просто переключали свое внимание на фондовый рынок, но и участвовали в создании все более сложных финансовых инструментов, обеспечивающих, как нередко утверждалось, высокие доходы при минимальных рисках. К тому же кредитные корпорации играли очень важную роль в развитии строительного бума, предлагая своим клиентам беспрецедентно низкие ставки в ипотечной сфере.

В географическом плане данный этап еще раз подтвердил хорошо знакомый вывод об увеличивающемся расслоении (см. рисунок)[20]. Особенно успешными в эти годы оказались некоторые центры офшорного типа (Уилмингтон в Делавэре, Лас-Вегас в Неваде, Су-Фоллз в Южной Дакоте и др.). Далеко продвинулся по пути адаптации к новым условиям штат Огайо: его представители (Колумбус, Кливленд и Цинциннати), продолжая укреплять позиции, почти на равных конкурировали с Нью-Йорком, Сан-Франциско и Шарлотт. Зато расположенный по соседству другой старопромышленный штат Мичиган (главным образом, в лице Детройта) стал наиболее ярким примером падения по многим показателям – индустриальным, демографическим, а теперь еще и кредитно-финансовым. Контраст между Огайо и Мичиганом самым точным образом иллюстрировал то, как сильно могут разойтись пути исходно сопоставимых территорий в условиях неолиберальной экономики.

В этот же период кредитный сектор уверенно рос и развивался и в России. Наряду с дальнейшим эволюционным накоплением частных изменений на данном хронологическом отрезке произошел очень важный прорыв, связанный с созданием государственной системы страхования вкладов[21]. К 2004 г. в нашей стране наконец-то появился и начал эффективно работать тот защитный механизм, который существовал в США еще со времен Ф. Д. Рузвельта.

Что касается базовых пространственных параметров отрасли, то и в этом плане Россия вышла на стандартную траекторию. Статистика 2000-х гг. вполне определенно свидетельствует об увеличивающемся территориальном расслоении на фоне общего подъема (см. рисунок). Российская конфигурация заметно приблизилась к американской и в некоторых относительно частных моментах. Если, например, по аналогии с Мичиганом и Огайо взглянуть на центры старопромышленных регионов, то можно увидеть, как при сопоставимом стартовом багаже разошлись их пути в постиндустриальной сфере: очень видное местно в ней и ее финансовом сегменте занял Екатеринбург, в целом смогли адаптироваться Нижний

Новгород и Челябинск, но заметно слабее выглядели Пермь и тем более Кемерово. Помимо Екатеринбурга, хороших результатов на этом этапе добились Санкт-Петербург, Казань и Самара; Уфа же, напротив, резко снизила рейтинг после переезда банка «УралСиб» в Москву, и в любом случае все эти локальные факты вносили свой вклад в общую картину нарастающей дифференциации.

Правда, при сходстве этого фундаментального тренда, Россия резко отличалась от США, как минимум, по двум другим позициям. Во-первых, по гораздо более высокой концентрации ресурсов в ведущем финансовом центре: на долю Москвы приходилось около 80 % от суммарных активов российских банков, тогда как у Нью-Йорка, не совмещающего деловые функции с политическими, аналогичный показатель при любом способе подсчетов не дотягивал и до 25 %. Во-вторых, в России подобным превосходством над окружающими территориями обладали и «малые столицы», то есть административные центры субъектов Федерации. Почти каждый из таких городов на протяжении всего периода 2000–2008 гг. являлся главным банковским узлом своего региона, и лишь на шести территориях находились другие лидеры (да и то на более коротких хронологических отрезках). Зато в США ситуация была практически противоположной: там только в шести штатах наблюдалось устойчивое преобладание столиц. Хотя такое расхождение может объясняться большим набором факторов, не вызывает сомнений главный из них. Очевидно, что для российских банкиров географическая близость бизнеса к центрам управления бюджетными потоками федерального или регионального уровня намного важнее, чем для их американских коллег. Заметим также, что данное обстоятельство не только не стало ослабевать, но и, наоборот, усилилось к исходу второго десятилетия свободной банковской деятельности.

* * *

15 сентября 2008 г. крушение нью-йоркского инвестиционного банка «Lehman Brothers», наложившись на уже давно происходившее падение рынка недвижимости и сокращение объемов кредита, подтолкнуло начало нового кризиса мировой экономики, которому суждено было оказаться самым тяжелым за долгие десятилетия. После энергичных мер, принятых многими правительствами и рядом наднациональных организаций, ситуация со второй половины 2009 г. стала улучшаться; кризис – если судить по динамике ВВП и другим техническим показателям – был преодолен. Впрочем, и сейчас, по состоянию на середину 2012 г., глобальный экономический рост выглядит очень неуверенным и ненадежным.

В любом случае в настоящий момент мы имеем дело с еще незавершенным макроэкономическим циклом. Соответственно, о его проекции на американскую и российскую банковскую систему пока можно говорить лишь в предварительном и самом общем ключе.

В США ответом на новые вызовы стала очередная корректировка правового фундамента. В июле 2010 г. был принят Закон о реформе Уолл-стрит и защите потребителей (Закон Додда – Фрэнка)[22]. Помимо отраженной в названии направленности на поддержку рядовых клиентов финансового сектора, этот документ частично восстанавливал границу между банковской деятельностью и фондовым рынком – ту очень важную разделительную черту, которая была проведена в 1930-е гг. и стерта в конце 1990-х гг. (с принятием упомянутого Закона Грэмма – Лича – Блайли). Новое решение представлялось вполне логичным, ведь именно чрезмерное погружение банков в фондовый рынок и участие в создании опасных финансовых инструментов стало одной из причин недавнего экономического кризиса. В этом смысле можно говорить, что Закон Додда – Фрэнка обозначил в своей сфере ответственности отход от крайнего неолиберализма, характерного для 2000-х гг., в сторону его умеренной версии, существовавшей в предыдущем десятилетии.

В России корректировки оказались более частными, но тоже достаточно важными. Например, был повышен (как и во многих других странах) потолок страхового покрытия по вкладам физических лиц. В результате некоторых корпоративных слияний расширилось

прямое государственно присутствие в банковском секторе. Постепенно повышающиеся требования Центробанка к уровню собственного капитала кредитных структур подтолкнули процесс дальнейшей концентрации бизнеса (Заметим, что и в этом плане Россия существенно отличается от Соединенных Штатов, где некоторые механизмы Закона Додда – Фрэнка могут предотвращать избыточное и опасное сосредоточение активов в небольшой группе суперкорпораций).

Обращаясь в заключение к главной теме этой публикации, то есть к пространственному устройству национальных банковских систем, следует еще раз посмотреть на рисунок. Показанные на нем кривые опять, уже на новейшем материале, подтверждают эмпирически найденную закономерность. Кризисные явления 2008–2009 гг., как и следовало ожидать, в очередной раз привели к временному сокращению территориальных разрывов, а обозначившийся в 2010–2011 гг. экономический рост вернул ситуацию к основному современному тренду – увеличивающемуся расслоению, все более явному отрыву малочисленной (но не обязательно закрытой) лидирующей группы от ее окружения. Эта двойная закономерность (расслоение при росте, сглаживание при падении) вполне четко просматривается на доступных материалах по России и США – хотя по многим другим параметрам между названными странами имеются глубокие различия.

Некоторые предварительные замеры по другим государствам, уже за рамками данной публикации, позволяют с осторожностью предположить, что здесь мы имеем дело не просто со случайным совпадением российских и американских реалий, а с устойчивым правилом, работающим даже при резких исторических различиях, далеко несовпадающих масштабах национальных экономик и т. д. Насколько это правило будет и дальше работать в условиях России и США, действительно ли оно проявляется и в других странах, а также на наднациональном уровне – это вопрос, для изучения которого потребуется регулярный мониторинг и проведение новых исследований.

Примечания

[1] См., например: Cassis Y. Capitals of Capital. A History of International Financial Centres, 1780–2005. N. Y. : Cambridge Univ. Press, 2007; University of Loughborough. Globalization and World Cities Research Group. URL : http://www.lboro.ac.uk/gawc; The Z/Yen Group. URL : www.zyen.com.

[2] См., например: Никитин Л. В. : 1) От монополии центра к «Архипелагу городов» : эволюция банковского пространства России в 1988–2008 гг. // Экономическая история. Ежегодник. 2010. М. : РОССПЭН, 2010. С. 606–629; 2) Эволюция банковского пространства США в 1980–2000-е гг. : клиометрический анализ на уровне штатов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. История. 2011. Вып. 43. № 1 (216). С. 137–146; 3) Банковское пространство России в 1988–2011 гг. : от монополии столицы к конкуренции городов // Обществ. науки и современность. 2012. № 2. С. 5–20.

[3] Барковский Н. Д. Мемуары банкира (1930–1990). М. : Финансы и статистика, 1998. С. 42–43.

[4] Depository Institutions Deregulation and Monetary Control Act of 1980. Pub. L. 96–221.

[5] The Garn – St. Germain Depository Institutions Act of 1982. Pub. L. 97–320.

[6] Англ. Savings and Loan Associations, S&L.

[7] http://www2.fdic.gov.

[8] http://www.thomsonreuters.com.

[9] http://www.cbr.ru.

[10] http://unstats.un.org.

[11] Кротов Н. И. История советской банковской реформы 80-х гг. XX в. (Свидетельства очевидцев. Документы). Кн. 2. Первые коммерческие банки (1988–1991). М. : Экон. летопись, 2008. С. 178–180.

[12] Барковский Н. Д. Указ. соч. 1998. С. 99; Захаров В. С. Очерки банковской реформы 1988–1991 гг. М. : Финансы и статистика, 2005. С. 48.
[13] Их названия: Промстройбанк, Жилсоцбанк, Агропромбанк, Сбербанк и Внешэкономбанк.
[14] 24 августа 1988 г. самым первым в СССР был зарегистрирован кооперативный банк «Союз» из Чимкента (Казахская ССР). Первым в РСФСР стал ленинградский банк «Патент» (дата регистрации – 26 августа). Некоторое время события в союзных республиках развивались примерно по тому же сценарию, что и в России, но вскоре пути заметно разошлись и в экономическом, и в политическом смысле. Для сохранения единой хронологической линии, уходящей в постсоветские годы, в данной публикации рассматриваются именно российские банки.
[15] Здесь и далее расчеты по количеству кредитных организаций проведены на основе данных Банка России (http://www.cbr/credit).
[16] Закон о равных условиях конкуренции в банковской сфере (Competitive Equality Banking Act of 1987. Pub. L. 100–86); Закон о реформе, восстановлении и усилении финансовых институтов (Financial Institutions Reform, Recovery and Enforcement Act of 1989. Pub. L. 101–73); Закон об улучшении работы ФКСВ (FDIC Improvement Act of 1991. Pub. L. 102–242).
[17] Interstate Banking and Branching Efficiency Act of 1994. Pub. L. 103–328.
[18] Financial Services Modernization Act of 1999. Pub. L. 106–102.
[19] Используемые далее исторические названия Санкт-Петербург, Екатеринбург, Нижний Новгород и Самара были восстановлены в 1991 г.
[20] Хорошо заметное на графике искажение 2004 г. не отменяло общую закономерность, так как было связано с краткосрочным эффектом от переезда отдельных крупных банков из Нью-Йорка и Сан-Франциско.
[21] Ее юридической основой стал Закон «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» (Федеральный Закон РФ от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ).
[22] Wall Street Reform and Consumer Protection Act of 2010. Pub. L. 111–203.

А. А. Попов

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ: ПОЛЬША В ПОГОНЕ ЗА МЕСТОМ В ЕС (1998–2004 ГОДЫ)

Переход к рыночной экономике стал болезненным испытанием для всех социалистических стран. Последствия этой трансформации обернулись самым серьезным потрясением всех сфер жизни общества со времен окончания Второй мировой войны. Сложившаяся в конце 1980-х – начале 1990-х гг. ситуация требовала от новых демократических правительств решительных действий, в то же время существенно ограничив их ресурсы и административные возможности. Многолетнее существование экономических систем «мобилизационного типа» привело в итоге к необходимости реальной мобилизации сил каждого гражданина каждой из бывших социалистических стран.

Успех адаптации к новым условиям зависел от многих факторов и, если под ним понимать построение демократического государства с рыночной экономикой, был достигнут далеко не всеми странами, вступившими на путь реформ. Одним из самых ярких примеров успешного перехода к рынку является опыт трансформации III Польской республики, которая в полной мере испытала на себе последствия проявления накопленных за десятилетия дисбалансов плановой экономики, но сумела достойно преодолеть сложный путь наравне с соседними Чехословакией и Венгрией, в чем-то даже превзойдя их.

С точки зрения экономической истории проблема мобилизационного потенциала стран с переходной экономикой чрезвычайно интересна как сама по себе, так и в сравнении с мобилизационными возможностями командно-административных систем на более раннем историческом этапе. В этом отношении процесс почти безуспешной борьбы коммунистических правительств с экономическими кризисами ПНР и последовавшей болезненной трансформации Польши является отличной иллюстрацией реальных мобилизационных возможностей разных типов экономических систем.

В рамках данного исследования мы предприняли попытку осветить лишь один из аспектов сложного процесса постсоциалистической адаптации, а именно отражение усилий польских правительств в ходе подготовки к вступлению в Европейский Союз в основных тенденциях экономического развития регионов. Важно отметить, что процесс интеграции в наднациональные структуры ЕС пришелся для страны на поздний этап трансформации переходной экономики, характеризующийся началом инвестиционного роста, в связи с чем оказывал на развитие Польши гораздо большее влияние, чем в свое время на страны Западной Европы. Данный процесс в основном охватывал период с 1998 г., когда окончательно прояснились перспективы присоединения Польши к ЕС, по 2004 г., когда Польша вместе с еще девятью странами-кандидатами стала полноценным членом Союза.

С начала 1990-х гг. для большей части истеблишмента Польши вступление в ЕС было одной из важнейших внешнеполитических целей. Первые шаги на этом пути польские власти предприняли еще в 1993 г., когда впервые заявили о своем намерении вступить в Европейский Союз. Однако перспективы Польши в качестве члена Евросоюза прояснились только в 1998 г., когда на встрече министров иностранных дел ЕС и стран Вишеградской группы (Польши, Чехии, Венгрии и Словакии) были подписаны соглашения, определявшие статус стран-кандидатов. Эти соглашения также обязывали новичков интеграции привести важнейшие институты общества в соответствие с acquis communautaire[1] Европейского союза и условиями «Соглашения 2000»[2]. Основные требования ЕС базировались на необходимости демократизации политической жизни и либерализации экономики будущих членов Сообщества, в том числе через усиление самостоятельности и стабильности регионов[3].

Требования, предъявленные Евросоюзом к странам-кандидатам, главным образом, определяли направления институционального строительства и региональной политики, под которой понималось, прежде всего, выравнивание дисбалансов в развитии регионов за счет «подтягивания» отстающих.

В том же 1998 г., чтобы способствовать подготовке стран Центральной и Восточной Европы к интеграции в ЕС и выравниванию развития регионов внутри стран-кандидатов, Европейская комиссия запустила несколько субсидиарных программ: PHARE (Poland and Hungary: Assistance for Restructuring their Economies – Польша и Венгрия: помощь в реструктуризации их экономик), в рамках которой средства выделялись, прежде всего, на создание новых административных институтов, развитие инфраструктуры, повышение предпринимательской инициативы граждан, а также улучшение окружающей среды[4], ISPA (Instrument for Structural Policies for Pre-Accession – Инструмент структурной политики для подготовки к вступлению) и SAPARD (Special Accession Programme for Agriculture and Rural Development – Специальная программа для сельского хозяйства и развития сельских регионов). Субсидиарные программы должны были стать источником дополнительных средств для подготовки к вступлению в ЕС через механизм реализации целевых проектов. Однако для их эффективной работы требовалось создание совершенно новых государственных институтов, которые отвечали бы за координацию и популяризацию программ и которых поначалу в Польше не было.

Требования и финансовая помощь со стороны ЕС под новым углом осветили болевые точки административного устройства и экономического уклада Польской Республики. Динамичное развитие Польши, расширение ее возможностей на международной арене явно дик-

товали необходимость продолжения институциональной перестройки польского общества. В то же время под влиянием требований ЕС с 1999 г. в силу вступило новое территориально-административное устройство, которое предполагало значительное усиление автономии польских регионов – воеводств, которые в соответствии с европейским принципом субсидиарности получили достаточно широкие права и возможности для самостоятельного развития.

Находившееся в период с 1997 по 2001 г. у власти правоцентристское правительство Ежи Бузека главным направлением своей деятельности в экономике избрало продолжение массовой приватизации, начатой посткоммунистами в 1996 г., и масштабной реорганизации государственной собственности, которая теперь касалась в основном финансового сектора и предприятий сферы услуг. В 1997–2001 гг. процедуру приватизации прошли все крупнейшие польские банки, а также крупнейшая медиа-корпорация страны «Telekomunikacja Polska». Продолжение массовой приватизации позволило существенно увеличить объем иностранных инвестиций в экономику Польши (рис. 1), которые постепенно начинали играть важнейшую роль в определении темпов развития экономики страны. Эти меры произвели положительный эффект, поскольку позволили государству не только избавиться от многих убыточных активов, но и осуществить их модернизацию[5], что самостоятельно центральные власти сделать были не в состоянии. Еще одним положительным следствием прихода иностранного капитала стало создание новых, в том числе высокотехнологичных, производств на территории Польши. Кроме того, власти приступили к реструктуризации стратегических предприятий, которые обрели статус акционерных компаний, оставаясь под контролем государства.

Как уже было отмечено, в 1997–2001 гг. воеводства получили новые возможности развития, обусловленные повышением как политической, так и финансовой самостоятельности. Однако не все они в одинаковой степени оказались готовы к перемене условий существования и в том, что касается самостоятельного развития, и в том, что касается участия в европейских субсидиарных программах[6].

Макроэкономические показатели свидетельствуют о сохранении важнейших тенденций развития, наметившихся еще с середины 1990-х гг. Речь идет, прежде всего, об устойчивом росте ВВП на душу населения Польши, на фоне которого особенно выделялось столичное Мазовецкое воеводство во главе с Варшавой. Сопоставление среднедушевых ВРП польских воеводств с уровнем ВВП на душу населения первых 15 государств Европейского Союза (принятым за 100 %) также позволяет увидеть картину нарастающего отрыва Мазовии и в меньшей степени Великопольского, Силезского и Нижнесилезского воеводств (рис. 3). Но в целом отставание польских регионов, даже самых бедных из них, по уровню ВРП на душу населения от средних показателей ЕС сокращалось.

В то же время на всем протяжении периода 1997–2001 гг. усиливалась относительно негативная тенденция, заключающаяся в нарастании разрыва по уровню среднедушевого ВРП между воеводствами. Различные возможности и условия, в которых воеводства оказались в 1997–2001 гг. (особенно на фоне некоторого экономического сбоя в 1999 году), не позволили каждому из них сохранить прежние темпы роста ВРП на душу населения, в результате чего продолжилось увеличение разрыва между «бедными» и «богатыми» регионами. Об этом свидетельствует изменение показателей среднеквадратического отклонения воеводств Польши по уровню среднедушевого ВРП (рис. 2).

Тенденция расслоения между воеводствами, с точки зрения требований ЕС, носила явно негативный характер и требовала от центральных властей особого внимания. Однако в реальности стабилизация политической ситуации в стране на фоне благоприятной экономической конъюнктуры в период 1997–2001 гг. повысила привлекательность Польши в глазах зарубежных инвесторов (рис. 1). И, как уже было отмечено, именно на этот период приходится переход к новой фазе трансформации постсоциалистической экономики – фазе инвестиционного роста. На данном этапе одним из главных источников роста польской

хозяйственной сферы стала активность зарубежных и национальных инвесторов, которые выступали фактически единственными агентами модернизации проблемных производств, избавляя государство от необходимости содержать эти предприятия. Однако вскоре тренды макроэкономических показателей начинают меняться.

В октябре 2001 г. к власти пришло левоцентристское правительство посткоммунистов под руководством Лешека Миллера. Главной своей целью новый кабинет видел подготовку к скорейшему вступлению Польши в Европейский Союз[7]. Эта цель, по сути, определяла основные направления развития внешней политики страны (за исключением наиболее принципиальных шагов, таких, например, как поддержка вторжения США в Ирак вопреки мнению большинства западноевропейских стран), а также основные мероприятия правительства на внутренней политической арене.

Необходимо подчеркнуть, что в форсированном расширении ЕС на тот момент были заинтересованы все участники процесса – и старые члены Союза, и десять новых стран-кандидатов[8]. Основные сложности интеграционного процесса были обусловлены, во-первых, несоответствием реалий социально-экономической жизни стран-кандидатов тем требованиям, которые предъявлял Европейский Союз (хотя прогресс в этом отношении был существенным, достигнутые результаты оставались очень далекими от желаемых). Во-вторых, затруднения вызывал вопрос распределения долей в бюджете ЕС, поскольку страны-кандидаты требовали равенства, но по экономическому потенциалу существенно уступали своим западным партнерам. Кроме того, региональная политика ЕС предполагала, что регионы, чей ВРП на душу населения не превышал 75 % от среднего по Евросоюзу, относились к «цели 1», т. е. получали дополнительное субсидирование с целью сокращения отставания[9]. В этой связи расширение 2004 г. представляло собой определенную угрозу для бюджета ЕС, поскольку почти все регионы новых членов попадали под «цель 1». Выход государства Союза видели в том, чтобы страны-кандидаты участвовали в субсидиарных программах в полном объеме лишь с 2010 г. Несогласные с подобными условиями четыре восточноевропейские страны (Польша, Чехия, Словакия и Венгрия), еще в 1991 г. объединившиеся в «Вишеградскую группу» с целью совместного движения по пути европейской интеграции, выступили единым фронтом против такого «принижения» их будущей роли в ЕС[10].

В итоге, в декабре 2002 г. на переговорах в Копенгагене странам-кандидатам, благодаря слаженным совместимым действиям, удалось добиться существенного улучшения своего положения в Союзе практически по всем пунктам[11]. Были увеличены квоты субсидирования и количество депутатов в Европарламенте от каждой из стран-кандидатов, пересмотрены условия присоединения к региональной политике ЕС (в 2004–2006 гг. финансирование должно было осуществляться в ограниченном масштабе, а с 2006 г. – в полном). Кроме того, польская делегация, возглавляемая премьер-министром Л. Миллером и министром иностранных дел В. Цимошевичем, смогла добиться увеличения до 19 млрд евро своей доли в бюджете ЕС, которая могла быть затребована национальными властями в первые три года с момента вступления[12]. Разрешение основных спорных вопросов позволило, наконец, запустить механизм присоединения. Менее чем через пять месяцев – 16 апреля 2003 г. – в Афинах был подписан «Договор о присоединении к Европейскому Союзу» десяти новых государств, в числе которых была и Польша.

Однако членами ЕС страны-кандидаты могли стать лишь после одобрения идеи присоединения на национальных референдумах. В Польше данный референдум был назначен на 7 и 8 июня 2003 г. Единственной серьезной опасностью могла стать низкая явка населения. С целью минимизации рисков евроэнтузиасты (к которым в этом смысле относились довольно широкие общественные силы, включая Союз демократических левых сил, Гражданскую платформу, Союз свободы, президента Александра Квасьневского и многие общественные организации) развернули активную кампанию в поддержку присоединения к ЕС, пользуясь,

в том числе, административным ресурсом[13]. Эта активность принесла свои плоды, поскольку 77,45 % избирателей, пришедших на референдум, проголосовали за вступление Польши в Европейский Союз, притом, что явка составила 58,85 % от общего числа избирателей[14].

Положительные результаты референдума подтвердили легитимность «Договора о присоединении», и с 1 мая 2004 г. Польша официально вошла в состав Европейского Союза.

Естественно, что процесс интеграции в период 2001–2003 гг. повлиял на основные тренды развития регионов, обусловив повышенное внимание властей к проблеме территориального неравенства и довольно медленного развития ряда воеводств. Именно на этот период пришлась наибольшая активность правительства в сфере региональной политики, которая как самостоятельная сфера оформилась незадолго до прихода посткоммунистов к власти. Лишь в июне 2000 г. постановлением правительства было создано Министерство регионального развития[15]. В декабре 2000 г. польские власти приняли главный документ, определявший принципы региональной политики – «Национальную стратегию регионального развития на период 2001–2006 гг.»[16], которая, в том числе, определяла порядок взаимодействия со структурными фондами.

Непосредственно практическая деятельность польских властей в рамках региональной политики начала осуществляться с 2001 г., после того как между Министерством регионального развития и каждым из регионов были подписаны первые контракты воеводств на 2001–2002 гг. (а затем и на 2002–2003 гг.), надзор за исполнением которых лег на плечи представителей центральной власти (воевод). Контракты воеводств представляли собой годичные соглашения между центральными властями и регионами и определяли условия софинансирования системы местного самоуправления[17]. Фактически контракты оказались направлены на строительство и реконструкцию объектов социальной сферы (речь преимущественно шла о госпиталях, спортивных центрах и театрах) и, в меньшей степени, объектов городской инфраструктуры[18]. Контракты воеводств оказались довольно эффективным инструментом, позволившим, в том числе, отладить систему затребования средств из субсидиарных фондов ЕС[19], с чем в предыдущие годы были серьезные проблемы.

Европейский Союз требовал от стран-кандидатов постоянного прогресса на пути регионального развития. Требования касались, прежде всего, трех компонентов данного процесса: во-первых, улучшения нормативной базы, определяющей отношения между регионами и центральными властями и их полномочия в отношении друг друга. Во-вторых, приведение национальных институтов региональной политики в соответствие со стандартами региональной политики ЕС, частью которой они должны были стать в ближайшем будущем. Большое значение придавалось формированию специальных институтов по взаимодействию со структурными фондами ЕС. В-третьих, представители Европейского Союза ожидали от стран-кандидатов улучшения ключевых макроэкономических показателей, в том числе более динамичного и равномерного роста ВРП на душу населения воеводств и сокращения разрыва между регионами по данному показателю[20].

И несмотря на то, что поставленные задачи были трудновыполнимы для польской экономики, ожидания Европейского Союза в 2001–2003 гг. неожиданным образом оправдались, по крайней мере, в том, что касалось развития ситуации со среднедушевым ВВП страны и ВРП регионов. Разрыв между польскими воеводствами по уровню ВРП на душу населения, который до 2001 г. только увеличивался, с приходом к власти правительства Л. Миллера и вплоть до 2003 г., наоборот, снижался (рис. 2). Подобная, довольно странная, смена трендов была обусловлена спадом показателей ВРП на душу населения большинства воеводств (рис. 3), причем наибольшие потери понесли самые состоятельные регионы (Мазовецкий, Великопольский, Нижнесилезский и Силезский).

Свидетельством в пользу искусственного характера снижения степени расслоения между регионами по уровню ВРП на душу населения является то обстоятельство, что уже в 2004 г.

расслоение между регионами вновь начинает расти. Более того, уже к 2007 г. оно достигает уровня, предсказываемого математической моделью, построенной на основе экстраполяции средних темпов прироста на основе данных периода 1995–2001 гг., что также позволяет утверждать искусственный характер спада 2001–2003 гг.

Подобное отклонение от общего тренда развития, на наш взгляд, обусловлено влиянием трех основных факторов: снижением инвестиционной активности, введением новых правил внешней торговли и целенаправленной деятельностью центральной администрации.

Снижение объема инвестиций накануне вступления Польши в Европейский Союз было, вероятно, продиктовано желанием крупных игроков дождаться времени, когда в стране вступят в силу общие с остальной Европой правила ведения бизнеса. Дело в том, что польские власти до последнего момента пытались сохранить существовавшие достаточно жесткие нормы, фактически запрещавшие деятельность филиалов и предписывавшие вместо этого создавать самостоятельные зарегистрированные в Польше фирмы. В результате, как только определились перспективы отмены данных ограничений, зарубежные инвесторы сократили объемы инвестиций, ожидая в скором времени кардинального улучшения ситуации (рис. 1).

Еще одной причиной аномального спада, вероятно, было распространение на Польшу общих для стран Евросоюза правил внешней торговли. Эти правила предполагали благоприятный режим торговли внутри ЕС, но существенно ограничивали возможности Польши по торговле с третьими странами, для чего требовалось согласие Еврокомиссии. Поскольку значительная часть польского экспорта традиционно шла в страны, не входившие в ЕС, в краткосрочной перспективе введение новых правил внешней торговли привело к ухудшению торгового баланса Польши[21].

При этом сложно с уверенностью сказать, что сыграло решающую роль в появлении драматического спада среднедушевого ВРП большинства регионов Польши: снижение активности инвесторов, вступление в силу новых правил производства и внешней торговли или же рвение правительства в деле удовлетворения требований ЕС.

Как бы то ни было, в сфере экономического развития регионов наметилась положительная, с точки зрения интеграции, тенденция – уровень расслоения между воеводствами снизился (рис. 2). Только достигнуто это было не благодаря ускоренному росту среднедушевого ВРП отстающих регионов, а за счет временного ухудшения позиций сильных воеводств.

Подводя общий итог, необходимо отметить, что начало активной фазы интеграции, по сути, определило основные направления деятельности правительства относительно экономического, политического и социального развития регионов. Появление механизмов региональной политики, приспособленных к работе со структурами ЕС, формирование нового юридического поля, соответствующего стандартам Союза, позволили воеводствам в короткие сроки адаптироваться к новым реалиям внешнеполитической и экономической жизни.

Ускоренная подготовка к вступлению в Европейский Союз, с другой стороны, выступила серьезным вызовом для польских властей, потребовавшим мобилизации больших (в том числе административных) ресурсов.

Данная мобилизация и потому, что проводилась «сверху», и потому, с каким рвением за нее брались власти, очень близка амбициозным проектам коммунистического периода. Впрочем, и выгода, которую Польша получила от членства в ЕС, была гораздо больше, чем почти безрезультатная борьба В. Герека за построение «социализма для человека». Как сказал посол Польши в России Ежи Бар в интервью радиостанции «Эхо Москвы»: «Дело в том, что для нас вхождение в ЕС получилось как невероятное историческое приключение – огромное, многогранное, в котором мы как раз сейчас и находимся, и нам это нравится»[22].

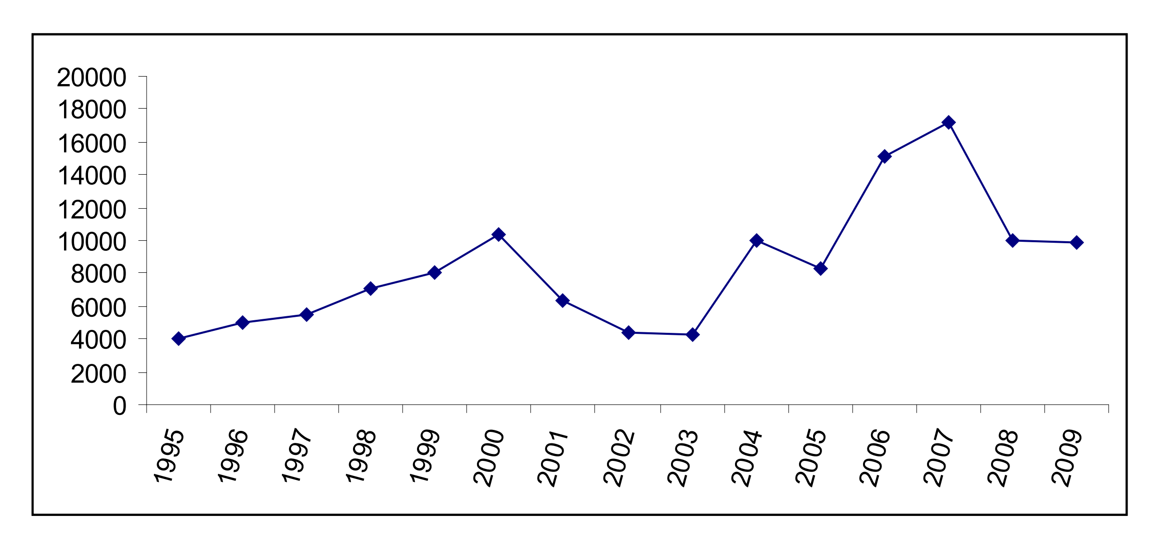

Рис. 1 Иностранные инвестиции в экономике Польши в 1995–2009 гг. (в млн евро)

Источник: Национальный банк Польши (Narodowy Bank Polski). URL : http://www.nbp.pl/home.aspx?f=/publikacje/zib/zib.html).

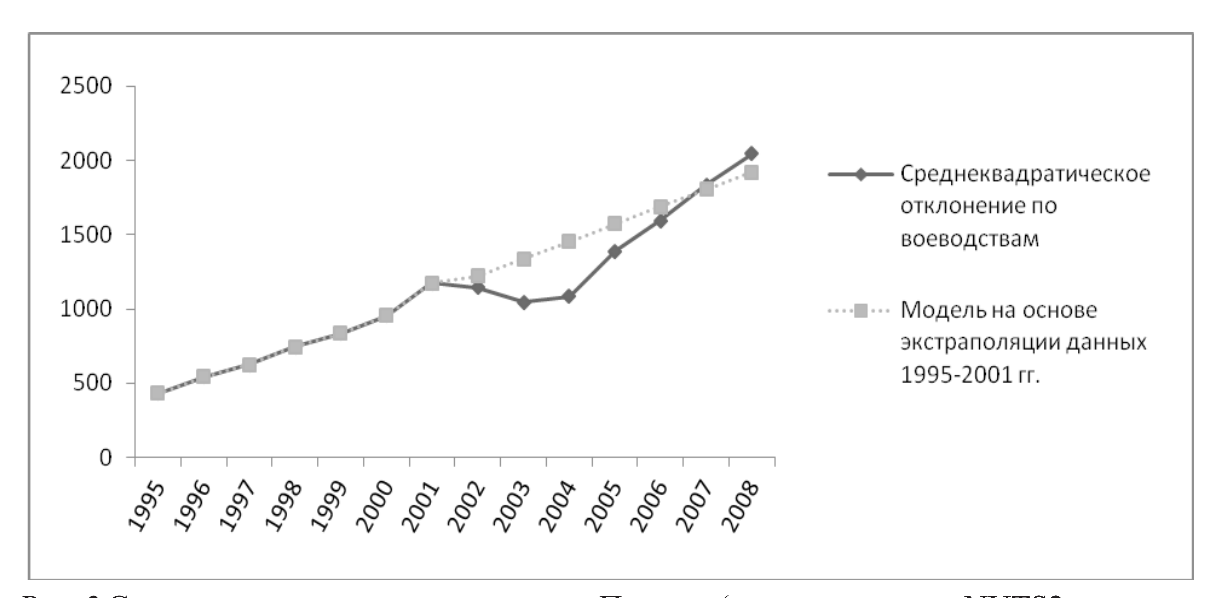

Рис. 2 Стандартное отклонение воеводств Польши (регионов уровня NUTS2 по классификации ЕС) по уровню среднедушевого ВРП в сопоставлении с экстраполяцией средних темпов прироста на основе для данных периода 1995–2001 гг.

Источник: Собственные вычисления автора; База данных «Евростат» (Eurostat Database. URL : //http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/region_cities/regional_statistics/data/database).

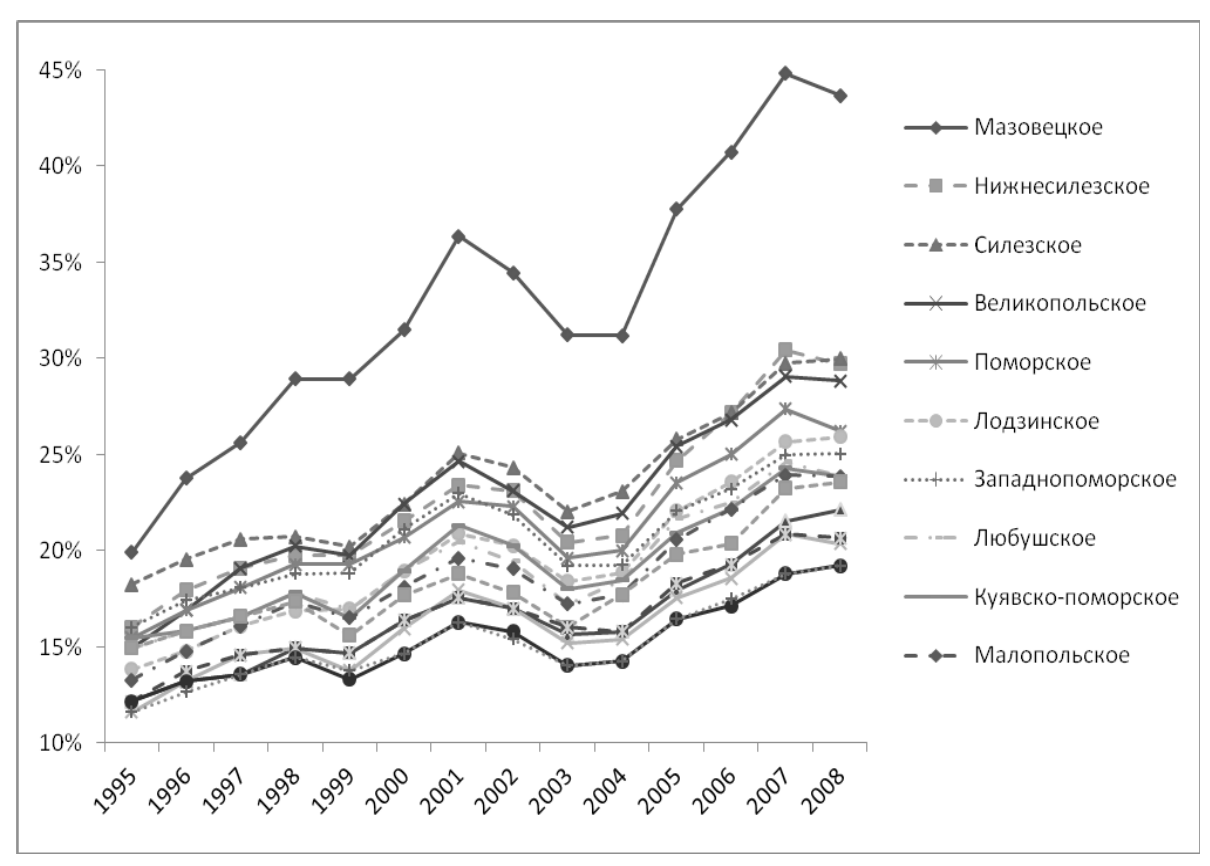

Рис. 3 ВРП на душу населения польских воеводств относительно уровня ВВП на душу населения ЕС15 (100 %)

Источник: Собственные вычисления автора; База данных «Евростат» (Eurostat Database. URL : http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/region_cities/regional_statistics/data/database).

Примечания

[1] Acquis communautaire – представляют собой ряд требований и правил, закрепленных в различных законодательных актах ЕС, которые составляют основу законов Европейского Союза.

[2] «Соглашение 2000», опубликованное в 1997 г., определяло основные направления развития сельского хозяйства и регионального развития стран ЕС в контексте новой волны расширения.

[3] Agenda 2000 For a Stronger and Wider Union (1997). URL : http://europa.eu/legislation_summaries/ enlargement/2004_and_2007_enlargement. P. 2.

[4] Phare. National, Multi-Beneficiary, Cross-Border and other Programmes – Financing Memoranda & Project Fiches. Poland (Archived) / European Commission. Brussels, 1998. URL : http://ec.europa.eu/enlargement/fiche_projet/index.cfm, for free.

[5] Kolodko G. W. A Two-thirds Rate of Success. Polish Transformation and Economic Development : 1989–2008 // United Nations University Research Paper. 2009. № 14. P. 21.

[6] Gorzelak G. Development of Polish Regions and EU Cohesion Policy // City and Region : papers on Honor of Jiri Musil / ed.: G. Gorzelak, W. Strubelt. Farmington Hills : Budrich UniPress Ltd., 2008. P. 111.

[7] Dudek A. Pierwsze lata III Rzeczypospolitej 1989–2001. Kraków : ARCANA, 2002. S. 421.

[8] В число стран-кандидатов в 2004 помимо Польши входили: Венгрия, Кипр, Латвия, Литва, Мальта, Словакия, Словения, Чехия, Эстония.

[9] European Commision. URL : http://ec.europa.eu, for free.
[10] Шишелина Л. Н. Вишеградская четверка и Европейский Союз // Соврем. Европа. 2007. № 4. С. 60.
[11] Там же. С. 62–63.
[12] Dudek A. Historia polityczna Polski 1989–2005. Kraków: ARCANA, 2007. S. 422.
[13] Gazeta Wyborcza od 9 czerwieca 2003.
[14] Referendum ogólnokrajowe w sprawie wyrażenia zgody na ratyfikację Traktatu dotyczącego przystąpienia Rzeczypospolitej Polskiej do Unii Europejskiej 2003 / Państwowa Komisja Wyborcza. URL : http://www.referendum2003.pkw.gov.pl, for free.
[15] Ministerstwo Rozwoju Regionalnego. URL : http://www.mrr.gov.pl, for free.
[16] Narodowa Strategia Rozwoju Regionalnego 2001–2006 / MRRiB. URL : http://www.nsrr.gov.pl/NSRR+20012006/, for free.
[17] Informacja o wykorzystaniu w 2002 r. dotacji celowej na dofinansowanie zadań realizowanych w ramach kontraktów wojewódzkich oraz środków na współfinansowanie programów rozwoju regionalnego PHARE / MGPiPS, Departament Wdrażania Programow Rozwoju Regionalnego. URL : http://www.mrr.gov.pl/rozwoj_ regionalny/poziom_regionalny/kontrakty_wojewodzkie, for free. P. 4.
[18] Региональная политика стран ЕС / отв. ред. А. В. Кузнецов ; Центр европ. исслед. ИМЭМО РАН. М. : ИМЭМО РАН, 2009. С. 153.
[19] Informacja o wykorzystaniu w 2002 r. dotacji celowej na dofinansowanie zadań realizowanych w ramach kontraktów wojewódzkich oraz środków na współfinansowanie programów rozwoju regionalnego PHARE / MGPiPS, Departament Wdrażania Programow Rozwoju Regionalnego. URL : http://www.mrr.gov.pl/rozwoj_ regionalny/poziom_regionalny/kontrakty_wojewodzkie, for free. P. 2.
[20] Comprehensive monitoring report on Poland's preparations for membership / European Commission. Brussels, 2003. URL : http://ec.europa.eu/enlargement/press_corner/key-documents/index_archive_en.htm, for free. P. 3–4.
[21] Чеклина Т. Н. Влияние вступления Польши в Евросоюз на ее экономику и торговую политику // Внешнеэкон. бюл. 2008. № 6. С. 40.
[22] Осторожно история : Россия и Польша – враги или друзья. Интервью с чрезвычайным полномочным послом Польши в России Ежи Баром и писателем Виктором Ерофеевым / Радио Эхо Москвы. URL : http://echo.msk.ru/programs/att-history/698941-echo/, свободный.

М. В. Славкина

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ НЕФТЯНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ: МОБИЛИЗАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ

Вопрос об определении мобилизационной модели экономического развития является дискуссионным. Так, классическое определение мобилизационности дал А. Г. Фонотов, выдвинув в качестве основополагающих критериев «развитие, ориентированное на достижение чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм»[1]. Другие исследователи, в частности, С. Ю. Глазьев подчеркивал, что: «…мобилизационная экономика – это такая система регулирования экономической деятельности, которая позволяет обеспечить максимально полное использование имеющихся производственных ресурсов. Не стоит думать, что мобилизационная экономика может быть только директивная или административная». Академик Л. И. Абалкин дал следующее определение: «Я бы трактовал мобилизационную экономику как антикризисную экономику, связанную с чрезвычайными обстоятельствами». Ю. П. Бокарев подчеркивал, что «мобилизационной может быть лишь экономическая стратегия государства, когда оно принимает

на себя выполнение всех тех необходимых экономических функций, с которыми по тем или иным причинам не справляется экономика свободного предпринимательства. Обычно так происходит в периоды национальных бедствий: войны, экономические кризисы, голодовки, эпидемии и т. д.»[2].

В данной статье предлагается авторское видение термина мобилизационного экономического проекта, а в качестве главных выделяются следующие положения: 1) направленность на достижение некой чрезвычайной (сложной и масштабной) цели; 2) цель проекта может охватывать как некий уникальный технологический процесс, так и отрасль и даже группу отраслей народного хозяйства; в региональном отношении проект может ограничиться одним или несколькими регионами, страной в целом; 3) мобилизационный проект – не признак плановой экономики или антипод рыночной системы в ее современном виде, но, очевидно, в реализации мобилизационных проектов роль государства возрастает (как показывает исторический опыт, формы и проявления государственного участия могут быть самыми разными); 4) при формировании мобилизационного проекта велика роль внешнего фактора (нередко мобилизационный проект формируется как ответ на потенциальную угрозу или дестабилизацию извне, – отсюда, как правило, сжатость сроков выполнения мобилизационного проекта); 5) понятие мобилизационного проекта само по себе крайне условно, а реализация и итоги таких проектов существенно зависят от конкретно-исторических условий их осуществления.

Приведем два примера реализации крупных отраслевых проектов в отечественной нефтяной промышленности. Отметим также, что именно эти проекты заложили основу современного российского нефтегазового комплекса, который занимает лидирующие строчки в мировом рейтинге стран, добывающих нефть и газ.

Таблица 1

Россия – углеводородный лидер мира, 2010

Страны	Добыча нефти, млн т	Добыча газа, млрд т	Добыча условных углеводородов
Россия	505,1	588,9	1094
США	339,1	611,0	950,1
Саудовская Аравия	467,8	83,9	551,7
Иран	203,2	138,5	341,7
Канада	162,8	159,8	322,6
Китай	203,0	96,8	299,8
Мексика	146,3	55,3	201,6
Венесуэла	126,6	28,5	155,1

Источник: BP Statistical Review of World Energy June 2011. URL : http://www.bp.com/statisticalreview.

Освоение Урало-Поволжской нефтегазоносной провинции («Второго Баку»). Так сложилось, что после завершения Великой Отечественной войны нефтяная промышленность и, прежде всего, ее главный район Баку, с честью выполнив задачу обеспечения фронта и тыла ГСМ, находились в крайне тяжелом состоянии. Если в 1940 г. добыча нефти в СССР составляла 31,1 млн т, то в 1945 г. – 19,4 млн т. Однако перед страной стояли задачи скорейшего восстановления народного хозяйства, завершения индустриализации, обеспечения обороноспособности страны, а также экономической помощи странам, вошедшим в блок влияния Советского Союза. Перед нефтяниками были поставлены новые задачи роста производства.

Так, 9 февраля 1946 г. И. В. Сталин на собрании Сталинского избирательного округа г. Москвы в Большом театре дал установку выйти к 1960 г. на уровень добычи 60 млн т[3]. А чтобы обеспечить подобные темпы развития в указанные сроки, требовалось не просто хотя бы вернуться к довоенным темпам развития отрасли, но и существенно превзойти их.

Простейшие расчеты показывают, что, если в 1928–1940 гг. ежегодный прирост добычи нефти составлял примерно 1,6 млн т, то для выполнения намеченных 60 млн т этого уже было недостаточно и требовалось каждый год наращивать добычу на 3 млн т нефти. Т. е. нефтяники должны были увеличить темпы прироста нефтедобычи практически в два раза. В условиях послевоенной ситуации для нефтяной отрасли подобные установки означали чрезвычайный мобилизационный сценарий развития, в который заведомо закладывались крайне напряженные контрольные цифры и ограниченность материальных и трудовых ресурсов. Тогдашний нарком нефтяной промышленности СССР Н. К. Байбаков позже вспоминал, что был без преувеличения в ужасе от услышанной цифры.

Мировая практика знает два общих направления развития нефтяной отрасли. Первый путь – интенсивный, позволяющий в рамках единого нефтегазоносного бассейна за счет совершенствования технологий и производственных процессов повысить продуктивность скважин, вовлечь в разработку трудно извлекаемые запасы, переходить к более глубоким залежам и в конечном итоге наращивать или стабилизировать добычу нефти в данном бассейне. К интенсивному направлению развития относится также выход в рамках одного бассейна на площади, которые по каким-то причинам ранее были недоступны – прежде всего, речь идет о залежах, расположенных на акваториях. Как правило, данный путь развития присущ для стабилизации и поддержания уровня нефтедобычи в регионах, которые характеризуются зрелой и поздней стадией разработки нефтяных объектов.

Второй путь развития отрасли условно можно считать экстенсивным. Он предполагает выход в новые перспективные районы и ввод в эксплуатацию высокоэффективных нефтяных месторождений, целых нефтегазоносных районов или даже провинций. В этом случае определяющим является природно-геологический фактор, который обеспечивает высокую отдачу капиталовложений и стремительный рост нефтедобычи[4]. На языке экономических терминов это называется использование сравнительных естественных преимуществ[5]. Тем не менее, следует избегать представления о том, что это некий примитивный и низкотехнологичный способ развития отрасли. Как правило, выход в новые сырьевые районы влечет за собой значительной рывок вперед научной мысли, стимулирует развитие геологии, машиностроения (идет адаптация отрасли к новым природным условиям), строительства и т. д.

Выполняя поставленную руководством страны задачу, нефтяники действовали обоими способами. Интенсивный путь был характерен для старых нефтедобывающих районов и, прежде всего, Азербайджанской ССР, Чечено-Ингушской АССР и Краснодарского края, где задачей № 1 считалось не столько увеличение добычи нефти, сколько ее поддержание на определенном уровне. Для каждой из указанных нефтяных баз были характерны свои особенности и собственный путь интенсификации производства. Для Краснодарского края большое значение имели новаторские методы повышения нефтеотдачи, такие как газовое воздействие на пласт и термические методы добычи нефти. Развитие грозненской нефтедобычи обеспечивалось главным образом совершенствованием геологических методов поиска, а также освоением новых методов бурения наклонно направленных скважин, а также переход к освоению залежей на больших глубинах (Новогрозненское месторождение)[6]. Генеральной линией развития бакинской нефтяной промышленности стал быстрый выход на морские объекты в Каспийском море. Из табл. 2 видно, что к 1965 г. традиционные базы нефтяной промышленности либо почти восстановили довоенные показатели (Баку), либо даже существенно их превзошли (Грозный и Краснодар). В любом случае по сравнению с 1945 г. наблюдался значительный – почти в 2–3 раза – рост. Учитывая длительность эксплуатации этих нефтеносных провинций и последствия «шокового» развития военного времени (особенно для Азербайджана), приведенные цифры нефтедобычи можно рассматривать как весьма высокий результат.

Таблица 2

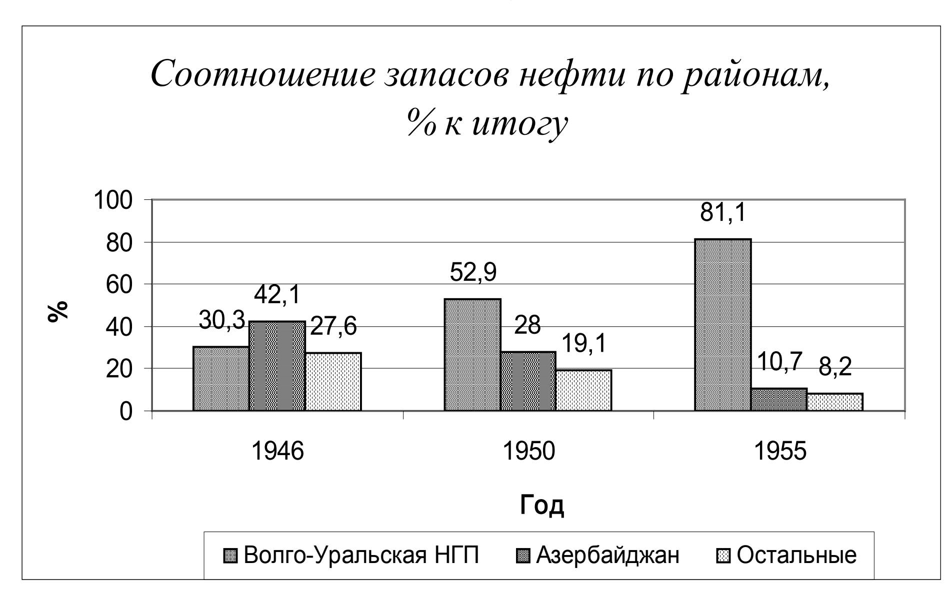
Добыча нефти в Азербайджанской ССР, Чечено-Ингушской АССР и Краснодарском крае, млн т

Районы	1940	1945	1950	1955	1960	1965
Азербайджанская ССР	22,2	11,5	14,8	15,3	17,8	21,5
Чечено-Ингушская АССР	2,2	0,9	2,4	2,1	3,3	8,7
Краснодарский край	2,2	0,8	3,14	4,07	6,8	5,3

Источник: Мальцев Н. А., Игревский В. И., Вадецкий Ю. В. Нефтяная промышленность России в послевоенные годы. С. 93.

Однако чтобы выйти на качественно иной путь развития, требовалась новая мощная ресурсная база. И такой базой стало Волго-Уральская НГП, иначе называемая «Второе Баку». В административном отношении, если пользоваться современными обозначениями, Волго-Уральская НГП включает Татарскую, Башкирскую, Удмуртскую республики, Саратовскую, Оренбургскую, Самарскую, Волгоградскую, Пермскую области, а также частично земли Ульяновской и Свердловской областей[7]. Схематично «Второе Баку» образует огромный четырехугольник Киров – Пермь – Оренбург – Саратов (в послевоенном варианте Киров – Молотов – Чкалов – Саратов)[8]. Это довольно обширная территория (около 700 тыс. км^2), и по своим размерам она значительно превосходит территорию таких государств, как, например, Франция или Германия.

Попытки нарастить добычу в Волго-Урале предпринимались еще в 1930-е гг. Однако именно в годы войны здесь было сделано открытие, изменившее перспективы «Второго Баку». В 1944 г. была обнаружена нефть в девонских отложениях сначала на территории Куйбышевской области, а затем в Башкирии. В 1948 г. в результате бурения на девон было открыто крупнейшее отечественное месторождение того времени – знаменитое Ромашкинское месторождение – Ромашка, расположенная на территории Татарской АССР. По запасам нефти Волго-Уральская НГП становится крупнейшей базой.

Источник: Мальцев Н. А., Игревский В. И., Вадецкий Ю. В. Нефтяная промышленность России в послевоенный период. С. 78.

Если проанализировать в послевоенное двадцатилетие динамику добычи нефти во «Втором Баку» и в остальных нефтедобывающих районах страны, видно, что после короткого начального периода освоения, уже с начала 1950-х гг., Урало-Поволжье обеспечивало ос-

новные приросты количества добываемого «черного золота», тогда как все вместе взятые другие нефтяные районы (Азербайджан, Северный Кавказ, Украина, Грузия, Среднеазиатские республики, Коми АССР и Сахалинская область) имели гораздо меньший рост. За пятилетие с 1950 по 1955 гг. добыча нефти во «Втором Баку» выросла почти с 11 до 41,2 млн т (то есть чуть меньше, чем в 4 раза), а во всех остальных районах сохранила почти прежний уровень 26–29 млн т – рост составил 10 %. С 1955 по 1960 г. производство «черного золота» во «Втором Баку» увеличилось в 2,5 раза и превысило рубеж 100 млн т. Во всех остальных районах добыча нефти в 1960 г. составила величину в 2,4 раза меньшую, чем по Урало-Поволжью – 43 млн т. В 1965 г. разрыв увеличился еще больше – добыча нефти Волго-Уралльской НГП выросла до 173,6 млн т, а по остальным районам – до 68,2 – то есть разница составила более, чем 2,5 раза. С начала 1950-х гг. другие нефтедобывающие районы страны, число которых в рассматриваемый период оставалось неизменным, уже не могли соперничать со стремительно набирающим темпы Урало-Поволжьем и обеспечивать сравнимые уровни нефтедобычи. С начала 1950-х гг. «Второе Баку» по всем показателям уверенно вышло на первое место и к 1965 г. добывала уже порядка 72 % «черного золота» от общей добычи по стране. Среди всех районов Урало-Поволжья особенно выделялись два региона: это лидирующая до 1956 г. Башкирия и сменившая ее в последующие годы Татария. В общей сложности в послевоенное двадцатилетие на их долю приходилось от 50 до 70 % всей добычи Волго-Уральской НГП.

Таблица 3

Добыча нефти в 1945–1965-е гг. (млн т)

Год	СССР	Волго-Уральская НГП	Остальные районы (не Урало-Поволжье)	Башкирия	Татария
1945	19,4	2,81	16,58	1,3	0,007
1950	37,9	10,98	26,92	5,6	0,867
1955	70,8	41,20	29,60	15,3	13,3
1960	147,2	104,29	42,90	28,8	42,8
1961	165,4	118,65	46,72	31,9	49,3
1962	185,5	134,78	50,69	35,2	57,3
1963	205,2	150,28	54,96	38,4	64,7
1964	222,6	162,34	60,26	41,3	70,8
1965	241,7	173,55	68,18	43,9	76,5

Источник: Данные В. П. Патера; Нефть и газ республики Татарстан : сб. док., цифр, материалов. Т. 2. 1950–1975 гг. М. : Недра, 1993. С. 379; Нефть и газ Башкирии. М. : Недра, 1982. С. 5.

Уникальная сырьевая база Урало-Поволжья разрабатывалась с высокой эффективностью. Себестоимость урало-поволжской нефти была гораздо ниже, чем по другим регионам. Если в начале 1960-х гг. себестоимость добычи тонны нефти в Азербайджане составляла 7 р. 43 коп., в Краснодарском Крае – 5 р. 38 коп., а в Туркмении – 4 р. 23 коп., то во «Втором Баку» по различным областям себестоимость тонны «черного золота» колебалось от 1 р. 33 коп. (Татария) до 3 р. 74 коп. (Оренбургская область)[9]. И это даже без учета стоимости транспортировки нефти к потребителю, которая для волго-уральской нефти в целом была гораздо ниже, чем для других районов[10].

Столь эффективному и быстрому освоению «Второго Баку» (за двадцать лет нефтедобыча выросла в 62 раза!) способствовало несколько обстоятельств. Прежде всего, как и ожидалось, быстрый и значительный эффект был получен благодаря природно-геологической составляющей – прекрасные потребительские характеристики девонской нефти, высокие дебиты (100 т – отнюдь не редкость), огромные запасы «черного золота» и т. д.

Благоприятствовал и географический фактор. «Второе Баку» находилось в исключительно благоприятных экономико-географических условиях, располагалось как раз посредине между двумя крупнейшими индустриальными базами страны: Центральным экономическим районом и индустриальным Уралом; обладала благоприятными ландшафтами и климатическими условиями для жизни людей. Можно было оперативно и без лишних издержек подвозить оборудование, обустраивать нефтепромыслы и города нефтяников, переправлять нефть и нефтепродукты в основные районы потребления.

Быстрому освоению Урало-Поволжья способствовало и пристальное внимание руководства страны к этому отраслевому проекту. Особенно это проявлялось на начальном, супермобилизационном этапе развития региона. По мемуарным свидетельствам и архивным данным известно, что освоение «Второго Баку» (впрочем, как и нефтяную отрасль в целом) курировал Л. П. Берия. Именно через него проходили все согласования и утверждения основных руководящих кадров, а с начальниками объединений и трестов «Второго Баку» у него были непосредственные контакты. Л. П. Берия принимал решения по выделению спецконтингента (военнопленных и заключенных) для нефтяной промышленности[11]. Его заботой было снабжение нефтяников необходимыми материалами, взаимодействие с другими ведомствами. Сохранились архивные материалы, как, например, куратор нефтяной отрасли решал, сколько выделить для рабочих сборных жилых домов[12], как обеспечить дополнительные цистерны для вывоза нефти[13], что сделать для увеличения фонда автомашин[14], или как закупить через Нарокмвншеторг 100 тысяч джутовых мешков для обеспечения ими завода тампонажного цемента[15].

Как вспоминают сами нефтяники, после 1953 г. многие вопросы развития отрасли стало решать сложнее. Н. С. Хрущев придерживался политики децентрализации хозяйственного управления и путем введения совнархозов в 1957 г. старался сделать так, чтобы большинство хозяйственных вопросов решалось на местном уровне, без вмешательства высшего руководства. Конечно, в таких условиях планово-распорядительному хозяйству советской административно-командной системы было уже сложнее реагировать на нужды нефтяников[16]. Но к тому времени «Второе Баку» уже прошло самый трудный начальный период освоения и вступил на планомерный путь развития.

Высока была и инновационная составляющая освоения «Второго Баку». Столкнувшись с новой, уникальной и не похожей на другие «старые» нефтедобывающие районы провинцией, они не просто по старинке добывали нефть, а изыскивали новые, более совершенные методы разработки месторождений, которые впоследствии выдержали проверку временем и обогатили технико-технологическую копилку отечественной нефтяной промышленности. Так, при освоении «Второго Баку» стали широко применяться, например, комплексный подход, скоростное бурение (турбобур), крупноблочное строительство, искусственное поддержание пластового давления (законтурное заводнение и «наиболее передовая технология» – внутриконтурное заводнение) и многое-многое другое[17]. К работе в Урало-Поволжье привлеклись именитые ученые страны, создавались и организовывались специальные научные центры, приглашались лучшие специалисты. Благодаря новым методам и технологиям существенно убыстрялся процесс ввода в строй новых месторождений, увеличивалось извлекаемое количество запасов и существенно снижались производственные издержки. Изначальная ставка на природно-геологическую составляющую, таким образом, дополнялась технико-технологическим достижениями, что делало освоение Волго-Уральской провинции еще более стремительным и эффективным.

Освоение месторождений Урало-Поволжья стимулировало технический прогресс и в смежных отраслях. Характерный пример этого явления прослеживается по серии архивных документов о бурении сверхглубоких скважин в Башкирской АССР. В августе 1960 г. секретарь Башкирского Обкома КПСС З. Нуриев и Председатель Башкирского совнархоза

С. Кувыкин обратились в Бюро ЦК КПСС по РСФСР с просьбой рассмотреть вопрос о бурении сверхглубоких скважин. В записке подчеркивалось: «Небольшой объем проведенных геолого-разведочных работ по бурению сверхглубоких скважин в Башкирии, показывает возможность открытия крупных залежей нефти и газа в додевонских отложениях, залегающих на глубинах, превышающих 3500–4500 м. В ближайшие два года на территории Башкирии планируется бурение 10 сверхглубоких скважин. Однако до сего времени при бурении сверхглубоких скважин в Башкирии максимально достигнутая глубина их не превышает 3600 м. Дальнейшее углубление скважин сопряжено со значительными трудностями технического и технологического характера…»[18].

В результате по поручению ЦК КПСС Госпланом СССР совместно с Госпланом РСФСР было подготовлено и принято постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению техники и организации бурения нефтяных и газовых скважин». Проектом было предусмотрено: 1) «разработка и изготовление новых более совершенных буровых установок»; 2) «производство высокопрочных тонкостенных обсадных и бурильных труб в необходимых количествах»; 3) «проведение экспериментальной и промышленной проверки работоспособности бурильных труб из алюминиевых сплавов»; 4) «организация производства алмазных и гидромониторных долот»; 5) «разработка и организация производства необходимых химреагентов»; 6) «разработка конструкций и производство противовыбросовой арматуры для высоких давлений, в том числе и вращающихся превенторов»; 7) «создание специальной аппаратуры для замера скважинных параметров в условиях больших глубин и высоких температур». То есть для решения отраслевой специальной задачи был привлечен комплекс отраслей (металлургическая, химическая, машиностроительная), а также научные организации соответствующего профиля[19].

Освоение нефтяных ресурсов Урало-Поволжья простимулировало индустриальное развитие региона. Например, в короткие сроки на базе нефтяной отрасли в Татарской АССР была создана развитая промышленность, а Республика превратилась в индустриально развитый район. В апреле 1957 г. первый секретарь Татарского обкома КПСС З. Муратов в записке в ЦК КПСС о дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством в Татарской АССР отмечал: «В Татарской АССР создана и развивается крупная многоотраслевая промышленность. Ведущими ее отраслями являются – нефтяная, машиностроительная, химическая и легкая промышленность. За последние годы быстро наращиваются энергетические мощности, развиваются железнодорожный, водный и трубопроводный транспорт. Создается газовая промышленность. В больших масштабах ведется капитальное строительство. В настоящее время в республике насчитывается 755 предприятий, с объемом валовой продукции 12 млрд р. В промышленности занято 246,7 тыс. рабочих и служащих, в том числе 19,7 тыс. инженерно-технических работников. <…> Строительством в республике занимаются 19 строительных трестов и 57 самостоятельных строительных организаций, с объемом строительно-монтажных работ 1,4 млрд р. В строительстве занято 74 тысячи рабочих и служащих, в том числе 3,6 тысячи инженерно-технических работников. <…>. В республике насчитывается 9 научно-исследовательских учреждений промышленного профиля, 12 проектных организаций, 10 конструкторских бюро, 11 высших учебных заведений, в том числе 3 промышленного профиля и из 40 – 11 промышленных техникумов»[20].

Форсированное развитие НГК отражало передовые тенденции, характерные для индустриального развития. Во-первых, шла стремительная моторизация мировой экономики, а, следовательно, нефти требовалось все больше и больше. Во-вторых, с развитием индустриального общества набирали остроту такие вопросы, как борьба за повышение эффективности производства. Понятно, что для СССР, который обладал значительными углеводородными ресурсами, ситуация складывалась более, чем благоприятно. Более того, важнейшие энер-

гоносители – дешевые и в больших количествах – не только обеспечивали другие отрасли топливом и энергией, но и в определенной мере стимулировали модернизационные процессы, связанные с завершением построения индустриальной экономики, базировавшейся на суперсовременном топливно-энергетическом фундаменте.

Какие это отрасли? Прежде всего, транспорт, который демонстрировал бурный рост. За 20 лет грузо- и пассажироперевозки выросли соответственно в 7,4 и 5,4 раза[21]. При этом развитие транспорта сопровождалось качественными изменениями. Транспортная система приобрела гораздо более прогрессивную структуру: развивалась гражданская авиация (по сравнению с 1940 г. рост пассажироперевозок составил 190 раз!)[22], заметную роль стал играть автомобильный грузовой и пассажирский транспорт (за двадцать лет перевозки выросли соответственно в 29 и 240 раз!), на железных дорогах в локомотивном парке стал лидировать тепловоз (в 1965 г. его доля составляла 45 %)[23]. Огромную страну объединила развитая транспортная система, одна из самых совершенных в мире. В удаленные уголки страны стали летать новенькие самолеты, ходить современные тепловозы. Доступность билетов, обеспеченная в том числе и низкой себестоимостью топлива, давала возможность людям активно ездить по стране, путешествовать, навещать родных и близких.

Существенной была нефтяная компонента и в модернизации строительства. На смену лагерному труду с механизацией в виде тачки двуручной (или как ее называли, «машины ОСО (особое совещание) – два руля, одно колесо) пришел технологический процесс с использованием разнообразной строительной техники. С 1950 по 1965 г. оснащенность экскаваторами, бульдозерами и передвижными кранами выросла соответственно в 33, 86 и 76 раз[24]. Такой бурный рост техники также требовал соответствующих количеств доступных нефтепродуктов.

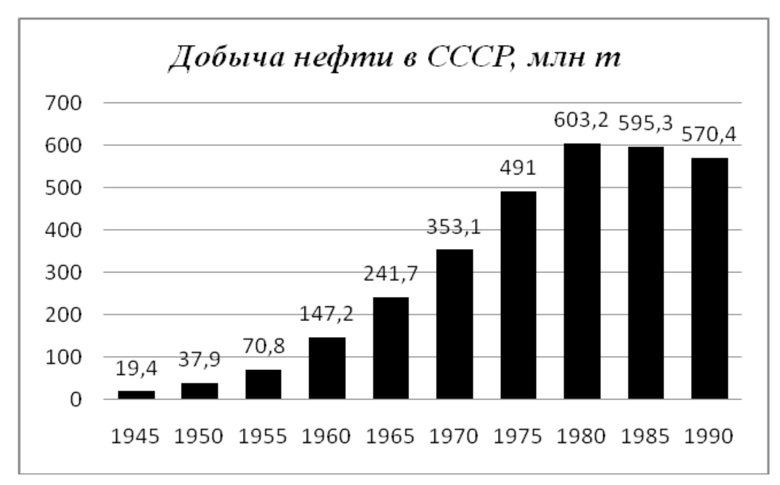
Даже село, переживающее нелегкие времена, ощутило живительный эффект «черного золота». Тысячи тракторов, комбайнов и другой техники пришли на поля и поддержали производительность труда, не допустив стремительного развала аграрного сектора. Энерговооруженность одного работника выросла с 1,7 л. с. в 1950 г. до 7,7 л. с. в 1965 г., т. е. в 4,5 раза. К началу 1960 г. было механизировано около 98 % посевных работ и порядка 92–94 % работ по уборке зерновых культур[25].

На индустриальном этапе мобилизационный проект по освоение «Второго Баку» являлся необходимой составной частью проведения широкомасштабной модернизации народного хозяйства и отражал объективные тенденции углеводоризации экономики.

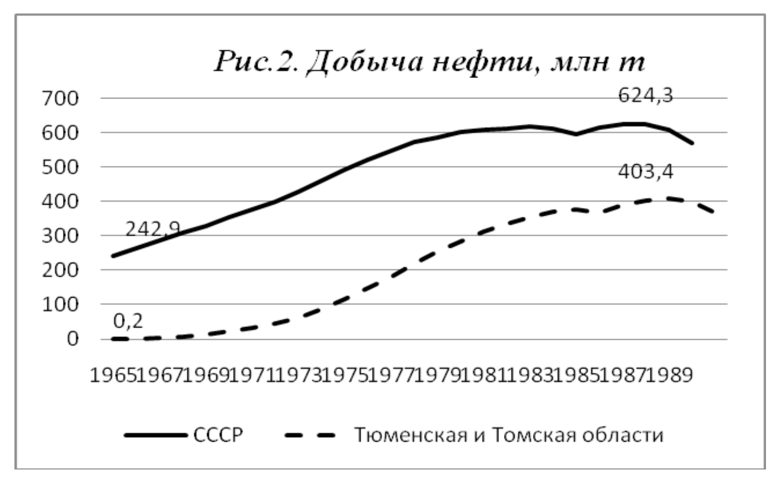
Западно-Сибирский проект. Новым фактором развития отечественной экономики в целом и нефтегазового комплекса в частности стало открытие в первой половине 1960-х гг. уникальных запасов нефти и газа в Западной Сибири. Страна стала обладательницей крупнейшей в мире ресурсной базой – Западно-Сибирской нефтегазоносной провинцией: это уникальные месторождения нефти в Широтном Приобье (такие, как Мегионское, Усть-Балыкское, Федоровкое, Мамонтовское, Самотлор), а также не имеющие аналогов запасы газа в Ямало-Ненецком автономном округе. Конечно, имелось одно, существенное «НО». Ресурсная база размещалась в крайне тяжелых климатических и инфраструктурных условиях: болота, низкие температуры в зимний период, необжитые места, отсутствие коммуникаций и бытовых условиях. Тем не менее, в 1960-е гг. была развернута беспрецедентная программа по освоению тюменских недр. С нуля в сложнейших условиях были построены дороги, электростанции, промыслы, города и поселки.

С освоением западно-сибирских месторождений союзная добыча углеводородов вышла на совершенно новый уровень. К концу 1980-х гг. Западная Сибирь обеспечивала порядка 65 % общей добычи нефти и порядка 56 % общей добычи газа. Советский Союз стал бесспорным нефтегазовым лидером в мире – в 1975 г. страна опередила США по добыче нефти, а в 1983 г. – и по добыче газа. Пиковое значение по «черному золоту» было достигнуто в

1988 г. и составило свыше 624 млн т. Максимальная добыча газа была отмечена в 1990 г. и составила 747,7 млрд м куб. Энергетические позиции СССР в 1960–1970 гг. были как никогда прочными. Более того, у страны имелись ресурсы не только для покрытия собственных потребностей, но и для массированного выхода на западные рынки.

Источник: Народное хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1990. С. 54; Народное хозяйство СССР в 1960 г. М., 1961. С. 262; Народное хозяйство СССР в 1970 г. М., 1971. С. 183; Народное хозяйство СССР в 1987 г. С. 122; Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 397.

Источник: Биография великого подвига. Екатеринбург, 2003. С. 207.

Осенью 1973 г. в мире произошло событие, имевшее принципиальное значение для развития энергетических процессов и экономики в целом. В результате четвертой арабо-израильской войны и нефтяного эмбарго цены последовал более чем трехратный скачок цен на углеводородное сырье. «Эра дешевых ресурсов» закончилась. А далеко идущие последствия нефтешока 1973 г. привели к развитию энергосберегающих технологий и формированию экономики принципиально иного типа – постиндустриальной, когда закрепляются приоритеты за 1) производством товаров, потребляющих мало сырья и энергии, 2) сферой услуг, где главным фактором является квалифицированный труд, 3) роботизацией и автоматизацией (как основой будущей компьютерной революции). Иначе говоря, экономика Запада в рамках перехода к постиндустриализму стала развиваться в рамках главенства квалифицированного труда с постепенным уменьшением роли ресурсов (хотя зависимость от ресурсов оставалась громадной)[26].

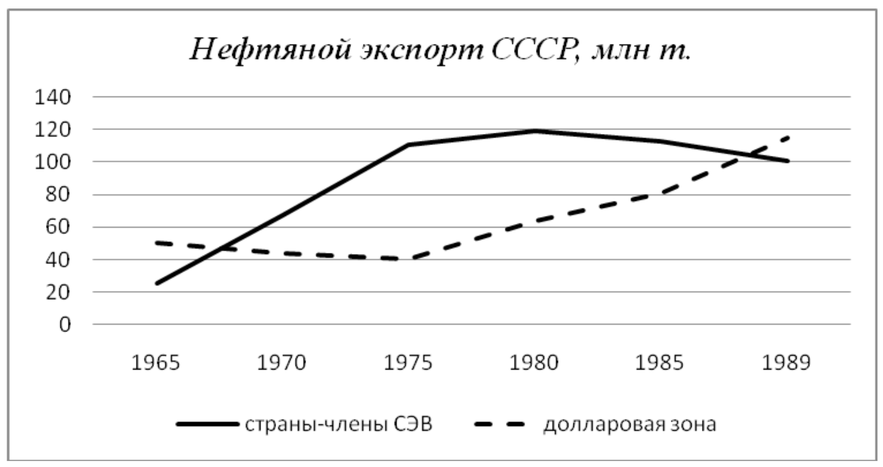
Для СССР же ситуация была принципиально иной. Энергетический кризис 1973 г. открывал новые возможности для развития экспортной составляющей нефтегазового комплекса. Если в 1965 г. СССР вывозил порядка 75,7 млн т нефти и нефтепродуктов, пересчитанных на нефть (исходя из коэффициента 0,65), то через 10 лет этот показатель увеличился почти в два раза и составил 150,5 млн т, а к 1988 г. вырос до пиковых значений 237,8 млн т. При этом на основе сведения разрозненной статистической информации и ее обработки выявлено, что, начиная с середины 1970-х гг., главным тенденциями в развитии нефтяного экспорта явились 1) стабилизация поставок в страны-члены СЭВ (они держались на уровне 100–115 млн т нефти и нефтепродуктов, пересчитанных на нефть) и 2) наращивание объемов продаж в долларовую зону (если в 1975 г. этот показатель составлял 40,2 млн т, то ко второй половине 1980-х гг. превысил 100 млн т). Проведенный анализ доходов СССР от экспорта «черного золота» в долларовую зону за свободно конвертируемую валюту показал, что за двадцатилетие (1965–1985 гг.) этот показатель увеличился в 19,2 раза и к середине 1980 гг. составил 12,8 млрд долл. в год (отметим, что максимальный уровень доходов от нефтяного экспорта по нашим расчетам пришелся на 1981 г. и превысил 15 млрд долл.). Очевидно, что в 1970-е гг. у страны появился и в 1980-е гг. усилился совершенно новый фактор развития – значительные финансовые поступления от экспорта нефти и нефтепродуктов. А ведь был еще и экспорт газа.

Таблица 4

Нефтяной экспорт СССР, млн т

Год	Нефть	Нефтепродукты, пересчитанные на нефть	Общий нефтяной экспорт
1965	43,4	32,3	75,7
1970	66,8	44,6	111,4
1975	93,1	57,4	150,5
1980	119	63,5	182,5
1985	117	76,5	193,5
1989	127,3	88,3	215,6

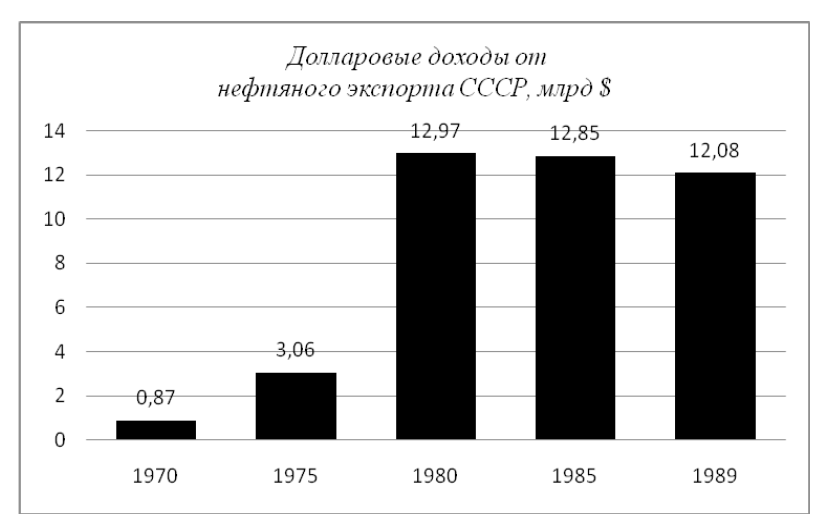
Источник: Внешняя торговля СССР в 1965 г. С. 27; Внешняя торговля СССР в 1971 г. С. 27; Внешняя торговля СССР в 1975 г. С. 26; Народное хозяйство СССР в 1988 г. С. 637; Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 645.

Источник: Внешняя торговля СССР в 1965 г. М., 1966. С. 27, 70, 71; Внешняя торговля СССР в 1971 г. М., 1972. С. 27; Внешняя торговля СССР в 1975 г. М., 1976. С. 26; Народное хозяйство СССР в 1988 г. М., 1989. С. 637; Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 645; Статистический ежегодник. Страны-члены СЭВ в 1970 г. М., 1971. С. 362, 366, 370, 374, 378, 386; Статистический ежегодник. Страны-члены СЭВ в 1977 г. М., 1978. С. 338, 347, 355,

358, 362, 369, 374, 388; Статистический ежегодник. Страны-члены СЭВ в 1980 г. М., 1981. С. 357, 365, 368, 369, 372, 379, 384, 397; Статистический ежегодник. Страны-члены СЭВ в 1984 г. М., 1985. С. 319, 327, 330, 334, 341, 346, 358, 359.

Каким же образом советское руководство распорядилось колоссальными финансовыми поступлениями? В начале 1970-х гг. у страны имелся уникальный шанс для совершения нового модернизационного рывка. Перед страной стояла задача развития реформы 1965 г., которая в начале 1970-х гг. начала давать сбои: доходы населения росли быстрее, чем товарное покрытие, предприятия стали увеличивать прибыль не за счет эффективности, а путем завышения нормативных цен или снижения качества продукции. С классических экономических позиций было понятно, что надо либо отказываться от введенных рыночных регуляторов, либо продолжать реформу, решая, прежде всего, вопрос с оптовым ценообразованием и распределением ресурсов. Однако в тот момент, когда имелись все предпосылки перейти к следующему этапу реформирования, связанному с разрешением имеющихся противоречий (возможность реализации этого варианта несколькими позже доказали китайские реформаторы во главе с Дэн Сяопином), руководство страны отказывается от сомнительных с идеологической точки зрения преобразований и становится на путь консервации административно-командной системы путем компенсации недостатков работы народного хозяйства растущими доходами от экспорта нефти и газа.

Источник: Авторские расчеты (подробнее Славкина М. В. Триумф и трагедия. М., 2002. С. 152).

Именно в тот период формируется углеводородная зависимость страны. При колоссальных доходах от продажи нефти и газа внешнеторговый баланс СССР этого периода характеризовался практическим равными объемами импорта и экспорта (то есть страна жила по принципу того, что все заработанное на экспорте тратилось на импорт). При этом, как показал анализ внешнеторговой статистики, существенные средства направлялись отнюдь не на модернизационные цели и закупку уникального оборудования и технологий, что было бы логично в условиях охватившей мир научно-технической революции. Так, например, по такому важнейшему показателю, как импорт вычислительной техники (в этой сфере отставание СССР от западных стран увеличивалось с каждым годом), тратились суммы, не достигающие и половины процента от общей величины импорта[27]. Все большие финансовые потоки шли на приобретение за рубежом продовольствия и товаров широкого потребления. Выполненные нами расчеты показали, что только лишь импорт по четырем позициям – зерна, мяса, одежды и обуви – за период с 1965 по 1985 г. вырос почти в 13,6 раз и к сере-

дине 1980-х гг. составил 8,2 млрд долл. Порочность подобного курса проявлялась в том, что растущие закупки продовольствия и одежды не улучшали коренным образом качество жизни населения, а на фоне стагнирующей нереформируемой экономики лишь поддерживали определенный уровень потребления. По данным официальной статистики, начиная со второй половины 1970-х гг., показатели среднедушевого потребления продуктов питания и товаров повседневной необходимости характеризовались отсутствием или крайне незначительной положительной динамикой роста.

Источник: Авторские расчеты (подробнее Славкина М. В. Триумф и трагедия. М., 2002. С. 152).

Работа с архивными документами и непосредственное общение с людьми, допущенными в тот период к принятию важнейших народнохозяйственных решений, выявили, что в конце 1970-х – начале 1980-х гг. высшее руководство страны отдавало себе отчет в сложившейся углеводородной зависимости и, прежде всего, прямой связи обеспечения населения продовольствием и товарами народного потребления, с одной стороны, и экспорта нефтегазовых ресурсов, с другой. По свидетельству В. И. Грайфера, возглавлявшего в 1972–1985 гг. планово-экономическое управление министерства нефтяной промышленности СССР, премьер-министр А. Н. Косыгин лично неоднократно звонил начальнику Главтюменнефтегаза В. И. Муравленко с просьбами: «Виктор Иванович, хлебушка не хватает, дай дополнительные несколько миллионов тонн»[28]. Интересным в этом отношении представляется и сохранившаяся в РГАНИ стенограмма Заседания Политбюро ЦК КПСС (май 1984 г.), на котором обсуждалась просьба румынского правительства о поставках советской нефти. Комментарий Н. А. Тихонова, сменившего А. Н. Косыгина на посту председателя правительства СССР, был однозначным: «…можно было бы согласиться с предложением <…> в обмен на продовольственные и некоторые другие товары»[29].

Таким образом, несмотря на, казалось бы, все имевшиеся к тому предпосылки, углеводороды и их производная – экспорт – в 1970–1980-е гг. сыграли не модернизационную роль, а выступили главным фактором сворачивания реформ. Иллюзия «нефтяного эльдорадо» привела к отказу от сложной и кропотливой работы с собственным народным хозяйством и все большей зависимости страны от конъюнктуры мирового энергетического рынка. В то время, как передовые страны переходили к постиндустриализму, Советский Союз развивался в рамках индустриальной парадигмы, отказываясь от системных реформ и сохраняя и усугубляя противоречия, заложенные в мобилизационной административно-командной системе управления.

Более того, трудности в экономике в целом неблагоприятным образом отражались на развитии западно-сибирского нефтегазового комплекса. Накапливались проблемы в социальной сфере, в экологии, производственном освоении ресурсной базы.

На основе анализа конкретного исторического материала можно сделать вывод о том, что в рамках предложенной концепции нефтегазовых мобилизационных проектов, углеводородный потенциал страны и его промышленная реализация сами по себе не являются ни губителем модернизации, ни панацеей от всех экономических и социальных недугов. НГК – это инструмент освоения природных богатств страны, источник энергетических и финансовых ресурсов. По мере усложнения хозяйства, внутри- и внешнеэкономических связей, роста новых наукоемких отраслей, использование этого инструмента становится более вариативным и требует более тщательной и тонкой настройки, выражающейся в адекватной государственной политике.

Примечания

[1] Фонотов А. Г. Россия : от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993. С. 88.
[2] Бокарев Ю. П. Мобилизационная экономика в России и Германии в годы первой мировой войны. Опыт компаративного исследования // Мобилизационная модель экономики : исторический опыт России XX века : сб. материалов всерос. науч. конф. Челябинск, 2009 г. С. 9.
[3] Речь товарища И. В. Сталина на предвыборном собрании Сталинского избирательного округа г. Москвы // Правда. 1946. № 35.
[4] Ахмедов М., Ахмедов А., Пирвердян А. Больше нефти из каждой скважины // Правда. 1964. № 355.
[5] Самуэльсон П., Нордхаус В. Экономика. М. : Вильямс, 2000. С. 609, 667.
[6] Мальцев Н. А., Игревский В. И., Вадецкий Ю. В. Нефтяная промышленность России в послевоенные годы. М., 1996. С. 93.
[7] Вчера, сегодня, завтра нефтяной и газовой промышленности России. М., 1995 С. 49.
[8] Федоров С. «Второе Баку» в четвертой пятилетке // Красс. Башкирия. 1946. № 33.
[9] Нефтяная и газовая промышленность СССР в цифрах : крат. справ. М., 1964. С. 48–50.
[10] Федоров С. Второе Баку в четвертой пятилетке…
[11] РГАЭ. Ф. 8627. Оп. 13. Д. 150. Л. 20, 21.
[12] РГАЭ. Ф. 8626. Оп. 4. Д. 79. Л. 87.
[13] Там же. Л. 147.
[14] Там же. Л. 15.
[15] РГАЭ. Ф. 8626. Оп. 4. Д. 7. Л. 12.
[16] Мальцев Н. А., Игревский В. И., Вадецкий Ю. В. Нефтяная промышленность России в послевоенный период. С. 60.
[17] Записка в ЦК КПСС от секретаря Обкома КПСС тов. С. Игнатьева «Об утверждении генеральной схемы обустройства Ромашкинского нефтяного месторождения». 24 марта 1960 г. // РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 21. Д. 311. Л. 23.
[18] Записка секретаря Башкирского Обкома КПСС З. Нуриева и Председателя Башкирского совнархоза С. Кувыкина в Бюро ЦК КПСС по РСФСР «О бурении сверхглубоких скважин», август 1960 г. // РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 21. Д. 311. Л. 147.
[19] Записка Госплана СССР и Госплана РСФСР «О бурении сверхглубоких скважин в Башкирской АССР» // РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 21. Д. 311. Л. 151.
[20] Предложения первого секретаря Татарского обкома КПСС З. Муратова по дальнейшему совершенствованию организации управления промышленностью и строительством в Татарской АССР. 26 апреля 1957 г. // РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 21. Д. 40. Л. 112, 113.
[21] Народное хозяйство СССР в 1970 г. М., 1971. С. 427.
[22] Транспорт и связь СССР. М., 1957. С. 7; Народное хозяйство СССР в 1970 г. С. 428.
[23] Народное хозяйство СССР в 1965 г. М., 1966. С. 464.
[24] Народное хозяйство СССР в 1970 г. С. 500.
[25] Славкина М. В. Великие победы и упущенные возможности : влияние нефтегазового комплекса на социально-экономическое развитие СССР в 1945–1991 гг. М., 2007. С. 125.

[26] Красильщиков В. А. Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998. С. 162, 164, 178.
[27] Внешняя торговля СССР в 1971 г. М., 1972. С. 40; Внешняя торговля СССР в 1973 г. М., 1974. С. 40; Внешняя торговля СССР в 1975 г. М., 1976. С. 39; Внешняя торговля СССР в 1977 г. М., 1978. С. 36; Внешняя торговля СССР в 1979 г. М., 1980. С. 36; Внешняя торговля СССР в 1982 г. М., 1983. С. 36; Внешняя торговля СССР в 1984 г. М., 1985. С. 37; Внешняя торговля СССР в 1986 г. М., 1987. С. 37.
[28] Приложение 1. Интервью с В. И. Грайфером // Славкина М. В. Триумф и трагедия. Развитие нефтегазового комплекса в 1960–1980-е годы. М., 2002. С. 193.
[29] РГАНИ. Ф. 89. Оп. 42. Д. 66. Л. 6.

А. И. Тимошенко

МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ РЕШЕНИЯ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ РАЗВИТИИ СИБИРИ В 1920–1930-е ГОДЫ[*]

С первых лет советская власть рассматривала мобилизационные решения в развитии экономики Сибири как наиболее эффективные. Трудовые мобилизации по восстановлению предприятий промышленности и транспорта осуществлялись в регионе по мере прекращения военных действий. Экономический отдел Сибревкома, созданный 10 января 1920 г., строил свою деятельность на мобилизационной основе, так как должен был решать важные для советской власти хозяйственные проблемы в условиях национализированной экономики страны. Впоследствии он был слит со статистическим отделом Сибпромбюро ВСНХ в единый отдел, который в свою очередь явился базой для укрепления и усиления советского управления экономикой Сибири. В его задачи по мере поступления входили организация экономического районирования региона, координация хозяйственной деятельности на его территории, а также проведение научных исследований в области развития производительных сил и разработка на их основе перспективных планов хозяйственного развития.

В феврале 1921 г. экономический отдел Сибревкома стал по сути дела региональной составляющей Государственной плановой комиссии (Госплана), которая в масштабе страны начала разработку основных стратегических направлений перспективного развития экономики. Сибгосплан приступил к работе над составлением годового плана на 1921–1922 операционный год и одновременно начал подготовку перспективного на пятилетие 1921–1925 гг. Государственное планирование охватило 195 государственных предприятий региона с числом рабочих более 80 тыс. чел. Уже через год на них предполагалось добыть около 100 млн пудов каменного угля, произвести 900 тыс. пудов кокса, 103 тыс. пудов стекла, 44,3 тыс. ящиков спичек, 90 тыс. пудов мыла, выплавить 235 тыс. пудов чугуна, 153 тыс. пудов железа, заготовить 900 тыс. куб. саж. древесины и т. д.[1]

По воле обстоятельств сибирские перспективные планы хозяйственного развития были разработаны одними из первых в стране. Они не только представляли собой некий опыт стратегического планирования, полученный ещё в досоветский период, но и намечали направления социально-экономического развития региона на очень длительную перспективу по пути индустриализации. Дальнейшее совершенствование регионального и отраслевого планирования, централизованного управления экономикой не изменили этого главного направления в прогнозировании развития Сибири.

Уже в первых вариантах перспективных планов, составленных Сибирской плановой комиссией по рекомендации консультантов Госплана, рассматривались возможности тру-

* Подготовлено при поддержке РГНФ, проект №11-01-00504а.

довых мобилизаций для реконструкции и перевооружения промышленных предприятий, а также строительства новых индустриальных производств. При последующей разработке направлений социально-экономического развития Сибири мобилизационные принципы стали ещё более ярко выраженными. Мобилизация населения и ресурсов, разработка специальной мобилизационной стратегии рассматривались в качестве главных факторов для хозяйственного развития региона[2]. Это сочеталось с принципами организации советской государственной системы, устроенной на основе жесткого административного управления страной из единого политического центра. В условиях государственной собственности на все ресурсы и средства производства политический центр являлся одновременно и центром экономического управления. Кроме того, влияние оказывали особенности послевоенного восстановления страны, которые требовали сами по себе мобилизационных методов, что незамедлительно проявилось в структуре органов государственного управления, устроенных по принципам военной организации с подчинением по вертикали, в которой всё больший вес приобретали партийные комитеты, постепенно сосредоточившие в своих руках всю полноту государственной власти. В резолюциях партийных съездов, пленумов и конференций стали обозначаться все основные направления государственной политики не только в области политического развития СССР, но и социального и экономического.

Всеобщее государственное планирование со временем превратилось в главный механизм мобилизующего воздействия государства на экономическое развитие. Государственная плановая комиссия СССР стала одновременно и мозговым, и информационным центром для разработки советской экономической мобилизационной стратегии. Вначале Госплан выполнял роль только консультативного органа в экономическом управлении, но затем к концу 1920-х гг. он превратился в директивный, получивший широкие властные полномочия по управлению развитием всех регионов страны. Верховными арбитрами всего происходящего стали Политбюро и аппарат ЦК ВКП (б). Мобилизационная стратегия в советской государственной политике была зафиксирована в законах, заложена в устройстве государственного аппарата административно-бюрократического типа, в репрессивно-карательной системе, что в целом способствовало мобилизации всего общества на решение национальных задач и одновременно позволяло контролировать и регулировать общественные процессы.

Острая необходимость в использовании мобилизационных методов в мирное время проявилась с началом модернизационных преобразований в экономике СССР в конце 1920-х – 1930-е гг., когда начали реализовываться идеи форсированной коллективизации сельского хозяйства, модернизации промышленности на базе индустриализации. Руководство страны объявило курс на «развернутое строительство социализма», что было обозначено в качестве главной общественной цели на съездах ВКП (б), записано в директивах пятилетних планов. Государственная мобилизационная стратегия получила как идеологическое, так и административно-организационное и юридическое обоснование. В разряд мобилизационных были зачислены не только материально-технические и финансовые ресурсы государства, но и духовно-нравственные и национально-патриотические способности населения. С помощью развернутой агитации и пропаганды социалистических ценностей удалось создать в обществе определенную атмосферу, которая обеспечила, особенно среди молодёжи, трудовой подъём и энтузиазм, подпитывавшие затем долгие годы мобилизационные настроения населения СССР.

В отечественной историографии последних десятилетий встречаются крайне противоречивые оценки государственных решений мобилизационного типа в 1920–1930-е гг. Одни авторы доказывают необоснованность мобилизационных мероприятий и их высокую социальную цену. Другие склонны преувеличивать их значимость, считая, что только они смогли обеспечить стране независимость и положение в мире, в исторически короткие сроки позволили модернизировать экономику страны и подготовили её к адекватному противо-

стоянию вызовам времени. Наша задача – по возможности показать как необходимость мобилизационных методов, так и издержки их использования.

В числе объективных факторов, определяющих необходимость мобилизации, можно назвать противостояние СССР и государств – мировых капиталистических лидеров. В 1920-е гг. международные отношения в мире оставались напряженными. Неприкрытые угрозы со стороны стран Антанты, побежденных, но не сломленных в своём милитаризме, Германии и Японии давали основания для действий СССР в направлении ускоренной индустриализации и создания мощного оборонного комплекса современного типа. Историк И. Я. Фроянов, анализируя международное положение СССР в конце 1920-х гг., констатирует, что страна находилась «в осаде, ничем в этом смысле не отличаясь от старой России». Скорее, положение СССР «было ещё более угрожающим, чем в дореволюционное время»[3].

Не особо грешил против истины И. В. Сталин, когда говорил об угрозе со стороны империалистических стран в Отчетном докладе Центрального Комитета ВКП (б) ХУ1 съезду партии 27 июня 1930 г. Он отмечал, что ведущие капиталистические державы, несмотря на договоренности и кризисное состояние многих своих отраслей экономики, «бешено вооружаются и перевооружаются. Для чего? Конечно, не для беседы, а для войны. А война нужна империалистам, так как она есть единственное средство для передела мира, для передела рынков сбыта, источников сырья, сфер приложения капитала. Вполне понятно, что в этой обстановке так называемый пацифизм доживает последние дни. Лига наций гниёт заживо, “проекты разоружения” проваливаются в пропасть, а конференции по сокращению морских вооружений превращаются в конференции по обновлению и расширению морского флота. Это значит, что опасность войны будет нарастать ускоренным темпом»[4].

Ситуация и внутри страны требовала незамедлительной модернизации народно-хозяйственного комплекса СССР, который не мог обходиться без использования ресурсов азиатской территории страны. Поэтому уже в первом пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР была намечена реализация Урало-Кузнецкой программы, дающей основу базовым индустриальным отраслям на Урале и в Сибири, связанным с развитием здесь металлургии, машиностроения, химической промышленности. Планировалось также крупное энергетическое и транспортное строительство.

В форсировании темпов создания Урало-Кузнецкого комбината (УКК) большую роль сыграли государственные мобилизационные решения. Наиболее действенным явилось специальное постановление ЦК ВКП (б) «О работе Уралмета», обнародованное в мае 1930 г. и определившее государственный статус так называемой Урало-Кузнецкой проблемы, рассматривавшейся в дискуссионном порядке уже несколько десятилетий. Директивное постановление значительно ускорило создание в стране второй после Донбасса угольно-металлургической базы СССР. Государственное управление не только заявило о своих намерениях, но и определило способы и направления для претворения в жизнь своих мобилизационных планов, которые реализовывались через деятельность партийных организаций. В годы первых пятилеток партийные комитеты всех уровней стали главными организаторами социальной и экономической жизни СССР. Они отвечали за проведение всех масштабных мероприятий в стране, в том числе и связанных с реализацией хозяйственных планов: строительством новых заводов и транспортных коммуникаций, энергетических объектов и новых городов. В отношении создания УКК в выше названном постановлении твердо и бескомпромиссно заявлялось, что «индустриализация страны не может опираться в дальнейшем только на одну южную угольно-металлургическую базу. Жизненно необходимым условием быстрой индустриализации страны является создание на Востоке второго основного угольно-металлургического центра СССР путем использования богатейших угольных и рудных месторождений Урала и Сибири»[5].

Создание крупного индустриального комплекса на Урале и в Сибири стало главным фактором, определившим здесь строительство предприятий военно-оборонной направленно-

сти. В 1930-е гг. советское правительство стало активно реализовывать обсуждавшуюся уже несколько десятилетий идею создания в центре страны «тылового» района, равноудаленного как от западных, так и восточных границ. На XVII съезде ВКП(б) в 1934 г. отмечалось, что Урало-Кузнецкий комбинат имеет большое значение не только для индустриального развития Азиатской части СССР, но всего народнохозяйственного комплекса страны. Планировалось, что к 1937 г. он должен дать 1/3 продукции черной металлургии в стране, более 1/4 угледобычи, 1/6 производства электроэнергии и 10 % продукции машиностроения[6].

31 января 1938 г. при Комитете Обороны СССР была создана военно-промышленная комиссия, в задачу которой входила мобилизация не только военной, но и всей промышленности для производства самых новейших средств вооружения и обеспечения армии. Одним из направлений работы нового государственного учреждения стала организация в восточных районах страны дублеров предприятий, находящихся на европейской территории. Данные намерения развивали идеи создания на востоке тыловых укрепрайонов с мощными комплексами военно-оборонных производств, которые вынашивались еще в начале XX столетия царским правительством. Однако реализовать их в тот период не удалось. Теперь решение Урало-Кузнецкой проблемы, создавшее базовые отрасли индустрии на Урале и в Сибири, позволяло планировать и строить предприятия военно-оборонной промышленности.

В годы третьей пятилетки с началом Второй мировой войны на Урале и в Западной Сибири развернулось форсированное строительство авиационных и танковых заводов, предприятий по производству боеприпасов и артиллерийского оборудования. Отдельные предприятия планировались в Красноярске, Иркутске, Хабаровске, Владивостоке. Последующие события показали, что решение о создании мощной оборонной промышленности в Азиатской части страны было стратегически верным и своевременным, хотя, по мнению многих современных историков и политиков, несколько запоздалым. Не все имеющиеся проекты удалось реализовать к началу Великой Отечественной войны, но военно-оборонный потенциал СССР значительно вырос. За 1939–1941 гг. расходы на оборону в государственном бюджете увеличились с 18,6 % до 32,6 %[7].

Кроме развернувшегося промышленного строительства в Кузбассе и примыкавших к нему районах юга Западной Сибири мобилизационные мероприятия по организации экономического тыла СССР предусматривались и в других, более восточных районах Сибири и Дальнего Востока. В годы второй пятилетки планировалось проведение научно-изыскательских и проектных работ по сооружению Байкало-Амурской магистрали, рассматривались вопросы создания здесь индустриальных объектов. Реконструировался и усиливался Транссиб, строились его ответвления в сторону индустриальных строек на северо-востоке и тихоокеанском побережье. Важнейшим результатом здесь стал построенный ускоренными темпами новый город Комсомольск-на-Амуре, оценивавшийся в государственной политике в качестве значимого на востоке страны промышленного и стратегического пункта.

Действенным инструментом для проведения мобилизационной политики на северных малозаселенных и экономически неосвоенных территориях, но богатых природными ресурсами, послужила деятельность здесь специфических организаций-ведомств, которые одновременно являлись хозяйствующими субъектами и представительствами государственной власти. Решая целый комплекс управленческих, экономических, социальных, геополитических и прочих задач, эти организации сыграли большую роль в обживании и пионерном освоении новых территорий Сибири.

Наиболее значительной по масштабам своего мобилизационного воздействия была деятельность Главного управления Северного морского пути (Главсевморпути), созданного по постановлению Совета Народных Комиссаров СССР 17 декабря 1932 г. для решения транспортных проблем и обустройства Северного морского пути, но со временем превратившегося в многофункциональную государственную организацию в Арктике, которая руководила

всеми направлениями хозяйственного освоения обширной территории заполярных районов СССР. Особенностью деятельности данного органа государственного управления являлся его комплексный характер, выражающийся в соединении в одной системе научных, транспортных, промышленных и торговых функций, а также реализации специфических задач по развитию традиционных отраслей хозяйства и социально-культурному строительству в районах расселения коренных народов Севера.

Большую роль в реализации мобилизационной стратегии в освоении северных территорий Сибири и повышении их значимости в военно-оборонном комплексе страны сыграло постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 20 июля 1934 г. «О мероприятиях по развитию Северного морского пути и северного хозяйства», которое не только определило, но и директивно решило широкий круг задач, связанных с развитием транспортных коммуникаций и в целом экономики северных районов страны. Управление «Главсевморпуть» в рамках государственного решения получило статус министерства при правительстве СССР, было наделено ещё более широкими полномочиями для решения хозяйственных, транспортных и научных задач в Арктике и на всей территории Сибири севернее 62-й параллели (параллель Якутска). В его ведение поступали все хозяйственные предприятия и организации союзного значения, а также возлагались обязанности проведения геолого-поисковых и прочих изыскательских работ по изучению и эксплуатации естественных производительных сил в советской Арктике, по решению социальных вопросов и обеспечению кадрами всех арктических предприятий[8].

Реализация данного решения, подкрепленная на высшем государственном уровне административно-командным нажимом, дала в короткие сроки значительные результаты. В годы Великой Отечественной войны начал свою работу Норильский никелевый комбинат мирового значения. По Северному морскому пути осуществлялась эвакуация на восток промышленных предприятий из европейской части СССР, перевод промышленности Севера на военное положение, поставка вооружения и других грузов для фронта, проводка военных кораблей с востока на запад. Объемы перевозки грузов по Северному морскому пути возросли в четыре раза, а в Якутию в 10 раз[9].

Государственные мобилизационные решения главным образом нацеливались на рост индустриального потенциала СССР, в том числе за счет увеличения промышленного производства в Сибири. Для этого в первых пятилетних планах предусматривалась концентрация как материально-финансовых, так и социальных ресурсов общества. Решение не связанных с производством проблем изначально определялось как второстепенное и экономически слабо обеспечивалось. Такой подход приводил к дисбалансу в социально-экономической сфере региона. Но вместе с тем помогал добиться в области производства впечатляющих результатов. Социальное же развитие Сибири хронически отставало от потребностей и приводило порой к непредсказуемым и противоречивым последствиям. Например, государство экономило средства на развитии социальной инфраструктуры населенных пунктов Сибири и теряло гораздо больше в результате необоснованных миграций в регионе.

Индустриализация явилась самым значимым фактором роста экономического потенциала Сибири в 1920–1930-е гг. Вместе с тем она сопровождалась всеохватывающей социальной мобилизацией, которая происходила по всем направлениям и представляла собой процесс государственного воздействия на общественное развитие в этот период. Созданная в конце 1920-х гг. в СССР нормативно-директивная база позволяла отдельным мобилизационным мероприятиям работать в общей системе государственного управления.

Вооружившись идеями «строительства социализма в отдельно взятой стране» государство в достаточно короткие в историческом смысле сроки смогло осуществить свои планы. Инструментами массовой мобилизации, касающейся практически всех слоёв населения страны, выступили не только законы и директивные документы власти, но и все существую-

щие в этот период в стране организации и общественные институты: образовательная сфера, средства массовой информации, печать, киноиндустрия, театр, изобразительное искусство и т. д. Свою мобилизационную роль играла идеологическая обработка населения.

Большое значение имела неуклонно проводимая регламентация на уровне государственного управления всех общественных проявлений в СССР, и не только связанных с производством, но и с бытом, досугом, формированием личностных качеств граждан. В этом отношении была характерна организация советских праздников и встреча торжественных дат, подготовка и проведение которых носило массовый и всеобъемлющий характер. Государственные органы СССР целенаправленно формировали образ так называемого «советского человека», отличавшегося высокой степенью преданности идеалам, обозначенным государством, и активно участвующего в их воплощении в жизнь.

В 1930-е гг. в число героев, которым следовало подражать, были зачислены полярники, летчики, военные и партийные работники, передовики производства. Власть стремилась использовать мифы о «лучших» людях страны как фактор мобилизации трудящихся и как средство для героизации повседневных и часто утомительных производственных будней. Трудовые подвиги приравнивались к военным, а самоотверженное отношение к производству воспринималось как высшая форма советского патриотизма, сознательности и социальной активности.

Мобилизационные мероприятия, организованные государством, помогали задействовать в модернизации производства все слои населения. Особый расчет был сделан на молодёжь, которая по объективным причинам должна была стать главной участницей событий. Важно было через деятельность партийных и находящихся по сути дела в их подчинении комсомольских организаций дать возможность каждому молодому человеку почувствовать свою значимость и роль в общем деле, осознать необходимость в нем участвовать на благо всего общества. Действенным инструментом для работы с молодёжью являлась массовая пропаганда и агитация во всевозможных формах, направленная на подтверждение высокой значимости проводимых государством мероприятий.

Большой мобилизационный эффект имела организация различных форм социалистического соревнования, которое представлялось как движение ударников и передовиков производства с созданием специфических образов, широко рекламировавшихся в кино и художественной литературе и олицетворявших героику трудовых будней и самоотверженного отношения к труду ради общественных идеалов. Эти модели поведения в первую очередь навязывались молодёжи. В задачу государственной мобилизационной политики входило обеспечение массового характера социалистического соревнования и устойчивого повышения производительности труда за счет постоянного увеличения количества работников, перевыполняющих существующие нормы выработки.

И надо отметить, что мобилизационные методы, используемые государством в годы первых пятилеток, были достаточно эффективными. Воспитанные в труде и послушании многие молодые рабочие, особенно выходцы из крестьян, искренне хотели повышать свою профессиональную квалификацию, наращивать производительность труда, не считаясь с личным временем и состоянием здоровья. Но было много и несогласных с политикой режима. Исторические источники свидетельствуют, что значительная часть рабочих воспринимала социалистическое соревнование как способ повышения интенсивности труда, не адекватный материальному вознаграждению.

Особенно это проявилось в условиях активного развертывания стахановского движения, в результате которого стали повышаться нормы выработки для всех рабочих, в том числе и не участвующих в соревновании. Стахановское движение само по себе можно назвать мобилизационным, так как оно было нацелено в конечном итоге на значительный рост существующей производительности труда на основе более рациональной его организации, четкого

соблюдения технологических процессов и разделения труда между квалифицированными и вспомогательными рабочими. Однако на практике этого добиться оказалось нелегко. В организации стахановских рекордов часто присутствовали явления приписок и несправедливой оценки достижений. Кроме того, в принципе не все рабочие оказывались способными добиваться высоких результатов, достигать заданного государством уровня производительности труда.

Тем не менее, стахановское движение усиленно популяризировалось и молниеносно распространилось по всей стране. Зародившись в шахтах Донбасса в августе 1935 г., оно в течение двух месяцев охватило не только промышленные производства, но и транспорт, строительство, сельское хозяйство. Последователи знаменитого забойщика Алексея Стаханова появились практически во всех отраслях и на всех предприятиях. Благодаря усилиям пропаганды они становились легендарными личностями, которым хотели подражать миллионы молодых рабочих, в большинстве своём ещё в недавнем прошлом деревенских жителей с низким уровнем образования и специфическим менталитетом. Им очень хотелось и самим стать передовиками производства, привлекать к себе огромное внимание и уважение в обществе. Немаловажную роль играл и материальный фактор. Стахановцы получали высокие зарплаты, ценные подарки, квартиры и прочие материальные блага вне очереди, что в мобилизационных целях широко афишировалось.

Постоянно в прессе сообщалось об успехах стахановцев. Многие молодые и полные сил рабочие воспринимали всё это положительно, стремились попасть в стахановские бригады, следовать их примеру. Всплеску трудовой активности способствовали изменения в социальной политике, произошедшие в годы второй пятилетки, когда государство перестало навязывать аскетические идеалы молодёжи, не стало пресекать устремления много зарабатывать и комфортно жить. Более доступными стали элементарные материальные блага: продукты питания, обувь, одежда, предметы быта.

В ноябре 1935 г. на предприятиях и стройках Западно-Сибирского края по стахановским методам работали около 3 тыс. рабочих, в том числе в Кузбассе – свыше 1 тыс. чел. На Омском Сибзаводе на 26 октября имелось 4,2 % стахановцев, а на 26 декабря 1935 г. – уже 20,4 % от всех рабочих. Высоких показателей в повышении производительности труда добивались не только отдельные рабочие, но и целые коллективы. Особенно в этом отношении отличились шахтеры Кузбасса, которые, работая стахановскими методами, значительно увеличили добычу угля в бассейне. Если в начале сентября 1935 г. до начала стахановского движения среднесуточная добыча угля в Кузбассе составляла около 40 тыс. т, то к концу ноября она составила 48,2 тыс. т. 29 ноября 1935 г. Кузбасс выдал рекордную добычу 54,8 тыс. т[10].

Однако мобилизационное значение стахановского движения оказалось более низким, чем планировалось государством. Не всеми рабочими оно было воспринято положительно. Повышение норм выработки и ответственности за проделанную работу вызывало недовольство рабочих, особенно старших возрастных категорий, встречались случаи осуждения стахановцев, а то и избиения. Люди обостренно воспринимали всё усиливавшуюся интенсификацию труда и оценивали её как стремление государства эксплуатировать их и ущемлять их права[11].

В целом мобилизационные решения в государственной стратегии СССР в 1920–1930-е гг., казалось бы, осуществлялись в результате совершенно противоположных действий. С одной стороны, создавались условия и возможности для добровольного участия людей в реализации широко рекламируемых государственных планов, а с другой – оказывалось откровенное давление, которое зачастую приобретало даже крайне насильственные формы. Особенно ярко это проявилось в процессах формирования кадрового потенциала индустриализации.

С началом реализации явно завышенных заданий первого пятилетнего плана в СССР были приняты жесткие мобилизационные меры по обеспечению индустриальных новостроек и предприятий кадрами. Кадровая проблема в стране рассматривалась как одна из самых острых и в то же время основополагающих для выполнения амбициозных планов советского правительства. Только в высших государственных инстанциях, среди которых можно обозначить ЦИК, СНК, ВСНХ СССР, высшие партийные органы ЦК ВКП (б) и Политбюро, в 1930–1931 гг. было принято не менее 30 крупных решений и постановлений по вопросам привлечения и подготовки кадров. Своими директивами властные органы стремились мобилизовать не только свои представительства на местах для выполнения поставленных задач, но и все общество в целом[12].

В малонаселенной Сибири индустриальное строительство невозможно было организовать без мобилизационных решений. Поэтому государство разрабатывает специальную стратегию применения здесь, в том числе и подневольного труда, которая, впрочем, не была изобретением советского правительства. Она уже несколько столетий широко реализовывалась в регионе и в условиях царского режима. В процессе индустриального строительства в 1930-е гг. она лишь приобрела более значительные масштабы и получила статус важнейшего направления в государственной политике модернизации страны.

В годы первых пятилеток была разработана целая система обеспечения предприятий и строек Сибири работниками за счет различного вида спецконтингентов: заключенных и спецпереселенцев, которые в целом ряде отраслей хозяйства региона (строительстве, угольной и лесной промышленности) составляли значительную долю трудовых коллективов.

Одной из самых массовых категорий населения, мобилизованных на индустриальные стройки и промышленные предприятия Сибири, стали крестьяне, пострадавшие в ходе массовой коллективизации. Они были раскулачены и отправлены на стройки народного хозяйства, которые им заменили места каторги и ссылки. Данное воздействие государства было узаконено специальным постановлением СНК РСФСР от 18 августа 1930 г. «О мероприятиях по проведению спецколонизации в Северном и Сибирском краях и Уральской области», по которому становилась совершенно правомерной принудительная отправка несогласных с решениями советской власти в малообжитые районы страны. ВСНХ РСФСР, НКТоргу и др. органам хозяйственного управления по соглашению с НКТруда и НКЗемом, а также Наркоматом внутренних дел РСФСР поручалось максимально использовать рабочую силу спецпереселенцев в строительстве, на лесоразработках, рыбных и иных промыслах в отдаленных и остронуждающихся в рабочей силе районах. В сельском хозяйстве предписывалось использовать только тех, кто не сможет работать в промышленных отраслях[13].

При строительстве предприятий Урало-Кузнецкого комбината принудительный труд имел очень широкое распространение. В Кузбассе спецпереселенцы концентрировались на крупных стройках, в угледобывающей и лесной промышленности. В качестве основных потребителей дешевой рабочей силы выступали Кузнецкстрой, тресты «Востокуголь», «Цветметзолото». По данным историка Р. С. Бикметова в августе 1931 г. на контрагентских работах «Кузнецкстроя» было задействовано 4617 семей спецпереселенцев или более 22 тыс. человек, на шахтах треста «Востокуголь» соответственно 5306 и около 30 тыс. человек[14].

Значительное количество спецпереселенцев работало в угольной промышленности Кузбасса. В некоторых шахтах их число составляло 65–77 % от общей численности работников. Как отмечала Западно-Сибирская краевая комиссия в 1933 г., роль спецпереселенцев в угледобыче была значительная, а на ряде предприятий – решающая. Они приобретали в процессе многолетнего труда в шахтах ведущие шахтерские специальности и являлись подчас наиболее высококвалифицированными рабочими, которые добросовестно трудились на тех предприятиях, к которым были прикреплены. Некоторые из них стали в последствие известны в Кузбассе как передовики производства, завоёвывали призовые места в социалистическом соревновании и переходящие знамена Новосибирского обкома партии.

По данным Отдела трудовых поселений Управления наркомата внутренних дел по Западной Сибири в 1936 г. доля спецпереселенцев среди постоянно работающих на комбинате «Кузбассуголь» составляла в среднем около 40 %, в тресте «Кузнецкстрой» – 48,3 %, в тресте «Запсибзолото» – 29,2 %. На 1 ноября 1938 г. в различных отраслях экономики Кузбасса было задействовано 16102 семьи спецпереселенцев общей численностью 73854 человека. Из них трудоспособное население составляло 35020 человек (17266 мужчин и 17540 женщин)[15].

Весомый вклад в формирование трудовых коллективов на стройках УКК в 1930-е гг. вносила система ГУЛАГа. Труд заключенных активно использовался в угольной, металлургической, горнорудной, лесной отраслях промышленности, на строительстве дорог и промышленных предприятий. В составе Кузнецкого лаготделения Управления НКВД по Новосибирской области был создан специальный лагпункт «КМК». В 1932–1933 гг. на строительство привлекалось ежедневно примерно 3,5 тыс. заключенных. Около 2 тыс. человек работали в цехах по выплавке чугуна, стали, сортового проката, а также в складских помещениях на погрузо-разгрузочных работах. Более 100 человек было задействовано на работах в известковом карьере КМК. При этом администрации предприятий и строек комбината обращались неоднократно в Краевое управление мест заключения и в партийные органы с просьбой увеличить прибытие контингентов заключенных[16].

Отдельным направлением производственной деятельности заключенных на территории Кузбасса являлось железнодорожное строительство. В феврале 1934 г. ГУЛАГу НКВД СССР было передано проектирование и строительство Горно-Шорской железной дороги протяженностью около 100 км для соединения КМК с Таштагольским железорудным месторождением. Строительство дороги происходило в условиях таёжной и болотистой местности, слабозаселенной, что само по себе являлось тяжелым испытанием для участвовавших в нем заключенных. Но в то же время участие в этом строительстве давало возможность им проявить себя и добиться хоть какого-то улучшения своего положения. За успешное выполнение планов строительства дороги в 1938 г. приказом НКВД СССР от 5 марта 1939 г. Горно-Шорский лагерь был награжден переходящим Красным Знаменем НКВД СССР, с вручением денежной премии 30 тыс. рублей для улучшения культурно-бытовых нужд лагеря. В лагере насчитывалось 468 человек, работавших по стахановским методам труда, 4528 ударников, которым выдавались дополнительные продовольственные пайки. В мае 1941 г. в лагерных отделениях Сиблага содержалось 63646 заключенных, из них 40601 человек находилось непосредственно на территории Кузбасса и работали на промышленных предприятиях и стройках[17].

В Восточной Сибири принудительные мобилизации в области формирования индустриальных кадров в 1930-е гг. были менее масштабными только лишь по причине поэтапного подхода к индустриализации региона. В целях наиболее рационального распределения средств и возможностей государства развитие Восточной Сибири рассматривалось во вторую очередь после Западной, а создание Урало-Кузнецкого комбината считалось платцдармом для наступления на восток. В рамках генеральных планов развития народного хозяйства СССР, рассчитанных на несколько пятилетий, намечались этапы крупных изыскательских и проектных работ для того, чтобы развернуть в последующем реализацию Ангаро-Енисейской программы, приступить к строительству Байкало-Амурской магистрали. Индустриальное строительство в Восточной части Сибири планировалось в крайне незаселенных районах с суровыми природно-климатическими условиями. Поэтому заранее строились планы переселения сюда значительных контингентов людей, независимо от их рода занятий и социального статуса. Однако по различным причинам эти планы отодвинулись во времени.

В годы третьей пятилетки в СССР в условиях начавшейся Второй мировой войны был принят целый ряд мер, направленных на повышение мобилизационной активности населения, уменьшения его неконтролируемых государственными организациями перемещений

из села в город, с предприятия на предприятие. В основу государственной миграционной и кадровой политики были заложены принципы прямого и косвенного регулирования любых передвижений людей по стране. В предвоенные годы принимается целый ряд постановлений СНК СССР, ЦК ВКП (б) и ВЦСПС о паспортизации населения, о повышении дисциплинарной ответственности работников на производстве, о заинтересованности их в работе на одном предприятии и т. д. С 1938 г. вводятся трудовые книжки постоянных работников, отрабатывается система премирования и поощрения за труд на одном предприятии[18].

26 июня 1940 г. принимается указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», который юридически закреплял основы государственной политики в прикреплении работников к производству. Рабочее время каждого трудящегося увеличивалось в среднем на 33 часа в месяц. Только в промышленности это составило прибавку примерно в миллион рабочих рук[19]. На Кузнецком металлургическом комбинате в результате перехода на 8-часовой рабочий день и 7-дневную неделю удалось высвободить свыше 500 человек, что позволило укомплектовать работниками ряд участков завода, ранее нуждавшихся в рабочей силе[20].

Тем не менее, индустриальных кадров, особенно квалифицированных, хронически не хватало. Сказались репрессии второй половины 1930-х гг., исчерпались резервы свободных рук в стране. Аграрная сфера, ранее поставлявшая в больших масштабах кадры для индустрии, сама испытывала дефицит рабочих рук. Накануне Великой Отечественной войны в СССР была принята целая серия законодательных актов мобилизационного характера, которые по идее должны были стабилизировать кадровую ситуацию в индустрии, в том числе и в районах Сибири, в которой в предвоенные годы развернулось активное строительство предприятий-дублеров военно-оборонной промышленности. Однако война приостановила начавшиеся процессы, и мероприятия государства не смогли в короткие сроки дать нужные результаты. Но в целом основы мобилизационного управления в регионе были заложены, и это позволило с началом войны в короткие сроки организовать здесь надёжный тыл государства.

Таким образом, можно заключить, что в 1920–1930-е гг. в СССР, в том числе и в Сибири, удалось сформировать единую систему мобилизационного воздействия на население, создать действенные институты государственной мобилизационной политики. Органы государственного управления, созданные по принципу вертикального подчинения, строили свою деятельность на основе советского законодательства. Устойчивость системе придавали судебно-правоохранительные и силовые ведомства, в том числе и армия, что позволяло использовать не только добровольные, но и принудительные меры для участия граждан в реализации определенных государством планов модернизации страны. Всё это вместе взятое составило единое политическое целое, способствующее защите интересов государства как внутри страны, так и на международной арене. Особое отношение было к молодёжи, которую государство рассматривало как свою основную социальную опору. Сибирь оценивалась как центральный тыловой район, равноудаленный от границ и богатый природными ресурсами, от экономического развития которого зависело благополучие государства. Поэтому мобилизационные решения здесь принимались без особых альтернатив, а выполнение государственных планов считалось необходимым условием реализации общенациональных задач.

Примечания

[1] Тимошенко А. И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX веке. Концепции и решения. Новосибирск, 2007. С. 104–105.
[2] См. подробнее: Тимошенко А. И. Советская мобилизационная модель хозяйственного освоения Сибири : проблемы изучения // Гуманитар. науки в Сибири. 2011. № 2. С. 43.
[3] Фроянов И. Я. Октябрь семнадцатого. СПб., 1998. С. 173.

[4] Сталин И. В. Вопросы ленинизма. Изд. 10. М., 1935. С. 353.
[5] Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 2. С. 175.
[6] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. М., 1985. С. 118.
[7] Савицкий И. М. Развитие оборонной промышленности в Сибири (1941–1960-е гг.). // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998. С. 103.
[8] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967. М., 1967. Т. 2. С. 483.
[9] Проблемы Северного морского пути. М., 2006. С. 483.
[10] Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917–1937). Новосибирск, 1982. С. 337–338.
[11] См.: Исаев В. И. Молодёжь Сибири в трансформирующемся обществе. Новосибирск, 2003. С. 116.
[12] Индустриализация СССР. 1929–1932 : док. и материалы. М., 1970. С. 588–607.
[13] Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. Новосибирск, 1992. С. 33–34.
[14] Бикметов Р. С. Использование спецконтингента в экономике Кузбасса. 1929–1956. Кемерово, 2009. С. 38.
[15] Там же. С. 55, 63.
[16] Там же. С. 76.
[17] Бикметов Р. С. Использование спецконтингента… С. 79–81, 88.
[18] Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. Т. 2. 1938–1967. М., 1968. С. 5, 38–41.
[19] Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1984. С. 44.
[20] История индустриализации Западной Сибири (1926–1941 гг.) Новосибирск, 1967. С. 360.

Н. Н. Ярош

ОСОБЕННОСТИ ПЛАНИРОВАНИЯ ГОРОДСКОГО ХОЗЯЙСТВА В УСЛОВИЯХ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

В настоящее время сложилось понятие планирования как функции управления и стадии процесса управления, на которой разрабатываются направления деятельности и будущего развития объекта, определяются цели и пути их достижения, а также необходимые для этого ресурсы. Эта функция управления начала системно складываться в начале XX в., когда управление выделилось в самостоятельную сферу человеческой деятельности. В начале 20-х гг. прошлого века известный экономист, один из авторов плана индустриализации С. Г. Струмилин писал, что «планирование – это определенная программа действий, ведущая в данной конкретной обстановке к намеченной цели с наименьшими затратами времени и усилий»[1].

Городское хозяйство является одной из важнейших отраслей непроизводственной сферы народного хозяйства страны, главной задачей которого является удовлетворение насущных потребностей населения данной территории (города) в данный конкретный момент времени. На развитие городского хозяйства, с одной стороны, влияют те же факторы, которые влияют на развитие всего народного хозяйства, с другой – есть специфические особенности самого городского хозяйства, связанные с его функциями и направлениями деятельности

его отраслей. Поэтому такая функция управления, как планирование, в приложении к городскому хозяйству заслуживает пристального рассмотрения, особенно в переломный момент для всего народного хозяйства – период становления советского государства.

В условиях ограниченности ресурсов (как трактуется в классической экономической теории) элементы мобилизационной экономики можно обнаружить в любой экономической модели развития. Особенно ярко они проявляются в кризисных для страны ситуациях – экономические и финансовые кризисы, войны, революции. Таким периодом, естественно, является российская экономика советского типа в годы становления Советской власти. В этот период произошел коренной слом экономического уклада в разрушенной войной и революцией стране, поэтому все ресурсы, которыми располагала страна, надо было направить на восстановление всего народного хозяйства и, естественно, городского хозяйства как одной из важнейших его отраслей. Здесь, к сожалению, стоит отметить, что страна почти столетие жила в этом режиме, который начал строиться «с легкой руки» большевиков и в некоторой степени продолжается до сих пор, когда главные социальные потребности населения удовлетворяются по остаточному принципу.

Термин ‘мобилизация’ (от фр. ‘mobilisation’ и от лат. ‘mobilis’) – подвижный, мобильный, маневренный, той же направленности, что и термины ‘стратегия’ (от греч. ‘Strategia’) – общий план ведения войны (составная часть военного искусства), и ‘тактика’ (от греч. ‘Taktika’) – способы, приемы, средства достижения какой-либо цели[2]. Они пришли в экономику и управление из военной сферы и нашли свое применение, прежде всего, в области планирования. Что касается мобилизационной модели экономики, то в ней основной акцент делается на тактическое планирование, т. е. составление плана на относительно небольшие отрезки времени. И это понятно, т. к. результат от ограниченных ресурсов с наибольшей эффективностью можно ощутить именно за небольшое время, используя административное воздействие на исполнителей на всех уровнях управления. Состояние народного хозяйства и его становление в период создания Советского государства, проблемы и предпосылки, определяющие состояние планирования, необходимость и возможность составления хозяйственного плана – это логично рассмотреть в первую очередь.

В первые годы советской власти большевикам было не до планирования. В. И. Ленин так характеризовал эту деятельность: «…планы составляли на три недели или на две, а третью будем посмотреть». В первую очередь, их интересовала национализация промышленности и банков, которая носила, естественно, не плановый и не системный характер («быстрее и больше»). К 1920 г. (третьему году Советской власти) объективные условия еще не позволяли вплотную заняться вопросом формирования единого хозяйственного плана для народного хозяйства республики. Все еще продолжающаяся гражданская война (летом 1918 г. ¾ территории находилась в руках белогвардейцев и интервентов) для народного хозяйства являлась разрушающим фактором, а не созидающим. Общий ущерб составил более 39 млрд золотых рублей. В 1920 г. объем промышленной продукции упал до 13,8 % от уровня 1913 г. (сократился в 7 раз). В состоянии полного развала находился транспорт – грузооборот в 1920 г. составил 17 % от уровня 1913 г. Разорены города, села, сельское хозяйство в упадке (объем сельскохозяйственной продукции в 1920 г. был на 33 % меньше уровня 1913 г.), приток голодных крестьян в города привел к жуткой безработице и недостатку продовольствия в городах (особенно в Москве и Петрограде)[3].

Хозяйственная жизнь осуществлялась от случая к случаю и перестраивалась в зависимости от меняющихся нужд войны и обороны. Однако уже на IX съезде ВКП (б) теоретически вопрос о начале работы над хозяйственным планом ставился. В Резолюции съезда было намечено четыре направления этой работы: а) улучшение состояния транспорта, подвоз и образование необходимых запасов хлеба, топлива и сырья для поддержания голодающих городов; б) усиление развития машиностроения для производства товаров массового по-

требления; в) усиление развития машиностроения для транспорта, добычи топлива и сырья; г) и самое главное – сказано о начале работ по созданию плана электрификации народного хозяйства.

Было отмечено, что в производственных программах предприятий обрабатывающей и добывающей промышленности на первом месте должны стоять нужды транспорта, а на железной дороге центральным местом должны стать железнодорожные мастерские. И в соответствии с приказами Наркомата путей сообщения по дорогам всей сети от 22 мая 1920 г. № 10 и от 2 июня 1920 г. № 1157, а также приказом ВСНХ от 20 июля 1920 г. № 872 были установлены планы работ железнодорожных мастерских и 134 заводов, их обеспечивающих. В журнале «Техника и экономика путей сообщения» № 7 от 1920 г. инженер А. Гринштейн пишет: «…указанными приказами впервые внесена в настоящую работу поразительная ясность и определенность, всем – от главного технического руководителя до последнего неквалифицированного рабочего уточнено, что от них требуется и чего они дать не могут ни при каких обстоятельствах <…> до тех пор, пока не будет снабжения в полной мере не может быть и речи о работе по плану…»[4]. Такое внимание транспорту объясняется не только тем, что за годы войны он понес большие потери, но и тем, что территория страны огромна и чтобы наладить хозяйство, надо прежде всего наладить работу транспорта и связи.

Другая причина того, что не было сил бороться за плановое развитие народного хозяйства, – это хозяйственная отсталость старой буржуазной помещичьей России. С одной стороны, в России к началу революции наблюдалась высокая, сравнимая с развитыми капиталистическими странами (Германия, Англия) концентрация и централизация капитала в некоторых важнейших отраслях промышленности, с другой – высокий удельный вес мелких предприятий во многих других отраслях и наличие кустарных промыслов, т. е. хозяйственной анархии. И первое, что надо было сделать (с точки зрения функции управления) – это наладить учет, а уже потом – планирование (хотя в современной трактовке – главной функцией считается все-таки планирование). «Социализм – это учет», – заявил В. И. Ленин еще в 1918 г.

Для подготовки первого хозяйственного плана необходимо было решить ряд задач[4]:

«– выяснить, сколько чего есть, сколько может быть получено и сколько чего требуется;

– решить, сколько должно быть получено (проведено, заготовлено) внутри страны или ввезено из-за границы;

– предоставить каждому органу народного хозяйства все, что ему нужно для выполнения поставленных перед ним задач».

Главного органа (центра), который мог решать эти задачи, пока не было создано. Задачи решались с помощью ранее созданных органов управления: Главного управления промышленности ВСНХ, Главного управления заготовок Наркомпрода, Центральной производственной комиссии Президиума ВСНХ и т. д. С целью некоторого упорядочения в конце 1917 г. был создан Рабочий контроль и затем в 1918 г. – Комиссия использования при ВСНХ (учрежденная Декретом о снабжении от 21 ноября 1918 г.) – междуведомственный орган, в состав которой вошли представители ВСНХ, Наркомпрода, Наркомвнешторга, ВЦСПС, военного ведомства. Однако далее чем решение вопросов производства и заготовок централизация не дошла. Вопросы транспорта по-прежнему решал Высший совет по перевозкам СНХ, вопросы учета рабочей силы – отдел учета и распределения рабочей силы Наркомтруда и Главного комитета по трудовой деятельности.

Уже в декабре 1918 г. Комиссией использования были выработаны и утверждены Президиумом ВСНХ и Наркомпродом планы использования 19 продуктов, в основном для населения, в виде подушевых норм потребления, в 1919 г. по мере накопления информации были утверждены планы практически по всем выпускаемым продуктам, и к концу 1920 г. составлены планы по 48 группам продуктов, включающим более 352 наименований. Но это были «убогие планы» – сколько произведено и кому сколько может быть выдано (предо-

ставлено). Как выяснилось, сосредоточение «в одних руках» снабжения и распределения приводило к хаосу и неразберихе, т. к. они относятся к разным циклам экономической деятельности: снабжение связано с производством, а распределение – со сбытом. Было решено, что «органы распределения должны быть плановыми, а органы снабжения – техническими, выполняющими планы распределения, т. е. получать продукты от их держателей в количестве, предписанном планом распределения и расходовать их на свои специальные цели»[4].

Декретом СНК РСФСР от 17 марта 1921 г. «О плановых комиссиях» для устранения параллелизма и несогласованности, для увеличения стройности и упрощения экономического аппарата и для создания правильной соподчиненности его частей в ведомствах образуются Плановые комиссии, при Совете труда и обороны учреждается Общеплановая Комиссия, которая в дальнейшем после образования СССР превратилась в Госплан СССР. Председателем этой Комиссии был назначен Г. М. Кржижановский. В «Положении о Государственной Общеплановой комиссии» перед ней были поставлены задачи:

– разработка единого общего государственного хозяйственного плана, способов и порядка его осуществления;

– рассмотрение и согласование с общегосударственным планом производственных программ и плановых предложений различных ведомств;

– выработка мер по распространению в широких массах населения сведений о плане народного хозяйства, способах его осуществления и формах соответствующей организации труда.

Работа по подготовке хозяйственного плана в то непростое время велась не только в организационном и практическом направлении, но и ученые-экономисты разрабатывали методологию планирования в условиях становления нового типа хозяйствования- социалистического народного хозяйства.

В изданной к IX Съезду Советов брошюре «Хозяйственные проблемы РСФСР и работы Государственной общеплановой комиссии» в декабре 1921 г. Г. М. Кржижановский высказывает мысли, разъясняющие, что надо «разуметь под хозяйственным планом и как подходить к его разработке». Во-первых, это документ, в котором не просто «бухгалтерский подсчет производственных программ, а учет динамики производственной обстановки». Во-вторых, «работа по составлению хозяйственного плана должна быть синтезом теоретической обобщающей мысли и практического опыта самих трудящихся». В данной работе впервые были заложены предпосылки необходимости разработки не только текущего, но и стратегического плана и их тесной взаимосвязи: «…сочетании работ по разрешению двух неотделимых друг от друга задач: а) восстановление и реорганизация народного хозяйства (стратегический план на ближайшие 10–15 лет) на основе решительного сдвига энергетики с паровой базы на электрическую (вот откуда план ГОЭЛРО); б) поддержание существующих предприятий на ходу и правильное их сочетание с точки зрения эффективности (эксплуатационный план)». Основные задачи «эксплуатационного плана» предлагалось решать в двух направлениях: а) «отыскание методов возможно более гибкого подхода к оздоровлению предприятий с полным сохранением старого инвентаря, и б) вытекающая из всего перспективного плана развития народного хозяйства задача – создание новых капитальных ценностей и новых организационных форм. План строительства (стратегический план должен вырастать на нуждах плана эксплуатационного (текущего) и работа теоретической мысли должна быть связана с практикой самих трудящихся <…> которая мыслится организованной, тесно связанной глубокими корнями с природой страны, ее историей, накопленными навыками и капитальными ценностями. Эта практика, ее уроки и опыт выявляются в районах, на местах, в производственных центрах страны, план развития этих районов одновременно становится ключом и для развертывания проблемы районирования в масштабах всего народного хозяйства»[5].

Таким образом, одним из основных направлений практической работы, необходимой для составления единого хозяйственного плана для народного хозяйства, становится работа по проведению экономического районирования территории страны. Старое административно-территориальное разделение на губернии, уезды, волости сковывало развитие хозяйства. Период Временного правительства так называемой «власти на местах» и эпоха военного коммунизма довели число административных единиц до огромных цифр: 15064 волостей, 701 уезд и 93 губерний и областей. В 1920 г. Административная комиссия ВЦИК при участии Секции районирования Госплана разработала новые «признаки» (положения) административного деления на основе экономической целесообразности, которые в будущем будут учтены при планировании развития народного хозяйства и размещении вновь создаваемых предприятий: «…сосредоточение промышленности; сосредоточение технических культур; тяготение населения к промышленно-распределительным (торговым) пунктам; направление и характер путей сообщения: железнодорожных, водных, шоссейных и др.; численность и национальный состав населения; естественно-исторические условия: распространение естественных ресурсов, профессиональные навыки населения, тяготение населения к производственным пунктам, границы распределения местного сырья, основные тенденции местного грузооборота». Комиссия исходила из основного тезиса: «основным ядром новых районов (областей, округов, районных волостей) должны быть пролетарские центры, окружающая их территория должна обеспечить нормальное развитие главных отраслей промышленности данного района»[6].

Работа С. В. Коган-Берштейна «Программы порайонных работ», утвержденная Пленумом Секции районирования Госплана в 1921 г., определяет экономический район в двух аспектах: а) экономический район как нечто дифференцированное и специализированное есть результат территориального разделения труда; б) будучи специализированным он должен находиться в сотрудничестве с другими районами того же территориально-политического комплекса и исполнять в этом комплексе определенные функции. Общее число районов по Европейской России было определено 12, плюс Туркестан, Киргизия и Сибирь (6 районов), внутренний состав районов пока был оставлен в рамках 1917 г. – губернии и уезды, исходя из того, что есть более менее отлаженная система сбора статистических данных.

Разделение территории республики на экономические районы поставило перед Госпланом в полном объеме и вопрос о местном хозяйстве, о формах и органах управления им, об их взаимоотношениях с органами центральной власти. Начала складываться отраслевая структура народного хозяйства. Постановлением Пленума Комиссии ВЦИК по районированию от 5 декабря 1921 г. было признано, что «в круг ведения центральной власти входят следующие отрасли народного хозяйства: таможенная политика; денежное обращение и государственный кредит; магистральная сеть железных дорог и внутренних водных путей, морские порты и организация морских сообщений; общий устав транспорта; магистральная электрическая сеть и государственные электрические станции общественного пользования; крупные промышленные государственные предприятия; внешнее управление водами и распределение их, сооружение крупных мелиоративных систем и регулирование водопользования в больших водных источниках; владение недрами земли; выдача патентов и привилегий; управление государственными лесами; выдача концессий на государственные предприятия; общее гражданское законодательство; общее рабочее законодательство; регулирование внешней торговли; основная сеть народной связи (почта, телеграф)»[7].

Там же было определено, что «ведение всем местным хозяйством распределяется между губернскими или автономными организациями и областными органами на основе концентрации в области хозяйственных прав. Компетенция губернского управления (или национальной автономной организации) охватывает основную область местной хозяйственной жизни, в том числе все муниципальное хозяйство <…> регулирование местной промыш-

ленности и торговли, управление выделенными центральной властью в ведение губерний промышленными предприятиями, электрическими станциями, местным строительством, местным дорожным делом, страхованием и т. д.».

Таким образом, к концу 1921 г. был сформирован подход к составлению советских народно-хозяйственных планов, утвержденный на заседании Президиума Госплана 29 октября 1921 г. и основанный на следующих положениях (многие из которых действовали практически до 1985 г.)[8]:

– предпосылкой для правильного составления плана промышленности является форсирование производства до возможной степени с целью удовлетворения потребностей государства и населения;

– государственная промышленность должна быть построена на основе технической рационализации и хозяйственного расчета, т. е. с учетом издержек производства и его результатов и прежде всего стремления к безубыточности;

– прежде всего, до включения в хозяйственный план, должен быть в спешном порядке произведен отбор наиболее жизнеспособных предприятий, могущих быть обеспеченными всеми элементами производства: оборудованием, сырьем, рабочей силой, построенных в наиболее выгодных транспортных условиях и работающих наименьшими затратами;

– ввиду ограниченности ресурсов государственного фонда и трудностей, связанных с централизованным снабжением, все предприятия подразделяются на две категории: а) обеспечиваемые сырье, топливом и деньгами за счет государства, б) переводимые на самоснабжение;

– при организации промышленности следует иметь ввиду: а) районирование промышленности, применить хотя бы к тем районам, выделение которых уже является делом предрешенным, б) группирование объединений в одно хозяйственное целое с учетом территориальной близости – соединение в одно целое предприятие по принципу теплосилового комбинирования, либо по связанности последовательными стадиями производственного процесса, либо объединения основного с подсобным (принцип комбинирования, на основе реализации этого положения до сих пор работают комбинаты, построенные в годы первых пятилеток).

Что касается городского хозяйства, то в тот же период начала века его состояние было еще хуже, чем состояние всего народного хозяйства. Если в момент национализации промышленности крупные и средние предприятия находились в более-менее надлежащем состоянии, если сельское хозяйство неимоверными усилиями крестьян худо-бедно продолжало снабжать города продовольствием, то империалистическая война, революция и последующие за ними разруха и «великое переселение народов» в города нанесли невосполнимый ущерб городскому хозяйству по всей стране. По приблизительным подсчетам специалистов Главного управления коммунального хозяйства он составил почти 9 млрд золотых рублей: 30,3 % – потери в области материального благоустройства (здания, предприятия общественного пользования, дорожные сооружения, 60 % – убытки от потери населения и остальное – за счет уменьшения местного бюджета)[9].

С момента революции положение хозяйства в городах оставалось не только крайне тяжелым, но и продолжало ухудшаться. Внезапный переход от централизованного государственного бюджета к местному поставил отрасль перед тяжелыми испытаниями. С 1 января 1922 г. городское хозяйство было снято с государственного снабжения. Платность коммунальных услуг, которая являлась основным наполнителем местного бюджета в соответствии с декретом от 20 марта 1922 г., фактически была введена только с мая 1922 г. Кризисное состояние городского бюджета усугублялось также и такими причинами, как низкий уровень сбора налогов и практически отсутствие налогового аппарата, распыленность налоговых объектов, ничтожная платежеспособность населения и коммунальных предприятий. Все это

способствовало тому, что местный бюджет 1922 г. имел объем в 15 раз меньше довоенного, его доходы не достигали в первом квартале года и 1 млн довоенных рублей в месяц, что в 60 раз меньше довоенной нормы[10].

До введения новой экономической политики городскому хозяйству не уделялось должного внимания. Всякое хозяйство может развиваться, если имеет достаточно прочный фундамент как в материальном, организационном, так и в финансовом плане. Между тем коммунальное хозяйство было распылено между различными хозяйственными органами, часто не имеющими к нему никакого отношения. Так, например, электростанции, обслуживающие до 75 % предприятий городского хозяйства (водопровод, трамвай, бани, бойни и другие предприятия, часто находящиеся с ними под одной крышей и обслуживаемые иногда одним двигателем), относились (в 21 городе) к ведению Электроотдела Совнархоза, шоссейные дороги – Губшоссе, городской транспорт – Губтранспорт, кирпичные заводы, бойни, предприятия, изготавливающие водопроводные и канализационные принадлежности и др., находились в заведовании различных органов. Такое положение вещей низводило коммунальное хозяйство до отделов городского благоустройства, про вопросы планирования речи не шло. Это было отмечено в Постановлении 3-й сессии ВЦИК, и на основе решений сессии была расширена сфера деятельности отрасли путем передачи коммунальному хозяйству всех предприятий, обеспечивающих городские нужды.

Наряду с этим городское хозяйство потеряло свой определенный территориальный характер и оказалось в организационном плане слитым с губернским и уездным. Важнейшие коммунальные предприятия и имущества, в прошлом являвшиеся основой местного бюджета, находились в ведении различных ведомств: городской земельный фонд – в ведении Наркомзема, бойни – в ведении Наркомпрода, местный транспорт – Наркомпути, почти все муниципальные предприятия и электростанции – в ведении Совнархоза.

Постановлением IV Съезда Советов была учреждена Особая Комиссия по коммунальному хозяйству, и в программу ее работ, намеченную Главным управлением коммунального хозяйства, были включены важнейшие задачи[11]:

– установление принципов организации коммунального хозяйства республики;
– наделение городов землей;
– возвращение органам коммунального хозяйства всех бывших муниципальных предприятий;
– расширение производственного базиса коммунального хозяйства;
– воссоздание органов управления коммунальным хозяйством в городах;
– планировка городов;
– создание противопожарной охраны и страхового дела;
– восстановление разрушенных городов и селений;
– восстановление жилищного фонда;
– организация санитарно-технического дела;
– участие европейского капитала в восстановлении коммунального хозяйства;
– создание дотационного фонда и субвенции государства;
– организация строительного дела в республике.

В этой программе было заявлено, что с точки зрения организации и планирования основным условием восстановления городского хозяйства является выделение городов более крупного значения из уездного и губернского хозяйства и наделение их полной финансовой самостоятельностью. Организация и управление местным хозяйством возлагается на местные Советы (Горсоветы) и их исполнительные органы (Горисполкомы) с наделением их соответствующими правами: распоряжаться местными денежными и натуральными средствами, устанавливать местные налоги, сдавать концессии на устройство и эксплуатацию коммунальных предприятий, устанавливать монополию на эксплуатацию предприятий

местного значения (трамваи, электростанции, ломбард и пр.), организовывать кредитные учреждения для кредитования населения на нужды, имеющие коммунальное значение. В целях дальнейшего развития и укрепления производственной базы местного хозяйства должны быть переданы органам коммунального хозяйства предприятия местных Совнархозов и Земотделов, снятые с госснабжения, а также все предприятия местного транспорта и местной связи (местное пароходство, переправы, городские телефонные станции и т. д.), бывшие муниципальные предприятия: бойни, кирпичные заводы, бани и т. д.

В функции Горисполкомов должно было входить управление городским хозяйством, для этого в их составе создаются отделы: финансовый, благоустройства, предприятий, здравоохранения и народного образования. Участие городов в покрытии общегубернских и общеуездных расходов (например, дороги) должно происходить путем определенных отчислений из местных бюджетов. Коммунальные отделы в составе Губисполкомов и уездных исполкомов постепенно должны заменить бывшие земские управы и объединить в пределах уездов и губерний управление местными средствами и всем местным хозяйством.

Таким образом, следует отметить, что впервые сделана попытка структурирования городского хозяйства и, говоря современным языком, разграничения полномочий между государственными, региональными и местными органами управления, что создает определенные предпосылки для реализации функции планирования.

Поскольку восстановление коммунального хозяйства связано и обусловлено восстановлением всего народного хозяйства, то главные задачи в этот период заключаются в реализации следующих мероприятий[11]:

– урегулирование вопроса о платности жилищ и коммунальных услуг на началах безубыточности и самоокупаемости;

– развитие жилищной кооперации;

– урегулирование вопроса о праве застройки и праве отчуждения недвижимого имущества;

– пересмотр строительного устава в смысле возможного понижения технических норм и рационализации санитарных норм;

– планировка населенных мест;

– всемерное облегчение государственного кредита для целей строительства, как коммунального, так и частного;

– широкое привлечение частного капитала путем концессий, долгосрочных арендных договоров, организации акционерных обществ и комбинатов для эксплуатации коммунальных предприятий;

– разработка положения о распределении дотационного фонда республики, переход к системе государственных субвенций по различным отраслям местного хозяйства в зависимости от их значения и местных условий;

– развитие системы коммунального кредита путем создания специальной государственной кассы коммунального кредита

С переходом к новой экономической политике меняются задачи и функции Главного управления коммунального хозяйства. Оно становится центральным органом по планировке, строительству и благоустройству населенных мест, разработке планов развития, осуществлению строительного надзора, утверждению строительных смет и сопровождению строительства объектов, формированию и проведению в жизнь местных бюджетов, разработке коммунальных тарифов на услуги, информированию и инструктированию местных коммунальных отделов о новом курсе экономической политики и т. д. В связи с этим в составе Главного управления коммунального хозяйства в соответствии с Постановлением Совета Народных Комиссаров от 5 ноября 1921 г. образуются бюджетно-сметный и организационно-инструкторский отделы. Одновременно в системе органов Госплана создается Бюро Коммунального хозяйства, основными задачами которого становятся[12]:

– выяснение необходимых данных и установление основных положений по коммунальному хозяйству в соответствии с требованиями Госплана, а также систематизация статистических данных о положении, потребности и задачах различных отраслей городского хозяйства;

– выработка направляющих указаний Центральным органам власти, ведающим коммунальным хозяйством и различными отраслями городского благоустройства в целях подготовки той или иной части общехозяйственного плана;

– сведение различных частей единого плана и обеспечение его ресурсами в соответствии с их наличием в Республике на данный момент для чего выясняет отрасли производства и промышленные предприятия, обслуживающие нужды коммунального хозяйства, собирает и систематизирует данные по соответствующим отделам ВСНХ и их Главкам;

– совместно с Главным управлением коммунального хозяйства разработка производственных программ коммунальных предприятий и обеспечения их ресурсами в зависимости от состояния местного бюджета;

– выяснение экономических основ дальнейшего развития Коммунального хозяйства.

На обязанности Бюро также ложится осуществление поставленных ему задач в порядке разработки годичного плана государственных затрат (материальных и финансовых) и планомерному удовлетворению нужд коммунального (городского) хозяйства.

Таким образом, в первые годы Советской власти только начала формироваться структура всего народного хозяйства республики, городское хозяйство оформлялось в отрасль. В начале XX в. в развитых западных странах складывается система менеджмента и формируются его научные основы. Поэтому в молодой Советской республике, хозяйство которой фактически существовало в условиях мобилизационной модели экономики, только-только приходило понимание, что должна представлять собой система планирования как функция менеджмента.

Примечания

[1] Проблемы экономической науки и практики : сб. ст., посв. 95-летию С. Г. Струмилина. М. : Прогресс, 1972. С. 189.

[2] Словарь иностранных слов. 7-е изд. М. : Рус. яз., 1979. С. 325, 486, 495.

[3] СССР : энцикл. справ. / гл. ред. А. М. Прохоров. М. : Совет. энцикл., 1982. С. 132–138.

[4] Криц Л. Единый хозяйственный план и Комиссия использования // Нар. хоз-во. 1920. № 18. С. 28–35.

[5] Волков Е. На путях к плановому хозяйству // Нар. хоз-во. 1922. № 1. С. 72–75.

[6] Волков Е. На путях к плановому хозяйству (Первая Всероссийская конференция по районированию) // Нар. хоз-во. 1922. № 3. С. 18–25.

[7] Волков Е. На путях к плановому хозяйству республики. С. 63–70.

[8] Кржижановский Г. М. Хозяйственные проблемы РСФСР и работы Государственной Общеплановой Комиссии : материалы IX Съезда Советов. М., 1921.

[9] Хроника центра. Общие вопросы // Коммунал. дело. 1922. № 1. С. 88–100.

[10] Беленький М. К вопросу о местном бюджете // Коммунал. дело. 1922. № 1. С. 18–23.

[11] Комиссия ВЦИК по коммунальному хозяйству // Коммунал. дело. 1922. № 1. С. 3–7.

[12] Пискарев Г. Коммунальное хозяйство и организационные вопросы // Коммунал. дело. 1921. № 1. С. 6–8.

СЕКЦИЯ 5.
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И СОЦИАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ В УСЛОВИЯХ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ МОДЕЛИ И ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Анохина З. Н.
Гаврилова Н. Ю.
Гришина Н. В.
Иванова Г. М.
Карпов В. П.
Лымарев А. Н.
Макаров А. Н.
Макарова Н. Н.
Потёмкина М. Н.
Романов Р. Е.
Чернова Н. В.
Шрейбер В. К.

З. Н. Анохина

УРАЛЬСКИЕ ДЕПУТАТЫ III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ (1907–1912 ГОДЫ) О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТРУДОВОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

История рабочего движения нашей страны насчитывает длительный срок. Борьба рабочих за свои права, демократизацию жизни общества была существенным фактором жизни России, в частности, и Урала. Крепостнические пережитки, сохранившиеся в уральской промышленности, и привилегии уральской буржуазии становились все более анахронизмом, тормозом экономического развития. Борьба против остатков крепостничества в горнозаводской промышленности Урала приводила рабочий класс к столкновению со всей системой монополистического капитала. Фабричное законодательство предприниматели часто нарушали. Рабочий вопрос не был разрешен и в революцию 1905–1907 гг., достался П. А. Столыпину в наследство. К тому же на Урале в 1907 г. были закрыты более 20 заводов[1]: Алапаевский, Катав-Ивановский, Богословский, заводы Верх-Исетского округа и другие. Часть заводов переходила в руки акционерных компаний, монополистических объединений и иностранного капитала. Население этих заводов оказалось в безвыходном положении. «Странно и досадно видеть в этом благодатном крае мрачные бездействующие заводы, заброшенные промыслы и обнищавших полуголодных людей», – сообщал корреспондент П. Уральский в 1909 г. в газете «Голос Приуралья»[1].

Рабочие Урала стремились использовать все формы борьбы для улучшения своего положения, в том числе и III Государственную думу, в деятельности которой рабочий вопрос занимал значительное место. Рабочее законодательство в III Думе, смысл которого заключался в предупреждении новой революции, в конечном итоге свелось к рассмотрению законопроектов, которые можно выделить в две группы: страховые законопроекты и законопроекты, касающиеся положения торговых рабочих и служащих. Депутат социал-демократической фракции, член комиссии по рабочему вопросу А. И. Предкальн писал, что «с роспуском II Думы правительство открыто вступило на путь реакции, а Столыпин в III Думе только ради приличия коснулся в нескольких словах “рабочего законодательства”, ограничившись указанием о необходимости страхования рабочих на случай болезни и увечий. Все остальные пункты прежней программы оказались выброшенными за борт»[2].

У политических фракций в Думе по утверждению рабочего законодательства не было единого мнения. Октябристы соглашались с требованиями помещиков об успокоении, но вместе с тем добивались, чтобы реформы исходили из интересов капитала, усиливали его экономические позиции и чтобы размер его материальных уступок рабочему классу был сведен до минимума. Что касается кадетов, то они стояли на точке зрения «справедливого» соглашения между рабочими и предпринимателями, полагая, что рабочий класс более или менее уже «успокоен» и поэтому следует переходить к соблюдению законности, к реформам, в противном случае может вновь развернуться революционное движение и тогда никакими реформами его не удастся ликвидировать.

Трудовики и эсеры особой инициативы по рабочему вопросу не проявили. Единственным защитником интересов рабочих была социал-демократическая фракция III Думы. Опираясь на решения IV и V конференций, она «должна отстаивать свои цели, стараться поднимать в Думе вопросы, волнующие народные массы, внести в Думу самостоятельные проекты рабочего законодательства (8-часовой рабочий день, свобода союзов и стачек, страхование рабочих и т. п.)»[3]. Но Дума не спешила с решением рабочего вопроса. Его обсуждение началось со снятия с повестки дня законопроекта о страховании рабочих Министерства финансов. Русские промышленники выступили против всяких законов, которые удовлетворяли бы даже небольшую часть рабочих и использовали всевозможные предлоги, чтобы повлиять

на правительство закулисным путем и отсрочить обсуждение законопроекта. Внимая призывам промышленников, III Дума приняла все меры, чтобы не допустить расширения двух основных законопроектов по рабочему страхованию: «О вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев или утративших работоспособность на работах мастеровых, рабочих и вольнонаемных служащих, а равно членов семейств сих лиц в промышленных и технических заведениях Министерства финансов» и законопроект Министерства торговли и промышленности «О страховании на случай болезни и от несчастных случаев». Принятие этих законопроектов требовало от Думы немедленного решения.

Если на казенных заводах Урала казна выдавала пенсии, к тому же там действовали горнозаводские товарищества, где одной из функций было обеспечение больных, увечных и старых, то на горных заводах обеспечение рабочих в случае травмы зависело от администрации. Нередко увечные получали по 5–10 коп. в месяц. На золотых и платиновых приисках за травму, полученную не по вине рабочего, ему платили единовременное пособие 4–5 р., независимо от тяжести увечья и степени потери трудоспособности[4].

Однако скорейшему принятию законопроектов препятствовала думская комиссия по рабочему вопросу во главе с её председателем бароном Е. Е. Тизенгаузеном, тесным образом связанным с московскими торгово-промышленными кругами.

Первый выход на трибуну Думы рабочей комиссии был связан со страховым проектом Министерства финансов. Закон, принятый 2 июня 1903 г., распространял свое действие только на рабочих частных предприятий, содержал указание главам ведомств, в ведении которых находились казенные предприятия, озаботиться соответствующими представлениями о распространении данного закона на эти предприятия с необходимыми изменениями и дополнениями[5]. В соответствии с этим требованием в 1905–1906гг. было издано несколько специальных законов о страховании рабочих, которые в отличие от закона 2 июня 1903 г. имели одну особенность: предусматривали вознаграждение не только от несчастных случаев, но и за утрату трудоспособности вследствие профессиональных заболеваний. Согласно директиве Государственного совета, все подобные законы должны быть однотипными. Следуя этой директиве, Министерство финансов было вынуждено включить в проект соответствующие статьи, связанные с профессиональными заболеваниями. Одобрение Думой такого закона означало создание нежелательной системы, грозящей расширением объема страхового законодательства. К тому же данный закон распространялся и на технических служащих предприятий Министерства финансов, поэтому рабочая комиссия, куда законопроект был внесен в ноябре 1907 г. на предварительное рассмотрение, признала его неприемлемым и постановила отклонить на том основании, что он якобы не был полностью подобен закону от 2 июня 1903 г.[6]

В конце I сессии доклад комиссии был внесен в повестку дня Думы. Придавая серьезное значение разработке экономической политики, в том числе и уральскому региону, уральские депутаты приняли активное участие в обсуждении горнозаводской промышленности края. В своих выступлениях они обращали внимание на сложное экономическое и социальное положение горнозаводского края, ведущего к нарастанию нового социального конфликта. В частности, пермский депутат – либерал А. Ф. Бабянский подчеркнул необходимость решения проблем казенной промышленности, ведущих к таким явлениям, как убыточность, бесхозяйственность, безответственность[7]. Социал-демократ Н. М. Егоров, говоря о тяжелом положении уральских рабочих, отметил, что «почти все население Урала живет впроголодь и страдает от безработицы в виду отвратительного ведения дела на казенных заводах. Реформа 1861 г. привела к тому, что 85 % уральского населения осталось без земли, и все это было сделано в угоду уральским горнопромышленникам, которым, таким образом, была обеспечена рабочая сила. Располагая подневольными рабочими, они не старались улучшить техническое оборудование своих заводов, а выезжали на усиленной эксплуатации рабочей силы. А когда они вели конкуренцию с южной промышленностью, то оказывались не

способны к этой борьбе. Заработная плата выплачивается нерегулярно. Массе населения грозит безработица, но правительство никаких мер не принимает»[8]. Далее Егоров раскрыл антинародную политику правительства и горнозаводчиков, предложил отвергнуть смету Горного департамента и признать, что «политика правительства ведет к систематическому расхищению богатств России, к упадку промышленности и явному попиранию интересов горнорабочих»[9]. Без всякого обсуждения, и даже не найдя нужным ответить ему, думское большинство проголосовало за снятие законопроекта[9]. Но Дума побоялась сразу отбросить законопроект, он был возвращен в комиссию. За шесть месяцев своей деятельности Государственная дума не сделала ни одного шага, не сказала ни одного слова в пользу рабочего класса. Лишь в мае 1909 г. он вновь попал на рассмотрение Думы. Председатель от рабочей комиссии Тизенгаузен, выступая, отметил, что законопроект слагается из двух частей: первая часть (58 статей) регулирует вознаграждение рабочих, потерпевших от несчастных случаев; вторая часть (10 статей) регулирует вознаграждение рабочих, утративших трудоспособность вследствие профессиональных заболеваний. Первая часть проекта при обсуждении не вызвала у комиссии возражений, а против второй выступили правые и октябристы; ссылаясь на отрицательное отношение к этой части торгово-промышленных организаций, которые заявили, что «законопроект неприемлем, так как не осуществим»[10]. Тизенгаузен, представлявший интересы этих организаций, изощрялся в поисках всевозможных «аргументов» против второй части закона, ссылаясь на практику Западной Европы, где нет указанного вида страхования и который грозит снижению конкурентоспособности России на международном рынке; ссылаясь на науку, которая якобы бессильна определить понятие профессионального заболевания и т. д. В связи с этим комиссия откладывает рассмотрение до внесения Министром финансов необходимых материалов, «которые дали бы возможность с большим сознанием отнестись к этой крайне серьезной и важной мере»[11].

Представители социал-демократической фракции выступили с предложением о снятии законопроекта с повестки дня и передачи его в рабочую комиссию для рассмотрения второй части закона, но большинство депутатов Думы отклонило это предложение и приступило к обсуждению законопроекта[11].

Данный законопроект не расширял старый закон от 2 июня 1903 г., а наоборот распространял свое действие на меньшее количество рабочих и служащих. Правые думцы защищали рабочую комиссию во главе с ее председателем Тизенгаузеном, отмечая, что «комиссия поступила мудро, что рисковать в деле страхования нельзя – это шаг рискованный, необходимо проявлять “осторожность”, начиная с малого»[12].

Позиция уральских правых совпадала с позицией своей фракции, и по ее решению они проголосовали за принятие законопроекта в редакции комиссии по рабочему вопросу.

Кадеты, как это было им свойственно, заняли половинчатую позицию. Только трудовики и социал-демократы выступили с критикой страховых законопроектов с подлинно демократических позиций. В частности, пермский депутат – трудовик К. М. Петров в своем выступлении заметил, что «отношение Государственной думы вообще к законодательству по улучшению рабочего положения не должно стоять на узкой, классовой точке зрения»[13].

В выступлении депутатов социал-демократической фракции доказывалось, что правительственные законопроекты ничего не могут дать народу, что решить рабочий вопрос можно только классовой борьбой за свержение существующего строя. Приводя многочисленные факты, рабочие депутаты показали не только тяжелое экономическое положение рабочих казенных заводов, но и их политическое бесправие[14].

Уральский депутат Н. М. Егоров, обрисовав состояние уральской промышленности, заявил: «За все бедствия и убытки рабочих, за государственный ущерб, за бездействие власти, центральная власть должна быть на скамье подсудимых»[15]. На Урале к тому же постоянно задерживалась заработная плата. Это стало системой. Задержка колебалась от трех месяцев

до одного года. Уральские большевики проводили разъяснительную работу среди рабочих, в результате которой стали устанавливаться связи рабочих с социал-демократической фракцией III Думы. На основании архивных документов, печати и опубликованной литературы установлено, что в 1907–1912 гг. в социал-демократическую фракцию письменно обращались рабочие Бело-Холуницкого, Билимбаевского, Верхне-Синячихинского, Каслинского, Кушвинского, Кыштымских, Кыновского, Михайловского, Нижне-Тагильского, Очерского, Павловского, Серебрянского, Шайтанского, Гороблагодатского рудника, платиновых приисков Верхотурского уезда, фабрично-заводских предприятий Екатеринбурга, Оренбурга, Тюмени и ряда других городов, приказчиков Екатеринбурга и др.[16] Они посылали ей приветствия, протесты, резолюции, приговоры, прошения, письма, телеграммы. Кроме этого многочисленные петиции хлынули в Петербург, особенно в 1909–1910 гг. Уральский депутат Н. М. Егоров отметил настоящее «паломничество» в столицу представителей уральских рабочих[17].

Главным вопросом, волнующим уральских рабочих, было закрытие предприятий в связи с кризисом горнозаводской промышленности, безработица и бедственное положение населения. Н. М. Егоров по этому поводу писал: «На первом плане в это время у всех почти делегаций было увеличение заводских работ, повышение зарплаты и правильность расчетов»[17]. Иногда последствия безработицы были плачевны. В частности, на Ржевском заводе, читаем в газете «Уральская жизнь», «безработица породила самоубийства, которых ранее у нас никогда не случалось. Повесились Менькин и Архипов – 24 лет. Они явились жертвами заводских неурядиц. Рабочие получают вместо денег железо. Продав его за бесценок, они редко приносят деньги домой»[18]. На многих заводах рабочие в расчет вместо денег получали купоны[19].

Социал-демократическая фракция занялась всесторонним изучением состояния уральской горнозаводской промышленности и экономического положения рабочих. Н. М. Егоров опубликовал в большевистских журналах «Мысль» и «Просвещение» и других легальных изданиях более 10 статей по этому вопросу[20], однако реакционная Дума и объединенный кабинет отмахивались от уральских вопросов, как от назойливой мухи, и все они не были рассмотрены, кроме вопроса о залоге посессионных земель.

При обсуждении законопроекта о нормальном отдыхе торговых служащих уральские депутаты выступали против 12-часового рабочего дня, сверхурочных работ. При постатейном обсуждении данного законопроекта депутаты социал-демократической фракции потребовали ввести 8-часовой рабочий день, обязательный еженедельный 42-часовой отдых и внесли более 20 поправок. Несмотря на поддержку отдельными депутатами других партий, при голосовании все поправки социал-демократов были отвергнуты думским большинством. 30 мая 1908 г. министр торговли и промышленности С. И. Тимашев внес для обсуждения в Совет Министров два основных законопроекта (о страховании рабочих на случай болезни) и два вспомогательных (об организации совета по делам страхования рабочих и страховых присутствий). Трижды, 17, 19 июня и 26 сентября 1908 г., эти законы обсуждались в Совете Министров. Единства взглядов и здесь не было. Три года этот вопрос обсуждался в рабочей комиссии Думы.

Представители социал-демократов неоднократно пытались ускорить работу комиссии по рабочему вопросу, поставить ее на деловую почву. Рабочие П. И. Сурков (Костромская губ.), Н. М. Егоров (Пермская губ.) пытались добиться разрешения на проведение собраний с рабочими по вопросам страхования, но получили отказ. И только в 4 сессию законопроект был внесен на обсуждение Думы.

От правооктябристского большинства выступил член комиссии по рабочему вопросу от Тамбовской губернии С. В. Войков, который отметил, что врачебную помощь необходимо возложить не на владельцев предприятий, а передать в больничные кассы.

Кадетские ораторы полностью поддержали правооктябристское большинство. Уральский депутат кадет В. А. Степанов не только поддержал своих коллег, но отверг еще одно требование рабочих депутатов – о замене фабрично-заводских касс местными, территориальны-

ми, то, что «предполагается правительством, – говорил он, – представляет собой шаг вперед, шаг весьма робкий, но все-таки шаг вперед, а не назад»[21]. Пермский трудовик К. М. Петров потребовал введения всех видов страхования, которое должно быть организовано государством с участием рабочих и служащих за счет предпринимателей. В оглашенном им заявлении трудовой группы указывалось, что «внесенные законопроекты не отвечают даже самым основным условиям, которым должно удовлетворять обязательное страхование рабочих»[22].

Социал-демократы при обсуждении этого законопроекта внесли 89 поправок, трудовики – 26 и на всех стоял неизменный штамп: «Отклонена». Зато было принято 8 поправок октябристов, которые не улучшили законопроект[23].

25 раз заседала комиссия, обсуждая вопрос об обеспечении рабочих на случай болезни. В Государственной думе правительство отстаивало свой проект, который различал два вида помощи: пособие по болезни, которое должна была выдавать больничная касса, и оказание непосредственной врачебной помощи рабочим, которую возлагали на капиталистов.

В обязательных денежных взносах в больничные кассы должны участвовать как рабочие, так и предприниматели, причем рабочие уплачивают от 1 до 2 % своего заработка, а предприниматели 2/3 того, что внесли рабочие. Но думская комиссия изменила условия правительства. Она понизила взносы предпринимателей с 2/3, по проекту правительства, до 3/5. При постатейном обсуждении кадеты присоединялись к правительственной точке зрения. Трудовики вновь внесли 29 поправок, а социал-демократы – более 40, и опять комиссия их отклонила[24]. Выступая в Думе от имени социал-демократической фракции, И. П. Покровский заявил, что фракция будет голосовать против законопроектов, предложенных рабочей комиссией Думы, так как они не улучшают положения рабочих. Согласно решению фракции, он потребовал «распространить государственное страхование не на 2,5 млн, как это предусмотрено законопроектами, а на всех работающих по найму, т. е. на 13 млн человек, ввести страхование также по старости, инвалидности, безработице, обеспечить медицинскую помощь семьям рабочих, пенсии по старости назначить с 55 лет в размере среднего заработка и т. д.»[25]. Окончательно законопроекты о страховании обсуждались на V сессии Государственной думы, когда Столыпина не стало, а вместо него стал новый председатель Совета Министров В. Н. Коковцев защищать законопроекты правительства. Социал-демократы и на этот раз выступили с их критикой и голосовали против. Пермский депутат Н. М. Егоров в своем выступлении отметил полное бессилие и нежелание принять что-либо существенное для трудящихся. В конце своего выступления он заявил, что «уральским рабочим придется самим решать эти вопросы»[26].

10 января 1912 г. Дума приняла страховые законопроекты и передала в Государственный Совет. Подъем рабочего движения и ленские события заставили Государственный Совет принять решение о страховых законопроектов, и 2 мая 1912 г. они были переданы царю, а 23 июня по утверждению царем стали законами, но действие их распространялось только лишь на 15 % всех рабочих России. В целом проблема обеспечения рабочих на случай увечья, болезни и старости не была решена. Они недостаточно обеспечивали материально рабочих и членов их семей, ставили все страховое дело и страховые органы под контроль полиции и капиталистов. Заработная плата рабочих была в 2–3 раза ниже, чем в США и Англии. Условия проживания еще хуже. В общественных домах проживало всего 4 % рабочих.

Анализ выступлений уральских депутатов по рабочему вопросу в III Государственной думе позволяет сделать следующие выводы: Депутаты каждой фракции придерживались программных и теоретических положений своей фракции, одновременно выступали за устранение полукрепостнических пережитков, тормозящих дальнейшее капиталистическое развитие страны. Депутаты буржуазных фракций при всех своих различиях в программах своими выступлениями способствовали укреплению экономического господства буржуазии как класса, голосовали за предложенные правительством законопроекты, выступали против

требований социал-демократической фракции, отвергали все поправки, внесенные социал-демократами, обостряя противоречия между капиталистами и рабочими. Своими выступлениями они еще раз показали народу, что III Дума ничего не даст, что за свои права надо бороться помимо Думы.

Претворение этих законов затянулось на годы. На Урале работа по страхованию рабочих началась лишь в 1913 г.

Примечания

[1] Голос Приуралья. 1909. 2 июля.
[2] Предкальн А. И. Мытарства страховых законопроектов. СПб., 1913. С. 20.
[3] См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983.
[4] Никольский Д. П. К характеристике горнозаводского дела на Урале в санитарном отношении // Промышленность и здоровье. 1902. № 2. С. 25–26.
[5] Аврех А. Я. Столыпин и III Дума. М., 1968. С. 286.
[6] Любаров П. Е. III Государственная дума и вопрос о страховании рабочих казенных предприятий // Вестн. моск. ун-та. 1967. № 2. С. 40.
[7] Государственная дума. Стеногр. отчеты. Созыв III. Сессия I. Ч. 3. С. 5.
[8] РГАСПИ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 27. Л. 61–63.
[9] Там же. Л. 64.
[10] Лаверычев В. Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1861–1917 гг.). М., 1972. С. 237.
[11] Государственная дума. Стеногр. отчеты. Созыв III. Сессия 2. Ч. 4. Стб. 625.
[12] Там же. Ч. 1. Стб. 1290; Ч. 4. Стб. 663, 664, 704.
[13] Там же. Сессия II. Ч. 4. Стб. 653.
[14] Там же. Стб. 632, 633, 637, 638.
[15] Там же. Созыв III. Сессия II. Ч. 4. Стб. 370.
[16] Рябухин Е. И. Большевистские организации Урала в борьбе за нелегальную партию пролетариата и укрепление связей с массами (1907–1914 гг.). Саратов, 1973. С. 376.
[17] Урал. жизнь. 1912. 19 сент.
[18] ГАСО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 295. Л. 21.
[19] ГАСО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 905. Л. 4.
[20] Просвещение. 1912. № 3–4. Февраль-март. С. 88–94; Урал. жизнь. 1910. 9 нояб.; 1912, 26, 27 июля; 11, 14, 25 авг.; 19 сент.
[21] Государственная дума. Стеногр. отчеты. Созыв III. Сессия 4. Ч. 3. Стб. 2346.
[22] Там же. Стб. 3262.
[23] РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 652. Л. 168–208, 211–213, 219–240.
[24] Там же. Ф. 178. Оп. 2. Д. 656. Л. 152–159, 174–177, 249–291; Зайчиков Г. И. Думская тактика большевиков 1905–1917. М., 1975. С. 156.
[25] Цит. по: Зайчиков Г. И. Указ. соч. С. 156.
[26] Государственная дума. Стеногр. отчеты. Созыв III. Сессия 5. Ч. 3. СПб., 1912. Стб. 3297.

Н. Ю. Гаврилова

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕНСИВНОЙ РАЗРАБОТКИ НЕФТЕГАЗОВЫХ РЕСУРСОВ (1960–1980 ГОДЫ)

Социальное освоение Севера Западной Сибири в 60–80-е гг. прошлого столетия – яркий пример мобилизационного характера советской экономики. Создание в труднодоступных малоос-

военных районах добывающей базы отечественной экономики, а затем формирование нефтегазодобывающего комплекса (ЗСНГК) требовали не только неординарных управленческих решений, но и «подключали» к их реализации материальные, трудовые ресурсы других регионов.

Это было обусловлено, прежде всего, спецификой самой территории освоения. Особенностью процессов освоения являлось то, что они осуществлялись на громадной территории Тюменской области, занимавшей почти 1,5млн кв. км, но малонаселенной, с суровыми природно-климатическими условиями. Данная экономико-географическая характеристика относилась к северным широтам области – Ханты-Мансийскому и Ямало-ненецкому автономным округам, где по данным геологических изысканий и разведочного бурения находились крупнейшие запасы углеводородного сырья.

К началу разработки нефтяных и газовых месторождений относительно развитой в промышленном отношении являлась только южная зона области, где в середине 1960-х гг. проживало около 80% населения. Плотность населения в северных районах была в 5,5 раза ниже, чем в Западно-Сибирском регионе в целом и в 8,3 раза ниже, чем в среднем по РСФСР[1].

Суровые природно-климатические условия Севера, малоосвоенность территории, ее отдаленность от промышленных центров, отсутствие транспортных магистралей круглогодичного действия, наконец, отсутствие необходимых трудовых ресурсов, обладающих соответствующим уровнем квалификации и знаний, не говоря уже об отсутствии самых элементарных условий, необходимых для обеспечения их жизнедеятельности, – вот тот перечень социальных проблем, которые необходимо было решить уже на начальном этапе обустройства нефтегазовых месторождений.

Вопрос «быть» или «не быть» нефтегазовому комплексу Западной Сибири, учитывая специфические условия его создания, практически с «нуля» (а следовательно, необходимость использования значительных материальных, финансовых, трудовых ресурсов), являлся предметом бурных обсуждений не столько в научных кругах, сколько среди партийных и хозяйственных руководителей высшего руководства: Госплана, союзных министерств, ЦК КПСС, Совета Министров. Первые руководители Тюменской области (Б. Е. Щербина, А. К. Протозанов) убежденно отстаивали позицию необходимости создания новой топливно-добывающей базы страны на севере Западной Сибири на базе вновь открытых месторождений углеводородного сырья.

Одним из ведущих аргументов в пользу освоения природных богатств Севера Западной Сибири был тезис о дефиците топливно-энергетических ресурсов для европейских районов и Урала, что было в свою очередь обусловлено падением темпов нефтегазодобычи в традиционных нефтяных районах. По некоторым данным, общий дефицит в топливе к 1970 г. должен был составить 100 млн т[2]. По убеждению сибирских экономистов А. Г. Аганбегяна и Б. П. Орлова, решить эту проблему можно было, используя ресурсы Севера[3]. Таким образом, потребности внутреннего рынка диктовали принятие высшим руководством решения о создании новой топливно-добывающей базы страны, несмотря на столь сложные условия освоения северных территорий.

Становление нефтегазодобывающей промышленности региона совпало с изменением самой модели освоения. В 1960-е гг. в экономической науке и хозяйственной практике утверждалась идея комплексного развития территорий. Основой ее провозглашался тезис: «наиболее полное рациональное использование природных богатств края с минимальными затратами живого труда»[4]. Сторонником такого варианта создания ЗСНГК был руководитель Тюменского обкома КПСС Б. Е. Щербина.

Утверждение идеи комплексного развития районов нового промышленного освоения (РНПО) предполагало разработку социальной программы, которая бы учитывала, с одной стороны, специфику социально-демографических, природно-климатических условий региона, а с другой – предыдущий опыт освоения, как отечественный, так и зарубежный.

Социальная программа должна была определить не только оптимальные методы и формы привлечения трудовых ресурсов, но и направления по созданию всей системы жизнеобеспечения. Поставленная задача: «уделять особое внимание наиболее комплексному развитию новых районов»[5], в идеале была направлена на преодоление стереотипов хозяйственной деятельности 1930–1950-х гг., реализованных в практике «Великих строек». В основе предшествующей практики лежали два незыблемых принципа: «сначала» и «потом», т. е. сначала создание объектов промышленности, а затем – социального значения. Этот психологический стереотип, прочно утвердившийся в сознании руководящих кадров, рассматривал бытовую неустроенность неотъемлемым атрибутом новостроек, окрашивая ее (не без влияния прессы) ореолом «романтики будней».

За основу создания нефтегазодобывающего комплекса Западной Сибири был провозглашен иной принцип, а именно одновременного создания отраслей специализации, производственной инфраструктуры, строительства городов. Вместе с тем реализацию предложенного варианта освоения затрудняло отсутствие научно-обоснованной программы размещения производительных сил и комплексной схемы застройки Тюменского нефтегазодобывающего района. По мнению большинства исследователей, причиной сложившейся ситуации являлась неопределенность геологических прогнозов промышленных запасов месторождений[6]. «Масштабы, темпы, география добычи нефти и газа, – как утверждал первый секретарь Тюменского обкома КПСС Б. Е. Щербина, – были неопределенными на всем протяжении 60-х годов»[7].

Именно поэтому одной из важнейших задач являлась разработка программы комплексного развития и размещения производительных сил районов нового промышленного освоения. Осознанием первоочередного решения этой задачи была продиктована инициатива Тюменского обкома КПСС, выступившего с предложением о создании координационного Совета по комплексному развитию производительных сил области. Обком и вновь созданный Совет провели значительную организационную работу по выработке перспектив развития и размещения производительных сил РНПО на ближайшее десятилетие[8]. К этой работе были привлечены заинтересованные научные институты и ведомства.

Весомый вклад в разработку концепции освоения Севера Западной Сибири внесли научно-технические конференции по проблемам градостроительства (1966) и развитию и размещению производительных сил Северного региона (1969), проходившие в Тюмени и Томске и собравшие не только представителей столичной и сибирской науки, но и партийных, хозяйственных руководителей, проектировщиков и строителей.

Так в научной полемике рождалась социальная программа освоения нефтегазодобывающих районов Севера. Предложения и рекомендации конференций легли в основу постановлений ЦК КПСС и Совмина СССР, распорядительных документов по ЗСНГК.

В качестве основополагающей была принята идея создания крупных современных городов в наиболее благоприятных для проживания местах. Обслуживание отдаленных от центров поселений промыслов (в радиусе 40–50 км) предлагалось осуществлять вахтовым методом (речь шла об использовании межрайонной вахты)[9].

Таким образом, к концу 1960-х гг. определились основные принципы градостроительства в РНПО. Однако в социальной программе практически не нашла отражения концепция расселения с учетом перспектив развития региона, что являлось свидетельством ее незавершенности.

Первоначально опорной базой эксплуатации нефтяных месторождений рассматривалась территория Ближнего Севера. Центром освоения становятся рабочие поселки Среднего Приобья – Урай, Сургут, Нефтеюганск, Нижневартовск, получившие статус городов на протяжении середины 60 – начала 70-х гг.

Уже при строительстве первых северных городов проявились те просчеты, которые оказались характерны в целом для социального освоения северного региона. А именно, про-

счеты в численности населения будущих городских поселений. Так, схема планировки, одобренная в 1964 г., определяла расчетную численность населения Урая – 33, Нижневартовска – 44, Нефтеюганска – 18 тыс.[10] Это явно заниженная численность населения городов-новостроек, по мнению большинства специалистов, была во многом связана с неопределенностью в оценке объемов нефтегазодобычи на начальном этапе освоения региона. Следствием подобных просчетов становится не только корректировка генеральных планов городов Среднего Приобья на всем протяжении 70–80-х гг. (так, население Нижневартовска и Сургута с 1970 по 1990г. выросло соответственно в 15,7 и 7,5 раза, составив по численности около 250 и 300 тыс. человек)[11], но и некомплексный характер застройки. Это проявлялось как в том, что города-новостройки обрастали «времянками» (балками, вагончиками, самостроем, т. е. временным типом жилья, что отчасти позволяло решить жилищную проблему в условиях диспропорций между значительным ростом населения и не поспевающим за ним ростом жилого фонда), так и в необеспеченности уже имеющихся жилых районов объектами соцкультбыта, а также в чередовании промышленной и жилой зоны, что нарушало весь план Генеральной застройки северных городов.

1970-е гг. вносят новые коррективы в социальную программу освоения Севера. Начинается новый этап в развитии ЗСНГК, связанный не только с принятием курса на ускоренное развитие нефтегазодобывающих отраслей, но и продвижением процессов освоения на территорию Крайнего Севера (Ямало-Ненецкого округа). Последнее было вызвано включением в промышленную разработку газовых месторождений Приполярья.

С одной стороны, утверждение идеи о необходимости ускоренного варианта развития ЗСНГК ставило под сомнение возможность достижения другой – «комплексного освоения», что неизбежно бы вело к появлению диспропорций в промышленном и социальном развитии северных территорий, а с другой, требовало принятия мер мобилизационного характера, прежде всего, в решении социальных задач. Ибо значительный рост темпов развития нефтегазодобывающих отраслей экономики региона и сопутствующей им производственной инфраструктуры требовал значительного притока трудовых ресурсов, а также создания условий их жизнеобеспечения. Кроме того, территория Крайнего Севера, где были сосредоточены газовые и газоконденсатные месторождения, по медико-биологическим параметрам относилась к категории малопригодной для постоянного проживания. Поэтому промышленное освоение в этой зоне предлагалось вести, «ориентируясь на периодическую смену пришлого населения». Наконец, уровень затрат на хозяйственную подготовку территории и гражданское строительство определялся в 1,5–2 раза выше, чем в районах Среднего Приобья[12].

Таким образом, социальная концепция освоения региона все в большей степени развивалась под влиянием принятия управленческих решений мобилизационного характера. Это находит отражение прежде всего в решении вопроса о привлечении новых трудовых ресурсов. Если ранее, на начальном этапе освоения региона, доминировал тезис о формировании системы поселений, используя традиционные методы, создавая стационарные города с постоянным населением, то на новом этапе предпочтение отдавалось вахтовой организации труда. При этом ставка делалась не столько на использование межрайонной (как предполагалось ранее), сколько на применение внутрирегиональной и межрегиональной вахты («летающих вахт»). Этот термин вошел в широкий обиход в 80-е гг. Главными аргументами в пользу широкого использования вахтового метода были не только и не столько медико-биологические условия Крайнего Севера, ориентированные «на периодическую смену пришлого населения», сколько субъективные факторы, продиктованные ведомственными интересами. Большинство исследователей основными причинами широкого применения вахтово-экспедиционного (межрегионального) метода называли, с одной стороны, большие объемы производства (в условиях ускоренной разработки и обустройства месторождений), для выполнения которых в регионе было недостаточно трудовых ресурсов (прежде всего со-

ответствующего уровня квалификации), а с другой, неразвитость социальной инфраструктуры в самих районах освоения[13]. По утверждению социологов, зачастую ставка на экспедиционный метод привлечения работников из других регионов страны делалась для того, чтобы получить экономию затрат на жилищно-гражданское строительство в условиях Севера[14].

Уходя от оценки позитивных и негативных сторон вахтового метода и констатируя немалое количество сторонников и противников их использования, следует отметить, что если в 1960-е гг. он занимал в нефтедобывающей промышленности незначительный удельный вес и использовался только внутри региона, то в начале 1980-х гг. этим методом выполнялось в нефтяной промышленности более 30 % всех буровых работ, 26% – геологоразведочных, более 43 % – строительно-монтажных. В середине 80-х гг. вахтовым методом уже работало около 130 тыс. человек (т. е. население среднего по величине северного города) или 20 % численности производственных коллективов[15]. Вахтовики «летали» почти из всех районов страны: Украины, Белоруссии, Молдавии, Северного Кавказа, Поволжья, центральных районов, а не только из близлежащих соседних областей. При этом контингент вахтовых бригад включал как высококвалифицированный, так и обслуживающий персонал.

Социологические исследования, проводившиеся в вахтовых коллективах, отмечали как отсутствие должной слаженности, так и заметную девальвацию в сознании моральных ценностей. По мнению сибирского социолога Г. Ф. Куцева, «эфемерная экономия на вахте через годы оборачивалась неразвитостью городов и рабочих поселков, необходимых для дальнейшего освоения ресурсов северных районов»[16].

Переход к интенсивному освоению нефтегазовых ресурсов Западной Сибири сопровождался не только значительным увеличением вахтово-экспедиционного метода в отраслях специализации региона, но и не менее значительным притоком трудоспособного населения в северные районы за счет механического прироста.

С начала разработки и обустройства нефтегазодобывающих районов определяющим источником формирования населения Тюменской области становится механический прирост. В центрах нефтегазодобычи он практически являлся единственным, особенно на начальном этапе. По данным демографов, размеры миграцию по прибытию в этот период (1965–1970гг.) достигали 130–155 тыс. чел. в год[17]. Центром притяжения являлись города Среднего Приобья – Сургут, Нижневартовск, Мегион, Нефтеюганск, население которых только за первое пятилетие становления ЗСНГК увеличилось в 3–10 и более раз[18]. География прибывших включала Урал, Поволжье, Украину, Казахстан, Западную Сибирь и другие регионы страны.

Во второй половине 1970-х – 80-е гг. в связи с обустройством газовых месторождений Приполярья основной приток населения приходился именно на эти районы, где центрами освоения становятся Надым, Новый Уренгой, Ноябрьск. В географии прибывших все больший удельный вес стали занимать Украина, Северный Кавказ наряду с Западной Сибирью и Уралом.

Значительный приток населения в РНПО обуславливал необходимость создания соответствующих социальных условий жизнедеятельности. Именно социальная сфера, формируя жилую среду обитания в суровых природно-климатических условиях севера, становилась, как показывали социологические исследования, ведущим фактором закрепления здесь населения, оказывая решающее влияние на его адаптацию.

В РНПО социальная инфраструктура фактически создавалась с нуля. Первоочередной по значимости была проблема обеспечения жильем. Целый ряд мер по улучшению жилищно-бытовых условий населения нефтегазодобывающих районов были определены постановлениями Совета Министерств СССР (1962, 1964 гг.). Если первые поселенцы, прибывшие в районы Среднего Приобья, жили в основном во времянках (палатках, вагончиках, на баржах), то только за 1964–1965 гг. в районах нефтегазодобычи было сооружено 200 тыс. кв м общей площади жилых домов, что позволило увеличить жилой фонд нефтяников в 2 раза,

геологов – на две трети. Однако треть населения РНПО по-прежнему проживала во временном типе жилья, а обеспеченность жильем с учетом коэффициента семейности у нефтяников и строителей составляла всего 1,4 кв. м на человека[19].

В условиях отсутствия производственной базы строительства в районах освоения проблему обеспечения строительными материалами первоначально решали за счет их поставки из других близлежащих регионов: Урала, Западной и Восточной Сибири (Иркутска, Красноярска, Новосибирска). Наряду с принятием решения о создании собственной базы стройиндустрии в Тюмени, Урае, Сургуте (общей мощностью 350 тыс кв м жилья в год) организуются строительные подразделения в структуре Газпрома, Главтюменьнефтегазстроя, Главтюменнефтегаза, задачей которых становится сооружение жилья наряду с промышленным строительством.

В принятии этого организационного решения можно увидеть как позитивные, так и негативные моменты. Безусловно, сооружение жилья, а равно и всех прочих объектов соцкультбыта не являлось приоритетным для Главков. И это находило отражение как в «остаточном» принципе финансирования подобных объектов, так и их сооружении. Но поскольку именно Главки обладали мощными финансовыми ресурсами, строительными кадрами, то принятие этого решения высшим руководством страны позволяло во многом решить проблемы, связанные со строительством жилья, объектов жилищно-коммунального хозяйства, социально-бытовой и социокультурной сферы.

За 20-летие (1965–1985 гг.) обустройства нефтегазовых месторождений в Тюменской области было введено 26,6 млн кв м жилья[20]. Значительная часть его приходилась на районы нового промышленного освоения. Если жилой фонд городских поселений в целом по области за этот период вырос почти в 6 раз, то в центрах нефтегазодобычи – Ханты-Мансийском (ХМАО) и Ямало-Ненецком (ЯНАО) автономных округах соотвественно в 15 и 16 раз[21].

Существенные изменения произошли в торговом, бытовом обслуживании населения вновь осваиваемых территорий, развитии системы общественного питания, т. е. отраслей сферы социально-бытового обслуживания. Темпы их роста в 1960–1980-е гг. намного опережали соответствующие показатели по Западной Сибири и РФ в целом.

Однако, несмотря на значительные темпы прироста жилого фонда, объектов социально-бытового назначения (число предприятий розничной торговли за 1966–1985 гг. выросло в ХМАО в 2,1; ЯНАО – 3,2 раза; предприятий общественного питания соответственно в 9,8 и 11,9; бытового обслуживания в 2,4 и 3,7 раз)[22] обеспеченность жильем на начало 1986 г. в РНПО составляла в среднем от нормативной 82%, магазинами – 86,6%, предприятиями общественного питания – 44 %. Наиболее «уязвимым местом» в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири являлось бытовое обслуживание и жилищно-коммунальное хозяйство. Так, услугами службы быта население было обеспечено на 30–40 % от нормы. Дефицит по водоснабжению новых городских поселений достигал 50 %. В целом обеспеченность объектами социально-бытового обеспечения северных городских поселений в середине 1980-х гг. была в 1,5–2 раза ниже, чем в европейских районах страны[23].

Аналогичная ситуация складывалась и в развитии социокультурной сферы региона. Как и вся система жизнеобеспечения, социокультурная инфраструктура нефтегазодобывающих районов практически создавалась с «нуля». Но в отличие от объектов социально-бытового назначения, темпы ее роста были менее динамичны. «Остаточный» принцип финансирования и сооружения, положенный в основу директивного управления, более болезненно сказывался именно на сфере культуры. Нередко объекты культуры превращались в «долгострой», сооружение которых осуществлялось не одну пятилетку (такой «лебединой песней» можно назвать сооружение кинотеатров, клубов в Нижневартовске, Нягани и др. городах-новостройках). Поэтому показатели обеспеченности населения РНПО библиотеками, клубами, кинотеатрами колебались на уровне 50 %, а нередко были значительно ниже[24].

В целом по социальным показателям северные районы значительно уступали республиканским, несмотря на значительную динамику в их развитии. Это относилось и к самой Тюменской области. Среди 14 административных районов Западной Сибири по основным параметрам социального развития в середине 1980-х гг. она занимала предпоследнее место, а среди других регионов России – 40–50-е.

Отставание социальной сферы от потребностей населения оборачивалось огромными миграционными процессами, в которых за период с 1964 по 1989 г. участвовало 15 млн человек, тогда как население центров нефтегазодобычи – ХМАО и ЯНАО выросло за 1966–1985 гг. соответственно в 7,3 и 5,9 раза, составив 1047 и 383 тыс. человек. Темпы прироста населения Тюменской области в целом были гораздо ниже – 2,1, а его численность достигла на 1.01.1986 г. – 2685 тыс. человек[25].

Следовательно, результатом ускоренного варианта развития нефтегазового комплекса Западной Сибири стали значительные диспропорции в развитии северных территорий между промышленной и социальной сферой. Если промышленный потенциал региона обеспечивал основные потребности страны в энергоносителях, а сами энергоносители за счет их экспорта становились одним из основных источников получения конвертируемой валюты, то социальная инфраструктура, уступая по всем параметрам развития, отнюдь не выполняла свое основное функциональное предназначение – создание жилой среды обитания в РНПО. Лозунг «Главное – нефть», под которым велось освоение западно-сибирских месторождений, их форсированная добыча, вели к забвению ведущего направления социальной политики советского государства, провозглашенного в этот период: «Все – для блага и во имя человека». В условиях мобилизационного характера экономики лозунг оставался декларацией, человек же рассматривался как средство реализации другого лозунга, связанного с ускоренной добычей нефти и газы.

Примечания

[1] Нефть и газ Тюмени в документах. Свердловск, 1971. Т. 1. С. 199.
[2] Славин С. В. Освоение Севера. М., 1982. С. 11.
[3] Аганбегян Г. А. Западная Сибирь на рубеже веков. Свердловск, 1984. С. 24; Орлов Б. П. Сибирь сегодня : проблемы и решения. М., 1974. С. 115.
[4] Нефть и газ Тюмени в документах. Т. 1. С. 435.
[5] «Об организации подготовительных работ по промышленному освоению нефтяных и газовых месторождений в Тюменской области» : Постановление Совета Министров СССР, 4 декабря 1963 // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 5. С. 430.
[6] Проблемы развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Новосибирск, 1983. С. 96.
[7] Нефть и газ Тюмени в документах. Т. 2. С. 266.
[8] Карпов В. П., Гаврилова Н. Ю. Курс истории отечественной нефтяной и газовой промышленности. Тюмень, 2011. С. 157–158.
[9] Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобыващих районов Западной Сибири. Тюмень, 2002. С. 35–36.
[10] Там же. С. 38.
[11] Карпов В. П., Гаврилова Н. Ю. Указ. соч. С. 161.
[12] Орлов Б. П., Харитонова В. Н. Формирование пространственной структуры ЗСНГК // Изв. СО АН СССР. Сер. «Обществ. науки». 1983. № 11. С. 30.
[13] Перцик Е. Н. Город в Сибири : проблемы, опыт, поиск решений. М., 1980. С. 33.
[14] Куцев Г. Ф. Человек в северном городе. Свердловск, 1987. С. 124.
[15] Очерки истории Тюменской области. Тюмень, 1996. С. 226.

[16] Куцев Г. Ф. Указ. соч. С. 124.
[17] Мисевич К. Н., Чуднова В. И. Население районов современного промышленного освоения Севера Западной Сибири. Новосибирск, 1973. С. 52.
[18] Там же. С. 52–53.
[19] Гаврилова Н. Ю. Указ. соч. С. 106.
[20] Там же. С. 107.
[21] Там же. С. 214.
[22] Там же. С. 270.
[23] Там же. С. 215.
[24] Там же. С. 217.
[25] Рассчитано по: Народное хозяйство Тюменской области за годы восьмой пятилетки (1966–1970 гг.) : стат. сб. Омск, 1987. С. 14, 28; Народное хозяйство РСФСР в 1986 г. : стат. ежегодник. М., 1987. С. 14, 23.

Н. В. Гришина

«МОБИЛИЗАЦИЯ УЧЕНЫХ СИЛ»: ОТЕЧЕСТВЕННАЯ НАУКА И ВЛАСТЬ В 1910–1920-е ГОДЫ[*]

Активное использование мобилизационных практик в сфере отечественной науки можно проследить с первого десятилетия XX в. Особый импульс их применению дала Первая мировая война, в ходе которой во всех европейских странах усилилось давление государства на науку, сформировалось представление, что наука должна обслуживать государственные интересы, в первую очередь, в области военно-экономического развития. Причем мобилизация науки являлась частью всеохватывающей и всесторонней мобилизации нации. По мнению исследователей, в этот период «все нации использовали сложную сеть принуждения и уговоров и разрабатывали собственные, национальные формы управления»[1]. Кроме того, многие страны, в том числе и Россия, ощущали «дефицит самодостаточности»[2], связанный с неспособностью отечественной промышленности, до этого ориентированной на импорт, обеспечивать военные нужды. В этой ситуации максимальная мобилизация всех ресурсов являлась вполне закономерной, государства в основном руководствовались утилитарными соображениями, подогреваемыми общей ситуацией в Европе, а научные исследования носили преимущественно прикладной и довольно узкий характер[3].

В сложившейся ситуации была подвергнута пересмотру свойственная российским ученым идеология «чистой науки», их исследовательские мотивации стали меняться не только под влиянием сверху, но и исходя из понимания необходимости переориентации научных программ в пользу прикладных исследований. Данная ситуация интерпретируется в современной науке в рамках концепции «мобилизации интеллекта»[4]. Крушение довоенных форм международного научного сотрудничества, сближение науки с государственной и общественной жизнью, произошедшие в период Первой мировой войны, позволяют сделать вывод, что в этот период в форсированном виде был повторен переход от «республики ученых» к национально-государственному принципу организации науки, от принципа элитарности и закрытости научных занятий к их демократизации и становлению науки как социального института[5].

В итоге на рубеже веков российскими учеными была предложена целая серия коллективных проектов, реализация которых предполагалась, в основном, на государственные средства.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.». Государственное соглашение № 14.B37.21.0001.

Лоббирование исследовательских проектов во властных структурах и поиск путей достижения собственных целей, часто за счет подогревания утилитаристских настроений государства, становится типичной практикой взаимодействия науки и власти в начале XX столетия.

Смена политических режимов привела к еще большему усилению мобилизационных практик, частью которых стали меры по созданию «идеологически корректной науки»[6]. Согласившись с исследователем научной политики советского государства Л. Г. Берлявским, можно сделать вывод о формировании на рубеже 1910–1920-х гг. государственной концепции мобилизации науки. Советское правительство, позиционировавшее себя как правительство экспертов, уделяло немаловажное внимание поддержке науки. Подчеркнем, что зачастую эта поддержка была вынужденной, учитывая потребность государства в научных достижениях и отсутствие достаточного количества марксистски ориентированных и лояльных режиму кадров. По мнению Л. Г. Берлявского, «стержнем государственной научной политики стала мобилизация науки как составная часть политики “военного коммунизма”. Это предполагало использование в доктринально определенных целях строительства социализма старых и создание сети новых научных учреждений, выработку государственной научной политики представителями высшего партийно-государственного руководства в процессе дискуссий со сторонниками оппозиционных общественно-политических взглядов. В дискуссии вовлекались приверженцы радикально-антисциентистских (Я. В. Махайский, Э. С. Енчмен, В. и А. Гордины, А. А. Богданов и др.) и традиционалистских, дореволюционных (В. И. Вернадский, И. П. Павлов и др.) воззрений»[7].

Действительно, при формировании системы управления наукой лидерами большевистской партии, наряду с новыми принципиальными установками, методами и формами, был частично использован дореволюционный опыт. Сутью развития науки в 1917–1920 г. стала «модель ограниченной автономии» – постепенная советизация научных и образовательных учреждений и компромисс между властью и научно-технической интеллигенцией. Кроме того, «в первые годы советской власти в стране наблюдался настоящий бум учредительства новых исследовательских и учебных институтов, создание которых инициировали сами ученые, поэтому правомерно этот этап определить как период самосохранения науки…»[8].

В любом случае частью научной политики на рубеже 1910–1920-х гг. было проведение масштабной мобилизационной кампании. С одной стороны, она включала прямые мобилизации ученых на принудительные работы, для чтения лекций, участия в мероприятиях по ликвидации безграмотности и т. п., с другой, предполагала консолидацию представителей науки для проведения необходимых стране научных исследований.

Для иллюстрации мобилизаций первого порядка могут служить следующие примеры. Так, в Петроградском университете в заседании совета вуза от 19 июля 1920 г. рассматривался вопрос о предоставлении «списка квалифицированных лекторов (мужчин и женщин) по естествоведению, астрономии, сельскому хозяйству и обществоведению <…>, из коих Подотделом будут назначены 15 человек для откомандирования в качестве лекторов в порядке мобилизации на Западный фронт. <…> За мобилизованными культурниками сохраняются места в прежнем учреждении до их возвращения без оплаты содержания»[9]. Реакция ученых и руководства вузов на подобные практики была неоднозначной. Понимая их неизбежность, представители университетов добивались участия в мобилизации преподавателей других вузов (ссылаясь, в частности на то, что в университете нет специалистов по сельскому хозяйству). Кроме того, они предлагали перейти к практике коротких командировок и чтению лекций в специально оборудованных вагонах-лекториях[10]. В заседании факультета общественных наук 2-го Московского государственного университета от 19 февраля 1921 г. рассматривалось Постановление о мобилизации работников просвещения по ликвидации неграмотности[11].

Характеризуя второй аспект мобилизационных практик, отметим, что уже в марте 1918 г. было принято решение об организации Отдела по мобилизации научных сил при

Наркомпросе[12]. Основной посыл состоял в том, что коренное преобразование страны, которое взяла на себя советская власть, требует опоры на знание, кое находилось «в чужих руках». Уже в обсуждении проекта отдела прозвучала мысль об обращении к Академии наук, представители которой, по мысли его создателей, должны были активно включиться в эту работу.

Еще в январе 1918 г. представителем Наркомпроса Л. Г. Шапиро, в итоге возглавившим этот отдел, были разработаны «Положения к проекту мобилизации науки для нужд государственного строительства»[13]. В положении при использовании мобилизационных практик предполагалось опираться на опыт коллективных проектов имперского периода. В первую очередь, подразумевалась деятельность академической Комиссии по изучению естественных производительных сил – КЕПС[14]. Комиссия предполагала, по задумке одного из ее создателей В. И. Вернадского, мобилизацию ученых различных отраслей знания, в том числе и представителей социальных наук для проведения широких исследований природы и создание сети лабораторий, музеев и институтов[15].

В Положении предполагалось на базе Академии наук создать специальную комиссию, в которую также должны были войти представители Русского технического общества, Вольного экономического общества, Общества им. А. И. Чупрова. Было заявлено о самостоятельности создаваемой комиссии, ее работе в «живом контакте с организациями, ведущими практическую работу регулирования народного хозяйства»[16]. Кроме того, целый ряд задач, поставленных перед комиссией, вытекал из предыдущей работы Академии наук. К кругу задач мобилизуемой науки относилось изучение естественных производительных сил страны, народнохозяйственного труда, вопросов политики народонаселения (здравоохранение, культура людских производительных сил, народного просвещения, социального страхования, организации государственного управления и т. д.). При этом основной задачей признавалось всестороннее исследование народнохозяйственного труда в основных его отраслях (сельское хозяйство, промышленность, обмен, транспорт, организация потребления, финансы и т. д.). Также в положении определялись примерные темы исследования применительно к отдельным отраслям: «1) техническая организация данной отрасли (типы и уровни ее, количественная представленность их), 2) товароведение сырья и суррогатов его и рынки их, 3) товароведение фабрикатов и рынки сбыта, 4) география отраслей (standart) и транспортные условия, 5) пролетариат и технический персонал данной отрасли, общий уровень, специальная квалифицированность, организованность, общие условия существования (жилищные и др.), 6) организованность отрасли (синдицирование), 7) кредит и финансирование»[16].

Проведение таких исследований предполагалось на коллективной основе силами «рассыпанных в стране научных сил разнообразнейших уровней». При таком раскладе весь объем исследовательской работы падал на плечи ученых, а отдел по мобилизации научных сил брал на себя «функции технического обслуживания организуемого научного исследования»[16].

Процесс формирования концепции мобилизации науки включал и непосредственное обращение представителей власти к видным отечественным ученым. Так, в марте 1918 г. А. В. Луначарский в письме президенту Академии наук А. П. Карпинскому не только указывал на необходимость участия ученых во всех мероприятиях советского государства, но и всячески подчеркивал, что цели государства и науки едины. Не имея собственных научных кадров, советская власть заигрывала с учеными, пытаясь использовать их заявления периода патриотического подъема военного времени. Луначарский, ссылаясь на отчет КЕПС 1916 г., писал, что Академия наук уже весной 1915 г. «выдвинула, как очередную задачу, необходимость принять безотлагательно все меры к тому, чтобы объединить по возможности разрозненную деятельность отдельных ученых лиц и учреждений», чем попыталась установить «живую связь между наукой, техникой и промышленностью»[17]. Эти начинания российской науки Луначарский оценивает не иначе как «мо-

билизацию ученых сил», которая была завершена силами Академии наук еще в царский период[18].

В ответных обращениях ученых во власть видим, что они, соглашаясь на сотрудничество с советской властью, пытались удовлетворить собственные потребности. Так, основной целью положения о создании отдела по мобилизации науки они предпочитали видеть «учет и охрану научных работников и научной работы»[19]. А залогом успеха процесса исследования считали создание таких «условий творческой работы, без которых невозможна максимальная производительность труда, обязательная для каждого при современном тяжелом положении родной страны»[20].

Можно утверждать, что именно под давлением ученых советское правительство приняло решение о создании комиссии по улучшению быта ученых – ЦЕКУБУ, а также объявило о премировании исследовательской деятельности. Подчеркнем, что мобилизационная составляющая проникла и в этот аспект взаимоотношений науки и власти. В «Положении о премировании научных работ ученых Республики», разработанном в декабре 1921 г., были сформулированы следующие критерии, предъявляемые к результатам научных исследований: 1) оригинальность, 2) *ударность*, 3) *практическая полезность* и 4) *быстрота выполнения* [курсив мой. – *Н. Г.*][21].

Наиболее очевиден был взаимный интерес власти к работам ученых-«естественников», а также представителям социальных наук, в первую очередь, экономистов. Гуманитарные науки находились в наименее выгодном положении, учитывая ликвидацию историко-филологических факультетов и другие схожие преобразования новой власти. Все же ученые-гуманитарии пытались заинтересовать властные структуры в необходимости поддержки их проектов и получить финансирование на их проведение. К примеру, они ходатайствовали о средствах на проведение лингвистической экспедиции в Абхазию (Н. Я. Марр), завершение этнографической экспедиции в Индии (В. В. Радлов) и публикацию исследований А. С. Лаппо-Данилевского «Письма и бумаги Петра Первого» и П. К. Коковцева «Пальмирский тариф»[22]. Власть в свою очередь надеялась, что гуманитарии смогут переориентироваться на проведение социально-экономических исследований, хоть и понимала, что это потребует «значительного напряжения сил»[23]. Со временем к гуманитариям стали предъявляться не столько требования предоставления конкретных научных результатов, сколько идейно-политической поддержки.

В завершении можно отметить, что в процесс подготовки научных кадров мобилизационная составляющая вошла позднее. Только во второй половине 1920-х гг. начинают разрабатываться первые справочники аспирантов. Во введении к одному из них М. Н. Покровский пространно размышлял о том, каким должен быть советский ученый, апеллируя при этом к модернизационным процессам, проходящим в стране. Он писал: «Дело подготовки кадров ученых, могущих быть активными участниками социалистического строительства, вполне современных и по своему мировоззрению и по своим настроениям, и по методам своей научной работы является одним из серьезнейших вопросов в общей системе индустриализации нашей страны»[24]. Молодой советский ученый, по мнению Покровского, должен разительно отличаться от дореволюционного типажа труженика науки. «Количество ученых старого типа, выросших, сложившихся и воспитавшихся в дореволюционных условиях, у нас не меньше, а, вероятно, несколько больше того, что было до войны: сломав формальные перегородки, отделявшие занимавшегося научной работой дореволюционного российского гражданина от кафедры и исследовательского института (две диссертации, иерархия академических степеней и т. п.), советская власть в максимальной мере использовала все, что в нашей стране было пригодно для данной цели. Но как в промышленности, так и здесь, довольствоваться поддержанием и ремонтом старого совершенно недостаточно. От использования старых "средств производства" мы должны перейти к производству новых»[24]. «Максимальная производительность» и коллективизм рассматривались как важные состав-

ляющие научной работы: «Науке аристократов и индивидуалистов идет на смену наука пролетарского общества – а пролетариат привык работать в строю. Иначе он работать не может и не станет – и этой работой он побеждает весь мир»[25].

Таким образом, рассматривая модель взаимоотношений науки и власти в 1910–1920-е гг., можно сделать вывод, что она претерпела трансформацию от самоорганизации научного сообщества, стремившегося путем мобилизаций «снизу» заинтересовать государство результатами своих научных разработок, к полностью централизованной науке. Советское государство уже само организовывало ученую корпорацию на проведение необходимых стране исследований. Формирование новой модели взаимодействия науки и власти, в ситуации ограниченных временных, финансовых и кадровых ресурсов, закономерно предполагало взаимные уступки и идейно-политические компромиссы.

Примечания

[1] Geyer M. The Militarization of Europe, 1914–1945 // The Militarization of the Western World / ed. J. Gillis. New Brunswick, N. J., 1989. P. 81. См. также: Холквист П. «Осведомление – это альфа и омега нашей работы»: Надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст // Американская русистика : (Вехи историографии последних лет. Советский период) : антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2001. С. 45–93, особенно С. 69–72.

[2] Кожевников А. Первая мировая война, гражданская война и изобретение «большой науки» // Власть и наука, ученые и власть : 1880 – начало 1920-х годов. СПб., 2003. С. 87.

[3] Колчинский Э. И. Предисловие редактора // Наука и кризисы : историко-сравнительные очерки / ред.-сост. Э. И. Колчинский. СПб., 2003. С. 6.

[4] Дмитриев А. Мобилизация интеллекта : Первая мировая война и Международное научное сообщество // Интеллигенция в истории: Образованный человек в социальных представлениях и действительности. М. : ИВИ РАН, 2001. С. 1–44.

[5] Там же. С. 9, 42, 43.

[6] Колчинский Э. И. Предисловие редактора… С. 7.

[7] Берлявский Л. Г. Власть и отечественная наука : формирование государственной политики : 1917–1941 гг. : автореф. дис. … д-ра ист. наук. Новочеркасск, 2004. 46 с.

[8] Сергеев С. В. Становление системы партийно-государственного управления научным и кадровым потенциалом промышленности (1917–1941-е гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2012. С. 13.

[9] ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 16. Протоколы заседаний Совета Петроградского университета 1918–1922 гг. Л. 165–165 об.

[10] См. мнение ректора Петроградского университета, а также профессоров О. А. Добиаш-Рождественской и А. Г. Вульфиуса // Там же. Л. 166–166 об, 167.

[11] ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 24. Протоколы заседаний деканата факультета общественных наук за 1921 год. Л. 7.

[12] Из протокола заседания Государственной комиссии по просвещению о работе Отдела по мобилизации научных сил при Наркомпросе. 31 марта 1918 г. // Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925) : сб. док. Л., 1968. С. 21–23.

[13] Изв. РАН. VI сер. № 14. 1918. С. 1391–1392.

[14] См. подробнее: Кольцов А. В. Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России. 1915–1932. СПб., 1999. О некоторых других коллективных проектах российских ученых см.: Тункина И. В. К истории сборника «Русская наука» // Комиссия по истории знаний. 1921–1932 гг. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук : сб. док. / сост. В. М. Орел, Г. И. Смагина. СПб., 2003. Прил. V. С. 637–659; Кадио Ж. Лаборатория империи : Россия/СССР, 1890–1940. М., 2010.

[15] Вернадский В. И. : 1) Об использовании химических элементов в России. М., 1922. С. 54–55, 68; 2) Война и прогресс науки. М., 1922. С. 140.
[16] Изв. РАН. VI сер. № 14. 1918. С. 1391–1392.
[17] Письмо народного комиссара по просвещению А. В. Луначарского президенту Академии наук А. П. Карпинскому о задачах Академии в области изучения народного хозяйства страны // Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925) : сб. док. Л., 1968. С. 110. См. также: Отчет Комиссии по изучению естественных производительных сил России за 1916 г. Пг., 1916. С. 2–3.
[18] Письмо народного комиссара по просвещению А. В. Луначарского… С. 110.
[19] Докладная записка совета КЕПС о плане исследования природных ресурсов России // Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925) : сб. док. Л., 1968. С. 116.
[20] Там же. С. 121.
[21] Положение о премировании научных работ ученых Республики // Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925) : сб. док. Л., 1968. С. 362.
[22] Кольцов А. В. В первые октябрьские годы // Вестн. АН СССР. 1957. № 4. С. 157.
[23] Письмо народного комиссара по просвещению А. В. Луначарского… С. 110.
[24] РАНИОН. Справочник аспиранта на 1928/29 год. М., 1928. С. 3.
[25] Там же. С. 4.

Г. М. Иванова

СОВЕТСКАЯ МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х – 1960-е ГОДЫ: СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ[*]

Опыт реализации социальных программ, направленных на повышение материального благосостояния советских людей в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг., отчетливо показал, что советское государство не располагает необходимыми финансовыми ресурсами для реализации всех декларативных заявлений и намеченных планов в области социальной политики. Недостаточная эффективность советской мобилизационной экономики и как следствие, невозможность повысить уровень жизни населения до среднего достатка[1], стали одной из важнейших причин хозяйственной реформы 1965 г., о чем говорил в своем выступлении 27 сентября 1965 г. на пленуме ЦК КПСС главный сторонник экономических преобразований А. Н. Косыгин[2].

В годы семилетки темпы роста капиталовложений в народное хозяйство превысили темпы роста национального дохода, что привело к сокращению удельного веса фонда потребления и росту фонда накопления. Национальный доход, используемый на потребление и накопление, увеличился за 1959–1965 гг. на 55 % вместо 62–65 % по плану и составил, по сведениям председателя Госплана СССР Н. К. Байбакова, 189,6 млрд р.[3] При этом удельный вес фонда потребления в общем объеме национального дохода составлял, по данным ЦСУ, в 1958 г. – 75,2 %, 1961 г. – 71,6 %, 1965 г. – 72,6 %[4]. Следовательно, на накопление использовалось свыше 25 % национального дохода. Однако если учесть, что цены на средства производства в СССР были относительно ниже, чем на предметы потребления, то фактически доля национального дохода, используемая на накопление, была значительно выше. По ориентировочным расчетам ЦСУ, приведенным в докладе А. Н. Косыгина на сентябрьском пленуме ЦК КПСС в 1965 г., эта доля составляла примерно 40 %[5]. Для сравнения можно заметить, что в США на накопление направлялось 21–22 % общего объема национального дохода.

Увеличение удельного веса фонда накопления было обусловлено в значительной мере ростом государственных централизованных капиталовложений, которые за 1959– 1965 гг.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 10-01-00348а.

составили 212,3 млрд р. вместо 164 миллиардов рублей, намечавшихся семилетним планом[6]. Рост капиталовложений не сопровождался соответствующим увеличением производства продукции из-за распыления средств по множеству объектов и роста в связи с этим остатков незавершенного строительства, а также из-за длительных сроков строительства и освоения вновь вводимых производственных мощностей. В докладе Брежнева на декабрьском пленуме ЦК КПСС в 1965 г. приводились такие цифры: в 1965 г. должны были ввести в действие 4262 новых важнейших производственных объекта, но к 1 ноября этого года было введено в эксплуатацию только 999 объектов[7]. Возможно, некоторые из этих недостроенных фабрик, цехов, комбинатов, заводов имел в виду Генеральный секретарь, когда выступал в 1971 г. на ноябрьском пленуме ЦК КПСС: «Плановые сроки строительства не соблюдаются, строительство некоторых объектов ведется недопустимо медленно, по 10 и даже больше лет. Так, например, в Чите с 1961 г. строится камвольно-суконный комбинат, это строительство обещают завершить в 1972 г., хотя максимальный срок строительства по весьма либеральным нормам – 5 лет. С 1955 г. в Кирове осуществляется строительство кожевенно-обувного комбината. Окончание его затягивается до 1972 г., то есть строительство идет ни мало ни много 18 лет. Таких примеров, к сожалению, много»[8].

Высокий рост капитальных вложений в народное хозяйство потребовал увеличения темпов роста производства средств производства. За годы семилетки производство средств производства выросло на 98 % вместо 88 % по контрольным цифрам, а производство предметов потребления – на 61 % вместо 65 % по плану. Валовая продукция сельского хозяйства увеличилась на 10 %, а валовая продукция промышленности на 84 %[9].

«Диспропорции в развитии народного хозяйства и снижение экономической эффективности производства привели к серьезным трудностям в сбалансировании денежных доходов и расходов населения, – докладывал 22 декабря 1965 г. заведующему Отделом плановых и финансовых органов ЦК КПСС председатель правления Госбанка СССР А. А. Посконов. – В этих условиях устойчивость денежного обращения была сохранена лишь в результате отсрочки проведения ряда мероприятий по повышению уровня жизни народа и частичного использования валютных резервов страны»[10].

Во второй половине 1960-х гг. трудности в реализации патерналистской модели социальной политики, при которой государство, стремившееся всем управлять, было вынуждено за все отвечать, поставили советское руководство перед необходимостью пересмотреть свое отношение к концепции опережающего роста производства средств производства. «Не нужно доказывать, какое большое значение имеют для развития всей экономики легкая и пищевая отрасли промышленности, – заявил в 1967 г. на сентябрьском пленуме ЦК КПСС заместитель председателя Совета Министров СССР Н. К. Байбаков. – Достаточно сказать, что при доле капиталовложений в эти отрасли всего 4 % они дают 36 % всей валовой продукции промышленности и 30 % всех доходов бюджета»[11]. В государственных планах развития народного хозяйства на 1968–1970 гг. предусматривались опережающие темпы роста производства предметов потребления по сравнению с остальными отраслями. Столь серьезное отступление от «ленинского курса» высшее партийное руководство мотивировало необходимостью «обеспечения ускоренного роста жизненного уровня народа и финансовых ресурсов государства»[12].

Благодаря хозяйственной реформе 1965 г. советской промышленности удалось справиться с запланированными темпами роста, хотя и не в полном объеме. В 1970 г. прирост продукции группы «А» составил 8 %, а группы «Б» – 9 %, товары народного потребления обеспечили примерно 40 % всех доходов бюджета[13]. Докладывая о проекте государственного плана развития народного хозяйства на 1971 г., который также предусматривал опережающий рост производства предметов потребления, Байбаков счел нужным напомнить партийно-хозяйственной элите о том, что «успешное развитие отраслей группы “Б” обеспечивает,

как ни одна другая отрасль производства, высокие темпы роста национального дохода и подъем жизненного уровня населения»[14].

Высокий уровень социальных обязательств государства в условиях реформирования мобилизационной модели советской экономики был одной из причин постепенной смены социально-экономических ориентиров. Социальная политика не могла коренным образом изменить механизм социалистического хозяйствования, но она вынуждала советских руководителей искать пути его совершенствования.

Как известно, результаты социального развития находятся в прямой зависимости от общего экономического развития страны. Важнейшим качественным показателем общественного производства является его социальная эффективность, то есть соответствие хозяйственной деятельности основным социальным потребностям и целям общества, а также интересам отдельного человека. Социальная эффективность общественного производства конкретизируется в таких категориях, как уровень и качество жизни, всеобщая занятость, продолжительность рабочего дня, условия труда, социальная защита населения, доступность и универсальность основных социальных благ и других. В условиях плановой экономики советскому государству нередко приходилось жертвовать экономической эффективностью ради достижения определенных социальных целей и повышения социальной эффективности общественного производства.

До середины 1960-х гг. советское руководство не справлялось в полном объеме с выполнением своих обещаний в области социальной политики. Экономика страны за годы правления Хрущёва не достигла тех высот, о которых мечтало партийное руководство. Темпы роста производительности труда вопреки оптимистичным прогнозам советских экономистов постоянно снижались. Соответственно, замедлялся рост национального дохода: в 1956–1960 гг. производство национального дохода увеличивалось в среднем за год на 9,2 %, а в 1961–1965 гг. – на 6,3 %[15]. «Недостаточный рост национального дохода, – констатировал Косыгин на сентябрьском пленуме ЦК КПСС в 1965 г., – сдерживает темпы повышения материального благосостояния нашего населения»[16].

Для сравнительной оценки эффективности общественного производства в разных странах используется показатель производства национального дохода на душу населения, который характеризует уровень развития экономики в сопоставлении с количеством населения[17]. Этот показатель позволяет судить об уровне производительности труда в той или иной стране, о степени развития ее производительных сил, об эффективности хозяйственного механизма в целом. Если по абсолютному объему национального дохода Советский Союз уступал только США, то в расчете на душу населения национальный доход СССР был меньше также, чем в ФРГ, Франции и Англии. Согласно советской статистике, среднегодовые темпы роста национального дохода в СССР в 1950–1960-е гг. были несколько выше, чем в развитых капиталистических странах, что позволяло Советскому Союзу постепенно сокращать разрыв в размерах национального дохода в расчете на душу населения по сравнению с США и другими странами. Так, общий объем национального дохода СССР, пересчитанный в доллары по фактическому соотношению покупательной способности рубля и доллара, в 1950 г. составлял 31 % от американского национального дохода, в 1955 г. – 43,5 %, а в 1964 г. общий объем национального дохода СССР составил 62 % от национального дохода США[18]. По данным ЦСУ СССР, национальный доход, исчисленный по методологии, принятой в статистике СССР, и пересчитанный в доллары по реальному соотношению цен, составил в 1963 г. в Советском Союзе 208,9 млрд долларов, в США – 345,5 млрд, в ФРГ – 72,7 млрд, во Франции – 60,8 млрд, в Англии – 56,4 млрд, в Италии – 34,3 млрд долларов[19].

Таблица 1

Национальный доход СССР и некоторых капиталистических стран в расчете на душу населения (1963–1964 гг.)*

Страна	1963		1964	
	на душу населения (в долларах)	СССР в процентах к соответствующей стране	на душу населения (в долларах)	СССР в процентах к соответствующей стране
СССР	930	–	1013	–
США	1825	51	1918	53
Англия	1047	89	1079	94
Франция	1276	73	1307	78
ФРГ	1312	71	1372	74
Италия	679	137	660	153

Источник: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 20. Д. 226. Л. 2; Ф. 2. Оп. 1. Д. 805. Л. 4 об.

*Национальный доход исчислен по методологии СССР и пересчитан в доллары США по фактическому соотношению покупательной способности рубля к доллару.

В табл. 1 представлены данные о размерах национального дохода СССР и некоторых капиталистических стран в расчете на душу населения за 1963 и 1964 гг. Данные таблицы показывают, что за один год разрыв в размерах национального дохода СССР в расчете на душу населения по сравнению с США и другими странами сократился на 2–5 %.

Комментируя в 1965 г. отставание СССР в размерах национального дохода на душу населения по сравнению с США, Косыгин назвал в качестве основной причины низкий уровень производительности труда: «…у нас производительность труда в промышленности ниже, чем в Соединенных Штатах в 2–2,5 раза, а в сельском хозяйстве – примерно в 4 раза»[20].

Ручной труд использовался в сельском хозяйстве значительно шире, чем в промышленности. Одна из причин такого положения крылась в крайне слабой электрификации сельского хозяйства. «За последние годы в нашей стране сооружены гигантские электростанции, – говорил на мартовском пленуме ЦК КПСС 1965 г. Брежнев. – Вместе с тем 12 % колхозов до сих пор не имеют электроэнергии даже для освещения. Сельское хозяйство потребляет только 4 % электроэнергии, вырабатываемой в стране, в том числе лишь 2 % на производственные цели»[21].

Энерговооруженность труда – важнейший показатель развития производства. Среди мер по подъему сельского хозяйства, намеченных мартовским пленумом 1965 г., большое значение имели решения, направленные на повышение энерговооруженности крестьянского труда. Начиная со второй половины 1960-х гг., потребление электроэнергии в сельском хозяйстве стало заметно возрастать. К началу 1980-х гг. энерговооруженность труда в сельском хозяйстве увеличилась в 12 раз. Уже в 1970 г. официальная статистика зафиксировала: практически все совхозы и колхозы России (99 %) использовали электроэнергию для производственных целей. В этот же период статистика отмечала немалые успехи в области механизации основных производственных процессов в животноводстве. Все это свидетельствовало об улучшении условий сельскохозяйственного труда и повышении его социальной эффективности. Однако, как справедливо заметила московский историк Л. Н. Денисова, «статистика спешила», и «статистический оптимизм» нуждался в существенной корректировке: «…в действительности немало оставалось не электрифицированных ферм, скотных дворов и птичников, многие деревни были без света», для многих и многих ферм механизация оставалась далекой перспективой[22].

Для стимулирования производства в аграрном секторе государство постоянно увеличивало объемы ассигнований на развитие сельского хозяйства, оказывало значительную финансовую помощь колхозам и совхозам. В 1964 г. за счет государственного бюджета были

покрыты сверхплановые убытки совхозов в размере более одного миллиарда рублей. Чтобы облегчить положение экономически слабых колхозов и дать им возможность нормально работать, Президиум ЦК КПСС принял решение о списании с колхозов 1890 млн р. задолженности и об отсрочке на пять лет погашения кредитов на сумму 120 млн р. Для осуществления основных мероприятий по подъему сельского хозяйства требовались большие дополнительные средства. Только в 1965 г. предусматривалось выделить дополнительно около 3 млрд р., основная часть этих средств направлялась на покрытие расходов, связанных с повышением закупочных цен на продукцию животноводства. Государственные субсидии выделялись сельскому хозяйству за счет перераспределения расходов внутри государственного бюджета[23].

Правящие круги СССР хорошо помнили, как отреагировало население на повышение закупочных цен 1 июня 1962 г., поэтому уже при обсуждении этого вопроса на мартовском пленуме 1965 г. Брежнев особо подчеркнул, что «увеличение закупочных цен будет проведено без повышения существующих розничных цен на хлеб, крупы и мясопродукты»[24]. Аналогичную мысль высказал и Косыгин: «Само собой разумеется, что розничные цены могут пересматриваться только в сторону снижения»[25]. Государство, в силу взятых на себя обязательств по поддержанию фиксированных низких цен на основные продукты питания и предметы первой необходимости, было вынуждено во все возрастающих масштабах дотировать советских производителей.

В проекте бюджета на 1966 г. предусматривались значительные ассигнования на покрытие плановых убытков от реализации отдельных видов продукции – в общей сумме свыше 7 млрд р., из них на покрытие убытков в промышленности – 1,8 млрд р., на покрытие разницы в ценах по мясу – свыше 3 млрд р., на покрытие убытков по жилищно-коммунальному хозяйству – 1,5 млрд р. и по другим отраслям народного хозяйства – 0,6 млрд р.[26] Однако в процессе исполнения народно-хозяйственного плана и бюджета этих денег не хватило, и Министерство финансов СССР было поставлено перед необходимостью изыскать дополнительно 800 млн р. на покрытие разницы в ценах[27]. Таким образом, государство субсидировало и производителей, и потребителей.

Следует отметить, что первоначально правительство согласилось на дотирование животноводства, руководствуясь, как говорится, «благими намерениями». В 1968 г., когда размер государственных дотаций, выделяемых животноводству, увеличился уже до 6 миллиардов рублей, Брежнев напомнил высшему партийному руководству об обстоятельствах принятия этого решения и о том, что из этого получилось: «Вы помните, на мартовском пленуме мы говорили, что хотим сделать эту отрасль наиболее рентабельной, дотацию даем, чтобы разгон какой-то взять, а потом прийти в норму. Но нас не совсем правильно поняли, здесь потребительское настроение взяло верх, <…> все пошло на повышение заработной платы. Если в свое время говорили, что у нас 3 колхоза или 5 колхозов миллионеры, то теперь стали друг перед другом щеголять тем, что у нас 4,70 [рубля] на трудодень, у того 3,80 [рубля]. Особенно заработная плата повысилась у работников животноводства»[28]. Руководство страны понимало, что это очень непростой вопрос. Дотационное финансирование превращалось из финансово-экономического инструмента в социально-политическую акцию.

С течением времени круг товаров и услуг, требовавших государственного дотирования, неуклонно расширялся. По данным Бюджетного управления Министерства финансов СССР, в 1961 г. дотации выплачивались по 10 различным товарам и услугам, в 1965 г. – по 14, а в 1980 г. насчитывалось 25 различных видов дотаций и доплат. При этом число вновь появляющихся дотаций и доплат росло особенно быстрыми темпами. Так, в 1967 г. стали дотироваться убытки от покрытия разницы между закупочными и расчетными ценами на молоко. За 10 лет сумма дотаций этого вида выросла почти в 80 раз (с 76 млн р. в 1967 г. до 5944 млн р. в 1978 г.). В 1970 г. в группу дотируемых продуктов попали яйца[29]. Доля дотаций в розничной цене на основные продукты питания доходила до 80 %.

С середины 1960-х гг. в Государственном бюджете СССР появляется отдельная статья расходов – дотация на покрытие убытков от реализации социально значимых товаров и услуг. Данные, представленные в табл. 2, дают наглядное представление о размерах и темпах роста выплачиваемых дотаций.

Таблица 2

Расходы государственного бюджета на выплату дотаций

	1966		1971		1972	
	миллиарды рублей	%	миллиарды рублей	%	миллиарды рублей	%
Расходы по Государственному бюджету СССР	105,3	100	160,6	100	173,5	100
Дотация на покрытие убытков от реализации социально значимых товаров и услуг	7,1	6,7	18,9	11,8	22,8	13,1

Источник: РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 810. Л. 81, 83; Оп. 3. Д. 215. Л. 33. Д. 217. Л. 44, 48; Д. 247. Л. 59, 61.

Государственный бюджет относил к социально значимым товарам и услугам, убытки от производства и реализации которых покрывались за счет дотаций, товары детского ассортимента, услуги жилищного и коммунального хозяйства, значительную часть продукции сельского хозяйства, рыбопродукты, услуги по индивидуальному пошиву одежды, тарифы за пользование внутригородским транспортом, услуги социально-культурных учреждений и многое другое.

Советские экономисты рассматривали государственные дотации как эффективный инструмент экономической и социальной политики, который позволял одновременно решать экономические и социальные проблемы. В литературе 1970-х гг. отмечалось: «Важнейшим условием повышения народного благосостояния является устойчивость розничных цен на предметы потребления. Политика цен, проводимая в жизнь Советским государством, отвечает, прежде всего, социальным задачам, направленным на повышение жизненного уровня трудящихся»[30].

В годы перестройки появились и другие точки зрения: из-за необходимости выделения многомиллиардных ассигнований на покрытие убыточного производства сдерживалось проведение мер, направленных на повышение социального обеспечения, сокращалось выделение бюджетных средств на создание социально-бытовой инфраструктуры и т. д. Таким образом, дотационное финансирование из средства реализации целенаправленной социальной политики превращалось в средство компенсации недостатков хозяйственного расчета[31].

В действительности политика сохранения стабильно низких цен на продовольственные и другие товары массового спроса имела не столько социально-экономическую, сколько политическую подоплеку. Дело в том, что брежневское руководство было серьезно напугано массовыми стихийными выступлениями трудящихся в Краснодаре, Муроме, Новочеркасске и других городах в период правления Хрущёва, при подавлении которых было убито и ранено несколько десятков человек. Именно поэтому оно старалось не давать населению поводов для массового недовольства и в дальнейшем стремилось соблюдать тот неписаный «общественный договор», который гарантировал правящему режиму устойчивость, а населению – социальную стабильность. С 1968 по 1976 г. в СССР не было зафиксировано ни одного случая массовых беспорядков[32].

Даже в годы перестройки высшее партийное руководство страны долгое время не могло решиться на реформу ценообразования. Признавая, что положение, когда государство вынуждено покрывать разницу между реальными затратами на производство товаров и их

розничными ценами, является ненормальным, М. С. Горбачёв, тем не менее, был настроен весьма оптимистично: «…изменение розничных цен ни в коем случае не должно сопровождаться снижением жизненного уровня людей». В качестве одного из возможных вариантов решения проблемы Горбачёв предлагал: те средства, которые государство выплачивает в виде дотаций, полностью отдать населению в виде компенсаций[33]. Однако в конце 1980-х гг. основная масса населения страдала не от отсутствия денежных средств – у советских граждан, не имевших возможности купить товары, пользующиеся спросом, накопились значительные суммы вынужденных сбережений – острейшей социальной проблемой был дефицит базовых продуктов массового потребления.

Интегрирующим показателем социальной эффективности экономики является производство товаров народного потребления в общем объеме производства за определенный период, как правило, за год. В СССР доля товаров народного потребления в совокупном общественном продукте составляла в разные годы 25–30 %. В странах с развитой рыночной экономикой этот показатель находился на уровне около 70 %.

Для сбалансирования доходов и расходов населения и укрепления денежного обращения советское правительство, начиная с 1954 г., регулярно закупало за границей товары народного потребления и некоторые виды продовольствия. Импорт товаров, пользовавшихся у населения повышенным спросом, имел чрезвычайно высокую экономическую эффективность и приносил государству более чем десятикратную прибыль[34]. В связи с тем, что внутренние цены на эти товары были значительно выше импортных цен, выручка от реализации на внутреннем рынке некоторых видов продовольствия, товаров народного потребления и сырья для их производства во много раз превышала платежи по импортным ценам. Об экономической эффективности внешнеторговых операций по закупке товаров массового спроса и сырья для их изготовления свидетельствуют данные табл. 3.

Таблица 3

Доходность советского импорта товаров народного потребления
во второй половине 1950-х гг.

Наименование товара	Единица измерения	Цены в рублях		Отношение внутренних цен к импортным
		импортная цена	внутренняя цена	
Какао-бобы	тонна	315	7000	22 раза
Сельдь соленая	тонна	49,9	1074,4	21,5 раза
Рис	тонна	55	790	14 раз
Сахар	тонна	40	840,2	21 раз
Ткани шерстяные	метр	2	28,7	14 раз
Шерсть тонкая	тонна	1080	7321,9	7 раз
Ткани шелковые	метр	0,4	6,8	17 раз
Шелк-сырец	тонна	3812	52777,6	14 раз

Источник: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 149. Л. 32.

Как видим, доходность импорта товаров народного потребления была очень высокой. Однако государство до второй половины 1960-х гг. не имело возможности увеличивать импорт этих товаров из-за ограниченности валютных ресурсов. Ситуация существенно изменилась, когда в СССР был создан мощный нефтегазовый комплекс, благодаря которому страна получила «такие валютные резервы, которые в корне могли изменить экономику страны»[35]. В условиях хронического дефицита качественных отечественных товаров повседневного спроса, постоянной нехватки продовольствия советское руководство пошло по пути наращивания импорта продовольствия и товаров народного потребления. «Важно отметить, – пишет московский историк М. В. Славкина, – что увеличение объема импорта одежды и обуви, как и в случае с импортом продовольствия, было направлено не на карди-

нальное улучшение качества жизни советских людей, а лишь на поддержание невысокого уровня. <…> С помощью импортных поставок одежды и обуви не создавали “общество изобилия”, а лишь компенсировали неудовлетворительную работу и постепенное разложение собственной легкой промышленности»[36].

Взяв курс на всемерное повышение жизненного уровня населения, советское руководство неожиданно осознало, что народ не понимает и не желает понимать, сколь сложна эта задача для советской экономики. При разработке директив восьмого пятилетнего плана (1966–1970) высшее руководство страны стремилось удержаться от соблазна взять на себя заведомо невыполнимые социальные обязательства. Дискуссии по этому вопросу велись и на заседаниях Президиума ЦК КПСС, и в Совете Министров СССР. Наиболее активно дебатировался вопрос о возможностях и путях повышения темпов роста народного благосостояния. Брежнев не был сторонником броских цифр и громких обещаний: «народу и партии надоедают эти нереальные цифры». Он считал, что о социальных проблемах нужно говорить «проще, реальнее, доходчивее до народа», не скрывать трудности, а «набраться мужества и сказать»: мы не можем больше сделать, чем делаем[37].

Желание партийного руководства избежать завышенных обязательств нашло отражение в социальной программе, которую Косыгин охарактеризовал как «минимум, который должен быть обязательно претворен в жизнь». Речь шла о повышении минимальной и средней заработной платы, об улучшении «в пределах возможностей» пенсионного обеспечения, о расширении жилищного строительства и т. п.[38] Опыт предыдущего десятилетия показал, что невыполненные обещания по улучшению материального благосостояния народа заметно подрывали авторитет партийных руководителей и, в конечном итоге, разрушали существующую идеологическую систему. В процессе дебатов по поводу социальной программы было решено осуществлять планирование, исходя из действительного положения дел в экономике.

Косыгин, занимавший в правящих кругах наиболее взвешенную позицию по вопросам социальной политики, был озабочен не только экономической стороной проблемы. Докладывая в феврале 1966 г. участникам пленума о проекте директив восьмого пятилетнего плана, он предложил взглянуть на социальную политику под несколько иным углом зрения: «Нужно хорошенько представлять себе задачу повышения материального уровня жизни народа с точки зрения политической оценки ее. Сейчас, накануне XXIII съезда партии, ЦК КПСС и Совет Министров получают очень много писем. Смысл этих писем сводится к тому, что товарищи просят, настойчиво требуют сделать еще больший крен в сторону улучшения жизни людей. Требования законные, так сказать, с точки зрения моральной. Мы все разделяем эти требования. Но возможности у нас сейчас ограниченные, а пообещать и не выполнить – мы не можем. <…> Если мы окажемся в плену только требований, желаний и пойдем по течению, не будем объяснять значения мер, которые мы провели и которые будем проводить в будущем, не будем разъяснять, что Коммунистическая партия и Правительство проводят действительно серьезные мероприятия для того, чтобы поднять материальный уровень жизни наших людей, – то наши достижения, которые в этой области существуют, не будут правильно оценены народом.

Вывод должен быть сделан такой: надо не бояться разъяснять этот крупный и важный вопрос, показывать все то, что мы делаем для поднятия жизненного уровня народа. Мы хотели бы сделать больше, но пока нет возможностей»[39].

В своем выступлении Косыгин передал общий настрой советского руководства относительно решения задач «социалистического государства благосостояния». В брежневский период правящие круги сделали для себя важный вывод: позиция «не давать слишком много обещаний» является самой удобной и спокойной во всех отношениях. Вместе с тем, такая позиция вызывает больше доверия со стороны народа, чем пафосные лозунги и обещания.

Экономическая реформа 1965 г. значительно повысила социальную эффективность общественного производства. По единодушному мнению самих советских руководителей и

специалистов различных направлений, восьмая пятилетка (1966–1970) оказалась наиболее успешной за всю историю советского государства. Все важнейшие экономические и социальные плановые показатели были выполнены. Самое главное, за эти годы произошло заметное улучшение материального благосостояния советских людей. Реальные доходы в расчете на душу населения росли во второй половине 1960-х гг. в среднем ежегодно примерно на 6 %, что было несколько выше, чем предусматривалось восьмилетним планом (5,3 %). Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих увеличилась за годы пятилетки почти на 25 %, а оплата труда колхозников – на 35 %[40]. В 1965 г. только 4 % населения СССР (по РСФСР – почти 6 %) имели доход на каждого члена семьи свыше 100 р. в месяц. По расчетам НИИ труда, прожиточный минимум в тот период соответствовал доходам в 40 р. в месяц на одного человека, а доход в 65 р. обеспечивал уровень достатка[41]. В 1970 г. уже около 19 % всего населения, а к концу 1975 г. почти 40 % населения имели доход свыше 100 р. в месяц в расчете на каждого члена семьи. При этом доля населения со среднедушевым доходом до 50 р. в месяц сократилась в 1970 г. до 23,5 % против 58,5 % в середине 1960-х гг.[42]

Население стало значительно лучше питаться, одеваться, иметь гораздо больше возможностей для хорошего отдыха и более полного удовлетворения своих материальных и культурных запросов. У многих людей появилось желание и, главное, возможность следовать моде, иметь современную бытовую технику, обставлять и украшать жилища. Одним словом, появился вкус к жизни. Как справедливо заметил французский исследователь Алексей Берелович, «в 1960-е годы советское общество полностью решает проблему физиологического выживания и превращается если не в общество потребления, то, во всяком случае, в такое общество, которое стремится потреблять»[43].

Тенденция к слишком быстрому росту материальных запросов населения настораживала и даже пугала высшее партийное руководство. «Я часто задумываюсь над таким вопросом, – признавался Брежнев. – Надо серьезно удовлетворять потребности народа, я задаю себе вопрос: где грань этим потребностям?» «Ее нет», – констатировали коллеги[44]. Брежнева удивлял такой факт: партия делает все возможное для перевыполнения плановых заданий по росту заработной платы, «а стремления, просьбы, желания все время возрастают». «Мы должны подумать, как нам быть дальше, потому что мы можем оказаться, если не обсудим, не найдем правильного решения этого вопроса, в затруднительном положении, тем паче, что рост заработной платы в стране опережает рост производительности труда», – делился своими опасениями Брежнев на декабрьском пленуме ЦК КПСС 1968 г. По его мнению, если такие вопросы вовремя не замечать или упускать из виду, то потом придется поправлять дело «более острыми мерами»[45]. Это была рефлексия по поводу чехословацких событий 1968 г.

Озабоченность советских руководителей понять нетрудно. Попав под гипноз положительных результатов хозяйственной реформы, советское общество стремилось как можно скорее выйти на качественно новый уровень потребления, не принимая в расчет трудности, недостатки и проблемы советской экономики. В годы восьмой пятилетки в крупных промышленных центрах началось активное строительство дворцов культуры, стадионов, плавательных бассейнов, спортивных комплексов, телевизионных центров, театров, современных административных зданий и многих других сооружений, делавших жизнь людей более комфортной, разнообразной, интересной. Получив относительную экономическую самостоятельность, предприятия, министерства и ведомства стали с размахом вкладывать средства в строительство ведомственных объектов непроизводственного назначения. Сметная стоимость этих, как правило, внеплановых сооружений достигала огромных размеров.

По данным Стройбанка СССР, в 1969 г. только в городах осуществлялось строительство более одной тысячи административных зданий, 834-х дворцов культуры, 450-ти стадионов, плавательных бассейнов и спортивных комплексов, 80-ти театров и цирков. В Свердловске, например, строились закрытый демонстрационный искусственный каток, два дворца куль-

туры, несколько клубов и плавательных бассейнов, дом актера и легкоатлетический манеж. А по всей области в процессе строительства находились еще 80 административных, спортивных и других общественных зданий. В Запорожской области, у Днепра, одновременно строились 6 плавательных бассейнов, искусственный каток, 6 гостиниц и 9 административных зданий. Все это строилось, по словам Брежнева, ударными темпами, из дефицитных строительных материалов, больших зеркальных стекол, с использованием лучших отделочных материалов[46].

Такой «строительный бум» можно было бы расценивать как крупное достижение советской социально-экономической политики, как очевидный успех всей хозяйственной деятельности страны. Казалось бы, масштабное строительство объектов, предназначенных сделать жизнь советских тружеников полнее и ярче, – вполне законный повод для гордости. Однако для советского руководства это был серьезный повод для тревоги и беспокойства: в стране катастрофически не хватало средств и материалов для выполнения планов по жилищному строительству, хронически не выполнялись планы ввода в эксплуатацию школ, больниц, детских дошкольных учреждений. Безудержное строительство объектов непроизводственного назначения велось в ущерб строительству важнейших предприятий промышленности и сельского хозяйства, подрывало основы плановой системы социалистической экономики. Все это вызывало серьезную критику со стороны советского руководства. «Нет сомнения, что строить эти объекты нужно, – говорилось в докладе Байбакова на декабрьском пленуме ЦК КПСС 1968 г., – но, видимо, мы переоценили наши возможности, и не настало еще время, когда можно было бы строить их без ограничения, тем более что у нас есть более жгучие и неотложные задачи, и, прежде всего, это касается жилищного строительства, и сюда нужно направить наши ресурсы. По имеющимся данным, более 30 миллионов человек остро нуждаются в улучшении жилищных условий, многие из которых еще живут в бараках, ветхих домах и даже в подвалах»[47].

Аналогичная критика прозвучала в докладе Брежнева на пленуме ЦК КПСС 15 декабря 1969 г. В качестве примера нерационального расходования народных средств Генеральный секретарь привел факт строительства морского ресторана в Баку. «Речь идет не о ресторанчике, – с возмущением рассказывал Брежнев, – а о пятиэтажном сооружении, в котором будет несколько ресторанов, коктейль-бар, кафе, банкетные залы. И называется все это не как-нибудь, а общественно-культурным центром на море. Строится этот центр из дефицитных материалов. Комментарии здесь излишни. Скажу только для справки, что план по вводу жилья в Баку выполнен на 32 процента, школ – на 51 процент, дошкольных учреждений – на 18 процентов». Брежнев призвал партийно-хозяйственную элиту критически оценить ситуацию и «временно ограничить сооружение административных зданий, строительство цирков и плавательных бассейнов. <…> В первую очередь мы вас ориентируем на строительство жилья, больниц, школ»[48].

Повышенное внимание к социальным проблемам нашло отражение и при разработке девятого пятилетнего плана (1971–1975). Госплан был ориентирован на формирование развернутой программы роста народного благосостояния. В программу был заложен рост минимума заработной платы на 26 %, повышение тарифных ставок среднеоплачиваемым категориям работников, введение пособий на детей из малообеспеченных семей и другие виды помощи семьям с детьми, повышение пенсий и т. п.[49] Социальная ориентация экономики потребовала теоретического обоснования. Партийные идеологи, осваивавшие новый для них термин ‘социальная политика’, сумели дать надежное теоретическое обоснование курсу партии на повышение материального благосостояния народа. Эти теоретические новации были озвучены в докладе Брежнева на заседании пленума ЦК КПСС 7 декабря 1970 г.: «Дело состоит в том, что наш народ построил социализм и создает материально-техническую базу коммунизма. В этой связи мы должны помнить известное положение марксистско-ленинской тео-

рии о том, что по мере развития производительных сил постоянное повышение жизненного уровня народа является объективной экономической необходимостью. Мы не только хотим, но и должны обеспечить постоянный рост народного благосостояния, так как это становится важнейшей предпосылкой ускоренного хозяйственного развития страны»[50]. Это означало, что советское государство принимало на себя ответственность за обеспечение основных социальных потребностей граждан. Социальная политика стала рассматриваться в качестве одной из важнейших предпосылок успешного экономического развития страны.

Примечания

[1] По расчетам НИИ труда, доход 65 р. в месяц на душу населения обеспечивал в середине 1960-х гг. уровень достатка. По России доход менее 65 р. в месяц в расчете на одного человека имели 75 % рабочих и служащих (с членами семей). РГАНИ. Ф. 5. Оп. 20. Д. 225. Л. 2.
[2] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 805. Л. 4.
[3] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 20. Д. 229. Л. 14; Ф. 2. Оп. 1. Д. 808. Л. 3. По официальным сведениям, национальный доход СССР в 1965 г. составил 193,5 млрд р. (Народное хозяйство СССР в 1968 г. : стат. ежегодник. М., 1969. С. 569).
[4] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 20. Д. 229. Л. 14; Ф. 2. Оп. 1. Д. 805. Л. 4 об.; Д. 808. Л. 3.
[5] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 805. Л. 4 об.; Ф. 5. Оп. 20. Д. 226. Л. 4.
[6] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 20. Д. 229. Л. 14;
[7] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 811. Л. 42.
[8] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 248. Л. 11.
[9] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 20. Д. 229. Л. 14, 16.
[10] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 20. Д. 229. Л. 16.
[11] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 79. Л. 31.
[12] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 78. Л. 7.
[13] Народное хозяйство СССР в 1970 г. : стат. ежегодник. М., 1971. С. 132; РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 217. Л. 20.
[14] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 217. Л. 19.
[15] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 805. Л. 4 об.; по сведениям Н. К. Байбакова, среднегодовой темп роста национального дохода в 1961–1965 гг. составлял 5,7 % (РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 79. Л. 19).
[16] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 805. Л. 4 об.
[17] В СССР национальный доход понимался как вновь созданная за год в сфере материального производства стоимость. В странах с рыночной экономикой в число производителей национального дохода включались также отрасли непроизводственной сферы, что, по мнению советских статистиков, приводило к повторному счету и искусственному завышению национального дохода капиталистических стран примерно на 20–30 %. В статистике СССР применялась методология, по которой национальный доход капиталистических стран исчислялся без повторного счета доходов, полученных в непроизводственной сфере, то есть уменьшался примерно на 25 %.
[18] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 20. Д. 226. Л. 3.
[19] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 20. Д. 226. Л. 2.
[20] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 805. Л. 4 об.
[21] Пленум ЦК КПСС 24–26 марта 1965 г. : стеногр. отчет. М., 1965. С. 22.
[22] Денисова Л. Н. Исчезающая деревня России : (Нечерноземье в 1960–1980-е годы). М., 1996. С. 40, 41.
[23] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 767. Л. 95–100.
[24] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 767. Л. 74.
[25] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 805. Л. 9.
[26] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 810. Л. 83.

[27] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 44. Л. 84.
[28] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 146. Л. 63–64.
[29] Коломин Е. В., Пешехонов Ю. В. Роль финансов в реализации социальной политики КПСС. М., 1987. С. 122.
[30] Социальная политика КПСС в условиях развитого социализма. М., 1979. С. 159.
[31] Коломин Е. В., Пешехонов Ю. В. Роль финансов в реализации социальной политики КПСС… С. 113–114.
[32] Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущёве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). Новосибирск, 1999. С. 8.
[33] Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС, 28 июня – 1 июля 1988 г. М., 1988. С. 20.
[34] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 810. Л. 82.
[35] Славкина М. В. Великие победы и упущенные возможности : влияние нефтегазового комплекса на социально-экономическое развитие СССР в 1945–1991 гг. М., 2007. С. 253. Там же смотри подробные расчеты валютных доходов СССР от экспорта нефти.
[36] Славкина М. В. Великие победы и упущенные возможности… С. 278.
[37] Вестник Архива Президента. Специальное издание: Генеральный секретарь Л. И. Брежнев… С. 53, 58.
[38] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 815. Л. 18.
[39] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 816. Л. 12, 13.
[40] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 168. Л. 8.
[41] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 20. Д. 225. Л. 2.
[42] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 247. Л. 43, 44.
[43] Берелович А. Семидесятые годы XX века : реплика в дискуссии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2003. № 4. С. 64.
[44] Вестник Архива Президента. Специальное издание: Генеральный секретарь Л. И. Брежнев : 1964–1982. М., 2006. С. 99.
[45] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 146. Л. 62.
[46] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 168. Л. 55.
[47] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 146. Л. 34.
[48] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 168. Л. 56.
[49] Байбаков Н. К. Сорок лет в правительстве. М., 1993. С. 116.
[50] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 217. Л. 57.

В. П. Карпов

ЧЕЛОВЕК В СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ ТЮМЕНСКОГО СЕВЕРА

В статье предпринята попытка показать гуманитарную составляющую и нравственную парадигму освоения Тюменского севера в ходе создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК).

Человек в советской плановой экономике

Суть советской экономической модели была проницательно предсказана известным экономистом-большевиком Е. А. Преображенским еще до ее фактического воплощения: «…ограничение или ликвидация свободы конкуренции, всемерное использование преимуществ государственной монополии, борьба единым комплексом государственного хозяйства, комбинация экономических средств с политическими»[1]. Действительно, акцент был сделан не

на план, целесообразность которого очевидна, а на мобилизационную роль государства, как единственного субъекта плановой политики, монополиста плановости.

В 1930–60-е гг. СССР достиг больших промышленно-технических успехов именно на рельсах централизованного планового регулирования, которое означало фактически концентрацию всех сил общества на решении ограниченного числа задач, определенных государством. «За Центром признавалось право распределения ресурсов и выбора направлений их расходования, а тем самым узаконивалось ограничение прав миллионов и миллионов потребителей…»[2].

Вопрос о пределах вмешательства государства в экономику был центральным с XX в., потому что главное противоречие между социализмом и капитализмом крылось как раз в полярности представлений о роли государства в регулировании социальных, в том числе трудовых, отношений.

Даже в пределах оправданного централизованного вмешательства всегда остается вопрос: «в каких размерах и какими средствами правомерно и разумно призывать нынешнее поколение к ограничению своего потребления ради того, чтобы обеспечить с течением времени достаточные инвестиции для грядущих поколений?»[2]. Перед советской властью такой вопрос не стоял. Призыв затянуть временно ремень во имя будущего изобилия воспел В. Маяковский в «Рассказе товарища Хренова…»:

Сидят в грязи рабочие,
Промокший хлеб жуют…
Но шёпот громче голода,
Он кроет капель спад,
Через четыре года
Здесь будет город-сад…

Город-сад (т. е. образцовый социалистический город, который должен был вырасти в связи со строительством Кузнецкого металлургического комбината) не появился ни через четыре года, ни позже (с 1932 г. Сталинск, ныне Новокузнецк)[3]. Однако со второй половины 1950-х гг. руководство страны всё отчетливей понимало, насколько государство задолжало обществу и пыталось хотя бы частично вернуть социальные долги. Политика Центра становилась человечнее, но сила инерции в расстановке приоритетов социально-экономической политики оказалась сильнее провозглашенного лозунга «Всё для блага человека, всё во имя человека». Партийно-государственное руководство продолжало следовать политике, сложившейся в сталинский период: сначала завод, потом город; сначала производство, потом человек.

Другой проблемой, с которой столкнулась советская мобилизационная модель экономики в эпоху позднего социализма, стало ускорение научно-технического прогресса и такое усложнение хозяйственных связей, когда контролировать все процессы из одного центра стало просто невозможно. В результате снова пострадал человек, который все острее чувствовал отсутствие возможности личного выбора в условиях тотального дефицита товаров и услуг, невозможности потратить заработанные рубли.

Поскольку в новых условиях прежняя модель теряла свою эффективность, уже не справляясь со стоящими задачами, началась ее трансформация в экономику согласований и бюрократического торга, что ослабило вертикаль власти и в итоге лишило Центр возможности контролировать исполнение собственных решений. Перестройка Горбачёва, продемонстрировав невозможность обновления советской системы, подтолкнула её к крушению.

В 1970–80-е гг. стремительно нарастал системный кризис, но Центр не хотел в этом признаваться, стараясь сохранить хотя бы видимость плана и централизованного управления. Это лучше, чем где-либо, было видно на Тюменском севере, где создавался Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс – крупнейший послевоенный проект, в котором, как в зеркале, отразились все плюсы и минусы советской экономики.

Тюменский север накануне индустриального вторжения

На рубеже 1950–60-х гг. Тюменская область была огромным аграрным краем, где практически отсутствовали городские поселения. Самый крупный промышленный центр – Тюмень – был основан в 1586 г., в северных округах статус города получили только Салехард (1938) и Ханты-Мансийск (1950). Территория – почти 1,5 млн кв. км – была слишком велика, чтобы процессы индустриализации охватили всю область одновременно. Освоение края тормозили огромные расстояния, отсутствие дорог (главные – водные), низкая плотность населения и суровые природно-климатические условия. Относительно развитой в промышленном отношении являлась только южная зона Тюменской области, где в середине 60-х гг. проживало 80 % населения. Преобладали лесная, деревообрабатывающая и пищевая отрасли, сосредоточившие более половины основных производственных фондов и 60 % всех промышленных рабочих[4]. Тюменская область по объему производства промышленной продукции на душу населения занимала предпоследнее место в Уральском экономическом районе (УЭР), опережая лишь Курганскую область.

Перспективы развития Тюменской области долгое время связывались с лесной отраслью (пятое место по запасам леса в СССР), что определило и развитие транспортной инфраструктуры. Дороги прокладывались главным образом вдоль леспромхозов, где создавались новые населенные пункты. Протяженность железных дорог на начало 1960-х гг. составляла 506 км (в основном участок Великой Транссибирской магистрали, к которой на станции Заводоуковск примыкал участок лесовозной дороги протяженностью 105 км). В 1959 г. развернулось строительство железной дороги Ивдель – Обь, эксплуатация которой (для вывозки древесины) стала осуществляться с 1962 г. В 1949 г. на севере Тюменской области началось, но после смерти Сталина было «заморожено» строительство железной дороги Чум – Салехард – Игарка (1250 км)[5], вошедшей в историю под названием «мёртвой дороги».

Центры будущей нефте- и газодобычи – Ханты-Мансийский (ХМАО) и Ямало-Ненецкий (ЯНАО) округа, занимающие бóльшую часть территории области (88,7 %), – в промышленном отношении были практически не развиты. Ведущую роль в экономике ХМАО (36,4 % территории области) играли лесная и рыбная промышленность, удельный вес которых в объеме промышленного производства округа составлял соответственно 64 и 26 %. Экономика ЯНАО (52,3 % областной территории) была представлена 8 промышленными предприятиями: 5 рыбозаводами, 2 рыбокомбинатами и 1 морским промыслом[6].

Таким образом, в послевоенное двадцатилетие Тюменская область оставалась тихой заводью советской экономики. Явно недостаточен был удельный вес производства электроэнергии и строительных материалов, машиностроения, топливной промышленности, индустриального строительства. Переход к новому этапу хозяйственного освоения региона в конце 1950-х гг. связывался со строительством трех гидроэнергетических каскадов: на реках Обь, Иртыш и Томь[7]. Самую крупную гидроэлектростанцию – Нижнеобскую – предполагалось соорудить в районе Салехарда. Громадное внутреннее море должно было затопить 113 тыс. кв. км низменности, а воды предполагалось направить в засушливые районы Казахстана и Средней Азии[8]. Однако уникальные месторождения, открытые на Тюменском севере, решили исход долгого и ожесточенного противостояния гидроэнергетиков и нефтяников, определили нефтегазовый профиль индустриализации Тюменской области.

Решение кадровой проблемы в новых отраслях промышленности

Речь не о формах комплектования кадров – они рассмотрены во многих публикациях, а о стимулах привлечения работников.

Начинали индустриальное освоение Тюменского севера геологи. После открытия первого месторождения (Берёзово, сентябрь 1953 г.) внимание со стороны Правительства к ним и Тюмени в целом значительно возросло. Численность тюменских геологов в 1953–54 гг. выросла вчетверо – до 1800, а к 1960 г. – до 6600 человек[9]. Практически все они прибыли из-за пределов области.

Тяжелые природно-климатические условия Тюменского севера и спартанские условия быта геологов объясняют, почему трудовые коллективы обновлялись ежегодно более, чем наполовину[10]. Требовались серьезные стимулы для привлечения новых работников. 5 ноября 1957 г. Государственный комитет Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы принял нетипичное для финансовой политики Советского государства постановление № 366 о материальном стимулировании тюменских геологов. Специальной инструкцией для всех геологоразведок региона устанавливалась сумма единовременных денежных выплат до 500 р., тогда как в остальной части СССР она не должна была превышать 340 р.[11]

Судя по документам, в 1957–1961 гг. месячные вознаграждения сургутских геологов, как правило, превышали сумму в 100–200 р. При этом средняя заработная плата рядового геологоразведчика составляла 600–700 р. Старший буровой мастер геологоразведочной партии получал 2000 р. Всего же 63 штатных единицы сургутской нефтеразведочной экспедиции в 1958 г. имели месячный фонд заработной платы в размере 83000 р. То есть в среднем на одного геологоразведчика приходилось в месяц 1317 р. Эти данные говорят о том, что на геологоразведчиков социалистически-уравнительные принципы оплаты труда в конце 1950-х – начале 1960-х гг. практически не распространялись, что стимулировало привлечение необходимых трудовых ресурсов[12].

Весьма показательно, что в конце 1950-х – начале 1960-х гг. руководителям геологоразведочных партий были предоставлены широкие права при заключении трудовых договоров. Вопреки старым административным формальностям, они получили право их самостоятельного заключения и, что особенно важно, право подписывать их на местах дислокаций геологоразведочных партий. Это возлагало на руководителей экспедиции дополнительную ответственность. Однако теперь прием на работу был существенно упрощен, трудовые коллективы перестали испытывать некогда острый дефицит в рабочей силе. Интересно, что геологи, дислоцированные в Сургуте в конце 1950-х гг., не имели установленных норм финансирования своей деятельности, а как бы самостоятельно создавали их. Показательны в этом отношении многочисленные обращения к руководителю разведки Ф. К. Салманову руководства Новосибирского территориального геологоразведочного управления. Они требовали от него выслать нормы расхода материальных средств экспедиции для того, чтобы понять, каким образом осуществлять финансирование нефтеразведчиков в Югре[13].

Сургутский историк А. И. Прищепа отмечает, что в пионерный период руководитель геологоразведочной партии Ф. К. Салманов действовал в обстановке относительной хозяйственной свободы. Это способствовало выработке геологами нестандартных самостоятельных решений, результатом которых стало открытие крупнейших в стране месторождений нефти и социальное обеспечение геологоразведчиков[13].

После геологов предстояло формирование отрядов нефтяников и газовиков, специалистов и рабочих отраслей, обслуживающих нефте- и газодобычу. К 1964 г. – началу промышленной разработки месторождений – в Тюменской области насчитывалось лишь несколько инженеров-нефтяников из бывшего нефтегазопромыслового управления Средне-Уральского совнархоза. Плотность населения в районах будущей нефте- и газодобычи была в 38 раз ниже, чем в среднем по РСФСР. Всё население Тюменской области в начале 1960-х гг. было втрое меньше, чем четверть века спустя – всего 1,1 млн человек. По роду своей деятельности оно не имело прежде никакого отношения к добыче нефти и газа.

Начало массовой работе по формированию коллективов будущего нефтегазового комплекса положило постановление Совета Министров СССР от 4 декабря 1963 г., обязавшее руководителей совнархозов, министерств, ведомств, строительно-монтажных организаций освобождать в порядке перевода работников, изъявивших желание перейти на постоянную работу в организации и предприятия нефтяной и газовой промышленности, в геологические и строительно-монтажные организации Тюменской области. В начале 1964 г. Бюро ЦК

КПСС по РСФСР обязало крайкомы и обкомы партии Урало-Волжского нефтяного района направить в Тюменскую область специалистов нефтяной и газовой промышленности. Приказами Государственного комитета по газовой промышленности СССР и Министерства нефтедобывающей промышленности СССР руководителям подведомственных организаций вменялось в обязанность проведение массовой разъяснительной работы среди трудящихся об огромном народнохозяйственном значении Тюменской стройки и важности перехода в порядке перевода во вновь создаваемые подразделения[14].

Для привлечения и закрепления кадров в северных округах работникам нефтегазовой промышленности и строительства был установлен районный коэффициент к заработной плате 1,7, вместо существовавшего прежде 1,3. В Сургутском районе в середине 60-х гг. действовали шесть систем оплаты труда: у лесорубов, рыбаков, советских работников – 30 % надбавка к зарплате; у речников и авиаторов – 50 %; у нефтяников и строителей – 70 %; у геологов – 100 % (вместе с полевыми); у строителей нефтепровода – 120 % (вместе с полевыми)[15].

Постановлением Совета Министров СССР от 29 января 1965 г. прибывающим на нефтегазовый север выплачивалось единовременное пособие, оплачивался переезд к месту работы. Будущим тюменским нефтяникам выдавались суточные в двойном размере (на время пути), подъемные – в размере четырех месячных окладов. По истечении двух первых лет работы начислялась надбавка к окладу в 10 % с увеличением ее на 10 % за каждые два последующих отработанных года. Было также предусмотрено сохранение жилплощади по-прежнему месту жительства на период действия трудового договора. К ежегодному отпуску для работающих на предприятиях нефтяной и газовой промышленности разрешалось добавлять 12 рабочих дней. Все эти меры помогли привлечь в новые отрасли необходимое число работающих. 90 % прибывающих на Тюменский север составили посланцы разных областей и республик страны[16].

В последующие годы «рублевый фактор» был далеко не единственным, но основным в привлечении новых работников. Большинство прибывающих на Север ставило перед собой конкретную цель: заработать на автомобиль, на кооперативную квартиру с мебелью, на дачу, и назад. Если средний оклад работника нефтегазового комплекса СССР к концу 1970-х гг. составлял примерно 200 р., то, с учетом поясного коэффициента и полной «полярки» (выплачивалась тем, кто работал, начиная с широтного Приобья и дальше на Север не менее 5 лет), зарплата в условиях Заполярного Севера увеличивалась до 520 р.[17] Кроме того, работающим вне города выплачивались «полевые», надбавка «за передвижной характер работы», премии за выполнение и перевыполнение производственных планов. Электросварщики в сезонное время, когда «труба пошла» (на трассе трубопровода), зарабатывали по полторы тысячи рублей (бывало и больше) в месяц[18]. Для сравнения, к началу 80-х оклад действительного члена АН СССР (академика) составлял 1200 р. в месяц, генерального секретаря ЦК КПСС – 800 р., начинающего инженера или ассистента в вузе – 120 р.

Отдельно следует сказать о принудительном труде. Он использовался на Тюменском севере достаточно широко, главным образом, в строительстве. По данным Н. М. Пашкова, в 1964–1966 гг. лица, условно-освобожденные из исправительно-трудовых колоний (спецконтингент), составляли на стройках севера области до 50 % от общего числа работающих[19]. По подсчету Г. Ю. Колевой, во второй половине 1960-х гг. на работу в подразделения Главтюменнефтегазстроя было привлечено 8,3 тыс. чел. спецконтингента, в то время как по оргнабору этот главк получил вместе с демобилизованными воинами 8,5 тыс. чел., что подтверждает данные Н. М. Пашкова и свидетельствует о широком привлечении условников в начальный период освоения месторождений. Как пишет бывший главный инженер Главтюменнефтегазстроя Ю. П. Баталин, «в первые годы пришлось ориентироваться в основном на условно-освобожденных из мест заключения, а позже – на условно-осуждённых»[20].

Использование труда условников на Тюменском севере было вызвано не столько гуманизмом советской власти (о чём рассуждает писатель К. Я. Лагунов в очерке 1966 г. «Нефть

и люди»), сколько суровой прозой жизни – нехваткой рабочих рук. А прав писатель в том, что кроме лицевой стороны этого явления – использования здорового влияния рабочего коллектива на людей, привлечённых к уголовной ответственности, была и оборотная сторона – т. е. влияние условников, среди которых были и убийцы, и воры, и казнокрады. В Сургуте соотношение спецконтингента к взрослому населению составило в 1965 г. один к семи, в Нефтеюганске – один к пяти[21].

«Сюда, – отмечалось в очерке К. Лагунова, – в надежде на глушь (“тайга – закон, медведь – прокурор”) и так добровольно съезжается немало просто любителей “зашибить деньгу”, безнаказанно поколобродить, побесчинствовать, покутить. Как же оградить от дурных влияний добровольца, увлеченного бескорыстной жаждой подвига и приехавшего сюда по велению сердца?»[21].

Об отрицательном влиянии уголовников на жителей Севера секретарь Тазовского райкома КПСС В. Бородзич докладывал первому секретарю Ямало-Ненецкого окружкома партии Н. Максимову (июль 1965 г.): «Окружной отдел милиции нарушает решение Тюменского облисполкома, определившего местом ссылки Красноселькупский и Пуровский районы, где учреждены должности комендантов, и направляет ссыльных в Тазовский район. Сюда в течение 1964 и шести месяцев 1965 г. прибыло более 500 человек, ранее судимых по 2–3–4 раза. Эта категория людей составляет уже свыше 10 % населения района, что создало напряженную обстановку и отвлекает многих добросовестных людей от работы»[22].

Благодаря использованию материальных и моральных (грамоты, медали, ордена, почётные звания) стимулов, партийные и хозяйственные органы смогли решить проблему привлечения (но, к сожалению, не закрепления) кадров. О масштабах этой работы говорят следующие цифры: если в 1965 г. в нефтегазовой промышленности работало 20 тыс. чел., то уже в конце 60-х гг. на предприятиях ЗСНГК было занято около 100 тыс., в 1975 г. – свыше 150 тыс., в 1980 г. – 530 тыс., в 1985 г. – 747,8 тыс. чел. (39,7 % к численности работников Тюменской и Томской областей)[23]. По данным Института проблем освоения Севера СО АН СССР через тюменский Север прошло почти 10 млн человек. Осели около 2 млн. К 1990 г. в Тюменской области проживало чуть больше 3 млн человек.

Обустройство первопроходцев

Основы социальной политики государства в районах нового промышленного освоения (РНПО) были заложены в годы первых пятилеток. Курс на форсированную индустриализацию оправдывал все трудности и неимоверные лишения, которые приходилось испытывать пионерам освоения новых территорий (уровень жизни рабочих в старопромышленных районах был не намного выше). Большинство местных руководителей, поставленное высшим партийным руководством перед задачей решать производственные проблемы любой ценой в сжатые сроки, считало, что забота о людях – дело второстепенное. Так было не только в 1930-е, но и в 1950–80-е гг.

Когда в марте 1964 г. контора бурения под руководством её начальника А. Н. Филимонова начала обживаться на Юганской земле, то первым объектом был рубленый причал. Буровики за лето 1964 г. получили 69 вагончиков, 42 комплекта кунгов (универсальные автомобильные кузова, использовались под жильё). Но не поступило ни одной вагон-столовой, ни одного вагон-магазина, ни одной походной армейской пекарни[24].

Почему начали добычу нефти, не построив для рабочих жилье, детсады, ясли, школы, больницы, клубы, столовые, дороги, пристани, аэродромы, не обеспечив промыслы необходимой техникой, водой, электроэнергией? Почему нефтепромысловики не выполнили главное требование «Обязательного минимума подготовительных работ, подлежащих выполнению до начала бурения на разведанной площади»: строительство скважин на разведанных площадях не разрешается без осуществления подготовительных работ, включающих водоснабжение, подъездные пути, энергоснабжение и средства связи, материально-техническое обеспечение,

жилищные, культурно-бытовые и складские объекты, ремонтно-механические базы? (Документ был подписан председателем Госплана СССР Н. К. Байбаковым). Потому что, «едва ступив на тюменскую землю, не успев еще вырубить лес на месте, облюбованного под НПУ [нефтепромысловое управление. – *В. К.*], они уже получили план нефтедобычи на этот год»[25]. Нарушить разумное и категоричное предписание Байбакова («Обязательный минимум») заставил нефтяников тот же самый Н. К. Байбаков, затвердив им жесткий план нефтедобычи.

«Как крутились устьбалыкские геологи и новоявленные промысловики в ту сумасшедшую зиму, что соединила шестьдесят третий с шестьдесят четвертым... За полгода построили причал и нефтехранилище, связали его трубопроводом со скважинами и сделали еще очень многое, чтобы необитаемый непроходимый клочок болота превратился в нефтепромысел. Ни дорог, ни материалов, ни специалистов, ни электроэнергии. Тяжелые самолеты, садясь на обский лед, перли и перли сюда трубы. Их тут же подхватывали вертолеты и растаскивали по трассам будущих трубопроводов. Самые могучие тягачи-вездеходы АТТ тараном пробивали дороги в тайге, но намертво вязли в непромерзших болотах. А стужа высушила воздух до звона. От лютых холодов крошились стальные зубья экскаваторов, рассыпались бульдозерные резцы, рвались на куски трубы. Но осатанелые люди работали... Жили ввосьмером, а то и вдесятером в одном обшарпанном допотопном вагончике-балке, только что гвозди не ели, но 17 мая [1964 г. – *В. К.*] по еще не очистившейся ото льда Оби в Усть-Балык пробилась первая наливная баржа, по горлышко накачалась гремучей черной жидкостью и отошла... [на Омский нефтеперерабатывающий завод – *В. К.*]. Началось...»[26].

Это был героизм не одиночек – масс. Причем героизм повседневный. Но выдерживал испытание, как показали 1960–80-е гг., только один из четырех. Остальные возвращались на «большую землю».

В конце июля 1964 г. состоялось заседание бюро Сургутского райкома КПСС. Председатель райисполкома А. Г. Григорьева доложила, что население посёлка Усть-Балык (с 1967 г. – город Нефтеюганск) удвоилось, а социальные объекты не строятся. Питьевая вода завозилась бочками с реки. Нехватка торговых точек приводила к постоянным очередям в магазинах. В продаже не было многих товаров повседневного спроса – картофеля, рыбы, макарон. Хлеб заканчивался через час-полтора после начала торговли. Дальше, докладывала Григорьева, перерыв 6–7 часов, пока пекарня не выдаст новую партию. Первый секретарь Сургутского РК КПСС В. В. Бахилов, осмотревший социальные объекты Усть-Балыка летом 1964 г., назвал такое обслуживание издевательством над людьми[27].

В постановляющей части решения по вопросу «О неудовлетворительном состоянии культурно-бытового обслуживания трудящихся посёлка Нефтеюганск» бюро райкома расписало ответственность за социальные объекты между промысловиками, буровиками и геологами. А следовало запретить дальнейший приём работников в организации, сообщить о безобразиях в обком КПСС и Миннефтепром СССР, добиваться снятия производственного плана с созданных предприятий, пока не будут решены бытовые вопросы. Это сегодня ясно любому здравомыслящему человеку, но выглядит наивно, учитывая реалии тех лет. Начальнику конторы бурения А. Н. Филимонову «за непринятие мер по созданию нормального культурно-бытового обслуживания трудящихся» было сделано предупреждение, учитывая, что «он осознал свои ошибки и примет все меры к устранению недостатков». Начальник объединения «Тюменнефтегаз» А. М. Слепян на пленуме Тюменского обкома КПСС говорил об отсутствии столовых, магазинов, бань, детсадов и других социальных объектов, как о большой ошибке, но не потребовал с Филимонова изменить производственную программу, уделив больше внимания быту[28].

Было бы правильно все жилищно-бытовое и культурное строительство сосредоточить в руках местных органов советской власти, чтобы исчезли отсебятина и ведомственность, ярким примером которой была застройка Сургута хуторским методом: поселок речников, по-

селок геологов, поселок нефтяников и т. д. Но местные Советы по существу не имели никакой власти: всё решали начальники главков, трестов, управлений. Решали самостоятельно, не согласуя своих действий с советскими органами. Потому что реальная власть была у тех, кто распоряжался финансовыми и материально-техническими ресурсами, а местные советы на фоне главков в этом смысле выглядели очень сиротливо.

В то же время руководители Тюменского облисполкома категорически возражали против выдвигаемой нефтяниками идеи о передаче решения социальных вопросов исполнительным органам Советской власти. Аргумент простой – никаких объектов сферы жизнеобеспечения людей к началу добычи нефти построено не было. Поэтому во всех поселениях создание и содержание социальной сферы легло на плечи нефтяников и газовиков.

Землянки, насыпушки, палатки, балки, кунги, другие времянки – обычная картина Тюменского севера в 1960–80-е гг. Балок – жилище промысловиков, строителей трубопроводов, буровиков – деревянный или металлический вагончик из двух, по шесть квадратных метров, отсеков, разделенных коридорчиком. В каждом отсеке по четыре холостяка или семья. Счастливые семьи занимали целый балок. На шести квадратах – их спальня, на других шести – кухня, столовая, детская.

«Впервые землянки я увидел в Усть-Балыке в 1963 г., – пишет К. Я. Лагунов. – Тогда нефть еще не добывали, в нефтяную Сибирь многие еще не верили. Не было там ни нефтепромыслов, ни трубопроводов, лишь шла подготовка к пробной эксплуатации Усть-Балыкского месторождения. Тогда мне, как и жителям вросшего в берег “копай-городка”, думалось и верилось: переживем, перешагнем, начнем добывать нефть, построим города, дороги, аэродромы и порты...»[29].

Через 7 лет, в 1970 г., город Урай, где в 1960 г. (тогда посёлке Шаим) открыли первую промышленную нефть, К. Лагунов увидел таким: «Землянки прилепились к крутому берегу речки Колосьи, как ласточкины гнезда к карнизу. Невообразимо живописные строения из тарных дощечек, горбылей, шифера, кусков жести и теса. Над заваленными снегом крышами, дымящимися окурками торчат трубы... Эта шеренга землянок называлась улицей Пионеров»[30]. Количество временного жилья на всем протяжении 1960–80-х гг. оставалось практически неизменным: если в 1962 г. в Ямало-Ненецком округе насчитывалось 13 тыс. балков и вагончиков, то в начале 1990 г. – 12,2 тыс., число проживающих составило соответственно 43,5 и 44,3 тыс. человек[31].

Самодельные печки-времянки, «козлы», электроплитки в самстроевских хибарах, хижинах, лачугах, типовых щитовых домах, годных для средней полосы, но не для Севера, приводили к частым пожарам. В Нефтеюганске на 1 декабря 1965 г. проживало более 11 тыс. человек. 1650 детей посёлка нуждались в детских яслях и садах, а было только двое яслей на сто тридцать мест. Взрослые уходили на работу, дети оставались без надзора. 26 ноября в половине одиннадцатого утра загорелся домик-насыпушка плотника Обухова. Сам Василий Обухов и его жена Фаина были на работе. В домике запертыми остались двое малышей: шестилетний Алексей и трехлетний Сергей. В соседних балках, кроме ребятишек, тоже никого не было. Дети погибли. Случай не единичный. В одну неделю ноября в Нефтеюганске сгорело общежитие геологической экспедиции, несколько балков, ремонтные мастерские[32].

Трагедий, обусловленных негласным девизом освоения Тюменского севера «Нефть – любой ценой!», было много, статистика жертв не велась, но крупные катастрофы невозможно было скрыть от огласки. 20 марта 1965 г. при заходе на посадку в Ханты-Мансийске загорелся пассажирский самолет АН-24. При ударе о землю дверь заклинило, все пассажиры в салоне сгорели заживо. Сгорели потому, что окружной центр еще не имел настоящего аэропорта, не располагал средствами пожаротушения. 14 августа 1977 г. в 18 час. 30 мин. на центральном товарном парке (ЦТП) нефтегазодобывающего управления (НГДУ) «Нижневартовскнефть» произошел взрыв. Погибли 13 человек. Авария произошла из-за того, что

ЦТП, спешно сооруженный и сданный по временной схеме в 1969 г., не отвечал необходимым пожарным требованиям, не был готов принять хлынувший поток самотлорской нефти. Первые руководители НГДУ Р. И. Кузоваткин (начальник управления) и Н. П. Дунаев (гл. инженер) вынуждены были работать в аварийной ситуации, что и привело к трагедии[33].

Ни в Усть-Балыке (Нефтеюганске), ни в Шаиме (Урае), ни в Сургуте – нигде ни одно из требований «Минимума» не было выполнено до начала эксплуатации нефтяных месторождений. «Я старый нефтепромысловик, – рассказывал в 1966 г. главный инженер треста бурения Главтюменнефтегаза Л. И. Вязовцев, – но не помню, чтобы где-нибудь этот “Минимум” выполнялся. Мы многого не требуем. Нам хоть бы первый год давали на подготовку жилья и строительной базы. Вот сейчас хорошие специалисты бегут из Нефтеюганска из-за отсутствия жилья. От Филимонова уже сбежали две буровые бригады в полном составе...»[34].

«Я видел, – пишет К. Лагунов, – как после двенадцатичасовой вахты, выстояв на холоде полукилометровую очередь вокруг единственной в поселке столовки, рабочие для “сугреву” выпивали кряду без передыху по восемь-десять стаканов обжигающего горячего чаю и лишь после этого принимались за ужин, предварительно опрокинув тарелку с гуляшом в консервированные щи, чтоб были те погуще и повкусней. Правда, зачастую намерзшемуся, наголодавшемуся рабочему не оставалось на ужин ни первого, ни второго, ничего, кроме хлеба и компота. И после подобной трапезы – балок – холостяцкая берлога на восьмерых. Пока топится печурка или топка котла – в балке парная банная духота, а к утру стены изнутри белеют от стужи, тронь влажной рукой – примерзнет»[35].

К середине 1980-х, через 20 с лишним лет после начала промышленного освоения месторождений, в ЗСНГК было 14 новых городов и 12 крупных рабочих поселков. В 8 городах и 11 поселках в сер. 1980-х гг. не было ни одного кинотеатра. Более 60 тыс. детей обучались в третью смену. Жители городов и поселков лишь наполовину (где-то чуть больше, где-то чуть меньше) были обеспечены столовыми, больницами, поликлиниками, яслями и детсадами. Более двухсот пятидесяти тысяч человек ютились с семьями в балках, самстроевских хибарах и хижинах[36].

Социалистическое соревнование как инструмент мобилизации

Многочисленные документы 1960–80-х гг. отражают повседневную работу партийных организаций по мобилизации трудовой активности освоителей Севера. В 1966–1970 гг. Ханты-Мансийский окружком КПСС принял более десятка постановлений по вопросам соревнования[37]. В 1970–1971 гг. на пленумах и бюро партийных комитетов нефтегазового комплекса было рассмотрено около 250 вопросов, связанных с трудовым соперничеством, из них 90 – по поддержке инициатив передовых коллективов и 60 – по контролю за выполнением принятых обязательств[37].

В 9-й пятилетке (1971–1975 гг.) 85 предприятий и организаций Главтюменьгеологии были признаны победителями во Всесоюзном и Республиканском социалистическом соревновании, многие неоднократно награждались переходящим Красным знаменем Министерства геологии СССР или РСФСР. В том числе Сургутская нефтеразведочная экспедиция (НРЭ) – 10 раз, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий геофизические тресты – по 9 раз, Правдинская НРЭ – 6 раз, Мегионская НРЭ – 4 раза[38].

В начале 11-й пятилетки (1981) многие коллективы нефтегазового комплекса, поддержав почин производственного объединения (ПО) «Юганскнефтегаз» о досрочном выполнении пятилетнего плана, пересмотрели свои обязательства и выдвинули встречные планы, а производственные объединения «Нижневартовскнефтегаз» и «Уренгойгаздобыча» были названы инициаторами соревнования за досрочное достижение в одиннадцатой пятилетке суточной добычи в 1 млн т нефти и 1 млрд кубометров газа[39]. За почином трудовых коллективов Тюменской области, одобренном ЦК КПСС, «торчали уши» Тюменского обкома партии, поэтому Н. М. Пашков пишет прямо: «В 1981 г. *по инициативе Тюменского обкома*

КПСС развернулось соревнование за обеспечение добычи 1 млн т нефти и 1 млрд кубометров газа в сутки»[40]. Сегодня историки считают, что условий для форсирования темпов добычи не было, а инициатива объясняется горячим желанием партийных органов (в Центре и на местах) увеличить нефте- и газодобычу ценой безудержной эксплуатации людских и природных ресурсов.

Тюменский обком КПСС, агитируя за высокие темпы, испытывал жёсткое давление Москвы. Бывший первый секретарь обкома Г. П. Богомяков отвергает обвинения в авторстве инициативы по добыче областью 1 млн т нефти и 1 млрд м^3 газа в сутки: «А на обком задним числом зря кивают... После XXVI съезда КПСС к нам из Госплана и министерства приехала представительная комиссия, которая вынуждала на 1980 г. записать не 300, а 325 млн т нефти. Мы возражали, приводили аргументы, что из-за этого отстанет инфраструктура освоения и тем более социальная... Так что я не могу принять обвинений, что обком выдавливал объемы добычи»[41].

В организации соцсоревнования ко второй половине 1970-х гг. накопилось немало проблем, имелись серьезные недостатки, обусловленные причинами как объективного, так и субъективного характера. Отставание производственных «тылов» от добычи нефти и газа ухудшало материально-техническое снабжение, культуру производства, организацию труда. Сказывались также стремительный рост трудовых коллективов за счет миграции трудовых ресурсов и сопутствующие им текучесть кадров, нестабильность коллективов, ухудшение дисциплины и настроения в коллективах. Нарастали формализм и заорганизованность: *почетные грамоты пересылались на буровые вместе с почтой*[42]. Имели место подлог и приписки, фальсификация результатов трудового соперничества.

За неполадки у передовиков с руководителей главков и предприятий соответствующие министерства и парторганы спрашивали строго, поэтому передовым коллективам «помогали», нарушая не только принципы соревнования, но и закон. «Вели на рекорды», как выразился журналист в беседе с Героем Социалистического Труда, буровым мастером Г. М. Левиным[43]. В 1980 г. проверкой Комитета партийного контроля при ЦК КПСС было установлено, что руководители Нижневартовского УБР-1 при попустительстве ПО «Нижневартовскнефтегаз» и Главтюменнефтегаза допускали приписки и другие нарушения в целях приукрашивания работы этого управления.

В результатах проверки отмечалось, что при планировании основных показателей в 1977–1978 гг. руководство производственного объединения создавало льготные условия УБР-1. Так, если большинству управлений план по общей проходке устанавливался, как правило, выше фактически достигнутого в предыдущем году, то для него – ниже. В 1979 г., видя, что управление буровых работ № 1 срывает плановые задания и социалистические обязательства, руководители Главтюменнефтегаза и объединения передали этому управлению из других УБР две буровые бригады. Кроме того, по указанию руководства главка в декабре управление оформило сдачу в эксплуатацию 11 скважин, работы на которых УБР продолжало фактически до 6–21 января 1980 г., что являлось прямой припиской к плану[44]. То, что подобных фактов не обнаружено в архивных документах, отражающих предыдущий этап развития соревнования в ЗСНГК, не значит, что их не было в жизни – «помогали лучшим» и прежде. Но следов столь откровенной фальсификации соревнования нет. Нет, очевидно, потому, что не началась еще великая тюменская гонка, приведшая к штурмовщине и бестолковщине. Гонка, извратившая и принципы соревнования, и трудовое поведение в целом.

С началом «перестройки» (1985 г.) много говорилось о «человеческом факторе», но концепция развития комплекса осталась прежней. Невозможно было в одночасье изменить и психологию людей. Показательна в этом смысле оценка публикаций в газете «Тюменская правда» на темы ЗСНГК, данная корреспондентом «Экономической газеты» В. Шломой: «…если внимательно читать публикации областной газеты, психологию по принципу “Даешь нефть и газ любой ценой” не преодолели еще и сами работники редакции»[45].

Праздники строителей Севера

Как и вся система жизнеобеспечения, учреждения культуры в РНПО создавались с большим запозданием. К началу нефтегазовой эпопеи в северных округах Тюменской области 90 % клубных учреждений было сосредоточено в сельской местности. Отсутствие в нефтегазодобывающих районах художественно-зрелищных организаций предопределило поиск нестандартных форм культурного обслуживания. Одной из них стало культурное шефство над РНПО, которое взяли на себя областные учреждения: филармония, Тюменский и Тобольский драматические театры, Тюменский театр кукол, Областной краеведческий музей, картинная галерея, Областная научная библиотека. Широкую популярность у жителей новых городов и новостроек приобрели культурно-бытовые поезда, теплоходы и агитмашины, в составе которых наряду с профессиональными театральными коллективами и концертными бригадами были коллективы художественной самодеятельности. Только в 1967–68 гг. ими было обслужено свыше 300 тыс. человек в Сургуте, Нижневартовске, Урае, Нефтеюганске, на трассах строительства газопроводов Игрим-Серов, Усть-Балык – Омск, железной дороги Тюмень-Сургут[46].

С начала 1970-х постоянно действующие агитбригады появились в Ханты-Мансийском, Березовском, Советском, Октябрьском, Кондинском районах ХМАО. Из них выросли Игримский и Пионерский хоры, Нефтеюганский и Горноправдинский танцевальные коллективы, Сургутский и Березовский оркестры, Ханты-Мансийский инструментальный ансамбль. По данным окружного отдела культуры в ХМАО в конце 1970-х гг. насчитывалось более 900 кружков народного творчества, в которых занималось 12 тыс. человек[47]. Возможно, эти данные завышены.

Важное место в проведении свободного времени на Севере занимало общение с друзьями. Праздники редко ограничивались семейным кругом. Приглашали родственников, коллег по работе. Домашние встречи организовывались либо «в складчину», либо хозяевами, и тогда гости приходили с подарками (в основном на бытовые праздники). К приему гостей готовились: закупались продукты и спиртные напитки, приготовлялись разнообразные угощения, чаще всего рыбный пирог из нельмы или муксуна, популярной была строганина (мелко наструганная сырая мороженная рыба в специальном остром соусе).

Водка и вино занимали важное место в повседневной жизни северян. На протяжении всего периода наблюдался устойчивый рост расходов на приобретение алкогольных напитков. В расчете на одного жителя Тюменской области они возросли за 1960-е гг. с 62 до 150 р. Каждый житель от новорожденного до старика выпивал в 1960 г. 44–45 бутылок спиртного, а в 1970 г. – уже 90 бутылок[48].

Тюменский север пил с ведома и благословения властей – партийных, советских и хозяйственных. 20 января 1965 г. начальник ОРСа нефтепромыслового управления (НПУ) Шаимнефть Дудник направляет секретарю Тюменского обкома КПСС А. К. Протозанову докладную, в которой сообщает, что «в наличии не имеется совершенно винно-водочных изделий... Для бесперебойного обеспечения населения просим выделить дополнительные фонды на первый квартал 1965 г. водки и водочных изделий две тысячи декалитров...» На 1 января 1965 г. в магазинах ОРСа имелось 12000 л водки и 2000 л вина, а всё население Урая, где располагалось НПУ Шаимнефть, в то время составляло 9 тыс. чел. Просьба Дудника не вызвала у первого секретаря обкома КПСС отрицательных эмоций, и он начертал на докладной начальника ОРСа поручение обкомовскому работнику: «прошу проследить исполнение»[49].

Другой бывший «первый» – Г. П. Богомяков – вспоминает о том, как начинал работать полевым геологом: «…Мы поступали просто: покупали одному человеку авиабилет до Туруханска, который находился за 500 километров, и он привозил добрый запас спирта, бутылка которого обходилась всего на сорок копеек дороже. Спирт нужен был не для пьянства, а что-

бы согреваться. Утром мы выпивали грамм по 70, закусывали строганиной, и это горючее позволяло целый день продуктивно работать на скважине при диком морозе. Вечером процедура повторялась [стало быть, ежедневно в пересчете на водку – по 300 грамм на человека. – *В. К.*] и все ложились спать. Когда спирт кончался – снова посылали гонца в Туруханск»[50].

Растущая алкоголизация населения как тенденция сохранялась до перестройки М. Горбачева, а как социальное явление была порождена не только отсутствием традиции «культуропитейства» (преобладал северный залповый стиль потребления крепких напитков), но и неразвитостью социальной инфраструктуры: бытовое пьянство становилось компенсатором недостатка услуг учреждений культуры и отдыха. В Тюменской области «постояльцами медицинских вытрезвителей в 1962 г. оказались 16,8 тыс. человек, а в 1969 г. – уже почти 60 тысяч. В начале 1980-х гг. до половины взрослого коренного населения ХМАО погибало от несчастных случаев, связанных с алкоголем[51].

Резюме

Проблему мобилизационности нельзя рассматривать вне контекста конкретной эпохи и без учета человеческого фактора. Менялось общество, ценностные приоритеты людей, их образование и общая культура, мотивация поступков, отношение к коммунистической идее. В 1950–60-е гг. первопроходцы тюменской нефтегазовой целины и, в первую очередь, руководители трудовых коллективов, являясь, как правило, фронтовиками, хорошо понимали, что такое приказ и дисциплина, были готовы к лишениям и трудностям. Поколение, не затронутое войной, вряд ли смогло бы действовать столь же самоотверженно и находчиво, как большинство их старших товарищей в начальный, самый трудный период индустриализации Тюменского Севера. Всё выпало на долю первопроходцев: и адский холод, и беспощадный болотный гнус, и валящая с ног усталость, и абсолютная неустроенность быта, непреодолимые препятствия, растерянность и каждодневная борьба. Но первопроходцы выдержали.

В 1970–80-е гг. на настроении как старожилов Севера, так и его новоселов не могли не отразиться изменения, происходившие в стране и обществе. Другим, более прагматичным и приземленным, становилось поведение людей. По мере нарастания системного кризиса в СССР более трезвой и критичной становилась оценка происходивших в регионе событий.

Сомнению подвергалась целесообразность столь высоких темпов развития нефте- и газодобычи в условиях нараставшего отставания социальных и производственных тылов ЗСНГК. Люди, еще недавно не только именовавшиеся, но и по-настоящему чувствовавшие себя первопроходцами, стали понимать, что превратились в заложников процесса освоения.

Увеличение роли государства в экономике в условиях глобального экономического кризиса и возобновление дискуссии о возможностях дальнейшего использования мобилизационных механизмов развития актуализируют вопрос: мобилизационная модель экономики: прошлое или будущее России? Правильное понимание опыта нашей страны по реализации мобилизационного пути развития должно способствовать выработке оптимальной стратегии в отношении мероприятий мобилизационного характера.

Примечания

[1] Цит. по: Вишневский А. Г. Серп и рубль : Консервативная модернизация в СССР. М. : ОГИ, 1998. С. 48.

[2] Там же. С. 51.

[3] См.: Карпов В. П. Индустриальное освоение Сибири : новые труды новосибирских историков // Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера : материалы Всерос. науч. конф. Тюмень : ТюмГНГУ, 2010. С. 127–128.

[4] Очерки истории Тюменской области. Тюмень, 1994. С. 212.

[5] Карпов В. П., Колева Г. Ю., Гаврилова Н. Ю., Комгорт М. В. Западно-Сибирский нефтегазовый проект : от замысла к реализации. Тюмень, 2011. С. 119.

[6] Там же. С. 118.
[7] Там же. С. 120.
[8] Карпов В. П., Гаврилова Н. Ю. Очерки истории отечественной нефтяной и газовой промышленности. Тюмень, 2002. С. 64.
[9] Карпов В. П. Становление тюменской нефтеразведки в послевоенный период (конец 1940-х – 1950-е гг.) // Земля Тюменская : ежегодник Тюмен. обл. краевед. музея. 2003. Вып. 17. Тюмень : ТюмГУ, 2004. С. 121, 122.
[10] Там же. С. 122.
[11] Прищепа А. И. Сургутская геологоразведочная экспедиция и командно-административная система управления : опыт сопротивления // Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера. С. 49.
[12] В условиях консервативной стабильности в других секторах экономики страны и отсутствия в них хозрасчетных принципов данные подходы к оплате труда могли существовать только как эксперимент. 17 июня 1961 г. Советом Министров было принято постановление, согласно которому выплата единовременных вознаграждений геологам Югры была отменена. См.: Прищепа А. И. Указ. соч. С. 50.
[13] Прищепа А. И. Указ. соч. С. 51.
[14] Карпов В. П. Западно-Сибирский нефтегазовый проект… С. 276–277.
[15] Лагунов К. Нефть и люди // Новый мир. 1966. № 7. С. 213.
[16] Карпов В. П. Западно-Сибирский нефтегазовый проект… С. 277.
[17] Славкина М. В. Великие победы и упущенные возможности : влияние нефтегазового комплекса на социально-экономическое развитие СССР в 1945–1991 гг. М. : РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина, 2007. С. 227.
[18] Лагунов К. После нас... // Наш современник. 1989. № 5. С. 100.
[19] Очерки истории Тюменской области. Тюмень, 1994. С. 219.
[20] Карпов В. П. Западно-Сибирский нефтегазовый проект… С. 283.
[21] Лагунов К. Нефть и люди. С. 219.
[22] Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 135. Оп. 1. Д. 1158. Л. 28.
[23] Карпов В. П. Создание и развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948–1990 гг.) : автореф. дис. … д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2007. С. 41–42.
[24] Редикульцев В. Трудное лето 1964 года // Кристалл. 2007. № 3 (15). С. 9.
[25] Лагунов К. Нефть и люди. С. 207.
[26] Лагунов К. После нас... С. 101.
[27] Редикульцев В. Указ. соч. С. 5.
[28] Там же. С. 8.
[29] Лагунов К. Нефть и люди. С. 213.
[30] Лагунов К. После нас... С. 104.
[31] Долголюк А. А. Опыт стабилизации строительных коллективов районов нового освоения Сибири в 1950–1980-х гг. // Формирование и адаптация населения в районах индустриального освоения Сибири : сб. науч. тр. Вып. 2. Новосибирск, 2007. С. 130–131.
[32] Лагунов К. Нефть и люди. С. 202.
[33] Карпов В. П. История создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948–1990 гг.). Тюмень : Нефтегазовый ун-т, 2005. С. 279–280, 289.
[34] Лагунов К. Нефть и люди. С. 202.
[35] Лагунов К. После нас... С. 100.
[36] Там же. С. 107–108.
[37] Карпов В. П. Трудовое соперничество буровых коллективов в 1960–80-е годы // Гор. ведомости. 2007. № 3. С. 85.

[38] Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 1903 Оп. 1. Д. 1255. Л. 176–177.
[39] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 225. Д. 3. Л. 14.
[40] Очерки истории Тюменской области. С. 221.
[41] Соратники : Поколение Виктора Муравленко / сост. С. Великопольский и Ю. Переплеткин. Тюмень, 2002. С. 99.
[42] Карпов В. П., Колева Г. Ю., Гаврилова Н. Ю. , Комгорт М. В., Тимошенко А. И. Тюменский индустриальный «взрыв» : история мегапроекта. Тюмень : Вектор Бук, 2011. С. 198.
[43] Там же. С. 196.
[44] Там же. С. 199.
[45] Экон. газета. 1986. № 50.
[46] Карпов В. П., Гаврилова Н. Ю. Повседневная жизнь Тюменского нефтегазового севера как предмет исторического изучения // 10 лет после миллениума : новое в гуманитарном знании (история, политика, когнитивные практики) : сб. ст. Всерос. науч. конф. Ч. I. Тюмень : ТюмГУ, 2010. С. 33–34.
[47] Там же. С. 34.
[48] Рафикова С. А. Повседневная культурная жизнь рабочей семьи в Западной Сибири в 1960-е годы // Социальная сфера и повседневность сибирского города (XX–XXI вв.). Новосибирск : Сиб. науч. изд-во, 2007. С. 132.
[49] Лагунов К. После нас... С. 114.
[50] Огнев И. О деле века, которое под стать открытию века, вспоминает Геннадий Богомяков, в 1973–90 годах – первый секретарь Тюменского обкома КПСС // Тюмен. правда. 2012. 25 апр. С. 3.
[51] Карпов В. П. «Строительство социализма» на Крайнем Севере Западной Сибири : неудавшийся эксперимент // Становление индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе : подходы, исследования, результаты. Новосибирск : Сиб. науч. изд-во, 2010. С. 97.

А. Н. Лымарев

КАДРОВОЕ И ФИНАНСОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ НА УРАЛЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Одной из составляющих, обеспечивших успешное функционирование советской идеологической и политической системы, была периодическая печать. В нынешних условиях, когда на самом высоком уровне заговорили о воспитании патриотизма, опыт газет и журналов времен Великой Отечественной может сыграть существенную роль. Не следует также забывать, что любая информация есть способ оказывать влияние на большие массы людей, что и было реализовано в СССР. Опыт существования системы центральных и местных газет, встроенных в единую вертикаль, имеет и положительный момент, особенно в чрезвычайных условиях, которые в нашей стране давно стали нормой.

Неотъемлемой частью любого периодического издания является редакция. В теории советской журналистики этот термин трактовался как «партийный коллектив, созданный для выпуска газеты, представляющий собой специфическую часть партийной организации и выполняющий ее задачи особым способом»[1]. Весь аппарат центральных и областных газет подразделялся на две составляющие: часть управления и часть исполнения. Первая включала в себя редактора и его заместителей, секретариат и редакционную коллегию, вторая – отделы редакции, спецкоров и редакционные службы. Вне состава редакции находились собкоры и внештатные сотрудники – рабкоры, селькоры, юнкоры и т. д., а также контролирующие организации.

Проще выглядели редакции многотиражных, районных и небольших городских газет. Первые подразделялись на 2 вида по числу выходов в неделю. Редакции трехразовых изданий включали в себя редактора, ответственного секретаря (он же выпускающий), литсотрудника-корректора, несколько инструкторов, машинистку-делопроизводителя и курьера-уборщицу. Газеты, выходившие 1 раз в неделю, обычно ограничивались тремя сотрудниками (с 1943 г. – двумя) – редактором, литсотрудником, выполнявшим самые различные функции, и машинисткой. Кадры районных изданий практически не отличались от редакций крупных многотиражных. Здесь также имелись редактор, зам. редактора (должность ликвидирована в августе 1941 г.), ответственный секретарь, литработники, машинистка-счетовод и курьер-уборщица. На одного человека больше (заведующего редакцией-бухгалтера) было в руководстве газет небольших городов.

Важным показателем является численность сотрудников редакций, которая изменялась в течение всего хода военных действий. В 1939 г. в стране работало 29 тыс. редакторов и постоянных литработников. В среднем на 1 центральную газету приходилось 136 сотрудников, на областную – 43, на районную – 9. Общее число работников печатных СМИ, включая и технический персонал, составило около 70 тыс. Большая часть их была сосредоточена в городах – 77 %. Кроме того, по результатам переписи 1939 г. из всех специалистов, трудившихся в области литературы, печати и издательского дела 63,6 % – это мужчины, из них в возрасте от 20 до 40 лет – 82,7 % (многие из них были мобилизованы). Вот почему в военные годы шло неуклонное снижение численности специалистов в этой сфере. Так, в 1941 г. в Чкаловской области насчитывалось 564 работника печати, в 1943 г. – 332, в 1944 – 331, в 1945 г. – 288[2].

Можно выделить 3 этапа сокращения сотрудников. Первый начинается летом 1941 г. и связан с общим снижением числа газет и журналов. В связи с ликвидацией молодежных изданий только по Челябинской области полностью ликвидировали 2 редакции общей численностью 34 человека. Районные газеты потеряли должности заместителя редактора и двух литработников. При этом на местные издания легла необходимость обеспечивать кадрами военные издания и оказывать помощь сотрудникам, оказавшимся в эвакуации.

Второй этап связан с решением Секретариата ЦК ВКП (б) от 3 июня 1942 г., которое определяло новое количество сотрудников. Для «Челябинского рабочего» предельная численность сотрудников составила 40 чел., для городских газет, выходивших ежедневно («Магнитогорский рабочий», «Большевистское слово») – 18, для городских газет так называемого второго порядка («Копейский рабочий», «Вперед» и др.) – 11 чел. Для остальных численность сотрудников сокращалась до 6 («Карабашский рабочий», «Рабочая газета», «Горняцкая правда»), в районных газетах – до 5. Многотиражки делились на две категории – газеты крупных заводов с численностью 8 человек и остальные со штатом в 3 сотрудника.

Третий этап датируется серединой 1943 г. и связан с партийным решением о сокращении периодичности и объема региональных газет. Менее всего пострадали областные газеты. А вот в районных осталось всего 3 человека – ответственный редактор, ответственный секретарь и машинистка-счетовод (см. табл. 1). Существовали региональные особенности. В Башкирии в некоторых изданиях было две редакции, готовившие верстку на русском и башкирском языках. Правда, таких газет осталось немного.

Таблица 1

Численность сотрудников газет в Челябинской области в 1939–1945 гг.[3]

Газеты \ Годы	1939–1941	1942	1943–1944	1945
Областные				
– газета ОК ВКП(б)	55	40	40	50
– газета ОК ВЛКСМ	23	-	-	-
– детская газета	11	-	-	-

Газеты \ Годы	1939–1941	1942	1943–1944	1945
Городские				
– газеты крупных городов	24	18	15	18
– газеты средних городов	16	11	9	10
– газеты других городов	10	6	5	6
Районные газеты	9	5	3	4
Многотиражные				
– газеты круп. предприятий	9	8	6	7
– газеты др. предприятий	5	3	2	3
Всего	162	91	80	98

Дефицит кадров оставался серьезной проблемой на протяжении всех военных лет. Об этом свидетельствуют многочисленные жалобы в вышестоящие инстанции. В редакции газеты «Заветы Ленина» (Сосновский район Челябинской области) из трех сотрудников не хватало одного – редактора. В докладной в обком партии в 1944 г. отмечалось: «…присланный редактор ни с какой стороны для этой работы не подходит. У себя в районе поставить на эту работу не можем никого – просто нет сколько-нибудь подходящего человека». Такое положение не могло не сказаться на работе – газета выходила 1 раз в месяц (при норме 4 раза) или 3 раза в 2 месяца. С теми же проблемами сталкивались и городские газеты. В 1944 г. в обком ВКП (б) поступило письмо секретаря Магнитогорского ГК. В нем отмечалось, что из редакции «Магнитогорского рабочего» в обком партии был отозван заместитель редактора, затем в ЧелябГИЗ перешла работать заведующая культурно-бытовым отделом газеты Л. К. Татьяничева. Далее в письме перечислен еще ряд должностей, на которые образовались вакансии: ответственный секретарь, заведующий промышленным отделом, литсотрудник партотдела и др.[4]

На процесс сокращения сотрудников влияли еще 2 фактора, характерные для советской действительности того времени. Речь идет о монополии коммунистической партии на должности в стране. Как замечал очевидец тех лет Е. С. Варга, «каждый коммунист претендует на «подходящую» работу и, как правило, он не бывает безработным. Если он окажется несостоятельным на одной должности, его переводят на другую со сходной оплатой. Творит ли он безобразия, продает, злоупотребляет своим служебным положением – дело замнут или он отделается минимальным партийным взысканием». Подтверждение этого мнения легко находим в архивах. Редактором газеты «Социалистический труд» Нязе-Петровского района Челябинской области в 1941 г. стал бывший второй секретарь Красноармейского РК партии, освобожденный от должности по состоянию здоровья. К тому же его образование ограничивалось 1 классом начального училища и курсами газетных работников[5].

И еще одним вопросом, неожиданно «всплывшим» в 1942 г., стал национальный. Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) на места направило инструктивное письмо «О подборе и выдвижении кадров в искусстве», в котором отмечалось, что в последнее время в учреждениях искусства «непропорционально представлены “нерусские люди” (преимущественно евреи)»[6]. Результатом стала массовая «этническая чистка» сначала в сфере искусства (театры, музыка, кинематограф), а затем началось «освежение кадров» и в редакциях газет и журналов.

Тяжелая кадровая ситуация складывалась в низовой печати. Необходимо было предпринимать экстренные меры для замены ушедших на фронт сотрудников. С 1942 г. по всей стране, включая Урал, действовали самые разнообразные формы подготовки новых сотрудников для периодических изданий. Среди них можно выделить курсы при обкомах ВКП (б). Так, 2 декабря 1944 г. при Курганском обкоме проведены месячные курсы сотрудников районных газет. Всего же за 1944 г. по стране такие курсы окончили 8065 человек. Специалистов готовили в годичных партшколах, на специальных занятиях Высшей партийной школы при ЦК ВКП (б), при редакциях центральных газет. Например, в «Комсомольской правде» с 1943 г. начали работать курсы подготовки комсомольских журналистов, а с 1944 г. курсы повышения квалификации.

При ЦК ВКП (б) в 1943 г. создаются центральные курсы газетных работников с полугодичным сроком обучения. Первые 150 слушателей начали заниматься с 1 ноября 1943 г., выпуск состоялся летом 1944. С 1942 г. начинают свою деятельность двухмесячные областные курсы по подготовке идеологических работников в 12 крупных городах, в том числе Свердловске. В 1943 г. их окончили свыше 7 тыс. пропагандистов и газетных работников, а общее число занимавшихся в подобных учреждениях по всей стране в период войны составило 35 тыс. человек[7].

Результативной формой повышения квалификации стали совещания. В теории советской журналистики редактирование понималось своеобразно: «все содержание газеты, книги, журнала – от первой до последней строчки, всю деятельность редакционного аппарата подчинить делу партии, воплощению в жизнь ее идеалов и политики». Не меньшие требования предъявлялись и к профессиональным знаниям. В 1937 г. в специальном обзоре «Правды» под названием «О газетной технике и беспечных редакторах» указывалось, что «газетная техника – это политика» и что «редактор, не знающий верстки, не владеющий ею, плохой, никудышный руководитель». ЦК ВКП (б) в 1944 г. констатировал неудовлетворительное состояние дел с редакторами местных изданий. В постановлении о массово-политической и идеологической работе в Татарской партийной организации отмечалось, что «обком не организовал работы по марксистско-ленинской подготовке и переподготовке редакторов газет, в результате чего многие из них серьезно отстали в теоретическом отношении и не в состоянии с успехом вести политическую работу среди населения»[8].

Обычно совещания руководства СМИ были связаны с какими-либо важными политическими событиями (доклады и выступления И. В. Сталина, юбилеи и даты, ход социалистического соревнования и т. д.). Часто проходили совместные сборы руководителей городских и районных изданий. Например, на трехдневном совещании-семинаре редакторов городских и районных газет Челябинской области в июле 1942 г., обсуждались следующие вопросы: задачи городских и районных газет в Отечественной войне; о газетном языке; «большевистской газете – яркое, живое оформление»; месячный план газеты и план номера (опыт газеты «Большевистское слово», г. Златоуст); о неразглашении газетами государственной тайны. Практиковались методы обмена газетами в целях взаимной передачи опыта, обсуждались вопросы теории газетного дела, содержание издания: от передовых статей до проблем критики и самокритики, проблемы работы с внередакционным активом и письмами, поступавшими к журналистам и т. д. На обсуждение порой уходило до 10 дней. Искали новые формы проведения мероприятий, менее затратные, например, радиосовещания.

Периодичность таких мероприятий оставалась на усмотрении местной власти. В один год совещания проводились 3–4 раза, потом мог следовать длительный перерыв. Только в конце войны ЦК ВКП (б) установил определенную регулярность. В постановлении «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации» от 27 января 1945 г. обкому предписывалось «не реже раза в 2 месяца на 4–5 дней» созывать «редакторов районных газет для инструктирования и обмена мнениями по вопросам политической работы среди трудящихся». Решение ЦК было продублировано на пленуме Башкирского обкома ВКП (б)[9].

Для низовой печати периодичность была гораздо выше – раз в месяц. Дюртюлинский РК ВКП (б) (Башкирская АССР) в августе 1942 г. пригласил на инструктивное совещание 60 человек (редакторы стенгазет, избачи и др.). Собирали и партийных руководителей: в 1944 г. Покровский РК партии (Свердловская область) организовал семинар секретарей сельских парторганизаций, для которых была прочитана лекция «Организация работы стенной печати»[10]. На этих мероприятиях принимались важные решения. В июле 1941 г. в Магнитогорске редакторы стенных газет решили перейти от больших стенгазет, выходивших обычно раз в месяц, к выпуску «боевых листков», газет-«молний» и других малоформатных изданий с большей частотой выхода. 15 июля такое же решение принято на совещании в Челябинске.

Не всегда совещания благоприятно сказывались на деятельности СМИ, Многие редакторы просто не приезжали на эти сборы. Из 200 редакторов стенных газет, приглашенных в Челябинск в сентябре 1941 г., явились только 65. Как отмечалось в соответствующей докладной в горком партии, «недостатком нужно считать низкую явку приглашенных товарищей по уважительной причине: в трех районах в этот день были занятия народного ополчения». Кроме того, отсутствие первого лица негативно отражалось и на газете. Такая история случилась с редактором газеты «За высокий урожай» Еткульского района Челябинской области, которого на 10 дней в 1945 г. командировали в Челябинск на семинар-совещание. В результате, как отмечалось в докладной в обком партии, все это время «газета не выходила»[11].

В середине войны стали возвращаться к довоенным методам работы. С 1943 г. возобновилось прохождение практики сотрудниками городских и районных газет в областных и городских изданиях. Например, в Челябинской области практику в течение 45 дней районные журналисты проходили в редакциях «Магнитогорского рабочего» и «Большевистского слова» (г. Златоуст). Челябинские пропагандисты опередили даже коллег из Москвы, поскольку такую практику для белорусских (читай – всех) газет ЦК ВКП (б) предложил использовать только в августе 1944 г. в постановлении «О ближайших задачах партийных организаций КП (б) Белоруссии в области массово-политической и культурно-просветительной работы среди населения».

Эти действия компенсировали сокращение сотрудников, что позволило начать процесс восстановления прежней структуры редакций. В 1943 г. в «Челябинском рабочем» отдел промышленности и транспорта получил 2 сотрудников. В следующем 1944 г. восстановлен отдел культуры и быта, а отдел пропаганды марксизма-ленинизма и партийной жизни разделен на два самостоятельных. В упоминавшемся выше постановлении ЦК ВКП (б) «Об улучшении качества и увеличении объема республиканских, краевых и областных газет» предполагалось увеличить штат областных газет в 1945 г. на 10 чел.

Важной оставалась и проблема качества приходивших специалистов. Низкий уровень квалификации редакционных сотрудников отмечался и в предвоенные годы. Особенно показательна в этом плане статистика образования. По данным переписи 1939 г. группа «писатели, журналисты, редакторы» имела самые высокие на тот момент показатели по всем разделам – 15,4 % лиц с высшим и 65,5 % со средним образованием (в Германии высшее образование имели 53 %, среднее – 35 %, неполное среднее – 8 %)[12]. Плачевное состояние с уровнем образования констатировалось в докладной в Челябинский обком ВКП (б) за 1941 г.: «…большинство работников районных газет не имеют законченного среднего образования». Здесь же подчеркивалось, что у корреспондентов нет желания исправить положение: «…на 1 ноября подали заявки в заочную школу 51 человек, а приступили к учебе только 26»[13].

Ответственность редактора не компенсировалась соответствующими материально-бытовыми условиями. Из всего списка редакторов в номенклатуру обкома партии входило только руководство областных газет. Для них предусматривалась «бронь» на уплотнение жилья. На редактора, его заместителя и секретаря редакции распространялось положение, в соответствие с которым «уплотнение руководящих работников области и города производилось в каждом отдельном случае только с разрешения горисполкома». Кроме того, они имели возможность покупать продукты в закрытых магазинах, получать дополнительный «сухой паек» (редактор – на сумму 600 р., его зам. – 300 р.) и питаться в закрытой столовой[14].

К группе первой категории снабжения также относились редакторы городских и районных изданий (с 1942 г. – и многотиражных). Правда, в приказе Наркомата торговли «О порядке снабжения продовольственными и некоторыми промтоварами руководящих работников районных советских и партийных организаций» от 9 февраля 1943 г. подчеркивалось, что такое снабжение должно устанавливаться «в зависимости от наличия ресурсов (за счет централизованных фондов и поступлений из местных источников)». Поэтому в каждой области круг привилегированных сотрудников редакций был разным. В Челябинской к редактору област-

ной газеты приравнивались руководители «Магнитогорского рабочего» и «Большевистского слова» (г. Златоуст). Их заработная плата с 1942 г. составляла 1200 р. в месяц[15].

У редакторов низовых газет положение было гораздо хуже. В 1945 г. в Сосновский район Челябинской области прибыл новый руководитель газеты «Заветы Ленина». Как отмечалось в документе, поступившем в обком партии, «целый месяц он жил в редакции, спал на столах. Позднее ему была предоставлена квартира, требующая серьезного ремонта, в котором было отказано. Нормальным питанием редактор тоже не обеспечен». А ведь среди руководителей газет было много женщин. По данным Чкаловского обкома ВКП (б) в 1942 г. по 30 районам из 1852 редакторов стенгазет их было 476 (26 %)[16].

Дефицит кадров руководителей СМИ пытались решить и через совмещение должностей. В 1942 г. редактор башкирской районной газеты «Колхоз ударчысы» писал в обком партии: «22 марта 1942 г. райком назначил меня редактором газеты. До этого я работал учителем физики и математики в школе. Но не успел выпустить 2 номера, райком ВКП (б) назначил меня своим представителем в один колхоз. По крайней мере, 4–5 дней недели я должен находиться в этом колхозе. Для моей основной работы, которой я еще толком и не освоил, остается всего лишь 2–3 дня. А в аппарате кроме меня есть только один секретарь редакции»[17]. В Челябинской области редактора газеты «Саткинский рабочий» утвердили председателем горсовета, оставив за ним редактирование газеты по совместительству.

В 30-е гг. советская журналистика стала самой массовой, т. к. в ней активно участвовали сотни тысяч людей, не имеющих профессионального образования. С другой стороны, именно это позволило власти превратить печать в средство манипулирования общественным сознанием, целенаправленно отсекая с помощью репрессивного аппарата и партийных установок невыгодную информацию. Сама журналистика становится частью режима, приспосабливаясь под задаваемые властью установки, причем, весьма жесткие.

Идейным фундаментом советской журналистики являлся марксизм-ленинизм. Объектом журналистики выступала вся действительность, предметом – актуальные вопросы и проблемы, связанные с современностью. Утверждалось, что журналистика выступает как «средство познания, отражения и изменения действительности, прежде всего общественной, политической жизни, как орудие политической борьбы». Определялись задачи, делившиеся на две большие группы: информационно-познавательная, предполагавшая, что журналистика, отражая действительность, передает информацию всему обществу; социально-педагогическая, обусловливавшая необходимость воспитания посредством передаваемой информации членов общества, то есть преобразования окружающей действительности с целью более гармоничного развития общества, продвижения его к заданной цели. Подчеркивались и особенности, присущие журналистскому труду: ярко выраженный политический, партийный характер, оперативность и непрерывность деятельности, сочетании разносторонности, профессиональной универсальности и одновременно узкой специализации[18].

Всех корреспондентов, работавших в тот период в стране, можно разделить на штатных и внештатных. Накануне войны большинство сотрудников редакций, трудившихся на профессиональной основе, сократили. К 1940 г. во многих областных, краевых и республиканских газетах работало от 120 до 150 человек, находившихся в редакции безвыездно, собирая информацию по телефону, что, по мнению партийного руководства, приводило «к ослаблению связи газет с местными организациями, к отрыву их от партийного, советского, хозяйственного актива, рабочих и сельских корреспондентов». А это, в свою очередь, способствовало тому, что «страницы газет преимущественно заполняются материалами штатных сотрудников, а корреспонденции внередакционного актива, особенно сельских и рабочих корреспондентов, оттеснены»[19].

Особое значение в ходе перестройки работы периодики в 1940 г. уделялось собственным корреспондентам – «полноправным представителям редакции на местах, выступающим от ее имени, своеобразным агентам газеты, связующим звеном между ней и местными партийными,

советскими и общественными организациями, рабселькоровским активом, читателями». Их задачи определялись в двух плоскостях: организация вокруг газеты широкого внередакционного актива и привлечение к участию в газете партийных и советских работников; собственная активность как «человека пишущего, инициативного, способного по газетному остро, метко и быстро реагировать на жизненные явления»[20]. Количество собкоров зависело от аудитории газеты. Для областных газет в 1940 г. оно составило 10–12, для городских от 5 до 10 человек, в районных они отсутствовали. В годы войны эта сеть сократилась. В декабре 1941 г. на партсобрании областной свердловской газеты «Уральский рабочий» отмечалось: «Очень плохо с собкоровской сетью, до сих пор этот вопрос не разрешен». К тому времени в газете было 2 собственных корреспондента. В 1942 г. у республиканской газеты «Кызыл Башкортостан» имелось 8 корреспондентских пунктов, ни на одном из них не было сотрудника[21].

В условиях дефицита кадров на эти должности часто попадали случайные люди. Результатом становились истории, подобные той, которая произошла в редакции «Челябинского рабочего». Собкор в одном из районов, чтобы получить валенки, напечатал статью о передовой артели. Через неделю появилась еще одна. Редактор районной газеты, рассказывая на совещании в обкоме об этой истории, подчеркивал, что эта «артель кулацкая, работают бывшие переселенцы. Люди с прошлым». Далее он замечает: «неужели он не нашел лучших стахановцев на наших предприятиях и рудниках?»[22] Только по окончании войны в областных газетах сеть стали восстанавливать: 1 собкор на 2–3 района.

Штатные журналисты, помимо своих прямых обязанностей, должны были выполнять функцию «привлечения авторского коллектива из среды передовиков», работая над «выращиванием и воспитанием рабочих и сельских корреспондентов»[23]. Считалось, что чем больше таких авторов у газеты, тем эффективнее становится ее деятельность. Рабселькоровское движение представляло собой мощную силу, способствующую строительству «новой жизни». Одновременно такого рода объединение позволяло создавать видимость демократичности правящего режима.

В период с 1928 по 1938 г. число рабселькоров на Урале возросло с 15 тыс. до 250 тыс., а всего по стране их было не менее 2 млн человек. В постановлении 1940 г. ЦК партии указывал на необходимость того, чтобы местные газеты, особенно районные, строились в основном «на материалах рабочих и сельских корреспондентов, партийного и советского актива». В протоколе заседания первичной партийной организации при Брединском РайЗО содержалось требование «обязать членов и кандидатов ВКП(б) участвовать в районной газете и в стенгазете»[24].

Однако не во всех СМИ этому вопросу уделялось должное внимание. В январе 1941 г. в аргаяшской районной газете «Большевик» (Челябинская область) проходило партсобрание, на котором секретарь организации отметил, что «особенно плохо поставлена работа с письмами селькоров». Далее он сообщил, что многие из них находятся без ответа по 10–12 дней, а некоторые материалы могли вызвать интерес правоохранительных органов. Так, в одном из сообщений, обнаруженном в папке «не подлежащих к опубликованию материалов», сообщалось о фактах продажи местных девушек. Сотрудники редакции, вместо того, чтобы отвечать на сигнал, просто выкидывали письма, ссылаясь на то, что «написано неразборчиво»[25].

Количество рабселькоров сократилось в военные годы. В многотиражке «Приисковый рабочий» (Свердловская область) в июле 1941 г. их было 95 чел., в августе – 78, сентябре – 65, в октябре – ноябре – 52, к декабрю их численность снизилась до 44. Как отмечалось в постановлении обкома ВКП (б) «О некоторых недостатках “Уральского рабочего”», на страницах областной газеты появляются публикации рабкоров из Тагила, Серова, Алапаевска, Ирбита и еще из 2–3-х районных центров. Информация из остальных районов встречается в газете 1–2 раза в месяц. Делается вывод, что «постоянных рабкоров у газеты, очевидно, нет или их очень мало»[26]. Аналогично складывалась ситуация и в других регионах Урала. Так, в газете «На сталинском пути» (Нагайбакский район Челябинской области) селькоровский актив насчитывал до 80 человек в 1941 г. Через 2 года он сократился до 20.

Иногда журналисты, чтобы не создавать себе лишних проблем, просто писали за рабкоров статьи. Судя по всему, такая практика распространилась очень широко, поскольку в 1941 г. в журнале «Большевистская печать» отмечалось: «…эта фальсификация статей актива должна быть решительно осуждена и изгнана из редакционной жизни буквально как служебное преступление». Впрочем, далее в статье предлагались способы написания статьи за рабкора, что становилась оправданием для профессиональных журналистов, вынужденных идти на ухищрения, чтобы в условиях кадрового голода выпускать очередной номер. Например, сотрудник газеты «Орский рабочий» (Чкаловская область) печатал в одном номере по 30 информаций объемом до 500 строк. Поскольку редактор не принимал их без подписи, на страницах издания появлялись псевдонимы – А. Козлов, Б. Козлов, В. Козлов и т. д.[27]

Работа по развитию рабселькоровского движения не прекращалась, особенно на предприятиях, где в качестве авторов статей и корреспонденций все шире привлекались рабочие, инженерно-технические и хозяйственные работники. На Уралмашзаводе (г. Свердловск) в работе газеты-многотиражки «За тяжелое машиностроение» принимали участие 175 человек, среди которых рабочие составляли 49, инженерно-технические работники – 51, партийно-комсомольские и профсоюзные – 37, служащие, домохозяйки и педагоги – 38 человек[28]. 30 января 1945 г. в Кургане состоялся первый областной съезд рабочих и сельских корреспондентов, на котором с докладом «О задачах рабселькоров» выступил редактор газеты «Красный Курган» С. С. Глебов.

Эффективность публикаций рабселькоров часто была велика. На Челябинском электродном заводе в стенгазете «За советский электрод» появилась заметка, в которой сообщалось, что заведующий отделом снабжения завода, приходя обедать в столовую по 4 раза, дополнительно уносил оттуда «узелки с продуктами». Далее в справке «О действенности стенгазет в продвижении вопросов, поднятых рабочими корреспондентами», составленной в Челябинском ГК ВКП (б), отмечалось: «Автор заметки продолжал следить. В настоящий момент получен в редколлегии материал, который потребует серьезного вмешательства в это дело соответствующих организаций»[29].

Власть всячески подчеркивала значение журналистов, особенно профессионалов. Как заявил М. И. Калинин в 1945 г.: «…у корреспондентов одно из интереснейших занятий, которое развивает человека, и серьезная, добросовестная их работа никогда не пропадет даром. Что же касается морального удовлетворения, то вряд ли найдется много таких видов работы, которые приносили бы такое удовлетворение, как работа корреспондентов»[30]. Правда, глава советского государства умолчал о материально-бытовых условиях.

В 1944 г. редактор газеты «Чкаловская коммуна» М. И. Рябов обратился к секретарю обкома ВКП (б) Г. А. Денисову и председателю облисполкома А. М. Кутыреву: «У нас очень плохие материально-бытовые условия работников. Зарплата у нас низкая, как была она в 1937 году, так и осталась. Снабжение работников также не налажено. Еще хуже с промтоварами. Работники редакции обносились до невозможного. Большинство работников редакции имеют такой вид (одежда и обувь), что им стыдно ходить в общественные места, на пленумы, конференции, собрания. Работников нельзя посылать в командировку – не в чем ехать»[31].

Заработная плата сотрудников редакций в годы войны выросла в среднем на 10–15 % (см. Приложение № 1). Если в 1941 г. в Чкаловской области средняя зарплата работников печати составляла 394 р., в 1943 г. она снизилась до 330 р., а в 1944 г. выросла до 442 р.[32] Особо складывалась ситуация в многотиражных газетах. Дело в том, что в 1941 г., после принятия постановления ЦК ВКП (б) «О фабрично-заводских газетах», число штатных сотрудников в редакциях сократилось до 1 человека – ответственного секретаря. Редактор и члены редколлегии назначались из неосвобожденных работников предприятий, что существенно сократило расходы на содержание. Например, бюджет газеты «Электросплав» челябинского завода ферросплавов в 1940 г. составлял 80 тыс. р., а в 1941 г. – всего 18 тыс.[33] Для сотрудников крупных многотиражек серьезным подспорьем становились премии. Сотрудники газеты «За

трудовую доблесть» Кировского завода (Челябинская область) получали от 1200–1800 р. (редактор) до 300–500 р. (рядовые работники) премиальных.

Отдельный вопрос – выплата гонораров. В 1940 г. этот способ финансирования был существенно снижен. Постановлением ЦК ВКП (б) «О районных газетах» запрещалось выплачивать гонорары штатным сотрудникам редакции. Тогда же возник вопрос о его выплате рабселькорам. Подчеркивалось, что «некоторые редакторы до сих пор продолжают недопустимую практику задержки выплаты гонорара рабселькорам под различными предлогами: то “мала сумма”, то “пошлем до конца года” и т. д. А некоторые редакторы даже ухитряются на этом получить “экономию”. Такая практика заслуживает осуждения». В годы войны ситуация не изменилась. В газете «Знамя Октября» (Красноармейский район Челябинской области) проверкой было установлено: заведующий оргинструкторским отделом РК ВКП (б) получил 250 р.., зоотехник РайЗО – столько же. На вопрос проверяющего, на каком основании выплачены такие суммы, исполняющий обязанности редактора ответил: «…они часто пишут, и поэтому всем выписали такую сумму». Надо ли говорить, что ни одной их публикации в газете обнаружить не удалось[34].

В областных газетах также старались соблюдать соотношение выплаты гонорара между штатными сотрудниками и рабселькорами, тем более, здесь сумма был намного выше (см. Приложение № 2). Если в начале войны она составляла 650 р. на номер, то к концу войны ее увеличили до 850, а с июля 1945 г. она достигла 3,5 тыс. р. Однако на получаемый гонорар накручивались налоги и «добровольные» займы, так что, в конечном счете, на руки журналисты получали не очень большие деньги.

О бедственном положении газетчиков свидетельствуют решения, которые принимались различными инстанциями. Так, на бюро Миасского райкома партии (Челябинская область) было принято постановление разработать план улучшения бытовых условий работников редакции и типографии «Рабочей газеты». Правда, дальше решения дело не продвинулось. Пытались решить и проблему питания. Относительно благополучно складывалась ситуация в областных изданиях. В 1943 г. помимо ответственного редактора «Челябинского рабочего», право на дополнительное питание получили зам. редактора, отв. секретарь и зав. отделами. В проекте предлагалось 18 человек, но список сократили (в «Уральском рабочем» таких насчитали 25). С 1945 г. руководству газеты выделялось по 15 тыс. р. в год. В городах и районах ситуация была гораздо хуже. В 1943 г. в Челябинский обком поступил документ «О тяжелом материальном положении работников городских и районных газет». В нем особо подчеркнуто, что они не прикреплены к столовым-распределителям и получают по 400 г хлеба на день[35].

Кроме кадров, существовал целый ряд других статей расходов и доходов редакций. Все они сведены в Приложение № 3. Процентное соотношение от общего дохода и расхода отображено в табл. 2 и 3[36].

Таблица 2

Расходы

Вид газеты	Гонорар и авторы	Редакция и издательство	Бумага	Типография	Распространение	Прочие
Областная	9,7	35,9	15,2	11,3	23	4,9
Городская	10,6	36	9,5	21,1	14,1	8,7
Районная	7,5	45,5	3,9	24,5	7,8	10,8

Таблица 3

Доходы

Виды газет	Реализация издания	Объявления	Прочие доходы
Областные	95,4	4,2	0,4
Городские	95,6	3,5	0,9
Районные	95,4	4,6	-

Превышение доходов над расходами у областных газет составляло в среднем от 20 до 40 %, из которых большая часть средств (до 100 %) уходила в партийный бюджет. Для городских и районных газет предусматривались дотации, поскольку уровень расходов над доходами составлял от 50 до 70 %. Соответственно областные дотации доходили до 2/3 всего бюджета издания.

Подводя итог, отметим – сотрудникам редакций военного времени приходилось проявлять изобретательность, чтобы номер газеты вышел вовремя и был интересен. Периодическая печать была не только главным источником информации о происходящем в стране, мире, на заводе, в городе или районе, но и штабом проведения соревнований и кампаний, инициатором различных починов и т. д. В итоге система периодических изданий уральского региона продолжала функционировать даже в чрезвычайных условиях военного времени. Другое дело, что информация, содержащаяся в СМИ, не давала полного представления о происходящих событиях, искажала их в соответствии с идеологическими установками, исходящими от партийных органов, что создавало не всегда оправданный оптимизм на фоне тяжелейших условий жизни и больших жертв.

Примечания

[1] Теория и практика советской периодической печати. М., 1980. С. 12.

[2] Печать в СССР в 1939 г. : стат. материалы. М., 1940. С. XXII; Всесоюзная перепись населения 1939 г. : основные итоги. М., 1992. С. 99, 126; ГАОО. Ф. 1003. Оп. 3. Д. 839. Л. 1; Д. 848. Л. 4; Д. 855. Л. 1; Д. 861. Л. 1. Необходимо оговориться, что в расчет берутся все сотрудники, связанные с функционированием периодических изданий, – литературные работники, журналисты, корреспонденты, редакторы, корректоры и т. д.

[3] Подсчитано и составлено по: ОГАЧО. Ф. п. 288. Оп. 4. Д. 92. Л. 15; Оп. 6. Д. 47. Л. 5, 35–36; Ф. Р–485. Оп. 17. Д. 33. Л. 52. Речь идет только о редакционных работниках, без учета работников издательств и административно-хозяйственных работников. Соотношение первых, вторых и третьих примерно 50 % на 22 % и на 28 %. (Например, в Челябинской области в 1941 г. всего работников, трудившихся в газетах, насчитывалось 622 чел, из них в редакционном аппарате 337, в издательствах 123, в административно-хозяйственной части – 162 чел.).

[4] ОГАЧО. Ф. п. 288. Оп. 8. Д. 73. Л. 144–146; Д. 263. Л. 59.; Оп. 9. Д. 232. Д. 47.

[5] Варга Е. С. «Вскрыть через 25 лет» // Полит. исслед. 1991. № 2. С. 183; ОГАЧО. Ф. п. 288. Оп. 4. Д. 73. Л. 7, 94.

[6] Цит. по: Костырченко Г. В. В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. М., 1994. С. 9.

[7] Веселов Г. П. Подготовка кадров интеллигенции в годы Великой Отечественной войны. (1941–1945 гг.) // Из истории советской интеллигенции. М., 1966. С. 73.

[8] Средства массовой информации и пропаганды. М., 1984. С. 263; Правда. 1937. 14 марта; О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации : постановление ЦК ВКП (б). Август 1944 г. // Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны (июнь 1941–1945) : док. и материалы. М., 1970. С. 222–223.

[9] ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 25. Д. 47. Л. 11–12.

[10] Там же. Оп. 23. Д. 374. Л. 3; Урал. рабочий. 1944. 17 февр.

[11] ОГАЧО. Ф. п. 92. Оп. 5. Д. 45. Л. 40; Ф. п. 288. Оп. 9. Д. 232. Л. 47.

[12] Всесоюзная перепись населения... С. 138; Орлов Ю. Я. Журналистская теория и журналистское образование в нацистской Германии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 1992. № 1–2. С. 52.

[13] ОГАЧО. Ф. п. 288. Оп. 4. Д. 247. Л. 26.

[14] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 43. Л. 76; ОГАЧО. Ф. Р–220. Оп. 13. Д. 1. Л. 114, 116; Ф. п. 288. Оп. 6. Д. 77. Л. 36; Оп. 8. Д. 45. Л. 50–51.

[15] ОГАЧО. Ф. Р–274. Оп. 3. Д. 1491. Л. 79; Ф. п. 288. Оп. 4. Д. 106. Л. 2; Оп. 6. Д. 65. Л. 9–10; Ф. Р–1038. Оп. 1. Д. 11. Л. 44–45.
[16] Там же. Ф. п. 288. Оп. 9. Д. 232. Л. 47.; ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д.619. Л. 39.
[17] Цит. по: Ахунзянов Т. И. Печать советской Башкирии. Кн. II. Уфа, 1970. С. 94–95.
[18] Гуревич А. Я. К. Маркс и Ф. Энгельс – основоположники теории коммунистической журналистики. М., 1973. С. 49.
[19] О штатах областных, краевых и республиканских газет : постановление ЦК ВКП (б) от 25 июля 1940 г. // Решения партии о печати. М., 1941. С. 192.
[20] Теория и практика советской периодической печати... С. 76.
[21] ЦДООСО. Ф. 854. Оп. 1. Д. 66. Л. 118; Ахунзянов Т. И. Указ. соч. С. 94.
[22] ОГАЧО. Ф. п. 288. Оп. 6. Д. 246. Л. 126–127.
[23] О районных газетах : постановление ЦК ВКП (б) от 13 июля 1940 г. // Решения партии о печати... С. 190.
[24] О партийной и советской печати : сб. док. М., 1954. С. 341–342; История Урала. Пермь, 1977. С. 266; Печать СССР в 1939 г. ... С. XXII; О районных газетах : постановление ЦК ВКП (б) от 13 июля 1940 г. // Решения партии о печати... С. 190; ОГАЧО. Ф. п. 233. Оп. 3. Д. 96. Л. 2.
[25] ОГАЧО. Ф. п. 115. Оп. 3. Д. 83. Л. 2.
[26] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 177. Л. 38, 45.
[27] Камскова Т. Газеты Оренбуржья в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война и Южный Урал. 1941–1945 : сб. материалов. Оренбург, 1995. С. 66.
[28] Назаров М. Н. Из опыта массово-политической работы уральских партийных организаций в промышленности в годы Великой Отечественной войны // Из истории большевистских организаций Урала : сб. ст. УрГУ. Вып. 33. Свердловск, 1960. С. 84.
[29] ОГАЧО. Ф. п. 92. Оп. 5. Д. 105. Л. 27.
[30] Калинин М. И. О корреспондентах и корреспонденциях. Из бесед с корреспондентами газеты «Известия» и Всесоюзного радиокомитета // Парт. строительство. 1945. № 6. С. 17.
[31] Цит. по: Федорова А. В. Оренбург в годы Великой Отечественной войны. Оренбург, 1995. С. 170.
[32] ГАОО. Ф. 1003. Оп. 3. Д. 839. Л. 1; Д. 848. Л. 4; Д. 855. Л. 1.
[33] ОГАЧО. Ф. п. 92. Оп. 5. Д. 45. Л. 27.
[34] Большевист. печать. 1941. № 11. С. 50; ОГАЧО. Ф. п. 288. Оп. 6. Д. 247. Л. 72.
[35] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 43. Л. 76; ОГАЧО. Ф. п. 101. Оп. 1. Д. 1244. Л. 24; Ф. п. 288. Оп. 7. Д. 32. Л. 23, 108; Д. 262. Л. 13; Ф. Р–1085. Оп. 1. Д. 57. Л. 119.
[36] Составлено и подсчитано по: ОГАЧО. Ф. п. 288. Оп. 6. Д. 43. Л. 8; Оп. 7. Д. 26. Л. 7; Ф. Р–274. Оп. 3. Д. 1380. Л. 143–145; Д. 1450. Л. 18; Д. 1562. Л. 183–185; Д. 1656. Л. 28, 31, 33; Ф. Р–485. Оп. 17. Д. 33. Л. 52–53; Ф. Р–1085. Оп. 1. Д. 46. Л. 1, 6–7; Д. 52. Л. 14–15; Д. 55. Л. 11–12; Д. 57. Л. 85, 100; Д. 59. Л. 4; Д. 62. Л. 2.

Приложение № 1

Среднемесячная заработная плата сотрудников уральских редакций в 1940–1945 гг. (р.)[1]

Должности[2]	Областная партийная газета	Областная комсом. газета	Областная детская газета	Городская газета	Районная газета
Отв. редактор	1600 / 1600 / 1600	700 / л[3] / л	600 / л / л	800 / 800 / 900	700 / 700 / 800
Зам. отв. редактора	1100 / 1300 / 1400	600 / л / л	л	700 / л / л	л
Отв. секретарь	950 / 1100 / 1400	600 / л / л	500 / л / л	600 / 600 / 800	550 / 550 / 600
Зав. отделом	600 / 850 / 1200	500 / л / л	450 / л / л	л	л
Литсотрудник	500 / 700 / 800	450 / л / л	350 / л / л	400 / 525 / 525	500 / л / л
Выпускающий	500 / 700 / 800	317 / л / л	300 / л / л	400 / 475 / 750	л
Соб. корреспондент	500 / 700 / 1050	л	л	л	л
Фоторепортер	250 / 250 / 600	250 / л / л	250 / л / л	350 / л / л	л
Корректор	600 / 600 / 700	500 / л / л	450 / л / л	400 / л / л	450 / л / л
Тех. секретарь	265 / 400 / 400	258 / л / л	л	225 / л / л	л
Машинистка	300 / 350 / 350	300 / л / л	300 / л / л	214 / 295 / 300	200 / 200 / 200
Подчитчик	300 / 300 / 400	300 / л / л	л	л	л
Курьер	120 / 120 / 200	120 / л / л	120 / л / л	100 / 100 / 100	л
Уборщица	113 / 113 / 180	113 / л / л	л	107 / 107 / 107	100 / л / л

Подсчитано и составлено по: ГАОО. Ф. 1003. Оп. 839. Л. 1; Д. 848. Л. 4.; Д. 855. Л. 1; ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 9. Д. 620. Л. 7; ОГАЧО. Ф. п. 288. Оп. 7. Д. 26. Л. 7, 64–66; Оп. 8. Д. 24. Л. 28, 93–97; Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 1333. Л. 68; Д. 1380. Л. 145; Д. 1450. Л. 18, 98; Д. 1562. Л. 185. Д. 1656. Л. 31; Ф. Р-1085. Оп. 1. Д. 57. Л. 100, 115–117.

Примечания

[1] Первая цифра – 1940 г., вторая – 1943, третья – 1945 г.
[2] Взяты только основные должности.
[3] Обозначение «л» – должность ликвидирована.

Приложение № 2

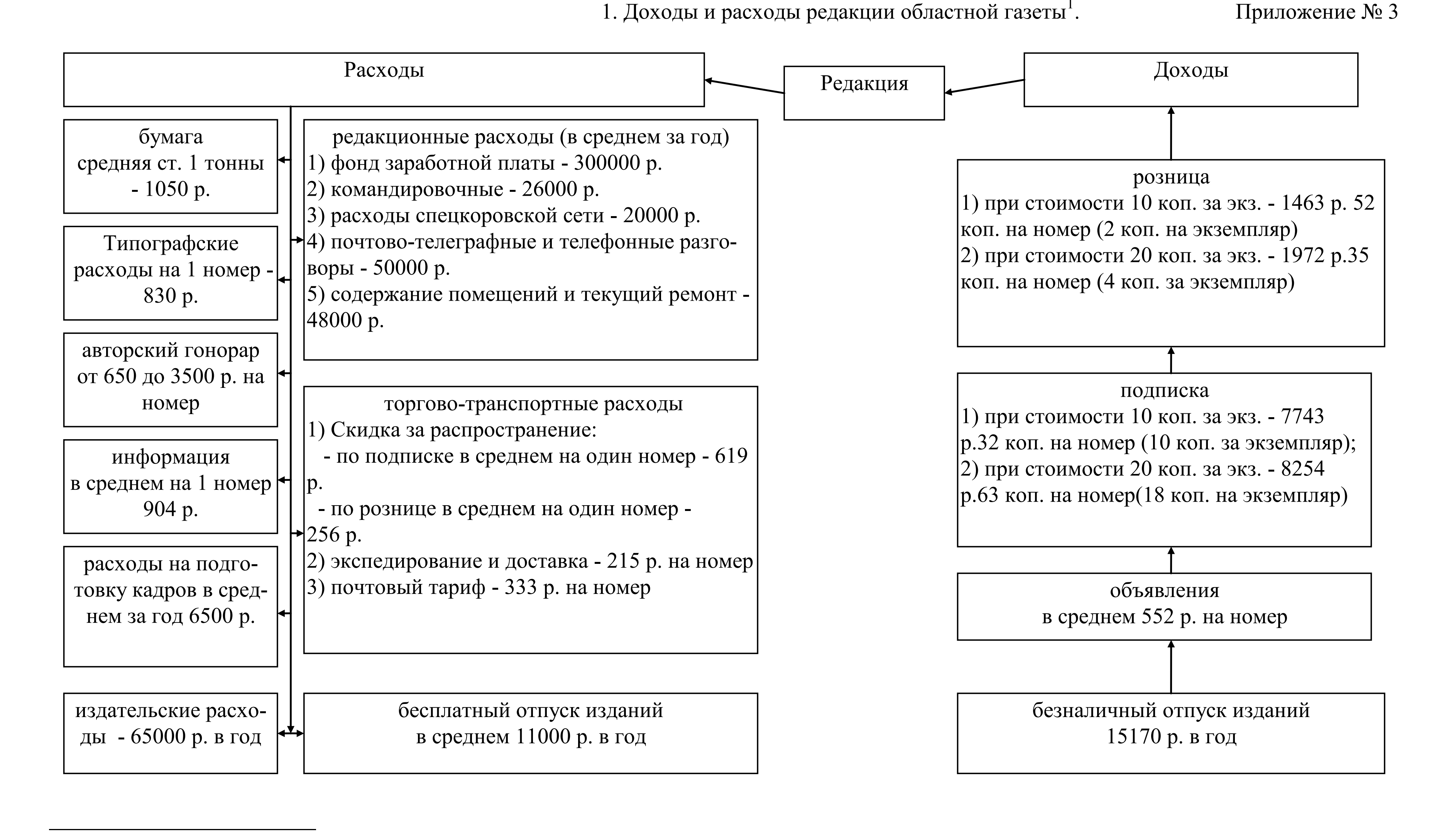
Начисление гонораров в областной газете «Челябинский рабочий» в 1941–1945 гг. (в р.)

Годы	1941 г.		1942 г.		1943 г.		1944 г.		1945 г.	
месяцы	начислено	из них рабселькорам (%)	начислено	из них рабселькорам (%)	начислено	из них рабселькорам (%)	начислено	из них рабселькорам (%)	начислено	из них рабселькорам (%)
январь	18240	10275 (54,8)	12506	6250 (54,3)	7366	2548 (34,6)	13726	6815 (49,7)	10682	5495 (51,4)
февраль	15058	7830 (41,8)	13233	6149 (51,2)	10800	3058 (28,3)	13411	7126 (53,1)	10273	4120 (40,1)
март	18768	7770 (41,4)	13486	6848 (60,9)	8653	4419 (51,5)	11345	5760 (50,8)	17027	8555(50,2)
апрель	19181	10080 (51,7)	10268	4399 (40,5)	7038	3040 (43,2)	13795	8475 (64,4)	11543	5120 (44,4)
май	18761	8884 (47,4)	9994	3811 (39,1)	7189	3335 (46,4)	14750	8230 (55,8)	16069	6485 (40,4)
июнь	18223	8875 (46,8)	9391	3772 (38,7)	8079	2833 (35,1)	11849	5094 (43,0)	н/д	н/д
июль	9568	3974 (27,2)	10148	3428 (33,8)	10055	4660 (46,3)	11262	6285 (55,8)	н/д	н/д
август	13445	6646 (47,9)	12014	5252 (52,0)	10116	5070 (50,5)	15472	8305 (53,7)	н/д	н/д
сентябрь	14637	7453 (52,3)	12121	4789 (49,1)	9400	4120 (43,8)	17702	7425 (41,9)	н/д	н/д
октябрь	17233	9878 (65,9)	13489	5380 (53,2)	13185	5105 (38,7)	15855	8010 (50,5)	н/д	н/д
ноябрь	14187	7532 (51,5)	8889	3683 (39,3)	9660	4515 (46,7)	15995	7225 (45,2)	н/д	н/д
декабрь	12822	6186 (48,5)	10458	5138 (52,7)	14055	7240 (51,5)	13697	5955 (43,5)	н/д	н/д
Итого	190123	95283 (48,0)	135997	59169 (47,4)	115596	49943 (43,2)	168857	84705 (50,2)	65594	29775 (45,4)

Составлено и подсчитано: ОГАЧО. Ф. Р-1085. Оп. 1. Д. 48. Л. 4; Д. 52. Л. 16; Д. 55. Л. 13; Д. 59. Л. 12; Д. 62. Л. 12.

Приложение № 3

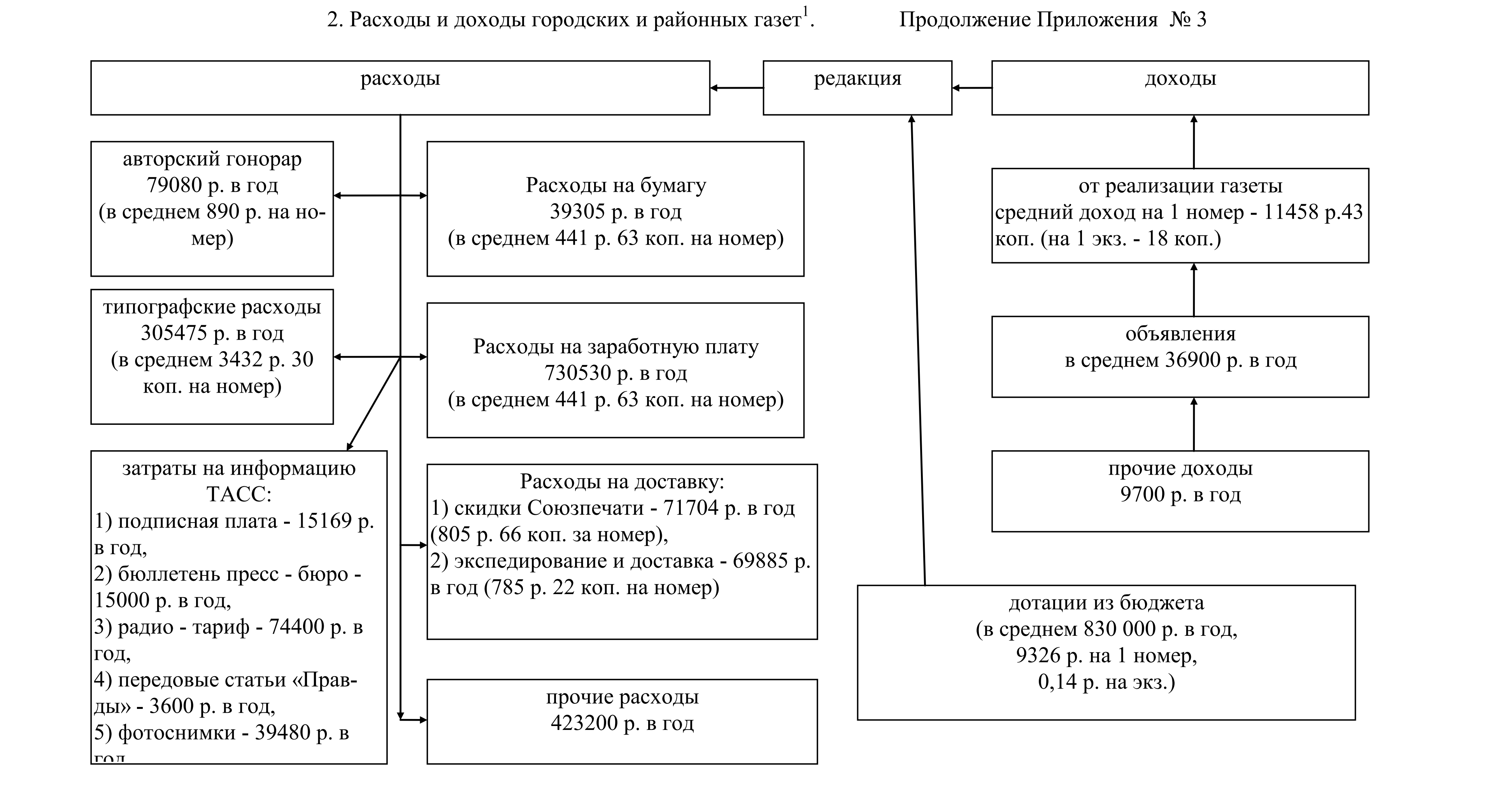
1. Доходы и расходы редакции областной газеты[1].

[1] Данные подсчитаны по финансовым отчетам уральских областных газет за период 1940–1945 гг. Градация: номер – количество выходов в год, экземпляр – количество выходов в год деленное на средний разовый тираж.

Продолжение Приложения № 3

2. Расходы и доходы городских и районных газет[1].

[1] Данные подсчитаны по финансовым отчетам уральских городских и районных газет за период 1940–1945 гг. Градация: номер – количество выходов в год, экземпляр – количество выходов в год, деленное на средний разовый тираж.

А. Н. Макаров

МОБИЛИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ НА ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ СТРОЙКИ СРЕДСТВАМИ ФОТОПРОПАГАНДЫ В 1930-е ГОДЫ (НА МАТЕРИАЛАХ МАГНИТОГОРСКА)

В начале 1930-х гг. все информационное пространство СССР было ориентировано на популяризацию проводившегося в стране социалистического строительства. В годы первых пятилетних планов культура превратилась по сути в средство мобилизации советского населения для осуществления партийных программ по перестройке страны[1]. Наряду со средствами массовой информации мощнейшим средством пропаганды коммунистической доктрины и советского образа жизни были произведения искусства.

Максимально эффективными средствами агитации и пропаганды в предвоенное десятилетие в условиях дефицита «живой агитационной человеческой силы»[2] являлись радио, кино и фоторепортаж. Однако радио- и кинофикация страны в 1930-е гг., особенно в годы двух первых пятилетних планов, находились в недоразвитом состоянии. Особенно плохо была организована радиофикация и кинофикация сельской местности (а именно завербованные крестьяне становились основным рабочим ресурсом новостроек), где в среднем по стране по данным на 1937 г. имелось от 4 до 6,5 радиоточек на 1000 жителей[3]. Среди основных недостатков киноработы на селе отмечалось низкое качество кинообслуживания и рост числа бездействующих киноустановок[4]. В этих условиях единственно возможным каналом пропаганды и агитации оставался фоторепортаж как неотъемлемый элемент газетно-журнальных полос. Фоторепортаж в 1930-е гг. превратился в одно из главных средств агитационно-пропагандистских кампаний мобилизационного типа, став важным каналом трансляции стереотипного видения действительности, которая должна была целиком и полностью совпадать с официальными представлениями об устройстве социалистического общества.

Если говорить о степени успешности воздействия фотографии на широкие читательские массы, следует признать, что снимок оказывал гораздо большее влияние на зрителя, нежели иные элементы газетно-журнальных полос. «Фото в газете по своей убедительности и действенности не уступает, но нередко превосходит другие виды газетного материала»[5]. Дело в том, что фотография обычно вызывала большее доверие у читателя, чем рисунок. Фотография, опубликованная на страницах газет и журналов 1930-х гг., создавала у читателя иллюзию «регистрации жизненной правды», ведь немногие в те годы догадывались о технике монтажа, ретуши и других средствах модификации реальности в снимке. Снимок затрагивал те стороны человеческого сознания, которые меньше доступны влиянию слова, и этим резко усиливал действие мыслей, выраженных в тексте[6]. Кроме того, в среднем основной объем иллюстративного материала в газетах занимали фотографии. Зарисовкам, карикатурам и другим видам художественных работ отводилось не более 10–15 % от общего объема иллюстраций[7].

К началу 1930-х гг. в стране уже сложилась необходимая инфраструктура, обеспечивавшая нормальное функционирование фотопропаганды. На рубеже 1920–1930-х гг. в Советском Союзе утвердилась единая государственная информационная служба, в структуре ТАСС постоянным стал фотографический отдел – «Фотохроника ТАСС» – и должность фотокорреспондента агентства. В 1931 г. создана организация трест Союзфото, которая обеспечивала централизованный выпуск фотоиллюстраций для газет и журналов. На крупнейших индустриальных новостройках (Магнитострой, Кузбасс, Днепрострой, Донбасс, Бобриковский комбинат, Сталинградский тракторный завод и т. д.) были организованы корпункты со штатными фотокорреспондентами[8]. Задачей последних была регулярная доставка фотоинформации в агентство Союзфото, а также снабжение ими редакций журналов и газет.

Фотография стала использоваться для агитационно-пропагандистской работы задолго до того, как репортажные снимки «завоевали» страницы советских периодических изданий.

В годы Гражданской войны в кинофотоотделах составлялись тематические серии снимков, которые отправлялись на агитпоезда и пароходы, рассылались в клубы и части Красной Армии. С 1920 г. Всероссийский фотокиноотдел начал устраивать фотовыставки, приуроченные к открытию съездов партии, советов или профсоюзов. В начале 1920-х гг. получили распространение фотовитрины со снимками на темы текущих событий[9].

В городах и сельской местности в годы первых пятилеток устраивались агитационные фотостенды и фотовитрины. Например, томским и киевским обществами «За пролетарское кино и фото» (ОЗПКФ) на Кузнецкстрой и Донбасс соответственно были отправлены фотобригады, которые произвели на новостройках фотосъемки проводившегося строительства. Кузнецкие материалы стали основой пропагандистской фотовыставки в Томске, а из донбасских снимков были составлены витрины-передвижки, выставленные позже в самом Донбассе, а также Киеве, Харькове и Москве[10].

Помимо использования снимков непосредственно в газетах и журналах, выпускались специальные фотоприложения к ним: фотоэкраны, фотостранички и так далее[11].

Трест «Союзфото» ввел в практику быстрый и оперативный показ фотоинформации о важнейших событиях[12] на витринах, в центре больших городов. Так, вечером 7 ноября 1931 г. в московских витринах Союзфото уже были выставлены снимки с демонстрации и парада, а на следующий день продавались фотооткрытки с праздничными сюжетами. В Союзфото наладили выпуск фотосерий о героях и передовиках производства, эти подборки как мини-выставки демонстрировались на предприятиях, в колхозах и совхозах[13]. В дни годовщины Октябрьской революции в городах организовывались фотовитрины стахановцев[14].

Фотография вне страниц периодических изданий использовалась как пропагандистское средство на протяжении всего предвоенного десятилетия.

Газетой «За индустриализацию» и Изогизом в 1935 г. был выпущен фотоальбом Э. Лисицкого «Индустрия социализма». Альбом состоял из семи разделов: «Новое лицо СССР»; «Большевики разбудили естественные богатства страны»; «Машиностроение — ключ реконструкции»; «Вперед и выше»; «Мужика – на трактор, СССР – на автомобиль»; «Это живые люди, это мы с вами» и «Карты размещения предприятий тяжелой промышленности». Помимо отдельных снимков в альбоме было представлено большое число фотомонтажей: «от шахты и домны до комнаты рабочего»[15]. Масштабность и героика индустриального строительства воплощалась в альбоме через снимки Днепровской плотины, панорамы Магнитки и Кузнецка, фотографии, на которых запечатлены станки, сложнейшие машины, самолеты, мощные паровозы, электровозы, троллейбусы, вагоны для метро и трамвайные вагоны, телефон, радио, патефоны и т. д.

Свердловским отделением ТАСС в 1939 г. был издан специальный альбом фотоиллюстраций для городских и сельских стенных газет. В альбоме были представлены диаграммы по промышленности и сельскому хозяйству области, фото-клише вождей партии и «знатных людей» области, а также отдельные производственные снимки[16].

В годы первой пятилетки советские пропагандисты сконцентрировали свое внимание на Урало-Кузнецком комбинате. Например, в Калате[17] было выпущено 14 стенгазет, посвященных строительству Урало-Кузнецкого комбината. Диаграммные фотовыставки организовывались в Златоусте и Перми[18].

По предложению фотокорреспондента Густава Клуциса в 1932 г. «в местах массового движения, собраний, в парках культуры и отдыха, социалистических городах, крупнейших центрах, громадных фойе театров, дворцов культуры, в крупнейших колхозах, совхозах, при МТС и на площадях» устанавливались гигантские фотографии, наглядно рассказывавшие о крупнейших новостройках страны, о «конкретных победах и людях, строящих социализм»[19].

Например, в первомайские дни 1932 г. в огромном окне универмага Мосторга на Петровке развернулась панорама Днепростроя и днепровской ГЭС, из окон на Мясницкой смотре-

ли увеличенные снимки домны-гиганта Магнитостроя, в окнах Тверской можно было увидеть уголки перестраивающейся Москвы. Аналогичные фотовитрины были организованы в Ленинграде и Самаре[20].

Проводившаяся в СССР индустриализация повлекла за собой значительные социальные изменения, связанные с возникновением новых индустриальных городов и ростом численности городского населения. Крупным индустриальным центром в 1930-е гг. стал Магнитогорск, который являл собой яркий пример позитивных изменений, произошедших в стране за время первых пятилетних планов. Агитаторам и пропагандистам следовало показать Магнитострой в лучшем виде и на примере магнитогорского строительства донести до сознания широких слоев населения задачи, поставленные перед индустриализацией страны, обосновав необходимость плановости в постановке задач промышленного строительства, неизбежность штурмовщины и авральных работ.

Пропаганда в 1930-е гг. большей частью использовалась как средство распространения догм, норм и представлений о будущем[21]. ММК, выстроенный в максимально сжатые сроки, был превращен средствами массовой информации и пропаганды в своего рода эталон осуществления форсированной индустриализации. Наряду с образом «металлургического гиганта» и социалистического «города будущего» визуальная пропаганда сформировала у советского обывателя представление о магнитогорском строителе как воплощении трудового героизма, стойкости, готовности к самопожертвованию ради общей цели, борце за «новую» жизнь. Советская политическая пропаганда 1930-х гг. активно использовала выразительные средства искусства, для которого была характерна идея сотворения «нового» человека. Эта идея являлась содержанием любой социальной утопии и выступала стержнем тоталитарной идеологии[22]. В изображении «нового» человека в новом индустриальном центре одна из главных ролей принадлежала советской фотожурналистике. В иерархии героев сталинской эпохи герой социалистического труда в соответствии с идеологией занимал самую вершину[23]. Герой представляет собой архетип, который образует «первую ступень в дифференциации психики» подрастающего человека и служит для развития индивидуального самосознания, для подготовки молодежи к самостоятельному преодолению жизненных проблем. Массовая идентификация с героем и подражание ему были поставлены на службу выполнения государственных задач, в чем и крылась мобилизующая функция популяризации героизма[24].

В советской литературе был распространен тезис о том, что магнитогорский комбинат строили исключительно комсомольцы, прибывшие к Магнитной горе «по зову сердца». Отрицать или преувеличивать роль комсомола в создании магнитогорского завода и города нельзя. Архивные данные свидетельствуют о незначительной доле среди строителей комсомольцев, добровольно приехавших на всесоюзную стройку. К концу 1931 г. на Магнитострое насчитывалось 13 тыс. членов ВЛКСМ. Численность населения Магнитогорска составляла в этот период 70 тыс. 400 человек, из которых рабочими являлись 67,2 %, т. е. около 47 тыс. 300 человек. Таким образом, от общего числа рабочих Магнитостроя в 1931 г. комсомольцы составляли не более 27,5 %.

Максимальный вклад в создание ММК и города Магнитогорска, несомненно, внесли спецпереселенцы и заключенные магнитогорской исправительно-трудовой колонии. Так, в 1932 г. из 205 тыс. населения города заключенные и спецпереселенцы составляли 50 тыс. человек или 24, 3 %. К концу 1933 г. в городе насчитывалось 45–50 тыс. спецпереселенцев, а в магнитогорскую ИТК прибыло 32 тыс. 786 заключенных. Естественно, эти данные носят приблизительный характер, т. к. численность этих категорий населения на протяжении 1930-х гг. резко колебалась.

Среди разноплановых социальных деформаций наиболее заметным в 1930-е гг. стал массовый приток крестьянства из деревень в новые индустриальные центры и новостройки. Основной рабочей силой Магнитостроя признаются крестьяне. В годы первой пятилетки

57,2 % работников Магнитостроя по социальному происхождению являлись крестьянами и только 37,9 % рабочими[25].

Нельзя полностью отрицать факт добровольного прибытия рабочей силы на Магнитострой. Однако мотивы, побуждавшие людей ехать на всесоюзную стройку, отнюдь не ограничивались мечтой о построении коммунизма. Строившийся магнитогорский завод привлекал крестьян, нуждавшихся в работе. Многие ехали на новостройку, прежде всего, с целью улучшить материальное положение, получить жилье, а иногда просто выжить. Агитаторы призывали ехать в крупный индустриальный центр, обещая достойную заработную плату, жилье и снабжение. Часто завербованный на строительство комбината крестьянин, не увидев «металлургический гигант», столкнувшись с массой жилищно-бытовых проблем, как правило, покидал новостройку.

Если говорить о возрастном составе строителей магнитогорского комбината, приходится признать, что среди них превалировала молодежь. Согласно данным статистики, из общего числа рабочих новостройки молодежь в возрасте от 17 до 24 лет составляла 51,2 %[26]. Среди магнитогорцев значительное число составляли люди в возрасте от 24 до 33 лет, меньшую часть магнитогорцев составляли зрелые и пожилые люди.

Фоторепортаж 1930-х гг., включенный в систему официальной пропаганды, искажал реальное соотношение различных социальных групп на Магнитострое в пользу комсомольцев. Если в местной печати публиковалось незначительное число фотографий комсомольцев-строителей Магнитки, что точнее отражало действительность, то в центральных и региональных газетах и журналах доля снимков, на которых были изображены комсомольцы, составляла более 50 % от всех снимков ударников и стахановцев Магнитостроя. Максимальное число фоторепортажей, рассказывавших о достижениях комсомола на строительстве ММК, публиковалось в газете «Комсомольская правда» и журнале «Смена». Для придания значимости комсомольского движения на новостройке фоторепортажи часто сопровождались пояснением о том, что «весь комсомол строит» тот или иной объект (чаще всего вторую доменную печь). Обобщенный образ комсомольца-строителя Магнитостроя создан фотокорреспондентом Я. Н. Халипом. Его «Строитель Магнитки» – смонтированный с общим видом доменной печи портрет задорного комсомольца – передает лучшие черты советского рабочего: энтузиазм, оптимизм, профессиональный азарт. Фоторепортаж зачастую занижал возраст ударников. Так, в пояснении к снимку 53-летней женщины с морщинами на лице, «кругами» вокруг глаз и «ввалившимися» щеками от усталости и недоедания, с лицемерием утверждалось, что ударница выглядит настолько хорошо, что кажется, будто она «задорная комсомолка»[27].

Иногда портреты новоявленных героев стройки – белозубых комсомольцев – сопровождались краткими биографическими справками последних. Например, в «Комсомольской правде» появился снимок, изображавший двух молодых людей, у одного из которых на плечо вскинута совковая лопата[28]. В подстрочнике к снимку указывалось, что эти комсомольцы «пришли на Магнитострой чернорабочими, сейчас они работают бетонщиками и кончают курсы металлистов». «Магнитогорский рабочий» поместил портрет доменщика С. Переверзева. В пояснении к снимку говорилось, что «он – сын бедняка, пройдя тяжелый путь батрачества, 5 лет Красной Армии в годы Гражданской войны, с 14 сентября 1931 г. работает на Магнитогорском заводе. А сегодня он – горновой мастер второй бригады третьей домны»[29]. Спустя месяц Переверзев был сфотографирован на своем рабочем месте. Пояснение к другому снимку сообщало, что товарищ Переверзев – лучший мастер доменного цеха[30]. Очередной портрет доменщика был опубликован в «Уральском рабочем»[31]. В публиковавшихся в газетах анкетах комсомольских бригад ответы молодых строителей на вопрос о родителях звучали в унисон. На вопрос: «Как жили твои родители в твои годы?», давался по сути один и тот же ответ: «Бедно... Батраками», «Бедняки – крестьяне. Перебивались с хлеба на воду», или «Не стоит вспоминать, скверно жили, как нищие..». Подстрочники к снимкам ясно да-

вали знать, что среди советской рабоче-крестьянской молодежи, тем более среди ударников производства, «классовым врагам» места нет.

Показательно, что в периодических изданиях 1930-х гг. не было опубликовано ни одного портрета классово-чуждого элемента, участвовавшего в строительстве ММК. Может быть, именно «внешняя схожесть» классовых врагов с советским пролетариатом и комсомольской молодежью и останавливала магнитогорских фотокорреспондентов в массовом порядке снимать спецпереселенцев. Фотографирование процесса раскулачивания, к коему можно отнести переселение крестьян на Урал и использование их на индустриальных стройках в качестве дешевой рабочей силы, скорее всего, не получало одобрения органов цезурного контроля[32]. Например, в сентябре 1934 г. особым циркуляром Главлита было запрещено разглашать сведения «о спецпереселенцах в отдаленные и необжитые местности ССР и использовании спецпереселенцев в сельском хозяйстве»[33].

Так, в сознании советских граждан планомерно утверждалась идея о массовости комсомольского движения, о решающем вкладе комсомольской молодежи в строительство Магнитогорского металлургического комбината. Действительно, вдохновленная пропагандой, молодежь целенаправленно стремилась туда, где ее заведомо ждали трудности.

Первоначально пуск первой доменной печи Магнитогорска планировался на осень 1931 г. В связи с данной установкой печатью была развернута широкомасштабная агитационно-пропагандистская кампания. На страницах «Правды» появился призыв «зажечь домны Магнитостроя и Кузнецкстроя» 1 октября 1931 г. Газеты начали вербовку рабочей силы на магнитогорскую стройку с целью форсировать строительство доменной печи. В «Комсомольской правде» был опубликован снимок общего вида строящейся домны, который сопровождался надписью «Первые добровольцы магнитогорскому гиганту». Далее следовала статья под заголовком «Что ты знаешь об Урало-кузнецком комбинате?», призывавшая молодежь страны на «величайшее в мире строительство». Различного рода трудности не позволили пустить первую доменную печь Магнитогорска в установленный срок. Показательно, что в октябре 1931 г. в центральной печати магнитогорский фоторепортаж не был опубликован ни разу. Спустя чуть больше месяца после несостоявшегося пуска металлургического комбината пресса возродила кампанию по насаждению в сознании граждан СССР оптимистического отношения к магнитогорской стройке. «Комсомольская правда» поместила фотоочерк А. Скурихина, посвященный строительству у Магнитной горы. Очерк сопровождался оптимистичной фразой, которая успешно маскировала горечь недавнего производственного провала: «Магнитострой – это не фантазия! Это – сегодня стального позвоночника индустриальной Сибири». Однако, поскольку было понятно, что с пуском доменной печи придется повременить, фотокорреспонденты перенацелили объективы фотоаппаратов на другие промышленные объекты Магнитостроя. Так, за день до ввода в эксплуатацию восьмой батареи Коксохимического комбината в «Комсомольской правде» появился снимок данного предприятия, сопровождавшийся пояснительной надписью о том, что это – величайший в Европе коксохимический комбинат[34].

Фоторепортаж об ударниках и стахановцах Магнитостроя прошел в 1930-е гг. своеобразную эволюцию. На снимках конца 1920-х – начала 1930-х гг. чаще всего можно увидеть рабочего у заводского станка. При этом рабочий и механизм представляли собой единое целое. В годы первого пятилетнего плана фоторепортажи представляли собой безымянные снимки отдельных ударных бригад, занятых определенным видом работы или, что встречалось чаще, выстроенных в один-два ряда перед камерой. Затем такие снимки стали сопровождаться пояснительными подписями с указанием фамилий членов бригады и цифровым показателем выполнения производственного плана.

Постепенно тема социалистического строительства, ударничества переместилась на первые страницы журналов и газет, вытеснив на второстепенный план международную хро-

нику. Со временем появились снимки отдельных рабочих-ударников, а затем и стахановцев. Рабочий «отрывается» от своего станка и становится самоценным объектом съемки. К 1935–1936 гг. подобные фоторепортажи прочно утвердились на газетных передовицах, заняв почетное место в верхнем правом углу страницы. Однако фоторепортерам приходилось бороться с привычкой снимать отдельных ударников и стахановцев, позирующих в камеру, поскольку такие снимки не приветствовались.

Со второй половины 1935 г. газеты стали заполняться снимками улыбающихся стахановцев. Примечательно, что последние, сбросив с себя рабочую спецовку, вдруг «переоделись» в строгие костюмы, все реже оказывались запечатленными около станков в заводских цехах и все чаще появлялись в клубах, на различного рода стахановских слетах и конференциях, вообще становились людьми знаменитыми и даже в определенной мере публичными. Подобную визуальную метаморфозу вряд ли можно назвать случайностью. Официозные заявления ведущего фотографического журнала страны «Советское фото» о том, что стахановец – человек не столько физического, сколько интеллектуального труда[35], недвусмысленно наталкивали фотокорреспондентов и бильдредакторов газет и журналов к выводу о том, что отныне рабочий-стахановец ничем особым не должен отличаться, например, от сотрудника научно-исследовательского института. Первые эксперименты с новым обликом советского рабочего были проведены задолго до начала движения стахановцев. К примеру, Союзфото в 1933 г. была издана серия «Лицо ударника», куда вошли портреты передовиков промышленности, сельского хозяйства, науки и техники. Читателям предлагалось самостоятельно отличить на портретах академика от инженера, слесаря от руководящего партийного работника. Журнал «Пролетарское фото» констатировал: «Серия наглядно показывает, как постепенно стирается грань между работниками физического и умственного труда не только внутренне, в содержании их работы, но и внешне»[36].

Говорить однозначно о сложившемся в фоторепортаже каноне в изображении передовиков производства нельзя. Тем не менее, можно выделить характерные для репортажной фотографии 1930-х гг. особенности показа ударников и стахановцев. Герою-энтузиасту, образ которого прочно утвердился в советской культуре, присуща устремленность «вперед», постоянная готовность одолевать любые стихии и препятствия, способность напрягать духовные и физические силы, преданность идеологическим задачам[37].

Со второй половины 1930-х гг. металлурги и шахтеры встали в один ряд с другими «супергероями» эпохи: летчиками, спортсменами и пограничниками. Своеобразным символом трудового героизма 1930-х гг. являлся шахтер со вскинутым на правое плечо отбойным молотком. В случае Магнитогорска – это металлург в защитных очках, приподнятых на лоб, с кочергой в руках. Наиболее приоритетным в показе труда в Магнитогорске было изображение труда металлургов[38]. На снимках зритель видел улыбающихся сварщиков, токарей, сверловщиков, люковых и людей других специальностей с различными инструментами, обязательно вскинутыми на плечи. С 1937 г. на страницах газеты «Магнитогорский рабочий» наиболее часто публиковались портреты сталеваров, принявших героические позы, или просто беседовавших друг с другом в помещении цехов.

Как правило, рабочий снимался с такого ракурса, чтобы у зрителя возникала визуальная иллюзия. Например, невысокий мужчина на снимках мог выглядеть великаном. Так, в «Комсомольской правде» был размещен снимок молодого мускулистого рабочего с голым торсом, водрузившего кузнечный молот на плечо и смотрящего в неопределенном направлении[39]. Отсутствующая на снимке линия горизонта, а также съемка снизу вверх, зрительно увеличивали рост ударника. Обнаженное тело и тяжелый инструмент на плече добавляли в созданный образ элементы брутальности. Ударник производства, изображенный подобным образом, выглядел как сгусток энергии. Образ рабочего-великана, который в действительности не встречался, являлся персонификацией коллективных сил, представляя обобщенный образ советского про-

летариата[40]. Многие стахановцы изображались на снимках с дымящимися папиросами во рту, что, по мнению ряда исследователей, подчеркивало мужественность[41].

Другой героический тип в годы первых пятилеток являла собой советская женщина. К концу 1920-х гг. на страницах советских иллюстрированных журналов было сформировано два совершенно противоположных друг другу типа женской телесности: «артистический» и «рабоче-крестьянский»[42]. Первый тип фактически совпадал с обликом «манерной кинозвезды западного образца»: лицо с утонченными чертами, «плоская» фигура, аккуратная «короткая» стрижка. Подобный образ был представлен в журналах по театру, кино и в журналах мод[42], а потому его нельзя назвать максимально распространенным и привычным широким массам образом советской женщины. Для «рабоче-крестьянского» типа телесности характерно широкое лицо с крупными грубыми чертами, абсолютное отсутствие косметики, коренастая фигура, мешковатая (мужская) одежда[42]. Именно этот тип женской телесности, на наш взгляд, стал в 1930-е гг. максимально востребованным для газетных и журнальных редакций. Для широких читательских масс наиболее привычно было видеть снимки, на которых женщины в ватных куртках бодро носят кирпичи и работают за станками наравне с мужчинами[43].

Показательно, что особенно в годы первой пятилетки фоторепортаж «стер» практически все половые отличия между мужчиной и женщиной. Под спецодеждой, ватниками, толстовками «женские признаки» становились почти не видны[44]. Неудивительно, что только по подстрочникам ко многим снимкам можно понять, что среди членов бригады – женщина. Кроме того, обращает на себя внимание и то, что канон в изображении женщины-ударницы дублировал канон в изображении мужчины-ударника. Например, ударница-шахтерка Воронина была запечатлена со вскинутой на плечо киркой[45].

Во второй половины 1930-х гг. визуальный образ женщины-строителя, женщины-шахтера, женщины, которую легко можно спутать с мужчиной, трансформировался в образ женщины-матери, женщины-общественницы. Среди изображавшихся женщин резко возросло число привлекательных и интеллигентных лиц. На фотографиях у женщин стали появляться косметика, украшения, ручные часы, кардинальным образом изменилась одежда[46]. Со второй половины 1935 г. газетно-журнальные редакции стали отдавать предпочтение снимкам, изображавших женщин не в заводских цехах и за разгрузкой кирпича, а в окружении детей или в роддомах. Но это не означало, что женский образ был вытеснен из индустриального фоторепортажа. Воплощением женственности второй половины 1930-х гг. стали ударницы и стахановки.

Созданный фоторепортажем образ женщины-строителя Магнитостроя в целом совпадал с общесоюзным образом женщины на новостройках первых пятилетних планов. Тем не менее, снимки, изображавшие магнитогорских женщин-ударников или стахановцев, были весьма редки на страницах прессы. Для представительниц слабого пола имелся специализированный еженедельный журнал «Работница», на страницах которого были опубликованы фотографии Щербаковой и Наумовой, организаторов ударных бригад в Магнитогорске, комсомолок-ударниц кирпичного завода, а также фотоочерк «Как живет и работает Магнитогорск», состоявший из 17 снимков, изображавших магнитогорских работниц на кухне, в бараках, за работой[47].

Как правило, публикация снимков женщин в газетах была приурочена к международному женскому дню. Например, «Комсомольская правда» в рубрике «Молодая работница строит социализм» опубликовала снимок магнитогорской ударницы, занятой кладкой стены дома[48]. При этом в подстрочнике к снимку указывалось, что женские ударные бригады перегнали по «выработке кирпича» мужские бригады ударников.

Со второй половины 1930-х гг. на страницах местных периодических изданий стали появляться фотографии, отразившие коренные перемены в женском образе, что соответствовало общесоюзной тенденции. Например, на снимке В. Георгиева была запечатлена работница

железной дороги Н. Ф. Славченко[49]. Макияж, красивая прическа, туфли на каблуке – все выдавало произошедший в советском фоторепортаже уход от «рабоче-крестьянского» типа женской телесности.

Снимками в газетах фоторепортеры стремились изобразить политический и культурный рост женщины при советской власти. В одном из номеров «Магнитогорского рабочего» сообщалось: «Женщина, раньше забитая, лишенная голоса, раба домашней кухни, кастрюль, раба диктатора мужа, большой семьи, сейчас вышла на широкую дорогу...»[50]. Снимки иллюстрировали качественные изменения, произошедшие в социально-политическом положении советской женщины. Помимо этого данные фоторепортажи способствовали притоку женской рабочей силы на производство.

Безусловно, максимальный пропагандистский эффект возымела фотосерия М. Альперта и А. Смоляна «Гигант и строитель», опубликованная в иллюстрированном журнале «СССР на стройке»[51]. На пуск первой домны Магнитостроя журнал откликнулся оригинальной идеей: на фоне растущего производства показать «рост» советского человека. На глазах зрителя герой фотосерии, простой деревенский парень Виктор Калмыков, из крестьянина-единоличника превращается в представителя рабочего класса, орденоносца. На одном из первых снимков Виктор запечатлен в лаптях с деревянным сундучком, запертым на замок. Фотографии наглядно рассказывали о том, как Калмыков пришел с мешком за плечами из деревни в палаточный городок первостроителей. Зритель видел его землекопом, потом бетонщиком, затем бригадиром. Калмыков учится, перебирается из палатки в новый дом, где ему выделена благоустроенная квартира. Его портрет на доске почета рядом с домной. Он стал уважаемым человеком, приобрел специальность, женился, стал членом партии, получил орден Красного Знамени. Серия завершалась словами о том, что «путь Виктора Калмыкова – это путь десятков тысяч. Новый человек выходит на историческую арену. Этого человека создает социалистическая стройка».

Данная фотосерия реконструировала события двухлетней давности. Прием восстановления (реставрации) фактов позволил авторам тогда, в 1932 г., «вернуться» на два года назад – ко времени появления на стройке В. Калмыкова. Несмотря на то, что многие современники отзывались о серии как о «вещи громадной воспитательной работы»[52], некоторые критики заметили и указали на подозрительные детали фотографий, например, такие, как перебинтованный палец Виктора. Последнее обстоятельство говорило о том, что фотосъемка велась не на протяжении нескольких месяцев, а в течение нескольких дней.

Цензурой были жестко регламентированы сюжеты снимков, изображающих приток крестьянского населения из деревень в новые индустриальные центры. Так, из первоначального варианта фотосерии был изъят снимок, изображающий родную деревню Калмыкова. Дело в том, что М. Альперт заснял нищего крестьянина, пашущего землю, тогда как официальная пропаганда утверждала, что «на строительство из деревни приходят не от тяжелой жизни, а потому, что новые условия деревни освобождают рабочую силу, которая переходит на строительство»[53].

При отборе героев для фотосъемки приоритет отдавался, как правило, тем, кто совсем еще недавно прибыл на новостройку. На главную роль в фотосерии претендовали 5 человек. Макс Альперт, рассмотрев все кандидатуры, остановился на двух: В. Калмыкове и Н. Шайхутдинове. Но выбор был сделан в пользу Калмыкова, потому что он представлял собой еще совсем «сырой» материал, в отличие от Шайхутдинова, уже имевшего за плечами опыт работы на социалистических стройках[54].

Фотобиография Калмыкова была опровергнута на страницах «Магнитогорского комсомольца»[55]. Оказалось, что на строительство ММК герой прибыл не из деревни, как это представила фотосерия, а из Сталинграда, где он на протяжении двух лет работал землекопом, бетонщиком, маляром на строительстве тракторного завода. Таким образом, здесь мы име-

ем дело не просто с приемом восстановления фактов действительности, а с искажением реальных событий.

Работа М. В. Альперта явилась исключительной не только в плане использованного здесь впервые приема «реставрации» факта действительности, но и в смысле вынесения на первый план не промышленного объекта, а его создателя – строителя. Несмотря на все недостатки и хронологические подтасовки, серия была хорошо воспринята за границей. Положительно о фотоочерке отозвался Максим Горький[56].

Карьерный взлет Калмыкова был, судя по фоторепортажу 1930-х гг., типичным для большинства строителей Магнитки. Важнейшим каналом социальной мобильности при этом в 1930-е гг. выступало развернувшееся на индустриальных стройках движение ударников и стахановцев. Вопреки антисанитарным условиям, царившим на Магнитострое, визуальная пропаганда изображала новостройку-утопию. На одной из фотографий, вошедших в фотосерию «Гигант и строитель», прибывший на стройку крестьянин В. Калмыков заходил в палатку, где кастелянша застилала его кровать белыми простынями[57]. В годы первой пятилетки визуальная пропаганда разрабатывала тему «культурной эволюции» рабочего на социалистическом строительстве. Фотосерия М. Альперта «Гигант и строитель» демонстрировала быстрый рост благосостояния ударника на Магнитострое. Одним из главных индикаторов этого роста являлось улучшение жилищных условий рабочего. Так, подписи к фотографиям сообщали читателю о том, что рабочий Калмыков перебрался из палатки, за которую он платил 1,5 р. в месяц, в барак, стоимость проживания в котором составляла 4 р. в месяц. Позже Калмыков получил отдельную комнату и платил за нее 12 р. в месяц. Быстрое решение жилищного вопроса Калмыковым, судя по фотосерии, вряд ли было возможным, если бы не возросшая заработная плата ударника. За первый месяц работы землекопом заработок В. Калмыкова составлял 75 р. 14 коп. Если в июне 1931 г., работая бригадиром бетонщиков, Калмыков получал 176 р. 85 коп., то уже в октябре 1931 г., работая монтажником, Калмыков зарабатывал в 1,5 раза больше – 266 р. 47 коп. Таким образом, за полгода работы на стройке заработок рабочего возрос в 3,5 раза, что, согласно фотосерии, позволило Виктору Калмыкову вносить деньги в сберегательную кассу[58].

Согласно фотосерии, дорогой Виктора Калмыкова шли «миллионы» трудящихся страны. Реальное положение было несколько иным. С начала 1930-х гг. фонды зарплаты предприятий были регламентированы сверху, минимизированы. В феврале 1931 г. постановлением ЦИК и СНК было запрещено выплачивать премию чаще одного раза в квартал. В годы первого пятилетнего плана в силу роста общего индекса цен в 2,5 раза, произошло понижение на 20 % реальной заработной платы рабочих промышленности в СССР. Постановление СНК СССР от 3 декабря 1932 г. под страхом уголовной ответственности запрещало повышение зарплаты рабочим и устанавливало твердые фонды заработной платы[59].

Таким образом, магнитогорский фоторепортаж, являясь одним из важных информационных каналов в 1930-е гг., поставлял на страницы советской периодики готовый образ промышленных рабочих. Реальное соотношение социальных групп на строительстве ММК было визуально упрощено и сильно искажено. Среди строителей Магнитогорска, согласно фоторепортажу, превалировала комсомольская молодежь. Если в первой половине 1930-х гг. визуальной пропагандой были «стерты» различия между мужчиной и женщиной на производстве, то начиная с 1935 г. гендерные различия были восстановлены в полном объеме. Практически полностью визуально незапечатленными среди строителей Магнитки остались спецпереселенцы и заключенные исправительно-трудовой колонии. Таким образом, фоторепортаж в 1930-е гг. превратился в один их важных поставщиков визуальной информации населению страны о процессе индустриализации. Тиражирование в газетах и журналов снимков, сделанных на крупнейших индустриальных стройках страны, в т. ч. ММК, стало приоритетной формой вербовки рабочих на новостройки.

Примечания

[1] Гройс Б. Соцреализм – авангард по-сталински // Декоратив. искусство. 1990. № 5. С. 35.
[2] РГАЛИ. Ф. 2057. Оп. 1. Д. 6. Л. 5.
[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 256. Л. 104.
[4] ГАРФ. Ф. Р-7897. Оп. 1. Д. 1. Л. 20.
[5] Год борьбы за качество // Совет. фото. 1934. № 1. С. 2.
[6] РГАЛИ. Ф. 2057. Оп. 1. Д. 11. Л. 67 об.
[7] Фотография в прессе // Совет. фото. 1929. № 1. С. 5.
[8] ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 11. Д. 448. Л. 26.
[9] Бальтерманц И. Д. Специфика содержания и формы фотожурналистики : лекции. М., 1981. С. 17.
[10] Фото в борьбе за уголь // Совет. фото. 1931. № 13–14. С. 359.
[11] Резолюция 4-го Всесоюзного Совещания рабселькоров о фотоработе // Совет. фото. 1929. № 1. С. 4.
[12] Стигнеев В. Т. Век фотографии. 1894–1994. Очерки истории отечественной фотографии. М., 2005. С. 91.
[13] Там же. С. 92.
[14] ОГАЧО. Ф. 1364.ОП.1. Д. 230-а. Л. 28.
[15] Васильковский Г. Замечательный подарок Съезду Советов // Правда. 1935. 30 янв. С. 6.
[16] ОГАЧО. Ф. 684. Оп. 1. Д. 5. Л. 109.
[17] Кировград Свердловской области носил до 1935 г. название Калата.
[18] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3877. Л. 125 об.
[19] Клуцис Г. Мировое достижение // Совет. фото. 1932. № 6. С. 14–15.
[20] М. С. На улицах первомайской Москвы // Совет. фото. 1932. № 6. С. 3.
[21] Арнаутов Н. Б. Мобилизационные элементы советской идеологии 1930-х гг. // Мобилизационная модель экономики : исторический опыт России XX века : сб. материалов всерос. науч. конф. (Челябинск, 28–29 нояб. 2009 г.). Челябинск, 2009. С. 54.
[22] Голомшток И. Н. Тоталитарное искусство. М., 1994. С. 105.
[23] Гюнтер Х. Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон : сб. ст. СПб., 2000. С. 746.
[24] Там же. С. 749.
[25] Галигузов И. Ф. Флагман отечественной индустрии. История Магнитогорского металлургического комбината имени В. И. Ленина. М., 1978. С. 54.
[26] Макарова Н. Н. Повседневная жизнь Магнитогорска 1929–1935 гг. : дис. … канд. ист. наук. Челябинск, 2010. С. 53.
[27] Магнитогор. рабочий. 1933. 11 авг. С. 3.
[28] Комсомол. правда. 1931. 17 июля. С. 2.
[29] Магнитогор. рабочий. 1933. 16 сент. С. 4.
[30] Магнитогор. рабочий. 1931. 9 окт. С. 4.
[31] Урал. рабочий. 1933. 5 нояб. С. 2.
[32] Цензура в Советском Союзе. 1917–1991 : документы. М., 2004. XXII. С. 186.
[33] Блюм А. В. Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929–1953. СПб., 2000. С. 137.
[34] Комсомол. правда. 1931. 27 дек. С. 2.
[35] Совет. фото. 1934. № 1. С. 15.
[36] Наша хроника. Лицо ударника // Пролетар. фото. 1933. № 2. С. 36.
[37] Гюнтер Х. Тоталитарное государство как синтез искусств // Соцреалистический канон : сб. ст. СПб., 2000. С. 14.
[38] Волчек Г. Ф. Фотоиллюстрация в советской периодике. М., 1962. С. 80.
[39] Комсомол. правда. 1931. 24 мая. С. 3.

[40] Розенталь Б. Соцреализм и ницшеанство // Соцреалистический канон : сб. ст. СПб., 2000. С. 63.
[41] Полукаров В. Л. Психоанализ в продажах и рекламе. URL : http://www.elitarium.ru/2004/04/29/psikhoanaliz_v_prodazhakh_i_reklame.html.
[42] Дашкова Т. Ю. Идеология в лицах. Формирование визуального канона в советских женских журналах 1920–30-х гг. // Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века. Форум немецких и российских культурологов. М., 2002. С. 111.
[43] Шпотов Б. М. Американская и российская печать о советской индустриализации // Американская проблематика в периодике XVIII–XX вв. : сб. ст. М., 2004. С. 267.
[44] Дашкова Т. Ю. Идеология в лицах... С. 111.
[45] Комсомол. правда. 1931. 5 марта. С. 4.
[46] Дашкова Т. Ю. Идеология в лицах… С. 115.
[47] Работница. 1930. № 40. С. 24–25.
[48] Комсомол. правда. 1931. 10 февр. С. 3.
[49] Магнитогор. рабочий. 1938. 10 июля. С. 4.
[50] Магнитогор. рабочий. 1933. 11 авг. С. 2.
[51] СССР на стройке. 1932. № 1.
[52] Стигнеев В. Т. Век фотографии. 1894–1994. Очерки истории отечественной фотографии. М., 2005. С. 290.
[53] Там же. С. 103.
[54] Заковырина Н. С. Особенности развития отечественной фотожурналистики 1920–1930-х годов и журнал «Советское фото» : дис. … канд. филол. наук. СПб., 2008. С. 136.
[55] Магнитогор. комсомолец. 1931. 18 сент. С. 4.
[56] Альперт М. В. Беспокойная профессия. М. : Искусство, 1962. С. 36.
[57] СССР на стройке. 1932. № 1. С. 13.
[58] Там же. С. 14.
[59] Фельдман М. А. История стахановского движения : между реальностью и мифологией // Трудовые отношения в условиях мобилизационной модели развития : сб. науч. ст. Челябинск, 2010. С. 118.

Н. Н. Макарова

«АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА» И ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЕ В СССР: ЭЛИТНЫЙ ПОСЕЛОК «БЕРЕЗКИ» В УСЛОВИЯХ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ МОДЕЛИ 1930-х ГОДОВ

После революции большевики идеологически провозглашали идею всеобщего равенства во всех сферах жизни общества, в том числе при решении жилищного вопроса. Уже в 1917 г. В. И. Ленин определил норму в распределении жилплощади, в соответствии с которой комнат в квартире должно быть меньше, чем количество человек в семье. Богатой считалась та квартира, в которой число комнат превышало число жильцов. Реалии «новой жизни» повлекли необходимость вводить новые нормативы распределения жилой площади. Первоначально эта цифра составляла 9 кв. м на человека, затем – 7 кв. м, зимой 1931–1932 гг. норма жилплощади на человека в квартире составила 6 кв. м, в бараке – 3,5 кв. м. Политическая элита нового государства во время подполья, революции, Гражданской войны и в первые годы советской власти вела себя аскетично. Но уже в 1930-е гг. представители высшего советского и регионального руководства обзавелись квартирами, машинами, дачами. Существовало также спецснабжение, распространявшееся на высших номенклатурных работ-

ников и иностранцев. Официальные документальные подтверждения о существовании либо об отсутствии подобных привилегий на более низких уровнях, по словам Е. А. Осокиной, отсутствуют. Но практика показывала, что система привилегий получила распространение даже на городском уровне. Несмотря на сложные материально-бытовые условия, руководители Магнитостроя, металлургического завода и крупных подразделений в городе никогда не голодали, одевались добротнее основной массы населения и проживали в более комфортабельных условиях. Элитные жилые поселки создавались в каждом соцгороде, на каждой крупной стройке пятилетки – на Кузнецкстрое это, например, поселок «Верхняя колония». Такие же обособленные поселки возводятся в соцгородах Чирчикстрой, Бобрики, Новом Орске, в соцпоселке Каменск и в др.[1] Магнитогорск не стал исключением, местный элитный поселок получил название «Березки». Советская пропаганда часто выдавала элитное жилье Магнитогорска за «массовое жилье для рабочих»[2]. Фотографии одноквартирных домов для семей высшего городского и заводского руководства и иностранцев публиковались во многих советских книгах по истории архитектуры в качестве образцовых примеров индивидуального советского жилья для простых рабочих. Некоторые фундаментальные научные работы сообщали: «В поселке "Березки" его обитателям – металлургам Магнитки – предоставлены все бытовые удобства...»[3]. В целом тема соответствия типологии жилища социальной структуре населения в межвоенное десятилетие специально не исследовалась, хотя частично была затронута в ряде научных трудов[4]. В данной статье предпринимается попытка изучения элитного поселка «Березки» в новом индустриальном центре – городе Магнитогорске – сквозь призму особенностей градостроительной политики советского государства и повседневной жизни обитателей элитного жилья в условиях мобилизационной модели развития.

Первоначально элитный поселок назывался «Американский городок», «Американский поселок» и даже «Американка». Это название подтверждается официальными документами начала 1930-х гг. В частности, приказом управляющего Магнитостроем Я. Шмидта № 443, который утверждал план работы по вспомогательным строительным работам на 4 квартал 1929 и 1930 гг. и включал пункт об окончании строительных работ в Американском поселке к 15 июля 1930 г.[5] Приказ по Магнитострою № 325 от 13 июня 1930 г. требовал произвести учет лиц, проживавших в Магнитогорске: «Для проведения переписи территория строительства завода разделяется в соответствии со строительными участками на следующие участки: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8 – "американские дома"»[6]. Этот проект наиболее четко объясняет происхождение названия поселка от национальной принадлежности проживавших в «городке» специалистов. Первоначальный проект Магнитогорского металлургического комбината был разработан американской фирмой «Мак-Ки». Ее специалисты должны были контролировать процесс монтажа оборудования, изготовленного американской кампанией. Первые специалисты из США прибыли в Магнитогорск 30 мая 1930 г. Это были американские инженеры Струвен – директор фирмы Мак-Ки и инженер Мак Моррей – руководитель первой группы инженеров на Магнитострое. Они, кроме официальных целей приезда в Магнитогорск, убедились в том, что условия проживания в городе благоприятные. Инженеры остались довольны своими бытовыми условиями, и главный инженер Мак Моррей, придерживавший свою семью в Берлине, принял решение переправить ее в Магнитогорск[7]. Именно к прибытию основной группы иноспециалистов из США создавали благоустроенный поселок «Американский городок», но уже в 1931 г. его переименовали в «Березки» по названию горы, под которой он был возведен.

Выбор территории для строительства поселка «Березки» зависел от нескольких причин. Во-первых, поселок расположили на западном склоне горы Магнитной, образованной из пяти горных вершин (Атач, Дальняя, Узянка, Ежовка и Березовая), т. к. в недрах последней не было обнаружено запасов железной руды. Во-вторых, территориально гора находилась

сравнительно недалеко от строящихся объектов металлургического завода, что позволяло быстро доставлять специалистов на работу, но при этом поселок располагался вне строительной площадки комбината. В-третьих, «Березки» были удобно ориентированы относительно розы ветров, и строительная пыль с комбината не попадала на жилой район. Наконец, заводоуправление металлургического комбината располагалось рядом с поселком.

Незначительное расстояние от заводоуправления до «Березок», однако, не помешало 12 июля 1930 г. издать приказ № 435, определявший порядок доставки иностранных специалистов к объектам строительства: «Для доставки рабочих в Американский поселок и переброски рабочих, занятых на постройке Заводоуправления, подавать по 1 автомашине в 11.00, 14.00 и 20.00 к Заводоуправлению». Остальные рабочие вынуждены были добираться к месту работы самостоятельно.

Состав населения поселка «Березки» постоянно менялся. Жилой район «Березки» был единственным привилегированным поселком-спутником, своеобразным местным анклавом, в котором размещалось не более 2 % жителей Магнитогорска в 1930–1931 гг.[8] Учитывая численность населения города на начало 1931 г., оказывается, что в «Березках» проживало около 1500 человек. Эта цифра в целом выглядит реалистично. Попытки провести расчет численности населения в «Березках», отталкиваясь от общей жилой площади поселка затруднительна, т. к. точного числа жилых строений в 1930–1931 гг. установить нельзя. Известно, что к зиме 1931 г. было выстроено 10 щитовых восьмиквартирных домов, общая площадь каждого из которых составляет 521,68 кв. м[9]. Следовательно их общая площадь была 5216,8 кв. м. Учитывая, что санитарная норма зимой 1931–1932 гг. составляла 6 кв. м на человека, то в щитовых домах проживало порядка *860* человек. В элитных домах коттеджного типа проживало по одной семье. Семьи советских руководителей были небольшие, как правило, 3–4 человека. Общее число коттеджей в поселке 14. Следовательно максимальное число обитателей двухэтажных коттеджей было не более *50–60* человек. На территории поселка в начале 1930-х гг. было выстроено несколько одноэтажных зданий барачного типа. Старожилы Магнитогорска утверждают, что это были комнатные благоустроенные бараки с отоплением и водоснабжением. Общее число бараков в «Березках» в декабре 1931 г. было *10–12*, а проживало в каждом из них не более *40* человек. Одновременно на фотографиях заметны одноэтажные дома, судя по числу окон, одно- или двухквартирные (*11* строений, в каждом по *15–20* человек). К сожалению, не сохранилось никаких планов этих строений, поэтому определить достоверно численность населения «Березок» не представляется возможным. Но если положиться на слова респондентов, указывающих на количество строений и примерное число их обитателей, суммировать все полученные цифры, то получим население поселка порядка *1620* человек. Таким образом, определить точное количество обитателей поселка «Березки» в начале 1930-х гг., а тем более выяснить изменение численности его населения на протяжении 1930-х гг. крайне сложно.

Социальный состав населения в «Березках» на протяжении предвоенного десятилетия существенно менялся. Первоначально в щитовых многоквартирных домах проживали иностранные специалисты, затем постепенно они покидали город, а их квартиры занимали советские инженеры, руководители отделов, цехов комбината и т. п. Иностранная колония в Магнитогорске проживала с 1930 по 1937 г. Численность иностранцев в городе постоянно колебалась. Так, в 1931 г. в Магнитогорске работало 250 американцев во главе с инженером Стэком. Во второй половине 1931 г. правительство разрешило провести набор еще 500 высококвалифицированных специалистов из США и Европы. Основной костяк иностранных рабочих и специалистов составляли американцы и немцы, но в городе работали поляки, венгры, чехи, болгары, итальянцы, финны, румыны, турки. В течение 1933 г. в город прибыло 750 человек иностранцев. Таким образом, точно определить число работавших в Магнитогорске иностранцев не представляется возможным. В городском архиве сохранилось 777

дел иностранцев, однако часть из них была утеряна, на многих иностранных рабочих личное дело не составлялось. Тезис А. В. Богданова о том, что с 1930 по 1933 г. на ММК работало 752 иностранца, не аргументирован[10].

В конце 1933 – начале 1934 г. большинство американских и немецких инженеров начали уезжать из Магнитогорска в связи с окончанием срока контрактов и началом стабильной эксплуатации ключевых объектов ММК. Элитное жилье освобождалось. Поэтому гостиничные комплексы поселка «Березки» начали заселять наиболее достойными магнитогорцами. От коммунального принципа расселения решено было отказаться. Каждая семья получала отдельную квартиру. Влияние на изменение состава населения «Березок» оказывали и репрессии, получившие в Магнитогорске довольно широкий размах. Условно можно выделить два потока переселения в элитные квартиры. Первый был связан с освобождением жилого фонда уезжающими иностранными специалистами и вселением в квартиры советских граждан. Второй поток был вызван репрессивными механизмами 1937 г. Очевидцы вспоминали о том, что иногда в одной квартире в течение месяца могло смениться две – три семьи. Куда девались прежние «хозяева», никто не спрашивал, но все понимали. В годы Великой Отечественной войны жизнь в «Березках» существенно изменилась. Уже в июне-июле 1941 г. в Магнитогорск начали прибывать эвакуированные. Расселяли их, где было возможно. «Березки» не стали исключением[11].

В период с 1929 по 1953 г. можно выявить несколько этапов создания поселка «Березки». Первый этап касался строительства в 1929–1930 гг. основных корпусов гостиничного типа для иностранцев[12]. Второй этап охватывал 1930–1931 гг. – это было время, когда строительство щитовых домов гостиничного типа продолжалось и одновременно осуществлялось строительство двухэтажных коттеджей и одноэтажных одноквартирных домов с участками земли для инженерно-технического персонала ММК и руководства города. Официально преследовалась цель ликвидировать текучесть квалифицированных кадров. В это же время до создания стационарных столовых, в соответствии с приказом № 386 от 1 июля 1930 г., на территории поселка была создана раздатка, т. е. пункт выдачи готовых обедов. Она продолжала работать в течение всего десятилетия до начала Великой Отечественной войны. Третий этап охватил 1932–1939 гг. – время создания развитой инфрастуктуры для обитателей элитного поселка. В этот период в «Березках» были выстроены школа, детский сад, ясли, магазин, две больших столовых (1932–1933 гг.), в которых питалось практически все население поселка. Судя по письмам начальника планового отдела Магнитостроя Б. Г. Козелева, «командиры» строительства обедали в специализированной столовой, качество еды было хорошим, а ее филиал располагался в столовой на «Березках». В 1934 г. началось возведение клуба Горняков на центральной улице поселка (ул. Щорса). Судьба клуба горняков довольно любопытна. Проектировался клуб инженером Й. Нигеманом, который с возмущением писал о том, как при осмотре строительства он обнаружил несоответствие оформления фасадов и их деталей проектным чертежам: «На мой вопрос десятник по имени Миронов сказал мне, что сам предпринял эти изменения, ибо так “красивее”»[13]. До войны клуб так и не успели построить, хотя обитатели «Березок» все равно посещали его. Одновременно со строительством были разбиты парковые зоны, аллеи, скверы и т. п. В годы Великой Отечественной войны архитектурных изменений на «Березках» не последовало, а в послевоенный период (1945–1953 гг.) в виду ветхости щитовые здания постепенно начинают сносить и заменять частными домами, многие из которых стоят по сей день.

Поселок «Березки» строился по типовым проектам домов и района в целом, что отвечало характерным для того времени принципам комплексного строительства, свободной планировки, организации жилого района вокруг общественного зеленого массива – своеобразного микрорайонного сада со спортивной площадкой, павильоном и тенистыми прогулочными аллеями. Комплексная застройка поселка «Березки» слагалась из 1–3 этажных жилых до-

мов секционного типа, расположенных вокруг микрорайонного сада, и коттеджей со своими участками-садами. Поселок «Березки» представлял собой замкнутый мир, в котором были все условия для благоприятного проживания. Ориентация зданий даже этого менее подвергавшегося задымлению района определялась местоположением ММК. Жилые помещения всех домов были обращены на юго-восток и северо-запад. Ту же ориентацию имеют улицы и микрорайонный сад[14].

Сначала здесь было выстроено десять щитовых гостиниц для иностранных специалистов, чуть позже начали возведение индивидуальных коттеджей[15]. Жилые дома малоэтажной застройки «Березок» с жилой площадью 120 кв. м и повышенной степенью благоустройства располагались в обширных садах[16]. Поселок являл собой идеальное воплощение в жизнь садового поселка, близкого к западно-европейским стандартам. Состоял он из равных земельных участков, каждый из которых был огорожен красивым металлическим забором с калиткой. Жилые дома – коттеджи располагались в глубине участка. Рядом с домами находились мощеные аллеи[17]. По словам респондента Т. К. Пацины, территория поселка была огорожена забором[18], который, по мнению Ю. Шасса, был выполнен не слишком качественно[19]. Таким образом, поселок был изолирован от остальной части города физически – высокий забор защищал население «Березок» от криминальных элементов новостройки. На территории поселка не было своего отделения милиции, но участковый милиционер и наряды «добровольцев» из числа горожан патрулировали улицы. По свидетельствам начальника строительства доменного городка Райзера, собранных в 1936 г. редакцией «Истории фабрик и заводов», одним из требований иностранцев в «Березках» была полная изоляция от советских граждан: «Никто из русских инженеров даже не должен там бывать»[20]. Нарушители «границы» поселка вызывали не только презрение и недовольство местных жителей, но и рекомендации сотрудников милиции покинуть территорию[21].

Распространенной формой жилищного строительства в Магнитогорске в начале 1930-х гг. был дом сборной щитовой конструкции. Подобные дома были возведены в поселках «Щитовом», «Брусковом», на первом и пятом участках, а также в «Березках». В домах гостиничного типа (щитовые дома), были спроектированы двух-, трех и пятикомантаные квартиры. Комнаты в основном были не очень большие по площади (8–15 кв. м). Окна были большие двухстворчатые, двери деревянные, выкрашенные белой краской, часто со стеклянными вставками в верхней части. Мебель в квартиры для иностранцев предоставлялась Магнитостроем в соответствии с договором, следовательно, все предметы мебели принадлежали ММК. Однако ее качество было не очень высоким, а количество предметов, как правило, ограничивалось столом, кроватью и парой стульев. Квартиросъемщик платил за использование мебели пять процентов ее оценочной стоимости в год. По мере того как она приходила в негодность и исчезала, замена мебели обычно производилась самим жильцом, поэтому постепенно рабочий обзаводился все большим количеством собственной мебели, обычно деревянной и очень простой. Когда в квартиры переезжали советские граждане, достойные элитного жилья, они вынуждены были обзаводиться мебелью самостоятельно. В 1936 г. в поселке пустили в эксплуатацию два капитальных многоквартирных дома по Рудному проспекту, квартиры в которых были полностью мебелированы[22]. В Магнитогорске работала мебельная фабрика, однако в свободной продаже мебели практически не было. Тем не менее, жители «Березок» находили возможности приобрести необходимые вещи. Например, когда в 1941 г. семью Краузе хотели переводить на работу в Курганскую область, В. Ф. Берсенева была крайне обеспокоена тем, как перевозить мебель, книги, пластинки и другие вещи[23]. Квартиры были телефонизированы, что по меркам 1930-х гг. было своеобразным шиком. В Магнитогорске телефонные линии выделялись только для предприятий и учреждений. Видимо, телефонные линии изначально прокладывали ради иностранных специалистов, а когда в квартиры заселили местную элиту, телефоны сохранили. Для удобства

жителей «Березок» на территории поселка работало почтовое отделение. Любопытно, что из всех многоквартирных домов, существовавших в «Березках», до настоящего времени сохранилось только два. В одном из них, существенно перестроенном, располагается детский садик. Второй по-прежнему является жилым многоквартирным домом. Именно в нем и проживала семья Краузе. В. Ф. Берсенева в письме к своей подруге писала: «Это хороший каменный дом городского типа, на 8 квартир. Наша на втором этаже. В ней 4 комнаты, прихожая, ванная, комната для работницы. Отопление центральное. Квартира удобная и красивая. И новая мебель – кровати высокие и широкие, как у купцов первой гильдии...»[24].

Улицы поселка «Березки» создавались под сильным воздействием популярных в градостроительстве 1930-х гг. идей социалистического города-сада. Первым улицам этого жилого района свойственна дифференцированная в зависимости от назначения профилировка, свободная трассировка и застройка, обильное озеленение. В планировочной структуре здесь особенно четко выделены магистральные улицы[25]. В «Березках» магистральная улица получила наименование «ул. им. Щорса». Она вела к клубу горняков. Рисунок ее слагается из разделенных зелеными полосами 8-метровой проезжей части и тротуаров. «Высокие деревья этих полос образуют тенистые аллеи. Транспортный проезд состоит из 6,5-метровой проезжей части и двух зеленых полос с мягким травинистым покровом. Межквартальные проезды представляют собой асфальтированные полосы шириной от 5,7 до 3 метров; их границами являются микрорайонный сад и зеленые участки жилых домов»[26].

Повседневная жизнь иностранцев в «Березках» казалась рядовым советским рабочим верхом благополучия, но сами иностранцы были крайне недовольны своими бытовыми условиями. Они регулярно писали жалобы в коммунальный отдел и в газеты, заявляя, что покинут строительство до окончания срока контракта. Многие свои угрозы реализовывали. Так, врач-рентгенолог Сильва Берг, выдержав в гостинице города около 1,5 месяцев, начала писать жалобы, в которых указывала на невозможность жить в комнате площадью 3,2 кв. м, на отсутствие мебели, засилье клопов, тараканов и мышей и постоянный шум – «все это приводит к тому, что я не могу спать...»[27]. Американцы писали жалобы в газеты. Так, 1 декабря 1930 г. в «Магнитогорском рабочем» было опубликовано письмо 30 американских инженеров с критикой условий проживания в гостинице № 2 Американского поселка «Жильцы американской гостиницы ждут ответа от коммунотдела»: «Мы живем в отвратительных условиях. Вот уже два месяца не работают водопровод, канализация, отопление, совершенно лишились кипятка. Автобус ходит не регулярно, от случая к случаю, так что в ожидании его приходится по несколько часов мерзнуть или отправляться пешком за 7 км с боязнью опоздать на работу. В нашей гостинице оплата за пользование номером слишком огромна. В сутки берут с одного 5 р. и для семейных 6,5 р., тогда как согласно договоренности и существующему закону, оплата должна производиться согласно получаемой ставке»[28]. Оплата жилья для иностранцев действительно взималась посуточно, что в сумме за месяц для одного жильца составляло от 150 до 155 р., а для семейных от 195 до 201,5 р. Однако имеются и иные свидетельства. В частности, американский инженер Бендт, работавший от фирмы «Мак-Ки» в Магнитогорске, отмечал, что жил с коллегами в «оазисе западного комфорта» – в домах на 4–7 комнат с централизованным отоплением, горячей и холодной водой, электричеством и другими привычными ему удобствами. В «американском поселке» Магнитогорского комбината, по его словам, имелся даже тир и теннисный корт[29].

Вопрос оплаты жилья и коммунальных услуг в целом в Магнитогорске стоял очень остро. Официально предполагалось, что размер квартплаты должен зависеть от уровня доходов семьи и размера жилплощади. По словам Дж. Скотта, квартплата обычно зависела от жалованья и составляла приблизительно от двух до десяти рублей в месяц за каждый квадратный метр жилой площади. Однако на практике ситуация была иной. Квартплата в Магнитогорске вводилась, судя по имеющимся сведениям, постепенно. Первоначально пла-

ту за жилье брали только с иностранцев, затем с горожан, проживавших в капитальных домах Соцгорода. Так, в 1930 г. за отдельную квартиру в Соцгороде платили от 10 до 15 р. в месяц. В конце 1933 г. квартплата возросла: теперь в Соцгороде она варьировалась в районе 60 рублей, в квартирах на «Березках» с полным благоустройством от 60 до 72 р. за квартиру[30]. Начиная с 1934 г. плата за жилье была введена для всех, в том числе для жителей бараков и землянок (!). Бюджетный дефицит требовал изменения ситуации, поэтому плату за жилплощадь начали взимать со всех типов жилья Магнитогорска. С 1935 г. принцип оплаты за квартиру выглядел следующим образом: небольшая плата за жилье в соответствии с размером жилплощади и наличием тех или иных удобств[31]. Поэтому размер квартплаты в 1935 г. в среднем составлял 8–15 р. во всех типах жилья, т. е. от землянок до капитальных домов Соцгорода[32]. При этом была разработана система льгот и привилегий. Так, льготами в 50 % оплаты жилья и коммунальных услуг пользовались ИТР, проживавшие в общежитиях[33]. Льготы для самозакрепившихся на вторую пятилетку рабочих, служащих и ИТР были установлены приказом по комбинату, в соответствии с которым квартплата для названных категорий населения в 1934 г. снижалась на 10 %, в 1935 – на 25 %, в 1936–1937 – на 50 %[34]. В 1936 г. была утверждена еще более сложная система. Плата устанавливалась из расчета 40 коп. за квадратный метр плюс 1 р. 50 коп. за муниципальные услуги, например, чистку выгребных ям. Кроме того территория города была разделена на две части – собственно городскую часть (юго-восток) и северную, включавшую отдельный отдаленный западный район. Магнитогорцы, проживавшие в этом отдаленном районе, получали десятипроцентную скидку на жилье. Дальнейшие скидки предусматривались в случае отсутствия водопровода, канализации, электричества, а для тех, кто имел ванны и горячее водоснабжение, вводилась десятипроцентная надбавка. Кроме того, взималась небольшая надбавка за каждого иждивенца и тройная плата с каждого квадратного метра для тех, чья жилплощадь превышала 9 кв. м[35]. Руководителю КБУ Лукашевичу было поручено выяснить вопрос о задержке квартирной платы и проследить введение новой системы оплаты жилья. Лукашевич резюмировал, что Магнитогорск перестал быть строительной площадкой и превратился в полноценный город, все люди живут в домах типа общежитие. Поэтому новая квартирная плата вполне справедлива. Стоит отметить, что чем больше была жилпощадь, тем сравнительно меньше возрастала квартплата в 1936 г. по сравнению с 1935 г. (и даже с 1933 г. в благоустроенных домах)[36]. Зная площадь квартир с Соцгороде и в «Березках», можно рассчитать примерный размер квартплаты в благоустроенных домах Магнитогорска[37]. Изменение квартирной платы коснулось прежде всего рядовых магнитогорцев, тех, чьи доходы были не слишком высоки. Люди, проживающие в элитном поселке, хоть и стали платить за квартиры больше, но не намного, особенно если сравнивать с оплатой прошлых лет. В целом же механизм расчета квартплаты был крайне сложен и непрозрачен. Нужно было учитывать множество факторов, а именно наличие иждивенцев, размер заработной платы, наличие разнообразных льгот и т. п. Именно поэтому в источниках различного происхождения цифры встречаются очень разнообразные.

По словам американского рабочего Дж. Скотта, проживавшего в Магнитогорске с 1933 по 1937 гг., «Березки представляли собой замкнутый мирок... В магазине Инснаб, отделение которого находилось в “Березках”, было в продаже большое количество необходимых товаров: мясо, масло, яйца, молоко, мука, хлеб, рыба, консервы, кондитерские изделия, а также много одежды, но весьма плохого качества... Число советских специалистов, обслуживающихся в этом магазине, постоянно возрастало»[38]. Иностранцев расстраивала неудовлетворительная работа инснаба и невозможность приобретать желаемые товары. Американский инженер фирмы «Коппрес» так описывал магазин в «Березках»: «Там почти ничего нельзя купить, кроме хлеба, папирос, спирта. Муки не было несколько недель, и очень редко имеются овощи... Также снабжение мясом было очень плохое и плохое по качеству. Норма,

установленная по чаю и мылу, настолько мала, что никто из семей не имеет достаточно для своих нужд»[39]. Общественное питание в целом было поставлено удовлетворительно. Обед из трех блюд стоил в столовой поселка 1 р. 30 коп.[40] Для иностранцев в поселке работала отдельная столовая. Завтрак подавался в 9 часов. «Члены колонии рассаживались за длинными столами, каждый у своего прибора. Мистер Моррей имел свой столик». Обычный завтрак иностранцев состоял из яиц, кофе на цельном молоке, мясного горячего блюда и горки хлеба[41].

Многие иностранцы жили в Магнитогорске с семьями. Это вызывало дополнительные трудности. Одной из наиболее сложных проблем, с которой пришлось столкнуться иностранцам, проживавшим в «Березках», стало обучение детей. Специальной школы в Магнитогорске, где обучение бы вели на иностранном языке, не было в виду отсутствия специалистов. Поэтому согласно решению секретариата ГК ВКП (б) к 20 октября 1933 г. в городе были организованы три группы обучения на немецком языке. Постоянные жалобы иноспециалистов на условия жизни, качество работы магазинов, столовых, обучение детей повлекло создание в конце 1933 г. спецсектора ММК, в задачи которого входило обслуживание жилья, занимаемого иностранцами. Цель спецсектора звучала следующим образом: «уделить максимум внимания иноспециалистам»[41].

Новый климат, система питания несомненно сказывались на здоровье иноспециалистов. Вопрос медицинского обслуживания иностранцев в Магнитогорске стал предметом обсуждения на бюро горкома партии от 25 июля 1932 г. Бюро приняло довольно пространное решение по улучшению врачебной помощи. Через два месяца этот вопрос вновь был поднят инструктором агитмассового отдела ГК ВКП (б) по работе с иностранцами Глейзером. В секретном письме на имя заведующего здравотделом он писал о том, что «по-прежнему наблюдается невнимание к иностранцам и членам их семей со стороны врачей». Глейзер также отмечал возмутительные случаи, когда врач не приходил к больному по вызову. Инструктор предложил закрепить за иностранцами врача Чоо, владевшего тремя языками (английским, немецким и венгерским). Одновременно он просил расширить больничную сеть, увеличить число коек и улучшить питание больных через Инснаб[41]. Врач Чоо был закреплен за иностранными специалистами, проживавшими в «Березках», остальные иностранцы обслуживались в порядке общей очереди в больницах Магнитогорска.

Досуг иностранной колонии «Березок» любопытно описан в воспоминаниях американского рабочего Дж. Скотта: «Жизнь, которую вели иностранцы в Березках, была весьма разнообразна и в большинстве случаев приближалась к западно-европейским стандартам. Итальянские специалисты угощали инснабовскими леденцами девушек из местных колхозов <...> пели песни и пили имевшиеся в наличии грузинские вина. Американцы играли в покер, читали “Сертеди Ивнинг Пост”... Немцы обсуждали политику за коньяком...»[42]. В воспоминаниях участников строительства и советских обитателей поселка неоднократно отмечается, что вечерами из коттеджей «неслись звуки патефонов, наигрывающих все те же фокстроты...»[43].

Повседневная жизнь советских обитателей «Березок» варьировалась в зависимости от социального статуса жильца. Так, жизнь руководителей города и комбината протекала в одно- и двухэтажных коттеджах. Значимые в советской социальной иерархии магнитогорцы проживали в индивидуальных квартирах в двухэтажных домах гостиничного типа. Здесь в основном проживали начальники цехов комбината, главные инженеры, энергетики, начальники планового и финансового секторов, инспекторы и методисты городского отдела здравоохранения, ведущие врачи города, начальник управления милиции Магнитогорска и т. д. Жизнь этой категории магнитогорцев несущественно отличалась от жизни остальной массы населения города, она была наполнена каждодневным трудом, заботой о детях, питании семьи, покупке одежды и мебели и проч. Главное отличие заключалось в качестве жилья, его благоустройстве и развитии инфраструктуры в поселке.

Магнитогорцы, занимавшие высшие должности на строительстве города и завода, также вынуждены были приспосабливаться к особым условиям жизни. Показательны в этом отношении неопубликованные письма начальника планового отдела строительства Б. Г. Козелева, адресованные жене. Прибыв на строительство, Б. Г. Козелев как и большинство вновь приехавших горожан, был вынужден решать проблему жилья. В результате несколько дней Б. Г. Козелев жил на диване в квартире начальника строительства Я. П. Шмидта. Затем Б. Г. Козелев смог «выбить» номер в гостинице, чему был несказанно рад: «Скоро переезжаем во вновь отстроенную гостиницу, где мне обещана комната со шкафом, кроватью и пр. В гостинице свет, душ, ванная и все такое прочее...»[44]. 18 октября 1930 г., когда Б. Г Козелев писал эти строки, он не подозревал, что свет, душ и ванная еще не функционировали. Когда семья Б. Г. Козелева начала сборы к переезду в Магнитогорск, начальник планового отдела добился получения трехкомнатной квартиры в Американском городке с полным благоустройством. Несмотря на столь широкие возможности, даже руководители строительства не могли «достать» в Магнитогорске предметы домашней утвари, необходимую одежду и лекарства. В очередном письме к жене Козелев писал: «Захвати белье, посуду, т. к. канительно здесь доставать эту муру... Зина, захвати всякие медикаменты, если сможешь – составь аптечку»[45]. Проблема оказания квалифицированной помощи магнитогорской элите в первой половине 1930-х гг. решалась довольно просто. Специальной больницы или даже отделения для местной элиты в городском стационаре не было. В особо тяжелых случаях руководители города и комбината оказывались в больницах на общих или почти общих основаниях. Для них могли освободить палату. В случае нетяжелых заболеваний (простуды, гриппа или переломов) элита обращалась к своим товарищам врачам. Так, например, О. Ф. Краузе был очень известным в городе детским врачом. Он часто отправлялся по «частным вызовам». Конечно, ни о какой платности услуг речи не шло. Во второй половине 1930-х гг. в Магнитогорске начала работу медсанчасть ММК, в которой представители магнитогорской элиты получали первоочередную квалифицированную помощь.

Дети «Березок» посещали одну школу № 41, которая была одной из лучших в городе по показателям абсолютной и качественной успеваемости. Однако в 1938 г. в связи с реорганизацией системы образования в Магнитогорске 41 школа стала 8-леткой. Следовательно, старшеклассники вынуждены были переходить в другие школы Магнитогорска. Новость о том, что детям придется искать новую школу и ездить далеко от дома, вызвала большое беспокойство в «Березках». Решение было найдено быстро и коллегиально. Желающие продолжить обучение в 9 и 10 классах написали заявления в две школы № 5 и № 47. Выбор пал именно на эти учебные заведения в виду их популярности в Магнитогорске и своеобразной престижности обучаться в них. Проблема обеспечения школы поселка «Березок» учебными пособиями и тетрадями вызывала большие трудности. Для 100-процентного обеспечения учащихся учебниками в первой половине 1930-х гг. в Магнитогорске взимали сбор с учеников на покупку учебников[46]. Этот сбор вызвал недовольство у магнитогорцев, вынужденных «вычитать из бюджета семьи»[47]. Во второй половине 1930-х гг. сбор отменили. С одной стороны, это объяснялось тем, что предыдущие годы в школьных библиотеках сформировался минимальный фонд учебников, а с другой, тем, что многие горожане сами доставали книги через родственников и друзей. Так, В. Ф. Берсенева отмечала, что «относительно учебников отец [О. Краузе. – *Н. М.*] спрашивал неоднократно и на Магнитке, и здесь [Белорецк[48]. – *Н. М.*], но пока удалось достать только один – «Органическую химию» Церховского. Для Лены достали три. Если можешь, привези, что достанешь, из Москвы. У Наташи, может быть, есть какие-нибудь»[49].

Жизнь школьников в «Березках» была насыщенной разнообразными событиями: учеба, спорт, общественные нагрузки, субботники и воскресники. Естественно, что повседневная жизнь детей включала в себя особые индивидуальные формы деятельности. Так, в письмах В. Ф. Берсеневой красочно описаны повседневные заботы ее семилетнего сына Оскара:

«Основной школой Каря в общем доволен... Он уже имел там неприятность – нарушение дисциплины. На большой перемене убежал с ребятами – Андреем, Олегом и еще какими-то мальчишками на “зеленую глину”, прибежали обратно с опозданием к звонку, дверь класса закрылась перед самым Карькиным носом <...> вошел в дом и занялся своими делами – своим “Зеленстроем”»[50]. Детвора из «Березок» часто отправлялась на городские катки за территорией поселка или на горку, которую строили рядом с домами. Частенько между детьми элитного поселка и мальчишками из бараков случались драки[51].

Руководители строительства, как и рядовые магнитогорцы, столкнулись с проблемой обучения своих детей. В частности, Б. Г. Козелев был крайне обеспокоен тем, что его дочери придется ходить в школу далеко от дома. Он даже советовался с женой о возможности нанять домашнего учителя для Клары, но вскоре проблема была решена. Детей руководителей магнитогорского строительства, а именно дочь Б. Г. Козелева и сыновей Я. С. Гугеля и К. Д. Валериуса, в школу отвозили на машине или на лошадях[52].

Во многих семьях на «Березках» нанимали домработниц. Так, в семье Краузе за 1930-е гг. сменилось две домашних работницы – Клавдия Капитоновна и Ефимовна. Причем смена домработницы была оценена В. Ф. Берсенеаой следующим образом: «Эти смены домашнего министерства совсем мне закружили голову»[53]. Домашняя работница часто сопровождала семью в Белорецк на отдых, готовила для них обеды, стирала, убирала, смотрела за детьми. Но содержание домашней работницы было хлопотным делом, т. к. нужно было платить жалование, предоставлять жилую площадь, поэтому большую часть домашних дел на себя брала В. Ф. Берсенева сама. В одном из писем старшему сыну Руфу за 1940 г., она описывала типичный распорядок дня своей семьи, указывала на рутину и однообразие жизни: «Я работаю на службе теперь полдня с 8.30 до 12.30 и получаю половинное жалованье. В начале второго приезжаю домой... я спешно начинаю готовить завтрак... Время до трех или половины четвертого я употребляю на то, чтобы спешно помыть посуду и немного убрать дома. Затем три раза в неделю мы уезжаем с Карей в музыкальную школу... Каря кончает урок, и мы едем домой. Тут уже время бежать в столовую, чтобы застать там еще нужную еду на обед. Мы возвращаемся около половины седьмого... Я мою наши тарелки, а иногда сижу и курю с полчаса... Приходит Лена, и мы снова очень спешим. Она обедает, и надо скорей уходить с ней из дома играть на рояле... Она играет час или немного больше... Я в ужасе вижу, что время приближается к половине десятого. Бежим домой. Тут отец нас ждет. Дети пьют молоко и ложатся, а я уже совершенно ничего не в состоянии делать больше и после чая и коротенького разговора с отцом валюсь в постель и засыпаю, часто даже раньше 11-ти часов, так как ноги меня не держат. Просыпаюсь с 6-часовым гудком для нового дня, наполненного теми же заботами»[54].

В коттеджных домах, где проживали директора комбината и высшее партийное руководство города, прислуга тоже была. В основном нанимали недавних крестьянок. Так, Скворцова Лидия, репрессированная крестьянка, прибывшая в Магнитогорск с мужем и девятью детьми в 1931 г., устроилась работать прислугой в дом инженера на поселке «Березки». Убирала в квартире, стирала и гладила белье. А ее семья жила в общем бараке, из которого «каждое утро выносили трупы»[55].

Общий уровень образования жителей «Березок» был довольно высоким, поэтому и способы свободного времяпровождения были соответствующими. Советские обитатели поселка посещали кино, театры, много читали. Некоторые коллекционировали пластинки или собирали библиотеку классической литературы. Со второй половины 1930-х гг. в среде интеллигенции распространение получило прослушивание патефона в домашних условиях, игра на музыкальных инструментах и чтение вслух: «Отец [О. Ф. Краузе] читает детям “Одиссею”... Отец купил несколько пластинок в местном “Культмаге”, из них самые лучшие “Испанское каприччио” Римского-Корсакого и Бетховинская “Тема с вариациями” для

фортепиано. По вечерам мы иногда играем и вспоминаем тебя...»[56]. Часто жители поселка выезжали отдыхать за город. Излюбленными местами отдыха были озеро Банное и станция Джабык. Отпуска жители «Березок» проводили на дачах, чаще всего в Белорецке, где они арендовали на лето домики; отправлялись в Москву, в Сочи и Крым. Естественно, что подобные отпуска были недоступны для рядовых горожан. Кроме того, обитатели «Березок» посещали клуб горняков.

Таким образом, в условиях форсированной индустриализации в Магнитогорске, несмотря на жилищный кризис, латентный голод и тотальный дефицит, был создан благоустроенный поселок «Березки». Его строительство задумывалось и осуществлялось для обеспечения иноспециалистов жильем, а на практике и для размещения местного руководства, в условиях, когда рядовые магнитогорцы прозябали в бараках и землянках, а жилищный кризис на новостройке достиг кульминации. Когда горожане не помышляли об обеспечении своих жилищ водой, электричеством, отоплением и проч., в «Березках» подобные блага цивилизации были естественным явлением повседневной жизни. После того, как иностранные обитатели поселка покинули Магнитогорск, миф советской пропаганды о благоустроенном жилье строителей Магнитки, так и не был реализован. Коттеджи и многоквартирные дома «Березок» были заселены новыми «достойными» горожанами, среди которых не оказалось рядовых пролетариев. Таким образом, поселок «Березки» на Магнитострое оказался «американской мечтой» не для иностранцев, участвовавших в строительстве города и завода, а для простых горожан, которым жизнь за каменной оградой казалась сверхблагополучной.

Примечания

[1] Меерович М. Г., Конышева Е. В, Хмельницкий Д. С. Кладбище соцгородов : градостроительная политика в СССР (1928–1932 гг.). М. : РОССПЭН, 2011. С. 175.

[2] Там же. С. 176.

[3] Там же; Шасс Ю. Архитектура жилого дома. Поселковое строительство 1918–1948. М., 1951. С. 24.

[4] См., например: Меерович М. Г., Конышева Е. В, Хмельницкий Д. С. Кладбище соцгородов....; Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы : город. М., 2001. 336 с.

[5] Баканов В. П. Испытание Магниткой. Магнитогорск, 2002. С. 67.

[6] МУ Магнитогорский «Городской архив» (далее МУ МГА). Ф. 99. Оп. 4. Д. 3. Л. 148.

[7] Баканов В. П. Указ. соч. С. 67.

[8] Справка, подготовленная сотрудниками МУ МГА.

[9] Расчет на основе плана щитового дома. См.: Казаринова В. И. Магнитогорск. Магнитогорск, 1961. С. 150.

[10] Богданов А. В. Иностранные рабочие и специалисты на предприятиях Челябинска и Магнитогорска (1929–1933 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Челябинск, 2011. С. 14.

11 Пришла война в Березки. Письма матери. Череповец, 2010. С. 123.

[12] Магнитка и победа : науч.-публ. изд., посв. 65-летию Великой Победы / под ред. С. В. Герасимова и др. Магнитогорск, 2010. С. 33.

[13] Конышева Е. В. Формирование промышленного города в условиях мобилизационной экономики // Мобилизационная модель экономики : исторический опыт Росии XX века. Челябинск, 2009. С. 195.

[14] Казаринова В. И. Магнитогорск... С. 88.

[15] По словам респондента Т. К. Пацины, коттеджи строили из шлакоблоков, затем делали опалубку и заливали стены смесью из цемента, извести и гравия. Сотрудники музея «Истории Магнитостроя» предполагают, что эти коттеджи выстроены из камня бернади.

[16] Казаринова В. И. Указ. соч. С. 153.

[17] Федосихин В. С. Магнитогорск – классика советской архитектуры. Магнитогорск, 1991. С. 46.
[18] Воспоминания Т. К. Пацины. Записано Н. Н. Макаровой в 2008 г.
[19] Шасс Ю. Указ. соч. С. 24.
[20] Государственный архив РФ (далее ГАРФ). Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 312. Л. 164.
[21] ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 342. Л. 17.
[22] Андреева И. В. Тайны дома на ул. Бибишева // Наследие. Магнитогорск, 2012. С. 8.
[23] Пришла война в Березки... С. 80.
[24] Андреева И. В. Указ. соч. С. 8.
[25] Казаринова В. И. Указ. соч. С. 51.
[26] Там же. С. 65.
[27] МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 36. Л. 5.
[28] Магнитогор. рабочий. 1930. 1 дек.
[29] Богданов А. В. Социально-бытовые условия и организация питания иностранных специалистов на заводах Урала в годы первой пятилетки // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. 2010. Вып. 15. С. 16.
[30] Баканов В. П. Указ. соч. С. 78.
[31] Магнитогор. рабочий. 1935. 30 июня.
[32] МУ МГА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 162. Л. 41–46.
[33] Магнитогор. рабочий. 1934. 1 апр.
[34] Магнитогор. рабочий. 1934. 2 апр.
[35] Магнитогор. рабочий. 1936. 2 авг.
[36] Коткин С. Жилище и субъективный характер его распределения в сталинскую эпоху // Жилище в России : век XX. Архитектура и социальная история. М., 2001. С. 103–125.
[37] Расчет проведен без учета числа иждивенцев, т. е. на 1 человека, занимающего квартиру (чего на практике быть просто не могло). Полезная площадь трехкомнатной квартиры в жилом доме центральной зоны квартала № 1 Соцгорода составляет 75,8 кв. м., жилая – 55,4 кв. м. Из них за 9 кв. м. жилплощади взимается плата 3 р. 60 коп., за остальные «лишние метры» в тройном размере, т. е. 55 р. 68 коп. Плата за квадратные метры составляет 59 р. 28 коп. в месяц. Учитывая, что в Соцгороде в 1936 г. уже было благоустройство (отопление, водоснабжение, электричество), то за эти блага цивилизации положено доплачивать 10 % от стоимости квадратных метров, т. е. в нашем случае 5,5 р. Итак, за трехкомнатную квартиру с полным благоустройством в Соцгороде в месяц необходимо платить 64 р. 78 коп. Полезная площадь трехкомнатной квартиры в щитовом доме на «Березках» составляет 65,21 кв. м., жилая 53,11 кв. м., т. е. в месяц за нее надо платить 62,13 р.
[38] Скотт Дж. С. 105–107.
[39] МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 134. Л. 9.
[40] Баканов В. П. Указ. соч. С. 78.
[41] ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 334. Л. 10, 29.
[42] Скотт Дж. За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. М. ; Свердловск, 1991. С. 107.
[43] ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 362. Л. 14.
[44] Письма Б. Г. Козелева жене // МУ «МИМ». Инв. № 1218. Л. 3.
[45] Там же. Л. 2.
[46] МУ МГА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 32.
[47] МУ МГА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 5. Л. 45.
[48] Белорецк – административный центр Белорецкого района Башкирии. Около 80 км от Магнитогорска.
[49] Пришла война в Березки... С. 12.

[50] Под зеленстроем автор письма понимает выращивание цветов в горшках. В Магнитогорске «Зеленстрой» – контора по благоустройству и озеленению городской территории. См.: Пришла война в Березки... С. 29, 46.
[51] Пришла война ... С. 14.
[52] Письма Б. Г. Козелева жене // МУ «МИМ». Инв. № 1218.
[53] Пришла война в Березки.. С. 15.
[54] Там же. С. 9, 15, 17, 27, 28.
[55] Записано со слов Ю. Рубан в 2010 г. В. А. Токаревым.
[56] Пришла война в Березки... С. 16, 17, 18.

М. Н. Потёмкина

ЗАРПЛАТА И СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ В УСЛОВИЯХ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ МОДЕЛИ (1941–1945 ГОДЫ)

Заработная плата выполняет функцию общественной меры труда, оценки его результатов. Основными функциями зарплаты являются:

– воспроизводственная (обеспечение возможности воспроизводства рабочей силы);

– стимулирующая (мотивационная) – повышение заинтересованности в развитии производства – именно она играла главную роль в советский период;

– социальная – реализация идеи социальной справедливости;

– учётно-производственная, характеризующая меру участия живого труда в цене продукта[1].

Придя к власти, большевики провозгласили лозунг «от каждого – по способностям, каждому – по труду», но вскоре поняли его неосуществимость. Уравнительные тенденции в оплате труда, применяемые в первые годы советской власти, показали свою несостоятельность. Власть, с одной стороны, стремилась убедить большинство населения, что задача власти – забота о людях; с другой – форсированная индустриализация требовала высокопроизводительного труда. Поэтому в 1930-е гг. начинает использоваться сдельная оплата труда, применяются стимулирующие надбавки, пропагандируется «стахановское движение».

Интенсивность трудовых усилий рабочих во многом зависит от того, считают ли они свою заработную плату справедливой. Впервые зависимость между справедливой заработной платой и интенсивностью трудовых усилий была сформулирована Нобелевским лауреатом Джоржем Акелрофом[2]. Смысл её сводится к тому, что «если люди не получают то, что они заслуживают, они платят тем же». Уровень заработной платы может быть различным, главное, чтобы работник воспринимал его как «справедливый». При зарплате ниже критического минимума («забастовочная заработная плата») человек перестаёт прилагать какие-либо усилия.

«Справедливая» заработная плата определяется психологическими факторами и количественно неизмерима. Поэтому одной из идеологических задач режима в условиях мобилизационной модели являлась убеждение работников в том, что их заработная плата, какой бы низкой она не была, является справедливой. В предвоенный период такое обоснование получило воплощение в идее: «Приноси жертвы сейчас во имя светлого будущего!». Вторым утверждением советской массовой пропаганды было то, что дефицит потребительских товаров связан с происками врагов Советского государства[3]. В годы Великой отечественной войны все средства идеологического воздействия были сфокусированы вокруг одного лозунга: «Всё для фронта, всё для Победы!». Для населения советского тыла это означало мобилизацию людей на жертвенный труд. Достижение этой цели позволяло решить сра-

зу несколько задач: направить максимальное количество усилий на производство военной продукции, свести к минимуму количество свободного времени, максимально ограничить сферу потребления, придав этому политический характер. А, значит, сделать материальные блага и деньги максимально ненужными. В таких условиях можно оправдать дефицит потребительских товаров и стимулировать добровольную отдачу денежных средств на «нужды обороны». Человеку некогда, не на что тратить деньги, а часто и нечего тратить. Всё это, как щитом, закрыто высокой и благородной целью (к выдвинутой в 20-е гг. идеей строительство светлого коммунистического будущего в 1941 г. добавилась идея священной войны). Массовое сознание людей успокаивалось мифом о том, что в аналогичном положении находился «весь советский народ».

В рамках мобилизационной экономической модели сформировалась система, при которой уровень жизни людей определялся не только и не столько размером заработной платы.

В то время, как денежные потоки находились под жёстким контролем государства, советский народ научился прекрасно обходиться без наличности. Денежный оклад в советском обществе всегда играл для статуса и благосостояния его членов гораздо меньшую роль, чем приоритетный доступ к товарам и услугам. Ценность денежных знаков снижалась ещё и тем, что многие жизненные блага партийных и государственных чиновников – квартира, машина, дача – были не своими, а казёнными. Денежные отношения приобрели форму прямого обмена услугами; символичность и условность денег как «вещи» стали совершенно очевидными, когда стремление к накоплению капитала переродилось к накоплению «связей» и «привилегий»[4].

Ценность денег при административно-командном способе функционирования общественной системы определялась во многом не их количеством, а доступом к дефициту. Существовала целая система раздела дефицита по административным, силовым и сословным линиям. Блага, сочетавшие в себе особо высокую потребительную стоимость с особой ограниченностью или редкостью, образовывали несколько социально замкнутых кругов. В них обменивались ограниченные блага разного качества, престижности и степени дефицитности. Вне этих кругов существовал закон очереди[5].

Чтобы поддержать в людях ощущение социальной справедливости, руководство страны создало разветвлённую систему различных социальных выплат. В годы войны такой многочисленной категорией населения становятся семьи военнослужащих, получавшие государственные пособия.

Попытаемся проанализировать статистическую информацию, отражающую динамику заработной платы рабочих и служащих промышленных предприятий тыловой территории СССР в военный период. Сразу оговоримся, что разные ведомства применяли различные методики сбора и обработки статистической информации, в результате чего получались разные цифры. Тем не менее, общие тенденции, выявленные нами при анализе данных по СССР и РСФСР в целом, подтверждаются цифрами на примере отдельных промышленных предприятий.

По официальным данным ЦСУ СССР среднемесячная денежная заработная плата рабочих и служащих в целом по народному хозяйству составила: в 1940 г. – 339 р.; в 1945 г. – 442 р.; из них промышленно-производственный персонал соответственно: 358 р. и 495 р.; в том числе рабочие соответственно – 340 р. и 473 р.[6] Средняя зарплата по РСФСР (по официальным данным Госплана) за 1945 г. была несколько выше союзной: у рабочего – 527 р. 65 коп., у служащего – 512 р. 57 коп.; у ИТР – 951 р. 87 коп.[7]

Из приведённых данных видна тенденция к количественному росту номинальной заработной платы. Примеры конкретных предприятий подтверждают эту статистику. Типичным было, например, изменение окладов в военный период на Магнитогорском металлургическом комбинате (руб. в месяц)[8]:

	1940г.	*На 1.07.1942г.*
Зам. директора завода	*1800*	*2000*
Начальник производства	*1200*	*1800*
Инженер	*725*	*800*
Экономист	*425*	*500*
Библиотекарь	*275*	*300*
Секретарь-машинистка	*350*	*400*

Обратная тенденция наблюдалась в некоторых отраслях экономики. В качестве примера можем привести катастрофическую ситуацию по наркомату угольной промышленности. Среднемесячная заработная плата шахтёров (в целом по наркомату): в январе 1941 г. – 414 р.; в июле 1941 г. – 438 р.; в ноябре 1941 г. – 408 р.; в январе 1942 г. – 349 р.; в апреле 1942 г. – 331 р.[9] Результатом такого положения стала текучесть кадров и массовое использование спецконтингентов.

В организации оплаты труда выделялись три категории работников: инженерно-технические кадры, рабочие, младший обслуживающий персонал.

Среднемесячная зарплата по наркомату станкостроения (данные на май 1942 г.): рабочие – 333 р.; ИТР – 770 р.; служащие – 433 р.; младший обслуживающий персонал – 150 р.[10] Как мы видим, уровень заработной платы напрямую зависел от уровня квалификации работника.

Заработок основной массы рабочих и служащих советского тыла составлял от 300 до 500 р. в месяц. По данным на октябрь 1943 г. (месячная заработная плата в руб. и % таковую получающих): до 100 – 7,8 %, от 100 до 300 = 29,8 %, 300–500 = 30,2 %, 500–700 = 19,9 %, 700–1000 = 9,4 %, 1000–1500 = 2,4 %, свыше 1500 = 0,5%. Подсчёт произведён исходя из средней заработной платы по наркоматам, далее данные сведены в общую таблицу[11].

В июне 1941 г. после нападения фашистской Германии на СССР значительная часть мужчин трудоспособного возраста была мобилизована на фронт. Поскольку война приняла затяжной характер и стала не войной армий, а войной потенциалов, состояние экономики тыла имело первостепенное значение. Кроме того, часть территории страны подверглась вражеской оккупации. Чтобы решить задачу увеличения выпуска оборонной продукции, руководство страны предприняло следующие меры:

– сохранение высококвалифицированных кадров путём эвакуации их из прифронтовой зоны и бронирования от мобилизации на фронт;

– пополнение рабочей силы за счёт таких категорий граждан, как женщины-домохозяйки, пенсионеры, подростки, спецконтингент;

– усиление репрессивной политики за счёт прикрепления работников к предприятиям, ужесточение наказаний за нарушение трудовой дисциплины;

– расширение сферы применения мер материального и морального стимулирования в сочетании с идеологической обработкой массового сознания.

В сфере оплаты труда был провозглашён принцип приоритетной оплаты тем категориям работников, которые трудились на оборону страны. Действительно, на крупных промышленных предприятиях заработная плата была выше, чем в других сферах экономики. Но были исключения особого рода. В архивных документах с грифом: «Не подлежит оглашению» имеется документ с цифрами плана по заработной плате сотрудников Отделов рабочего снабжения (ОРСов) на 3-й квартал 1942 г. (среднемесячная зарплата в руб.). Отделы рабочего снабжения были воссозданы в феврале 1942 г. с целью обеспечения снабжения работников промышленных предприятий продуктами питания. Но с первых дней функционирования ОРСов обнаружилось несоответствие их своему названию. В большинстве случаев они, во-первых, являлись объектами, где совершались хищения и растраты; во-вторых, стали инструментом перераспределения товаров в пользу руководящего состава и обслу-

живающего персонала. Как мы видим из приведённой ниже таблицы, размеры заработной платы работников ОРСов равен, а иногда и выше, чем размер заработной платы рабочих и служащих заводов чёрной металлургии.

	Наркомат текстильной промышленности	Наркомат чёрной металлургии
Торгово-розничная сеть	810	750
Общественное питание	650	650
Транспорт	815	803
Сельское хозяйство	706	710
Административно-управленческий персонал	1768	1751[12]

Были случаи, когда и без того несправедливая заработная плата снижалась по вине предприятия. На Московских заводах Наркомата электропромышленности из-за простоев, связанных с перебоями с электроэнергией. Сборщица Чиликина (завод № 220 – цех № 6) в марте 1942 г. выработала сдельно 105 часов – что соответствует 133 р. 05 коп.; простои – 94 часа (оплата 50 % ставки повременщика) – 36 р. 69 коп. Таким образом, заработок за месяц составил 172 р. 74 коп. Получила в аванс 80 р., на налоги и государственный заём вычтено 83 р., итого в конце месяца к выдаче: 9 р. 74 коп.[13]

Одной из проблем была разная зарплата в разных регионах страны. В ходе войны была предпринята широкомасштабная эвакуация оборудования промышленных предприятий из европейской зоны СССР в восточные регионы страны. Вместе с оборудованием было эвакуировано в среднем 30–40 % кадрового состава предприятий. При разработке нормативных документов, регламентировавших эвакуацию населения, работники эвакуированных предприятий были выделены в отдельную категорию[14]. По условиям эвакуации на время эвакуации и до пуска производства на новом месте за рабочими полностью сохранялась заработная плата (из расчёта – средний заработок за последние 3 месяца). По прибытии на место выплачивались «подъёмные» в размере месячного оклада на главу семьи – работника предприятия, ¼ на его жену, по ⅛ на каждого из остальных членов семьи. Если предприятие эвакуировалось 2–3 раза, то подъёмные выплачивались только единожды. При повторном переезде выплачивались лишь суточные за время в пути в размере 3 % от месячного оклада, но не более 26 р. Оплачивалась фактическая стоимость проезда и провоза багажа (его вес ограничивался 160 кг на работника и не более 80 кг на каждого члена семьи). За эвакуированными сохранялся непрерывный стаж работы, а время переезда в эвакуацию не засчитывалось и не прерывало рабочего стажа. Как всегда, дополнительные льготы предусматривались для столичных жителей: работникам Москвы, Кунцевского и Мытищенского районов, эвакуированным после 18.00 15.10.1941 г., дополнительно выдавалось пособие в размере месячного оклада[15].

В результате на ряде промышленных предприятий работники, имеющие одну и ту же квалификацию, выполняющие одну и ту же работу, получали разную заработную плату. Это, естественно, вызывало недовольство местных рабочих и приводило к конфликтам и расколу трудовых коллективов на «коренных» и «эвакуированных».

Работники, прибывшие в эвакуацию на завод им. Колющенко в г.Челябинске, были зачислены на новые рабочие места с сохранением прежних размеров окладов. Поскольку челябинские инженеры также остались на прежних окладах, то к декабрю 1941 г. сложилась следующая ситуация с размером заработной платы : начальник ОТК завода – 750 р.; его заместитель – 850 р.; начальник технического отдела – 700 р.; руководитель технической группы – 1300 р.[16]

Наркомат угольной промышленности обратился в январе 1942 г. с ходатайством в Госплан об упорядочении заработной платы рабочих, занятых на действующих предприятиях

Урало-кузнецкого угольного бассейна, с эвакуированными рабочими Донбасса, где, в соответствии с приказом Наркомугля от 1940 г., были установлены более высокие условия оплаты труда. В данном конкретном случае просьба была удовлетворена[17].

О серьёзных конфликтах между эвакуированными и местными рабочими упоминается даже в воспоминаниях, изданных в подцензурные советские времена. В годы Великой отечественной войны на Челябинский тракторный завод было эвакуировано оборудование целого ряда предприятий. Вместе с ним прибыли трудовые коллективы ленинградского Кировского завода и Харьковского моторостроительного. «Харьковские моторостроители, формально перестав быть самостоятельным заводом, полностью сохранили структуру и технологическую взаимосвязь своих цехов, свои <…> кадры <…> и даже *свои нормы и расценки*» [курсив наш][18].

Информация о конфликтах между «челябинцами» и «кировцами» дошла до Москвы (в архиве сохранилась переписка между Молотовым и Прокурором СССР в марте 1942 г.): «…на заводе по сути создан антагонизм между местными рабочими (часть квалифицированных снята с должностей и заменена необоснованно ленинградцами) и эвакуированными. Ежесуточный выпуск 10 танков, а план 140»[19]. Выравнивание тарифных ставок приводило к тому, что некоторые кадровые рабочие ведущих столичных предприятий воспринимали эвакуацию как понижение в должности и лишение их законного права на справедливую зарплату.

Следует отметить, что часть денежных выплат в военное время не выдавалась на руки рабочим, а перечислялась на счета в сберкассы, где эти средства были «заморожены» (решение ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 22.11.1941 г.). Это касалось компенсаций за неиспользованные отпуска и ряд других выплат.

Даже номинально возросшая к концу войны заработная плата в первые послевоенные месяцы вновь снизилась из-за прекращения сверхурочных работ и сокращения трудовой недели. Например, средний размер оплаты труда на предприятиях Москвы в мае 1945 г. составил 680 р., а к концу года – 480 р. в месяц[20].

Советские средства пропаганды всегда подчёркивали, что «кто хорошо работает, тот в советской стране не только окружён почётом и уважением общества, но и получает высокую оплату за свой труд»[21]. На практике в военное время, в условиях переориентации промышленности на нужды обороны и резкого сокращения выпуска потребительских товаров, главным направлением финансовой политики советского государства стало изъятие лишней денежной массы из оборота. Государство опять обратилось к проверенным практикой денежным суррогатам. Осенью 1941 г. в городах страны было введено нормированное снабжение населения основными продуктами питания, позднее и на некоторые группы промышленных товаров; существовало 4 вида карточек в зависимости от степени общественной полезности; товары на карточки продавались по государственным твёрдым ценам. Система нормированного распределения продуктов не являлась чем-то новым для советских людей. Она существовала с 1930 по 1934 г. В качестве главного критерия была положена идея трудовой полезности для общества. Максимальные нормы продуктов предполагались для рабочих приоритетных отраслей промышленности. В дополнение к этому вводились дополнительные меры поощрения натуральными пайками или деньгами, равно как и меры наказания голодом (например, вырезка талонов на питание за нарушение трудовой дисциплины).

Система принудительных мер воздействия на рабочих оформилась ещё в довоенный период и была ужесточена в военное время.

В качестве поощрения применялось премирование предприятий – «победителей социалистического соревнования». Так, например, при вручении знамени ГКО и ЦК ВКП (б) предприятие получало премию в размере от 100 тыс. р. до 3000 тыс. р.; при вручении знамени ВЦСПС или ЦК профсоюзов – премию в размере от 20 тыс. р. до 2000 тыс. р.; размеры остальных премий колебались в диапазоне 3–300 тыс. р. Максимальные премии полагались

заводам оборонного значения, принадлежащих к наркоматам танковой, авиационной промышленности, производства боеприпасов. Премиальные суммы шли за счёт сверхплановой прибыли или экономии. Если в условиях соревнования специально не было оговорено целевое назначение этих средств, то 60–70 % из них должно было быть израсходовано индивидуально рабочим, служащим и инженерно-техническому персоналу[22]. Эти требования не всегда выполнялись. Неединичный характер носили факты, когда руководство промышленных предприятий, получив премиальные деньги, не находило им лучшего применения, как устройство банкетов[23].

Провозглашённая приоритетность в оплате труда рабочих промышленных предприятий, снабжавших фронт военной техникой и боеприпасами, и номинальный рост заработной платы этой категории работников на протяжении военного периода на практике не означал повышения уровня жизни. По официальным данным (документы с грифом «секретно») уровень потребления населения СССР за два года войны существенно снизился. Потребление хлеба осталось на том же уровне (в среднем на человека 1939 г. 215 кг в год, 1942 г. – 210), по крупе и макаронам сокращение с 12,6 до 7,6; по овощам и картофелю рост с 124 кг до 155 кг. Мясорыбопродукты сократились с 40,0 до 18,1 кг. Жиры – с 6,4 до 2,9; сахар и кондитерские изделия – с 24,2 до 6,1 кг. Общая калорийность питания сократилась на 20–25 %, по продуктам растительного происхождения – на 15–20 %, животного происхождения – на 45–50 %[24].

Выборочная проверка ряда челябинских предприятий, проведённая Челябинским ОК ВКП (б) в начале 1945 г., показала, что месячные расходы на питание в столовой, хлеб, оплату общежития, починку одежды и обуви, стирку, баню, парикмахерскую, возможное приобретение одежды и обуви, покупку табака, посещение кино, театра, членские взносы общественным организациям составляют в среднем у рабочего-одиночки 400 р. в месяц. Выборочная проверка заработков показала, что такую сумму получают на руки от 22 до 62 % рабочего контингента[25].

Летом 1945 г. на ММК был произведен анализ бюджетов рабочих комбината. Диапазон заработной платы был достаточно велик: от 200 р. до 5000 р. в месяц; средний заработок рабочих (за первые 5 месяцев года) составил 764 р.; младшего обслуживающего персонала – 365 р. В целом, более 50 % работников имели заработную плату менее 500 р. в месяц[26].

Виды расходов	Семья из трех человек (один рабочий, два иждивенца)			Один рабочий	
	Заработная плата (р.)			Заработная плата (р.)	
	350	800	1500	350	800
Налоги	49	141	312	81	116
Заем	35	80	150	35	50
Квартплата	90	101	101	30	42
Питание в столовой	125	125	125	326	326
Отоваривание продкарточек	180	180	180	-	-
Расходы на одежду и обувь: рабочий, иждивенцы	111 167	111 167	111 167	111	111
Итого:	757	905	1146	583	645
Остаток:	- 407	- 105	354	- 233	155

При анализе статистических данных становится понятным, что при заработной плате менее 800 р. в месяц получается минусовой бюджет. Семьи выживали в основном за счёт огородничества. Особенно тяжело приходилось эвакуированным, не имевшим своего хозяйства, рабочим-одиночкам (большинство их них были трудмобилизованные или выпускники ремесленных училищ и школ ФЗО). Именно среди этих категорий рабочих по статистике был самый высокий процент дезертиров.

Общеизвестным является и факт многочисленных случаев дистрофии среди рабочих оборонных предприятий Урала и Сибири в последние годы войны.

Низкий уровень жизни в целом, заработной платы, в частности, существовал и в предвоенный период. Недовольство рабочих было повсеместным и чаще всего принимало характер жалоб и высказываний обид в курилках и других местах, минимально подконтрольных государству и партии[27]. Военный период не стал исключением, хотя количество и способы выражения недовольства уровнем обеспечения имели свою специфику[28].

Особенно активно рабочие выражали своё недовольство в начальный период войны и в первые месяцы после её окончания. В территориальном плане забастовки и массовые беспорядки имели место в крупных промышленных центрах прифронтовой зоны и в столице. Так, в октябре 1941 г. из-за нехватки денежных знаков и бегства руководства, прихватившего с собой заводские кассы, в Москве и области на многих предприятиях не была выплачена заработная плата. В ответ на это рабочие прекращали работу, захватывали и блокировали территории предприятий, избивали начальство и т. д.[29] В Москве за 16–18 октября 1941 г., по неполным данным, «из 438 предприятий, организаций и учреждений сбежало 779 руководящих работников <…> Было похищено наличными деньгами: 1484000 р., а ценностей и имущества – на 1051000 р. Угнано сотни легковых и грузовых автомашин»[30].

Преобладали формы пассивного сопротивления, такие как прогулы и самовольное оставление мест работы. Потери рабочего времени в результате прогулов на Магнитогорском металлургическом комбинате составили (в человекоднях): в 1940 г. – 3000, в 1945 г. – 8000[31].

Таким образом, заработная плата в условиях военного времени являлась одним из основных источников доходов рабочих и служащих предприятий советского тыла. В основу трудовой политики руководство страны заложило принцип приоритетной оплаты труда работникам оборонных отраслей промышленности. Реализация такой политической линии в рамках мобилизационной модели экономики традиционно опиралась на репрессивные меры, идеологические лозунги и, в последнюю очередь, материальное стимулирование. Значительная часть рабочих не воспринимала свою заработную плату как «справедливую», но самоотверженно трудилась во имя победы над врагом.

Примечания

[1] Ильюхов А. А. Как платили большевики : политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М. : РОССПЭН : Фонд Первого президента России Б. Н. Ельцина, 2010. С. 4–6.

[2] Akelroff G. Gift Exchange and Efficiency Wages : For Views// American Economic Review. 1984. Vol. 74, № 2. P. 74–83.

[3] Пол Грегори. Политическая экономия социализма. М., 2008. С. 128.

[4] Кортунов В. В. Философия денег. М., 1997. С. 86–87.

[5] Казыханова Л. Р. Изменение социальной роли денег и их влияние на социально-экономическое поведение населения в условиях трансформации российского общества : дис. … канд. социол. наук. Уфа, 2003. С. 55.

[6] Советская жизнь : 1945–1953 гг. / сост. Е. Ю. Зубкова, Л. П. Кошелева, Г. А. Кузнецова. М. : РОССПЭН, 2003. С. 501–502.

[7] ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 3. Д. 1149. Л. 1а.

[8] РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 4372. Д. 302. Л. 117.

[9] РГАЭ. Ф. 4372. Д. 302. Л. 123–126.

[10] РГАЭ. Ф. 4372. Д. 302. Л. 53.

[11] РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 82. Оп. 2. Д. 774. Л. 47.

[12] РГАЭ. Ф. 4372. Д. 302. Л. 164, 169.

[13] РГАЭ. Ф. 4372. Д. 302. Л. 45.
[14] ГАРФ. Ф. 259сч. Оп. 40. Д. 3022. Л. 36.
[15] РГАЭ. Ф. 4372. Д. 302. Л. 1–4.
[16] ОГАЧО (Объединённый государственный архив Челябинской области). Ф. 288. Оп. 42. Д. 19. Л. 312.
[17] РГАЭ. Ф. 4372. Д. 302. Л. 107–129, 131.
[18] Летопись Челябинского тракторного (1929–1945). М. : Профиздат, 1972. С. 231.
[19] РГАСПИ. Ф. 82.Оп. 2. Д. 885. Л. 51.
[20] Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы : СССР в первые послевоенные годы. М. : РОССПЭН, 2001. С. 122.
[21] Магнитогор. рабочий. 1941. 22 мая (Глезерман Г. О социалистическом принципе оплаты по труду).
[22] РГАЭ. Ф. 4372. Д. 302. Л. 107–112.
[23] Изв. советов депутатов трудящихся. 1945. 28 янв.; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 157. Л. 109; Изв. советов депутатов трудящихся. 1945. 28 янв.
[24] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 686. Л. 63–64.
[25] На защите экономической безопасности государства 1937–2007 / авт.-сост. Д. В. Смирнов, Л. Б. Коган. Челябинск : Книга, 2007. С. 85.
[26] Таблица составлена автором по данным: ОГАЧО. Ф. 234. Оп. 19. Д. 78. Л. 131–178.
[27] Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1914–1941 гг. М. : РОССПЭН, 2009. С. 157.
[28] Более подробно см.: Потёмкина М. Н. Протестные практики эвакуированных работников промышленных предприятий (1941–1945 гг.) // Трудовые отношения в условиях мобилизационной модели развития. Челябинск, 2010. С. 172–187.
[29] Москва прифронтовая. 1941–1942 гг. Архивные документы и материалы. М., 2001. С. 262–263.
[30] Москва военная : мемуары и архивные документы. М. 1995. С. 550.
[31] ОГАЧО. Ф. 234. Оп. 21. Д. 55. Л. 3.

Р. Е. Романов

РАЗВИТИЕ ТЕХНИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ ОБОРОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ ВОЕННО-ИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ (1941–1945 ГОДЫ)

Великая Отечественная война являлась одним из важнейших этапов ранней советской модернизации (конец 20-х – начало 50-х гг. XX в.), нацеленной на форсированное развитие тяжелой индустрии за счет мобилизации материальных и людских ресурсов. Максимального мобилизационного подъема экономика СССР достигла в первой половине 1940-х гг., что было связано с необходимостью укрепления обороноспособности страны в условиях напряженной борьбы с фашистской агрессией. Решение этой задачи осуществлялось посредством развертывания массового оборонного производства за счет изменения действовавшего и создания нового технологического потенциала. Речь идет о военно-индустриальной модернизации, то есть о развитии технологий для увеличения выпуска продукции для фронта. Война, охватившая огненным смерчем западные и центральные районы СССР, активизировала данный процесс на востоке страны, в том числе и в Сибири. Эвакуация и размещение в крае ста оборонных предприятий обусловили мобилизацию рабочих и инженерно-технических работников на налаживание и наращивание производства вооружения и боеприпасов. Од-

ним из аспектов этой мобилизации являлось распространение технического творчества в новых заводских коллективах, состоявших преимущественно из молодежи в возрасте до 25 лет. Освоение рационализаторского опыта позволяло юношам и девушкам не только успешно адаптироваться к сложным технологическим процессам, но и внести вклад в их оптимизацию и совершенствование.

В целом в отечественной историографии деятельность рационализаторов сибирского тыла рассматривалась в русле создания и развития в крае военно-промышленного производства. В советской региональной литературе преимущественно изучались мероприятия по переводу гражданских отраслей и предприятий на выпуск оборонной продукции, его налаживанию на эвакуированных заводах, внедрению поточного метода и механизации. В рамках этой тематики приводились отрывочные статистические данные и отдельные факты о реализации ценных рационализаторских предложений рабочих и ИТР, в том числе комсомольцев[1]. В современном историческом сибиреведении данные аспекты в основном освещались в контексте становления и развития оборонно-промышленного комплекса региона. В частности речь идет о формировании материально-технической базы, налаживании выпуска и улучшении качества военной продукции, совершенствованию технологических процессов, в том числе с помощью поточного метода и механизации. При этом для отражения вклада трудящихся в модернизацию оборонного производства в научный оборот вводились данные о количестве рационализаторских предложений и размере денежной экономии от их внедрения, обзорно рассматривались мероприятия по организации технического новаторства[2], а также его наиболее яркие примеры, имевшие место в среде кадровых и молодых рабочих[3]. Следовательно, в отечественной историографии проблема роли человеческого фактора в развитии технологий на военных заводах сибирского тыла остается еще недостаточно исследованной. Особенно это касается участия в выдвижении и внедрении новаторских идей рабочей молодежи, составлявшей большинство заводских коллективов региона. В связи с этим целью данного исследования является попытка показать ее вклад в рационализацию производственных процессов в условиях военного времени.

После начала войны важнейшим направлением экономической политики советского государства стало развертывание массового выпуска продукции для фронта в тыловых регионах СССР. Решающую роль в этом процессе играла оборонная промышленность, большая часть которой была перебазирована в восточные районы страны, в том числе и в Сибирь. В конце 1941 – первом полугодии 1942 г. на основе эвакуированного оборудования в крае были созданы около 70 военных заводов и расширены несколько действующих предприятий, также находившихся в ведении оборонно-промышленных наркоматов. В связи с вводом в строй этих производственных объектов возникла проблема налаживания сложных технологических процессов по изготовлению комплектующих частей и сборке различных видов вооружения и боеприпасов в условиях неразвитой инфраструктуры, слабой материально-технической базы, острой нехватки квалифицированных кадров и т. д. Несмотря на трудности, уже в середине – второй половине 1942 г. эвакуированным специалистам удалось провести первые мероприятия по сокращению числа производственных операций, внедрению конвейеров и потоков, упрощению и улучшению конструкций изделий, снижению расценок и увеличению норм выработки, сбору и внедрению рационализаторских предложений. Принятие данных мер вело к сокращению временных затрат на выпуск оборонной продукции и повышению производительности труда квалифицированных рабочих. Оно побуждало также кадровых производственников транслировать лучшие образцы индустриальной технической культуры в среду заводской молодежи, впервые пришедшей на предприятия.

Вопрос о начале распространения рационализаторского опыта среди юных рабочих Сибири в годы войны тесно связан со временем их включения в соцсоревнование, нацеленное на перевыполнение производственных заданий. Следует отметить, что на оборонных

предприятиях региона техническое творчество рабочей молодежи получило развитие еще в годы третьей пятилетки. В первом полугодии 1941 г. на заводе им. Чкалова было выдвинуто 1600 рационализаторских предложений, в том числе внедрено – 480, на комбинате «Сибметаллстрой» – 417 и 148[4]. Многие из этих инициатив принадлежали юным стахановцам и членам комсомольско-молодежных бригад. В первые месяцы войны состав рабочих кадров заметно изменился в связи с уходом значительной части опытных производственников в действующую армию и поступления на заводы юношей и девушек, не имевших специальностей и квалификации. Последние в сжатые сроки получали первоначальные технические навыки и приступали к самостоятельной работе. По мере введения в строй эвакуированных мощностей (конец 1941 – начало 1942 г.) комитеты комсомола ориентировали заводскую молодежь на повышение производительности труда за счет выполнения двух и более норм выработки. В этих условиях ее увеличение достигалось посредством наращивания скорости выполнения операций для сокращения времени на изготовление изделий. В начале 1942 г. на комбинате № 179 два восемнадцатилетних рабочих Нечай и Афонькин, работавшие в паре, увеличили число оборотов на станке. Пока один выполнял шлифовку деталей, другой готовил их к обработке. Благодаря техническому новаторству и слаженной работе юные шлифовальщики выполняли до десяти норм в смену. Еще более значительных производственных рекордов достигли некоторые молодые стахановцы завода им. Чкалова. Весной 1942 г. токарь Борис Зенков выполнил за одну смену 57 норм. С помощью изобретенных им приспособлений он обрабатывал каждую деталь за пять секунд вместо нормативных восьми минут. 3 августа 1942 г. на заводе № 153 слесари Быстров и Савенков за три часа выполнили работу, на которую полагалось 33 часа. Тысячники Зубов и Владимиров выполнили задание за 66 часов при норме в 1 тыс. часов[5].

Появление в оборонной промышленности сибирского тыла двухсотников, многосотников и тысячников, совершенствовавших технические операции, являлось одним из факторов зарождения движения рационализаторов и новаторов в среде рабочей молодежи. Этому способствовало также создание заводскими комитетами партии и комсомола бюро по рационализации и изобретательству (БРИЗ), осуществлявших сбор и внедрение новаторских инициатив. В 1942 г. на военных заводах Новосибирска было подано 8426 рационализаторских предложений, в том числе реализовано – 2519 (29,9 %) с экономией в 77,8 млн р.[6] Значительная часть из них родилась благодаря технической смекалке юных стахановцев и членов комсомольско-молодежных бригад. Например, молодые рабочие комбината № 179 Николай Шкондин и Петр Свириденко усовершенствовали обжимный станок, и он перестал производить холостые ходы. В результате выпуск изделий за минуту вырос с двух – трех до десяти, что позволило высвободить на участке семь работников и один станок[7]. Осенью 1942 г. на заводе № 652, размещенном в Кемерово, выпускница ремесленного училища Кужелева за счет увеличения скорости шлифовки деталей добилась повышения производительности труда в несколько раз. Если раньше шлифовщики, руководствуясь довоенными технологическими нормами, обрабатывали 18–20 деталей за смену, то после реализации ее новаторской инициативы – 75–80 штук[8]. Следовательно в начальный период войны среди молодежи, впервые поступившей на оборонные предприятия Сибири, появились первые стахановцы-рационализаторы. В это время они составляли лишь небольшую прослойку юных тружеников региона[9], основная масса которых еще не успела полностью адаптироваться к военному производству.

По мере создания отраслей сибирского оборонно-промышленного комплекса возникла проблема его дальнейшей интенсификации посредством широкого использования технологических рычагов. В 1943 – первом полугодии 1945 г. на военных заводах края активизировались мероприятия по совершенствованию материально-технической базы, оптимизации технологических процессов, улучшению качества продукции, экономии материалов

и рабочего времени и т. д. В это время особое внимание уделялось распространению поточной организации и механизации производства за счет массового внедрения конвейеров и прочих приспособлений, ускорявших сборку и перемещение изделий из одного цеха в другой, облегчавших выполнение операций по обработке тяжелых деталей. По инициативе ИТР осуществлялось сокращение производственных линий, внедрение новых технологий, способствовавших снижению трудоемкости изготовления и себестоимости продукции, временных затрат и количества рабочей силы, необходимых для ее выпуска. В этих условиях рационализаторство являлось неотъемлемой частью комплекса организационно-технических мероприятий, проводившихся с целью повышения производительности труда заводских коллективов.

Во второй период войны в связи с необходимостью наращивания производственных показателей движение рационализаторов в оборонной промышленности Сибири получило дополнительный импульс. В 1943 г. на военных заводах Новосибирска было подано 8121 рационализаторское предложение, в том числе реализовано – 3699 (45,5 %), в 1944 г. – 9945 и 4829 (48,6 %), в первом полугодии 1945 г. – 3833 и 1729 (45,1 %). Всего за два с половиной года благодаря деятельности новаторов было сэкономлено 251,9 млн р.[10] Большую роль в ее развитии продолжали играть юные стахановцы и ударники, число которых по сравнению с 1941–1942 гг. значительно возросло[11]. За годы войны на 18 предприятиях Новосибирска из 8372 предложений, выдвинутых рабочей молодежью, было внедрено 6843 или более 40 % всех осуществленных новаторских инициатив. Общая экономия от их реализации достигла 24 млн р. При этом анализ статистических данных свидетельствует о крайне неравномерном количественном распределении рационализаторских предложений между отдельными оборонными предприятиями. На заводе № 153 молодые рабочие внесли 5872 предложения (70,1 % всех рацпредложений), из которых в производство было внедрено 4929 (72,0 %) и в результате сэкономлено более 5 млн р. (более 20 % общей экономии в промышленности города). На комбинате № 179 реализация 945 новаторских инициатив (13,8 %) дала экономический эффект в размере почти 13 млн р. (54,0 % общей экономии)[12]. В целом по промышленности Новосибирска на одно рационализаторское предложение приходилось примерно 3500 р. экономии, в частности на заводе № 153 – 1014 р., на комбинате № 179 – 13710 р. Следовательно, быстрое внедрение значительного числа рацпредложений с точки зрения экономичности оборонного производства являлось малоэффективным.

В то же время технические инициативы, отличавшиеся детальной проработанностью на этапе их выдвижения, в итоге давали большой экономический эффект. «Комсомолка Соня Чулторова обычно не торопилась обнародовать новшество, десять раз проверит, посмотрит... Помню, только одно из внедренных ею предложений дало 24000 р. экономии»[13] – вспоминала бывший секретарь комитета комсомола томского завода «Манометр» Е. А. Ратникова. На красноярском заводе № 477 молодые рабочие Шурубура, Романов и Левин за счет усовершенствования производственных технологий добились экономии в 63 тыс. р. На заводе № 526 г. Сталинска стахановец Бодичев механизировал ручную подачу деталей. Реализация данного рацпредложения позволила молодому новатору обрабатывать за смену 2150 дисков вместо 430[14]. На новосибирском заводе им. Чкалова одним из талантливых рационализаторов являлся рабочий Михаил Кобец. В 1944 г. он предложил заменить сверловку деталей расточкой на токарном станке. Чтобы не производить переустановку оборудования и повысить качество продукции, стахановец изготовил переходное кольцо и метчик-развертку. Благодаря техническому новаторству молодой рабочий добился выполнения норм на 1100 % и получил почетное звание «тысячника»[15].

Важнейшей средой для зарождения и распространения рационализаторства, создававшего условия для финансовой экономии, являлось быстро развивающееся движение комсомольско-молодежных бригад[16]. За годы войны на комбинате № 179 инициаторами новатор-

ских идей стали около 800 членов этих передовых коллективов, составлявшие более 80 % рационализаторов в возрасте до 25 лет[17]. Часто ведущее место в рационализаторском движении занимали бригадиры, являвшиеся лучшими стахановцами и ударниками. В 1943 г. на красноярском заводе № 4 руководитель фронтовой бригады Валентина Карачина предложила заменить обработку детали на револьверном станке штамповкой. Внедрение этого предложения позволило высвободить один станок и сэкономить 7 тыс. р.[18] В 1944 г. на барнаульском заводе № 77 бригада шлифовальщиков под руководством Марии Гавриловой стала применять шлифовальные круги, соответствовавшие длине обрабатываемых деталей. Экономия от внедрения рационализаторского предложения составила около 10 тыс. р. в год. Рабочее время, затрачиваемое на шлифовку изделия, сократилось с 61,8 до 33,7 мин. Благодаря этому бригада повысила производительность труда на 48 %[19]. В четвертом квартале 1944 г. на омском заводе № 166 в ходе недели технических рекордов комсомольско-молодежные бригады подали 18 рационализаторских предложений, общая экономия от реализации которых составила 31291 р.[20] Их внедрение привело к увеличению показателей производственной деятельности предприятия, что позволило его трудовому коллективу выполнить задание Государственного Комитета Обороны и завоевать в соцсоревновании второе место по Наркомату авиационной промышленности.

В конце 1944 г. в комсомольско-молодежных бригадах оборонных предприятий Сибири стал внедряться также метод уральского новатора Егора Агаркова, трудившегося на Кировском танковом заводе. Он заключался в объединении двух небольших бригад, работавших на смежных операциях, в одну комплексную с целью повышения производительности труда. Например, в Красноярске на заводе № 703 опыт Е. Агаркова использовался для совершенствования технологии производства и изменения организационной структуры коллективов рабочей молодежи. После слияния отдельных бригад и переоборудования станков вместо одной операции по обработке детали они могли выполнять две или три операции. Данные мероприятия позволили повысить производительность труда в бригадах на 15–20 %[21]. На заводе № 4 впервые агарковский метод заимствовала бригада Ивана Волкова. По предложению бригадира данный коллектив объединился с бригадой Самохвалова, занимавшей обработкой той же детали. В итоге все смежные работы были сосредоточены в одной бригаде, что позволило высвободить трех работников и увеличить нормы выработки с 200 до 350 %[22]. В Новосибирске на заводе № 153 инициатором внедрения почина Е. Агаркова стала стахановка Сидорова, благодаря которой в ходе слияния двух коллективов на другие операции были направлены два рабочих. К 1 мая 1945 г. на предприятии этот передовой опыт освоили 4 мастерских, 14 цехов, 35 участков и 129 бригад. В целом по городу он применялся на 17 заводах, на которых были высвобождены 1650 рабочих, 464 ИТР и 109 бригадиров[23]. Следовательно, в конце войны агарковское движение стало широко распространенным явлением в оборонной промышленности Сибирского региона.

Таким образом, в военные годы основной формой технического творчества рабочей молодежи оборонных предприятий Сибири являлось ее активное участие в рационализации отдельных технологических процессов с целью увеличения выпуска вооружения и боеприпасов. Зародившись в оборонно-промышленном производстве края в период третьей пятилетки, движение рационализаторов получило интенсивное развитие в связи с форсированным развертыванием его отраслей в годы войны. Значительный вклад в формирование и реализацию новаторских идей, ускорявших изготовление необходимых изделий для действующей армии, внесли юноши и девушки, впервые вставшие к заводскому станку. Во втором полугодии 1941–1942 гг. их роль в выдвижении и внедрении новых технических инициатив была невелика, что обуславливалось низкой долей передовиков производства в составе молодых рабочих. В 1943 – первом полугодии 1945 г. она существенно возросла в связи с увеличением на военных заводах удельного веса юных стахановцев и членов ком-

сомольско-молодежных бригад, рассматривавших рационализаторство как эффективный способ повышения производительности труда и достижения денежной экономии. К концу войны новаторская деятельность стахановской молодежи приобрела большое значение с точки зрения выполнения государственных планов по выпуску продукции для фронта. В целом она являлась одним из важных элементов военно-индустриальной модернизации, направленной на оптимизацию и совершенствование технологий оборонного производства сибирского тыла.

Примечания

[1] Васильев Ю. А. Сибирский арсенал. 1941–1945 гг. Свердловск, 1965; Акулов М. Р. Промышленное развитие Сибири в годы Великой Отечественной войны. Ставрополь, 1967; Докучаев Г. А. : 1) Сибирский тыл в Великой Отечественной войне. Новосибирск, 1968; 2) Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. М., 1973; Подвиг земли богатырской. Новосибирск, 1970; Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1984.

[2] Шумилов В. Н. Создание оборонной промышленности Новосибирской области. Новосибирск, 2000; Шуранов Н. П. Создание оборонной промышленности Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Кемерово, 2004; Савицкий И. М. Важнейший арсенал Сибири: Развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2005; Шевченко В. Н. : 1) Создание оборонной промышленности Красноярского края в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Красноярск, 2005; 2) Сибирский арсенал Победы. Становление и развитие оборонной промышленности Сибири в годы Великой Отечественной войны. Красноярск, 2008.

[3] Новосибирский арсенал. Новосибирск, 2005.

[4] Савицкий И. М. Важнейший арсенал Победы... С. 420.

[5] Совет. Сибирь. 1942. 24 апр.. 10 мая.

[6] Савицкий И. М. Важнейший арсенал Победы... С. 420.

[7] Новосибирский арсенал. С. 27.

[8] РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 1. Д. 55. Л. 123.

[9] В конце 1942 г. среди рабочей молодежи Новосибирской области доля стахановцев-двухсотников, многосотников и тысячников, составлявших основной костяк рационализаторов, достигала 6,7 % – ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 962. Л. 87.

[10] Савицкий И. М. Важнейший арсенал Победы… С. 421.

[11] В середине 1944 г. среди рабочей молодежи Новосибирской области доля стахановцев-двухсотников, многосотников и тысячников, составлявших основной костяк рационализаторов, достигала 25 % – ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 764. Л. 72.

[12] РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 282. Л. 63.

[13] Ратникова Е. А. Юность комсомольская моя // «Все для фронта, все для Победы!» : сб. воспоминаний тружеников тыла. Новосибирск, 1985. С. 57.

[14] РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 109. Л. 53; Д. 260. Л. 41.

[15] ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 912. Л. 35.

[16] С 1 января 1943 по 1 января 1945 г. число комсомольско-молодежных бригад на военных заводах Новосибирска выросла с 297 до 1986, число занятых в них – с 1152 (2–3 % юных рабочих) до 12966 (30–35 %) чел. См.: Савицкий И.М. Важнейший арсенал Сибири... С. 418–419.

[17] РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 282. Л. 63.

[18] ГАКК. Ф. П-1474. Оп. 3. Д. 796. Л. 7.

[19] РГАЭ. Ф. Р-8752. Оп. 1. Д. 506. Л. 76.

[20] РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 286. Л. 19.

[21] ГАКК. Ф. П-1474. Оп. 3. Д. 676. Л. 33.
[22] Там же. Д. 796. Л. 7.
[23] РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 282. Л. 42.

Н. В. Чернова

«ОНИ ОЖИДАЛИ, ЧТО НАЙДУТ РАБОТУ И ЖИЗНЕННЫЕ БЛАГА…»: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕБЫВАНИЯ НЕМЕЦКИХ РАБОЧИХ И СПЕЦИАЛИСТОВ В СТРОЯЩЕМСЯ МАГНИТОГОРСКЕ

История города Магнитогорска долгое время сводилась к общему и часто поверхностному изучению проблем металлургического комбината и сопутствующих его деятельности производств. Особенности проектирования, строительства, развития и жизни города оставались вне исследовательского поля. Лишь в последние годы, в силу развития отечественной исторической науки и популяризации тем антропологической истории, истории повседневности, психологических подходов в исторической науки, тема Магнитостроя стала звучать несколько иначе. Исследователей начали интересовать в большей степени люди, нежели производственные мощности комбината, город, а не промышленный гигант. Актуальными стали проблемы взаимодействия человека и новой техники, выживания магнитостроевцев в экстремальных жизненных и производственных условиях, мобилизации человеческого фактора для интенсивного освоения достижений индустриализации.

Строительство Магнитогорского металлургического комбината, начатое на рубеже 1920–1930-х гг., потребовало мобилизации всех ресурсов Советского Союза, в том числе и человеческих. В техническом плане их оказалось недостаточно, т. к. бывшие еще вчера крестьянами отечественные строители не могли в полной мере совладать с новой техникой и технологиями. Им нужны были учителя. Среди многих наставниками магнитостроевцев выступили также и немецкие специалисты и рабочие.

Исходя из фондов Магнитогорского городского архива, можно утверждать, что за весь период пребывания иноспециалистов и рабочих в Магнитогорске на ведущей стройке первой пятилетки пребывало около 800 человек[1]. Среди них значительную долю составляли немецкие специалисты, рабочие и их семьи[2]. Отдельно хочется отметить тот факт, что объединяла указанную группу магнитостроевцев их национальная принадлежность. В то время как подданство многих разнилось. В частности, среди немцев помимо непосредственно граждан Германии числились также подданные Чехословакии, Австрии, США и т.д. К тому же, часть немцев, граждан Германии, нередко указывали в качестве государственной принадлежности какую-либо германскую землю. Так, в Магнитогорске можно было встретить подданных Саксонии или Пруссии. Главным мотивом, который побуждал немцев приезжать в Магнитогорск, было отсутствие работы в Германии. Так, в личной карточке Иосифа Карась значилось, что он уже два года числился на родине безработным[3].

Профессиональная палитра немецких рабочих была весьма пестрая: от именитых архитекторов и инженеров до средних рабочих, шоферов, музыкантов и поваров. При этом не стоит забывать, что большая часть немецких подданных прибывали на Магнитострой со своими семьями: женами и детьми. Супруги иностранных рабочих были в большинстве своем домохозяйками. Впрочем, существовала категория немцев, которые стремились найти свою вторую половину в Советском Союзе. В частности, в Магнитогорске проживал некий Отто Колла, который был женат на гражданке СССР с Северного Кавказа Мире Колла[4]. Хотя, подобные браки были скорее исключением, нежели правилом. В особом порядке решался вопрос о въезде на территорию Советского Союза и города Магнитогорска в частности невест[5]

рабочих/специалистов и других родственников, не попадающих под определение «семья». Казалось бы, изначально личный вопрос переезда семьи в Магнитогорск также носил экономические особенности, которые заключались в том, кто будет оплачивать проезд семьи немецкого рабочего/специалиста на Магнитострой. В отношении этого в ИНО комбината существовала строгая инструкция: «…оплата проезда семьи производится только в тех случаях, когда работник проявил себя, как ценный для нашего производства»[6]. Таким образом, даже решение личных вопросов иноработников могло стать мобилизационным фактором в их деятельности.

С каждым прибывшим на Магнитострой иностранцем заключался трудовой договор. Последний мог быть коллективным или индивидуальным, заключенным непосредственно со специалистом/рабочим или с фирмой, его командировавшей.

В договоре предусматривались следующие обязательные пункты. Прежде всего, четко оговаривались сроки пребывания инорабочего/специалиста в Магнитогорске. Чаще всего трудовые отношения между иностранцем и работодателем устанавливались на один[7], иногда на два[8] или три[9] года. Хронологически договор вступал в силу с момента выезда работополучателя к месту работы. Если существовало какое-либо предположение о дальнейшем пребывании иностранца на территории строящегося города, то делались соответствующие оговорки о возможном продлении трудовых отношений. Кроме того, предельно конкретно указывалась специальность (или «работы»), по которой должен был трудиться приезжий. При этом прописывалась не только должность/профессия, но и реальные обязанности работника[10]. Например, «выполнение слесарных работ на строительстве Магнитогорского завода»[11], «Роботополучатель поступает на службу Работодателю в качестве машин. мастера, в частности к его обязанностям относится починка и монтаж строймашин»[12] и т. п.

Следует отметить, что у советской стороны не было уверенности в достаточной квалификации приезжавших на Магнитострой немцев. В связи с этим в 1931г. в договор был включен пункт, в котором говорилось: «Служащий соглашается на испытательный срок, продолжительностью один месяц, начиная со дня вступления его на службу…»[13]. Показательно, что спустя год указанный пункт договора трактовался уже следующим образом: «Первые 3 месяца работы, считая со дня начала работы Работополучателя в СССР, являются для работополучателя испытательными. В течение этого срока Работодатель вправе аннулировать настоящий договор без предупреждения с выплатой компенсации в размере двухнедельного оклада жалования и стоимости обратного проезда»[14]. Как видно, с течением времени прецедентов несоответствия немецких «учителей» своим профессиональным качествам становилось больше, что и заставляло магнитогорские власти адекватно реагировать.

Еще одним пунктом, свидетельствующим об осторожности представителей СССР при найме немецких рабочих, были данные о состоянии здоровья работополучателя. В частности в 1932 г. в договоре Карла Бадак значилось: «Работодатель вправе подвергнуть работополучателя медицинскому освидетельствованию через своего врача в Германии. Работополучатель отвечает за правильность сведений о состоянии его здоровья, даваемых им при медицинском осмотре. В случае признания работополучателя по состоянию здоровья непригодным к выполнению возложенных на него обязанностей, договор считается не вступившим в силу и в том случае, если его утверждение в порядке § 28 – уже последовало. И в этом случае стороны никаких претензий друг к другу иметь не могут. Стоимость проезда не возмещается»[15]. Данный пункт был типичным для подобных договоров и присутствовал практически во всех соответствующих документах. Указанная предосторожность была вызвана условиями труда в Магнитогорске, где климат и обстоятельства проживания населения были достаточно суровыми, а также эпидемиологической ситуацией, сложившейся в строящемся городе. К тому же были прецеденты, когда на стройку прибывали люди с заболеваниями дыхательных путей и туберкулезом. Так, полна негатива записка начальника АХУ комбината Иоффе, отправленная

на имя ИНО НКТП Биренцвейга, т. к. в Магнитогорск был откомандирован политэмигрант Ингвер, «без профессии, без знания русского языка, да к тому с больной женой (туберкулез второй стадии), которая должна приехать к нему в Магнитогорский климат»[16].

Помимо обязанностей инорабочего/специалиста оговаривались и обязательства нанимателя. Так, Магнитострой «принимал на себя оплату расходов по доставке рабочих к месту работ»[17]. При этом предприятие четко оговаривало все пункты предстоящих расходов: «а) фактическая стоимость жел. дор. билета или билета по иным путям, в жестком вагоне без плацкарты; б) провоз инструментов – багажа оплачивается в пределах 40кгр. За счет магнитостроя по предъявлению рабочим (рабочими) документа жел. дороги, или пароходства в том, что багаж действительно отправлен с указанием в них суммы взысканных расчетов; в) проезд по грунтовым дорогам в размере 15 коп. за километр с одного человека»[17]. Были и другие варианты оплаты дорожных расходов: «Приглашаемому Б. Кольб возмещаются расходы по проезду его из Москвы к месту работы путем оплаты стоимости: а) жел. дор. билета 3-го класса, как для него, так и для членов его семьи (жены и детей). б) провоза багажа […] а также в) выплаты ему суточных с момента выезда из Москвы по прибытию к месту работы из расчета шесть руб. 30 коп. в день (средний месячный заработок, деленный на 30). Провоз инструмента, находящегося при рабочем оплачивается по фактической стоимости»[18]. Кроме того, работополучателям оплачивались суточные, размер которых был дифференцирован и варьировался в размере от 2 до 4 р. Из вышеперечисленного видно, что руководство металлургического предприятия было заинтересовано в иностранных специалистах, не только в их знаниях и умениях, но и в их инструментах; в то же время магнитогорские наниматели всячески экономили, стараясь сберечь выделяемые государством средства.

Обсуждались в договорах и условия пребывания немецких рабочих в Магнитогорске. В частности, строго по протоколу были описаны коммунальные условия и варианты оплаты за проживание. Чаще всего иностранному рабочему предоставлялось «жилое помещение в общежитиях на равных условиях с советскими рабочими данного предприятия (для 2–3 холостяков предоставляется одна комната, для женатых – одна комната)». Оплата коммунальных услуг «производится на равных основаниях с рабочими гр. гр. в СССР по существующим нормам». Другими словами, если на предприятии, где работал немецкий рабочий, помещение и коммунальные услуги всем предоставлялись за счет предприятия, то и с него плата не взималась. И наоборот, если все рабочие платили за предоставленное работодателем жилье, то и иностранец оплачивал коммунальные затраты на равных со всеми условиях[19].

Впрочем, трудовые договоры заключались руководством Магнитогорского металлургического комбината не только с индивидуальными нанимателями, но и с артелями рабочих[20]. Например, коллективный договор в 1931 г. был заключен с Всесоюзным Рабочим Союзом Металлистов СССР. В этом случае индивидуальные трудовые договора артельщиков или членов союзов носили статус дополнительного соглашения[21].

Впрочем, следует оговориться, что не все немцы прибывали в Магнитогорск по договору. Чаще всего это были иностранцы, откомандированные из Москвы, владеющие русским языком и востребованной специальностью. Примером может стать Иосиф Карась, которого командировали в Магнитогорск в июле 1938 г. в качестве разметчика (шаблонировщика) в Шаблонировочное бюро[22]. Кроме того, без договора на Магнитострой приезжали политэмигранты, командированные ЦК МОПРа[23], и военнопленные, осевшие в советском государстве с 1916 г.[24], а также рабочие по визе Интуриста. С последними категориями работников у администрации Магнитостроя возникало больше всего проблем, т. к. они приезжали без предварительных договоренностей. В силу нерешенности жилищного вопроса и безнадобности подобных «специалистов» руководство комбината отправляло их обратно в Москву[25].

Говоря о немецких специалистах и рабочих, трудившихся в Магнитогорске, следует отметить, что доля высококвалифицированных мастеров среди них была крайне мала. Основ-

ную часть составляли профессиональные рабочие со значительным стажем работы. Именно они и помогали советским мастерам осваивать новые производства.

Однако немецкие специалисты не всегда справлялись с возложенными на них обязательствами. Среди ряда действительно опытных профессионалов встречались и те, которые «не справлялись с должностью мастера»[26]. Причин тому могло быть несколько. Во-первых, действительное несоответствие должности квалификации работника. Во-вторых, банальное незнание русского языка[27], в связи с чем иноспециалист мог достойно выполнять собственную работу, но не имел возможности научить своему ремеслу русских рабочих и уж тем более ему было крайне сложно осуществлять роль бригадира или мастера. Языковой барьер препятствовал быстрой ассимиляции, ставило преграду в общении с советскими коллегами как на работе, так и в быту. Однако к особо значимым специалистам приставлялся переводчик, получающий отдельную заработную плату[28]. Кроме того, чтобы устранить языковую преграду, руководство металлургического комбината всячески привлекало иностранцев на занятия по изучению русского языка. В-третьих, индивидуальные качества иностранца: «небрежное отношение к работе»[29], безынициативность, инфантильность и т. д. Так, из характеристики, данной Юлиюсу Розину, следует: «Сначала к работе относился хорошо, т. е. все поручаемые ему работы выполнялись хорошо, добросовестно и аккуратно. За последние два месяца за тов. Розин Ю. следующие замечания: 1. Стал симулировать от работы и рвачески стал вообще относиться к работе, стал хитрить…»[30]. Аналогичное поведение демонстрировал машинист электрокрана политэмигрант Вальтер Самайт, которого руководство Механического цеха вынуждено было «уволить как прогульщика»[31]. В качестве личных характеристик для немцев не была чужда и чисто, казалось бы, русская черта: тяга к алкоголю. Например, вальцовщик Бернард Кольб в 1931 г. работал в качестве монтера по монтажу в Железомонтажном цехе. Причем работодатель отмечал, что он «работать умеет – знает свое дело». В то же время «частая пьянка отражалась на работе, общественной работой не интересовался». Вследствие чего его «за пьянку и дебош» уволили, но, в виду отсутствия специалистов, приняли в Энергострой[32].

Впрочем, для подобных трансформаций на Магнитострое часто были веские причины. Прежде всего, немецкие рабочие и специалисты в Магнитогорске сталкивались с непонятным для них жизненным укладом. Данное понятие состояло из многочисленных аспектов. В первую очередь, это объективные составляющие: погода, другая еда, другой язык и т. д. Во-вторых, субъективные факторы, во много раз усиливающие и без того чуждую для немцев среду: бытовая неустроенность, отсутствие необходимых продовольственных и промышленных товаров, специфические условия работы, отношения с советскими коллегами и т. д. Кстати, отношение иностранных специалистов и рабочих к своему месту работы и условиям работы нередко претерпевало негативную эволюцию. Так, изначально, заполняя анкету, большинство приезжих отмечало свою удовлетворенность рабочим местом. Однако со временем между работником и работодателем начинал развиваться конфликт. Например, иноспециалист Рихард Хербст обратился в ИНО комбината со следующей запиской: «Время, установленное калькуляцией, никоем образом не соответствует нормальному ходу производства, т. к. калькуляция не включила время, необходимое для установки машины, получение инструментов и т. д. Имеются случаи, когда русские товарищи были оплачены куда большим временем за те же самые работы в сравнении с немецкими товарищами. Калькуляция не является достаточно техническою. Например, рассмотреть поданную мною жалобу РКК относительно калькуляции могут лишь специалисты с многолетним стажем. Калькуляция произведенных работ должна останавливаться (определяться) на основании картотеки»[33].

Говоря об экономическом пребывании иноспециалистов на Магнитострое, следует учитывать тот факт, что большинство иностранцев стремились получать заработную плату в

привычных для себя денежных знаках, т. е. в валюте. Однако экономическое положение Советского Союза, нацеленное на накопление валютных средств, не предполагало наем иностранных граждан на условиях выплаты им зарплаты в валюте. Именно поэтому в договорах иноспециалистов отдельным пунктом прописывался вопрос выдачи заработной платы в рублях или в валюте. Существовали и более компромиссные ситуации: часть в рублях, а часть в валюте. Именно это разграничение немецких трудовых ресурсов на Магнитострое привело к тому, что появились два понятия: «валютный» и «безвалютный» специалист (рабочий). Роскошь платить зарплату в валюте советское правительство могло позволить себе лишь в отношении наиболее ценных, высококвалифицированных, дефицитных специалистов. Примером может служить ситуация с инженером-керамиком Альфредом Зейфертом. Дело в том, что первым предприятием, появившимся в Магнитогорске, был кирпичный завод, который должен был снабжать своей продукцией строившийся металлургический комбинат и зарождающийся город. Опытных специалистов-керамиков, естественно, не доставало. В этих условиях администрация Магнитостроя обратилась к Зейферту с предложением занять «должность Технического Директора Магнитогорского Кирзавода с окладом в 1200 р. в месяц»[34]. Помимо этого очень заманчивого оклада, Зейферту была обещана «2–3-хкомнатная квартира со всеми удобствами», что являлось еще большей роскошью. В ответ на это предложение Зейферт выдвигает встречное условие: «Я, к сожалению, не могу работать безо всякой валюты. В Москве мне обещали, что зарплата за отпускное время будет выплачена мне в валюте. Если это будет мне предоставлено, то я готов взять на себя руководство заводом и работать с интересом и энергией». Несмотря на заверения работать добросовестно, администрация Магнитостроя отказала Зейферту в работе: «требует валюты»[35], и выслала его назад в Москву. Наличествовал и еще один вариант выплаты ценному иностранному специалисту заработной платы без валютных средств. Он сводился к тому, что советская сторона отплачивала труд немецкого рабочего в советских рублях, а валюту он получал от фирмы, командировавшей его в Магнитогорск[36].

Менее притязательные иностранцы выражали свои претензии на получение валюты только при намерении выехать на родину или других критических случаях. При этом в качестве аргументов, подтверждающих обоснованность их прошений, они приводили каждый свои доводы. Например, собирающийся в отпуск в Германию Рихард Хербст, апеллируя в Наркомат тяжелой промышленности, жаловался, что у него «нет никакой валюты». Одновременно он сообщал: «…я думаю, что я заработал эту валюту тем, что я сам изготовил здесь измерительные инструменты, которые должны были быть заказаны заграницей, и я тем дал экономию в валюте»[37]. Отказ в получении валюты или положительное решение вопроса о ее выдаче со временем также оформилось в способ мобилизации иностранцев. Так, Иностранный отдел Магнитостроя лично ходатайствовал пере московским представительством о выдаче «инорабочему Фибигер Бруно 5 ам. долларов в валюте, необходимых ему для пролонгирования своего американского паспорта в Консульстве САСШ в Москве», «исходя из положительной характеристики <…> Цехового треугольника»[38].

Впрочем, магнитогорские/советские власти не препятствовали в некоторых случаях инорабочим покупать валюту. Но позволялись такие вольности только при отъезде немцев в отпуск (с условием возвращения) на Родину: «Настоящей [справкой. – *Н. Ч.*] ИНО Магнитогорского комбината удостоверяет, что согласно отношения НКТП № 136538 от 16 сентября 1933 г. иноспециалисту ХЕРБСТ Рихарду разрешена покупка билетов за соввалюту для его поездки в Германию в отпуск и возвращения обратно в Магнитогорск, а также покупку 50 германских марок в связи с этой поездкой»[39]. Как видно, подобные решения принимались только по согласованию с Наркоматом тяжелой промышленности. В целом финансовые отношения между немцами и магнитогорским начальством были крайне тяжелыми и противоречивыми.

Экономическая дифференциация иностранных рабочих и специалистов проявлялась и в вопросах их снабжения продуктами питания и промтоварами. Большей частью иностранные

граждане на Магнитострое почти сразу прикреплялись к Инснабу. Для получения необходимых талонов требовалось лишь направление из ИНО комбината. При этом Инснаб удовлетворял нужды не только самих специалистов и рабочих, но и их семьи. Для получения необходимых товаров последними необходимо было основание: чаще всего свидетельство о браке (для жен) и свидетельство о рождении (для ребенка)[40].

Следует отметить, что положение иностранных рабочих в отношении обеспечения продовольствием и товарами первой необходимости в Магнитогорске было довольно шатким. За нарушение трудовой дисциплины или другой проступок они могли быть уволены[41] и, что еще более неприятно, сняты со снабжения Инснабом. Так, слесарь-инструментальщик Рихард Хербст был уволен администрацией Механического цеха ремонтного завода за прогул, а начальник ИНО комбината Цыпорин тут же ходатайствовал перед директором Магнитогорского отделения Инснаба о «снятии со снабжения иноспециалиста Хербст»[42]. Однако не только увольнение могло стать причиной потери льгот при снабжении. Остаться без должного обеспечения продуктами питания и промтоварами иностранец мог в случае «злоупотребления Инснабовской книжкой и манипуляций, которые не уступают спекуляции»[43]. Такой случай в апреле 1934 г. произошел с Рудольфом Вальтер. При этом в решение вопроса не вмешивались власти города и администрация комбината. Снять гражданина Вальтер с довольствия в Инснабе решено было на Товарищеском суде иностранных рабочих и специалистов Магнитогорска. Впрочем, подобным образом можно было лишить иноработника/специалиста инснабовской книжки лишь на ограниченный срок: в данном случае на 4 месяца[44]. Говоря о снабжении, следует отметить, что при отлучении от Инснаба иностранцы не только сами теряли возможность относительно нормального пропитания и получения необходимых промтоваров, но и обрекали на это же собственные семьи[45], которые прикреплялись к Инснабу только вместе с работающим на Магнитострое главой семьи[46].

Кроме того, экономическое положение иностранных специалистов и рабочих крайне осложнялось ввиду того, что багаж, высланный ими в Магнитогорск из Германии, прибывал в пункт назначения крайне «облегченным», а то и вовсе терялся в пути.

Отношения иностранцев и железной дороги заслуживают самостоятельного изучения. Дело в том, что из переписки инорабочих и специалистов и администрацией пермской и иных железных дорог и сопутствующей им документации можно увидеть не только все сложности прибытия иностранцев на Магнитострой, но и оценить их страхи, предположения и ожидания в отношении новой работы и места пребывания. Так как согласно трудовым договорам, заключенным магнитогорским комбинатом с инорабочими, последние могли провезти «багаж домашних вещей весом до 80 клгр. для самого рабочего и 40 кгр. для каждого члена семьи»[47]. Кроме этого, предполагалось (и крайне поощрялось), что рабочий/специалист привезет с собой необходимые в его работе инструменты. Как видно, багаж иностранца представлял неоспоримую и весьма увесистую ценность. Помимо этого, можно сделать вполне уместные выводы о том, что было дефицитом в Советском Союзе и пользовалось несомненным спросом. Так? в списках пропавших вещей нередко значились «белье, костюмы, пальто»[48], швейные машинки, музыкальные инструменты и т. п. Например, австрийский слесарь Франц Кочаб сообщал в ИНО комбината: «…что во время транспорта его багажа из Вены в Магнитогорск пропал его костюм стоимостью в 350 шиллингов»[49]. Доставка иностранных грузов, вернее, их недоставка, приобретали в Магнитогорске просто катастрофический характер.

При этом хочется отметить некоторую наивность иностранных граждан, которые по прошествии многих месяцев не только надеялись еще на то, что их вещи будут найдены, но и предписывали советским железнодорожным службам следующие действия: «В связи с сделанными мною ранее устными заявлениями Вам о неполучении мною из Магнитогорска багажного отправления с носильными вещами, отправленными из Германии в Магнитогорск я прошу в виду моего отъезда в Германию о принятии мер к тому, чтобы надлежащая посылка

была по нахождении ее в Магнитогорске, переслана в “Союзстандартстрой”, Москва Комсомольский п. 2, с тем, чтобы последний переслал посылку мне по месту моего жительства в Германию <…> как это предусмотрено моим договором»[50].

Проблема пропажи багажа в некоторых случаях приобретала международный характер, т. к. в его поиск и возвращение/возмещение вмешивалось германское посольство[51]. Но это было крайне редко, если дело касалось именитого специалиста. Однако и в этом случае проблема возвращения багажа или возмещения его стоимости могла принять крайне затяжной характер. Показательна в этом случае история немецкого инженера Вальтера Кейль, багаж которого прибыл уже после его отъезда из Магнитогорска и был получен неизвестным лицом. Несмотря на неоднократные обращения самого специалиста и Германского Консульства с вопросом выплаты 430 немецких марок за 30 кг багажа, решение вопроса затянулось более чем на два года. По прошествии двух лет помощник прокурора г. Магнитогорска Сепетова выдвинул следующее предложение: учитывая, что «дальнейшее выявление виновников утери или похищения багажа может иметь затяжной характер во избежание могущих быть неблагоприятных последствий, поскольку дело связано с иноспециалистом и даже имеет место вмешательство Германского Консульства, – полагал бы всю переписку направить Прокурору республики для принятия мер понуждения НКТ Пр. к немедленной оплате стоимости вещей Вальтер Кейль 430 марок и уведомив об этом германское Консульство»[52]. Как видно, багажная проблема для немецких рабочих/специалистов оборачивалась затяжным кошмаром.

Следует сказать, что пропажа багажа являлась не единственным способом наживы магнитостроевцев за счет иностранцев. Нередко вещи немецких «гастарбайтеров» пропадали и из их комнат. В виду этого в апреле 1932 г. в ИНО Магнитостроя обратились немецкие монтеры Канерт и Гаунт, которые «категорически требовали возмещения убытка». В противном случае они выдвигали встречный ультиматум: оставаться в Магнитогорске до окончательного решения их вопроса[53].

Зыбкой надеждой немецких рабочих/специалистов улучшить ситуацию со снабжением было получение посылок с родины. Однако и в этом случае их часто ждало разочарование, т. к. посылки подвергались той же участи, что и багаж. Кроме того, в советском государстве были установлены четкие рамки количественной составляющей посылки, а также существовали указания насчет допустимого ассортимента. Впрочем, и в случае посылок советское руководство нашло действенный рычаг мобилизации иностранцев.

Несмотря на все указанные выше трудности, часть немецких рабочих довольно успешно ассимилировались в магнитогорские условия работы. Помимо возложенных на них договором обязательств они включались в стахановское движение, вносили рационализаторские предложения, участвовали в покупке госаблигаций[54] и т. д. В характеристике любого инорабочего всегда стояла отметка о его участии в ударничестве. Причем это было знаком для лояльного к ним отношения, а также, в свою очередь, демонстрировало заинтересованность в работе самого иностранца. В частности отмечалось, что за работником не числилось «ни одного прогула», в то же время он «систематически перевыполнял производственную программу». Для большей убедительности цеховое начальство приводило соответствующие цифры: «ноябрь – 133 %, декабрь – 121 %, январь за I дек. – 150 % и за II – 133 % декаду января, что и подтверждает нарядчик»[55].

Магнитогорское руководство всячески стремилось поощрить лояльных к советской власти и ударно трудившихся немецких рабочих. В частности им выдавались путевки в санатории, дома отдыха, экскурсии и т. д. Например, в августе 1933 г. немецкому шаблонировщику Юзофу Карась была выдана путевка «для участия в организуемой ВЦСПС экскурсии-отдыхе по Волге по маршруту Горький – Астрахань – Горький для лучших ударников, рационализаторов и изобретателей из инoработников»[56]. В то же время следует привести выдержку из его характеристики, где указано, что он «к работе относится добросовестно, в

общественной работе не участвует, рационализаторских предложений было – одно»[57]. При этом у немецких рабочих, путешествовавших по Волге 22 дня, сохранялась заработная плата, которую начальник ИНО комбината обязал выплатить им цеховое начальство[58].

Специальное мотивирование иностранных рабочих/специалистов к внесению рационализаторских предложений и всевозможных инноваций объяснялось также пунктом трудового договора, согласно которому «изобретения и усовершенствования, сделанные работополучателем, во время действия договора, относящиеся непосредственно к кругу его обязанностей, Работополучатель обязуется без особого вознаграждения передать в Патентное Управление СССР на имя Работодателя для получения патента на это изобретение или усовершенствование»[59].

Таким образом, будучи несомненным мобилизационным ресурсом при строительстве металлургического комбината и города Магнитогорска, немецкие рабочие и специалисты сами подвергались стимулирующему воздействию советской индустриализации. Противоречивое чувство относительной стабильности и «свободы» после заключения трудового договора впоследствии оборачивалось не всегда финансово и морально удовлетворительным трудом в экстремальных климатических, социальных и политических условиях. К тому же в руках магнитогорских властей оказывались со временем окончательно оформившиеся действенные рычаги воздействия на иностранных рабочих, которые проявлялись в обеспечении сносным жильем, оплате коммунальных услуг, прикреплении к Инснабу и столовым самих рабочих и их семей, возможности привезти семью в Магнитогорск и оплата соответствующих расходов, льготы на ввоз посылок и т. д. и т. п. В зависимости от сложившейся ситуации советское руководство сначала училось использовать, а потом повсеместно применяло к немецким рабочим (реже специалистам) имеющиеся в арсенале мобилизационные механизмы, что в некотором роде также внесло свою лепту в строительство Магнитогорского металлургического гиганта в рекордные сроки.

Примечания

[1] Указать точное количество иностранцев, побывавших в Магнитогорске, очень сложно. Дело в том, что не все из них, упомянутые в архивном фонде, были рабочими. Кроме того, часть дел инорабочих/специалистов отсутствует, но о том, что они работали на строительстве металлургического гиганта, можно судить по другим делам. Например, в деле Вильгельма Хорша упоминается некий инженер-электрик Фергюссон, который не упоминается в 8 описи 99 фонда (Личные дела на иностранноподданых, работающих в управлении по строительству магнитогорского металлургического комбината).

[2] В автореферате диссертационного исследования А. В. Баканова «Иностранные рабочие и специалисты на предприятиях Челябинска и Магнитогорска (1929–1933 гг.)» (Челябинск, 2011) указывается, что в Магнитогорске трудилось «449 человек из Германии» (с. 15). Мы бы не стали озвучивать столь точную цифру, т. к. она соответствует механическому подсчету дел в 8 описи 99 фонда, против которых указано: «немец» или «немка». В то время как под этим наименованием скрываются рабочие/специалисты, их жены и дети. Целый ряд дел немцев, работавших в Магнитогорске, в архивном фонде МУ «Магнитогорский городской архив» отсутствует, хотя их имена и фамилии встречаются на страницах архивных документов.

[3] МУ «Магнитогорский городской архив» (МУ МГА). Ф. 99. Оп. 8. Д. 248 (Личное дело Карас Иосифа). Л. 3.

[4] Там же. Д. 258 (Личное дело Колла Отто). Л. 43.

[5] Там же. Д. 65 (Личное дело Будак Карла). Л. 9.

[6] Там же. Д. 546 (Личное дело Рудат Отто). Л. 13.

[7] Там же. Д. 258. Л. 9; Д. 259 (Личное дело Кольб Бернарда). Л. 3; Д. 550 (Личное дело Ромберг Евгения). Л. 3.

[8] Там же. Д. 642 (Личное дело Хербст Рихарда). Л. 1.
[9] Там же. Д. 253 (Личное дело Кассель Карла). Л. 2.
[10] Там же. Д. 65. Л. 1.
[11] Там же. Д. 253. Л. 2.
[12] Там же. Д. 550. Л. 3.
[13] Там же. Д. 546. Л. 1.
[14] Там же. Д. 65. Л. 1; Д. 550. Л. 3 и др.
[15] Там же. Д. 65. Л. 4.
[16] Там же. Д. 241 (Личное дело Ингверт Альберта). Л. 2.
[17] Там же. Д. 253. Л. 2.
[18] Там же. Д. 259. Л. 3.
[19] Там же. Л. 4. Подробнее о территориальном расселении немецких рабочих и специалистов в Магнитогорске см.: Баженова А. Е., Чернова Н.В. «Райское житье. Оправдали бы заморские гости расходов» : жилищные перипетии иностранных специалистов и рабочих на Магнитострое // Проблемы российской истории. М. ; Магнитогорск, 2012. С. 379–389.
[20] МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 253. Л. 2.
[21] Там же. Д. 259. Л. 3; Д. 546. Л. 1–3.
[22] Там же. Д. 248. Л. 3.
[23] Там же. Д. 241. Л. 1; Д. 539 (Личное дело Росин Юлия). Л. 1; Д. 584 (Личное дело Самайт Вальтера). Л. 1.
[24] Там же. Д. 240 (Личное дело Иво Максима). Л. 3.
[25] Там же. Д. 241. Л. 2.
[26] Там же. Д. 642. Л. 21.
[27] Там же. Д. 241. Л. 2.
[28] Там же. Д. 272 (Личное дело Крамер Отто). Л. 5.
[29] Там же. Д. 642. Л. 21.
[30] Там же. Д. 539. Л. 4.
[31] Там же. Д. 584. Л. 11.
[32] Там же. Д. 259. Л. 6.
[33] Там же. Д. 642. Л. 25.
[34] Там же. Д. 230 (Личное дело Зайферт Альфреда). Л. 5.
[35] Там же. Л. 7.
[36] Там же. Д. 655 (Личное дело Хорш Вильгельма). Л. 5.
[37] Там же. Д. 642. Л. 27.
[38] Там же. Д. 682 (Личное дело Фибигер Бруно). Л. 6.
[39] Там же. Д. 642. Л. 15.
[40] Там же. Л. 21.
[41] Говоря об увольнении немецких рабочих, нельзя не упомянуть и о казусных ситуациях. Были случаи, когда немецкий рабочий или специалист был «громко» уволен и восстановлен на прежнее место работы (а иногда и с повышением в должности и окладе) (МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 642. Л. 26, 27) в течение нескольких недель. Подобные случаи характерны для 1933–1934 гг. и свидетельствовали о, скорее всего, о зависимости строительства магнитогорского металлургического гиганта от иностранных специалистов.
[42] МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 642. Л. 18.
[43] Там же. Д. 531 (Личное дело Рудольф Вальтера). Л. 50. В целом ситуация, сложившаяся на Магнитострое, заставляла иностранцев жить в согласии друг с другом. В некоторых случаях хорошие характеристики от «коллектива иностранцев» могли решить бытовые вопросы и проблемы снабжения (Там же).
[44] МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 531. Л. 50, 52–53, 54.

[45] Впрочем, даже снабжение при помощи инснабовской книжки редко удовлетворяло потребности иностранцев. Многие из них, особенно женщины, которым необходимо было кормить семьи, включая детей, жаловались на недостаток свежих фруктов, на то, что отпускаемые продукты из распределителя в несколько раз дороже, чем в Германии и т. п. (МУ МГА Ф. 99. Оп. 8. Д. 279 (Личное дело Краузе Августа). Л. 18 об.).
[46] Там же. Д. 642. Л. 16.
[47] Там же. Д. 259. Л. 3.
[48] Там же. Д. 244 (Личное дело Кайль Вальтера). Л. 9.
[49] Там же. Д. 271 (Личное дело Кочаб Франца). Л. 7.
[50] Там же. Д. 244. Л. 6.
[51] Там же. Л. 9.
[52] Там же. Л. 33 об.
[53] Там же. Д. 247 (Личное дело Каннерт Германа). Л. 4.
[54] Там же. Д. 236 (Личное дело Зацепфанд Эрнста). Л. 4.
[55] Там же. Д. 253. Л. 15, 10.
[56] Там же. Д. 248. Л. 7.
[57] Там же. Л. 6.
[58] Там же. Д. 258. Л. 24.
[59] Там же. Д. 225 (Личное дело Елинок Рудольфа). Л. 4.

В. К. Шрейбер

КАПИТАЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ И КАПИТАЛ СОЦИАЛЬНЫЙ: МЕТАФОРА ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Введение, или Как образование перестает быть капиталом

Учиться, учиться и учиться …
(из речи В. Ленина на III съезде Комсомола)

Оценка эффективности вложений в человека и поиск методик её определения – центральная тема множества статей с начала 60-х прошлого века. Проблема вошла в сферу исследовательских интересов с началом нового витка научно-технической революции и, как тогда говорили, мирного соревнования социалистического и капиталистического лагерей. Результаты тех изысканий до сих пор используются при определении оптимального распределения ресурсов между сферой образования и другими отраслями общественного производства. Причем пишущие на эту тему и наши, и за рубежом равно полагали, что образование, повышая культурный уровень населения, является одним из ключевых факторов экономического роста. Это убеждение получило своё выражение в документах Европейской Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР): человеческий капитал есть «сочетание (aggregation) инвестиций, таких как образование и профессиональная подготовка, которые способствуют увеличению продуктивности индивидов на рынке труда»[1].

Несмотря на то, что тогда у нас выпускались специалисты и кандидаты наук, а не бакалавры и магистры, уровень российского образования даже в начале 90-х и, соответственно, качество человеческого капитала отвечали международным образовательным нормативам и требованиям. Сопоставление России с другими развитыми странами по показателям Международной классификации образовательных стандартов (*International Standard Classification of Education)* позволяло отнести нашу систему образования к самым эффективным. Об этом говорят данные исследования, проведенного подразделением

OECP – Центром изучения образования и инноваций (*The Centre of Educational Research and Innovation*).

Если сравнить показатели образованности взрослого – от 25 до 64 лет – населения восьми стран развитой зоны, то обнаруживается, что Россия отличалась минимумом тех, кто не имел полного среднего образования, чуть-чуть уступая в мировом рейтинге Соединенным Штатам. По количеству лиц с высшим образованием (42 %) она тоже стояла на втором месте после Канады с её 47 %. Мы также занимали вторую позицию по числу лиц с университетскими дипломами; 20 % против 25 североамериканских. По всем этим показателям наша страна была далеко впереди Польши и Чехии, которые, как и мы, испытывали тогда все прелести перехода от централизованной экономики к рынку.

Таблица 1

Образование населения (от 25 до 64 лет) ряда развитых стран в 1995 (в %)

Страна	Начальное и неполное среднее	Среднее и специально-техническое	Неуниверситетское высшее (третичное)	Университет
Россия	16	42	22	20
США	14	53	8	25
Канада	25	28	30	17
Германия	16	61	10	13
Швеция	25	46	14	14
Великобритания	24	54	9	12
Чехия	17	72	-	11
Польша	26	61	3	10

Источник: Cheidvasser S., Benitez-Silva H. The educated Russian’s curse : returns to education in the Russian Federation during the 1990s. // Labour. 2007. Vol. 21, No. 1. P. 6.

Достаточно высоким было и качество школьного обучения. Российские уровни образования соответствовали уже упомянутой международной классификации стандартов образования (ISCED). Индикатором могут быть результаты тестирования наших ребят в ходе международной проверки качества образования по математике и естественным наукам, которое проводилось в 1999 г. Тесты были стандартными, и в проекте участвовало более сорока стран. Учащиеся российских школ стабильно демонстрировали более высокие баллы, нежели американские школьники, а по количеству баллов, набранных в самой трудной части заданий, они вообще были лучшими[2].

К сожалению, все это в прошлом. Сегодня ситуация сильно изменилась.

Отказ от централизованного планирования и сдвиг экономики в сторону использования рыночных механизмов сказался на российской образовательной системе не лучшим образом. Вопреки обещаниям реструктуризация не устранила ни низкой оплаты учительского труда, ни нужды в совместительстве. Правовая беспомощность преподавателей перед администрацией не только не ослабла, но даже усилилась. Учебные заведения всех уровней страдают от недостатка инвестиций и противоречия между формальной регламентацией и требованиями реальной жизни. Для вузов самыми заметными следствиями вхождения в рынок явились ослабление координирующей роли министерств и замена скромных институтских вывесок на куда более престижные типа «университет» или «академия». Новые названия пестрят эпитетами «европейский», «американский» или «международный». Но, по ироническому замечанию одного из руководителей соросовской Программы по поддержке высшего образования в странах Восточной Европы, изменением вывески нередко все и заканчивается[3].

Превращение системы образования в сферу услуг усложнило воспитательную работу учебных заведений, привело к хаотическому росту числа вузов и филиалов и естественно поставило

вопрос об эффективности вложений в образовательную деятельность в целом. Образованных у нас теперь что называется «выше крыши», но, по оценке тех же Шнейдвассера и Бенитец-Сильвы, отдача от образования остается одной из самых низких в мире.

Но дело не только в том, что диплом и потребность в знаниях разделились.

На днях в поисках новых материалов по философии науки мне довелось заглянуть на сайт журналов издательства «Шпрингер» по техническим наукам[4]. Название статьи мне ничего не говорило – в глаза бросилось другое: авторы были россиянами. Из любопытства заглянул в список цитируемых работ: тридцать ссылок – на две трети русские фамилии, но только пять цитируемых работ опубликовано в России. Наверное, наше высокое начальство не слишком озабочено состоянием нашей горнодобывающей промышленности; она, похоже, не вписывается в прокламируемую модернизацию и упор на развитие нанотехнологий. Но почему эта тематика интересна для ничуть не менее продвинутых чехов и тех же немцев? Может быть, дело вовсе не в практической бесперспективности работ отечественных химиков, но в чем-то ином, – а именно в нашей исконной традиции небрежения собственными талантами, тем, что в современной экономической и социологической литературе получило название человеческого капитала? А может быть, тут действуют какие-то иные факторы?

Капитал, как известно, есть социальное отношение. Чтобы деньги стали капиталом, нужна частная собственность, свободная рабочая сила, развитая структура потребностей, разделение труда, конкуренция и рынок. Все эти компоненты, обрамляя процесс производства вещей и – шире – потребительных ценностей, образуют то, что экономисты называют капиталом. Имеет ли смысл говорить о человеческом капитале как особом виде капитала наряду с капиталом промышленным, финансовым или торговым? И если он есть, то чем, собственно, он отличается от рабочей силы? В экономической литературе этот вопрос с перерывами обсуждается не один десяток лет. Не менее дискуссионной является идея социального капитала. При её экспликации обращаются к понятиям доверия, ожиданий, верности взятым на себя обязательствам и другим феноменам подобного же порядка. По существу речь идет о нравственной стороне человеческих отношений. Мораль действительно вездесуща; обслуживает она и экономические трансакции. Но зачем хорошо известные и работающие концепты дополнять или заменять каким-то нововведением? Неким неологизмом? Эти вопросы послужили основанием для размышлений, предлагаемых ниже.

В статье предлагается обсудить, что такое человеческий капитал, при каких условиях те или иные творческие или специальные способности и умения человека становятся капиталом и как этот вид капитала связан с ещё одним капиталом внеэкономического происхождения – капиталом социальным. Начнем мы с обсуждения того, что подразумевается под понятием человеческого капитала.

Человеческий капитал

Когда рассуждают о человеческом капитале, то обычно имеют в виду мастерство и знания работника, которые позволяют ему производить материальные ценности. Именно так понимается рассматриваемый концепт в уже упомянутом докладе ОЭРС 1998 г.: человеческий капитал есть «совокупность всех атрибутов, воплощенных в индивидах, которые имеют отношение к экономической деятельности»[5].

Одна из ранних попыток выразить достоинства человеческого индивида в денежной форме восходит к концу XVII столетия и творчеству Уильяма Петти – сыну суконщика, добившемуся благодаря своей энергии и уму звания рыцаря, и, по аттестации Маркса, «отцу политической экономии и в некотором роде изобретателю статистики».

В основу первой своей экономической работы «Трактат о налогах и сборах» Петти кладет представление, что источником процветания страны является труд. Соответственно, у него по-

лучается, что стоимость товаров определяется количеством и качеством содержащегося в них труда. Отсюда, вообще говоря, открывалось две возможности последующих концептуализаций.

Первая дорожка шла в направлении поиска наиболее общих сущностных характеристик труда и разработки качественных и, если угодно, типологических его различий, которые существуют независимо от отношений собственности. Вторая состояла, напротив, в устранении всех этих качественных различий путем их сведения к простому, а точнее к абстрактному труду. Поскольку Смита, Риккардо и Маркса интересовали общие механизмы функционирования буржуазного способа производства, то есть его структурные характеристики, они пошли по второму пути, который завершился разработкой понятий конкретного и абстрактного труда и открытием закона прибавочной стоимости. В отличие от них сэр Уильям остается на развилке.

Никакой развитой теории у Петти ещё нет. В «Политической арифметике» он высказывает гениальные интуиции, опираясь на стремление «употреблять только аргументы, идущие от чувственного опыта, и рассматривая только причины, имеющие видимые основания в природе. Те же, которые зависят от непостоянства умов, мнений, желаний и страстей отдельных людей, я, – пишет Петти, – оставляю другим»[6]. Он, другими словами, – приверженец эмпирического метода. И как таковой он видит, что труд должен включаться в любую оценку национального богатства.

Принцип стоимостной оценки работника вырос из интереса Петти к государственным финансам. Идея человеческого капитала применяется им для решения совершенно конкретных проблем: увеличения налоговых поступлений, оценки экономической мощи Англии или человеческих потерь в результате военных действий, экономических последствий миграции. Сэр Уильям оценивает запас человеческого капитала путем возможной капитализации фонда заработной платы в бессрочные ценные бумаги при среднерыночной ставке получаемого процента. Фонд заработной платы он определяет как остаток от вычитания доходов от недвижимости (по существу основных фондов) из совокупного национального дохода. Хотя Петти не принимал во внимание расходов на производство работника до капитализации, им была предложена хорошая аппроксимация для определения реального богатства страны. Но его метод не годился для учета различий человеческого капитала по возрасту, полу и социально-экономическому положению.

За столетия после Петти в науке сложились два основных подхода к оценке тех человеческих качеств, которые способствуют увеличению благосостояния. Один из них – он представлен у Петти – опирается на идею капитализированного фонда заработной платы (*the capitalized-earnings procedures*). Другой – на понятие издержек производства (*the cost-of-production method*) и предполагает оценку реальных расходов на «производство» человеческой жизни, сводимых обычно к стоимости средств существования. При первом подходе ценность индивида отождествляется (или, по крайней мере, сближается) с совокупным размером всех денежных сумм, заработанных на протяжении жизни. Современная статистика предлагает сравнительно точные процедуры стоимостной оценки индивида или населения страны в целом. Но, по сути, они остаются вариациями на тему какого-либо из этих двух подходов.

Заметным шагом на пути разработки метода определения человеческой стоимости путем капитализации заработков явилась статья Уильяма Фарра «Беспристрастное налогообложение собственности» (*Equitable taxation of property*), опубликованная Королевским статистическим обществом в 1853 г.[7] Подобно Петти Фарр был озабочен финансовым состоянием государства. Он полагал, что замена налога на доходы налогом на собственность позволит расширить налогооблагаемую базу за счет включения в неё способности к труду. Способность к труду принадлежит индивиду, и в этом смысле – тут Фарр прав – она может считаться его собственностью. Но как определить её денежный эквивалент? Для этого следовало подсчитать годовой заработок индивида, вычесть из него стоимость средств существования, и остаток помножить на среднюю продолжительность жизни. Поскольку в

отличие, скажем, от земли как предмета налогообложения способность к труду носит, так сказать, фантомный характер и её реализация – дело весьма неопределенного будущего, постольку «беспристрастность» предложения была весьма сомнительной, и его реализация означала бы перекладывание налогового бремени на плечи самых бедных слоев населения.

Подход Фарра получил развитие почти через восемьдесят лет у Луи Даблина (Dublin) и Альфреда Лотки (Lotka)[8]. Оба работали в страховой компании. Они увидели, что идея человеческого капитала может стать удобным основанием при определении величины страховых взносов и оценке рисков заболеваний и преждевременной смерти. Результаты их изысканий получили свое выражение в формуле:

$V_0 = \sum v^x P_x (y_k E_x - c_x)$, где V_o – стоимость индивида при рождении; $V^x = (1+i)^{-x}$ есть его наличная стоимость через лет после появления на свет; P_x – вероятность дожития младенца до возраста x; y – ежегодная сумма заработка от возраста x до $x+1$; E_x – количественное отношение работников в возрасте x к тем, чей возраст $x+1$ (Фарр исходил из полной занятости); c_x – это стоимость жизни индивида от возраста x до возраста $x+1$.

Метод позволил определять экономическую значимость человека для его семьи – что и было целью исследования. Но определение стоимости данного индивида для общества и его самого оставалось проблемой. В этих случаях требовалось учесть расходы на воспроизводство непосредственной жизни. Упрощенная формула таких расчетов для индивида C в возрасте a выглядела так:

$C_a = V_a - 1/P_a V_a \cdot V_{o,}$

где V_o – стоимость ребенка при его рождении. Эта формула представляла собой изощренную версию второго основного подхода, который, как отмечалось, опирался на теорию издержек производства. Его разработчиком стал немецкий экономист и критик мальтузианства Эрнст Энгель[9].

Энгель подчеркивает, что установление ценности таких индивидов, как, скажем, Гете, Ньютон или Бенжамен Франклин, является крайне рискованным мероприятием. И он прав уже в силу специфики культурного творчества. У Маркса есть хорошее пояснение сути дела. Школьнику, замечает Маркс, чтобы выучить теорему о биноме, достаточно часа. Но это время не идёт ни в какое сравнение со временем, которое понадобилось Ньютону, чтобы произвести её первоначально. Поэтому наука как продукт умственного труда всегда ценится ниже своей стоимости[10].

Можно, однако, попытаться определить издержки родителей на воспитание и обучение того же Ньютона и принять их в качестве меры стоимости данного индивида для общества. На языке математических символов эта идея приняла следующий вид: $C_x = c_g \{1+x+k [x (x+1) / 2]\}$, где C_x = полная стоимость производства человека (пренебрегая выгодой, фазами депрессии и расходами на средства существования) за x лет; c_g обозначает стоимость, образующуюся после рождения, а k = ежегодный процент прироста стоимости. Константа c_g была найдена эмпирически и имела значения в 100, 200 и 300 единиц, соответственно, для низшего, среднего и высших слоев тогдашнего немецкого общества. Коэффициент k, по Энгелю, равен 0,1. Формула применима в пределах $x \leq 26$. После 26 лет индивид, как полагал Энгель, обретает «законченность».

Проблемой явилось отсутствие прямой и необходимой связи между себестоимостью производства и меновой стоимостью вещи. Дефицит, мода и прочие факторы, влияющие на спрос, могут увеличивать разрыв между ними многократно. Для людей это верно особенно. Тем не менее, модификации подхода Энгеля показали свою эффективность при определении необходимых объемов финансирования образования и медицины.

К 20-м гг. XX в. односторонность каждого подхода была более или менее осознанна. Начинаются поиски если не синтеза, то сочетания обоих методов. Заметным примером экспликации понятия человеческого капитала применительно к разработке программ раз-

вития здравоохранения явилось исследование двух американцев Эдварда Вудса и Кларенс Метцгер. Задачу свою они видели в том, чтобы путем обращения к материальным интересам «побудить пассивную общественность» к осознанию значимости сбережения человеческой жизни[11]. Их труд, опубликованный в 1927 г., опирался на статистику 1920 г. и на пять критериев оценки человеческого богатства.

Прежде всего, в расчет принимались федеральная политика по страхованию работников и размер личной собственности (она рассматривалась коррелятом величины человеческого капитала, видимо, по принципу: чем ценнее работник, тем больше он зарабатывает). Понятно, что при таком раскладе возможность присвоения чужого труда выпадала из анализа. В третьем критерии они следовали Петти: ценность человеческого капитала выводилась как разница между совокупным национальным доходом страны и фондом заработной платы. Четвертый критерий строился на упрощенном варианте методики Фарра. Упрощение состояло в допущении, что во всех возрастных когортах структура трат и доходов одна и та же. Пятый критерий – это размеры человеческого богатства на душу населения. Введя затем несколько мультипликаторов, авторы приходят к заключению, что национальное богатство страны относится к совокупной ценности населения примерно как один к пяти[12].

Критика указывала на ошибочность отождествления национального дохода с продуктом труда, игнорирование затрат на поддержание непосредственной жизни (другими словами, отвлечение от амортизации и эксплуатационных расходов), ограниченность статистической базы и пр. То есть в научном отношении используемые процедуры были сомнительными. Но со своей *социальной* задачей Вуд и Метцгер справились. Они нашли понятную и убедительную для американского общества форму репрезентации тезиса, что люди являются величайшим активом Соединенных Штатов. Отсюда вытекало, что важнейшая обязанность «патриотически-настроенных (public-spirited) граждан и учащихся (students) из обеспеченных семей состоит во всемерной поддержке движений, которые способствуют продлению человеческой жизни и сохранению здоровья, чтобы человек мог продуктивно трудиться и тем самым увеличивать благосостояние общества»[13].

Иными словами, с общественной точки зрения главное – это не спорт высших достижений, который стимулирует коррупцию и служит современным аналогом римской политики «хлеба и зрелищ», а физическая культура. И здравоохранение должно ориентироваться на профилактику, а не на создание все более дорогих лекарств и изобретение лечебных процедур, применение которых делает медицину чрезвычайно затратным, но для определенных групп чрезвычайно выгодным занятием.

Речь – о человеческом богатстве, как оно мыслилось в Америке 1927 г.!

Итак, какую же *moralite* теоретического характера можно извлечь из всех этих примеров и утверждений?

Прежде чем переходить к общетеоретическим моментам, отметим, что практика интерпретации человеческой деятельности через призму производства капитала отнюдь не является новой. Всплески интереса к ней возникали на протяжении всего двадцатого столетия, и этот интерес сохраняется и в наши дни.

Большинство исследователей принимает тезис Вальраса, что «в чистой теории следует (is proper) совершенно абстрагироваться от соображений справедливости и практической целесообразности (expediency) и рассматривать человеческих существ исключительно с точки зрения меновой стоимости»[14]. Более того, по мысли основоположника предельного анализа Й. фон Тюнена, эта несправедливость может быть даже уменьшена, если расходы на увеличение производительной силы труда рассматривать в терминах человеческого капитала или, как говорил сам Тюнен, «естественной заработной платы». Вместе с тем, не все экономисты склонны к замене традиционного понятия рабочей силы (или личного фактора производства) словосочетанием ‘человеческий капитал’.

Одна из проблем, обсуждавшихся в связи с попытками его введения в научный оборот, состояла в прояснении отношения между понятием человеческого капитала и его денотатом: обозначает ли оно самого работника или же относится только к его умениям, знаниям и навыкам?

Напомню, что именно способность к самопроизвольному росту отличает капитал от сокровища. Обычно под капиталом понимают деньги. Но деньги не растут сами по себе, их надо включить в процесс производства прибавочной стоимости. Другими словами, они должны быть преобразованы в материальный капитал или средства производства и способность к труду. Труд соединяет их в одно целое и создает новые стоимости. Что конкретно получается на выходе – это без разницы! Журналисты частного издания являются производительными работниками не потому, что они находят новую информацию, а потому, что увеличивают богатства своего хозяина. Если последнего условия нет, издание не является коммерческим: причины его существования не экономические.

Журналист продает свою способность писать свежо и доходчиво. Именно она интересует хозяина, ибо она дает тираж. Эта способность является потребительной стоимостью журналистского труда для хозяина. Она не касается журналиста как человека. Если бы его функции мог выполнять какой-нибудь кибернетический Нео и при этом обходился бы дешевле биологического индивида, в газете работали бы только киберы. Иначе говоря, то, что включается в процесс производства капитала, это не человеческий капитал, а его рабочая сила. Именно так марксисты называют человеческую способность к труду. Эта способность есть меновая стоимость, которой располагает работник.

У рабочей силы нет свойства самовозрастания, она даже изнашивается. Правда, тут следует оговориться, ибо физический (вещественный или основной) капитал тоже подлежит амортизации. Рачительный хозяин, естественно, учитывает феномен старения основных фондов и старается своевременно произвести модернизацию. Но когда речь заходит о модернизации рабочей силы, тут у него возникает загвоздка. Журналист, прошедший какие-нибудь курсы дополнительной подготовки за счет своего хозяина, может уйти в другую газету. Там ему будут платить больше. Там его меновая стоимость оценивается выше. Но меновая стоимость – это только превращенная форма стоимости как таковой. Таким образом, в данном случае мы столкнулись с феноменом самовозрастания стоимости, то есть с капиталом. Только теперь это особый капитал: человеческий!

При капиталистическом способе производства меновая стоимость предпослана обращению и реализуется в обмене на деньги. Этот момент отмечал ещё Юм. Иными словами, меновая стоимость труда не определяется потребительной его стоимостью, а предпосылается ей в некоей идеологической форме. Заключая договор, стороны исходят из допущения, что другая сторона будет честно выполнять оговоренные условия. Конечно, у каждой стороны есть соблазн обмануть контрагента, что называется, кинуть его. Но в условиях конкуренции и нацеленности капитала на ускорение денежного оборота, подобный любитель «кидать» *ceteris paribus* остается в проигрыше. Так в рамках капиталистического отношения возникает запрос на то, что уже в наши времена назвали социальным капиталом.

Социальный капитал: генезис и формы

Пионерами в изучении форм социальной интеграции обычно считают социологов конца XIX столетия Э. Дюркгейма и Ф. Тённиса. Проблема обрела новые аспекты с легкой руки социологов Пьера Бурдье и Джеймса Коулмена, пустивших в оборот понятие социального капитала. После них и работ политолога Ричарда Патнема интерес к этому концепту приобрел междисциплинарный статус.

В самом общем виде социальный капитал можно трактовать как разновидность ресурсов. К этому пониманию склоняется большинство исследователей. Так, согласно Бурдье социальный капитал есть «совокупность фактических (actual) или потенциальных ресурсов,

существующих благодаря устойчивой (durable) совокупности более или менее институционализованных отношений знакомств и взаимного признания». Возможность пользоваться этим ресурсом обусловлена «членством в группе, которая гарантирует коллективную поддержку каждому своему члену»[15]. Бурдье обращает внимание на два пункта: устойчивость отношения, открывающее доступ к ресурсам других участников сети, и многообразие этих ресурсов, их содержания и объема: социальный капитал, поясняет ученый, это «своеобразный «мандат», который открывает кредит в самых разных смыслах этого слова». Таким образом, по Бурдье, потребителем социального капиталя является индивид.

Близко к нему стоит Коулмен. Он тоже смотрит на проблему, прежде всего, с точки зрения индивида. Если согласиться с тем, что каждый индивид контролирует определенный ресурс и заинтересован в событиях определенного рода, то социальный капитал, пишет Коулмен, следует рассматривать как особый вид таких ресурсов[16]. Социальный капитал – не целостная сущность, а сочетание или набор сущностей, объединяемых функцией. Все они имеют две общих характеристики: они так или иначе включены в социальную структуру и, кроме того, благоприятствуют определенным действиям агентов – личностей или корпораций.

Социальный капитал производителен; он создает возможности реализации целей, которые при его отсутствии были бы недостижимы. Подобно материальному или человеческому капиталу, социальный капитал является источником благосостояния. Этим он похож на финансовый, физический или человеческий капитал. Однако в отличие от этих форм социальный капитал заключен не в вещах и не в людях, но в отношениях между людьми, между организациями либо между теми и другими. В статье «Социальный капитал в создании человеческого капитала», ставшей классикой социологической науки XX столетия, чикагский профессор приводит ряд жизненных ситуаций, поясняющих, что, собственно, он предлагает понимать под социальным капиталом. Примеры многообразны: это и торговля алмазами, и волнения южнокорейских студентов 1986 г., организационной базой которых явились «кружки учебной взаимопомощи», и переезд многодетной еврейской семьи из Детройта в Иерусалим. Наконец, примером функционирования социального капитала оказывается даже знаменитый каирский базар Кханн Эль Халиби, где специализация лавок и бутиков носит номинальный характер и через торговца, скажем, обувью можно купить все – от электронной аппаратуры до наркотиков.

Наука начала третьего тысячелетия, похоже, не слишком много добавила к особенностям социального капитала, обозначенным Бурдье и Коулменом. Так, профессор Тринити-Колледжа Нан Лин определяет социальный капитал как «воплощенные (embedded) в цепочку социальных связей человека ресурсы, которые ему доступны и могут быть пущены в ход (mobilized) посредством контактов в этой сети (networks)»[17]. Несмотря на обращение к «интернетизированной» лексике, им по существу выделяются те же самые характеристики: неотъемлемость социального капитала от общественных отношений и зависимость его объема и качества от места, занимаемого индивидом в этих отношениях.

Но что же представляют собой эти ресурсы?

Коулмен выделял три формы ресурсов: 1) устойчивость человеческих связей и доверие; 2) информационные потоки и 3) нормы и санкции. Кроме того, он дал краткое их описание. Все они заключены в социальных отношениях, и обращение к ним, как полагал социолог, позволяет перемещаться с одного уровня анализа на другой, минуя детали. К сожалению, дьявол нередко прячется как раз в деталях, и то, что Коулмен подавал в качестве достоинства, со временем превратилось в предмет критики. Позднее исследователями был предложен ряд уточнений (большая их часть касалась отношений между полезным индивиду и тем, что полезно для общества), но принципиальных изменений его классификация, насколько я знаю, не претерпела.

Первая форма социального капитала, представленная *обязательствами и ожиданиями*, функционально похожа на печально известные нам по эпохе приватизации кредитные вау-

черы. Когда один человек оказывает услугу другому и между ними устанавливаются отношения доверия, то это создает у одного определенные ожидания и даже права, а другой тем же самым действием обретает обязательство поступать именно так, как ожидает первый. Если у индивида возникает множество взаимообразных отношений доверия и поручительства, аналогия с финансовым капиталом становится явной. Эти отношения взаимного обязательства могут охватывать очень большие группы людей, как, например, на каирском рынке Эль Халиби. Там, где индивиды обладают высокой степенью самодостаточности, плотность социальных связей и, соответственно, уровень социального капитала ниже.

В эссе «Протестантская этика и дух капитализма» Вебер отмечал, что кроме уважения к труду протестантизм, который обосновался в Штатах, стимулировал хозяйственную деятельность ещё и тем, что обеспечивал доверительные отношения внутри общины. Наблюдения Вебера в полной мере относятся и к становлению буржуазного предпринимательства в России и – особенно – к истории уральской промышленности, которая складывалась при активном участии старообрядчества. Требования, рожденные религиозной практикой, естественным порядком переносились на хозяйственные связи и на более широкий круг отношений. Эта трансляция купеческой морали, выраженной поговоркой «не давши слова – крепись, давши слово – держись», – в область человеческих нравов блестяще обыграна в «Жестоком романсе» на линии отношений между Кнуровым, Вожеватовым и Ларисой. В рязановской экранизации «Бесприданницы» социальный капитал оказался отрицательным; он привел к гибели главной героини. Но социальный капитал может иметь положительные значения. Ранний протестантизм предписывал своим приверженцам порядочно относиться не только к единоверцам, как это было в других религиях, но и ко всем людям. Этот вид нравственного универсализма, соединившись со склонностью сектантских структур организовываться конгрегациями, то есть снизу вверх, а не иерархически, способствовал тому, что деловые контакты могли охватывать гораздо более широкий круг участников, нежели в других культурах.

В качестве ресурса доверие зависит от устойчивости социальной среды и в свою очередь обуславливает объем возникающих обязательств. Чем серьезнее обязательства – тем выше требуемый уровень доверия. Стабильность создает гарантию, что обязательства не будут забыты. Степень устойчивости социальных связей и содержание скрытых в них обязательств и ожиданий могут меняться. Оба фактора историчны. Обязательства меняются только по содержанию, ибо устойчивые обязательства суть инварианты поведения и в этом качестве репрезентируют структурные аспекты жизнедеятельности. На межличностном уровне устойчивость отношений поддерживается регулярностью контактов и своеобразными «дивидендами» в виде эмоциональной поддержки, совместного отдыха, корпоративов и т. п. Такие действия помогают сохранять и накапливать социальный капитал и потому имеют тенденцию к превращению в традицию.

Вторая форма социального капитала, выделенная Коулменом, – это *информационные возможности социальных отношений*: они проявляются как в межличностных связях, так и на макросоциальном уровне. Информация – предпосылка действия. Она стоит денег и, как минимум, требует внимания. Одним из способов получения информации является использование социальных связей, которые вообще-то создаются для других целей, но «по совместительству» начинают служить информационным каналом. Если, к примеру, женщине небезразлична мода, но все-таки не настолько, чтобы стараться быть в её авангарде, она, скорее всего, обопрется на мнения своих подруг, о которых знает, что они стремятся идти в ногу со временем. Блестящими пользователями информационных возможностей социального капитала являются создатели финансовых пирамид.

Недавние исследования показали значимость учета социального капитала для понимания того, каким образом формируются и функционируют информационные потоки в экономи-

ческой сфере. Социальные сети распространяют информацию о рабочих местах, потребностях на рабочую силу, примерном заработке, на который может рассчитывать работник, и множество других экономически нужных сведений. Но они с таким же успехом могут ограничивать и сужать этот информационный поток. В 1990-е гг. Всемирный Банк экспериментировал с так называемыми проектами микрокредитов, которые должны были опираться на использование социальных связей, чтобы расширить практику розничных займов для беднейших потребителей в Африке и других регионах «третьего мира». Успех программы зависел от адекватности информации о кредитоспособности, которая лучшим образом обнаруживается посредством неформального общения, нежели формальными информационными каналами. Но именно эти неформальные контакты задействовать не удалось, поэтому программа обернулась огромными расходами и заглохла.

Третья форма социального капитала образуется совокупностью *норм и ценностей*, которые принимаются людьми и способствуют установлению отношений сотрудничества и доверия между ними. Эта форма привлекла внимание аналитиков задолго до появления самого этого понятия. Ещё де Токвилль в «Демократии в Америке» отмечал, что склонность американцев к гражданским ассоциациям является ключевой для успеха американской демократии, поскольку она позволяла обществу организовываться независимо от помощи централизованной иерархически построенной власти. В 1955 г. Эдвард Банфилд в своём совместном с женой этнографическом исследовании «Моральная основа отсталого общества» выделил феномен «аморальной семейственности (familism)» как патологического состояния социального капитала, с которым он столкнулся в маленьком городке южной Италии[18]. Словосочетание стало обозначать ситуацию, когда люди доверяют только своему непосредственному окружению, ограниченному семейными узами, а по отношению к другим действуют, смотря по обстоятельствам. Токвилль описывает ситуацию, где социальный капитал выходит далеко за семейные рамки, и полагает, что именно это создало основу для успешного развития демократии и экономической сферы. Селение же Банфилда, напротив, характеризовалось мертвым социальным капиталом, за исключением разве что узкого круга родственников. Многие исследователи усматривают в этой особенности одну из причин отсталости южной Италии и распространенности в ней политической коррупции.

В особенности важными являются предписания, требующие подчинения своего частного индивидуального интереса интересу коллективному. Когда такие нормы утвердились и работают, они образуют мощную, хотя и довольно хрупкую форму социального капитала. Она позволяет спокойно разгуливать по ночам и в коллективных садах оставлять свои домики не запертыми, не опасаясь, что их обворуют. Однако нормы холистского типа двойственны; как на примере мафии показал Банфилд, они способны блокировать не только девиантное поведение, но и способность к инновациям.

Идеи Коулмена получили своё развитие у последующих аналитиков. Прежде всего, отметим предложение различать структурный и когнитивный компоненты социального капитала[19]. Структурный компонент проявляется через масштаб, величину (*extent)* и интенсивность участия во всяческих (гражданских, коммерческих, любительских и т. п.) ассоциациях и других формах общественной активности. Для его характеристики важны плотность связей, то есть одновременность участия индивида в ряде объединений и обилие последних, то есть развитое гражданское общество. Под гражданским обществом я в данном случае понимаю не оппозицию существующей власти, не теневое правительство, а множество самодеятельных объединений, где люди объединяются для совместного досуга, уборки парковой территории, помощи пострадавшим от наводнения и т. п. Главная социальная функция ассоциаций такого рода – «наведение мостов» между «принцем» и «нищим», «богачом» и «бедняком», установление контактов между теми, кто осознает свою принадлежность к

разным социальным группам и в стандартных жизненных ситуациях не имеют шансов для непосредственного – человеческого – общения.

Когнитивный аспект социального капитала относится к восприятию человеческих отношений и характеризуется степенью доверия между людьми, ощущением и пониманием меры их солидарности и взаимности, осознанием единства и принадлежности к одной и той же группе. Большинство авторов сходятся на том, что структурный компонент может иметь количественные характеристики, а когнитивные особенности социального капитала по своей природе качественны.

Любопытную иллюстрацию взаимодействия структурного и когнитивного компонентов дает тот же Коулмен. На алмазном рынке нередки ситуации, когда один передает другому камни под честное слово, чтобы тот мог оценить их качество у себя дома при закрытых дверях. Передача производится без каких-либо формальных гарантий, хотя речь идет о стоимостях в десятки и даже сотни тысяч долларов. Без такого условия торговля алмазами сделалась бы громоздким и менее эффективным делом. Более близкое знакомство с этой практикой обнаруживает, что все её участники тесно связаны между собой постоянством деловых контактов, а также этническими и семейными узами. Так самый крупный по объемам продаж алмазный рынок Нью-Йорка представлен евреями с высоким процентом эндогамных браков. Они живут в Бруклине и посещают одни и те же синагоги. Получается что-то вроде средневековой корпорации. Семья, община и религиозная принадлежность выступают гарантиями, необходимыми для экономической деятельности. Если кто-то отважится на махинацию и, скажем, попытается подменить камни стразами, он теряет семью, общину, религию и имя. Поэтому доверие воспринимается как данность, как само собой разумеющееся условие.

Ещё одним аналитическим инструментом стало разграничение плотных или тесных и слабых социальных связей. Оно было предложено в начале 70-х. В 90-е его попытались использовать для характеристики социального капитала. Схематически различие между этими двумя типами связей можно описать следующим образом. Сила социальной связи производна от длительности её существования, эмоциональной интенсивности, близости отношения и характера взаимных услуг. Примерами сильных связей являются отношения между близкими друзьями или отношения в семье: они многосторонни, взаимно переплетены и подпитываются повседневной жизненной активностью. Слабые связи – отношения знакомства. Такие отношения не носят интимного характера и то теряются, то устанавливаются вновь. В принципе это деление остается в рамках здравого смысла и особого прироста знаний не демонстрирует. Новой была гипотеза, что слабые связи образуют «мосты» между представителями разных социальных кругов и тем самым становятся формой передачи индивидуально значимой информации, которую не получить в своем окружении.

Если остановиться на решающей характеристике социального капитала, то ей, пожалуй, будет доверие. Оно пронизывает все формы существования социального капитала Доверие – феномен социально-психологический. Степень доверия, как отмечалось, зависит от частоты взаимодействий и содержания обязательства. Ещё одним условием воспроизводства доверия является замкнутость сети взаимодействий. В замкнутой сети каждый элемент связан со всеми другими элементами. Пример – бруклинское сообщество торговцев алмазами. В таких сетях санкции, как правило, эффективны. Особенностью открытых систем является обилие «мостов». Здесь у элемента сохраняется возможность контакта с элементами других систем (или сетей). Действенность санкций в этом случае, понятно, меньше.

Коулмен полагал, что замкнутость сети является позитивным активом. Так, тесные контакты между родителями одного двора позволяют эффективно контролировать поведение местных тинэйджеров и снижают риски эксцессов в их поведении. Последние публикации обращают внимание на негативные следствия замкнутости. Усиливаются неравенства в распределении позитивных активов социального капитала между членами соседних сетей.

Во-вторых, воспроизводится «негативный социальный капитал» (отношения внутри мафиозных структур или обмен информацией между наркоманами о том, где можно достать стероидные анаболики). Наконец, в закрытых системах повышается риск продуцирования негативных образцов поведения[20]. В закрытых структурах доверие приобретает особый вес. Оно легко меняет свой знак, становясь фактором кризиса и даже деструкции сети[21]. В целом же вопрос о предпочтительности того или иного типа сетей сохраняет дискуссионный характер.

Таким образом, гносеологический потенциал «социального капитала» остаётся довольно противоречивым. Концепт охватывает широкий круг явлений и за видимым многообразием их форм, материалов и конструктивных особенностей позволяет увидеть общую социально-экономическую функцию. Вместе с тем это расширение объема, предполагая отвлечение от специфических признаков, привело к тривиализации делаемых с его помощью выводов. Поэтому оно остается объектом критики ряда ученых. Они считают его смутным либо же соединением известных понятий. Ключевым недостатком социального капитала является отсутствие общепризнанного метода его измерения в отличие от вещественного и человеческого капитала. Без хорошей метрики социальный капитал трудно включать в эконометрические и исторические модели и, соответственно, измерять влияние культурных факторов в их сопоставлении с другими типами переменных.

Заключение, или Взаимосвязь социального и человеческого капталов

Ещё одна концептуальная слабость «социального капитала» вытекает из того, что никакие факторы производства не являются капиталом сами по себе. Для трансформации этих факторов в реальное богатство нужна их конвергенция, в ходе которой физический, культурный и социальный капитал постоянно переходят друг в друга. Социальные связи позволяют умножить индивидуальное благосостояние, но лишь при наличии некоторых условий. Если этого начального капитала нет, то социальные связи вообще не являются капиталом. Сколько ноль не умножай, он все равно останется нолем. У истоков «длинных денег» лежит капитал материальный. Учет этого обстоятельства важен, чтобы не превратить «социальный капитал» в очередную идеологическую конструкцию. Этот же принцип взаимной конвергенции видов капитала важен для понимания роли капитала человеческого.

Низкая рентабельность образования в современной России, зафиксированная в начале 90-х, тогда объяснялась синергией рыночных сил и государственной политики, направленной на снижение различий в оплате труда. В середине 90-х возникло предположение, что по мере продвижения к «рыночной демократии» экономическая ценность образования будет расти. Однако результаты С. Чейдвассер и Г. Бенитца показывают, что за 1992–1999 ситуация не изменилась. Вместе с тем, похоже, что главной причиной малой зависимости доходов работника от уровня образования является не столько уравнительная политика государства, влияние которой за последнюю декаду минувшего века поблекло, сколько избыточное предложение хорошо образованных работников в экономике, где большим спросом пользуются именно синие воротнички. На эту же зависимость косвенным образом указывает однородность предложения человеческого капитала по всем регионам России[22].

Интенсификация процессов модернизации обрабатывающей промышленности должна изменить эту ситуацию. Учитывая низкую мобильность рабочей силы внутри страны, не приходится удивляться, что повышения уровня образования россиян корелирует с ростом внутренней готовности к эмиграции. Другое предположение, на которое хотелось бы обратить внимание, состоит в том, что со снижением унаследованного от советского прошлого пиетета перед образованием рост нашей экономики не будет сопровождаться ростом интереса к получению высшего образования.

Примечания

[1] Цит. по: Bottone G., Sena V. Human capital: theoretical and empirical insights // American Journ. of Economics and Sociology. 2011. Vol. 70, No. 2. P. 403.
[2] Cheidvasser S., Benitez-Silva H. The educated Russian's curse : returns to education in the Russian Federation during the 1990s. // Labour. 2007. Vol. 2, No. 1. P. 6.
[3] Tomusk V. The open world and closed societies. Essays on higher education policies "in transition". N. Y. : Palgrave Macmillan, 2004. P. 79–80.
[4] Solozhenkin P. M., Alekseev A. N. Innovative processing and hydrometallurgical treatment methods for complex antimony ores and concentrates. Part II. Hydrometallurgy of complex antimony ores // Journ. of Mining Science. 2010. Vol. 46, No. 4.
[5] Human capital investment : An international comparison (OECD, 1998). Цит. по: Bottone G., Sena V. P. 402.
[6] Петти В. Экономические и статистические работы. М. : Соцэкгиз, 1940. С. 156.
[7] Kiker B. F. The historical roots of the concept of human capital // Journ. of Political Economy. 1966. Vol. 74, No. 5. P. 482.
[8] Dublin L., Lotka A. The money value of man. N. Y. : Ronald Press Cooperation, 1930.
[9] Engel E. Der wert des menschen. Berlin : Verlag von Leonhard Simion, 1883.
[10] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 26. С. 355.
[11] E. A. Woods and C. B. Metzger, America's human wealth : money value of human life. N. Y. : F.S. Crofts & Co., 1927. P. 32.
[12] Ibid. P. 106.
[13] Ibid. P. 162.
[14] Walras L. Elements of pure economics. Homewood. Ill. : Richard D. Irwin, Inc. 1954. P. 216.
[15] Bourdieu P. The Forms of capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / ed. J. G. Richardson. N. Y. : Greenwood Press, 1986. P. 248–249.
[16] Coleman J. Social capital in the creation of human capital // American Journ. of Sociology. Vol. 94. Supplement. 1988. P. S100–101.
[17] Lin N. Social capital : A Theory of Structure and Action. L. : Cambridge Univ. Press. 2001. P. 73.
[18] Banfield E. C. The Moral Basis of a Backward Society. Glencoe (Ill) : The Free Press, 1958.
[19] Harpham T., Grant E., Thomas E. Measuring social capital within health surveys : key issues // Health Policy and Planning. 2002. Vol. 17. P. 106–111; Krishna A., Shrader E. Social capital assessment tool. Conference paper prepared for the conference on Social Capital and Poverty Reduction // The World Bank. Washington DC. 1999. June.
[20] Rostila M. The Facets of social capital // Journ. for the Theory of Social Behaviour. 2011. Vol. 41, no. 3. P. 14.
[21] Трагическим примером нарушения доверия в послесталинском ГУЛАГЕ был Кенгирский «сабантуй» 1954 г. в Степном лагере. Официальные сводки говорят о 46 убитых и 110 раненых. Среди охраны, солдат и офицеров потерь не было. Подробнее см.: Формозов Н. Воздушные змеи над зоной. Очерки из истории послевоенного ГУЛАГа // Новый мир. 2012. № 5. С. 145–159.
[22] Cheidvasser S., Benitez-Silva H. Op. cit. P. 31.

СЕКЦИЯ 6.
ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА И ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Введенский В. В.
Гончаров Г. А.
Гончарова Е. А.
Кириллов В. М.
Кузьминых А. Л.
Матвеева Н. В.
Миненков Д. Д.
Парамонов В. Н.
Сулейманова Р. Н.
Суржикова Н. В.
Шмыров Б. Д.

В. В. Введенский

*К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ТРУДОВОЙ ЭТИКИ НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1930-е ГОДЫ)**

Труд у нас – дело славы, дело чести,
дело доблести и геройства.
/Известия, 20 февр. 1931 г./

В настоящее время в отечественной исторической науке активно ведутся изыскания в области советской повседневности. Традиционно исследователи в большей степени интересуются вопросами домашнего быта и материально-бытовой обеспеченности советского человека. В последние годы всё большую популярность завоёвывают проблемы межличностных взаимоотношений и взаимодействия власти и общества. Также в поле зрения исследователей находится трудовая, она же производственная, повседневность, но на данный момент этот аспект человеческой жизнедеятельности менее изучен. Более того, вопрос, может ли повседневность быть производственной или же к области повседневного относится исключительно частная жизнь человека, всё ещё остаётся вопросом дискуссионным[1]. Аргументом в пользу помещения трудовых отношений в рамки исследования повседневности может служить то, что труд и рабочее время занимают значительное место в человеческой жизни и во многом определяют образ и качество частной жизни. Мы считаем, что исследование советской производственной повседневности является значимым направлением работы в рамках изучения процесса становления советского общества в целом и советской индустриально-урбанистической культуры в частности.

В структуре производственной повседневности присутствуют нематериальные системообразующие элементы, при участии которых складываются образ и стиль жизни человека – трудовая культура и трудовая этика. Трудовая культура довольно широкая категория, включающая в себя огромное количество элементов – по сути, всё, что относится к труду и производству. Трудовая этика более узкая категория. Достаточно удачным – кратким, но ёмким и удобным для нашей работы является следующее определение трудовой этики: «Трудовая этика – это отношение людей к труду, запечатлённое в комплексе моральных ценностей и норм, воплощённое в категориях и образцах культуры и выраженное в человеческом поведении, прежде всего в сфере трудовой деятельности»[2]. Трудовая этика является одной из значимых характеристик общества, изучение советской трудовой этики необходимо для лучшего понимания принципов и логики развития советского общества.

Отечественные исследователи, вслед за М. Вебером[3], говорят о двух «идеальных» типах трудовой этики[4]. Первый – традиционный, он же потребительский или минималистский, в рамках которого труд рассматривается работником в первую очередь как средство для удовлетворения текущих потребностей. Второй – современный, он же буржуазный или максималистский, при котором работник ориентируется на достижение высоких результатов труда, максимальных заработков и накопление средств.

Необходимо подчеркнуть, что в «идеальном» или «чистом» виде эти два типа трудовой этики существуют исключительно в работах исследователей. Кроме того, применение наработок Вебера в области «современной» трудовой этики не совсем корректно в рамках исследования отечественной реальности, поскольку Вебер работал с родной ему западной реальностью. Поэтому представленную классификацию можно рассматривать лишь в качестве рабочей модели, помня о том, что на самом деле ситуация в сфере советской трудовой этики может выглядеть несколько иначе.

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ (проект 12-01-00224а) «Суды Сибири в системе управления регионом (1920–1938 гг.)».

Принято считать, что в дореволюционной России, где большую часть населения составляли сельские жители, доминировал традиционный тип трудовой этики[5]. В результате процесса индустриализации, проходившего в последние десятилетия существования Российской империи, в стране увеличилась численность промышленных работников и сложилась довольно тонкая прослойка потомственных рабочих – потенциальных носителей «современной» трудовой этики. После того, как в конце 1920-х гг. начался форсированный этап индустриализации, в промышленной сфере увеличился процент рабочих в первом поколении за счёт притока на стройки и промышленные предприятия бывшего сельского населения – носителей традиционной трудовой этики[6].

Различия между отношением к труду у крестьянина и у промышленного рабочего во многом обусловлены разницей в структуре трудового процесса и его распределении во времени. В условиях ведения натурального хозяйства отсутствовал принцип разделения труда: каждый сельский работник обладал обширным набором знаний, умений и навыков. Также отсутствовало чёткое разделение на рабочее и нерабочее время – крестьянин был вовлечён в трудовой процесс в течение всего светового дня. Сельский труд зависел от погодных условий – в случае неблагоприятной погоды некоторые виды деятельности откладывались на неопределённый срок, а другие выполнялись раньше положенного времени. Неравномерно было распределение труда по сезонам: в зимний период работы было меньше, чем в другие времена года, – крестьянин мог либо заниматься починкой инвентаря и дворовых построек, либо выехать на заработки в город. То есть, с одной стороны, крестьянский труд был размеренным – одни и те же операции повторялись изо дня в день, а с другой стороны, крестьянин всегда был готов к авральным темпам работы в случае каких-либо катаклизмов.

В городских условиях трудовой процесс гораздо жёстче ограничен как по времени, так и по набору трудовых операций. Каждый промышленный рабочий, как правило, имеет довольно узкую специализацию. В большинстве производств трудовой процесс практически не зависит от погодных условий и времени года. Соотношение рабочего и нерабочего времени, должностные обязанности работника и нормы поведения на рабочем месте регламентируются общегосударственным трудовым законодательством, правилами внутреннего распорядка, должностными инструкциями и другими документами.

В. Б. Безгин выделяет ряд принципов, на которых базировалось отношение к труду у русского крестьянина: усердный и прилежный труд – способ приблизиться к Богу и способ почитания Бога, это способ изменения мира, единственный справедливый источник благосостояния и богатства[7]. Новые трудовые принципы основывались на советской идеологии, были закреплены в советском трудовом законодательстве и донесены до целевой аудитории через речи руководителей государства и периодическую печать. Труд был провозглашён не только обязанностью каждого человека, но и его неотъемлемым правом. Честный и усердный труд рассматривался как путь к построению нового справедливого общества. Повышение профессионального уровня, саморазвитие на производстве, увеличение темпов и объёмов производства были единственным легальным способом улучшения благосостояния советского труженика.

Что примечательно, базовые принципы социалистического отношения к труду оказались созвучны традиционным крестьянским представлениям о труде. Однако, помимо озвученных базовых принципов, существуют и другие принципы, формирующиеся под влиянием объективной реальности. Как уже отмечалось выше, трудовой процесс в промышленном производстве резко отличается от трудового процесса в традиционном сельском хозяйстве. Традиционные крестьянские представления о рабочем времени и структуре труда были неприемлемы в условиях перехода к индустриально-урбанистической модели развития. Учитывая то, что значительная часть промышленных работников в период первых пятилеток не имела собственно промышленного трудового опыта, важным условием для успешной инду-

стриальной модернизации народного хозяйства было формирование новой трудовой этики и морали или, используя терминологию того времени, социалистического отношения к труду.

Одним из факторов, влиявших на условия формирования трудовой этики, можно считать законодательные правовые материалы, призванные регулировать трудовые отношения. Основной законодательный акт того времени, регламентировавший трудовые отношения, – Кодекс законов о труде[8]. В Кодексе были закреплены основные нормы трудовых отношений, принципы трудового процесса, принципы взаимоотношения работодателя и работника, определено соотношение рабочего и нерабочего времени. Кроме того, трудовые отношения регулировались Постановлениями ВЦИК и СНК, а также правилами внутреннего распорядка промышленных предприятий. Осуществление надзора за выполнением норм трудового законодательства в 1930-е гг. возлагалось на инспекцию труда, техническую инспекцию и санитарную инспекцию, состоявшие в ведении Народного Комиссариата Труда[9]. Законодательная база задавала рамки трудовых отношений, то, что находилось внутри этих рамок, должно было расцениваться работниками как норма, всё, что выходило за установленные рамки, было аномалией.

На протяжении 1930-х гг. планомерно осуществлялась пропаганда социалистического отношения к труду, как на общегосударственном уровне, так и на региональном. Наглядные примеры – сообщения о достижениях победителей социалистических соревнований, рационализаторов, ударников и стахановцев – не сходили с полос периодических изданий, их портреты и имена работников украшали доски почёта предприятий. Была и другая сторона медали – на некоторых предприятиях помимо «доски почёта» заводили «чёрные доски», в периодических изданиях регулярно публиковались списки работников, занесённых на «чёрные доски» за систематическое невыполнение плана и иные проступки, в газетных статьях и фельетонах обыгрывались их сомнительные «достижения». Местные западносибирские газеты, такие как «Советская Сибирь», «Омская Правда», «Большевистская сталь», «Ударник Кузбасса» и другие, пестрят подобными примерами.

В деле повышения трудовой дисциплины принимали участие партийные ячейки предприятий, профсоюзы, а также производственно-товарищеские суды. Если сфера влияния партячеек и профсоюзов распространялась преимущественно на работников, состоявших в этих организациях, то деятельность товарищеского суда могла коснуться каждого работника предприятия вне зависимости от его членства, статуса и занимаемой должности.

Впервые производственно-товарищеские суды были созданы в 1919 г. с целью повышения трудовой дисциплины. За время существования товарищеских судов несколько раз изменялся список нарушений, попадавших под их юрисдикцию, а также перечень мер воздействия на провинившихся. Например, Положение о дисциплинарных товарищеских судах 1921 г. предполагало возможность применения достаточно суровых мер к провинившимся работникам – вплоть до лишения избирательных прав, перевода на тяжёлые работы и отправки в концентрационный лагерь на срок до шести месяцев[10]. Позже эти меры воздействия были изъяты из компетенции товарищеских судов.

В 1931 г. вышло очередное Постановление ВЦИК и СНК «О производственно-товарищеских судах...»[11]. Производственно-товарищеские суды создавались на предприятиях с численностью работников не менее 100 человек. Членами производственно-товарищеских судов могли быть избраны рабочие-ударники, что может свидетельствовать о почётном статусе данного института, а также о стремлении подключить к борьбе за дисциплину на производстве трудовую элиту.

Согласно Постановлению, целью деятельности производственно-товарищеских судов было привлечение широких масс рабочих и служащих к борьбе с нарушениями трудовой дисциплины, с дезорганизацией производства и с «пережитками старого быта». Под юрисдикцию судов подпадали все проступки работников предприятий, связанные непосредствен-

но с производством, а также имущественные споры с небольшими денежными суммами, мелкие кражи, хулиганство, рукоприкладство и т. п. мелкие нарушения.

Примечательно то, что у судов были полномочия рассматривать дела, участниками которых были не только работники предприятий, но и члены их семей. То есть производственно-товарищеские суды имели возможность разрешать не только производственные споры, но и внутрисемейные бытовые споры. В то же время, если в конце 1920-х гг. бытовые проступки рассматривались производственно-товарищескими судами довольно активно, то уже в начале 1930-х гг. в первую очередь суды стали уделять внимание проступкам и нарушениям, совершённым непосредственно на производстве[12].

Меры воздействия на нарушителей особым многообразием не отличались: суд мог вынести предупреждение, постановление об общественном порицании, назначить штраф в пользу общественных организаций или возмещение имущественного вреда потерпевшему, поставить перед администрацией предприятия вопрос об увольнении или перед профсоюзом вопрос об исключении из профсоюза. Этим перечень мер воздействия ограничивается.

В статистическом отчёте о деятельности производственно-товарищеских судов в Западной Сибири за 1937 г. зафиксированы следующие группы дел: о нарушениях производственной дисциплины, порче оборудования, мелких кражах общественного и индивидуального имущества, о хулиганстве и драках, о невыполнении государственных и общественных заданий, а также о жилищных и имущественных спорах и даже о небрежном уходе за скотом. По данным отчёта лишь четыре группы дел можно однозначно отнести к проступкам на производстве: нарушения производственной дисциплины – 26,4 % от всех дел, порча оборудования – 8,6 %, кража общественного инвентаря – 6,7 %, а также невыполнение государственных и общественных заданий – 1,7 %[13]. Остальные группы нельзя однозначно идентифицировать как проступки, которые были совершены непосредственно на предприятии. К примеру, хулиганство и драки, доля которых во всей массе дел достаточно прилична – 19,1 %, могли быть совершены работниками предприятий не только на рабочем месте, но также дома либо в общественных местах. Из отчёта видно, что из всех групп дел наиболее многочисленной были дела о нарушениях производственной дисциплины.

Среди мер воздействия на нарушителей производственно-товарищеские суды отдавали предпочтение мерам «товарищеским», не связанным с увольнением или исключением из профсоюза. К излюбленным мерам товарищеских судов можно отнести штрафование нарушителя и общественное порицание. Эти меры воздействия оставались основными как в начале, так и в конце 1930-х гг. Вопросы об увольнении работников ставились товарищескими судами довольно редко: например, в 1933 г. доля такого решения составила 8 %[14] от общего числа решений, а в 1937 г. – 9,3 %[15]. Вероятно, члены производственно-товарищеских судов делали ставку на возможность перевоспитания нарушителя спокойствия силами трудового коллектива.

Чаще всего производственно-товарищеские суды выносили самые мягкие приговоры, но иногда члены судов превышали свои полномочия и выносили приговоры, которые не были прописаны в Положении. Примером этого могут быть лишения продовольственных пайков и присуждение к исправительным работам. Так, в 1937 г. по Западной Сибири было вынесено 47 приговоров о принудительных общественных работах, что составило 4,7 %[15] от общего числа приговоров. Причина превышения полномочий – недостаточная юридическая грамотность членов судов, так как членами суда были не профессиональные юристы, а представители трудового коллектива предприятия. В 1935 г. ВЦСПС организовал курсы для председателей производственно-товарищеских судов с целью повышения их юридической грамотности[16].

По всей вероятности, деятельность производственно-товарищеских судов должна была нести мощный воспитательный потенциал. С одной стороны, у товарищеских судов был

довольно ограниченный набор мер воздействия на нарушителей и бузотёров, к тому же на практике чаще всего применялись самые мягкие меры, до увольнения или исключения из профсоюзов дело доходило редко. С другой – если проступок какого-нибудь работника поступал на рассмотрение товарищеского суда, то его уже было невозможно утаить от коллектива предприятия. В условиях, когда коллективистский настрой, – и без того свойственный бывшим крестьянам, – культивировался официальной пропагандой, общественное порицание могло быть действенным воспитательным фактором.

В случае если нарушитель трудовой дисциплины был членом Партии, его дело могло быть рассмотрено не производственно-товарищеским судом, а партийной ячейкой предприятия. У партийной ячейки был свой козырь в борьбе за трудовую дисциплину – предупреждение о возможности исключения нарушителя из партии, либо же само исключение. К примеру, дело рабочего завода им. Куйбышева в Омске, устроившего пьянку и подравшегося с женой и соседкой, было рассмотрено не производственно-товарищеским судом, а партийной ячейкой завода. Рабочему после довольно краткого обсуждения был вынесен выговор с занесением в личное дело, а также сделано предупреждение о возможности исключения из партии[17]. Начальник охраны того же завода, находившийся пьяным на рабочем месте в ночную смену, был исключён из партии, так как это был уже не первые его подобный проступок. Прения по этому вопросу также не были долгими[18].

Важную роль в становлении трудовой этики играла система вознаграждения труда, сложившаяся в 1930-е гг. В первые десятилетия советской власти система оплаты труда изменялась несколько раз. Неизменной в этот период оставалась основная функция заработной платы – мотивационная (или функция стимулирования производства)[19]. В начале 1930-х гг. одним из главных недостатков существующей на тот момент системы оплаты труда была названа «уравниловка», что было отмечено руководителем государства И. В. Сталиным, в речи на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. В этой речи Сталин указал на то, что существовавшая на тот момент «неправильная» организация заработной платы является причиной текучести рабочей силы. Особо было отмечено отрицательное влияние «левацкой» уравниловки на стремление рабочих повышать свою профессиональную квалификацию. С отсылкой к К. Марксу и В. И. Ленину был сделан вывод о том, что «“зарплата” даже при социализме должна выдаваться по труду, а не по потребности»[20].

В ходе последующей реформы к середине 1930-х гг. были введены новые тарифные сетки, в которых ставка оплаты труда зависела от разряда, к которому относился работник. Разряд же определялся исходя из стажа и профессионализма работника. Кроме того, рабочие имели возможность увеличить свои заработки перевыполняя план, беря на себя дополнительную нагрузку, внося рационализаторские предложения – то есть разными способами совершенствуясь и попутно увеличивая производительность своего труда. Новая система оплаты труда должна была создать такие условия, при которых работник был бы заинтересован в соблюдении норм трудовой дисциплины и повышении профессиональной квалификации, что, в свою очередь, должно было сказаться на увеличении производительности труда.

Из-за сложившегося в стране дефицита многих групп товаров возможность повышения заработной платы или получения денежных премий была не единственной формой поощрения активных работников. Формы поощрения лучших работников на предприятиях Западной Сибири в 1930-е гг. были разнообразны: денежные прибавки к фиксированной ставке заработной платы, денежные премии, целевые денежные выплаты на обустройство быта и покупку хозяйственного инвентаря, натуральные премии (в виде одежды, предметов домашней обстановки, домашней скотины, строительных материалов, кормов или топлива), улучшение жилищных условий, улучшение питания в столовой предприятия, повышение норм снабжения работника продуктами питания, отправка работника или членов его семьи на лечение в пансионат или на курорт, вручение почётных грамот или благодарственных пи-

сем[21]. Судя по стенограммам бесед с лучшими работниками предприятий, премировали их не единожды, поэтому стимул к ударному труду не пропадал после первой премии.

В условиях дефицита возможность улучшения благосостояния за счёт профессионального роста находила живой отклик в рабочей среде. К примеру, по данным на конец первой пятилетки в промышленности Сибири стахановцами были от 20 до 25 % промышленных рабочих, а ударниками от 30 – до 35 %[22]. Часто у предприятий не хватало средств для создания особого положения для всех лучших работников. В отчётных документах, стенограммах заседаний профсоюзных организаций, а также в периодической печати 1930-х гг. неоднократно встречаются упоминания о несоблюдении даже минимальных мер поощрения лучших работников. Один из парторгов фабрики им. ЦК Швейников в Новосибирске в 1933 г. говорил о состоянии ударничества в своём цехе следующее: «По нашему цеху из 230 человек охвачено ударничеством 140 [то есть около 60,8 % работников цеха[23] – *В. В.*], но сейчас дана установка пока не принимать в ударники, так как рост ударничества ведь связан со снабжением...»[24]. Но, несмотря на эти трудности, от 50 до 60 % работников сибирских промышленных предприятий положительно отреагировали на призывы увеличить производственные показатели.

Трудовая этика в период первых пятилеток формировалась на двух фундаментальных основаниях: 1) традиционные крестьянские представления о труде, трудовые принципы, которые сложились в течение нескольких столетий; 2) новые трудовые принципы, появление и необходимость внедрения которых были обусловлены переходом страны к индустриально-урбанистическому типу развития.

Формирование у рабочих нового, социалистического, отношения к труду должно было выразиться в повышении уровня трудовой дисциплины и стремлении рабочих к профессиональному росту. Для решения этих задач в 1930-е гг. использовались три основных мотива. *Первый мотив* – потребность человека в самоутверждении и признании индивидуальных заслуг окружающими. При содействии периодической печати был создан и внедрён в массовое сознание почётный образ работника-ударника – идеал, к которому должны были стремиться остальные работники. *Второй мотив* – боязнь общественного порицания или наказания. На этот мотив работали партийные ячейки и производственно-товарищеские суды на предприятиях. *Третий мотив* – необходимость в удовлетворении материальных потребностей. Рабочим внушалась простая мысль о том, что повышая свой профессиональный уровень, следуя всем правилам поведения на предприятии и улучшая производственные показатели, они получат возможность улучшить своё материальное благосостояние.

Примечания

1 Пушкарёва Н. Л. «История повседневности» как направление исторических исследований // PERSPEKTIVY.INFO : Перспективы. Фонд исторической перспективы. URL : http://www.perspektivy.info/history/istorija_povsednevnosti_kak_napravlenije_istoricheskih_issledovanij_2010-03-16.htm.

2 Трудовая этика как проблема отечественной культуры: современные аспекты (материалы «круглого стола») // Вопр. философии. 1992. № 1. С. 3.

3 Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М., 1990. С. 69–95.

4 См. напр.: Миронов Б. Н. «Послал Бог работу, да отнял чёрт охоту» : трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история. Ежегодник. 1998–1999. М., 1999. С. 243; Тяжельникова В. С. Отношение к труду в советский и постсоветский период // Социально-экономическая трансформация в России. Сер. «Научные доклады». Вып. 131. М., 2001. С. 99–123.

5 Подробнее: Миронов Б. Н. «Послал Бог работу, да отнял чёрт охоту»… С. 244; Тяжельникова В. С. Отношение к труду… С. 100–102.

[6] За период с 1926 по 1937 г. численность городского населения Западной Сибири увеличилась на 72,1 %, доля выходцев из села среди нового пополнения составила 68,5 % [Население Западной Сибири в XX веке / отв. ред. Н. Я. Гущин, В. А. Исупов. Новосибирск, 1997. С. 95].
[7] Безгин В. Б. История сельской повседневности. Тамбов, 2008. С. 9.
[8] Кодекс законов о труде РСФСР 1922 г. // Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1922 г. № 70. Ст. 903.
[9] Кодекс законов о труде РСФСР 1922 года (ст. 146).
[10] Положение о дисциплинарных товарищеских судах. Декрет СНК РСФСР от 5 апреля 1921 г. (Ст. 9, пп. «з», «и», «к».) // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1921 г. М., 1944. № 23–24. Ст. 142.
[11] Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20 февраля 1931 г. О производственно-товарищеских судах на фабриках, заводах, в государственных и общественных учреждениях и предприятиях // Хронологическое собрание законов, указов президиума Верховного Совета и постановлений правительства РСФСР. Т. 3. 1930–1934 гг. М., 1949. С. 157–161.
[12] Исаев В. И. Быт рабочих Сибири 1926–1937 гг. Новосибирск, 1988. С. 197–198.
[13] ГАНО. Ф.Р-1027. Оп. 6. Д. 34. Л. 1–5.
[14] Там же. Д. 47. Л. 111.
[15] Там же. Д. 34. Л. 1–5.
[16] Исаев В. И. Быт рабочих Сибири… С. 198.
[17] ГАОО. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 509. Л. 32–33 об.
[18] Там же. Д. 501. Л. 2.
[19] Ильюхов А. А. Как платили большевики. Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М., 2010. С. 8.
[20] Сталин И. В. Сочинения : в 18 т. Т. 18. М., 1951. С. 5–80.
[21] ГАНО. Ф. П-627. Оп. 1. Д. 1969 «а». Л. 29–39; Д. 1120. Л. 121–137.
[22] Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1982. С. 299.
[23] Процент охваченных ударничеством работников в этом цеху можно считать довольно высоким, если принять во внимание процент ударников и стахановцев по Сибири в целом на конец первой пятилетки (ударников – до 35 %, стахановцев – до 25 %) [Рабочий класс Сибири… С. 299.]
[24] ГАНО. Ф. 627. Оп. 1. Д. 1002. Л. 29.

Г. А. Гончаров

«ПРИНУЖДЕНИЕ К ТРУДУ» И «ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД» В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917–1940)[*]

В отечественной историографии тема труда при социализме занимает отдельное место. Советскими историками было написано огромное количество монографий и статей о формировании новых трудовых отношений в первые десятилетия советской власти, о коммунистическом отношении к труду, социалистическом соревновании, различных трудовых починах. Характерными чертами этих работ были героизация событий, освещение исключительно позитивных моментов. По идеологическим причинам различные формы внеэкономического

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.». Государственное соглашение № 14.B37.21.0001.

принуждения не исследовались. В постсоветский период именно последний аспект оказался в центре внимания историков. Были исследованы такие методы организации труда, как «всеобщая трудовая повинность», «огосударствление труда», «принудительный труд»[1]. Особое внимание было уделено проблеме принудительного труда при социализме. Его активное использование связывается российскими историками с социалистической индустриализацией 1930-х гг., которая носила форсированный характер, присущий советской модели экономики мобилизационного типа[2].

Формирование советской модели экономики берет своё начало в первые годы советской власти. В это же время складывается отношение большевиков к организации труда. Ликвидировав рыночные отношения, рынок рабочей силы, руководители советского государства и РКП (б) в качестве основного метода её организации прибегли к принуждению, «…ибо нигде революция не производилась без принуждения, и пролетариат имеет право осуществлять принуждение, что бы то ни стало удержать своё»[3]. Принуждение, в данном случае, трактовалось как принудительность к труду в самых различных формах.

Краеугольным камнем марксизма является положение о ликвидации частной собственности на средства производства. При этом декларировалась одинаковая обязательность труда для всех членов общества. Этот принцип был заменен большевиками формально близким по значению принципом принудительности в форме всеобщей трудовой повинности, которая считалась «громадным шагом к социализму». Она была провозглашена в январе 1918 г. в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», закреплена в «Кодексе законов о труде» в декабре 1918 г., получила законодательное оформление в январе 1920 г. в декрете СНК «О порядке всеобщей трудовой повинности»[4].

В итоге «принуждение к труду» посредством трудовой повинности было распространено на все категории населения. Такой подход был не только на текущий момент, но и на перспективу. Лев Троцкий в своей книге «Терроризм и коммунизм» (1920 г.) писал: «Необходимо раз-навсегда уяснить себе, что самый принцип трудовой повинности столь же радикально и невозвратно сменил принцип вольного найма, как социализация средств производства сменила капиталистическую собственность…». Считалось, что даже в мирное время не будет ничего удивительного в том, если будет применяться принудительное распределение рабочей силы в интересах общества в целом. «Это будет принудительным по отношению ко всему пролетариату…». Более того, не делалось никакой разницы между «принуждением к труду» в форме всеобщей трудовой повинности и «принудительным трудом». В 1920 г. член РВС Юго-Западного фронта Р. И. Берзин, характеризуя ситуацию с созданием «революционных армий труда», прямо заявлял об этом: «Видела ли история человечества более грандиозное и знаменательное начинание! Нет. Это новый великий шаг вперед в деле организации массового принудительного труда – всеобщей трудовой повинности теперь в государственном масштабе…»[5].

«Принуждение к труду» и организация принудительного труда должны были и могли осуществляться самыми различными методами: «В одном месте посадят в тюрьму десяток богачей, – писал В. И. Ленин, – дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы… В другом поставят их чистить сортиры. В третьем – снабдят их, по отбытии карцера, жёлтыми билетами, чтобы весь народ, до их исправления, надзирал за ними, как за *вредными* людьми. В четвертом – расстреляют на месте одного из десяти виновных в тунеядстве. В пятом – придумают комбинацию разных средств»[6].

Отдельное место в организации всеобщей трудовой повинности отводилось концлагерям, которые были созданы летом 1918 г. для изоляции классовых врагов. Но уже в конце этого года было решено «оставить эти концентрационные лагеря для использования труда арестованных, для господ, проживающих без занятий, для тех, кто не может работать без известного принуждения». Весной 1919 г. были созданы лагеря принудительных работ.

После окончания периода «военного коммунизма» советская власть не отказалась от этой идеи. Хотя лагеря принудительных работ были упразднены, мнение о том, что заключенные «должны покрывать своим трудом расходы на них, ими должны заселяться пустынные, бездорожные местности», было довольно таки распространённым. В декабре 1926 г. Высший Совет Народного хозяйства РСФСР и ГУМЗ НКВД рекомендовали местным советским и хозяйственным органам использовать максимальное количество заключенных, не занятых в трудовых процессах. К 1928 г. удалось занять трудом 39 % заключенных[7]. С переходом к форсированной индустриализации ситуация с использованием принудительного труда кардинально меняется.

Трудовая повинность для рабочего класса в первые годы советской власти превращалась в задачу «установления трудовой дисциплины и самодисциплины». В. И. Ленин неоднократно высказывался за введение драконовских мер по отношению к нарушителям трудовой дисциплины. В тезисах по текущему моменту, написанных в связи с проведением хлебной монополии, специальный пункт гласил: «Ввести расстрел за недисциплину». Под руководством профсоюзов создавалась специальная система органов, призванная добиваться поднятия производительности труда и соблюдения трудовой дисциплины. В середине 1918 г. появляются первые дисциплинарные суды, которые могли налагать на нарушителей административные взыскания. Осенью 1919 г. они получили право направлять в концлагерь: «Мы должны сказать рабочему, что ты до тех пор рабочий, пока дисциплинирован. С момента, как он перестает быть рабочим, с ним покончены расчеты. Здесь ничто нас удерживать не должно…». По мнению руководителя советского государства, угроза заключения в концентрационные лагеря должна была способствовать укреплению трудовой дисциплины: «Если мы возьмем советские учреждения, то здесь должна быть применена мера такого наказания за недобросовестное отношение к делу, нерадение, за опоздание и т. д. Этой мерой мы можем подтянуть даже наших собственных работников». Регулирование этого процесса было передано в руки Наркомата внутренних дел, которому поручалось управление лагерями принудительных работ с представительством в Главном Комитете по всеобщей трудовой повинности[8].

Использование одного принуждения было недостаточно как для решения конкретной задачи, так и для достижения конечной цели. Для успеха была необходима добровольная и энергичная поддержка деятельности правительства населением, необходимы были формы, объединяющие и направляющие широкие слои. Инструментом ценностно-психологической мобилизации явилась советская идеология. Большевики предприняли попытку соединить идею государственного принуждения с революционным настроем масс. Была поставлена задача «научиться соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов митинговый демократизм трудящихся с железной дисциплиной во время труда, с беспрекословным повиновением воле одного лица, советского руководителя, во время труда». Для участников трудового фронта разрабатывался целый ритуал, который был направлен на осознание причастности к «великим делам». В начале работ, в ряде случаев, давали присягу: «Я сын трудового народа РСФСР, в полном согласии со своими убеждениями и совестью… Обязуюсь во время производства работ беспрекословно исполнять все приказания и распоряжения Советской власти… Обязуюсь работать не за страх, а за совесть все положенные по должности рабочие часы, а если потребуется для долга службы, то и сверхурочно. Обязуюсь начинать и кончать работу в назначенное время, а не по своему усмотрению. Обязуюсь блюсти достояние народное как в виде материала, так и инструментов и прочего имущества, памятуя, что преступник тот, что не бережет имущество советской республики. За нарушения <…> несу всю ответственность перед судом Рабоче-крестьянского правительства»[9].

Однако, несмотря на предпринятые меры, граждане уклонялись от работ, старались избежать трудовой повинности. Наиболее эффективной оказалась идея проведения коммунистических субботников. Она более соответствовала революционному настрою народных

масс. Субботники считались шагом в ответ на «происки мировой буржуазии», превращались в народные гуляния. Возникнув как добровольные, они стали рассматриваться советским правительством как обязательный элемент трудовой политики советской власти со всеми вытекающими отсюда последствиями: была введена регламентация их проведения, поставлен вопрос о нормах выработки и т. д. Все это свидетельствовало о том, что был совершен переход от понимания субботников как бесплатного и не нормированного никакой властью труда к мероприятию, подвергающегося государственному регулированию. Коммунистические субботники стали рассматриваться как один из методов пропаганды идеи всеобщей трудовой повинности[10].

Забегая вперед и пытаясь сравнить практику организации труда в годы «военного коммунизма» с процессами формирования трудовых отношений в годы индустриализации, можно утверждать, что большевики в первые годы советской власти заложили фундамент для реализации идеи «огосударствленного труда» и массового привлечения населения к исполнению своих трудовых обязанностей в 1930-е гг.

1921 г. ознаменовался переходом к новой экономической политике. В 1922 г. был принят новый Кодекс о труде, отменявший всеобщую трудовую повинность и вводивший наем рабочей силы. Несмотря на эти радикальные изменения, советское правительство не собиралось отказываться от трудовой повинности. Оно оставляло за собой право использовать этот метод организации труда. В соответствии со ст. 11 Кодекса государство диктатуры пролетариата могло её объявить в случае недостатка рабочей силы для выполнения важных государственных заданий. Это означало, что даже в условиях либерализации экономики большевики не отказались от использования принуждения к труду. Это подтвердил в своем выступлении на XV партийной конференции в 1926 г. И. В. Сталин. Говоря об использовании принудительного труда при построении социализма, он заявил, что «мы пробовали этот путь в виде организаций трудовых армий. Но на этом пути больших результатов не добились. Мы потом пошли к этой цели обходными путями, и нет оснований сомневаться в том, что добьёмся в этой области решающих успехов»[11].

Вскоре такая возможно представилась. В середине 1920-х гг. закончился период восстановления народного хозяйства. На повестку дня встал вопрос рационального использования рабочей силы. С целью упорядочения её набора в марте 1927 г. принимается решение о проведении оргнабора, который осуществлялся путем заключения договоров организаций с колхозами, закрепляя рабочую силу за предприятиями на определенные сроки на основе контрактации. На практике использовался принцип «принуждения к труду», т. к. договоры заключались автоматически, не учитывая при этом ни интересов, ни умений крестьян. На рубеже 1920–30-х гг. была расширена сфера использования труда граждан, привлеченных в порядке трудовой повинности (подвозка хлеба к железнодорожным станциям; ремонт, содержание и восстановление дорог местного значения, мостов и др.)[12].

Наряду с возрождением принципа «принуждения к труду» был осуществлен возврат к «принудительному труду». В годы социалистической индустриализации это коснулось тех слоев населения, в которых советское государство видело врагов строительства социализма. Наиболее «социально-опасные» категории оказались в местах заключения. В 1928 г. было предложено использовать труд заключенных на земляных работах, стройках, лесозаготовках. Предлагалось развернуть лагеря общей численностью до одного миллиона человек. Эти предложения составили основу постановления Политбюро ЦК ВКП (б) от 27 июня 1929 г. «Об использовании труда уголовно-заключенных» и одноименного постановления СНК СССР от 11 июля 1929 г., ставших исходной точкой формирования гулаговской системы подневольного труда. В ноябре 1929 г. ЦИК и СНК внесли изменения в «Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных республик», принятые в 1924 г. Впервые в советском законодательстве появился термин ‘исправительно-трудовой лагерь’ (ИТЛ)

и, соответственно, новый вид уголовного наказания. В апреле 1930 г. СНК СССР принял «Положение об исправительно-трудовых лагерях». Для руководства лагерями весной 1930 г. создается Управление лагерями (УЛАГ). С осени 1930 г. наряду с названием УЛАГ появляется название ГУЛАГ – Главное управление лагерями ОГПУ. Вместе с органами изоляции в систему ГУЛАГа входили Бюро исправительных работ (БИРы), задачей которых являлось привлечение к принудительному труду лиц, осужденных без лишения свободы[13]. По подсчетам российских историков на 1 января 1941 г. численность заключенных ГУЛАГА составляла1979729 человек. На учете Бюро исправительных работ состояло 1264000 осужденных[14]. Это означало, что в сфере использования принудительного труда оказалось более 3000000 человек.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что в конце 1920-х – 30-е гг. принцип «принуждения к труду» получил более масштабное применение, чем использование принудительного труда. Это было связано с созданием системы регулируемых государством трудовых отношений, конечной целью которой было «огосударствление труда». Начало этому процессу было положено в конце 1920-х гг., когда был принят целый ряд постановлений, направленных на укрепление трудовой дисциплины, повышение прав администрации предприятий в регулировании трудовых отношений, укрепление единоначалия на производстве, ликвидации текучести кадров. С ноября 1932 г. были введены наказания за прогул на производстве. С 15 января 1939 г. в целях упорядочения учета рабочих и служащих на предприятиях и учреждениях были возрождены трудовые книжки. Государство получило возможность контролировать перемещение человека с одного места на другое, фиксировать его общий трудовой стаж, квалификацию, причины увольнение и награждения. Точку в деле по «огосударствлению труда» поставила серия указов 1940 г. В соответствии с их содержанием была увеличена продолжительность рабочего дня до 8 часов, запрещен самовольный уход с работы и переход с одного предприятия или учреждения в другое; органы власти получили право перевода в обязательном порядке рабочих и служащих по своему усмотрению, независимо от территориального расположения предприятий и учреждений, а также проведение мобилизации молодежи с целью обучения рабочим специальностям[15]. В итоге рабочие и служащие оказались окончательно прикрепленными к месту работы и полностью зависимыми от государства. «Принуждение к труду» периода «военного коммунизма» было заменено добровольно-принудительной обязанностью каждого гражданина СССР работать там, где это было нужно государству, и довольствоваться тем, как оценит работу государство. Решая эту задачу, государство осуществляло социальную мобилизацию населения. Её институтами были партия, общественно-политические, общественные и хозяйственные организации, которые посредством трудовых починов, социалистического соревнования использовали инициативу трудящихся.

Таким образом, к началу Великой Отечественной войны в СССР сложилась система трудовых отношений, построенная на прямом администрировании и жесткой централизации управления рабочей силой, что, так же как и в годы «военного коммунизма», в значительной степени ограничивало возможность работника распоряжаться своим трудом, а в ряде случаев и вообще лишало его этого права. В основе системы лежали принцип «принуждения к труду» и использование принудительного труда, но реализовывались они уже с учетом новых исторических реалий.

Примечания

[1] Кудров В. М. Об альтернативных оценках производительности труда в СССР // Экономическая история. Ежегодник. 2003. М., 2004. С. 57, 63; Соколов А. К. Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис (конец1930-х – середина 1950-х гг.) // Там же. С. 78; Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). Екатеринбург ; Пермь, 2003. С. 121; Бородкин Л. И. Структура и стимулирование принудительного труда в ГУЛАГе

: Норильлаг, конец 1930 – начало 1950 гг. // Экономическая история. Ежегодник. 2003. М., 2004. С. 226; Гончаров Г. А. «Трудовая армия» на Урале в годы Великой Отечественной войны. Челябинск, 2006. С. 82–83 и др.

[2] См.: Хлевнюк О. В. Экономика ОГПУ-НКВД-МВД СССР в 1930–1953 гг. : масштабы, структура, тенденции развития // ГУЛАГ : (Экономика принудительного труда) / отв. ред. Л. И. Бородкин, П. Грегори, О. В. Хлевнюк. М., 2005. С. 79; Кирилов В. М. Принудительный труд в контексте мобилизационной экономики // Мобилизационная модель экономики : исторический опыт России XX века : сб. материалов всерос. науч. конф. Челябинск, 28–29 нояб. 2009 г. / под ред. Г. А. Гончарова, С. А. Баканова. Челябинск, 2009. С. 330 и др.

[3] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференциях и пленумов ЦК. Т. 2. М, 1983. С. 241–258.

[4] Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 322; Т. 3. М., 1975. С. 168; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967). М., 1967. С. 159–161.

[5] Берзин Р. Красная армия труда // Революционный фронт. 1920. № 2. С. 8; ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 3. Д. 27. Л. 2; Троцкий Л. Терроризм и коммунизм. Петербург, 1920. С. 133.

[6] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 204.

[7] Декреты Советской власти. Т. V. С. 174–181; Ист. арх. 1958. № 1. С. 10; История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х гг. : собр. док. : в 7 т. Т. 2. М., 2004. С. 582–583; Кузьмин С. И. Исправительно-трудовые учреждения в СССР (1917–1953 гг.) М., 1991. С. 77.

[8] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 135, 144, 145, 146, 217, 374; Декреты Советской власти. Т. V. С. 175; Т. VII. С. 174, 274; ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 3. Д. 29. Л. 280; Ист. арх. 1958. № 1. С. 10.

[9] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 203; Т. 40. С. 112; Документы трудового энтузиазма. М., 1960. С. 98.

[10] Крас. Урал. 1919. 20 сент.; 30 сент.; Урал. рабочий. 1919. 19 сент.; Звезда. 1920. 17 авг.; Декреты Советской власти. Т. VII. С. 167–171; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 274; Т. 40. С. 36, 288, 404.

[11] См.: Хрестоматия по истории отечественного государства и права (послеоктябрьский период) / под ред. О. И. Чистякова. М., 1994. С. 85, 92; Сталин И. Сочинения. Т. 8. М., 1952. С. 300.

[12] Систематическое собрание законов РСФСР, действовавших на 1 января 1928 г. (7 ноября 1917 – 31 декабря 1927 г.) / под ред. Я. Н. Брандебургского. Т. 3. М., 1930. С. 159; КЗОТ с постатейными разъяснениями / под ред. Е. Н. Даниловой, А. М. Стопани. М. ; Л., 1931. Ст. 97.

[13] Рассказов Л. П. Роль ГУЛАГа в предвоенных пятилетках // Экономическая история. Ежегодник. 2002. М., 2003. С. 273–274; Стручков Н. А. «Зона», приоткрытая для критики // Коммунист. 1989. № 18. С. 89; ГУЛАГ : Экономика принудительного труда. М., 2008. С. 68; Главное управление лагерей. 1918–1960. С. 64–65; Иванова Г. М. ГУЛАГ в экономической и политической жизни страны // СССР и холодная война. М., 1995. С. 205; Урал : век двадцатый. Люди. События. Жизнь. Очерки истории. Екатеринбург, 2000. С. 255.

[14] См.: Земсков В. Н. : 1) Об учёте спецконтингента НКВД во всероссийских переписях населения 1937 и 1939 гг. // Социолог. исслед. 1991. № 2. С. 75; 2) ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социолог. исслед. 1991. № 6. С. 11.

[15] См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. М., 1967. С. 8–13, 126–127, 432–437, 757–760, 775–778; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференциях и пленумов ЦК. Т. 5. М., 1984. С. 329–330, 432–437; Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. М., 1983. С. 653–655.

Е. А. Гончарова

«РЕВОЛЮЦИОННАЯ АРМИЯ ТРУДА» КАК ФЕНОМЕН ПЕРВЫХ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Январь 1920 г. ознаменовал собой рождение новой формы организации труда – «революционной армии труда». Реввоенсовет 3-й армии Восточного фронта выступил с предложением о её преобразовании в «Армию труда». 10 января 1920 г. командарм М. С. Матиясевич и член РВС П. И. Гаевский направили руководству советского правительства (В. И. Ленину и Л. Д. Троцкому) телеграмму, где предлагалось: «Обратить все силы и средства Красной Армии на восстановление транспорта и организацию хозяйства… Красную Армию Востфронта переименовать в 1-ю Революционную Армию Труда РСФСР»[1]. 13 января предложение получило поддержку Совнаркома. Было принято решение: «Приветствовать предложение РВС 3-й армии использовать её силы для решения хозяйственных задач…» как цельной организации с сохранением её аппарата[2]. Так было положено начало истории трудовых армий советской России.

В отечественной историографии данная проблема нашла своё отражение. Наиболее дискуссионным оказался вопрос о причинах создания «революционных армий труда». Советские историки в качестве основной причины называли необходимость восстановления народного хозяйства в условиях военной угрозы. В постсоветский период доказывался тезис о том, что перевод действующих армий на трудовой фронт вместо проведения демобилизации был вызван не только существующей военной угрозой, но и необходимостью решать в регионах целый комплекс внутриполитических и экономических задач[3]. Несмотря на различные подходы, исследователей разных поколений объединяет мысль о том, что появление «революционных армий труда» было обусловлено Гражданской войной.

Использование действующих армий не по своему прямому назначению в чрезвычайных условиях – нередкое явление, как для российской, так и для мировой истории. Логичным, в данном случае, может быть вывод о том, что большевики использовали уже имеющийся опыт, в том числе и собственный.

Первые военные формирования на трудовом фронте большевики стали использовать в июле 1918 г. Был издан Декрет о привлечении в тыловое ополчение. «Ополченцы» зачислялись на военную службу и направлялись в особые рабочие части. Продовольственное и вещевое довольствие осуществлялись по нормам, установленным для тыловых частей, внутренний распорядок соответствовал требованиям воинского Устава. На освобожденных от белогвардейцев территориях во второй половине 1919 г. местные власти использовали труд красноармейцев на промышленных предприятиях, на транспортных работах. 10 декабря 1919 г. РВС республики издал приказ за № 2074, в котором обязал военные власти оказывать помощь железной дороге в рабочей силе для лесозаготовительных работ и обеспечения топливом. К работе были привлечены инженерные батальоны и прочие инженерные части, не задействованные в боевых действиях; войсковые части – полевые, запасные, караульные и прочие[4]. По подсчету отечественных историков, к началу 1920 г. число красноармейцев, работавших на лесозаготовках, строительстве железнодорожных веток, погрузке и разгрузке вагонов с дровами, достигло в среднем 50 тыс. чел. в день[5].

Но тогда не совсем понятным является то, почему интенсивная организация трудовых армий в широких масштабах пришлась на первую половину 1920 г., когда внешнеполитическая ситуация для советской России изменилась кардинальным образом, военная угроза ослабла и не было необходимости сохранять многомиллионную Красную Армию. Для выполнения хозяйственных работ было бы достаточно продолжать использовать отдельные трудовые части. Но именно в этот период начинается интенсивный процесс формирования трудовых армий.

Через неделю после создания 1-й Революционной армии труда на Урале утверждается положение об Украинском совете трудовой армии («Укрсовтрударм» – 21 января 1920 г.), который в своей деятельности должен был объединить работу центральных хозяйственных органов и местных властей, решить вопросы обеспечения рабочей силой предприятий и соблюдения трудовой дисциплины, организовать добычу сырья, топлива и сбор продовольствия на территории Украины. Все местные хозяйственные учреждения подчинялись «Укрсовтрударму». В 1921 г. из её состава выделяется Донецкая трудовая армия, задачей которой была добыча и транспортировка угля в Донецком бассейне[6].

23 января 1920 г. было принято положение о Совете Кавказской армии труда. В район его действия входили Кубанская и Теркская области, Ставропольская губерния. Структура, задачи, полномочия совпадали с «Укрсовтрудармом». Но создание Кавказской трудовой армии затянулось до 10 апреля и произошло после освобождения территорий от белогвардейцев[7].

23 января 1920 г. принимается постановление Совета Обороны об использовании Западной армии Республики на железнодорожных работах и для организации железнодорожного сообщения между Москвой и Екатеринбургом. Для улучшения работы юго-восточных железных дорог на базе 2-й армии Кавказского фронта создается в апреле Вторая железнодорожная армия[8].

10 февраля 1920 г. по решению Совета обороны на базе 7-й армии создается Петроградская трудовая армия, район дислокации которой включал в себя Петроград и Петроградскую губернию, часть районов Псковской и Новгородской губерний. В Совтрударм входили представители центральных хозяйственных органов и местных властей[9].

16 января 1920 г. РВС республики принимает решение «привести в известность личный состав 4-й армии [Туркестанский фронт. – *Авт.*] с точки зрения возможности, без нарушения аппарата армии и её боевого характера, использования её частей и учреждений ближайших месяцев для решения хозяйственных задач…». В апреле на её базе формируется Вторая Революционная армия труда. На неё возлагается решение транспортных, продовольственных и топливных проблем. Особое значение имела доставка эмбенской нефти. Район её деятельности включал территории 2 автономных республик (Киргизскую и Башкирскую), 2 областей (Уральскую и Тургайскую) и 7 губерний (Саратовскую, Самарскую, Тамбовскую, Пензенскую, Оренбургскую, Царицынскую, Астраханскую). Одновременно организуется Заволжский военный округ, имевший фактически объединенное управление с трудовой армией[10].

На базе действующей 5-й армии Восточного фронта создается Сибирская трудовая армия. Летом 1920 г. Сиббюро ЦК РКП (б) предложило преобразовать её в трудовую. Однако это предложение не было принято. Лишь после разговора атамана Г. М. Семёнова в январе 1921 г. появляется новая «революционная армия труда». Разрабатывается проект создания Северной трудовой армии, которая должна была действовать в Архангельской, Вологодской и Северо-Двинской губерниях[11]. В итоге в период с января 1920 г. по октябрь 1921 г. было создано 8 «революционных армий труда», что позволяет говорить о целенаправленной политике советского правительства.

По мнению большевиков, создание «революционных армий труда» на базе действующей Красной Армии не только было целесообразно, но и необходимо: «Из общего хода вещей, экономического и военного, мы видим, что трудовые армии диктуются неизбежностью – совмещение двух начал может быть допущено, тем более что эти начала друг друга не поглощают, а сожительствуют рядом, укрепляя друг друга <…> что очень важно для проведения безболезненно всеобщего трудового начала»[12].

Трудовые армии, таким образом, должны были продолжить реализацию на практике идеи организации всеобщей трудовой повинности посредством милитаризации труда. Это позволяло решать задачу превращения всего населения советской республики в «одну великую всероссийскую трудовую артель», в солдат «великой советской армии труда». «Ви-

дела ли история человечества более грандиозное и знаменательное начинание!» – отмечает Р. И. Берзин (член РВС Юго-Западного фронта), – нет. Это новый великий шаг вперед в деле организации массового принудительного труда – всеобщей трудовой повинности теперь в государственном масштабе…»[13].

Гражданская война предоставила большевикам возможность ускорить этот процесс. В борьбе с белогвардейцами и интервентами, контрреволюцией удалось организовать огромные массы людей, объединив их идеей борьбы за светлое будущее. Чтобы оно наступило, нужно было не только его защищать на фронте, но и восстанавливать разрушенное войной. Для решения последней задачи благоприятные условия сложились в 1920 г. – основные силы контрреволюции были разгромлены. Но демобилизовать многомиллионную Красную Армию было невозможно из-за расстройства транспорта и опасности возобновления военных действий. Возвращение «человека с ружьем» в разоренную «продразверсткой» деревню было бы политически опасным для советской власти. В этой ситуации принимается решение использовать организованную военную силу, которую распускать нельзя и содержать без дела опасно, на трудовом фронте. В. И. Ленин характеризовал этот шаг как «своеобразие переходного периода, которое и породило идею “трудовых армий”»[14].

Трудовые армии в силу своей организованности, наличия централизованной системы управления и революционного духа воспринимались как «локомотив», который поможет быстрее двигаться к достижению конечной цели – построению коммунистического общества. Современники событий считали, что именно «революционные армии труда» являются тем фундаментом, на котором будет в короткие сроки построено социалистическое общество, будет создан «светлый дворец новой, хорошей, чистой жизни». Трудовые армии могут и должны показать своим примером образец «объединенного, дисциплинированного и сознательного труда», одновременно перевоспитывая рабочих, крестьян и интеллигенцию в духе коллективизма[15].

В беседе с корреспондентом американской газеты «The World» Линкольном Эйром (февраль 1920 г.) руководитель советского государства подчеркнул, что создание «революционных армий труда» стало возможным только в советской стране, которая борется за высокий идеал, и что было бы невозможно в капиталистических странах[16].

Создание «революционных армий труда» позволяло сделать шаг и в реализации другой идеи, распространяемой среди большевиков в этот период – «индустриализации» армии. Л. Д. Троцкий, выступая на IX съезде РКП (б), подчеркнул необходимость использовать опыт, приобретенный в военной области, в процессе организации труда. По его мнению, самую лучшую в мире армию можно было создать на основе обязательного обучения рабочих и трудовых крестьян в условиях близких к их повседневному труду. В феврале 1920 г. (время создания «революционных армий труда») он отмечал, что «нынешнему переходному периоду <…> должна соответствовать такая организация вооруженных сил, при которой трудящиеся получают необходимую военную подготовку с наименьшим отвлечением их от производительного труда. Такой системой может являться только построенная на территориальных началах Красная рабоче-крестьянская армия». Базой её создания должна была стать группа промышленных предприятий с примыкающей к ней промышленной периферией. В этом случае командный состав оказывался связан с производственной жизнью каждого района, а аппарат военной мобилизации сливался с системой управления трудовыми мобилизациями. Л. Д. Троцкий торопил как центральные, так и местные органы реализовать на практике идею использования воинских частей на трудовом фронте. В телефонограмме начальнику Всероглавштаба Н. И. Ратаэлю он подчеркивал, что так как задачей дальнейшего военного строительства в советской Республике является сближение армии с трудом, то необходимо ускорить этот процесс[17].

Учитывая важность задач, возлагающихся на «революционные армии труда», решением Политбюро ЦК РКП (б) председателем Совета 1 РАТ назначается Л. Д. Троцкий, его за-

местителем – Г. Л. Пятаков. Отдельные органы управления армии размещаются в Перми, Екатеринбурге, Камышлове, Троицке, Тюмени, Кустанае, а её воинские подразделения – в Кургане, Шадринске, Алапаевске, Верхне-Салдинске, Ялуторовске. Район её дислокации, таким образом, охватывал Екатеринбургскую, Пермскую, Челябинскую, Тюменскую и часть Уфимской губернии[18].

Структуры, осуществлявшие оперативную деятельность, были заменены органами управления, ориентированными на решение задач, связанных с хозяйственной деятельностью. Начальниками отделов назначались рабочие коммунисты, в ряде случаев новые обязанности продолжали исполнять кадровые военные. Все органы ВЧК в районе деятельности трудовой армии были подчинены особому уполномоченному ВЧК, который непосредственно находился в подчинении председателя 1 РАТ и ВЧК. Тесно взаимодействуя с местными органами власти, Совет 1 РАТ направлял на хозяйственные объекты отряды красноармейцев. Каждый отряд подчинялся своему командиру и не мог быть откомандированным по решению заводоуправления в другое место. Это позволяло, с одной стороны, сохранить боеспособность армии, а с другой, создать мощную и действительно работающую армию труда[19].

В феврале 1920 г. 1 РАТ стал в уральском регионе центром по осуществлению трудовой повинности. 21 февраля при Совете трудовой армии был создан Комитет по трудовой повинности, в составе представителей Реввоенсовета Трудармии, Наркомтруда, Наркомвнудела и Окружного военного комиссариата. В своем первом обращении к населению Екатеринбургской, Пермской, Тюменской, Уфимской и Челябинской губернии комитет «…объявил, согласно приказу Совета 1-й армии Труда, трудовую повинность всего трудоспособного населения…». До всеобщего сведения было доведено, что будут приняты все меры к принуждению вплоть до предания суду революционного трибунала. Создание в мае 1920 г. при Совете 1 РАТ организационно-инспекторского отдела по трудовой повинности расширило его полномочия: задачами его деятельности стало не только привлечение к работам населения, но и инспектирование местных комтрудов и других органов, имеющих целью привлечение населения к трудовой повинности, а также промышленных предприятий[20]. Подобными полномочиями обладали Советы Украинской, Петроградской, Второй железнодорожной армий труда. «Революционная армия труда» становились центром хозяйственной жизни регионов.

Деятельность «революционных армий труда» ограничивалась советскими руководителями и партийными деятелями «переходным» периодом. Но обращает на себя внимание тот факт, что в их выступлениях, статьях нет речи о конечной границе этого периода. Более того, неоднократно подчеркивалось, что этот «…переходный период займет много лет»[21]. После принятия решения X съезда РКП (б) о переходе к новой экономической политике В. И. Ленин в июне 1921 г. направляет в Реввоенсовет республики специальное письмо о необходимости продолжения использования армии на хозяйственном фронте. В июле 1921 г. он предлагает учитывать её хозяйственную работу при составлении народно-хозяйственного плана[22].

Учитывая вышеизложенное, мы вполне вправе говорить о том, что предлагалось использовать «трудовые армии» и после окончания Гражданской войны в условиях мирного строительства. Их появление было вызвано представлением большевиков о том, что «революционные армии труда» будут тем «локомотивом», который позволит в короткие сроки построить социалистическое общество. В этом заключается феномен «революционных армий труда» первых лет советской власти.

Примечания

[1] РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 3. Д. 95. Л. 126; Ленинский сборник. Т. XXIV. М., 1933. С. 33–34.

[2] Декреты Советской власти. М., 1975. Т. VII. С. 96–97.

[3] См.: Антонов-Овсеенко В. А. Строительство Красной Армии в революции. М., 1923; Оськин Д. П. Хозяйственная работа 2-й Особой Армии. М., 1926; Баевский Д. А. Очерки

по истории хозяйственного строительства периоды гражданской войны. М., 1957; Беджанян Р. М. Коммунистическая партия – организатор активного участия Красной Армии в социалистическом строительстве (1918–1932 гг.) : автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 1969; Скробов В. С. Военная деятельность коммунистической партии на Урале в период становления советской власти и гражданской войны (октябрь 1917–1920 гг.) : автореф. дис. … д-ра ист. наук. Свердловск, 1972; Берхин И. Б. Вопросы истории периода гражданской войны (1918–1920 гг.) в сочинениях В. И. Ленина. М., 1981; Цысь В. В. Трудовые армии периода Гражданской войны // Воен.-ист. журн. 2007. № 7. С. 53–59 и др.

[4] Декреты Советской власти. М., 1975. Т. III. С. 69–76.

[5] См.: Баевский Д. А. Очерки по истории хозяйственного строительства периода гражданской войны. М., 1957. С. 106.

[6] Декреты Советской власти. М., 1975. Т. VII. С. 121.

[7] Там же. С. 128; Денисов Н. Г. Анализ состава, структуры Кавказской армии труда. 1920–1922. Рукопись, депонир. в ИНИОН РАН № 9347. Ростов н/Д, 1982. С. 10.

[8] Декреты Советской власти. М., 1975. Т. VII. С. 133–134, 219–220; Совет. арх. 1976. № 4. С. 66; Ходак А. А. Особая армия Республики на восстановлении Юго-Восточных железных дорог в 1920 г. (по новым архивным документам). Рукопись, депонир. в ИНИОН АН СССР. № 821. М., 1976. С. 15.

[9] Декреты Советской власти. М., 1975. Т. VII. С. 233.

[10] Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1920–1923 гг. : сб. док. М., 2000. С. 21; Декреты Советской власти. М., 1976. Т. VIII. С. 81; РГВА. Ф. 173. Оп. 1. Д. 47. Л. 3–4; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 15. Л. 5.

[11] Ленинский сборник. М., 1970. Т. XXXVII. С. 234; РГВА. Ф. 6. Оп. 8. Д. 71. Л. 35–36; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 85. Л. 81.

[12] Дмитриевич Г. Трудовая армия // Воен. мысль. 1920. Кн. 1. Сент. С. 144.

[13] Декреты Советской власти. М., 1975. Т. VII. С. 191; Берзин Р. Красная армия труда // Революц. фронт. 1920. № 2. С. 8.

[14] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 79, 105–107; Ленин В. И. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 2000. С. 321.

[15] Соколов В. На новый фронт // Совет. Сибирь. 1920. 4 марта; Гойхбарг А. Трудовая повинность // Совет. Сибирь. 1920. 29 февр.; Стеклов Ю. На новом фронте // Изв. ВЦИК. 1920. № 17. 27 янв.; Орлинский Р. Роль Красной Армии в Советском строительстве // Революц. фронт. 1920. № 8. С. 11.

[16] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 155.

[17] Девятый съезд РКП (б). Март-апрель 1920 г. Протоколы. М., 1960. С. 91, 97–99; Троцкий Л. Д. Наша политика в деле создания армии: Тезисы доклада // Краснов В. Г., Дайнес В. О. Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт : (Документы. Мнения. Размышления). М., 2000. С. 425–426, 453; Троцкий Л. : 1) Как вооружалась революция. Т. 2, кн. 2. М., 1924. С. 48, 88; 2) К истории русской революции. М., 1990. С. 157.

[18] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 55. Л. 1; Собрание узаконений и распоряжений раб.-крест. правительства 24 февр. 1920 г. № 9. Ст. 59. С. 52; 23 апр. 1920 г. Ст. 138. С. 135; Крас. набат. 1920. 2 февр.

[19] РГВА. Ф. 164. Оп. 1. Д. 7. Л. 30, 34, 35.

[20] ОГАЧО. Ф. Р-363. Оп. 1. Д. 188. Л. 128; Д. 216. Л. 5; Серп и молот. 1920. № 4. С. 1; Челябинская губерния в период военного коммунизма : сб. док. Челябинск, 1960. С. 446, 450–453.

[21] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 104, 155.

[22] Там же. Т. 43. С. 287; Т. 44. С. 63; Т. 52. С. 416–417.

В. М. Кириллов

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА СПЕЦКОНТИНГЕНТА ИТЛ БМК-ЧМС (1942–1946 ГОДЫ)

Еще до прибытия спецконтингентов на строительство БМК возникла обычная проблема советской экономики – проблема низкой производительности труда. Например, в ноябре 1941 г. выполнение норм бойцами стройколонн не превышало 70 %. Поэтому начала вводиться прогрессивно-премиальная оплата труда, «регулироваться» питание (снижаться или увеличиваться в зависимости от производительности), уделено внимание обеспечению рабочих мест кипятком и инструментами[1].

С прибытием заключенных в декабре 1941 г. был установлен 10,5 часовой рабочий день (обед – 30 мин.) и коэффициент дневной выработки по отношению к нормам выработки за 8-часовой день – 1,1. Следовательно, норма 8 часового дня умножалась на 1,1 и получалась норма 10-часового дня. Исходя из чисто арифметических расчетов, коэффициент должен был бы составлять 1,25. Однако если вычесть время обеда (30 мин.) и перекуров (40 мин.) из рабочего дня, то на работу приходилось только 9 часов 20 мин. К тому же, видимо, была сделана скидка в связи с условиями работы в зимнее время[2].

Физическое состояние поступившего на стройку спецконтингента было весьма плачевным, значительная его часть не могла по-настоящему работать и выполнять нормы. В начале января 1942 г. последовало распоряжение по ИТЛ о запрете использовать категорию легкого физического труда (ЛФТ) на работах среднего и тяжелого труда (СФТ и ТФТ). Для категорий СФТ, использующихся на ТФТ, и ЛФТ на СФТ – решено считать 70 % выполнения нормы за 100 % (не снижая питание). Разрешено актированное время (списанное по причине простоев) потерь рабочего времени при определении процента выполнения нормы и начисления на норму питания исключать из календарного времени работы. В приказе по ИТЛ от 11.02.1942 г. выполняющим до 100 % нормы введено питание по котлу № 1, 100–125 % – по котлу № 2, 125 % и выше – по котлу № 3[3].

С 01.03.1942 г. установлен новый график работы: 12 часов на производстве, включая 1 час на обед. Скидки для ЛФТ увеличились до 30–50 %. Приказом от 07.03.1942 по ИТЛ принят новый поправочный коэффициент к нормам выработки в связи с введением 1 марта 11-час. рабочего дня: «Установить для рабочих спецконтингента и заключенных к нормам выработки 8 час. рабочего дня К=1,3 и к расценкам К=0,77». Эти коэффициенты уже соответствовали средним арифметическим расчетам. Таким образом, исчезали льготы зимнего времени[4].

Реальная лагерная жизнь и производство значительно расходились с постановлениями, распоряжениями и приказами. Из документа «О мероприятиях по поднятию производительности труда и трудовой дисциплины» **(**24.04.1942 г.) мы узнаем, что справки о выполнении работ заполняются халатно. Значительное количество спецконтингента не вырабатывает норму. В итоге приказано: выполнять нормы не ниже чем на 100 %, не завышать данные о выполненных объемах работ, ввести инспекторов для наблюдения за работой заключенных и трудмобилизованных «за счет средств производства»[5].

Проверка выполнения норм и расценок, проведенная по подразделениям ИТЛ 28.04.1942 г., показала: «Несмотря на обеспеченность рабсилой в первой половине апреля на 100 % Дорстроем производственный план выполнен всего лишь на 13,6 %, а отдельные участки, как 1-й, был обеспечен рабсилой на 148 %, а план этим участком был выполнен на 23 %». В то же время спецконтингент питался по котлу № 3 и для этого в отчетных документах указывался фиктивный процент выполнения плана – 126 %. Например, бригадам спецколонн № 10, 2, 4, 6, 8, 13, 23, 26, 30, 31, 34, 83, 66 на очистку снега по трассе была установлена норма 23 куб. м. вместо 44 куб. м., и «все это делалось с целью подгонки процента практиче-

ской производительности труда к проценту, ранее определенному на глазок, при выдаче 3-х дневных справок на питание, что не создавало стимула и заинтересованности к повышению производительности труда»[6].

О проблемах эксплуатации спецконтингента говорят многие факты. Шла постоянная борьба за эксплуатацию здоровой рабочей силы, стройотряды и лагучастки стремились избавиться от заболевших и инвалидов. Руководство ИТЛ вынуждено в своем приказе от 11.05.1942 г. ввести запрет на отказ подразделений принимать в свой состав рабочих ЛФТ[7].

Руководители лагподразделений всячески маневрировали для выполнения плана. Например, согласно результатам обследования СО № 6 от 23.05.1942 г., из 2800 списочного состава стройотряда выводилось на работу 1300 человек в день. В отчете отряда показано, что по группе «А» за 15 дней выведено 29862 чел./дня. Подтверждено акцептами (согласием) потребителей рабочей силы – 20771 чел./день, т. е. ИТЛ недодал 9091 чел./день. Для сокрытия ИТЛ показал часть невыведенных в группе «А». Группа «Б» превысила установленный лимит на 1,6 %»[8].

В связи с введением с 15 июня 1942 г. 10 час. рабочего дня для трудмобилизованных вводится новый коэффициент К=1,2[9].

Катастрофическое положение со здоровым фондом рабочей силы заставляет искать методы стимуляции труда, по аналогии с сектором «вольного» труда. В сентябре 1942 г. в ИТЛ вводится социалистическое соревнование[10]. Однако при обсуждении итогов производства в октябре 1942 г. констатируется, что «перевыполнен план по капиталовложениям, но в сентябре резко снижены темпы работ. Не выполняют план подсобные предприятия». Частично это связывают с недокомплектом рабочей силы. Принято решение о поддержке рационализаторской, изобретательской деятельности, дополнительном поступлении рабочей силы, об увеличении поставок материалов, техники, паровозов и т. п.[11]

В конце декабря 1942 г. вводятся новые нормы питания для трудмобилизованных: норма № 1: на тяжелых работах выполнение норм должно составлять до 80 %, на остальных работах – до 99 %; норма № 2: на тяжелых работах 80–99 % выполнения плана, на остальных работах – 99–125 %; норма № 3: на тяжелых работах – более 100 %, на остальных – 125 % и выше; дополнительная норма: на тяжелых работах более 130 %, на остальных – 180 % и выше; норма № 4 – больничное питание; норма № 5 – штрафпаек – 300 г хлеба и др.; норма № 6 – питание в пути. Определена норма выдачи хлеба[12].

Таблица 1

Нормы выдачи хлеба т/м стройотрядов НКВД СССР

% выработки производственных норм	Количество выдаваемого хлеба на основных тяжелых работах	Количество выдаваемого хлеба на остальных основных работах	Количество выдаваемого хлеба на вспомогательных работах
До 50	400	200	200
От 50 до 80	500	400	250
От 80 до 100	600	500	400
От 100 до 125	700	600	500
От 125 и выше	800	700	600
От 200 и выше	900	800	

Источник: ОГАЧО. Ф. 1619. Оп. 1. Д. 11. Л. 198.

Для трудмобилизованных, находящихся в ОПП, установлена норма в 600 г, с пониженной трудоспособностью и инвалидов в соответствии с выработкой установленных для них медицинско-трудовыми комиссиями пониженных производственных норм, но не свыше 600 г, инвалидам, которые не работают, и трудмобилизованным, находящимся под следствием, – 400 г[13].

Начальник ЧМС А. Н. Комаровский делал попытки увеличить нормы питания спецконтингента. В частности, в одном из своих прошений в ГУЛАГ (январь 1943 г.), он настаивал

на уравнении норм выдачи хлеба трудармейцам, работающим на шахтах ИТЛ до 1 кг, как это было на шахтах Наркомугля[14]. Однако нормативы были оставлены прежними.

Рабочий фонд ИТЛ ЧМС зимой 1942–1943 гг. буквально «таял» от невыносимых условий труда и перенапряжения сил спецконтингента. Ситуация вызвала обеспокоенность у руководства ГУЛАГа, которое послало своего инспектора в ИТЛ ЧМС для анализа сложившегося положения. Вот что явствует из его выступления на совещании начальников санчастей ИТЛ, проведенного 7 января 1943 г.: «Вот какую мы имеем динамику – от 7,9 % до 27,7 % рост группы “В”, от 0,6 до 2,9 % – рост смертности». Плохим питанием и зимой это не объяснишь. «Условия питания были не хуже, и даже лучше, чем в других местах». Инспектор анализировал: «Появление такой массы больных относится не к периоду роста показателей (октябрь, ноябрь 1942 г.), эти заболевания появились гораздо раньше, отсюда и вывод, что и август месяц, давший наивысшие показатели, являлся только относительно благополучным. К этому времени уже скопилось достаточно “горючего материала” и нужен был только случай, чтобы этот материал себя проявил. Зимний период, наступившие холода явились толчком и люди, ослабевшие, истощенные стали болеть и умирать»[15].

Как следовало из анализа: из числа госпитализированных в ноябре-декабре возрастом до 40 лет, заболело 76 %; лиц ЛФТ – 59,6 %, из них работало на тяжелых работах 63,4 %, госпитализировано 72,2 %, питались на 1 котле 18 %. Всего ЛФТ на 25.12.1942 г. числилось 8,5 тыс. чел. На 1 котле питалось в ноябре 46,45 %, в декабре – 54,98 %. Из числа умерших в ноябре-декабре: возрастом до 40 лет – 70,9 %, от авитаминозов – 65,6 %, лиц ЛФТ – 63,8 %, из них на тяжелых работах – 62,6 %, поздно были госпитализированы – 67 %. Старший инспектор санотдела ГУЛАГа Чернавский заключал: «Таким образом, от правды никуда не уйдешь. Эти данные говорят о том, что причинами возникновения большого числа ослабленных людей явились: 1. Использование лиц ЛФТ на тяжелых работах. 2. Питание людей на первом котле, в том числе длительно амбулаторно болеющих. Дальнейшим изучением вопросов выясняется, что напряженная производственная работа на протяжении многих месяцев без положенных выходных дней, с удлиненным рабочим днем, хождение рабочих на значительные расстояния пешком, в значительной мере способствовали ослаблению контингента… Санотдел строительства не справился должным образом со следующими задачами: 1. На протяжении всего летнего осеннего периода не производили медицинских комиссований контингента, 2. Несвоевременно выявлял, госпитализировал больных и ослабленных, 3. Недостаточно развернул коечную сеть, 4. Игнорировал приказ НКВД СССР за № 175, проявлял недостаточно настойчивости и оперативности в осуществлении оздоровительных мероприятий. И вот результаты налицо. Показатели приняли угрожающие размеры, тысячи людей вывели из строя». Перед руководством ИТЛ были поставлены следующие задачи: «1. Не допускать неправильного трудиспользования, избегать чрезмерного напряжения сил рабфонда. 2. Окончательно ликвидировать первый котел, как массовое явление, помня, что он также является поставщиком больных. 3. Своевременно выявлять и госпитализировать в больницы или ОПП всех больных и ослабленных. 4. Повысить качество ухода и лечения больных. 5. Освоить вновь организованный городок (лечебный – ВМК)…»[16].

Между тем, 23.01.1943 г. руководство ИТЛ ЧМС направило наркому внутренних дел Л. П. Берии победный доклад о выполнении плана капитальных работ по строительству первой очереди Челябинского металлургического комбината на 114,7 %[17]. Позже эту цифру увеличили до 116,7 %. Однако план по рабочей силе был выполнен только на 97 %, а по выработке вместо 45 р. только 35 р. 89 коп. в рублях на чел./день. Выполнение плана ввода объектов в эксплуатацию составило 82 %[18].

Результаты работы в январе 1943 г. оказались совсем неутешительными: процент выполнения плана по сумме составил всего 23,3 %, по выработке чуть более 60 %[19]. Очевидно, что проблемы в строительстве нарастали.

Результаты выборочных проверок лагподразделений показывали отрицательные результаты. Так, например, в конце января был проверен стройотряд № 16. Результаты: антисанитария, завшивленность, плохое питание, одежда не по сезону, «нормы выработки трудмобилизованных не пересмотрены, трудиспользование производится без учета категорийности, вследствие чего на 1-м котле в момент обследования довольствовалось 35 % списочного состава. ОПП на участке не организовано. Физическое состояние трудмобилизованных неудовлетворительное»[20].

Проводимая лагерным активом, КВО и КВЧ производственно-массовая работа имела разнообразные формы: стахановское движение (в т. ч. движение двух- и трехсотников, тысячников), движение молодежно-фронтовых бригад, движение многостаночников, обучение новым специальностям без отрыва от производства.

В 1944 г. в ИТЛ ЧМС была проведена 6631 стахановская вахта с охватом 122310 чел. лагконтингента. На сентябрь этого года по 1–5 лагучасткам насчитывалось 1672 двухсотника и 26 трехсотников; на октябрь – 2086 и 618, 60 многосотников; на ноябрь – 2239 двухсотников и 132 многосотника. В феврале 1945 г. было заключено 11 договоров о трудсоревновании между колоннами с охватом 4800 чел., между бригадами – 142 с охватом 388 чел. и т. д. В 1946 г. трудсоревнованием в ИТЛ было охвачено 3916 чел.[21]

В движении фронтовых бригад в 1943 г. участвовало 28 подразделений, в 1944 г. их численность увеличивалась с 48 до 150 (с контингентом более 3800 чел.). В 1945–1947 гг. происходило движение «бригад отличников». Таковых насчитывалось от 72 в 1945 г. до 181 в первом квартале 1947 г.[22]

Для повышения производительности труда использовалась и система поощрений в виде денежных премий, грамот, благодарностей, книжек отличника, продуктовых посылок, 2-х недельного пребывания в оздоровительном пункте, бараке рекордистов или доме отдыха[23].

Действует социалистическое соревнование как один из методов стимуляции труда и периодически подводятся его итоги с вручением переходящего Красного знамени.

Таблица 2

Итоги социалистического соревнования по ИТЛ ЧМС

Месяц/год	Подразделение-победитель	Производительность в %	Количество выполняющих норму в %	Количество стахановцев в %
Декабрь 1942	СО № 6 Подсобстрой каменный карьер	120,3	77	Более 20
	Колонна СО № 7 (РМЗ)	153		Более 50
	Колонна № 28 СО № 6 (Строймеханизация)	154		
Январь 1943	СО № 6 Подсобстрой каменный карьер	138	95	33
Февраль 1943	СО № 7 Доменстрой	144,8	95,6	12,2
Март 1943	СО № 7 Доменстрой	153,8	98,2	16,5
Апрель 1943	СО № 7 Доменстрой	161,8	99,1	31,8
Май 1943	СО № 6 Подсобстрой каменный карьер	154	69	39
Июль 1943	СО № 7 Доменстрой	151,7	100	38
Август 1943	СО № 6 Подсобстрой каменный карьер	171,1		61

Месяц/год	Подразделение-победитель	Производительность в %	Количество выполняющих норму в %	Количество стахановцев в %
Январь 1944	СО № 15 режимный Коксохимстрой	170,6		68
Февраль 1944	СО № 3 Строительство СУ № 2	170,1		60
Март 1944	СО № 7 Доменстрой	181,6		77
Апрель 1944	СО № 6 Подсобстрой каменный карьер	186,6	93,9	
Май 1944	СО № 7 Доменстрой	184		
	СО № 7 Доменстрой бригада № 3	223		
	ЛУ 1	180,4		

Источники: ОГАЧО. Ф. 1619. Оп. 1. Д. 18. Л. 18; Оп. 2. Д. 15. Л. 154; Оп. 1. Д. 18. Л. 267; Там же. Д. 19. Л. 93; Оп. 1. Д. 19. Л. 186; Д. 20. Л. 103; Д. 20. Л. 188; Д. 20. Л. 206; Оп. 1. Д. 25а. Л. 80; Оп. 2. Д. 40. Л. 157; Оп. 1. Д. 26. Л. 40; Д. 26. Л. 89; Д. 27. Л. 23, 24; Д. 27. Л. 55.

Понятно, что для подведения итогов социалистического соревнования выбирались лучшие лагподразделения, для них обеспечивались лучшие условия труда, повышенное внимание уделялось дисциплине. Однако вечные болезни принудительного труда проявляли себя постоянно. Систематически в лагерной документации встречаются приказы о наказании за плохую организацию работ, в которых подчеркивается, что простои не находят отражения в актах о сдаче работ и табеле[24]. Следовательно, расчет производительности труда постоянно фальсифицировался.

Для улучшения показателей работы руководство некоторых отрядов в начале 1943 г. продолжало практику 1942 г. – вместо оздоровления, зачисления больных в ОПП их пытались перевести в другие отряды (так, вероятно, можно было сэкономить фонд зарплаты)[25].

Своеобразным поворотным моментом в улучшении условий труда трудмобилизованных стал приказ №3 по Управлению ЧМС от 25.01.1943 г. В соответствии с ним установлены 3 обязательных выходных дня и 8-часовой отдых, отменены повышающие коэффициенты к нормам выработки, действующие нормы приведены в соответствие с нормами, применяемыми на предприятиях Челябинской области. Подчеркнуто, что «зачисление трудмобилизованных на довольствие по котлам производить исходя из выработки ими технических норм, установленных для 8-часового рабочего дня». Приказано «Актировать все дни простоев по атмосферным условиям и относить их по группе “А”, оплачивая за счет соответствующей статьи накладных расходов». Более того, разрешено в исключительных случаях время пеших переходов свыше 3 км к месту работы зачислять в основное рабочее время, внося поправки в нормы выработки. Для лиц ЛФТ при использовании как СФТ установили скидку 50 % к норме выработки, для СФТ используемых как ТФТ – 30 %. В приказе содержится 19 пунктов, это целый комплекс мер по коренному улучшению условий труда[26].

Между тем кризис в выполнении работ по ЧМС нарастал. При подведении итогов за 1-й квартал 1943 г. оказалось, что план капитального строительства выполнен только на 36,7 % плана. Главной причиной сочли недостаток рабочей силы. Отмечено, что новый контингент – военнопленные – сыграл отрицательную роль на производстве: из 3835 чел. работало только 250–300 чел. Обеспеченность по группам «А» всего спецконтингента ИТЛ упала до 43 % от плана (болезни и смертность – на самом деле, вот причина! – ВМК). Был сделан вывод, что недостает 15000 рабочих. Кроме того, руководство ЧМС жаловалось на необеспеченность лесоматериалами и дефицит электроэнергии[27]. Стало очевидно, что при

составлении проекта строительства не были точно рассчитаны необходимые энергетические мощности.

Несмотря на грозные и правильные приказы и распоряжения, лагерная «туфта» постоянно подрывала эффективность подневольного труда. В марте по результатам обследования в СО № 9 отмечался плохой учет трудоиспользования: «Рапорта о разводе по отряду и колонне не подтверждаются надлежаще оформленными документами и, особенно по группам “Б” и “В”. Данные заполняются на основе опроса бригадиров и самих трудмобилизованных»[28]. В приказе об обследовании СО № 16 от 15.03.1943 г. по-прежнему назывались факты избиения трудмобилизованных, превышения длительности рабочего дня, вывод ЛФТ на ТФТ, вывод в морозы, нарушение норм питания[29].

Напряжение в выполнении планов 1943 г. имело разные объяснения, связанные не только с некомплектом трудового фонда. В письме, адресованном Н. Вознесенскому в ГОКО, руководство ЧМС привело серьезные доводы, объясняющие срыв планов строительства. По мнению А. Н. Комаровского организация проектировавшая БМК – Государственный институт по проектированию новых заводов (Гипромез), не учел недостаток электроэнергии в Челябинском энергетическом кольце, поэтому «Построенные цехи завода из-за отсутствия электроэнергии стоят. Двух с лишним тысячный коллектив рабочих и ИТР около уже как полгода ничего не делает и жаждет какой-либо работы». Намечаемый срок пуска завода поставлен под угрозу. Кроме того, проекты Гипромеза заключают в себе излишества и «не отражают борьбы за экономию дефицитных строительных материалов». В итоге предлагалось даже распределить рабочих по другим заводам, пересмотреть очередность строительства новых объектов и назначить комиссию для обследования положения дел[30]. В конце апреля 1943 г. в ИТЛ ЧМС для категории ЛФТ введен 10-ти часовой рабочий день с установлением для них норм из расчета 8 часов и предоставлением права перевыполнения норм и зачисления на норму довольствия. Рекомендовано, если лица ЛФТ используются как лица СФТ, – нормы снижать на 30 %, как ТФТ – на 50 %, выписанных из стационаров в течение 7 дней использовать на ЛФТ с 6-часовой продолжительностью и снижением норм до 50 %[31].

В июне новые проверки выявили «приписки и намазки в наряд-заданиях» по многим лагподразделениям[32]. Практика лагерной «туфты» оказалась неискоренима.

Приказом по ИТЛ от 21.05.1943 г. ввели прогрессивно-сдельную оплату труда для трудмобилизованных и вольнонаемных рабочих с 1 июня 1943 г. Согласно летнему графику рабочий день трудмобилизованных начинался в 7.30 и заканчивался в 19.00, т. е. продолжался 11,5 часов[33].

В конце мая была проведена ревизия подразделений ЧМС по оформлению наряд-заданий акцептованной рабочей силы и начислению зарплаты. Разрыв по оперативному и бухгалтерскому учету по СО № 7 и СУ 3 за 1-й квартал в исчислении группы «А» составил 30 тыс. чел./дней. Разница между количеством акцептованной и оформленной документации на выплату заработной платы составила 20 тыс. чел./дней. То же самое отмечено в СО № 15, СУ 4, СО № 5 и карьере № 1, СО № 3. Руководство лагподразделений не приняло решительных мер к взысканию задолженности по акцептованной, но не оформленной документами на зарплату рабочей силы. Кроме того, исчисление среднесписочного состава спецконтингента происходило не по выходам конкретных людей на работу, а по отработанному времени в человеко-часах. Поэтому оказался неверен расчет группы «А». Внутрисменные простои не актировались, переброски на другую работу не оформлялись[34].

Приказом от 24.06.1943 г. введен коэффициент 0,5 для женщин заключенных, которые до этого вынуждены были трудиться наравне с мужчинами, а 30.10.1943 г. вышел приказ об организации оздоровительных пунктов и оздоровительных команд на ЧМС. Продолжалась практика смены повышающих коэффициентов в зависимости от времени года – с 01.11.1943 г. отменен коэффициент 1,1 в связи с наступлением зимы[35].

К сожалению, полноценные сводки о состоянии ИТЛ появляются только с декабря 1943 г. Поэтому мы не можем составить систематического представления о физическом состоянии и эффективности труда спецконтингента. В первой сводке по лагерю за декабрь 1943 г. есть сведения о показателях трудоиспользования. В частности говорится о том, что проведен ряд мероприятий по облегчению условий труда категории ЛФТ:

А) Введен 8-ми часовой рабочий день для всех трудмобилизованных и заключенных – ЛФТ, кроме специалистов, занятых на работах в закрытых помещениях;

Б) Категорически запрещено использование ЛФТ на тяжелых работах;

В) В отдельных случаях, при отсутствии легких работ, разрешено использование ЛФТ на работах средней тяжести, со снижением норм на 40 %.

В отношении контингентов мобилизованных из САВО установлены еще более значительные льготы трудиспользования, а именно: продолжительность рабочего дня при температурах ниже -20^0 в тихую погоду и -15^0 при ветре снижена до 4 час. 30 мин., а при температурах -15^0 в тихую погоду и -10^0 при ветре – они работают 6 час. 30 мин. Производственные нормы для этого контингента на весь зимний период также значительно снижены.

В сводке констатируется: «В течение декабря руководителями лагерных отделов была произведена неоднократная проверка условий трудиспользования контингента в морозные дни. Проверке были подвергнуты все производственные участки с точки зрения наличия на производстве обогревательных пунктов, предоставления 10-ти минутных перерывов в работе (каждый час) для обогрева, наличия кипятка, “одетости и обутости”.

Проверка показала, что основные указания руководства ЧМС по профилактике обморожений и правила трудиспользования в морозную погоду большинством Стройуправлений выполняются удовлетворительно. Отмеченные нарушения были устранены по ходу проверки.

На протяжении декабря всему контингенту было предоставлено 3 выходных дня. Ежедневный непрерывный 8-ми часовой отдых контингенту также предоставлен во всех подразделениях. Отдельные нарушения имели место в подразделениях, где пропускная способность бань не вполне соответствует увеличившемуся списочному составу лагнаселения (1-ый лаг. участок), вследствие чего санобработка затягивалась до 23 час. либо вследствие имевших место перебоев с водоснабжением на отдельных участках – по аварийным причинам».

Значительное внимание стало уделяться идеологической и политической работе со спецконтингентом. «Повседневно проводились беседы, направленные на укрепление лагерного режима и трудовой дисциплины, сохранение рабочего фонда. На разводах или после работы – по приказам Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза тов. СТАЛИНА проводились митинги, на которых лагнаселение мобилизовывалось на участие в стахановских вахтах, трудовых салютах в честь героических дивизий, освобождающих советские города и села от немецкого ига. Стахановские вахты сыграли большую роль в деле повышения производительности труда заключенных. Широкий размах это приняло в предслетовском декаднике (15 по 25 декабря). Вставшие на стахановскую вахту бригады давали до 5–6 норм.

Продолжалось дальнейшее оформление производства и лагеря лозунгами, плакатами, молниями. Они мобилизовали заключенных на высокие образцы работы /в дни предслетовского декадника, широкое трудовое соревнование и на ликвидацию нарушений трудовой дисциплины и лагерного режима. Была усилена наглядная агитация по популяризации значения “Книжки отличника”. Всего в декабре выпущено плакатов и лозунгов 279 и несколько десятков молний. Роздано до 210 книжек отличника.

Для передачи опыта лучших отстающим, поднятия производительности труда, укрепления трудовой дисциплины 26-го декабря во всех лагерных участках состоялись слеты мастеров высокой производительности труда. Участники встретили слет высокой производительностью…»[36].

В следующем, 1944 г. появилось еще одно новшество, облегчающее труд людей. Приказом от 9 февраля вводились зимние переводные коэффициенты («прибавки») к нормам времени транспортной конторы: при температуре (в градусах) 0-10 – 1,15; 11-20 – 1,30; 21-30 – 1,55; ниже 30 – 1,9[37].

С февраля 1944 г. по распоряжению НКВД СССР были установлены новые нормы выдачи хлеба для спецконтингента. Они оказались в целом ниже норм 1942 г.

Таблица 3

Временные нормы выдачи хлеба т/м и з/к по распоряжению НКВД СССР № 38 от 03.02.1944*

% выработки производственных норм	Количество выдаваемого хлеба на основных тяжелых работах	Количество выдаваемого хлеба на остальных основных работах	Количество выдаваемого хлеба на вспомогательных работах
До 50	400	300***	200
От 51 до 80	500	400	350***
От 81 до 100	550**	500	400
От 101 до 125	650**	550**	(от 101 до 129) 500
От 126 до 199	750**	650**	(от 130 и выше) 600
От 200 и выше	800**	700**	

*Источник: ОГАЧО. Ф. 1619. Оп. 1. Д. 28. Л. 129.

** Уменьшены

*** Увеличены

Государственная плановая комиссия при СНК СССР в лице своего уполномоченного по Челябинской области 7 марта 1944 г. направила А. Н. Комаровскому доклад «О ходе строительства и ввода в действие основных объектов ЧМЗ», подготовленный после проверки строительства. В нем отмечается, что «план капиталовложений 1943 г. выполнен всего на 90,1 %, в том числе хозспособом – на 104,1 %... Во второй половине 1943 г. строительство объектов на Челябинском метзаводе велось более форсировано, благодаря чему планы третьего и четвертого кварталов были перевыполнены и Челябметаллургстрою в течение всего второго полугодия из месяца в месяц присуждались переходящие Красные Знамена ГКО по строительству электростанций и по стройкам черной металлургии». В то же время не введен в действие ряд важных объектов: доменная печь № 1, коксовая батарея № 1, термический цех и т. п. Впоследствии цифру выполнения плана капвложений снизили до 89,3 %. Обеспеченность рабочей силой составила 91 %, норма выработки на чел./день оказалась выше плановой: 41 р. 26 коп. вместо 40 р. 90 коп. План ввода объектов в эксплуатацию выполнен только на 82 %, как и в 1942 г.[38] В этой ситуации ГКО предпринял экстренные меры по неотложной помощи строительству ЧМЗ. Все эти меры изложены в постановлении ГКО № 4171 от21 сентября 1944 г.[39]

Но никакие экстренные меры не могли изменить законы действия мобилизационной экономики и отрицательные последствия использования принудительного труда. Очередная проверка показателей трудоиспользования в марте 1944 г. свидетельствовала: «…объемы выполненных работ записываются со слов бригадиров», плохо используется техника и механизмы, отдается предпочтение ручному труду. Массовая фотография рабочего дня, проведенная 1 апреля 1944 г., показала: потери рабочего времени составляют 25,4 %, в отдельных бригадах простои – 35–70 % рабочего времени. В СО 7 – потери 71 %, норма выполняется на 29 %, в ЛУ 2 – 35,6 %, норма – 42 %, в ЛУ 1 – 60 %[40]. В конце апреля 1944 г. вводится новый распорядок дня, отменяются зимние коэффициенты. Начало работы – 7.30, завершение – 19.00, с перерывом на 1 часовой обед и перекурами, т. е. 11,5 часовой рабочий день. Поправочный коэффициент к нормам выработки – 1.10; для ЛФТ, занятых на СФТ, – 0,60. Использование ЛФТ на ТФТ традиционно запрещалось. Все это, конечно, не исключило нарушений режима труда, о чем свидетельствовали периодические проверки по ИТЛ[41].

В работе ЧМС в 1944 г. произошли заметные позитивные изменения. План капиталовложений был выполнен на 118,5 %, правда рабочей силы все еще не хватало – 92,3 %, однако выработка на чел./день превысила плановую цифру – вместо 45 р. – 45 р. 75 коп., план ввода объектов в эксплуатацию выполнен на 117 %[42].

Только в 1946 г. на ЧМС был установлен 10 часовой рабочий день с коэффициентом 1,125, в конце года спецконтингенту предоставлены 4 выходных дня (в сентябре)[43]. Процент выполнения плана капвложений снизился до 103,5 в 1945, а в 1946 – резко упал до 74,2 %: обеспеченность рабочей силой в 1945 г. составила – 102 %, в 1946 г. – 95,4 %; процент выработки на чел./день в 1945 г. – 44 р. 44 коп. вместо 44 р. 40 коп., в 1946 г. – 35 р. 92 коп., вместо 51 р. по плану; план ввода объектов в эксплуатацию больше не выполнялся: в 1945 г. – 89 %, в 1946 г. – 45 %, за первый квартал 1947 г. – на 6,4 %. Мобилизационная модель экономики стала давать явные сбои, резко снизилась производительность принудительного труда.

По докладным запискам ИТЛ в ГУЛАГ мы составили диаграммы производительности труда заключенных и трудмобилизованных за 1944–1946 гг. Из анализа этих диаграмм можно сделать некоторые выводы. По трудмобилизованным процент невыполнения нормы колеблется от 1 до 7 (в средних пределах от 1 до 3 %), по заключенным от 0 до 35 %, на несколько порядков превышая показатели трудмобилизованных. Выполнение нормы на 100–125 % у трудмобилизованных колеблется от 3 до 25 % (при средних показателях в 10–12 %); у заключенных эти цифры колеблются от 3 до 30 % и имеют неравномерный, очень рваный характер распределения по месяцам (средний показатель приближается к 10–15 %). Выполнение нормы от 125 до 150 % у трудмобилизованных колеблется от 15 до 30 % (средний показатель – 20 %); у заключенных носит очень неравномерный характер при крайних показателях от 10 до 50 % (в среднем приближаясь к 20 %). Выполнение нормы в пределах 150–200 %: у трудмобилизованных от 20 до 44 % (в среднем около 30 %); у заключенных от 15 до 50 % (в среднем около 32 %). Норму в пределах 200–300 % трудмобилизованные выполняли в пределах от 16 до 60 % их численности (в среднем – около 38 %); заключенные – 10 до 50 % (в среднем – 25–30 %).

Как видно из диаграмм, они имеют неравномерный, циклический характер, причем у трудмобилизованных показатели более стабильны, чем у заключенных. Колебания пиков и падений диаграмм можно объяснить многими причинами: сменой методик расчетов показателей производительности (например, в сентябре 1944 г. стали различать полноценные и пониженные нормы), воздействием климатических природных сезонов, снижением работоспособности из-за физического истощения, проведением массовых кампаний ударного и стахановского труда, этапированием спецконтингента и т. п. Все эти факторы воздействовали комплексно, и проследить их помесячно пока не представляется возможным.

Как следует из вышеприведенного материала, точный расчет производительности труда спецконтингента ИТЛ БМК-ЧМС затруднен многими обстоятельствами. Цифры, характеризующие производственные показатели, которые приведены в докладных записках о состоянии лагеря ГУЛАГу, следует подвергнуть вполне закономерному сомнению.

Во-первых, сам учет производительности стал вестись в отчетных документах только в 1944 г. Во-вторых, на всем протяжении работы ИТЛ настоящий учет рабочего времени так и не был налажен. В реальности спецконтингент, с учетом внеурочного, дополнительного рабочего времени, был занят на производстве гораздо дольше установленной нормы, а расчет производился по формально установленному количеству часов. Например, в докладной записке за август 1944 г. сказано: «Резкое снижение производительности по лагучасткам и стройотрядам против июля месяца объясняется существовавшей до августа месяца неправильной практикой подсчета производительности труда в лагучастках и стройотрядах, а именно: при определении производительности лагучастками и стройотрядами не принималось в расчет отработанное сдельщиками время на повременных работах и, кроме того, часть отработанного времени по

тем или иным причинам не учитывалась, что вызвало разрыв в количестве акцептованной и фактически учтенной при определении производительности рабсилы»[44].

В-третьих, закономерностью применения принудительного труда является постоянный обман работников по отношению к своим надсмотрщикам. Многочисленные проверки работы лагподразделений показывают, что цифры производительности намеренно подгонялись под норму питания котла № 3. Иное поведение десятников и бригадиров приводило к быстрому физическому истощению людей. Руководство ИТЛ пыталось наказать за невыполнение плана переводом на губительное питание по котлу № 1 и иногда на его смертельную норму были обречены более половины узников лагеря. В ответ люди сопротивлялись. В этом был источник систематической «туфты».

В связи с тем, что работники категории ЛФТ постоянно использовались на работах категорий СФТ и ТФТ и для них должны были применяться пониженные (часто на 50 %) нормы. Оказывается, очень сложно сделать расчет средней производительности труда отрядов и колонн. Часто сведения по производительности не учитывали сниженные нормы, установленные для трудармейцев в начальный период работы 1942, 1943 гг. и льготы, введенные для спецконтингента в зимний период. Расчет по полным и пониженным нормам стал вестись только с сентября 1944 г.

Сведения по производительности всегда собирались только с части работающих подразделений. Например, в начале 1944 г. было 22 лагподразделения, а сведения поступали только с 8–9. Была возможность выбрать лучше обеспеченные здоровой рабочей силой, фронтом работ, одеждой, инструментами подразделения.

При расчете производительности не учитывалось, что группа «А» составляла определенный процент от списочного состава. Расходы на обслугу и неработоспособный контингент, как можно догадываться, не влияли на расчет производительности труда. А ведь это показатель себестоимости рабочей силы. Физически и психологически работоспособные люди (стахановцы, ударники) работали «за себя и за того парня», превышая установленные нормативы. Они буквально «вытаскивали» производство и план из прорыва, частично компенсируя выполнением нескольких норм низкорентабельный труд спецконтингента. «На плечах» у работающих «сидели» больные и неработающие из групп «В» и «Г», да и обслуга ИТЛ из группы «Б». У заключенных группа «А» в 1942–1943 гг. составляла от 24 до 57 % и, в среднем, 70 % в 1944–1945 гг. Среди трудмобилизованных группа «А» была более многочисленной и составляла в 1942 г. – 82 %, в 1943 – 79 %, в 1944 г. – 84 %, в 1945 г. – 88 % (т. е. в среднем – 83 %).

И, наконец, еще одно, очень важное обстоятельство. Сами вычисления производительности труда не очень-то волновали руководство ГУЛАГа, поскольку побеждал тот, кто сдавал объекты в срок, а не тот, кто отличался высокой рентабельностью производства. Неслучайно в акте приемки-сдачи ЧМС 1947 г. фактически нет сведений о производительности труда. Там есть расчет выполнения плана в рублях, показатели обеспеченности рабочей силой, выработки на чел./день в тех же рублях и выполнения плана ввода объектов в эксплуатацию. Кроме того, следует дополнение к акту, свидетельствующее о низком качестве выполненных работ и вопиющем нарушении технологии строительства.

Примечания

[1] ОГАЧО. Ф. 1619. Оп. 1. Д. 2. Л. 30–31.
[2] Там же. Оп. 1. Д. 3. Л. 18, 119.
[3] Там же. Оп. 1. Д. 3. Л. 78, 79, 118.
[4] Там же. Оп. 1. Д. 13. Л. 5, 179; Д. 3. Л. 210.
[5] Там же. Оп. 1. Д. 7. Л. 127–128.
[6] Там же. Оп. 1. Д. 7. Л. 144–145.
[7] Там же. Оп. 1. Д. 7. Л. 37.

[8] Там же. Оп. 1. Д. 3. Л. 182.
[9] Там же. Оп. 1. Д. 8. Л. 61.
[10] Там же. Оп. 1. Д. 5. Л. 6–7.
[11] Там же. Оп. 1. Д. 5. Л. 14, 15, 20.
[12] Там же. Оп. 1. Д. 11. Л. 189–198.
[13] Там же. Оп. 1. Д. 11. Л. 199.
[14] Там же. Оп. 1. Д. 146. Л. 12.
[15] Там же. Оп. 1. Д. 145. Л. 1–2.
[16] Там же. Оп. 1. Д. 145. Л. 3–5.
[17] Там же. Оп. 1. Д. 146. Л. 39–40.
[18] Там же. Оп. 1. Д. 52. Л. 5, 6, 8.
[19] Там же. Оп. 1. Д. 146. Л. 31.
[20] Там же. Д. 18. Л. 16.
[21] Там же. Д. 26. Л. 252.
[22] Там же. Д. 26. Л. 10, 28, 47, 74, 100, 121, 139, 160, 188, 204, 222, 253; Д. 48. Л. 21, 41, 57, 77.
[23] Там же. Д. 26. Л. 47, 74, 100, 121, 139, 160, 204, 222, 253, 268.
[24] Там же. Д. 18. Л. 107.
[25] Там же. Оп. 2. Д. 15. Л. 235.
[26] Там же. Оп. 2. Д. 15. Л. 3–3 об.
[27] Там же. Оп. 1. Д. 146. Л. 88.
[28] Там же. Оп. 1. Д. 18. Л. 243.
[29] Там же. Оп. 2. Д. 15. Л. 13.
[30] Там же. Оп. 2. Д. 146. Л. 118.
[31] Там же. Оп. 1. Д. 19. Л. 150.
[32] Там же. Д. 20. Л. 110.
[33] Там же. Оп. 1. Д. 20. Л. 31; Д. 20. Л. 40.
[34] Там же. Оп. 1. Д. 20. Л. 57, 58.
[35] Там же. Оп. 1. Д. 23. Л. 44; Д. 22. Л. 92, 100.
[36] ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1183. Л. 133–135.
[37] ОГАЧО. Ф. 1916. Оп. 1. Д. 25а. Л. 67.
[38] Там же. Оп. 2. Д. 18. Л. 5–6; Оп. 1. Д. 52. Л. 5, 6, 8.
[39] Там же. Оп. 2. Д. 18. Л. 10.
[40] Там же. Оп. 2. Д. 40. Л. 195, 199; Оп. 1. Д. 26. Л. 22.
[41] Там же. Оп. 1. Д. 26. Л. 63, 64; Д. 27. Л. 20.
[42] Там же. Оп. 1. Д. 52. Л. 5, 6, 8.
[43] Там же. Оп. 2. Д. 40. Л. 151; Д. 39б. Л. 160.
[44] Там же. Ф. 1619. Оп. 2. Д. 26. Л. 161.

А. Л. Кузьминых

*ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА ВОЕННОПЛЕННЫХ В ЛАГЕРЯХ НКВД-МВД НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ СССР**

Для исследователей, изучающих проблему принудительного труда в СССР, интерес представляет вопрос об организации трудовой деятельности военнопленных в лагерях НКВД-МВД. В рамках данной статьи автор рассмотрит заявленную тему, опираясь на материалы государственных и ведомственных архивов Архангельской и Вологодской областей, а также

* Статья выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 12-01-00344а.

источники личного происхождения. На территории обозначенного региона в период Второй мировой войны и послевоенные годы функционировали 16 лагерей (с 62 лагерными отделениями) для содержания обезоруженных солдат и офицеров противника.

Труд пленных рассматривался не только как средство восстановления разрушенного войной народного хозяйства СССР, но и как средство перевоспитания, идеологической «перековки» подданных иностранных государств. На совещании коллектива Соломбальского сульфат-целлюлозного завода начальник лагеря № 211, касаясь вопроса об отношении к военнопленным, говорил: «Товарищи! Перед нами стоит трудная задача: воспитать эту массу, чтобы, вернувшись на родину, они были агитаторами за Советский Союз»[1]. На необходимость «перевоспитания контингента военнопленных через труд» указывал своим подчиненным начальник Ягринлага и строительства № 203 полковник А. И. Хархардин[2].

Для поощрения трудового энтузиазма «узников войны» была продумана система мер. Главнейшими из них были социалистические принципы нормирования, планирования и ударничества. Норма представляла собой обязательный минимум продукции, который военнопленный должен был выполнить в течение рабочего дня.

Человеку с западным менталитетом было трудно приспособиться к плановой экономике, где количество труда было важнее качества, а видимость – реальности. Каждому, кто хотел выжить, приходилось в первую очередь думать не о том, чтобы работу сделать тщательно, а о выполнении плана. В этом отношении характерен рассказ военнопленного Германа Песля: «Мы устанавливали телеграфные столбы. Они не должны были качаться, когда электрик на них взбирается. Мы их обожгли, просмолили и глубоко врыли в землю. Русские тоже ставили телеграфные столбы. А потом нам сказали: “Что это вы не работаете? Посмотрите-ка туда, сколько русские поставили”. Я потом туда прокрался и посмотрел. Они ставили столбы, заглубляя их на 40 см, вокруг клали несколько камней, поливали водой и все, готово дело. А мы их вкапывали на полтора метра. Тогда я сказал своим людям: “Господа, отныне кончаем все это. Теперь будем делать как русские”. <…> Столбы, конечно, качались, когда на них взбирался электрик. Мои люди так работать не хотели. Я им сказал: “Вам придется это делать. Иначе мы получим только 50 % и окажемся в Сибири”»[3]. Стремление любыми средствами «дать план» было характерно для всех отраслей советской экономики. Так, при уборке картофеля было важно не количество собранного картофеля, а площадь убранного поля.

Большая роль в процессе организации труда отводилась нормированию рабочего времени. В Положении о военнопленных от 1 июля 1941 г. оговаривалось, что на пленных распространяются постановления об охране труда и рабочего времени, действующие в отношении советских граждан. Последние же в годы войны трудились по 10–12 часов в сутки, без отпусков и выходных дней[4]. Приказ наркома внутренних дел № 097 от 24 марта 1942 г. утвердил инструкцию, согласно которой продолжительность рабочего дня военнопленного, считая время, затраченное на их конвоирование к месту работы и обратно, равнялась 12 часам[5]. После освобождения Сталинграда и поступления в лагеря значительных масс ослабленного контингента увидела свет директива Управления НКВД по делам военнопленных и интернированных от 6 апреля 1943 г., в которой указывалось, что рабочий день военнопленных не должен превышать 8 часов, а в месяц им должно быть предоставлено не менее четырех выходных[6].

На практике же установленные временные рамки соблюдались далеко не всегда. Нередко пленные работали по 12–14 часов, еще 2–3 часа тратили на дорогу в лагерь. В докладной записке по лагерю № 158 за март 1946 г. сообщалось, что контингент военнопленных третьей группы трудоспособности (ослабленные) вместо положенных 6 часов работал по 10 часов[7]. В отчете лагеря № 437 за март 1947 г. указывалось, что сотрудник лагеря после завершения рабочего дня потребовал от пленных продолжать работу, «проявляя при этом грубость и угрозу оружием»[8].

Другим типичным нарушением в трудовом использовании военнопленных являлось неудовлетворительное состояние техники безопасности на объектах работ. Только в 1947 г. в лагерях Вологодской области от производственных травм погибли трое военнопленных[9]. Производственный травматизм являлся сферой особого внимания высшего руководства НКВД-МВД. В своих директивах МВД требовало навести строгий порядок в трудовом использовании военнопленных и рассматривать каждый случай тяжелой травмы как «чрезвычайное происшествие». Ситуацию осложняло то, что некоторые военнопленные сознательно занимались членовредительством с целью избежать принудительного труда и добиться возвращения на родину. Так, в одном из спецдонесений начальника лагеря № 193 указывалось, что 24 марта 1946 г. военнопленный Брохман, будучи на работе, умышленно отрубил себе палец на левой руке[10].

Пленные прекрасно понимали, что руководство лагерей рассматривало инвалидов как обузу и стремилось репатриировать их в первую очередь. Как и в лагерях ГУЛАГа, членовредительство порой приобретало ужасные формы. Венгр Р. Руперт описывает один из таких способов: «Лучшим методом зимой было положить какую-либо конечность на железнодорожный рельс и помочиться на нее. Это примораживало ее за считанные секунды, по сути, делая нечувствительной к болевому шоку; но многие были такими отчаянными, что могли делать это даже при отсутствии подобной примитивной анестезии»[11]. Впрочем, такие крайние меры, на которые шли лагерники, объяснялись тяжелыми условиями труда в северных регионах.

Директива Главного управления НКВД СССР по военнопленным и интернированным № 28/4/4583 от 28 февраля 1944 г. перечисляла такие формы членовредительства как нанесение механических повреждений верхним или нижним конечностям, употребление концентрированных растворов поваренной соли с целью вызвать отеки или поносы, прижигание слизистой оболочки глаз известью, курение древесной коры с целью вызвать сердцебиение и пульс с перебоями, впрыскивание под кожу скипидара и керосина с последующим образованием флегмоны и т. д.[12] Имели место случаи, когда пленные целенаправленно доводили себя до состояния дистрофии, употребляя большое количество соли и табака[13]. В целях недопущения фактов симуляции и членовредительства среди пленных проводились соответствующие оперативно-следственные мероприятия с привлечением лагерных осведомителей, велась разъяснительная работа. Симулянтам грозили 5 лет лишения свободы по ст. 193-12а УК РСФСР, предусматривающей ответственность за «уклонение военнослужащего от несения обязанностей воинской службы путем причинения себе какого-либо повреждения или путем симуляции болезни»[14].

В каждом случае производственной травмы между работодателем и лагерем составлялся акт, в котором объяснялись причины несчастного случая. Например, в одном из актов треста «Водосвет» указывалось, что 25 февраля 1947 г. в два часа дня военнопленному Максу Хайнцу, работавшему на механическом колуне, отрубило пальцы. Произошло это из-за неосторожности самого военнопленного, который «подал с ножа и не успел отнять руку с чурки». Отмечалось, что техника безопасности работы была соблюдена[15].

С особым риском была связана работа на пилорамах. Вот как описывает работу по распиловке древесины в своих воспоминаниях Р. Руперт: «Циркулярные пилы вращались со скоростью три тысячи оборотов в минуту и не имели защитного экрана. Иногда кусок древесины раскалывался, и осколок отскакивал с силой пули. Был случай, когда отломившийся зуб циркулярной пилы ударил рабочего в лоб и вышел через затылок. Мы не сразу поняли, что произошло: он внезапно умер, обрызгав нас кровью»[16]. По свидетельству одного из пленных работа на пилораме Сокольского целлюлозно-бумажного комбината была не менее опасна: можно было легко поскользнуться на деревянных башмаках и попасть под пилу. По его словам, несколько венгров подобным образом оказались распилены заживо[17]. Случаи производственных травм зафиксированы и в архивных документах. Так, в одной из докладных

записок отмечается, что 9 июня 1947 г. пленному, работавшему на пилораме, отпилило кисть правой руки. Администрации лагеря № 193 пришлось напрямую обращаться к начальнику ГУПВИ генерал-лейтенанту Т. Ф. Филиппову с просьбой урегулировать с Министерством целлюлозно-бумажной промышленности вопрос об установлении защитных щитков на пилорамах комбината[18]. Лишь после указания «сверху» у бортов лесотасок были установлены ограждения, а для рабочих введен обязательный инструктаж по технике безопасности[19].

Заметим, что по сравнению с другими республиками, краями и областями СССР в изучаемом регионе количество производственных травм среди военнопленных было сравнительно небольшим. Если в лагерях Архангельской и Вологодской областей ежегодно травмировалось несколько десятков пленных, то в других регионах их число достигало нескольких сотен и даже тысяч. В качестве примера сошлемся на лагерь № 99, обслуживавший рабочей силой предприятия треста «Карагандауголь». Работниками указанного лагеря за период с июля 1944 по март 1945 г. было зафиксировано 1320 несчастных случаев, 70 из которых закончились смертью или тяжелой инвалидностью[20]. В целом по стране за девять месяцев 1946 г. было зафиксировано 254717 случаев производственных травм военнопленных, в т. ч. 787 со смертельным исходом.

Не все из бывших солдат и офицеров неприятеля желали подорвать здоровье на тяжелой работе. Встречались лица, которые намеренно ломали оборудование, срывали работу или небрежно выполняли ее. В лагерной документации такие военнопленные фигурировали под названием «отказчиков». Например, военнопленный Уккерман в первый день работы заявил: «Я на коммунистов не буду работать, я не дурак. Кормить меня и так обязаны»[21]. Для борьбы с «отказчиками» и нарушителями трудовой дисциплины в соответствии с приказом НКВД СССР № 00311 от 16 апреля 1945 г. в лагерях создавались штрафные бригады. Срок содержания в штрафных подразделениях устанавливался от одного до трех месяцев. Для штрафников вводился 12-часовой рабочий день, они направлялись на наиболее тяжелые участки производства (лесозаготовки, погрузка и разгрузка вагонов, земляные работы) и должны были выполнить норму выработки. Злостные саботажники привлекались к уголовной ответственности за «вредительство» и «саботаж» по ст. 58-14 УК РСФСР. Так, военнопленный венгр Папп, заявивший, что «в русском плену лучше сидеть на гауптвахте, чем работать», был осужден военным трибуналом на 5 лет ИТЛ за саботаж[22]. Лагерные власти рассматривали саботажников как «фашистов, которые еще не созрели для возвращения на родину».

Вместе с тем, количество дисциплинарных проступков среди советских рабочих, зафиксированных в документации предприятий, согласно подсчетам, вдвое превышало количество трудовых нарушений среди пленных. Так, в 1943 г. на Сокольском ЦБК из 300 мобилизованных рабочих самовольно покинули предприятие 234 чел., т. е. 78 %[23]. На заводе «Красная Звезда» в г. Череповце за 1945 г. было зафиксировано 145 случаев нарушений трудовой дисциплины, в том числе 85 прогулов, 56 самовольных уходов и 5 опозданий, что составляло 30 % к заводскому персоналу. Основной причиной такого поведения рабочих являлись тяжелое материальное положение и стремление пополнить семейный бюджет дополнительными заработками[24].

Любая поломка заводского оборудования рассматривалась как вредительство или диверсия. В лучшем случае пленный нес материальную и дисциплинарную ответственность «за халатное отношение к имуществу», в худшем случае – привлекался к уголовной ответственности. На большинстве объектов, где работали военнопленные, как доносили с мест лагерные аппаратчики, совершение диверсий было невозможно, так как военнопленные использовались на черновых работах и доступа к сложным агрегатам и механизмам не имели[25]. Более того, сами военнопленные порой предотвращали акты вредительства. Так, в июле 1946 г. немец, работавший на рубительной станции Сокольского ЦБК, за три часа оттащил

с лесотаски 38 бревен с железными предметами, попадание которых в агрегат грозило выводом последнего из строя[26].

За годы плена многие из обитателей лагерных бараков усвоили тонкости советской лагерной экономики. В лагерях ГУПВИ, также как и в учреждениях ГУЛАГа, процветала система приписок. Например, пленные, работавшие на лесоучастке «Пановка», в целях выполнения плана перекладывали дрова из описанных штабелей в неописанные для повторной сдачи. Примечательно, что, несмотря на жалобы со стороны технического персонала лесоучастка, представитель лагеря лейтенант Юрин никаких действенных мер к пресечению подлогов так и не принял, а лишь ограничился «уговариванием военнопленных»[27]. Вопиющая практика приписок была выявлена при проверке работы Сокольского ЦБК. Оказалось, что бригады военнопленных, выполнявшие нормы на 45–55 %, со стороны прорабов в нарядах получали по 110–130 %. В результате только за сентябрь 1945 г. комбинат имел перерасход фонда заработной платы в 250 тыс. р.[28] Наряду с практикой приписок имело место занижение норм выработки. Например, 6 апреля 1949 г. инспектором лагеря № 211 было установлено, что 300 кубометров грунта, выработанного пленными, в наряд не записаны[29].

В процессе работы пленные нередко совершали хищения и кражи. Так, четверо военнопленных при разгрузке вагонов на товарном дворе ст. Череповец, воспользовавшись отсутствием охраны, проникли в железнодорожный склад, где похитили 10 кг сахарного песка[30]. Пятнадцать лет ИТЛ получил за кражу трех пар сапог с растворного узла «Металлургстроя» ефрейтор вермахта Г. Круцкий[31].

Как это ни парадоксально, но значительные затруднения в организацию трудоиспользования бывших солдат вермахта вносили и сами сотрудники лагерей. Случалось, военнопленных оправляли на заведомо бессмысленные и бесперспективные работы. Например, один из офицеров лагеря № 158, по-видимому, решив выслужиться перед начальством, поздней осенью 1944 г. отправил группу пленных выкалывать древесину изо льда р. Ягорбы[32]. На строительстве автомобильного моста под Устюжной вследствие нехватки инструмента и строительного материала военнопленные были вынуждены в собственной кузнице изготовлять топоры, долота, болты, скобы. Из-за плохого обеспечения инструментом снижалось и качество работ. Только учитывая это обстоятельство можно объяснить тот факт, что мощение откосов железной дороги в районе станций Шеломово-Шексна переделывалось три раза[33].

Распространенным явлением было использование лагерным персоналом труда военнопленных в личных целях. Так, начальник по режиму и охране спецгоспиталя № 3732 (ст. Вожега) по личной договоренности, без оформления официального договора, предоставлял рабочую силу из числа выздоровевших военнопленных местным предприятиям и организациям, за что получал соответствующие «дивиденды»[34]. Не брезговало лагерное начальство и деньгами, заработанными пленными. Например, в апреле 1947 г. начальник одного из лагерных подразделений получил в Череповецкой городской электростанции премиальное вознаграждение в размере 1000 р. для военнопленных, работавших на предприятии. Из этой суммы он роздал пленным только 350 р., а остальные деньги взял себе[35].

Нередко военнопленные помимо работы по хоздоговорам собирали грибы и ягоды, ремонтировали квартиры, пилили дрова сотрудникам лагерного персонала. В целях пресечения подобного рода злоупотреблений начальник лагеря № 158 майор И. И. Тимошенко в феврале 1947 г. издал приказ «О запрещении бесплатного выделения рабочей силы из числа военнопленных для сотрудников лагеря и бесплатных услуг мастерских лагеря». Отныне вывод рабочей силы в распоряжение личного состава следовало производить только за плату, по нарядам, выписанным производственным отделением лагеря. За незаконное присвоение денежных средств виновных следовало привлекать к административной и уголовной ответственности в соответствии с существующим законодательством[36].

Для проверки трудового использования военнопленных регулярно проводились инспекционные поездки. Так, в результате обследования работы военнопленных на объектах Вологодского строительно-монтажного управления был выявлен ряд существенных недостатков. Оказалось, что бригады половину рабочего времени простаивают, в результате чего их заработок не превышает 7 р. Пленные не были обеспечены инструментом: даже подносить воду к месту работ последним приходилось вместо ведер в полуторалитровых банках. Но больше всего лагерных аппаратчиков возмутила деятельность десятника Парыгина, который систематически писал справки о выполнении военнопленными нормы на 101 %, в то время как реальное выполнение производственного задания не превышало 50–70 %. Лагерная администрация потребовала в суточный срок устранить «указанные безобразия», пригрозив немедленно снять контингент в случае игнорирования своих требований[37].

За повышением производительности труда военнопленных ревностно следили лагерные антифашистские комитеты. Работа по возмещению ущерба, причиненного гитлеровской армией Советскому Союзу, рассматривалась Национальным комитетом «Свободная Германия» (антифашистская организация немецких военнопленных) как политическая задача и как национальный долг каждого немца. Уполномоченные Национального комитета систематически организовывали производственные конференции и собрания военнопленных. Они сопровождались конкретными обязательствами: поднять производительность труда; улучшить трудовую дисциплину; вести борьбу против воровства, против симулянтов и спекулянтов; бороться против фашиствующих элементов, проводивших подрывную работу в лагерях[38].

Производительность труда в лагерях стала заметно подниматься после того, как были опубликованы итоговые документы Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, свидетельствующие о чудовищном ущербе в оккупированных странах. В воззвании президента НКСГ Эриха Вайнерта, опубликованном в газете «Freies Deutschland» от 21 июня 1945 г., говорилось: «Чем энергичнее и охотнее каждый из вас приступит к делу возмещения ущерба, и чем скорее наш народ своим искренним поведением вернет себе уважение других народов мира, тем быстрее военнопленные смогут покинуть чужую страну, и тем скорее солдаты оккупационных войск покинут Германию. Так давайте же приступим к выполнению большого дела! Лучшие антифашисты беритесь за его руководство!» Этот призыв подействовал весьма убедительно и привел к тому, что многие военнопленные-антифашисты с этого момента стали называть себя «солдатами восстановления».

Одной из мер приобщения военнопленных к ударному труду являлось трудовое соревнование. Первые попытки организовать его в 1944 г. окончились безрезультатно. К примеру, обер-лейтенант Фриц Кюне заявил: «Я не подпишу никакого трудового обязательства. После наших подписей международному общественному мнению будет сказано, что мы, военнопленные, работаем для Советского Союза добровольно…»[39]. Только весной 1945 г. между отдельными бригадами удалось заключить трудовой договор. Немалую роль здесь сыграло знание национальной психологии военнопленных. Если среди пленных румын, венгров и чехов рекордные результаты достигались методом бригадной работы, то наилучшие показатели среди немцев проявились в индивидуальном соревновании. Так, немец Август Шульц, изъявивший желание работать на колке дров в одиночку, в день заключения трудового договора выполнил норму на 1032 % (!). Наградой за трудовое усердие стало дополнительное питание[40].

Популяризация итогов трудовых эстафет предопределила то обстоятельство, что уже к концу 1945 г. трудсоревнованием было охвачено 80 % бригад. Наибольший размах соревнование приняло с момента организации политотделов лагерей в конце 1946 г. При содействии политаппарата и антифашистского актива во всех лагерных отделениях оформлялись трудовые договоры. Так, в договоре между лаготделениями лагеря № 193 говорилось, что военнопленные обязуются добиться суточного заработка не менее 17 р. 20 коп. на человека,

довести производительность труда до 200 %, на рубительную станцию подавать за сутки не менее 1500 тележек древесины, не допускать захламленности рабочего места, выдвигать рационализаторские предложения, избегать нарушений дисциплины, выпускать в месяц три стенгазеты и каждую среду проводить лагерный концерт[41]. Итоги соревнования ежемесячно подводились на производственных совещаниях и собраниях военнопленных. К концу 1947 г. почти не осталось бригад, не выполнявших производственных норм, тогда как в 1945 г. таких была половина. Появилось большое число рекордистов, вырабатывавших нормы на 150 % и выше. Только в лагере № 211 таких насчитывалось 380 чел.[42]

Для демонстрации эффективности трудсоревнования приведем следующий пример. В марте 1949 г. под Вытегрой было начато строительство гидроэлектростанции. Согласно плану работ было необходимо вырыть котлован емкостью 12 тыс. кубометров земли. На этом участке было занято до 200 военнопленных, которые не выполняли производственных норм, а средняя производительность труда не превышала 22 %. Такое положение ставило под угрозу выполнение производственно-финансового плана не только лагеря, но и всего строительства. Необходимо было создать у военнопленных уверенность в своих силах и разбить миф о невыполнимости норм выработки на земляных работах. Эту задачу планировалось осуществить посредством проведения 15 апреля «дня Геннекке»[43] под лозунгом «Наш труд – вклад в дело мира». Каждому военнопленному было отведено рабочее место, объявлена норма выработки, что способствовало развертыванию индивидуального соревнования. Уже через два часа после начала работы военнопленный И. А. Грабовский выполнил норму. О его успехе было сообщено остальным пленным. Еще через полчаса бригада Альфреда Зеера дала 196 %, а к обеду – 250 % нормы. Аналогичный подъем производственных показателей был отмечен у военнопленных в лаготделении № 2. После окончания рабочего дня было проведено собрание по итогам «дня Геннекке». Лучших результатов добилось 1-е лаготделение, где план был выполнен на 163,4 %. Ряд бригад выполнил нормы на 200–300 %[44]. Таким образом, при умелой организации и соответствующей разъяснительной работе трудовые эстафеты обеспечивали значительный подъем производственной инициативы военнопленных.

За перевыполнение трудовых заданий пленные получали премии со стороны предприятий. Бумкомбинат им. Куйбышева премировал лучших производственников одеждой. Так, военнопленный Нерлинг получил пиджак и брюки, Гартманн – летний костюм, Кулик – фуфайку. Кроме того, был устроен обед на 50 чел.[45] В лагерях рекордисты помещались в комнаты отдыха с кроватями и полным комплектом постельных принадлежностей. В 1947 г. в лагере № 211 ежемесячно через комнаты отдыха пропускалось до 120 передовиков. Такие методы поощрения создавали у пленных заинтересованность в улучшении трудовых показателей.

Одновременно через антифашистский актив проводилась критика плохо работавших военнопленных. Последние вызывались на заседания антифашистского актива для «самопризнания», бичевались в карикатурах, стенгазетах и других видах лагерной печати. Например, в лаготделении № 3 лагеря № 211 в декабре 1947 г. на собрании антифашистского актива был рассмотрен вопрос о работе бригад военнопленных Зальмса и Вьюнша, которые показывали производительность не выше 70 %. После публичного порицания указанные бригадиры изменили отношение к труду и довели выполнение норм до 120 %[46].

Нередко повышению производительности труда мешал скептицизм пленных по поводу возможности выполнения поставленных перед ними норм. Так, немецкая бригада лагеря № 158 на обтеске бревен выполняла норму (три бревна на человека в день) лишь на 60–70 %. Для преодоления этого психологического барьера лагерное начальство использовало следующий прием. Были приглашены два русских плотника, которые теми же топорами, что и военнопленные за четыре часа обтесали по 5 бревен. Пленные стояли и наблюдали. На другой день им была дана норма 5 бревен, и они выполнили ее на 100 %. После этого попыток ревизии норм со стороны немцев не было[47].

В ходе трудового соревнования среди пленных поощрялось рационализаторство. Подневольные «изобретатели» внедряли в производственный процесс серьезные усовершенствования. Так, военнопленный-электрик Ян модернизировал станок для обмотки провода, в котором Соломбальский сульфат-целлюлозный завод испытывал большую потребность. Работавший на этом же предприятии военнопленный-инженер А. Хорват сконструировал 1000-килограмовые механические весы для взвешивания поступавшего на завод каменного угля, чем предотвратил «бесхозяйственное разбазаривание социалистической собственности». Им же под руководством главного инженера завода был внедрен станок по упаковке целлюлозы, позволивший освободить пять рабочих мест, за что А. Хорвату было выплачено денежное вознаграждение в размере 400 р.[48]

Однако в условиях лагерной экономики чаще стимулы к труду изыскивались в сфере внеэкономического принуждения. Для того, чтобы добиться от обитателей лагерных бараков заинтересованности в выполнении норм, начальник Грязовецкого лагеря № 150 полковник Г. И. Сырма приказал завести на каждого пленного индивидуальный график работ. На доске показателей следовало отмечать как самые лучшие образцы работы, так и нерадивых военнопленных, показывавших низкие трудовые результаты. От бригадиров требовалось «знать своих рабочих не только по фамилии, но и в лицо» и ежемесячно сдавать в политчасть лагеря на каждого пленного исчерпывающую характеристику[49].

Большая работа была проведена производственному обучению военнопленных. При формировании рабочих бригад выяснилось, что среди пленных имеется много специалистов, которых нельзя использовать в лагерном производстве (кондитеров, лавочников, торговцев, банковских служащих). В то же время редко удавалось найти квалифицированного плотника, каменщика и печника, необходимых в лагерном хозяйстве. Такое положение заставило производственные отделы лагерей заняться производственным обучением военнопленных. Например, за 1943–1948 гг. в лагере № 158 вторую специальность получили 975 военнопленных, из них: 260 – специальность плотника, 30 – автослесаря, 300 – каменщика, 100 – столяра, 14 – печника, 10 – кузнеца, 16 – сапожника, 75 – бондаря, 180 – корзинщика[50]. За годы существования Соломбальского лагеря № 211 было подготовлено около 1500 специалистов: слесарей, кузнецов, токарей по металлу и дереву, плотников, столяров, каменщиков, штукатуров, маляров, бетонщиков, лесорубов, а также бригадиров и десятников. Для обмена опытом в лагерях проходили производственные конференции, на которых выступали лучшие рабочие. Только в лагере № 150 в 1946–1947 гг. было проведено 14 таких конференций, а также 64 беседы и 38 лекций по вопросам трудовой деятельности. В целях изучения производственного процесса практиковалось фотографирование рабочих мест пленных. Полученные фотографии анализировались на производственных совещаниях с целью выявления недочетов в работе.

Военнопленные, отличившиеся на трудовом фронте, имели шанс не только заслужить благоволение со стороны лагерного начальства, но и существенно улучшить свое материальное положение. Так, приказами начальника Грязовецкого лагеря за время его существования была объявлена благодарность за хорошую работу 1211 военнопленным, при этом 128 из них получили денежную премию и возможность отправить домой дополнительную почтовую карточку[51]. За успешную работу своих подопечных премировался и лагерный персонал. Так, в течение 1945–1947 гг. со стороны Архангельского ЦБК и Соломбальского СЦЗ – неоднократных победителей Всесоюзного социалистического соревнования среди предприятий целлюлозно-бумажной промышленности – руководящий состав лагеря № 211 получил в качестве премиального вознаграждения 26210 р.[52]

Большинство хозорганов работу пленных оценивали удовлетворительно. Директор Череповецкой электростанции отмечал, что «без работы военнопленных было бы трудно выполнить план». Директор Чагодощенского стеклозавода П. И. Людоговский неоднократно говорил, что завод перевыполняет план благодаря существованию при нем лагерного от-

деления военнопленных. В своем письме начальнику лагеря № 158 в июле 1946 г. он писал: «Начальник 3 л/о тов. Прудцовский вполне заслуживает премии за содействие и правильную расстановку контингента, способствовавшего выполнению показателей программы завода»[53]. Такие отзывы со стороны хозорганов вполне понятны: военнопленные в послевоенные годы нередко являлись для них единственным источником рабочей силы.

Иная точка зрения на работу в плену была у самих обитателей лагерных бараков. Все старания внушить им мысль об эффективности социалистической экономики и доказать превосходство коммунистической хозяйственной системы над капиталистической в большинстве случаев оказывались напрасными. Военнопленные сами постигали социализм на практике. Принудительный труд воспитывал отношение к работе как к наказанию. Европейцев угнетала сама «рабская» организация труда, которая предполагала использование примитивных орудий, строгий контроль за выполнением норм, а также целый комплекс мер принуждения. Преобладало пассивное стремление уклониться от работы, чем активное. Изученные документы свидетельствуют, что в послевоенные годы значительная часть военнопленных работала с полной отдачей. Однако такое отношение к труду было не следствием принятия социалистических ценностей, а средством выживания и приспособления к лагерному быту. Большинство пленных вернулись на родину с представлениями о советской экономической системе как о малоэффективной, опирающейся на суровую дисциплину и пресловутый план.

Примечания

[1] Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 2246. Оп. 1. Д. 123. Л. 36.
[2] Отдел документов социально-политической истории Государственного архива Архангельской области (далее – ОДСПИ ГААО). Ф. 1451. Оп. 1. Д. 309. Л. 10 об.
[3] Цит. по: Карнер С. Архипелаг ГУПВИ : Плен и интернирование в Советском Союзе 1941–1956 гг. М., 2002. С. 180.
[4] ГААО. Ф. 2246. Оп. 1. Д. 122. Л. 8.
[5] Военнопленные в СССР. 1939–1956 : док. и материалы. М., 2000. С. 543.
[6] Русский архив : Великая Отечественная. Иностранные военнопленные Второй мировой войны в СССР. Т. 24. М., 1996. С. 85.
[7] Архив Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Вологодской области (далее – Архив УМВД РФ по ВО). Ф. 10. Оп. 1. Д. 19. Л. 71 об.
[8] Там же. Д. 325. Л. 83.
[9] Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 15 (лист не пронумерован).
[10] Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 41. Л. 134.
[11] Rupert R. A Hidden World / ed. by A. Rhodes. L., 1963. P. 78–79.
[12] Военнопленные в СССР… С. 576; Архив УМВД РФ по ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 475. Л. 314–315 об.
[13] Архив УМВД России по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 44. Л. 180.
[14] Там же. Д. 45. Л. 56 об.
[15] Там же. Д. 13. Л. 2.
[16] Rupert R. A Hidden World... P. 127.
[17] Dehnel R. Deutsche Kriegsgefangene im Gebiet Wologda 1942–1949. Hamburg, 1995. S. 22.
[18] Архив УМВД РФ по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 13. Л. 70–71.
[19] Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 2542. Оп. 4. Д. 21. Л. 298.
[20] Архив УМВД РФ по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Ч. 1 (лист не пронумерован).
[21] Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 1/п. Оп. 35 а. Д. 28. Л. 14.
[22] Архив УМВД РФ по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 44. Л. 183–184; РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 28. Л. 14.
[23] Вологодский областной архив новейшей политической истории (далее – ВОАНПИ). Ф. 935. Оп. 3. Д. 181. Л. 11.
[24] Там же. Ф. 1858. Оп. 15. Д. 571. Л. 26; Ф. 2522. Оп. 8. Д. 177. Л. 36.

[25] Архив УМВД РФ по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 48. Л. 218.
[26] Там же. Д. 36. Л. 17.
[27] ВОАНПИ. Ф. 4413. Оп. 1. Д. 7. Л. 5. Данный эпизод отражен также в воспоминаниях З. Хакенберга. См.: Исторические свидетельства иностранцев о Европейском Севере. Тетрадь первая. Из записок немецкого военнопленного (1944–1948 гг.) : пер. с нем. Вологда, 1999. С. 26–27.
[28] ГАВО. Ф. 2542. Оп. 4. Д. 21. Л. 348; Д. 22. Л. 320–321.
[29] РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 32. Л. 151.
[30] Архив УМВД РФ по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 13. Л. 312.
[31] Там же. Д. 362. Л. 103.
[32] Там же. Д. 75. Л. 160.
[33] РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 26. Л. 20.
[34] Архив УМВД РФ по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 88.
[35] Там же. Д. 20. Л. 104–105.
[36] Там же. Д. 134. Л. 37.
[37] Там же. Д. 13. Л. 171–172.
[38] Отчет президента Эриха Вайнерта о деятельности Национального комитета «Свободная Германия» (1943–1945 годы) // «За Германию – против Гитлера!» : документы и материалы о создании и деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров. М., 1993. С. 417.
[39] РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 32. Л. 150.
[40] Там же. Д. 28. Л. 60–62.
[41] Там же. Л. 63.
[42] Там же. Д. 32. Л. 28–29.
[43] Немецкий шахтер-передовик в советской оккупационной зоне в Германии.
[44] РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 32. Л. 153.
[45] Там же. Д. 28. Л. 65.
[46] Там же. Д. 32. Л. 30.
[47] Там же. Д. 26. Л. 26.
[48] ГААО. Ф. 2246. Оп. 1. Д. 159. Л. 76.
[49] Архив УМВД РФ по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 13. Л. 85.
[50] РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 26. Л. 25.
[51] Там же. Д. 25. Л. 33.
[52] Подсчитано по данным: ГААО. Ф. 2246. Оп. 1. Д. 133. Л. 134; Д. 144. Л. 234; Ф. 3543. Оп. 1. Д. 87. Л. 28, 35, 58, 64; Д. 111. Л. 90, 158; Д. 110. Л. 68, 89, 98, 127, 137, 184, 192; Д. 143. Л. 101, 112, 162, 177; Д. 144. Л. 251; Д. 175. Л. 276, 344–357, 485, 596.
[53] РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 26. Л. 27.

Н. В. Матвеева

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НЕМЦЕВ СССР В УСЛОВИЯХ ФОРСИРОВАННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ И МАССОВЫХ МОБИЛИЗАЦИЙ 1940–1950-х ГОДОВ

Политические и экономические особенности советского пути развития наложили глубокий отпечаток на ход модернизации в стране. Одни из них были обусловлены догоняющим типом модернизации, другие стали следствием создания советской мобилизационной модели экономики.

Формирование и развитие тоталитаризма в СССР в конце 1920 – 1950-х гг. предопределило преимущественно насильственные методы осуществления форсированной модернизации, одним из главных условий которой стала интеграция многонационального населения в единое социалистическое общество, исключавшее национальное начало и развивающееся в рамках марксистско-ленинской идеологии.

Процессы сплошной коллективизации и форсированной индустриализации сопровождались огромными экономическими потерями, катастрофическим падением уровня жизни населения, расширением сферы принудительного и полупринудительного труда в экономике, ужесточением политического режима в стране.

Сопротивление режиму со стороны титульных национальностей и особенно национальных меньшинств повлекло за собой усиление репрессивной политики государства, которая проводилась в отношении целых народов, что поставило ряд этносов на грань гибели. В полной мере это относится и к истории немецкой этнической группы на территории СССР.

С конца 1920-х гг. политика Советской власти в отношении немецкого населения страны в большинстве своем носила репрессивный характер. С одной стороны, эти репрессии вписывались в общую схему, характерную для всего населения СССР, с другой стороны имели свои специфические черты, обусловленные национальной принадлежностью.

Нарастание репрессий в отношении немецкого населения во многом было связано с идущим вразрез с большевистской идеологией менталитетом немцев СССР, базировавшемся на ценностях западноевропейской цивилизации – индивидуализме, частной собственности, рыночных отношениях. Большая часть немцев в конце 1920-х гг. проживала в сельской местности, поддерживая нейтральный этнический контакт с инонациональным окружением. Все это не могло не вызывать раздражения со стороны власти, которая не оставляла попыток любыми путями вовлечь немцев СССР в сферу своего влияния.

Первые потери в результате репрессивной политики государства немецкое население понесло в ходе «чрезвычайщины» 1927–1929 гг., когда в результате кризиса хлебозаготовок власть начала мощное наступление на зажиточные крестьянские хозяйства. Жестокие методы, которые власть использовала для осуществления курса на сплошную коллективизацию и ликвидацию кулачества как класса, вызвали всплеск эмиграционного движения среди немецкого населения СССР. Всего, по мнению В. Кригера, в период до 1937 г. из СССР удалось выехать 14586 немцам[1]. Однако, учитывая данные легальной и нелегальной эмиграции, из страны, вероятнее всего, выехало не менее 20 тыс. немцев.

Раскулачивание и насильственная коллективизация только усилили стремление немцев бежать из страны, но любая попытка покинуть место жительства сразу же блокировалась властями.

По темпам осуществления коллективизации среди районов компактного проживания немецкого населения первенство принадлежало АССР НП, где на 1 июля 1931 г. процент коллективизации достиг уровня 96,6 %, на 1 августа – 98,7 %, в большинстве кантонов к осени она достигла 100 %[2]. За период 1930–1931 гг. из республики было выселено 4288 кулацких семей (24202 человека) – 3,7 % от общей численности крестьянских хозяйств Немреспублики[3]. На Украине к началу 1932 г. было коллективизировано 80 % всех хозяйств немецких крестьян (общий процент коллективизации по всей Украине в это время составлял около 70 %).

Результатом сплошной коллективизации стал голод 1931–1933 гг., охвативший большую часть хлеборобных районов РСФСР и Украины, где в большом количестве и проживало немецкое население. Пиком массового голода стали зима и весна 1932–1933 гг., когда только в АССР НП умерло 45,3 тыс. человек, а общие потери населения от голода в период 1929–1933 гг. составили 55,7 тыс. человек[4]. На Украине, по разным оценкам, в 1932–1933 гг. умерли от голода от трех до девяти миллионов человек, среди которых были и немцы.

Вершиной репрессивной политики в отношении немцев СССР в 1930-х гг. стала в 1937–1938 гг. масштабная «немецкая операция», в ходе которой погибли от 69 до 73 тыс. нем-

цев[5]. Затем последовала ликвидация национальной системы образования и, за исключением АССР НП, национально-территориальных образований.

Результаты репрессивного курса, прежде всего, отразились на численности немецкого населения СССР. По сравнению с 1926 г., абсолютная численность немцев к 1937 г. сократилась на 7,0 %, в то время как в целом по СССР население увеличилось на 9,3 %. Даже с учетом приписки в данных Всесоюзной переписи 1939 г.[6], зафиксировавшей немецкое население в количестве 1427232 чел., дефицит прироста населения сохранился и составил примерно 200 тыс. человек.

К концу 1930-х гг. увеличилась деформация половозрастной структуры, что выразилось в сокращении мужского и росте женского населения. В 1939 г. численность мужчин немецкой национальности составила 46,7 % от общей численности немецкого населения СССР женщин – 53,3 %[7]. Переселение из сельской местности в города привело к сокращению численности немцев, свободно владеющих немецким языком и считающих его родным. Данные Всесоюзных переписей населения 1926 и 1939 гг. свидетельствуют о том, что за межпереписное десятилетие уровень владения немцами родным языком снизился на 10 % и составил в 1939 г. в СССР 88,4 %, в РСФСР – 90,5 %[8].

Последовавшая в 1941–1942 гг. депортация немцев СССР являлась продолжением репрессивного курса, а также в полной мере способствовала реализации поставленных советским режимом задач: осуществление тотального контроля за потенциально опасной категорией населения; использование трудовых ресурсов немцев СССР, известных высоким уровнем развития сельского хозяйства, культуры и трудолюбием, в освоении восточных районов страны.

Общее количество депортированных немцев в 1941–1942 гг., по нашим расчетам, составляет 855779 человек[9]. Переселение немцев из основных районов проживания растянулось на долгое время с 1941–1945 гг.

Ряды депортированных немцев пополнятся за счет демобилизованных в 1942–1945 гг. военнослужащих немецкой национальности – 33516 тыс. человек, репатриантов – 208388 тыс., а так же депортированных из освобожденных от оккупации районов страны в 1943–1944 гг. вместе с другими народами. Общее количество депортированных немцев, по нашим расчетам, составило не менее 1097683 человек[9].

Депортация 1941–1942 гг. в корне изменила территориальное размещение немецкого населения СССР. Немецкие поселения Поволжья, Крыма, Украины, в которых на протяжении более полутора веков формировалась самобытная этническая общность российских немцев, перестали существовать. Компактное проживание сменила распыленность по огромным территориям Урала, Сибири, Казахстана.

С 1942 г. демографические потери немецкого этноса значительно увеличились – это было связано с тем, что все трудоспособное немецкое население было мобилизовано в рабочие колонны, получившие название «трудармии», где немцы находились до окончания войны.

Анализ архивных материалов, сделанный на основе карточек учета движения немецкого контингента, карточек трудового учета, документации политотделов уральских лагерей в 1942–1944 гг., позволяет сделать вывод о том, в лагерях НКВД немецкий контингент отличался многочисленностью и составлял основной трудовой фонд на производстве и строительстве промышленных объектов.

Общее количество мобилизованных в трудармию советских немцев в период 1941–1945 гг. составило свыше 316 тыс. человек[10]. Из этого количества свыше 182 тыс. составляли трудовой контингент НКВД, свыше 133 тыс. числились на предприятиях других наркоматов[11]. Из найденных нами документов в фондах РГАСПИ удалось конкретизировать цифру трудармейцев, находившихся в 1943 г. на объектах НКВД. В докладной записке заместителя народного комиссара внутренних дел СССР Чернышова в ЦК ВКП (б) в апреле 1943 г. сообщалось, что 159000 мужчин и 84000 женщин из числа спецпоселенцев-немцев были мобилизованы в ра-

бочие колонны и направлены на работы в важнейшие оборонные строительства, угольную и нефтяную промышленность. Таким образом, в 1943 г. в ведении НКВД находилось 243 тыс. немцев-трудармейцев, причем внутренним резервным контингентом из данной категории НКВД не располагало[12].

Прибытие немецкого контингента в уральские лагеря происходило на протяжении 1942–1944 гг. В течение 1942 г. в лагеря Урала прибыло 104919 трудмобилизованных немцев, с учетом прибывших в 1941 г. в Богословлаг (6247), Ивдельлаг (2308) и Соликамлаг (160) общее количество составило 113634[13]. Количество немцев в контингентах ИТЛ составило в середине 1942 г. более 42 %, а их число на крупных гражданских предприятиях доходило до 37 % рабочей силы.

Отличительными особенностями использования немцев-трудармейцев от других контингентов лагерей НКВД было их промежуточное положение между вольнонаемным составом и заключенными, изолированность содержания, применение на объектах, где требовался тяжелый физический труд.

Администрация лагерей нарушала правила трудоиспользования мобилизованных немцев, о чем свидетельствует распределение немецкого контингента в группах «А», «В» и «Г», увеличение количества инвалидов в период 1942–1944 гг. 83,9 % немцев-трудармейцев составляли основную производственную группу (группа «А») и использовались на производстве и строительстве промышленных предприятий, где преобладал тяжелый и средний физический труд. Немецкий контингент практически не использовался в качестве обслуги (группа «Б») – 4,6 %. Количество неработающих по каким-либо причинам немцев в группах «В» и «Г» составляло 11,6 %[14].

О больших потерях немецкого контингента в рассматриваемый период свидетельствует сокращение его численности, пик которого приходится на весну-лето 1942 г. – первую половину 1943 г. Общее количество убывших трудмобилизованных немцев в ИТЛ Урала составило к концу 1942 г. 32209 человек или 28,3 %, т. е. четверть всего немецкого контингента. Причинами сокращения стал рост смертности, демобилизация вследствие физического истощения, арест оперативно-чекистским отделом лагеря. Как показал анализ документов политотделов лагерей, резкому ослаблению физического состояния контингента, доведению его до инвалидности и непригодности к труду, росту смертности способствовали тяжелый физический труд и непосильные нормы выработки на производстве, отсутствие нормального питания, материального обеспечения, медицинского обслуживания.

Общие потери советских немцев в период 1941–1945 гг. оценить довольно сложно, так как на сегодняшний день исследователи не располагают точными данными о количестве депортированных и мобилизованных в трудармию немцев. Отсутствие на сегодняшний день доступа к архивам лагерей, где находились трудмобилизованные немцы, затрудняет исследование проблемы, откладывает ее решение на неопределенный срок.

Десятилетие 1945–1955 гг. стало временем, когда в отношении немцев и других репрессированных в 1930–1940-е гг. народов был установлен особый режим спецпоселения, главной целью которого стало удержать депортированные народы в местах их выселения.

Режим спецпоселения стал для власти универсальным способом решения целого комплекса экономических и политических проблем. Контингент спецпоселенцев рассматривался властью как кадровый резерв промышленности на плохо освоенных территориях и в районах, где имелся дефицит рабочей силы.

Начиная с 1942 г. и до начала 1950-х гг. доля спецконтингента только в областях и республиках Уральского региона составила в среднем 30 %. В 1949 г. на территории Урала находилось на спецпоселении 162017 немцев[15]. Вместе с немцами на спецпоселении находились депортированные в 1943–1944 гг. народы Крыма, Прибалтики, а также такие контингенты, как власовцы, оуновцы. К 1950 г. на Урале немецкий контингент преобладал, составляя 69,4 %.

Согласно данным МВД СССР, на 1 января 1953 г. в СССР было зарегистрировано 1064062 немцев – спецпоселенцев, из которых 855674 были выселены по решениям правительства, 208388 – репатриированные немцы[16]. К июлю 1953 г. контингент немцев спецпоселенцев продолжал увеличиваться, о чем свидетельствуют следующие данные.

Динамика численности немцев – спецпоселенцев в СССР в течение 1953 г.

	1 января 1953 г.		1 марта 1953 г.		1 июля 1953 г.	
	Состоит на учете	В том числе дети до 16 лет	Состоит на учете	В том числе дети до 16 лет	Состоит на учете	В том числе дети до 16 лет
Всего	1064062	356020	1224931	413244	1240724	413244
Выселенные по решениям правительства	855674	286228	855674	286228	867914	289600
Репатриированные	208388	69792	208388	69792	210228	69559
Мобилизованные и местные	-	-	159906	53590	162582	54085

Источник: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 642. Л. 144, 163, 203.

Увеличение численности немцев-спецпоселенцев происходило за счет бывших военнопленных, немцев, депортированных с территории Западной Украины, Белоруссии, Прибалтики, колхозников, выселенных по Указу от 26 ноября 1948 г., роста рождаемости. Из общего количества немецких спецпоселенцев в 1953 г. 29,6 % – мужчины, 38,6 % – женщины, 33,4 % – дети до 16 лет[17]. Следствием потерь, понесенных в годы депортации и трудмобилизации, а также тяжелых условий спецпоселения, стала огромная диспропорция между полами. В среднем в СССР на 1000 мужчин приходилось 1448 женщин-немок[17]. Долгосрочные потери немецкого населения составили 10–20 % от возможной численности в отсутствие катаклизмов 1940-х гг. и постоянно увеличивались вплоть до середины 1950-х гг. Прямые людские потери немецкого населения в период 1941–1953 гг. составили 228,8 тыс. человек, или 19,2 % от числа депортированных и высланных на спецпоселение[18].

Повсеместно положение российских немцев характеризовалось отсутствием материально-бытовых условий, которые бы обеспечили выживание людей в новых климатических условиях и их быстрое включение в производственный процесс.

Депортация, трудармия, спецпоселение привели к истощению моральных и физических сил немецкого народа, стали периодом значительных демографических потерь. К 1959 г. в среднем по СССР удельный вес немецкой этнической группы составил 0,7 % от общей численности населения страны, против 0,8 %, по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г.[19]

Всесоюзная перепись 1959 г. зафиксировала на территории СССР 1619655 немцев, из них 636189 представляли городское население, 983466 жили в сельской местности[20]. Вследствие депортации немецкое население лишилось традиционных мест проживания на территории Украины, практически исчезает с территории Грузии, Азербайджана, Белоруссии. Основными территориями проживания немцев становятся РСФСР – 50,6 %, Казахская ССР – 40,7 %, республики Средней Азии. В РСФСР самая высокая концентрация немецкого населения наблюдается в Сибири, где численность немцев составляла 4,6 % от общей численности населения, и на Урале – 1,1 %[21].

Наращивание темпов промышленного производства, восстановление разрушенных городов, специфика развития отдельных регионов страны, трагические события, которые коренным образом изменили судьбу советских немцев, способствовали росту интенсивности урбанизационных процессов среди немецкого населения страны. Удельный вес городского

населения среди немцев СССР составил 39 %. Из союзных республик по степени урбанизации немецкого населения лидировала РСФСР – 44 %.

Демографические потери немецкой этнической группы в годы войны, тяготы послевоенного времени еще более усилили диспропорцию полов, которая была характерна для немецкого населения страны и в довоенный период. В 1959 г. численность мужчин немецкой национальности составила 46 % от общей численности немецкого населения СССР, женщин – 54 %. Численное преобладание женщин над мужчинами было характерно как для городского, так и для сельского населения. Удельный вес мужчин-немцев, проживающих в городах, составил 46,5 %, в сельской местности – 45,6 %, женщин – 53,5 % и 54,3 % соответственно[22].

Половозрастная структура немецкого населения страны также была сильно деформирована. Людские потери в войне привели к пониженной доле в возрастной структуре немецкого населения страны самых трудоспособных, детородных, перспективных в демографическом отношении возрастных когорт 1915–1919 гг., 1920–1924 гг. Обращает на себя внимание провал в возрастных когортах 1940–1944, 1945–1949 гг., т. е. детей, родившихся в годы войны и первые послевоенные годы (12 % от общей численности немецкого населения). Их убыль объяснялась высокой смертностью и фактической изоляцией мужчин и женщин детородного возраста более чем на 10 лет.

Диспропорция в половозрастной структуре и в соотношении полов оказали дестабилизирующее влияние на институт брака. Существенное сокращение брачности было зафиксировано в поколениях женщин, рожденных в 1915–1919 гг. и 1920–1924 гг., которое составило 62 % и 72 % соответственно, в то время как в 1939 г. в возрасте 40–44 лет и 35–39 лет в браке состояло более 80 % женщин-немок[23]. Среднее число лет жизни прожитой в браке одной женщиной-немкой из условного поколения в возрастном интервале от 15 до 50 лет составило 18 лет, против 23 лет по данным переписи 1939 г.

Социальные катаклизмы 1930–1950-х привели к увеличению малочисленных семей (2–3 человека) и сокращению семей, состоящих из 5 и более человек. Из 60966 немецких семей, проживавших на территории РСФСР, по данным переписи населения 1959 г., количество семей, включавших в свой состав от 3 до 5 человек, составила 51 % от общей численности семей[24].

Ликвидация немецких национальных районов, депортация, проживание в условиях инонациональной среды, урбанизация максимально сузили пространство функционирования немецкого языка, что привело к неизбежной утрате навыков общения на нем. Из 1619655 немцев, проживавших на территории СССР, родным языком владели 1214699 чел., что составило 75 %, в РСФСР – 69 %. Особенно заметным снижение уровня знания родного языка становится у молодых поколений российских немцев до 20 лет – 77 %[25].

Национальная политика государства в отношении немецкого национального меньшинства, отсутствие возможности повысить уровень образования, миграционная активность предопределили занятость немецкого населения в отраслях народного хозяйства страны с преобладанием физического труда, низким уровнем квалификации.

Характерными чертами распределения по общественным группам и занятости немецкого населения становится численный перевес групп «рабочие» (в силу специфики регионов проживания составляла от 26,3 % до 59,5 %) и «колхозники» (от 30,1 % до 66,3 %). Группа «служащие» была немногочисленна: от 6,7 % до 8,7 % (доля творческой интеллигенции составляла 0,9 %, научной – 2,3 % от общей численности служащих)[26].

Произошедшие с российскими немцами изменения свидетельствуют о том, что процесс модернизации, проходивший в стране на протяжении всего XX столетия, с момента становления тоталитарной советской системы был серьезно деформирован. С началом модернизационного скачка социально-демографические процессы меняют вектор своего развития. В довоен-

ный период преобладал традиционный уклад жизни, проявлявшийся в консервации бытовых и культурных традиций, уровня владения родным языком, форм воспроизводства. В конце 1940 – 1950-х гг. происходит активизация миграционных процессов, рост урбанизации, нуклеаризация семьи, ограничение сферы действия национального языка, что предопределило дальнейшую судьбу многочисленных этносов в стране.

Все эти процессы, во многом усиленные репрессивной политикой государства в 1930–1950-х гг., созданием экономики мобилизационного типа, негативно отразились на социально-демографических характеристиках немцев в СССР. Огромные людские потери в годы «большого террора», в ходе войны и первого послевоенного десятилетия привели к значительным демографическим провалам, которые, несмотря на компенсационные подъемы рождаемости в конце 1920-х, середине 1930-х, 1950-х гг., негативно сказывались на восстановлении жизненного потенциала немцев СССР. Дисперсность проживания, ликвидация национально-территориальной автономии, запрет на свободное функционирование немецкого языка, отсутствие национальной системы образования, возможности развивать национальную культуру способствовали развитию ассимиляционных процессов, создавали реальную угрозу растворения этноса в инонациональной среде.

Примечания

[1] Кригер В. Рейн-Волга-Иртыш : из истории немцев Центральной Азии. Алматы : Дайм-Пресс, 2006. 276 с. С. 153.
[2] Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. М. : МСНК-пресс, 2007. С. 263.
[3] Там же. С. 257.
[4] Там же. С. 268.
[5] Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против российских немцев… С. 66, 71.
[6] Жиромская В. Б. Всесоюзная перепись населения 1939 г. : основные итоги. М., 1999. С. 16–17.
[7] Рассчитано: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1058. Л. 1.
[8] Там же. Д. 1058. Л. 1–6.
[9] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 37–38; Д. 85. Л. 199; «Мобилизовать немцев в рабочие колонны… И. Сталин» : сб. док. (1940-е годы). М. : Готика, 1998. С. 26, 34.
[10] Герман А. А., Курочкин А. Н. Немцы СССР в трудовой армии (1941–1945 гг.). М. : Готика, 1998. С. 66–67.
[11] Герман А. А. Курочкин А. Н. Указ. соч. С. 66–67.
[12] РГАСПИ Ф. 17. Оп. 121. Д. 241. Л. 60, 61.
[13] Рассчитано по: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1172. Л. 1–16.
[14] Рассчитано по: Там же. Д. 216. Л. 3, 10, 15, 21, 23, 24, 27.
[15] ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 509. Л. 95–109, Л. 150–156; Д. 511. Л. 180–184.
[16] Там же. Д. 642. Л. 144, 163, 203, 293.
[17] Там же. Л. 293.
[18] Эдиев Д. М. Демографические потери депортированных народов. Ставрополь: СтГАУ «АГРУС» ; Ставропольсервисшкола, 2003. С. 272, 298, 300.
[19] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР ... С. 184–185.
[20] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1565. Л. 4–28.
[21] Там же. Д. 1565-а. Л. 1–7, 15–21, 29–35, 64–70; Д. 1565-в. Л. 1–6, 16–22, 32–38, 53–58, 81–87, 107–113, 149–155.
[22] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1565. Л. 4, 8, 12, 16, 20, 24, 28.
[23] Там же. Д. 2989. Л. 209, 223, 227.
[24] Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 3461. Л. 47; Д. 3480. Л. 241–246, 252–255.

[25] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1565. Л. 4, 32, 165.
[26] Там же. Д. 1940. Л. 1–5.

Д. Д. Миненков

ТЫЛОВОЕ ОПОЛЧЕНИЕ – ВОЕНИЗИРОВАННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СИСТЕМЫ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА В СССР 1930-х ГОДОВ

Общественно-политические процессы 1980–90-х гг. открыли путь к гласности в вопросах изучения, осмысления и оценки советского периода истории страны. Проблема преодоления наследия сталинизма как рудимента старой политической культуры, основанной на неуважении к закону, игнорировании политических и гражданских свобод, выдвигает задачу всестороннего изучения природы и последствий дискриминационной и репрессивной политики периода сталинской диктатуры в отношении широких слоев населения, повлекшей за собой возникновение новых обширных маргинальных групп, в числе которых оказались подпавшие под статус «лишенцев» и искусственно сконструированные на этой основе такие категории, как спецпереселенцы, тылоополченцы («лишенцы» призывных возрастов, прежде всего).

Опыт обращения к реалиям сталинской эпохи также обозначает весьма актуальную для современности задачу определения границ и возможностей вмешательства государства в жизнь и повседневность социума. Тотальный контроль над деятельностью и поведением граждан, лишение их прав на самоорганизацию и самодеятельность, которые демонстрировал сталинский режим в 1930-е – начале 1950-х гг., способны принести только кратковременные успехи в решении столь же кратковременно поставленных задач. Обратной стороной подавления самостоятельности социума становилось формирование и укоренение стереотипов апатии, иждивенчества и патернализма, ожидания и надежд на помощь и поддержку институтов государства.

Интерес исследователей к данной теме возник сравнительно недавно в связи с разработкой генезиса и форм советской системы принудительного труда. Историография темы немногочисленна и, по сути, исчерпывается несколькими работами автора и его научного руководителя доктора исторических наук, профессора С. А. Красильникова[1].

Предлагаемый материал позволит специалистам-историкам, а также широкому кругу читателей познакомиться с одной из малоизученных страниц советской истории 1930-х гг. – системой тылового ополчения в СССР 1930–1937 гг. Особый интерес работа может представлять ввиду того, что ее автором впервые в отечественной и зарубежной историографии практически только на основе архивных материалов, впервые введенных в научный оборот, осуществлена комплексная историческая реконструкция военизированной системы принудительного труда, функционировавшей в течение семи лет и имевшей в своем составе до 81 военизированной части, дислоцировавшихся во всех регионах СССР и производивших работы в интересах шести различных наркоматов.

Тыловое ополчение (т. о.) в Советской России и СССР 1918–1937 гг. – это система военизированных трудовых формирований, созданных для выполнения задач военного, оборонно-стратегического и экономического характера путем использования принудительно привлекаемых к работам граждан, не допускаемых к несению военной службы с оружием в руках (лишенные избирательных прав по Конституции («лишенцы»), пораженные в правах по суду, высланные в административном порядке и др.). Другими словами, тыловое ополчение – это искусственно сконструированное большевистским режимом системное образование, маргинальная категория с пониженной на определенный период времени социальной статусностью, труд которой использовался на основах внеэкономического при-

нуждения, это военизированная составляющая системы принудительного труда СССР того периода.

История тылового ополчения включает три этапа. Создание тылового ополчения на первом этапе (1918–1925 гг.) явилось следствием воплощения большевиками в жизнь идеи осуществления политики всеобщей трудовой повинности при социализме и проблем возникших в результате узурпации ими власти в 1918 г.

Всеобщая трудовая повинность была провозглашена в январе 1918 г. в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», а закон о ее введении принят ВЦИК 22 апреля того же года. Конституция РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г., закрепила Положение о трудовой повинности.

Практические эксперименты по проведению трудовой повинности в Советской России начались с весны 1918 г., в ходе Гражданской войны. Ввиду того, что не было выработано единой концепции, правительственные декреты и приказы Революционного военного совета Республики (Реввоенсовет Республики, РВСР), определяющие категории мобилизуемых и порядок их трудового использования в 1918 г., нередко противоречили, либо перекрывали один другой. Так, в обращении СНК «Социалистическое отечество в опасности!», принятом 21 февраля 1918 г., говорилось: «*…6) В эти батальоны* [для рытья окопов] *должны быть включены все работоспособные члены буржуазного класса, мужчины и женщины, под надзором красногвардейцев; сопротивляющихся – расстреливать*»[2]. В принятом СНК 20 июля 1918 г. постановлении «О тыловом ополчении» уже было определено, что все граждане в возрасте от 18 до 45 лет, не подлежащие призыву в Красную Армию (в т. ч. и представители буржуазии), подлежат зачислению в тыловое ополчение[3], а в октябре того же года вышел декрет о мобилизации буржуазии возрастов от 16 до 50 лет на общественно-полезные работы. Поиск оптимальных форм и методов проведения трудовой повинности и различных трудовых мобилизаций не прекращался до введения в Советской России НЭП. Создание тылового ополчения на этапе Гражданской войны было одним из экспериментов в этом поиске.

С воплощением в жизнь идеи осуществления политики всеобщей трудовой повинности при социализме тесно связано решение проблемы практического привлечения к защите Советской Республики широких слоев российского населения, искусственно выведенных большевиками в разряд маргинальных или откровенно враждебных. Первые же законы, принятые большевиками в период с декабря 1917 по июль 1918 г., искусственно разделили все население страны по классовым признакам на два враждебных лагеря. В одном оказались рабочие и крестьяне, не эксплуатирующие наемного труда. Они, в соответствии со ст. 64 Конституции РСФСР 1918 г., наделялись активным и пассивным избирательным правом, могли участвовать в управлении государственными делами на различных уровнях, а также имели право получить в руки оружие для защиты революции (ст. 19). В другом лагере оказались многие категории граждан России, кто в соответствии со ст. 7 и 65 Конституции лишались избирательных прав и не могли демократичными способами влиять на строительство и развитие нового государства. К «лишенцам» были отнесены «а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов; д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома; е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой; ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором»[4]. Эта категория граждан оказалась достаточно многочисленной и потому представляла серьезную угрозу для большевиков. Однако критическая ситуация, сложившаяся к лету 1918 г. на внешних и внутренних фронтах Советской

России, вынудила большевиков привлечь к защите государства и «лишенцев» – в качестве рабочей силы по обслуживанию тыла Красной Армии, для производства продукции на нужды обороны.

В августе 1918 г. одновременно с очередной мобилизацией рабочих и крестьян в ряде уездов Казанской губернии впервые состоялся набор в т. о. Из призванных ополченцев были сформированы рабочие части (батальоны, роты, команды), использовавшиеся на окопных, строительных, дорожных, ремонтно-восстановительных и пр. работах в основном в европейской части России. Срок службы ополченцев – 1 год.

Несмотря на большой резерв потенциальных ополченцев, количество трудовых частей и призванных на службу в годы Гражданской войны были относительно невелики. Так, в распоряжении Центрального управления военных сообщений, обеспечивавшего доставку военных грузов на все фронты, по состоянию на 15 марта 1919 г. на разгрузке подвижного железнодорожного состава работало только 7 тыс. чел. (две бригады, один полк, семь отдельных рот, одна дружина и одна команда)[5]. Всего же с 20 августа 1918 г. по 15 июня 1920 г. в т. о. было призвано 16790 чел., что составило 0,9 % от общей численности мобилизованных по особым распоряжениям правительства за тот же период[6]. Причинами такого положения стали трудности в размещении и жизнеобеспечении созданных частей, отсутствие необходимого количества командиров.

По окончании Гражданской войны т. о. использовалось на восстановительных работах. С введением 15 ноября 1921 г. нового «Кодекса законов о труде», переходом страны к нэпу система трудовой повинности и тыловое ополчение, как одна из ее подсистем, постепенно были свернуты.

В ходе военной реформы 1924–1925 гг. призыв в команды тылового ополчения был признан нецелесообразным и фактически на протяжении всего второго этапа (1925–1930 гг.) тылоополченцы на службу не призывались, а состояли в запасе, представляя мобилизационный резерв на случай войны. Взамен службы для них законом «О специальном военном налоге с граждан, зачисленных в тыловое ополчение» (1925 г.)[7] был введен специальный военный налог, сбор от которого поступал в фонд соцобеспечения для оказания помощи семьям погибших и инвалидам Гражданской войны.

На третьем этапе (1930–1937 гг.) тыловое ополчение было воссоздано и практически использовалось как специфическая милитаризованная подсистема принудительного труда, для решения экономических и оборонно-стратегических задач в ходе реализации плана форсированной индустриализации. Этот этап является самым продолжительным и массовым этапом применения тылового ополчения в СССР, когда оно стало окончательно оформленной, организованной и практически действующей системой.

В ноябре 1928 г. СССР был взят курс на форсированную индустриализацию. Вновь, как в период «военного коммунизма», со всей отчетливостью стали проявляться черты принудительно-мобилизационного способа решения руководством страны политико-экономических проблем. Летом 1929 г. произошло переименование лагерей ОГПУ в исправительно-трудовые. Они явились «первым камнем» в фундаменте создаваемой системы принудительного труда. С начала 1930 г. в эту систему вошли спецпереселенцы (выселенные вместе с семьями «кулаки»). И заключенные, и спецпереселенцы в массовом порядке привлекались к строительству промышленных предприятий и развитию добывающих отраслей, обеспечивающих модернизацию экономики. Вместе с тем требовалось изыскать и другие способы мобилизации трудовых ресурсов, не связанные с отвлечением значительных средств на создание специальной лагерно-комендатурной инфраструктуры. Именно стремлением власти покрыть дефицит рабочей силы за счет применения дешевого труда тылоополченцев объясняется срочная корректировка положений Закона об обязательной военной службе (ЗОВС) в августе 1930 г.[8] в разделах о «религиозниках» (граждане, по религиозным убеждениям отказы-

вающиеся проходить военную службу с оружием в руках) и тыловых ополченцах. Новый закон разрешал призыв тылоополченцев и формирование их них рабочих частей не только в военное, но и в мирное время.

Согласно ЗОВС 1930 г., в т. о. зачислялись «нетрудовые элементы», лишенные права выбирать в советы на основании Конституций союзных республик («лишенцы»), а также осужденные по ст. 2–14, 16–17.1, 20–27 положения о преступлениях государственных, осужденные за иные, кроме государственных, преступления с поражением политических прав, сосланные и высланные в судебном или административном порядке, «вычищенные» со службы по 1-й категории, а также осужденные даже без поражения в политических правах, если нарком по военным делам признавал нежелательной службу последних в РККА[9].

В ноябре 1930 г. к призыву тылоополченцев и формированию из них частей самостоятельно приступили исполнительные органы ряда регионов (Татарская АССР, Западная обл., Западносибирский край (ЗСК) и др.). Сформированные ими части в большинстве случаев были подчинены административным органам НКВД и использовались на работах в местах формирования. Основные сферы применения – лесоразработки, угледобыча, строительство шоссейных и железных дорог, объектов коммунального хозяйства в городах. В ЗСК было сформировано четыре отряда: Прокопьевский (1386 чел.), Анжерский (1462 чел.), Ленинский (283 чел.) и Кемеровский (323 чел.), которые в полном составе использовались в системе Всесоюзного объединения «Востуголь»[10]. Отряды были разделены на команды численностью от 150 до 300 чел., команды – на отделения. Во главе отрядов, команд и отделений стоял начальствующий состав, призванный из запаса. Ему в соответствии с инструкцией Западносибирского краевого исполнительного комитета (ЗСКИК) была присвоена форма конвойной стражи и определен военизированный паек. Отряды были подчинены Комендантскому отделу Западносибирского краевого Административного Управления (КО ЗСКАУ).

Сибирские части тылового ополчения вместе с комендатурами спецпереселенцев в 1931 г. находились в ведении СибЛАГ ОГПУ. Этот факт прямо указывает на статусное положение частей т. о. в качестве одной из составляющих системы принудительного труда в СССР 1930-х гг.

С марта 1931 г. по инициативе Наркомата путей сообщения (НКПС) и под общим директивным руководством Наркомата труда (НКТ) СССР началось централизованное формирование системы тылового ополчения. Принятое ЦИК и СНК СССР 7 декабря 1931 г. постановление № 24/952 «Об использовании труда граждан, состоящих в тыловом ополчении»[11], юридически закрепило основы организации и статус тылового ополчения.

В отличие от тылового ополчения времен Гражданской войны, содержавшегося за счет средств отпускаемых на оборону, теперь система должна была функционировать на принципах хозрасчета и полной самоокупаемости. К числу работодателей, в чье распоряжение передавались формируемые части тылового ополчения, относились производственные и строительные подразделения НКПС, Центрального управления шоссейных и грунтовых дорог и автомобильного транспорта Наркомата путей сообщения СССР (ЦДТ, Цудортранс) и Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ, позднее – Наркомата тяжелой промышленности (НКТП)). Части могли быть использованы исключительно на работах, имеющих важное оборонно-стратегическое значение (строительство железных, шоссейных и грунтовых дорог, оборонных заводов, электростанций, аэродромов, мостов, угледобыча, лесоразработки и т. п.). Тылоополченцы использовались в основном на трудоемких массовых работах, не требующих высокой квалификации. Срок службы – 3 года.

К декабрю 1931 г. в частях числилось около 21750 тылоополченцев (на объектах ЦДТ – 55,6 %, НКПС – 28,3 %, ВСНХ – 16,1 % состава т. о.). Из них в европейской части СССР – 75,2 %, Ср. Азии и Казахстане – 4,6 %, на Урале и ЗСК – 17 %, Восточносибирском (ВСК) и Дальневосточном (ДВК) краях – 3,2 %[12].

При НКПС, ЦДТ (в конце 1931 г.) и НКТП (в начале 1932 г.) были созданы центральные управления тылового ополчения (ЦУТО). ЦУТО НКПС, ЦДТ и НКТП имели двойное подчинение: по вертикали они подчинялись Центральному военизированному управлению т. о. (ЦВУТО) НКТ СССР (создано в первой пол. 1932 г.), а по горизонтали – каждое своему наркомату. Одновременно работу ЦУТО и частей т. о. курировали правительства республик и исполнительные органы краев (областей), на чьей территории находились части. В партийном порядке подотчетность была организована по территориальному принципу.

В первой половине 1932 г. сибирские отряды тылового ополчения были переформированы в полки (1-й – Анжерский (1025 чел.), 2-й – Ленинск-Кузнецкий (437 чел.), 3-й – Прокопьевский (944 чел.)) и на их основе создана 1-я отдельная бригада т. о. НКТП со штабом в Новосибирске. Участие частей бригады в угледобыче имело решающее значение для Кузбассугля (40 % угледобычи) и существенное для всего Урало-Кузбасского комбината[13].

В ноябре 1932 г. начала формироваться 2-я Отдельная бригада тылового ополчения НКТП. Управление 2-й бригады (11 чел.) разместилось в Свердловске. К середине 1933 г. в состав бригады вошли 5-й, 7-й, 8-й полки, 1-й и 6-й батальоны общей численностью 4572 тылоополченца и 187 чел. начальствующего состава[14]. Части бригады были заняты на строительстве комбината «К» (пос. Нижняя Курья Пермского р-на), ЧЭМК и завода № 78 (Челябинск), уральского завода тяжелого машиностроения (ст. Свердловск), реконструкции медно-плавильного завода в г. Златоусте. Кроме этих частей, ЦУТО НКТП приняло в свое ведение 4-й отдельный полк тылового ополчения, созданный еще в начале 1931 г. на Украине для строительства Днепрокомбината, а также от ЦУТО Цудортранс три батальона (6-й, 18-й и 20-й) в ДВК, работающих на добыче угля в Сучанских угольных копях.

На 1 декабря 1932 г. в т. о. состояло: по ЦУТО ЦДТ – пять отдельных пеших полков, 10 отдельных пеших батальонов, четыре пеших трудовых батальона, восемь отдельных пеших рот, 37 отдельных конных транспортов, три отдельных взвода «религиозников», команда, два военных совхоза, военмехзавод, автоотряд и склад ВСЧ общей численностью 22219 тылоополченцев, 1380 чел. начсостава, 7954 лошади; по ЦУТО НКПС – 32 отдельных батальона, отдельная и маршевая роты, две команды «деклассированного элемента» (административно высланные), отдельный взвод общей численностью 20097 тылоополченцев и 809 чел. начсостава; по ЦУТО НКТП – две отдельные бригады, два отдельных полка, семь отдельных батальонов, отдельная рота общей численностью 6533 тылоополченца и 259 чел. начсостава. В целом по управлениям – 48849 тылоополченцев, 2448 чел. начсостава, 7954 лошади. Из них в европейской части СССР – 56,5 %, в Ср. Азии и Казахстане – 5,4 %, на Урале и в ЗСК – 12,5 %, в ВСК и ДВК – 25,6 %[15].

Выстроенная гражданскими наркоматами система имела ряд существенных недостатков и в своей организационной структуре, и во всестороннем обеспечении частей, приведших в конечном итоге к катастрофическому положению последних. Это положение, приоритет задач формирования военно-промышленного комплекса и ликвидация в июне 1933 г. Союзного Наркомата труда стали закономерными причинами передачи тылового ополчения в военное ведомство.

27 сентября 1933 г. ЦИК и СНК СССР по проекту, разработанному Наркоматом по военным и морским делам (НКВМ), приняли новое постановление «О тыловом ополчении» (№ 76/1973)[16]. 7 октября СНК СССР принял постановление № 2205-517/с «О порядке передачи НКВМ частей тылового ополчения»[17]. В соответствии с приказом Реввоенсовета (РВС) СССР № 0115 «О сформировании Управления по тыловому ополчению ГУ РККА» от 11.10.1933 г.[18] начало формироваться Управление тылового ополчения Главного управления РККА (УТО ГУ РККА), а существовавшие до этого ЦУТО гражданских наркоматов после передачи частей и материальных средств в НКВМ ликвидировались. УТО ГУ РККА приступило к работе 1 ноября 1933 г. Его начальником с начала 1934 по май 1937 г. был комдив М. Л. Медников[19].

Во второй половине октября 1933 г., в соответствии с приказом РВС СССР № 0121, все части т. о. перешли в подчинение РВС округов (армий). Для непосредственного руководства и наблюдения за состоянием и деятельностью частей т. о. при управлениях военных округов (армий) были созданы инспекции т. о. (ИТО). По состоянию на 1 января 1934 г., после переформирования 81 части т. о. гражданских наркоматов по новым штатам, в НКВМ числилось 77 частей (50 отдельных батальонов, 20 отдельных конных транспортов, семь отдельных рот) с общей численностью 2162 чел. начсостава, 48890 тылоополченцев и 4104 лошади[20]. На объектах НКПС работало – 41,5 %, ЦДТ – 32,2 %, НКТП – 22,1 %, НКВМ – 4,2 %; в округах Европейской части СССР и Кавказа – 23,3 %, Приволжском военном округе (ПриВО) – 11,1 %, Среднеазиатском военном округе (САВО) – 7,4 %, Сибирском военном округе (СибВО) – 5,6 %, ВСК и ДВК – 52,6 % состава т. о.

В связи с нараставшей военной угрозой и необходимостью создания оборонной инфраструктуры на востоке СССР со второй половины 1932 г. началась переброска частей в ВСК и ДВК. Ее пик пришелся на вторую половину 1933-го – 1934 г. К концу 1934 г. в т. о. числился 43381 тылоополченец, из них на объектах НКПС работало 32,9 % (в т. ч. для нужд Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА) – 97,9 %), НКО – 26,3 (62,7 %), НКТП – 18,2 (8,2 %), ЦДТ – 12 (61,6 %), Главного управления гражданского воздушного флота (ГУ ГВФ) – 2,8 (100 %), в НКЛес – 7,8 (100 %). В ВСК и ДВК дислоцировалось 68,1 % состава т. о. К августу 1935 г. в ВСК и ДВК было сосредоточено уже 71,7 % т. о. Среднегодовая численность т. о. с декабря 1932 г. по декабрь 1935 г. составляет 44593 чел.[21]

С конца 1935 г. численность тылоополченцев неуклонно сокращалась. Основными причинами этого явились уменьшение общего ресурса подлежащих зачислению в т. о. и увеличение числа тылоополченцев, восстановленных в избирательных правах. За 1936 г. численность т. о. сократилась на 18555 чел. (56,9 %) и на 1 января 1937 г. составила 24522 чел. Всего за годы существования т. о. с 1930 по 1937 г., через его систему прошло более 100 тыс. человек[21].

Тылоополченцы НКПС имели рабочие специальности землекопов, строителей, угольщиков, путевых рабочих, металлистов, счетных и конторских работников. Имеющиеся в частях т. о. специалисты часто использовались без учета их умений и навыков. Почти все части т. о. ЦДТ работали на строительстве шоссейных дорог и насыпи для ж. д. Части т. о. НКТП в 1931 г. в основном были заняты на добыче каменного угля. Со второй половины 1932 г. стали доминировать работы по строительству промышленных предприятий наркомата. Итоги трудового использования частей т. о. за 1932–1933 гг. показали, что многие из них оказались далеки от полной самоокупаемости. На момент передачи частей в ведение НКВМ их финансовое состояние оценивалось как неудовлетворительное.

Весной 1934 г., благодаря принятым НКВМ мерам организационного характера, показатели производительности труда в частях стали возрастать. Средняя производительность труда по частям за 1934 г. составила 143,5 %, прибыль всей системы – более 30 млн р., в 1935 г. – 162,2 % и почти 60 млн р., за три квартала 1936 г. – 198,7 % и более 45 млн р. (89,3 % от годового плана) соответственно[22]. Большинство частей вышло на показатели самоокупаемости. Перевыполнение этими частями общесоюзных норм производительности труда, а тылоополченцами – норм среднесуточного заработка для вольнонаемных рабочих свидетельствует о том, что труд тылоополченцев, с учетом внеэкономического характера его организации, оказывался более результативным, чем труд вольнонаемных рабочих, спецпереселенцев и заключенных, что обусловливалось рядом причин, в первую очередь военизированными принципами его построения, отбором в его ряды в основном молодых, физически здоровых людей, и стимулом восстановления в гражданских правах.

По социокультурным и демографическим характеристикам тылоополченцы относились в основной своей массе к традиционным, подвергнутым маргинализации категориям обще-

ства – преимущественно русские (свыше 80 %) и украинцы (более 10 %) из крестьянской среды, отчасти из категорий «бывших», с относительно невысоким образовательным и профессиональным уровнем. Большинство тылоополченцев (ок. 80 %) было лишено избирательных прав как иждивенцы «кулаков», служителей религиозных культов, торговцев и т. п. Самих же лишенных избирательных прав по этим основным критериям в составе т. о. было ок. 12 %. Остальные попали туда как лишенные избирательных прав по суду и административно высланные[23]. Около 70 % тылоополченцев были малограмотными и имеющими начальное образование. Среднее образование имели 2–4 % тылоополченцев, а высшее – единицы[24]. С 1934 г. в т. о. стали призывать граждан, не относящихся к традиционным категориям лишенных избирательных прав. Это изгнанные из различных структур в результате развернувшихся в стране «чисток» исключенные из компартии, комсомола и профсоюзов граждане призывного возраста. К середине 1934 г. представителей этой категории в т. о. было уже около 57 %[25].

Столь же «пониженными» в сравнении с кадровыми частями Красной армии культурными и должностными характеристиками обладал и командный состав частей тылового ополчения, усугубляя тем самым и без того экстремальные условия жизнедеятельности тылоополченцев. Качество подбора начсостава не выдерживало критики. Люди, как правило, набирались из рядового состава запаса РККА, а некоторые и вовсе из не служивших в армии, без соответствующего опыта и навыков работы с людьми. В среде начсостава постоянно имели место всевозможные нарушения дисциплины и правопорядка. В дальнейшем в силу пренебрежительного отношения кадровых органов военных округов к укомплектованию начсоставом этого своеобразного армейского маргинального образования положение существенно не изменилось.

В системе НКВМ – Наркомата обороны (НКО) т. о. просуществовало до конца 1936 г. К тому времени лишение избирательных прав как дискриминационная мера в основном изжило себя, а ему на смену приходили более жесткие репрессивные меры. С принятием новой Конституции 1936 г., вводившей всеобщее избирательное право, исчезла правовая платформа существования системы т. о.

В соответствии с приказом НКО СССР от 20 февраля 1937 г. Управление тылового ополчения к 1 апреля переформировывалось в Управление строительных частей РККА. Тогда же в распоряжение последнего были переданы все части тылового ополчения.

Почти семилетний период существования тылового ополчения в СССР как структуры, наделенной признаками и милитаризованной, и производственно-экономической организации, позволяет говорить о том, что данный феномен оказался весьма органичен для сталинской системы. Тылоополченцы оказались оптимальным, хотя и ограниченным «контингентом» рабочей силы для решения тактических экономических задач в отдельных, как правило, трудодефицитных регионах.

Минимизация затрат и издержек на содержание тылоополченцев и «борьба за самоокупаемость» частей выступали единственными по форме чисто экономическими основаниями для функционирования последних. На деле здесь доминировали внеэкономические регуляторы «кнута и пряника» в форме угрозы военных судов за дезертирство из частей и процедура восстановления тылоополченцев в гражданских правах. Гораздо более глубокой и долговременной по своим последствиям и значению являлась деформация ценностных ориентаций самих тылоополченцев, которой не могло не быть. Адаптация к тяжелым условиям труда и быта, недостаточно развитой социально-культурной инфраструктуре, издевательствам комсостава и работодателей неизбежно влекла за собой формирование конформистского типа сознания и поведения в среде тылоополченцев. Как показывает анализ документов, активизм и «ударничество» выступали не как органичное движение, а более как защитная форма существования в весьма экстремальных условиях жизнедеятельности тылоополченцев.

Унификация труда, мотивации к нему и стандартизация поведения – такова цель сталинской системы, вполне реализованной в модели тылового ополчения 1930-х гг.

В заключение необходимо отметить следующее. Характеристика жизнедеятельности тылового ополчения как сегмента системы принудительного труда в СССР 1930-х гг. и одного из многочисленных экспериментов в процессе поиска режимом оптимальной мобилизационной модели не может быть полной без сравнительного анализа его экономической результативности по сравнению с другими системами. В этом плане, на наш взгляд, очень удобным и достоверным может оказаться сравнительный анализ трудовой деятельности различных категорий работников на угольных шахтах Кузбасса или оборонных заводах Урала в 1930-е гг. На угледобыче в Кузбассе, в одинаковых природно-климатических и технических условиях, на соседних участках одной шахты или шахтоуправления одновременно работали заключенные, спецпереселенцы, тылоополченцы и вольнонаемные рабочие. В силу особого режима содержания, контингентам заключенных, спецпереселенцев и тылоополченцев положено было предоставлять работу обособленно друг от друга и от вольнонаемных рабочих. И результаты их выработки также должны были учитываться отдельно. Сведения о производительности труда и себестоимости продукции по каждой из четырех категорий работников имеются исчерпывающие как в работах современных исследователей, сборниках документов, так и в региональных архивах. Если достоверно определить и сравнить результативность их труда (не учитывая моральных, психологических, демографических последствий, безусловно, негативного воздействия тоталитарного режима на социум), то, вероятно, можно будет получить весьма интересные результаты. Как упоминалось выше, в ходе исследования производственной деятельности тылового ополчения нами получены пока предварительные результаты, показывающие, что производительность труда тылоополченцев (в составе бригад и более крупных формирований) на угледобыче была самой высокой среди других категорий работников. За ними (по убывающей) были спецпереселенцы и заключенные. Последними были вольнонаемные рабочие. Они, по разным причинам, систематически недовыполняли общесоюзную норму производительности труда. Почему? Также необходимо сравнивать системы в целом по рентабельности.

Думается, что результаты исследования обозначенной проблемы могут быть весьма полезными в процессе дальнейшего изучения экономических моделей мобилизационного типа.

Примечания

[1] Красильников С. А. : 1) Тылоополченцы // ЭКО. 1994. № 3; 2) На изломах социальной структуры. Маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х гг.). Новосибирск : НГУ, 1998 (лекция 2. Тылоополченцы как часть маргинальных групп 1930-х гг.); Красильников С. А., Миненков Д. Д. Тыловое ополчение как элемент системы принудительного труда : этап становления (1930–1933 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск : СО РАН, 2001. С. 41–46; Маргиналы в советском обществе : механизмы и практика статусного регулирования в 1930–1950-е годы : сб. науч. ст. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2006. С. 4–25; Маргиналы в советском обществе : институциональные и структурные характеристики в 1930–1950-е годы : сб. науч. тр. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2007. С. 3–38; Тыловое ополчение // Историческая энциклопедия Сибири. Т. «С–Я». Новосибирск : Ин-т истории СО РАН ; Издат. дом «Историческое наследие Сибири», 2009. С. 328–329; Маргиналы в советском социуме. 1930-е – середина 1950-х гг. Изд. 2-е, расшир. и доп. Новосибирск, 2010. Тылоополченцы. Гл. I. С. 7–75.

[2] Изв. ВЦИК. 1918. 22 февр.

[3] Собрание Узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1918. № 54. Ст. 604.

[4] СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

[5] Шатагин Н. И. Организация и строительство Советской Армии в 1918–1920 гг. М., 1954. С. 146.
[6] Директивы командования фронтов Красной Армии. М., 1978. Т. IV. С. 274.
[7] Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР (СЗ СССР). 1925. № 76. Ст. 577.
[8] СЗ СССР. 1930. № 40. Ст. 423, 424.
[9] СЗ СССР. 1930. № 40. СТ. 424. П. 28.
[10] Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 47. Оп. 5. Д. 125. Л. 105, 106.
[11] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 12 а. Д. 177. Л. 4–7.
[12] Подсчитано по: Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 37940. Оп. 1. Д. 25. Л. 11–13; Д. 4. Л. 23; Д. 55. Л. 27–33; Д. 57. Л. 10–16; ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 125. Л. 105.
[13] РГВА. Ф. 37940. Оп. 1. Д. 18.
[14] РГВА. Ф. 37940. Оп. 1. Д. 55. Л. 105; Ф. 40826. Оп. 1. Д. 4. Л. 109.
[15] Подсчитано по: РГВА. Ф. 37940. Оп. 1. Д. 25. Л. 11–13; Д. 55. Л. 27–33; Д. 4. Л. 23; Д. 57. Л. 10–16.
[16] РГВА. Ф. 37940. Оп. 1. Д. 26. Л. 85, 85 об., 86.
[17] Там же. Л. 83, 84, 84 об.
[18] Там же. Л. 90, 90 а, 91.
[19] Медников Михаил Лазаревич, 1884 г. р., чл. ВКП (б) с 1917 г., 1931–1934 гг. – командир 82-й стрелковой дивизии Уральского военного округа. 4.7.1937 г. арестован по обвинению «в участии в военно-фашистском заговоре». 22.8.1938 г. приговорен ВКВС СССР к ВМН. Расстрелян 22.8.1938 г. Реабилитирован 13.6.1956 г.
[20] РГВА. Ф. 37940. Оп. 1. Д. 78. Л. 25; Д. 34. Л. 30.
[21] Подсчитано по: РГВА. Ф. 37940. Оп. 1. Д. 91. Л. 15–20; Д. 94. Л. 165–165 об., 166–166 об.; Д. 78. Л. 25 об.; Д. 96. Л. 113–116. Принадлежность частей к тому или иному наркомату сверена по: РГВА. Ф. 37940. Оп. 1. Д. 33. Л. 50–55; Д. 65. Л. 15–15 об., 16–16 об., 17–17 об., 325–331; Д. 80. Л. 60.
[22] РГВА. Ф. 37940. Оп. 1. Д. 78. Л. 32, 39, 40, 67, 94.
[23] Там же. Д. 9. Л. 34, 55, 67; Д. 11. Л. 80; Д. 13. Л. 2, 18, 26, 35, 60; Д. 15. Л. 10; Д. 75. Л. 25 об.; Д. 82. Л. 31; Ф. 25893. Оп. 1. Д. 332. Л. 57.
[24] РГВА. Ф. 37940. Оп. 1. Д. 4. Л. 103, 104.
[25] РГВА. Ф. 37940. Оп. 1. Д. 31. Л. 227.

В. Н. Парамонов

ДИНАМИКА КАЧЕСТВА ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ В РОССИИ И СССР В УСЛОВИЯХ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Термин ‘качество трудовой жизни’ (КТЖ) впервые был использован С. Робинсоном в 1972 г. на международной конференции, посвященной проблемам трудовых отношений, и определялся как «деятельность организации, направленная на удовлетворение потребности ее работника путем создания механизмов, при помощи которых сотрудник получает полный доступ к процессу принятия решений, определяющих его жизнь на работе»[1].

Данная концепция получила широкое распространение в западноевропейских странах, а затем была признана Международной организацией труда (МОТ). Согласно концепции, задачи повышения КТЖ представляют собой «разработку и проведение такой государственной политики и мероприятий со стороны предпринимателей и профсоюзов, которые должны привести: к уважению жизни и здоровья трудящихся, обеспечению отдыха и свободного

времени, к созданию для трудящихся возможностей полностью развивать свои способности в процессе труда»[2].

Концепция КТЖ формулирует ряд основных условий, обеспечивающих качество трудовой жизни: надлежащее и справедливое вознаграждение за труд; безопасные и здоровые условия труда; создание условий для самовыражения и самореализации; обеспечение трудовой демократии и правовой защищенности; создание условий для профессионального роста; придание социальной полезности работе[3].

На этапе индустриализации ни на Западе, ни в нашей стране понятие ‘качество трудовой жизни’ не использовалось, но в исследовательских программах анализировались параметры, которые сегодня включены в КТЖ. Ретроспективное изучение КТЖ дает возможность системно проанализировать положение работников в условиях формирования индустриального общества.

В этой связи интересно наблюдение Г. Мюрдаля, исследовавшего попытки модернизации институтов азиатского общества на западноевропейский лад. Г. Мюрдаль пришел к выводу о том, что нельзя преобразовать общество, внедрить в него современную технологию, не затрагивая при этом обычаев, традиций, отношения людей к работе, устойчивых социальных стандартов, игнорируя проблему формирования новой дисциплины и выносливости. Простое изменение отношения к труду предполагает радикальное изменение общественных институтов[4].

Качество трудовой жизни не имеет достаточно ясного определения, одинаково понимаемого во всех странах. Его смысл зависит от системы трудовых отношений каждого государства, его политики и практики в отношении развития человеческих ресурсов, условий труда, содействия внедрению передовых технологий, участия трудящихся в принятии решений и т. д. Качество трудовой жизни охватывает все то, что влияет на трудящегося, включая такие вопросы, как организация и содержание труда, его оплата, стимулирование и мотивация, создание благоприятных и безопасных условий трудовой деятельности и охрана труда.

Отечественный исторический опыт свидетельствует, что динамика КТЖ в период индустриализации носила волнообразный характер, когда на смену повышению приходило снижение, иногда резкое, сменявшееся затем подъемом. Следует отметить также систему патерналистских отношений на российских фабриках и заводах, которая, как считает И. В. Поткина, стала результатом, с одной стороны, государственного законодательного стимулирования некоторых важнейших институтов в конце XIX – начале XX в., с другой, добровольной поддержки силами и средствами самих владельцев[5].

Изучение исторического опыта свидетельствует, что власть в отдельные периоды преодолевала кризисные ситуации благодаря увеличению границ рабочего дня и росту интенсивности труда. И лишь достигнув намеченных рубежей в экономике, либо сталкиваясь с нарастанием необратимых социальных последствий, власть принимала меры регулирующего характера, которые выступали в роли ограничителей и содействовали охране здоровья человека. Если государство не регулировало какие-либо экономические условия, то возникали «саморегулирующие» процессы в компенсации энергетических затрат рабочей силы. Они проявлялись на состоянии работоспособности, поведенческом типе работника, его социальных отношениях.

Рамки статьи не позволяют рассмотреть все показатели, связанные с качеством трудовой жизни в период индустриализации, поэтому анализировались лишь некоторые из них, наиболее полно отражавшие изменения.

Прежде всего, следует выделить положение рабочих в самом начале индустриализации, когда они были бесправны, а формы труда – крайне жестокими. Тяжелый физический труд как форма избыточного, чрезмерного по объему и нагрузке физического труда приводил к преждевременному одряхлению и изнашиванию организма человека, снижая его потенциал как экономического и демографического ресурса. Примечательна оценка условий жизни и

работы горнозаводских рабочих, данная российским экономистом и социологом К. А. Пажитновым: «Нужно привыкнуть к мысли о смерти и не дорожить совсем жизнью, чтобы решиться на рудничный труд»[6]. Подобные суждения можно было отнести и ко многим другим отраслям и предприятиям.

Заводовладельцы активно влияли на рабочих с помощью методов экономического воздействия. Нередко рабочие при заключении договора найма не знали размер оплаты труда. Широкое развитие получила система штрафов, причины и размер которых определялись исключительно самим предпринимателем. Рабочие не могли влиять на условия труда: продолжительность трудового дня, размер заработной платы определялись интересами и удобством производства. Фабричный инспектор Московской губернии, профессор Московского университета И. И. Янжул отмечал: «Хозяин фабрики – неограниченный властитель законодатель, которого никакие законы не стесняют, и он чисто ими распоряжается по-своему, рабочие ему обязаны “беспрекословным повиновением”, как гласят правила одной фабрики»[7]. Средний час работы на предприятиях соответствующего профиля оплачивался в России вчетверо меньше, чем в Англии, и впятеро дешевле, чем в Америке[8].

В период индустриализации на российских предприятиях наблюдалось увеличение доли женщин, занятых на тяжелых работах, в видах экономической деятельности с большой составляющей физического труда. Заработная плата мужчин была выше, чем женщин. Не случайно позднее программа, принятая на II съезде РСДРП в 1903 г., касаясь вопросов равенства женщин и охраны женского труда, требовала «воспрещения» работы женщин «в тех отраслях, где он вреден специально для женского организма», охраны материнства, освобождения женщин от работ в течение 4 недель до и 6 недель после родов с сохранением заработной платы в обычном размере[9].

Значительную часть рабочих составляли малолетние – моложе 10 и 10–11 лет и в начале 1880-х гг. эксплуатация детского труда в отечественной промышленности приняла огромные размеры[10].

Изменения наступают с 1880-х гг., когда законодательно стали регулироваться общественные отношения по применению наемного труда, в том числе – особенности привлечения к труду детей и женщин, порядок первоначального обучения малолетних в дореволюционной России и т. д.

1 июня 1882 г. был принят один из первых фабричных законов в России[11] – «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах». Данный закон запретил применение труда детей в возрасте до 12 лет на фабриках, заводах и мануфактурах, установил специальные правила привлечения к работам малолетних в возрасте от 12 до 15 лет (ограничил продолжительность рабочего дня 8 часами, запретил ночные работы, работы в воскресные и праздничные дни), установил обязанность фабрикантов предоставлять возможность малолетним рабочим посещать народные училища, если они не имели образования. Для надзора за выполнением содержащихся в нем предписаний закон предусматривал создание специального надзорного органа – фабричной инспекции[12].

Фабричная инспекция, став представителем государства во взаимоотношениях фабричных рабочих и предпринимателей, занималась не только надзором за исполнением законодательства, но и урегулированием конфликтных ситуаций, собирала и рассматривала жалобы, следила за выполнением требований охраны труда, собирала и анализировала статистические данные о распределении рабочего времени, труде женщин и детей на производстве, условиях труда и заработной плате.

Закон от 3 июня 1885 г. «О воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах» запрещал привлекать женщин и подростков, не достигших 17 лет, к ночным работам на хлопчатобумажных, полотняных и шерстяных фабриках[13].

Закон от 3 июня 1886 г. «О надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих» регулировал существенные условия найма рабочих (в том числе порядок найма и увольнения рабочих, порядок заключения, прекращения и расторжения договора найма, срок договора найма), основные условия о заработной плате и вычетах из нее, требования к содержанию и порядку утверждения правил внутреннего трудового распорядка, основания и порядок наложения на рабочих штрафов, правила о наказаниях и штрафах, общие условия привлечения к ответственности заведующих фабриками и заводами за нарушения закона, а также нормы об организации надзора за фабриками и заводами[14].

Закон от 2 июня 1897 г. «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности» предусматривал основы регулирования рабочего времени и времени отдыха, устанавливал максимальную продолжительность рабочего дня для рабочих, предусмотрел сокращение продолжительности рабочего времени в ночные смены, по субботам, в канун праздников, определял порядок привлечения рабочих к сверхурочной работе, устанавливал дни еженедельного отдыха (воскресенье) и праздничные (нерабочие) дни. Закон не содержал положений о ежегодных отпусках. В нем отсутствовало указание о санкциях за его нарушения[15].

Одним из предметов дискуссий на рубеже XIX–XX вв. являлся вопрос о страховании рабочих. Участники дискуссии рассматривали вопросы о факторах, способствующих страхованию рабочих; об образце страхования для России; о формах и видах возможного страхования; об источниках средств для обеспечения рабочих и размере выплат[16].

Закон от 2 июня 1903 г. «О вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств, в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности» предусматривал материальную ответственность владельцев предприятий за вред, причиненный здоровью работников в результате производственных травм. Закон также устанавливал право членов семей работников, погибших в результате несчастных случаев на производстве, на получение возмещения. Возмещение предусматривалось в виде пособий и пенсий, выплачиваемых владельцами предприятий. Закон также устанавливал порядок расследования и учета несчастных случаев на производстве. Закон освобождал от материальной ответственности владельцев предприятий, застраховавших своих рабочих и служащих от последствий увечий на производстве в частных страховых учреждениях, – в этом случае ответственность переходила к страховщикам, к которым работники могли предъявлять иски и требовать возмещения вреда[17].

Действовавшая система возмещения вреда пострадавшему характеризовалась тем, что фактические потери и расходы пострадавшего заметно отличались от суммы компенсации, т. к. обычно учитывалась только материальная составляющая ущерба. Подобная практика характерна и для настоящего времени.

Закона от 10 июня 1903 г. «Об учреждении старост в промышленных предприятиях» предусматривал возможность введения на предприятиях фабричных старост, основной задачей которых было выполнение посреднических функций между рабочими и администрацией, а также представление рабочих в их отношениях с властями[18].

В редакции Свода законов 1913 г. законоположения, относившиеся к регулированию труда работников в промышленности, были выделены из различных уставов и объединены в отдельный акт, получивший название Устав о промышленном труде. Он подготовил основу для кодификации трудового права в России после октября 1917 г.

Продолжительность рабочего дня является одним из основных показателей КТЖ. До принятия закона от 2 июня 1897 г. продолжительность рабочего дня существенно различалась на предприятиях как разных отраслей, так и внутри отрасли, и в одной и той же местности. Она колебалась между 6 и 20 часами. Рабочий день в одном и том же производстве различал-

ся на 1–4 часа. Он был тем длиннее, чем слабее предприниматель был знаком с техническими усовершенствованиями и чем меньше были размеры производства[19].

По оценке Ю. И. Кирьянова, в российской фабрично-заводской промышленности чистое рабочее время в 1880–1890-х гг. составляло 12–13 часов, а с перерывами на принятие пищи и отдых и со временем, затрачиваемым на дорогу, – 14–16 часов (с совершенно поразительными примерами, вроде работы по две смены из четырех за сутки, то есть по 6 часов чистой работы через 6 часов отдыха, включающих дорогу с фабрики и на фабрику)[20].

За 1904–1913 гг. средняя продолжительность рабочего дня у рабочих фабрично-заводской промышленности сократилась с 10,6 до 9,9 часа, в том числе у мужчин до 10 часов, у женщин и подростков – до 9,7, у малолетних до 7,7 часа. Характерно, что 7,9 % рабочих предприятий, подведомственных фабричной инспекции, трудились по 8 часов; 36,5 % – 9 и менее часов; 61,1 % – более 9 часов, в том числе 15,5 % более 11 часов. На предприятиях, подведомственных горной инспекции, 15 % рабочих трудились по 8 часов, 20 % – 9 и менее; 80 % – 9 и более часов, в том числе 14 % – 11 и более часов[21].

Практически все исследователи досоветского периода отмечали тяжелые условия труда промышленных рабочих, что в свою очередь порождало профессиональные заболевания и повышенный производственный травматизм. По данным К. А. Пажитнова, в 1896–1900 гг. на 1000 рабочих приходилось: во Франции – 0,610 погибших, в Бельгии – 0,649, в Великобритании – 0,784, в России – 1,523[22].

На качестве трудовой жизни сказывался уровень продовольственного обеспечения, питания работников. При определении среднедушевого пищевого пайка до 1917 г. исходили, прежде всего, из настоятельной необходимости подъема экономики на основе энергичного производительного труда. Человек в этом случае рассматривался как человек-машина, на поддержание холостого хода которого расходуется до 2 тыс. ккал. Поэтому для работника средней квалификации суточная норма определялась в 3750 ккал, для студентов – в 2600 ккал, для инвалидов и безработных – 1800 ккал, детей до трех лет – не менее 1250 ккал и т. д. При этом господствовал принцип, согласно которому: «Если бы у нас не хватило ресурсов, нам пришлось бы пойти по пути сокращения числа снабжаемых, а не норм снабжения». Отличительной особенностью расчетов нормативных бюджетных наборов в военный период была крайняя ограниченность, как по составу благ, так и по их объему. Калорийный состав рабочего пайка составлял (в %): хлеб и крупа – 70,2 (превышение рассчитанного стандарта потребления на 2 %); картофель – 16,9 (превышение стандарта более чем в два раза); овощи – 1,9; мясо и рыба – 2,6 (отклонение от стандарта в сторону уменьшения в 1,8 раза); жиры животные и растительные – 10,0; молочные продукты и яйца – 2,0; сахар, мед и т. п. – 1,6 (отклонение от стандарта в сторону уменьшения в 3,5 раза)[23].

Как показывают данные обследования, проведенного в 1916 г. в Омске, даже в условиях роста цен, падения реальной заработной платы рабочие города потребляли больше продуктов, чем многие другие категории населения страны. Вместе с тем потребление пищевых продуктов в пролетарских районах, в среднем по городу и в центральных районах, где жили более обеспеченные слои, различалось. Так, в рабочих районах мяса потреблялось 5,09 пудов в год, в среднем по городу – 5,92, в центральных районах – 7,5 пуд. Отличались жители рабочих окраин и меньшим потреблением жиров и молока: сало рабочие потребляли 16,1 фунта в год, в среднем по городу – 20,2; соответственно сливочного масла – 25,1 и 40 фунтов, молока – 28,9 и 35,6 четверти. Ниже на окраинах города оказались нормы потребления яиц (205 и 275 штук в год) и сахара (57 и 66 фунтов). В большинстве семей употребляли в пищу картофель, в среднем по 6 пудов на человека[24].

Р. М. Кабо, исследуя питание рабочих, пришел к выводу, что по составу калорийной нормы «русские рабочие, не исключая рабочих с лучшим питанием <…> отстают в потреблении и от своих западноевропейских товарищей, и от объективных требований физиологии»[25].

Представляют интерес материалы анкетирования о минимальном бюджете рабочей семьи, проведенное в феврале 1917 г. по распоряжению Морского ведомства среди рабочих Обуховского завода (оборонный завод Морского ведомства) в Петрограде. Анализ этих анкет определил среднюю стоимость содержания семейства из трех человек в 169 р. (в месяц), из которых 29 р. шли на жилье, 42 р. – на одежду и обувь, остальные 98 р. – на питание». Жилье в рамках минимальных потребностей рабочего состояло из одной жилой комнаты и кухни, причем оплата за квартиру включала стоимость освещения и отопления. Одежда и обувь состояли из сапог – 20 р. пара (из расчета по одной паре в год на человека), галош – 6 р. (одна пара в год на человека), комплект носильного платья – 60 р. (полтора комплекта в год), верхнее платье – 120 р. за комплект (по одному на три года). Минимальный месячный бюджет на питание состоял из расходов на молоко – полторы бутыли в день по 35 коп. за бутылку; 2,1 кг сливочного масла по 6,5 р. за килограмм; 2,1 кг других жиров по 3,2 р. за килограмм; мясо или рыба (чередовались через день) – 100 г мяса (20 коп. на каждого члена семьи), 200 г рыбы (20 коп.); ежедневно на всех примерно 1 кг ржаного хлеба (17 коп.), около 600 г пшеничного хлеба (30 коп.), 820 г картофеля (20 коп.), около 60 г капусты кислой (30 коп.); около 600 г крупы разной (22 коп.); полтора яйца, около 3,7 кг сахара (2 р. 70 коп.). Большинство рабочих Обуховского завода жили гораздо выше прожиточного минимума. Месячные зарплаты с начала войны по февраль 1917 г. выросли на заводе более чем в 4 раза (месячная зарплата в середине 1914 г. была около 71 р.), т. е. практически полностью компенсировали рост цен. Низшая месячная зарплата (последний разряд) была 160 р., все остальные рабочие получали от 225 до 400 р. в месяц, при средней зарплате около 300 р.[26]

Применительно к изучаемому периоду исследователи, в том числе и современники, в основном считали, что стремление повысить свой доход характерно для всего рабочего населения. «Какую бы грань рабочего времени мы ни взяли, отмечал еще в конце XIX века Е. М. Дементьев, – экономические, санитарные, нравственные или умственные условия развития трудящегося, – все они сводятся в конечном счете к важнейшей причине, определяющей все обстоятельства жизни рабочих, а именно к материальному достатку семьи, к заработной плате»[27].

Однако, например, Б. Н. Миронов высказал обратную точку зрения, – что рабочие, в основной массе пришедшие на фабрики из деревни, следовали «потребительскому» или «минималистскому» типу трудовой этики: работать лишь до удовлетворения своих скромных потребностей[28].

Нам ближе позиция Т. Я. Валетова, считающего, что точка зрения Б. Н. Миронова «противоречит слишком большому количеству сохранившихся наблюдений и мнений хорошо информированных наблюдателей-современников. Да, этика промышленного труда в России была низкой, и крестьяне-пролетарии имели больше праздничных дней, чем промышленные рабочие в Западной Европе, но, с другой стороны, сложно упрекнуть в праздности рабочих, которые в большинстве своем соглашались работать за очень скромный заработок по 11–12 часов в сутки»[29].

Что касается жилищных условий рабочих в досоветский период, они на всем протяжении индустриализации в большинстве сюжетов характеризуются как неудовлетворительные. Значительная часть рабочих жила при предприятиях. Так, в 1916 г. на Самаро-Сергиевском заводе взрывчатых веществ рабочие размещались в бараках по 30 человек. Не только землянки, но и стены бараков засыпались землей, а затем они обшивались внутри досками. В таких примитивных жилищах царили грязь, насекомые[30]. Подобных примеров можно приводить множество. В целом, за время индустриализации 1880–1930-х гг. так и не был решен жилищный вопрос как важный фактор привлечения рабочей сил и мотивации труда работников.

В связи с начавшейся Первой мировой войной усилилась интенсификация труда, увеличилась вследствие сверхурочных работ продолжительность рабочего дня, ухудшились санитарные условия труда, фактически было отменено законодательство по труду. Стал широко вне-

дряться более дешевый труд женщин и подростков. Процент женщин всех возрастов в общем количестве промышленных рабочих поднялся с 38,7 % в 1913 г. до 43,4 % в 1917 г.[31] В 1,2–2 раза увеличился на промышленных предприятиях удельный вес малолетних и подростков[32].

М. Г. Флеер привел следующий пример из протокола обследования Общества Мальцевских заводов: «Малолетние работники и работницы несут работы совершенно непосильные, и отношение к ним близко к истязанию. 10–12 лет девочки целый день таскают корзину, в которой по взвешивании оказалось два пуда. При этом дети семилетнего возраста работают и в ночные смены <…> Низкий уровень заработной платы (семья в 5 душ зарабатывает 30 р. в месяц) и условия жизни и быта рабочих привели к физическому истощению <…> Благодаря антисанитарному состоянию фабрик огромный процент рабочих болен туберкулезом. Рабочие до того обнищали, что выехать на другие заводы не могут»[33]. Конечное, такая ситуация была не везде, но и данный пример не является исключительным.

Таким образом, КТЖ досоветского этапа индустриализации характеризуется доминированием дешевой рабочей силы, принудительного труда. Интенсивность труда в России была ниже, чем на Западе. Ниже были материальное положение, заработки, культура труда и квалификация. Что изменилось с приходом к власти большевиков?

Провозглашался лозунг «Освобожденного Труда». Освобожденному Труду ставились памятники, а «подневольный труд» до революции подвергался всяческим проклятиям. Труд, и прежде всего физический, объявлялся источником всех благ в новом обществе, а принадлежность к работникам физического труда должна была формально поставить человека на высшую ступень общественной иерархии. Специальным пунктом в Конституции РСФСР 1918 г. было провозглашено, что труд является обязанностью всех граждан Республики: «Не трудящийся да не ест» (ст. 18).

На промышленных предприятиях большевики сразу же после прихода к власти стали проводить наиболее существенные завоевания западноевропейского рабочего движения в области трудовых отношений. Особенностью этой политики было то, что основное внимание уделялось вопросам дисциплины труда. Л. Крицман заявлял, что пролетарская революция не может и не должна устранять производственный деспотизм, присущий индустриальному труду: «Развитие машинного производства <…> означает <…> усиливающуюся строгость трудовой дисциплины, прямо вынуждаемой машинами, растущую зависимость рабочего от машины <…> Современный производительный труд не является полем приложения свободных творческих сил человека, он не является удовольствием сам по себе. В этом отношении пролетарская революция не приносит собой никаких принципиальных перемен»[34]. А. К. Соколов считает, что это стало следствием следующих обстоятельств: «Во-первых, российская экономика в этот период находилась на грани полного развала; во-вторых, большевистские лидеры отчетливо осознавали общие черты экономической отсталости России по сравнению с Западом, в-третьих, они невысоко в целом оценивали трудовой потенциал российских рабочих, делая ставку преимущественно на так называемых “сознательных пролетариев”»[35].

А доля таковых все больше и больше в период после революции мигрировала. По подсчетам С. Г. Струмилина, за 1918–1919 гг. из города в деревню стихийно переселилось около миллиона рабочих[36]. В промышленных губерниях переселенческое движение затронуло до трети рабочих. В одном из центров текстильной промышленности, во Владимире, к концу Гражданской войны на заводах осталась только 1/5 часть всех рабочих[37]. К 1920 г. в промышленности насчитывалось 47 % рабочих к их численности в 1917 г. – 1,2 млн человек[38]. По данным О. Лациса, в начале 20-х гг. в Советской России из 11 млн промышленных рабочих (1913 г.) осталось всего 1,7 млн. Среди них кадровых было не более 40 %, т. е. 700 тыс. человек[39]. В качестве инструмента была избрана всеобщая трудовая повинность. Символично то, что трудовой повинности посвящен первый раздел Кодекса законов о труде 1918 г., а охране труда – последний.

В январе 1918 г. на III Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов в принятой «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» отмечалось, что всеобщая трудовая повинность вводилась не только для уничтожения паразитических слоев общества, но и для организации хозяйства[40]. Всеобщая трудовая повинность из экстренной меры превращалась в систему.

Летом 1918 г. в рамках национализации промышленности труд становится обязанностью для всех. Создаются инспекции труда, а осенью провозглашается запрет на отказ от предлагаемой работы и вводятся трудовые книжки.

Безработным было запрещено отказываться от работы, и вводились трудовые книжки для фиксации использования и передвижения рабочей силы. 3 сентября 1918 г. было опубликовано постановление СНК РСФСР «О воспрещении безработным отказываться от работы». Зарегистрированный на бирже труда был лишён права отказываться от предлагаемой ему по специальности работы, от временной работы, а также от перемещения в другие районы для выполнения трудовых обязанностей. Обязательными для всех безработных (без различия профессий) стали считаться работы по доставке продовольствия и уборке урожая. 5 октября 1918 г. вступил в действие Декрет о трудовых книжках, которые вводились взамен прежних удостоверений личности, паспортов для лиц, живущих на нетрудовой доход, прибегающих к наемному труду, свободных профессий (если они не выполняли общественно полезных функций), не имеющих определенных занятий. В декабре 1918 г. трудовые книжки были введены для всех: было заявлено, что «…все трудоспособные граждане Российской Социалистической Федеративной Советской Республики <…> получают бесплатно трудовые книжки». Данная норма была законодательно закреплена в «Кодексе законов о труде», принятом ВЦИК 10 декабря 1918 г. В этом документе декларировалась трудовая повинность всех трудоспособных граждан в возрасте от 16 до 50 лет. Кодекс законов о труде 1918 г. изменил основы правового регулирования трудовых отношений, противоречиво сочетая в себе нормы, предусматривающие принуждение к труду, и достаточно широкий перечень трудовых прав работников, предоставлял профсоюзам особые права и полномочия в сфере правового регулирования труда[41]. Но надо учитывать, как показывает анализ документов, советские профсоюзы в 1918–1922 гг. были, в основном, инструментом в системе трудовых мобилизаций, всеобщей трудовой повинности, борьбы с трудовым дезертирством, пропагандировали меры советских ведомств труда и, в последнюю очередь, были органами защиты и регулирования прав и интересов самих рабочих.

Анализ документов показывает, что при введении регулирующих государственных мер, при увеличении отпуска и уменьшении продолжительности рабочего дня отмечается снижение заболеваемости, уменьшение неявок и прогулов. Так, в 1920–1923 гг. введение 9–10 часового рабочего дня, сокращение отпуска до 5–6 дней сопровождалось ростом заболеваемости до 17–18 дней и увеличением неявок до 50–51,7 дней, из них прогулы составляли 21–24 дня. Для снижения потерь государство к 1922 г. восстанавливает 8 часовой рабочий день и увеличивает отпуск до 10–13 дней, что проявляется на резком снижении заболеваемости и количестве неявок[42].

С переходом к новой экономической политике возникла проблема неполного использования трудового потенциала, что негативно отражалось на качестве трудовой жизни работников и проявлялось в ослаблении гарантий занятости, росте безработицы, снижении качества занятости из-за низкого уровня социальной защиты населения. Если в 1919 – начале 1921 г. спрос на труд превышал предложение, что вызывало необходимость принудительного привлечения рабочей силы путем трудовых мобилизаций, то к осени 1921 г. предложение труда стало превышать спрос, что привело к появлению безработицы в стране. Острый экономический кризис и, как следствие, сокращение производства во всех отраслях тяжелой и легкой промышленности обусловили наличие резервной армии труда.

Пособием по безработице, как основным видом материальной помощи, было охвачено более 10 % безработных. Однако размер пособия не мог полностью компенсировать потерю рабочего места. Практиковалось оказание натуральной помощи в виде открытия столовых и домов ночлега для особо нуждавшихся безработных. Осуществлялась выдача доплат многодетным безработным и выдача пособий от профсоюзов. Безработные получали льготы при проезде на общественном транспорте и оплате коммунальных услуг. В среднем в бюджете безработного пособие составляло до 34 %[43].

Кодексом законов о труде 1922 г. была восстановлена преемственность многих норм дореволюционного фабричного законодательства: о трудовом договоре, о правилах внутреннего распорядка, о вознаграждении за труд, о рабочем времени и времени отдыха, о труде женщин и несовершеннолетних.

В отличие от КЗот 1918 г. новым кодексом отменялась всеобщая трудовая повинность, вводился свободный наем рабочей силы, хотя в особых случаях СНК мог издавать постановления о привлечении граждан к труду в порядке трудовой повинности.

Основными правовыми формами привлечения к труду определялись коллективный и трудовой договоры (ст. 15, 16, 27). Недействительными признавались условия договоров, ограничивавших политические и общегражданские права трудящихся, ухудшавших положение нанимавшихся в сравнении с условиями, установленными законами о труде (ст. 19, 28). Ряд специальных норм кодекса охранял интересы работника от посягательств частных предпринимателей. Так, при расчетах с работниками с их расчетных книжках запрещалось ставить условные знаки. Нанимавшийся имел право расторгнуть договор в любое время при грубом обращении с ним нанимателя или членов его семьи. Размер вознаграждения за труд не мог быть меньше обязательного минимума оплаты, установленной для данной категории труда государством.

Менялись и условия страхования. Согласно КЗоТ РСФСР 1918 г., предусматривалось государственное социальное страхование из централизованного страхового фонда. По новому кодексу социальное страхование охватывало все виды выплат (по болезни, беременности, инвалидности и пр.), производившихся из средств данного предприятия или лица (нанимателя) (ст. 175–178). Профсоюзы должны были выступать стороной, заключавшей коллективный договор и представительствующей от имени работающих по найму, по всем вопросам труда и быта (ст. 15, 152, 153). В рамках нового КЗоТа предусматривалось изменение системы коллективных договоров. В них вводились коррективные коэффициенты и процентные добавки на тяжелые условия труда, более высокую квалификацию и пр., различающиеся по отдельным отраслям производства.

Губернские отделы отраслевых союзов заключали коллективные договоры с руководителями трестов и предприятий. Так, коллективный договор союза кожевников с правлением Самарского кожтреста на срок с 1 октября 1922 г. по 1 января 1923 г. определял условия приема и увольнения рабочих, разрешения трудовых конфликтов, взаимные обязательства руководства треста и работавших. Рабочие распределялись по 17 разрядам, при этом оплата труда по высшему разряду была в пять раз выше ставки первого разряда. В исполнение постановления ВЦИК от 2 мая 1922 г. «Об установлении предельного минимума на предприятиях» трест обязался держать на каждом предприятии учеников-подростков в возрасте от 14 до 16 лет. Для проведения договора в жизнь на предприятиях треста организовывалась Рабочая контрольная комиссия из представителей заводоуправления и завкома. До окончательного утверждения коллективного договора проходило обсуждение и уточнение многих пунктов. Например, в окончательном варианте договора был исключен пункт, предусматривавший возможность замены рабочих, не входивших в профсоюз, безработными членами союза той же квалификации[44].

При заключении договоров нередко возникали конфликты между профсоюзами и администрацией, как правило, при определении уровня зарплаты. По СССР было зарегистрировано в 1923 г. 2702 конфликта, в 1924 г. – 3964, в 1925 г. – 5527[45].

Городская конференция рабочих и служащих частных предприятий г. Пензы в июне 1923 г. определила, что задачи профсоюзов на арендованных предприятиях одинаковы с целями профсоюзов буржуазных стран. Делегаты пришли к выводу о возможности использования забастовок с требованиями экономического характера, подчеркнув, что такой способ решения конфликтов неприемлем на государственных заводах и фабриках. Конференция отметила 300 случаев столкновения рабочих с хозяевами[46].

Таким образом, в 1920-х гг. при обсуждении и заключении коллективных договоров много внимания уделялось тем его пунктам, которые обеспечивали интересы рабочих и служили гарантией улучшения условий их труда и быта. С поворотом к форсированному варианту развития подобные тенденции в работе профсоюзов были охарактеризованы как тред-юнионистские, противоречащие интересам производства. Неизбежное в таких условиях ухудшение положения рабочих объяснялось необходимостью преодоления «громадных трудностей» социалистического строительства[47].

В Сталинграде колдоговорная кампания в 1929 г. проходила под знаком решительной борьбы против «рваческих настроений рабочих», пытавшихся отстаивать свои интересы[48]. В последующем основным направлением деятельности профсоюзов стало рассматриваться производственное[49]. Главное в содержании коллективного договора периода индустриализации страны – это не условия труда и найма, а производственные обязательства сторон и мероприятия по оздоровлению условий труда, улучшению культурно-бытового обслуживания. Так, коллективный договор постепенно модифицировался в соглашение хозоргана и коллектива рабочих и служащих о выполнении заданий государственного плана.

Рост отечественной экономики в период индустриализации сопровождался все большим вовлечением в производство женщин. К 1929 г. число работниц только в крупной промышленности страны возросло почти вдвое по сравнению с 1923 г. и составляло 804 тыс. человек, т. е. 34,2 % всех рабочих, занятых в крупной промышленности[50]. Удельный вес женщин среди рабочих и служащих крупной промышленности СССР в 1929–1937 гг. повысился с 27,9 % до 39,8 %[51]. Еще выше были показатели женского труда в промышленности ряда регионов. Так, к концу первой пятилетки в ленинградской промышленности удельный вес работниц поднялся с 37,1 % (в 1928 г.) до 43,5 %. Количество женщин возросло даже в такой «чисто мужской» отрасли, как металлообрабатывающая промышленность (с 9,1 % в 1928 г. до 23,5 % в 1932 г.). Еще более возрос удельный вес женщин в отраслях, где их труд был традиционным: к концу первой пятилетки в текстильной промышленности работницы составляли 78,2 %, в швейной – 82,6 %. В химической, обувной и полиграфической промышленности женщины составляли более половины рабочих[52]. При этом темпы увеличения женского физического тяжелого труда в обрабатывающих производствах и на транспорте были выше, чем прирост доли мужчин, занятых тяжелым трудом в этих же видах экономической деятельности. Вместе с тем распространение тяжелого физического труда, в том числе женского, в условиях экономического подъема свидетельствует о низких темпах и малых масштабах внедрения новых технологий, направленных на ограничение избыточного ручного труда. Занятость женщин на физически тяжелых работах во многом обусловливалась необходимостью иметь заработок, отсутствием возможностей получить альтернативу в выборе профессии и места работы.

Законодательство ограничивало применение труда женщин на тяжелых работах и запрещало ряд таковых. Однако, несмотря на ограничения, труд женщин применялся на погрузке и разгрузке лесоматериалов, при ручной сортировке изделий, вес которых превосходил нормативно установленные ограничения и т. п.[53]

Т. С. Окорочкова, изучив мероприятия советского государства по вовлечению женщин в сферу труда, охарактеризовала их как противоречивые: с одной стороны, власть боролась с женской безработицей, с другой – активно способствовала применению женского труда в тяжелой промышленности, что едва ли можно оправдать[54].

Взятый курс на форсированную индустриализацию требовал интенсификации труда, тем более что советская промышленность перешла на семичасовой рабочий день. Право на полноценный отдых необходимо заработать полноценным трудом. Как объяснял А. К. Гастев, переход на укороченный рабочий день – это не поблажка пролетариату, не снижение индивидуальных нагрузок, а принцип нового хозяйственного мышления, средство рационализации всего общественного производства. За предоставление определенных льгот – удлинение внепроизводственного времени, необходимого для восстановления сил, – советская власть требует от рабочих «решительной интенсификации труда»[55].

Ответом на требование интенсификации труда было использование различных форм соревнования, включая стахановское движение. Но одновременно использовались и традиционные формы принудительного труда, особенно в системе ГУЛАГа.

Свойственное для отечественной политики индустриализации ограничение потребления и обслуживания работников, откладывание решения вопросов благосостояния, повышения уровня жизни на будущее негативно проявлялось в качестве трудовой жизни. Можно согласиться с Л. А. Гордоном и Э. В. Клоповым в том, что выделение «ресурсов на социальные потребности и благосостояние существенно лимитировалось их выделением на нужды, имевшие в глазах руководителей административно-хозяйственной системы более высокую настоятельность: развертывание капиталистического строительства, совершенствование техники и технологии действующего производства, обеспечение всем необходимым армии и т. п.»[56].

По современным оценкам российских исследователей, к уровню 1913 г. реальная зарплата рабочих приблизилась лишь в 1928 г. Некоторые историки считают, что это случилось даже значительно позднее, в 1950-х гг.[57] Но реальная зарплата и позднее часто отставала от инфляции, хотя власти официально и не признавали этого. В документах XVI съезда ВКП (б) отмечалось, что по сравнению с уровнем 1913 г. реальная заработная плата рабочих СССР достигла 139 %, а считая социальное страхование и отчисления прибылей в фонд улучшения быта рабочих, выросла до 167 %[58]. Но одновременно надо учитывать участие рабочих в займах индустриализации, карточную систему, сравнительно дорогую с зарплатой одежду, обувь, и тогда реальность будет другой. Еще в 1960-х гг. В. Ф. Майер высказал о предположение, что реальная зарплата трудящихся снизилась за годы первой пятилетки на 10 %. А в годы второй и третьей пятилеток отставание темпов роста реальной зарплаты сохранялось[59].

Сравнительно заметным было повышение зарплаты у стахановцев – более чем в два раза[60]. Помимо высоких заработков стахановцы получали и натуральные привилегии – бесплатные квартиры, автомашины и т. д. В. М. Молотов правомерно заявлял, что «во многих случаях непосредственным толчком к высокой производительности труда является простой интерес к увеличению своего заработка»[61]. Вместе с тем надо учитывать, что создание культа стахановцев, предоставление им бытовых привилегий и более благоприятных условий для труда вызывало негативную реакцию в рабочей среде. Многие работники справедливо считали, что рекорды стахановцев ведут к повышению норм и снижению расценок[62]. И. В. Сталин отмечал, что резкое повышение зарплат стахановцам кратковременно, поскольку следует пересмотреть действующие технические нормы и заменить их более высокими[63], а, следовательно, расценки понизятся.

В целом, анализ динамики качества трудовой жизни в период индустриализации показывает, что по мере развития индустриального производства и последующего роста технической вооруженности труда произошло смещение акцента с результатов учета индивидуального труда к учету показателей, характеризующих общие достижения коллективов предприятий, при этом за пределами внимания оставались индивидуальные интересы работников. Одновременно расширялось предоставление социальных услуг для коллективов предприятий.

Наряду с материальными стимулами к труду все большее значение приобретали и нематериальные, сочетаясь с принудительными мерами[64]. Сосуществование этих методов стиму-

лирования труда и принуждения к труду нашло свое отражение во всех сферах экономики Советского Союза. В трудовом законодательстве страны появлялись нормы, запрещающие покидать завод или учреждение, ужесточающие трудовую дисциплину. Основной тенденцией первых пятилеток стало уничтожение рынка труда в стране и замена его планово-распределительной системой, достигшей своего пика в указах 1940 г. Эти указы ужесточали трудовое законодательство и вводили элементы принуждения во все трудовые отношения в стране.

Примечания

[1] Третьяк С. Качество трудовой жизни : как его измерить и обеспечить в сфере услуг? // Бизнес-консалтинг. 2005. № 3. С. 39.

[2] См.: Политика доходов и качество жизни населения / под ред. Н. А. Горелова. СПб., 2003. С. 102.

[3] Цыганков В. А. Качество трудовой жизни в России : экономическая природа, механизм формирования : автореф. дис. … д-ра экон. наук. М., 2004. С. 29.

[4] Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира» (Asian Drama). М., 1972.

[5] Поткина И. В. От социального патернализма к социальной инфраструктуре предприятия : опыт Никольской мануфактуры. Вторая половина XIX – начало XX в. // Экономическая история. Обозрение. Вып. 4 / под ред. Л. И. Бородкина. М., 2000. С. 107.

[6] Пажитнов К. А. Положение рабочего класса в России. СПб., 1906. С. 171.

[7] Янжул И. И. Фабричный быт Московской губернии. СПб., 1884. С. 83.

[8] Пажитнов К. А. Положение рабочего класса в России. СПб., 1906. С. 77.

[9] Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 422.

[10] См.: Гессен В. Ю. Труд детей и подростов в России. Т. 1. М. ; Л., 1927. С. 57; Рашин А. Г. Формирование рабочего класса в России. М., 1958. С. 299.

[11] См.: Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1938. С. 311.

[12] Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗ РИ). Изд. 1886 г. Т. II. № 931.

[13] ПСЗ РИ. Изд. 1887 г. Т. V. № 3015.

[14] ПСЗ РИ. Изд. 1888 г. Т. VI. № 3769.

[15] ПСЗ РИ. Изд. 1900 г. Т. XVII. № 14231.

[16] См. подр.: Ашмарина С. В. Дискуссии о страховании рабочих в России в конце XIX – начале XX века // Экономическая история. Обозрение. Вып. 6 / под ред. Л. И. Бородкина. М., 2001. С. 50–64.

[17] ПСЗ РИ. Собрание третье. Том XXIII. № 23060. «Правила...» действовали до 23 июня 1912 г., когда вступил в силу новый закон – «О страховании рабочих на случаи болезни и о страховании рабочих от несчастных случаев». Закон обязывал уже не самих рабочих, а работодателей страховать своих работников, т. е. была введена система, приближающаяся к существовавшей в то время в Европе. Новый закон уже предусматривал государственное страхование не только по несчастным случаям, но и по болезни. См.: ПСЗ-III. Т. XXXII. № 37444-37447.

[18] ПСЗ РИ. Изд. 1905 г. Т. XXIII. № 23182.

[19] См., напр.: Святловский В. В. Фабричный рабочий. Санитарное исследование здоровья русского фабричного рабочего // Антология социально-экономической мысли в России. Дореволюционный период. СПб., 2000. С. 711–714.

[20] Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.). М., 1979. С. 85.

[21] Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России. М., 1979. С. 47, 56–57.

[22] Пажитнов К. А. Указ. соч. С. 288.

[23] Струмилин С. Г. На плановом фронте (1920–1930 гг.). М., 1958. С. 40, 45.

[24] См.: Скубневский В. А. Обследование питания населения Омска в 1916 г. // Проблемы источниковедения истории Сибири. Барнаул, 1992. С. 125–126.
[25] Кабо Р. М. Потребление городского населения России (НПО материалам бюджетных и выборочных исследований). М., 1918. С. 35.
[26] Архив истории труда в России. Кн. 9. Пг., 1923. С. 58–59.
[27] Дементьев Е. М. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. М., 1897. С. 106.
[28] Миронов Б. Н. «Послал Бог работу, да отнял черт охоту» : трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история. Ежегодник 1998/99. М., 1999. С. 243–286.
[29] Валетов Т. Я. Чем жили рабочие люди в городах Российской империи конца XIX – начала XX в. // Социальная история. Ежегодник. 2007 / редкол.: И. Ю. Новиченко, А. К. Соколов, К. М. Андерсон (отв. ред.) и др. М., 2008. С. 177–178.
[30] Памятная книжка Самарской губернии на 1916 год. Самара, 1916. С. 32.
[31] Маевский И. В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М., 2003. С. 254.
[32] Подсч. по: Пажитнов К. А. Положение рабочего класса в России. Л., 1924. С. 33.
[33] Флеер М. Г. Рабочее движение в России в годы империалистической войны. Л., 1926. С. 42.
[34] Крицман Л. Героический период великой русской революции Очерк анализа т. н. «военного коммунизма». М., б.г. С. 85, 86.
[35] Соколов А. К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 – середина 1930-х годов) // Экономическая история. Обозрение. Вып. 4. М., 2000. С. 40.
[36] Цит. по: Селунская В. М. Социальная структура советского общества. М. : Политиздат, 1987. С. 70.
[37] Бюллетень ЦСУ. 1920. № 30. С. 2.
[38] Матюгин А. А. Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.). М., 1962. С. 68.
[39] Лацис О. Перелом // Знамя. 1988. № 6. С. 159.
[40] Декреты Советской власти. М., 1957. Т. I. С. 322.
[41] Собрание Узаконений РСФСР. 1918. № 64. Ст. 704; № 73. Ст. 792; № 87–88. Ст. 905.
[42] Белозерова С. М. Механизмы регулирования трудовых отношений в отечественной промышленности : автореф. дис. … д-ра экон. наук. М., 2009. С. 23.
[43] Минц А. Е. Как живет безработный. М., 1927. С. 14.
[44] Центральный государственный архив Самарской области. Ф. Р-282. Оп. 1. Д. 16. Л. 4–10.
[45] Буш В. Ф. Рынок труда 20-х годов и наше время // Экономика и организация промышленного производства. 1989. № 10. С. 49.
[46] Отчет заседания конференции рабочих и служащих частных предприятий // Трудовая правда. 1923. 19 июня.
[47] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е. Т. 4. М., 1970. С. 338.
[48] Борьба. 1929. 17 дек.
[49] См., напр.: Правда. 1931. 25 марта.
[50] Женщина в СССР : стат. сб. М., 1936. С. 45.
[51] См.: Араловец Н. Женский труд в промышленности СССР. М., 1954. С. 60.
[52] См.: Ленинград в цифрах : экон.-стат. справ. Л., 1936. С. 129; XV лет диктатуры пролетариата : экон.-стат. сб. по гор. Ленинграду и Ленинградской области. Л., 1932. С. 78; Труд и профдвижение в Ленинградской области. Л., 1932. С. 19.
[53] См. подр.: Парамонов В. Н. Российские женщины и война 1941–1945 гг. : проблемы занятости // Социальная феминология. Самара, 1997. С. 78–88.
[54] Окорочкова Т. С. Женский труд в промышленности СССР в годы НЭПа // Социол. исслед. 1999. № 9. С. 93–100.

[55] См.: Гастев А. К. Как надо работать. М., 1972. С. 226–227.
[56] Гордон Л. А., Клопов Э. В. Что это было? Размышления о предпосылках и итог того, что случилось с нами в 30–40-е годы. М., 1989. С. 83.
[57] См.: Лельчук В. С. 1926–1940 гг. : завершенная индустриализация или промышленный рывок // История СССР. 1990. № 4. С. 17–18; Фонотов А. Г. Россия : от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993. С. 166–167.
[58] XVI съезд ВКП (б) : стеногр. отчет. М., 1931. С. 738.
[59] Маейр В. Ф. Доходы населения и рост благосостояния народа. М., 1968. С. 97.
[60] См.: Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц-стахановцев. 14–17 нояб. 1935 : стеногр. отчет. М., 1935. С. 24, 30, 57, 59, 68, 180.
[61] Там же. С. 279.
[62] См., напр.: Труд. 1935. 4 сент., 13, 23 окт., 1, 12, 18 нояб.
[63] См.: Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц-стахановцев… С. 372–373.
[64] См.: Экономика ГУЛАГа и ее роль в развитии страны. М., 1998. С. 17–20.

Р. Н. Сулейманова

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОГО ТРУДА В ЭКОНОМИКЕ БАШКИРСКОЙ АССР В 1945–1964 ГОДАХ[*]

Завершилась победой Великая Отечественная война, оставившая неизгладимый след в истории СССР. Происходившая в послевоенный период эйфория победы оказывала определенное влияние на общественную жизнь страны, на настроения населения, в том числе женщин. Теперь казалось, что наступит мирная жизнь, решатся государством все нереализованные проблемы, в частности в женском вопросе. Однако в этом наблюдались то заметный подъем внимания к ним, то снижение интереса и сведение их сути лишь к решению приоритетных задач, в основном экономических. В данной статье будет рассматриваться один из аспектов решения женского вопроса в региональном разрезе – на примере использования женского труда в промышленности – основной сфере экономики Башкирской АССР.

В годы войны наблюдалась активизация женского фактора. В принимавшихся партийно-государственными органами решениях женщинам отводилась важная роль в мобилизации экономических и людских ресурсов для победы над врагом. Женщины Башкирии были не только основной рабочей силой в экономике республики, но и проявили себя способными организаторами в промышленном и сельскохозяйственном производстве. Они в ущерб своему здоровью и семье внесли посильный вклад в победу над врагом.

Послевоенное двадцатилетие – один из противоречивых и сложных периодов советской истории. Теперь первоочередной становилась задача – восстановить разрушенное войной народное хозяйство, перевести его с военных на мирные рельсы. Немалым был вклад женщин автономной республики в этот период в решение этой задачи, в осуществление важнейших программ социально-экономического и общественно-политического значения. В марте 1947 г. Верховным Советом БАССР был принят пятилетний план развития народного хозяйства республики. В нем были предусмотрены задачи по восстановлению и дальнейшему развитию народного хозяйства. Объем производства промышленной продукции в 1950 г. должен был превзойти довоенный уровень в 4 раза[1]. Казалось, ситуация в экономике республики была в целом благоприятной. На ее территории боевых действий не велось, в годы войны находилось немало эвакуированных предприятий, и промышленность из года в год

* Статья подготовлена в рамках выполнения Программы фундаментальных исследований секции истории ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».

наращивала выпуск продукции. Но именно чрезвычайные условия военного времени внесли свои коррективы и в экономику тылового региона, который развивался крайне однобоко. Продукция выпускалась в основном военная. Ремонт и обновление оборудования, станков и техники в эти годы практически не осуществлялись. Катастрофически не хватало квалифицированной рабочей силы. А это необходимо было для решения другой задачи пятилетнего плана – перестройки промышленности на мирный лад.

Однако перестройка промышленности на производство мирной продукции несколько затянулась. План 1946 г. промышленностью БАССР был выполнен на 91, а 1947 г. – на 97 %[2]. Несмотря на это, показатели выпуска валовой продукции в отрасли неуклонно снижались. В 1946 г. выпуск валовой промышленной продукции, по сравнению с предыдущим годом, снизился на 66 %. Одной из причин сложившейся ситуации была сильная изношенность оборудования, не хватало электроэнергии, сырья, материалов. Задержка перестройки промышленности в республике, как в целом и в стране, также объяснялась острой нехваткой рабочей силы. Только в Уфе в первый послевоенный год не хватало свыше 19 тыс. рабочих[3].

В этот период, как и в годы войны, во всех отраслях народного хозяйства республики были заняты практически все возрастные группы женского населения. В условиях военного времени сотни, тысячи женщин пришли на рабочие места отцов, братьев и мужей, ушедших на фронт защищать Родину. Тогда напрочь отошло существовавшее традиционное деление профессий на «мужские» и «женские» (хотя надо заметить, что уже в довоенный период женщины стали смело осваивать многие «неженские» профессии)[4]. В 1945 г. женщины среди рабочих и служащих составляли 61 %, в том числе в промышленности – 54 %, транспорте и строительстве – 39 %[5].

С окончанием войны солдаты стали возвращаться домой, к мирной жизни и труду. Однако массовая занятость женщин в сфере общественного производства все еще продолжала сохраняться. Это объяснялось тем, что, прежде всего, труд в общественном производстве являлся практически единственным материальным источником существования людей. Во-вторых, последствия войны сказались на том, что роль кормильца семьи взяли на себя в основном женщины. Поэтому довольно большая потребность в общественно-производительном труде у женщин Башкирии в эти годы сохранялась. Несмотря на последовавшее затем снижение женской занятости на производстве, в количественном отношении их там не стало меньше. Это было связано лишь с сокращением общей численности населения БАССР в трудоспособном возрасте[6]. Всесоюзная перепись населения 1959 г. учла в Башкирской АССР 54,3 % населения трудоспособного возраста. В 1960 г. официальная статистика зафиксировала относительный показатель женщин в общей численности рабочих и служащих народного хозяйства – 47 %[7]. Они трудились во всех отраслях общественного производства. Управление статистики БАССР в 1963 г. провело единовременный учет трудовой занятости населения, где зафиксировало, что в основной отрасли народного хозяйства – промышленности – женщины составляли 45,8 % численности всего персонала, занятого на предприятиях, и 45 % – общего числа рабочих. Численность женщин в составе промышленного персонала росла.

Возросшие в эти годы темпы модернизации оборудования, автоматизации и механизации основных производственных процессов позволили вовлечь женщин в отрасли тяжелой индустрии, где их прежде было весьма незначительно. В 1962 г. в общей численности промышленно-производственного персонала женщины составляли: в нефтедобыче – 27 %, энергетике – 31, нефтепереработке – 37,5, топливной промышленности – 38, машиностроении и металлообработке – 40,8, химической – 47,5, электротехнической промышленности – 58 % и т. д.[8]

В рассматриваемый период занятость всех возрастных групп женщин Башкирии различалась. Но в целом потребность в общественно-производительном труде охватывала все возрастные группы женского населения республики. Из всех причин, это обусловивших, можно выделить, прежде всего, экономические, ускорившие перелив трудовых ресурсов

из сферы личного хозяйства в общественное. Изменение их отношения к участию в общественном производстве могло произойти лишь под влиянием определенных перемен в условиях жизни и труда, которые усилили его экономическую привлекательность и необходимость.

В послевоенный период, особенно в конце 1950-х гг., начинают осуществляться важные социальные меры, направленные на повышение уровня жизни людей. Одновременно с этим создавались новые рабочие места в народном хозяйстве, повышены минимальные размеры заработной платы рабочих и служащих, а также тарифные ставки и оклады низкооплачиваемым и среднеоплачиваемым работникам. Улучшен режим труда, введена 5-дневная рабочая неделя с двумя выходными днями и др. Все это повышало привлекательность труда в общественном хозяйстве в экономическом аспекте для всего населения и женщин в частности, так как перечисленные меры затрагивали и их интересы.

Наряду с этими причинами происходили процессы, которые привели к формированию чрезмерно высокой занятости женщин в сфере производства, особенно индустриального. Это касалось, прежде всего, свертывания личного подсобного хозяйства, что привело к резкому возрастанию потребности женщин в общественном производстве как источнике получения дохода. Этот фактор привел к ускоренному, по сравнению с плановыми установками, созданию дополнительных рабочих мест и в основном в малых и средних городах с недостаточным уровнем развития экономики. Период с 1959 по 1965 г. характеризовался самым мощным масштабом промышленного строительства. Было построено и введено в эксплуатацию 315 крупных предприятий, цехов и производств[9]. В начале 1960-х гг. из-за резкого сокращения прироста населения трудоспособного возраста обострилась проблема с обеспечением отраслей народного хозяйства страны, в том числе и автономной республики, рабочей силой. Поэтому государство усиленно ориентировало неработающее население на труд в общественном производстве. Одновременно в эти же годы было сделано многое для облегчения работающей женщине совмещение ее многоплановых обязанностей. Возникла сфера услуг и т. д.[10]

Однако противоречивость, зачастую формальность, прагматизм государства в решении женских проблем вызывало недовольство у женского населения, особенно занятого в производстве. В основном это было связано с продовольственными трудностями, нехваткой элементарных вещей и предметов первой необходимости, безразличием к положению и оказанию помощи. Это проявлялось в обращениях в различные инстанции. В печати стали выходить критические статьи и фельетоны, авторами которых чаще выступали сами женщины, что позволяет увидеть практически всю картину положения, жизни населения, в том числе женщин, в непростых реалиях послевоенного периода.

В местной печати поднимались и другие насущные проблемы, в частности касавшиеся охраны здоровья матери и ребенка, организации санаториев для них и др.[11] Немало выходило публикаций по вопросам обеспечения детскими учреждениями. Газеты пестрели громкими названиями типа «Больше садов и яслей малышам!», «Нет заботы о строительстве детсадов», «Каждому колхозу – детский сад» и др. Это указывало на изменившееся самосознание женщин, понимание ими, что многие принимавшиеся решения по их поддержке полностью не реализовывались либо носили формальный характер.

В конце 1950-х гг. происходит возрождение женсоветов по всей республике. На них возлагалось решение тех задач, которые государство не могло или не хотело обременять себя, а их усилиями пыталось закрывать «брешь» во многих социальных проблемах, в том числе касавшихся интересов женщин. Однако их функции и реальные возможности не расширяются, а наоборот, ограничиваются. Они заключаются лишь в решении социально-культурных вопросов. Исходя из итогов их деятельности, можно сделать вывод, что в республике в рассматриваемый период женских организаций, способных оказать давление на органы власти с целью защиты интересов женщин, в том числе работающих, не было. Последние

практически оказались отстраненными от полноценного участия в разработке и осуществлении государственной политики по решению женских проблем.

Оптимистический настрой в общественной жизни, характерный и для 1950-х, и последующих лет, способствовал сохранению веры в мирную, счастливую жизнь. Росли, хотя и медленно, потребности людей, потому они становились более требовательными к власти. Все чаще из их уст на собраниях и активах были слышны критические высказывания, в том числе от женщин. Так, многодетные матери были недовольны работой дошкольных учреждений, в которых не хватало мест, постельных принадлежностей, посуды, игрушек, слабым был надзор за детьми, что сказывалось на их производственной деятельности[12]. Частыми были требования об улучшении рабочих мест, оборудовании мест для отдыха, питания, заботы о детях – устройство летних лагерей, путевок в санатории вместе с детьми, предоставлении мест в дошкольных учреждениях, по разрешению культурных запросов работниц и др. Подобных примеров можно привести немало.

В социальной политике государства рассматриваемого периода особое внимание уделялось охране материнства и детства. Еще в годы войны в июле 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”». В послевоенный период в мае 1949 г. им был принят еще один Указ «Об улучшении дела государственной помощи многодетным и одиноким матерям и улучшении условий труда и быта женщин»[13]. Реализация этих государственных решений в БАССР оказала серьезную поддержку женщине-матери, особенно занятой в производстве. Однако имелись и недостатки. В связи с этим в апреле и июле 1947 г. Совет Министров БАССР рассмотрел вопрос о мерах по развертыванию сети детских и родовспомогательных учреждений. В них особое внимание уделялось охране здоровья матери и ребенка. В то же время отмечалось, что план развертывания сети детских и родовспомогательных учреждений в республике не выполнен, не созданы нормальные условия их работы, недостаточными были меры по предупреждению заболеваний и смертности детей[14]. В органы власти республики поступали многочисленные жалобы от многодетных матерей, которые не могли получить пособия, плохо была поставлена работа по их награждению[15].

В июле 1951 г. Президиум Верховного Совета БАССР рассмотрел вопрос «О состоянии и мерах улучшения работы по предоставлению к награждению многодетных матерей и вручению наград многодетных матерей в Караидельском районе»[16]. В принятом постановлении указывалось на неудовлетворительное состояние работы по награждению многодетных матерей. Подобные случаи происходили повсеместно в республике в рассматриваемый период. В декабре того же года в г. Октябрьском горсовет рассмотрел состояние работы по выполнению Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г.[17] Наряду с имевшими позитивными явлениями указывалось на явные недостатки по поддержке женщины-матери, охране материнства и детства, факты волокиты по выплате пособий, их задержка, плохое обеспечение в снабжении матерей ассортиментом детских товаров, что вызывало с их стороны недовольство и жалобы. Имеющиеся в городе детсады лишь на 40 % удовлетворяли потребности, что затрудняло трудоустройство женщин. Отмечалось, что на промышленных предприятиях, несмотря на запрещение, использовался труд беременных женщин на тяжелых работах, не обеспечивался перерыв на кормление детей, не создавались нормальные условия для работы. Указывалось, что большинство женщин, прежде всего, одинокие, живут в тяжелых бытовых условиях. В конце 1955 г. Белебеевский горсовет рассмотрел аналогичный вопрос[18].

Принятые партийно-государственными органами Башкирской АССР в этот период меры по повышению престижа семьи с детьми, охране материнства и детства оказали заметное влияние на улучшение сложившейся ситуации. За период с выхода Указа 1944 г. к нача-

лу 1959 г. в республике было выплачено пособий многодетным и одиноким матерям свыше 1,3 млрд р., присвоено 1309 женщинам почетное звание «Мать-героиня». В демографической обстановке налицо были позитивные тенденции: улучшилась врачебная помощь женщине-матери и ребенку, снизились среди них показатели смертности, а рождаемости – возросли[19].

Однако в январе 1962 г. Президиум Верховного Совета БАССР принял постановление «О серьезных недостатках по представлению к награждению многодетных матерей и вручению им наград в республике»[20]. В июле 1964 г. Президиум Верховного Совета БАССР рассмотрел по данному вопросу отчеты председателей исполкомов Баймакского района и города Салавата[21]. Все это указывало на имевшееся неблагополучие в решении женских проблем, что было связано с недостатками в медицинском обслуживании женщин и детей, занятостью женщин на тяжелых и вредных работах, формальным подход властных органов республики к повседневным их нуждам на работе и в семье.

Безусловно, в послевоенные годы – 1945–1964 гг. – занятость женщин в промышленности, в ведущей сфере экономике БАССР, была достаточно высокой. Этому содействовало осуществление многочисленных мер со стороны партийно-государственных органов по их привлечению во все сферы индустриального производства, разрешению социально-экономических проблем женского труда. В то же время еще значительной оставалась их занятость на неквалифицированном, тяжелом и малопривлекательном труде. Несмотря на снижение числа женщин на тяжелых работах в последующие годы, их доля продолжала превышать мужскую. В Башкирии, как в целом и в стране, принимались меры по поддержке женщины – матери и работницы в рассматриваемый период с учетом национальных особенностей, конфессиональных, культурных, бытовых традиций, по совмещению ею социально-значимых ролей – работницы и матери. Однако государственная политика в отношении женщины в этот период практически не изменилась и носила прагматический характер. К женщине было и продолжало сохраняться отношение как к «незаменимой производительной силе», «верной помощнице» в реализации стратегически важных хозяйственно-политических задач, потому в гораздо меньшей степени отвечала ее интересам как личности[22].

Примечания

[1] 1-я сессия Верховного Совета Башкирской АССР второго созыва : стеногр. отчет. Уфа, 1947. С. 53.
[2] Резолюции областных конференций Башкирской партийной организации и пленумов обкома КПСС (1941–1960 гг.). Уфа, 1962. С. 304.
[3] Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 2 (Советский).
[4] История Башкортостана. 1917–1990-е годы. Т. 2. Уфа, 2005. С. 29.
[5] Башкирия в Союзе ССР : стат. сб. Уфа, 1972. С. 157–158.
[6] Сулейманова Р. Н. Женщины Башкортостана : социальный облик (конец 50-х – начало 90-х годов). Уфа, 1998. С. 89.
[7] Башкирия за 50 лет : стат. сб. Уфа, 1969. С. 87.
[8] Кузеев Р. Г. Рабочий класс – созидатель коммунизма. Уфа, 1969. С. 85.
[9] Очерки истории Башкирской организации КПСС. Уфа, 1973. С. 622.
[10] Сулейманова Р. Н. Указ. соч. С. 100.
[11] Совет. Башкирия. 1954. 4 сент.
[12] Совет. Башкирия. 1958. 18 февр.
[13] Женское движение в Башкортостане. 1941–2000 : сб. док. и материалов. Уфа, 2009. С. 89.
[14] ЦИА РБ. Ф. Р-2883. Оп. 1. Д. 6. Л. 135.
[15] Там же. Л. 135–135 об.
[16] ЦИА РБ. Ф. Р-91. Оп. 2. Д. 1473. Л. 79–80.
[17] ЦИА РБ. Ф. Р-1976. Оп. 1. Д. 318. Л. 14–19.

[18] ЦИА РБ. Ф. Р-1063. Оп. 3. Д. 33. Л. 214–215.
[19] Народное хозяйство Башкирской АССР за 70 лет : стат. сб. Уфа, 1989. С. 14.
[20] ЦИА РБ. Ф. Р-394. Оп. 5. Д. 630. Л. 42–45.
[21] Там же. Д. 663. Л. 98–99.
[22] Гендерная реконструкция политических систем. СПб., 2004. С. 404.

Н. В. Суржикова

«ЛИШИТЬ», «ЗАСТАВИТЬ», «ОТОБРАТЬ»: ПРАКТИКИ ПРИНУЖДЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОГО ПЛЕНА 1914–1917 ГОДОВ

То, что в результате Первой мировой войны в России впервые был широко использован подневольный труд, источником которого стали прежде всего пленные иностранцы, откровением не является[1]. Однако системные характеристики сложившейся в ретроспективный период модели трудовых отношений между вражескими военнослужащими и их нанимателями до сих пор остаются овеянной мифами terra incognita. Чтобы описать ее в категориях эффективности и неэффективности, уточнения списка отраслей и объектов, где были заняты пленные, явно недостаточно. Пренебрегая решением этой задачи, уже обозначенной целым рядом исследований, позволю себе остановиться на анализе тех практик принуждения, которые были выработаны на общенациональном и региональном уровне и апробированы уральскими хозяйственниками, уповавшими на обезоруженных неприятельских солдат как на едва ли не единственных спасителей экономики края от сокращения объемов выпуска промышленной и сельскохозяйственной продукции[2].

Надо сказать, что с «нерадивостью» и «леностью» вражеских военнослужащих, «приглашенных» на те или иные работы, промышленники и аграрии Уральского региона свыклись довольно быстро, компенсируя низкую производительность труда иностранных рабочих посредством постоянного приумножения их числа и – параллельно – экономией на их содержании. Что же действительно вызывало крайнюю озабоченность региональной элиты, так это постепенно превратившиеся из редкого в заурядное явление отказы пленников от работ, массовизация которых угрожала экономике плена неминуемой гибелью. При этом та изобретательность, которую демонстрировали пленные, обосновывая свое нежелание работать, искренне удивляла работодателей. Так, летом 1915 г. австрийцы Карл Рениш и Карл Шемиц наотрез отказались трудиться на том основании, что продукция Надеждинского завода шла на удовлетворение нужд армии, в то время как ст. VI Гаагской конвенции о военнопленных 1907 г. запрещала их использовать на любых объектах, связанных с военными действиями. В ноябре 1915 г. 109 пленных, направленных на рубку дров в Буткинское лесничество, не вышли из бараков, ссылаясь на отсутствие у них теплой одежды. За неполучением чая, сахара и табака 27 февраля 1916 г. прекратили работу 450 военнопленных, определенных на лесозаготовки в Урминское лесничество Кунгурского уезда. В апреле 1916 г. вредное, по их мнению, производство стало причиной отказа от работ 9 пленников, занятых погрузкой угля для заводов Нижнетагильского горного округа. В июле 1916 г. 135 бывших военнослужащих 28-го и 88-го пехотных полков австро-венгерской армии, присланных из Ишима на Полазненский завод, категорически отказались работать, будучи уверены в том, что они, сдавшиеся в плен добровольно, работать не обязаны. 15 сентября 1916 г. 130 пленных с Койвенских рудников Лысьвенского горного округа заявили уряднику о своем намерении бросить работы под тем предлогом, что им не предоставляются выходные дни. В Каслях 300 военнопленных забастовали в начале марта 1917 г. от того, что вместо положенного им белого хлеба выдали черный[3].

С проблемой отказников столкнулось также руководство Верхотурского угольного склада, Смирновского рудника при Карабашском заводе, лесной дачи на Калтаевском кордоне в Красноуфимском уезде, Казань-Екатеринбургской железной дороги, волостных продовольственных управ Пермского уезда, чугуноплавильного и литейного завода в Кушве, суконной фабрики В. П. Злоказова и каменоломни в Екатеринбурге, Майкорского лесничества под Соликамском, Егоршинских каменноугольных копей, Чермозского металлургического завода и многих других производств[4]. Если прибавить к необозримому списку отказов вражеских военнослужащих от работ необозримый же список их побегов, среди которых самым громким стал побег 33 человек с работ в Соймановской долине Кыштымских горных заводов[5], то становится понятным, почему «мирные» способы поддержания жизнеспособности экономики плена были в конечном итоге вытеснены способами преимущественно репрессивными.

Какое-то время провинившиеся военнопленные в целях дисциплинирования сдавались военным властям[6], которые, однако, эта практика не устраивала, равно как и ведомства, заинтересованные в дефицитных рабочих руках: «При таком порядке Министерство торговли и промышленности, в распоряжение которого эти пленные были отпущены, лишается некоторого их количества. Между тем при существующей в настоящее время острой нужде в рабочих руках такие пленные, после наложенного на них наказания, могли бы быть с пользою обращены на работы того же или другого предприятия из числа подведомственных Министерству торговли и промышленности»[7].

В итоге было признано целесообразным передать права дисциплинарного воздействия на пленников местной гражданской администрации или, проще говоря, губернаторам. При этом совсем скоро стало очевидно, что семидневный арест, первоначально предусмотренный в качестве «высшей» меры наказания военнопленных, должного эффекта не приносил. В этой связи в мае 1916 г. министры военный и внутренних дел по обоюдному согласию решили предоставить губернаторам в отношении «арестования» вражеских военнослужащих права командира полка, предусмотренные статьей 29 книги XXIII Дисциплинарного устава Свода военных постановлений 1869 г., издания 1900 г. Теперь узников войны разрешалось через посредство полиции подвергать аж трем видам ареста – простому до одного месяца, строгому до 20 суток и усиленному до 8 суток. Больше того, «для усугубления наказания» предусматривался еще и смешанный арест на срок до 30 дней. Но и это было еще не все. В случае «крайнего упорства» со стороны военнопленных их теперь ожидало 3-месячное тюремное заключение, трактовавшееся как исключительная мера наказания[8].

Настоящая норма вступила в силу на фоне проходившего при Министерстве внутренних дел совещания губернаторов центральных российских губерний, участники которого, артикулировав арест военнопленных-отказников как «мертвую букву закона», предложили в качестве кары переводить провинившихся в разряд оштрафованных и даже применять к ним телесные наказания[9]. Еще в конце 1915 г. примерно в том же духе высказался командующий войсками Казанского военного округа генерал А. Г. Сандецкий, требуя для пленных, отказывавшихся от работ, «самых репрессивных мер до расстрела включительно»[10]. До реализации столь кровожадных замыслов дело, правда, не дошло, хотя «для профилактики» военное ведомство экстренно сообщило на места, что «телесное наказание к провинившимся военнопленным ни в коем случае не применимо»[11]. Вместе с тем сам факт вынашивания указанных замыслов красноречиво свидетельствовал о бессильной злобе властей, чьи руки оказались слишком коротки, чтобы достать и наказать пленников, рассеянных по многочисленным городам и заводам, бескрайним лесам и полям, затерянным рудникам и полустанкам.

Проблема «достать и наказать» и в самом деле имела место быть, в связи с чем Главное управление Генерального штаба по договоренности с министерствами внутренних дел и торговли и промышленности признало «желательным предоставить дисциплинарную власть над военнопленными» начальникам казенных горных округов. Этой сомнительной

«привилегии» было удостоено руководство Гороблагодатского, Златоустовского, Камско-Воткинского и Олонецкого округов, Боёвского вольфрамового рудника и Сучанских каменноугольных копей, Каменского чугуноплавильного и железоделательного, Коноваловского (Усть-Сылвицкого) лесоразделочного, Иркутского солеваренного и Пермских пушечных заводов. «Мера эта принята в целях ускорения воздействия на военнопленных на случай нарушения или неисполнения ими законных требований горного надзора, так как в виду отдаленности этих заводов и рудников от железных дорог и губернского центра рассмотрение губернскими властями дел о наложении на виновных военнопленных взысканий чрезвычайно замедляется», – гласил соответствующий документ[12].

Помимо того, в деле доведения до пленников «дисциплинарной власти» большое место отводилось обеспечению их усиленного охранения. Однако подавляющая часть приставленных к иностранным рабочим стражников оказалась «мало подготовлена для своего дела», в связи с чем 1 июня 1915 г. пермский губернатор выступил с инициативой приглашения в качестве охранников для военнопленных раненых нижних чинов русской армии, включая тех, «которые уволены в отпуск для поправления здоровья»[13]. На общенациональном уровне эта практика окончательно закрепилась в июле 1917 г., когда военный министр Временного правительства утвердил инструкцию для командированных из состава Союза инвалидов и Комитета бежавших из плена солдат и офицеров по «окарауливанию» занятых на разных работах военнопленных[14]. В октябре того же года начальник штаба Казанского военного округа сообщил, что в скором времени в дополнение к уже проведенным мероприятиям «при уездных комиссарах будут назначены особые лица, преимущественно из числа бежавших из неприятельского плена или инвалидов, кои будут иметь постоянное наблюдение за всеми военнопленными в районе своего уезда и иметь сношение с военно-окружным начальством»[14]. Фронтовики, однако, обнаруживая излишнее усердие, часто выводили пленных «из строя» и тем самым наносили предприятиям не только материальный, но и моральный ущерб. «Вероятно, с целью увеличения продуктивности работы пленных администрация округа выписала из Петрограда 150 солдат, бежавших, будто бы, из неприятельского плена, и заменила ими частных сторожей, которыми были довольны не только местные жители и власти, но даже сами пленные, – указывала в своем отчете о посещении Богословского горного округа К. И. Малаховская, делегированная на Урал во второй половине 1917 г. благотворительным обществом «Скоропомощь». – Солдаты эти разбросаны небольшими группами от 4 до 8 человек во всех лесничествах округа и считают своей единственною обязанностью немилосердно бить и истязать пленных <…> Солдаты утверждают, что инструкции об избиении пленных дал начальник караула подпрапорщик Нестеров, проживающий в Надеждинском лесничестве. Сам он по показаниям свидетелей бьет пленных железной перчаткой, которую специально для этой цели надевает. Подобного себе Нестеров нашел в солдате Д. Ф. Левушине, который занимает должность сторожа 44 барака Надеждинского лесничества и который, провожая пленных в лес, привязывает их к нагайке за гвозди для того, чтобы этой последней истязать (бить) пленных. Я видела двух пленных, избитых Нестеровым и Левушиным: от ударов у них все лицо покрыто опухолью и ранами, руки и спина — сплошными синяками, а врач признал их неспособными …». Вместе с тем, описанная ситуация не носила характер обязательной. Более того, некоторые бывшие солдаты, бежавшие из плена, не только не демонстрировали ожидаемого от них рвения, но и отказывались от выполнения возложенных на них обязанностей. Так, отпущенные военным ведомством солдаты Степан Старков и Иван Томилов 24 августа 1917 г. самовольно оставили Самский рудник Богословского горного округа, предпочтя разойтись по домам.

Вынужденное же использование местных «кадров», как уже отмечалось, «несоответствующих своему назначению и непригодных для надзора, а тем более для воздействия на пленных при каких-либо недоразумениях»[15], не только не способствовало должному эко-

номическому эффекту в виде сокращения статистики отказников, ликвидации задолженности и скачка производительности труда военнопленных, но и грозило обернуться тем, что в какой-то момент число охраняющих приблизится к числу охраняемых. Есть сведения, что к 1 января 1918 г. на одном только Надеждинском заводе к охране военнопленных было привлечено порядка 100 человек, месячный оклад жалованья каждого из которых составлял 45 р. (30 из них были отнесены на счет военнопленных, 15 – на счет предприятия)[16]. При этом громоздкий аппарат, созданный для «окараулирования» вражеских военнослужащих, постоянно требовал внимания к себе, периодически притязая на более комфортное жилье, улучшение питания, повышение заработной платы и т. д., и т. п., чем был крайне неудобен для тех, кто пользовался трудом пленных иностранцев.

Пока власти изобретали и апробировали те или иные рычаги воздействия на вражеских военнослужащих, в отношении оных на местах предусмотрели и ввели свои санкции. Администрация Богословского горного округа, к примеру, решила наказывать злостных нарушителей трудовой дисциплины рублем. С конца мая 1915 г. за один пропущенный рабочий день пленник наказывался 50 коп., удерживаемыми из его заработка, за второй – 75 коп., за третий – рублем. Военнопленный, не вышедший на работу четыре дня подряд или более шести дней в месяц в разное время, возвращался в распоряжение местных военных властей[17]. После того, как наказание проявлявших «леность» вражеских военнослужащих было передано из ведения местных воинских начальников в ведение местной полиции, руководство округа, не желая терять дефицитных работников, прибегло к ссылке «проштрафившихся» на лесные работы в район рек Тоты и Каквы, где даже самые отчаянные были вынуждены работать, в противном случае рискуя остаться без питания[18]. Со временем наказание «нерадивых» неприятельских военнослужащих путем выдачи уменьшенного пайка стало практиковаться во всех заведениях округа, причем мера эта рассматривалась как целесообразная «только при усиленном надзоре и полной изоляции плохо работающих от исправных»[19]. Если в течение недели производительность труда пленного не увеличивалась, его переводили на хлеб и воду. Здравого смысла в таком распоряжении трудовыми ресурсами было, правда, немного, поскольку голодные и полуголодные люди надежд на трудовые подвиги не могли оправдать по определению.

Описанный опыт, между тем, получил самое широкое распространение. Так, в Нижнетагильском и Луньевском округах наследников П. П. Демидова, князя Сан-Донато, «завели» свое арестантское отделение, под которое был определен дом Романовых (Романова), где заключенные сталкивались с полным лишением свободы при явно недостаточных харчах. В Верх-Исетском горном округе задержка или урезание продовольственной дачи использовалось как профилактическая мера борьбы с мнимыми, по мысли администрации, больными[20]. Наивысшего же развития практика дифференцирования продовольствия в зависимости от результатов труда пленников получила на работах Пермского управления земледелия и государственных имуществ. Уже в июле 1915 г. начальник управления А. А. Дубенский указывал, что военнопленные должны заработать на свой обед и свой ужин. Мясо в рационе питания вражеских военнослужащих господин А. А. Дубенский вообще считал продуктом необязательным, полагая его выдачу возможной только «за счет работы, сделанной сверх установленной нормы»[21]. Больше того, в нарушение всяких законодательно закрепленных принципов и норм, в сентябре 1915 г. «для единообразного и правильного вознаграждения» занятых на казенных лесных работах военнопленных все они были разделены на 5 категорий, получая соответственные их труду пищевые порции (см. табл. 1). Перевод пленников из низшей в высшую категорию довольствия допускался не ранее чем через 2 недели. Помимо того, при распределении по помещениям рабочим I и II разрядов полагались самые удобные и теплые бараки, а также самые лучшие одежда, белье и обувь[22], – всё или почти всё, как в советской системе, внедренной в годы II Мировой войны в лагерях Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД/МВД СССР[23].

Размер хлебного и мясного довольствия в лесничествах Пермского управления земледелия и государственных имуществ в зависимости от категоризации труда военнопленных

Категория труда	Хлебная порция, фунтов	Мясная порция, фунтов
I, «выдающиеся рабочие»	2,5–3,0 в день	0,75 на ужин 3 дня в неделю
II, «очень хорошие рабочие»	2,0–2,5 в день	0,5 на ужин 3 дня в неделю
III, «вполне исправные рабочие»	1,5–2,0 в день*	05, на ужин по субботам и воскресеньям
IV, «не вполне исправные рабочие»	1,0 в день	0,5 на ужин по воскресеньям
V, «плохие рабочие»	0,5 в день	Не предусмотрена**

Источник: Г.г. лесничим, имеющим военнопленных: Циркуляр № 308 от 24 сентября 1915 г. // Циркуляры начальника Пермского управления земледелия и государственных имуществ о порядке использования труда военнопленных за 1915 год (с приложениями). Пермь, 1916. С. 17; Г.г. лесничим юго-восточной полосы Пермской губернии, имеющим военнопленных: Циркуляр № 310 от 3 октября 1915 г. // Там же. С. 21–22.

* Разница в хлебной даче была предусмотрена в силу различной степени обеспеченности районов Урала хлебом. На юге и востоке региона его было больше, почему оказавшимся здесь пленным повезло, безусловно, больше.

** Эта норма распространялась на пленных-отказников в первый день невыхода на работу, а также на тех, кто оказался в карцере. Горячее здесь рекомендовалось выдавать через день или два, «смотря по обстоятельствам».

Источники свидетельствуют, что, наказывая пленников недодачей пищи и прочими способами, основанными на грубой силе, местные хозяйственники так ничего и не добились. Управление Кизеловских копей князя С. С. Абамелек-Лазарева в январе 1917 г. жаловалось, что среди отпущенных ей пленных иностранцев «около пятисот человек упорно ленивых, и администрация копей не может их заставить работать» никакими подсобными средствами[24]. В своей неспособности решить проблему «уклонистов» и «отказников» расписалось и руководство Нижнетагильского и Луньевского округов наследников П. П. Демидова, князя Сан-Донато, заключив при этом, что «…единственной мерой пресечения своеволия или отказа от работы со стороны военнопленных является отсылка виновных в этих проступках к воинскому начальнику для исправления их в лагери»[25]. Однако в то же время один из местных воинских начальников констатировал, что применяемые им «меры наказания, как строгий арест на 20 суток для пленных абсолютно не является достаточной карою», тем более что в виду переполнения карцеров арестовать всех беглецов, отказников и прочих «преступников» нет никакой возможности[26].

Удивительно, но многократно убедившись в бесперспективности «лагеризации» производства посредством нагромождения все новых и новых мер ограничения, принуждения и подавления военнопленных, уральские хозяйственники упорно следовали именно этим путем, дойдя при этом до абсурда. В декабре 1917 г., к примеру, на Верх-Исетском заводе решили у тех пленных, которые не желают работать, «отобрать заводские вещи и передать тем, которые желают работать»[27].

Единственным предприятием, все-таки признавшим, что методы типа «отобрать», «лишить», «сослать», «заставить» и «наказать» оптимизировать плен как систему производственных отношений не позволяли, а скорее мешали, стали Нижнетагильский и Луньевский округа наследников П. П. Демидова, князя Сан-Донато. В марте 1917 г. здесь была создана специальная комиссия, в состав которой вошли представители администрации, а также назначенные военнопленными «делегаты». Однако консолидированные попытки контрактного регулирования условий содержания и трудоиспользования пленников потерпели фиаско, поскольку управление округами руководствовалось решениями комиссии, что называется,

через раз, в то же время ловко используя ее как щит от «нападок» со стороны краснокрестных и прочих филантропических организаций. В конце концов в июне 1917 г., в очередной раз нарушив достигнутые комиссией договоренности, руководство предприятия спровоцировало забастовку военнопленных, после которой диалог между ними, с одной стороны, и окружной администрацией, с другой, стал невозможен[28].

Указанный эксперимент, обнаруживая то, что классическая проблема управления поведением исполнителя, решаемая в классических случаях принудительного труда в одностороннем порядке, стала вдруг решаться иначе, был важен не столько своими результатами, сколько самим своим фактом. Он красноречиво свидетельствовал о кризисе сложившейся в пространстве плена модели трудовых отношений. Больше того, этот опыт лишний раз подтверждал, что российский плен соответствовал скорее своим архаичным образчикам, характеризовавшимся зависимостью пленников от тех людей, в чьих руках они оказывались, в то время как более современные, «модерновые» гуманитарные нормы требовали предоставления узникам войны безоговорочной защиты со стороны государства.

Примечания

[1] См. об этом, напр.: Гордеев О. Ф. Использование труда военнопленных в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны : аспекты международного права // Красноярский край : история в документах : тез. докл. и сообщ. науч. конф. Красноярск, 2004. С. 7–13; Ниманов И. Б. Содержание и использование военнопленных в России в годы первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 г.) // История в культуре, культура в истории : материалы V Сафаргалиевских науч. чтений. Саранск, 2001. С. 187–199; Машкова Н. Н. Использование труда военнопленных в сельском хозяйстве Челябинского уезда Оренбургской губернии в 1916 году // Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. 2001. № 5 (26). С. 141–149; Суржикова Н. В., Машкова Н. Н. Организация труда военнопленных на Урале в 1914–1917 гг. : поиски и решения // Проблемы российской истории. Ежегодник. Вып. VI. М. ; Магнитогорск, 2006. С. 169–194; Талапин А. Н. К вопросу об использовании труда военнопленных в 1914–1917 гг. (по материалам Омского военного округа) // Омские исторические чтения. Омск, 2003. С. 130–134; Шкаревский Д. О привлечении немецких военнопленных в сельское хозяйство Сибири в годы Первой мировой войны // «Aus Sibirien-2005» : науч.-информ. сб. Тюмень, 2005. С. 142–143 и др.

[2] См. об этом подробнее: Суржикова Н. В. : 1) Плен, лень и бухгалтерия (к вопросу об эффективности трудового использования военнопленных I Мировой войны в экономике Урала) // Трудовые отношения в условиях мобилизационной модели развития : сб. науч. ст. Челябинск, 2010. С. 40–59; 2) Производительность труда пленных иностранцев на Урале. 1914–1917 гг. // Вопр. истории. 2012. № 2. С. 149–155; 3) Трудоиспользование военнопленных на Урале в 1914–1917 гг. // Ураль. ист. вестн. Екатеринбург, 2007. № 15. С. 74–83.

[3] Государственный архив Пермского края (далее ГАПК). Ф. 65. Оп. 3. Д. 593. Л. 5–5 об.; Ф. 146. Оп. 1. Д. 95. Л. 168, 168 об., 428; Государственный архив Свердловской области (далее ГАСО). Ф. 45. Оп. 1. Д. 245. Л. 172, 180. Ф. 123. Оп. 1. Д. 63. Л. 23; Ф. 643. Оп. 1. Д. 3995. Л. 109; Д. 275. Л. 96; Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 1720. Оп. 2. Д. 161. Л. 907–908 об.

[4] ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 275. Л. 97; Ф. 181. Оп. 1. Д. 5. Л. 12; ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 21[«а»]. Л. 873–873 об.; Ф. 65. Оп. 5. Д. 165. Л. 8–9, 172; Ф. р-75. Оп. 1. Д. 42. Л. 353–354; РГВИА. Ф. 1720. Оп. 1. Д. 100. Л. 151 и др.

[5] ГАПК. Ф. 214. оп. 1. Д. 16. Л. 92–92 об.

[6] Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 41. Оп. 2. Д. 311. Л. 147–147 об.

[7] ГАСО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 41. Л. 7.

[8] ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 94. Л. 322–322 об.
[9] Решение совещания губернаторов центральных губерний, май–июнь 1916 г. // Красный архив : ист. журн. 1929. Т. 2(33). С. 156–157.
[10] ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 21«а». Л. 46–47.
[11] РГВИА. Ф. 1720. Оп. 8. Д. 2. Л. 74.
[12] Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 538. Л. 2, 3, 3 об., 7 об.
[13] ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 221. Л. 19.
[14] Там же. Ф. 24. Оп. 20. Д. 2825. Л. 125 об.
[15] ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 293. Л. 21; Д. 272. Л. 5 об.
[16] Там же. Л. 6 об.; Д. 1095. Л. 51; Ф. 638. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.
[17] Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 228. Л. 17.
[18] Там же. Л. 31.
[19] Там же. Д. 272. Л. 6.
[20] Там же. Ф. 55. Оп. 2. Д. 1128. Л. 25; Ф. 643. Оп. 1. Д. 3995. Л. 16; ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 593. Л. 278; Оп. 5. Д. 165. Л. 8–9.
[21] Г.г. лесничим Пермской губернии, получающим военнопленных: Циркуляр № 287 от 12 июля 1915 г. // Циркуляры начальника Пермского управления земледелия и государственных имуществ о порядке использования труда военнопленных за 1915 год (с приложениями). Пермь, 1916. С. 7, 9.
[22] Г.г. лесничим, имеющим военнопленных: Циркуляр № 308 от 24 сентября 1915 г. // Там же. С. 18–19.
[23] См., об этом, напр.: Российский государственный военный архив. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 341. Л. 118; Оп. 19а. Д. 20. Л. 48 и др.
[24] ГАСО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 254. Л. 87.
[25] Там же. Ф. 643. Оп. 1. Д. 3995. Л. 89.
[26] РГВИА. Ф. 1720. Оп. 8. Д. 2. Л. 78.
[27] ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 5641. Л. 93.
[28] Там же. Л. 11–78.

Б. Д. Шмыров

МОБИЛИЗОВАННЫЕ СРЕДНЕ-АЗИАТСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА НА КИРОВСКОМ ЗАВОДЕ В 1943–1944 ГОДАХ[*]

Во второй половине 1942 г. для работы на промышленных и хозяйственных объектах советского тыла в республиках Средней Азии и в Казахстане была проведена мобилизация для привлечения новой категории рабочей силы – трудмобилизованных Средне-Азиатского военного округа (далее – т/м САВО). Основой для данной мобилизации послужило постановление ГОКО № 2414с от 14 октября 1942 г. «О мобилизации в Узбекской, Казахской, Киргизской, Таджикской и Туркменской ССР военнообязанных для работы в промышленности и строительстве жел[езных] дорог и пром[ышленных] предприятий»[1].

Т/м САВО из республик Средней Азии и Казахстана начали прибывать в Челябинскую область в конце 1942 – марте 1943 г. В конце первого полугодия 1943 г. на Южном Урале находилось 30274 т/м САВО, из них 19674 человека находились в Челябинской области[2]. Часть мобилизованных по прибытию в город Челябинск была отправлена для работы на

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.». Государственное соглашение № 14.B37.21.0001.

Кировский завод по выпуску бронетанковой техники и дизельных двигателей Народного комиссариата танковой промышленности Союза ССР. Были случаи, когда т/м перебрасывали с других промышленных объектов города Челябинска. Например, из-за возникшей угрозы срыва выполнения производственных заданий в октябре 1943 г., затем в январе – феврале 1944 г. из Управления строительства «Челябметаллургстроя» НКВД на Кировский завод в срочном порядке было переведено соответственно 250 и 309 уроженцев Средней Азии[3]. При этом большая часть т/м САВО, прибывших осенью 1943 г. на Кировский завод, даже не приступали к работе на производстве слабого физического состояния[4].

После прибытия на производство выяснилось, что уроженцы Средней Азии, значительная часть которых была жителями сельской местности, плохо понимали или вообще не знали русского языка. Часть т/м были людьми пожилого возраста, являлись инвалидами, имели хронические заболевания[5]. Среди прибывших было большое количество малограмотных и неграмотных. Всё это затрудняло использование т/м САВО на производстве, т. к. среди них было много малограмотных, а при работе, в частности на станках, необходимо было уметь читать чертежи, знать технологию производства[6].

Не имевшие никаких специальностей уроженцев Средней Азии часто использовали на тяжёлом, подсобном производстве. Чаще всего они работали в литейном производстве, где их ставили на выбивку опок, на разделку раскалённых отливок, использовали на тяжёлых физических работах[7]. Попавшие первый раз на производство и оказавшись в непривычной для них обстановке, т/м САВО, слабо владевшие русским языком, плохо понимали отдаваемые им приказы, ещё хуже их исполняли[8]. Всего на производстве к 1 июля 1944 г. работало 22698 человек, которые в момент поступления на работу не имели рабочих специальностей[9]. Говоря о неграмотных на танкостроительном производстве в Челябинске, можно отметить следующее. Неграмотные рабочие были не только среди т/м САВО. К 1 июля 1943 г. число работников Кировского завода не умеющих читать и писать насчитывалось 5204 человека[9].

Говоря о национальном и количественном составе рабочих из Средней Азии на Кировском заводе в изучаемый период, можно отметить следующее. В цехах и в подсобном хозяйстве Кировского завода в ноябре 1943 г. работало 509 т/м, уроженцев Туркмении. В первом квартале 1944 г. их число уменьшилось до 262, но в январе-феврале на производство прибыло с «Челябметаллургстрой» НКВД СССР ещё 309 т/м – уроженцев Туркмении[10]. В первом квартале 1944 г. на Кировском заводе среди работавших т/м САВО было 550 жителей Узбекистана, 181 из Таджикистана и 218 из Киргизии[11]. Число уроженцев Казахстана на Кировском заводе в январе 1944 г. было 99 человек, а после прибытия очередной партии т/м из республики их стало 311 человек[12]. К первому июля 1944 г. в 50 цехах и отделах Кировского завода работали 812 т/м САВО: казахи, киргизы, туркмены и узбеки.

Руководители части цехов завода видели решение проблемы по рациональному использованию мобилизованных САВО на производстве в организации школы или кружки, где одновременно с техническим обучением проводилось бы обучение русскому языку[14], тем более, что после прибытия на завод часть уроженцев Средней Азии изъявили желание получить квалификацию[14]. Были организованы курсы технического обучения, на которых т/м получали рабочие специальности. После прохождения обучения на рабочих местах в цехах завода, уроженцы Средней Азии начали работать самостоятельно. В частности, в цехе МХ-3 и железнодорожном цехе, т/м стали обслуживать одновременно по 3–4 станка и выполнять на 160 % производственные задания[13]. Но это было скорей исключение из правил, т. к. основная масса т/м работала на производстве в качестве разнорабочих и была занята неквалифицированным трудом.

Начиная с 1942 г. происходило расширение производственных площадей завода, сопровождавшееся увеличение парка технологического оборудования. При этом, как отмечается в архивных документах, недостаточно уделялось внимания бытовым и санитарным нуждам рабочих и служащих[14]. На заводе, где к 1 июля 1943 г. работали 54846 человек, в том числе

1536 т/м САВО[15], в цехах на рабочих местах не было достаточного освещения, почти отсутствовали приспособления для защиты работников от вредных производственных факторов, накопилось большое количество всевозможного мусора. Кроме того, не было необходимого количества душевых установок, часть не работала из-за неисправностей[16]. В тех душевых, которые работали, после напряжённой смены помыться или постирать свою спецовку рабочим было очень часто проблематично, т. к. труженики завода не обеспечивались мылом. По разным причинам не хватало на производстве и цеховых уборных общего пользования. Часть их не работала, так как была забита фекалиями из-за неисправной общезаводской канализации. Другая часть уборных была занята для нужд производства под различные склады и вспомогательные помещения[17]. Наведение порядка на производстве стало предметом обсуждения в областном комитете ВКП (б) Челябинской области, который обязал директора и всех начальников цехов танкового и моторного производства Кировского завода «…навести в месячный срок чистоту и порядок в цехах и на рабочих местах»[18].

Для жилья в конце 1942 г. жителям Средней Азии были выделены землянки и бараки на 5 участке Тракторозаводского района города Челябинска. Ремонт бараков и землянок, где разместили вновь прибывших мобилизованных САВО, не производился[19]. В жилищах не было нужного количества постельных принадлежностей – матрасов, подушек, простыней и наволочек. Т/м спали на двухъярусных нарах (топчанах) вместо кроватей. При этом сами топчаны были малопригодны для сна, т. к. каждый топчан имел всего по 2–3 доски и, таким образом, половина топчана открыта. На складах лежали чехлы для матрацев, но не было соломы или сена, чтобы их набить, и люди спали без матрасов на голых досках. Из проживавших 291 уроженцев Средней Азии в одной из землянок на пятом участке «Танкограда» ни у кого не было ни простыни, ни одеяла[20]. Проведённая проверка условий проживаний т/м САВО показала, что у них не только отсутствуют спальные принадлежности, но нет и нижнего белья: 400 рабочих из Средней Азии не имели нательного белья, т. к. старое пришло в негодность из-за длительной носки, а новое бельё им не выдали[21]. Так же для т/м САВО не хватало рабочей одежды и обуви. По этой причине на производстве можно было увидеть жителей среднеазиатских республик, работающих в национальной одежде, в пёстрых ватных халатах[22]. Необходимо отметить, что нехватка у части т/м матрасов, наволочек, фуфаек и валенок в отдельных случаях было вызвана не только отсутствием необходимого у снабженцев завода. Дело в том, что уроженцы Средней Азии полученное ими казённое имущество продавали на базаре в личных целях[23].

Из-за отсутствия топлива жилища т/м не отапливались, и рабочие, чтобы не замёрзнуть, были вынуждены спать в шапках, верхней одежде и в обуви[24]. Люди днями не имели возможности умыться. Жилища не имели табуреток, тумбочек. Также отсутствовали титаны для кипячения воды. В данной ситуации т/м были вынуждены пить сырую воду, которую доставляли с озера в бочке без крышки. По заключению врачей вода из озера была не пригодна для питья[25]. Причина негодности озёрной воды была вызвана попаданием сточных вод из посёлка в озеро. С момента прибытия уроженцев Средней Азии на пятый участок, т. е. конца 1942 г., там не было ни одной общественной уборной. Постройка уборных была выполнена только в конце июня 1943 г.[26] Не вызывают удивления в данной ситуации вспышки брюшного тифа среди т/м[27]. Тем более что положенные в таких случаях дезинфекции жилых помещений уроженцев Средней Азии были малоэффективны, так как проводились редко[28]. Начальник цеха МХ-5, где работали т/м и проживали в таких адских условиях, «…устранился от вопросов улучшения бытовых условий рабочих»[29]. И вполне справедливо был сделан вывод в одной из первичных партийных организаций относительно прямой зависимости между состоянием дел в общежитиях Кировского завода и работоспособностью проживающих там работников: целый ряд общежитий в таком состоянии, что было бы трудно рассчитывать на то, что люди, проживающие в этих общежитиях, могли бы хорошо работать на заводе[30].

Таким образом, можно отметить, что кроме проблемы знания русского языка и вопросов профессиональной подготовке у т/с САВО были серьёзные проблемы по санитарно-бытовым условиям проживания, которые были фактически неудовлетворительными. На совместном заседание администрации и партийном бюро завода было принято решение устранить все эти недостатки к концу первого полугодия 1943 г.[31]

Проверка заводских цехов Кировского завода в декабре 1943 г. и жилищных условий т/м САВО в первой половине 1944 г. показала, что никаких изменений в лучшую сторону по данному вопросу не произошло. Во время декабрьских проверок 1943 г. в цеховых туалетах, под лестницами, в тёмных углах было обнаружены рабочие, которые спали после смены, т. к. не могли идти в общежития из-за отсутствия тёплой одежды и обуви. Из общего числа 324 человек задержанных было 29 т/м САВО[32]. Проведённая через несколько месяцев очередная проверка условий труда и проживания т/м показала, что не произошло никаких изменений по данному вопросу в лучшую сторону. Как и раньше, в середине 1944 г. часть т/м САВО проживала в плохих бытовых условиях, не имела нательного белья, одежды, обуви и постельных принадлежностей[33]. Справедливости ради, необходимо сказать, что нехватка постельных принадлежностей была не только проблемой для т/м САВО. Это была проблема для многих работников Кировского завода, проживающих в общежитиях, где к середине 1944 г. не доставало 4097 одеял, 15000 наволочек и 2730 простыней[34].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод. Ни дирекция, ни многочисленная партийная и профсоюзные организации Кировского завода ни смогли создать для малочисленного контингента т/м САВО относительно-удовлетворительных условий работы и проживания, практически не уделяли внимания бытовым и санитарным нуждам уроженцам Средней Азии[35], что в свою очередь привело к заболеваниям, истощению и смерти т/м САВО[36].

Необходимо указать на то, что среди т/м САВО на Кировском заводе проводилась определённая политико-массовая работа, которой своё содействие оказывали компартии среднеазиатских республик. Со второй половины 1943 г. ЦК компартии Киргизии, Таджикистана и Туркмении стали отправлять в места работы т/м САВО из данных республик республиканские газеты на киргизском, таджикском, туркменском и русском языках. Т/м, уроженцы Киргизии, на Кировском заводе получали три экземпляра газеты на родном языке[37]. Из Таджикистана в Челябинскую область поступали газеты «Таджикистани Сурх», «Кзыл –Таджикистон», «Коммунист Таджикистана»[38]. Кроме газет, в рабочие коллективы Челябинска и Челябинской области, где работали т/м – таджики, были высланы граммофоны с набором пластинок на таджикском и узбекских языках[39]. Уроженцы Туркмении получали газеты «Совет Туркменистаны», «Ленин – Елы», «Ленин – Байдагы», «Ташауз – Колхозчиси»[40]. В производственные коллективы Кировского завода было отправлено 50 граммофонных пластинок с записями на туркменском языке[41]. На Кировском заводе политико-массовую работу с т/м САВО проводили представители компартий из республик Средней Азии: от Киргизии Усыбалиев Мамыт и от Туркмении Д. Хусимова[42]. Для политико-массовой работы с т/м была открыта в помещение клуба ЧТЗ чайхана, получившая название «Клуб-чайхана для рабочих Средне-Азиатских республик» и рассчитанная на 250 человек[43]. За пиалой чая т/м слушали сводки Совинформбюро, чтения газетных статей и выступления на родном языке, которые систематически проводили специально подготовленные массовики/ политические агитаторы из числа мобилизованных уроженцев Средней Азии. На сцене клуба выступали коллективы национальной самодеятельности т/м САВО. В августе 1943 г. для мобилизованных из республик Средней Азии были даны концерты артистов филармонии Узбекистана[44]. Летом и осенью 1943 г. для т/м САВО были организованы коллективные просмотры кинофильмов «Азамат», «Сын Таджикистана», «Иран» и «Насреддин в Бухаре»[45]. В апреле 1944 г. концерты для коллективов предприятий Челябинской области, где работал контингент мобилизованных из Средней Азии, в том чис-

ле и Кировского завода, дала популярная и знаменитая узбекская артистка Тамара Ханум в сопровождение ансамбля национальных инструментов[46].

В первой половине 1944 г. советское руководство сделало вывод о дальнейшей нецелесообразности использования т/м САВО в качестве рабочей силы за пределами Средней Азии. Перечисленные в данной работе автором вопросы по производственно-бытовым и санитарным условиям, появившиеся после прибытия мобилизованных САВО на Кировский завод, остались не решёнными в течение всего периода пребывания уроженцев Средней Азии на заводе. Т/м САВО, работавшие на Кировском заводе, были отправлены в республики Средней Азии во второй половине 1944 г. к местам проживания до мобилизации.

Примечания

[1] Российский государственный архив социально-политической истории. РГАСПИ Ф. 644. Оп. 1. Д. 64. Л. 37.
[2] Подсчитано по данным: Центр документации новейшей истории Оренбургской области ЦДНИОО Ф. 371. Оп. 7. Д. 25. Л. 35, Там же. Д. 50. Л. 20 об.; Объединённый государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-234. Оп. 17. Д. 60. Л. 49 об.; Там же. Оп. 18. Д. 43. Л. 30; Там же. Ф. П-288. Оп. 8. Д. 261. Л. 1, 3–8, 38, 39, 41, 43, 45, 48–50, 53, 57, 59, 60, 73; Там же. Ф. Р-1619. Оп. 2. Д. 16. Л. 71, 73 об., 91; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 50. Л. 43.
[3] ОГАЧО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 465. Л. 36; Ф. П-288. Оп. 42. Д. 23. Л. 641.
[4] Там же. Л. 36.
[5] ОГАЧО. Оп. 18. Д. 17. Л. 59.
[6] Там же. Оп. 1. Д. 359. Л. 127.
[7] Гольдштейн Я. Е. Откровенно говоря. Воспоминания, размышления. Челябинск : Рефей, 1995. С. 161.
[8] Там же. С. 161.
[9] ОГАЧО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 296. Л. 3.
[10] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 50. Л. 43; ОГАЧО. П-288. Оп. 8. Д. 261. Л. 38; Там же. Оп. 42. Д. 23. Л. 641.
[11] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 8. Д. 261. Л. 57.
[12] Там же. Л. 38, 72.
[13] ОГАЧО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 359. Л. 127.
[14] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 23. Л. 335.
[15] ОГАЧО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 464. Л. 77.
[16] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 23. Л. 335.
[17] Там же. Л. 335, 336.
[18] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 24. Л. 243.
[19] ОГАЧО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 348. Л. 1.
[20] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 8. Д. 261. Л. 87, 92; Летопись Челябинского тракторного (1929–1945 гг.) / ред. Л. П. Копылова. М. : Профиздат, 1972. С. 298.
[21] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 8. Д. 261. Л. 102.
[22] Гольдштейн Я. Е. Откровенно говоря… С. 162.
[23] ОГАЧО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 348. Л. 63 об.
[24] Там же. Л. 2, 2 об., 8 об.
[25] Там же. Л. 39.
[26] Там же. Л. 40.
[27] Там же. Л. 2, 2 об., 8 об.
[28] Там же. Л. 22 об.
[29] ОГАЧО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 328. Л. 18.
[30] Там же. Д. 289. Л. 52.

[31] Там же. Д. 357. Л. 34.
[32] Там же. Д. 297. Л. 63.
[33] Там же. Д. 261. Л. 112.
[34] Там же. Д. 465. Л. 22.
[35] Там же. Оп. 42. Д. 23. Л. 335.
[36] ОГАЧО. Ф. П-288. Д. 261. Л. 73; Там же. Оп. 1. Д. 328. Л. 17.
[37] ОГАЧО. Ф. П-288. Д. 261. Л. 57.
[38] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 50. Л. 34.
[39] Там же. Л. 34 об.
[40] Там же. Л. 38, 44.
[41] Там же. Л. 44.
[42] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 8. Д. 261. Л. 67.
[43] ОГАЧО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 465. Л. 21.
[44] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 126. Л. 38 об.
[45] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 126. Л. 38 об.; Там же. Оп. 8. Д. 261. Л. 103.
[46] Челяб. рабочий. 1944. 16 апр. С. 2.

СЕКЦИЯ 7.
ОПЫТ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ И ЗАДАЧА МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ В XXI ВЕКЕ: ПРОБЛЕМА СОВМЕСТИМОСТИ

Анохин Л. М.
Анохина Н. В.
Бархатов В. И.
Берсенев В. Л.
Даванков А. Ю.
Дьяченко О. И.
Калашникова Ю. А.
Кондратьев Н. И.
Румянцев И. С.
Сорокин Д. А.
Ушаева С. Н.

Л. М. Анохин, Н. В. Анохина

ГОСУДАРСТВО И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Одной из центральных проблем российского общества остается необходимость выработки и обеспечение реализации стратегии устойчивого социально-экономического развития. Причем то обстоятельство, что осуществленные у нас радикальные социально-экономические преобразования означают становление экономической системы смешанного типа, не снижает остроты проблемы, так как формирование рыночной экономики в основных ее чертах не может рассматриваться в качестве цели трансформации.

Представляется, что адекватное понимание данных проблем должно осуществляться в русле фундаментальных обобщений (принципов) универсального эволюционизма, позволяющих отразить процессы развития сложных систем в их существенных моментах. Особую значимость в этой связи приобретают фундаментальные представления о механизмах «изменения состояния», то есть механизмах развития сложных систем. По мнению Н. Н. Моисеева, эти механизмы, характеризующие сущность процесса развития, можно разделить на три группы: механизмы бифуркации, механизмы «сборки» системы, механизмы «дарвиновского» типа (адаптации).

Представляется, что данные механизмы, регулирующие развитие сложных систем, в том числе социально-экономических, с необходимостью предопределяют существование соответствующих функций государства, которые в общем виде можно подразделить на трансформационную, системообразующую и адаптационную.

Данная систематизация функций государства, основанная на представлении о механизмах саморазвития сложноорганизованных больших систем, позволяет обосновать ряд выводов, имеющих теоретическое и практическое значение.

1. В сложных динамических системах процессы самоорганизации происходят в результате взаимодействия случайности и необходимости и всегда связаны с переходом от неустойчивости к устойчивости. Основой их осуществления являются механизмы бифуркации (А. Пуанкаре), которые приходят в действие в момент неустойчивого состояния, критических значений ее параметров. В таком состоянии нарушается однозначность перехода системы в новое состояние, и принципы отбора допускают множество путей дальнейшего развития или разрушения системы. Существенно, что одним из условий (факторов) срабатывания механизма самоорганизации является наличие внешних воздействий на систему. Такое воздействие внешних факторов следует рассматривать в качестве управляющего. В отношении социальной системы это означает, что в ситуации нарастания неустойчивости (обострения противоречий) этой системы на выбор дальнейшей траектории развития (скачок) большое воздействие могут оказать многие, сравнительно незначительные, факторы. Характер прохождения через точку бифуркации и траектория дальнейшего устойчивого развития во многом зависят от качественных и количественных характеристик процесса выполнения государством трансформационной функции. С этих позиций реформирование социально-экономической системы, осуществляемое государством, правомерно трактовать как форму организации процесса выполнения государством трансформационной функции.

2. Известно, что фаза кризиса есть не только «разрушение», это есть фаза, в которой происходит разрешение противоречий системы, приводящее к перерождению системы, появлению нового качества.

Фаза бифуркации одновременно включает в себя процессы скачкообразного изменения состояния системы («разрушение») и фазу «становления», «сборки» новой системы, поскольку «природе свойственна кооперативность» (Н. Н. Моисеев).

Соответственно, в социально-экономических системах на этапе «сборки», т. е. самоорганизации системы, государство в дополнение к трансформационной должно выполнять и

системообразующую функцию. Деятельность государства в лице его институтов и должна выступить в качестве своеобразного центра структуризации «становящейся» социально-экономической системы.

С точки зрения базовых принципов универсального эволюционизма можно утверждать, что общество имеет определенную степень свободы, в рамках которой оно способно повлиять на состояние трансформируемой системы. Отметим основные императивы, с которыми в фазе трансформации обществу (в частности – российскому) необходимо считаться, чтобы повысить вероятность достижения желаемого результата:

1. Критерий отбора систем. В общем виде его можно сформулировать следующим образом: если в данных условиях возможны несколько типов организации материи, не противоречащих законам сохранения и другим принципам, то реализуется и сохранит наибольшие шансы на стабильность и последующее развитие именно тот, который позволяет утилизировать внешнюю энергию в наибольших масштабах, наиболее эффективно[1]. Это означает, что «преимущество» имеют сложные системы перед простыми.

Интерпретация данного фундаментального принципа универсального эволюционизма применительно к социальным системам позволяет предположить, что жизнеспособной будет экономическая система смешанного типа, базирующаяся на разнообразных формах собственности и обеспечивающая эффективное использование ресурсов.

2. Система должна обеспечивать возможность проявления интеллектуальных способностей отдельных личностей и нации в целом, высокий уровень социальной защищенности человека.

3. Общество должно быть способно выполнять условия экологического императива: обеспечить гомеостазис человека как биологического вида на основе коэволюции человека и биосферы.

4. Общество должно быть способно решать проблемы национальной безопасности, обусловленные включенностью национальной экономики в мировую экономическую систему.

5. Организационно-управленческая деятельность государства должна строиться исходя из адекватного понимания функций государства как элемента механизма саморазвития сложной социально-экономической системы.

Именно данные характеристики должны рассматриваться в качестве базовых при разработке и реализации модели национальной экономики посредством стратегии целенаправляемого развития.

3. Механизмы «дарвинского» типа являются по своей сути адаптационными, обеспечивающими приспособление системы в ходе ее развития к условиям существования. В социально-экономических системах механизмы данного типа обуславливают необходимость и возможность выполнения государством адаптационной функции в форме государственного регулирования экономики.

Анализ и моделирование подобных механизмов (функциональный анализ) позволяет обществу (государству) реализовывать возможность целенаправленного воздействия на процесс развития социально-экономических систем.

Сформулированным выше критериям в наибольшей степени отвечает такая разновидность смешанной экономики, как социальная рыночная экономики (СРЭ). В силу собственно теоретических соображений, отмеченных выше, правомерно полагать, что именно данная модель – социальная рыночная экономика – является наиболее приемлемым вариантом модели смешанной экономики для России. В пользу данного вывода свидетельствует и историческое развитие России, существенной чертой которого является высокая степень огосударствления экономических процессов. При этом государственное вмешательство в экономику, при всех его недостатках, сыграло во многих аспектах важную и положительную роль в развитии национальной экономики. Примечательно, что в России «на протяже-

нии XVIII – начала XIX в. верховная власть в целом проводила компромиссную в интересах всех сословий политику во внутренних и международных делах и выступала лидером общества и проводником модернизации»[2].

Являясь своего рода альтернативой как либеральному капитализму, так и командной экономике, данная модель рыночной экономики продемонстрировала свою состоятельность в ряде европейских стран, прежде всего в ФРГ. Модель социальной рыночной экономики (социального рыночного хозяйства) представляет собой экономическую систему, функционирующую на основе рыночного механизма, в рамках которой государство играет активную роль в поддержании оптимального сочетания экономической эффективности с социальными гарантиями и социальной справедливостью. Как отмечает Х. Ламперт, «экономико-политическая концепция социального рыночного хозяйства направлена на синтез гарантированной правовым государством свободы, экономической свободы (которая из-за неделимости свободы рассматривается как необходимая составляющая свободного порядка вообще) и идеалами социального государства, связанными с социальной защищенностью и социальной справедливостью»[3]. Рыночное хозяйство – основа экономической свободы, ее олицетворение. Термин ‘социальный’ означает, во-первых, что рыночное хозяйство в силу своей экономической эффективности создает экономические предпосылки «благосостояния для всех». И, во-вторых, что рыночное хозяйство должно ограничиваться там, где «…оно привело бы к социально нежелательным результатам или же результаты свободного экономического процесса должны корректироваться, если они, согласно ценностным представлениям общества, не являются достаточно социальными»[4].

С точки зрения возможностей развития и пригодности социального рыночного хозяйства для решения задач, которые могут возникнуть перед обществом в будущем, существенно то, что «оно понимается как связанная с фундаментальными ценностями социальная технология, система целей которой открыта для возможных изменений»[4].

Особая ценность концепции социального рыночного хозяйства с точки зрения осмысления долгосрочной стратегии социально-экономического развития нашей страны заключается в том, что в данной модели реализован комплексный (системный) подход к решению фундаментальных общественных задач в рамках определенного социально-экономического порядка, где собственно рыночное хозяйство рассматривается как органическая составная часть (подсистема) социума. Отметим наиболее важные содержательные моменты, характеризующие данную модель. К ним относятся, прежде всего, основополагающие принципы социальной рыночной экономики: органическое единство рынка и государства; защита конкуренции; социальное партнерство. Во-вторых, в данной модели имеет место функциональное соответствие системы социально-экономических целей и средств их достижения, как, например, в Германской модели социального рыночного хозяйства (см. таблицу).

Цели социального рыночного хозяйства (на примере ФРГ)[5]

	Цели	Средства достижения
1	Достижение максимально высокого благосостояния	а) установление порядка конкуренции; б) проведение целенаправленной политики, ориентированной на рост и обеспечивающей его постоянство на достаточном уровне с использованием таких экономико-политических инструментов, которые минимально ограничивают свободу; в) обеспечение полной занятости как гарантии дохода каждому лицу, способному и желающему работать; г) обеспечение свободы внешней торговли, свободного обмена валют и расширения международного разделения труда.

	Цели	Средства достижения
2	Обеспечение экономически эффективной и социально справедливой денежной системы, в особенности обеспечение стабильности цен	а) существование независимого центрального эмиссионного банка; б) стабильность (сбалансированность) государственного бюджета; в) сбалансированность платежного баланса и обеспечение равновесия во внешней торговле.
3	Социальная обеспеченность, социальная справедливость и социальный прогресс, справедливое распределение доходов и имущества	а) достижение максимального уровня социального продукта как экономической основы социальной защищенности; б) создание и поддержание порядка осуществления конкуренции, т. к. ее функция – сведение к минимуму социальной несправедливости и способствование социальному прогрессу; в) государственная корректировка первоначального распределения доходов и имущества в форме выплаты социальной помощи, пенсий и компенсаций, доплат за жилье, дотаций, мер, способствующих образованию собственности, имущества и т. п. Причем социально-политическая корректировка должна в минимальной степени ограничивать самостоятельность отдельных лиц и социальных групп, свободу и готовность к деятельности отдельного индивида и работоспособность экономики.

Все эти экономико-политические цели и средства для их достижения составляют единое целое с общественно-политическими целями свободного демократического общества, основывающегося одновременно на социальном государстве.

Необходимо подчеркнуть, что социальная рыночная экономика не представляет собой готовую, «застывшую» экономическую систему. Напротив, ее следует рассматривать как развивающуюся, становящуюся систему, в рамках которой возможно решение новых проблем, порождаемых социально-экономическим развитием, научно-техническим прогрессом, ухудшением экологической ситуации и т. п. Отсюда следуют важные для понимания стратегии развития национальной экономики выводы:

1) социальную рыночную экономику необходимо рассматривать как долговременную социально-экономическую и политическую задачу, как генеральную перспективу развития национальной экономики (как характеристику качества желаемого состояния национальной экономики);

2) конкретные долго- и среднесрочные задачи (и программы) социально-экономического развития нашего общества следует ставить и решать в тесной связи и в рамках движения по пути реализации модели социальной рыночной экономики (в ее национальном варианте). Соответственно, все эти моменты должны быть органически взаимосвязаны в экономической политике государства;

3) для нашей страны это будет означать переход от парадигмы социально-экономических преобразований, в раках которой расходы на решение социальных проблем трактуются как некие издержки, сужающие возможности развития экономики, к парадигме целостного, социально ориентированного экономического развития (на основе инновационно-активного роста).

Примечания

[1] Моисеев Н. Н. Стратегия разума // Знание-сила. 1986. № 10. С. 25.

[2] Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : в 2 т. 3-е изд., испр., доп. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. С. 211, 227–228.
[3] Ламперт Х. Социальная рыночная экономика: германский путь. М., 1994. С. 66.
[4] Там же. С. 67.
[5] Составлено на основе: Ламперт Х. Указ. соч. С. 68–69.

В. И. Бархатов, Н. И. Кондратьев

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОРПОРАЦИИ – МОБИЛИЗАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НА ОСНОВЕ ТРАНСГРЕССИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ

Повышенная резистентность ТНК к глобальным и локальным кризисным явлениям связана с минимизацией трансакционных издержек за счет использования преимуществ от масштаба, диверсификации и глобального характера деятельности. Для современных ТНК характерна ориентация не на конкурентные преимущества только экономик стран-доноров или стран-реципиентов, а на глобальные конкурентные преимущества. ТНК в условиях глобализации используют оптимальное сочетание ресурсных, технологических, инновационных и глобальных конкурентных преимуществ с тем, чтобы обеспечить свою устойчивость, что наиболее отчетливо проявляется в кризисных явлениях. Определено существенное возрастание роли ТНК в глобальной экономике по сравнению с национальными экономиками. Обосновано, что конкурентоспособность ТНК обеспечивается оптимальным управлением всей цепочкой создания стоимости. Выявлено, что ТНК эффективно используют оптимальное сочетание ресурсных, технологических, инновационных и глобальных конкурентных преимуществ.

Все указанные на рис. 1 источники повышения стабильности ТНК в периоды глобальных кризисных явлений могут быть использованы как внутри страны, так и в сфере международных экономических отношений. Существует, однако, ряд преимуществ, свойственных именно транснациональным корпорациям, хотя некоторые преимущества могут получать и локальные фирмы посредством контрактных отношений с ТНК

Наиболее важными из них является возможность международного производства и международного маркетинга, которая позволяет корпорации одновременно продавать свой продукт на многих рынках. Международное производство позволяет ТНК использовать преимущества, основанные на различиях экономических условий в стране базирования материнской компании и принимающих стран, размещать производственные подразделения на территориях, наиболее благоприятных для производства той или иной продукции, а также интегрировать отдельные звенья производственной цепочки. Международный маркетинг дает возможность ТНК сбывать излишки продукции через зарубежные филиалы. Чем шире сеть филиалов фирмы, тем больше она имеет возможностей для максимизации доходов. ТНК также могут компенсировать падение спроса на одном рынке посредством перераспределения продукции в другой регион, где спрос в данный момент превысил возможности находящегося там филиала.

Другое фундаментальное конкурентное преимущество ТНК – диверсификация источников снабжения, которая позволяет корпорации минимизировать издержки производства посредством использования мощностей в странах с низкими издержками. В результате издержки ТНК сокращаются по сравнению с местными конкурентами в любой стране.

Третье преимущество, характерное для ТНК, – это международная диверсификация рисков. Многие международные корпорации сосредоточивают деятельность одновременно в нескольких странах с целью защиты от рисков в национальной экономике.

Рис. 1 Источники стабильности ТНК в периоды глобальных кризисов

Одним из главных конкурентных преимуществ транснациональных корпораций является опыт менеджмента в нескольких странах, который позволяет ей успешно оперировать в странах с различными деловыми ситуациями.

Таким образом, благодаря глобальному масштабу деятельности ТНК получают возможность реализовать уникальные конкурентные преимущества, которые позволяют им максимизировать свою устойчивость во время кризисных явлений в глобальной экономической системе.

Для доказательства вышеуказанных положений автором проведена оценка эффективности ТНК в период глобального финансового кризиса 2008 г. Для этого разработана методика оценки эффективности ТНК на основе ранжирования компаний относительно выбранных показателей эффективности ТНК, с применением корреляционного анализа для определения значимых показателей эффективности. Наложение линейных ограничений и ограничения величины стандартного отклонения дало возможность определить наиболее эффективные транснациональные компании в условиях кризиса.

Данная методика позволила выявить значимые показатели эффективности на основе исторических данных – докризисных и кризисных. Значимость показателя определялась на основе корреляции между средними значениями и стандартными отклонениями показателей в докризисный период и показателями в кризис. В схематичном виде алгоритм анализа изображен на рис. 2.

Показатели, которые отражают авторский подход к оценке эффективности транснациональной корпорации в условиях глобального финансового кризиса, приведены в табл. 1. Данные показатели были объединены по группам в соответствии с критерием эффективности, который они отражают.

Рис. 2 Алгоритм анализа эффективности ТНК в условиях кризиса

В ходе проведения оценки были выбраны существенные показатели, определяющие поведение ТНК в период кризиса. Далее посредством наложения ограничений на показатели в докризисный период был получен результат – рейтинг эффективных транснациональных корпораций в условиях глобального финансового кризиса.

Таблица 1

Показатели эффективности транснациональной корпорации

Признак эффективности	Показатели эффективности		
Доходность	Валовая прибыль	Оборачиваемость активов	Финансовый леверидж
Финансовая устойчивость	Коэффициент текущей ликвидности	Финансовый леверидж	Заемные средства / Акционерный капитал
Эффективность менеджмента	Оборачиваемость активов	Доход на акционерный капитал	Выручка
Денежный поток	Денежный поток от текущей деятельности		Свободный денежный поток

Разработанная методика оценка эффективности транснациональной корпорации была апробирована на примере 100 крупнейших ТНК мира. Исторические данные финансовых отчетов компаний охватили десятилетний период. Значительный объем данных выборки позволяет говорить о статистической значимости результатов исследования. Результаты оценки представлены в табл. 2.

Таблица 2

ТОП-10 наиболее эффективных ТНК в условиях кризиса

Место в рейтинге	Наименование ТНК
1	Berkshire Hathaway Inc. A
2	ExxonMobil Corporation
3	Chevron Corporation
4	Royal Dutch Shell PLC
5	International Business Machines Corp

Место в рейтинге	Наименование ТНК
6	Hewlett-Packard Company
7	Home Depot Inc.
8	Nokia Corporation
9	Valero Energy Corporation
10	Total SA

Проведенный анализ выявил возросшую взаимосвязь расширения деятельности ТНК с состоянием мировых финансовых рынков, а также неустойчивость позиций ТНК, осуществлявших зарубежную экспансию при отсутствии должного управления рисками. Глобальный финансово-экономический кризис по своей сути стал катализатором процессов оптимизации производственно-сбытовых и сервисно-вспомогательных, а также финансовых цепочек в рамках транснациональных корпораций. Что касается российских ТНК, то здесь кризис существенно замедлил, но вовсе не остановил процессы транснационализации российского бизнеса, побудив их оптимизировать зарубежные инвестиционные стратегии, в частности сконцентрировать средства для зарубежной экспансии на четко определенных направлениях и приоритетах, сократить непрофильные активы, снизить до минимума сделки по слияниям и поглощениям, реструктурировать внешний долг.

На основе проведенного анализа в контексте теории экономических интересов и институциональной теории фирмы с учетом специфики трансформируемой экономической системы России нами разработана структурно-логическая модель гармонизации взаимодействия ТНК с другими субъектами и подсистемами национальной экономической системы в процессе ее трансформации. Приоритетность экономических интересов ТНК можно рассматривать как высшую стадию интеграции национальной экономической системы в глобальную (рис. 3).

В реальности чрезвычайно сложно выделить этапы интеграции и гармонизации интересов ТНК и национальной экономики в чистом виде, можно выявить только определенные тенденции, при этом существуют как прямые, так и обратные связи между ними.

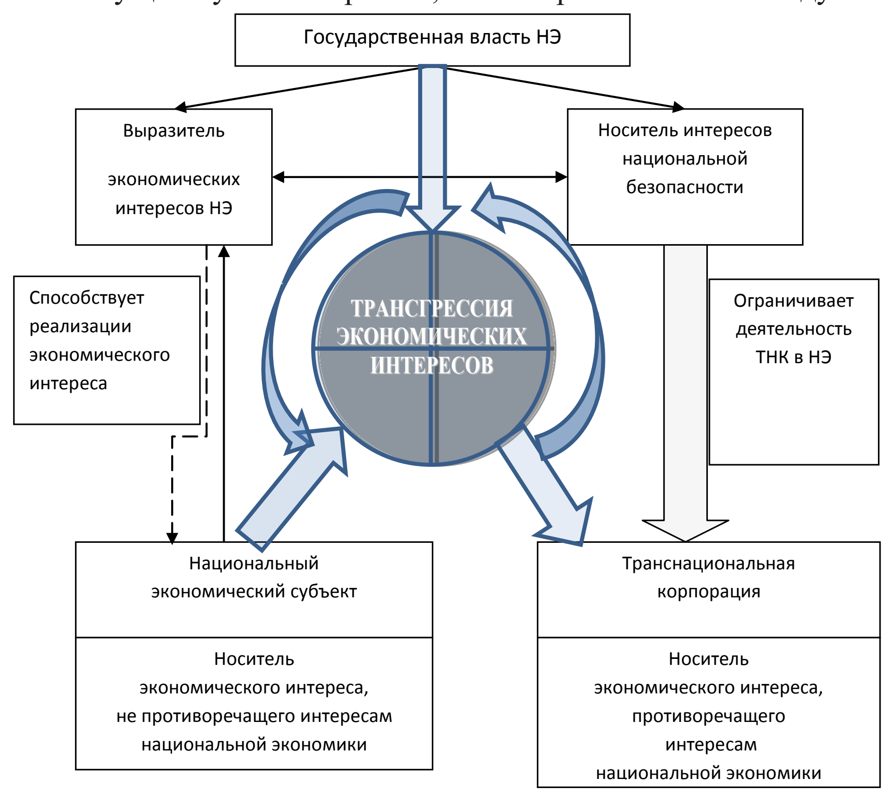

Рис. 3 Структурно-логическая схема согласования экономических интересов ТНК и национальной экономики страны-реципиента

Выделим ключевые факторы, влияющие на согласование (гармонизацию) интересов ТНК и национальной экономики страны-реципиента в рамках глобальной системы (рис. 4).

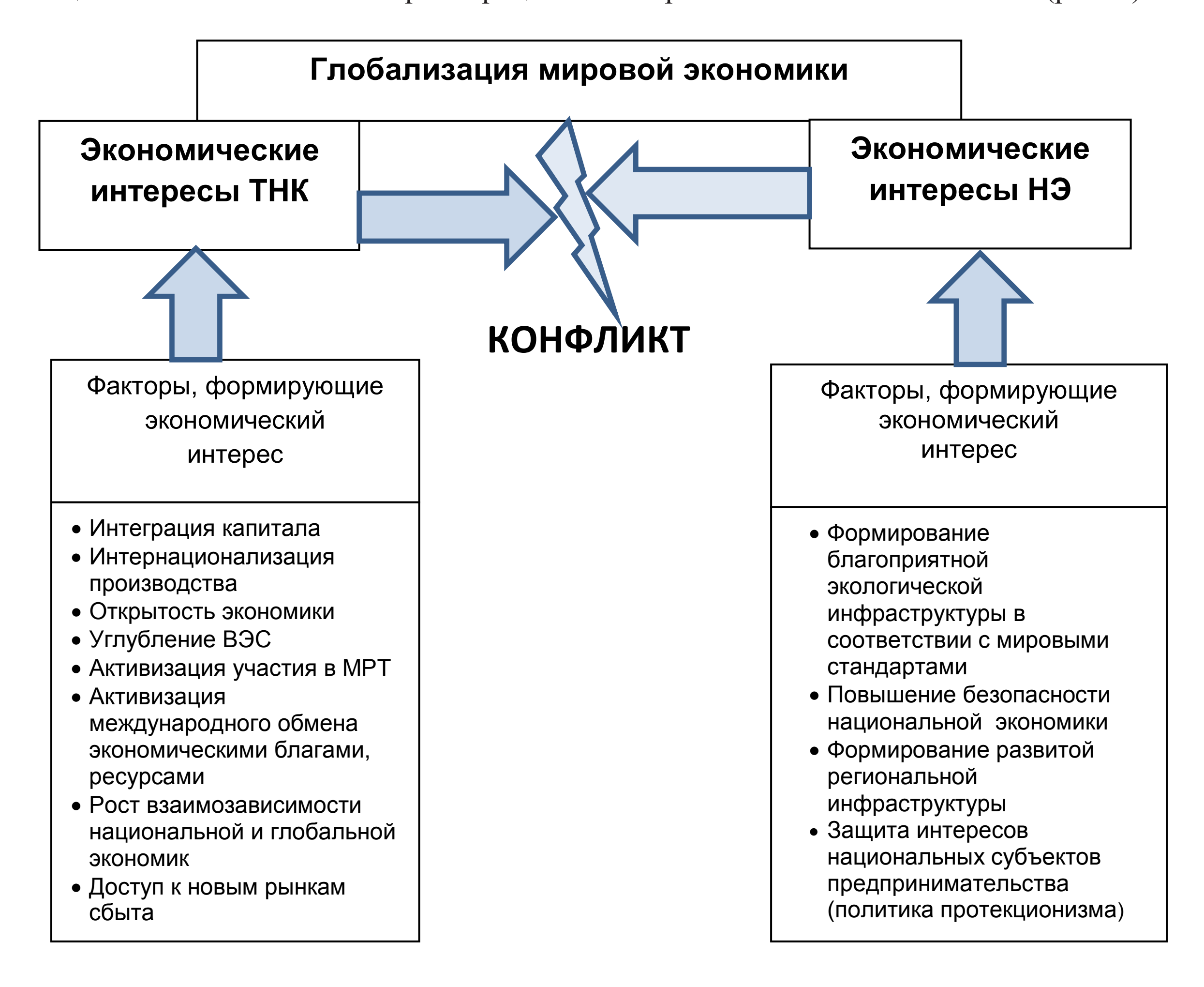

Рис. 4 Ключевые факторы, влияющие на согласование экономических интересов ТНК и национальной экономики страны-реципиента

Таким образом, на основе схематичного представления можно сделать вывод о том, что гармонизация экономических интересов ТНК и национальной экономики страны-реципиента должна способствовать, прежде всего, развитию ее экономической системы в условиях глобализации, что основывается, в первую очередь, на формировании положительной трансгрессии экономического интереса из глобальной экономики в национальную с участием ТНК. Это позволит национальной экономике использовать в своих интересах выгоды от глобализации, позиционировать национальные приоритеты в глобальной экономике, более четко определять национальные конкурентные преимущества, прогнозировать экономический рост и перспективы развития национальной экономики с учетом взаимодействия национальных субъектов с транснациональными корпорациями на основе трансгрессии экономических интересов, что, в свою очередь, позволит ТНК стать мировой мобилизационной моделью.

В. Л. Берсенёв

*СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕФОРМА В РОССИИ: В ПОИСКАХ РЕТРОАЛЬТЕРНАТИВЫ**

Основу методологии анализа мобилизационных моделей экономического развития составляет совокупность методов исследования, практикуемых как в исторической, так и в экономической науках. Вместе с тем наряду с традиционными методиками определённый интерес представляют и своего рода теоретико-методологические новации, в частности – возможности ретроальтернативистики или контрафактического моделирования. Существует предубеждение, что исторический процесс не знает сослагательного наклонения, и к изучению прошлого неприменима посылка «Что было бы, если бы…». Однако данное утверждение применимо лишь к событийному ряду, отражённому в летописях, хронографах и в широко распространившихся за последнее время синхронистических (хронологических) таблицах[1]. История как наука занимается не пересказом, а анализом и трактовкой выявленных источников, и в этом отношении получаемые в ходе исследования выводы могут быть самыми разнообразными, вплоть до разработки альтернативных вариантов изучаемых тенденций и явлений.

Ретроальтернативное прогнозирование или контрафактическое моделирование – составная часть клиометрики или «новой экономической истории». Несмотря на то, что данное направление в истории экономики зародилось в 1950-е гг. в США, для нашей страны оно по-прежнему остаётся именно новым, поскольку интерес к нему в среде отечественных экономистов и историков сформировался только в 1990-х гг. – во времена, не слишком располагающие к академическим теоретическим изысканиям, и до настоящего времени ретроальтернативистика в России представлена либо работами военных историков, либо далеко не научными произведениями в жанре «фэнтези».

В Институте экономики УрО РАН уже предпринимались попытки составления ретроальтернативного прогноза, при этом за основу брались динамические ряды, отражающие ход аграрных преобразований в рамках современной экономической реформы[2]. Вместе с тем реформа в целом также заслуживает внимания с точки зрения ретроальтернативистики. О том, что можно было принять иные решения, выбрать иную концептуальную основу преобразований, избежать многих неоправданных жертв и в большей степени обеспечить социальную защищённость населения как на старте реформы в январе 1992 г., так и в последующий период, говорилось и тогда, повторяется и сейчас.

В этом плане можно попытаться дать ответ на вопрос, каков же современный вектор развития отечественной экономики и страны в целом. За прошедшие годы неоднократно предпринимались попытки проанализировать происходящее и дать ему оценку, «встроить» реформу в контекст российской цивилизации. В ранних публикациях[3] ещё сохраняет свою актуальность проблема выбора концептуальных основ и конкретных механизмов реформирования народного хозяйства страны. Во второй половине 1990-х гг. приходит время осмысления сделанного, оценки правильности/ложности выбора и определения перспектив[4]. Эта тенденция сохраняет своё значение и в начале 2000-х гг., однако до настоящего времени переход к рынку рассматривается как самодостаточный феномен, не только не связанный с предшествующими преобразованиями, но и отрицающий советский период истории народного хозяйства России вообще.

Между тем наивно было бы полагать, что признание необходимости перехода к рыночным методам регулирования отечественной экономики было предопределено стараниями группы московских и ленинградских диссидентствующих интеллигентов[5]. Даже если не учитывать

* Статья подготовлена на средства гранта РГНФ № 11-12-66002а/У.

период нэпа, когда определённый возврат к рыночным отношениям в народном хозяйстве СССР осуществлялся осознанно и целенаправленно, можно утверждать, что периодические попытки дополнить план рынком предпринимались неоднократно в период 1950–1980-х гг.

Соответственно, если сопоставить содержательную сторону целевых установок и концепций преобразований, начиная от политики «военного коммунизма» и вплоть до современной экономической реформы, то все они были направлены на поиск оптимального соотношения централизованного руководства народным хозяйством с расширением самостоятельности регионов и непосредственных производителей. Соответственно, переход к рыночным методам регулирования российской экономики в начале 1990-х гг. представляет собой не более чем поиск методом проб и ошибок нового варианта сочетания интересов государства и регионов, с одной стороны, и получивших невиданную доселе самостоятельность хозяйствующих субъектов, с другой.

Весьма показательной при этом выглядит последняя попытка реформировать советскую экономику на социалистических началах, хотя и с привлечением квазирыночных инструментов стимулирования непосредственных производителей – так называемая «радикальная» экономическая реформа 1987 г. Степень радикализма решений июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС в свете последующих событий, конечно, может вызвать улыбку, однако в концептуальном плане основной замысел в очередной раз строился на стремлении достичь оптимального сочетания усиливающегося централизованного директивного руководства экономикой с дальнейшим расширением прав предприятий, включая использование элементов рыночных отношений. В целях обеспечения перехода предприятий на самоокупаемость и самофинансирование вводились две модели хозяйственного расчёта, различающиеся порядком формирования в соответствии с нормативами необходимых экономических фондов: развития, оплаты труда и т. д. Значительно возрастали права и возможности трудовых коллективов. Вместо директивных заданий до предприятий доводился государственный заказ, и продукция, произведённая сверх него, могла быть реализована предприятиями в порядке свободной продажи по договорным ценам.

Однако данная схема вновь не была подкреплена действительно радикальными и жизненно необходимыми преобразованиями в системе материального снабжения и реализации продукции. Отсутствие конкурентной среды сохраняло за государством роль главного и единственного заказчика. Уже в январе 1988 г. выяснилось, что госзаказ на абсолютном большинстве промышленных предприятий охватывал от 95 до 100 % производственных мощностей, практически не оставлял им возможностей для коммерческой деятельности. Государство также устанавливало цены на номенклатуру выпускаемой продукции. Из-за отсутствия механизма оптовой торговли предприятия не могли осуществлять оптимальный выбор поставщиков, а партнёры по кооперации в случае нарушения договорных обязательств не несли ощутимой материальной ответственности. Получалось, что сфера рыночных отношений оказывалась ограниченной договорами, заключаемыми предприятиями после выполнения госзаказа, в то время как сфера централизованного контроля расширилась благодаря введению в 1986 г. института «государственной приёмки», ранее применявшейся только на оборонных предприятиях. В этом плане мобилизационная модель хозяйствования не отвергалась, а лишь корректировалась применительно к требованиям времени.

Паллиативы и компромиссы хороши в дипломатии, но не в ситуации нарастания кризисных явлений. По независимым оценкам, несмотря на принимаемые меры (или полумеры), в 1989 г. прирост промышленного производства достиг нулевой отметки. Тогда же впервые были опубликованы данные по инфляции, составившей 7,5 % в годовом исчислении. При этом надо учитывать, что на тот момент инфляция выступала и в открытой, и в так называемой подавленной форме, проявляясь в исчезновении из продажи товаров по самому широкому ассортименту.

В этих условиях высшее руководство КПСС и СССР начинает поощрять деятельный научный и практический поиск оптимального решения нарастающих проблем. Активизации экономической дискуссии во многом способствовали расширение гласности и политическая реформа, возродившая в 1989 г. атрибуты представительной власти, включая оппозицию в лице Межрегиональной депутатской группы и «независимую» прессу.

Первым крупным шагом в данном направлении стала прошедшая в ноябре 1989 г. Всесоюзная научно-практическая конференция по проблемам радикальной экономической реформы[6]. На ней были рассмотрены три варианта дальнейшего углубления преобразований в народном хозяйстве: эволюционный, радикальный и радикально-умеренный.

Радикально-умеренный вариант углубления реформы, разработанный под руководством академика Л. И. Абалкина, весной 1990 г. был одобрен в качестве основы перехода от принципов директивного планирования к рыночным методам регулирования народнохозяйственных процессов. Начало разработки общесоюзной программы выхода из кризиса, содержащей в качестве одного из ключевых пунктов решение о реформе ценообразования, вызвало взрыв ажиотажного спроса у населения и резкий рост оппозиционных настроений.

Впоследствии Л. И. Абалкин отмечал: «Однако есть и другие, ещё более серьёзные причины, осложнившие проведение реформы и приведшие к серьёзной дестабилизации общества и экономики. Отсутствие общественного согласия, разгул политических амбиций, перерастающий по существу в преступную игру, когда ставкой становились судьбы народов, не могли не дать негативных результатов»[7].

Неизвестно, имел ли Л. И. Абалкин в виду, говоря о разгуле политических амбиций, ситуацию вокруг создания программы, известной как «500 дней», однако до сих пор остаётся загадкой, почему результаты работы большого авторского коллектива во главе с академиком С. С. Шаталиным[8] присвоил себе молодой кандидат экономических наук Г. А. Явлинский. Также осталось невыясненным, можно ли было реализовать эту «дорожную карту»[9] в условиях нарастающей не только экономической, но и политической нестабильности. По крайней мере, Верховный Совет СССР отказался рассматривать программу «500 дней» в качестве общесоюзной и предложил свой, более умеренный вариант, получивший название «Основные направления стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике»[10].

«Основные направления…» не содержали указания на точную дату начала реализации, и только по отдельным отсылкам на перспективу становилось очевидно, что первые значимые преобразования должны были осуществиться в 1991 г. Однако правительственный кризис в декабре 1990 г. превратил союзную программу в декларацию. В свою очередь, меры, предпринятые Кабинетом Министров СССР во главе с В. С. Павловым в первой половине 1991 г., вряд ли можно оценить как эффективные. В частности, проведённый в конце января обмен 50- и 100-рублёвых купюр образца 1961 г.[11] был направлен на борьбу со спекуляцией, нетрудовыми доходами, фальшивомонетничеством и контрабандой. Однако, как результат, из обращения удалось изъять, согласно официальным данным, лишь 14 млрд р. или около 5 % ожидаемой суммы. Иными словами, об успехе использования монетаристских методов для борьбы с экономическими преступлениями говорить не приходится.

Следующей антиинфляционной мерой правительства В. С. Павлова стало введение 5-процентного налога с продаж с 1 марта 1991 г. Однако изъятие этого налога было возложено непосредственно на торговые организации в момент приобретения товара покупателем. С учётом длинных очередей в магазинах, неизбежных в условиях дефицита, дополнительная задержка у кассы для подсчёта величины налога не могла не вызывать недовольства населения. Отсюда возможный экономический эффект от этого начинания компенсировался потерями политического характера. Другая прогнозируемая мера Кабинета Министров СССР – повышение регулируемых государством цен в 3–5 раз при компенсационном повышении заработной платы на 20–30 %, начиная со 2 апреля 1991 г., – также не способствовала уста-

новлению более-менее оптимального соотношения между товарной и денежной массой, но вызвала дополнительную критику власти утратившим чувство стабильности населением. Иными словами, возможности мобилизационной модели экономической политики постепенно были утрачены.

Эти обстоятельства следует учитывать при объяснении того факта, что стремление ГКЧП навести порядок в стране не получило необходимой поддержки в народе. Регулярный опрос «Левада-Центра» по тематике, связанной с путчем, показал, что в 1994 г. более половины опрошенных (53 %) полагали, что события 19–21 августа 1991 г. представляли собой «просто эпизод борьбы за власть в высшем руководстве страны». Как «трагическое событие, имевшее гибельные последствия для страны и народа», путч тогда оценивали 27 % респондентов. В 2011 г. доля тех, кто рассматривал попытку введения чрезвычайного положения как эпизод борьбы за власть, сократилась дл 35 %, а доля увидевших в этом трагическое событие, наоборот, возросла до 39 %. Примечательно, что удельный вес сторонников мнения, что это была «победа демократической революции, покончившей с властью КПСС», вырос незначительно – с 7 до 10 %[12].

В связи с этим возникает вопрос, почему осенью 1991 г. – зимой 1992 г. население индифферентно восприняло смену идеологической парадигмы и фактическое отрицание духовных ценностей, характерных для советского общества второй половины XX в. Прежде чем ответить на него, будет уместным вспомнить, как характеризовал самый низший – физиологический – уровень базовых потребностей А. Маслоу: «Если все потребности индивидуума не удовлетворены, если в организме доминируют физиологические позывы, то все остальные потребности могут даже не ощущаться человеком; в этом случае для характеристики такого человека достаточно будет сказать, что он голоден, ибо его сознание практически полностью захвачено голодом… Те способности организма, которые не приближают его к желанной цели, до поры дремлют или отмирают. Желание писать стихи, приобрести автомобиль, интерес к родной истории, страсть к жёлтым ботинкам – все эти интересы и желания либо блекнут, либо пропадают вовсе»[13].

Во второй половине 1991 г. дефицит продовольствия в РСФСР достигает таких масштабов, что любое обещание в краткосрочной перспективе решить эту проблему, пусть даже посредством непопулярных мер (либерализация цен), отодвигает на второй план любые рассуждения об идейной стороне (духовных началах) грядущих преобразований. Отсюда победа либералов-сахаровцев кажется вполне объяснимой, особенно если учесть, что продовольственный и вообще товарный кризис был «срежиссирован» искусственно. По крайней мере, Е. Т. Гайдар, ставя себе в заслугу тот факт, что он одним решением «накормил страну», так и не объяснил, почему 2 января 1992 г. прилавки магазинов разом наполнились разнообразными продуктами питания, до этого якобы вообще отсутствующими.

Следует также учитывать, что и официально обнародованная программа рыночных преобразований выглядела достаточно привлекательной. Правительство «младореформаторов» исходило из того, что жёсткая кредитно-финансовая политика и предельное ограничение платёжеспособного спроса населения путём либерализации цен обеспечат резкое замедление темпов роста инфляции и достижение бездефицитного бюджета. На потребительском рынке свободные цены при укрепившемся рубле должны были стать главным стимулятором роста производства и улучшения качества товаров, устранив очереди и дефицит. В этом случае даже можно было бы говорить о движении «от социализма к благополучию», хотя и с большими социальными издержками.

Особое место в программе занимали приватизация государственных предприятий и конверсия оборонной промышленности. Наряду с ослаблением нагрузки на бюджет они должны были поспособствовать привлечению новых инвестиций и структурной перестройке народного хозяйства с ориентацией на приоритетное развитие наукоёмких отраслей и опере-

жающий рост производства товаров повышенного спроса и потребления. Наконец, формирование рыночных механизмов регулирования народнохозяйственных процессов (система бирж, коммерческих банков и др.) обеспечивало бы гарантии необратимости осуществляемых преобразований, окончательно вытесняя оставшиеся элементы системы директивного планирования[14].

Специфика момента (ожидание быстрых перемен к лучшему на фоне первых эффектов от либерализации цен и т. п.) позволила «команде Гайдара» законодательно закрепить вариант ускоренной приватизации, далёкий от представлений о социальной справедливости, особенностях менталитета русского народа и просто о здравом смысле. К осени 1992 г. нормативно-правовая база приватизации включала в себя более 20 различных актов, принятых высшими органами власти и управления России, однако она существенно противоречила положениям закона РСФСР «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР», принятого ещё 3 июля 1991 г.[15] Достаточно сказать, что ведомство А. Б. Чубайса закрепило в качестве основы своей деятельности методику оценки приватизируемых предприятий по остаточной стоимости имущества без учёта инфляции, что позволило заинтересованным лицам скупать производственные фонды практически за бесценок. Механизм «чековой приватизации» также был ориентирован не на более или менее справедливое распределение государственной собственности среди широких слоёв населения, а на концентрацию приватизационных чеков в специализированных фондах.

Установка на ускоренную приватизацию преследовала ещё одну неафишируемую цель. В условиях достаточно благоприятной политической ситуации, когда население сохраняло веру в Б. Н. Ельцина, с именем которого связывались будущие успехи преобразований, «младореформаторам» надо было успеть пройти «точку невозврата», после чего возвращение государству уже приватизированного имущества стало бы довольно дорогостоящим процессом, что могло бы ограничить активность будущих консервативных правительств[16].

В этом наиболее наглядно проявилась особенность российских квазилибералов рубежа XX–XXI столетий – склонность к игнорированию собственных же идейных постулатов и установок. Имеется немало свидетельств того, что сами члены правительства «младореформаторов» приветствовали порождённую их же действиями инфляцию, рассматривая её как благо[17]. Можно также вспомнить о параде ксенофобских настроений столичной интеллигенции, поддержавшей далёкие от законных действия Президента РФ Б. Н. Ельцина в сентябре-октябре 1993 г. и публично требовавшей «раздавить гадину», то есть физически истреблять представителей оппозиции, обвиняя их в неуспехе реформы. Впрочем, уже через год диссидентствующая интеллигенция отреклась и от Б. Н. Ельцина, воспользовавшись таким поводом, как начало боевых действий в Чечне.

Ещё более показательны попытки квазилибералов обожествить фигуру А. Д. Сахарова – физика-ядерщика, решившего преуспеть и в области общественных наук. Само по себе такое стремление вполне допустимо и не может быть осуждаемо a priori, однако в данном случае важно оценить конкретные результаты такого рода стремления, достигнутые или желательные.

Одним из таких результатов стал подготовленный А. Д. Сахаровым проект «Конституции Союза Советских республик Европы и Азии»[18]. Даже беглое знакомство с этим документом позволяет заявить, что общепринятым представлениям о Конституции он не соответствует, пусть и с большой долей условности, однако харизматичность личности автора обеспечила отдельным положениям текста проекта возможность дальнейшего развития и реализации в ходе глобальных политических преобразований начала 1990-х гг.

А. Д. Сахаров видел будущий Союз как конгломерат суверенных республик, обладающих собственными вооружёнными силами (ст. 20 проекта), денежными системами (ст. 21 проекта), полной экономической самостоятельностью (ст. 22 проекта), вплоть до права собственности на природные ресурсы (ст. 38 проекта) и т. д. Соответственно, территориальная

целостность Союза обеспечивалась исключительно доброй волей руководства республик и набором благих пожеланий лично автора проекта. Источником же появления республик Европы и Азии должны были стать «Союзные и Автономные республики, Национальные автономные области и Национальные округа бывшего Союза Советских Социалистических Республик» (ст. 25 проекта). Тем самым даже автономные округа автоматически поднимались до уровня союзных республик нового образца. На это указывает и содержащееся в той же ст. 25 проекта положение: «Бывшая РСФСР образует республику Россия и ряд других республик».

Частично эта идея была воплощена сначала в Федеративном договоре, подписанном 31 марта 1992 г., а затем и в Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. Автономные области, за исключением только Еврейской АО, получили в ней статус национальных республик в составе России, и даже автономные округа превратились в субъекты Федерации. Тем самым был дан ещё один толчок росту сепаратистских настроений, причём не только в Чечне. В свою очередь, ст. 65 Конституции РФ, в которой перечислены все субъекты Федерации, в настоящее время используется также и псевдопатриотами для заявлений, что здесь якобы указаны все титульные нации России, кроме русского народа, и поэтому надо учредить в составе РФ некую Русскую республику (лучший способ ненавязчиво продолжить распад страны трудно даже и придумать).

Разумеется, тогда, в первой половине 1990-х гг., далеко не все интеллектуалы разделяли квазилиберальные восторги по поводу хода преобразований. Свою оценку начального периода реформы дали и представители академической экономической науки. В февральском номере журнала «Вопросы экономики» за 1994 г. был опубликован доклад Института экономики РАН «Социально-экономическая ситуация в России: итоги, проблемы, пути стабилизации». В нём прямо говорилось:

«Социально-экономическая ситуация, сложившаяся в России в результате двухлетнего осуществления политики “шоковой терапии”, характеризуется беспрецедентным спадом производства, массовым обнищанием населения, утратой социальных идеалов и разрушением нравственных устоев общества. Всё это вызывает серьёзную тревогу за судьбы страны, вновь и вновь возвращает к вопросу о ходе экономических реформ»[19].

Таким образом, напрашивается вывод, что малоутешительные итоги современной экономической реформы были обусловлены не только просчётами как в самой программе преобразований, но и далёкими от традиций нестяжательства установками инициаторов её реализации. Тем самым, приступая к построению контрафактической модели, при выборе января 1992 г. в качестве точки бифуркации можно сделать предположение, что на Пятом съезде народных депутатов РСФСР была утверждена программа реформирования российской экономики, в целом ориентированная на переход к рыночным отношениям, однако предполагавшая:

– сохранение контроля над ценами на широкий ряд товаров как производственного, так и потребительского назначения с их дозированной либерализацией в течение 2–3-х лет при условии введения инфляционного коэффициента на банковские вклады;

– проведение жёсткой кредитно-финансовой политики в течение всего этого периода вплоть до снижения темпов инфляции до уровня «платы за НТП», то есть в пределах 3 % в год;

– реализацию программы «большой» приватизации в базовых отраслях промышленности в более продолжительные сроки (15–20 лет) с правом возврата в государственную или муниципальную собственность неэффективно используемого имущества.

Данное предположение не выглядит фантастическим, а конкретные сроки реализации того или иного пункта могут быть скорректированы в зависимости от ограничений, задаваемых контрафактической моделью. Однако при этом надо учитывать ещё и такой немаловажный психологический момент, как ментальность русского народа. В его духовной традиции скорое обогащение – неправедное обогащение, что, конечно, не отменяет наличия

определённого процента желающих воспользоваться такого рода возможностью, о чём и свидетельствуют итоги приватизации «по Чубайсу».

В связи с этим вспоминается одна из целевых установок эпохи «перестройки» – увеличение национального дохода СССР в 2 раза к 2000 г.[20] Принципиальная установка на медленные, пошаговые темпы приватизации могла быть подчинена идее удвоения экономического потенциала России за счёт растущего частного сектора, но растущего не как следствие дележа государственного имущества, а на собственной основе. В этом могла бы заключаться этически оправданная альтернатива идее «приватизации любой ценой». Разумеется, такой процесс растянулся бы на десятилетия, а политика федерального правительства продолжала бы нести в себе черты мобилизационной модели, но в таком случае определить спустя двадцать лет после начала реформы, куда движется российская экономика и страна в целом, было бы гораздо проще.

Примечания

[1] См.: Большаков В. Л. Книга веков : (История мира в синхронистической таблице). Челябинск : Юж.-Урал. книж. изд-во : Юж.-Урал. изд.-торг. дом, 2001; Лурье Ф. М. Российская и мировая история в таблицах : синхронистические таблицы (XXX век до Р.Х. – XIX век), правители мира, генеалогические таблицы, словарь. СПб. : Каравелла, 1995; Хронология российской истории : энцикл. справ. / под рук. Ф. Конта ; пер. с фр. Я. Богданова. М. : Междунар. отношения, 1994 и др.

[2] См.: Берсенёв В. Л., Горст А. П. Опыт ретроальтернативного прогнозирования развития социально-экономических систем (на примере сельского хозяйства Свердловской области в 1990-е годы) // Экономика региона. 2007. № 2. С. 33–43.

[3] См.: Абалкин Л. И. На перепутье : (Размышления о судьбах России). М. : Ин-т экономики РАН, 1993; Илларионов А. 400 дней реальной экономической реформы // Вопр. экономики. 1993. № 4. С. 19–26 и др.

[4] См.: Экономические реформы в России : итоги первых лет (1991–1996). М. : Наука, 1997; Состояние и противоречия экономической реформы / М. Ц. Мктрчян, В. О. Овакимян, Р. А. Саркисян, А. Н. Спектор. М. : Экономика, 1998 и др.

[5] Воспоминания А. Б. Чубайса о том, как он с группой единомышленников устраивал «секретные семинары», в том числе на Змеиной горке, с целью освоения «передовых» западных экономических теорий, не могут вызвать ничего, кроме улыбки (см.: Приватизация по-российски / под ред. А. Б. Чубайса. М. : Вагриус, 1999. С. 5–8). Тем более, надо признать, что в разрушении эти подражатели большевикам-подпольщикам начала XX в., когда оказались у власти, преуспели больше, нежели в созидании.

[6] См.: Экономическая реформа : поиск решений : материалы Всесоюз. науч.-практ. конф. по проблемам радикальной экономической реформы (13–15 нояб. 1989 г.) / под общ. ред. Л. И. Абалкина и А. И. Милюкова. М. : Политиздат, 1990.

[7] Абалкин Л. И. Неиспользованный шанс : (Полтора года в правительстве). М. : Политиздат, 1991. С. 299.

[8] В числе специалистов, работавших над программой «500 дней», также можно выделить А. М. Гранберга, Т. И. Заславскую, Н. П. Шмелёва и др. См.: Переход к рынку : Концепция и Программа. М. : Архангельское, 1990. С. 235–236.

[9] Под «дорожной картой» принято понимать пошаговый сценарий развития определённого объекта, выстраиваемый по схеме «прошлое – настоящее – будущее». Программа «500 дней» представляла собой такого рода сценарий со специально выделяемыми временными интервалами и набором осуществляемых мероприятий в рамках каждого из них.

[10] См.: Основные направления стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике : Одобрены Верховным Советом СССР 19 октября 1990 года // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 44. Ст. 906.

[11] См.: О прекращении приема к платежу денежных знаков Госбанка СССР достоинством 50 и 100 рублей образца 1961 года и ограничении выдачи наличных денег с вкладов граждан : указ Президента СССР от 22 января 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 5. Ст. 117.

[12] См.: Зюганов Г. Двадцать лет после СССР : великую страну можно и нужно было сохранить. URL : http://www.uiec.ru/glavnye_temy_nedeli.

[13] Маслоу А. Мотивация личности. URL : http://www.booksgid.com/humanities/1716-maslou-motivacija-i-lichnost.html.

[14] См.: Стабилизация и выход из кризиса. Об экономической политике Правительства России в вопросах и ответах // Программа углубления экономических реформ в России. М. : Республика, 1992. С. 57–77.

[15] См.: О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР : Закон РСФСР от 3 июля 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 27. Ст. 1614.

[16] См.: Корпоративное управление в переходных экономиках : инсайдерский контроль и роль банков / под ред. Масахико Аоки и Хьюнг Ки Кима ; науч. ред. пер. и вступит. ст. В. С. Катькало и А. Н. Клепача ; пер. с англ. Д. Л. Волкова, В. С. Катькало, Т. Н. Клемкиной, А. Н. Клепача, П. А. Рессера. СПб. : Лениздат, 1997. С. 76.

[17] См.: Неэкономические грани экономики : непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов / рук. междисциплинар. проекта и науч. ред. О. Т. Богомолов ; зам. рук. междисциплинар. проекта Б. Н. Кузык. М. : Ин-т экон. стратегий, 2010. С. 437, 463 и др.

[18] См.: Конституция Союза Советских республик Европы и Азии (проект) // Сахаров А. Д. Тревога и надежда. 2-е изд. М. : Интер-Версо, 1991. С. 266–276.

[19] Социально-экономическая ситуация в России : итоги, проблемы, пути стабилизации : аналит. докл. // Вопр. экономики. 1994. № 2. С. 126.

[20] См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М. : Политиздат, 1989. С. 24.

А. Ю. Даванков

КРИЗИС КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ КАК ФОРМЫ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИКИ

Экономика является саморазвивающейся системой, в рамках которой она «использует» для своих целей как человека (через формирование его потребностей и их удовлетворение), так и окружающую среду. В целом, это был бы нормальный процесс, если бы он не приводил нас в итоге к полной деградации биосферы и, следовательно, возможной гибели самого человека. Возникает чрезвычайная ситуация, требующая мобилизационных усилий всего человечества.

Анализируя классическое определение мобилизационности, В. В. Седов отмечает, что мобилизационной является экономика, ресурсы которой сосредоточены и используются для противодействия тому, что угрожает существованию страны как целостной системе. Ведущую роль в такой экономике играет государство. Оно является единственным субъектом, способным в масштабах общества обеспечить мобилизацию необходимых ресурсов на решение им же поставленных задач. Причем решение должно быть безотлагательным, так что мобилизационная экономика действительно предстает как экономика чрезвычайных обстоятельств[1]. Следовательно, надвигающийся глобальный экологический кризис, грозящий

потери устойчивости биосферы Земли, потребовал разработки мобилизационной модели экономики планетарного масштаба, названной устойчивым развитием.

По инициативе Аурелио Печчеи, основателя Римского клуба – неправительственной международной организации, изучающей глобальные проблемы, в 1970 г. была разработана первая компьютерная модель системной динамики мира, с помощью пяти основных взаимозависимых переменных: численности населения, объема капиталовложений, использования невозобновляемых ресурсов, загрязнения среды и производства продовольствия. Ее основным автором стал профессор прикладной математики и кибернетики Массачусетского технологического института (MIT) Джей Форрестер[2].

По его рекомендации общее руководство дальнейшей работой над новой моделью было возложено на кибернетика Денниса Медоуза. В 1972 г. в Вашингтоне в Смитсоновском институте была разработана модель «Мир-3», получившая название «Пределы роста. Доклад Римскому клубу».

Общие результаты в целом подтвердили предварительные выводы Форрестера. «В нескольких словах это можно выразить так, – пишет Печчеи, – при сохранении нынешних тенденций к росту в условиях конечной по своим масштабам планеты уже следующие поколения человечества достигнут пределов демографической и экономической экспансии, что приведет систему в целом к неконтролируемому кризису и краху». И для того, чтобы избежать грядущей глобальной катастрофы, на смену традиционной парадигме технико-экономического роста должна прийти парадигма «устойчивого развития».

В книге «Пределы роста» Медоуз и его коллеги выражали надежду на то, что человечество примет упреждающие меры по ограничению и регулированию роста и переориентации его целей, которые позволят избежать чрезмерной нагрузки на окружающую среду и выхода за пределы самоподдержания биосферы Земли. Однако, по их мнению, «чем дальше, тем болезненнее будут эти изменения и тем меньше шансов будет оставаться на конечный успех».

Работа по созданию концепции устойчивого развития мировой экономической и экологической системы начата в 80-х гг. По заданию Генеральной Ассамблеи ООН в 1983 г. была создана Международная комиссия по окружающей среде и развитию (МКОСР). Одной из задач комиссии была разработка предложений по долгосрочной стратегии, реализация которой позволила бы обеспечить устойчивое развитие к 2000 г.

По словам председателя комиссии премьер-министра Норвегии Гро Харлем Брундтланд, с самого начала работы комиссии возникли попытки ограничить круг рассматриваемых вопросов только проблемами окружающей среды. Это была бы ошибка, так как окружающая среда не существует в изоляции от экономической деятельности человечества.

После Конференции ООН в Рио-де-Жанейро в 1992 г. в число наиболее часто употребляемых вошел термин ‘устойчивое развитие’. Популярными стали эколого-экономические исследования в виде разработки программ устойчивого развития. «Однако, – пишет В. И. Данилов-Данильян, – к сожалению, термин “устойчивое развитие” используют во многих случаях без необходимого осмысления; больше того, став в некотором роде обязательным для экологических текстов, он превращается в своего рода пароль, за которым не видят никакого смысла»[3].

Важным экономическим смыслом политики устойчивого развития, по нашему мнению, является интернализация внешних эффектов от нарушения природной среды и ее загрязнения на экономическую деятельность, связанную с этим явлением. Реализация такой политики позволяет создавать институты и экономические механизмы природопользования, позволяющие включить в рыночную систему хозяйствования ресурсы и услуги природы, не имеющие рыночной цены. Необходимость интернализации внешних эффектов – ликвидация «провалов» рынка, т. е. неспособность рыночных отношений регулировать в полной мере процессы природопользования. «Провалы» рынка ведут к неэффективному использо-

ванию и несправедливому распределению природного капитала. Следовательно, провалы рынка приводят к замедлению роста общественного благосостояния.

Рынок не создает действенного механизма производства и распределения общественных социальных и экологических благ, поэтому государство и другие общественные объединения возлагают на себя ответственность обеспечения населения этими общественными благами. Эта ответственность реализуется через создание специальных институтов общества, позволяющих устранить «провалы» рынка. Эффективная политика обеспечивает баланс интересов различных страт и групп общества, а с позиции теории устойчивого развития еще и баланс интересов поколений[4].

Прошло сорок лет со дня опубликования первой книги «Пределы роста», каковы результаты? Обратимся к современным публикациям.

Весной 2012 г. на вопрос корреспондентов журнала «Эксперт», будет ли написана четвертая версия книги «Пределы роста», Денис Медоуз ответил: «Четвертой уже не будет. В 1972 г., когда вышло первое издание “Пределы роста. Доклад Римскому клубу”, мировая система еще не приблизилась к пределу самоподдержания. И теоретически можно было замедлить рост и асимптотически приблизиться к этому пределу, выйти на плато. Но сейчас мировая система находится далеко за пределами роста. Поэтому первоначальная идея о том, чтобы замедлиться и выйти на плато, больше не имеет смысла – нам нужно возвращаться вниз, в пределы устойчивости.

Сейчас границы существующей социально-экономической системы стали гораздо более открытыми. И горизонт возможностей для того, чтобы разрабатывать все более совершенные, передовые технологии, очень быстро расширяется.

Однако при этом государства и регионы мира стали намного более уязвимыми к различным внешним потрясениям. И вот вам пример нынешней Японии, которая еще совсем недавно была ведущей страной с точки зрения экономической эффективности. В области промышленного производства, роботизации, энергоэффективности и так далее – все высочайшего уровня. Но вот случилась Фукусима, и неожиданно выяснилось, что сверхэффективная производственная система в экономическом отношении крайне уязвима по отношению к подобным внезапным потрясениям, и многие ее ключевые элементы вообще полностью прекращают работать в таких экстремальных условиях.

И здесь отчетливо проявляется внутреннее противоречие между стремлением к максимальной экономической эффективности и степенью выносливости в случае внешних потрясений.

Та же Россия сейчас прилагает массу усилий к тому, чтобы стать более экономически и технологически эффективной. Но при этом надо четко понимать: чем эффективнее вы будете двигаться в том или ином направлении, тем меньше будет потенциальная выживаемость такой системы.

По сути, главная проблема заключается в том, что высокая эффективность дает вам прибыль в краткосрочной перспективе. А устойчивость к внешним потрясениям – это затратная часть. Все стремятся к эффективности, чтобы заработать денег в краткосрочной перспективе. Но стабильность в более долгосрочной перспективе требует затрат. А большинство людей не хочет тратить деньги на те направления, которые не дают быстрого возврата инвестиций. То есть, если вы поставите людям задачу разработать более эффективные технологии, они автоматически будут менее устойчивыми к потрясениям. Вот поэтому я очень скептически отношусь к возможности того, что пресловутая устойчивая (самоподдерживающаяся) система будет когда-либо и кем-либо построена», – закончил Д. Медоуз[5].

В. А. Ячменев замечает, что в концепции устойчивого развития формально предлагается проявить альтруизм по отношению к будущим поколениям, но из нее не ясно даже, как реально достигнуть справедливости в удовлетворении потребностей различных групп населения в настоящем.

Основное внутреннее противоречие данной концепции состоит в том, что механизмом удовлетворения потребностей считается экономика расширенного воспроизводства, где основополагающим является стимулирование потребления материальных благ, в том числе за счет искусственного создания все новых потребностей при ограниченности природных ресурсов. Понимая методологическую тупиковость такого подхода, авторы концепции оправдываются вполне благородной целью – необходимостью борьбы с бедностью, поскольку последняя ведет к расточительному использованию весьма ограниченных первичных природных ресурсов. Однако, как показывает статистика последних двадцати лет, бедных не становится меньше, а глубина самой проблемы только увеличивается – богатые становятся богаче, бедные – беднее, а природных ресурсов (включая устойчивость как ресурс) все меньше и меньше.

В целом концепция устойчивого развития явилась результатом определенного компромисса между различными силами и не является научной, а представляет собой политическую декларацию (что важно, но недостаточно), которая характеризует существующую систему взглядов на управление окружающей средой с целью повышения качества жизни населения (включая будущие поколения). Однако, учитывая ее невыполнимость в части решения основной проблемы, концепцию можно также считать и управляющим мифом, позволяющим кардинально не менять существующие тенденции развития (или менять в каком-либо ином – направлении)»[6].

Одной из причин кризиса концепции устойчивого развития мы считаем появившуюся в 70-х гг. прошлого века экономическую модель потребительского общества. Это явление красиво описано в статье Т. Воеводиной «Пространство для экспансии».

«В развитых странах, достигших базового материального производства простых людей, в 60–70-х годах XX века возникли проблемы. Именно тогда в обиход западного общества вошли наркотики и антидепрессанты – с чего бы вдруг?... Сытость настигла простого человека, прямо сказать, в неподходящий момент. От традиционных религий он к этому времени практически совсем отошел, а новой религии не нашёл. В коммунизме, как замене религии, тоже к тому времени массово разочаровались.

Проницательные люди ещё в позапрошлом веке предрекали это обострение. Достоевский в «Подростке» пророчил: наестся человек и спросит: «А дальше что?»

Вопрос не повис в воздухе, вопрос был перехвачен глобальным бизнесом. Именно он создал и успешно внедрил в сознание растерянного человека религию радикального гедонизма. Её символ веры: «Бери от жизни всё». Непрерывно наслаждаться – не только право, но и обязанность современного человека, иначе он отстал от жизни навсегда. Разумеется, глобальный бизнес действовал строго в своих интересах, как он и всегда действует.

В этот самый период было окончательно исчерпано пространство для экспансии. А бизнес не может жить без расширения – это имманентное свойство капитализма. А куда расширяться? Нормальные, разумные потребности людей в основном удовлетворены. Рынки сбыта могли расти только с ростом населения, которое в этот период как назло почти перестало расти.

И капитализм нашёл пространство для экспансии. Он нашёл его в душах людей.

Именно в этот период поднял голову маркетинг – учение о том, как впарить покупателю-потребителю ненужное и излишнее. Почему маркетинга не было, положим, в XIX в.? Потому что тогда удовлетворялись истинные потребности, а теперь стали удовлетворяться ложные. Маркетологи полны профессиональной гордости: мы не удовлетворяем потребности – мы их создаем. Так оно и есть. Сотовые операторы создали потребность непрерывно болтать по телефону, фармацевтические корпорации – непрестанно глотать таблетки, производители одежды – менять её каждый сезон.

Известный философ А. Зиновьев верно сказал, что «идеал человека потребительского общества – это труба, в которую с одного конца закачиваются товары, а из другого они со

свистом вылетают на свалку. Вот в этом и состоит цель жизни человека согласно современной обиходной философии. А нужно это современному капитализму, производящему все эти горы барахла, которые надо куда-то девать»[7].

Приведенные нами высказывания наводят на грустную мысль и извечный вопрос: что делать? «Вещизму, потребительству надо противопоставить иные человеческие ценности, – пишет Н. Н. Моисеев, – приспосабливая их к оскудевающим ресурсам нашей планеты. Необходимо, чтобы каждый человек приобрел ряд свойств, в известном смысле противоречащих человеческой "природе". Только в этом случае удастся провести нашу цивилизацию сквозь "барьерный риф" бифуркации»[8].

В заключение следует сказать, что концептуальной основой решения проблем повышения устойчивости и мобилизационных усилий является последовательность решений: от локального к глобальному. Бесперспективно заниматься решением проблем повышения устойчивости на глобальном и государственном уровнях, не решив проблемы регионального и, прежде всего, локального уровней. Последовательность и количество решаемых проблем повышения устойчивости территорий разного уровня можно условно представить в виде пирамиды. В основании ее размещаются конкретные методы и подходы решения проблем повышения устойчивости территорий локального уровня, далее регионального и более высокого территориального уровней, по мере приближения к вершине происходит группировка, укрупнение и интеграция решения проблем.

Мы считаем, на данный момент и на ближайшую перспективу, главная задача повышения устойчивости – полный учет экологических факторов при принятии решений в сфере экономики.

Примечания

[1] Седов В. В. Мобилизационная экономика : от практики к теории // Мобилизационная модель экономики : исторический опыт России XX века. Челябинск : Энциклопедия, 2009. С. 7–9.

[2] Костина Г., Оганесян Т. Мало не покажется // Эксперт. 2012. № 16. С. 62–66.

[3] Данилов-Данильян В. И. Экологизация народного хозяйства – основа устойчивого развития // Экология. Экономика. Бизнес. М. : Ирис-Пресс, 1995. С. 5–15.

[4] Моисеев Н. Н. Экология глазами математика // Человек, природа и будущее цивилизации. М. : Молодая гвардия, 1988. 254 с.

[5] Костина Г., Оганесян Т. Мало не покажется // Эксперт. 2012. № 16. С. 62–66.

[6] Ячменев В. А. Экономический сдвиг и его возможное влияние на развитие цивилизации и биосферы // Устойчивое развитие Челябинской области : сб. ст. Магнитогорск : Магнитог. дом печати, 2011. С. 16–27.

[7] Воеводина Т. Пространство для экспансии // Лит. газета. 2012. № 15. С. 11.

[8] Моисеев Н. Н. Экология глазами математика.

О. В. Дьяченко

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕОРИИ ИННОВАЦИОННО-КРЕАТИВНОЙ ЭКОНОМИКИ КАК ПАРАДИГМЫ РАЗВИТИЯ

Современный период характеризуется глобальными вспышками кризисов, где финансовый – это только одно из проявлений человеческой неустойчивости. Всепреобразовывающий сегодняшний технологический способ производства, темпы его развития, вектор транс-

формаций формирует в глазах обывателя абсолютно разрозненную, несистемную характеристику мира. Такая среда характеризуется постоянно возрастающей неопределенностью, рисками. Кризис расположился гораздо глубже, неся в себе черты цивилизационного развития, масштабы и глубина которого растут, а знание о разворачивающихся процессах с такой же скоростью сокращаются.

Государства, элиты, эксперты и аналитики, ученые, реакционные группы со своими интеллектуальными инструментами беспомощны в решении поднимающихся проблем. Наука в качестве миссии не оправдывает возлагавшихся на нее надежд, а даже в большей степени встает против преклоняющихся перед ней.

Россия близоруко, на ощупь продвигается по дороге, пройденной «первыми», в надежде их «догнать и перегнать». Так, для «слабовидящих» «первыми» предложена была эффективная дорожная карта – «теория модернизации». Только что это такое и куда это ведет?

Имеется достаточно обширный объем работ по данной тематике как западных, так и уже отечественных ученых. Каждый пытается к уже распространившемуся американскому значению данной категории приписать нечто авторское, а затем популировать как свою новацию. Что в российских условиях, стоит отметить, проходит безуспешно.

Наиболее распространенными являются следующие значения:

1. Внутреннее развитие стран Западной Европы и Сев. Америки, относящиеся к европейскому новому времени.

2. Догоняющая модернизация – это процессы в странах не относящихся к 1 группе и не стремящиеся их догнать.

3. Процессы эволюционного развития наиболее модернизированных стран, происходящих за счет реформ и инноваций[1].

У. Мур характеризует ее как «тотальную трансформацию традиционного или досовременного общества к тому типу технологий и соответствующей ему социальной структуры, которые характерны для развитых, экономически процветающих и политически относительно стабильных стран западного мира». Дж. Нисбет утверждает, что классическую концепцию можно рассматривать как идею постепенного освобождения человечества от страха и невежества, движение ко все более высоким уровням цивилизации.

Не вдаваясь в глубокое исследование эволюции термина ‘модернизация’, подаваемое позитивное и перспективное его значение для автора видится глубоко спорным. Во всяком случае, западные мыслители под термин закладывают значение «догоняющего развития», так и отечественные элиты различных профессиональных сфер в своих производственных мероприятиях отражают именно это толкование.

«Россия догоняющая, заимствующая» – именно такой западный мир нас желает видеть и видит. Этот цивилизационный тупик развития более жесткий, беспрецендентный и беспощадный по сравнению с ненастьем, которое принес капиталистический мир в виде финансовых затруднений. Для нас это задача на выживание.

Д. Белл указывал на то, что наиболее развитые страны будут указывать путь развития менее развитым. Данный прогноз сегодня имеет место быть. Это естественный процесс: человек, не обладающий знанием, компетенциями, креативностью, в целях решения возникшей проблемы обращается к тому, кто знает, как ее преодолеть, т. е. к чужому опыту. Выходом из ловушки догоняющего развития для России видится развитие способности идти собственным путем. Однако, что такое «собственный путь»? По этому поводу возникает множество дискуссий. Одни вторят, что его вовсе нет, другие будущее России связывают с ее культурой и духовностью, резко отличающуюся от экономического и научного рационализма западных стран. Упор на культурное развитие не предполагает принижение роли научного знания и движение в сторону антисциентизма. О подобном успешном векторе развития свидетельствует опыт ряда азиатских и исламских государств. Япония достигла

огромных результатов в инновационно-технологическом развитии, во многом благодаря умелому использованию национальных психологических особенностей, не утратив при этом своей культурной самобытности. Азиатские ученые в основу технологических, социально-экономических успехов Китая ставят традиционную конфуцианскую культуру, видя в ней успешное сопряжение с принципами постиндустриализма, поскольку есть мнение, что именно культурный климат дает платформу для духовного, нематериального производства – как интеллектуального, креативного, так и творчества. Интересным и открытым остается вопрос о влиянии православия[2] на развитие в России. Данные варианты научных подходов есть скорей частное условие «собственного пути развития», которое не будет подразумевать заимствования чужих разработок, а предполагает их выращивание собственными силами. Важным критерием верно выверенного направления формирования конкурентной экономической системы должна стать новая парадигма развития, адекватная для российских условий.

Наиболее приемлемым направлением в развитых и развивающихся странах считают движение по постиндустриальному сценарию, в частности, при помощи тех теоретических построений, в которых центральная роль в жизнеспособности и эволюционировании отводится антропологическому фактору. Исследователи этого направления выдвигают на высшее место среди известных факторов производства знания, т. е. человеческие способности, индивидуальные характеристики отдельной личности в процессе общественного производства. Данное направление в превалирующей части больше характерно для отечественных ученых и исследователей, некогда живших вне капиталистической системы. В данном случае сюда относят концепции экономики знаний, ноосферизма, постэкономического общества, инновационно-креативной экономики. Сторонники технологического детерминизма, относящие себя к техноцентристской ветви постиндустриализма, видят главным фактором прогресса совершенствование и глобальное распространение информационных технологий, генерирующих информацию, однако роль человека в рамках этих исследований сводится до «винтика» или некоторой вспомогательной обслуживающей системы к высоким технологиям. Именно это направление, в частности теория информационной экономики, информационного общества, активно пропагандируется западными и американскими исследователями.

Оба течения объединяет точка соприкосновения – объект их изучения – производство нематериального блага. Однако описываемые отношения, возникающие в первом и втором случаях, кардинально отличны. В информационно-кибернетических теориях человек обезличен, как субъект не требует развития, более того, интеллектуальная, свободная личность является диссонирующим элементом в потребительском, по существу, таком обществе; при втором – в процессе производства, межличностного контакта, субъект-субъектного отношения человек развивается и совершенствуется. Безусловно, антропоцентристские методологические основания наиболее предпочтительнее первых, поскольку описывают явления более абстрактные, сложные и глубокие.

Оба направления имеют мощную методологическую описательную базу, но на роль парадигмы развития подходят далеко не все теории, относящиеся к постиндустриализму.

Так, многие теории в качестве критерия отнесения к постиндустриальной формации ту или иную экономическую систему используют показатель доли услуг в ВВП, обосновывая это тем, что промышленность сокращается, высокотехнологичные услуги набирают темп и вытесняют объем первых в ВВП, а рабочие перетекают в третичный сектор. Безусловно, статистика наиболее развитых стран это явление подтверждает, однако различные теории это трактуют по-разному. Однако промышленный сектор продолжает расти, но более низкими темпами, чем сфера услуг и сфера нематериального (интеллектуального и креативного) производства.

Высокотехнологичная экономика будет развиваться на материальном базисе, т. е. на постоянном совершенствовании промышленных технологий, постепенном выведении че-

ловека из производства, но окончательного выведения человека произойти не может. Все разговоры о деиндустриализации экономики на примере ряда развитых стран для России опасны. Необходима гипериндустриализация, выведение промышленности на инновационные рельсы, а параллельно с этим формирование и максимизация темпов роста секторов, не основанных на индустриальных технологиях, выстраивание для них соответствующих экономических отношений собственности и распределения.

В качестве претендента на роль парадигмы развития предлагаем рассматривать модель инновационно-креативной экономики. Инновационно-креативная экономика – организационно-экономическая система, в которой под воздействием возрастающего процесса инноватизации основной производительной силой становится человеческая креативность, отодвигающая на второй план его интеллектуальные способности, масштабы которой будут измеряться не столько информацией и накопленными знаниями, сколько в большей степени способностью генерировать и реализовывать на их основе ранее не существующие и невоплощенные идеи. Осью новых трендов она определяет способ создания нематериальных благ – креативность, т. е. дивергентные способности личности. Рождение этой концепции является новым методологическим инструментом, ответом науки на постоянно возрастающую скорость технологических, социально-экономических, культурных изменений, а сами способности рассматриваются в качестве фактора, условия происходящих трансформаций, как адаптационная реакция на агрессивную внешнюю среду. Таким образом, уникальные способности индивида-креатора становятся более востребованными по сравнению со способностями интеллектуальными, рациональными.

Даная дивергентная технология видит ресурсы в виде знания, информации, данных в качестве предмета труда, а саму креативность представляет в роли средства труда. Таким образом, креативная технология воздействуя на знания в процессе производства дает новый тип продукта – «идею». Однако с позиции индустриальной экономической формации об «идее» как продукте говорить неверно. Лишь материализованная стоимость приносит доход, а то, что не имеет материального воплощения, обладает высоким риском в материальное не воплотиться – не пользуется спросом.

В рамках постиндустриального общества «идея» приобретает форму полуфабриката, а в качестве конечной продукции выступает новация. Идея в обязательном порядке должна обладать определенными свойствами:

1) реализуемость;
2) новизна (актуальность, своевременность);
3) формализованность;
4) фундаментальность;
5) широта.

Возможно ли «идее» стать экономической категорией, объектом отношений и обладать товарной стоимостью?

П. Ромер: «Мы не привыкли относить идеи к экономической продукции, однако это самый ценный продукт нашего производства… В XXI в. будет лидировать та страна, которая придумает изобретение, позволяющее производить коммерческие идеи для частного сектора».

По причине трансформации тяжелого ручного труда в нематериальную, интеллектуальную, а затем креативную деятельность происходит метаморфоза модели человека, характерного для уходящего технологического этапа в новую форму.

На наш взгляд, именно креативная личность является наиболее приемлемой и максимально возможно достижимой моделью человека, необходимому обществу для его дальнейшего существования и соразвития с природой. Представим основные характеристики такого человека[3] (см. рисунок).

Характеристика креативного человека

Носителем новых качеств, собственником средств производства и нематериальных ресурсов – предметов труда становится креативный класс – дивергентариат, состоящий из людей, производящих ценности в процессе творческой деятельности.

За уходом модели «Homo economicus» следует утрата классического понимания рациональности. В условиях инновационно-креативной экономики субъект, обладающий креативным потенциалом, действует иррационально (нестандартно), во-первых, в силу своей психологической специфики, во-вторых, из-за высокого риска произвести благо со стандартными, схожими с другими благами характеристиками. Таким образом, важной особенностью креативной технологии является то, что ее продукт обладает свойством иррациональности, нелогичности или, что в современных условиях более правильно назвать новой рациональностью.

Эксперты утверждают, что на основе логичных размышлений – «копания вглубь» – новации не появится. Ж. Адамс писал: «чисто логических открытий не существует; открытия происходят на бессознательном уровне, как некая вспышка идей после предварительной сознательной работы». Ж. П. Пиаже заметил, что вся история науки, от абсолютов физики Аристотеля до теории относительности А. Эйнштейна, свидетельствует о том, что прогресс знаний никогда не происходит путем простого добавления, а требует постоянного переформулирования предыдущих точек зрения. По существу творчество – это преобразующая активность человека, поиск новой структуры уже известных элементов, их новых сочетаний и взаимодействия. Поэтому способность к преобразованиям является одной из основных динамических характеристик креативности.

С. Переслегин отмечает: «В наш век постмодерна стало модно вообще отрицать связь науки и технологий <…> Надо сказать наука сама дала повод к такому отношению <…> Наука давно перестала быть генератором новых смыслов <…> Но если современная наука не производит смыслы / инновации / технологии, откуда же они берутся? Функции креативного генератора взяла на себя лженаука[4], в лице "ТРИЗовцев", методологов, программистов, бизнесменов, взявших на себя ответственность не заниматься научными исследованиями, а посвящать себя открытиям»[5]. Креативность не вступает в жесткое противоречие с научным, интеллектуальным подходом, а представляется как наиболее прогрессивная производительная сила, более того, наиболее мощной технологией станет синтез креативности и научного метода.

Инновационно-креативная модель экономики, основанная на креативных производительных силах, подразумевает соответствующий тип деятельности, характер мотивации к новому типу активности и достижения цели, ценностей, отношения собственности к средствам и предметам труда.

Именно креативная деятельность станет тем основанием творческой деструкции капиталистического способа производства, минимизации его до размеров вторичного сектора, который в ВВП будет занимать все меньшую доля по отношению к нематериальному производству. Новый тип работника, движущей силой которого является стремление к потреблению уникальных знаний, опыта, реализации и развития своих способностей, не преследующий денежной мотивации, будет клеточкой нового «свободного от эксплуатации и несправедливости» общества. В современных условиях усложнение технологий на каждом витке своего эволюционирования будет требовать от общества более высокого уровня интеллектуального, в большей степени креативного потенциала и, следовательно, более высоких усилий на его воспроизводство.

Представленная теория достаточно нова, ее методологические элементы постоянно находятся в процессе непрерывного уточнения, дискуссии, поправки. Присутствуют опреде-

ленные неразрешенные вопросы, в частности, преодоления наследства капиталистической эпохи: бедности, безработицы, колебаний экономического цикла. Не разрешены вопросы идентификации классовой структуры, их воздействие на всю общественную систему, выделения отраслей хозяйствования с наиболее и наименее концентрированным креативным потенциалом, среды, адекватной для роста общественной креативности, тех факторов, оказывающих негативное и положительное влияние, но хочется отметить, что возможности данного направления еще не выработаны, отчего ряд отечественных ученых ведут поиски именно здесь.

Ориентир на выращивание креативного потенциала нации есть главное условие и базис становления собственного пути развития. Креативная нация, идентифицирующая себя как культурно-, интеллектуально-, нравственно высокую, не оборачивающаяся на лживые ценности капиталистического мира в образе общества потребления, не стремящаяся гнаться и усваивать тренды развитых соседей, а формирующая сама новые тенденции, способна влиться в процессы нового глобального разделения труда, занять конкурентные позиции в мировом пространстве и обеспечить будущим поколениям безопасное будущее. Это архисложно, есть вызов времени, не ответив на который российская экономика не будет иметь права называться инновационной, развитой.

Примечания

[1] Гавров С. Н. Модернизация России : постимперский транзит : монография / предисл. Л. С. Перепелкина. М. : МГУДТ, 2010. 269 с.

[2] Р. Барро и Р. Маклири – авторы работы «Религия и экономический рост» – при изучении показателей 59 стран доказали, что вера человека положительно влияет на экономический рост стран.

[3] Данные характеристики не претендуют на роль исчерпывающих.

[4] Отмечено, что публикации А. Энштейна по специальной теории относительности и работы Д. Менделеева по периодическому закону отвечают всем критериям лженауки.

[5] Переслегин С. Опасная бритва Окамма. М. : АСТ : Астрель, 2011.

Ю. А. Калашникова

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МОНООТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Челябинская область является крупнейшим промышленным центром России с исторически сложившейся индустриальной базой. История становления областной индустрии уходит корнями в XVIII в. Старейшими предприятиями области являются: Кусинский литейно-машиностроительный, Кыштымский машиностроительный, Усть-Катавский вагоностроительный заводы, Юрюзанский механический завод, завод «Нязестроймаш», Верхнеуфалейский завод металлургического машиностроения, Саткинский металлургический завод, которые насчитывают более чем двухсотлетнюю историю. В XIX в. были образованы Ашинский металлургический завод, Троицкий кожевенно-галантерейный комбинат, Челябинские комбинат хлебопродуктов и мукомольный завод «Победа», Тюбукский и Златоустовский спиртзаводы.

Каждое пятое промышленное предприятие области образовано до 1940 г., каждое седьмое – в 1940–1950 гг. Активно создавались предприятия в последние годы, каждое шестое предприятие образовано в период с 1996 по 2002 г. Ровесниками области можно считать флагмана черной металлургии – открытое акционерное общество «Магнитогорский металлургический комбинат» (ОАО «ММК»), а также Челябинский тракторный завод (ЧТЗ),

Уфалейский никелевый комбинат, Челябинские абразивный и цинковый заводы, Первый хлебокомбинат, Златоустовское рудоуправление. Эти предприятия были образованы в период с 1932 по 1935 г.

Уже в 1937 г. промышленность Челябинской области стала одной из индустриальных баз страны. Область давала 100 % никеля, производимого в стране, 50 % цинка, 27 % ферросплавов, 67 % тракторов, 21,5 % добываемой в стране руды, 12,2 % выплавляемого чугуна.

30 марта 1940 г. с главного конвейера ЧТЗ сошел стотысячный трактор. В 2002 г. по сравнению с 1940 г. черная металлургия увеличила выпуск продукции в 12,5 раза, а машиностроение – в 38,5 раза.

В 60-е гг. прошлого столетия ежегодный прирост промышленного производства составлял в среднем 7 %, в 70-е – 5 %, в 80-е – 2 %, в годы перестройки и реформ (с 1990 по 2000 г.) ежегодно объем промышленного производства области в среднем сокращался на 7 %. Падение уровня промышленного производства области, начавшееся в 1989 г., продолжалось десять лет. В 1998 г. объем промышленного производства сократился до уровня 87,6 %. Годы экономического застоя отбросили промышленность области на несколько десятилетий назад. Положительная динамика промышленного производства наметилась в 1999 г. За три года текущего столетия среднегодовой прирост объема промышленного производства составил 6,7 %.

Среднегодовые темпы роста промышленной продукции за все пятилетия, начиная с 1970 г. до 2000 г., в целом по России всегда были выше, чем в Челябинской области. Только в 2000 г. работа промышленности области по своим темпам (116,2 % к предыдущему году) опередила промышленность России на 4,2 процентных пункта[1].

Челябинская область очень специфична в направленности своего развития, и это – результат воздействия на её особенностей территории. Среди факторов, влияющих на социально-экономическое развитие Челябинской области, особую роль играют следующие:

– особенности экономико-географического положения;
– природно-ресурсный потенциал;
– влияние демографических факторов;
– наличие развития трудовых ресурсов;
– уровень развития хозяйственной деятельности;
– развитие научных исследований и инноваций;
– состояние инвестиционной деятельности;
– культурное наследие;
– уровень развития внешнеэкономической деятельности;
– многоотраслевое сельское хозяйство;
– развитая инфраструктурная сеть;
– значительное число учебных и научных учреждений.

Одним из определяющих условий развития промышленности является богатый природно-ресурсный потенциал области, позволивший создать на её территории предприятия важных отраслей промышленности.

Челябинская область обладает минерально-сырьевыми и нерудными полезными ископаемыми. Разведано около 300 месторождений минерального сырья, среди которых наибольшее значение имеют месторождения железных и медно-цинковых руд, золота, огнеупорного сырья, талька, графита.

Челябинская область является монополистом в России по добыче и переработке графита (95 %), магнезита (95 %), металлургического доломита (71 %), талька (70 %), а в Уральском регионе – каолина (93 %), формовочных песков (80 %), огнеупорных глин (64 %) и другого сырья.

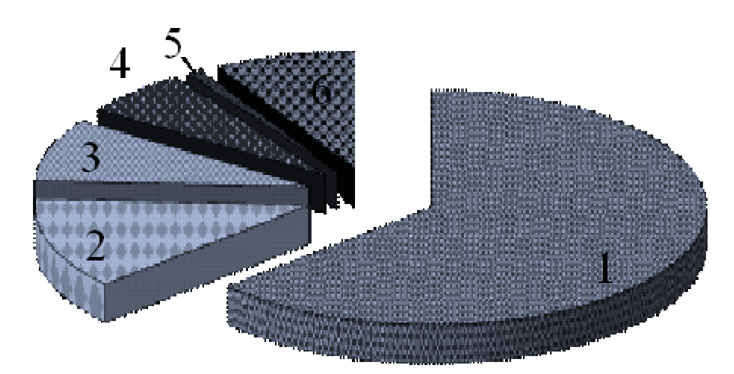
На основе выявленных в различное время месторождений полезных ископаемых в Челябинской области построены и действуют крупнейшие предприятия страны: Магнитогор-

ский и Челябинский металлургические комбинаты, Челябинский электролитно-цинковый завод, Кыштымский медеплавильный завод, ОАО «Комбинат «Магнезит», ОАО «Уфалейникель», Кичигинский ГОК и другие.

В годы Великой Отечественной войны Уральский экономический регион являлся мощным арсеналом фронта, опорным краем державы, и в этом значительную роль играла Челябинская область. В это время быстрыми темпами строились новые промышленные объекты, расширялась номенклатура выпускаемой продукции, потребление которой было продиктовано условиями военного времени.

Об этом свидетельствует и сложившаяся система подготовки кадров. Область располагает значительным числом высших и средних специальных учебных заведений. Для подготовки кадров различных специальностей имеется широкая сеть учреждений профессионально-технического образования. Особое значение имеет подготовка научных кадров для заводской науки. Специалисты заводских научно-исследовательских подразделений обеспечивали интеграцию большой науки с производством, создавали условия, способствующие скорейшему прохождению новых идей по всей инновационной цепи. Наиболее обеспеченными научными кадрами среди всех отраслей промышленности были машиностроение и металлургия. Затем следовали химическая и нефтехимическая промышленность, цветная металлургия.

Структуру хозяйственного комплекса Южного Урала в значительной степени определяет промышленное производство с ярко выраженной тяжелой направленностью, которую формируют организации металлургического производства, машиностроительные виды деятельности и энергетика (см. рисунок)[2]. Деятельность производств тяжелой индустрии оказывает влияние на итоги работы всего промышленного производства.

Структура промышленного комплекса Челябинской области (в процентах)

1 – металлургическое производство и производство готовых металлических изделий (63,3 %)

2 – машиностроительный комплекс (12,5 %)

3 – химическая и нефтехимическая промышленность (8,7 %)

4 – производство пищевых продуктов, включая напитки и табак (6,3 %)

5 – лёгкая промышленность (0,9 %)

6 – прочие обрабатывающие производства (8,3 %)

Промышленными предприятиями производится более 43 % валового регионального продукта. В промышленности Южного Урала работают более 35 % от общего числа занятых в экономике области[3].

В составе промышленного комплекса более 477 крупных и средних предприятий различных форм собственности.

В общероссийском промышленном производстве роль Челябинской области значительна, особенно это касается продукции металлургической промышленности. Предприятия

производят 30,8 % всероссийского объёма стали, 27 % проката, 15,4 % стальных труб[4].

Машиностроение в Челябинской области отличается широкой гаммой производимой продукции. В Российской Федерации Челябинская область занимает 1-е место по производству тракторов, 4-е место – по производству экскаваторов, 12-е место – по производству металлорежущих станков. Доля организаций машиностроения Челябинской области в общероссийском объеме отгруженной продукции машиностроительными производствами составила 3,0 %[5].

Большой удельный вес работников, занятых в машиностроении, при относительно меньшей доле машиностроительных видов деятельности в объёме отгруженных товаров обрабатывающих производств свидетельствует о трудоемкости производственного процесса.

На северо-западе области располагаются уникальные крупнейшие центры атомной промышленности (города Снежинск и Озерск), а на западе – центры ракетостроения и космической техники.

Сельскохозяйственное машиностроение и тракторостроение развито на предприятиях г. Челябинска (тракторный завод, производство автотракторных прицепов и др.).

Транспортное машиностроение представлено вагоностроением (г. Усть-Катав), производством большегрузных автомобилей (г. Миасс).

Предприятия приборостроения, станкостроения, электротехнической промышленности работают во многих промышленных центрах Челябинской области: Катав-Ивановске, Трехгорном, Челябинске, Златоусте, Миассе и других[6].

Для машиностроения Южного Урала так же, как и для всей промышленности, характерны чрезмерная концентрация в крупных городах; недостаточная специализация, универсализм многих предприятий, распыленность вспомогательных и ремонтных производств, замедленное внедрение достижений НТП, сохранение старой техники и технологии.

Металлургический комплекс – основа промышленного производства Челябинской области. Он предоставлен двумя видами деятельности – металлургическим производством и производством готовых металлических изделий[7].

В масштабах страны Челябинская область занимает 1-е место по выплавке стали и производству готового проката. В металлургическом комплексе сосредоточено около 50 % промышленно-производственных фондов. Металлургические предприятия обеспечивают свыше 30 % налоговых отчислений в консолидированный бюджет Челябинской области. Ряд металлургических предприятий на территории области, такие как ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат», ОАО «Златоустовский металлургический завод», ОАО «Ашинский металлургический завод», ЗАО «Карабашмедь», ОАО «Уральская кузница», являются градообразующими, от их успешной деятельности зависит объем поступлений в бюджеты территорий и области в целом, экономическое и социальное благополучие (уровень занятости, уровень доходов населения).

Комбинаты черной металлургии Урала возглавляют список крупнейших компаний по рыночной стоимости (капитализации). Среди них выделяются Магнитогорский металлургический комбинат (ММК), МЕЧЕЛ (Челябинск). Сформировалась металлургическая база, использующая привозное топливо (кузнецкий уголь и кокс) и частично железную руду. Предприятия закупают сырье и топливо в Казахстане, где разрабатывается Соколовско-Сарбайское месторождение железных руд.

Чтобы достойно представлять свою продукцию на мировом рынке, металлургические предприятия Южного Урала в последние годы стремятся к объединению, к консолидации активов в промышленности области для решения важнейших производственных задач. Объединение предприятий позволяет повысить эффективность управления, оптимизировать производственно-технологические процессы, аккумулировать инвестиционные ресурсы для реализации серьезных проектов, которые дают более быструю и максимальную отдачу.

Главная цель развития металлургии в Челябинской области состоит в скорейшей модернизации производства в пользу конкурентоспособной продукции более высоких переделов; повышении эффективности производства металлопродукции на базе расширения доли перспективных производств, обеспечении повышения качества продукции в соответствии с международными стандартами. Все это позволит предприятиям увереннее выступать на внешнем и внутреннем рынках.

Предприятия цветной металлургии представлены всеми стадиями производства меди и никеля и завершающей стадией – цинка. Они перерабатывают не только собственное сырье, но и привозные концентраты руд. Производство черновой меди осуществляется на Карабашском медеплавильном заводе. Выпуск рафинированной меди – на Кыштымском медеэлектролитном заводе. Цинковая промышленность размешается в г. Челябинске. Ведущие предприятия отрасли – Челябинский цинковый завод, комбинат «Магнезит», Учалинский ГОК.

Сегодня Правительство Челябинской области намерено максимально диверсифицировать экономику и придать ей инновационный характер.

Челябинская область одна из первых в России приняла областную целевую программу привлечения инвестиций, закон о частно-государственном партнерстве.

За последний период в результате активных переговоров с зарубежными инвесторами был заключён целый ряд соглашений об организации новых производств на Южном Урале.

Так, еще 10 лет назад Челябинская область по производству была в третьем десятке регионов России, а сейчас вышла на лидирующие позиции. Успешно развиваются пищевой и агропромышленный комплекс, активно разрабатываются и внедряются передовые сельскохозяйственные технологии. Одним из приоритетных направлений диверсификации экономики является развитие индустрии туризма[8].

Таким образом, сложившаяся в течение длительного времени хозяйственная деятельность Челябинской области, существующие возможности для ведения бизнеса и активная деятельность бизнес-сообщества создают условия для диверсификации экономики региона.

Примечания

[1] Челябинская область. 75 лет : прошлое и настоящее : стат. сб. / Правительство Челябинской обл. ; [ред. совет: Н. М. Рязанов и др.]. Челябинск, 2008. С. 162.

[2] О развитии машиностроительных видов деятельности Челябинской области : аналит. зап. / Челябинскстат. Челябинск, 2009. 33 с.

[3] Промышленное производство Челябинской области : аналит. зап. / Челябинскстат. Челябинск, 2008. С. 5.

[4] Итоги работы организаций добывающих, обрабатывающих производств и электроэнергетики в 2011 году : доклад / Челябинскстат. Челябинск, 2012. С. 11.

[5] О развитии машиностроительных видов деятельности Челябинской области. С. 14.

[6] Машиностроительные виды деятельности Челябинской области : стат. сб. / Челябинскстат. Челябинск, 2011. С. 11.

[7] Основные закономерности развития металлургического производства в области : аналит. зап. / Челябинскстат. Челябинск, 2006. С. 2.

[8] Павликова Е. Открытый. Растущий. Перспективный. // Челябинск : соц.-экон. журн. 2012. № 1–2.

И. С. Румянцев

ОСОБЕННОСТИ ЭФФЕКТИВНОСТИ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ

В своем развитии трансформируемая экономика России прошла ряд этапов, характеризующихся определенными особенностями национальной модели корпоративного управления. Становление и развитие корпоративного управления в российской экономике началось в ходе приватизационных процессов в начале 90-х гг. и продолжается в настоящее время. Можно выделить пять основных этапов.

Первый этап (1990–1995 гг.). С началом массовой «ваучерной» приватизацией появляются первые признаки корпоративного управления в России. Вступает в силу Указа Президента РФ от 1 июля 1992 г. № 721 «Об организационных мерах по преобразованию государственных предприятий, добровольных объединений государственных предприятий в акционерные общества». Появляются первые акционерные общества, регистрируется первая финансово-промышленная группа. Постепенно разрушается единый государственный рынок, который характеризуется плановыми объемами производства групп товаров и компании переходят к освоению новых рынков и поиску покупателей. Формируется директорский корпус, который состоит из работников предприятия. В компаниях преобладает инсайдерская модель корпоративного управления, вследствие того, что участие иностранных инвесторов крайне ограничено. Неразвитая законодательная база в сфере защиты прав акционеров. Для привлечения капитала появляется рынок корпоративных ценных бумаг. Возникает и развивается финансовый капитал в банках и страховых секторах экономики.

Данный этап развития корпоративного управления имеет ряд особенностей. Во-первых, сформировалась распыленная структура собственности. Во-вторых, вследствие неразвитого законодательства не соблюдаются права акционеров со стороны менеджеров. В-третьих, отсутствует высококвалифицированный управленческий персонал. В-четвертых, продолжаются процессы перераспределения собственности. В-пятых, слабый уровень развития финансовой системы страны. В-шестых, у компаний отсутствует накопленный капитал. В-седьмых, компании обладают несовершенной материально-технической базой.

Второй этап (1995–2000 гг.) развития корпоративного управления в России связан с «денежной» приватизацией. Принимаются первые нормативные акты, регулирующие деятельность акционерных обществ и рынка ценных бумаг. Основными среди них являются: Гражданский кодекс, Федеральный закон «Об акционерных обществах», Федеральный закон «О рынке ценных бумаг». Деятельность и соблюдение прав органов корпоративного управления закреплена на законодательном уровне. С развитием рыночной экономики появляются новые корпорации, в том числе и представительства иностранных компаний. Начинают свою работу первые инвестиционные фонды. Повышается роль фондового рынка, что приводит к увеличению объемов торговли ценными бумагами и расширению круга ликвидных акций. В 1998 г. в российской экономике случается дефолт, что приводит к острой нехватке финансовых ресурсов. Начинается отток капитала из страны посредством «серых» схем. Появляются признаки теневой экономики. Российский рынок капитала сталкивается с недостаточной развитостью рынка корпоративных ценных бумаг. Дефолт экономики и неэффективное корпоративное управление привело к ликвидации, слияниям и поглощениям компаний на рынке.

Особенности данного этапа заключаются в следующем. Во-первых, осуществляется постепенный переход от инсайдерской модели к аутсайдерской. Во-вторых, происходит трансформация собственности за счет формирования нескольких крупных собственников. В-третьих, в экономике складывается нехватка финансовых средств из-за оттока капитала

из страны. В-четвертых, в процессе кризиса падает фондовый рынок. В-пятых, продолжаются процессы перераспределения прав собственности и консолидации капитала. В-шестых, дефолт экономики приводит к многочисленным банкротствам.

Третий этап (2000–2005 гг.). Новый этап развития корпоративного управления в России связан с внедрением в российских корпорациях международных стандартов корпоративного управления. В 2002 г. принят Кодекс корпоративного поведения и кодекс независимого директора, создается Национальный Совет по корпоративному управлению. Была принята Белая книга по вопросам корпоративного управления России. Развивается законодательная база, появляются институты корпоративного управления. Внесены поправки в Федеральный закон «Об акционерных обществах». Вследствие кризиса российского фондового рынка компании начинают размещать свои акции на зарубежных площадках. Банковская система переживает кризис. Продолжают развиваться «серые схемы» по выводу части прибыли компаний за границу. В крупных компаниях, в частности с иностранными инвестициями, повышается эффективность корпоративного управления.

На данном этапе развития корпоративного управления в России можно выделить следующие особенности. Во-первых, увеличивается доля иностранных инвесторов. Во-вторых, продолжается трансформация собственности за счет усиления роли инсайдеров. В-третьих, образуются транснациональные корпорации. В-четвертых, в компании приходят иностранные высококвалифицированные менеджеры. В-пятых, российские компании начинают внедрять стандарты корпоративного управления. В-шестых, повышается качество корпоративного управления. В-седьмых, многие компании обновляют свою материально-техническую базу.

Четвертый этап (2005–2010 гг.) На данном этапе продолжается развитие российских корпораций до мирового финансового кризиса. Кризис мировой финансовой системы привел к снижению спроса на продукцию и удорожанию заемных средств. Вследствие этого многие российские корпорации столкнулись с финансовыми трудностями. Усилились операции по продаже долей российских компаний, в том числе и государству.

Особенности данного этапа развития корпоративного управления заключаются в следующем. Во-первых, начался новый этап перераспределения собственности, в том числе и в пользу государства. Во-вторых, из-за больших объемов задолженностей компании на грани банкротства. В-третьих, компании столкнулись с острой нехваткой финансовых ресурсов. В-четвертых, происходит обвал мирового фондового рынка, который привел к падению российских фондовых индексов. В-пятых, капитализация крупных российских корпораций снижается.

Пятый этап (2010 – настоящее время). Российские компании восстанавливаются после кризиса. Восстанавливается мировая финансовая система, растут фондовые индексы. Повышается возможность привлечения кредитных средств. На данном этапе развития корпоративного управления в российских компаниях, кроме соблюдения прав всех заинтересованных лиц, возникает необходимость повышения эффективности управления кадрами, финансовыми ресурсами и технологической базой.

Данный этап развития корпоративного управления имеет ряд особенностей. Во-первых, восстанавливается фондовый рынок. Во-вторых, усиливается роль профессиональных менеджеров. В-третьих, повышается капитализация российских компаний. В-четвертых, необходимо повышать эффективность корпоративного управления в российских корпорациях.

Этапы трансформации российской экономики представлены в таблице.

Особенности эффективности субмоделей корпоративного управления

Суб-модель	Период (годы)	Характеристики субмодели	Особенности
Первая	1990–1995	С началом массовой «ваучерной» приватизации появляются первые признаки корпоративного управления в России. Появляются первые акционерные общества, регистрируется первая финансово-промышленная группа. Формируется директорский корпус, который состоит из работников предприятия. В компаниях преобладает инсайдерская модель корпоративного управления, вследствие того, что участие иностранных инвесторов крайне ограничено. Неразвитая законодательная база в сфере защиты прав акционеров. Для привлечения капитала появляется рынок корпоративных ценных бумаг. Неэффективное корпоративное управление в России на данном этапе развития положило начало экономическому кризису	1. Распыленная структура собственности 2. Несоблюдение прав акционеров со стороны менеджеров 3. Отсутствие высококвалифицированного управленческого персонала 4. Процессы перераспределения собственности 5. Слабое развитие финансовой системы 6. Отсутствие накопленного капитала у компаний 7. Несовершенная материально-техническая база
Вторая	1995–2000	Второй этап развития корпоративного управления в России связан с «денежной» приватизацией. Принимаются первые нормативные акты, регулирующие деятельность акционерных обществ и рынка ценных бумаг. Деятельность и соблюдение прав органов корпоративного управления закреплена на законодательном уровне. С развитием рыночной экономики появляются новые корпорации, в том числе и представительства иностранных компаний. Повышается роль фондового рынка, что приводит к увеличению объемов торговли ценными бумагами и расширению круга ликвидных акций. Дефолт экономики и неэффективное корпоративное управление привело к ликвидации, слияниям и поглощениям компаний на рынке	1. Постепенный переход от инсайдерской модели к аутсайдерской 2. Происходит трансформация собственности за счет формирования нескольких крупных собственников 3. Нехватка финансовых средств обусловлена оттоком капитала из России 4. Падение фондового рынка 5. Дальнейшее перераспределение прав собственности и консолидации капитала 6. Банкротства крупных компаний

Суб-модель	Период (годы)	Характеристики субмодели	Особенности
Третья	2000–2005	Новый этап развития корпоративного управления в России связан с внедрением в российских корпорациях международных стандартов корпоративного управления. Развивается законодательная база, появляются институты корпоративного управления. Вследствие кризиса российского фондового рынка компании начинают размещать свои акции на зарубежных площадках. Банковская система переживает кризис. Продолжают развиваться «серые схемы» по выводу части прибыли компаний за границу. В крупных компаниях, в частности с иностранными инвестициями, повышается эффективность корпоративного управления	1. Увеличение доли иностранных инвесторов 2. Продолжается трансформация собственности за счет усиления роли инсайдеров 3. Образуются транснациональные корпорации 4. Повышается качество корпоративного управления 5. Обновляется материально-техническая база 6. В компании приходят иностранные высококвалифицированные менеджеры 7. Компании внедряют стандарты корпоративного управления
Четвертая	2005–2010	На данном этапе продолжается развитие российских корпораций до мирового финансового кризиса. Кризис мировой финансовой системы привел к снижению спроса на продукцию и удорожанию заемных средств. Вследствие этого многие российские корпорации столкнулись с финансовыми трудностями. Усилились операции по продаже долей российских компаний, в том числе и государству	1. Перераспределение собственности в пользу государства 2. Многочисленные технические банкротства 3. Нехватка финансовых ресурсов 4. Падение фондового рынка 5. Снижение капитализации российских корпораций 6. Отсутствие накопленного капитала у компаний
Пятая	2010 – настоящее время	Российские компании восстанавливаются после кризиса. Восстанавливается мировая финансовая система, растут фондовые индексы. Повышается возможность привлечения кредитных средств. На данном этапе развития корпоративного управления в российских компаниях, кроме соблюдения прав всех заинтересованных лиц, возникает необходимость повышения эффективности управления кадрами, финансовыми ресурсами и технологической базой	1. Восстановление фондового рынка 2. Усиливается роль профессиональных менеджеров 3. Повышается капитализация российских компаний 4. Необходимость повышения эффективности корпоративного управления
Источник: составлено автором			

Этапы трансформации российской экономики, представленные в таблице, позволили выделить субмодели корпоративного управления, отраженные на рисунке.

Субмодель 1

1. Распыленная структура собственности
2. Несоблюдение прав акционеров со стороны менеджеров
3. Отсутствие квалифицированного управленческого персонала
4. Процессы перераспределения собственности
5. Слабое развитие финансовой системы
6. Отсутствие накопленного капитала у компаний
7. Несовершенная материально-техническая база

Субмодель 2

1. Постепенный переход от инсайдерской модели к аутсайдерской
2. Происходит трансформация собственности за счет формирования нескольких крупных собственников
3. Нехватка финансовых средств обусловлена оттоком капитала из России
4. Падение фондового рынка
5. Дальнейшее перераспределение прав собственности и консолидации капитала
6. Банкротства крупных компаний

Субмодель 3

1. Увеличение доли иностранных инвесторов
2. Продолжается трансформация собственности за счет усиления роли инсайдеров
3. Образуются транснациональные корпорации
4. Повышается качество корпоративного управления.
5. Обновляется материально-техническая база.
6. В компании приходят иностранные высококвалифицированные менеджеры
7. Компании внедряют стандарты корпоративного управления

Субмодель 4

1. Перераспределение собственности в пользу государства
2. Многочисленные технические банкротства
3. Нехватка финансовых ресурсов
4. Падение фондового рынка
5. Снижение капитализации российских корпораций
6. Отсутствие накопленного капитала у компаний

Субмодель 5

1. Восстановление фондового рынка
2. Усиливается роль профессиональных менеджеров
3. Повышается капитализация российских компаний
4. Необходимость повышения эффективности корпоративного управления

Субмодели формирования корпоративного управления в России

Таким образом, национальная модель корпоративного управления в России в своем развитии прошла ряд этапов, но окончательно не сформировались.

Д. А. Сорокин

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА В РОССИИ

Поворот российской экономики на инновационную траекторию развития требует немедленной трансформации всех подсистем социально-экономических отношений, модернизации институциональной структуры рыночного саморегулирования и государственного стимулирования инновационной активности. Базовой экономической подсистемой, расширяющей своё влияние на все сектора и виды экономической деятельности, становится экономика, основанная на знаниях. Знания, способности, интеллект персонала определяют содержание и виды человеческого капитала, который становится решающим фактором устойчивого экономического роста и одновременно основой образования и распределения доходов.

Современная стратегия развития отечественной науки привязана к прикладным задачам стратегического развития России, что определяет переход от стратегии выживания к стратегии самостоятельного инновационного развития в рамках шестого технологического уклада. Этот выбор инновационного развития имеет три стратегических приоритета:

1) инновационное развитие для человека, общества, государства и экономики;

2) модернизация производства, прежде всего, промышленности, преимущественно на основе отечественных технологий;

3) повышение качества жизни, поскольку оно является главным показателем реализации первого и второго. Необходимым условием для реализации этих приоритетов является цивилизованный рынок интеллектуальной собственности.

Хотя доля финансирования на науку в России за последние 10 лет увеличилась в 10 раз (с 46 до 486 млрд р.) и по числу ученых мы по-прежнему лидируем в мире (ежегодно 30 тыс. ученых получают дипломы докторов и кандидатов наук), однако при этом имеем только 0,3 % продажи доли наукоемкой продукции в мировой торговле.

Причины этого кроются как в поголовной правовой и экономической безграмотности, так и в высоком уровне коррупциогенности данной сферы, причем как внутри страны при распределении бюджетных средств, так и во внешних сделках при «освоении» государственных инвестиций в модернизацию отечественного производства. Это – угрожающие факторы и стратегические риски в рассматриваемых сферах для инновационного будущего России.

Первая из обозначенных проблем – правовая и экономическая безграмотность. В России по-прежнему пытаются торговать тем, что продавать нельзя. По нормам международного права и по нормам российского законодательства в том числе изобретения, произведения, ноу-хау и другие результаты интеллектуального творчества не являются объектами продаж и гражданско-правовых отношений. Но по-прежнему продаются товары, в которых эти результаты воплощены, и права на эти результаты интеллектуальной деятельности. В этом состоит первая правовая системная ошибка наших чиновников от СНГ до национального или регионального уровня, что, на сегодняшний день, мы строим рынок, не понимая, что на этом рынке можно продавать.

Серьезно страдает организация научных исследований. Более половины всех аспирантов задействованы в исследованиях социально-гуманитарных наук, в которых работают всего 6 % докторов и кандидатов наук, в частности в экономических науках. В этой сфере мы лидируем по числу исследователей и ученых, а отдачи практически нет. При этом вопросы интеллектуальной собственности, например, в Институте экономики УрО РАН, исследуются поверхностно. Так, модель рынка интеллектуальной собственности пытались строить по аналогии с продажей недвижимости, при том, что здесь абсолютно разная природа, в т. ч. механизмы создания добавочной стоимости.

Вторая проблема – это коррупция. За последние 10 лет сфера НИОКР и связанных с ней областей стала наиболее коррупциогенной, наряду с такими отраслями экономики, как строительство и дороги. Причины этого можно объяснить следующими факторами.

Во-первых, в отличие от западных стран в структуре расходов на НИОКР госзаказ по-прежнему составляет более 2/3, из которых (по данным парламентских слушаний) более 40 % – откат, остальные средства распределяются нередко среди аффилированных околонаучных организаций, отчеты которых по результатам таких работ малоинтересны науке и бизнесу.

По результатам НИОКР мы получаем научные отчеты с низким уровнем экономической и научной значимости и с высоким коррупциогенным потенциалом, минимизирующим достижения реального сектора российской экономики и науки. Это предопределяет наиболее высокий уровень коррупции в этой сфере (по сути, безнаказанно можно осваивать бюджетные миллиарды) и малый интерес бизнеса к софинансированию таких работ и использованию полученных результатов. Более триллиона рублей «освоено» в создании инновационной инфраструктуры, около половины этой суммы выделено на соответствующее инвестирование инноваций через, так называемые, институты развития. Но при росте бюджетных инвестиций ожидаемого конечного результата по-прежнему нет. Разрыв между наукой и производством, где, безусловно, нужен мост в виде рынка интеллектуальной собственности, центров интеллектуальной собственности и соответствующего трансфера технологий, до сих пор не ликвидирован.

Во-вторых, разделение бюджетного финансирования гражданского сектора науки через ряд министерств и ведомств, не отвечающих за промышленность, привело к тому, что при росте бюджетного финансирования на НИОКР полученные результаты малоинтересны реальному сектору экономики, который модернизирует свое производство на 80 % за счет своих собственных средств, в том числе, привлеченных из банков, прежде всего западных. В Израиле, например, около 50 % всех расходов на гражданскую науку распределяет Министерство промышленности и труда, вторая доля приходится на Научный фонд (Национальная академия наук) и только в последнюю очередь этим занимается Министерство науки. Финансировать и выделять деньги на то, что нужно реальному сектору экономики, должны те, кто отвечает за этот сектор. В Российской Федерации это Министерство промышленности и торговли, но никак не Минобрнауки.

В целом в России вопросами интеллектуальной собственности занимается более 20 министерств и ведомств. Единой службы по интеллектуальной собственности как не было, так и нет, несмотря на Указ Президента России от 24.05.2011 г. об объединении Роспатента и ФАПРИД под эгидой Правительства РФ. Идет борьба ведомств за этот «кусок пирога», который, к сожалению, не достается никому. Потому, что зачаточные усилия в сфере формирования рыночных отношений по интеллектуальной собственности не сопоставимы с теми объемами финансовых вложений, которые мы инвестируем в это направление, и корыстными интересами чиновников в «освоении» этих средств.

В-третьих, по-прежнему сохраняется разрыв между использованием возможностей достижений науки в сфере технологий военного, специального и двойного назначения и потребностями гражданского сектора российской экономики. Несмотря на решение Правительства РФ (2005) о законодательном урегулировании этого вопроса здесь до сих пор действует усмотрение чиновника, что является одним из наиболее коррупциогенных факторов. В результате абсолютное число полученных результатов в сфере технологий военного, специального и двойного назначения, не применяется в гражданском секторе российской экономики, хотя именно там достигается около 90 % экономического эффекта от их реализации.

В-четвертых, Минобрнауки и Минэкономразвития России, распределяя значительную часть бюджетных средств на эти цели, насаждают практику оценки результативности таких работ по числу публикаций, цитат и семинаров вместо числа лицензионных и иных продаж интеллектуальной собственности, ее доли в структуре цены инновационной продукции и объеме таких продаж. В качестве прикрытия и обоснования такой политики произошла подмена стратегии инновационного развития инновационной экономики на так называемую «экономику знаний». Это по большому счету, водораздел, через который нам нужно пройти. В отличие от экономики знаний инновационная экономика ориентируется на другие целевые критерии и показатели.

Министр образования и науки России своими приказами последние пять лет утверждает показатели, по которым закрываются госконтракты по освоению бюджетных средств в вузах, научных центрах и других организациях России и за ее пределами. В данном случае критерием подобного освоения денежных средств выступают публикации, цитирование, диссертации, конференции и т. д.

К сожалению, в 2011 г. Министерство экономического развития России подхватило эту эстафету, и теперь, согласно проекту Стратегии инновационного развития России до 2020 г., основными показателями результативности российской науки будет выступать число научных статей, число исследователей на одну статью, уровень цитирования в научных журналах и стоимость одной публикации.

В-пятых, при невостребованности российских научных разработок в интересах модернизации отечественного производства уровень импортных поставок технологий и оборудования вырос до критического уровня во всех базовых отраслях промышленности.

Так, например, из 100 млрд р., выделенных за последние годы в качестве инвестиций в модернизацию промышленности Свердловской области (в основе металлургия и тяжелое машиностроение), 90 % ушло за рубеж на приобретение импортных технологий и оборудования. В то же время на территории этой области живет и работает свыше 30 тыс. ученых и исследователей.

Аналогичная ситуация в г. Санкт-Петербурге, где живет и работает около 200 тысяч научных сотрудников, в т. ч. 55 тысяч докторов и кандидатов наук: больше чем во всей Германии. В то же время значительная часть из 90 млрд р., направленных в 2010 г. на модернизацию местных промышленных предприятий (около 700), также ушло за рубеж.

При этом нередко в борьбе за получение такого заказа на поставки иностранные кампании идут на коммерческий подкуп и иные виды коррупционных правонарушений.

В настоящее время аналогичные процессы могут начаться в сфере военно-промышленного комплекса, где уже началась борьба иностранных производителей за освоение 20 трлн бюджетных рублей, выделенных на перевооружение российской армии и флота. Сегодня при наличии российского ВПК, в создание которого, включая науку, почти столетие направлялись лучшие силы и средства в ущерб полноценному развитию народа и страны, мы закупаем французские корабли для флота, израильские самолеты для авиации и немецкие танки для российской армии. Тем самым, закладываются механизмы государственного софинансирования иностранной науки и производства, не только в гражданской, но и в военной сферах, в ущерб развитию собственной отечественной науки и промышленности.

Так Россия теряет свои конкурентные преимущества в силу безграмотности и коррупционности своих чиновников и активного нежелания зарубежных партнеров пускать нас на мировой рынок интеллектуальной собственности в качестве продавцов.

Третью проблему развития интеллектуального капитала можно определить как подмену инновационного развития инновационной имитацией.

Если мы рассматриваем рынок интеллектуальной собственности конкурентным преимуществом стран СНГ, в т. ч. России, в мировом разделении труда, то за последнее десятилетие нас этих конкурентных преимуществ системно лишали. Постановление Правительства РФ (2001 г.), определяющее перечень угроз инновационного развития, практически полностью сохранило свою актуальность, и эти угрозы повторены в Стратегии национальной безопасности РФ (2009 г.). Решение Правительства РФ (2005 г.) о построении инновационной системы в России к 2010 г. не выполнено ни по одному основному пункту, в т. ч. в том, что связано с законодательным и организационным обеспечением этой работы. При этом мы растеряли половину макротехнологий, доставшихся нам в наследство от Советского Союза и определяющих мировой прогресс, и продолжаем их терять. Мы давно перешли критический уровень по импортозависимости во всех базовых, в т. ч. традиционно сильных отраслях отечественной промышленности.

2. Обеспечение рационального научно-технологического суверенитета Российской Федерации в условиях глобализации. Проблемные вопросы приобретения (в том числе за рубежом) и использования новых научных знаний и технических (технологических) решений для модернизации российской экономики, обеспечения обороны и безопасности. Приоритеты научно-технологического развития.

В условиях глобализации на мировом рынке, наряду с товарами, работами и услугами, «четвертую корзину» составляют права – интеллектуальная собственность. Ее продажа в мировой торговле в рамках Всемирной торговой организации составляет до 10 % валового внутреннего продукта стран, входящих в ВТО. В странах СНГ, в т. ч. в России, эта доля ничтожно мала.

Структура рынка, структура экономических отношений, которая сложилась на сегодняшний день в условиях перехода к новому шестому технологическому укладу, рынок которого

сформируется к 2015 г., изменяется в пользу роста доли рынка интеллектуальной собственности. Интеллектуальная собственность при этом, прежде всего в научно-технической сфере, играет важнейшую роль как механизм создания добавочной стоимости, как средство капитализации активов предприятий и организаций и как инвестиционный ресурс. Сегодня в структуре цены инновационной продукции в лучших мировых компаниях, которые занимают лидирующие строчки в инновационном рейтинге, доля интеллектуальной собственности составляет до 10–15 % от цены реализуемой продукции.

В целом же в России в отношении абсолютного большинства результатов интеллектуальной деятельности пока такие права сегодня не закрепляются ни открытым способом – через патентование, ни закрытым – через ноу-хау в режиме коммерческой тайны. По данным Роспатента, из 100 % охраноспособных результатов интеллектуальной деятельности, полученных при бюджетном финансировании, патентуются только до 7 % таких результатов, а в коммерческом обороте находятся 1–2 % из них. В этой части на Западе в инновационно развитых странах патентуется до 20 % результатов научно-технической деятельности и столько же продается, до 70 % лицензионных продаж составляют так называемые безпатентные продажи, в основе которых – права на ноу-хау, охраняемые в режиме коммерческой тайны. У России есть резерв, который можно увеличивать до западных показателей. Но при этом у нас, в отличие от зарубежных стран, решение о патентовании принимается без учета критерия коммерческой реализации, главное – отчитаться перед заказчиком или использовать этот патент при защите диссертации.

3. Предложения по совершенствованию государственной научно-технической, образовательной, технологической и промышленной инновационной политики. Неотложные меры по укреплению роли государства и совершенствованию государственно-частного партнерства в сфере науки и технологий, повышению результативности бюджетных расходов в этой сфере. Механизмы реализации в России стратегических наукоемких инициатив.

1. *Целевая программа.* Необходима разработка и реализация федеральной целевой программы, отраслевых и региональных целевых программ по созданию национального, отраслевых и региональных рынков интеллектуальной собственности как условие инновационного развития экономики страны, отрасли и региона, предусматривающей введение единого правового режима по формированию интеллектуальной собственности как объекта рынка с последующей стандартизацией этих правил, механизмов инновационной мотивации от автора до инвестора через коммерциализацию интеллектуальной собственности, специализированных подразделений в инновационной инфраструктуре и специально подготовленных ответственных должностных лиц в инновационных ведомствах.

2. *Законы.* По-прежнему сохраняет актуальность разработка и принятие пакета законодательных актов, обеспечивающих эффективное и качественное правовое регулирование в интересах инновационного развития через рынок интеллектуальной собственности в целях создания условий для формирования нематериальных активов и их последующей коммерциализации через введение эффективного правового режима для объектов рынка (прежде всего в отношении прав на секреты производства (ноу-хау), научно-техническую документацию, единую технологию)) и правового статуса для его основных субъектов, в т. ч. инновационной по следующим основным направлениям мотивации и роста активности у частных инвесторов.

3. *Стандарты.* В условиях активного развития процессов глобализации и возрастающей конкуренции возрастает необходимость в применении единых международно признанных подходов и стандартов к созданию, учету и использованию результатов интеллектуальной деятельности, правовой охране, коммерциализации и защите прав на них. Нужны разработка, принятие и повсеместное применение стандартов формирования, управления и защиты интеллектуальной собственности на корпоративном, региональном и отраслевом уровнях.

4. *Управление.* Сколь либо эффективное государственное управление при наличии более 20 федеральных государственных структур с компетенцией в сфере интеллектуальной собственности пока практически отсутствует. При наличии четырех комиссий как центров координации в выработке и реализации инновационной политики на высшем уровне, двух министерств как центров координации в составлении и мониторинга долгосрочных прогнозов: прогноза научно-технологического развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу (Минобрнауки России) и прогноза социально-экономического развития (Минэкономразвития России); более 5 департаментов в Аппарате Правительства, отвечающих за организационное обеспечение этого процесса, трудно рассчитывать на эффективное участие государства в управлении в этой сфере. Таким образом, давно назрела необходимость реализации национального проекта в сфере государственного управления интеллектуальной собственностью в России.

5. *Кадры.* Ярким примером актуальности этой проблемы служит американская корпорация IBM. Три тысячи ученых этой корпорации создают результаты, которые обрабатывают 330 специалистов в области интеллектуальной собственности (250 юристов и 80 экономистов и менеджеров), закрепляя, распределяя, оценивая права с целью увеличения объемов продаж. Ежегодные продажи интеллектуальной собственности в этой корпорации составляют до двух миллиардов долларов США.

Потребность российского рынка в таких профессионалах – посредниках минимум 50 тыс. специалистов. Ежегодный выпуск Российской государственной академии интеллектуальной собственности – 150 человек.

Необходимы: мониторинг патентных и преподавательских кадров в сфере интеллектуальной собственности; принятие и внедрение единых образовательных стандартов по новой специальности «Интеллектуальная собственность» и по специализациям для юристов – «Право интеллектуальной собственности» и «Информационное право», для экономистов – «Экономика интеллектуальной собственности», для менеджеров – «Управление интеллектуальной собственностью»; а также предусмотреть введение во всех вузах и для всех специальностей преподавание дисциплин «Основы права интеллектуальной собственности» и «Основы информационного права»; формирование государственного и корпоративных заказов на подготовку (переподготовку) инновационных кадров, в т. ч. по вопросам интеллектуальной собственности с учетом имеющегося опыта подготовки таких специалистов в вузах России.

Чтобы реализовать конкурентные преимущества России в связи с ее высоким научным и образовательным потенциалом, для инновационного развития в рамках шестого технологического уклада и нового рынка международного разделения труда нужен цивилизованный рынок интеллектуальной собственности.

С. Н. Ушаева

ЭФФЕКТИВНОСТЬ СТРУКТУРЫ КАПИТАЛА ФИРМЫ

Жесткая конкурентная среда, в которой функционируют современные фирмы, требует высоких экономических результатов. Эффективность работы любой фирмы, особенно в долгосрочной перспективе, предполагающей не просто выживание, а обеспечение высоких темпов развития и повышение конкурентоспособности, во многом зависит от особенностей формирования капитала компании и эффективности, а значит оптимальности, его структуры. Под эффективной структурой капитала будем понимать такое соотношение использования собственных и заемных средств, при котором обеспечивается наиболее эффективная

пропорциональность между коэффициентом рентабельности и коэффициентом финансовой устойчивости организации, т. е. максимизируется ее рыночная стоимость.

Главной особенностью такой воспроизводственной стратегии становится необходимость концентрации значительного объема финансовых ресурсов, обеспечение которых невозможно исключительно за счет самофинансирования и требует привлечения капитала из других источников.

Обращение к рынку капитала и привлечение долевого и долгового капитала ставит задачу выбора эффективной (оптимальной) структуры капитала, которая способна учитывать объемы и издержки привлечения капитала, а также уникальные особенности конкретного проекта.

В этом выборе компания всегда сталкивается с рядом трудностей, обусловленных не только платностью, срочностью и возвратностью привлекаемых ресурсов, но и их ограниченностью по объемам и длительности использования (связанных, например, со стадией жизненного цикла или уровнем риска конкретной компании). Таким образом, современные исследования, базирующиеся на теории организации, поведенческой теории фирмы и теории структуры капитала, приводят к выводу о том, что от эффективности структуры капитала напрямую зависит успешность компании, а значит рост благосостояния собственника (из экономической теории известно, что структура капитала эффективна, если увеличивает стоимость компании).

Таким образом, проблема эффективности структуры капитала фирмы укладывается в теорию максимизации богатства акционеров и решение ее необходимо искать в этой плоскости.

Первый шаг – необходимо определить критерий эффективности структуры капитала. При этом ни прибыль, ни рентабельность, ни объем производства не могут рассматриваться в качестве такого критерия. Такой критерий должен базироваться на прогнозировании доходов владельцев фирмы, быть приемлемым для всех этапов принятия решений (поиск источников средств, инвестирования, распределения доходов). Теория рассматривает в качестве возможного критерия несколько вариантов:

1) приемлемый уровень доходности и риска деятельности фирмы;
2) минимизация средневзвешенной стоимости капитала;
3) максимизация рыночной стоимости компании.

Выбор критерия компании осуществляют самостоятельно. Поэтому не существует единой оптимальной структуры, как для разных компаний, так и для одной компании на разных стадиях ее развития.

В качестве критерия предлагаем интегральный показатель.

$$K_{\text{опт}} = D_{ROA} + D_{WACC} + D_{\text{DPS}}, \quad (1)$$

где $K_{\text{опт}}$ – критерий оптимальности; D_{ROA} – рейтинговое значение показателя рентабельности активов; D_{WACC} – рейтинговое значение показателя средневзвешенная стоимость капитала; D_{DPS} – рейтинговое значение дивиденд на акцию (см. таблицу).

Границы эффективной структуры капитала, максимально рентабельной и минимальной по стоимости привлечения, приносящей максимальный доход на акцию, позволяют определить поле выбора конкретных значений.

Рейтинговые значения показателей, формирующих критерий оптимальности

Показатель, обозначение, ед. изм.					
рентабельность активов, % ROA		Средневзвешенная стоимость капитала, % WACC		Дивиденд на акцию, руб. DPS	
Интервал значений	Рейтинг,D	Интервал значений	Рейтинг,D	Интервал значений	Рейтинг,D
менее 0	0	менее 5	10	менее 0	0
0–3	1	5–8	9	0–5	1
3–6	2	8–11	8	5–10	2
6–9	3	11–14	7	10–15	3
9–12	4	14–17	6	15–20	4
12–15	5	17–20	5	20–25	5
15–18	6	20–23	4	25–30	6
18–21	7	23–26	3	30–35	7
21–24	8	26–29	2	35–40	8
24–27	9	30–33	1	40–45	9
27 и более	10	более 33	0	более 45	10

Шаг второй – структура капитала как инструмент повышения стоимостью компании.

Стратегическая важность решений по структуре капитала связана с тем, что высокие затраты на капитал, возникающие как при недоиспользовании, так и при чрезмерном вливании кредитных ресурсов, создают препятствия для развития компании. Во-первых, ей предстоит двигаться по ее кривой жизненного цикла с более высокими требованиями к доходности вложенного капитала, быть гораздо более жесткой и избирательной в отборе инвестиций, поскольку не всякие привлекательные бизнес-идеи будут удовлетворять слишком высоким требованиям к доходности капитала. Во-вторых, поскольку у компании возникнут дополнительные ограничения на инвестиционные возможности, она не сможет быть достаточно гибкой и маневренной в конкуренции. Высокие затраты на капитал будут превращаться в тормоз для быстрого и, главное, эффективного реагирования на изменяющиеся тенденции развития рынков сбыта. В-третьих, если пропорция заемного и собственного капиталов не является оптимальной, усугубляется конфликт интересов профессионального менеджмента и собственников, или агентский конфликт. Он может проявляться в трансформации мотивации менеджмента, формировании эгоистичного стиля принятия инвестиционных решений, ведущего к реализации неэффективных проектов, а также особо рисковых проектов. Наконец, слишком высокая доля заемного капитала не может оставаться незамеченной приверженными ей контрагентами по бизнесу – клиентами и поставщиками, входящими в категорию так называемых заинтересованных лиц компании (stakeholders). Рациональное поведение таких контрагентов будет вести их к поиску других вариантов, а это, в свою очередь, послужит толчком к ухудшению взаимоотношений, условий договоров, сворачиванию объемов, падению выручки, сокращению потоков денежных средств. Средневзвешенные затраты на капитал – один из ключевых факторов стоимости бизнеса, выполняющий роль барьерной планки доходности капитала. Соответственно, достижение минимального уровня такой барьерной ставки расширяет возможности компании по осуществлению эффективных инвестиций, делает ее инвестиционную политику более гибкой, снижает оттоки денежных средств и ведет к увеличению выгод для собственников.

Создавая и развивая бизнес, инвестор и менеджеры должны иметь ясную оценку имеющихся вариантов использования капитала. Нарастание скоростей в бизнесе выражается в том, что спектр возможных альтернатив для инвестора расширяется, при этом скорость

изменений заложенных в них параметров нарастает. Такие динамические сдвиги требуют постоянного анализа и приспособления к ним бизнес-моделей. В этих условиях невозможно вести бизнес без инвестиционного риска, который означает, что бизнес сопровождается изменчивостью результатов деятельности, нарастанием их колебаний и ростом неопределенности. Нельзя не отметить, что при таких изменениях деловой среды важнейшим требованием, предъявляемым к бизнес-модели, становится предпринимательская мобильность. В плане стратегических шагов ее можно рассматривать как необходимость адаптации бизнеса к скоростям, умение перевести капитал из одного бизнеса в другой, расширить или, напротив, свернуть какие-то части бизнеса и, наконец, возможность изъять из него капитал. Если говорить о финансовой составляющей, предпринимательская мобильность должна соответствовать задаче создания и поддержания ликвидности фирмы. В результате успешной бизнес-модели в компании должны возникать положительные, растущие потоки денежных средств от операционной деятельности. Стремясь к предпринимательской мобильности, инвестор должен знать, сколько стоит его бизнес и выгодно ли продолжать вести его.

Таким образом, фирмы должны активно выстраивать эффективную структуру капитала, которая соответствует задачам того этапа жизненного цикла, на котором находится компания и отвечает интересам собственников. Это позволит им в полной мере реализовать заложенный потенциал увеличения рыночной стоимости бизнеса.

Список литературы

1. Богатырева, О. В. Реализация стратегического подхода к финансовому оздоровлению кризисных предприятий в современной экономике России / О. В. Богатырева // Экон. анализ : теория и практика. 2008. № 19. С. 6–63.

2. Ивашковская, И. От финансового рычага к оптимизации структуры капитала компании / И. Ивашковская // Управление компанией. 2004. № 11. С. 18.

3. Капелюшников, Р. И. Концентрация собственности и корпоративное управление / Р. И. Капелюшников. М. : ГУ ВШЭ, 2005.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Анохин Леонид Михайлович – к. э. н., доц. (ЧелГУ, г. Челябинск).

Анохина Зинаида Николаевна – к. и. н., доц. (ЧелГУ, г. Челябинск).

Анохина Нина Валентиновна – к. э. н., доц. (УрСЭИ, г. Челябинск).

Баканов Сергей Алексеевич – к. и. н., доц., и. о. декана исторического факультета (ЧелГУ, г. Челябинск).

Бархатов Виктор Иванович – д. э. н., проф., зав. каф. экономики отраслей и рынков (ЧелГУ, г. Челябинск).

Безнин Михаил Алексеевич – д. и. н., проф., проректор по научной работе (ВГПУ, г. Вологда).

Берсенёв Владимир Леонидович – д. и. н., проф., вед. науч. сотрудник (ИЭ УрО РАН, г. Екатеринбург).

Бокарев Юрий Павлович – д. и. н., зав. сектором экономической истории (ИЭ РАН, г. Москва).

Бородкин Леонид Иосифович – д. и. н., проф. (МГУ, г. Москва).

Братченко Татьяна Михайловна – к. и. н., доц. (МГОУ, г. Москва).

Булатов Владимир Викторович – к. э. н., доц. (ВолГУ, г. Волгоград).

Введенский Владимир Викторович – исследователь-стажер (ИИ СО РАН, г. Новосибирск).

Вербицкая Ольга Михайловна – д. и. н., вед. науч. сотрудник (ИРИ РАН, г. Москва).

Гаврилова Надежда Юрьевна – д. и. н., доц., зав. каф. истории и культурологии (ТюмГНГУ, г. Тюмень).

Глумная Марина Николаевна – к. и. н., доц. (Вологодский филиал РАНХиГС, г. Вологда).

Гончаров Георгий Александрович – д. и. н., доц., зав. каф. новейшей истории России (ЧелГУ, г. Челябинск).

Гончарова Елена Александровна – ст. преп. (ЧелГУ, г. Челябинск).

Гришина Наталья Владимировна – к. и. н., доц. (ЧелГУ, г. Челябинск).

Даванков Алексей Юрьевич – д. э. н., проф. (ЧелГУ, г. Челябинск).

Дегтярев Павел Яковлевич – к. г. н., доц. (ЧелГУ, г. Челябинск).

Димони Татьяна Михайловна – д. и. н., доц., проф. (ВГПУ, г. Вологда).

Дорожкин Андрей Геннадьевич – д. и. н., проф. (МаГУ, г. Магнитогорск).

Дьяченко Олег Вячеславович – преп. (ЧелГУ, г. Челябинск).

Евдошенко Юрий Викторович – к. и. н., редактор журнала «Нефтяное хозяйство».

Жарков Олег Юрьевич – руководитель группы фондов научно-технической документации (ФГУП «ПО «Маяк», г. Озерск).

Иванова Галина Михайловна – д. и. н., вед. науч. сотрудник (ИРИ РАН, г. Москва).

Ивлев Никита Николаевич – преп. (ЧХУ, г. Челябинск).

Исаев Виктор Иванович – д. и. н., проф., гл. науч. сотрудник (ИИ СО РАН, г. Новосибирск).

Каиль Максим Владимирович – к. и. н., доц., помощник ректора (СмолГУ, г. Смоленск).

Калашникова Юлия Александровна – аспирант (ЧелГУ, г. Челябинск).

Карпов Виктор Петрович – д. и. н., проф. (ТюмГНГУ, г. Тюмень).

Кириллов Виктор Михайлович – д. и. н., проф. (НТГСПА, г. Нижний Тагил).

Кодин Евгений Владимирович – д. и. н., проф., ректор СмолГУ (г. Смоленск).

Козлов Константин Сергеевич – аспирант (ЧелГУ, г. Челябинск).

Колева Галина Юрьевна – д. и. н., проф. (ТюмГНГУ, г. Тюмень).

Комгорт Марина Валерьевна – к. и. н., доц. (ТюмГНГУ, г. Тюмень).

Кондратьев Николай Иванович – к. э. н., доц. (ЧелГУ, г. Челябинск).

Косенкова Юлия Леонидовна – д. арх., проф., зам. директора (НИИТАГ, г. Москва).

Кравцова Елена Сергеевна – д. и. н., доц. (КГМУ, г. Курск).

Кузьминых Александр Леонидович – к. и. н., доц. (ВИПЭ ФСИН России, г. Вологда).

Курятников Владимир Николаевич – д. и. н., проф. (СамГТУ, г. Самара).

Кюнг Павел Алексеевич – к. и. н., доц. (РГГУ, г. Москва).

Лапоногова Ирина Сергеевна – аспирант (АлтГУ, г. Барнаул).

Лымарев Александр Николаевич – к. и. н., доц. (ЧГАА, г. Челябинск).

Макарова Надежда Николаевна – к. и. н., доц. (МаГУ, г. Магнитогорск).

Макаров Алексей Николаевич – аспирант (МаГУ, г. Магнитогорск).

Матвеева Наталья Владимировна – к. и. н., преп. (СПО СО «Качканарский горно-промышленный колледж», г. Качканар).

Миненков Дмитрий Дмитриевич – к. и. н., доц. (НВИВВ МВД России, г. Новосибирск).

Михеев Д. Ю. – к. и. н., ст. преп. НВИ ВВ МВД РФ (г. Новосибирск).

Некрасов Вячеслав Лазаревич – к. и. н., доц., зав. лабораторией (СурГПУ, г. Сургут).

Никитин Леонид Витальевич – к. и. н., доц. (ЧГПУ, г. Челябинск).

Панга Елена Владимировна – к. и. н., доц. (СГТУ, г. Саратов).

Пасс Андрей Аркадьевич – д. и. н., проф., зав. каф. политических наук и связей с общественностью (ЧелГУ, г. Челябинск).

Парамонов Вячеслав Николаевич – д. и. н., проф., зав. каф. истории Отечества (СГУ, г. Самара).

Пивоваров Никита Юрьевич – стажёр-исследователь (ИИ СО РАН, г. Новосибирск).

Попов Алексей Алексеевич – к. и. н (ЧГПУ, г. Челябинск).

Потёмкина Марина Николаевна – д. и. н., проф., зав. каф. новой и новейшей истории (МаГУ, г. Магнитогорск).

Романов Роман Евгеньевич – к. и. н., мл. науч. сотрудник (ИИ СО РАН, г. Новосибирск).

Рынков Вадим Маркович – к. и. н., доц. (НГУ, г. Новосибирск), ст. науч. сотрудник (ИИ СО РАН, г. Новосибирск).

Румянцев Илья Сергеевич – преп. (ЧелГУ, г. Челябинск).

Седов Валентин Владимирович – д. э. н., проф. (ЧелГУ, г. Челябинск).

Сенявский Александр Спартакович – д. и. н., гл. науч. сотрудник (ИРИ РАН, г. Москва).

Серазетдинов Борис Уразбекович – к. и. н., доц., докторант (ИРИ РАН, г. Москва).

Славкина Мария Владимировна – к. и. н., советник президента Союза нефтегазопромышленников России, ст. науч. сотрудник (ИПНГ РАН, г. Тюмень).

Соколов Александр Станиславович – д. и. н., проф., зав каф. истории и философии (РГРТУ, г. Рязань).

Сорокин Дмитрий Алексеевич – к. э. н., доц. (ЧелГУ, г. Челябинск).

Сулейманова Рима Нугамановна – д. и. н., зав. отделом новейшей истории Башкортостана (ИИЯЛ УНЦ РАН, г. Уфа).

Сурэкикова Наталья Викторовна – к. и. н., ст. науч. сотрудник (ИИиА УрО РАН, г. Екатеринбург).

Тимиргазиева Алина Ирнисовна – к. и. н., доц. (БГПУ, г. Уфа).

Тимошенко Альбина Ивановна – к. и. н., ст. науч. сотрудник (ИИ СО РАН, г. Новосибирск).

Трофимов Андрей Владимирович – д. и. н., проф. (УрГЭУ, г. Екатеринбург).

Ушаева Светлана Николаевна – к. э. н., преп. (ЧелГУ, г. Челябинск).

Фельдман Михаил Аркадьевич – д. и. н., проф. (УрАГС, г. Екатеринбург).

Фокин Александр Александрович – к. и. н., доц. (ЧелГУ, г. Челябинск).

Чернова Нина Викторовна – к. и. н., доц. (МаГУ, г. Магнитогорск).

Чуриков Артём Владимирович – к. и. н., ст. преп. (МаГУ, г. Магнитогорск).

Шмыров Борис Даниилович – аспирант (ЧелГУ, г. Челябинск).

Шпотов Борис Михайлович – д. и. н., проф., вед. науч. сотрудник (ИВИ РАН, г. Москва).

Шрейбер Виктор Константинович – к. филос. н., доц. (ЧелГУ, г. Челябинск).

Шумкин Георгий Николаевич – к. и. н., науч. сотрудник (ИИА УрО РАН, г. Екатеринбург).

Ярош Наталия Николаевна – к. т. н., доц. (РГГУ, г. Москва).

Научное издание

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ЭКОНОМИКИ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РОССИИ XX ВЕКА
Сборник материалов II Всероссийской научной конференции

Корректорская правка Е. Ю. Панова
Компьютерная верстка А. А. Селютин

Подписано в печать 22.09.12. Формат 60x84 $^{1}/_{8}$
Усл.-печ. л. 77,0. Уч.-изд. л. 54,4.
Тираж 500 экз. Заказ 177.

Центр интеллектуальных услуг «Энциклопедия».
454084, Челябинск, проспект Победы, 160.
enciklo@rambler.ru

Отпечатано в типографии
ОГБУ «Областной центр информационного и материального обеспечения
образовательных учреждений, находящихся на территории Челябинской области»
454071, Челябинск, ул. Героев Танкограда, 40-П.
Тел.: (351) 266-90-41, 266-90-25
tiprint@mail.ru, tpgr74@yandex.ru